

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ ОТДЕЛА
ДРЕВНЕРУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXIX

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1985

Труды Отдела древнерусской литературы. — Л.: Наука, 1985. 461 с.

Очередной том «Трудов Отдела древнерусской литературы» содержит исследования и статьи о памятниках литературы и публицистики средневековой Руси, вводит в научный оборот новые тексты и новые списки сочинений древнерусских авторов. Наряду с традиционными разделами в настоящем томе открывается новый — «Исследовательские материалы для „Словаря книжников и книжности Древней Руси“», в котором публикуются статьи исследовательского характера из архива «Словаря книжников и книжности Древней Руси».

Сборник адресован всем интересующимся историей отечественной культуры.

Редакторы:

Д. М. Буланин, Д. С. Лихачев (ответственный редактор), *М. А. Салмина*

Рецензенты: *О. В. Творогов, А. Х. Горфункель*

8/11

ОТ РЕДАКЦИИ

В «Трудах Отдела древнерусской литературы» открывается новый раздел — «Исследовательские материалы для „Словаря книжников и книжности Древней Руси“». Здесь будут публиковаться статьи из архива «Словаря книжников и книжности Древней Руси», который готовится к изданию Сектором древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. Для этого раздела выбираются прежде всего те словарные статьи, которые вводят в науку новые архивные и библиографические материалы о малоизученных писателях и книжниках, об анонимных произведениях XI—XVII вв. Статьи раздела предполагается группировать по тематическому принципу, а внутри каждой темы — по алфавиту. Публикация отдельных разделов «Словаря книжников и книжности Древней Руси» до выхода справочника отдельным изданием оправдана отсутствием серьезного путеводителя по книжному репертуару средневековой Руси, а без такого путеводителя работать с источниками становится сложнее с каждым годом. Между тем в настоящее время ведется серьезная работа по описанию как крупнейших, так и малочисленных собраний славянских рукописей в библиотеках и архивах Советского Союза. Раздел «Исследовательские материалы для „Словаря книжников и книжности Древней Руси“» должен по возможности помочь этой важной работе, которая не терпит отлагательств. Таким образом, издающиеся в «Трудах Отдела древнерусской литературы» словарные материалы адресованы прежде всего ученым, непосредственно работающим с древнеславянскими литературными памятниками, — исследователям-медиевистам и сотрудникам библиотек и архивов, которые занимаются описанием рукописных сокровищ Древней Руси.

Д. М. БУЛАНИН

Из опыта работы над «Словарем книжников и книжности Древней Руси»

В процессе развития любой науки периодически возникает потребность обобщить результаты, достигнутые в отдельных конкретных исследованиях, подвести итоги определенного этапа в историографии. Итоговым трудом в изучении русской средневековой письменности должен стать и «Словарь книжников и книжности Древней Руси», над созданием которого работает Сектор древнерусской литературы Пушкинского Дома в течение последних десяти лет. «Словарь» призван разрушить ошибочное, но стойкое представление о бедности репертуара древнерусской литературы. Вместе с тем он должен стать серьезным подспорьем для всех, кто интересуется историей культуры Древней Руси. Словник «Словаря книжников и книжности Древней Руси», охватывающий имена всех русских средневековых авторов и деятелей книжной культуры, все анонимные литературные произведения XI—XVII вв., включает в настоящее время около двух тысяч названий, и эта цифра имеет тенденцию увеличиваться. Проспект издания был изложен в специальной статье, поэтому здесь не имеет смысла говорить о принципах составления «Словаря».¹ Остановлюсь лишь на трудностях работы по его созданию, ибо, и это верно для всех наук, осознание сложности той или иной проблемы есть уже первый шаг к ее решению.

* *
*

Историография, как и любая область человеческой деятельности, знает свои трагедии и комедии. История составления словарей русских писателей вообще и древнерусских писателей в особенности — по преимуществу трагическая страница отечественного литературоведения. У этой истории есть свои трагические герои. Напомню лишь об одном, самом знаменитом из них — Семене Афанасьевиче Венгерове, ибо его творческая биография поучительна для всех, кто берется за «словарное дело».²

С. А. Венгеров прославился не столько своими монографическими исследованиями (которых, впрочем, тоже немало), сколько словарными начинаниями. Это был подлинный мученик библиографии. О своем подвижническом труде С. А. Венгеров подробно рассказал в предисловии ко второму изданию «Критико-биографического словаря» — удивительном человеческом документе, своего рода «житийной» автобиографии.³ Чи-

¹ См.: Буланин Д. М., Дмитриев Л. А. Задачи и принципы издания «Словаря писателей, деятелей книжной культуры и литературных памятников Древней Руси». — РЛ, 1980, № 1, с. 109—120. Прежнее название справочника решено заменить новым: «Словарь книжников и книжности Древней Руси».

² Очерк жизни и деятельности С. А. Венгерова можно найти в кн.: Каленцева А. Г. Влюбленный в литературу. М., 1964.

³ Это предисловие разительно отличается от сухой биографической справки в кн.: Автобиография Семена Афанасьевича Венгерова. Пб., 1920.

таются там и такие слова: «Пока я жив и не утратил работоспособности, и архив „Крит.-биограф. словаря“, и издание его имеют надежную охрану. Но меня заботит время, когда этой охраны не будет. Многочисленные примеры полного распыления собраний, над организацией которых люди трудились десятки лет, но не приняли предохранительных мер против их исчезновения и распыления. В своем предисловии я вижу одну из таких предохранительных мер. Описанием того, что собрано в моем архиве, я надеюсь создать ему друзей и покровителей в том неотдаленном будущем, о котором, не могу не повторить этого, было бы крайне легкомысленно не думать человеку в 60 лет. Если такие друзья найдутся, поручаю им судьбы дела, которому придаю значение как полному учету всех русских литературно-научных сил».⁴ Чтобы понять цену этих слов, нужно знать о судьбе прежних словарных предприятий С. А. Венгерова, о которых он сам рассказал в том же предисловии.

Мысль об издании «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых»⁵ возникла у С. А. Венгерова еще в период занятий в университете (1875—1879 гг.); он планировал выпустить этот труд в десятилетний срок, уместить его в двенадцати томах и поначалу энергично принялся за дело. «Я был молод, работал, можно сказать, с упоением, и до 8 выпуска Словарь был предприятием единоличным во всех отношениях. Я один писал и составлял его, один читал 3 корректуры, один вел сношения с, увы, немногими, но все же сотнями подписчиков, и один даже относил выпуски на почту».⁶ Скоро, однако, на пути издания возникли серьезные препятствия. Увлечшись критической частью «Словаря» и печатая в нем об иных писателях целые исследования, С. А. Венгеров понял, что ему не уложиться ни в десятилетний срок, ни в двенадцати томах. Привлечение новых сотрудников мало помогло делу, ибо на организаторе по-прежнему лежала основная нагрузка. Издание столкнулось с серьезными финансовыми затруднениями: оно расходилось плохо и не покрывало даже типографских издержек. В результате «Критико-биографический словарь» постепенно терял свой первоначальный облик: с четвертого тома в нем появился второй отдел, содержащий только материалы для «Словаря», с пятого — статьи печатались «не в алфавитном порядке, а в порядке накопления их»;⁷ шестой том, на котором прекратилось издание, назывался уже не «Словарем», а «Историко-литературным сборником». В итоге по первоначальному плану «Критико-биографический словарь» вышел лишь до статьи «Богоявленский».

Вторым по времени предприятием С. А. Венгерова, дочерним по отношению к «Критико-биографическому словарю», были «Русские книги». Составитель рассматривал этот справочник как «подготовительные работы» к «Словарю» и предполагал дать в нем описание всех русских книг, выпущенных с 1708 г. Издание финансировалось известным красноярским собирателем книг Г. В. Юдиным. Однако, как писал сам С. А. Венгеров, «борьба с „равнодушием публики“ оказалась непосильной»: составление и печатание только трех томов (последний из них обрывался на имени «Вавилов»⁸) «обошлось Г. В. Юдину в 20 000 руб.,

⁴ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). 2-е изд., совершенно переработ. и иллюстр. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Пг., 1915, т. 1, с. LXIX.

⁵ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1889—1904, т. 1—6.

⁶ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых..., 2-е изд., т. 1, с. VI.

⁷ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых..., т. 5, с. V.

⁸ Русские книги. С биографическими данными об авторах и переводчиках (1708—1893) / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1897—1899, т. 1—3.

и больше он таких расходов нести не мог». ⁹ Обращение за помощью в Академию наук не принесло плодов: тогдашний министр финансов С. Ю. Витте отверг ходатайство о субсидии.

В 1896 г. С. А. Венгеров задумал третий из своих справочно-библиографических трудов, также производный от «Критико-биографического словаря», — «Источники словаря русских писателей». Издание, печатавшееся на средства Академии наук, планировалось выпустить в двух томах, однако, как и другие словарные затеи С. А. Венгерова, оно все более разрасталось, и к 1915 г. ясно было, что «Источники» займут не менее семи томов. ¹⁰ В предисловии ко второму изданию «Критико-биографического словаря» ученый еще был полон оптимизма, считая, что выпуск «Источников», «по-видимому, близится к благополучному окончанию». ¹¹ Сейчас мы знаем, что и этот труд С. А. Венгерова оборвался на четвертом томе (на статье «Некрасов»). ¹² Не удалось довести до конца и второе издание «Критико-биографического словаря» («Предварительный список русских писателей и ученых»), хотя оно продвинулось дальше других — до статьи «Павлов». ¹³ Историю венгеровских словарей должны хорошо знать все, кто принимается за составление справочников: слишком грандиозные замыслы не всегда оказываются по плечу одному, даже увлеченному своим делом человеку.

Судьба справочников С. А. Венгерова — наиболее яркая, но далеко не единственная трагедия в истории словарей русских писателей, в том числе и древнерусских. Злой рок преследовал и другие начинания. Не был доведен до конца специально посвященный литературе Древней Руси «Библиологический словарь» П. М. Строева; издатель «черновых к нему материалов» А. Ф. Бычков не мог понять «столь быстрого охлаждения к труду» П. М. Строева, считавшего «Словарь» «необыкновенно важным делом». ¹⁴ Заглохло составление «указателя имен и предметов, относящихся к древнерусской письменности» П. П. Вяземского. ¹⁵ На полстолетия растянулось, не сдвинувшись все же с буквы *P*, издание «Справочного словаря» Г. Н. Геннади. ¹⁶ «Левифан» — ненапечатанный библиографический указатель А. В. Смирнова и А. В. Скалона ¹⁷ — «безмятежно хранится в книжных усыпальницах» (пользуясь образным выражением Н. К. Никольского). ¹⁸ Не вышли в свет многие тома «Русского биографического словаря», значительная часть статей которого посвящена деятелям русской литературы начиная с древнейших времен. ¹⁹ Исключительно важная для истории древнерусской письменности работа Н. К. Никольского по созданию «повременного списка русских писате-

⁹ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых... 2-е изд., т. 1, с. XLIV.

¹⁰ Там же, с. XLVIII.

¹¹ Там же, с. XLVI.

¹² Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. СПб.; Пг., 1900—1917, т. 1—4.

¹³ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых... 2-е изд. ... Пг., 1915—1918, т. 1—2.

¹⁴ Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882, с. 6.

¹⁵ Памяти князя Павла Петровича Вяземского, почетного председателя имп. Общества любителей древней письменности. СПб., 1888, с. 3.

¹⁶ Геннади Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 г. Берлин; Москва, 1876—1908, т. 1—3.

¹⁷ См. об указателе: Масанов Ю. И. Александр Васильевич Смирнов (1854—1918). — Советская библиография, М., 1948, вып. 5, с. 110—119.

¹⁸ Цит. по: Покровская В. Ф. Картоотека академика Н. К. Никольского. — Труды Библиотеки Академии наук СССР, М.; Л., 1948, т. 1, с. 145.

¹⁹ Русский биографический словарь, т. 1—25 (тома не имеют нумерации). М.; СПб.; Пг., 1896—1918. Не вышли тома на буквы *B*, *E*, *M*, *У*; не закончены — на буквы *Г*, *Н*, *Т*.

лей и их сочинений» не пошла дальше XI в.;²⁰ одним выпуском (на буквы А и Б) ограничилось начатое тем же ученым издание «Материалов для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей».²¹ Полезная для специалистов по русской литературе XI—XVII вв. «Православная богословская энциклопедия» оборвалась на букве К.²² Не издана и «толковая библиография» древнерусской литературы, на протяжении многих лет составлявшаяся под руководством В. Н. Перетца.²³ Такова в самом кратком виде скорбная летопись словарных неудач XIX—XX вв.

В отношении словарей русских писателей нового времени положение все же не столь печальное. Об авторах XVIII—XX вв. можно получить справку в литературных энциклопедиях²⁴ и в некоторых других справочниках. Медиевисты же вынуждены довольствоваться либо устаревшими словарями Евгения Болховитинова и Филарета Гумилевского,²⁵ либо краткими и неполными указателями Л. Е. Махновца и И. У. Будовница.²⁶ Отсутствие книги, в которой можно почерпнуть краткие и точные сведения об авторах и произведениях XI—XVII вв., при увеличивающихся с каждым годом данных о репертуаре памятников древнерусской письменности становится все большим тормозом для дальнейшей работы медиевистов. Ученому приходится по крупицам собирать известия даже о хрестоматийных авторах, обращаться к старым справочникам с риском повторить имеющиеся там ошибки. И все же, как показывают многочисленные примеры, у ученого нет гарантии, что он не открыл уже открытого писателя, что он не напечатал уже напечатанное произведение. Итак, необходимость подготовки «Словаря книжников и книжности Древней Руси» диктуется самым ходом развития науки. Однако беспрецедентность подобного справочного пособия является в первой трудности, стоящей на пути его создания.

Вторая трудность обусловлена слабой изученностью эстетического своеобразия древнерусской литературы. Вместе с тем авторское самосознание в средние века, жанровая специфика произведений, особенности их поэтики — все эти вопросы эстетики приходится в той или иной мере решать при написании отдельной словарной статьи. Дело в том, что отношения писатель—редактор—писец—читатель подчинены были в средние века строгому этикету, который в значительной мере объяснялся особым местом книги в системе духовных ценностей Древней Руси. Все процессы, связанные с жизнью книги (ее «строение», т. е. все, что относится к изготовлению книги, ее чтению, книжные вклады), считались актами благочестия, ибо книга, как и икона, была неотчуждаемым иму-

²⁰ Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906.

²¹ Никольский Н. К. Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв.): Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей. СПб., б. г., вып. 1 (изд. ОЛДЦ, № 132).

²² Православная богословская энциклопедия. СПб., 1900—1911, т. 1—12.

²³ О картотеке «толковой библиографии» см.: Дробленкова Н. Ф. Сибирские материалы в картотеке В. Н. Перетца. — В кн.: Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975, с. 156—163.

²⁴ Литературная энциклопедия. М., 1930—1939, т. 1—11; Краткая литературная энциклопедия. М., 1962—1978, т. 1—9.

²⁵ Евгений (Болховитинов). 1) Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827, т. 1—2; 2) Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845, т. 1—2; Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. СПб., 1857, кн. 1; 2-е изд. Харьков, 1859; 3-е изд. СПб., 1884.

²⁶ Українські письменники, т. 1. Давня українська література (XI—XVIII ст. ст.) / Уклад Л. Е. Махновець. Київ, 1960; Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962.

ществом древнерусского человека.²⁷ Отсюда сложности, с которыми сталкивается исследователь, когда начинает систематизировать конкретные факты. Начать хотя бы с определения причастности к литературному процессу каждого из древнерусских авторов.

Решено, что имена писцов не включаются в «Словарь книжников и книжности Древней Руси».²⁸ Однако грань между писателем и писцом бывает подчас провести нелегко, поскольку понятие авторской собственности если и не отсутствовало вовсе в Древней Руси, то во всяком случае значительно отличалось от нынешнего. «В каждую эпоху развития древнерусской литературы представления об авторской собственности изменялись в зависимости от жанра произведения и от „ранга“ автора (был ли он православным отцом церкви, князем, епископом или рядовым писцом)».²⁹ Переписка того или иного произведения незаметно переходила в его переделку, в его адаптацию применительно к новым условиям. В Древней Руси существовали писцы, которым было органически чуждо простое копирование оригинала. К числу их относится, например, знаменитый кирилло-белозерский книгописец Ефросин.³⁰ Между учеными возникают серьезные разногласия относительно участия отдельного писца в истории текста. Таков спор о вкладе в летописание Лаврентия, переписчика Лаврентьевской летописи.³¹ Писцовые, вкладные и владельческие записи составлялись в Древней Руси по определенному этикету, отражая не реальное, а идеальное положение вещей, поэтому делать выводы об участии составителей этих записей в судьбе памятника следует очень осторожно. Не всегда оправданы широко распространенные в научной литературе заключения, когда за наименьшим лучшей кандидатуры переписчика считают и автором произведения. Так, например, Михаила Ивановича Усачева, переписчика одного из списков «Риторики» (1699 г.), считают и ее составителем.³² Нуждаются в тщательной проверке даже ясные указания самой записи, что в список памятника внесены изменения. Известный библиофил XVI в. вологодский архиепископ Иона Думин любил отмечать в своих пространственных вкладных записях, что его книга «писана не с единого списка, но с различных добрых переводов».³³ Обращение к тексту рукописи показывает, однако, что эта формула не всегда соответствует действительности, а является порой лишь данью этикету. Условность авторской собственности в средние века предстает иногда и в другом ракурсе: можно ли безусловно доверять надписанию древнерусских сочинений и считать автором их того, чье имя выставлено в заглавии? Славянское средневековье создало свои авторитеты, и случаи, когда произведение приписывалось, к примеру, Максиму Греку, — не столь уж редкое явление. В какой мере официальные документы, подписанные царствующими особами или высшими иерархами, могут считаться плодом их собственного творчества, а не продукцией соответствующих кан-

²⁷ См.: Панченко А. М. Переход от древней русской литературы к новой. — В кн.: Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980, с. 135—139.

²⁸ См.: Буланин Д. М., Дмитриев Л. А. Задачи и принципы издания... с. 111.

²⁹ Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. 2-е изд., переработ. и дополн. Л., 1983, с. 263.

³⁰ См.: Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, М.; Л., 1961, т. 17, с. 130—168.

³¹ См.: Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 77—98; Лурье Я. С. Лаврентьевская летопись — свод начала XIV в. — Там же, Л., 1974, т. 29, с. 50—67; Комарович В. Л. Из наблюдений над Лаврентьевской летописью. — Там же, Л., 1976, т. 30, с. 27—59.

³² См.: Бабкин Д. С. Русская риторика начала XVII в. — ТОДРЛ, М.; Л., 1951, т. 8, с. 352.

³³ Буланин Д. М. Вологодский архиепископ Иона Думин и рукописная традиция сочинений Максима Грека. — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 179.

целярий? Решение этих вопросов имеет принципиальное значение, когда, например, идет речь о литературном наследии Ивана Грозного.³⁴

Как известно, значительная часть древнерусских литературных памятников анонимна. Анонимность их объясняется не скудостью наших знаний об авторах, а эстетическими особенностями средневековой письменности. Ведь анонимность не является универсальным правилом: закономерности, по которым в одних текстах указывается полное имя автора, в других — имя писца, в третьих — эти имена передаются тайнописью, в четвертых — отсутствуют вовсе, до сих пор всерьез не изучались. Между тем без понимания этих закономерностей атрибуция древнерусского произведения становится вполне произвольной. В старой историографии широко практиковалась «приблизительная» атрибуция, когда на основании имени, выставленного в заглавии произведения, оно присваивалось одному из многих носителей этого имени. Такой «приблизительной» атрибуцией злоупотреблял Филарет Гумилевский в своем «Обзоре русской духовной литературы». Например, в конце XII—XIII вв. в Древней Руси было несколько видных иерархов, носивших имя Кирилл и имевших то или иное отношение к литературе: 1) знаменитый Кирилл Туровский; 2) Кирилл I, епископ ростовский (умер в 1230 г.); 3) Кирилл II, епископ ростовский (умер в 1262 г.); 4) Кирилл I, митрополит киевский (умер в 1233 г.); 5) Кирилл II, митрополит киевский (умер в 1280 г.). Учитывая, что русским книжникам хорошо были известны также творения знаменитых византийских писателей Кирилла Иерусалимского и Кирилла Александрийского, а также просветителя славян Константин-Кирилл Философа, легко представить себе, какая путаница создалась в научной литературе по поводу атрибуции многочисленных древнерусских текстов, надписанных столь распространенным именем.³⁵ В эту путаницу внес значительную лепту и Филарет Гумилевский, произвольно распределивший сочинения с именем Кирилла (а иногда и без имени) между перечисленными русскими иерархами.³⁶

Думается, что правильной атрибуции отдельного памятника могут помочь наблюдения над тем, как проявляется авторское начало в различные эпохи и в произведениях различных жанров.³⁷ Как отмечал Д. С. Лихачев, «различные жанры по-разному относились к проблеме авторской собственности. „Чувство авторства“ было различно в жанре проповеди и в жанре летописи, в жанре послания и в жанре повести. Первые предполагают индивидуального автора и часто надписывались именами своих авторов, а при отсутствии данных об авторе приписывались тому или иному авторитетному имени. Вторые очень редко имели имена авторов; авторской принадлежностью их читатели мало интересовались».³⁸ Деление произведений на анонимные по преимуществу и авторские определялось в значительной степени внелитературной нагрузкой, которую нес каждый из жанров средневековой письменности. К примеру, отсутствие имени летописца должно было, вероятно, убедить в его нелицеприятности, ибо «составление летописных сводов было моментом историко-юридиче-

³⁴ См.: Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси. — В кн.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979, с. 224—226.

³⁵ См.: Петухов Е. К вопросу о Кириллах-авторах в древней русской литературе. — СОРЯС, СПб., 1887, т. 42, № 3, с. 1—33.

³⁶ Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. 3-е изд., кн. 1, с. 34—37, 46—47, 56—58, 58—62. К тому же Филарет по ошибке приписал Кириллу II, епископу ростовскому, перевод Жития Нифонта Констанцкого, осуществленный по инициативе Кирилла I.

³⁷ Необходимость учитывать жанровую специфику памятника при атрибуции впервые резко подчеркнул Д. Чижевский: Čiževsky D. On the Question of Genres in Old Russian Literature. — Harvard Slavic Studies, Cambridge, Mass., 1954, vol. 2, p. 105—115.

³⁸ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., дополн. М., 1979, с. 70.

ским». ³⁹ В значительной своей части авторскими произведениями являются жития святых. Это также можно объяснить их дополнительной, внелитературной функцией — агиографу очень важно убедить читателя или слушателя в достоверности описываемого. Отсюда точные даты, конкретные географические названия; отсюда постоянные ссылки (с указанием имен) на очевидцев благочестивых подвигов святого, на свидетелей его чудес. ⁴⁰ Достоверность рассказа упрочивается надписанием имени самого агиографа: это как бы подпись протокола, гарантирующая его истинность. Памятники ораторской прозы чаще, чем произведения других жанров, приписывались древним церковным авторитетам, ⁴¹ что, по-видимому, также связано с особой сферой их употребления: они читались в церкви наряду с проповедями византийских отцов. Своеобразна даже сама форма указания на авторство в различных жанрах. Если в проповедях и поучениях имя ставилось в заглавии, ⁴² то в памятниках гимнографии имя автора часто скрыто в акrostихе. ⁴³

«Литературные жанры Древней Руси имеют очень существенные отличия от жанров нового времени: их существование в гораздо большей степени, чем в новое время, обусловлено их применением в практической жизни». ⁴⁴ По этой причине, выбирая писателей и книжников, безымянные творения XI—XVII вв., подлежащие включению в «Словарь книжников и книжности Древней Руси», не приходится быть столь разборчивым, как в отношении культуры нового времени, когда грань между литературой и письменностью вообще ощущается достаточно отчетливо. С. А. Венгеров, предлагавший отказаться от «ненаучного деления на крупных и маленьких писателей», ⁴⁵ вместе с тем хорошо понимал их неравнозначность. В XIX в., писал он, «когда параллельно увеличению числа хороших писателей народился целый полк безграмотных и полуграмотных сочинителей разного вздора, исходящего из Никольского рынка в Москве, и когда с чрезвычайным развитием периодической печати всякому сколько-нибудь грамотному человеку была дана легкая возможность напечатать где-нибудь заметку, статейку, фельетон, стихотворение, рассказ, относительно этого последнего фазиса нашей письменности, конечно, приходится быть разборчивым, потому что иначе желание отмечать

³⁹ Там же, с. 65. Ясно в этой связи, почему попытки приписать фрагменты летописи различным историческим лицам в большинстве случаев не выдерживают критики.

⁴⁰ См.: Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973, с. 7.

⁴¹ Ср.: Сухомлинов М. И. О певдонимах в древней русской словесности. — В кн.: Сухомлинов М. И. Исследования по древней русской литературе. СПб., 1908, с. 441—493 (СОПЯС, т. 85).

⁴² См., например: «В неделю цветную о сказании евагельстемь святого Кирила»; «Слово Кюрила недостойнаго мниха на святую Паску...»; «Слово Кирила недостойнаго мниха по Пасце...»; «Святого Кюрила мниха слово о съятии тела Христова с креста...» (Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, М.; Л., 1957, т. 13, с. 409, 412, 415, 419).

⁴³ См.: Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1862, ч. 3, с. 251—254. Именно благодаря акrostиху в последние годы удалось обнаружить неизвестные гимнографические произведения учеников Кирилла и Мефодия — Константина Преславского, Климента Охридского и Наума, см.: Попов Г. 1) Новооткрыта оригинална старобългарска част в текста за триода. — Български език, 1978, кн. 6, с. 497—507; 2) Из текстологическата проблематика на славянския триод: (Новооткрити творби на Константин Преславски). — В кн.: Славянска палеография и дипломатика. Доклади и съобщения от Семинара по славянска палеография и дипломатика. София, септември 1979 г. София, 1980, с. 72—86; 3) О наличии древнеболгарской гимнографической части в триоди. — В кн.: Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982, с. 122—131; 4) Новооткрити гимнографски произведения на Климент Охридски и Константин Преславски. — Български език, 1982, кн. 1, с. 3—26; Кожухаров Ст. Песенното творчество на старобългарския писател Наум Охридски. — Литературна история, 1985, кн. 12.

⁴⁴ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы, с. 62.

⁴⁵ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых... 2-е изд., т. 1, с. XV.

всякого, предавшего что-нибудь тиснению, превратит свод литературы в свод макулатуры».⁴⁶ И все же составитель «Словаря книжников и книжности Древней Руси» также должен решать, можно ли считать статейный список, летописец частного происхождения (каких появилось много во второй половине XVII в.), дневниковые записи или письмо памятниками литературы.

Взять, к примеру, письмо — жанр, который в процессе развития культуры то утрачивал, то вновь приобретал литературное значение.⁴⁷ Засорять «Словарь» именами авторов бытовых писем, количество которых нарастало с каждым веком, но которые к литературе не имеют отношения, нет резона. Решая вопрос, отнести данное письмо к истории литературы или нет, следует, как представляется, обращать внимание на наличие в нем устойчивых эпистолярных мотивов (письмо как проявление дружбы, письмо как подарок, письмо как беседа и т. д.).⁴⁸ Ведь в средние века «те или иные традиционные формулы, жанры, темы, мотивы, сюжеты служили сигналами для создания у читателя определенного настроения. Стереотип не был признаком бездарности автора, художественной слабости его произведения. Он входил в самую суть художественной системы средневековой литературы».⁴⁹ Сознательное обращение к эпистолярным мотивам, к арсеналу эпистолярных формул в какой-то мере свидетельствует об эстетических установках автора письма. Важно также учитывать эпоху, в которую появилось то или иное письмо, ибо в истории русской культуры бывали периоды, когда послание становилось едва ли не ведущим литературным жанром. Эпистолярное сочинение уже не укладывается в рамки частного документа, перерастает в открытое письмо и тем самым становится достоянием истории литературы. Один из таких периодов приходится на конец XV—XVI в., время расцвета древнерусской публицистики, которая всегда сопровождается повышенным интересом к эпистолярному жанру. Все программные памятники этого времени облечены в эпистолярную форму: послания пишут Нил Сорский и Иосиф Волоцкий; послания составляют значительную часть литературного наследия Вассиана Патрикеева и митрополита Даниила, Максима Грека и князя Андрея Курбского; посланиями исчерпываются наши сведения о творчестве Федора Карпова; в послании формулирует знаменитую теорию «Москва — третий Рим» старец Филофей; в челобитной излагает проекты реформ Иван Пересветов; наконец, именно в послании обосновывает свою политическую программу глава русского государства — царь Иван Грозный.

Древнерусский писатель конструировал свой образ по определенной модели, используя «этикетные формулы», которые, по словам Д. С. Лихачева, «нуждаются во внимательном исчерпывающем описании и „каталогизации“».⁵⁰ «Этикетные формулы» нельзя прямо проецировать на действительность, пытаясь извлечь из них биографические сведения о том или ином авторе, данные о его творчестве. Это относится, например, к так называемой «самоуничижительной формуле» (*captatio benevolentiae*), не раз вводившей в заблуждение исследователей.⁵¹ Книжник, утверждавший, что он «поселянин», в действительности мог происходить из известного рода (как, например, Нил Сорский). Между прочим, именно от этой «этикетной формулы» отрекся Иван Федоров, человек гуманисти-

⁴⁶ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. . . т. 1, с. 13.

⁴⁷ См.: Тынянов Ю. Н. Литературный факт. — В кн.: Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 265—266.

⁴⁸ См. подробнее: Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека: Незданные тексты. Л., 1984, с. 107—117.

⁴⁹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы, с. 71.

⁵⁰ Там же, с. 102.

⁵¹ См. подробнее: Буланин Д. М. Некоторые трудности изучения биографии древнерусских писателей. — РЛ, 1980, № 3, с. 137—142.

ческой культуры, в послесловии к львовскому «Апостолу», т. е. в том месте книги, где положено было продемонстрировать свое смирение. Первопечатник отверг предложение гетмана Г. А. Ходкевича заняться хлебопашеством: «Еже не удобно ми бе — ралом ниже семен сеянием время живота своего съкращати, но имам убо вместо рала — художество, на ручных дел съсуды, вместо же житных семен — духовная семена по вселенней расевати и всем по чину раздавати духовную сию пищу».⁵² Если средневековый книжник пишет, что он не учился в Афинах (довольно распространенный элемент *captatio benevolentiae*), то ошибочно заключать отсюда, что он стремился побывать в Афинах или что другие писатели Древней Руси учились там, и т. д.⁵³

Прежде чем «этикетная формула» будет приобщена к рассказу о творчестве писателя, она нуждается в исследовании с точки зрения ее функционального назначения. Следует учитывать, что в средневековой литературе этикет нередко вступал в противоречие с сюжетом повествования. Ограничусь одним примером, на который обратил внимание А. М. Панченко.⁵⁴ До «проявления» мощей святого нередко никто не знал, где покоятся его останки. Таким образом, признания агиографа в том, что ему неизвестно, где похоронен герой жития, объясняются реальной жизненной ситуацией. «И не имамы поведати до сего дни, где его преподобное тело скуташа и сокрыша», — читаем в Житии Адриана Пошехонского.⁵⁵ Однако невозможно представить себе, чтобы Дружина Осоргин, автор Жития своей матери Ульянии Осоргиной, не знал, кто лежит в ее гробе.⁵⁶ Перед нами налицо этикетный мотив, возможно, впрочем, отражающий этикетное поведение средневекового человека в самой жизни.

Двумя отмеченными трудностями создания справочника по древнерусской книжности — беспрецедентностью этого издания и своеобразием эстетики в средние века — определяется в какой-то мере и третья. В отличие от обычной энциклопедии статьям «Словаря книжников и книжности Древней Руси» в большей или меньшей степени присущ исследовательский характер. Конечно, исследовательский момент здесь отнесен к типу «словарного». «Словарь» составляется прежде всего по печатным источникам. Если не в справочной, то в другой литературе учтены все почти авторы и анонимные произведения, статьи о которых будут помещены в «Словаре». В тех случаях, когда обнаруживались новые авторы или памятники, сведения о них обычно попадали первоначально в специальные публикации. Исследовательский характер статей «Словаря» проявляется в первую очередь в систематизации фактов, которые приходится извлекать из самых различных источников, фактов, которые так или иначе связаны с биографией и литературной деятельностью каждого из писателей Древней Руси, с судьбой каждого из анонимных произведений. Однако даже хрестоматийные авторы, когда данные об их жизни и деятельности собраны в одной более или менее лаконичной статье, предстают в новом свете.

Нужно обратить внимание и еще на одну особенность подготавливаемого «Словаря». Одним из отличий исследовательского, а не популяризаторского подхода к материалу служит номенклатурная полнота. Составители «Словаря книжников и книжности Древней Руси» стремились по возможности полнее охватить древнерусское письменное наследие, обращая специальное внимание на малоизученные разделы этого наследия. Это связано с особым адресом «Словаря», который рассчитан на людей,

⁵² Апостол. Львов, 1574, л. 261.

⁵³ См.: Буланин Д. М. Классическая культура в Древней Руси и проблемы ее изучения. — В кн.: Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979, с. 38—39.

⁵⁴ См.: История русской литературы: В 4-х т. Л., 1980, т. 1, с. 308—309.

⁵⁵ ГПБ, собр. Погодина, № 861, л. 978 об.

⁵⁶ См.: Скрипиль М. О. Повесть об Ульянии Осоргиной. — ТОДРЛ, М.; Л., 1948, т. 6, с. 286.

непосредственно работающих со средневековыми памятниками, — исследователей-медиевистов и сотрудников библиотек и архивов, занимающихся описанием рукописных материалов. Действительно, при описании рукописного сборника привычная иерархия ценностей утрачивает свое значение: для работающего с рукописью значительно важнее получить исчерпывающие сведения о второстепенных авторах и памятниках, чем об общеизвестных литературных деятелях и сочинениях, о которых можно прочесть и в популярных справочниках. На этот факт обратил внимание все тот же С. А. Венгеров, писавший о своем «Предварительном списке русских писателей и ученых» следующее: «Важно установить, что справка „Списка“ имеет весьма различное значение, смотря по тому, о деятеле какого ранга идет речь. Она не имеет никакого интереса, когда сообщает то, что найдешь всюду:

„Пушкин, Александр Сергеевич, знаменитый поэт, род. 26 мая 1799 г. в Москве, в дворянской семье, ум., после дуэли, 29 янв. 1837 г. в С.-Петербурге“.

Но чем меньше ранг писателя или ученого, тем значение справок „Списка“ увеличивается, по той простой причине, что ведь очень невелико число справок, которые „всюду“ найдешь». ⁵⁷

Адресуя «Словарь книжников и книжности Древней Руси» прежде всего медиевистам-профессионалам, авторы его не стремились соблюсти иерархию в объеме статей: очерк жизни и творчества хрестоматийного писателя может быть короче, чем статья о малоизвестном книжнике.

Любой справочник отражает современное ему состояние развития науки, поэтому номенклатурная полнота «Словаря книжников и книжности Древней Руси» весьма условна. Большая часть древних рукописей остается неопианной, а поверхностные описания других только вводят в заблуждение. Остаются в силе слова Н. К. Никольского, считавшего, что нынешний уровень наших знаний о литературе Древней Руси аналогичен тому, «на каком происходила разработка истории западноевропейской и византийской литератур приблизительно в первой половине XVII в., когда для нее не был еще собран и систематизирован фактический материал, необходимый для воспроизведения ее прошлого и для синтетического его освещения. Среди русских ученых XVIII в. не было таких неутомимых собирателей, какими были на Западе Дюканж, Монфокоп, Фабриций, Cave, Oudin, Labbe, Ассемани и многие другие, без подготовительных работ которых, продолжавшихся около двух столетий, не могло бы, по отзыву академика В. Г. Васильевского, наступить развитие исторических и (добавим) историко-литературных дисциплин на Западе в течение минувшего столетия». ⁵⁸ К тому времени, когда рукописные сокровища Древней Руси будут приведены в известность, чему, хочется надеяться, поможет «Словарь книжников и книжности Древней Руси», объем сведений о русской средневековой письменности возрастет настолько, что потребует издание нового, более полного словаря.

* *
*

Несмотря на отмеченные трудности, связанные со спецификой «Словаря книжников и книжности Древней Руси», несмотря на трудности подготовки любого справочника, ⁵⁹ работа над «Словарем» постепенно при-

⁵⁷ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. ... 2-е изд., т. 1, с. XIV.

⁵⁸ [Никольский Н. К.]. Задачи и краткий очерк деятельности Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы (со времени ее возникновения до 1 января 1929 г.). Л., 1929, с. 2—3.

⁵⁹ К числу их относятся, между прочим, жанровые особенности энциклопедической статьи, фактографической и не теряющей эмоционального стиля. Не лишним будет вспомнить, что писал А. С. Пушкин в рецензии на «Словарь о святых»,

ближается к концу. Однако богатый материал, собранный в архиве «Словаря», не должен лежать «под спудом». К рукописи «Словаря» уже сейчас постоянно обращаются медиевисты, ибо здесь можно получить надежную справку о многих писателях и произведениях. Поэтому было решено открыть в «Трудах Отдела древнерусской литературы» новый раздел: «Исследовательские материалы для „Словаря книжников и книжности Древней Руси“». Здесь будут публиковаться те словарные статьи, в которых особенно отчетливо проявился исследовательский характер готовящегося к изданию «Словаря» и которые поэтому должны быть введены в научный оборот возможно скорее.

В «Словаре книжников и книжности Древней Руси» статьи будут расположены в алфавитном порядке. В ТОДРЛ удобнее группировать статьи по тематическому принципу, а внутри тем — по алфавиту: это облегчит пользование разделом. В настоящий том включены словарные статьи по четырем темам: «Летописцы и историки XI—XVII вв.», «Древнерусские летописи и хроники», «Оригинальные и переводные жития Древней Руси», «Четыре сборники Древней Руси». В ближайших томах предполагается напечатать подборки статей о русских средневековых повестях и сказаниях, о древнерусских деятелях книгопечатания и т. д. Можно думать, что раздел «Материалы для „Словаря книжников и книжности Древней Руси“» будет иметь смысл сохранить и тогда, когда сам «Словарь» выйдет отдельным изданием. Ведь каждый год приносит имена новых писателей, новые литературные памятники XI—XVII вв. Не все они удостоиваются специального исследования, но словарная статья о новонайденном произведении или авторе имеет большое значение. Краткие сведения о них, оформленные по определенным правилам и напечатанные в разделе «Материалы для „Словаря книжников и книжности Древней Руси“», смогут быть легко учтены при позднейших переизданиях, переработках «Словаря», а наиболее значительные из обнаруженных писателей попадут и в литературные энциклопедии.⁶⁰ Новый раздел ТОДРЛ может стать базой для подготовки и других словарей по древнерусской культуре: словаря писцов, словаря жанров, словаря метафор и символов.⁶¹

Первая тематическая подборка словарного раздела — «Летописцы и историки XI—XVII вв.» — включает статьи по основной теме словарных публикаций этого и следующих томов ТОДРЛ: «Малоизученные писатели и книжники Древней Руси». Статьи, посвященные авторам различных эпох, различных литературных направлений, сближает то, что все они содержат какие-то новые сведения об этих авторах. Некоторые из публикуемых статей представляют собой первую в науке сводку фактов о писателе или книжнике; в других статьях утвердившиеся в науке мнения корректируются благодаря обращению к рукописным материалам; в третьих — исправляются ошибки прежних справочников, смешивавших одноименных авторов; наконец, иные статьи представляют интерес полнотой библиографических данных.⁶²

изданный в 1836 г.: «Слог издателей должен будет служить образцом для всех ученых словарей. Он прост, полон и краток. Нам случилось в „Энциклопедическом Лексиконе“ (впрочем, книге необходимой и имеющей столь великое достоинство) найти в описании какого-то сражения уподобление одного из корпусов кораблю или птице, не помним наверно чему: таковые риторические фигуры в каком-нибудь ином сочинении могут быть дурны или хороши, смотря по таланту писателя; но в словаре они во всяком случае нестерпимы» (Пушкин и А. С. Полн. собр. соч. Изд-во АН СССР, 1949, т. 12, с. 102).

⁶⁰ Публикация словаря на страницах журнала имеет уже прецеденты. Так, например, «Материалы для „Словаря литературных жанров“» печатаются на протяжении многих лет в журнале «Zagadnienia rodzajów literackich», начиная с первого тома (Łódź, 1958, t. 1).

⁶¹ Ср.: Буланин Д. М., Дмитриев Л. А. Задачи и принципы издания... с. 114—115.

⁶² В архиве «Словаря книжников и книжности Древней Руси» собралось значительное количество статей, посвященных писцам XI—XVII вв., которые, как было

Сказанное о словарных статьях по первой теме в полной мере относится и к статьям по трем другим темам — «Древнерусские летописи и хроники», «Оригинальные и переводные жития Древней Руси» и «Четыре сборники Древней Руси». Следует только добавить несколько слов о значении самих этих тем. Предложенный А. А. Шахматовым метод, заключающийся в сравнении текста реально дошедших летописей и последующем восстановлении утраченных сводов, произвел настоящую революцию в изучении древнерусского летописания. Трудом самого А. А. Шахматова и его последователей была создана подлинно научная история летописного дела в Древней Руси, которая нашла отражение и в отдельных статьях, и в нескольких монографических исследованиях.⁶³ Однако последовательное изложение развития древнерусского летописания с момента его зарождения и до исчезновения летописи как жанра, учитывающее новейшие достижения в этой области, у нас отсутствует. Приходится констатировать, что шахматовская статья для «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза—Ефрона⁶⁴ и приложение к книге Д. С. Лихачева⁶⁵ — единственные пособия, в которых можно получить справку об отдельной летописи. Что касается переводных хроник, памятников древнерусской хронографии, то здесь справочная литература и вообще отсутствует. Положение это тем более ненормально, что в изучении русских хронографов в последнее время достигнуты серьезные успехи.⁶⁶ Публикация словарных статей по теме «Древнерусские летописи и хроники» — один из способов закрепить результаты многолетней текстологической работы нескольких поколений ученых над историей русского летописания и хронографии XI—XVII вв.

Можно с уверенностью сказать, что из всех жанров русской средневековой литературы жития святых (и смежные жанры — «мучения», «деяния» и т. д.) — наименее изученный. Большая часть агиографических памятников Древней Руси до сих пор остается неопубликованной; о скольконбудь серьезном изучении истории текста или особенностей поэтики за малым исключением говорить не приходится. Для многих житийных текстов и по сию пору последним словом в науке остается знаменитая книга В. О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» (1871). Систематизация материала в публикуемых словарных статьях поможет обнаружить наиболее существенные лакуны в изучении древнерусской агиографии и тем самым привлечь к ней внимание исследователей.

Хорошо известно, что большая часть памятников литературы Древней Руси дошла в составе сборников. Наряду со сборниками смешанного содержания (их иногда называют «энциклопедическими»), подбор статей в которых обычно определялся желанием писца или заказчика, в средневековой письменности были в ходу различные сборники устойчивого со-

сказано, не войдут в отдельное издание «Словаря». Учитывая, однако, во-первых, необходимость подготовки в будущем словаря древнерусских писцов и, во-вторых, отмеченную зыбкость границы между переписчиком и автором в Древней Руси, решено постепенно публиковать имеющиеся статьи о писцах в разделе «Исследовательские материалы для „Словаря книжников и книжности Древней Руси“».

⁶³ Назову лишь основные монографии: Шахматов А. А. 1) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; 2) Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940; Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980.

⁶⁴ Новый энциклопедический словарь. Пг., б. г., т. 25, стб. 146—166. Статья перепечатана в кн.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 361—372.

⁶⁵ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 427—479.

⁶⁶ См.: Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.

става с более строгой структурой. В большинстве своем это сборники уставных чтений, «возникшие или по крайней мере развившиеся и распространившиеся в силу их богослужебного учительного употребления, чтения в положенное Церковным уставом время и по определенному Ц. Уставом порядку».⁶⁷ Сборники уставных чтений, организованные по календарному (чаще всего) или тематическому принципу («Паренесис» Ефрема Сирина, «Лествица» Иоанна Синайского и др.), составляют, после богослужебных книг, основную массу книжной продукции Древней Руси. «В общем итоге пергаменных книг, сохранившихся от четырех первых русских столетий, около 67 % приходится на долю богослужебных рукописей, 29 % на долю четких церковных (т. е. сборников уставных чтений, — Д. Б.) и только 3 % на долю келейных, не соборных».⁶⁸ В четвертую тематическую подборку словарного раздела входят статьи, посвященные как раз сборникам уставных чтений (статьям предпослана заметка Т. В. Черторицкой «Уставные чтения», написанная специально для ТОДРЛ). Сборники эти остаются малоизученной областью древнерусской литературы. Роль их в истории русской культуры не исчерпывается тем, что в средневековых книгохранилищах они количественно преобладали над другими книгами и, следовательно, имеют первостепенное значение для реконструкции библиотек Древней Руси, и даже тем, что в составе сборников уставных чтений дошли многие памятники оригинальной русской литературы — сочинения Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского и др. Будучи наиболее распространенными и читаемыми книгами в Древней Руси, сборники уставных чтений оказали огромное, до конца еще не выясненное влияние на всю древнерусскую литературу, черпавшую из них и мысли, и примеры, и образы. Не случайно самое грандиозное книжное предприятие XI—XVII вв. — Великие Минеи Четии — было ориентировано именно на сборники уставных чтений. Художественное совершенство произведений Древней Руси объясняется во многом влиянием византийских образцов, которые у нас были известны прежде всего в составе сборников уставных чтений и которые делали излишними теоретические трактаты по поэтике и риторике. По справедливому замечанию Н. К. Никольского, «в истории церковного устава и назначенных им чтений следует искать разгадку и основного направления древнерусской духовной литературы, и последовательности в ее развитии, и частных интересов ее, и стилистических вкусов писателей, живших до половины XVII века включительно».⁶⁹

Самые опасные в науке ошибки — это ошибки словарей, которые должны верой и правдой служить исследователям на протяжении многих лет. Ведь словари устаревают гораздо медленнее, чем ученые труды, написанные в других жанрах. Сто лет уже пользуются и еще долго не смогут обойтись ученые без «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского. Стремясь, чтобы в отдельном издании «Словаря» не было упущений и ошибок, авторы его будут признательны всем, кто укажет на недочеты и пропуски в статьях, печатающихся в разделе «Исследовательские материалы для „Словаря книжников и книжности Древней Руси“». Не с такой ли просьбой обращался к своим читателям еще Н. И. Новиков, автор «Опыта исторического словаря о российских писателях» — далекого предшественника «Словаря книжников и книжности Древней Руси»: «Всякий любитель словесных наук, имеющий сведение о ком-либо из наших писателей, в сию книгу не внесенных, или в поправление изданного, написав, может сообщить в письме к сочинителю сей книги, которое принято будет с благодарностию и со удовольствием

⁶⁷ Виноградов В. П. Уставные чтения. Сергиев Посад, 1915, вып. 3, с. 6.

⁶⁸ Никольский Н. К. Исторические особенности в постановке церковно-учительного дела в Московской Руси (XV—XVII вв.) и их значение для современной гомилетики. — Христианское чтение, 1901, ч. 1, с. 227.

⁶⁹ Там же, с. 226.

поместится в продолжение сего „Словаря“. Я не исключаю из сего и критик, на благоразумии и справедливости основанных: они тем приятнее для меня будут, чем более способствовать станут к приведению в совершенство сея книги». ⁷⁰

* *
*

При пользовании разделом «Исследовательские материалы для „Словаря книжников и книжности Древней Руси“» необходимо учитывать принципы расположения статей внутри этого раздела и особенности оформления каждой словарной заметки.

Словарные статьи печатаются в ТОДРЛ по темам, а внутри каждой темы — в алфавитном порядке. Так, в настоящем томе в алфавитном порядке следуют: личные имена — в статьях по первой теме («Летописцы и историки XI—XVII вв.»), жанровые обозначения памятников («летописец», затем «летопись», затем «хроника» и т. д.) — в статьях по второй теме («Древнерусские летописи и хроники»), имена святых, которым посвящены агиографические сочинения (с инверсией жанрового обозначения — «житие», «мучение», «деяния») — в статьях по третьей теме («Оригинальные и переводные жития Древней Руси»), наконец, названия сборников — в статьях по четвертой теме («Четыре сборники Древней Руси»). Алфавитный принцип расположения распространяется не только на первое, но и на последующие слова, вынесенные в заглавие словарной статьи. Так, в статьях, посвященных летописям, алфавитный порядок распространяется на заглавия летописей («летопись Лаврентьевская», затем «летопись Радзивилловская», затем «летопись Троицкая» и т. д.).

Пристатейная библиография делится на два раздела, имеющих самостоятельные заголовки. Первый раздел — сочинения («Соч.»), если статья об авторе, или издания («Изд.»), если статья о памятнике; второй раздел — литература («Лит.»). Включенные в библиографию работы перечисляются в хронологическом порядке (если ученому принадлежит несколько работ, то все они помещаются под датой издания первой работы). Как в пристатейной библиографии, так и в тексте статей названия наиболее употребительных изданий приводятся сокращенно (перечень сокращений, дополняющий традиционно издающийся в ТОДРЛ список, приложен к словарному разделу настоящего тома). В тексте статей также сокращенно приводятся названия тех работ, которые имеются в пристатейной библиографии.

Поскольку публикацию архива «Словаря книжников и книжности Древней Руси» предполагается продолжить в ближайших томах ТОДРЛ, перекрестные отсылки (они выделены в тексте курсивом) даются не только на статьи, напечатанные в настоящем томе, но и на все другие, которые вошли в словник готовящегося к изданию «Словаря».

⁷⁰ Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков. СПб., 1772, предисловие, с. 4 (без пагинации).

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ «СЛОВАРЯ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ»

Летописцы и историки XI—XVII вв.

Авраамка (конец XV в.) — западнорусский книжник, составивший или переписавший в 1495 г. в Смоленске летописный сборник, именуемый в научной литературе Летописью А. Смоленск входил в этот период (до 1514 г.) в состав Литовского государства, и А. упоминает в приписке к своему сборнику литовского великого князя Александра и смоленского епископа Иосифа, повелевшего ему составить летопись. Сборник А. начинается особой хронографической компиляцией; далее следует краткий новгородский летописец, основанный на летописи Новгородской IV и сходный с летописцем, который содержится в летописце Рогожском; известия его дополнены по летописи, близкой к летописному своду Сокаращенному. Текст Летописи А. с начала XIV в. до 1469 г. представляет собой новгородскую летопись, близкую к летописи Новгородской V. После этого в Летописи А. (Виленский список) помещены отрывок из Новгородской IV летописи за 945—988 гг., родословные, юридические и хронологические статьи, уже упомянутая приписка А. о составлении им в 1495 г. данного сборника и, наконец, текст летописи Белорусской I (Западнорусской).

Кроме Виленского списка — единственной рукописи, содержащей приписку А. (ныне находящейся в Библиотеке АН Литовской ССР), — текст, близкий к Летописи А. (но без приписки), содержится в сборнике ГИМ, Синодальной собр., № 154 (конец XVI в.), но после текста Новгородской V летописи здесь следует летопись Псковская II; начальная часть Летописи А. (до середины рассказа о нашествии Тохтамыша в 1382 г.) содержится также в Толстовском и Супрасльском списках.

Соч.: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. СПб., 1889 (ПСРЛ, т. 16); Западнорусские летописи. СПб., 1907, стб. 191—204 (ПСРЛ, т. 17).

Лит.: Бугославский Г. О смолянина Авраамке и его летописи конца XV в., а также несколько слов о смоленском епископе Иосифе Болгариниче. Смоленск, 1900 (отд. отт. из «Смоленских епархиальных ведомостей» за 1900 г., № 5); Шахматов. Обзорение, с. 231—255; Лихачев. Русские летописи, с. 465—467; Центральная библиотека АН Литовской ССР. Lietuvos TSR Mosklu Akademijos Centreine Bibliotheka / Сост. А. Ивашкевичус. Вильнюс, 1959, с. 65, 75; Лурье. Общерусские летописи, с. 87—91.

Я. С. Лурье

Адашев Алексей Федорович (1530-е—начало 1561) — государственный деятель, наряду с *Сильвестром* главный руководитель так называемой «избранной рады», организатор официального летописания. А. происходил из среды богатого придворного дворянства. Род А. имел большую вотчину в Костроме; богатство этого рода выросло на торговле солью. А. появляется при дворе *Ивана IV* в начале 1540-х гг. после возвращения из Константинополя, где он находился вместе с посольством со своим отцом Ф. Г. Адашевым. Начало политической карьеры А. датируется 1547 г. Внешним выражением возвышения А. является его быстрое продвижение по лестнице чинов. По данным Разрядной книги, в 1547 г. А. — рында (*Иван IV* назвал его позднее «батожином»), в 1550 г. —

казначей, в 1553 г. — стряпчий и думный дворянин. А. принимает активное участие в политической жизни страны. Начиная с 1547 г. он участник почти всех военных походов Ивана IV; А. присутствует на важнейших придворных церемониях; с марта 1553 г. А. входит в «ближнюю думу» Ивана IV. По словам А. М. Курбского, без совета А. и его сторонников царь не мог «ничего же устроить или мыслить». Охлаждение Ивана IV к его фавориту наступило в конце 1550-х гг., хотя считать А. активным противником Ливонской войны и в этом видеть причину опалы нет достаточных оснований. В мае 1560 г. А. был отправлен в Ливонию. После смерти царицы Анастасии царь велел оставить во взятом городе Феллине А. и его брата Даниила. По свидетельству А. М. Курбского, противники А. обвинили его в отравлении царицы. Тогда А. был сослан в Дерпт. В сентябре—октябре 1560 г. вотчины А., а также его брата Даниила были отписаны в царскую казну. Вскоре А. умер в Дерпте от «огненного недуга»; только это спасло его от насильственной смерти. Позднее все родственники А. были казнены Иваном IV.

А. был главным проводником политики, которую С. В. Бахрушин и А. А. Зимин рассматривали как политику компромисса между основными группами феодалов. Он принимал участие в важнейших мероприятиях «избранной рады» (полонизированное название правительственного кружка, употребленное А. М. Курбским, вариант «ближней думы»), способствовавших укреплению централизованного государства. С деятельностью «избранной рады» связаны судебные, военные и другие реформы конца 40-х—50-х гг. XVI в. Документально засвидетельствовано участие А. в составлении приговора об оформлении отпускных (входит в число дополнительных статей Судебника 1550 г. — грань 12, глава 160) и приговора царя «з бояры о разбойном деле» 18 января 1555 г. А. несомненно вел работу по созданию Государева родословца 1555 г., который оканчивался главой «Род Адашев». А., возможно, участвовал также в составлении официального свода разрядных записей — «Государева разряда» 1556 г. и Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. Большой интерес представляет «Приговор царской о кормлениях и службах» (1555/56 г.), помещенный в *летописях Никоновской* (список Оболенского) и *Львовской*. По мнению А. А. Зимина, «Приговор» является не законом об отмене кормлений, а памятником политической публицистики — публицистическим обобщением многочисленных практических мероприятий в этой области; составителем «Приговора», возможно, был А.

А. был несомненно очень образованным человеком. После смерти И. П. Головина, женатого на Анне, дочери А., осталось много латинских и немецких книг; С. О. Шмидт предполагает, что это остатки библиотеки А. Имеются данные о причастности А. к официальному летописанию. В ящике № 223 царского архива хранился «обыск князя Ондreja Петровича Телятевского в Юрьеве Ливонском про Олексееву смерть Адашева, и списки черные, писал память, что писати в летописец лет новых, которые у Олексеев взяты». В ящике № 224 находились «списки, что писать в летописец, лета новые прибраны от лета 7068-го». Таким образом, летопись, которая хранилась у А. («списки»), доходила до 7068 г. (1559/60 г.) и являлась продолжением *Летописца начала царства*. А. А. Зимин высказал весьма убедительное предположение, что с именем А. следует связывать составление самого Летописца начала царства; предположение это подтверждается остроумными соображениями Б. М. Клосса, доказывающего, что правка Летописца в списке Оболенского Никоновской летописи произведена рукой А.

Деятельность А. оставила яркий след в истории русской общественной мысли. Если Иван IV в послании А. М. Курбскому подвергает критике деятельность А. и заявляет о своей непричастности к мероприятиям «избранной рады» («словом яз был государь, а делом ничего не владел»), то в других источниках читается восторженная характеристика А. По

словам А. М. Курбского, А. «в некоторых нравах» был подобен ангелам. По словам летописца Пискаревского, когда А. «был во времени, и втепоры Руская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе».

Лит.: Лихачев Н. П. 1) Происхождение А. Ф. Адашева, любимца Ивана Грозного. — ИВ, СПб., 1890, т. 40, с. 378—392; 2) «Государев родословец» и род Адашевых. СПб., 1897; Шмидт С. О. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева. — Учен. зап. МГУ, 1954, вып. 167, с. 25—53; Бахрушин С. В. «Избранная рада» Ивана Грозного. — В кн.: Бахрушин С. В. Избр. труды. М., 1954, т. 2, с. 329—352; Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958, с. 212—234; Зимин А. А. 1) И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 29—41; 2) «Приговор» 1555/56 г. и ликвидация системы кормлений в Русском государстве. — История СССР, 1958, № 1, с. 178—182; Корецкий В. И. О земельных владениях Адашевых в XVI в. — ИА, 1961, № 5, с. 119—132; Андреев Н. Е. Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного. — ТОДРЛ, М.; Л., 1962, т. 18, с. 117—148 (то же: Andreyev N. Studies in Muscovy. London, Variorum Reprints, 1970, № XI); Клосс. Никоновский свод, с. 197—198; Курукин И. В. К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Адашева и Сильвестра. — В кн.: Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981, с. 29—48.

Д. М. Буланин

Афанасий (в миру Андрей) (начало XVI в.—между 1568—1575) — митрополит, автор *Жития Даниила Переяславского и Степенной книги*. Родом из Переяславля Залесского, ученик Даниила Переяславского, около 1530 г. — священник соборной церкви Переяславля. В 1549—1550 гг. переведен в Москву, стал царским духовником и протопопом придворного Благовещенского собора. В качестве царского духовника не раз упоминается в официальных летописях времен *Ивана Грозного*: в 1552 г. он благословил царя на поход к Казани и сам участвовал в этом походе, беседовал с царем накануне штурма, причащал его в день штурма, закладывал в Казани первую православную церковь Благовещения; в 1554 г. крестил царевича *Ивана Ивановича*, в 1556 г. — царевну Евдокию, в 1561 г. оглашал к крещению Марию Темрюковну (ПСРЛ, т. 29, с. 96, 105, 107, 109—110, 191, 201—205, 228, 244, 291). В 1555 г. А. участвует в посвящении первого казанского епископа Гурия. В 1562 г. А. был пострижен в Чудовском монастыре.

А. принадлежал к литературному кружку митрополита *Макария* и участвовал в его обширных предприятиях. Он, вероятно, был близок Макарию и правительству «избранной рады». В 1553 г. А. вместе с *А. Ф. Адашевым*, *А. М. Курбским* и Мстиславским передал царю послание *Максима Грека*. В 1555—1556 гг. Макарий взял А. в помощники себе для поновления образа *Николая Великоречецкого* (ПСРЛ, т. 7, с. 238—239; т. 29, с. 237, 249). По поручению царя А. навещал Макария во время его предсмертной болезни и передал царю письменную просьбу Макария об удалении в молчальное житие, что было отклонено царем. А. распорядился организацией похорон Макария и стал его преемником на митрополичьей кафедре. 24 февраля 1564 г. А. избран, а 5 марта того же года поставлен русским митрополитом.

При отъезде из Москвы накануне введения опричнины Иван IV не взял его с собою; именно А. адресовано известное послание царя в Москву от 3 января 1565 г. с изложением причин, заставивших его отказаться от престола. Посольства от имени москвичей в Александрову слободу, принявшие условия введения опричнины, отправлялись официально по поручению митрополита. Однако сам А. опричного террора не одобрял: вопреки воле царя он обращался к нему с ходатайствами за опальных и даже смог «отпечаловать» у него боярина И. П. Яковлева и князя М. И. Воробынского (подпись и печать А. имеются на их крестоцеловальных записях царю, см.: ЦГАДА, древлехранилище, ф. 135, отд. III, рубр. II, № 30, 35). Шлихтинг сообщает, что А. пытался удерживать царя от кровопролития. Возможен и конфликт между А. и царем в связи с отменой в июне 1564 г. податных привилегий митрополичьего дома.

19 мая 1566 г. «Афанасий митрополит всеа Русии, оставя митрополию за немощию велию, шшел с митрополича двора в монастырь к Михайлову Чюду» (ПСРЛ, т. 29, с. 350). За этой официальной формулировкой угадывается начавшееся столкновение Ивана IV с руководством церкви. Относительно спокойный период их взаимоотношений при предшественнике А. был позади. В дальнейшем их трагическое столкновение закончилось гибелью преемника А. — митрополита *Филиппа*. А. еще смог сохранить жизнь, покинув свой пост. В июле 1566 г. он даже выполняет по приказанию царя ответственную иконописную работу — поновляет икону Владимирской Богоматери (там же, с. 355). Это последнее летописное известие об А. Возможно его участие в создании миниатюр *летописного свода Лицевого*.

А. написал Житие Даниила Переяславского и его сокращенную переработку для Степенной книги — «Сказание вкратце о преподобном старце Даниле Переяславском». Оба сочинения написаны, по-видимому, в 1562—1563 гг. Текст Жития издан не был, сохранился в списках: ГИМ, Синодальное собр., № 926 (XVI в.); ГБЛ, собр. Ундольского, № 301 (1663 г.). Текст Сказания дошел в списках Степенной книги и был издан в ее составе Г. Ф. Миллером в 1775 г. и П. Г. Васенко в 1913 г. Все исследователи отмечали близость биографа к Даниилу, простоту изложения и сравнительно небольшое влияние на это сочинение обязательных агиографических форм (в Сказании это влияние чувствуется еще меньше, чем в Житии). Рассказ А. изобилует бытовыми деталями, подлинными именами. В начале памятника указывается, что автор принялся за свой труд после неоднократных повелений Ивана IV и митрополита Макария. Имя автора в тексте не названо, но оно вполне однозначно выясняется из сообщаемых им о себе сведений, поэтому сделанная П. Г. Васенко атрибуция не вызывает сомнений. Степенная книга, включив в свою 16-ю грань целиком Сказание, в 17-й грани, в рассказе о Казанском походе, использует и Житие, что приводит к значительным повторениям.

П. Г. Васенко убедительно доказывает, что перу А. принадлежит также один из самых знаменитых литературно-исторических памятников XVI в. — Степенная книга («Книга степенна царского родословия, иже в Рустей земли в благочестии просиявших богоутвержденных скипетродержателей, иже бяху от бога, яко райская древеса насаждени при исходящих вод, и правоверием напаяеми, богоразумием же и благодатию возрастаеми, и божественною славою осияеаеми явишася, яко сад доброраслен и красен листвием и благоцветущ; многоплоден же и зрел и благоухания исполнен, велик же и высокъверх и многочадным рождем, яко светлзрачными ветми разширяем, богоугодными добродетельми преспеваем; и мнози от корени и от ветвей многообразными подвиги, яко златыми степенми на небо восходную лествицу непоколеблемо водрузиша, по ней же невозбранен к богу восход утвердиша себе же и сущим по них»). Степенная книга доводит последовательное изложение русской истории до конца 7068 г. (август 1560 г.), однако в ее тексте есть упоминания о двух событиях, датируемых летом 1562 г. и февралем 1563 г. По многочисленным реалиям можно отнести начало создания протографа Степенной книги к 1560 г., конец — ко времени от марта до декабря 1563 г.

Хотя автор (составитель) Степенной книги подчеркнуто не называет своего имени, есть ряд серьезных свидетельств в пользу авторства А. Так, в 21-й главе 15-й грани («О явлении на воздухе святого великаго князя Александра Невского и о пожаре») автор сообщает, что во время Казанского похода он получил чудесное исцеление от гроба Александра Невского; в передающем тот же текст Шумиловском томе Лицевого свода имя указано — «Афанасий сиггел Благовещенский» (ПСРЛ, т. 12, с. 230). Степенная книга неоднократно упоминает о различных событиях, участником или свидетелем которых был А., каждый раз отмечая его присут-

ствие иносказательно; пропуск имени А. в этих текстах П. Г. Васенко считает традиционным проявлением авторской скромности, анонимности. Влияние А. видится и в непропорционально большом внимании, уделенном в Степенной книге его учителю Даниилу Переяславскому. Наконец, древнейший и наиболее авторитетный Чудовский список имеет на л. 3—8 запись скорописью XVI в.: «Книга Чюдова монастыря, собрана смиренным Афанасием митрополитом всеа Русии».

При создании Степенной книги привлекался значительный круг источников, в первую очередь летописных и агиографических, включая жития, похвальные слова святым, сказания о чудесах от икон. Главный летописный источник — *Никоновская летопись* и ее продолжения, в том числе *Летописец начала царства*, использованные, как определил Б. М. Клосс, по Патриаршему списку 50-х гг. XVI в. (БАН, 32.14.8). Все источники А. подвергал умелому сокращению и редактированию, что привело к созданию «степенных» редакций ряда известных памятников и к определенному стилистическому единству Степенной книги. При этом некоторые агиографические произведения (Житие Ольги) впервые включались в летописный контекст. Возможно, что памятники, содержащие краткие описания правлений русских князей, собранные по «степеням», «граням» в соответствии с их генеалогией, существовали и до А. Хотя высказывавшиеся ранее аргументы в пользу существования «киприановской» Степенной книги не выдерживают критики, не исключено, что у А. в его огромном предприятии, замысел которого во многом принадлежит Макарию, были предшественники иного масштаба. Так, например, возникновение замысла Степенной книги находится в определенной связи с генеалогическими выкладками *Сказания о князьях Владимирских* и с русскими главами Хронографа (см.: *Хронограф Русский*). Однако общая схема Степенной книги, определившая ее лицо, является уникальной.

Последовательное изложение наиболее важных, с точки зрения автора, событий русской истории разбито на 17 степеней (граней). Членение исторического материала на степени для времени начала возвышения Москвы подчеркнуто делается не по великим княжениям, а по княжениям московским. Разделение на степени зачастую условно, не следует точно за княжениями. Так, для всех правлений 1054—1113 гг. отведена одна степень (третья), причем главным лицом в ней сделан не старший Ярославич, а князь Всеволод, от которого идет линия владимирских князей. Вся история страны складывается, таким образом, из этих степеней, которые в соответствии с традиционным церковным образом изображаются как ступени лестницы, ведущей к богу: русская история становится генеалогически единой цепью деяний святых московских государей и их предков, «богоутвержденных скипетродержателей». В центре каждой степени — биография государя, сопровождаемая сочинениями о митрополитах и святых, живших в то время. Многие княжеские биографии значительно приближены к житиям святых, даже если эти князья не были канонизированы; для князей-святых в основу изложения берется не столько летописный, сколько агиографический материал. В то же время все житийные памятники интенсивно насыщаются риторическими и историческими мотивами, отражающими идеологию московского самодержавия. Начиная с первого жития — Ольги в агиографические тексты неизменно включаются торжественные призывы к святым о покровительстве московскому правящему дому, царю Ивану IV, его семейству, его державе. Слово «самодержавство» и его производные — самые употребительные в лексике Степенной книги. Главными задачами вместе с тем провозглашаются забота об укреплении церкви, умножении ее богатств, почитании ее святых, защита благочестия в стране, борьба с неверными. Эта церковная интерпретация сути московского самодержавия, соответствующая политической линии митрополита Макария, была дана в Степенной книге накануне острого столкновения между царем и руководст-

вом церкви в годы опричнины. Чудовская редакция памятника создавалась в разгар этого столкновения, в годы правления митрополита Филиппа, погибшего от рук опричников. И позднее ни Иван IV, ни его преемники не отказываются от широкого использования политических концепций Степенной книги, далеких от исторической реальности, но крайне выгодных для царской власти. Памятник постоянно переписывается, несомненно влияя на текст, его идей на историческую литературу — от Лицевого свода Ивана IV до трудов дворянских историков XVIII в., а через посредство М. М. Щербатова даже на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина. При этом в связи с изменениями взаимоотношений между государством и церковью в XVII в. трансформируется восприятие основного тезиса Степенной книги: государь-святой все больше понимается не просто как покровитель, а как глава церкви.

В исследованиях о Степенной книге упоминаются 74 ее списка (не считая Хрущевской и Латухинской редакций), но несомненно, что число это далеко не полное. Текст памятника отличается устойчивостью, хотя со временем накопилось немало писцовых ошибок. Однако наблюдаются значительные варианты в составе четырех «вводных статей», сопровождающих в ряде рукописей Степенную книгу. Имеются также списки, не содержащие значительных фрагментов памятника. В двух таких случаях (окончание 17-й грани и окончание *Жития митрополита Петра* в 10-й грани) речь безусловно идет о механических дефектах, закрепившихся в части рукописной традиции. Третий случай относится к Сказанию о посмертных чудесах митрополита Алексия (см. *Житие митрополита Алексия*): в XI грани перед Словом о перенесении мощей Алексия говорится, что следом будет помещено Сказание, найденное в 1556 г. Однако Сказание отсутствует во всех ранних списках Степенной книги (XVI—начала XVII в.) и во многих более поздних списках. Попытку П. Г. Васенко считать списки, содержащие Сказание о посмертных чудесах Алексия, первой редакцией («видом») Степенной книги и построить всю дальнейшую историю текста как его движение от самого полного к наименее полному нельзя признать удачной. Списки XVII в., содержащие Сказание, в своих разночтениях в основном отражают более поздние этапы истории текста и изобилуют ошибками; один из этих списков (ГБЛ, собр. Пискарева, № 612/177) был избран в качестве основного при публикации памятника в ПСРЛ.

Древнейшие известные списки Степенной книги, Томский и Чудовский (собр. Томского краеведческого музея, № 91 и ГИМ, Чудовское собр., № 56/358), были созданы в Чудовском скриптории в 1566—1568 гг., при митрополите Филиппе. Списки, вероятно, писались параллельно, одними и теми же писцами, в нескольких случаях текст Чудовского списка вторичен по отношению к Томскому. При написании обоих текстов заметна остановка перед переходом к грани 17-й, повествующей о царствовании Ивана IV, — здесь происходит смена почерков (а в Чудовском списке и бумаги): 17-я грань и ее оглавление в начале рукописи написаны в обоих списках одним и тем же новым почерком. Совпадают и почерки редакционной правки обеих рукописей. Оба списка редактировались вместе при их создании, затем Чудовский список получил несколько дополнительных изменений. Главное из них — двухлинейная вставка похвального слова князю Владимиру в конце его *Жития*. Томский и Чудовский списки представляют второй этап истории текста памятника и восходят к одному протографу 1560—1563 гг. Из редакционной правки на этом этапе следует отметить значительное расширение генеалогических сведений о княжеских домах русских княжеств — Ярославского, Тверского, Рязанского и др. Эти дополнения стоят в связи с тенденцией русского летописания и кремлевской живописи XVI в. (фрески Архангельского собора) включить в «единую семью» русских князей правителей княжеств, когда-то боровшихся с Москвой. На этом же этапе в рассказ

о святом князе Довмонте (см.: *Повесть о Довмонте*) умело вносится примечание с родословием литовских князей. В оглавлении Томского и Чудовского списков первоначально отсутствовало Сказание о Данииле Переяславском, хотя само Сказание в текст 16-й грани в обоих списках включено (в Томском списке — уже после графической концовки грани). Возможно, Сказание вошло в текст памятника лишь на этом этапе его истории. Не исключено, что А. мог участвовать в создании не только протографа, но и этих двух списков Степенной книги. В 1594 г. с Чудовского списка была снята копия для *Ионы Думина*, причем между 8-й и 9-й гранями была вставлена думинская редакция *Жития Александра Невского*. Вся редакционная правка Чудовского списка вошла в текст этой копии (ЦГАДА, ф. 381, № 346). Близким к Думинскому является составленный в конце XVI—начале XVII в. Архангельский список (БАН, Архангельское собр., № 130), однако в нем уже утрачено окончание 17-й грани.

В дошедших до нас рукописях Сказание о чудесах митрополита Алексия впервые включается в Степенную книгу лишь в Пискаревском списке (ГБЛ, Пискаревское собр., № 612/177), который относится к первой четверти XVII в. (водяные знаки 1607 и 1618 гг.). Здесь имеются также все четыре вводные статьи, тогда как ранее только две первые строки одной из них были включены в Думинский список. Некоторые разночтения списка восходят к протографу памятника. Следует отметить также список БАН 32.8.6, датируемый 1630—1640 гг. и являющийся точной копией Томского списка. По этому списку знакомился со Степенной книгой М. В. Ломоносов, и его пометы остались на полях рукописи.

Соч.: Книга Степенная царского родословия, содержащая историю российской..., напечатанная под смотрением... Герарда Фридриха Миллера. М., 1775, ч. 1—2; Окончание книги Степенной, содержащей российскую историю. — В кн.: Русские достопамятности. М., 1815, ч. 1, с. 166—168; Книга Степенная царского родословия / Подгот. к изданию и под ред. П. Г. Васенко. — ПСРЛ, СПб., 1908—1913, т. 21, ч. 1—2; Смирнов С. И. Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца, повесть о обретении мощей и чудеса его. М., 1908.

Лит.: Калайдович К. Ф. Об ученых трудах митрополита Киприана и о том, справедливо ли приписывается ему и митрополиту Макарию сочинение книги Степенной. — ВЕ, 1813, ч. 72, № 23—24, с. 207—224; Ключевский И. Древнерусские жития. с. 240—243, 282—283; Барсуков. Источники агнографии, стб. 146—148; Строев. Словарь, с. 165—170, 196, 438—439; Филарет. Обзор, с. 77, 143, 154; Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетия. М., 1899, с. 296—297; Голубинский. История церкви, т. 1, ч. 1; т. 2, ч. 1; Державин Н. С. «Степенная книга» как литературный источник: Опыт исследования литературного состава «Степенной книги» Г. Миллера. Батум, 1902; Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904, ч. 1; Зимин А. А. 1) К изучению источников Степенной книги. — ТОДРЛ, М.; Л., 1957, т. 13, с. 225—230; 2) И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 86—91; 3) Митрополит Филипп и опричнина. — ВИРА, М., 1963, т. 11, с. 278—280; 4) Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, с. 239—240; Альшиц Д. Н. Легенда о Всеволоде — полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве». — ТОДРЛ, М.; Л., 1958, т. 14, с. 64—70; Бегунов Ю. К. Следы «Слова о погибели Руския земли» в Степенной книге. — ТОДРЛ, М.; Л., 1958, т. 15, с. 116—130; Куско В. В. О некоторых особенностях стиля Степенной книги. — Учен. зап. Уральского ун-та, 1959, вып. 28. Филология; Клосс. Никоновский свод.

Н. Н. Покровский

Болтин Баим (Бويم, Обоим, «молитвенное имя» — Сидор) Федорович (конец XVI—XVII в.) — воевода, предполагаемый автор оригинального произведения — «записей», охватывающих события 1604—1644 гг. Первое упоминание о Б. встречается под 1613—1614 гг., когда он участвовал в походе князя Д. Т. Трубецкого под Новгород. До 1624 г., когда Б. начинает свою службу в Москве, он был стрелецким головой в Казани, вторым воеводой в Терках. С 1624 по 1652 г. служба Б. в Москве проходит успешно: его имя часто встречается в числе приглашенных к государеву столу, на церемониях и торжествах; он принял участие во взятии Новго-

рода-Северского в 1632 г., а в 1634 г. участвовал в заключении Поляновского «докончания»; его посылали послом в Литву (1634—1635 гг.) и Данию (1647—1648 гг.). В 1652—1654 гг. при Алексее Михайловиче Б. сослан на службу в Сибирь, где был вторым воеводой в Тобольске. В 1654 г. Б. вернулся в Москву. Имя Б. последний раз встречается под 1655 г. среди участников Смоленского похода; в это время ему было около 60 лет.

С. Ф. Платонов первым указал на Б. как на автора «записей» 1604—1644 гг.: среди известий этого периода часто упоминается имя Б.; подробно изложены события, в которых он или сам принимал участие, или мог знать о них по месту своей службы; Б. был арзамасским землевладельцем, а события, связанные с Арзамасом, Нижним Новгородом и Саранском, где Болтины служили, описаны наиболее подробно; на одном из списков «записей» имеется приписка арзамасского игумена Корнилия. Свои «записи» Б. вел погодно. Среди исследователей нет единого мнения о жанре произведения, приписываемого Б.: летописное произведение (А. Н. Попов), хронограф (П. И. Мельников), частная разрядная книга (А. И. Маркевич, С. Ф. Платонов, В. С. Иконников), оригинальная летопись (В. О. Ключевский), запись разрядно-хронографическая (С. А. Белокуров), записи (С. Ф. Платонов). Последнее определение взято Платоновым для того, чтобы подчеркнуть особенность произведения Б. с точки зрения жанра, его близость к западноевропейским хроникам. Личные впечатления Б. записывал с большой объективностью, говоря о себе в третьем лице и часто не упоминая своего имени в «записях» о тех делах, в которых несомненно участвовал, например в рассказе о походе под Новгород в 1614 г. «Записи» Б. полны живых деталей, конкретных подробностей, но содержат ряд фактических ошибок и неточностей, хотя последнее не мешает им быть ценнейшим историческим источником. «Записи» Б. схожи с дневниковыми записями князя С. И. Шаховского, отличаясь от них замечательной полнотой. «Записи» известны по трем спискам: ГПБ, F.IV.595 (*Хронограф Столяровский*); ГБЛ, собр. МОИДР, № 183 (разрядная книга); не дошедший до нас Лобковский хронограф.

Соч.: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собрал и издал Андрей Попов. М., 1869, с. 321—379.

Лит.: Карамзин. ИГР, т. 12, примеч. 46 и сл.; ПСРЛ, т. 4, с. 340; Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869, вып. 2, с. 252—256; Иконников В. Опыт историографии, т. 2, кн. 2, с. 1382—1384; РБС, «Бетанкур—Бякстер». СПб., 1908, с. 185; Платонов С. Ф. 1) Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913, с. 340—344; 2) Столяров хронограф и его автор. — В кн.: Сборник статей, посвященный Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909, ч. 1, с. 18—28; Восстание И. Волотникова: Документы и материалы. М., 1959, с. 22—23; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 62—63.

В. К. Зиборова

Василий (конец XI—начало XII в.) — автор Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича Теревовльского, вошедшей в состав статьи 1097 г. *Повести временных лет* (в летописях Лаврентьевской, Радзивилловской, Ипатьевской и др.). А. А. Шахматов считал В. священником, духовником князя Василька; другие считают его светским лицом. По мнению Б. А. Рыбакова, В. был «муж» князя Святополка и допустимо его отождествление с Василием — посадником г. Владимира, упоминаемым в летописной статье 1097 г. А. А. Шахматов ограничивал Повесть В. несколькими фрагментами из статьи 1097 г., перемежающимися с летописным текстом, а именно: «И приде Святополк с Давыдом Киеву... 2 отрока княжа, Улан и Колчко», «Василкови же сущю Володимери, на прежереченем месте... Сим же от града отшедшим, сею же снемше погребоша я» и «Святополк же, прогнав Давыда, нача думати... перья

Володимерь, и посади в нем сына своего Ярослава». Другие исследователи приписывают В. всю статью 1097 г. и даже некоторые другие летописные статьи. Особняком стоит гипотеза М. Х. Алешковского, согласно которой В. — один из основных редакторов ПВЛ. В 1119 г. он осуществил переработку текста ПВЛ, созданного *Нестором* (в построениях Алешковского этот текст отождествим с Начальным сводом): внес в него фрагменты из *Хроники Георгия Амартола*, текст договоров с греками, легенду об апостоле Андрее, предания о северных народах (в статьях 1096 и 1116 гг.) и другие рассказы, ряд этнографических, исторических и генеалогических уточнений.

Исследователи, атрибутирующие В. лишь статью 1097 г., полагают, что текст Повести был внесен в ПВЛ *Сильвестром*. А. А. Шахматов, напротив, считал его вставкой составителя 3-й редакции ПВЛ.

В своей Повести В. выступает как очевидец и участник событий. Он сам упоминает, что был послан князем Давыдом Святославичем к находящемуся в заточении, ослепленному Васильку Ростиславичу, чтобы убедить того принять предлагаемые Давыдом условия примирения. Но В. не ограничивается описанием своей беседы с Васильком, а излагает всю историю заговора князей, пленения и ослепления Василька, все события феодальной междоусобицы, вспыхнувшей между князьями Давыдом и Святополком Киевским, повинными в расправе над Васильком, и князьями, выступившими в его защиту. Если не ограничивать Повесть фрагментами, отмеченными Шахматовым, а атрибутировать В. всю статью 1097 г., то совершенно ясной становится его тенденция прославить государственную мудрость и великодушие Владимира Мономаха. Поэтому допускают, что Повесть была создана по поручению этого князя.

Повесть В. обладает высокими литературными достоинствами: автор умело использует яркие сюжетные детали, с редкой для древнерусской литературы того времени живостью передает диалоги и монологи. Исследователи часто обращались к анализу Повести для характеристики принципов и приемов древнерусского сюжетного повествования. Д. С. Лихачев видит в ней произведение особого жанра — «повестей о княжеских преступлениях», сопоставимое с летописными рассказами об убийстве Игоря Ольговича (в статье 1147 г. Ипатьевской летописи) и Повестью об убиении Андрея Боголюбского.

Перечень изданий см. в статье «Повесть временных лет» (с. 158—159).

Лит.: Хрущов И. Древние русские сказания в летописях: Сказание о Васильке Ростиславиче. — ЖМНП, 1874, август, с. 176—193; Шахматов А. А. 1) *Нестор летописец*. — ЗНТШ, Львів, 1914, т. 117—118, с. 35—41; 2) *Повесть временных лет: Вводная часть. Текст. Примечания*. Пг., 1916, с. XXXI—XXXVI. (ЛЗАК, Пг., 1917, вып. 29); Лихачев Д. С. 1) *Русские летописи*, с. 217—219; 2) *Анастезиизм и древнерусская литература*. — РЛ, 1963, № 1, с. 81—82; Адрианова-Перетц В. П. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XV вв.). — ТОДРЛ, М.; Л., 1960, т. 16, с. 12—15; Азбелев С. Н. Реализм и древнерусская литература. — РЛ, 1963, № 1, с. 57—58; Рыбаков Б. А. *Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи*. М., 1963, с. 275—279; Творогов О. В. *Сюжетное повествование в летописях XI—XIII вв.* — В кн.: *Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе*. Л., 1970, с. 45—46, 58—60; Алешковский М. Х. *Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси*. М., 1971, с. 32—52.

О. В. Творогов

Волконский Федор Федорович (ок. 1600—1665) — князь, автор автобиографического летописца, одного из наиболее оригинальных исторических произведений середины XVII в. В. принадлежал к младшей ветви древнего, но захудалого княжеского рода. В 1618 г. он стряпчим участвовал в обороне Москвы, с 1621 г. был пожалован в стольники. В 1627 г. В. местничал с Пожарскими и Ромодановскими и был вынужден покинуть столицу. В 1629—1631 гг. он служил воеводой в Ливнах, в 1633 г. — то-

варищем воеводы в Калуге, а с начала 1634 г. возглавил гарнизон небольшого пограничного городка Белый. Здесь он выдержал 59-дневную осаду коронной армии Владислава и заставил интервентов с большими потерями отступить, оставив в руках героических защитников Белого 8 знамен и множество пленных. Вернувшись ко двору в чине окольного, В. занял близкое место при государе. В 1634—1637, 1640—1643, 1657, 1659, 1661 и 1662 гг. он замещал царя на время отъезда того из Москвы. Еще сидя в осаде, В. получил звание калужского наместника, с 1639 г. был наместником муромским, а с 1648 г. — олонецким. Он возглавлял ряд приказов: Челобитный (1634—1643 гг.), Сыскной (1639, 1642, 1662 гг.), Казачий (1640—1645 гг.), Литовский и Сбора ратных людей (1648—1649 гг.). С 1634 по 1659 г. В. неоднократно представлял царям посланников Польши, Персии, Крыма, Швеции, Дании, Голландии, Турции и др. и вел с ними переговоры в Москве, выезжал на «межевание» русско-польской границы (1636, 1642 гг.), ездил великим и полномочным послом в Польшу (1652—1653, 1658, 1660 гг.) и представлял Россию при избрании запорожского гетмана, заслужив немало наград и наветов своей «твердостоятельной службой». В должности астраханского воеводы В. энергичными мерами подавил волнения донских казаков и калмыков, привел в подданство нагайских и татарских мурз (1643—1646 гг.). В 1648—1649 гг. В. был послан со специальной миссией в заонежские погосты, где построил г. Олонец и обучил «салдацкому строю» несколько тысяч крестьян. В 1650 г. он вызвался в сопровождении одного лишь дьяка ехать в восставший Псков, «чтобы то злохитное и воровское дело сыскать прямым сыском». После заключения перемирия с восставшими В. за отвагу и «многие кровавые раны» первым в роду Волконских был пожалован в бояре. Будучи киевским воеводой, он в 1653—1656 гг. участвовал в войне с Речью Посполитой и взял птурмом 6 городов. В 1659 г. В. возводил укрепления Земляного города в Москве, а в 1662 г. выступил в поход на башкир, при возвращении из которого скончался в Казани.

В. был довольно образованным человеком. Особенно глубокими познаниями он обладал в области тактики и фортификации, юриспруденции и международных отношений. В течение многих лет В. руководил составлением деловых документов приказов, статейных списков посольств и докладов царю и думе по международным и военным делам, им было написано немало донесений и воеводских отчетов. Главные эпизоды в жизни В. — оборона Белого, строительство Олонца и поездка в восставший Псков — были чрезвычайно выразительно и с уместным пафосом описаны боярином в Летописце, составлявшемся им между 1656 и 1662 гг. Летописец не сохранился в оригинале, но три большие статьи из него, процитированные в *Летописце 1686 г.*, позволяют судить о незаурядном литературном таланте В. Чуждаясь риторических приемов, автор описал каждый из трех эпизодов с точки зрения его непосредственного участника (хотя повествование традиционно ведется от третьего лица). В. не включает события в широкий исторический контекст, рассматривая каждое из них как самодовлеющее явление вселенского порядка, имеющее собственный эмоциональный строй. Ярко выраженный психологизм летописного рассказа отличает произведение В. от других сочинений этого жанра. Свообразен и язык В., органично сочетающий элементы литературной, «книжной» и приказной деловой речи. Летописец В. не рассматривался до настоящего времени в специальной литературе.

Лит.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1892, т. 7, с. 40—42; Волконская Е. Г. Род князей Волконских. СПб., 1900, с. 115—137; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946, с. 34, 68, 83, 153—154, 193, 195, 218—219.

Вышата (XI в.) — воевода, рассказы которого, как полагают, включены в Начальный свод (см. *Повесть временных лет*). Имя В., возможно, производное от имени Вышеслав. По предположению Д. С. Лихачева, В. — сын новгородского посадника Остромира, внук посадника Константина, правнук Добрыни (дяди Владимира Святославича). Биографические сведения о В. скудны: это упоминания о нем в ПВЛ, в статьях 1043, 1064 гг. Из них следует, что в 1043 г. В. в качестве воеводы участвовал в походе князя Владимира Ярославича (сына Ярослава Мудрого) на Византию. Буря разбила русский флот, и часть воинов была выброшена на берег. Во главе с В. они пытались вернуться на Русь, но были пленены. Три года спустя В. вернулся из плена в Киев. В 1064 г. он вместе с князем Ростиславом Владимировичем бежал из Киева в Тмутаракань. Других сведений о В. нет, но известно, что его сын *Янь Вышатич* занимал высокое положение в Киеве при Изяславе Ярославиче.

А. А. Шахматов предполагал, что именно от В. летописец *Никон* черпнул или дополнил сведения о походе 1043 г. Д. С. Лихачев допускает, что от В. Никону стали известны новгородские предания о призвании варягов, о Владимире и Добрыне, о сватовстве Владимира к Рогнеде, о пребывании в Новгороде Ярослава Владимировича, о Лиственской битве и др. А. А. Шахматов возводил эти рассказы к гипотетическому новгородскому летописному своду XI в.

Лит.: Шахматов. Разыскания, с. 441—444, Лихачев Д. С. 1) «Устные летописи» в составе Повести временных лет. — Изд., М., 1945, т. 17, с. 201—224; 2) Русские летописи, с. 89—93, 102—114.

О В Творогов

Герман Воята (ум. 1188) — священник новгородской церкви Якова, летописец. Единственное упоминание о нем в *летописи Новгородской первой* Старшего извода находится под 1188 г.: «преставился раб божий Герман, перей святого Якова, зовемый Воята, служивший ему у святого Иякова полъпятядьсет лет в кротости и съмерении и богобоязньстве» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 39). Далее говорится, что Г. В. заболел во время поездки в Псков и был погребен там (видимо, в псковском Спасо-Мирожском монастыре). С этим сообщением соотносимо упоминание в статье 1144 г.: «В то же лето постави мя попомъ архиепископ святыи Нифонт».

По гипотезе А. А. Шахматова, развитой и дополненной Д. С. Лихачевым, Г. В. был переписчиком и редактором летописного свода, составлявшегося в церкви Якова и являвшегося дополненной копией владычного свода *Нифонта* (Софийского временника). Вставки, принадлежащие Г., отличает, по наблюдениям Д. С. Лихачева, особый характер: они часто делаются от первого лица, «во многих из них он проявляет интересы городского обывателя, сообщающего городские слухи, сведения об уличных происшествиях, о погоде, о сене, о дровах, об урожае, о состоянии воды в Волхове, о поломках и починках моста через Волхов, о раннем громе и поздно стоящей дождливой погоде» (Лихачев. Русские летописи, с. 213). Следы редакторской работы Г. В. сохранились в Синодальном списке Новгородской первой летописи.

Лит.: Прозоровский Д. Кто был первым писателем первой новгородской летописи? — ЖМНП, 1852, август, отд. 2, с. 1—28, Шахматов Разыскания, с. 182—196; Лихачев. Русские летописи, с. 212—214

О В Творогов

Грибоедов Федор Акимович (ум. не позднее 1 IX 1673) — дьяк, член Комиссии по составлению Уложения 1649 г., автор «Истории о царях и великих князьях земли Русской». Существует легенда о происхождении Г. от польского выходца или «полоняника» Яна Гржибовского, который, по

С. Ф. Платонову, «обрусев, превратился на московской почве в Иоакима Грибоедова» (Грибоедов Ф. История о царях..., с. I); однако антипольская направленность «Истории» Г., как и лингвистический анализ его сочинений, отличающихся чисто русским языком, полностью разрушают эту легенду. Г. впервые упоминается как подьячий Казанского дворца в 1639 г. (его двор отмечен в росписном списке Москвы 1638 г.); в этой должности он известен до 1646 г.; в 1647 г. — на службе в Белгороде. В июле 1648 г. Г. включен в состав Комиссии по выработке Уложения, в связи с чем получил звание дьяка с удвоением поместного и денежного оклада. В 1649—1664 гг. он служит дьяком Казанского приказа; в 1659 г. участвует в посольстве к Выговскому; в 1661—1662 гг. — дьяк Приказа полковых дел. В 1664 г. назначен в Разрядный приказ (был там до октября 1670 г.). С 13 октября 1670 г. по 29 мая 1673 г. Г. — дьяк Приказа Казанского дворца.

Наибольшую известность Г. стало участие в работе законодательной комиссии 1648—1649 гг. Однако о его личном вкладе в составление Уложенной книги мнения разделились: С. Ф. Платонов ограничивал его второстепенным канцелярским трудом и сношениями с московскими приказами (Грибоедов Ф. История о царях..., с. II), в то время как П. Я. Черных справедливо отметил, что для чисто технической деятельности «не требовалось срочно производить Федора Грибоедова в дьяки»; по его мнению, «если Одоевскому как ответственному редактору принадлежало общее руководство деятельностью комиссии, то авторская работа осуществлялась главным образом Грибоедовым» (Черных П. Я. Язык Уложения 1649 года, с. 66). Последний вывод подтверждается лингвистическим анализом сочинений всех членов Уложенной комиссии. Наряду с другими дьяками Г. скрепил подлинную рукопись Уложения своей подписью (Маньков А. Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980, с. 53).

«История о царях и великих князьях земли Русской» (1669) была написана Г. по государеву заказу как краткий учебник для царских детей; на одном из списков, как указал С. Ф. Платонов, сохранилась запись о том, что книга была «взята к великому государю в Верх» и снискала награду автору (Грибоедов Ф. История о царях..., с. VI, 69). Комплятивная по своему характеру, «История» Г. с отживающих средневековых позиций обосновывает права на престол и величие дома Романовых; автор представляет всю русскую историю как историю династическую (что находит соответствие в таких сочинениях того же времени, как «Титулярник» или «Родословие... великих московских князей» Лаврентия Хурелича), продолжая в этом плане традицию официозных сочинений XVI в. (Степенная книга, Государев родословец и др.). Содержание «Истории» полностью передается ее длинным заглавием: «История, сиречь повесть или сказание вкратце, о благочестивно державствующих и свято поживших боговенчанных царей и великих князей, иже в Русей земли богоугодно державствующих, наченше от святого и равноапостольного великого князя Владимира Святославича, просветившаго всю Русскую землю святым крещением, и прочих, иже от него святого и праведнаго сродствия, тако жь с богом избраннем и приснопамятнем великом государе царе и великом князе Михайле Федоровиче, всеа Русии самодержце и о сыне его государеве, с богом хранимом в благочестивом, и храбром, и хвалам достойном великом государе царе и великом князе Алексее Михайловиче, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержце, в которые времена по милости всемогущего в Троицы славимаго бога, учинились они, великие государи, на Московском и на Владимирском и на всех великих и преславных государствах Российския державы, и откуду в Велицей России их великих и благочестивых и святопомазанных государей царей богом насажденный корень прозябе и израсте, и процвете, и великому Российскому царствию сторичный и прекрасный плод даде».

Основными источниками «Истории» Г. являются Степенная книга, *Русский хронограф* в редакции 1617 г., *Сказание Авраамия Палицына*, *Грамота утвержденная об избрании на Российский престол... Михаила Федоровича*, Соборное изложение патриарха Феофана из Кормчей 1653 г. Труд Г., таким образом, стал своеобразным «завершением старомосковской историографии» (Комарович В. Л. *Исторические повести...*, с. 272).

«История» Г. сохранилась в сравнительно малом числе списков почти исключительно XVII в. (10 из них перечислены С. Ф. Платоновым), которые делятся на 6 редакций. Первоначальный (черновой) набросок всего сочинения сохранился в виде краткой редакции 34 глав, которая является как бы сюжетным конспектом, сохраняющим лишь главные имена, даты и факты, во многом потом поправленные (Грибоедов Ф. *История о царях...*, с. VII—IX). Окончательный авторский текст (также 34 главы) представлен рукописью из библиотеки царя *Алексея Михайловича*, по всей вероятности являющейся авторским подносным экземпляром (БАН, А.И.16, см.: *Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1956; вып. 1 (XVIII век)*, с. 384—385). Этот текст переписывался позднее с небольшими дополнениями, сделанными для постороннего (т. е. не из царского дома) читателя: добавлены даты рождения царя Алексея Михайловича и его сыновей, а также родословные перечни удельных князей Рюриковичей (см. ГПНТБ СО АН СССР, собр. Тихомирова, № 43). На основе последнего варианта появилась редакция из 36 и 41 главы, отличающаяся мелкими дополнениями и вторичными заимствованиями из тех же источников, на которых строится авторский текст «Истории»; редакция из 41 главы уже после смерти Г. дополнена рассказом о событиях 1669—1676 г. Малая распространенность «Истории» объясняется скорее всего появлением вытеснивших ее новых учебников русской истории (прежде всего — *Синописа*).

Соч.: Грибоедов Ф. *История о царях и великих князьях земли Русской* / По списку СПб. ДА, № 306. Сообщение С. Ф. Платонова (предисловие) и В. В. Майкова (издание текста). СПб., 1896. (ПДП, № 121).

Лит.: Строев. *Словарь*, с. 64; Филарет. *Обзор*, с. 245; Соловьев. *История России*, кн. 7 (т. 13—14), с. 144—145, 356; Рубинштейн Н. Л. *Русская историография*. М., 1941, с. 40—42; Комарович В. Л. *Исторические повести 1670-х—1680-х годов*. — В кн.: ИРЛ I, т. 2, ч. 2, с. 272—273; Черных П. Я. *Язык Уложения 1649 года: Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги*. М., 1953, с. 64—66; Тихомиров М. Н. *Исторические знания в Российском абсолютистском государстве XVII в.* — В кн.: *Очерки исторической науки в СССР*. М., 1955, т. 1, с. 100—101; Черепнин Л. В. *Русская историография до XIX века: Курс лекций*. М., 1957, с. 128—130; Астахов В. И. *Курс лекций по русской историографии (до конца XIX века)*. Харьков, 1965, с. 79—80; Ромодановская Е. К. *История о царях и великих князьях земли Русской* Ф. П. Грибоедова в собрании М. Н. Тихомирова. — В кн.: *Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока: Вопросы книжной культуры Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск, 1973, вып. 14, с. 69—83; Веселовский С. Б. *Дьяки и подьячие XV—XVII вв.* М., 1975, с. 131.

Е. К. Ромодановская

Гурий (в миру Григорий Тушин) (1452 или 1455—1526) — игумен Кирилло-Белозерского монастыря, книгописец. Происходил из знатного боярского рода Квашиных. В 1478 или 1479 г. постригся в монахи в Кирилло-Белозерском монастыре, где оставался до своей смерти; в 1484 г. был игуменом.

Г. был не только переписчиком, но и одним из организаторов монастырского книгописания, под руководством которого работали другие монахи-переписчики; он являлся также составителем ряда сборников и редактором некоторых входивших в их состав произведений. Рукою Г. или под его руководством написаны тридцать семь книг, из которых

в настоящее время выявлены двадцать три. По своему содержанию книги Г. могут быть разбиты на три группы: 1) книги Священного писания и богослужебные, 2) житийные сборники, 3) религиозно-нравственные сборники. Состав последних показывает, что интересы Г. тяготели к аскетически-созерцательной литературе (в сборниках большое место занимают сочинения Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита), что было обусловлено влиянием *Нила Сорского*, чьим учеником был Г. О близости ученика к учителю свидетельствует адресованное Г. послание Нила Сорского. В сборниках Г. находятся одни из самых ранних списков сочинений Нила Сорского.

С конца второго десятилетия XVI в. состав сборников Г. меняется: сочинения писателей аскетически-созерцательного направления встречаются в них реже и вместе с тем появляются статьи, трактующие насущные проблемы религиозно-общественной жизни. К числу их относится, в частности, «Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей» (см. *Максим Грек*) и произведения *Вассиана Патрикеева* — «Слово о еретиках» и «Собрание некоего старца». Оба произведения Вассиана читаются в сборнике Г. в виде особых редакций, отличных от авторских; составителем их был, вероятно, Г. Особенности Тушинских редакций сочинений Вассиана Патрикеева показывают, что Г., разделяя основные положения учения Вассиана, стоял вместе с тем на менее радикальных позициях: путь ликвидации вотчинных прав монастырей он усматривал не в секуляризации монастырских вотчин, а в увещаниях иноков следовать обету нестяжания. В историю нестяжательства Г. вошел как переписчик и распространитель сочинений крупнейших писателей-нестяжателей и пропагандист их идей.

Г. сыграл некоторую роль и в развитии летописания конца XV—начала XVI в. Он был составителем «Летописца русского», входящего в состав его последней, тридцать седьмой книги. Летописец Г., охватывающий период с 1074 по 1523 г., принадлежит к кратким летописцам, которые велись в Кирилло-Белозерском монастыре. Несмотря на краткость, Летописец Г. в силу своей идейной направленности и преобладация в нем общерусских известий над местными может быть отнесен к числу общерусских летописчиков. По мнению Я. С. Лурье, Летописец Г., так же как и другие краткие кирилловские летописчики, свидетельствует о тесной связи историографической деятельности кирилловских иноков с составленным в начале 70-х гг. XV в. в Кирилло-Белозерском монастыре независимым общерусским летописным сводом.

Общерусская направленность Летописца Г. позволяет думать, что автор являлся сторонником единства Руси, а следовательно, и великокняжеской власти. Косвенным образом об этом свидетельствует и дар великого князя Василия III Г. Тушину — роскошно оформленное Евангелие: вряд ли такой ценный подарок великий князь стал бы делать своему политическому противнику.

Соч.: Казакова Н. А. Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина. — ТОДРЛ, М.; Л., 1961, т. 17, с. 195—200 («Летописец русский» и Тушинские редакции «Собрания некоего старца» и «Слова о еретиках» Вассиана Патрикеева).

Лит.: Никольский Н. К. Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI веках и в начале XVII-го. — ХЧ, 1907, август, с. 174—177 и примеч.; Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли: Первая треть XVI в. Л., 1970, с. 244—276; Синицына Н. В. Отождествление почерков русских рукописных книг конца XV—первой половины XVI в. и его трудности. — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974, с. 89—113; Лурье Я. С. Общерусские летописи, с. 201—209.

Дашков Андрей Яковлевич (ум. после 1702) — автор фамильного Летописца Дашковых. Он был наиболее видным в XVII в. представителем дворянского рода, не слишком древнего (с начала XVI в.), но многочисленного и политически активного. В 1620 г. Д. был патриаршим стольником, в 1635 г. — пожалован в стольники царские. Уже в 1635 г. он участвовал в дипломатических приемах, в 1662 г. приводил к присяге калмыцких князей, а в 1666—1667 гг. был на съезде с калмыцкими тайшами. Однако большее место в его деятельности занимала воеводская и приказная служба: на валовом деле в Цареве-Алексееве (1647—1648 гг.), на воеводствах в Свияжске (1653—1654 гг.), Чернигове (1658 г.), Астрахани (1660—1663 гг.) и в Тамбове (1667 г.), судьей в приказах Владимирском Судном (1659—1660 гг.), Холопьем (1677—1678 гг.), Каменном (1680 г.) и Сыскных дел (1684—1686 гг.). В 1680-х гг. Дашковы способствовали осуществлению переворота в пользу Петра и Нарышкиных, но уже в мае 1682 г. были отстранены последними от власти. Это заставило Д. принять сторону царевны *Софьи Алексеевны*, которая сразу же после прихода к власти пожаловала его в думные дворяне (26 января 1683 г.); 28 марта того же года он был назначен в комиссию «для росправных дел», а 23 октября — 2-м судьей Разбойного приказа. Д. и его многочисленные сыновья получили в период регентства значительные земельные пожалования (в 1682, 1683, 1685, 1686 и 1687 гг.); во время Крымских походов сыновья и племянники Д. были устроены на хорошие места в полку князя В. В. Голицына. Однако ко времени переворота в августе 1689 г. Д. опять сменил ориентацию и в 1690 г. был пожалован землями новым правительством Нарышкиных.

Летописец, который Д. составлял с 1680 по 1687 г., был призван подчеркнуть значение рода Дашковых в политической истории России, но его автор не намерен был ограничиваться родословием своей фамилии, имея целью создать широкий исторический труд. Первая часть Летописца (от сотворения мира до княжения *Василия III*) представляла собой искусное сокращение Хронографа редакции 1617 г., до главы 160. От следующей, 161-й главы сохранилось лишь несколько хронографических известий; остальные были вытеснены записями, основанными на разрядной книге Дашковых. Книга эта оказалась хорошим источником летописного текста — за XVI и XVII вв. в ней нашли отражение как воеводские, посольские и приказные службы верхов господствующего сословия (и прежде всего самих Дашковых), местнические казусы, события в жизни царской семьи и перемены церковных властей, так и известия о главных фактах политической истории государства: войнах, дипломатических отношениях, народных восстаниях, законодательной деятельности и т. п. С конца царствования *Федора Алексеевича* текст заметно оживляется, в нем преобладают оригинальные летописные известия, записанные современником и очевидцем событий. Хотя Д. включил в текст сообщения о всех наиболее важных с его точки зрения политических событиях регентства, в повествовании он старался исходить из связи этих событий с жизнью своей и своих родных: например, рассказ о сборе ополчения в 1682 г. начинается с описания приезда Д. с сыном в Троице-Сергиев монастырь, рассказ о «строительстве» новой администрации в Москве после восстания — с назначений Д., описание отправлявшейся в I Крымский поход армии связано с росписью мест, занятых в полках Дашковыми, а составление родословной книги отмечено в связи с составлением их частного родословия. Летописец Дашковых, написанный главой их рода, является важным памятником общественной мысли российского дворянства предпетровского времени, оригинальным как по содержанию, так и по источникам, которые в свою очередь оказали заметное влияние на литературную форму сочинения. Он написан четким, но несколько сухим, деловым языком, не изменяющимся даже при описании любимых автором «знамений», снабженных рисунками. Летописец сохранился

в единственной рукописи ГПБ, Эрмитажное собр., № 567, л. 1—164 (копия, сделанная с черного оригинала во второй половине XVIII в. для пополнения Эрмитажной библиотеки) и остается неизданным.

В научной литературе и в картотеке акад. Н. К. Никольского в БАН отмечено несколько рукописных книг, принадлежавших Д. Среди них: 1) Сборник ГПБ, Q.IV.374, XVII в., на листах первой части которого сохранилась полустертая запись: «История царства Казанского стольника Андрея... сына Дашкова» (Отчет имп. Публичной библиотеки за 1891 год. СПб., 1894, с. 142—143); 2) Театрон, или Всеобщая география Ботера Бенезиуса, перевод с польского издания 1659 г.; список принадлежал думному дворянину Д. (т. е. был выполнен не ранее 1683 г.), а до московского пожара 1812 г. находился в собрании Баузе (см.: Казань В. Н. Каталог славяно-русским рукописям (погибшим в 1812 году) профессора Баузе. — ЧОИДР, 1862, кн. 2. Смесь, с. 73, № 324; Моисеева Г. Н. «Собрание российских древностей» профессора Баузе. — ТОДРЛ, Л., 1980, т. 35, с. 338, № 361; в «Словаре» И. У. Будовица перевод этого сочинения ошибочно приписан Д.); 3) Летопись от взятия царства Сибирского 7092 (1584) г. до рождения царевны Анны Михайловны, 7138 (1630) г., XVII в., с записью по листам: «Книга думного дворянина Андрея Иаковлевича Дашкова» (Селиванов А. В. Краткое описание рукописей, принадлежащих Рязанской ученой архивной комиссии. — Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1892 г., Рязань, 1893, т. 7, № 3, с. 49, № 16); в труде Селиванова отмечено 9 рукописей XVI—XVIII вв., принадлежавших Василию Дашкову.

Лит.: Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886, т. 1, с. 225—226; РБС, «Дабелов—Дядьковский». СПб., 1905, с. 131.

О. А. Белоброва, А. П. Богданов

Досифей Топорков (Вощечников) (вторая половина XV в. — после 1547) — племянник *Иосифа Волоцкого* и его ученик, писатель первой половины XVI в. Д. прожил долгую жизнь: в 1485 г. он и его брат *Васиан* уже были иноками и принимали участие в росписи только что отстроенной каменной церкви Успения в Волоколамском монастыре (Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. — ИА, М.; Л., 1950, т. 5, с. 15—16), а последние литературные труды его относятся к 1545—1547 гг. В конце XV—начале XVI в. он, видимо, усиленно работал как монастырский книгописец-профессионал: в описи книг Волоколамского монастыря 1545 г. неоднократно упоминаются рукописи «Досифеева писма Вощечникова» (Георгиевский В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1914, с. 10, 12—14, 16, 18). В рукописи ГИМ, собр. Епархиальное, № 174 имеется помета о том, что она написана «многогрешным иноком Досифеем» «по благословению отца игумена Иосифа». В 1510-х гг., видимо после смерти Иосифа (1515 г.), Д. некоторое время проживал в Пафнугтьевом монастыре; сохранились также сведения, что в 1520-е гг. он жил в Симонове монастыре и имел там общение с *Вассианом Патрикеевым*. На суде 1531 г. он выступил свидетелем против *Васиана*. Последний на том же суде отозвался о нем следующим образом: «Старец великой, доброй, у меня в кельи бывал многожды». Это свидетельствует о том, что *Вассиан* ценил Д. как интересного собеседника, хотя они и являлись идейными противниками. К концу жизни у Д. установились тесные связи с *Савватиевым Тверским* монастырем, куда он сделал ряд значительных вкладов, в том числе завещал список *Хронографа*, который был переписан по его собственному заказу в 1538 г. для личного пользования (в настоящее время разделен на две части — ГПБ, F.IV. 178 и собр. ОЛДП, F.97, а начальные листы с автографом Д. находятся в рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 356).

Если справедлива гипотеза А. Д. Седельникова, развитая и уточненная Б. М. Клоссом, то ранней из известных нам работ Д. окажется *Хронограф Русский*. А. Д. Седельников предполагал, что Д. выступал как редактор одной из переделок *Хронографа*, которую мы знаем как редакцию 1512 г. Но после того как О. В. Творогов и Б. М. Клосс доказали, что эта редакция и есть первоначальная редакция памятника, стало возможным говорить о Д. как составителе *Русского хронографа*, над которым он работал, по предположению Б. М. Клосса, в 1516—1522 гг. Характеризуя этот памятник, О. В. Творогов отмечает «необычайную эрудицию составителя *Хронографа*, его неутомимость в разыскании и подборе источников и высокое литературное мастерство, позволившее создать на их основе повествование безупречной композиции и — насколько это оказалось возможным — даже единого стиля» (Творогов О. В. *Древнерусские хронографы*, с. 187). Свою непосредственную связь с иосифлянством автор *Хронографа* отметил в предисловии — в «Изложении о вере», мысли и выражения из которого были использованы им на суде против Вассиана Патрикеева (Седельников А. Д. *Досифей Топорков и Хронограф*, с. 762—763). С деятельностью Д. по составлению *Русского хронографа* следует связывать упоминания в описи книг Волоколамского монастыря 1545 г. о списках в «перевод» Д. книги Бытия и «Криницы» (какой-то хронографической компиляции типа *Хроники Георгия Амартола*). По мнению А. Д. Седельникова (там же, с. 768), слово «перевод» надо воспринимать как «текстуальную справку», но проводимую шире и свободнее стилистически.

В 1528—1529 гг. Д. по поручению архиепископа новгородского Макария работал по исправлению перевода *патерика Синайского*. Некоторые списки *патерика* сохранили приписку Д., в которой он называет себя «Досифеос Осифитие». По мнению И. М. Смирнова, Д. не занимался правкой текста в соответствии с греческим оригиналом, а делал пересказ *патеричных повестей* в более доступной форме для древнерусского читателя (Смирнов И. *Материалы...*, с. 189). Текст *патерика*, правленный Д., был включен в *Великие Минеи Четьи* под 30 июня. В дальнейшем опыт работы над *Синайским патериком* Д. использовал в своем собственном сочинении — *патерике Волоколамском*, предисловие которого имеет много совпадений с послесловием в *Синайском патерике* (там же, с. 179). А. Д. Седельников не без оснований склонен считать «Сказание о гибели городов Шимбории и Солоникии от землетрясения в 1542 г.» записью устного рассказа, сделанной Д. или по крайней мере по его инициативе (Седельников А. Д. *Досифей Топорков и Хронограф*, с. 772—773). «Сказание о гибели городов Шимбории и Солоникии» не издано (рук. ГБЛ, собр. Музейное, № 1257, л. 425—428). Последними литературными трудами Д., написанными примерно в 1545—1546 гг., являются *Волоколамский патерик* («Сказание о русских пустынножителях») и «Слово надгробное» Иосифу Волоцкому. Краткое «Слово надгробное» содержит редкие биографические сведения об Иосифе Волоцком, однако автор не всегда точен (Ключевский И. *Древнерусские жития*, с. 292).

А. Д. Седельников (*Досифей Топорков и Хронограф*, с. 772—773) считает, что главной идеей в творчестве Д. была идея провиденциализма, которая связывает между собой наиболее значительные произведения этого автора — *Хронограф* и *Волоколамский патерик*.

Соч.: Слово надгробное Иосифу Волоцкому / Изд. К. И. Невоструевым. М., 1865 (отд. отт. из ЧОЛДП); ПСРЛ, СПб., 1911, т. 22, ч. 1 (*Русский хронограф: Хронограф редакции 1512 г.*); Казакова Н. А. *Вассиан Патрикеев и его сочинения*. М.; Л., 1960, с. 296—297 (текст выступления Д. в Судном деле Вассиана Патрикеева); *Волоколамский патерик*. Сергиев Посад, [1915]. (Семинарий по древнерусской литературе Московских женских курсов, № 5).

Лит.: Ключевский И. *Древнерусские жития*, с. 293—295; Смирнов И. *Материалы для характеристики книжной деятельности всероссийского митрополита*

Макария. — БВ, 1916, № 5, с. 163—189; № 6, с. 275—291; Седелъников А. Д. Досифей Топорков и Хронограф. — Известия АН СССР, VII серия. Л., 1929, № 9, с. 755—773; Творогов О. В. 1) К истории жанра хронографа. — ТОДРЛ, Л., 1972, т. 27, с. 203—220; 2) Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 31—43, 160—194, 205—207; К л о с с. Никоновский свод, с. 168—169.

Р. П. Дмитриева

Есипов Савва (первая половина XVII в.) — дьяк тобольского архиерейского дома, автор Есиповской летописи. Происхождение и даты жизни неизвестны. Должность дьяка тобольского архиерейского дома занимал при архиепископах Макарии (1625—1635 гг.; возможно, именно с ним Е. и приехал в Сибирь), Нектарии (1636—1640 гг.), Герасиме (1641—1650 гг.). В известных нам документах упоминается впервые в 1635 г., когда после смерти Макария получает 200 рублей «для его архиепископия помину и на всякие расходы» и участвует в составлении описи имущества тобольского Софийского дома (Ромодановская Е. К. Русская литература. . ., с. 52); последнее упоминание относится к 1643 г., когда по поручению Герасима Е. привозит в Москву документы о восстании служилых в Нарыме (ЦГАДА, ф. 214, д. 212, л. 495—496). Наиболее близок Е. к Нектарии, который писал в 1638 г., что среди бывших до него служащих Софийского дома только «старый дьяк Савва Есипов» не «умышляет» на нового владыку; видимо, поэтому Нектарий оставляет Е. на старой должности, отрешив от нее привезенного им из Москвы дьяка Семена Хломова (Ромодановская Е. К. Русская литература. . ., с. 52, 34).

Литературная деятельность Е. тесно связана с предпринятой Нектарием пропагандой христианской идеологии. В Тобольске им создана Есиповская летопись (1636 г.), подписанная его именем, а также, возможно, ранняя редакция *Сказания о явлении Абалацкой иконы Богородицы* (1641 г.). М. Н. Сперанский предположительно атрибутировал Е. *Повесть о городах Таре и Тюмени* (между 1636 и 1642 гг.), но эта гипотеза требует дополнительных доказательств (см.: Сперанский М. Н. Повесть о городах Таре и Тюмени. — В кн.: Труды Комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932, т. I, с. 24—25). Для всех этих произведений характерны идеологическая и стилистическая близость, философия провинциализма, стремление «просветить» читателя основами христианского учения и прославить становление христианства на Сибирской земле, а также общность источников.

Есиповская летопись («О Сибири и сибирском взятии», «О Сибирстей стране, како изволением божиим взята бысть от рускаго полка, собраннаго и водимаго атаманом Ермаком Тимофеевым и своею храброю предоброю дружиною и со единомысленною», «О Сибирстей стране и о взятии Сибири», «Списание о Сибирской земле», «Описание о Сибирской земле», «Описание известливое о Сибирской стране, как изволением божиим взято бысть православными христианы у бесерменских царей», «Сказание о Сибирской стране», «Сказание о взятии царства Сибирского от донского атамана Ермака с товарищи в 7088 году, о присылке на воеводство князя Семена Волконского и о поставлении града Тобольска») повествует об истории присоединения Сибири к России. Основная (авторская) редакция ее отличается стройностью и четкостью концепции, по которой Ермак с его отрядом рисуется как «меч обоюдоострый», как орудие бога в борьбе с неверными. После обширного вступления, где говорится о династической истории сибирских князей и о причинах божьего гнева на Сибирь (главными являются «гордость» Кучума и его «неверие»), Е. начинает свой рассказ о появлении казаков в сибирских пределах, на реке Тавде. Ни о происхождении отряда, ни о причинах его появления, как вообще о предыстории похода, Е. не упоминает, так как изображение реальной земной жизни Ермака и его сподвижников может

разрушить создаваемый образ божественного избранника. Описание самого похода у Е. вполне реально: в хронологическом порядке следуют события сибирской истории — битвы, победы и поражения, взятие крепостей и построение острожков, завершающиеся известием о гибели Кучума; это — естественная развязка сюжета, построенного на широко известном мотиве о божественном наказании гордого царя. Оканчивается летопись сообщением об основании тобольской епархии и о приезде в Сибирь первого архиепископа *Киприана*. Все построение летописи свидетельствует, что она создается Е. прежде всего как политическая история Сибирской страны и стоит в ряду официальных мероприятий русского правительства, проводимых в 30-х гг. XVII в. в связи с осознанием значения Сибири.

Непосредственными источниками Есиповской летописи, как указал сам автор, послужили *Синодик ермаковым казакам* и *Написание казаков о походе Ермака Тимофеевича*, составленные участниками похода. Слова Е. о том, что он распространил какой-то предшествующий текст, вызвали ряд гипотез о существовании более ранней краткой летописи, послужившей основой для творчества Е. (Бахрушин С. В. Очерки... , с. 31 (изложение концепции А. М. Ставрович); Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы... , с. 123—132). Высказывалось мнение, что таким летописным источником Е. была *летопись Строгановская* (см.: Сергеев В. И. У истоков сибирского летописания. — ВИ, 1970, № 12, с. 48—51). Вопрос о взаимоотношениях Есиповской и Строгановской летописей вызвал длительную полемику от времен Карамзина до наших дней (см. обзор точек зрения: Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд. М.; Л., 1960, вып. 1 (XVII в.), с. 195—226), но наиболее справедливым представляется мнение С. В. Бахрушина о том, что их авторы независимо друг от друга использовали «один и тот же первоисточник, то „Написание“, которое принесли казаки преосв. Киприану» (Бахрушин С. В. Очерки... , с. 30). Свои литературные источники и образцы Е. выбирает из традиционной исторической и географической литературы (*Казанская история*, *Сказание о Мамаевом побоище* и т. п.). Широко используется Библия; на основе цитат из *Русского хронографа* компилируются красочные описания битв и риторические тексты, содержащие общую оценку событий (см.: Ромодановская Е. К. Русская литература... , с. 115—116, 120—124).

Есиповская летопись имела широкое распространение (в настоящее время известно 29 списков), прежде всего в Сибири, где вызвала к жизни целую группу родственных памятников. Среди них Румянцевская летопись представляет сокращенный текст летописи Е., Забелинская редакция — ее беллетристическую обработку; Абрамовский летописец продолжает несколько переработанный текст основной редакции за счет включения позднейших сведений. По такому же типу на основе труда Е. во второй половине XVII в. создается Сибирский летописный свод (см.: Дворецкая Н. А. Сибирское летописание второй половины XVII века: (Сибирский летописный свод). Автореф. канд. дис. Л., 1980), составитель которого вставил в текст Е. найденные им рассказы о разбойничестве Ермака на Волге, противоречащие главной авторской идее, и дополнил его официальными сведениями о дальнейшей истории Сибири. Таким образом, летопись, созданная в церковных кругах, стала важнейшей частью светского (городового и воеводского) летописания; она же послужила главным источником для позднейших летописей С. У. Ремезова и И. Л. Черепанова. В несколько переработанном виде Есиповская летопись попала в хронографы (ГБЛ, собр. Румянцева, № 457; ГИМ, собр. Вострякова, № 899), общерусские летописные своды, Окладную книгу Сибири 1696—1697 гг. (Ромодановская Е. К. О летописной части Окладной книги Сибири 1696—1697 гг. — В кн.: Рукописная традиция XVI—XIX вв. на востоке России. Новосибирск, 1983).

Сказание об Абалацкой иконе Богородицы включает рассказ о явлении иконы и цикл ее чудес. Явление датируется 1636 г., когда вдове Марии из окрестностей села Абалак близ Тобольска во сне или состоянии обморока несколько раз являлась Новгородская икона Знамения Богородицы, приказывая строить в Абалаке посвященную ей церковь; вслед за решением архиепископа и собора о строительстве церкви протоиерей Матвей Маргынов по просьбе тобольского крестьянина Евфимия Коки, расслабленного, пишет для нее образ Богородицы, оказавшийся чудотворным; с выздоровления Евфимия начинаются чудеса Абалацкой иконы, насчитывающие в отдельных списках до 130 рассказов. К 1636 г. относятся только документы о явлении («роспись» допросных речей Марии — ЦГАДА, ф. 214, стб. 911, л. 530—543) и краткое неконкретное упоминание о чудесах Богородицы в пространном заглавии-предисловии Есиповской летописи («...еще же и о чудесех пресвятыя владычеца нашае Богородица и приснодевы Мария, иде же содеяшася во дни и рода наша» — Сибирские летописи, с. 106); название Абалацкой иконы появляется лишь в заглавии позднейших редакций летописи. В 1641 г. на основании документа было создано Сказание о явлении Абалацкой иконы и записаны ее первые чудеса. Ранняя редакция Сказания, возможно, принадлежащая перу Е. и опубликованная А. Юрьевским, еще близка документу по манере изложения, но уже здесь проведена книжная обработка: исключены многие конкретные сведения, добавлены предисловие и риторические отступления с оценкой событий; текстологически она близка Есиповской летописи. В дальнейшем Сказание подвергается еще большему абстрагированию и включает рассказы о чудесах, принадлежащие разным лицам. Можно выделить группу чудес середины 1640-х гг., связанных с именем священника Павла Стефанова, а также чудеса, записанные тобольским митрополитом Корнилием (1664—1677) или по его распоряжению. Сказание об Абалацкой иконе (в настоящее время известно 9 списков) было распространено в основном в Сибири, хотя иногда входило в цикл общерусских сказаний об иконах Знамения (см.: ГИМ, собр. Забелина, № 607 (506), начало XVIII в.). Позднейшие редакции Сказания не публиковались.

Соч.: Сибирская летопись Саввы Есипова. — Сибирский вестник, издаваемый Гр. Спасским, СПб., 1824, ч. 1, кн. 1, отд. История, с. 117—130; кн. 2, с. 131—146; кн. 3—4, с. 147—174 (то же: СПб., 1824); Небольсин П. И. Покорение Сибири. СПб., 1849; Юрьевский А. Редкий памятник сибирской духовной письменности первой половины XVII века. — Тобольские епархиальные ведомости, 1902, № 24, отд. неоф., с. 447—464; Сибирские летописи. СПб., 1907, с. 105—270.

Лит.: Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. — В кн.: Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955, т. 3, ч. 1, с. 17—52; Дворецкая Н. А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака. — ТОДРЛ, М.; Л., 1957, т. 13, с. 467—482; Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965, с. 91—151; Ромодановская Е. К.: 1) Русская литература в Сибири первой половины XVII в.: (История русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973; 2) Беллетристическая обработка Есиповской летописи. — В кн.: Очерки литературы и критики Сибири (XVII—XX вв.). Новосибирск, 1976, с. 5—13; 3) Летописные источники о походе Ермака. — Изв. СО АН СССР, 1981, № 11. Серия обществ. наук, вып. 3, с. 24—26; Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982, т. 1, с. 61—73.

Е. К. Ромодановская

Желябужский Иван Афанасьевич (1638—ум. после 1709) — дипломат, государственный служащий, писатель, автор оригинальных хронологических записей за 1682—1709 гг. Ж. принадлежал к старинному дворянскому роду, служившему московским князям с середины XV в. Его дед, Григорий, был дьяком, присутствовал при встречах послов; его отец, Афанасий, служил воеводой в Крапивне, был на съезде с польскими послами близ Вязьмы, в 1641 г. участвовал вторым воеводой в походе против восставших калмыков, во время которого он и умер. Основные

службы предков Ж. и его самого отмечены в родословной росписи, поданной им в родословную комиссию 23 мая 1686 г. (ЦГАДА, ф. 286, № 241, л. 143—147).

Ж. в возрасте двух лет был записан в московские дворяне (ЦГАДА, БК 4, с. 468; ср. БК 5, с. 312). В 1655 г. он — посольский пристав у царского посла Алегрета (ПДС, т. 3, стб. 525—526, 1143—1166). В 1656 г. в сане ясельничего Ж. послан гонцом к трансильванскому князю Рагоци, находящемуся в военном походе против поляков (РИБ, т. 8, с. XIV, XV. 1235—1294). В 1661 г. Ж. в качестве дорожного пристава встречает посольство Мейерберга, сопровождает его в Москве, участвует в переговорах. Художник, находившийся в составе посольства, изобразил Ж. сидящим в карете рядом со стольным приставом Я. С. Волинским напротив посланников (см.: Альбом Мейерберга: Виды и бытовые картины России XVII в. Рисунки Дрезденского альбома, воспроизведенные с подлинных в натуральную величину. СПб., 1903, № 53, л. 17; см. также: Объяснительные приложения к рисункам составлены Ф. Аделунгом, вновь просмотрены и дополнены А. М. Ловягиным. СПб., 1903, с. 44—45). В 1661—1662 гг. Ж. в звании наместника Курмышского послан в Бранденбург и Курляндию (см.: Русско-индийские отношения в XVII веке: Сборник документов. М., 1958, с. 139—141, № 65). В 1662 г. Ж. участвует в посольстве П. С. Прозоровского в Англию: он имеет секретные поручения — вести с королем Карлом II переговоры о денежных делах и собрать сведения о некоем Фридрихе Альбертусе, назвавшемся «Белорусским царевичем» (Лодыженский А. Посольство в Англию князя Прозоровского, дворянина Желябужского и дьяка Давыдова в 1662 г.: Исторический очерк по документам Московского Главного архива Министерства иностранных дел. СПб., 1880). Неизвестный художник, по-видимому итальянец, написал групповой портрет этого посольства, где Ж. изображен с посольским топориком в руке (см.: Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII век. М., 1955, с. 377; гравюра, сделанная по фотографии с этого портрета, приложена к книге А. Лодыженского.). Из Англии Ж. с дьяком Иваном Давыдовым едет в Венецию и Флоренцию (1663 г.), собирает там сведения о положении греков — подданных турецкого султана и ведет переговоры о взаимных льготах для купцов (ПДС, т. 10, стб. 671—862, 1166—1171, 1177—1178; Шаркова И. С. Россия и Италия: Торговые отношения XV—первой четверти XVIII в. Л., 1981, с. 55, 58, 64, 67). В 1665 г. Ж. встречает в Москве гетмана Брюховецкого и ведет с ним переговоры, а затем отправляется на Украину. В 1667 г. он едет вместе с Тимофеем Кузнецовым к царю Леопольду I по поводу польских дел (ПДС, т. 4, стб. 561—674). В 1668 г. едет с Ордын-Нащекиным и дьяком Гороховым на посольский съезд в Курляндию, а оттуда снова на Украину. В 1669 г. участвует в переговорах с польскими послами в Андрусово. В 1674 г. Ж. пожалован в стольники, в 1676 г. — в думные дворяне (ЦГАДА, ф. 286, № 241, л. 286—286 об.; БК 7, с. 49). В 1681 г. его снова посылают в Польшу вести переговоры о наступательном союзе против татар и турок. После смерти царя Федора Алексеевича Ж. послан к черкасскому гетману Самойловичу привести к присяге Петру украинскую старшину (1682 г.), а в 1684 г. он участвует в мирных переговорах в Андрусово (статейный список см. ГПБ, F.IV.111).

Помимо посольской службы, в ходе которой Ж. неоднократно посещал Украину и Польшу, путешествовал по Западной Европе (был в Германии, Голландии, Англии, Франции, Швейцарии, Италии), он занимал довольно видное место в царской администрации: служил воеводой в Чернигове (1671—1672 гг.), Смоленске и Казани (1678—1679, 1681 гг.). был ясельничим Конюшенного приказа (1664—1667 гг.), судьей Владимирского (1673—1674 гг.) и Поместного (1675 г., см. ЦГАДА, ф. 1209, № 35401) приказов и приказа Казанского дворца (1680 г.). В 1673 г. он занимался описанием дворцовых сел; 6 и 28 октября 1676 г. замещал

в Москве царя Федора; ездил с архимандритом Павлом в Ферапонтов монастырь к опальному патриарху Никону с объявлением о переводе его в монастырь Кирилло-Белозерский. В 1682 г. он принимает участие в отмене местничества, подписывая «Соборное деяние об отставке отеческих случаев и местничества». В 1684 г. царевна Софья пожаловала Ж. в окольные (ЦГАДА, БК 7, с. 40) и назначила воеводой в Чернигов, а 21 сентября 1686 г. он становится членом влиятельной комиссии по составлению родословной книги («Бархатная книга». Изд. Миллера. М., 1787). После падения правительства регентства (1689 г.) упоминания о Ж. резко сокращаются, что свидетельствует об отстранении его от дел.

Записки Ж., повествующие о событиях с 27 апреля 1682 г., дня смерти царя Федора Алексеевича и начала народного восстания в Москве, по 2 июля 1709 г., день Полтавской победы, являются своеобразной энциклопедией жизни Российского государства конца XVII в. В них рассказывается о восстаниях стрельцов в 1682 и 1698 гг., о прательственных заговорах и казнях И. Хованского, Сильвестра Медведева, Ф. Шаковитого, И. Цыклера, о заключении Вечного мира, о Крымских и Азовских походах, о ходе Северной войны. Как представитель наиболее тесно связанного с государственным управлением слоя московского дворянства, Ж. был весьма осведомлен во всех этих вопросах и писал по горячим следам. Большое внимание уделял он службам членов близких ему дворянских фамилий, отмечая наиболее важные их назначения и успехи, не упуская случая сообщить и о проступках. В Записках «длинной вереницей проходят бояре, дворяне, дьяки думные и простые, судившиеся, пытаные и разнообразно наказанные разжалованием, кнутом, батогами, ссылкой, конфискацией, лишением жизни за разные преступления и проступки, за брань во дворце, за „неистовые слова“ про государей, за женоубийство, оскорбление девичьей чести, за подделку документов, за кражу казенных золотых» (Ключевский В. Курс русской истории. М., 1937, ч. 4, с. 16). Резко отрицательно относясь к событиям восстания 1682 г., Ж. заканчивает их изложение примечанием: «И в Московском государстве время было лихое, и шатание великое, и в людях смута». В то же время он очень осторожен; так, о смещении Софьи и о заточении ее в монастырь в Записках не упоминается вовсе. Записки Ж. отражают отношение высшего дворянства к широкому кругу общественно-политических явлений предпетровского и петровского времени. Идея государственной службы была основой мировоззрения Ж. и определяла как отбор, так и характер изложения событий. Даже остро переживавшееся автором сокрушение традиционной морали все более безудержным разгулом петровских «цотех», массовыми убийствами, которым в Записках уделяется немало места, никак не сказалось на описании внешне- и внутривполитической «службы», рассматривающейся безотносительно к личности и качествам монарха. Ж., как представитель «среднего» управленческого звена, не пытался анализировать или обсуждать описываемое, безоговорочно принимая взгляды и оценки, изложенные в официальных документах.

Несмотря на то что Ж. по каким-то причинам не смог войти в число петровских служащих, он выступает в своих Записках как человек петровского времени. Знакомство с западноевропейским миром и психология государственного служащего помогли ему принять нововведения конца XVII—начала XVIII в. Ж. останавливает внимание читателя на реформах армии, суда, административного управления, на введении нового календаря, гербовой бумаги, на указах о французском и венгерском платье, на проведении лотереи и проч. Следует отметить интерес Ж. ко всему занимательному, составившему своеобразную «кунсткамеру» его Записок. Это и упоминание о присланных в 1691 г. в подарок персидским шахом «льва со львицею живых», и рассказ о мужике, пытавшемся летать на «слудяных крыльях, приводившихся в движение мехами, и краткие опи-

сания торжественных шествий, триумфальных ворот, фейерверков, кощунственных свадеб царских шутов, а также заметки о необыкновенных явлениях природы — буре, комете, солнечном затмении.

Жанр Записок можно определить как публицистику, использующую летописную форму в сочетании с формой и стилем деловых документов. В традициях жанра кратких повременных летописных записей Записки насыщены документальными цитатами — из государевых указов, объявительных грамот, реляций, сводок, специально пускавших правительством в оборот. Деловое изложение сменяется у Ж. эмоциональным повествованием крайне редко; так, при описании эпизодов Северной войны он иногда переходит к высокому стилю воинских повестей: «чтобы им (русским) против неприятелей его государевых стоять храбро и мужественно и друг за друга пить смертную чашу»; или: Шлиппенбах велел шведам «государевы полки рубить до жадныя души, ни едина человека жива не отпускать и в полон не брать». Часто Ж. делает выписки из курантов со ссылками на них. Да и сама форма курантов оказала определенное влияние на его сочинение. Произведение, стоящее на грани деловой письменности и литературы, Записки, с одной стороны, похожи на погодные летописные записи, с другой — на политические известия курантов. Формально они анонимны (как это принято в статейных списках, автор упоминает о себе в третьем лице), по существу же — это мемуары, в которых современник изобразил петровскую эпоху в ее противоречии и многообразии. Автор — представитель служилой интеллигенции, чьи профессиональные навыки были использованы им в писательском труде: Записки написаны кратким и точным приказным языком, отшлифованным Ж. за многие десятилетия составления статейных списков, докладных выписок и отчетов.

Записки Ж. издавались в XVIII и XIX вв. трижды по рукописям XVIII в., но без указаний на источники. Первое издание предпринято в 1787 г. Ф. О. Туманским, в рукописи которого были перепутаны листы. Лучшим остается второе издание — Д. И. Языкова (1840 г.) по другому списку, со сверкой по изданию Туманского. Оно снабжено подробным историческим комментарием и указателем. Наконец, в 1841 г. Записки издал Н. Сахаров с примечаниями, указателем, кратким пересказом содержания и предисловием с некоторыми биографическими сведениями о Ж. К сожалению, текст в издании Сахарова имеет неоправданные исправления и повновения. Несмотря на давнюю известность Записок Ж., они фундаментально не исследованы, рукописная традиция произведения не выявлена.

Соч.: Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях Петра Великого / Изд. Туманским. СПб., 1787, ч. 7; Записки Желябужского с 1632 по 2 июля 1709 / Изд. с замечаниями и объяснениями Д. И. Языковым. СПб., 1840 (2-е изд.: Русский архив, 1910, № 9, с. 5—154); Записки Ивана Афанасьевича Желябужского. — В кн.: Записки русских людей: События времен Петра Великого / Изд. Н. Сахарова. СПб., 1841.

Лит.: Пекарский П. Русские мемуары XVIII в. — Современник, 1855, т. 51, кн. 3 (май—июнь), с. 50—57; Русская родословная книга. СПб., 1873, с. 157; Брикнер А. Русские дипломаты-туристы в Италии в XVII столетии. — РВ, 1877, т. 128, кн. 2, № 3, с. 28—30; Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886, т. 1, с. 263; Русский быт по воспоминаниям современников: XVII век. М., 1914, ч. 1, с. I—VIII, 3—270; РБС, «Жабокритский—Зяловский». Пг., 1916, с. 25—26; Богословский М. М. Русское общество и наука при Петре Великом: Речь ... читана в торжественном годовом собрании АН СССР 2 февраля 1926 г. (отд. отд. из «Отчета о деятельности АН СССР за 1926 г.»); Будовниц. Словарь, с. 72; Успенский Б. А. *Historia sub specie semioticae*. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции. М., 1976, с. 286—292.

Иван Филиппов (1661—1744) — третий после *Андрея и Семена Денисовых* настоятель Выго-Лексинского старообрядческого общежительства и его историк. Е. В. Барсов, обладавший Житием И. и сказанием об И., местонахождение которых теперь неизвестно, сообщил в своей статье, что И. был родом из Шуйского погоста, расположенного вблизи г. Олонца, что первые 30 лет своей жизни он прожил вне старообрядчества, имел жену и детей, что в старообрядчество он перешел под влиянием выговского уставщика *Петра Прокопьева*, который вместе с иноком Павлом совершил над И. обряд перекрещивания, что после этого И. вместе с семьей, которую он также обратил в старую веру, жил некоторое время в скиту близ Выговского общежительства и затем переселился в самое общежительство вместе с женой и дочерью. Судя по тому, что перекрещивание И. совершал Петр Прокопьев, умерший в 1719 г., обращение И. к старообрядчеству произошло до 1719 г. При жизни братьев Денисовых И. исправлял должность выговского стряпчего в г. Олонце; он принадлежал к правительственной верхушке монастыря и ставил свою подпись на соборных постановлениях общежительской братии (см.: Дружинин В. Г. Несколько автографов писателей старообрядцев. СПб., 1915, с. 10).

Настоятелем Выговского общежительства И. был назначен умирающим Семеном Денисовым после того, как отпали кандидатуры Никифора Семенова, находившегося тогда в отлучке, и *Даниила Матвеева* и *Трифона Петрова* (очевидно, убоявшихся принять управление монастырем в сложной обстановке правительственного следствия, ведшегося в те годы на Выгу). Четырехлетнее правление И. в монастыре (1740—1744 гг.) происходило во время антистарообрядческого правительственного следствия, учиненного в общежительстве комиссией Квашнина-Самарина и начавшегося еще при жизни Семена Денисова в 1739 г. После отъезда Квашнина-Самарина наезды в монастырь разных духовных лиц не прекращались до самой смерти И. Последний был нерешительным настоятелем, что отчасти объясняется его преклонным возрастом. Он никогда не именовал себя настоятелем, а только «выборным». Став во главе общежительства, И. продолжал писать главный свой труд — *Историю Выговской пустыни* («История о зачале Выговския пустыни, како зачаса, и в коих летех, и от каковых жителей населися, и в ней о начале двою обителей и различных скитов»), работа над которой была прервана смертью.

В рукописной традиции существует два варианта *Истории* — пространный и сокращенный. В сокращенном отсутствует 18 начальных глав (он начинается с главы «О зачале всей Выговской пустыни, о общежительствах и скитах, по благословению от коих отец зачаса», являющейся 19-й главой пространного варианта). Н. Ф. Нильским было высказано мнение, поддержанное впоследствии В. Г. Дружининым (см.: Нильский Н. Ф. Заметки. . .; Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1914, с. 3), что 18 начальных глав пространного варианта *Истории* не принадлежат И.; Н. Ф. Нильский считал их самостоятельным произведением, которое приписывал, ничем не аргументируя, только «по витиеватому до напыщенности слогу», Семену Денисову. Действительно, содержание первой начальной главы (названной «О стоянии благочестивыя христианския веры в Российской земли») в большей своей части заимствовано из Винограда Российского Семена Денисова. Но компилятивный метод был свойствен И. Это видно из текста другой главы *Истории*, начинающей сокращенный ее вариант. Здесь И. воспользовался текстом надгробного Слова Андрея Денисова, посвященного Петру Прокопьеву, заимствовав из него панегирик основателям Выговского общежительства. Поэтому и заимствования из сочинения Семена Денисова в главе «О стоянии благочестивыя христианския веры в Российской земли» не опровергают авторства И. по отношению

к первоначальным главам пространного варианта Истории. Отстаивая свое мнение, В. Г. Дружинин и Н. Ф. Нильский ссылались на то, что пространный вариант был известен им как менее распространенный; В. Г. Дружинин, например, привел в своем справочнике только один список пространного и три списка сокращенного вариантов. Сейчас к одному списку пространного варианта, известного Дружинину, есть возможность добавить следующие: ГБЛ, собр. Егорова, № 1047, 1704, 1383, 1760, 1235; собр. Ундольского, № 1130; БАН, собр. Строганова, № 47, не считая тех двух списков, по одному из которых было сделано издание Д. Е. Кожанчикова, а по другому — старообрядческое издание 1913 г. Два варианта Истории, очевидно, ведут свое начало от сокращений, сделанных на Выгу еще в 40-е гг. XVIII в. Бывший выговец, обратившийся впоследствии к официальной церкви, *Григорий Яковлев*, в своем доносе Синоду называл «летописец саморучный Ивана Филиппова... и другой с того писанный по кратке кононом Евтиховым» (см.: Бывшего беспоповца Григория Яковлева Извещение праведное о расколе беспоповщины / Изд. Н. Субботиним. М., 1888, с. 87). Под влиянием одной из глав Истории — «О отце старце Филиппе, с прочими за благочестие скончавшимися огнем от создания мира 7151 году, во октябре месяце» — возникло самостоятельное сочинение — «Известие о Филиппе старце, от которого и согласие Филиппово именуется» (второе название — «Повесть о отце и старце Филиппе»).

Отдельные главы Истории существуют самостоятельно в рукописной традиции; до сих пор не выяснен вопрос, были ли они написаны как отдельные произведения, а потом включены в Историю, или, наоборот, отделились впоследствии от Истории. Такова Повесть о самосожжении в Мезенском уезде в 1743—1744 гг., рассказывающая о «гари» в Великопоженском скиту под предводительством Ивана Акиндинова. Такова история о Поморских ответах («История краткая о ответах сих. Чего ради и како ответи сии и разглагольство о сих. И когда, и где, и с ким сия содеяшася и по каким указом»). В. И. Малышев обнаружил Повесть о самосожжении в Мезенском уезде в усть-цилемском сборнике и атрибутировал ее И. (см. его книгу). Впоследствии Н. С. Демкова и Л. В. Ярошенко обнаружили такой список Истории Выговской пустыни, куда эта Повесть была включена (Демкова Н. С., Ярошенко Л. В. Малоизвестное старообрядческое сочинение..., с. 180). История о Поморских ответах, которая также самостоятельно обращается в рукописной традиции, снабженная особым вступлением, или предваряет полные списки Поморских ответов (см.: Поморские ответы, изд. Старообрядческого братства креста господня. М., 1911, с. IV—XV), представляет собой отрывок из Истории Выговской пустыни.

Кроме сочинений, тяготеющих к Истории Выговской пустыни, И. является автором торжественных слов: Слова об Андрее Денисове (на текст «Сего ради аз плачу и очи мои излиста воду, яко удалися от мене утешая мя») и Слова, посвященного наставникам Выговской пустыни (ИРЛИ, Древлекранилище, колл. Перетца, № 474, л. 150—264). Он был также одним из редакторов Кирилло-Епифаниевского житийного цикла, созданного на Выгу около 1733 г. И торжественные слова и жития проникнуты духом риторичности, излюбленным в выговской литературной школе. Подобный же стиль свойствен и отдельным главам Истории Выговской пустыни, но все же в большинстве своем История написана в ином стиле, гораздо менее украшенном и более повествовательном. В. И. Малышев атрибутировал И. Исповедь, приписывавшуюся ранее Ивану Акиндинову. Исповедь написана 3 декабря 1744 г., за день до смерти И.

Соч.: История Выговской старообрядческой пустыни / Изд. по рукописи Ивана Филиппова. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1862; История о зачале Выговской пустыни и о стоянии благочестивых христианские веры в Российской земле Ивана

Филиппова. Саратов, 1913; Малышев В. И. 1) Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, с. 167—195; 2) The Confession of Jvan Filippov, 1744. — Oxford Slavonic Papers, 1964, vol. XI, p. 17—27.

Лит.: Нильский Н. Ф. Заметки по поводу изданных Д. Е. Кожанчиковым сочинений о расколе. — ХЧ, 1862, II, июль, с. 94—99; Барсов Е. В. Иван Филиппов: Выговский историк и настоятель. — В кн.: Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 г. Петрозаводск, 1867, с. 54—100; Малышев В. И. Кто был автором «Исповеди», приписываемой Ивану Акиндинову. — РЛ, 1960, № 3, с. 192—194; Демкова Н. С., Ярошенко Л. В. Малоизвестное старообрядческое сочинение середины XVIII в. «История пострадавших отец Филиппа и Терентия». — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972, с. 174—184; Понырко Н. В. Кирилло-Евфимиевский житийный цикл и житийная традиция в Выговской старообрядческой литературе. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 29, с. 154—169; Дружинин Писания старообрядцев, с. 260—262, 323—324.

Н. В. Понырко

Игнатий Зайцев (XVI в.) — монах Иосифо-Волоколамского монастыря, автор краткого летописца. Как владелец рукописей он упомянут в описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 г. (Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 г. — ЧОИДР, 1847, кн. 7, с. 9). Известны три принадлежащие ему рукописи: ГИМ, собр. Епархиальное, № 264 и 271; ГБЛ, собр. Волоколамское, № 362. На последней имеется запись: «Часовник инока Игнатия Заецева, его рука». В эту рукопись И. включил летописные записи общерусского характера с 1486 по 1547 г., заимствовав их из рукописи Волоколамского собр., № 416, затем продолжил их самостоятельно, уделив большое внимание взятию Казани и местным волоколамским событиям (Дмитриева Р. П. Волоколамские четыре сборники XVI в. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 221, 222, 226).

Соч.: Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. — ИА, М.; Л., 1950, т. 5, с. 14—22.

Р. П. Дмитриева

Иоаким, епископ новгородский (ум. 1030) — предполагаемый составитель летописи. И. упоминается в *Новгородской первой летописи* младшего извода в статье 989 г., в рассказе о крещении новгородцев, и именуется там «архиепископом Акимом Корсунянином». В *Новгородской второй летописи* говорится, что Владимир, крестившись, привел на Русь в Киев митрополита Леона, а в Новгород — И. В Новгороде И. «требища разори и Перуна посече и повеле вращи в Волхов» (ПСРЛ, М., 1965, т. 30, с. 169). В той же летописи в статье 988 г. это же сообщение приводится в иной редакции: «И приде Новугороду епископ Иакимъ и бе в епископъ (так!) лет 42. И бе в него место ученик его Ефрем, и благословен быть и епископ Иакимом, иже ны учити...» (там же, с. 196). Сведения о И. и его ученике Ефреме содержатся в летописи *Софийской первой* и других летописях, а также в перечнях новгородских епископов, которые сопровождают текст новгородских летописей.

С именем И. долгое время связывалось составление летописи, которая была обнаружена и описана В. Н. Татищевым. Историк сообщил, что он получил от свойственника своего Мелхиседека Борцова, архимандрита Бизюкова монастыря, три тетради с копией фрагмента из древнего, как полагал Татищев, летописного свода («письмо новое, но худое, склад старой, смешанной с новым»). В этом тексте повествовалось о древнейшей истории Руси, кончая описанием событий крещения Новгорода. Внимание историка привлекло отличие от «Нестора» (рассказ о генеалогии древнейших русских князей, о новгородском старейшине Гостомысле, иные версии о происхождении Рюрика, Олега, Ольги и т. д.). Татищев приводит слова, читавшиеся, видимо, в источнике: «О князьях русских старобытных Нестор монах не добре сведом бе, что ся деяло у нас славян во Новеграде, а святитель Иоаким добре сведомый, написа», но тем не менее счел необходимым отметить, что в цитируемую им летопись «ничто баснословное по тогдашнему обычаю внесено». В дальнейшем,

излагая историю Руси в целом «по Нестору», Татищев неоднократно ссылается на Иоакимовскую летопись, признавая иногда, что сведения ее «полнее», «порядочнее», и уточняя данные Нестора «по сказанию Иоакимову».

Со времени Татищева пили споры о достоверности Иоакимовской летописи. Основания, по которым она не представлялась заслуживающей доверия, были сформулированы еще в 1789 г. М. М. Щербатовым. Он указывал на странные обстоятельства ее обнаружения, на то, что перед нами копия, а не древний текст, на отсутствие свидетельств об И.-летописце, на расхождение Иоакимовской летописи с Нестором. Возражая ему, И. Н. Болтин, напротив, указывал, что разночтения в летописях обычны, а некоторые известия в Иоакимовской (о родстве Рюрика с Гостомыслом, о происхождении Ольги) представлялись ему «более сходными с обстоятельствами». Н. М. Карамзин в разделе «Об источниках российской истории до XVII в.» первого тома «Истории государства Российского» (СПб., 1816, с. XXX—XXXI), изложив сведения Татищева об Иоакимовской летописи, заключил: «Сию шутку многие приняли за истину и начали с важностью говорить о летописце Иоакиме». Карамзин привел соображения, по которым Иоакимовская летопись не заслуживает доверия, и в дальнейшем сопровождал имя И., при упоминании сведений из его летописи, эпитетом «мнимый». С. М. Соловьев решительно высказался против обвинения Татищева в составлении этой летописи, а П. А. Лавровский в обстоятельном ее исследовании даже попытался доказать, что отдельные сведения второй части Иоакимовской летописи (после призвания Рюрика) заслуживают доверия. Исследователь допускал, что написание летописи епископом И. спорно, но считал, что составитель ее был современником описываемых событий, и относил его к «необильному числу просвещенных писателей древности» (Лавровский и П. А. Исследование о летописи Якимовской, с. 83). Е. Е. Голубинский и И. Линниченко, напротив, доказывали полную недостоверность уникальных известий Иоакимовской летописи, причем первый считал ее составителем самого Татищева, Линниченко же, как и большинство последующих ученых, видит в ней не «шутку» Татищева, а один из вариантов широко распространенных в XVII—XVIII вв. исторических легенд (ср. публикации сходных текстов в кн.: Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи (по 969 год). Приложения. М., 1878, с. 15—23).

Об атрибуции текста И. высказывались различные догадки. В. И. Григорович допускал, что летопись, полученная Татищевым из Бизюкова монастыря (до 1803 г. находившегося в Смоленской губернии), могла быть составлена архимандритом этого монастыря Иоакимом, проживавшим в нем около 1730 г. С. К. Шамбинаго, сопоставив Иоакимовскую летопись с поздними летописцами, отдельные из которых читаются, по его наблюдениям, перед текстом *Новгородской третьей летописи*, допускал, что «повесть о старобытных князьях» (т. е. летописец, подобный Иоакимовской летописи) служила началом этой летописи, составленной по инициативе новгородского митрополита, а с 1673 г. — патриарха всея Руси *Иоакима* (1621—1690). Отмечалось, что Комиссионный список Новгородской первой летописи имеет позднее киноарное надписание: «Летопись Акима епископа новгородскаго». С. Н. Азбелев показал, что предполагаемая С. К. Шамбинаго связь легендарных сказаний о начале Руси с Новгородской третьей летописью фактически отсутствует. Возможно, что указание на епископа И. как летописца принадлежит лишь ограниченному кругу текстов — поздних легендарно-исторических компиляций, в числе которых был и текст, ставший известным В. И. Татищеву.

Изд.: Татищев В. И. История российская. М.; Л., 1962, т. 1, с. 107—119.

Лит.: Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. СПб., 1789, с. 13—20; Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, к одному его приятелю, в оправдание на некоторые сокрытые

и явные охуления, учиненные его истории от господина генерал-майора Болтина... М., 1789, с. 11—27; Соловьев С. М. Писатели русской истории XVIII в. — Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Капачовым. М., 1855, кн. 2, половина 1-я, отд. III, с. 23—25; Лавровский П. А. Исследование о летописи Якимовской. — Учен. зап. Второго отд-ния *ИМП.* Акад. наук, СПб., 1856, кн. 2, вып. 1, с. 77—160 (отд. отт.: СПб., 1855); Григорович В. И. [Сообщение]. — В кн.: Труды 3-го археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Киев, 1878, т. 1, с. XIV—XV; Голубинский Е. Е. О так называемой Иоакимовской летописи Татищева. — В кн.: Творения св. отцов в русском переводе. М., 1881, кн. 4. Прибавления к изданию Творений, с. 602—640; Линниченко И. Краледворская рукопись и Иоакимовская летопись. — *ЖМНП*, 1883, октябрь, отд. 2, с. 246—258; Никольский. Повременный список, с. 71—74; Шамбинаго С. К. Иоакимовская летопись. — *ИЗ*, [М.; Л.], 1947, № 21, с. 254—270; Азбелов С. Н. Новгородская третья летопись: (Время и обстоятельства возникновения). — *ТОДРЛ*, М.; Л., 1956, т. 12, с. 238—239, 242—248.

О. В. Творогов

Капустин Степан (Стефан; в иноках Сильвестр) (XVI в.) — писец, автор краткого летописца. В середине XVI в. был дьяком в Иосифо-Волоколамском монастыре (Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977, с. 169). Запись «Духовная Иосифова в полдесть, письмо Селивестрово», помещенная в описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г., видимо относится к К. (Георгиевский В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, Приложение, с. 16). Как владелец книг он упомянут в описи книг 1573 г. (ЧОИДР, 1847, кн. 7, с. 10). Сохранились две рукописи (ГИМ, Епархиальное собр., № 144 и ГБЛ, Волоколамское собр., № 387) с пометами о принадлежности их К. В рукописи собр. Волоколамское, № 387 (второй половины XVI в.) на л. 522—524 помещен «Летописец вкратце», охватывающий события за 1492—1542 гг., с поздней припиской о том, что в 1562 г. приходил на Москву крымский хан; в летописец включены и местные монастырские известия (Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. — *ТОДРЛ*, Л., 1974, т. 28, с. 225).

Р. П. Дмитриева

Карион Истомир (1640-е—не ранее IX 1717 или 1722) — справщик Печатного двора, педагог, поэт, переводчик, автор проповедей, догматических, исторических, учебно-педагогических трудов. Его жизнь и литературная деятельность наиболее подробно рассмотрены в специальном труде С. Н. Браиловского «Один из пестрых XVII столетия». Поправки, уточнения и дополнения сделаны в статье Р. К. Агарковой. Спорные вопросы биографии и атрибуции сочинений К. объясняются тем, что среди писателей конца XVII—начала XVIII в. не он один носил имя Карион. Как доказывает Агаркова, с К. неправомерно соединяется фамилия Зауломатки, которая принадлежит другому Кариону — автору «Малой грамматики», трактата «Имя новое» и стихотворения «Панегирис, или Похвала».

К. (мирское имя его неизвестно) происходил, по предположению Браиловского, из семьи подьячего. Уроженец Курска, он был земляком *Сильвестра Медведова* и приходился ему свойственником. По-видимому, в родном городе он получил начальное образование. Сам К. писал: «В не же (отечестве, — Л. С.) родихся и воспитаня и малочастне падающая крупиды учения приях» (ЦГАДА, фонд МГАМИД, ф. 181, № 257, л. 7 об.). Из Курска он направился в Путивльскую Молчинскую пустынь в то время, когда там находился Сильвестр Медведов (1672—1675), и не без влияния последнего принял там же монашество. Из материалов, разысканных Агарковой, явствует, что К., будучи диаконом Молчинского пустынского монастыря, прибыл первый раз в Москву в 1676 г. и оказался среди лиц, близко стоявших к патриарху *Иоакиму*. Он получал

деньги «в помяновение» умерших в 1675 г. *Павла*, митрополита сарского и подонского, и *Епифания Славинецкого* (ГИМ, Синодальное собр., № 424, л. 459 об., 487), сотрудничал с учеником и душеприказчиком Епифания — *Евфимием Чудовским*. Не исключено, что уже в этот приезд К. познакомился с *Симеоном Полоцким*.

Обстоятельства и дата переезда К. в Москву на жительство неизвестны. Браиловский полагает, что и в данном случае он последовал примеру С. Медведева. С 27 июня 1679 г. началась его служба на Печатном дворе в качестве книжного писца, а 25 октября 1680 г. К. был переведен в книжные тещы. В 1681 г. он стал иеродиаконном Чудова монастыря. По Браиловскому, в 1680—1681 гг. К. совмещал службу на Печатном дворе с преподаванием греческого языка в типографской школе. Агаркова доказывает, что в 1680—1682 гг. он сам обучался греческому языку. Ему выплачивались, по указу патриарха, деньги из казны «для научения греческого языка и для ево скудости... не во образец» другим служащим Печатного двора. К. брал уроки у учителя Типографской школы иеромонаха *Тимофея* (прибыл в Москву в 1679 г. и с 1680 г. получал кормовое жалование). Мнение о том, что К. учился греческому языку в академии братьев *Лихудов*, впервые высказанное Евгением Болховитиновым без ссылки на источник, не подтверждается документальными свидетельствами. Только по окончании «греческого учения» К. получил повышение по службе: 4 марта 1682 г. был назначен на должность справщика с окладом сначала 40, а вскоре 60 рублей.

Благодаря несомненному литературному дарованию и трудолюбию К. обратил на себя внимание патриарха Иоакима. Начиная с 1679 г. он писал для него проповеди, составлял от его лица грамоты и письма, вел переписку с восточными патриархами. По поручению Иоакима занимался расследованием дела о «возгордившемся» смоленском владыке Симеоне (1685 г.). К. оставался личным секретарем и у преемника Иоакима — патриарха *Адриана* (см., например, списки с документов, грамоты и дела патриарха Адриана в рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 181). Близость к нему и другим иерархам православной церкви обеспечили К. дальнейшие успехи в карьере: 4 марта 1698 г. он получил высокую должность начальника («смотрителя») Печатного двора. Его сослуживцами по Печатному двору были литераторы С. Медведев, *Мардарий Хоников*, Федор Поликарпов. Наиболее тесные личные и рабочие отношения связывали К. с С. Медведевым. Из найденного Агарковой документа (от 1685 г.) следует, что К. был учителем в Законоспасской школе С. Медведева и преподавал в ней грамматику (ЦГАДА, Патриарший казенный приказ, ф. 235, оп. 2, № 115, л. 262 об.). В догматическом сочинении «Катехизис» (известен фрагментарно в списке без названия — ГИМ, Чудовское собр., № 301, л. 308—343) установлена зависимость от трактата С. Медведева «Манна хлеба животного»: по вопросу о времени пресуществления даров К. высказывал мнение латинствующих. Результатом литературного сотрудничества двух писателей явились записки о стрелецком бунте — «Созерцание краткое» (впервые опубликовано как сочинение С. Медведева в кн.: *Туманский Ф. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого*. СПб., 1787, ч. 6, с. 54—84). Разлад в дружественных отношениях обнаружился в 1689 г., когда С. Медведев был арестован по делу о Федоре Шакловитом. Чтобы снять с себя подозрение в причастности к этому делу, К. принял участие в составлении извета на С. Медведева. В итоге он не только не был отстранен от службы на Печатном дворе, как принято считать, но получил от патриарха Иоакима особое поручение, связанное с подготовкой к изданию месяцев *Миней* полного цикла, что выглядело как повышение по службе (указ от 12 декабря 1689 г., см.: ЦГАДА, Приказ книгопечатного дела, ф. 1182, № 100, л. без пометы). Людей типа К., не приверженных к какой-

либо одной партии, писатель XVII в. иеродиакон *Дамаскин* назвал «пестрыми».

В самом начале 80-х гг. К. получил доступ к царскому двору, чему способствовала, по вероятному предположению Браиловского, поддержка С. Медведева. 28 июля 1683 г. он поднес царевне *Софье Алексеевне* стихотворный панегирик «Книга желателно приветство мудрости, о святей мудрости, яже избавляет и спасает от трудности вся люди, держащаяся ея и восклоняющаяся на ню» (список с подписью автора — БАН, П. I А8 (старый шифр — 17.6.13), опубликован: Браиловский С. Н. К вопросу о литературной деятельности русских писателей XVII столетия, с. 14—36; другая редакция от 12 ноября 1682 г. издана им же по автографу — Чудовское собр., № 301, л. 3—12). Своим пером и услужливостью К. старался снискать расположение у всех членов царского семейства: посвящал им произведения, подносил приветствия, поздравления, «и иные мелкия писма писашася комуждо по потребе их величества» (Чудовское собр., № 300, л. 326). Он сочинил множество стихов «на случай», откликаясь на разные события в жизни царской фамилии. Из них образуется как бы светская стихотворная хроника. В июле 1682 г. написал приветствие по случаю венчания на царство Иоанна и Петра Алексеевичей — «Изъявление краткое меростихосложно на венчание царскими венцы» (черновик — Чудовское собр., № 302, л. 51 об.); в 1689 г. — поэму на бракосочетание Петра I с Евдокией Федоровной Лопухиной «Книга любви знак в честен брак» (подносной экземпляр — ГИМ, собр. Уварова, № 908; позднейший список — ЦГАДА, ф. Оболенских, ф. 201, № 30). Тогда же он откликнулся на второй Крымский поход В. В. Голицына — «Стихи на изъявление Крымского похода вкратце» (черновик — Чудовское собр., № 302, л. 143—144; беловой — собр. Уварова, № 73, л. 105—107). Стихами К. приветствовал рождение царевича Алексея Петровича (Чудовское собр., № 302, л. 71—72; № 290, л. 123—129; собр. Уварова, № 73, л. 110 об.—111 об.) и 20-летие Петра I (в 1692 г., черновик — Чудовское собр., № 302, л. 160 об.—161). Наталье Кирилловне Нарышкиной, матери Петра I, поднес в 1688 г. в день ее именин «Житие вкратце стихотворною мерою святых мученик Адриана и супружницы его Наталии» (черновик — Чудовское собр., № 302, л. 137 об.—139; беловик — собр. Уварова, № 73, л. 123—127). Ей же и царице Прасковье Федоровне (жене, затем вдове царя Иоанна Алексеевича) посвятил целый ряд произведений по случаю семейных и церковных праздников. В 1690-е гг. К. особенно добивался благосклонности Натальи Кирилловны с тем, чтобы стать воспитателем ее царственного внука. В 1692 г. поднес ей «Букварь славенороссийских писмен со образованми вещей и со правоучительными стихами», писанный золотом и красками (в ГИМ имеются три списка «Букваря»: черновой — Чудовское собр., № 302, л. 1—16; беловой список с посвящением Н. К. Нарышкиной, март 1692 г. — собр. Уварова, № 73, л. 1—26; парадный экземпляр, поднесенный в октябре 1693 г. царице Прасковье Федоровне, вероятно, для трех ее дочерей, — собр. Уварова, № 92; кроме того, подносной рукописный экземпляр «Букваря» хранится в Музеях Кремля, по описи 9463, инв. № 13126 библиотеки гос. Оружейной палаты; рукописные экземпляры описал И. М. Тарабрин: Лицевой букварь Кириона Истомина. — В кн.: Древности. М., 1916, т. 25, с. 249—330). Для юного царевича К. предназначал книги стихов «Рай умный» (1693), «Едем» (1693), «Екклесия» (1693), «Полис» (1694), печатный «Букварь» 1696 г. и другие сочинения. К. не был назначен наставником Алексея Петровича, но обучал, по-видимому, его версификации: неравносложными виршами написаны письма Петру I от имени сына (Чудовское собр., № 300, л. 439 об.; приводится в кн.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура, с. 138—139; см. также: Чудовское собр., № 301, л. 257).

Как человек близкий ко двору и двум патриархам, К. приобрел чрезвычайно широкий круг знакомств в среде светской и духовной аристо-

кратии, столичной и провинциальной, что нашло отражение в его большом эпистолярном наследии (см.: Чудовское собр., № 300, 301, 302). Он состоял в переписке и был очень дружен с *Дмитрием Ростовским*, был знаком с *Симоном Ушаковым* и со *Стефаном Яворским*.

Со смертью патриарха Адриана К. лишился высокого положения. 15 марта 1701 г. должность начальника Печатного двора перешла по указу Петра I к Федору Поликарпову, и К. оставил службу. Заметно снизилась и его литературная активность. В 1712 г. он временно уехал в Новгород, куда его пригласил новгородский митрополит *Иов* для перевода книг с греческого и латинского языков и для преподавания (вместе с братьями Лихудами) в школе, устроенной митрополитом. Последнее, подписанное именем К. сочинение — «Слово об иконах Оковецких» — создано уже в Чудовом монастыре в сентябре 1717 г. Поэтому Браиловский полагает, что К. умер не ранее обозначенного срока. Архимандрит Леонид называет датой смерти К. 26 января 1722 г. (Азбучный указатель имен русских деятелей для составления «Биографического словаря», ч. 1 (А—Л). СПб., 1887, с. 380 (Сб. РИО, т. 60)).

Литературное наследие К. обширно и в значительной своей части дошло в составе личного архива писателя — случай едва ли не исключительный в истории русской литературы XVII в. В сборниках автографов ГИМ, Чудовское собр., № 300, 301, 302, отложились черновики, наброски сочинений, писем, заметки, записи дневникового характера, регистрирующие факты собственной жизни писателя и ближайшего окружения. Полистное описание состава чудовских сборников К. с публикацией отдельных произведений из них выполнено в книге Браиловского (см. также: Протасьева Т. Н. Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980, с. 165—168, 173—174). Кроме того, сочинения К. известны в беловых авторских и писарских, подписанных самим К. списках: БАН, П. I А8; Владимиро-Суздальский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник (Владимирское отделение), В-5636; ГИМ, собр. Уварова, № 36, 73, 92, 181, 908; Чудовское собр., № 290; ГПБ, Софийское собр., № 1369; ЦГАДА, фонд МГАМИД, ф. 181, № 257; собр. Мазурина, ф. 196, оп. 1, № 645. Еще при жизни писателя его произведения распространялись в списках: БАН, Архангельское собр., С 178; Владимиро-Суздальский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, В-5715; ГБЛ, собр. Тихонравова, ф. 299, № 487, 634; ГИМ, Чудовское собр., № 290, 291; Синодальное собр., № 291; собр. Уварова, № 546; ГПБ, F. I. 905; и др. К. имел обыкновение подписывать свои сочинения, вводя в формулу подписи указание на свое служебное положение как духовное («иеромонах»), так и светское («приказный справщик», «в типографии справщик» или «смотритель царственных типографии» и другие подобные варианты). В бытовании сочинений К. в рукописной традиции обращает на себя внимание следующая черта: его стихи объединялись переписчиками под одним переплетом вместе со стихотворениями Симеона Полоцкого. Это явление объясняется, по-видимому, все более укрепляющимся жанровым осознанием поэзии как особого рода литературного творчества (см., например, сборник № В-5715 из Владимирского музея). Включение произведений К. наряду со стихами Симеона Полоцкого в рукописные литературные сборники оправдано также стремлением их составителей и редакторов к идейно-тематическому единству. Так, в Синодике патриарха Адриана (ГИМ, Синодальное собр., № 291) помещена эпитафия К. Адриану вместе со стихотворениями Симеона на тему о смерти, извлеченными из «Вертограда многоцветного».

К. был одним из первых московских просветителей. В его творчестве нашли отражение широкие историко-культурные проблемы времени. В стихотворном цикле, поднесенном царевне Софье в 1683 г., он прославлял, обыгрывая греческое значение ее имени, «мудрость», говорил

о великой ее пользе и значении в жизни людей, просил царевну заботиться о распространении наук в России и учредить высшую школу. «Мудрости» К. наставлял и 11-летнего Петра I в стихах «Книга Вразумление умнаго зрениа и телеснаго делания в божией мудрости» (фрагментарно опубликовано Браиловским по списку Чудовского собр., № 301, л. 174—178 об.; другая редакция «Вразумления» — там же, № 302, л. 45 об.—47 об.; см. также: ГПБ, Ф. I. 905, л. 1—22). В историю русского просвещения К. вошел как автор букварей и учебно-педагогических сочинений «Полис» (1694) и «Домострой» (1696). Упомянутый рукописный «Букварь» 1692 г. послужил основой для цельногравированного издания 1694 г. — «Букварь славенороссийских писмен уставных и скорописных, греческих же латинских и полских со образованиями вещей и со нравоучительными стихами». Оно было выполнено известным гравером Оружейной палаты и Печатного двора Леонтием Буниним. По наблюдениям Тарабрина, тексты стихов взяты из рукописного «Букваря» 1692 г. в рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 73. «Букварь» 1694 г. представляет собой выдающееся явление для культуры своего времени. Это было первое учебное пособие, в котором признавалась необходимость обучения грамоте не только мальчиков, но и девочек (в заглавии сказано: «учитися отроком и отроковицам, мужем и женам писати»). В букварях К. в соответствии с современными педагогическими взглядами последовательно проведен принцип наглядности обучения, научно обоснованный выдающимся чешским ученым Яном Амосом Коменским. В украшениях буквиц, в орнаменте букварей заметно следование западноевропейским образцам (см.: Шемшурин А. А. О гравированном и рукописных лицевых букварях Кариона Истомина. — ЧОИДР, 1917, кн. 1 (260), отд. 2, с. 1—50). Впервые «Букварь» 1694 г. был описан и текст его переиздан В. Н. Берхом, затем Д. А. Ровинским, И. М. Тарабриным, новейшее переиздание (1981) осуществлено В. И. Лукьяненко и М. А. Алексеевой (описание издания 1694 г. см. также: Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725. М.; Л., 1958, с. 52—54; Клепиков С. А. Русские гравированные книги XVII—XVIII веков. — В кн.: Книга. Исследования и материалы. М., 1964, сб. 9, с. 154—155). В 1696 г. «повелением» Петра I и «благословением» патриарха Адриана был напечатан «в седмое лето возраста» Алексея Петровича «Букварь языка славенска хотящим детям учитися чтений писаний начало всех писмен достолепное начертание» тиражом в 20 экземпляров (описание издания см.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862, т. 1, с. 171—173; Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий. . . , с. 58—61). В ГБЛ имеется корректурный экземпляр этого «Букваря» с приплетенным к нему автографом стихов и поучений, напечатанных на л. 47—78. Как установил Н. П. Киселев, К. почти целиком включил в свой «Букварь» 1696 г. «Букварь» Симеона Полоцкого (М., 1679), заимствовал отрывок текста Василия Великого из предисловия к «Грамматике» *Мелетия Смотрицкого* (М., 1648, л. 17—17 об.; см.: Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII в. — В кн.: Книга. Исследования и материалы. М., 1960, сб. 2, с. 169—184). В настоящее время известны два экземпляра «Букваря» 1696 г., хранящиеся в ГБЛ и ГПБ (о букварях К. см. также: От Азбуки Ивана Федорова до современного Букваря. М., 1974, с. 34—39).

Книга К. «Полис си естъ град царства небеснаго имущий учение, моление и премудрость» представляет собой свод научных знаний (светских и духовных) конца XVII в. В ее стихах дается характеристика 12 наук, излагается космография, описываются страны и части света, времена года, церковные таинства (опубликовано фрагментарно Браиловским по рукописи ГИМ, Чудовское собр., № 302, л. 17—25; предисловие к «Полису» см.: ГИМ, собр., Уварова, № 73, л. 27—29).

В стихотворном произведении, получившем в науке название «Домострой» (по образцу «Домостроя» XVI в., см. *Сильвестр*), излагаются нормы поведения человека (и в особенности детей) в обществе (впервые опубликовано А. Ф. Бычковым, см.: Бычков А. Домострой Кариона Истомина, с. 126—132; по черновому автографу ГИМ, Чудовское собр., № 302, л. 49—50 об. издано А. М. Панченко, см.: Панченко А. М. Русская силлабическая поэзия, с. 206—214). По наблюдениям Агарковой, «Домострой» К. — это стихотворное переложение педагогического сочинения «Гражданство обычаев детских», которое в свою очередь является переводом произведения выдающегося гуманиста Эразма Роттердамского «De civilitate morum puerilium» (см.: Алексеев М. П. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. — В кн.: Славянская филология: IV Международный съезд славистов. М., 1958, с. 255—330). Один из списков «Гражданства» принадлежал К. (ГИМ, собр. Уварова, № 73, л. 73—94). В стихотворной форме поэт продолжает развивать традицию поучений отца к детям: в цикле из шести стихотворений, написанном от имени Петра I, царевичу Алексею даются заветы учиться, любить науку, быть мудрым и справедливым (ГИМ, собр. Уварова, № 73, л. 149—151).

Книги стихов К. «Едем си есть сладость, прохлаждающая и вразумляющая человека зрением духовным» (опубликовано фрагментарно Браиловским по рукописи ГИМ, Чудовское собр., № 300, л. 279—283 об.; белой список — ГИМ, собр. Уварова, № 73, л. 32 и сл.), «Рай умный» (ГИМ, собр. Уварова, № 73, л. 142—148), «Екклесия си есть церковь в небесно житие собирающая» (там же, л. 55—69) — религиозно-дидактические поэмы. В них обрабатываются евангельские мотивы с добавлением апокрифических элементов, утверждается необходимость соблюдать заповеди. В «Книге Стамна духоносная, или Ведры» (1690) объединены стихи в честь Богородицы, св. Николая и других святых (ГИМ, Чудовское собр., № 302, л. 77 и сл.). Из 22 стихотворений состоит цикл «Стихи на воскресенье господа нашего Иисуса Христа» (ГИМ, собр. Уварова, № 73, л. 129—138; Чудовское собр., № 302, л. 109—112 об.). К. принадлежат стихи против раскольников (ГИМ, Чудовское собр., № 301, л. 276 об.), стихотворение «На ереси», направленное против протестантов и кальвинистов (там же, № 302, л. 90—91). В стихотворной форме К. писал службы, молитвы, акафисты, кондаки, икосы, каноны (см., например, рукопись ГИМ, собр. Уварова, № 36).

Как поэт К. сформировался в традициях восточнославянского барокко. Его поэзия унаследовала приемы украинского версификаторства. Из стихотворных жанров он особенно культивировал панегирики, духовные оды, надписи к иконам, стихи на гербы, эпитафии. Как и Симеон Полоцкий, К. стремился внедрить стихи в московский быт: разрабатывал образцы поздравительных и благодарственных писем, предназначал отдельные стихи для оформления интерьера («стихи в Посольский приказ под икону» — ГИМ, Чудовское собр., № 300, л. 288; стихи «на ковчежец часов» — там же, № 301, л. 252; стихи «на стенном изображении в трапезе» — там же, № 302, л. 88—89, и т. п.). Он воспринял также традицию публичного исполнения стихов по торжественным случаям.

В соответствии с характерной для барокко тенденцией к синтезированию разных типов художественного творчества словесная игра сочетается в сочинениях К. с графическими и живописными эффектами. Изображения включаются в его произведения как часть художественного замысла. Лицевыми были не только буквари, но также «Книга любви знак честен брак». Поэмы «Едем», «Екклесия», «Рай умный» тоже задумывались как иллюстративные. Двустипшия, заключающие строфы поэм, должны были служить подписями к миниатюрам. В рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 73 подписи помещены отдельно на оборотных сторонах листов, где оставлено место для рисунков. При этом каждая подпись

соотносится с соответствующей строфой (на лицевой стороне листа), обозначая ее тему. Подписи функционируют в поэмах как особый жанр, но если их прочесть вместе, то из них складывается параллельный к основному тексту вариант. Происходит как бы переливание одного жанра в другой: заключительные части строф становятся подписями, а затем последовательный ряд подписей образует поэму. Все элементы многочастной композиции — изображения, подписи, строфы — находятся в поэмах во взаимодействии друг с другом, но одновременно обладают и относительной самостоятельностью: каждый из них можно изъять, не нарушая общего смысла произведения. Так, содержание поэм могло бы быть представлено в любой из нескольких форм: во-первых, текстом, состоящим из одних строф; во-вторых, текстом, образованным из подписей; в-третьих, сочетанием строф с изображениями; наконец, объединением гравюр с подписями. Однако восприятие всех этих компонентов в единстве создает эффект многомерности повествования. В переливах, в переходах от одной жанровой формы к другой внутри одного произведения скрыт один из принципов барочной поэтики — единства в многообразии. К. прекрасно владел изосиллабизмом, наиболее распространен у него одиннадцатисложник, есть также восьмисложные и пятисложные стихи. Встречаются и неравносложные стихи. Леонинский стих был одной из любимых форм. Известны и акrostихи К. (ГИМ, Чудовское собр., № 300, л. 264 об.; Букварь. М., 1696, л. 88; Служба и житие святого Иоанна Воина. М., 1695, л. 68 об.; ГИМ, Чудовское собр., № 291, л. 21—22 об.; собр. Уварова, № 36, л. 53 об.—58, и др.). Стихи К. в честь рождения царевича Алексея Петровича были положены на пятилинейные ноты (см.: ГИМ, Чудовское собр., № 290, л. 128 об.—129).

В творчестве К. заметное место занимают проповеди, ими он начал свою литературную деятельность и писал их на протяжении всей жизни. В 1698—1699 гг. он составил сборник «Веселеил си есть Скиния божия, в ней же светилник словеса божия учительная трапеза учение», куда вошли 22 слова: толкования библейского текста, поучения к христианским праздникам, рассказы о чудотворных иконах, похвально-исторические слова, дидактические выступления против одного из самых распространенных пороков времени — пьянства. В проповедях «Веселеила» нашли отражения исторические события: борьба с раскольниками, с католиками и протестантами, войны с турками, стрелецкий бунт 1698 г. (черновой вариант — ГИМ, Чудовское собр., № 300, л. 1—147 об.; белой список — ГБЛ, собр. Тихонравова, ф. 299, № 634, л. 1—136 об., 17 «слов»). Судя по отметкам в рукописях, отдельные проповеди произносились с церковной кафедры. Одно из прозаических произведений К. — «Служба и житие Иоанна Воина» — было издано при его жизни (М., 1695) и неоднократно переиздавалось в XVIII в.

О склонности К. к летописному труду свидетельствуют многие заметки и записи в сборниках Чудовского собрания ГИМ (одна из них сообщает о смерти С. Медведева — № 300, л. 284 об.), упомянутое «Созерцание краткое». Ему Браиловский приписывает также «Летописец великия земли Российския, составленный по повелению правительницы государства царевны и великой княжны Софьи Алексеевны (1682—1695) из древних ветхих и продолженный до 1705 г.» (экземпляр находился в библиотеке архимандрита Леонида, в настоящее время местонахождение его неизвестно). В бумагах К. есть запись о том, что 3 марта 1699 г. он подарил царевичу Алексею Петровичу «Летописец греческой по славенской речи и в лицах всею, в десть, царство 45 Константина Багрянородного сына Лвова, а сначала той летописец царство Тита Евспасианова сына» (ГИМ, Чудовское собр., № 300, л. 383 об.—384, местонахождение летописца неизвестно). А. Никольский атрибутирует К. авторство компилятивного трактата по вопросам искусства — «Слово к люботщателем иконного писания» (опубликовано полностью: Николь-

ский А. Слово к люботщателем иконного писания. — ВАИ, СПб., 1911, вып. 20, с. 65—77). Он составлен с использованием «Слова к люботщательному иконного писания», приписываемого Симону Ушакову, записки (1667 г.) Симеона Полоцкого о русском иконописании (ГБЛ, Румянцевское собр., № 376, л. 12—20), грамоты 1668 г. трех патриархов (Паисия Александрийского, Макария Антиохийского, *Иоасафа II* московского) и царской грамоты 1669 г. (ГИМ, Синодальное собр., № 130, л. 215; о содержании названных сочинений см.: Дмитриев Ю. Н. Теория искусства и взгляды на искусство в письменности Древней Руси. — ТОДРЛ, М.; Л., 1953, т. 9, с. 97—116).

Из переводов К. с несомненностью атрибутируются три сочинения. Первое — перевод труда блаженного Августина — имеет в тексте заглавие «Августина учителя книга о видении Христа, или о слове бога, или же истина небеснаго вожделения память обновляется» (1687); в орации, произнесенной при вручении книги в том же году царевне Софье, названо «Боговидная любовь» (орация опубликована Браиловским по рукописи ГИМ, Чудовское собр., № 300, фрагменты из перевода — по списку того же собрания № 291; беловой список книги — № 291, л. 41—80; БАН, Архангельское собр., С 178, л. 37 об.—62, 78—140; ЦГАДА, ф. 196, собр. Мазурина, оп. 1, № 645). В орации есть указание на то, что К. пользовался белорусским списком: книгу «Боговидная любовь», писал он, «обретох на белорусском писме славенским диалектом преведенну и писанну, юже славенскими буквами написаху» (ГИМ, Чудовское собр., № 300, л. 33). В 1692 г. К. закончил перевод сочинения Юлия Фронтиня «Книга о хитростех ратных» (такое название в списке Чудовского собр., № 300, л. 325), а в 1693 г. поднес его Петру I (парадный экземпляр с подписью автора имеет заглавие «Книги Иулия Фронтиня сенатора римскаго о случаях военных на четыре части разделенныя», см. ЦГАДА, ф. 181, фонд МГАМИД, № 257). Как установил А. И. Соболевский, оригиналом для перевода послужил польский перевод (с латинского), выполненный Якобом Цилецием в познанском издании 1609 г. (см.: Соболевский. Переводная литература, с. 109). В речи, которую К. произнес при вручении книги и присоединил к переводу в качестве предисловия, он выражал надежду, что сочинение окажется полезным царю как полководцу в его борьбе «противу махOMETанов проклятых турков и татар» (в упомянутой рукописи ЦГАДА, л. 5). В книге заключено, как указал К., «пятсот осмьдесят прикладов», демонстрирующих, как должно поступать «ратоборцу» в военной ситуации (об этом сочинении см.: Пушкина р ев Л. Н. Общественно-политическая мысль России: Вторая половина XVII века. М., 1982, с. 212—215). В 1694 г. К. сделал для Н. К. Нарышкиной перевод сочинения «некоего богомудра и любомудра мужа» — «Сладость умнословесныя и богумысленныя души, в беседование с господом богом». Время перевода известно по собственноручной записи К. (ГИМ, Чудовское собр., № 302, л. 98 об.), в которой сказано, что книга «преписася с беломалоросскаго языка и писмен» (речь при поднесении перевода царевне Наталье Алексеевне — там же, № 300, л. 299—301 об.; речь при вручении книги царевичу Алексею Петровичу — там же, л. 319—321 об.). Предположительно К. приписываются переводы апокрифического сказания Иеронима об Иуде (список в Чудовском собр., № 302, л. 199—201; см.: «Сказание Иеронима о Иуде предателе»), несколько рассказов из «Римских деяний» (там же, л. 185—199), двух слов Леонтия Карповича (с южнорусского оригинала — там же, № 300, л. 180—243). Архимандрит Филарет называет в числе сочинений К. «Арифметику», изданную в Москве в 1700 г. (Филарет. Обзор, с. 267).

Соч.: Букварь славянорусских писмен. М., 1694; Служба и житие святого Иоанна Воина. М., 1695; Букварь языка славенска. М., 1696; Берх В. Н. Археология. Букварь Кариона Истомина 1691-го года. — Северный архив, 1822, ч. 4, октябрь,

№ 19, с. 3—27; Смирнов С. История славяно-греко-латинской академии. М., 1855, Прил., с. 396—400; Буслаяв. Историческая хрестоматия, стб. 1299—1302; Бычков А. Ф. Домострой Кариона Истомина. — ЛЗАК за 1862—1863 гг. СПб., 1862, вып. 2, с. 126—132; Ровинский Д. А. 1) Русские народные картинки. СПб., 1881, кн. 2, с. 483—503; кн. 4, с. 514—517; 2) Букварь, изготовленный монахом Карионом Истоминным для обучения царевича Алексея Петровича в 1692 г. / Гравирован Леонтием Буниным. СПб., 1891; Браиловский С. Н. Один из пестрых XVII столетия: Историко-литературное исследование в двух частях с приложениями. СПб., 1902, с. 367—481 (Записки имп. Акад. наук, т. 5); Тарабрин И. М. Лицевой Букварь Кариона Истомина. — Древности, М., 1916, т. 25, табл. XV—LIII (или отдельное издание: М., 1916); Вирши: Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков / Общая ред. П. Беркова. Л., 1935, с. 141—151 (Б-ка поэта. Малая серия); Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Вступит. статья, подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Общая ред. В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1970, с. 203—215 (Б-ка поэта. Большая серия); Букварь составлен Карионом Истоминным, гравирован Леонтием Буниным, отпечатан в 1694 году в Москве: Факсимильное воспроизведение экземпляра, хранящегося в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде / Вступит. статьи В. И. Лукьяненко, М. А. Алексеевой. Л., 1981; Новые источники по истории общественно-политической мысли в России в конце XVII века: (Литературные панегирики) / Подгот. текста, предисл. и коммент. А. П. Богданова. Под ред. В. И. Буганова. М., 1983 (ротапринт).

Лит.: Евгений. Словарь исторический, т. 1, с. 318—320; Строев. Словарь, с. 163—165; Филарет. Обзор, с. 267; Браиловский С. Н. 1) Карион Истомин: Жизнь его и сочинения. — ЧОЛДП, 1889, апрель, с. 346—374; май, с. 439—464; июнь, с. 538—592; 2) К биографии Кариона Истомина. — ЖМНП, 1891, август, с. 434—437; 3) К вопросу о литературной деятельности русских писателей XVII столетия, носивших имя Карион. — ИОРЯС, 1909, т. 14, кн. 1, с. 12—58; Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России. СПб., 1890, с. 22, 227, 250, 267—268; Георгиевский В. Флорищева пустынь: Историко-археологическое описание с рисунками. Вязники, 1896, с. 166—171, 199—200, 248—251, 259—260; Еремин И. П. Карион Истомин. — В кн.: ИРЛ I. М.; Л., 1948, т. 2, ч. 2, с. 355—360; Агаркова Р. К. Спорные вопросы биографии Кариона Истомина. — Учен. зап. Душанбинского гос. пед. ин-та им. Т. Г. Шевченко, Душанбе, 1967, т. 51. Серия филолог., вып. 19. Языковедение и литературоведение, с. 100—116; Панченко А. М. 1) Книжная поэзия Древней Руси. — В кн.: История русской поэзии. Л., 1968, т. 1, с. 50—51; 2) Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973; Dębski Jan. Z obserwacji nad spuścizną poetycką Kariona Istomina. — In: Zeszyty naukowe uniwersytetu Jagiellońskiego. DXXXVI. Prace historycznoliterackie, 1979, z. 37.

Л. И. Сазонова

Кириан (ок. 1330—16 IX 1406) — митрополит киевский и всея Руси, писатель, редактор, переводчик, книгописец. По рождению болгарин (следом за Никоновской летописью и Степенной книгой долгое время его считали сербом), возможно из тырновской семьи Цамблаков. Прежде общепринятое, это мнение (основывающееся на словах Григория Цамблака, что К. «братъ бѣаше нашему отцю») теперь поставлено под сомнение И. Холтузеном, обратившим внимание на контекст, в котором это сказано, установившим, что Григорий Цамблак пользовался при написании Надгробного слова К. Надгробным словом Мелетию Антиохийскому Григория Нисского, и заключившим, что речь идет не о кровном родстве К. и отца Григория Цамблака, а о национальном и духовном родстве К. как главы русской церкви и Евфимия Тырновского как болгарского патриарха.

Свой путь К. начал в Келифаревском монастыре Феодосия Тырновского; там он и сблизился с Евфимием. Оттуда ушел в Константинополь, затем на Афон; может быть, был к этому вынужден как сторонник грекофильской монашеской партии, к которой принадлежали также Феодосий и Евфимий; они тоже оказались в Константинополе в 1362—1363 гг. Раньше ли них К. явился в Византию или вместе с ними, неизвестно. Там он сблизился с патриархом Филофеем (1353—1354, 1364—1376). Но где произошло их знакомство — в Константинополе или на Афоне (Филофей в промежутке между двумя периодами патриаршества был игуменом тамошней лавры св. Афанасия), тоже неизвестно. П. Сырку (а следом за ним и А.-Э. Тахиаос) предполагает, что К. уда-

лился на Святую гору в 1355 г. вместе со свергнутым патриархом. Н. Дончевой-Панайотовой же кажется более вероятным, что он жил в царьградском Студийском монастыре до смерти Феодосия (17 ноября 1363 г.) и лишь после этого попал на Афон (в таком случае он скоро оттуда вернулся с патриархом Филофеем).

О своем пребывании на Афоне К. говорит в ответном Послании Афанасию Высотскому. Очевидно, к этому периоду относится «Еуфимия патриарха Терновского послание к Киприану мниху, живущу во святей горе Афонстей...» (приходится допустить только, что слова «патриарха Терновского» добавлены в заглавие позднее, так как до 1375 г. Евфимий не был патриархом, после же этого года К. не мог жить на Афоне). Во всяком случае несомненно, что К. имел возможность научиться у своих болгарских и греческих учителей «книжному деланию», связанному с исихастским «умным деланием», и на собственном опыте узнать как отшельнически-уединенную, так и общежительную монастырскую жизнь.

Около 1373 г. К. был послан патриархом Филофеем в Литву и на Русь для примирения литовских и тверского князей с митрополитом *Алексеем*, чтобы предотвратить назревавший раздел митрополии всей Руси. Проведя какое-то время в Литве, К. склонил тамошних князей к миру с митрополитом, на которого они перед этим жаловались патриарху. Затем он прибыл в Великую Русь; 9 марта 1374 г. присутствовал в Твери на посвящении митрополитом Алексеем тверского епископа Евфимия, после чего с митрополитом отправился в Переяславль Залесский, город московского великого князя. Сколько он там пробыл, неизвестно. Допускают (Пл. Соколов, Дж. Мейендорф), что он был там еще в ноябре этого года и присутствовал на крещении Сергием Радонежским новорожденного сына великого князя Дмитрия Ивановича, но из источников мы об этом ничего не знаем. Существует также мнение (Г. М. Прохоров), что торжественно отмеченное летописцем под тем же годом примирение русских князей друг с другом и с литовскими князьями и их «розмирье» (разрыв мира) с Ордой были результатом дипломатической деятельности патриарха Филофея, осуществленной через его посла. В этот свой приезд на Русь К. познакомился с игуменами Сергием Радонежским, *Феодором Симоновским* и, возможно, с епископом *Дионисием Суздальским*. Из Великой Руси К. вернулся в Литву. В том же 1374 г. — очевидно, по его и патриарха инициативе — было предпринято перенесение из Вильны в Константинополь останков и прославление там (некий серб написал житие, а грек, «ритор Великой Церкви» Михаил Вальсамон, — похвальное слово) трех литовских мучеников-христиан — Круглеца-Антония, Нежила-Ивана и Кумца-Евстафия, убитых в 1347 г. по приказу язычника князя Ольгерда.

В 1375 г. в результате дипломатических ухищрений Мамай и вследствие измены Твери княжеская русско-литовская конфедерация распалась; Тверь была подавлена возглавленными Москвой великорусскими силами, возобновилась вражда Литвы и Москвы, и литовские князья отправили К. в Константинополь с грамотой к патриарху, в которой просили поставить им К. как митрополита литовского. Патриарх Филофей 2 декабря 1365 г. посвятил К. в митрополита «киевского, русского и литовского» с тем, чтобы он до смерти митрополита Алексея проживал в Киеве и управлял недоступными для того западнорусскими землями, а затем переехал в Москву (престол русских митрополитов официально был перенесен в 1354 г. патриархом Филофеем из Киева во Владимир) и объединил обе части митрополии, став митрополитом киевским и всей Руси. 6 июня 1376 г. К. прибыл в Киев и приступил к наведению порядка в церковных делах Литвы, Галиции и Волыни, проповедуя среди язычников, восстанавливая собственность митрополичьей кафедры в Новом Городке литовском, собора св. Софии в Киеве, доби-

ваясь выплаты церковной десятины, освобождая пленников-христиан и т. п. Завоевав доверие литовских князей, он попытался через послов добиться того же от московского князя, Новгорода и Пскова, но тщетно, несмотря на то что митрополит Алексей, судя по всему, его права признавал и его поддерживал.

Списавшись после смерти митрополита Алексея (12 февраля 1378 г.) с Сергием Радонежским и Феодором Симоновским, К. летом 1378 г. сделал попытку неожиданно для князя Дмитрия Ивановича явиться в Москву, чтобы с помощью своих сторонников вступить в права наследования вопреки воле князя, но был перехвачен княжеским воеводой, провел ночь в заточении и был выдворен из Москвы. Сохранились три его послания к игуменам Сергию и Феодору, из которых и известно об этом событии. Первое из них написано 3 июня из Любутска, непосредственно перед попыткой проникнуть в Москву. Второе — 23 июня, сразу же после выдворения. Оно представляет собой уже не просто письмо к названным игуменам, но публицистическое произведение, рассчитанное на разных читателей и на то, чтобы его — под угрозой церковного отлучения — читатели сохраняли и распространяли. В этом произведении К. обосновывает свои права, отводит обвинения в пролитовской ориентации, выдвинутые, как он слышал, против него московским князем, говорит о своей деятельности в качестве митрополита, рассказывает о том, что он только что претерпел, и предаст отлучению и проклятию князя Дмитрия Ивановича, по воле которого это произошло. В дошедших до нас списках послания (XV в.) некоторые места были переданы тайнописью. В целом это послание было направлено против выдвинутого князем наместника митрополитского престола *Митяя-Михаила* и против предполагавшегося членения митрополии «всая Руси» на митрополии «Малой Руси и Литвы» и «Великой Руси». Характерно то, что — в соответствии с политической линией византийского императора Иоанна VI Кантакузина и патриарха Филофея (авторов ряда грамот на Русь) — К. продолжает здесь рассматривать московского великого князя как в идеале князя всероссийского. Показательна также обнаруживаемая им здесь осведомленность о том, что сторонники раздела митрополии «на куны надеются и на фрязы», т. е. на деньги и на генуэзцев. В третьем послании (от 18 октября 1378 г.) К. ободряет своих корреспондентов-сторонников, в которых было разочаровался, и выражает готовность ехать в Константинополь. Туда он отправился зимой 1378/79 г. (по дороге был торжественно встречен в Тырново), весной прибыл и пробыл там до июня 1380 г., когда собор патриарха Нила поставил в митрополиты «киевские и Великой Руси» Пимена (см.: РИБ, СПб., 1880, т. 6, Прил., № 30, стб. 165—184), одного из спутников умершего около Константинополя по дороге из Москвы Митяя-Михаила.

К. покинул Константинополь незадолго до окончания работы собора. Патриарх Нил оставил за ним звание митрополита «Малой Руси и Литвы», но в случае его смерти дал Пимену право распространить свою власть на Малую Русь и Литву и стать митрополитом «Киевским и всея Руси». И. Мейендорф предполагает, что К. поспешил в Литву по причине назревавшего военного столкновения ордынско-литовских сил с великорусскими и что, явившись летом 1380 г. в Литву, К. сумел так повлиять на литовского князя Ягайло, что тот сознательно «опоздал» оказать помощь своему союзнику Мамаю в битве с русским войском на Куликовом поле. Этим, полагает Мейендорф, К. заслужил «внезапное благоволение» со стороны князя-победителя. Г. М. Прохоров (Повесть о Митяе) обращает внимание на то, что князь послал Феодора Симоновского за К. в Киев не сразу после Донской победы, но только весной 1381 г., не раньше гибели Мамаю, и считает, что К. и такие его сторонники, противники Митяя-Михаила, как Сергей Радонежский и Феодор Симоновский, были давними вдохновителями борьбы за объединение

Руси и освобождение ее от власти Орды, чем и объясняет гонения на них со стороны московских властей после измены Твери в 1375 г. и благоволение к ним после успешного исхода войны с Мамаем.

23 мая 1381 г. К. явился в Москву. В декабре этого же года возвращающегося на Русь из Константинополя Пимена по приказу князя задержали в Коломне и отправили в ссылку и заточение в Чухлому. Может быть, к этому времени, если не к 90-м гг., относится сохранившийся отрывок «От иного послания о повинных», атрибутируемый теперь К. (Г. М. Прохоров), а прежде приписывавшийся и Дионисию Суздальскому (А. С. Павлов), и киевскому епископу *Даниилу* (как якобы написанный в 1113 г. и обращенный к *Владимиру Мономаху*) (М. Н. Тихомиров). В этом послании автор называет себя 4-м епископом («А епископом») «по благочестию» и «по судбам божиим», подразумеваемая тем самым, очевидно, что существует четвертый епископ не «по благочестию» (а надо сказать, что и К., и Пимен могли каждый считать себя четвертым московским епископом — подробнее об этом послании см. ниже).

В том же 1381 г. на основе первоначальной редакции Жития митрополита Петра, первого московского епископа и святого, К. создал свою редакцию того же произведения, отражающую новые его отношения с великим князем. В ней К. сначала завуалированно, на примере жизни Петра, несколько похужей на его собственную, оправдывал себя и обвинял своих соперников, а в конце, переходя к рассказу о самом себе, прямо говорил о полученной им после молитв к Петру помощи свыше, благодаря которой он и от болезней избавился, и до Руси из осажденного латинянами и турками Константинополя добрался, и в Москве был принят великим князем. В уста Петра в этом произведении К. вложил пророчество, отражающее, очевидно, собственное его убеждение, о будущем политическом величии Москвы при условии поддержки ею православия.

Описывая совершаемую митрополитом Петром литургию, К. говорит здесь, что тот молился в первую очередь «о православных же царех», т. е. о византийских императорах, не упоминая ордынских ханов, за которых на деле (а не за византийских императоров) должен был молиться Петр. В этом проявилось осуществленное К. позже, во второй период его правления церковью всея Руси, стремление включить в русские церковные «многолетия» имена византийских императоров.

Эта редакция Жития вошла как составная часть в написанную К. Службу митрополиту Петру, состоящую кроме жития из стихир, чтений из библейских книг, двух канонов и (после шестой песни канонов) кондака. В этой Службе наряду с мольбами о защите «от безбожных и чюжевѣрныхъ нахождения и усобныа рати» содержится и выражения радости по поводу недавно одержанной победы над «агарянами», т. е. над Мамаем в Куликовской битве («Падоша вѣстающии на ны, отче, твоими молитвами побѣжаеми Агарини внуци, хотящеи достояние твое озлобити. И под смѣх убо быше и поругание, падения своего плачуще. Мы же воспѣваемъ радостно твою священную память» — см.: Харьковская научная библиотека им. В. Г. Короленко, № 816281, Декабрьская минея, л. 141). В первый раз эта сочиненная К. Служба митрополиту Петру исполнялась (а в ее составе читалось и Житие), по всей видимости, в 1381 г., 21 декабря, в день памяти Петра, в одном из кремлевских соборов, где присутствовал князь, — вероятно всего, в Успенском соборе, заложеном по инициативе Петра.

К первому периоду пребывания К. в качестве митрополита в Москве (1381—1382 гг.) должны относиться его «Ответы» игумену Афанасию «въпросившему о нѣкоихъ потребныхъ вещьхъ», касающихся монастырской жизни. Эта датировка, расходящаяся с датировкой «Ответов» 1390—1405 гг. их издателями в РИБ (т. 6, № 32, стб. 243—270), определяется тем, что игумен серпуховского общежительного монастыря, основанного

Сергием Радонежским, Афанасий Высотский, которому «Ответы» вероятнее всего адресованы, в 1382 г. перестал быть игуменом, покинув Северо-Восточную Русь вместе с К. В этих «Ответах» К. говорит о погребении и об исповеди священников и чернецов, «о ручном же блюду», о требованиях к причащающимся, об «арменской ереси», как о «гнуснѣйши паче всѣх ересей», велит православным не иметь никакого общения, дружбы и любви с армянами, «яко да... отидуть от православных съжительства или... приидуть с исповеданием к истинной православной Христовой церкви» (отношение К. к армянам определяется, по-видимому, не только их религиозными расхождениями с православными, но и их связями с генуэзцами и политической деятельностью на Руси, проявившейся, в частности, в провокационных действиях Некомата в 1375 г.). Кроме того, в «Ответах» он пишет о троеженцах, о постах в дни некоторых праздников, о том, чтобы в монастырях не венчали, о том, как крестить, как постригать, что чернецам полагается «старца многолѣтна держать собѣ духовника», что делать, если собака «в церковь въскочить», если буря ломает церковный крест, как и когда петь панихиду, указывает, что служить литургию без вина «безаконие велико есть», что в церкви надлежит читать Толковое Евангелие, а на трапезе Патерик, книги св. Ефрема (см. «Паренесис» Ефрема Сирина), св. Дорофея, «также и Шестоденьник святого Василья и святого отца Иоанна Златоустаго», говорит о послаблениях молодым и старым инокам, об именах для чернецов, о переходах в другой монастырь, о милостыне и о том, что «села и люди держати иноком не предано есть святыми отци»; при этом, однако же, К. допускает монастырские владения селами при условии, что не чернецы будут бывать в селе, но смогут «мирянину нѣкоему богобоязливу приказати, и тому печаловати бы о всяких дѣлѣх, в монастырь же бы готовое привозил житом и иными потребами»; здесь же К. пишет о конечной задаче иноков — заполнить собой места павших с небес во тьму по причине гордости ангелов (ср. с «Диоптрой» Филиппа Пустынника) и выражает уверенность в близком конце света («нынѣ же есть послѣднее время и лѣтом скончание приходить, и конецъ вѣку сему»).

Во время внезапного нашествия на Москву Тохтамыша (26 августа 1382 г.), когда князь Дмитрий Иванович бросил город и бежал в Кострому, а в Москве «людие стаха вечем», митрополит (он за два дня до того вернулся в Москву из Новгорода) и великая княгиня были ограблены и с трудом выбрались из города. К. отправился в Тверь; оттуда съездил в Новгород, а затем вернулся в Тверь. Туда за ним, из Москвы в начале октября князь Дмитрий Иванович прислал своих бояр. Одновременно Пимен по приказу князя был переведен из Чухломы в Тверь.

К., чувствуя, что ему грозит изгнание, создал в это время новое публицистическое произведение — Повесть о Митяе, опять используя существующее чужое повествование, на этот раз, по-видимому, изначально принадлежащее летописи, придав ему вид учительного риторического «слова». В итоге Повесть, сохранив свойственный летописи фактографический характер и следы довольно сухого «канцелярского» стиля, приобрела черты эмоционально окрашенной ораторской речи на историческую тему. В Повести сквозит насмешка над Митяем и Пименом, противниками К.; смысл же ее заключается в предостережении князя против решения сменить митрополита. Предостережение это, однако же, не подействовало, и той же осенью К. был изгнан из Москвы. Весьма вероятно, что это его изгнание (а тем самым и дробление русской митрополии) было результатом требований Орды. К. удалился в Киев; тогда с ним вместе и ушел Афанасий Высотский; в Москву из Твери был переведен Пимен, и митрополия вновь оказалась поделенной по границе ордынских владений.

Примерно весной 1384 г. в Киев, где пребывал К., явился из Константинополя Дионисий Суздальский, добившийся там от патриарха Нила поставления в русские митрополиты (по-видимому, вопреки желанию поддерживавшего его князя — в митрополиты не Великой Руси, а «всей Руси»). Киевским князем Владимиром Ольгердовичем — может быть, не без ведома К. — Дионисий был схвачен и провел остаток своих дней в заключении (умер в 1385 г.).

Будучи изгнан из Москвы, К. не прекратил стараний сблизить Великую Русь с Литвой. Очевидно, по его инициативе возник проект брака великого литовского князя Ягайло Ольгердовича и дочери великого князя московского Дмитрия Ивановича, отразившийся в договорной грамоте 1384 г. между Дмитрием Донским и великой княгиней Юлианией Александровной, дочерью тверского князя Александра Михайловича, вдовой Ольгерда; при этом предполагалось, что Ягайло должен «креститься в православную веру и крестянство свое объявити во все люди» (о грамоте мы знаем из описи великокняжеского архива 1626 г.).

Около 1385—1386 гг. К. послал на Русь письмо, адресованное «а-игумену», в каковом игумене вероятнее всего видеть Феодора Симоновского. В нем он ставит адресата в известность, что отправляется в Царьград на конях через «Волошьскую землю», и выражает уверенность в скорой победе над «лживым человеком и лстивым».

27 апреля 1387 г. в Константинополе, в Сгудийском монастыре, К. закончил переписку «Лествицы» Иоанна Синайского в незадолго до того (около 1370 г.) появившемся новом славянском, сербском, переводе (существовал и старый, болгарский). Эта рукопись (ГБЛ, МДА, фонд., № 152) вскоре — по-видимому, вместе с самим К. — попала на Русь, где с нее был сделан целый ряд копий; в частности, некий священноинок Прохор приносил ее к епископу Евфимию в Тверь, где в 1402 г. она была спешно («на боръзѣ») переписана (рукопись БАН, собр. Н. В. Тимофеева, № 9).

29 мая 1387 г. К. был послан императором Иоанном V Палеологом в Малую Русь с обязательством возвратиться в течение года. Поездка могла быть вызвана как стремлением императора побудить бывшего литовского князя Ягайло, ставшего в 1396 г. вследствие Крестовой династической унии польским королем, к защите Византии от турок, так и попытками самого К. сблизиться и сблизить литовских князей с Василием Дмитриевичем, старшим сыном Дмитрия Донского, бежавшим из Орды за западную границу ее владений. Как прежде К. должен был содействовать неудавшемуся проекту брака между Ягайло с дочерью Дмитрия Ивановича, так теперь он, наверняка, содействовал женитьбе Василия Дмитриевича на Софье Витовтовне, осуществившейся позже, в 1391 г.

В феврале 1389 г. новый константинопольский патриарх Антоний принял решение (см.: РИБ, СПб., 1880, т. 6, Прил., № 33) о низложении великорусского митрополита Пимена и восстановлении К. в звании митрополита киевского и всей Руси. Сохранился также нотариальный акт от 8 сентября 1389 г. о заеме К. и Феодором Симоновским у Николая Нотары, императорского переводчика, тысячи новгородских «старых рублей»; возможно, впрочем, что акт означает не заем, а обещание, посул. 1 октября 1389 г. К. в сопровождении ряда епископов покинул Константинополь и через Белгород (Аккерман) и Киев прибыл 6 марта 1390 г. (уже после смерти Дмитрия Донского, умершего 19 мая 1389 г.) в Москву. Оттуда он послал письмо к русскому духовенству в Константинополе, «поведающе многия беды их морского плаваня, страшнаго пути, случившагося им» в Черном море, между Константинополем и Белгородом; письмо это до нас не дошло; мы знаем о нем из упоминания в записках — Хождении Игнатия Смоленского.

С прибытием К. в Москву закончился восьмилетний период, по выражению летописца, «мятежа в митрополии», начавшийся после наше-

ствия Тохтамыша изгнанием К. из Москвы. Торжествующий комментарий в летописной статье 6887 (1379) г., сопровождающей известие о смерти Митяя, написан, по-видимому, самим К., так как в нем звучат одновременно и торжество победителя, и нота наставления князьям, очевидно потомкам Дмитрия Ивановича.

Как выше сказано, вероятно к этому времени (если не к 1381 г.) относится послание К. великому князю, сохранившееся под заглавием «От иного послания о повинных». В этом послании автор с похвалой отмечает роль княжеской воли в том, что он смог занять свою кафедру. Кроме того, он напоминает князю-получателю «от злобы на добро совращение» отца его, великого князя, и просит его быть милостивым к «съгрешающим», а за все это обещает ему долголетие, «на противныя победы» и царствие небесное. Датировка этого послания временем Василия Дмитриевича позволяет понять слова «от злобы на добро совращение», применив их к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому: в таком случае имеется в виду поворот в его политике, приведший к победоносной битве с Мамаем, приглашению в Москву К. и временному прекращению раздела русской митрополии. Это глухое упоминание причиненного князем зла заставляет вспомнить намек на какое-то совершенное Дмитрием Донским зло, содержащийся в «Слове о житьи и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» (в «Слове...» это зло как бы отпущается ему за его главный подвиг — победу над «погаными»). Со «Словом о житьи и о преставлении...» послание «о повинных» роднит также неоднократное, почти назойливое величание здесь адресата царем, а его владений — царством: «...почтенному господьским и царьским саном... благочестивому великому князю», «...да и многих управивши к богови в своем царстве», «...твое державное царство», «...сблюдет тебе в царствии твоём». Датировка этого послания временем не раньше 1390 г. позволяет понять и его положение в рукописях: там оно помещается, очевидно, в хронологическом порядке, последним, пятым, после послания, которое датируется концом 1384—началом 1385 г.

В июле—августе 1390 г. К. в сопровождении двух митрополитов-греков — Матфея и Никандра, а также Михаила Смоленского, Стефана Пермского и Даниила Звенигородского побывал в Твери, где по просьбе тверского князя Михаила Александровича сместил епископа Евфимия Висленя (с 1387 г. практически лишённого князем возможности действовать и помещенного в монастырь) и поставил на его место человека из своего окружения — «великого протодьякона» Арсения (Евфимий Вислень умер в 1392 г. и был похоронен в Москве «у Михайлова Чуда за алтарем»).

21 октября 1391 г. К. вследствие жалоб «сирот монастырских» на игумена Царе-Константиновского монастыря близ г. Владимира Ефрема дал монастырю Уставную грамоту, в которой на основании расспросов предыдущего игумена, Царко, а также митрополичьих бояр во Владимире — Михаила Виреева, Юрия Протопопина и повара Ивана, приводится перечень того, что монастырь получал с принадлежащих ему сел, и утверждается описанный порядок.

В феврале 1392 г. К. две недели пробыл в Новгороде; в соборе св. Софии произнес поучение; старался восстановить право митрополитов на апелляционный суд, которое новгородцы в 1385 г., при митрополите Пимене, в период «мятежа» в митрополии, отняли у них; так как новгородцы воспротивились, К. уехал, не благословив их.

28 июня 1392 г. (но возможно также, что в 1404 г., когда был 12-й индикт, которым наряду с 6900/1392 г. датирована соответствующая грамота; в 1392 г. был 1-й индикт) великий князь Василий Дмитриевич совместно с К. написал Уставную грамоту о разграничении княжеских и митрополичьих прав и владений, обо всех пошлинах церковных, об обязанностях церкви в случаях экстраординарных (в частности во время

войны и уплаты дани Орде), о запрещении митрополиту ставить в попы и дьяконы княжеских слуг и «данных людей», причем исключение делалось только для изъявивших желание поповичей, но попович, живущий самостоятельно и отдельно от отца, рассматривался как человек великого князя.

В 1392 г. К. поставил в Полоцк епископа Феодосия, а в Коломну — епископа Григория (на место умершего Павла). 29 августа 1392 г. К. дал новгородскому епископу Иоанну грамоту о неприкосновенности церковных слуг и вотчин: «как при первых владыках тамо что ни было, тако и нынѣча потянет к Святѣй Софѣи и ко владыце Ивану». Так как переубедить новгородцев относительно необходимости вернуть митрополитам право на апелляционный суд ему не удалось, К. написал об этом патриарху и послал в Константинополь с письмом Дмитрия Афинянина. К. просил патриарха также передать в его ведение, изъяв из Суздальской архиепископии, Нижний Новгород и Городец. Новгородцы тоже послали к патриарху свое посольство, жалуясь на митрополита, требуя большей от него независимости и угрожая в противном случае перейти в латинство. В 1393 г. великий князь Василий Дмитриевич провел успешную войну с Новгородом, в результате которой новгородцы через послов выразили покорность князю и митрополиту и одарили ответного митрополитичьего посла Дмитрока.

Пришедших осенью 1393 г. из Орды на службу к московскому князю трех татар, бывших ханских постельничих, — Баты Хозя, Хыдырь Хозя и Мамат Хозя — К. крестил в Москве-реке и нарек Ананией, Азарией и Мисаилом (по-видимому, это было 17 декабря, в день памяти этих трех святых отроков).

В 1394 г. в Новгород пришли посланные патриархом грамоты с убеждением во всем покоряться митрополиту, а в великий пост 1395 г. туда с патриаршим послом вновь прибыл сам митрополит. Из Новгорода 12 мая 1395 г. он послал две грамоты в Псков. Одной из них он запрещал мирянам судить священников («но кто их ставить святитель, но тѣ их и судить, и казнить, и учить») и посягать на купленные церковью или подаренные ей земли и села, а овдовевшим и вторично женившимся священникам запрещал служить. Второй грамотой он отменял уставную грамоту архиепископа Дионисия Суздальского, которую тот приписал «к грамотѣ князя великого Александровѣ, по чему ходити, как ли судити или кого как казнити»; К. велел псковичам следовать исключительно грамоте великого князя Александра («дѣйте по старинѣ чисто и без грѣха, как и всякий християне дѣютъ»). Тогда же К. написал новгородскому духовенству поучение о церковных службах, в частности о том, когда какую литургию надлежит служить, кому из татей и душегубцев можно давать перед смертью причастие, что при крещении должен быть либо кум, либо кума («неслично двѣма крестити, ни мужу с чужею женою, ни с своею женою, но одному годиться крестити»), что расстрига из монахов подобен отвергнутому от Христа, что священнику и дьякону при поставлении надлежит «чисту быти, как от чрева матерья родитися», и что если с попом или с дьяконом «случится... какова напасть... по наваждению диаволскому, ино ему в тот час престати от службы».

После 1395 г. К. написал псковскому духовенству о том, что послал во Псков с приходившим оттуда попом Харитоном «с товарищи» «устав божественной службы Златоустовы и Великаго Василья», а также сам текст служб и «Синодик правый, истинный, который чтут в Царигородѣ, в Софѣи Святой, в патриархии», и что он приписал к нему, «как православных царий поминати, такоже и князей великих, и мертвых и живых». Из его слов «яко же мы здѣ в митропольи поминаем» ясно, что К. сумел добиться включения в церковные «многолетия» на Руси имен византийских императоров; преодолеть сопротивление этому со стороны великого князя Василия Дмитриевича помог ему своей грамотой патриарх Анто-

ний (см.: РИБ, т. 6, Прил., № 40). К. пишет еще, что послал в Псков Синодик «правый царегородский», по которому, как он говорит, «мы здѣсе поминаем или еретиков проклинаем», из чего следует, что Синодик содержал провозглашавшиеся византийской церковью в первое и второе воскресенья великого поста поминовения защитников православия и анафематствования еретиков. Как показал М. Г. Попруженко, К. воспользовался константинопольским Синодиком в болгарском переводе и в редакции патриарха Евфимия Тырновского. В этой же грамоте в Псков К. сообщал, что послал туда 60 антиминсов для освещения церквей, запретил резать их на части, как прежде велел псковичам делать новгородский епископ, и дал указания о причащении достойных «о Велицѣ дни или о Рождествѣ Христовѣ», в частности велел, чтобы женщины «причащали бы ся у других дверей, что противу жертвенника».

В единственном известном списке (ГИМ, Синодальное собр., № 222 (Кормчая, XVI в.)) под именем К. сохранилось поучение «игуменом, и попом, и диаконом, и ко мнихом, и ко всем православным христианом». Однако на московском соборе 1503 г. и Стоглавом соборе это поучение считалось принадлежащим митрополиту Петру (так оно, наверно, и было).

По всей видимости, при посредничестве К. в 1393 г. при дворе Владислава II Ягайло появились русские художники, расписавшие нефы романского костела в аббатстве св. Креста и королевскую спальню в замке на Вавеле.

26 августа 1395 г., во время приближения к Москве Тимура (Темир-Аксака), из Владимира в Москву по инициативе великого князя и митрополита была перенесена икона Богородицы Владимирской, а поскольку Тимур как раз в это время повернул от Москвы, так на нее и не напав, К. основал церковь и монастырь во имя Сретения на месте встречи иконы в Москве и установил праздник для воспоминания об этом событии.

В конце зимы 1396 г. К. через своего стольника Феодора Тимофеевича вызвал в Москву из Новгорода архиепископа Иоанна, задержал его там только два дня и отпустил «с благословением и с честью» (*летопись Новгородская первая*). В марте 1396 г. в Москве К. поставил Григория епископом на Ростов, Ярославль, Белоозеро, Углич, Устюг и Мологу.

Весной того же 1396 г. К. с великим князем Василием Дмитриевичем посетил недавно взятый Витовтом Смоленск для встречи с литовским князем, тестем московского, и поставил там епископа Насона. Затем на полтора года он удалился в Киев. Незадолго до того тамошний митрополитий наместник в Святой Софии монах Фома Изуфов отравил брата короля Ягайло — князя-католика Скиргайло, заместившего в Киеве в качестве князя православного Владимира Ольгердовича; на положении К. и его отношениях с королем это, однако же, по-видимому, не сказалось. К. рукоположил в Лутск нового епископа Феодора; вел переговоры с королем Ягайло об унии православной церкви с римско-католической (вызывая тем самым те же надежды, что питали в Византии его вдохновители, патриарх Филофей и Иоанн-Иоасаф Кантакузин, и пытаясь использовать обращение Ягайло в католичество для пользы православного мира); король и митрополит писали об этом патриарху Антонию, предлагая созвать общецерковный собор на Руси. В январе 1397 г. патриарх, озабоченный в то время критическим положением Константинополя, ответил каждому из них, не разделяя их энтузиазма, что и время и место для такого собора неподходящи и что лучше бы польский король, объединившись с венгерским, способствовал освобождению Византии от неверных, а К. использовал бы свое влияние на его «большого друга», польского короля, в этом же направлении. 7 октября 1397 г. К. с епископом Михаилом Смоленским, Исаакием Брянским и Феодором Лутским приехал из Киева в Москву.

В 1397 г. в момент напряженных отношений великого князя с Новгородом К. через своего стольника Климентия опять вызывал в Москву

новгородского владыку Иоанна «о святительских делах» (но тот выступал при этом перед князем и как дипломатический представитель Новгорода). 20 января 1398 г. в подмосковном митрополичьем селе Голенищеве К. поставил для Перми епископа Исаакия — на место умершего в 1396 г. Стефана Пермского. В 1398 г. в ответ на просьбу из Константинополя от патриарха Матфея и императора Мануила русские князья по совету К. послали в Византию с бывшим любутским боярином чернецом Родионом Ослебятем и тверским протопопом Даниилом 20 тыс. рублей, в ответ на что получили оттуда икону «Спас в бѣлоризцех», которая была поставлена в церкви Благовещения.

К 1398—1399 гг. относился повышенная дипломатическая активность литовского и русских князей, связанная, по всей видимости, с разгромом Темир-Кутлуем Тохтамыша и бегством его в Литву (Витовт присылал в Москву своего посла; Софья Витовна, жена Василия Дмитриевича, ездила для встречи с отцом в Смоленск); в этой деятельности какое-то участие принял и К.: на масленице 1399 г. он побывал в Твери, после чего московский и тверской князья «покрѣпиша миру» и «сѣединишася Русии князи вси за един, и бысть радость велика всему миру», а оттуда поехал в Литву к Витовту. Вероятно, в его отсутствие на Руси возобладали антилитовская проордынская партия «юных бояр», о которых говорит Повесть о нашествии Едигея, в результате чего русские князья послали «грамоты разметныи» Витовту, т. е. объявили ему войну, и после этого не приняли участия в его сражении на Ворскле с Темир-Кутлуем и Едигеем, в котором он потерпел поражение (1399 г.).

13 сентября 1399 г. К. написал жалованную подтверждающую грамоту владимирскому Рождественскому монастырю на суздальское село Вельское, данное монастырю князьями в память об Александре Невском (сохранился подлинник грамоты). Согласно значительно более поздней грамоте — великого князя Ивана Васильевича, 17 марта 1483 г. (см.: Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. М., 1951, ч. 1, с. 23—24) К. выменял у великого князя Василия Дмитриевича «Всеславлю» или «Святославлю» слободку Караш Ростовского уезда, дав за нее князю некогда приобретенный митрополитом Петром г. Алексин — «место домовое святых Богородицы с всем, как купил Петр митрополит»; при акте мены присутствовал ряд великокняжеских и митрополичьих бояр. Позднее это владение К. расширилось, так как некто Юрий Юрьевич подарил ему «в слободку в митрополичю в Караш» починки Березники и Трегизово, за что митрополит велел записать имя дарителя, его жены и его детей «в вечное поминание» (там же, с. 28).

Примерно в конце 90-х гг. К. добился уничтожения отдельной Галицкой митрополии, распространив свою власть — вопреки даже воле константинопольского патриарха — на Мавровлахию и Галицию.

В 1400 г., во время осады Константинополя Баязидом, патриарх Матфей прислал к митрополиту К. грамоту с отчаянной просьбой о денежной помощи Царьграду, теснимому мусульманами. В этой грамоте патриарх называет К. «любящим ромеев человеком» (РИБ, т. 6, Прил., № 46, стб. 311—316).

В начале марта 1401 г. К. в третий раз вызвал в Москву из Новгорода владыку Иоанна; в июле этого года он созвал собор из девяти епископов, на котором Иоанн Новгородский и Савва Луцкий вынуждены были «отписаться» от своих епископий и были задержаны в Москве. Иоанн Новгородского К. заточил в монастыре Николы Старого и продержал там около трех с половиной лет.

В 1402 г., побуждаемые, по-видимому, спорами с новгородцами, великий князь Василий Дмитриевич с Киприаном решили возобновить законодательство, касающееся церковных судов, и для этого разыскали, утвердили и размножили старый Номоканон, сборник княжеских уставов, включающий Устав Ярослава (Русская Правда), Судебник греческого

царя Константина и Устав князя Владимира о церковных судах и десятинах. Этот комплекс уставов был переписан, в частности, «на Москве в лето 6911, индикта 11, месяца ноября 11» (1402 г.) на свиток, а с него списан в летопись (Софийскую I) вслед за упоминанием данной Ярославом новгородцам Правды под 6527 (1019) г. Благодаря поездке К. в 1404—1405 гг. в подвластные Литовскому великому княжеству западно-русские земли этот сборник уставов получил распространение и там. И впоследствии, судя по всему, К. не оставлял работу над сводом уставов. Возможно, по его инициативе (так считает Л. В. Черепнин) для митрополитского суда в Новгороде была составлена подборка законов под названием «Правосудье митрополитское».

25 ноября 1402 г. «по благословению... Кипреяна, митрополита киевского и всея Руси» была написана договорная грамота великого князя Василия Дмитриевича и князей Владимира Андреевича и Юрия, Андрея и Петра Дмитриевичей с великим князем рязанским Феодором Ольговичем о дружбе, согласии и общей политике по отношению к Орде и Литве.

14 июня 1404 г. К. написал некоей бездетной вдове Феодосье, мужа которой убили «холопи», грамоту на усыновление ею приемыша Тимошки, сославшись при этом на найденное им в Номоканоне соответствующее правило. 22 июня того же года в Голенищеве он поставил игумена Борисоглебского монастыря Тимофея епископом в Сарай. Незадолго до отъезда в западную часть своей митрополии К. освободил из заточения в московском монастыре новгородского архиепископа Иоанна и позволил ему вернуться в Новгород (там того встретили 15 июля). Добиться от новгородцев утраченного при Пимене права на апелляционный суд митрополит так и не смог.

20 июля 1404 г. К. поехал из Москвы сначала в Вильну, а затем в Киев. В Вильне он был с большей честью принят Витовтом. В Киеве К. заменил своего наместника архимандрита Тимофея и «слуг своих тамошних», отослав их в Москву, спасским архимандритом Феодосием и новыми своими слугами. Во Владимир Волинский он рукоположил епископом священника Гоголя. Во время этой своей поездки он побывал в Луцке. В 1405 г. в течение нескольких дней присутствовал на встрече великого князя литовского Витовта с польским королем Ягайло в городе Милолюбне. По настоянию Витовта он снял сан с туровского епископа Антония, обвиненного в побуждении ордынского царя Шадибека к нападению на Киев, на Волынь и на прочие города (очевидно, русские), подвластные Литве и Польше; К. отослал его в Москву в Симонов монастырь, велел заботиться о нем и не обижать его, только не позволять выходить из монастыря. 1 января 1406 г. К. вернулся в Москву. 26 августа в Голенищеве он поставил архимандрита Симоновского монастыря Иллариона епископом на Коломну. Спустя две недели, уже будучи больным, он рукоположил для Суздаля епископа Митрофана.

За четыре дня до смерти К. продиктовал духовную грамоту, которую велел прочесть при своем погребении. В ней он говорит о своих старческих болезнях, возвещающих ему приближение смерти, о времени своего пребывания в митрополитах, всех прощает, благословляет и у всех просит прощения; в ряде летописей к грамоте прилагается философско-поэтическое произведение на тему о бренности и суетности земной жизни (в нем сказывается знакомство с «Диоптрой» Филиппа Пустынника), написанное, видимо, в связи со смертью К. (в Никоновской летописи К. назван его автором). Прочел грамоту над его гробом ростовский архиепископ Григорий. Как сообщает летопись, эта прощальная грамота К. послужила образцом для следующих русских митрополитов; отчасти ее использовал в своей духовной грамоте и Кирилл Белозерский. К. похоронен справа от входа в московском кремлевском Успенском соборе. Духовная К. включена в *Великие Минеи Четии* митрополита Макария под 31 августа.

По словам Григория Цамблака (в Похвальном слове К.), незадолго до смерти К. он получил от него письмо с приглашением в Москву и уже ехал туда из Вильны, когда известие о смерти митрополита остановило его на р. Неман (Григорий Цамблак посвятил К. и Службу).

Во второй период управления всероссийской митрополией К. по возможности часто бывал и жил в своих тихих сельских владениях — в подмосковном селе Голенищеве, где он воздвиг «опришную» церковь во имя Трех Святителей, и в волости Сенеж на Святом озере Владимирской области, где он построил церковь и основал монастырь во имя Преображения господня. По словам Никоновской летописи, митрополит «любилвалъ лѣсныя пустынныя мѣста»; в тамошней тиши он занимался литературным трудом — читал, сочинял «и книги своею рукою писаше». В. Н. Татищев дает более конкретные сведения: «... в наставление душевное преписа соборы, бывшие в Руси, многи жития святых русских и степени великих князей русских; ини же в наставление плотское, яко: правды, и суды, и летопись рускую от начала земли Руския вся по-ряду. И многи книги к тому собрав, повелел архимандриту Игнатию Спасскому докончити, яже и соблюдох». По-видимому, в эти последние годы своей жизни К. сделал незначительные дополнения к своему Житию митрополита Петра (в частности, появилось упоминание смерти императора Андроника IV, имевшей место в 1385 г.) и написал Похвальное слово этому митрополиту. На основании известия В. Н. Татищева возникло предположение о создании К. Степенной книги (куда вошло и Житие митрополита Петра), но оно теперь признается ошибочным. Историки летописания допускают, однако, причастность К. к русскому летописанию конца XIV—начала XV в., в частности его инициативу в создании, влияние на содержание и личное участие в написании отдельных мест Троицкой летописи, завершенной (статьей 1408 г.) уже после его смерти, может быть при Кремлевском монастыре св. Спаса Преображения упоминаемым В. Н. Татищевым архимандритом Игнатием, по предположению Ст. Шевырева — тем самым *Игнатием Смольнянином*, который сопровождал митрополита Пимена в его последней поездке в Царьград, посетил Иерусалим и описал это свое путешествие (Е. Голубинский думает, что спасским архимандритом сделал Игнатия К. в 1404 г. после Феодосия, назначенного в Киев наместником).

Помимо Повести о Митяе и комментария к известию о его смерти, отмеченных выше, с наибольшей вероятностью принадлежащей перу К. может считаться в этой летописи запись под 6900 (1392) г. о захвате великим князем Василием Дмитриевичем Нижнего Новгорода с разрешения и с помощью подкупленных им ордынцев. Существует также точка зрения (Г. М. Прохоров), что при К. произошла своего рода децентрализация местного летописания: в 1375 г. в Москве за счет подавления и поглощения ряда местных княжеско-городских или епископских летописцев был создан «Лѣтописец Великий Русьский», вобравший в себя материал других летописцев XIV в., но краткий по начало XIV в.; своего рода репликой на него явилась в 1377 г. Лаврентьевская летопись, представлявшая полный текст летописи именно по начало XIV в.; в начале же 90-х гг., при К., «Лѣтописец Великий Русьский» был отвергнут, некоторые местные летописцы (в Твери, например) оживились, а в основу московской летописи было положено или возвращено полное, не сокращенное начало (по образцу Лаврентьевской). Кроме того, при К. был продолжен процесс ведения-составления при митрополичьей кафедре «всеза Русии» сводной всероссийской летописи, в основу которой клались выборки из всех местных летописцев митрополии и для которой специально заказывались большие произведения (в частности, «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русскаго»). Этот свод отражает Софийская I летопись. Параллельно с ним в Новгороде подобным же методом (на основании делавшихся для митро-

поличьего свода выборок из тамошней местной, Новгородской I, летописи и выборок из самого этого свода; выборки сохранились в списке конца XV в. — ГПБ, F.IV.603, л. 179—425 об.) составлялся его новгородский вариант — Новгородская IV летопись (по 1428 г.).

К. атрибутируется ряд литургико-поэтических произведений. Помимо Службы митрополиту Петру с двумя канонами, стихирами и кондаком сюда относятся «Канон ко господу нашему Иисусу Христу и ко пречистой Богородице, пѣваем о гобзиня плода и за бездождие», «Молитва разрешити царя и князя и всякого христианина. . . а списана в Лутцѣ над гробом княжеим Дмитриевым», «Последование провождению над умершим младенцем». Ряд молитв мог быть написан К., но мог быть также переведен им с греческого, таковы: «Благословение и прислание митрополита Киприана. Молитва, глаголемая во отвержение и во освящение церкви, в ней же случится умерти челоуѣку нужною како-либо смертию»; «Потружение смиреннаго Киприана, митрополита Киевскаго и всея Руси. Како подобает знаменати отроча», включающее молитву «храму, в нем же младенец родися», «женѣ, егда родит», «молитву имя нареци младенцу», «жене по рождении и всем прилучившимся», «бабѣ».

Некоторые церковнослужебные тексты определенно переведены на славянский язык К., как-то: «Списание сему от греческих книг смиренным митрополитом Киевским и всея Руси Киприаном. Чин, еже омыти мощи святых или крест мочити», «Канон к господу Иисусу Христу и пречистой его матери на поганья молебн. Творение святейшаго и вселенскаго патриарха Филофия, и потружение же Киприана, смиреннаго митрополита всея Руси», «Канон молебн к господу Иисусу Христу в усобных и иноплеменных бранех. Творение святейшаго патриарха Филофея, потружение же Киприана, митрополита Киевскаго и всея Руси».

Сохранился пергаменный Служебник (ГИМ, Синодальное собр., № 344 (601)), содержащий «Устав божественна службы» Иоанна Златоуста в редакции патриарха Филофея и «Молитву особну Святому духу. Творение святейшаго патриарха Костянтинаграда Филофея», а также записи (л. 72, 132 об.), согласно которым его перевел и переписал «от грецких книг на русский язык рукою своею Киприан, смиренный митрополит киевский и всея Руси» в 1397 г. и «сам служил» по нему. Наверное эту рукопись и имел в виду в XVII в. Евфимий Чудовский, когда писал, что «Киприан митрополит преведе с греческа книгу Литургиарий и написа своею рукою» (ГИМ, Синодальное собр., № 596, Сборник, XVII—XVIII вв., л. 16 об.). Но это, судя по письму (если брать «Лествицу» 1387 г. за образец), не автограф, а, возможно, копия с автографа. Согласно этому служебнику, в чине проскомидии одна из просфор принимается со словами «О здравии и спасении благочестивых царей. . .», что соответствует стремлениям К. включить в русскую церковную службу поминания византийских императоров (то же самое можно видеть в Служебнике ГИМ, Синодальное собр., № 952, принадлежавшем, по преданию, Сергию Радонежскому). О том, что некогда существовал написанный рукой К., а возможно и переведенный им Требник, указывает заголовок распорядка службы священника и дьякона: «Устав божественных служб. Творение Филофея патриарха Цариграда. Списажесе се смиренным митрополитом Киевским и всея Руси Киприаном» (например, в рукописи конца XV в. ГИМ, Синодальное собр., № 376 (268)).

В собрании рукописей Троице-Сергиевской лавры наряду с указанным ранее автографом К. — списком Лествицы Иоанна Синайского 1387 г. (ГБЛ, МДА, фонд., № 152) — до нас дошли также две по традиции приписывавшиеся ему рукописи: Псалтирь с воследованием (там же, № 142) и корпус сочинений Дионисия Ареопагита (там же, № 144). В Псалтири написано, что она «митрополита Киприанова писма». Но обе эти рукописи автографами К. не являются; вероятно, однако же, что и они списаны с его автографов.

И. Иванов утверждает, что К. не переводил сам с греческого языка, а использовал сделанные на Балканах переводы. Это несомненно верно относительно переведенной хиландарскими старцами Лествицы Иоанна Синайского, переведенного сербским старцем Исайей корпуса сочинений, надписываемого именем Дионисия Ареопагита, и Псалтири, повторяющей Псалтирь царя Ивана Александра 1337 г. (добавлены только короткие похвалы болгарским святым — Петке-Параскеве, Иоанну Рильскому, Илариону Мегленскому, Кириллу Философу и Иоакиму). Но в остальных случаях «потружение» К. состояло, возможно, в том, что он вносил свою правку в сделанный ранее перевод (понятие перевода в Древней Руси включало и правку чужого перевода), либо делал перевод заново или впервые.

Представленный «Киприановским» списком текст Псалтири в XV в. потеснил другие ее редакции и в XVI в. воспринимался как «Киприанов перевод» (см., например, записи в ГБЛ, Волоколамское собр., № 152, л. 1, 454 — Псалтирь с воследованием, первая четверть XVI в.). Так, Нил Курлятев в своем Предисловии к переводу Псалтири, сделанному Максимом Греком, обосновывая необходимость и авторитетность этого нового перевода, упрекал К. за его перевод, ибо тот «по-гречески не гораздно разумел и нашего языка довольно не знал же» (ГПБ, собр. Погодина, № 1143, л. 1). Судя по записям в сохранившихся списках, к Молитвеннику К. восходит Сказание об отреченных книгах (см. *Списки отреченных книг*). Переводом К. является, как можно думать, «Последование, творимо часовом на праздники господския пред днем Рождества Христова», к названию которого сделано примечание: «Сичево приахом певаемо в святейшей Великой церкви Божия Премудрости», напоминающее примечание в упомянутом «Служебнике Киприана митрополита»: «Яко же и Святѣй Софѣи в Великой церкви творимо естъ, идѣже и мы научихомъся, видѣвше». В списке Харьковской гос. научной библиотеки, № 816281 (Минея декабрьская, служебная, пергамен) к «Последованию» сделано — вероятно, в начале 80-х гг. XIV в. К. — примечание о том, что, согласно обычаям русской церкви, «многолетия» возглашаются не царю и патриарху, а князю и митрополиту, «занеже несть царства тамо, ни же царя». Эта же рукопись содержит также древнейший список созданной К. Службы митрополиту Петру, в том числе Житие. Согласно записи, сохранившейся в рукописи второй половины XV в. ГИМ, собр. Уварова, № 145, некий дьяк Василко в Западной Руси в 1390 г. написал Сборник житий и слов, содержащий и Киприаново житие Петра.

Помимо уже упомянутых книг и сочинений при К. в русскую церковнослужебную практику входит Учительное Евангелие (сборник воскресных и праздничных поучений различных авторов, главным образом Иоанна Златоуста) в редакции патриарха Филофея и Иерусалимский (или монастыря Саввы Освященного) богослужебный устав, со временем вытеснивший Студийский устав. Грамоты К. новгородскому архиепископу Иоанну, в Псков, псковичам об отмене грамоты Дионисия Суздальского, псковскому духовенству включены в XVI в. в ильскую книгу ВМЧ митрополита Макария (Синодальный список № 182 и Успенский список № 996).

Судя по Послесловию в упомянутом выше Служебнике, приписываемом К. (ГИМ, Синодальное собр., № 344 (601)), можно думать, что от него исходило строгое требование при чтении и особенно при переписке книг относиться к их тексту «с великим вниманием», следить, чтобы «не приложити или отложити едино нѣкое слово, или тычку едину, или крючкы, иже суть под строками в рядѣх, ниже премѣнити слогию нѣкоторую, или пакы отложити», поскольку от небрежности, говорится здесь, можно впасть в грех, а «от небрежения впасти в грѣх горшии естъ, неже еже от невидѣния бываемаго». Требование это порождалось, наверное,

с одной стороны, свойственным исихастам сакральным отношением к слову, с другой — боязнью еретических отступлений от церковной нормы. Сделанная неким «последним во иноцех и непотребным Андреем смиренным» приписка в рукописи ГИМ, Успенское собр., № 7 (пергамен, 1403 г.) говорит, что митрополичьим «благословением земля Русьская мир глубокий приемлет, церкви же божия православия одежею свыше истканною одъся, и исправлением книжным и учением его свѣтлѣется паче солнечных зарей и напаяется яко от источника приснотекуща».

Из русских митрополитов XIV в. К. был первым, не поминавшим в молитвах ордынских ханов, ни разу не посещавшим Орду, жившим подолгу в западной, подвластной Литве и Польше части Руси и уделявшим очень большое внимание литературе. В целом для него характерны отражение в литературных произведениях обстоятельств окружающей его общественной и его собственной жизни, включая болезни (в этом он верный ученик литератора-патриарха Филофея и отдаленный предшественник протопопа Аввакума), стремление оживить домонгольские традиции русской литературной и церковной практики, внедрить в нее новые достижения византийских богословия, литургики, литературы; утвердить свои права как главы церкви «всех Руси», сохранив ее единство, несмотря на политический раздел враждующими друг с другом государствами; распространить взгляд на московского князя как на князя и царя «всех Руси», но при этом защитить права и других князей и отделить церковь от всех государств, в которые она входила, ограничив вмешательство в ее дела и посягательство на ее права светских властей; возбудить в своей наставке пафос борьбы с «погаными» поработителями.

К. был также, несомненно, инициатором и поощрителем литературного творчества, пополнения русских библиотек книгами южнославянского и афонского происхождения и переписки книг (ряд рукописей сохраняет записи писцов о благословении их работы К.; см., например: ГПБ, Ф. п. I. 18, л. 207 (Евангелие), где говорится о его написании в 1393 г. дьяконом Спиридоном «благословенъем Киприана митрополита всех Руси, повеленъем благовернаго князя Володимера Андреевича»; ГИМ, собр. Успенского собора, № 7, где говорится о написании книги в 1403 г. митрополичьим «благословением и повелением»). В Твери в 90-х гг. XIV в., после того как К. поставил туда епископом своего протодьякона Арсения, произошло возрождение замершего было после московско-тверской войны 1375 г. местного летописания. Человеком, близким к митрополиту (по крайней мере по духу и общественной позиции), вскоре после его смерти была создана наставительная по отношению к великому князю Повесть о нашествии Едигея.

Во время возглавления русской церкви К. активизировались церковное строительство и расписывание церквей на Руси. На это время приходится русский период творчества Феофана Грека и начало творческого пути Андрея Рублева; с середины 90-х гг. XIV и по середину первого десятилетия XV в. Феофан Грек, Семен Черный, Даниил Черный, Андрей Рублев и старец Прохор из Городца расписывали храм Рождества Богородицы с приделом Лазаря и Благовещенский и Архангельский соборы в Московском Кремле. Кроме того, Феофан Грек украшал фресками помещения у князя Владимира Андреевича Храброго и церкви в Великом и Нижнем Новгородах. Допускают (Н. К. Голейзовский, Л. В. Бетин), что именно К. пригласил Феофана Грека на Русь. При К. резко активизировалась монастырская колонизация Русского Севера; в числе основанных тогда монастырей — Кирилло-Белозерский и Спасо-Прилуцкий в Вологодском крае, Лазаря Муромского на Онежском озере, Арсения Коневского на Ладожском и множество других. Монастыри, как правило, возникали сначала как «исихастерии» отшельников или как скиты, но, быстро вырастая, организовывались по принципу киновий, общежитий. При К. же произошла реформа и некоторая унификация русского

церковного пения и музыкальной нотации. С ним связывают также переход Руси с «мартовского» года на «сентябрьский».

29 мая 1472 г. в связи с перестройкой кремлевского Успенского собора состоялось открытие и перенесение мощей митрополитов К., Фотия и Ионы, причем, по Софийской II летописи, «тогда Иону цѣла суца обрѣтоша...», Фотѣя же цѣла суца не всего, едины ноги толико в тѣлѣ, а Кипреяна всего потлѣвша, едины мощи». 27 августа 1479 г. гроб с останками К. был установлен в новом Успенском соборе.

В сборнике конца XV в. книгописца Ефросина (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086) К. стал героем фольклорного по характеру рассказа об исчезнувшем доме по причине негостеприимства хозяина и митрополичьего неблагословения. В XVI в. небольшой хвалебный рассказ о К. был помещен в Никоновской летописи и в Степенной книге, вслед за сообщением о его смерти. При пожаре 21 июня 1547 г. митрополит Макарий, вынужденный прервать молебен и бежать из Успенского собора, захватил с собой иконку Богоматери, написанную, по преданию, митрополитом Петром, и книгу «божественаго правила», принесенную К. из Царьграда.

Местное празднование памяти К., как и празднование памяти митрополитов-греков, Феогноста и Фотия, было установлено в Успенском соборе не ранее 1805 г.

Соч.: I. Послания от 3 и 23 июня, 18 октября 1378 г., отрывок «От иного послания о повинных» и небольшое послание «а-игумену»: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1973, с. 193—204; первые три и пятое послания в публикации А. С. Павлова: Послания всероссийского митрополита Киприана, доселе еще не изданные. — ПС., 1860, ч. 2, с. 75—106; второе послание: РИБ, СПб., 1880, т. 6, № 20, стб. 173—196; ПЛДР: XIV—середина XV века. М., 1981, с. 430—443, 579—581; «От иного послания о повинных» под заглавием «Повинное послание Дионисия, архиепископа суздальского, к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому 1383 года» в издании А. С. Павлова: ПС, 1866, ч. 1, с. 239—250; то же как послание 1113 г. епископа Даниила Владимиру Мономаху: Тихомиров М. Н. Малоизвестные памятники: 2. Киевские князья XI столетия в послании о повинных. — ТОДРЛ, М.; Л., 1960, т. 16, с. 545—546.

II. Грамоты. Заемная Николаву Нотаре 8 сентября 1389 г.: АИ, т. 1, № 252, с. 473—474; ответы игумену Афанасию: АИ, т. 1, № 253, с. 474—482; РИБ, т. 6, № 32, стб. 243—270; Уставная грамота Царевкопстантиновскому монастырю: ААЭ, т. 1, № 11, с. 6—7; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. М., 1951, т. 1, № 201, с. 179—180; Памятники русского права. М., 1955, вып. 3, с. 423—425, 436—438, 458—459; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. М., 1964, т. 3, № 5, с. 16—17; уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича и К.: Памятники русского права, вып. 3, с. 421—423, 432—438, 458; Акты социально-экономической истории... т. 3, № 6, с. 18—20; грамота новгородскому архиепископу Иоанну о неприкосновенности церковных судов и вотчин: АИ, т. 1, № 7, с. 16; РИБ, т. 6, № 26, стб. 229—232; в Псков о том же: АИ, т. 1, № 9, с. 18; РИБ, т. 6, № 27, стб. 231—234; грамота псковичам об обмене уставной грамоты: АИ, т. 1, № 10, с. 18; РИБ, т. 6, № 28, стб. 233—236; грамота новгородскому духовенству: АИ, т. 1, № 11, с. 19; РИБ, т. 6, № 29, стб. 235—238; грамота псковскому духовенству: АИ, т. 1, № 8, с. 17; РИБ, т. 6, № 30, стб. 239—242; грамота Владимирскому Рождественскому монастырю: Акты социально-экономической истории... т. 3, № 86, с. 117—118; Сборник уставов: ПСРЛ, СПб., 1853, т. 6, с. 57—86; ПСРЛ, Л., 1925, т. 5, вып. 1, с. 91; «Правосудье митрополичье»: Акты социально-экономической истории... т. 3, № 8, с. 22—25; грамота вдове Феодосье: АИ, т. 1, № 255, с. 484; РИБ, т. 6, № 31, стб. 241—244; Духовная грамота: Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб., 1857, т. 1, с. 544; Варлаам, архим. Описание сборника XV ст. Кирилло-Белозерского монастыря. — Учен. зап. 2-го отд-ния Акад. наук, 1859, кн. 5, с. 48; ВМЧ митр. Макария, 31 августа; ПСРЛ, т. 4, вып. 2, с. 400—404; т. 5, с. 254—256; т. 11, с. 195—197; т. 21, ч. 1, с. 441—443.

III. Житие митрополита Петра, первоначальная версия: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе, с. 204—215; распространенная позднейшая версия: ВМЧ, 21 декабря, стб. 1620—1646; ПСРЛ, т. 21, ч. 1, с. 320—332; Ангелов Б. Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1958, с. 159—176; Проложное житие: Памятники древнерусской церковноучительной литературы, вып. 2. Славяно-русский пролог, ч. 1 (Сентябрь—декабрь) / Под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1898, с. 5—6, 168—169.

IV. Похвальное слово митрополиту Петру: Дончева-Панайотова Н. Неизвестно «Похвално слово за митрополит Петър» от Киприан Цамблак. — Старобъл-

гарска литература, кн. 2. Българско-руски литературни връзки през средновековието. София, 1977, с. 136—155 (публикация по рукописи ГПБ, Погодинское собр. № 866, конец XV—начало XVI в., с разночтениями по ГПБ, Софийское собр., № 1500, XVI в.).

V. Повесть о Митяе: ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 124—132; т. 18, с. 121—125; Прохоров Г. М. Повесть о Митяе, с. 218—224.

VI. Разрешительная молитва: Варлаам, архим. Описание сборника XV в. Кирилло-Белозерского монастыря, с. 49—50; Макарий. История русской церкви, т. 4, Прил. XXVI, с. 373—377.

VII. Переводы с греческого канонов на ратные темы: Прохоров Г. М. Гимны на ратные темы эпохи Куликовской битвы. — ТОДРЛ, Л., 1983, т. 37, с. 286—304.

VII. Последствие и молитва из Служебника: Буслаев. Историческая христоматия, стб. 135—138.

Лит.: ПСРЛ, т. 5, с. 254—256; т. 8, с. 79—80; т. 11, с. 195—197; т. 21, ч. 2, с. 441—443; т. 24, с. 171—172; т. 25, с. 234—236; Татищев В. Н. История российская с самых древнейших времен. М., 1784, кн. 4, с. 424; Калайдович К. Об ученых трудах митрополита Киприана и о том, спрavedливо ли приписывается ему и митрополиту Макарию сочинение книги Степенной. — ВЕ, 1813, ч. 72, с. 207—224; Горский А. В. Св. Киприан, митрополит Киевский и всея Руси. — Прибавления к ТСО, М., 1848, с. 295—369; Шевырев Ст. История русской словесности. М., 1858, ч. 3, с. 169—187; [Муравьев А. Н.] Житие святителя Киприана, митрополита всея Руси. — В кн.: Жития святых российской церкви, также иверских и славянских и местно чтимых подвижников благочестия: Месяц сентябрь. СПб., 1859, с. 235—276; Филарет. Обзор, с. 110—114; Пыпин А. Для объяснения статьи о ложных книгах. — ЛЗАК, 1861, вып. 1, с. 49; Киприан, всероссийский митрополит, и великий князь Дмитрий Донской. — ПС, 1862, ч. 1, с. 9—11; Правила архимандрита Киприана: (Обзор посланий). — ПС, 1865, ч. 2, с. 9—34; Макарий. История русской церкви. СПб., 1866, т. 5, кн. 2, с. 183—193; СПб., 1886, т. 4, с. 59—86; СПб., 1886, т. 5, с. 186—197; А. Л.—д [Леонид Кавелин]. 1) Киприан до востшествия на Московскую митрополию. — ЧОИДР, 1867, кн. 2, отд. 1, с. 11—32; 2) Надгробное слово Григория Цамблака российскому архиепископу Киприану. — Чтения Моск. ун-та, 1872, т. 1; Ключевский И. Древнерусские жития, с. 74—77, 82—88, 124—126, 209, 319; Пастырская деятельность киевских митрополитов (1240—1461) относительно благоустройства богослужения. — Киевские епархиальные ведомости, 1874, вып. 2, с. 203—207; Пастырская деятельность киевских митрополитов (1240—1461) по особенным обстоятельствам православия в юго-западной России при покушениях против него папизма. — Киевские епархиальные ведомости, 1872, вып. 2, с. 86—87; Сергей, архим. Полный месяцеслов Востока. М., 1875, т. 1 (Восточная агиология), Прил., с. 182—183, 194; Амфилохий, архим. 1) Что внес Киприан, митрополит киевский и всея России, а потом московский и всея России, из своего родного наречия и из переводов его времени в наши богослужебные книги? — В кн.: Труды III археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Киев, 1878, т. 2, с. 230—251 (перечень переведенных К. канонов и молитв по рукописи ГИМ, Синодальной собр., № 503 (774), канонник, XVI в.); 2) Справедлив ли упрек монаха Пила Курьятевых о том, что митрополит Киприан по-гречески гораздо не разумел и нашего языка довольно не знал же при исправлении Псалтыри? — В кн.: Труды IV археологического съезда в России. Казань, 1891, т. 2, отд. 6, с. 1—6; РИБ, т. 6, Прил., стб. 165—184, 189—228, 261—264, 303—316 (документы, касающиеся К.; греческий текст этих документов см. также: Miklosich Fr., Müller J. Acta patriarchatus Constantinopolitani. Vindobonae, 1862, vol. 2, S. 116; Барсуков. Источники агиографии, стб. 287—289; Строев. Словарь, с. 165—170; Мансветов И. Д. 1) Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1881; 2) О трудах митрополита Киприана по части богослужения. — Прибавления к ТСО, кн. 1, ч. 1, с. 152—205; кн. 2, с. 413—495; кн. 3, с. 71—175 (о Служебнике, Трехнике, Псалтыри); 3) Церковный устав. М., 1885, с. 270—271; Барсов Е. По поводу сочинения проф. И. Д. Мансветова «Митрополит Киприан в его литургической деятельности». — ЧОИДР, 1882, кн. 3, отд. 5, с. 57—61; Помяловский И. [Рец. на кн.: Мансветов И. Д. Митрополит Киприан в его литургической деятельности]. — ЖМНП, 1883, май, с. 108—119; Филарет. Обзор, с. 86—93; Глубоковский Н. Н. 1) Св. Киприан, митрополит всея России (1347—1406) как писатель. — ЧОЛДП, 1892, февраль, с. 358—424; 2) РВС, «Пбак—Ключарев», СПб., 1897, с. 636—644; 3) Киприан. — ПБЭ, СПб., 1909, т. 10, стб. 41—60; Боголюбский М. С. Московская иерархия: Митрополиты. — ЧОЛДП, 1894, № 9, с. 454—457; Жданов П. Н. Русский былевой эпос: Исследования и материалы. СПб., 1895, с. 105—106; Афонский патерик. 7-е изд. М., 1897, т. 2, с. 169; Сырку П. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. СПб., 1898, т. 1, вып. 1 (Время и жизнь патриарха Евфимия Тырновского), с. 353—576; Голубинский И. 1) История церкви. М., 1900, т. 2, 1-я половина, с. 210—260, 297—356; 2) История канонизации, с. 191—194, 559—560; Державин И. Степенная книга как литературный памятник. — Известия XII археологического съезда в Харькове 15—27 августа 1902 г., с. 97—98 (об участии К. в ее составлении); Васенко П. Г. «Книга степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности, 1. СПб.,

- 1904, с. 199, 211—212; Орлов М. И. Литургия св. Василия Великого. СПб., 1909, с. LI—LX (литургическая деятельность Киприана); Иконников В. С. 1) Опыт историографии. Киев, 1908, т. 2, кн. 2, с. 1308—1349, V, XXXVII—XXXVIII; 2) Максим Грек и его время. Киев, 1915, с. 29—30 (об исправлении книг); Соколов П. Русский архидиакон в Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913, 420—563; Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916, с. 145—157; Пресняков А. Образование великорусского государства. — ЛЗАК, Пг., 1920, вып. 30, с. 108, 122, 124, 141, 234, 241, 314—316, 321—322, 334, 338, 340, 363—375, 379 (и отдельное издание: Образование великорусского государства: Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1920); Яцимирский А. И. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности. [Б. м.], 1921, с. 11—28; Попруженко М. Г. Синодик царя Борила. София, 1928, с. XCVIII—CIX; Приселков. История летописания, с. 128—140; Лихачев В. Русские летописи, с. 296—297; Turdeanu E. La littérature bulgare du Xe s. et sa diffusion aux pays roumains. Paris, 1947, p. 115; Ангелов Б. 1) Списъкът на забранените книги в старобългарската литература: (Към въпроса за класовия характер на нашата стара литература). — Известия на Института за българска литература, София, 1952, кн. 1, с. 138; 2) Житие на митрополит Петър от Киприан. — Из старата българска, руска и сръбска литература, 1. София, 1958, с. 159—176; Динев К. П. Стара българска литература. София, 1953, ч. 2, с. 85—88; Киселков В. Сл. Проуки и очерти по старобългарска литература. София, 1956, с. 213—230; Иванов Й. Българското книжовно влияние в Россия при митрополит Киприан (1375—1406). — Известия на Института за българска литература, София, 1958, кн. 6, с. 25—79; Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959, т. 1, с. 333—339; Украинский письменники, с. 362—363; Клибанов А. И. Реформационное движение в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, с. 326 и др.; Снегаров И. К истории культурных связей между Болгарией и Россией в конце XIV—начале XV в. — В кн.: Международные связи России до XVII в.: Сборник статей. М., 1961, с. 260—269; Ταυτάτος 'Α.·'Α. 1) 'Ο μητροπολίτης 'Ρωσίας Κυπριανός Τσαμπλάκ. — 'Επιστημονική 'Επετηρίς Θεολογικής Σχολής, τ. 6. Θεσσαλονίκη, 1961, с. 163—241; 2) 'Επιδράσεις τοῦ ἡσυχασμοῦ εἰς τὴν ἐκκλησιαστικὴν πολιτικὴν ἐν 'Ρωσία. 1328—1406 Θεσσαλονίκη, 1962, с. 61—153; Будовниц. Словарь, с. 66, 131, 247; Мошин В. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. — ТОДРЛ, М.; Л., 1963, т. 49, с. 104—106; Дмитриев Л. А. 1) Роль и значение митрополита Киприана в истории древнеруской литературы: (К истории русско-болгарских литературных связей XIV—XV вв.). — Там же, с. 215—254; 2) Литературно-книжная деятельность митрополита Киприана и традиции великотырновской школы. — В кн.: Ученици и последователи на Евтимий Търновски: Втори международен симпозиум. Велико Търново, 20—23 май 1976. София, 1980, с. 64—70; Мечев К. Похвалното слово за Киприан от Григорий Цамблак. — Литературна мисъл, София, 1966, № 2, с. 124—132; Михайлов Е. Митрополит Киприан. — Бележити българи, София, 1967, т. 1, с. 534—546; Вздорнов Г. И. Роль славянских мастеров письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. — ТОДРЛ, Л., 1968, т. 23, с. 173—174, 182, 189; Holthusen J. Neues zur Erklärung des Nadgrobное Slovo von Grigoriј Camblak auf den Moskauer Mitropoliten Kiprian. — Slavistischen Studien zum VI. Internationalen Slavistenkongress in Prag 1968. München, 1968, S. 372—382; Греков И. Б. 1) О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище». — Советское славяноведение, 1970, № 6, с. 31; 2) Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975; Obolensky D. 1) The Byzantine Commonwealth. New York—Washington, 1971, p. 263—264, 342—343; 2) Late Byzantine Culture and the Slavs: A Study in Acculturation. — XVe Congres international d'études byzantines. Rapports et co-rapports. Athens, 1976, p. 8—26; 3) A Philorhomaioi anthropos: Metropolitan Cyprian of Kiev and all Russia. — Dumbarton Oaks Papers, Washington, 1979, vol. 32; Прохоров Г. М. 1) К истории литургической поэзии: гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина. — ТОДРЛ, Л., 1972, т. 27, с. 140—148; 2) Летописная Повесть о Митяе. — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 30, с. 238—254; 3) «Лѣтописецъ Великий Русьскій»: Анализ его упоминания в Троицкой летописи. — В кн.: Летописи и хроники. 1976. М., 1976, с. 67—78; 4) Избыточные материалы Рогожского летописца. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976, т. 8, с. 185—203; 5) Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания. — ТОДРЛ, Л., 1977, т. 32, с. 165—198; 6) Центрально-русское летописание второй половины XIV в.: (Анализ Рогожского летописца и общие соображения). — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978, т. 10, с. 159—181; 7) Древнейшая рукопись с произведениями митрополита Киприана. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1978 г. Л., 1979, с. 17—30; 8) Поэтическое приложение к Духовной грамоте митрополита Киприана и другие ритмизованные тексты. — В кн.: Армянская и русская средневековые литературы. Ереван, 1985 (в печати); Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV в. М., 1972; Дончева-Панайотова Н. А. 1) Образът на Киприан в Похвалното слово за него от Григорий Цамблак. — В кн.: Търновска книжовна школа, 1371—1971. Международен симпозиум, Велико Търново, 11—14 октомври 1971 г. София, 1974, с. 501—

509; 2) Търновската книжовна школа и Русия в края на XIV и началото на XV век: Киприан и Григорий Цамблак. Автореф. на диссертация за присъждане на научната степен кандидат на филологическите науки. Велико Търново, 1974, 32 с.; 3) Неизвестно «Похвално слово за Петър» от Киприан. — Литературна мисъл, София, 1975, кн. 1, с. 98—104; 4) Киприановото «Похвално слово за Петър» в българска и руската панегирична традиция. — Език и литература, София, 1977, кн. 2, с. 30—43; 5) По въпроса за родство между митрополит Киприан и Григорий Цамблак. — Старобългарска литература, София, 1978, кн. 3, с. 77—85; 6) Цикл произведения за митрополит Петър от Киприан. — В кн.: Търновска книжовна школа: Ученици и последователи на Евтимий Търновски. Втори международен симпозиум. Велико Търново, 20—23 май 1976. София, 1980, с. 143—155; 7) Киприан, старобългарски и староруски книжовник. София, 1981; Голейзовски Н. К. Епифаний Премудрий о фресках Феофана Грека в Москве. — ВВ, М., 1973, т. 35, с. 224; Talev I. Some Problems of the Second South Slavic Influence in Russia. — Slavistische Beiträge, München, 1973, Bd 67, S. 82—93; Мейендорф И. Ф. 1) О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV веке. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 29, с. 291—305; 2) Byzantium and the Rise of Russia: A Study of Byzantino-Russian Relations in the fourteenth century. Cambridge University Press, 1981, p. 200—260; Борисов Н. С. Социально-политическое содержание литературной деятельности митрополита Киприана. — Вестник МГУ, 1975, № 6, с. 58—72; Князевская О. А., Чешко Е. В. Рукописи митрополита Киприана и отражение в них орфографической реформы Евфимия Търновского. — В кн.: Търновска книжовна школа: Ученици и последователи на Евтимий Търновски. Втори международен симпозиум. Велико Търново, 20—23 май 1976. София, 1980, с. 282—292; Чешко Е. В. Второе южнославянское влияние в редакции Псалтырного текста на Руси (XIV—XV вв.). — Старобългаристика, 1981, № 4, с. 79—85; Бетин Л. В. Митрополит Киприан и Феофан Грек — Etudes balkaniques, Sofia, 1977, t. 1, p. 109—115; Каган М. Д. Чудо митрополита Киприана: (Еще один фольклорный мотив в сборнике XV в. книгописца Ефросина). — ТОДРЛ, Л., 1981, т. 36, с. 234—238; A l i s s a n d r a t o s J. The Structure of Gregory Camblak's Eulogy of Cyprian. — Paleobulgaria, 1982, t. 6, p. 45—58.

Н. Ф. Дробленкова (библиография), Г. М. Прохоров

Кубасов Сергей Иевлевич (ум. после 1694) — сын боярский, предполагаемый составитель одного из хронографов особого состава, который А. Н. Попов назвал «Хронографом Кубасова». Хронограф К. состоит из трех частей: хронографической, близкой к *Хронографу Русскому* редакции 1512 г., летописной, содержащей известия по русской истории до 7000 (1492) г., и, наконец «Повести книги сея от прежних лет», приписываемой И. М. Катыреву-Ростовскому. Известно шесть списков Хронографа К.: Демидовский и А. Н. Попова (эти два списка утрачены); БАН, 16.13.2 (неполный, имеет свое название — Едомский летописец); ГБЛ, ф. 228, собр. Пискарева, № 169; ГПБ, собр. Вяземского, F.VI; ЛОИИ, ф. 11, № 143.

О времени рождения К. можно судить только предположительно: известно, что в 40-х—начале 50-х гг. XVII в. в г. Тотьме действовал тотемский голова Иев Кубасов, который, вероятно, был отцом К., так как в источниках последний иногда назывался тотменином. К., начав свою службу в 50-х гг. XVII в. в должности подьячего провинциального города Тотьмы, после участия в посольстве *Ф. И. Байкова* в Китай (1654—1657 гг.) получил назначение в более значительный сибирский город Енисейск, где действовал уже как подьячий с приписью (1660 г.). В 1668 г. К. оказывается в г. Тобольске: этим годом датируется его служебная записка «О способах к увеличению казенных доходов в Тобольске и пригородах тамошнего уезда». Служа в Тобольске, центральном городе Сибири XVII в., К. получает новое повышение, дающее ему право подписываться как «сын боярский». Об этом мы узнаем из приписки, находившейся в двух утраченных списках Хронографа К.: «Труды же и тщания многогрешного раба Тобольского сына боярского Сергея Кубасова». Указание о новом служебном положении позволяет датировать его работу над текстом Хронографа 70—80-ми гг. XVII в. Последнее известие о К. относится к 1694 г.

Степень участия К. в работе над текстом Хронографа определялась исследователями по-разному: одни считали, что он был составителем

всего Хронографа и автором «Повести книги сея...» (А. Н. Попов, И. И. Срезневский, А. М. Ставрови́ч), другие — что он не был автором «Повести книги сея...» (В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов и др.), третьи — что он был автором-компилятором особой редакции Хронографа (Е. К. Ромодановская). Вопрос об авторстве К. на сегодняшний день решается однозначно: он не мог быть автором Хронографа, так как все части этого памятника дошли до нас в списках не позднее 30-х гг. XVII в., а приблизительно к этому времени относится рождение К. Вопрос о соединении К. отдельных частей Хронографа не имеет однозначного решения: четыре списка из шести приписки К. не имеют, а два списка, имевших приписку, утрачены. С. М. Ставрови́ч вслед за С. Ф. Платоновым высказала предположение об участии К. в работе над *летописью Строгановской*, но со стороны других исследователей это предположение не нашло поддержки. Кроме «Повести книги сея...» исследователи обращались и к изучению летописной части Хронографа К., содержащей ряд оригинальных известий (А. А. Шахматов, М. Н. Тихомиров, А. Н. Насонов и др.). Некоторые исследователи интересовались влиянием текста Хронографа К. на летописание Сибири, вопрос этот продолжает изучаться.

На сегодняшний день история текста Хронографа К., предшествующая самому Хронографу, выглядит следующим образом. Было два этапа в истории текста: 20-е гг. XVI в. и 30—40-е гг. XVII в. На первом этапе появляются Хронограф редакции 1512 г., являющийся одним из основных источников Хронографа К., и близкая к *летописному своду Сокращенному* часть летописного текста (за период XV в.), особенностью которой являются несколько чтений, где в переработке общеизвестных исторических фактов отразилась борьба за власть между внуком Ивана III Дмитрием и сыном *Василием III*. На втором этапе, отразившемся в рукописях 30-х гг. XVII в., возникает незначительная переработка Хронографа редакции 1512 г. (см.: ГПБ, Q.IV.88): перестановка и несколько иная разбивка глав, незначительные вставки и сокращения текста; этой переработке Хронографа редакции 1512 г. сопутствует летописный текст (известен и в отдельном виде, например одним из списков «Летописца о великих княжениях» — ЦГАДА, ф. 181, № 617/1127), содержащий известия по русской истории от времен расселения славян до конца XVI в.; в эти же годы создается и «Повесть книги сея...» в нескольких редакциях. Таким образом, получается, что текст Хронографа К. до момента его составления во второй половине XVII в. уже существовал в виде отдельных произведений. Летописная часть Хронографа К. легла в основу краткого летописца, известного под названием «Подробнейшая история государей российских» (издана в XVIII в. Н. И. Новиковым). Хронограф К. использовал Н. М. Карамзин в работе над «Историей государства Российского».

Соч.: Русские достопамятности / Изд. ОИДР. М., 1815, ч. 1, с. 170—179 (часть «Повести книги сея...»); Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собрал и издал А. Попов. М., 1868, с. 283—315 («Повесть книги сея...»).

Лит.: Карамзин И. ИГР, т. 1, примеч. 289; Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869, вып. 2, с. 231—236; Платонов В. Древнерусские сказания. 2-е изд. СПб., 1913, с. 259—261; Ставрови́ч А. М. Сергей Кубасов и Строгановская летопись: (Новые мысли по поводу «Старых сомнений»). — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922, с. 285—293; Краткая литературная энциклопедия. М., 1966, т. 3, с. 864 (статья О. А. Державиной о К.); Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. Новосибирск, 1973, с. 31—32; Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975, с. 101—102, 106; Веселовский С. Б. 1) Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 270; 2) Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978, с. 139; Акты писцового дела (1644—1661 гг.) / Сост. акад. С. Б. Веселовский. М., 1977, с. 62—66; Зиборов В. К. 1) Летописная часть хронографа С. Кубасова. — В кн.: Проблемы истории СССР.

М., 1979, вып. 8, с. 58—73; 2) Об авторе так называемой Повести Катырева-Ростовского. — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 244—250; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982, с. 27—31.

В. К. Зиборов

Курбский Андрей Михайлович (ок. 1528—V 1583) — князь, писатель, публицист, переводчик. К. происходил из рода князей Ярославских, по материнской линии приходился родственником царице Анастасии. В 1549 г., имея дворовый чин стольника, в звании есаула участвовал в Казанском походе. В августе 1550 г. был назначен царем *Иваном Грозным* на ответственный пост воеводой в Пронск, где в то время ожидалось нашествие Орды. Через год был зачислен в тысячники и получил во владение под Москвой 200 четвертин земли. В 1551—1552 гг. нес воинскую службу поочередно в Зарайске, Рязани, Кашире, занимал там высокие должности. Во время начавшейся Казанской кампании 1552 г. К. должен был выступить в поход, но был послан вместе с боярином князем Петром Щенятевым во главе полка правой руки против крымских татар, осадивших в это время Тулу. Татары были разгромлены, и К. во главе тридцатитысячного войска двинулся к Казани, участвовал в штурме города, прославившись как храбрый полководец. В 1553—1555 гг. К. — вначале во главе сторожевого полка, а затем командуя всем русским войском — принимал участие в подавлении восстания поволжских народов. В 1556—1557 гг. К. участвовал в проведении политики «избранной рады». Он проводил смотр служилых людей в Муроме, участвовал в определении размеров поместных окладов дворян. В 1556 г., в возрасте 28 лет, К. был пожалован боярским чином. В январе 1558 г., в начале Ливонской войны 1558—1583 гг., К. командовал сторожевым полком, а в июне того же года, будучи вместе с Д. Ф. Адашевым во главе передового полка, участвовал в успешно завершенном походе на Нейгауз и Дерпт. В марте 1559 г. К. был послан на южные рубежи Русского государства для защиты от набегов крымских татар. В 1560 г. некоторое время командовал всем русским войском в Ливонии, в марте 1562 г. был поставлен во главе пограничного с Литвой гарнизона в Великих Луках, откуда напал на Витебск и разорил его, а в сентябре того же года был назначен вторым воеводой сторожевого полка в армии, которая в январе 1563 г. под предводительством Ивана Грозного выступила из Великих Лук на Полоцк. После взятия Полоцка К. получил назначение воеводой в Дерпт сроком на один год, начиная с 3 апреля 1563 г. По истечении годового срока он еще около месяца находился в Дерпте в ожидании смены, а в ночь на 30 апреля 1564 г. бежал в Литву.

Вероятно, еще задолго до побега К. вступил в тайные сношения с властями Польско-Литовского государства. Дважды он получал послания от короля польского Сигизмунда II Августа, гетмана литовского Николая Радзивилла и подканцлера Великого княжества Литовского Евстафия Воловича с приглашением переехать в Литву и обещанием возместить все его имущественные потери в Русском государстве. Причиной побега послужило, возможно, изменение отношения к нему Ивана Грозного (назначение в Дерпт можно было рассматривать как проявление царской милости — ранее туда же был сослан опальный А. Ф. Адашев). В Великом княжестве Литовском и на Волыни, которая до 1569 г. входила в его состав, а затем перешла под власть Польши, К. получил от короля богатую Ковельскую волость и город Ковель с замком (ранее принадлежавшие королеве Боне) и староство Кревское, а позже Смединскую волость и имения в Упитской волости. Однако по литовским законам он не имел права полной собственности, а мог владеть ими лишь на ленном праве. Поэтому наравне с другими обывателями и шляхтой он должен был выполнять земскую военную повинность. Зимой 1565 г. он участвовал в походе на Великие Луки, предводительствуя пятнадцатитысячным отрядом, а позже, в 1575 г., принимал участие в отражении набегов татар

на Волынскую землю. В 1579 г. вместе со своим отрядом К. участвовал во взятии Полоцка Стефаном Баторием. В 1581 г. по приказу короля он снова должен был выступить ко Пскову, но по причине серьезной болезни вернулся в свое имение Миляновичи около Ковеля, где через два года и умер.

Вероятно, еще в молодости К. получил довольно широкое образование, был связан с московскими книжниками. Большое влияние на него оказал *Максим Грек*, с которым он встречался весной 1553 г. в Троице-Сергиевом монастыре, когда сопровождал царя с семьей на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь. К. многократно и с большим почтением упоминал Максима в своих сочинениях, называя его своим учителем. Возможно, К. является автором одного из *Сказаний о Максиме Греке*. Среди наиболее авторитетных для К. людей был и его духовный отец *Феодорит Кольский*. Произведения К. московского периода представлены несколькими посланиями. Три письма старцу Псково-Печерского монастыря Вассиану Муромцеву, по мнению Н. Андреева, были написаны К. в последний год его пребывания в России, в Дерпте. Эти послания, а также «Ответ о правой вере» Ивану многоученному» (вероятно, известному в Дерпте протестантскому проповеднику И. Веттерману) посвящены догматическим вопросам. По мнению А. И. Клибанова, К. является автором двух житий Августина Гиппонского, также написанных в московский период.

Антилатинская и антиеретическая направленность ранних сочинений К. получила еще большее развитие в произведениях литовского периода. В 80-е гг. он составил компилятивную «Историю о осьмом соборе», указав ее источник — подобное сочинение, написанное в «Вилне от неякого субдиякона». Этим источником является сочинение Кликрика Острожского «История о листрийском, то есть разбойничьем, Феррарском или Флорентийском соборе» (напечатана в Остроге в 1598 г.); оно направлено против папства и поэтому привлекло внимание К., который был противником надвигавшейся церковной унии.

Находясь в Литве, К. вступил в свой знаменитый спор с Иваном Грозным, началом которому послужило его первое послание царю, написанное в 1564 г., сразу же после бегства в занятый литовцами Вольмар (Валмиера), и резко критикующее террор Ивана Грозного. Получив ответ царя, составленный летом того же года, К. отправил ему второе, написанное в традициях гуманистической эпистолографии, краткое послание. В этом послании он продолжал обвинять царя в гонениях на бояр и критиковал его за неумение вести споры и излагать свои мысли. Второе послание К. царю было отправлено им только вместе с третьим посланием, которое было ответом на второе послание царя. Царь написал его в 1577 г., после успешного похода русских войск в Ливонию, что и послужило для него причиной торжества в споре с оппонентом. Но в 1578 г. обстановка резко изменилась в пользу Речи Посполитой, и это дало повод К. написать царю третье послание. Военные успехи каждого из государств оппоненты рассматривали как доказательство правильности своих политических взглядов. Рукописная традиция посланий К. Ивану Грозному богата, но самые ранние списки датируются второй четвертью XVII в. Послания К. Ивану Грозному входят, как правило, в состав так называемых «печерских сборников» и «сборников Курбского» последней трети XVII в. Первое послание известно в трех редакциях, самая ранняя из которых, первая (известно 24 списка), возникла на основе «печерского сборника», сложившегося в Псково-Печерском монастыре в 20-х гг. XVII в. Вторая редакция первого послания, вторичная по отношению к первой, входит в многочисленные «сборники Курбского», где она соседствует со вторым и третьим посланиями, «Историей о великом князе Московском» и другими сочинениями К. «Сборники Курбского» делятся на два вида, первый из которых представляет, по-види-

тому, более близкий архетипу вариант. Третья редакция представлена одним списком и отражает более поздний этап в истории текста. Второе и третье послания дошли в единственной редакции в составе «сборников Курбского».

Наиболее значительным и интересным произведением К. является «История о великом князе Московском», которая была закончена, вероятно, в первой половине 70-х гг. XVI в. Существует мнение, что она написана в 1573 г., во время бескоролья в Речи Посполитой (1572—1573 гг.), с целью дискредитировать русского царя в Великом княжестве Литовском. В стилистическом отношении «История» неоднородна. В ее составе можно выделить единое сюжетное повествование об Иване Грозном и мучениках, погибших от рук Ивана. А внутри этих двух частей в свою очередь обнаруживаются еще более мелкие повести (например, о взятии Казани, о Феодорите Кольском), которые были написаны, вероятно, в разное время. О поэтапности создания «Истории» свидетельствует и трансформация образа Ивана, который в начале «Истории» предстает лишь как «неправедный» царь, а в конце ее становится «сыном сатаны» и апокалиптическим «зверем». Тем не менее «История» представляет собой единое произведение, объединенное общей целью — развенчать тирана и противопоставить его политическим принципам свои.

В «Истории» нигде не излагаются четко взгляды К. — он преимущественно критикует своего противника, но в этой критике проявляются некоторые особенности его политической концепции. Будучи сторонником государственного устройства времен «избранной рады», К. осуждает царя за отход от принципов управления государством 50-х гг., считая, что мудрый и справедливый государь должен всегда прислушиваться к голосу окружающих его советников. В отказе от помощи мудрых советников К. видел причину тех бед, которые обрушились на Россию во времена правления Ивана Грозного. Правда, причиной многих несчастий К. считал также подверженность царя влиянию злых советников — иосифлян, обличаемых им как пособников террора. Для аргументации своих положений автор апеллирует к Священной истории, цитирует Писание, но довольно часто обращается и к другим источникам — он ссылается на русские летописи, на космографии (без точного указания источников); был он знаком также с «Хроникой» Сигизмунда Герберштейна. В объяснении эволюции царя присутствуют рациональные моменты (дурная наследственность, отсутствие надлежащего воспитания, своеобразие), что делает «Историю» новаторским произведением, в котором отражен интерес автора к человеческой личности. Будучи ярким памятником русской публицистики, «История» является в то же время важным этапом в развитии русской историографии. Современные события нашли в ней своеобразное и нетрадиционное отображение. Она в значительной мере знаменует собой переход историографии от погодного разделения повествования к тематическому, что характерно и для других исторических сочинений того времени (например, «Летописец начала царства», «Казанская история»). К. пошел дальше, посвятив свое сочинение одной теме. Он не столько пишет историю царствования Ивана Грозного, сколько стремится объяснить превращение Ивана из «прежде доброго и нарочитого государя» в кровожадного тирана. В рукописной традиции известно более 70 списков «Истории», разделяющихся на четыре редакции: Полную, Сокращенную, Краткую и Компильтивную. Полная редакция представляет собой первоначальный авторский текст, Сокращенная — текст, систематически сокращенный и упрощенный, Краткая — значительно урезанный текст и Компильтивная — текст Полной редакции, значительно сокращенный и дополненный сведениями из «Выписи о втором браке Василия Ивановича», Степенной книги и других источников.

Попад в Литву, К. сблизился с представителями православного литовского дворянства, со многими из которых поддерживал переписку.

Среди его литовских корреспондентов — крупнейший волинский магнат князь Константин Константинович Острожский, бежавший из Москвы и живший при дворе князя Юрия Слуцкого старец *Артемий*, а также владелец виленской типографии Кузьма Мамонич. Переписка К. обычно входит в состав «сборников Курбского» и довольно широко представлена в рукописной традиции. Она включает в себя: три письма к воеводе киевскому князю Константину Острожскому; письмо к ученику Артемия Марку Сарыхозину; два письма к виленскому печатнику Кузьме Мамоничу; письмо к Кодиану Чапличу; два письма к пану Федору Бокею Печиховостовскому; письмо к княгине Ивановой-Черторижской; письмо к пану Остафию Троцкому; письмо к пану Древинскому и к мещанину львовскому Семену Седларю. Большинство этих посланий самим автором не датировано. Точно датированы только три письма: «Епистолия ко Кодиану Чапличу Андрея Ярославского» — 21 марта 1575 г.; «Цыдула Андрея Курбского до пана Древинского писана» — 1576 г.; «Посланейцо краткое к Семену Седларю, мещанину львовскому, мужу честному, о духовных вещах вопрошающему» — январь 1580 г.

Вся литовская переписка К. имеет ярко выраженный полемический характер. К. выступает в ней апологетом православия. Он глубоко враждебен к «латинству», но еще большую враждебность проявляет по отношению к реформационным движениям. Полемике с этими идеологическими противниками и укреплению позиций православия он и посвятил всю свою свободную от воинской службы жизнь в Западной Руси. В его имени Миляновичи существовал своего рода скрипторий, где переписывались рукописи и переводились различные сочинения, прежде всего восточнохристианских писателей. Есть основания полагать, что в кружке К. была составлена Толковая Псалтирь с антииудейской и антисоцинианской направленностью (ГИМ, собр. Новоспасского монастыря, № 1). Основная цель К. в его литературно-культурной деятельности — заменить дурные или неполные переводы сочинений авторитетных для православной церкви писателей более точными и полными, что он считал необходимым условием чистоты православия. Для организации переводческой работы К. посылал учиться в Краков и в Италию своего соратника князя *Михаила Андреевича Оболенского*; он сотрудничал также с «неким юношей именем Амброжий», от которого постигал «верх философии внишняя» (по мнению В. Андреева, это был литовский шляхтич Амброжий Бжежевский, переводчик *Хроники Маргина Бельского* на белорусский язык). Сам К. уже в преклонном возрасте начал изучать латынь, чтобы непосредственно самому заниматься переводами. Переводческая программа К., которую он четко формулирует в предисловии к «Новому Маргариту» и в письмах, оформилась под непосредственным влиянием Максима Грека. При выборе произведений для перевода он следовал указаниям Максима.

К. составил сборник под названием «Новый Маргарит», названный «новым» в отличие от традиционно бытовавших в древнерусской рукописной традиции сборников сочинений Иоанна Златоуста постоянного состава под названием «Маргарит», с которым творение К. ничего общего не имеет. «Новый Маргарит» почти полностью состоит из произведений Иоанна Златоуста, большей частью ранее неизвестных или, по мнению К., плохо переведенных. Он считал, что многие сочинения приписали Иоанну Златоусту еретики, пытавшиеся использовать его авторитет в своих целях. Чтобы отличить подлинные сочинения Златоуста от подложных, К. поместил в конце сборника полный перечень его произведений. Хотя «Новый Маргарит» сохранился только в двух списках (дефектный список ГБЛ, собр. Ундольского, № 187; список полный Библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле, Cod-Guelf. 64—43 Extrav.), он был широко известен, ибо некоторые отрывки из «Нового Маргарита» использовались для дополнения сборников сочинений Златоуста другого состава.

«Новый Маргарит» состоит из 72 статей, пять из которых не являются сочинениями Иоанна Златоуста. Это предисловие К. к «Новому Маргариту», небольшое сочинение (вероятно, самого К.) «О знаках книжных», посвященное вопросам пунктуации, два Жития Иоанна Златоуста, одно из которых взято из Хроники Никифора Каллиста, и «Сказ» К., в котором он объясняет, почему обратился к этой Хронике.

В предисловии к «Новому Маргариту» К. вкратце изложил историю своей жизни, а также в концентрированном виде сформулировал программу своей переводческой деятельности. Руководствуясь этой программой, К. обратился к философскому произведению Иоанна Дамаскина «Источник знания», бытовавшему в древнерусской рукописной традиции в неполном переводе X в. Иоанна экзарха Болгарского и известному под названием «Небеса». Свой перевод К. дополнил и другими произведениями этого автора и снабдил предисловием. Предисловие и многочисленные «сказы» и схилии на полях мало изучены. Не решен также вопрос об атрибуции переводов других сочинений Иоанна Дамаскина, сопровождающих обычно в рукописной традиции «Источник знания», например его «Фрагментов». Сомнительна атрибуция К. «Диалога» константинопольского патриарха Геннадия Схолария (или Скулариса) с турецким султаном, который тематически дополняет один из фрагментов — «Прение христианина с сарацином». Скорее всего перевод этого сочинения, существовавший раньше, привлек К. полемической направленностью и был включен им в свой сборник. Отсутствуют очевидные доказательства того, что К. перевел Повесть о Варлааме и Иоасафе, которая также обычно дополняет перевод сочинений Иоанна Дамаскина. Не ясен вопрос о причастности К. к переводу и составлению сборника сочинений Симеона Метафраста (сохранился в единственном списке — ГИМ, Синодальное собр., № 219; в его состав входят кроме метафрастовых житий некоторые статьи из «Нового Маргарита»). К. широко цитирует произведения Метафраста и часто упоминает его в своих оригинальных сочинениях. В этот сборник вошли четыре метафрастовых жития в переводе Максима Грека, под влиянием которого К., вероятно, и обратился к творчеству Симеона Метафраста.

В переписке К. существуют свидетельства того, что он занимался переводами из Василия Великого и Григория Богослова, но списки с этими переводами не сохранились или неизвестны. К. приписывается также перевод небольших отрывков из произведений Елифания Кипрского и Евсевия Кесарийского, которые входят обычно в состав сборников, содержащих переводы из других авторов или его оригинальные сочинения. Традиционно считалось, что К. принадлежал перевод повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками». Как убедительно доказал Б. М. Клосс, переводчиком этой повести на самом деле был Максим Грек. Традиционно приписываемый К. перевод небольшого отрывка из Дионисия Ареопагита, который он посылает в письме к К. Острожскому, выполнен ранее К., так как этот отрывок полностью совпадает с текстом перевода, помещенным в *Великих Миняех Четых*. Перевод К. сочинения малоизвестного немецкого автора, ученика Лютера, Иоганна Спангенберга «О силлогизме» обычно встречается в списках вместе с переводом произведений Иоанна Дамаскина и служит как бы дополнением к нему. Поскольку К. предлагал использовать произведения Иоанна Дамаскина в полемике против католиков и протестантов, он считал необходимым также дать читателю инструментальный для философских споров и с этой целью перевел трактат о силлогизме, заранее предупредив при этом читателя, что не все силлогизмы годятся для постижения истины, но многие из них используются самокорыстно искусными в спорах иезуитами.

Перевод К. сочинения И. Спангенберга свидетельствует о его интересе к светским знаниям — «внешней философии», о которой он не раз вспо-

минает в своих сочинениях как о необходимом для каждого христианина элементе образования. Поэтому К. обращается и к произведениям Цицерона, два отрывка из «Парадоксов» которого в собственном переводе он включил в свое третье послание к Ивану Грозному. Использование произведений античных авторов было характерно для гуманистической эстетики, с принципами которой К. познакомился, приобщившись к западной образованности в Великом княжестве Литовском. Влияние гуманистических идей и своеобразие таланта обусловили особое место К. в истории русской литературы.

Соч.: 1) Переписка с Иваном Грозным: Сказания князя Курбского / Изд. Н. Г. Устрялова. СПб., 1833, ч. 1—2; 2-е изд. СПб., 1842; 3-е изд. СПб., 1868; Сочинения князя Курбского. Т. 1. Сочинения оригинальные / Изд. Г. З. Кунцевича. — РИБ, СПб., 1914, т. 3; Stählin K. Der Briefwechsel Iwans des Schrecklichen mit dem Fürsten Kurbskij. Leipzig, 1921; The Correspondence between Prince A. M. Kurbsky and Tsar Ivan IV of Russia / Ed. by J. L. I. Fennell. Cambridge, 1955; Ivan le Terrible. Epîtres avec le Prince Kourbski / Traduction de D. Olivier. Paris, 1959; Ivan den Skraekkelige. Brevveksling med Fyrst Kurbskij 1564—1579 / Oversat af V. Norretranders. Munksgaard, 1959; Der Briefwechsel zwischen Andrej Kurbskij und Ivan dem Schrecklichen / Hrsg. von H. Neubauer, J. Schutz. Wiesbaden, 1961; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подгот. текста Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыкова. Л., 1979.

2) Переписка с разными лицами: Сказания князя Курбского / Изд. Н. Г. Устрялова; Сочинения князя Курбского, т. 1 / Изд. Г. З. Кунцевича.

3) «История о великом князе Московском»: Сказания князя Курбского / Изд. Н. Г. Устрялова; Сочинения князя Курбского, т. 1 / Изд. Г. З. Кунцевича; Prince Kurbsky's History of Ivan IV / Ed. by J. L. I. Fennell. Cambridge, 1965; Prince André Kurbski. Histoire du règne de Jean IV (Ivan le Terrible) / Traduction de M. Forstetter. Genève, 1965; Курбский А. М. История о великом князе Московском. (Отрывки) / Подгот. текста и примеч. Я. С. Лурье. — В кн.: Изборник. М., 1972.

4) «История о восьмом соборе»: Сказания князя Курбского / Изд. Н. Г. Устрялова; Сочинения князя Курбского, т. 1 / Изд. Г. З. Кунцевича.

5) Предисловие к «Новому Маргариту»: Сказания князя Курбского / Изд. Н. Г. Устрялова; Иванишев Н. Д. Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни. Киев, 1849, т. 1—2; Архангельский А. С. Борьба с католичеством и западнорусская литература конца XVI—первой половины XVII в. — ЧОИДР, 1888, кн. 1, отд. 1, Прил., с. 1—166 (здесь же опубликованы «сказы» Курбского и глоссы, а также несколько глав из «Нового Маргарита»); Liewehr F. Kurbskij's Novyj Margarit. (Veröffentlichungen der Slavistischen Arbeitsgemeinschaft an der Deutschen Universität Prag, 2. Reihe: Editionen, Heft 2). Prag, 1928; Kurbskij A. M. Novyj Margarit: Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift. Lieferungen 1—5 / Hsbg. von Inge Auerbach. Giessen, 1976—1977 (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven).

6) Предисловие к переводу сочинений Иоанна Дамаскина: Оболенский М. О переводе князя Курбского сочинений Иоанна Дамаскина. — Библиографические записки, 1858, т. 1, № 12, с. 355—366.

7) «Новый Маргарит»: Kurbskij A. M. Novyj Margarit / Hsbg. von Inge Auerbach (издание не завершено).

8) «О силлогизме вытолковано»: Eisman W.O. sillogisme vytolkovano: Eine Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij aus den Erotemata Trivii Johan Spangenberg's. Wiesbaden, 1972 (Monumenta Linguae Slavicae Dialectae Veteris. Fontes et Dissertationes, IX).

Лит.: Кавелин Л. Объяснение плана Казани, неизвестное Устрялову. — Маяк, 1843, т. 8, с. 49; Горский А. В. Жизнь и историческое значение князя А. М. Курбского. Казань, 1854; Попов Н. А. О биографическом и уголовном элементе в истории. — Атеней, 1858, № 46, с. 131—168; Опоков З. З. Князь Курбский. — Киевские унив. известия, 1872, август, № 8, с. 1—58; Андреев В. Очерк деятельности князя Курбского на защиту православия в Литве и на Волыни. М., 1873; Петровский М. Князь А. М. Курбский: Историко-библиографические заметки по поводу последнего издания его «Сказаний». — Учен. зап. Казанского ун-та, 1873, т. 40, июль—август, с. 711—760; Бартошевич Ю. Князь Курбский на Волыни / Перев. с польск. — ИВ, 1881, сентябрь, с. 65—85; Архангельский А. С. Борьба с католичеством и умственное пробуждение Южной Руси к концу XVI в. — Киевская старина, 1886, т. 15, май, с. 44—78; июнь, с. 237—266; Четыркин О. Два русских деятеля в Польше. — Колосъ, 1886, ноябрь, с. 85—96; Ясинский А. Сочинения князя Курбского как исторический материал. — Киевские унив. известия, 1889, октябрь, с. 45—120; Владимиров П. В. Новые данные для изучения литературной деятельности князя Андрея Курбского. — Труды IX археологического съезда в Вильне. М., 1897, т. 2, с. 308—316; Шумаков С. Акты литовской метрики о князе Курбском и его потомках. — Книговедение, 1894, № 7 и 8, с. 17—20; Харлампович К. 1) Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века. Казань,

- 1896, с. 237—276; 2) Новая библиографическая находка. — Киевская старина, 1900, июль—август, с. 241—224; Соболевский А. И. 1) Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.: Библиографические материалы. СПб., 1903, с. 279—282; 2) Эней Сильвий и Курбский. — В кн.: Сборник в честь Ю. А. Кулаковского. Киев, 1911, с. 11—17; Попов Н. Рукописи Московской синодальной библиотеки. М., 1905, вып. 1 (Новоспасское собрание), с. 117—157; Иконников. Опыт историографии. Киев, 1908, т. 2, кн. 2, с. 1816—1830; Московская политическая литература XVI в. СПб., 1914, с. 85—132; Балухатый С. Переводы князя Курбского и Цицерон. — Гермес, 1916, январь—май, с. 109—122; Грушевский А. С. Из полемической литературы конца XVI века. — ИОРЯС, 1917, т. 22, кн. 2; Лурье Я. С. 1) Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV. — В кн.: Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951, с. 468—519; 2) Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А. М. Курбским в 1569 г. — АЕ за 1957 г. М., 1958, с. 457—466; 3) Первое послание Грозного Курбскому: (Вопросы истории текста). — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 31, с. 202—235; 4) Вторая пространная редакция Первого послания Грозного Курбскому. — ТОДРЛ, Л., 1977, т. 32, с. 56—69; 5) О возникновении и складывании в сборники переписки Ивана Грозного с Курбским. — ТОДРЛ, Л., 1979, т. 33, с. 204—213; Курилова Л. А. Из наблюдений над языком и стилем трех писем кн. А. Курбского к разным особам в Польше. — Доповіді та повідомлення Львівського університету, 1952, вып. 1, с. 27—34; Dénirossoff Elie. Une biographie de Maxime le Grec par Kurbski. — *Orientalia Christiana Periodika*, 1954, vol. 20, p. 44—84; Andreyev N. 1) Kurbsky's Letters to Vas'yan Muromtsev. — *Slavonic and East European Review*, 1955, vol. 33, p. 414—436; 2) Was the Pskov-Pechery Monastery a Citadel of the Non-Possessors? — *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1969, N. F., Bd 17, H. 4, S. 481—493; Зимин А. А. 1) И. С. Пересветов и его современники. М., 1958; 2) Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? — ТОДРЛ, М.; Л., 1962, т. 18, с. 305—312; 3) Первое послание Курбского Ивану Грозному: (Текстологические проблемы). — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 31, с. 176—201; Скрынников Р. Г. 1) Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь. — ТОДРЛ, М.; Л., 1962, т. 18, с. 99—116; 2) Переписка Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973; 3) О заголовке Первого послания Ивана IV Курбскому и характер их переписки. — ТОДРЛ, Л., 1979, т. 33, с. 219—227; Rozemond K. Kurbsky's Translation of the Works of Saint John of Damaskus. — *Texte und Untersuchungen*, 1966, Bd 94, S. 588—593; Шмидт С. О. 1) К изучению «Истории князя Курбского» (о поучении попа Сильвестра). — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 366—374; 2) Новое о Тучковых: (Тучков, Максим Грек, Курбский). — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 129—141; 3) Об адресатах Первого послания Ивана Грозного князю Курбскому. — В кн.: Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976, с. 304—328; 4) К истории переписки Курбского и Ивана Грозного. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 147—151; Freydank D. 1) Zu Wesen und Bergiffbestimmung des Russischen Humanismus. — *Zeitschrift für Slavistik*, 1968, Bd 13, S. 57—62; 2) A. M. Kurbskij und die Theorie der antiken Historiographie. — In: *Orbis mediaevalis / Festgabe für Anton Blashka*. Weimar, 1970, S. 57—77; 3) A. M. Kurbskij und die Epistolographie seiner Zeit. — *Zeitschrift für Slavistik*, 1976, Bd 21, S. 261—278; Auerbach I. 1) Die politische Forstellungen des Fürsten Andrej Kurbskij. — *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, N. F., 1969, Bd 17, H. 2, S. 170—186; 2) Nomina abstracta im Russischen des 16. Jahrhunderts. — *Slavistische Beiträge*, 1973, Bd 68, S. 36—73; 3) Kurbskij-Studien: Bemerkungen zu einem Buch von Edward Keenan. — *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, N. F., 1974, Bd 22, S. 199—213; 4) Further Findings on Kurbskij's Life and Work. — *Russian and Slavic History / Ed. by D. K. Rowney and G. E. Orchard*. 1977, p. 238—250; Ваксус О. Р. А. М. Курбский в Polish-Lithuanian State (1564—1583). — *Acta Balto-Slavica*, 1969—1970, VI, p. 78—92; Keenan E. L. The Kurbskij—Groznyj Apocripha: The Seventeenth Century Genesis of the 'Correspondence', Attributed to Prince A. M. Kurbskij and Tsar Ivan IV. Cambridge, Mass., 1974; 2) Putting Kurbskij in his Place; or: Observations and Suggestions Concerning the Place of the History of the Muscovy in the History of Muscovite Literary Culture. — *Forschungen zur Osteuropäische Geschichte*, 1978, Bd 24, S. 131—162; Рыков Ю. Д. 1) Владельцы и читатели «Истории» князя А. М. Курбского. — В кн.: Материалы научной конференции МГИАИ. М., 1970, вып. 2, с. 1—6; 2) Редакция «Истории» князя Курбского. — АЕ за 1970 г., М., 1971, с. 129—137; 3) Списки «Истории о великом князе Московском» кн. А. М. Курбского в фондах Отдела рукописей. — Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1974, т. 34, с. 101—120; 4) К вопросу об источниках первого послания Курбского Ивану Грозному. — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 31, с. 235—246; 5) Князь А. М. Курбский и его концепция государственной власти. — В кн.: Россия на путях централизации. М., 1982, с. 193—198; Уваров К. И. 1) «История о великом князе Московском» А. М. Курбского в русской рукописной традиции XVII—XIX вв. — В кн.: Вопросы русской литературы. М., 1971, с. 61—79; 2) Незданный труд Г. З. Кунцевича (обзор гранок второго тома «Сочинения князя Курбского»). — АЕ за 1971 г., М., 1972, с. 315—317; Лихачев Д. С. 1) Курбский и Грозный — были ли они писателями? — РЛ, 1972, № 4.

с. 202—209; 2) Существовали ли произведения Курбского и Грозного? — В кн.: Лихачев Д. С. Великое наследие. 2-е изд. М., 1979, с. 376—393; 3) Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского. — В кн.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979, с. 183—214; Клосс Б. М. Максим Грек — переводчик повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками». — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1974. М., 1975, с. 55—61; Юзефович Л. А. Стефан Баторий о переписке Ивана Грозного и Курбского. — АЕ за 1974 г., М., 1975, с. 143—144; Осипова К. С. 1) О стиле и человеке в историческом повествовании второй половины XVI в. — Учен. зап. Харьковского гос. ун-та, Харьков, 1962, т. 116, с. 25—28; 2) «История о великом князе Московском» А. Курбского в Голицынской сборнике. — ТОДРЛ, Л., 1979, т. 33, с. 296—308; Goltz H. Ivan der Schreckliche zitiert Dionysios Areopagites. — Kerygma und Logos. Göttingen, 1979, S. 214—225; Васильев А. Д. Об особенностях употребления военной лексики в посланиях А. М. Курбского к Ивану Грозному. — В кн.: Исследования словарного состава русского языка XVI—XVII вв. Красноярск, 1980, с. 56—64; Rossig N., Rønne В. Apocriphal — not Apocriphal? A Critical Analysis of the Discussion concerning the Correspondence Between Tsar Ivan IV Groznyj and Prince Andrej Kurbskij. Copenhagen, 1980; Беляева Н. П. 1) Ученые и литературные труды князя А. М. Курбского. — В кн.: Материалы XIX Всесоюзной студенческой конференции. Филология. Новосибирск, 1981, с. 53—63; 2) Материалы к указателю переводных трудов А. М. Курбского. — В кн.: Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984, с. 115—136; Гладкий А. И. 1) К вопросу о подлинности «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского (житие Феодорита). — ТОДРЛ, Л., 1981, т. 36, с. 239—242; 2) «История о великом князе Московском» А. М. Курбского как источник «Скифской истории» А. И. Лызлова. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982, т. 13, с. 43—50; Морозов С. А. О структуре «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского. — В кн.: Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982, с. 34—43.

А. И. Гладкий, А. А. Цеханович

Лызлов Андрей Иванович (ум. не ранее 1697) — стольник, историк и переводчик. Родился в семье московских дворян в 1650—1660-х гг. Отец его, Иван Федорович Лызлов, занимал видные военные и гражданские должности, с 1673 г. был патриаршим боярином, а в 1683 г. пожалован в думные дворяне; он имел дома в Путивле и в Москве, обширные земельные владения. Своему сыну Иван Федорович сумел дать хорошее образование: тот владел польским и латышью, знал, по-видимому, греческий язык, был специалистом в бухгалтерском учете и инженерном искусстве. Судя по боярским книгам, Л. 25 декабря 1676 г. был переведен из стряпчих в стольники, но правительство не перегружало ученого дворянина трудовыми поручениями. Л. участвовал в I Крымском походе (1687 г.), очевидно в свите В. В. Голицына, и после возвращения последнего в Москву был послан (22 октября 1687 г.) в Киев с наградами для воевод, отличившихся в кампании. Впоследствии Л. принимал активное участие в подготовке и материальном обеспечении Азовских походов. В 1695 г. он возглавил интендантскую базу в Коротояке, где собирались для азовской армии хлебные запасы. После I Азовского похода Л. занял еще более ответственный пост интенданта в Воронеже. За время своей службы по снабжению войск Л. нажил множество врагов, борясь с нерадивыми воеводами, задерживавшими поставки, но благодаря своим заслугам сумел избежать готовившейся ему «почетной ссылки» на строительство церкви в Звенигороде и успешно закончил свою работу к 4 мая 1696 г. В 1697 г. Л. продал свой дом в Москве (Богоявленский С. К. Научное наследие. М., 1980, с. 209), дальнейшая его судьба неизвестна.

На формирование исторических взглядов и направление литературной деятельности Л. большое влияние оказал огромный интерес русского общества к проблемам борьбы славянских стран, и прежде всего России и Польши, с крымско-османской агрессией. Внимание к истории борьбы с Османской Портой и Крымским ханством было одной из отличительных особенностей польской *Хроники Мацея Стрыйковского*, перевод отрывков которой Л. закончил уже в марте 1682 г. (дата указывается в за-

главии). Л. перевел 1—3-ю главы 4-й книги Хроники, присоединив к ним перевод 2-й главы 1-й книги. Работа Л. не зависела от предшествующих переводов сочинения Стрыйковского. Переводчик перерабатывает текст, снабжает его комментариями и дополнениями, увеличивает количество подзаголовков на полях и дает компиляции самостоятельное заглавие: «История о начале нашествия народу, обитающему на земли». Все это придавало переводу Л., подобно переводу 1668—1670 гг., характер оригинального публицистического произведения. Эта работа Л. сохранилась в так называемых «сборниках Курбского» (описание см.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979, с. 250—315), в которых она появляется вместе с двумя отрывками из *Хроники Александра Гваньини* — «О обычаях царя и великого князя Иоанна Васильевича» (кн. 7, ч. 3) и «Описание царства Московского» (кн. 7, ч. 1), переведенных, вероятно, тем же автором.

В обстановке подготовки России к вступлению в антиосманскую Священную лигу и к Крымскому походу 1687 г. Л. приступил к переводу с польского книги Симона Старовольского «Двор цесаря турецкого» (Краков, 1649) и завершил эту работу, как свидетельствует его собственноручная запись, в ноябре 1686 г. (ГИМ, Синодальное собр., № 460, л. 376 об.). Сочинение это, содержащее сведения о политическом и военном устройстве Порты, было настолько популярно, что лишь за вторую половину XVII в. появилось 6 русских переводов памятника. Однако Л. не следовал сделанным до него переводам, а дал новый текст, субъективно трактуя его некоторые места, опуская и вставляя значительные отрывки, давая собственные комментарии, меняя заголовки и толкуя термины. Здесь уже достаточно ярко отразились его приемы перевода источников, широко примененные Л. в его главном труде — «Скифской истории», работа над которой была закончена в 1692 г.

Это оригинальное историко-публицистическое произведение представляет собой первую (и долгое время единственную) в русской историографии попытку монографического исследования истории борьбы русского и других восточноевропейских народов против татарской и турецкой агрессии. Считая татар и турок потомками древних скифов (отсюда заглавие книги), Л. начинает с известий античных авторов о северном Причерноморье и доводит свое изложение до XVII в. Установить полный состав источников и приемы их использования в «Скифской истории» весьма сложно. Как правило, Л. привлекает источники литературно-исторического характера, в меньшей степени — тексты договоров и записи Дворцовых разрядов. Из отечественных сочинений он более всего использовал хронографы, летописи (в том числе не дошедший до нас «Засекин летописец»), «Степенную книгу» (см.: *Афанасий*, митрополит), «Казанский летописец» Иоанна Глазатого, «Повесть о бою воевод московских с неверным ханом» 1471 г., «Повесть об убиении Батыея», «Историю о великом князе Московском» А. М. Курбского, «Повесть о взятии Царьграда» *Нестора-Искандера* (хронографический вариант повести именно в трактовке Л. попал в болгарское издание 1713 г., см.: Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, с. 211—213), *Повесть о Темир-Аксаке* и др. Помимо собственно русских источников Л. изучал украинские исторические труды, получившие общероссийское значение. Он неоднократно цитирует и дает отсылки на «Синописис» *Иннокентия Гизеля* (издание 1674 г.); система изложения и приемы расстановки ссылок в «Истории» такие же, как в летописи Густынской, список с которой был сделан в 1670 г. (ПСРЛ, СПб., 1843, т. 2); в главах, касающихся Турции, текст Л. близок к хронике *Феодосия Сафоновича*, а критический разбор автором «махометанского учения» (гл. 4) по своим идеям близок к «Алкорану Махометову» Иоанникия Галытовского (Чернигов, 1683). «Скифскую историю» объединяет с сочинениями украинских авторов также общий интерес к трудам польских и антич-

ных историков. Л. использовал сочинения Геродота, Квинта Курция, Вергилия и Овидия, привлек «Театрум света всего» Иоанна Ботера (в польском переводе 1659 г.), «Годовые дела церковные» Цезаря Барония и др. Большим вниманием Л. пользовались польские хроники XV—XVI вв., и прежде всего Хроника Стрыйковского, откуда заимствованы были целые страницы, иногда со ссылками на другие труды и пояснениями географических названий на полях. Возможно, именно из работы Стрыйковского Л. заимствовал использованные в ней материалы *Хроники Яна Длугоша*, «Трактата» и «Хроники» Матвея Меховского, сочинения Мартина Кромера «О начале поляков» и др. В ряде случаев Л. сопоставляет Хронику Стрыйковского с «Описанием Сарматии Европейской» Александра Гваньини и привлекает *Хронику Мартина Бельского*. Почти полностью на польских материалах основан рассказ о борьбе западных и южных славян с турецкими захватчиками. В этой части «Скифская история» по построению и общей направленности перекликается с работой сербского историка «Турская история, или Кроника, верно и истинито списана од некого србина или бошнака, званог Михайло Константинов из Островице» (Гласник србског ученог друштва, Београд, 1865, кн. 18, с. 45 и сл.). В разделе о турках Л. привлекает также повесть «Туркия, или Тракия, или Сарацинея», причем передает более полный текст, нежели в хронографическом варианте сочинения (Соболевский А. И. Переводная литература, с. 88; Хронограф ГБЛ, собр. Румянцева, № 457, л. 496—505 об.). Л. не просто переписывал источники, но пытался их сопоставлять, оказывая при этом явное предпочтение русским летописям. Он отступает от провиденциализма и пытается реалистически мотивировать события.

«Скифская история» была одним из самых распространенных в России на рубеже XVII—XVIII вв. трудов по всеобщей истории. Экземпляры книги были в библиотеках Петра I и А. П. Волынского, В. Н. Татищева, П. Рычкова и Г. Ф. Миллера, у духовных лиц (*Игнатий Римский-Корсаков*, К. Соколовский), дворян (М. и Н. Муравьевы), горожан и т. п. В настоящее время известно 32 списка «Истории» XVII—XVIII вв., которыми рукописная традиция сочинения далеко не исчерпывалась. Секрет популярности произведения Л. состоял не только в актуальности рассматриваемых в нем проблем, но и в самом характере изложения, которое носит в основном светский характер. Уже в 1760-е гг. «Скифская история» была подготовлена к печати И. С. Барковым.

Соч.: Скифийская история, содержащая в себе: о названии Скифии и границах ея, о народах скифских, о начале и умножении Золотого Орды и о царех бывших тамо... от Андрея Лызлова прилежными труды сложена и написана лета 1692. СПб., 1776, ч. 1; 2-е изд. СПб., 1787, ч. 1—3.

Лит.: Чистякова Е. В. 1) А. И. Лызлов и его «Скифская история». — В кн.: Проблемы историографии: (Тезисы и авторефераты докладов и сообщений на межвузовской конференции). Воронеж, 1960, с. 52—55; 2) Об авторе «Скифской истории» А. И. Лызлова. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и историко-культурного периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961, с. 284—289; 3) Русский историк А. И. Лызлов и его книга «Скифская история». — Вестник истории мировой культуры, 1961, № 1, с. 117—127; 4) «Скифская история» А. И. Лызлова и вопросы востоковедения. — В кн.: Очерки по истории русского востоковедения. М., 1963, сб. 6, с. 3—88; 5) «Скифская история» А. И. Лызлова и труды польских историков XVI—XVII вв. — ТОДРЛ, М.; Л., 1963, т. 19, с. 348—357; 6) Историография в XVII веке. — В кн.: Историография истории СССР от древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 2-е изд. М., 1971, гл. 3; 7) Формирование новых принципов исторического повествования: (Этюды по русской историографии конца XVII в.). — В кн.: Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.). М., 1971, с. 171—184; 8) Идея совместной обороны южных границ России и Польши в русской публицистике второй половины XVII в. — В кн.: Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979, с. 294—297; Рогов А. И. 1) Древнерусские переводы «Хроники» Стрыйковского. — АЕ за 1962 г., М., 1963, с. 208—209; 2) Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966, с. 7, 271—273, 292; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа:

XVII—первая четверть XVIII века. М., 1976, с. 302—312; Гладкий А. И. «История о великом князе Московском» А. М. Курбского как источник «Скифской истории» А. И. Лызлова. — ВИД, Л., 1982, т. 13, с. 43—50.

А. П. Богданов, А. И. Гладкий

Марк Левкеинский (XVI в.) — монах Иосифо-Волоколамского монастыря, автор краткого летописца. Сохранились два сборника (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 515 и 359), на которых имеются пометы о владельце — «Сборник Марка Левкеинского». В дополнениях к описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. под датой 28 апреля 1565 г. отмечено, что «после Марка Левкеинского» осталось пять рукописей (Георгиевский В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, Прил., с. 21). В их число включены названные выше две рукописи. Краткий летописец, составленный М., находится в рукописи собр. Волоколамское, № 515. В этот летописец, охватывающий события с 1409 по 1552 г., наряду с общерусскими известиями включены сведения местного характера: о Пафнутии Боровском, об Иосифове монастыре и лицах, связанных с ним, о волоколамских князьях (Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 223).

Соч.: Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. — ИА, М.; Л., 1950, т. 5, с. 9—14.

Р. П. Дмитриева

Нестор (1050-е гг. (?)—начало XII в.) — агиограф и летописец. Из написанного Н. Жития Феодосия Печерского мы узнаем, что он был пострижен в Киево-Печерском монастыре при игумене Стефане (1074—1078 гг.) и возведен им в «диако́нский сан», что еще до Жития Феодосия им было написано Житие Бориса и Глеба (см.: Успенский сборник XII—XIII вв., с. 71, 135). Канонизирован Н., видимо, не был. Его Житие появляется лишь в старопечатном *Патерике Печерском*, изданном в 1661 г., откуда его заимствовал и включил в свои четьи-минеи *Дмитрий Ростовский*. Служба Н. составлена не ранее 1763 г. (см.: Абрамович Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике..., с. II—III).

Житие Бориса и Глеба («Чтение о житии и о погублении блаженную стратотерплю Бориса и Глеба») написано Н. по канону жития-мученика. Истории гибели сыновей князя Владимира в 1015 г. от руки их сводного брата Святополка Н. предпосылает пространное историческое введение, повествующее о грехопадении Адама и Евы, о борьбе пророков со злом идолопоклонничества, о воплощении и распятии Христа. Борис и Глеб выступают в «Чтении» как активные поборники христианских идеалов — братолюбия и смирения, а Святополк предстает как орудие дьявольских козней. Традиционный сюжет жития-мученика, в котором обычно мученик страдает от руки язычников или иноверцев, приобретает у Н. совершенно иное, публицистическое звучание: «Чтение» осуждает междоусобную борьбу среди братьев — потомков Владимира. Жизнеописания князей-мучеников строятся по традиционной схеме: братья с детства благочестивы, Борис, как подобает христианскому подвижнику, стремится избежать брака и женится лишь «закона ради цесарьскаго и послушания отца», сцены гибели Бориса и Глеба нарочито условны, князья не оказывают сопротивления убийцам, а лишь со слезами молятся, они торопятся умереть и принять мученические венцы. «Чтение» широко распространилось в древнерусской письменности, уступая, однако, в известности Сказанию о Борисе и Глебе. Старший из известных нам списков «Чтения» находится в составе Сильвестровского сборника (ЦГАДА, ф. 381, № 53) середины XIV в.

После «Чтения» Н. пишет «Житие преподобнаго отца нашего Феодосия, игумена Печерскаго», в котором повествуется о жизни и деяниях одного из основателей Киево-Печерского монастыря. Как это типично для житий праведников, подвигающихся в монастыре, Житие Феодосия отли-

чается живостью изображения монастырского быта, яркими характеристиками монахов и мирян. Н. достигает иллюзии правдоподобия в рассказах о чудесах, творимых Феодосием. Очень нетрадиционен образ матери святого: женщины, по оценке Жития, благочестивой, но в то же время властной, суровой и решительно противящейся желанию Феодосия посвятить себя богу. Сложен и характер самого Феодосия: отличающийся необычайным смирением, он в то же время решительно выступает против князя Святополка, изгнавшего с великокняжеского стола своего брата Изяслава. Исследователи обнаружили в Житии немало сюжетных мотивов, заимствованных из памятников переводной агиографии (патериков, житий Евфимия Великого и Саввы Освященного). Однако можно говорить лишь о сходстве ситуаций: повествование у Н. отнюдь не является набором традиционных агиографических шаблонов — умело строя диалог, широко используя бытовые подробности и детали, он достигает сюжетной занимательности; Житию присуща та «прелесть простоты и вымысла», которую А. С. Пушкин отмечал в Киево-Печерском патерике, куда Житие вошло в качестве его составного компонента.

В составе патерика Житие Феодосия широко распространилось в древнерусской книжности начиная с XV в. Отдельных списков Жития известно сравнительно немного; старший из них в составе Успенского сборника XII—XIII вв. (ГИМ, Синодальное собр., № 1063 (4)). С. А. Бугославский отмечал, что мотивы и образы Жития оказали существенное влияние на агиографию Владимиро-Суздальской и Московской Руси.

Житие Феодосия было использовано Б. А. Романовым в его книге «Люди и нравы Древней Руси» (Л., 1947; 2-е изд. М.; Л., 1966) и легло в основу исторической повести В. Ф. Пановой «Сказание о Феодосии», вошедшей в книгу «Лики на заре» (М.; Л., 1966; Л., 1969).

Спорным остается вопрос о времени написания обоих житий. А. А. Шахматов полагал, что Житие Бориса и Глеба и Житие Феодосия были написаны в 80-х гг. XI в. С. А. Бугославский, Л. А. Черепнин, а в настоящее время А. Г. Кузьмин датируют эти памятники началом XII в. С доводами С. А. Бугославского о написании Жития Бориса и Глеба около 1109 г. согласился в последних своих работах и А. А. Шахматов. Недавно А. Поппе вновь попытался обосновать датировку обоих житий 80-ми гг. XI в.

Сложнее обстоит вопрос с атрибуцией Н. *Повести временных лет*. Основанием для атрибуции является свидетельство Киево-Печерского патерика, в котором среди монахов, подвизавшихся в монастыре в XI в., упоминается «Нестор, иже написа летописец», а также наличие имени Нестор в заглавии «Повести временных лет» по Хлебниковскому списку (XVI в.) Ипатьевской летописи: «Повесть временных лет черноризца Нестера Феодосьева монастыря Печерьскаго, откуда есть пошла Русская земля...». В старшем списке (Ипатьевском, начала XV в.) имя Нестор опущено. Сомнения в принадлежности Н.-агиографу ПВЛ были высказаны уже в начале XIX в., так как аргументация в пользу этой атрибуции была далеко не безупречной; в частности, Н. приписывались высказывания от первого лица в статьях 1051 и 1091 гг. ПВЛ; считалось, что весь текст летописи за вторую половину XI—начало XII в. единолично написан им, и т. д. Р. Ф. Тимковский, А. Кубарев, П. Казанский и другие справедливо указывали, что в этом случае обнаруживаются существенные противоречия между ПВЛ и Житием Феодосия Печерского, безусловно написанным Н. Эти сомнения усугублялись убежденностью представителей «скептической школы» (М. Т. Каченовский, С. М. Строев и др.) в том, что известные нам списки летописей — это поздние (XIII в.) «сборники», а монах XI в. не смог бы «написать что-нибудь хотя несколько похожее на эти сборники»; таким образом, сомнения в авторстве Н. связывались со скептическим взглядом на начало русского летописания в XI в. А. А. Шахматов объяснял разногочия между летописью и Жи-

тием Феодосия прежде всего тем, что последнее составлено Н. в 80-е гг. XI в., а летопись — 25 лет спустя. Кроме того, по Шахматову, «Нестор, составляя Повесть врем. лет, включил в нее старший Киевский свод... в этом-то своде и находились статьи, противоречащие Житию Феодосия» (Повесть временных лет: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916, с. XIX). Из нескольких фрагментов ПВЛ, где летописец говорит о себе в первом лице (в статьях 1051, 1091 и 1106 гг.), Шахматов склонен отнести к Н. лишь слова «егоже повелению быхъ аз, грешный, пръвое само-видец» в рассказе о перенесении мощей Феодосия, но содержащуюся там же реплику: «аз же грешный твой раб и ученик...» — исследователь приписывает составителю Начального свода.

В поздней, Кассиановской редакции патерика Киево-Печерского именем Н. надписано «Сказание, что ради прозвася Печерьский монастырь», частично совпадающее с летописной статьей 1051 г. в составе ПВЛ, и «Слово... о пренесении мощей Феодосия». Однако эти статьи отсутствуют в древнейшей (Арсениевской) редакции патерика. Надписание их именем Н. и вставка его имени во фразу «придох же и аз к нему (Феодосию, — *О. Т.*) худый и недостойный аз раб Нестор, и прият мя, тогда лет сущу 17 от рожения моего», по мнению А. А. Шахматова, результат того, что Кассиан принимал Н. за единоличного создателя ПВЛ (см.: Шахматов А. А. Нестор-летописец, с. 44—46). Атрибуция ПВЛ Н. не имеет все же неопровержимых доказательств, и сомнения в правомерности отождествления Н.-агиографа с Н.-летописцем продолжают возникать и в наше время.

Соч.: Бодянский О. М. Житие Феодосия, игумена Печерьского, съписание Нестора. По харатейному списку XII-го века Московского Успенского собора, с разнословами по многим другим. — ЧОИДР, 1858, кн. 3, отд. 3, с. I—VI, 1—31; Чтение о житии и о погублении блаженнуоу страстотерпцу Бориса и Глеба. — В кн.: Срезневский И. И. Сказания о святых Борисе и Глебе: Сильвестровский список XIV века. СПб., 1860, стб. 1—40; Житие... Феодосия, игумена Печерьского. Съписание Нестора. По харатейному списку Московского Успенского собора буква в букву и слово в слово (с предисл. А. Попова). — ЧОИДР, 1879, кн. 1, с. 1—10, л. 1—42 об.; Сборник XII века Московского Успенского собора, вып. 1 (издан под наблюдением А. А. Шахматова и П. А. Лаврова). — ЧОИДР, 1899, кн. 2, отд. 2, с. I—IV, 40—96; Абрамович Д. И. Сказание о Борисе и Глебе. — В кн.: Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1915, с. I—VII, 1—26; Сказания о Борисе и Глебе. — В кн.: Бугославский С. Украиноруські пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. Київ, 1928; Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971 (текст Жития Феодосия Печерского — с. 71—135); Житие Феодосия Печерского. — В кн.: ПЛДР: XI—начало XII века. М., 1978, с. 304—391, 456—459. См. также издания в статье «Повесть временных лет».

Лит.: Миллер Г. Ф. О первом летописателе российском, преподобном Несторе, о его летописи, и о продолжателях оных. — Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие, 1755, апрель, с. 275—298; Тимковский Р. Ф. Краткое исследование о патерике преподобного Нестора, летописца российского. — Записки и труды ОИДР, М., 1815, ч. 1, с. 53—74; Каченовский, проф. О баснословном времени в российской истории. — Учен. зап. пмп. Московского ун-та, 1833, ч. 1, № 2, отд. 3, с. 278—298; Погодин М. 1) Кто писал Несторову летопись. — Библиотека для чтения, 1835, № 1, отд. 3, с. 1—10; 2) Нестор: Историко-критическое рассуждение о начале русских летописей. М., 1839, с. 61—74; Скромненко С. [Строов С. М.]. Кто писал ныне нам известные летописи? — Сын отечества и Северный архив, 1835, ч. 47, № 3, с. 161—176; Кубарев А. С. Нестор, первый писатель российской истории, церковной и гражданской. — РИС, М., 1842, т. 4, кн. 4; Казанский П. 1) Еще вопрос о Несторе. Можно ли думать, что писатель Жития преподобного Феодосия Печерского и летописи, известной под именем Несторовой, есть одно и то же лицо? — ВОИДР, 1949, кн. 1, отд. 1, с. 23—30; 2) Критический разбор свидетельств Патерика печерского о летописи Нестора. — Там же, 1850, кн. 7, отд. 1, с. 1—16; Срезневский И. И. Дополнение к записке Древние жизнеописания русских князей. — ИпоРЯС, СПб., 1853, т. 2, с. 209—221; Билярский И. П. Замечания о языке Сказания о Борисе и Глебе, приписываемого Нестору, сравнительно с языком летописи. — Записки Акад. наук, СПб., 1862, т. 2, кн. 1, с. 109—120; Шахматов А. А. 1) Несколько слов о Несторовом житии Феодосия. СПб., 1896 (СОРЯС, т. 64, № 1); 2) Разыскания, с. 38—41, 55—70, 82—97; 3) Нестор-летописец. — ЗНТШ, Львів, 1914, т. 117—118, с. 31—53; 4) Повесть времен-

ных лет: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916, с. XI—XV, XVIII—XXI; Абрамович Д. И. 1) К вопросу об источниках Несторова жития Феодосия Печерского. — ИОРЯС, 1898, т. 3, кн. 1, с. 243—246; 2) Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902, с. I—XXIX, 142—175 (отд. отт. из ИОРЯС, 1901, т. 6, кн. 3 и 1902, т. 7, кн. 3); Лукьяненко А. М. О языке Несторова жития преподобного Феодосия Печерского по древнейшему из дошедших списков. — РФВ, 1907, т. 58, № 3, с. 1—79; Бугославский С. А. 1) К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора. — ИОРЯС, 1914, т. 19, кн. 1, с. 131—186; 2) Литературная традиция в северо-восточной русской агнографии. — В кн.: Сборник статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 332—336; 3) Жития. — В кн.: ИРЛ I. М.; Л., 1941. Т. 1, ч. 1. Литература XI—начала XIII века, с. 326—332; Приселков М. Д. Нестор-летописец: Опыт историко-литературной характеристики. Пб., 1923; Лихачев В. Русские летописи, с. 147—169; Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. — ИЗ, М., 1958, т. 25, с. 305—313; Müller L. Studien zur altrussischen Legende der heiligen Boris und Gleb. 1. Die wunderbare Gefangenbefreiung nach dem Bericht Skazanije und des Stenije. — Zeitschrift für slavische Philologie, 1954, Bd 23, H. 1, S. 60—77; Воронин Н. Н. «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор. — ТОДРЛ, М.; Л., 1957, т. 13, с. 11—56; Еремин И. П. 1) К характеристике Нестора как писателя. — ТОДРЛ, М.; Л., 1961, т. 17, с. 54—64 (перезд.: Еремин И. П. Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М.; Л., 1966, с. 28—41); 2) Лекции по древней русской литературе. Л., 1968, с. 21—31; Адрианова-Перетц В. П. Задачи изучения «агнографического стиля» Древней Руси. — ТОДРЛ, М.; Л., 1964, т. 20, с. 46—51, 63—66; Порре А. Chronologia utworów Nestora hagiografa. — Slavia orientalis, 1965, roč. 14, N 3, s. 287—305; Кузьмин А. Г. 1) О времени написания Нестором Жития Феодосия: (К вопросу об авторе Повести временных лет). — В кн.: Вопросы литературы и методики ее преподавания. Рязань, 1970, с. 255—263; 2) Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 133—155, 178—183; Алешковский М. Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971; Душечкина Е. В. Нестор в работе над Житием Феодосия: Опыт прочтения текста. — Учен. зап. Тартуского ун-та, 1971, вып. 266, с. 4—15 (Труды по русской и славянской филологии, т. 18. Литературоведение).

О. В. Творогов

Никон Великий (XI в.) — монах Киево-Печерского монастыря, летописец. Сведения о Н. содержатся в *Повести временных лет*, *Житии Феодосия Печерского* и в *патерике Киево-Печерском*. Не позднее 1058 г. Н. поселился вместе с отшельником Антонием в пещере на берегу Днепра; впоследствии на этом месте возник Киево-Печерский монастырь. Н. пользовался большим авторитетом (*Нестор* в своем *Житии Феодосия* называет его «Никоном Великим»). Это дало М. Д. Приселкову основание предположить, что под именем Н. принял схиму в 50-х гг. XI в. бывший митрополит Руси *Иларион*. В 1060 и 1061 гг. (по расчетам А. А. Шахматова) Н. постриг сына боярина Иоанна и одного из приближенных Изяслава (в монашестве они приняли имена Варлаама и Ефрема) и этим навлек на себя гнев князя. В 1061 г. Н. был вынужден покинуть Киев и уехать в Тмутаракань, где основал монастырь. В 1067 г. Н. приехал в Киев с поручением добиться поставления в Тмутаракань нового князя, вместо умершего Ростислава. В 1068 г. Н. возвращается в Киево-Печерский монастырь. Как сообщает Нестор, игумен Феодосий наставлял братию «духовными словесы», а великий Н. по его просьбе поучал «из книг читающе». В период междоусобицы, когда Изяслав был изгнан из Киева Всеволодом и Святославом, Н., видимо оставшийся на стороне изгнанного Изяслава, был вынужден снова уехать в Тмутаракань, откуда вернулся, возможно, лишь в 1077 г. С 1078 г. и до смерти (в 1088 г.) Н. был игуменом Киево-Печерского монастыря.

О книгописной деятельности Н. свидетельствует также *Житие Феодосия*. По словам Нестора, «многажды» бывало, что Н. сидит и «делает книги», а Феодосий, сидя рядом, «прядет нити, еже на потребу таковому делу». Гипотеза о Н. как авторе летописного свода, составленного около 1073 г., принадлежит А. А. Шахматову. Ученый основывался на наблюдениях над характером летописных статей и соотносением их с данными биографии Н.: киевские события излагаются с позиций очевидца

в годы, когда Н. находился в Киеве, а события в Тмутаракани — в годы, когда он пребывал там. Как полагают, гипотетически восстанавливаемый свод Н. явился продолжением древнейшего свода 1037 г. (по гипотезе А. А. Шахматова) или «Сказания о распространении христианства на Руси» (так условно назвал предшествующее летописное повествование Д. С. Лихачев). Именно Н., по этой гипотезе, придал историческим записям форму погодных статей и, таким образом, явился создателем специфической именно для русской историографии погодной структуры летописи. По мнению Д. С. Лихачева, Н. впервые изложил новгородскую легенду о призвании варягов и высказал предположение, что киевский князь Игорь является сыном Рюрика, «призванного» новгородцами. Возможно, Н. ввел в летопись версию о крещении Владимира Святославича не в Киеве, а в Корсуни (Херсонесе), легенду о том, как Ольга перехитрила греческого императора, рассказ об основании Киево-Печерского монастыря. Полагают также, что некоторые подробности войны Руси с Византией в 1043 г., как и новгородские предания (о призвании варягов), Н. узнал из рассказа боярина *Вышаты*, бежавшего в 1064 г. в Тмутаракань, где в то время уже находился Н. Свод Н. был использован впоследствии составителем Начального свода в 1093—1095 гг.

Лит.: Шахматов. Разыскания, с. 423—460; Приселков М. Д. 1) Митрополит Иларион — в схиме Никон — борец за независимую русскую церковь: (Эпизод из начальной истории Киево-Печерского монастыря). — В кн.: Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911, с. 188—201; 2) Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913; 3) История летописания, с. 24—26, 31—33; Лихачев. Русские летописи, с. 82—93; Каргер М. К. К характеристике древнерусского летописца. — ТОДРЛ, М.; Л., 1955, т. 11, с. 59—71.

О. В. Творогов

Пахомий (ум. 31 V 1655) — архиепископ астраханский, составитель Хронографа, который назван его именем. Достоверные биографические данные о П. имеются только с 1638 г., когда он был поставлен архимандритом новгородского Хутынского Спасо-Варлаамиева монастыря. О более раннем времени жизни П. сохранилось не вполне достоверное известие о том, что до назначения в Новгород он жил в Вологде при местном архиепископе Варлааме. В 1640 г. П. был рукоположен в епископы, а в 1641 г. назначен астраханским архиепископом. П. принимал активное участие в жизни своей епархии: защищал ногайских татар от притеснений астраханского воеводы Телятевского, по приказу царя вместе со вторым воеводой Иваном Траханиотовым посадил Телятевского «за приставы» и управлял делами края, пока не прибыл в Астрахань новый воевода князь Решнин. Имя П. упоминается в связи с делом самозванца *Тимофея Акундинова*, который выдавал себя за сына царя Василия Шуйского, за что был четвертован в 1653 г. Сторонник самозванца Костка Конюховский под пыткой показал, что П. и его дворовые люди хотели помочь Акундинову, «потому что архиепископ ему давно знаком и дружен, с тех пор как были на Вологде вместе». На этот донос, вероятно, не обратили внимания, так как П. сохранил за собой кафедру. Умер П. во время морового поветрия, опустошившего край.

Хронограф, который составил П., был написан в 1650 г., дошел до нас в четырех списках. Интересен текст послания, предшествующий Хронографу, под заглавием «Сей ярем яко на своего послушника налагает и еже бы не отрещися тризны Мисаилу», откуда узнаем о подробностях составления Хронографа: П. задумал писать свой труд в 1649 г. и в течение года выписывал статьи «на столбцы» из книг божественных и летописцев, а через год поручил иеромонаху Мисаилу внести эти выписки в книгу. Текст Хронографа состоит из двух частей: общая история и русские статьи. Первая часть, разделенная на семь отделов, начинается «Летописщиком вкратце от сотворения мира до потопа» и оканчивается по-

вестью о падении Константинополя в 1453 г. Источниками для нее послужили: *Хронограф Русский* 2-й редакции (по классификации А. Н. Попова), *Евангелие Никодима*, Константиново вено, «Сказание о падении Константинополя» *Ивана Пересветова* и другие произведения. Источниками второй части (заглавие: «Летописщик вкратце о Русской земли, от которого колена Российския и Словянския люди, почему именуется Россия и Словяне, и о создании Великого Новаграда, и откуда влечашеся род великих князей») являются: вторая и третья редакции Русского хронографа, «Степенная книга» (см. *Афанасий*, митрополит). Предполагается, что изложение событий 1619—1650 гг. принадлежит самому П. Интересны оценка П. деятельности патриархов *Филарета и Иоасафа I* и рассказ о смоленском походе Шеина. Исследователи Хронографа отмечали, что своего, оригинального, П. внес очень мало.

Соч.: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А. Попов. М., 1869, с. 315—321 (текст известий 7127—7158 гг. по списку ГПБ, собр. Погодина, № 1450).

Лит.: Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869, вып. 2, с. 236—242; Филарет. Обзор, с. 330; Иконников. Опыт историографии, т. 2, кн. 2, с. 1380—1381; РБС, «Павел—Петр». СПб., 1902, с. 413—414; Соловьев. История России, кн. 5 (г. 9—10), с. 610.

В. К. Зибороз

Сильвестр (ум. 1123) — епископ Переяславля Южного, летописец. В 1116 г. был игуменом Михайловского Выдубицкого монастыря под Киевом, с 1118 г. становится епископом Переяславля (см.: Лаврентьевская летопись. М., 1962, стб. 291, 293 (ПСРЛ, т. 1)).

В приписке, читающейся в конце статьи 1110 г. *Повести временных лет* второй редакции (в *летописях Лаврентьевской и Радзивилловской*), говорится: «Игумен Силивестр святаго Михаила написах книги си летописец, надеяся от бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне игуменящю в то время у святаго Михаила, в 6624 (1116), индикта 9 лета. А иже чететь книги сия, то буди ми в молитвах». Эта приписка получила различное истолкование. По гипотезе А. А. Шахматова, разделяемой большинством исследователей, С. был составителем второй редакции ПВЛ. Характер и объем его редакторской работы остается неясным, так как предшествующая, первая редакция ПВЛ, составленная *Нестором*, не сохранилась. М. Д. Приселков полагал, что С. переработал заключительную часть ПВЛ (от статьи 1093 г.), так как она «оказалась враждебной... новому киевскому князю Мономаху, давнему политическому противнику Святополка» (Приселков. История летописания, с. 42). По мнению Приселкова, С. сократил ряд известий о взаимоотношениях Святополка с Киево-Печерским монастырем, добавил в статью 1097 г. рассказ *Василия* об ослеплении князя Василька Тербовльского, включил в Вводную часть ПВЛ легенду о посещении Руси апостолом Андреем. М. Х. Алешковский, напротив, считал С. простым переписчиком, а приписку датировал 1118—1123 гг., когда С. был уже епископом. Этому допущению, однако, противоречит то, что С. именуется в начале приписки игуменом. По гипотезе Л. Мюллера, С. — редактор ПВЛ, доведший ее изложение до 1115 г., а место приписки, механически прерывающей текст статьи 1110 г., — результат дефекта списка, легшего в основу текстов так называемой второй редакции ПВЛ (см. также статью «Повесть временных лет»).

А. Г. Кузьмин выдвинул гипотезу, что С. — ученик *Феодосия Печерского*, упомянувший о самом себе в статье 1051 г. («к нему же (Феодосию Печерскому, — О. Т.) и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и приятья мя лѣтъ ми сущю 17 от роженья моего»), и приписывает ему значительный объем редакторских добавлений в тексте ПВЛ, в частности статьи по истории Киево-Печерского монастыря.

Лит.: Шахматов А. А. Повесть временных лет: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916, с. II, X—XXI, XXVI—XXVII; Приселков. История летописания, с. 42—43; Müller L. Die «dritte Redaktion» des sogenannten Nestorchronik. — In: Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1967, S. 171—186; Алешковский М. X. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971, с. 49—52; Кузьмин А. Г. Начальные этапы русского летописания. М., 1977, с. 155—167.

О. В. Творогова

Тимофеев Иван (Иван Тимофеев сын Семенов, по прозвищу Кол) (ок. 1555—III 1631) — дьяк, политический деятель и публицист. По В. И. Корецкому, происходил из среды подмосковных служилых людей. В источниках упоминается с 1584/85 г., когда приобрел вотчину в Верейском уезде. Службу начал подьячим, по-видимому Пушкарского приказа. В 1591 г. Т. участвовал в отражении крымского набега на Москву. В качестве дьяка впервые значится в 1598 г. Являлся свидетелем многократных «умолений» *Бориса Годунова* о вступлении на престол, участвовал в его серпуховском походе, подписался на «Утвержденной грамоте» 1599 г., окончательно оформившей воцарение Бориса. Возможно, Т. был тогда близок к Годунову.

В боярском списке 1598/99 г. назван на 17-м месте среди приказных дьяков; по размерам своего землевладения тоже занимал среднее место в своем кругу. В 1604 г. как дьяк приказа Большого прихода взыскивает недоимки с помещиков и снабжает «кормом» прибывших в Москву посланников. В поход против Лжедмитрия I выставил трех всадников (см.: Боярские списки последней четверти XVI—начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979, ч. 2, с. 47). Сам Т. был послан против Самозванца в Брянск с «нарядом». Возможно, во время перехода царской армии под Кромами на сторону «расстриги» бежал к Москве. При Лжедмитрии I составлял в Туле епифанскую десятню. В 1606 г. пережил осаду столицы болотниковцами, затем участвовал в походе против восставших к Калуге, откуда был направлен на службу в Новгород. Эта служба на короткое время прервалась из-за участия Т. в тульском походе 1607 г. Мнение ряда исследователей (И. С. Шепелева, Н. П. Долинина, Л. В. Черепнина, В. И. Корецкого), будто посылка дьяка в Новгород носила характер опалы, еще нуждается в обосновании. В 1608—1609 гг. сблизился с князем М. В. Скопиным-Шуйским, собиравшим в Новгороде войска для борьбы с «Тушинским вором». Однако нет оснований полагать, что уже тогда дьяк видел в Скопине кандидата на престол, а в период похода царского племянника к Москве поддерживал с ним связи (мнение Л. В. Черепнина).

Новгородская служба Т. кончилась в марте 1610 г., но, видимо, из-за противодействия царя, опасавшегося усиления партии Скопина в Москве, дьяку не удалось вернуться в столицу. По боярскому списку 1610/11 г., Т. вновь на службе в Новгороде (см.: Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства. М., 1908, вып. 2, с. 85). Возможно, он был назначен на прежнюю должность «Семибоярщиной» вскоре по низложении Шуйского. Свою должность Т. сохранил во время шведской оккупации Новгорода (1611—1617 гг.). По официальному поручению он составил проект присяги шведскому королевичу, исходящий из новгородско-шведского договора. Проект, однако, был отвергнут двумя служившими оккупантам «властолюбцами» (по Л. В. Черепнину, дьяками П. Григорьевым и С. Лутохиным). Т. занимал тогда позицию вынужденного признания «иноверных». Его материальное положение при шведском господстве было нелегким. В 1615 г. русское правительство пыталось вызволить Т. из новгородского «плена», но безуспешно.

После освобождения Новгорода дьяк вернулся в Москву, в 1618—1620 гг. служил в Астрахани, в 1622—1628 гг. — в Ярославле и Нижнем Новгороде, возглавлял Печатный приказ (см.: Описание актов собрания

графа А. С. Уварова. М., 1905, с. 164—165; Описание архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977, ч. 1, с. 327, 339—340, 345, 383 и др.). В 1628 г. разбирал елецкое судебное дело, причем вопреки очевидным фактам оправдал И. Н. Романова. С этой услугой царской семье связываются щедрые земельные пожалования Т. в 1629 г. (В. И. Корецкий). После елецкого разбирательства дьяк вернулся в Москву, был у «иконного дела». Умер Т. в начале марта 1631 г. По распоряжению патриарха *Филарета* поместья Т. были сохранены за его вдовой.

Помимо «Утвержденной грамоты» 1599 г. автографы Т. имеются в епифанской десятке, новгородских документах 1607—1608 гг., елецком деле и других документальных материалах.

Т. — автор «Временника» («Временник по седмой тысящи от сотворения света во осмой в первые лета»), одного из крупнейших памятников отечественной публицистики начала XVII в. Сочинение дьяка известно в единственном списке (ГБЛ, Музейное собр., № 10692), который был сделан с дефектного оригинала несколькими писцами и подвергся редакторской правке в 30-х гг. XVII в. (видимо, после смерти Т.), а спустя два-три десятилетия пополнен недостающими листами и тетрадами, еще раз отредактирован и переплетен. Вероятно, это произошло в связи с организацией Записного приказа (1657 г.), где заинтересовались «Временником» как источником для продолжения «Степенной книги» (см. *Афанасий*, митрополит). «Временник» состоит из оглавления, составленного по готовому тексту и не вполне совпадающего с его делением, и 6 очерков, 5 из которых посвящены царствованиям *Ивана IV Грозного*, *Федора Ивановича*, *Бориса Годунова*, *Лжедмитрия I* и *Василия Шуйского*, а последний — «Летописец вкратце» — сложился из разрозненных заметок, в своем большинстве тематически относящихся к предшествующим частям произведения (его, однако, нельзя считать резюме предыдущего текста). Очерки «Временника» делятся на главы. Возможно, структурная разбивка памятника и заглавия его отдельных рубрик принадлежат редактору рукописи, не всегда вникавшему в смысл прочитанного (так, в главе «О крестном целовании королевичю Владиславу» речь идет о присяге шведскому принцу). «Временник» первоначально писался в виде отдельных набросков и статей, которые сравнительно легко выделяются в произведении (И. И. Полосин насчитывает в тексте 64 таких фрагмента). Ряд отрывков «Временника», на которые ссылается автор, утрачен (например, об обстоятельствах убийства *Лжедмитрия I*, о торжественной встрече им *Марфы Нагой*).

Несмотря на структурную мозаичность, «Временник» производит впечатление цельного произведения, хотя работа над ним не была завершена. Отдельные фрагменты памятника разновременны. И. И. Полосин находит в сочинении Т. 53 хронологических реалии, но их значительно больше. Работа дьяка над своим произведением началась еще в конце XVI в. Ряд фрагментов «Временника» появился в разгар Смуты, еще до захвата Новгорода шведами. В условиях оккупации творческая работа Т. оживляется, хотя он должен был писать украдкой, тайть записи от шведов и русских изменников. Около 1615 г. новгородский митрополит *Исидор*, кстати, сам занимавшийся литературным трудом, вероятно зная о занятиях Т., «принудил» близкого к нему дьяка описать бедствия, постигшие Русскую землю, хотя бы на основании виденного и слышанного в шведском «плени». В Новгороде была написана значительная часть «Временника», но работа над ним продолжалась вплоть до смерти публициста.

Во время розысков «Временника» для Записного приказа его начальник дьяк Т. Кудрявцев узнал от «гостя» М. Васильева, что Т. был «книгогочец и временных книг писец, а жаловал-де его за то боярин Иван Михайлович Воротынской» (Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902, с. 62). Сочинение Т. вполне под-

тверждает этот отзыв. «Временник» свидетельствует о широкой начитанности его автора в Священном писании, церковно-учительной и исторической литературе. Т. знал летописи и хронографы (в частности, возможно его знакомство с псковскими и новгородскими летописями). Он пользовался сказанием о новейших чудесах Никиты Переяславского — дополнением к Житию этого святого (см. *Житие Никиты Переяславского*), читал *Троянскую историю* Гвидо де Колумна, *Александрию*, *«Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия*, *Повесть о Варлааме и Иоасафе*, хорошо знал «Степенную книгу». Не исключено его знакомство с «Молением» или «Словом» *Даниила Заточника*, *Повестью 1606 г.* в первой либо второй редакциях. Возможно, Т. были известны грамоты правительства Шуйского, посвященные разоблачению «расстриги», а также грамоты патриарха *Гермогена*. По предположению В. С. Иконникова и Н. П. Долинина, Т. пользовался «Историей» *Авраамия Палицына*. Сопоставление двух памятников не подтверждает это мнение. Нет сведений и о личном знакомстве двух замечательных публицистов. Не подкрепляется источниками и мысль О. А. Державиной о близости Т. к литературному кружку Троице-Сергиева монастыря. Сомнительно и предположение И. И. Полосина о знакомстве Т. с *Летописцем Новым*. В. И. Корецкий стремится показать, что главным источником «Временника» в описании событий конца XVI—начала XVII в. явилась утраченная «История о разорении русском» Иова-Иосифа. Эту попытку нужно признать несостоятельной. Недоказанной является и точка зрения Н. П. Долинина о влиянии на тимофеевскую концепцию Смуты *«Грамоты утвержденной»* 1613 г. Вопреки мнению В. Д. Назарова, текст «Временника» не свидетельствует о знакомстве Т. с греческим и латинским языками; проникшие в сочинение дьяка иностранные выражения бытовали на русской почве. Многие отрывки «Временника» автобиографичны, но произведение Т. нельзя (вслед за В. О. Ключевским и Л. В. Черепниным) квалифицировать как мемуары. Помимо собственных воспоминаний дьяк пользовался и свидетельствами очевидцев, например бывших тушинцев. Во «Временнике» в какой-то мере отразились взгляды И. М. Воротынского и его круга (см. статью В. И. Корецкого). О многом Т. знал понаслышке, ряд событий воспринял через народную молву, слухи, подчас слепти. Дьяк не раз сетует на свою неосведомленность и отсутствие обобщающего произведения о Смуте, верит, что в будущем возникнет труд, превосходящий по достоинствам его «Временник».

Произведение Т. поражает напряженным интересом к причинно-следственной связи событий. Считая правомерной хронологическую последовательность изложения, дьяк не задумывается нарушать ее на каждом шагу, оправдываясь своей недостаточной осведомленностью. Т. «больше размышляет, чем рассказывает о случившемся» (Ключевский В. О. Соч. М., 1959, т. 7, с. 443—444). Наряду с этим во «Временнике» налицо многочисленные признаки летописной традиции. По словам дьяка, неодолимое стремление найти истоки переживаемых бед побудило его взяться за перо. По существу «Временник» представляет собой размышления автора над причинами всероссийского «разорения»; описание самой Смуты занимает Т. куда меньше. Выступая идеологом самодержавия с боярской аристократией (Н. П. Долинин), дьяк нередко превращается в глубокого и страстного обличителя правящих кругов. «Грехи» своих современников, породившие Смуту, дьяк по традиции рассматривал сквозь призму религиозной морали, но некоторые из них понимал и в социально-политическом аспекте. Это прежде всего «бессловесное молчание» общества, в первую очередь феодальных «верхов», т. е. непротавление преступлениям власти, политическое безразличие. «Бессловесное молчание», явившееся в глазах Т. первопричиной лихолетья, сделало возможными посягательства самодержцев на исконные начала общественной жизни, позволило «рабам» вроде Бориса Годунова и самозванцев домогаться престола. От-

существование же законного царя пробудило стремление «черни» к освобождению, которое привело к многолетнему «самобезначалию в земли». Важное место во «Временнике» занимают характеристики исторических деятелей, а также самоанализ. В сочинении дьяка находим целую серию очерков о первых русских царях, а также М. В. Скопине-Шуйском. Т. стремится раскрыть противоречивость своих героев, считая изображение и положительных и отрицательных качеств свидетельством объективности писателя. Вместе с тем во «Временнике» находим резко отрицательные оценки Лжедмитрия I и панегирик Романовым. Т. не считает доброе и злое начала в человеке неизменными, выясняет причины зарождения и развития в характере тех или иных качеств, например влияние одного исторического деятеля на другого (см.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, с. 17). Он вводит в изложение притчи, содержание которых ассоциируется в его сознании с переживаемыми событиями. Т. часто выступает в роли полемиста, прибегает к рифмованной речи. Язык Т. очень труден: ему не хватало слов для обозначения социально-политических отношений, вскрывшихся в канун Смуты и само лихолетье (см.: Яковлев А. «Безумное молчание»: (Причины Смуты по взглядам русских современников ее). — В кн.: Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909, с. 663).

Вопреки утверждению И. И. Полосина, «Временник» не дает оснований говорить о причастности Т. к летописанию в конце XVII в. Не обоснован и его вывод о том, что дьяк был одним из составителей *Хронографа Русского* второй редакции. По В. И. Корецкому, рука Т. чувствуется в отписке астраханских властей ногаям (1619 г.). Сравнение отписки с «Временником» заставляет признать это заключение поспешным. О. А. Державина и Е. В. Колосова высказали мнение об использовании «Временника» в палицынской «книге», что, однако, не подтверждается сопоставлением двух произведений. Есть предположения, что сочинение Т. было известно автору Повести 1626 г., приписываемой *И. М. Катыреву-Ростовскому* или *С. И. Шаховскому* (В. С. Иконников, В. И. Корецкий), и составителю Нового летописца (В. Д. Назаров).

Соч.: РИБ, СПб., 1891, т. 13, с. 261—472; 2-е изд. СПб., 1909, с. 261—472; 3-е изд. Л., 1925, с. 261—472; *Временник* Ивана Тимофеева / Подгот. к печ., пер. и коммент. О. А. Державиной. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951.

Лит.: Платонов. Древнерусские сказания. 2-е изд. СПб., 1913; Васенко П. Г. Дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника»: (К истории перелома в развитии древнерусской исторической мысли). — ЖМНП, 1908, март, отд. 2, с. 88—121; Полосин И. И. 1) Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII века. — Учен. зап. МГИИ им. В. И. Ленина, 1949, т. 60, вып. 2, с. 135—192; 2) [Рец. на кн.: *Временник* Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951]. — ИЮЛЯ, 1952, т. 11, вып. 1, с. 85—89; 3) Социально-политическая история России XVI—начала XVII в.: Сб. статей. М., 1963, с. 263—352; Державина О. А. 1) *Временник* дьяка Ивана Тимофеева. — Записки ОР ГБЛ, М., 1950, вып. 11, с. 55—77; 2) К вопросу о художественном методе и поэтическом стиле русской исторической повести начала XVII века. — Учен. зап. МГИИ им. В. П. Потемкина, 1957, т. 67, вып. 6, с. 77—91; 3) Обзор работ по изучению литературных памятников первой трети XVII в. — ТОДРЛ, М.; Л., 1957, т. 13, с. 672—688; Долинин Н. П. Общественно-политические взгляды Ивана Тимофеева: (К вопросу об истории русской общественной мысли в начале XVII века). — Науч. зап. Днепропетровского ун-та, Киев, 1954, т. 42, вып. 2, с. 135—164; Черепнин Л. В. 1) Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве — авторе «Временника». — ИА, 1960, № 4, с. 162—177; 2) Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции. — ТОДРЛ, М.; Л., 1961, т. 17, с. 454—481; Rehder P. Zum Vremennik des Djaken Ivan Timofeev. — Die Welt der Slaven, 1965, Jhrg. 10, S. 123—143; Keipert H. Beiträge für Textgeschichte v. Nominalmorphologie des «Vremennik Ivana Timofeeva». Diss. Bonn, 1968; Корецкий В. И. 1) Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. — АЕ за 1974 г., М., 1975, с. 145—167; 2) Об основном летописном источнике *Временника* Ивана Тимофеева. — В кн.: Летописи и хроники. Сб. статей. 1976 г. М., 1976, с. 113—141; Лукичев М. П. Новые данные о русском мыслителе и историке XVII в. Иване Тимофееве. — Советские архивы, 1982, № 3, с. 22—25.

Тимофей (XIII в.) — «премудрый книжник». В Галицко-Волынской летописи (см. *Летопись Ипатьевская*), в том разделе, где рассказывается о бесчинствах в Галиче венгерского палатина Бенедикта Бора, командовавшего венгерскими силами, посланными в Галич венгерским королем Андреем, читается такой отрывок: «Бѣ бо Тимофѣй в Галичѣ премудръ книжникъ, отчество имея во градѣ Кыевѣ (родом из города Киева, — Л. Д.), притчею (иносказательно) рече слово о семь томители (тиране) Бѣнедиктѣ, яко: „В послѣдняя времена тремя имены наречется антихрист“. Бѣгаше бо Тимофей от лица его (скрывался Тимофей от него), бѣ бо (потому что был Бенедикт) томитель бояромъ и гражаномъ и блудь творя и оскверняху жены же и черници и попадьи. В правду бѣ антихрист за скверная дѣла его» (ПСРЛ. 2-е изд. СПб., 1908, т. 2, стб. 722; ПЛДР: XIII век. М., 1981, с. 240—243). Запись эта помещена под 1205 г., на самом же деле описанные в ней события происходили в 1210 г.

Под 1226 г. в Галицко-Волынской летописи повествуется о таком событии. Галицкий боярин Жирослав распространил среди галицких бояр слух о том, что князь Мстислав Мстиславович Удалой (он в это время занимал галицкий великокняжеский стол) с помощью своего тестя, половецкого князя Котяна, собирается уничтожить всех галицких бояр. Поверив Жирославу, галицкие бояре бежали из Галича. Мстислав посылает к боярам своего духовного отца Тимофея, которому удается убедить бояр в том, что Жирослав оклеветал перед ними князя Мстислава (ПСРЛ, 2-е изд., т. 2, стб. 747; ПЛДР: XIII век, с. 262—263). Ряд исследователей считает, что «премудрый книжник» Т. и Тимофей, духовник Мстислава Удалого, — одно и то же лицо. Все реальные сведения о книжнике Т. ограничиваются приведенными данными.

В 1846 г. Н. Головин пришел к заключению, что Т. мог быть *автором* «Слова о полку Игореве»: автор «Слова» был «подданным» Игоря, после смерти Игоря он скорее всего остался при его детях; когда в начале XIII в. Игоревичи захватили Галич, автор «Слова» переехал с ними туда; в результате борьбы за галицкий стол, по проискам провенгерски настроенных галицких бояр, сыновья Игоря были повешены; возмущенный злодеяниями Бенедикта, Т. выступил обличителем его, из-за чего был вынужден бежать из Галича. Столь смелое и страстное выступление Т., связанное к тому же с судьбой потомков Игоря Новгород-Северского, по мнению Н. Головина, дает основание видеть в Т., названном летописцем «премудрым книжником», автора «Слова». Основательные аргументы против такого отождествления были приведены Н. П. Сидоровым. Термин «премудрый книжник» в древнерусской письменности имел специфическое значение — «тот, кто умел истолковывать „темные места“ Писания» (Сидоров Н. П. К вопросу об авторах..., с. 165). Т. выразил свою мысль «притчею», т. е. иносказательно, что характерно для древнерусских книжников, но чуждо «Слову». Называя Бенедикта антихристом, Т. имел в виду вполне конкретный книжный текст — популярное в средневековье «Толкование на Апокалипсис» Андрея Кесарийского, где антихрист называется тремя именами: «Лампетис, Титан, Бенедиктос». Сидоров приходит к убедительному заключению: «Мы не можем представить себе автора „Слова“ типичным для того времени книжником, начетчиком, каким был Тимофей» (там же, с. 166). Но, поскольку имя Т. как известного книжника названо в Галицко-Волынской летописи, имеется несколько гипотез, связывающих его с историей русского летописания конца XII—первой четверти XIII в.

Л. В. Черепнин, рассматривавший вопрос об источниках Галицко-Волынской летописи, останавливался и на проблеме участия в Галицко-Волынской летописании Т. По Черепнину, первая часть Галицко-Волынской летописи — Летописец Даниила Галицкого, созданный в середине 50-х гг. XIII в., — основывается на целом ряде более ранних источников.

Среди этих источников была отдельная повесть, посвященная судьбе малолетних наследников князя Романа Мстиславича — Даниила и Василька Романовичей. Повесть эта рассказывала о борьбе Даниила и Василька за Галицко-Волынское княжество с сыновьями героя «Слова о полку Игореве» Владимиром и Романом Игоревичами в первое десятилетие XIII в. «Повесть эта была составлена в близкое к описываемому в ней время. Вероятно, повесть написана вскоре после свержения сыновей князя Игоря Святославича, т. е. в 1211 г.» (Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого, с. 244). Л. В. Черепнин полагает, что автором ее мог быть Т.: «Из всего летописного контекста вытекает, что книжник Тимофей был идеологом той части боярства (Владислав, Судислав, Филипп), которая вначале пыталась сбросить венгерское иго при помощи черниговских князей, а затем, недовольная последними, выставила кандидатуру на галицкий стол Даниила, рассчитывая в виду его малолетства захватить власть в свои руки. Поэтому авторство книжника Тимофея кажется нам весьма вероятным» (там же, с. 244). Л. В. Черепнин не отождествлял «премудрого книжника» Т. с духовником князя Мстислава Удалого Тимофеем. О каком-либо участии последнего в книжной деятельности он ничего не говорит и считает, что описателем времени Мстислава Удалого на страницах Галицко-Волынской летописи является человек, близкий к Даниилу Галицкому, вероятнее всего тысяцкий *Демьян*.

В. Т. Пашуто считает, что в основе княжеского свода Даниила Галицкого, составленного в г. Холме в 1246 г. митрополитом *Кириллом II*, лежала Киевская летопись 1238 г. Ряд сведений в этой Киевской летописи был записан либо самим Т., либо с его слов. Т. — «премудрый книжник» и Тимофей — духовник Мстислава Удалого, по В. Т. Пашуто, одно и то же лицо. Т., пишет Пашуто, «как духовник Мстислава Удалого, присутствовал, конечно, при кончине князя и его погребении в Киеве, и, видимо, ему обязаны мы сведениями, имеющимися в Киевской летописи времен Владимира Рюриковича о действиях Мстислава в Галичине. Думаем также, что притча Тимофея о Бенедикте, упомянутая сводом князя Даниила, читалась в Киевской летописи; к перу же Тимофея следует отнести все, что связано с разгромом похода Бенедикта Бора на Галич» (Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с. 37).

Много внимания Т. уделил в своих работах по «Слову о полку Игореве» Б. А. Рыбаков. По его гипотезе, Т. — летописец-галичанин. Препарируя летописные тексты конца XII в., Б. А. Рыбаков приходит к заключению, что в 1189—1190 г. «в Киеве при дворе Рюрика появился какой-то галичанин, церковник, книжник, явный сторонник князя Владимира Ярославича Галицкого» (Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве», с. 158). Этот галицкий книжник внес в Летописец Рюрика ряд дополнений о судьбе Владимира Галицкого. Он же, как предполагает Б. А. Рыбаков, на основе рассказов двух великокняжеских летописей князей дуумвиров Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича по поручению летописца Рюрика составил повесть о походе в 1185 г. Игоря Святославича против половцев, которая дошла до нас в составе Ипатьевской летописи. По мнению Б. А. Рыбакова, это был Т. «Премудрого книжника» Рыбаков отождествляет с Тимофеем — духовником Мстислава Удалого. Вскоре после составления «Повести о походе Игоря», которая была одним из его первых произведений, Т. снова вернулся в Галич. Вынужденный покинуть Галич из-за обличений Бенедикта, Т. уходит в Новгород к Мстиславу Удалому и становится его хронистом. Перу Т., как считает Б. А. Рыбаков, принадлежит ряд записей в летописи *Новгородской I* за 1210—1218 гг., в которых много внимания уделяется Мстиславу. Т., по гипотезе Б. А. Рыбакова, был и автором первоначального вида *Повести о битве на реке*

Липице. По наблюдениям исследователя, можно отметить стилистическое и лексическое сходство между этой повестью и «Повестью о походе Игоря». Т. продолжает вести летопись Мстислава и во время его княжения в Галиче: «Княжеская летопись Мстислава за годы его княжения в Галиче очень близка к его Новгородской летописи. Здесь и содержится одна из притчей его духовного отца Тимофея о лукавом Жирославе, в адрес которого Тимофей расточает библейские проклятия» (там же, с. 172). Таким образом, по Б. А. Рыбакову, Т. — автор двух, первоначально, вероятно всего, независимых от летописей, повестей (о походе Игоря на половцев в 1185 г. и о Липицкой битве в 1216 г.) и целого ряда летописных статей в киевском, новгородском и галицком летописании.

Отрывочность и краткость реально-летописных сведений о Т., а также гипотетичность всех точек зрения на его роль в истории русского летописания заставляют с большой осторожностью относиться ко всем предположениям об этом древнерусском книжнике. Единственное, что можно утверждать с полной уверенностью, это то, что такой книжник действительно был. Слова летописного сообщения «отечество имея во градъ Кыевъ» заставляют видеть в нем не галичанина, а киевлянина, и скорее всего книжной деятельностью он начал заниматься еще на родине: в противном случае едва ли подчеркивалось бы его киевское происхождение. Фраза о том, что Т. скрывался («бѣгаше») от гнева Бенедикта, говорит, что он оставался в Галицком княжестве, а не покинул его. Вполне возможно, что «премудрый книжник» и духовный отец Мстислава Удалого — одно и то же лицо. Но столь же правомерно и предположение, что это два разных Тимофея. Обличительная филиппика в адрес Жирослава, которая читается в летописи после рассказа о клевете Жирослава и об успешной миссии духовника Мстислава, убедившего бояра в том, что князь ничего против них не замышляет, совсем не обязательно должна принадлежать авторству Т. Скорее наоборот: если бы обличение Жирослава приписывалось Т., то, как и в случае с Бенедиктом, это было бы отмечено в тексте летописи, а этого там нет.

Лит.: Головин Н. Примечания на «Слово о полку Игореве». М., 1846, с. XXVIII—XXX; Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого. — ИЗ, М., 1941, т. 12, с. 228—253; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; Сидоров Н. П. К вопросу об авторах «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве: Сб. пслед. и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950, с. 164—167; Рыбаков Б. А. 1) «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, с. 182—194; 2) Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 156—172.

Л. А. Дмитриев

Филарет (в миру Федор Никитич Романов-Юрьев) (ок. 1554—1 X 1633) — патриарх, автор писем и поучений, библиофил. Двоюродный брат царя Федора Ивановича (отец Ф., боярин Н. Р. Юрьев, приходился братом царице Анастасии Романовне), он впервые значится в «разрядах» в феврале 1585 г. как участник приема во дворце литовского посла Л. Сапегы (см.: Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, с. 360). В следующем году Ф. являлся уже боярином и нижегородским наместником. Вместе с младшими братьями он выступал тогда в союзе с Годуновыми (см. *Борис Годунов*) против Шуйских и Мстиславских, представлявших аристократическую реакцию. При поддержке Бориса Годунова Ф. сделал выдающуюся карьеру: в перечнях бояр за 1588—1589 и 1589/90 гг. он упоминается соответственно на десятом и шестом местах (см.: Боярские списки последней четверти XVI—начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979, ч. 1, с. 104, 263); к концу царствования Федора имел чин главного дворового воеводы и считался одним из трех руководителей ближней царской думы.

Накануне смерти Федора Ивановича союз Романовых и Годуновых распался. В 1598 г. Ф. являлся одним из основных претендентов на престол, но не смог составить конкуренции Б. Ф. Годунову и сам (видимо, по настоянию Б. Я. Бельского) снял свою кандидатуру (см.: Скрынников Р. Г. 1) Земской собор 1598 года и избрание Бориса Годунова на трон. — История СССР, 1977, № 3, с. 153—154; 2) Борис Годунов. М., 1978, с. 110, 114—115, 122). В начале царствования Бориса Ф. оставался одним из руководителей Боярской думы. Однако осенью 1600 г. он вместе с братьями подвергся опале, вызванной опасениями Годунова за судьбы своей династии. Романовы явились жертвами «колдовского» процесса (главным обвиняемым оказался Александр Никитич). В июне 1601 г. по приговору Боярской думы Ф. был сослан в Антониево-Сийский монастырь, где стал иноком. Сохранив ему жизнь (он даже распорядился содержать опального так, чтобы тому «не было нужи»), царь Борис лишил Ф. всяких надежд на обладание троном. Существует мнение, что с появлением Самозванца, возможно ранее связанного с кругом Романовых, царь Борис приказал возвести Ф. в сан архимандрита (неизвестно, какого монастыря). Это мнение, однако, не подтверждается источниками. К тому же в начале 1606 г., т. е. уже при Лжедмитрии I, Ф. был троицким соборным старцем, вторым лицом в монастыре после архимандрита Иоасафа (см.: Дьяконов М. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Юрьев, 1897, вып. 2, с. 36; ГБЛ, ф. 303, № 539, л. 221 об., 222 об.). Вскоре по распоряжению Самозванца Ф. посветили в сан митрополита ростовского и ярославского.

В мае 1606 г., сразу по воцарении Шуйского, Ф., по предположению С. Ф. Платонова, разделяемому большинством исследователей, был назначен в патриархи, но затем царь изменил свое решение, остановив выбор на *Гермогене*. Ф. как ростовский митрополит деятельно поддерживал Шуйского и Гермогена в их борьбе с *И. И. Болотниковым* и Лжедмитрием II. В октябре 1608 г. при взятии Ростова тушинцами Ф. был схвачен и с позором отвезен в лагерь второго Самозванца, где его нарекли патриархом московским и всея Руси. В Тушине Ф. занимал выжидательную позицию; едва ли можно согласиться с мнением А. П. Смирнова, что «воровской» стан был для него золотой клеткой. В декабре 1609 г., уже когда неудача тушинской авантюры стала очевидной, Ф. вступил в переговоры с польским королем Сигизмундом III о возведении на московский престол королевича Владислава. В марте 1610 г. Ф. был отбит у польско-литовских войск отрядом Г. Валуева и прибыл в Москву. После низложения Шуйского и избрания Владислава Ф. вошел в состав «великого» посольства к Сигизмунду III (сентябрь 1610 г.), которое должно было упросить короля даровать сына «на Московское государство». Ф. возглавлял в посольстве духовных лиц и получил от Гермогена наставления, грамоту к Сигизмунду III, а также его племянника А. С. Крылова («во двор в дети боярския», очевидно для связи (Пермская летопись с 1263—1881 г. Первый период. Пермь, 1881, с. 95—96; Второй период. Пермь, 1882, с. 471). Когда во время переговоров под Смоленском выяснилось, что король сам желает завладеть русским престолом, Ф. решительно выступил против нарушения интервентами условий августовского (1610 г.) соглашения об избрании Владислава, за что был арестован и отправлен в Речь Посполитую (сначала во владения Л. Сапеги, затем в Мариенбург).

После воцарения сына Ф., *Михаила Федоровича*, 21 февраля 1613 г. начались переговоры об освобождении Ф. из плена. 1 июня 1619 г. по условиям Деулинского перемирия на реке Полянковке за Вязьмой проишошел размен пленных, и Ф. вернулся на родину. 22 июня он был назначен на патриарший престол, а 24 июня поставлен в патриархи. Начиная с этого времени Ф., получивший титул «великого государя», фактически управлял страной. С его именем связывают первые абсолютистские тен-

денции в политике московского правительства (А. Н. Сахаров). В области международных отношений Ф. стремился к ликвидации грабительских условий Деулина, надеясь добиться этой цели союзом со Швецией и Турцией. Внешнеполитический курс Ф. вызывал оппозицию в правящих кругах (отражением этих настроений стало позднее «Сказание о Петре Волосском»). Поражение русских войск в Смоленской войне осенью 1633 г. привело, по А. П. Смирнову, к сильному душевному потрясению Ф., что явилось причиной его неожиданной смерти.

Ф. — крупный деятель книжной культуры, что особенно относится ко времени его патриаршества. Ф. оставил обширное эпистолярное наследие. Ему приписывается письмо брату Ивану от 8 августа 1602 г., где говорится о переживаемых Романовыми напрасных бедах. Но атрибуция этого письма не бесспорна, что отметил еще А. П. Смирнов. По его данным, Ф. принадлежат 178 писем к царю Михаилу Федоровичу, невестке и жене, относящихся к 1619—1631 гг., а также многочисленные грамоты, лучшей из которых является в оценке исследователя послание к тобольскому архиепископу *Киприану* с увещеванием ревностно заботиться о пастве. Ф. приписываются и «Поучения» о поставлении церковных властей, от священника до митрополита. Грамоты Ф., видимо, написаны не всегда лично им, а составлены в митрополичьей или патриаршей канцеляриях. Это допущение касается, например, первой из известных грамот Ф. — устюжскому протопопу Константину (от 30 ноября 1606 г.), которая включает патриаршее послание о восстании Болотникова, известие о церковных службах в Ростове и предписание о молебствиях в Устюге. Эта грамота Ф. использована в кратком сказании о Лжедмитрии I (см.: Кукушкина М. В. Неизвестное «Писание» о начале «Смуты». — ТОДРЛ, М.; Л., 1965, т. 24, с. 195).

С именем Ф. связано несколько произведений официального характера, датируемых временем его патриаршества. В одном списке XVII в. сохранился черновик повести о Смуте со многими исправлениями и приписками. На основании позднейшего заглавия Н. М. Карамзин назвал эту повесть «Рукописью Филарета». Она представляет собой переработку «Повести 1626 г.», приписываемой *И. М. Катывеву-Ростовскому* или *С. И. Шаховскому*. Составители «Рукописи» нашли свой источник слишком простым по стилю, недостаточным обстоятельным и неоправданно враждебным по отношению к царю Василию. «Рукопись», охватывающая период с царствования Лжедмитрия I до избрания на трон Михаила Федоровича, содержит некоторые уникальные известия, очевидно почерпнутые из официальных документов (мнение А. А. Кондратьева и С. Ф. Платонова). Кроме того, в «Рукописи» находим ссылку на «летописание», излагающее «житие» Гермогена и его «мученический конец» (Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866, с. 319). Это «летописание» — явно не «Повесть 1626 г.», где о деятельности Гермогена говорится сравнительно кратко, а его смерть не отмечена. По С. Ф. Платонову, «Рукопись» возникла между 1626 и 1633 гг. и к ее составлению так или иначе был причастен Ф. Поскольку «Рукопись» является настоящим панегириком Шуйскому, а официальный *Летописец Новый* двойственно относится к нему, Л. В. Черепнин не считает «Рукопись» сочинением, появившимся в правительственной среде и отредактированным Ф. Думается, различное отношение двух произведений к Шуйскому еще не дает оснований отказываться от взглядов С. Ф. Платонова на «Рукопись Филарета», что подчас признает и Л. В. Черепнин.

По предположению В. С. Платонова, принятому большинством ученых, в окружении Ф. возник Новый летописец 1630 г. По всей вероятности, в той же среде появилось «Сказание» о поставлении Ф. на патриаршество, которое, как заметил И. А. Жарков, упоминается в описи посольского архива 1626 г. (спустя девять лет рукопись «Сказания» была передана оттуда на Казенный двор). «Сказание» носит характер офи-

циального панегирика Ф. и выдержано в торжественно-безличном тоне (С. Ф. Платонов, А. С. Демин). Вероятно, в патриаршей среде появилось и «документальное сказание» о ризе Христовой (термин С. Н. Гухман). Это произведение рассказывает о «чудесном» даре шаха Аббаса Михаилу Федоровичу (1625 г.) и фигурирует уже в описи келейной казны Ф. 1630 г. Возможно, из окружения Ф. вышла и «Отповедь» в защиту патриарха Гермогена, опровергающая взгляды автора хронографических статей 1616/17 г. на Гермогена. П. Г. Васенко датирует это полемическое сочинение 20—30-ми гг. XVII в. и полагает, что его автор был близок к патриаршему клиру, если сам не принадлежал к нему (см.: Васенко П. Новые данные для характеристики патриарха Гермогена. — ЖМНП, 1904, июль, отд. 2, с. 142, 143).

Ф. был связан со многими писателями своего времени. Возможно, он принял какое-то участие в правке первой редакции начальных глав «Истории» *Авраамия Палицына*. Вслед за С. И. Кедровым нужно признать неосновательным мнение, будто Ф. сослал Палицына за поведение в смоленском посольстве, граничащее с изменой русскому национальному делу; но, быть может, знаменитому келарю не удалось поладить со своеправным патриархом. Ф. знал *Ивана Тимофеева* и, «весьма вероятно», его «Временник» (Корецкий В. И. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. — АЕ за 1974 г., М., 1975, с. 164, 167). Ф. вершил судьбы заподозренного в вольнодумстве *И. А. Хворостина* и не раз изболоченного в «великих винах» С. И. Шаховского. Последний писал Ф. «моление... о разлучении супружества зело умильно», по его поручению составил официальное послание шаху и, согласно гипотезе М. В. Кукушкиной, помогал в создании «Рукописи Филарета».

Большое внимание уделял Ф. книгопечатанию. Едва вернувшись из польского плена, он по ходатайству прибывшего в Москву иерусалимского патриарха Феофана пересмотрел дело троицких правщиков во главе с архимандритом *Дионисием Зобниновским*. На церковном соборе были одобрены исправления, внесенные ими в требник; в 1625 г. эти исправления были узаконены в книгах, изданных при Ф. Справщиками Печатного двора были при Ф. образованные книжники *Иван Наседка*, *Арсений Глухой*, *Антоний Крылов* и др.; патриарх сам занимался их подбором. Ф. собрал большую библиотеку, несколько раз описанную в начале 1630-х гг. (см.: Сборник Муханова, с. 374—382; Викторов А. Е. 1) Опись патриаршей ризницы 1631 г. М., 1875; 2) Старинные описи Патриаршей ризницы. М., 1875; РИБ, СПб., 1876, т. 3, с. 898—912, 974—978, и др.). Судя по наиболее ранней описи 1630 г., у Ф. имелось, по подсчетам М. И. Слуховского, 350 или 355 рукописных и печатных книг; С. П. Луппов же насчитывает в патриаршей библиотеке этого времени 261 название книг и 608 экземпляров (см.: Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970, с. 132—133; ср. с. 173; Слуховский М. И. Русская библиотека XVI—XVII вв. М., 1973, с. 117, 163). По данным Б. Ф. Поршнева, Ф. интересовался протестантской литературой. Он содействовал созданию рукописей (например, известного лицевого *Жития Зосимы и Савватия*, вложенного в Соловецкий монастырь близким к Ф. троицким келарем Александром Булатниковым). Деятельность Ф. отразилась в многочисленных литературных произведениях XVII в.; сохранились и две песни о выкупе Ф. из плена и его возвращении на родину (см.: Криничная Н. А. Народные исторические песни начала XVII века. Л., 1974, с. 163—175).

Соч.: ААЭ, СПб., 1836, т. 2, 3; АИ, СПб., 1841, т. 3; Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1848, т. 1.

Лит.: Исправление богослужебных книг при патриархе Филарете. — ПС, 1862, ч. 2, с. 361—405; ч. 3, с. 32—86; Смирнов А. Святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всяя России. М., 1874, ч. 1—2; Кондратьев А. О так назы-

ваемой рукописи патриарха Филарета. — ЖМНП, 1878, сентябрь, отд. 2, с. 22—83; Скворцов Д. Дионисий Зобниновский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря (ныне Лавры). Тверь, 1890; Платонов С. Ф. 1) Древнерусские сказания. 2-е изд. СПб., 1913; 2) Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1937; Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб., 1913; Покровский А. А. Печатный Московский двор в первой половине XVII века. М., 1913; Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913, ч. 1; Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века: (Из истории древнерусского летописания). — ИЗ, М., 1945, т. 14, с. 81—128; Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959; Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976; Скрынников Р. Г. 1) Борис Годунов. М., 1978; 2) Борис Годунов и падение Романовых в 1600 г. — В кн.: Из истории феодальной России. Л., 1978, с. 116—124; 3) Россия накануне «смутного времени». М., 1980.

Я. Г. Солодкин

Янь Вышатич (ок. 1016 (?)—1106) — дружинник и воевода, рассказы которого, как полагают, были включены в Начальный свод и *Повесть временных лет*. Сын киевского воеводы *Вышаты*. Я. неоднократно упоминается в ПВЛ (см.: ПСРЛ, М., 1965, т. 1, вып. 1, стб. 154, 175—178, 208, 212, 219, 281). Он был дружинником черниговского, а с 1073 г. киевского князя Святослава Ярославича; в правление Всеволода Ярославича — тысяцкий. Летопись упоминает об усмирении им восстания волхвов (ПВЛ под 1071 г.) и об участии его в битве 1093 г., где поражение русских князей в битве с половцами летописец объясняет тем, что они не прислушались к советам Я. и прочих «смысленных». Я., как сообщает летопись под 1091 г., был близок к *Феодосию Печерскому*; он и его жена были похоронены в Киево-Печерском монастыре. Сообщая о смерти Я. «в старости мастите», летописец подчеркивает, что тот был «муж благ и кроток и смирен», «не хужий . . . первых праведник»; «от него же и аз, — продолжает летописец, — многа слова слышах, еже и вписах в летописании семь» (ПВЛ под 1106 г.). Предполагается, что в том же году Я., которому исполнилось уже 90 лет (впрочем, Д. С. Лихачев считает это указание эпическим преувеличением), участвовал в походе против половцев («воеваша половци около Заречьска, и посла по них Святополк Яня и Иванка Захарьича»), маловероятно: скорее здесь речь идет о братьях Яне и Иванке Захарьичах.

По мнению исследователей (А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева), рассказы Я., как и отца его Вышаты, включали в свое повествование летописцы — *Никон* (так думал Шахматов), составитель Начального свода, и *Нестор*. В частности, в статье 1093 г., которой, вероятно, завершался Начальный свод, в сетованиях по поводу засилья молодых дружинников и оскудения Русской земли отразились взгляды Я. и его единомышленников. Я. и Вышате принадлежат, видимо, и древние новгородские предания, вошедшие в летопись.

По мнению А. Ф. Вельтмана, А. В. Лонгинова и Л. В. Черепнина, Я., упоминаемый в ПВЛ, тождествен Бояну «Слова о полку Игореве» (см. Автор «Слова о полку Игореве»).

Лит.: Вельтман А. Ф. Упоминаемый бо-Ян в Слове о полку Игореве есть старец Ян, упоминаемый Нестором. — Москвитянин, 1842, № 1, с. 213—215; Прозоровский Д. О родстве св. Владимира по матери. — Записки имп. Акад. наук. СПб., 1864, т. 5, кн. 1, с. 25—26; Лонгинов А. В. Историческое исследование Сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса, 1892, с. 26, 89—91; Шахматов. Разыскания, с. 443—444, 455—457, 531; Приселков. История летописания, с. 18—20; Лихачев Д. С. 1) «Устные летописи» в составе Повести временных лет. — ИЗ, М., 1945, № 17, с. 209—211, 217—222; 2) Русские летописи, с. 97—99, 108—109, 140—143; Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. — ИЗ, М., 1948, т. 25, с. 328—329.

О. В. Творогов

Древнерусские летописи и хроники

Летописец Владимирский — летопись XVI в., сохранившаяся в двух списках XVI в. (ГИМ, Синодальное собр., № 793 и собр. Черткова, № 362). Л. В. был известен историкам XVIII—начала XIX в. под названием «Летописца Кривоборского» (по имени владельца Чертковской рукописи XVII в.); однако в последующие годы он был забыт. В 30-х гг. XX в. Л. В. был вновь обнаружен М. Н. Тихомировым, отметившим его близость с летописью *Симеоновской* и доступными нам фрагментами летописи *Троицкой*. Совпадение Л. В. с этими летописями оканчивается известием 6887 (1379) г.

Дополнительными источниками Л. В. были, очевидно, летопись *Новгородская IV* и московское летописание XVI в., основанное на одном из московских великокняжеских летописных сводов; в последней части Л. В. обнаруживается совпадение (известие о причащении бывшего митрополита Зосимы в 1496 г.) с Прилуцким видом «Летописца от 72-х язык» и летописью *Тверской*. Текст Л. В. доходит до 7031 (1523) г. В разделе, посвященном XVI в., содержится ряд известий о церковном строительстве и событиях в Москве при *Василии III* и митрополите Варлааме.

Изд.: ПСРЛ, М., 1965, т. 30.

Лит.: Щербатов М. История российская от древнейших времен. СПб., 1973, т. 1, с. 243, 250—258; Карамзин. ИГР. СПб., 1892, т. 2, примеч. 153; Тихомиров М. Н. 1) Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания. — ИИЗ, М., 1942, т. 13, с. 257—262; 2) Из «Владимирского летописца». — Там же, 1945, т. 15, с. 278—300; 3) Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, с. 13—20; Муравьева Л. Л. 1) Новгородские известия Владимирского летописца. — АЕ за 1966 г., М., 1968, с. 37—40; 4) Об общерусском источнике Владимирского летописца. — В кн.: Летописи и хроники / Сб. статей 1973 г. М., 1974. с. 146—149; Лурье. Общерусские летописи, с. 25, 27—30, 35—44, 57.

А. С. Лурье

Летописец Двинской («Летописец вкратце. Списано о двинских жителях, и о наместниках, и о судиях, и воевоцких, и дьячих приездах» — заглавие краткой редакции) — памятник провинциального летописания последней четверти XVII и XVIII в., введенный в научный оборот Г. Ф. Миллером.

Погодное изложение событий в Л. Д. начинается с XIV в. (1342, 1397 гг.) и делится заголовками на три части, отражающие три этапа политической истории Поморья: борьбу за присоединение Двины к великому княжеству Московскому, правление московских наместников и, наконец, воеводское управление на Двине. Известия Л. Д. в основном оригинальны и содержат немало уникальных, неизвестных по другим источникам фактов.

Текст Л. Д. представлен тремя редакциями, сохранившимися в 15 списках XVII—XIX вв. (описания и шифры см.: ПСРЛ, т. 33). Однако нам известна далеко не вся рукописная традиция памятника: в публикациях XVIII и XIX вв. было привлечено еще 4 неизвестных ныне рукописи, а текстологическое сопоставление имеющихся списков заставляет вы-

делить не менее 12 протографичных им рукописей 1677—1694 гг. (см.: Богданов А. П. Летописные и публицистические источники по политической истории России конца XVII в. Рукопись канд. дис. М., 1983, Прил.: Городские и провинциальные летописцы конца XVII в., с. 84—91, 122—125). Первая редакция Л. Д. создавалась в 1670-х гг. местным жителем и была доведена повременными записями до 1677 г. Она представлена списком ГИМ, Музейное собр., № 1481 (ГИМ III), датированном К. Н. Сербиной 1676—1682 гг. В нем имеется немало сведений, отсутствующих в последующих редакциях, но нет характерных для позднейшей пространной редакции дополнений, а характер известий, язык и стиль изложения светские. Текст за конец 60-х и за 70-е гг. XVII в. особенно подробен и насыщен живыми деталями, убедительно показывающими, что автор был непосредственным свидетелем, очевидцем событий. Тем не менее эта редакция, существование которой предполагала К. Н. Сербина, не была выделена в литературе, а список ГИМ III был лишь в малой степени привлечен при издании 33-го тома ПСРЛ.

Вторая, краткая редакция Л. Д. является производной от ГИМ III или его протографа: ряд статей последнего был сокращен, некоторые сведения опущены, подробные летописные записи о Соловецком восстании, делавшиеся по ходу событий, сведены в повесть, нарушающую последовательность изложения. Наиболее ранний список краткой редакции (БАН, 1.4.12 — БАН I) доведен до 1682 г. и оканчивается подробными записями о событиях в столице и на Двине во время Московского восстания 1682 г., сделанными на основе личных наблюдений и поступивших в Холмогорскую воеводскую канцелярию грамот. Краткая редакция, как и первая редакция, имеет целиком светский характер. В ней не только нет еще сведений по церковной истории, но отсутствует и указание на основание холмогорской и важской архиепископии 19 марта 1681 г. Вместо этого в формулировке протографа: «в духовном чину ведают двинян новгородские митрополиты» (ПСРЛ, т. 33, с. 148) — в БАН I оставлен пробел в три строки, которого не было бы, если бы текст писался после приезда в Холмогоры архиепископа Афанасия 18 октября 1682 г. По-видимому, в Холмогорской таможене около 1686 г. был составлен сборник ГБЛ, ф. 256, № 381 (Л III), содержащий список Л. Д. краткой редакции, доведенный уже до 1685 г. До 1682 г. включительно текст наиболее близок к БАН I. Далее в нем идет самостоятельный рассказ о приезде Афанасия и разнообразных переменах в местной администрации. Список был сделан с протографа БАН I, в котором говорилось, что «и доньше ведают двинян новгородские митрополиты». Следовательно, этот протограф, доведенный до 9 июля 1682 г., был составлен летом, возможно в самом начале осени 1682 г. Списки БАН I и Л III составляют I и II разряды краткой редакции, созданной на основе первой в 1682 г. редакции по списку ГИМ III. III разряд краткой редакции представлен списком БАН V, доведенным до 1687 г. (БАН, собр. воспр., № 522). Он был создан в архиерейской канцелярии не ранее 1692 г. В отличие от БАН I и Л III повествование в нем начинается не с 1397 г., а с 1342 г., как в ГИМ III. Как и в БАН I, в нем после слов «а в духовном чину» оставлен пробел, что указывает на протограф 1682 г., отличный, однако, от БАН I и Л III. Текст БАН V оканчивается оригинальной записью о строительстве в Холмогорах. Л. Д. по III разряду краткой редакции был продолжен подробными записями о действиях местной администрации до 1691 г. в протографе списка ГБЛ, ф. 310, № 785, 1700 г. (Л I), созданном в 1691 г. Протограф относился уже к IV разряду, текст которого первоначально оканчивался записью под 8 марта 1691 г., но затем был продолжен до марта 1692 г. Копия с него была сделана в 1692 г. в архиерейском скриптории (ГПБ, Q.IV.136). По этой копии дополнения были доведены только до января 1692 г., а запись о владычестве новгородских митро-

политов еще не была исправлена, как в Л I. Без дополнений за 1692 г. текст IV разряда краткой редакции отразился, с небольшими искажениями, в позднем списке БАН, Архангельское собр., Д. 572, 1765—1776 гг.

Как видим, если в 70—80-х гг. XVII в. летописание в Холмогорах имело целиком светский характер, то с начала 90-х гг. оно переходит в ведение архиепископского дома. Здесь был создан первый вариант пространной редакции, представленный двумя списками 20-х гг. XVIII в.: ГБЛ, ф. 138, № 186 и ГИМ, собр. Барсова, № 1836 (Л II и ГИМ I). Если протограф краткой редакции Л. Д. был составлен на основе новгородской летописи, двинских летописных записей (с 7038 по 7064 г. и с 1630-х гг.), документов воеводской канцелярии (в том числе объявительных грамот) и собственных наблюдений автора, то составитель первого варианта пространной редакции в 1690-х гг. положил в основу краткую редакцию, дополнив ее известиями из общерусской летописи, холмогорского чиновника 1-й редакции (1692—1694 гг.), сказания о пришествиях на Двину Петра I, царских грамот, дневниковых записок архиепископа Афанасия за 1680—начало 1690-х гг. и собственными наблюдениями. Возможно, 1-й вариант пространной редакции явился результатом неудавшейся попытки составления в Холмогорах общерусской летописи. Содержание этого варианта характеризуется еще большей, чем в краткой редакции, промосковской ориентацией, отрицательным отношением к расколу, усилением интереса к общерусским политическим событиям и к церковной истории. Как показала К. Н. Сербина, Л II, доведенный до 1693 г., имел более ранний протограф, общий со списком ГИМ I, доведенным до 1698 г. Однако общность текстов прослеживается лишь с 1645 г. до записи от 24 июня 1693 г. (ПСРЛ, т. 33, с. 173—192). В тексте до 1694 г. включительно ГИМ I полностью сходен с поздним списком БАН, 45.13.17, который в повествовании за последующие годы передает текст 2-го варианта пространной редакции, составлявшегося, как показала та же исследовательница, в конце 40-х—начале 50-х гг. XVIII в. Списки Л. Д., хотя и не восходят непосредственно друг к другу, дают возможность полностью реконструировать основные этапы в истории текста памятника, особенно за 1670—1690-е гг.

Форма изложения в Л. Д. типична для городского и провинциального летописания конца XVII—XVIII в. После его заглавия следуют полулегендарные повести о древнейшей истории края, сменяющиеся редкими лапидарными заметками, с конца XVI—начала XVII в. переходящими в частые и подробные записи о деятельности центральной администрации, строительстве и других местных событиях. Летописные статьи за небольшими исключениями следуют строго погодно, объединяясь в краткие рассказы о мероприятиях определенных воевод или наместников. В «церковных» редакциях как Л. Д., так и других подобных сочинений прослеживается стремление к объединению погодных статей также и по периодам деятельности определенных иерархов, однако эта тенденция имеет второстепенное значение. Л. Д. представляет интерес и для более ранней истории русского летописания. Исследователи предполагают, в частности, что Л. Д. и *летопись Холмогорская* использовали один и тот же источник — общерусскую летопись, близкую к *летописи Вологодско-Пермской*.

Изд.: [Миллер Г. Ф.]. Летописец Двинской... — Опыт трудов Вольного российского собрания при имп. Московском университете. М., 1774, ч. 1, с. 113—194; [Новиков Н. И.]. Летописец Двинской... ДРВ. 2-е изд. М., 1791, ч. 18, с. 1—71; Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889; ПСРЛ, Л., 1977, т. 33.

Лит.: Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872, т. 4, с. 35; Филарет. Обзор, с. 266; Голубцов А. П. Чиновники Холмогорского и Преображенского собора. М., 1903, с. XXXII—XXXIII, примеч. 1; Лурье Я. С. 1) О неизданной Холмогорской летописи. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964, с. 454—455; 2) Холмогорская летопись. — ТОДРЛ, М.; Л.,

1970, т. 25, с. 135—149; Лимонов Ю. А. Заметки о Холмогорской летописи: (Ярославское и Двинское местное летописание). — ВИД, Л., 1970, т. 3, с. 252; Амосов А. А. Краткие заметки о Двинской летописи. — В кн.: Материалы научной студенческой конференции. Май 1970 г. М., 1970, с. 30—32; Сербина К. Н. Двинской летописец. — ВИД, Л., 1973, т. 5, с. 196—219.

А. П. Богданов, В. К. Зиборов

Летописец Еллинский и Римский (в научной литературе именуется также «Еллинский летописец»; далее: ЕЛ) — памятник хронографии. Автор и время создания неизвестны. А. А. Шахматов предполагал, что ЕЛ восходит к древнеболгарской «исторической энциклопедии» — компилятивному изложению всемирной истории, составленному в эпоху царя Симеона (X в.). К этой «энциклопедии», как считал исследователь, независимо одна от другой восходят обе известные ныне редакции ЕЛ. Эта точка зрения была опровергнута В. М. Истриным, установившим зависимость второй редакции ЕЛ от первой и датировавшим первую на основании косвенных данных временем до середины XIII в. В настоящее время представляется, что и первая и вторая редакции ЕЛ восходят к общему архетипу — к не дошедшей до нас Архетипной редакции, состав которой лучше всего сохранился в первой редакции ЕЛ. В Архетипной редакции на основе *Хроники Георгия Амартола*, *Хроники Иоанна Малалы* и *Александрии хронографической* первой редакции излагалась всемирная история от царствования Навуходносора до царствования византийского императора Романа Лакапина (середина X в.). Что же касается вводной части ЕЛ первой редакции, в которой повествуется о древнейшей истории — от сотворения мира до падения Израильского и Иудейского царств и в которой большое место занимает пересказ античных мифов, то принадлежность ее Архетипной редакции спорна: возможно, что эта вводная часть появилась лишь в ЕЛ второй редакции, откуда впоследствии перешла в состав ЕЛ первой редакции.

Первая редакция ЕЛ сохранила заголовок памятника: «Летописец еллинский и римский». Она дошла до нас в четырех списках: ГИМ, Синодальное собр., № 280; ГИМ, собр. Уварова, № 10/1334; ГПБ, собр. Погодина, № 1437 (только первая половина текста) и БАН, 45.10.6 — три фрагмента из памятника. Список БАН — конца XV в., остальные списки — XVI в.

Вторая редакция ЕЛ была составлена, видимо, в XV в., не позднее 1453 г. В основу ее был положен также текст Архетипной редакции, существенно дополненный по *Хронографу по великому изложению*. Кроме того, текст Александрии был заменен текстом другой, расширенной редакции памятника. Во вторую редакцию ЕЛ вошел полный текст Книги пророка Даниила с толкованиями Ипполита, почти полный текст Жития Константина и Елены, рассказ о взятии Иерусалима Титом, Сказание о построении храма Софии в Константинополе, два сказания о посмертном прощении императора-иконоборца Феофила, фрагменты из Жития Богородицы Епифания Кипрского и ряд извлечений из других памятников. Основной компонент Архетипной редакции ЕЛ — текст *Хроники Георгия Амартола* — напротив, был сокращен: опущены фрагменты, содержащие богословские и мировоззренческие рассуждения. В заключительной части редакции читаются русское летописное сказание о взятии Царьграда фрягами (см. *Повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г.*) и небольшие извлечения из летописей (о походах на Византию Олега и Игоря). Завершается редакция кратким перечнем византийских императоров, доведенным до Мануила Палеолога (вступил на престол в 1391 г.).

Вторая редакция ЕЛ является значительным этапом в развитии древнерусской хронографии. В результате серьезной редакторской переработки текста Архетипной редакции памятник стал более сюжетным, зна-

чительно увеличился объем исторических сведений, в нем содержащихся. Текст был разбит на небольшие статьи, выделенные киноарными заголовками, что сделало памятник более наглядным, помогало ориентации в его тексте. Известны две разновидности редакции — Академический и Чудовский виды. Различие их в следующем. В списках Академического вида отсутствует вводная часть и изменен порядок статей в разделе, содержащем Видения пророка Даниила. Академический вид представлен списками: 1) ГБЛ, собр. Пискарева, № 162 (переписан в 1485 г. Иваном Черным); 2) БАН, 33.8.13, послуживший оригиналом для Пискаревского списка (список БАН неполный — отсутствует начало текста); 3) ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 1/6, продолженный в рукописи ГИМ, Синопальное собр., № 86; 4) ГБЛ, собр. Егорова, № 867 (копия Пискаревского списка); 5) ГПБ, Софийское собр., № 1520 (фрагмент ЕЛ от Александрии до статьи об императоре Тите). Кроме того, к спискам этого вида восходит список ГБЛ, собр. Ундольского, № 720 — фрагмент текста с многочисленными индивидуальными чтениями.

Чудовский вид представлен четырьмя списками. Лучшие из них — Архангельский (БАН, Архангельское собр., С 18) и Чудовский (ГИМ, Чудовское собр., № 51/353); списки ГПБ, собр. ОЛДП, F.33 и F.IV.91 (Толстовский) дефектны (отсутствует много листов). Можно предполагать, что Архангельский список отражает архетип вида. Затем текст подвергся некоторому сокращению: был исключен ряд статей, главным образом богословского содержания, — этот этап истории текста отражает Чудовский список; списки ОЛДП и Толстовский близки между собой и отражают следующий, относительно Чудовского списка, этап истории текста.

Вторая редакция ЕЛ была широко использована при создании различных редакций *Хронографа Русского* — редакции 1512 г., Западнорусской, Пространного хронографа, редакции 1617 г., а также при составлении второго (БАН, 17.17.9) и третьего (ГПБ, Основное собр., F.IV.151) томов Лицевого свода (см.: Творогов О. В. О составе и источниках хронографических статей Лицевого свода. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 353—364). С ЕЛ сходны по составу и источникам другие хронографические компиляции — *хронографы Архивский, Виленский, Софийский, Тихонравовский и Троицкий*.

Попытка издания ЕЛ была предпринята в начале нашего века К. К. Истоминым. Издание не было завершено; корректуры первой части памятника (до времени римского императора Аврелиана) хранятся в ИРЛИ АН СССР и ЛОИИ АН СССР. Незначительные фрагменты из обеих редакций памятника публиковались А. Н. Поповым, В. М. Истриным (в его изданиях *Хроники Иоанна Малалы* и *Хроники Георгия Амартола*).

Лит.: Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866, вып. 1, с. 1—95; Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым... изданные под ред. М. Н. Сперанского: Хронографы Московского Чудова монастыря. — ЧОИДР, 1889, кн. 3, с. 1—72; Шахматов А. А. Древнеболгарская энциклопедия X века. — ВВ, СПб., 1900, т. 7, вып. 1—2, с. 1—35; Вилинский С. Сказание о Софии Царегородской в Еллинском летописце и в Хронографе. — ИОРЯС, СПб., 1903, т. 8, кн. 3, с. 1—43; Истрин В. М. 1) Один только перевод Псевдокаллистана, а древнеболгарская энциклопедия X века — мнимая. — ВВ, СПб., 1903, т. 10, вып. 1—2, с. 23, 26—30; 2) К вопросу о взаимоотношении Еллинских летописцев и Архивского (Иудейского) хронографа. — ИОРЯС, СПб., 1912, т. 16, кн. 4, с. 125—142; Лихачев Д. С. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в. — ТОДРЛ, М.; Л., 1948, т. 6, с. 100—110; Клосс В. М. 1) К вопросу о происхождении Еллинского летописца второго вида. — ТОДРЛ, Л., 1972, т. 27, с. 370—379; 2) Книги, редактированные и писанные Иваном Черным. — Записи Отдела рукописей ГБЛ, М., 1971, вып. 32, с. 61—72; Творогов О. В. 1) К изучению древнерусских хронографических сводов: (I. Редакции Еллинского летописца. II. О происхождении Хронографа западнорусской редакции). — ТОДРЛ, Л., 1972, т. 27, с. 380—393; 2) Древнерусские хронографы. Л., 1975, гл. 1 и 5.

О. В. Творогов

«Летописец начала царства» (в рукописной традиции: «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси») — официальная летопись, излагающая события 1533—1552 гг. Л. н. ц., основанный на документальных материалах, подробно освещает вопросы внутренней и внешней политики, городское строительство, дворцовые церемонии, содержит хронику военных операций. Л. н. ц. составлен в связи с победой над Казанским ханством и заканчивался описанием праздничных торжеств.

В последующие годы Л. н. ц. неоднократно редактировался. Редакция, доведенная до 1556 г., вошла в состав *летописи Никоновской*. По сравнению с первоначальным текстом здесь были сделаны вставки, возмечавшие правителя *А. Ф. Адашева* (который признается составителем и первой редакции), усилена критика в адрес своевольного боярства. Редакция 1556 г. впоследствии пополнилась статьями 1556—1558 гг., куда были включены и проекты двух адашевских реформ. Известна еще редакция Л. н. ц., доводившая изложение до 1560 г. (в этом году Адашев подвергся опале и вскоре скончался). Летописные записи последующего времени заносились в черновые тетради, хранившиеся в Царском архиве. В 1568 г., согласно Описи Царского архива, «Летописец» (т. е. Л. н. ц. редакции 1560 г.) и «тетрати» с записями за 1560—1568 гг. были пересланы в Александровскую слободу, где в это время находилась царская резиденция, и были подвергнуты обработке в связи с использованием в *летописном своде Лицево*. Несколько ранее (в середине 60-х гг. XVI в.) Л. н. ц. редакции 1560 г. был включен в состав *Свода 1560 г.*, который в свою очередь отразился в *летописи Львовской*. После 1568 г., в связи с опричным террором и общегосударственными потрясениями, официальное летописание надолго прекращается и восстанавливается (в несколько иных формах) только к концу XVI—началу XVII в.

Изд.: ПСРЛ, М., 1965, т. 29.

Лит.: Шахматов. Разбор сочинения Тихомирова, с. 175—176; Лавров Н. Ф. Заметки о Никоновской летописи. — ЛЗАК, 1927, вып. 1 (34), с. 77—90; Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 29—41; Клосс. Никоновский свод, с. 195—196.

Б. М. Клосс

Летописец Новый («Книга глаголемая Новый летописец») — летописец, охватывающий время с конца царствования *Ивана IV* до 1630 г. Название памятника объясняется по-разному. Его считают новым произведением по сравнению с «Историей» *Авраамия Палицына* (Л. В. Черепнин), «Степенной книгой» (И. А. Жарков), Повестью 1626 г., приписываемой *И. М. Катыреву-Ростовскому* или *С. И. Шаховскому* (см.: Солодкин Я. Г. По поводу неизвестной «Истории Иова-Иосифа о разорении Русском»: (Заметки о летописании). — ТОДРЛ, Л., 1979, т. 33, с. 439), либо сочинением, целью которого являлось изложение современной истории, продолжение, а не повторение старых летописей (см.: Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в.: (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973, с. 78).

Л. Н. относится к крупнейшим памятникам позднего русского летописания. Он является популярнейшим летописным произведением XVII в., сохранившимся во множестве списков. Вопрос о ранних редакциях Л. Н. не решен. Новейшие исследователи, однако, сходятся в том, что в изданиях памятника не представлена его первоначальная редакция. Согласно И. А. Жаркову, к протографу Л. Н. восходит список ЦГАОР, ф. 728, оп. 1, ч. 1, № 21. Есть мнение, что ранняя редакция произведения содержится в рукописях БАН, Архангельское собр., Д.410 и Д.412 (см.: Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977, с. 139). Л. Н.

вскоре после своего возникновения был соединен с Повестью патриарха *Иова* о Федоре Ивановиче и летописью *Никоновской*. Возможно, это произошло около 1637 г. в «книгописной палате» Троице-Сергиева монастыря. Поздние редакции памятника — «Летопись о многих мятежах» (около 1658 г.) и Л. Н. по списку М. А. Оболенского (не ранее 1682 г.) — независимо друг от друга восходят к авторскому тексту.

Л. Н. был завершен после рождения царевны Анны Михайловны 14 июля 1630 г. (об этом сообщается в его заключительной главе), но до 1 сентября этого же года, так как в произведении указано, что войны в Германии продолжаются «по 138 год, а впредь об них богу сведущу». Работа же по созданию Л. Н. началась в 20-е гг. XVII в. (С. Ф. Платонов), возможно, вскоре после описи архива Посольского приказа в 1626 г. (Л. В. Черепнин). И. А. Жарков высказал догадку, что некоторые главы Л. Н. появились еще до 1613 и 1616 гг., однако это вызывает серьезные сомнения. По словам С. Ф. Платонова, Л. Н. «был обработан с начала до конца в патриаршество Филарета, около 1630 года, и притом одним лицом». Большинство исследователей разделяет предположение С. Ф. Платонова о том, что Л. Н. составлялся в окружении *Филарета* близким к нему священником или монахом. По заключению Л. В. Черепнина, источники Л. Н. подбирались служащими Посольского приказа, а литературная обработка этих материалов (в частности, выписок из архивного делопроизводства) была поручена кому-нибудь из близких к патриарху лиц, причем текст памятника получил санкцию самого Филарета, по инициативе и под наблюдением которого он составлялся. Согласно И. И. Смирнову, Л. Н. писался московскими дьяками. И. А. Жарков предполагал участие в создании летописца патриаршего стольника С. Н. Болховского. Не исключена причастность к составлению Л. Н. известного троцкого «списателя» *Симона Азарьина*, бывшего с августа 1630 г. казначеем Филарета. Возможно, оригинальные известия летописца, относящиеся к Троице-Сергиеву монастырю, получены его автором от Азарьина. Ссылаясь на неблагоприятные отзывы летописца о зяте Филарета И. М. Катыреве-Ростовском и патриаршем боярине А. В. Хилкове и на отсутствие упоминаний о Л. Н. в описях книг Филарета и *Михаила Федоровича*, И. А. Жарков оспаривает тезис о составлении памятника на патриаршем дворе. Поскольку в описях патриаршей и царской библиотек имеются указания на летописцы, хотя порой без пояснений, один из аргументов И. А. Жаркова представляется сомнительным. Обнаруживаемые в Л. Н. антипатии к И. М. Катыреву-Ростовскому и А. В. Хилкову, думается, свидетельствуют скорее не о возникновении памятника вне патриаршего двора, а о том, что он не получил санкции Филарета. В этой связи отметим, что, согласно Л. Н., обороной Троице-Сергиева монастыря в 1618 г. руководили архимандрит *Дионисий* и келарь Палицын. Это сообщение неточно: Дионисия тогда не было в «Троице», по обвинению в еретичестве он томился в Новоспасском монастыре. Дело Дионисия решилось в его пользу сразу после поставления Филарета на патриаршество, и, разумеется, Филарет едва ли бы оставил без внимания эту ошибку, если бы редактировал Л. Н. К тому же дьяк С. Васильев, к которому особо благоволил Филарет, осуждается летописцем за поведение в «смоленском» посольстве 1610 г. Возможно, автор Л. Н. был близок к царскому двору (см.: Любимиров П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939, с. 230) и вращался в патриаршей среде. Несомненно, что Л. Н. возник по официальному поручению, но от кого оно исходило, пока решить нельзя.

Источники Л. Н. многочисленны и разнообразны. Его сходство с «Грамотой утвержденной» 1613 г. простирается до текстуальных совпадений. В Л. Н. использованы грамота боярского правительства польскому королю Сигизмунду III от 10 марта 1613 г., посланная с гонцом Д. Оладыным, и наказ послу И. М. Воротыньскому, отправленному

в 1615 г. на переговоры под Смоленск. Эти документы помогли летописцу нарисовать впечатляющую картину польско-литовской интервенции начала XVII в. По Л. В. Черепнину, автор Л. Н. знал материалы политического сыска кануна Смуты, а также дипломатические документы этого времени (вряд ли, однако, эти дела прошли через руки летописца; скорее он пользовался справками приказных, тем более что в описи посольского архива материалы сысканого делопроизводства названы ветхими, погнившими, «разбитыми» и «распавшимися»). Л. Н. свидетельствует о знакомстве его автора с документами времени Лжедмитрия I и Василия Шуйского, в частности с окружающими грамотами царя Василия и его крестоцеловальной записью. По мнению М. Н. Покровского, летописец пользовался патриаршими грамотами 1606 г., посвященными восстанию на южных «украинах». По мысли Л. В. Черепнина, впрочем недостаточно обоснованной, автор Л. Н. имел доступ к архивам «Семибоярщины» и обоих ополчений. Безусловно, летописцу были хорошо известны фонды приказных архивов, в частности Посольского и Разрядного приказов (автор Л. Н. часто обращается к «разрядам»). Сопоставление Л. Н. с Повестью о Федоре Ивановиче обнаруживает ряд параллелей, что позволяет Л. В. Черепнину считать произведение Иова источником летописца 1630 г. (отметим, однако, что в Л. Н. говорится о явлении Федору Ивановичу перед смертью двух ангелов, а первый русский патриарх общал об одном). Летописец знал и Повесть о нижегородском видении 1611 г. (см. *Григорий*). Л. В. Черепнин показал также, что в Л. Н. использована и «История» Авраамия Палицына (правда, его аргументация далеко не полна). Созданию Л. Н. предшествовало появление «летописной книги» («Повести») 1626 г. и, видимо, «Рукописи Филарета», которые, наверное, учитывались его автором. Согласно В. Д. Назарову и И. А. Жаркову, в описании событий конца XVI в. он использовал и какое-то летописное произведение (по И. А. Жаркову, оно возникло в кругу Мстиславских в первые годы XVII в.). В. И. Корецкий стремится доказать, что основным летописным источником Л. Н. в части до 1613 г. являлась известная В. Н. Татищеву, но позже утраченная «История» монаха Иосифа «о разорении русском». Доводы В. И. Корецкого вызвали справедливые возражения со стороны В. Д. Назарова, которому представляется, что относительно времени Лжедмитрия I никаких летописных произведений автор Л. Н. не имел. Однако трудно согласиться с выводом В. Д. Назарова о том, что в распоряжении летописца было «*Иное сказание*», и с его предположением о знакомстве автора Л. Н. с «Временником» *Ивана Тимофеева* (не исключено, однако, что Тимофеев привлекался к работе по созданию летописца — например, использовались его воспоминания о бегстве М. В. Скопина-Шуйского из Новгорода в 1608 г.). Автор Л. Н. знал старые летописи. В его произведении прослеживается влияние *Хронографа Русского* первой редакции и «Степенной книги», продолжением которой, судя по названию, являлся Никоновский извод Л. Н. Летописец воспользовался и собственными воспоминаниями, например об освобождении Москвы в 1612 г., а также рассказами очевидцев, в частности чудовских старцев, о первом Самозванце.

Л. Н. состоит из оглавления («Сказания главам Нового Летописца») и 422 глав. Автор начинает свое повествование с описания присоединения Сибири и «Казанской войны» в последние годы царствования Грозного. До февраля 1599 г. встречаем трафаретную погодную форму изложения, а последующая часть Л. Н. характеризуется почти полным отсутствием точных дат и соответствующего членения текста. Возможно, это связано с характером источников Л. Н. Той же причиной можно объяснить нередкие фактографические противоречия памятника и двойственность его литературной манеры, замеченные уже С. Ф. Платоновым. Так, лаконичные, деловито-сухие статьи справочного характера, касающиеся приемов послов, строительства, царских походов по монастырям и т. п., сосед-

ствуют в Л. Н. с целыми литературными очерками, сближающимися с самостоятельными произведениями (например, о гибели царевича Дмитрия в Угличе, посылке под Брянск воеводы И. С. Куракина, «принесении срачицы господни»; последняя глава явно основана на сказании о «ризе христовой»). Едва ли при этом вслед за М. Н. Покровским следует рассматривать Л. Н. как компилятивное сочинение. Л. Н. свойственна сюжетная повествовательность, его автор зачастую группирует факты, исходя не из хронологической последовательности, а их внутренней связи, тематического единства. Вместе с тем нельзя согласиться с мнением некоторых исследователей, будто Л. Н. по жанру является исторической повестью (см.: Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941, с. 36—37; Шерман И. Л. Русские исторические источники X—XVIII вв. Харьков, 1959, с. 146). Традиционную для летописцев погодную сетку изложения находим не только в начале Л. Н., но и в его последней части, рассказывающей о царствовании Михаила Федоровича. Автор повествует о событиях в нарочито спокойном тоне, что не скрывает, однако, его политический симпатий (см.: Пичета В. И. Смута и ее отражение в трудах историков. — Голос минувшего, 1913, № 2, с. 10). Обоснование прав Романовых на престол было одной из главных задач Л. Н. Исходя из своей теории самодержавия, летописец вслед за публицистами Смутного времени развивает тезис об ответственности общества, прежде всего «начальных людей», за преступления незаконных государей. Так, он обличает знать в потворстве Самозванцу. Автор Л. Н. подходит к оценке событий с позиций провиденциализма, но подчас пытается рассмотреть их и прагматически. По наблюдению В. Д. Назарова, безыскусность стиля — элемент его концепции. Но порой он пишет не без эмоционального подъема и поэтому применяет рифмованную прозу, в том числе корневые рифмы и рифмоды.

Л. Н. оказал громадное влияние на позднейшую историографию. Ряд его статей был перенесен в летописную часть «Иного сказания». Л. Н. лег в основу *летописного свода 1652 г.*, Мазуринского летописца и *летописи Новгородской Забелинской* конца XVII в. Он использован в *Повести о разорении Московского государства*, официальной «Книге об избрании на царство» Михаила Федоровича, патриаршем своде 1670-х гг. Заимствования из Л. Н. встречаются в бесчисленных летописных, хронографических и повествовательных компиляциях XVII—XVIII вв. Сомнительно, однако, что Л. Н. был известен Тимофееву (И. И. Полосин) и составителю *летописца Пискаревского* (И. И. Смирнов). Существуют многочисленные продолжения Л. Н., его поздние переработки, подчас интересные дополнительными сведениями (см., например: Малышев В. И. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома. — РЛ, 1973, № 2, с. 200).

Изд.: Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1792, ч. 8; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича / Издан по списку князя Оболенского. М., 1853; ВОИДР, М., 1853, кн. 17. Материалы; ПСРЛ, СПб., 1910, т. 14, с. 23—154 (фототипическое воспроизведение: М., 1965, с. 23—154).

Лит.: Платонов. Древнерусские сказания. 2-е изд. СПб., 1913; Замятин Г. А. Новый летописец о сношениях между Ярославлем и Новгородом в 1612 г. — ЖМНП, 1914, март, отд. 2, с. 63—87; Черепиня Л. В. 1) «Смута» и историография XVII века: (Из истории древнерусского летописания). — ИЗ, М., 1945, т. 14, с. 81—128; 2) Русская историография до XIX века: Курс лекций. М., 1957; Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606—1607. М., 1951; Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959; Жарков И. А. 1) Продолжение Нового летописца. — В кн.: Тезисы докладов на совещании молодых специалистов «Вопросы изучения средневекового славянского и греческого рукописного наследия в советских собраниях (текстология, палеография, кодикология, источниковедение и др.)». Л., 1967, с. 19; 2) «Новый летописец». — В кн.: Тезисы докладов научной конференции молодых ученых МГУ. М., 1968, с. 269—270; 3) «Новый летописец» по списку М. А. Оболенского. — В кн.: Летопись и хроники: Сб. статей. 1973 г. М., 1974, с. 293—298; 4) «Новый летописец» как памятник литературы. — В кн.: Древнерусская книжность: Резюме докладов на конференции молодых спе-

диалистов. Июнь 1975 г. Л., 1975, с. 18—19; Корецкий В. И. 1) «История Иосифа о разорении русском» — летописный источник В. Н. Татищева. — ВИД, Л., 1973, вып. 5, с. 251—285; 2) Об основном летописном источнике Временника Ивана Тимофеева. — В кн.: Летописи и хроники: Сб. статей. 1976 г. М., 1976, с. 113—141; Назаров В. Д. «Новый летописец» как источник по истории царствования Лжедмитрия I. — В кн.: Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г. М., 1974, с. 299—311; К л о с с. Никоновский свод, с. 273—274.

Я. Г. Солодкин

«Летописец от 72-х язык» — летописная компиляция конца XV — начала XVI в., состоящая из двух основных частей: первой, доведенной до 6926 (1418) г. и сходной с летописью *Ермолинской*, и второй, доходящей до 6985 (1477) г. и близкой в общих чертах с летописями *Никаноровской*, *Вологодско-Пермской* и летописным сводом *Московским великокняжеским 1479 г.* Окончание Л. 72-х яз. различается в трех его основных видах — Лихачевском, Прилуцком и Уваровском. В Лихачевском виде после 6985 г. следует текст, близкий к Московскому своду конца XV в.; в Прилуцком виде — текст, сходный с летописью *Типографской* (Синодальной редакции) и доведенный до 7005 (1497) г.; в Уваровском виде до 6991 (1483) г. — текст, сходный с Прилуцким видом и *Типографской* (Синодальной) летописью, а с 6991 г. — текст, сходный с летописями *Софийской II* и *Львовской*.

В науке наиболее рано стал известен Уваровский вид Л. 72-х яз. (Уваровская летопись) — текст памятника был сопоставлен с Ермолинской летописью, а отрывок из него напечатан в приложении к изданию этой летописи. А. Н. Насонов открыл Прилуцкий вид Л. 72-х яз., назвав его летописным сводом 1497 г., и обнаружил его близость к Уваровскому. Прилуцкий и Уваровский виды Л. 72-х яз. были полностью опубликованы в 1963 г. под названием «Летописные своды 1497 и 1518 г.». Уже после этого издания В. Ф. Покровская открыла Лихачевский вид Л. 72-х яз. В большинстве списков памятник имеет название «Летописец русский от семидесят и дву язык», и это название следует, очевидно, закрепить за ним в научной традиции.

Наиболее оригинальной является, несомненно, вторая часть Л. 72-х яз., содержащая фрагмент великокняжеского летописания за 6925—6985 (1417—1477) гг. Текст этого фрагмента позволяет предполагать, что он восходит к великокняжеской летописи, предшествовавшей Московскому своду 1479 г.: в нем нет вторичных вставок свода 1479 г. — странного рассказа о Флорентийском соборе 1439 г. и известия о том, что новгородцы в 1477 г. сами назвали *Ивана III* «государем». Видеть в первой части Л. 72-х яз. именно редакцию 1477 г. великокняжеского свода позволяет также перечень князей, помещенный непосредственно после фрагмента в одном из видов Л. 72-х яз. (Прилуцком): здесь упомянут старший сын *Ивана III*, но еще не упоминается второй сын *Василий III*, родившийся в 1479 г.

В Лихачевском виде Л. 72-х яз. основной текст дополнен окончанием из великокняжеского свода в редакции второй половины 90-х гг. XV в. (но обрывающимся на 6996 (1488) г.). В Прилуцком виде окончание заимствовано из свода 1497 г., близкого к *Типографской* (Синодальной) летописи; конец летописи близок здесь к великокняжескому летописанию, но содержит оригинальные известия о поставлении ростовского архиепископа *Тихона* в 1489 г. и о покаянии *Ивана III* перед иерархами в 1497—1498 гг. в связи с убийством его брата *Андрея Углицкого*; известия эти, возможно, восходят к ростовской редакции великокняжеского свода конца XV в. В окончании Уваровского вида отразился тот же свод 1497 г., что и в Прилуцком виде, и, в дополнение к нему, великокняжеский свод в редакции 1518 г.

Изд.: ПСРЛ, М.; Л., 1963, т. 28 (Ср.: ПСРЛ, СПб., 1910, т. 23, с. 163—188 — начальные статьи и окончание Уваровского списка).

Лит.: Шахматов. Обзорение, с. 117—150; Насонов А. Н. 1) Материалы и исследования по истории русского летописания. — ПИ, М., 1958, вып. 6, с. 252—255; 2) История летописания, с. 374—378; Сербина К. Н. 1) Из истории русского летописания конца XV в. — ПИ, М., 1963, вып. 11, с. 391—428; 2) Летописный свод 1518 г. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963, с. 587—608; Лурье Я. С. 1) Новые памятники русского летописания XV в. (к выходу в свет тт. XXVII и XXVIII ПСРЛ). — История СССР, 1964, № 6, с. 126—127; 2) Общерусские летописи, с. 139—141, 174—177, 221—223, 257—258; Покровская В. Ф. Летописный свод 1488 г. из собрания Н. П. Лихачева. — В кн.: Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1974 г. М., 1975, с. 28—32; Назаров В. Д. Конец золотоордынского ига. — ВИ, 1980, № 10, с. 111—117.

Я. С. Лурье

Летописец Переяславля Суздальского (в рукописи: «Летописец русских царей») — летописный текст, обнаруженный М. А. Оболенским в сборнике конца XV в. из собр. ЦГАДА, ф. Моск. главного архива иностр. дел, № 279/658 (прежний шифр: № 902/1468). Оболенский полагал, что Л. П. С., как и предшествующая ему часть сборника, восходит к оригиналу — рукописи 1261—1262 гг. Однако, как заметил А. А. Шахматов, есть все основания рассматривать текст Л. П. С. и предшествующий ему текст «*Летописца вскоре патриарха Никифора*» как добавление, сделанное составителем Архивского сборника после текста, который принято называть *Хронографом Архивским*.

Л. П. С. содержит текст *Повести временных лет*, а затем статьи 1137, 1143 гг. и изложение событий 1138—1214 гг., сходное с *Летописью Радзивилловской*. В другом списке Л. П. С., из собрания Н. П. Никифорова (ныне БАН, 45.11.16, XV в.), летописный текст обрывается на статье 907 г. По гипотезе А. А. Шахматова, оба списка восходят к летописно-хронографической компиляции XIV—XV вв. — «Временнику великих царств», которую исследователь отождествлял с гипотетическим «Владимирским полихроном». В состав этой компиляции входили: изложение всемирной истории, Киевская летопись (Киевский Выдубицкий свод?) и Переяславская летопись (известия 1102, 1111, 1138—1214 гг.), в свою очередь восходящая к Владимирскому летописному своду начала XIII в.

Изд.: Летописец русских царей. — В кн.: Оболенский М. А. Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. М., 1836, с. 161—172; Летописец Переяславля Суздальского / Издан М. А. Оболенским. — ВОИДР, 1851, кн. 9, отд. 2 (отд. изд.: Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214—1219 гг.) / Издан М. Оболенским. М., 1851); Русские летописцы. I—III / По рукописи, принадлежащей Н. П. Никифорову. С предисл. Сергея Белокурова. — ЧОИДР, 1898, кн. 4, с. V—IX, 7—17.

Лит.: Лавровский П. А. Замечательные слова из Переяславской летописи. — ИпоРЯС, СПб., 1854, т. 3. Прибавления, с. 126—128; Поленов Д. В. Обзорение летописца Переяславского. — Учен. зап. Второго отд-ния имп. Акад. наук, СПб., 1854, кн. 1, отд. 3, с. 59—98; Карский Е. Ф. К истории звуков и форм белорусской речи. — РФВ, 1892, № 4, с. 182—225 (о языке Летописца); Бережков М. Н. Еще несколько слов о Летописце Переяславско-Суздальском. — В кн.: Сборник Историко-филологического общества при Институте кн. Безбородко в Нежине. Нежин, 1900, т. 3, отд. 3, с. 59—86; Шахматов А. А. Обзорение, с. 44—68, 119—127, 304, 305; Приселков. История летописания, с. 58, 60.

О. В. Творогов

Летописец Рогожский — летопись первой половины XV в. Единственный список Л. Р. середины XV в. (ГБЛ, Рогожское собр., ф. 247, № 253) был открыт в начале XX в. Н. П. Лихачевым. Л. Р. состоит из нескольких частей. Вплоть до 6796 (1288) г. текст его представляет довольно краткую компиляцию, основанную на двух источниках — на суздальском летописце, доведенном до последней четверти XIII в., и кратких выдержках из *летописи Новгородской IV*. Во второй части Л. Р., за 6796—6835 (1288—1327) гг., помещен текст тверского летописания, сходный с соответствующим текстом *летописи Тверской XVI* в. Следующая часть Л. Р.,

за 6836—6882 (1328—1374) гг., представляет собой систематическое соединение двух источников — тверского, сходного с Тверской летописью, и общерусского, сходного с летописью Симеоновской и восходящего, очевидно, к тексту, близкому к летописи Троицкой. С 6883 (1375) г. следы тверского источника Л. Р. прерываются, и Л. Р. становится почти идентичным с Симеоновской летописью; как и в Симеоновской, текст этот с начала 90-х гг. расходится с текстом Троицкой (судя по цитатам Карамзина). М. Д. Приселков предпологал, что в основе Л. Р. (и соответствующей части Симеоновской) лежит свод 1408 г. (протограф Троицкой) в редакции 1412 г., составленной в Твери. Поскольку, однако, буквальные совпадения Л. Р. с Троицкой доходят лишь до начала 90-х гг., не исключена возможность, что в основе Л. Р., как и Симеоновской летописи, лежала не Троицкая летопись, а ее протограф конца XIV в. В пользу тверского происхождения этой редакции говорят тверские известия 1410—1412 гг. и *Повесть о нашествии Едигея* в 1408 г., где специально отмечается судьба тверских земель во время нашествия; составителем рассказа о нашествии Едигея в 1408 г. был, по предположению М. Д. Приселкова, автор-москвич, недовольный политикой *Василия I* и бежавший в Тверь. Уже при редактировании Л. Р. к тексту редакции 1412 г. были добавлены чисто тверские известия за 1288—1375 гг. из тверского летописания.

Ценность Л. Р. в значительной степени определяется ранней датировкой его единственной рукописи. Хотя Л. Р. был составлен, очевидно, не ранее 50-х гг. XV в. (время пребывания Дмитрия Шемяки в Новгороде), список его был, очевидно, немногим позднее этих годов. В ряде случаев текст Л. Р. передает текст Троицкой точнее, чем Симеоновская летопись.

Изд.: ПСРЛ, Пг., 1922, т. 15, вып. 1 (фототипическое воспроизведение: М., 1965).

Лит.: Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества. — Известия АН СССР. VII серия, Л., 1930, № 9, с. 724—738; Шахматов. Обзорение, с. 311—321; Приселков. История летописания, с. 115—118; Лихачев. Русские летописи, с. 458—459; Прохоров Г. М. Центральнорусское летописание второй половины XIV в.: (Анализ Рогожского летописца и общие соображения). — ВИД, Л., 1978, т. 10, с. 159—181; Лурье Я. С. 1) Общерусские летописи, с. 36—42, 49—55, 88—91; 2) О московском летописании конца XIV в. — ВИД, Л., 1979, т. 11, с. 3—19.

Я. С. Лурье

Летописец 1619—1691 гг. — летописный памятник, созданный в патриаршем летописном скриптории. Сохранился в пространной и краткой редакциях. Первая из них возникла в конце 1690—начале 1691 г. и кончалась статьей о возведении на патриархию *Адриана*. Она служила продолжением составленного ранее *летописного свода патриаршего 1680-х гг.* и известна в беломом списке ГПБ, Соловецкого собр., № 878/988, л. 692—736 об., сделанном в скриптории в конце 1691—начале 1692 г. и дополненным краткими заметками до 3 октября 1691 г. Список был написан на остатках бумаги, большие партии которой использовались примерно в то же время в других рукописях скриптория; тетрадь такой бумаги имеется в авторском сборнике *Боголепа Адамова*, в статье, написанной около 1692 г. Краткая редакция Свода 1680-х гг. и Л. 1619—1691 гг., созданная на основе протографа Соловецкого списка между 1696 и 1700 гг., дошла в беломом списке первой четверти XVIII в. (ГБЛ, ф. 199, собр. Никифорова, № 69, л. 96 об.—106). Она представляет собой тщательно произведенную обработку более пространного текста (немного сокращенного в Соловецком списке), направленную не только на сокращение памятника, но и на придание ему большей литературной стройности и публицистической остроты. Обе редакции, различаясь по полноте и характеру изложения, литературным приемам и т. п., представляют собой законченные произведения чудовских книжников. Патриарших

летописцев отличают ясность изложения, использование большого количества уникальных источников, широкая осведомленность и тонкая наблюдательность.

Рассказ об основных событиях политической и церковной истории России XVII в. ведется в Л. 1619—1691 гг. с позиций московского правительства. В повествовании использовано три группы источников. Прежде всего это церковно-исторические, синодичные и «богомольные» записи о событиях, которые велись в Чудовском монастыре и патриарших приказах. Основанные на них заметки отличаются большой точностью и весьма подробно датированы. Примерно с конца 1650-х гг. автор все чаще вел рассказ по памяти, особенно повествуя о широко известных событиях; это приводило к фактическим ошибкам (например, смещены даты «Медного бунта» и отмены медных денег), но вместе с тем обогатило сочинение живыми наблюдениями современника и очевидца. Наконец, в тексте имеются следы использования повременных летописных записей (наподобие *Записей поденных очевидца Московского восстания 1682 г.*). Такие записи положены в основу летописной повести о Московском восстании 1682 г., занимающей почти две трети Л. 1619—1691 гг. Полнота и точность использованных в записях наблюдений делают Л. 1619—1691 гг. наиболее значительным летописным источником о крупнейшем городском восстании XVII в., наряду с произведениями *Сильвестра Медведова* и *Исидора Сназина*. Цитированные дословно записи были дополнены авторским текстом, связавшим их в повесть и придавшим памятнику конкретную политическую направленность. Литературная обработка летописных записей и документальных материалов в повести была весьма характерна для произведений конца XVII в. — такими повестями завершается большинство известных нам летописей. Однако лишь немногие сочинения позволяют проследживать процесс этой обработки, представляя исследователю лишь ее результат. Л. 1619—1691 гг. наряду с *Летописцем Двинским* составляет исключение из этого правила, поскольку использованные в нем записи легко выделяются. Л. 1619—1691 гг. является одним из наиболее интересных как по форме, так и по содержанию памятников общерусского патриаршего летописания.

Изд.: Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв. М., 1962, с. 471, 509—513 (повесть о восстании 1682 г. в пространной редакции); Буганов В. И. Повесть о Московском восстании 1682 г. — В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем: Сб. статей. М., 1967, с. 317—354 (пространная редакция); ПСРЛ, М., 1968, т. 31, с. 180—205 (пространная редакция); Богданов А. П. Редакция Летописца 1619—1691 гг. — В кн.: Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей. М., 1982, с. 124—151 (краткая редакция).

Лит.: Буганов В. И., Кучкин В. А. Новые материалы о московских восстаниях XVII в. — ИА, 1961, № 1, с. 151—153; Буганов В. И. 1) Летописные известия о Московском восстании 1682 г. — В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 311—312, 315—317; 2) Московские восстания конца XVII века. М., 1967, с. 29—31 и сл.; Богданов А. П. Начало Московского восстания 1682 г. в современных летописных сочинениях. — В кн.: Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984, с. 131—146.

А. П. Богданов

Летописец 1686 г. — летописный памятник, созданный в патриаршем приказном скриптории, по-видимому, в качестве публицистического отклика на торжества, связанные с подчинением московскому патриарху киевской митрополии (и, следовательно, православного духовенства на территории Польши и Литвы). Первоначально это произведение, охватывающее период с 1619 по 1686 г. (поставление Гедеона в Москве), венчало собой обширную компиляцию из *Хронографа Русского* в редакции 1617 г., *летописца Нового* в редакции конца XVII в. и более мелких сочинений, через весь текст которой проходила мысль об исконной принадлежности киевских земель Руси, ее великим князьям и их наследни-

кам — московским царям. Повествование в Л. 1686 г. было сосредоточено на упорной военной и дипломатической борьбе *Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича*, наконец, Ивана и Петра Алексеевичей за воссоединение «первоначальных» русских земель, завершившейся в 1686 г. внушительной победой.

Автор Л. 1686 г. проявил блестящие способности в подборе и обработке сведений своих источников: Хронографа *Пахомия*, Летописца *Ф. Ф. Волконского*, патриарших синодичных и «богомольных» записей и сводки государевых объявительных грамот о наиболее важных событиях внешнеполитической истории России XVII в. Результатом его работы стал один из наиболее цельных и ярких в литературном отношении русских летописцев второй половины XVII в., повествующий об успехах и неудачах внешней политики Российского государства за описываемый период. Незвестный автор, несомненно, может как равный занять место в ряду таких выдающихся историков-летописцев, как *Сильвестр Медведев, Исидор Сназин, Игнатий Римский-Корсаков*.

Взгляды на политические события недавнего прошлого автора Л. 1686 г. в целом соответствовали позиции патриарха. Роль *А. Л. Ордина-Нащокина* была подчеркнута, тогда как *В. В. Голицын*, завершивший многолетние переговоры о вечном мире (в том числе о киевской митрополии), упомянут лишь единожды — в отличие от патриарха *Иоакима*. Не были включены в основной текст неизвестные автору документы о Чигиринских войнах и Бахчисарайском мире (1681 г.), лишь кратко сообщается о внутриполитической деятельности противников патриарха. Однако предшествовавшая Л. 1686 г. компиляция содержала и немало оценок, шедших вразрез с «грекофильской» и «мудроборческой» политикой *Иоакима*, по всей вероятности отражая истинную позицию сотрудников летописного скриптория. Возможно, именно этим была обусловлена переработка компиляции, начавшаяся уже в 1686 г., после выпуска скрипторием по крайней мере четырех ее списков, завершавшихся Л. 1686 г. (ЦГАДА, ф. 181, № 20/25, с. 805—829 об.), и трех несохранившихся протографов. Первоначально компиляция подверглась серьезному сокращению (список ГИМ, Синодальное собр., № 153, л. 197—225), а затем полной переделке, приведшей к созданию обширнейшего летописного свода на основе Хронографа, Степенной книги, популярных повестей и житий, выписок из «Фохтова календаря 1684 года», *Нового летописца* и ряда других источников, «своженных где у ково... услышится и доведетца» и сопоставлявшихся между собой (список ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 413, с. 2341—2379). При этом и текст Л. 1686 г. в соответствии с общей тенденцией *иоакимовского* летописания, наиболее сильно проявлявшейся во второй половине 1680-х гг., был оборван ранее воцарения *Федора* (на 1671 г.).

С этого момента вплоть до кончины *Иоакима* Л. 1686 г. мог распространяться только в виде коротких, отдельных от компиляции списков, с чем, по-видимому, и связано составление еще до 1689 г. его сильно сокращенной редакции. Смысл этой работы состоял в сокращении объема текста при максимальном сохранении фактов, что характерно для тогдашних кратких летописцев. Судя по литературным достоинствам этой редакции, а также по происхождению ее сохранившихся списков (ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 346, л. 603—622 об.; ГПБ, F.XVII.16, л. 546—555), она была создана в том же патриаршем скриптории, работа которого на этом не завершилась. Около 1697 г. была составлена новая редакция летописного свода по списку Румянцева, № 413. В этой редакции (список ГПБ, F.XVII.16, л. 1—546) Л. 1686 г. завершал собой уже упорядоченный, литературно обработанный летописный свод, в котором первоначальные замыслы авторов получили свое логическое завершение.

В начале 1690-х гг., после падения правительства *Софьи Алексеевны* и кончины патриарха *Иоакима*, продолжала дополняться и первоначаль-

ная компиляция. В это время от общего протографа со списком ЦГАДА, ф. 181, № 20/25 был создан извод пространной редакции текста, дошедший в несколько более позднем списке ИРЛИ, Древлехранилище, оп. 23, № 257, л. 947—979. Этот извод был дополнен характерной для противников «мудрборцев» и патриарха похвалой царю Федору Алексеевичу и сокращен за счет упоминаний царевны Софьи и князя В. В. Голицына. В целом разветвленная история текста Л. 1686 г. и включающих его летописных компиляций и сводов отразила сложную работу крупнейшего русского летописного центра конца XVII в. над осмыслением политических событий в России за целое столетие. Он является важным памятником развития летописного жанра на его высшем этапе, накануне окончания общерусской летописной традиции. Л. 1686 г. не издан.

Лит.: Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века: (Из истории древнерусского летописания). — Изд. М., 1945, т. 14, с. 116—119.

А. П. Богданов

Летописный свод Лицевой — самое крупное летописно-хронографическое произведение средневековой Руси. Л. с. Л. дошел до нас в 10 томах, где почти каждая страница украшена миниатюрами (всего миниатюр более 16 000). Первые три тома Л. с. Л. посвящены всемирной истории: 1) Хронограф ГИМ (Музейское собр., № 358); 2) Хронограф БАН (17.17.9); 3) Хронограф ГПБ (F.IV.151). Русская история, изложенная в семи томах, начинается с 1114 г. и обрывается на 1567 г. (окончание утеряно, но, по-видимому, было доведено до 1568 г.): 4) Голицынский том (ГПБ, F.IV.225); 5) Лаптевский том (ГПБ, F.IV.233); 6, 7) два тома Древнего летописца (БАН, 31. 7. 30, т. 1, 2); 8) Шумиловский том (ГПБ, F.IV.232); 9) Синодальная летопись (ГИМ, Синодальное собр., № 962); 10) «Царственная книга» (ГИМ, Синодальное собр., № 149). Том, содержащий начальную русскую историю, не сохранился.

Л. с. Л. создавался по заказу *Ивана IV Грозного* в период 1568—1576 гг. в Александровской слободе, ставшей во времена опричнины политическим центром Русского государства, постоянной резиденцией царя. Изложение исторического процесса в Л. с. Л. соответствовало целям укрепления самодержавной власти царя, созданию представления, что Русь является наследницей древних монархий, оплотом православия. Однако около 1575 г. подготовленный текст и иллюстрации с изложением истории правления Грозного (за 1533—1568 гг.) подверглись по указанию царя существенному пересмотру: в многочисленных приписках, сделанных неизвестным редактором на полях рукописи, содержались обвинительные материалы против лиц, которые подверглись опалам и казням во времена опричного террора. Таким образом, Грозный старался оправдать кровавые расправы над непокорным боярством. Редактирование Л. с. Л. проводилось в период обострения внутриклассовой политической борьбы и последовавших новых казней. По неизвестным причинам работа над Л. с. Л. не была завершена: миниатюры последней части свода выполнены лишь в чернильном очерке, но не раскрашены, отредактированный текст был переписан не полностью; бумага свода была передана на нужды Печатного двора в Александровской слободе и использовалась в 1576 г. при печатании Псалтири.

Над составлением Л. с. Л. трудился целый штат царских книгописцев и художников. В настоящее время найдено несколько рукописей, привлекшихся при создании Л. с. Л. и наглядно отразивших различные этапы работы над ним. Так, в хронографической части свода использованы «История Иудейской войны» *Иосифа Флавия* по списку БАН, Соловецкое собр., № 8 и летописец *Еллинский и Римский* 2-й редакции по списку ГПБ, собр. ОЛДП, F.33; в основу русской части положен список

Оболенского летописи Никоновской (ЦГАДА, ф. 201, № 163). Во всех перечисленных рукописях сохранились следы восковой разметки текста, соответствующей помещенным в Л. с. Л. миниатюрам; кроме того, в списках Еллинского летописца и Никоновской летописи имеются многочисленные поправки, сделанные свинцовым карандашом (уже после разметки воском), появившиеся в результате правки текста по другим источникам (*Хронографу Русскому*, летописи *Воскресенской* и др.), — эти изменения также отразились в Л. с. Л. В тех местах, где текст основного источника дополнялся по другому, на полях карандашом делался пересчет числа миниатюр. Карандашные пометы об исправлении текста и миниатюр читаются и на готовых листах Л. с. Л. (в *Хронографе* ГПБ и «*Царственной книге*»), но по каким-то причинам не все эти указания редактора были реализованы. На листах «*Царственной книги*» запечатлелись различные стадии оформления Л. с. Л.: сначала текст переписывался писцами, а для миниатюр оставлялись свободные места (в соответствии с разметкой редактора), затем делался набросок композиции (свинцовым карандашом или углем), а потом рисунок обводился чернилами и раскрашивался. Среди миниатюристов существовало четкое распределение труда, что позволило в сжатые сроки выполнить колоссальный объем работ по иллюстрированию многотомного свода. Миниатюры Л. с. Л. свидетельствуют о высоком уровне искусства русской книжной иллюстрации XVI в. Кроме того, миниатюры Л. с. Л. являются ценным историческим источником, донесшим до нашего времени сведения о природе, материальном производстве, культуре и быте Древней Руси и соседних народов.

Помимо Л. с. Л. работа царской мастерской характеризуется и другими произведениями: в конце 60-х гг. XVI в. там был переписан комплект макарьевских *Великих Миней Четьих* (из которого сохранились экземпляры ГПБ, Соловецкое собр., № 501/520, 504/523, 505/524, 508/527, 514/533), служебная Минея (ГБЛ, ф. 247, № 332) и создан знаменитый лицевой Егоровский сборник (ГБЛ, ф. 98, № 1844); в 70-х гг. XVI в. были выполнены лицевое *Житие Николая Мирликийского* (ГБЛ, ф. 37, № 15), повторный экземпляр майской Минеи Четьи (ГИМ, Епархиальное собр., № 463), переписан *Апостол* (ЛОИИ, собр. Н. П. Лихачева, № 203). В некоторых из отмеченных рукописей Минеи Четьих сохранилась разметка, сделанная свинцовым карандашом и свидетельствующая о подготовке текста житий святых к иллюстрированию.

Лит.: Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899, ч. 1, с. CLIV—CLXXI; Пресняков А. Е. Московская историческая энциклопедия XVI в. — ИОРЯС, 1900, т. 5, кн. 3, с. 824—876; Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944; Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965, с. 102—332; Покровская В. Ф. Из истории создания Лицевого летописного свода второй половины XVI в. — В кн.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР. М.; Л., 1966, с. 5—19; Творогов О. В. О составе и источниках хронографических статей Лицевого свода. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 353—364; Амосов А. А. 1) К вопросу о времени происхождения Лицевого свода Ивана Грозного. — В кн.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР, Л., 1978, с. 6—36; 2) Датировка и кодикологическая структура «Истории Грозного» в Лицевом летописном своде: (Заметки о бумаге так называемой Царственной книги). — ВИД, Л., 1982, т. 13, с. 155—193; К л о с с. Никоновский свод, с. 206—265.

Б. М. Клосс

Летописный свод Московский великокняжеский 1479 г. — летопись последней четверти XV в., лежащая в основе всего официального летописания конца XV—XVI в. Существование Л. с. М. в. было установлено А. А. Шахматовым, исследовавшим Архивскую (так называемую Ростовскую) летопись (ЦГАДА, ф. 181, № 20/25) и установившим, что первая половина этой компиляции, до 1479 г., совпадает с более поздним обще-

русским летописанием (Воскресенская летопись и др.), а вторая — с поздними версиями летописи *Новгородской IV*, типа летописи *Новгородской по списку Дубровского*. Впоследствии А. А. Шахматов открыл Л. с. М. в. в отдельном виде — в Эрмитажном списке XVIII в. (ГПБ, Эрмитажное собр., № 4166).

Текст Л. с. М. в. может быть разделен на две части. Первая часть до 6926 (1418) г. отражает в наиболее полном виде особую обработку свода 1448 г. (источника летописи *Софийской I*), которая была использована, кроме Л. с. М. в., и в летописи *Ермолинской*. Эта особая обработка была произведена, вероятнее всего, в 70-х гг. XV в. — перед составлением Л. с. М. в. Текст свода 1448 г. был здесь пополнен на всем протяжении по общерусской летописи, близкой летописям *Лаврентьевской* и *Троицкой*, по южнорусской летописи, иногда совпадающей с летописью *Ипатьевской*, и по какому-то особому владимирскому своду первой трети XIII в. При этом составитель стремился отойти от «нейтральных» позиций свода 1448 г. при изложении московско-новгородских и московско-тверских отношений и резко усилить московские тенденции свода. Еще значительнее, чем в летописях *Никаноровской* и *Вологодско-Пермской*, в Л. с. М. в. (и в его протографе, отразившемся и в *Ермолинской* летописи) обнаруживается стремление летописца сократить библейские цитаты и религиозные сентенции своих источников. Очевидно, особая обработка свода 1448 г., лежащая в основе Л. с. М. в., была произведена великокняжеским летописцем. Из числа оригинальных статей первой части Л. с. М. в. следует отметить легендарный рассказ об убиении Батгия в Уграх, восходящий к сочинению сербского агиографа *Пахомия Логофета*, работавшего на Руси, и сказание о чуде в 6923 (1415) г. при рождении великого князя *Василия II*, основанное на рассказах московского дьяка *Стефана Борodatого*. Вторая часть Л. с. М. в. основывается на великокняжеском летописании начала 70-х гг., отразившемся в *Никаноровской* и *Вологодско-Пермской* летописях и в летописном фрагменте 1477 г., сохранившемся в «Летописце от 72-х язык». В отличие от редакций начала 70-х гг. и 1477 г. редакция, представленная в Л. с. М. в., вставила под 6945 (1477) г. подробный рассказ о Флорентийской унии (основанный на Повести *Симеона Суздальца*) и тенденциозное известие о том, что в 6985 (1477) г. новгородцы якобы сами дали *Ивану III* титул «государя», а потом отреклись от своих слов. Кроме того, в Л. с. М. в. была устранена характерная для *Никаноровской* и *Вологодско-Пермской* летописей дублировка известий о нашествии Едигея на Москву и Талыча на Новгород — об обоих этих событиях рассказывается здесь однократно и подробно.

В отличие от составителя великокняжеского свода начала 70-х гг., лежащего в основе *Никаноровской* и *Вологодско-Пермской* летописей, составитель Л. с. М. в. не скрывал, что новгородцы в прежние времена изгоняли своих князей, и подчеркивал, что «таков бо бе обычай оканных смердов изменников». Это было связано с тем, что в 1479 г. Новгород был окончательно присоединен к Москве, его прежняя конституция отменена, и существование «окаянных обычаев» можно было теперь не скрывать, а подчеркивать и осуждать.

Более позднюю редакцию Л. с. М. в. представляет летописный свод *Московский великокняжеский конца XV в.* Текст Л. с. М. в. 1479 г. по Эрмитажному списку не издан.

Изд.: ПСРЛ, М.; Л., 1949, т. 25 (издание летописного свода Московского великокняжеского конца XV в.).

Лит.: Шахматов А. А. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, сентябрь, отд. 2, с. 152—159; 2) О так называемой Ростовской летописи. М., 1904, с. 10—11, 17—50, 163—165; 3) Разыскания, с. 236; 4) Обзорение, с. 256—283, 356—357; Приселков. История летописания, с. 94, 173—184; Насонов А. Н. 1) Московский свод 1479 г. и Ермолинская летопись. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в Рос-

сии. М., 1961, с. 219; 2) История летописания, с. 181—184, 204—225, 260—273, 282—297; Лурье Я. С. 1) Московский свод 1479 г. и его протограф. — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 30, с. 95—113; 2) Общерусские летописи, с. 122—126, 135—139, 150—167.

Я. С. Лурье

Летописный свод Сокращенный — летопись конца XV в., дошедшая до нас в трех видах. Соловецкий вид Л. с. С. сохранился в единственном списке конца XV в. (ГПБ, Соловецкое собр., № 922/1032), текст которого обрывается на 6980 (1472) г.; Погодинский вид доведен до сентября 7002 (1493) г.; Мазуринский — до февраля 7003 (1495) г. Л. с. С. был введен в научный оборот довольно поздно. А. А. Шахматов обнаружил только один список Л. с. С. Погодинского вида (ГПБ, собр. Погодина, № 1409). А. Н. Насонов ввел в науку ряд списков Погодинского и Мазуринского видов; в 1962 г. они были изданы (С. М. Каштановым под редакцией А. Н. Насонова) в ПСРЛ под названием «Сокращенные летописные своды 1493 и 1495 гг.».

Уже А. А. Шахматов обратил внимание на совпадение ряда известий списка собр. Погодина, № 1409 и связанных с ним более поздних летописей (*летописи Софийской I* по списку Царского, *летописи Новгородской Хронографической*) с известиями *летописи Ермолинской* за 6936—6986 гг. и с несколькими известиями ее начальной части (гг. 6420, 6479 и др.). Можно предполагать, что общим источником Л. с. С. и Ермолинской был севернорусский (Кирилло-Белозерский) свод 1472 г. Близкое сходство с этими летописями (особенно с Л. с. С.) обнаруживает *летопись Устюжская* начала XVI в.; сходны с ними в некоторых известиях XV в. *летописи Софийская II* и *Львовская*. Прямое влияние Л. с. С. отражает *Хронограф Русский* 1512 г. и *Софийская I* летопись по списку Царского. Конечные части Погодинского и Мазуринского видов совпадают с великокняжеским летописанием конца XV в.: Погодинский вид — с *летописным сводом Московским великокняжеским конца XV в.*, Мазуринский — с *летописью Симеоновской*. Влияние Московского свода конца XV в. обнаруживается и в основном тексте Погодинского вида, в частности в известиях за X и XIV вв.

Отражая, как и Ермолинская летопись, севернорусский (Кирилло-Белозерский) свод 1472 г., Л. с. С. более подробно передает рассказы этого свода о бездарных и продажных воеводах Василия Темного, которым противостоит «удалый воевода» Феодор Басенок, сосланный в 1473 г. в Кириллов монастырь (эти известия есть и в Ермолинской летописи, но в Л. с. С. они даны подробнее). Поскольку в Ермолинской текст общего с Л. с. С. источника заменен в части до XV в. другим текстом (из «особой обработки свода 1448 г.»), особый интерес представляет текст этой части в Л. с. С. Здесь (как и в Устюжском летописце) сохранился рассказ об участии в битве на Липице в 6725 (1217) г. богатырей Добрыни Золотого Пояса и Александра Поповича и о гибели в битве на Калке в 6731 (1223) г. Александра Поповича и других богатырей, а также о начале деятельности новгородского ушкуйника Анфала в 6868 (1360) г. Очевидно, это известия северного свода — источника Ермолинской летописи и Л. с. С., не сохранившиеся в Ермолинской.

Изд.: ПСРЛ, М.; Л., 1962, т. 27, с. 163—367.

Лит.: Шахматов А. А. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904, с. 12—14, 78—79; Насонов А. Н. 1) Летописные памятники хранилищ Москвы: (новые материалы). — ПИ, М., 1955, вып. 4, с. 247—250; 2) История летописания, с. 319—351; Каштанов С. М. О списках двух неопубликованных летописных сводов (1493 и 1495 гг.). — ПИ, М., 1959, вып. 8, с. 460—465; Лурье Я. С. 1) Новые памятники русского летописания конца XV в. — История СССР, 1964, № 6, с. 119—125; 2) Общерусские летописи, с. 168—172, 177—201, 247—255; Клосс Б. М. О времени создания Русского хронографа. — ТОДРЛ, Л., 1971, т. 26, с. 248—255.

Я. С. Лурье

Летописный свод 1652 г. — памятник летописания XVII в., созданный при патриаршей кафедре в правление *Никона* между 1652 и 1658 гг. Обнаружен был А. Н. Насоновым в рукописных хранилищах Москвы и Ленинграда; им же дано название и определен характер свода. Ныне Л. с. 1652 г. известен в 14 списках полной редакции (количество кратких редакций не учтено).

Статьи Л. с. 1652 г. охватывают события истории страны от легендарных времен расселения в Восточной Европе «правнупей Иафетовых» до 1652 г.; последняя статья посвящена перенесению мощей митрополита *Филиппа II* из Соловецкого монастыря в Москву и избранию «без жребия» на патриаршество *Никона*. Хронологически статьи Л. с. 1652 г. распределены крайне неравномерно: если истории России до третьей четверти XVI в. отведена половина текста, то вторая почти целиком отдана событиям Смутного времени, рассказ о них соединен с последней статьей Л. с. 1652 г. несколькими статьями за 30—40-е гг. XVII в.

Источники летописного текста Л. с. 1652 г. весьма разнообразны. Для летописных статей до 40-х гг. XVII в. основой послужили значительно сокращенные тексты *летописей Никоновской* и *Воскресенской* (обе были в патриаршей библиотеке), а также «краткий летописец» со статьями за 50—70-е гг. XVI в. (они встречаются и в других, более ранних, чем Л. с. 1652 г., памятниках). Составители ввели в летописный текст целый ряд повестей и сказаний. Некоторые из них восходят к *Воскресенской* и *Никоновской* летописям (сказание об иконах Владимирской и Тихвинской Богоматери, «*Рукописание Магнуша короля Свейского*» и др.). Большая часть подобрана специально для Л. с. 1652 г. и соответствующим образом отредактирована. Среди повестей Сказание о Словене и Русе (очевидно, самый ранний случай включения ее в летопись взамен рассказа о Рюрике), Повесть об обретении Мономахова венца, произведения Ферраро-Флорентийского цикла — Повесть *Симеона Суздальского* и «Исхождение» *Авраамия Суздальского* (в редакции «Благовещенье»), Повесть о походе Грозного на Новгород (см. *Повесть о разгроме Новгорода*), особая редакция *Повести о двух посольствах*, *Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков*. В большинстве исследований этих произведений списки Л. с. 1652 г. либо использовались эпизодически, либо не привлекались вообще. Повести, включавшиеся в Л. с. 1652 г. по мере рассказа о тех или иных событиях, отражают как внутривластные симпатии и идеалы *Никона*, так и особенности международной обстановки середины XVII в. Церковно-исторические повествования (жития, сказания об иконах) — традиционный компонент летописей — представлены в Л. с. 1652 г. особенно широко. Некоторые жития близки к включенным во 2-е издание старопечатного *Пролога* (М., 1642—1643), но основная часть восходит к «*Степенной книге*» (жития Всеволода-Гавриила Псковского (см. *Василий-Варлаам*), *Михаила Черниговского*, *Даниила Московского*, митрополита *Петра* и др. — всего более десяти). Все они вошли в готовившееся при *Никоне* 3-е издание *Пролога* (М., 1659—1660), что заставляет предположить связь составителей Л. с. 1652 г. с Московским печатным двором, находившимся под непосредственным контролем *Никона* и укомплектованным штатом «справщиков», лично близких патриарху (*Арсений Суханов*, *Арсений Грек*, *Епифаний Славинецкий* и др.).

События последней четверти XVI в. и первых двух десятилетий XVII в. отражены в Л. с. 1652 г. особенно подробно. Источник их близок *летописцу Новому*, но имеет целый ряд существенных отличий в интерпретации событий, обрисовке роли отдельных участников событий; в тексте Л. с. 1652 г. присутствуют лучшие чтения, встречаются отсутствующие в Новом летописце логические связи, значительно шире объем известий о Сибири. Очевидно, в основу Л. с. 1652 г. составители положили произведение о «Смуте», созданное на рубеже 10—20-х гг. XVII в. и позднее переработанное в Новом летописце в окружении *Фи-*

ларета. К этому же тексту, по-видимому, сложными путями восходят Новый летописец по списку М. А. Оболенского и «Летопись о многих мятежах». Эпизодически использовались в Л. с. 1652 г. и другие произведения (Повесть *И. М. Кагырева-Ростовского*, *Житие царевича Дмитрия*). В Л. с. 1652 г. отмечен ряд оригинальных известий, рисующих отдельные эпизоды внутривосточной борьбы и принадлежащих наблюдателю-современнику.

Использование Никоном не официального Нового летописца, а другого памятника, подчас критически оценивавшего не только действия бояр, но и Романовых и Шуйского, очевидно, носило политический подтекст. Вопросы эти требуют дальнейшего изучения.

Внешне напоминая традиционные летописи, Л. с. 1652 г. несет в себе приметы нового типа исторического повествования, формировавшегося в XVII в. Л. с. 1652 г. остается неопубликованным.

Лит.: Насонов А. Н. 1) Летописные памятники хранилищ Москвы: (новые материалы). — ПИ, М., 1955, вып. 4, с. 268—271; 2) История летописания, с. 483—486; Лаврентьев А. В. Списки и редакции летописного свода 1652 г. — В кн.: Источниковедческие исследования по истории феодальной России / Сб. статей под ред. В. И. Буганова. М., 1984, с. 61—82.

А. В. Лаврентьев

Летопись Вологодско-Пермская — летопись конца XV—первой половины XVI в., дошедшая в трех редакциях: первой, составленной в конце XV в. (сохранившейся в единственном Лондонском списке), второй — 20-х гг. XVI в. (сохранившейся также в единственном Академическом списке) и третьей — середины XVI в. (списки Кирилло-Белозерский, Синодальный и Чертковский). Открыта А. А. Шахматовым, отметившим совпадение Л. В. П. с летописью *Никаноровской* вплоть до окончания под 1471 г. А. А. Шахматов считал, что в основе обеих летописей лежал свод 1472 г.; по мнению М. Д. Приселкова, это был московский великокняжеский свод. После 1472 г. в Л. В. П. читается ряд известий, связанных с Вологодой, Пермью и Югорской (северноуральской) землей. М. Н. Тихомиров высказал предположение, что в основе второй и третьей редакции Л. В. П. лежал свод конца XV в., связанный с архиепископом Филофеем Пермским; введение в научный оборот Лондонского списка, содержащего прежде неизвестную редакцию Л. В. П. 1499 г., подтвердило это предположение.

В отличие от близкой к ней *Никаноровской* летописи, Л. В. П. первой редакции имеет начальную часть, где отдельно от основного текста помещены рассказ *Повести временных лет* о расселении племен, Послание Василия Федору о земном рае, статьи о Борисе и Глебе, о смерти Александра Невского, подробный рассказ о принятии христианства, походе на Царьград, тексты договоров с греками, Повесть об убиении Михаила Черниговского (см. *Житие Михаила Черниговского*), повести о битве на Калке, *нашествии Батыя, взятии Царьграда фрягами в 1204 г.*; только после этого следует заголовок «Временник, еже нарицается русских князей» и далее текст летописи, начиная с первых известий, рассказа о призвании варягов и т. д. Внутри основного текста в Л. В. П. первой редакции (в отличие от последующих редакций) перечисленных статей нет; нет их и в *Никаноровской* летописи (возможно, что в протографе Л. В. П. и *Никаноровской* эта вступительная часть была, а *Никаноровская* ее просто опустила). По-видимому, такая структура первой редакции Л. В. П. (вероятно, и второй, где текст сохранился только начиная с 1315 г.) была следствием сознательного расположения материала — наиболее интересные статьи летописец поместил в начале. В поздней, третьей редакции Л. В. П. текст был расположен в обычном хронологическом порядке и отмеченные статьи вставлены (не всегда точно) внутрь основного текста; кроме того, вместо *Повести о Куликовской*

битве (летописной), в третьей редакции под 1380 г. было помещено вне-летописное *Сказание о Мамаевом побоище*.

Основной текст Л. В. П. до 1472 г. представляет собой, как и в Никаноровской, текст великокняжеского свода начала 70-х гг. XV в. Далее следует текст великокняжеского летописания в редакции второй половины 90-х гг. XV в., близкий к тому, который читается в *летописи Новгородской Хронографической*, с рядом статей, по-видимому, новгородского происхождения (о соборе на еретиков и др.). Там же помещена особая версия Повести об Угре 1480 г. Эти статьи уже в первой редакции Л. В. П. дополнены рядом известий, связанных с Русским Севером; очевидно, оригиналом Л. В. П. была редакция общерусского летописания, составленная при дворе архиепископа пермского.

Особенно сложен вопрос об отношении Л. В. П. к Музейному летописцу, близкому и к Никаноровской и к Л. В. П., но сохранившемуся только во фрагментарном виде (Музейный сборник — ГБЛ, Музейное собр., № 3271, и Воронцовский сборник — БАН, 34.2.31). В дополнении к основному тексту Музейного летописца содержатся Повесть о Едигее (помещенная в Л. В. П. и в Никаноровской летописи в основном тексте) и еще ряд статей, в том числе «О новгородцах» (Повесть о взятии Новгорода в 1471 г.) и «О приходе безбожного царя Ахмута» (Повесть об Угре), совпадающая с повестью Л. В. П. и выходящая за рамки общего текста Л. В. П. и Никаноровской. Как может быть объяснено такое совпадение? Не была ли Л. В. П. источником, на котором основывался Музейный летописец, передав ее текст с сокращениями? Но основной текст Музейного летописца первичен по отношению и к Л. В. П. и к Никаноровской летописи; он ближе к *летописи Софийской I*. Скорее можно предполагать, что статьи «О новгородцах» и «О приходе безбожного царя Ахмута» были добавлены из летописи, близкой к Л. В. П., к основному тексту в протографе Музейного летописца.

Первая редакция Л. В. П. или ее непосредственное продолжение отразилась в двух памятниках XVI в. — *Летописце кратком Погодинском* и *летописи Холмогорской*.

Вторая и третья редакции Л. В. П., как и первая, соединяют великокняжеское летописание (20-х и 30-х гг. XVI в.) с пермско-югорской и вологодской летописями. Вплоть до 1526 г. текст второй и третьей редакций Л. В. П. близок к тексту *летописи Воскресенской* и других летописей; это дает основание предполагать, что они восходят к общему протографу — своду 20-х гг. XVI в. Среди оригинальных известий Л. В. П. в последней части — известия о казни Берсеня Беклемишева в 1525 г., о казни фальшивомонетчиков и т. д.

Изд.: ПСРЛ, М.; Л., 1959, т. 26.

Лит.: Шахматов. Обзорение, с. 346—352; Тихомиров М. Н. О Вологодско-Пермской летописи. — ПИ, М., 1940, вып. 3, с. 228—368; Левина С. А. К изучению Воскресенской летописи. — ТОДРЛ, М.; Л., 1957, т. 13, с. 700—701; Буганов В. И. О списках Вологодско-Пермского свода конца XV—начала XVI в. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1968, с. 158—165; Лурье Я. С. 1) Краткий летописец Погодинского собрания. — АЕ за 1962 г., М., 1963, с. 431—444; 2) Холмогорская летопись. — ТОДРЛ, Л., 1970, т. 25, с. 141—146; 3) London and Lvov MSS of the Vologda-Perm Chronicle. — Oxford Slavonic Papers, N. S., 1972, vol. 5, p. 91—93; 4) Общерусские летописи, с. 122—149, 251—252; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972, с. 38; Клосс, Лурье. Русские летописи XI—XV вв., с. 122—138.

Я. С. Лурье

Летопись Воскресенская — крупнейший, после *летописи Никоновской*, памятник московского летописания XVI в. Название памятника дано неизвестными издателями опубликованному ими в 1793—1794 гг. списку, который был пожертвован в 1658 г. патриархом *Никоном* Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырю; оно вошло затем в научную литературу.

В настоящее время известно 13 списков Л. В. середины XVI—начала XIX в. Среди них нет ни одного, который содержал бы весь текст летописи с древнейших времен до 1541 г. Наиболее древними и исправными являются следующие 10 списков середины—второй половины XVI в.: Быстровский (ГПБ, собр. Быстрова, № 2), сохранивший текст за 913—1340 гг.; Воскресенский (БАН, 34.5.24), содержащий текст до 1347 г.; Алатырский (БАН, 16.3.1) — до 1347 г.; Мазуринский (ЦГАДА, собр. Мазурина, № 1530) — до 1451 г. и отрывки за 1460—1461, 1492—1493, 1496 гг.; Библиотечный I (ГПБ, F.IV.239) — до 1230 г.; Парижский (ГПБ, F.IV.678) — за 1354—1541 гг.; Синодальный (ГИМ, Синодальное собр., № 144) — за 1347—1541 гг.; Уваровский (ГИМ, собр. Уварова, № 567) — за 1347—1541 гг.; Археографический (ЛОИИ, собр. Археограф. комиссии, № 243) — за 1479—1541 гг.; Библиотечный II (ГПБ, F.IV.585) — с середины главы 56 третьего оглавления (помещенного в начале списка) до 1541 г. Остальные три списка являются более поздними копиями Археографического и Библиотечного II списков. Списки, доводящие изложение до 1541 г., обрываются в разных местах. Лишь в Археографическом списке имеется текст, который утрачен в других списках Л. В.: «Воеводы же великого князя пришли к городу, а царь по вестем поспешил от города проч с всеми людьми. И воеводы за царем пошли часа того, к Дону пришли, а царь уж Дон перевезся; и воеводы за царем отпустили немногих людей, а сами възвратишя». Этот текст представляет собой окончание рассказа о нашествии крымского хана Сафа-Гирея (август 1541 г.).

Нам удалось установить время составления Л. В. В списке русских митрополитов, помещенном во введении к Л. В., последним назван *Макарий* (ПСРЛ, т. 7, с. 239), а он стал им 19 марта 1542 г. В списке литовских князей рядом с именем Сигизмунда I имеется пояснение «нынешний король» (там же, с. 256), а он был королем до 8 октября 1544 г. Следовательно, Л. В. была составлена между 19 марта 1542 г. и 8 октября 1544 г.

Разрешить вопрос о политических симпатиях и антипатиях составителя Л. В. помогает сравнение изложений одних и тех же событий в разных источниках XVI в., а также анализ умолчаний составителя Л. В. Сравнение описания истории заточения в темницу князя Юрия Ивановича (1533 г.) в Л. В. (ПСРЛ, т. 8, с. 286) и Никоновской летописи (там же, т. 13, ч. 1, с. 78—79), а также князя Андрея Ивановича Старицкого (в 1537 г.) в Л. В. (там же, т. 8, с. 292—294) и в *летописях Софийской II* (там же, т. 6, с. 301—303), *Вологодско-Пермской* (там же, т. 26, с. 317—318) и в повести «О князе Ондреи Ивановичи, егда бысть гоним гневом Божиим, грех ради наших», изданной М. Н. Тихомировым, показывает, что составитель Л. В. в одном случае пытался оправдать Андрея Шуйского, а в другом — опорочить *Ивана Федоровича Овчину Телепнева-Оболенского*, врага Шуйских. Под 1538—1540 гг. Л. В. умалчивает о событиях, помещении которых в летописи могло либо скомпрометировать, либо быть неприятным Шуйским. Все это позволяет предположить, что Л. В. составлена сторонником Шуйских. Мы не имеем данных, позволяющих установить имя составителя Л. В. Предположение В. С. Иконникова о составлении Л. В. митрополитом *Иоасафом* следует признать неосновательным, так как в то время, когда составлялась Л. В. (между 19 марта 1542 г. и 8 октября 1544 г.), он был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, где вряд ли мог заниматься ее составлением; кроме того, он был сторонником Бельских, а не Шуйских.

Дошедший до нас текст Л. В. представляет собой ее третью редакцию. Еще А. А. Шахматов в отзыве на работу И. А. Тихомирова высказал гипотезу о существовании трех редакций Л. В. — доведенной до декабря 1533 г., до 1537 г. и до 1541 г. Для этого утверждения Шахматов привел сравнение второго и третьего оглавлений, помещенных

перед Воскресенским и Алатырским списками Л. В. Привлечение оглавлений Парижского списка Л. В., двух «Летописцев вкратце» XVI в. (ГИМ, Синодальное собр., № 939, 940), составленных на основе Л. В., статьи «О боярех, которые у великих князей в духовных писаны», сохранившейся только в Библиотечном I списке Л. В., а также сравнение текстов Л. В. и летописи Львовской позволяют уточнить вывод Шахматова и высказать предположение, что первоначальная редакция Л. В. доводила изложение до конца августа 1533 г. и что работа над ней была начата еще при жизни *Василия III*, т. е. до начала декабря 1533 г.

А. А. Шахматов в «Обзрении» и В. В. Лаптев провели сравнение Л. В. с предшествовавшими ей летописями. В результате Шахматов пришел к выводу, что в основе Л. В. лежит летописный свод *Московский великокняжеский 1479 г.*, систематически сближенный с текстом летописи *Софийской I* по списку Царского, а Лаптев отнес к числу непосредственных источников *Московский свод 1479 г.*, список Царского *Софийской I* летописи, официальную *Московскую летопись*, возможно, свод 1499 г. и свод 1520 г., составленный на основе свода 1518 г., Тихоновскую редакцию Ростовского свода, отдельные повести, сказания, жития и материалы царского архива (дипломатические, разрядные книги, церковные, военные и т. д.). Нами проведено сравнение Л. В. не только с предшествующими, но и современными ей летописями (*Московским сводом* конца XV в., летописями *Новгородской IV*, *Симеоновской*, *Софийской I* по списку Царского и *Софийской II* по Архивному списку, *Вологодско-Пермской*, *Типографской*, *Львовской*, *Никоновской*, *Иоасафовской*), в результате чего сделан вывод, что источник Л. В. не может быть возведен ни к одному из сохранившихся предшествовавших ей сводов: при сравнении Л. В. с предшествовавшими сводами обнаруживается, что известия одного года иногда взяты из двух или трех летописей, но в современных Л. В. летописях эти известия встречаются в том же сочетании, что и в Л. В. Сравнение Л. В. с современными ей летописями указывает на обратное: в одних случаях они содержат тексты, почти тождественные с Л. В., в других описание событий имеет редакционные отличия, в третьих случаях в них излагаются события, отсутствующие в Л. В. Мы полагаем, что было два основных летописных источника, в чистом виде не сохранившиеся: *московский свод 1526 г.*, отразившийся также и в *Вологодско-Пермской летописи* второй редакции и *Софийской II летописи* по Воскресенскому списку, и *Тихоновская редакция* Ростовского свода 1489 г., явившаяся источником и *Типографской летописи*, а также использованы материалы царского архива.

Л. В. оказала значительное влияние на последующее летописание: редакция августа 1533 г. была источником *Львовской летописи*, редакция 1541 г. — источником дополнительного текста списка *Оболенского Никоновской летописи* за 1521—1541 гг., на ее основе составлен ряд кратких летописцев.

Изд.: Русская летопись с Воскресенского списка. СПб., 1793—1794, ч. 1—2; ПСРЛ, СПб., 1856—1859, т. 7—8.

Лит.: Шахматов А. А. 1) Разбор сочинения Тихомирова; 2) *Обзрение*, с. 370 (статья «Летописи» для «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона); Иконников В. С. Опыт историографии. Киев, 1908, т. 2, кн. 2, с. 1487, примеч. 5; Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. — *ИЗ*, М., 1940, т. 10, с. 82—87 (перепечатано в кн.: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979, с. 220—224; см. также: ПСРЛ, М.; Л., 1963, т. 28, с. 356—357); Лаптев В. В. Воскресенская летопись. — Учен. зап. ЛГПИ, Л., 1955, т. 102, с. 165—239; Левина С. А. 1) О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI в. — *ТОДРЛ*, М.; Л., 1955, т. 11, с. 375—379; 2) К изучению Воскресенской летописи. — Там же, М.; Л., 1957, т. 12, с. 689—705; 3) Воскресенская летопись XVI в.: (ее редакция, источники и значение). — *Тр. Московского гос. ист.-архив. ин-та*, 1957, т. 10, с. 402—403; 4) Тринадцатый список Воскресенской летописи. — *АЕ* за 1967 г., М., 1969, с. 96—98; 5) Списки Воскресенской летописи. —

В кн.: Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984, с. 38—58; К л о с с Б. М. 1) Никоновский свод; 2) Список Царского Софийской летописи и его отношение к Воскресенской летописи. — В кн.: Летописи и хроники, 1984 г. М., 1984, с. 25—37.

С. А. Левина

Летопись Ермолинская — летопись конца XV в., включающая ряд известий о строительной деятельности русского архитектора и строителя В. Д. Ермолина за 1462—1472 гг. Единственный список Л. Е. (ГБЛ, Музейное собр., № 8665) был открыт А. А. Шахматовым, давшим летописи ее название. Текст Л. Е. за 6936—6980 (1428—1472) гг. и частично в начальной части систематически совпадает с летописным сводом *Сокращенным* и, очевидно, восходит к общему с ним источнику. Первая часть Л. Е., до 6925 (1417) г., как установил А. Н. Насонов, сходна с летописным сводом *Московским великокняжеским 1479 г.*; можно полагать, что ее источником была «особая обработка свода 1448 г.», принятая в великокняжеской канцелярии перед составлением *Московского свода 1479 г.* В дошедшем до нас списке Л. Е. доведена до 6989 (1481) г. и имеет еще приписки (другим почерком) за 6993—6996 гг. До 6989 г. доходит и обнаруженный А. Н. Насоновым краткий «Летописец русский», идентичный с Л. Е. с 6981 г. (совпадения между ними обнаруживаются начиная с 6939 г.). Таким образом, дошедший текст Л. Е. составлен не ранее 1481 г. Начальная часть Л. Е., до 6925 (1417) г., отразилась также в «Летописце от 72-х язык» и летописи *Львовской*.

Наиболее интересна как литературный памятник и исторический источник вторая часть Л. Е., сходная с *Сокращенными* сводами. Особый интерес летописца к Белоозеру и другим севернорусским землям, его внимание к бывшему кирилло-белозерскому игумену Трифону и опальному боярину Басенку, сосланному в 1473 г. в Кириллов монастырь, совпадения с краткими кирилло-белозерскими летописцами — все это позволяет предполагать, что в основе Л. Е. и *Сокращенных* сводов лежал Кирилло-Белозерский свод начала 70-х гг., независимый от великокняжеской власти и позволявший себе довольно смелые суждения о ее политике. К числу наиболее ярких рассказов общего протографа Л. Е. и *Сокращенных* сводов принадлежат: иронический рассказ 6971 (1463) г. о ярославских чудотворцах, явившихся «не на добро» ярославским князьям, которым пришлось «проститься» со своими вотчинами, «отписанными» в пользу великого князя его наместником, «новым чудотворцем» Иваном Суцим (летописец именует этого наместника словом «цъяшос» — зашифрованное «дьявол»), рассказ о жестокой казни серпуховских дворян, совершенной в 6970 (1462) г. по приказу *Василия II Темного* в великий пост, и о последовавшей вслед за этим смерти *Василия*. В начальной части Л. Е. своеобразны рассказы о смерти *Олега*, о *Святославе* (сравнение *Святослава* с *Александром Македонским*, надпись на чаше, сделанной из черепа *Святослава*), о волхвах и др.

Изд.: ПСРЛ, СПб., 1940, т. 23 (ср.: Летописный свод конца XV в. — В кн.: Материалы по истории СССР. М., 1955, вып. 2, с. 273—321).

Лит.: Шахматов А. А. 1) Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904; 2) Обзорение, с. 146—150; Лихачев В. Русские летописи, с. 468—469; Лурье Я. С. 1) Из истории русского летописания конца XV в. — ТОДРЛ, М.; Л., 1955, т. 14, с. 157—163; 2) Общерусские летописи, с. 168—185, 198—209; 3) Севернорусский летописный свод 1472 года: Реконструкция текста и комментарии. — В кн.: ПЛДР: Вторая половина XV века. М., 1982, с. 400—410, 638—653; Насонов А. Н. 1) Материалы и исследования по истории русского летописания. — ПИ, М., 1958, вып. 6, с. 266—267; 2) История летописания, с. 260—274, 319—351.

Я. С. Лурье

Летопись Ипатьевская — общерусский свод южной редакции конца XIII—начала XIV в., древнейшим списком которого является Ипатьевский XV в., найденный Н. М. Карамзиным и содержащий второй по

древности (после списка летописи Лаврентьевской 1377 г.) список начальной русской летописи — *Повести временных лет*. Л. И. охватывает хронологический период до 1292 г. и включает в себя три основных памятника — *Повесть временных лет*, Киевскую летопись и Галицко-Волынскую летопись.

Л. И. сохранилась в семи списках: 1) Ипатьевский список начала XV в. (БАН, 16.4.4); завершается записями о пинских и степанских князьях 1292 г.; рукопись принадлежала Костромскому Ипатьевскому монастырю; есть пробелы, объясняющиеся неисправностью оригинала, а также перебой в повествовании в связи с тем, что в оригинале были перекутаны листы; 2) Хлебниковский список (ГПБ, F.IV.230) XVI в., юго-западного происхождения; восходит к тому же оригиналу, что и Ипатьевский, но в ряде случаев содержит более правильные чтения и иногда восполняет пробелы Ипатьевского списка; кроме того, сообщение о пинских и степанских князьях, завершающее Ипатьевский список, в Хлебниковском читается несколько ранее. Остальные пять списков восходят к Хлебниковскому и поэтому не имеют существенного значения для восстановления протографа: 3) Погодинский список (ГПБ, собр. Погодина, № 1401) начала XVII в., дефектный, конец утрачен; это точная копия Хлебниковского списка, отразившая имеющиеся в нем перебои текста и перестановки; 4) Краковский список (из Пулавской библиотеки князей Чарторыхских) конца XVII в.; список сделан с русской рукописи 1621 г. (может быть, не непосредственно, а через список-посредник) латинскими буквами; эта рукопись отражает текст Погодинского списка, но восполняет конец, который в Погодинском утрачен; имеются искажения в тексте, связанные с тем, что писец плохо понимал оригинал; 5) Ермолаевский список (ГПБ, F.IV.231) конца XVII—начала XVIII в.; 6) список ГПБ, F.IV.237 — копия с Ермолаевского списка; 7) список БАН, 21.3.14, 1651 г. Перечисленные рукописи подробно описаны А. А. Шахматовым в предисловии к изданию Ипатьевской летописи (ПСРЛ, М., 1962, т. 2, с. VI—XVI); о списке БАН, 21.3.14 см. в кн.: Описание Рукописного отдела Библиотеки АН СССР. М.; Л., 1959, т. 3, вып. 1, с. 304—306.

Источники Л. И. (происхождение, состав и формирование ее текста) выделяются крупнейшими специалистами по-разному. Текст летописи сложен для анализа, поскольку имеет очень мало аналогий с другими летописными памятниками. Текст Л. И. состоит из трех основных компонентов: ПВЛ — от начала летописи до статьи 1118 г. (л. 1—106 об.); Киевская летопись — от 1119 до 1200 г. (л. 106 об.—245); Галицко-Волынская летопись — от 1201 до 1292 г. (л. 245—307 об.). Однако, поскольку Л. И. представляет собой свод, т. е. формировалась путем последовательного включения одного в другой разных сводов, состав ее представляется значительно сложнее. А. А. Шахматов выделял четыре источника Л. И.: 1) Общерусский летописный свод, составленный в Суздальской области в начале XIV в. и бывший одним из источников Л. И., летописи Лаврентьевской и летописного свода Московского великокняжеского 1479 г. (однако существование этого общего источника в настоящее время в науке отвергнуто; связь между Л. И. и Лаврентьевской летописью достаточно убедительно объясняется влиянием южнорусского свода XII—XIII вв. на владимирское летописание XII—XIII вв.; едва ли есть необходимость предполагать протограф начала XIV в. у Л. И., доведенной до конца XIII в.); 2) Киевский летописный свод, составленный в Киевском Михайловском Выдубицком монастыре в 1199 г.; 3) Черниговский свод; 4) Галицко-Волынский свод (который используется составителем Л. И. уже с 40-х гг. XII в.).

Об основных компонентах Л. И. в науке существуют следующие суждения. Первый из них — 3-я редакция ПВЛ, составленная в 1118 г. в Киево-Печерском монастыре; в Ипатьевскую летопись она вошла в со-

ставе Киевского летописного свода. Второй компонент Л. И. — Киевский свод 1200 г. Он (согласно А. А. Шахматову и М. Д. Приселкову) был составлен игуменом Выдубицкого монастыря *Моисеем* и кончался сообщением о постройке вокруг Выдубицкого монастыря в 1199 г. каменной стены; под 1200 г. в нем помещена речь игумена Моисея с благодарностью князю Рюрику Ростиславичу и с похвалой ему. Поскольку известия о Рюрике Ростиславиче и его семье содержатся в этом своде регулярно, начиная с 1173 г. (притом, как отмечает М. Д. Приселков, составитель свода приписывает Рюрику деяния его предшественника — Святослава Всеволодича), М. Д. Приселков предлагал считать Киевский свод 1200 г. великокняжеским сводом Рюрика Ростиславича. В этом своде он выделял три источника, первым из которых является семейная хроника Ростиславичей, с некрологами каждому из них — Святославу (1172 г.), Мстиславу (1177 г.), Роману (1180 г.), Давыду (1198 г.). Эти некрологи, написанные традиционным этикетным языком, содержат похвалы князьям без индивидуальных характеристик и фактических сведений об их деятельности. Они написаны одним автором — Моисеем (многие из них текстуально совпадают) в Киеве (а не в тех городах Киевского государства, где княжил тот или иной князь) в связи с получением известий о смерти князей, т. е. «хроника Ростиславичей» не содержит фактических сведений о княжении князей Ростиславичей или каких-либо местных данных. Второй источник Киевской летописи — летописец Переяславля Южного князя Владимира Глебовича, заканчивающийся описанием смерти этого князя в 1187 г. и включающий повествование о военных действиях его против половцев. Третий источник — Черниговский летописец князя Игоря Святославича, оканчивающийся сообщением о смерти в 1198 г. черниговского князя Ярослава Всеволодича и вступлении на черниговский стол Игоря Святославича. Черниговский летописец, как полагал М. Д. Приселков, был начат при Святославе Ольговиче (отце Игоря), продолжен при Игоре и потом при его брате Олеге Святославиче, т. е. это семейный летописец Святославичей, возникший в 40-х гг. XIII в. Однако летописец Игоря Святославича перерастает рамки семейного летописца; после 1120 г. (под гг. 1123, 1140, 1142 и др.) появляются сведения о черниговских князьях и епископах (за пределами семейной хроники). Это летописание велось в Киеве, а не в Чернигове (об этом можно судить, например, по враждебным — невозможным в Чернигове — сообщениям об Олеге Гориславиче).

Принципы работы сводчика, сочетавшего киевский и черниговский источники, хорошо прослеживаются на примере рассказа об убийстве князя Игоря Ольговича киевлянами — в этом рассказе видны два источника: киевский рассказ (подробный, но деловой) и черниговский (условнолитературный, «житие»). Приселков считает, что «житийный» рассказ восходит к черниговскому летописанию, поскольку под 1180 г. есть сообщение о перенесении мощей Игоря Ольговича в Чернигов стараниями его брата Святослава Ольговича, князя Черниговского. Анализируя повесть об убийстве Игоря, Д. С. Лихачев высказал мнение, что в ней соединились три повести, причем соединение это сделано небрежно и противоречиво: версия Ольговичей, канонизировавших Игоря, написанная в житийном стиле, переяславская версия, нейтральная, и киевская, оправдывающая Изяслава и обвиняющая Ольговичей и Давыдовичей. В тексте Киевской летописи, как это отмечал еще А. А. Шахматов, имеются вкрапления из Галицко-Волынского свода, начиная с 40-х гг. XII в., и из ростово-суздальского летописания. Влияние этого источника наблюдается во всех частях Л. И., но главным образом это касается Киевской летописи. Поскольку все известия, взятые из ростово-суздальского летописания в Л. И., связаны с Черниговом, М. Д. Приселков считает, что они попали в Киевскую летопись через черниговский летописец Святослава Ольговича.

По мнению В. Т. Пашуто, Киевская летопись доходит не до 1200 г., а до 1238 г., т. е. до нашествия Орды. Он опирается на тот факт, что в статье, предшествующей в Л. И. Повести временных лет («Се же суть имена князем киевским, княжившим в Киеве до избитья Батыева» — л. 1—1 об. Ипатьевского списка), список князей завершается Владимиром Рюриковичем и Димитром, наместником Даниила, при котором «взяша Батый Киев». Таким образом, по мнению В. Т. Пашуто, летописец писал при дворе Даниила Романовича после нашествия Орды; он же пополнил киевский текст кусками галицко-волынского летописания XII в. и использовал Киевскую летопись до 1238 г. Этим объясняется и отсутствие в Л. И. сведений о Романе Мстиславиче — Киевская летопись была ему враждебна, а своего летописца у него не было. После 1200 г. летописец Даниила Романовича берет из Киевской летописи только те немногие сведения, которые ему были нужны для дополнения собственного галицко-волынского летописания (которое возникло при Данииле, а не при Романе: политический центр общерусской жизни после нашествия Орды переместился в юго-западную Русь, в связи с чем там и возникло княжеское летописание). Пересматривает В. Т. Пашуто и точки зрения А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова на взаимоотношения Л. И. с другими летописями. Резюмируя рассуждение В. Т. Пашуто о Киевской летописи, следует предполагать наличие второго Киевского свода, повествование которого было продолжено по сравнению со сводом 1200 г. и в котором были заимствования из ростово-суздальского летописания. Этот свод сохранился только в тех немногих фрагментах, которые включены в галицко-волыньскую часть Л. И.

Третий компонент Л. И. — Галицко-Волынская летопись — резко отличается от предшествующего текста по стилю и содержанию; можно считать, что это самостоятельный, почти независимый от общерусского летописания памятник. В частности, повествование в Галицко-Волынской летописи составлялось не по годам: в Хлебниковском списке вообще нет годовой сетки (как ее, по-видимому, не было в протографе), а в Ипатьевском списке годы проставлены при составлении списка, притом с механической ошибкой: при присоединении к Киевской летописи, оканчивающейся 1200 г., составитель Л. И. первым годом Галицкого летописца поставил год 1201, хотя на самом деле события, о которых повествуется под этим годом, произошли, как свидетельствуют другие источники, в 1205 г., так что хронологическую сетку следует сдвинуть лет на пять. Пашуто, опираясь на мнение Приселкова, считал, что первоначально Галицко-Волынская летопись писалась в форме свободного рассказа, потом (в конце XIII в.) материалы были перегруппированы в соответствии с хронологией событий, но без годовой сетки, которую внес в летопись лишь редактор Ипатьевского списка.

Галицко-Волынская летопись — это уникальный источник сведений о Галицком и Волынском княжествах, а также о международных связях России этого времени, поэтому уже в XIX в. она привлекалась для исследований по истории юго-западной Руси, издавалась и цитировалась, но до 40-х гг. XX в. происхождение и состав этого памятника не были исследованы. Вопрос об источниках и составе Галицко-Волынской летописи чрезвычайно важен. Трудность исследования ее текста заключается, во-первых, в том, что каждый последующий летописец редактировал работу своего предшественника, дополнял и включал в свой свод предыдущий в существенно переработанном виде. Во-вторых, сведения об авторах, редакторах, месте и времени написания сводов мы вынуждены черпать из самого текста летописи, так как мы не располагаем параллельными текстами, возможными источниками Галицко-Волынской летописи. Источники Галицко-Волынской летописи многообразны: это княжеские летописцы, различные документы (акты, грамоты, военные донесения, дипломатические отчеты), рассказы очевидцев о битвах и

походах, воинские повести, фрагменты из других летописей (например, рассказ о битве на Калке), местное летописание (например, Пашуто утверждал существование Новгородской Литовской летописи, откуда взяты подробные известия о литовских князьях в летописец Шварна Даниловича, однако это считается недоказанным), и т. д. Кроме того, в Галицко-Волынской летописи есть частые обращения к книжным источникам — к переводным историческим сочинениям (к греческим хроникам, к «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия); есть в ее составе и большие цитаты из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона. Из текста летописи выясняются имена лиц, составивших отдельные документы, или авторов тех или иных рассказов; в создании летописи в качестве информаторов об отдельных событиях принимали участие тысяцкий Демьян, боярин Вячеслав Толстый, дядька Мирослав, стольник Яков, дворский Андрей, тысяцкий Димитр.

Согласно гипотезе В. Т. Пашуто, история сложения Галицко-Волынской летописи представляется в следующем виде. Начальная Галицкая летопись, составленная в 1211 г. галицким книжником Тимофеем, вошла в состав свода, составленного в 1246 г. печатником (митрополитом) Кириллом и продолженного до 1261 г. епископом Иоанном в г. Холме. После смерти Даниила Романовича летописание перешло во Владимир Волынский. Пашуто считал, что до 1269 г. доходил летописец Василька Романовича, его продолжил короткий летописец Шварна, а затем — свод 1272—1289 гг., рассказывающий о княжении Владимира Васильковича, князя Волынского. Автором этого свода Пашуто считал епископа владимирского Евсигния (И. П. Еремин считал, что не меньше оснований считать автором епископа туровского Марка), а А. И. Генсборский — писца Федорца, которому Владимир поручил писать свое «рукописание»-завещание. Последний свод, Свод Мстислава Даниловича 1292 г., включил в себя также сведения о «заднепровских князьях», т. е. отрывки из местных летописей Пинска, Степани и др.

Киевская и Галицко-Волынская летописи рассматриваются как памятники литературы. Именно на материале Киевской летописи И. П. Еремин построил свою классификацию типов летописного повествования. Кроме того, исследователи «Слова о полку Игореве» (см. Автор «Слова о полку Игореве») указывали на близость образной и языковой систем летописи и «Слова о полку Игореве». По гипотезе Б. А. Рыбакова, один из киевских летописцев мог быть автором «Слова о полку Игореве».

Л. И. оказала влияние на ряд последующих летописных памятников, в числе которых обличий протограф Софийской I и Новгородской IV летописей («Новгородско-Софийский свод», или «Свод 1448 г.») и протограф Московского свода и Ермолинской летописи («Свод Феодосия-Филиппа» по А. Н. Насонову).

Изд.: ПСРЛ, СПб., 1843, т. 2; 2-е изд. СПб., 1908 (фотомеханическое переиздание: М., 1962); 3-е изд. Пг., 1923, т. 2, вып. 1; Волыско-Галицкая летопись, составленная в конце XIII века / Издал и объяснил А. С. Петрушевич. Львов, 1874; Летописный рассказ событий Киевской, Волынской и Галицкой Руси от ее начала до половины XIV века / Издал... Александр Клеванов. М., 1874; Летопись по Ипатскому списку / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1874; Древнерусские летописи / Пер. и коммент. В. Панова. Статьи В. Лебедева и В. Панова. М.; Л., 1936; Галицко-Волынский літопис / Переклад і пояснив Т. Коструба. Львів, 1936, ч. 1; Галицко-Волынская летопись / Подгот. текста, пер. и коммент. О. П. Лихачевой. — ПЛДР: XIII век. М., 1981, с. 236—435.

Лит.: Фирсов Н. Н. Содержание и характеристика Галицко-Волынской летописи. Казань, 1891; Истрин В. М. Хронограф Ипатского списка. — ЖМНП, 1897, № 11, с. 83—91; Грушевський М. С. Хронологія подій Галицко-Волыської літописи. — ЗНТШ, 1901, т. 41, с. 1—72; Орлов А. С. 1) К вопросу об Ипатьевской летописи. — ИОРЯС, Л., 1926, т. 31, с. 93—126; 2) О галицко-волынской летописании. — ТОДРЛ, М.; Л., 1947, т. 5, с. 15—35; Шахматов В. Обзорение, гл. 4—5; Приселков В. История летописания; Чернецкий Л. В. Летописец Даниила Галицкого. — ИЗ, М., 1941, т. 12, с. 228—253; Лихачев В. Русские летописи, с. 176—267, 431—433; Еремин И. П. 1) Киевская летопись как памятник литературы. —

ТОДРЛ, М.; Л., 1949, т. 7, с. 67—69 (переиздано в кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси. М.; Л., 1966, с. 98—131); 2) Вольнская летопись 1289—1290 гг. как памятник литературы Древней Руси. — ТОДРЛ, М.; Л., 1957, т. 13, с. 102—117 (переиздано в кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси, с. 164—184); Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Вольнской Руси. М., 1950; Генсборский А. И. 1) Галицко-Волинский летопис: (процес складання, редакції і редактори). Київ, 1958; 2) 3 коментарія до Галицко-Волинського літопису. — Історичні джерела, Київ, 1969, вип. 4, с. 171—184; Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969, с. 226 и сл.; Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; Черепанов С. К. К вопросу о южном источнике Софийской I и Новгородской IV летописей. — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 30, с. 279—283; Франчук В. Ю. Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве»? (Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи). — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 31, с. 72—92; Романов В. К. Статья 1224 г. о битве на Калке Ипатьевской летописи. — В кн.: Летописи и хроники. 1980. М., 1981, с. 79—103; Библиков М. В. Сведения в Ипатьевской летописи о печенегах и торках в свете данных византийских источников XII в. — Там же, с. 55—78.

О. П. Лизачева

Летопись Лаврентьевская — летопись XIV в., сохранившаяся в единственном пергаменном списке (ГПБ, Ф.п.IV.2), переписанном в 1377 г. монахом Лаврентием по заказу великого князя суздальско-нижегородского Дмитрия Константиновича. Текст летописи доведен до 6813 (1305) г. В четырех местах Л. Л. обнаруживаются пропуски текста — за 6406 (898)—6430 (922), 6711 (1203)—6713 (1205), 6771 (1263)—6791 (1283), 6795 (1287)—6802 (1294) гг. Два первых пропуска являются следствием дефекта текста в рукописи; третий, очевидно, отражает дефект в оригинале; происхождение четвертого пропуска спорно — он мог быть отражением дефекта в оригинале или следствием дефекта в самой рукописи. Начальные 40 листов написаны уставным почерком, дальнейшие — полууставом, но три листа рукописи (л. 157, 161 и 167) написаны не до конца (хотя текст их последовательно продолжается на следующих листах), иным, чем перед ними (уставным), почерком, на пергамене с иной разлиновкой строк. Л. Л. принадлежала до начала XVIII в. Владимирскому Рождественскому монастырю, затем была привезена в Петербург, а в 1792 г. приобретена А. И. Мусиным-Пушкиным, подарившим ее затем Александру I (рукопись была помещена в Публичную библиотеку). Уже в 1804 г. была предпринята первая попытка издания Л. Л., но она не была доведена до конца, второе издание (1824 г.) также не было завершено; первое полное издание Л. Л. (в ПСРЛ) осуществлено в 1846 г.

Со времени ее открытия для науки Л. Л. постоянно привлекала внимание историков. Ею широко пользовался (наряду с двумя другими «кратейными» летописями — *Новгородской I* по Синодальному списку и *Троицкой*) Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» (именуя ее «Пушкинской» — по имени владельца). До конца XIX в. исследователей Л. Л. особенно привлекала ее начальная часть — содержащаяся в ней *Повесть временных лет* в редакции *Сильвестра*. Первой работой, посвященной Л. Л. в целом, было исследование И. А. Тихомирова, пытавшегося определить отдельные источники Л. Л. — «сказания» и «походные заметки»; он пришел к заключению, что в Л. Л., «кроме Повести временных лет и южнорусских летописей, вошли известия, записывавшиеся сначала по преимуществу во Владимире (до смерти Всеволода III), а потом в Ростове, Суздале и Твери; есть также несколько известий костромских и ярославских, переяславских и рязанских».

На новую почву вопрос о происхождении Л. Л. был поставлен А. А. Шахматовым в его отзыве на работу И. А. Тихомирова. А. А. Шахматов указал, что Л. Л. не только сама представляла собою свод (это понимал и И. А. Тихомиров), но и основывалась на более ранних сводах. Для определения этих сводов-протографов необходимо было поэтому

сравнить Л. Л. с другими ранними летописями, и прежде всего с *летописями Радзивилловской и Троицкой*. Такое сравнение обнаружило, что Л. Л. особенно близка к Троицкой; Радзивилловская также сходна с Л. Л. (вплоть до 6711 (1203) г.), однако в отличие от Троицкой Радзивилловская на всем протяжении имеет редакционные отличия от Л. Л. А. А. Шахматов сделал отсюда вывод, что в основе Л. Л. и Троицкой летописи, с одной стороны, и Радзивилловской (и сходных с нею летописей) — с другой, лежал Владимирский летописный свод конца XII—начала XIII в., но в разных редакциях. Различие в изложении событий после смерти *Андрея Боголюбского* (1175 г.) дает основание предположить, что в основе Л. Л. лежала более ранняя редакция Владимирского свода (1185 г. — по А. А. Шахматову, 1177 и 1193 гг. — по М. Д. Приселкову), еще не отразившая тенденциозных добавлений, связанных с политикой Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, а в основе Радзивилловской — более поздняя (Владимирский свод начала XIII в., дошедший через посредство Переяславского свода 1216 г.). Сопоставление Л. Л. с *летописью Ипатьевской* также обнаружило совпадения между ними, но гораздо более редкие. А. А. Шахматов объяснял их отчасти взаимными влияниями севернорусского и южнорусского (отразившегося в Ипатьевской летописи) летописания XII—XIII вв., отчасти же тем, что источником Л. Л. и Ипатьевской (не отразившимся в Радзивилловской) был общерусский летописный свод — Полихрон начала XIV в. Влиянием Полихрона начала XIV в. А. А. Шахматов объяснял и совпадение двух известий (6725 г. и 6731 г. — начало битвы на Калке) Л. Л. и *летописи Новгородской I*.

Важное место в исследованиях Л. Л. занимает работа М. Д. Приселкова. Проанализировав заключительную часть Л. Л., М. Д. Приселков пришел к выводу, что свод 1305 г., лежащий в основе ее, был не митрополичьим сводом начала XIV в. (Полихроном), а великокняжеской летописью владимирско-тверского князя Михаила Ярославича: ряд известий из семейного летописца тверского князя содержится в конце Л. Л. Он также отверг объяснение сходства Л. Л. с Ипатьевской отражением в них Полихрона. Текст Ипатьевской летописи доходил до конца XIV в.; наличие сходных известий в обеих летописях (почти все они читаются также и в Радзивилловской) естественнее всего может быть объяснено взаимными влияниями северного и южного летописания в XII—XIII вв. Осуществленная им реконструкция Троицкой летописи позволила М. Д. Приселкову сопоставить Л. Л. и Троицкую на всем их протяжении и установить, что они сходны вплоть до 6813 (1305) г., т. е. до окончания Л. Л. Он пришел к выводу, что в обеих летописях отразился владимирский великокняжеский свод 1305 г.; Лаврентьевский список 1377 г. может рассматриваться как «простая копия», старательное, но не всегда удачное воспроизведение «очень ветхого экземпляра свода 1305 г.». Тот же самый свод 1305 г. был положен и в основу свода 1408 г. — Троицкой летописи.

Выводы М. Д. Приселкова относительно Л. Л. были в основном приняты в научной литературе последующего времени. Свод 1305 г., дошедший в составе Л. Л., отражал владимирскую летописную традицию, но она была довольно сложной. В основе Л. Л. лежало несколько владимирских сводов XII—XIII вв., опиравшихся на различные источники. Южные известия XII в. восходили во владимирском своде XII в. к летописанию Переяславля Южного, где княжили близкие родичи владимирских Мономашичей, и, возможно, также к его киевской переработке. Северное летописание в Л. Л. также было неоднородным — в известиях XIII в. слито собственно владимирское летописание (связанное с князьями Юрием и Ярославом Всеволодовичами) и летописание Ростова (где княжил старший сын Всеволода Большое Гнездо Константин, обделенный при разделе отцовского наследия). Эта двойственность сказалась, в част-

ности, на *Повести о нашествии Батыя* 1237—1239 гг. Рассказ этот состоит из различных элементов — владимирских и ростовских записей (двойственное происхождение привело к тому, что о некоторых событиях здесь рассказано дважды), литературных «общих мест», особого рассказа о гибели ростовского князя Василька Константиновича и т. д. Объединение этих различных элементов в единый рассказ могло произойти в разное время: вскоре после завоевания, когда Владимир был разгромлен и центр летописания перенесен в Ростов, в 80-х гг. XIII в., когда, по-видимому, были соединены в общую летопись владимирские своды конца XII и начала XIII в. (отразившиеся в Радзивилловской летописи), или в 1305 г. при создании оригинала Л. Л. Представляются неубедительными попытки датировать этот рассказ концом XIV в. — временем написания списка Лаврентия. Реконструкция текста Троицкой позволяет с достаточной уверенностью утверждать, что рассказ о нашествии Батыя совпадал в ней с Л. Л. Если бы мы предполагали, что рассказ Батыя создан в 1377 г., при написании списка Лаврентия, то необходимо было бы возводить Троицкую летопись к списку 1377 г. или к ее последующим отражениям. Но в ряде случаев Троицкая передает общий текст до 1305 г. лучше, чем список Лаврентия (включает, в частности, имена деятелей XIII в., пропущенные в Л. Л.), — следовательно, она восходит не к списку 1377 г., а к своду 1305 г.

Несомненно, что изучение Л. Л. еще требует ряда дальнейших исследований. Не решен вопрос о происхождении нескольких известий Л. Л., совпадающих с Новгородской I летописью (возможно, что они — рязанского происхождения), о времени формирования владимирской и ростовской летописной традиции. Заслуживают также внимания кодикологические особенности списка 1377 г. (несколько листов в Л. Л. явно вклеено задним числом, но это могло объясняться случайными обстоятельствами — порчей листов при переписке).

В целом Л. Л. несомненно была выдающимся памятником древнерусской литературы и общественной мысли. Оригинал Л. Л. был создан при владимирско-тверском князе Михаиле Ярославиче, первом русском князе, решившемся после 1240 г. на прямое сопротивление хану и казненом за это в Золотой Орде. Свод 1305 г. не мог выступать против ханской власти открыто, но ряд рассказов этого свода (рассказ о нашествии Батыя; рассказ о расправе с князем Романом Рязанским, не сохранившийся в Л. Л. из-за дефектности текста, но дошедший в Троицкой; рассказ о расправе, учиненной баскаком Ахматом в Курском княжестве в 1283—1284 гг.) ярко рисовал жестокость завоевателей и, несомненно, производил сильное впечатление на читателей. Через свод 1408 г. (Троицкую летопись), свод 1448 г. (*летописи Софийская I и Новгородская IV*) и *летописный свод Московский великокняжеский конца XV в.* Л. Л. оказала глубокое влияние на последующее летописание.

Изд.: ПСРЛ, СПб., 1846, т. 1; 2-е изд. Л., 1926—1928, вып. 1—3 (фототипическое воспроизведение: М., 1961); *Летопись по Лаврентьевскому списку* / Изд. Археограф. комиссии. СПб., 1872; 2-е изд. СПб., 1897.

Лит.: Беляев И. Д. Русские летописи по Лаврентьевскому списку с 1111 по 1169 г. — В ОИДР, 1849, кн. 2, отд. 1, с. 1—26; Янин Н. Н. Новгородская летопись и ее московские переделки. М., 1876; Тихомиров И. А. О Лаврентьевской летописи. — ЖМНП, 1884, октябрь, отд. 2, с. 240—270; Шахматов А. А. 1) Разбор сочинения Тихомирова, с. 6—20; 2) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, ноябрь, отд. 2, с. 149—151; 3) Разыскания, с. 245—246; 4) Обзорение, с. 9—37, 365; Приселков М. Д. 1) Летописание XIV в. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пг., 1922, с. 28—39; 2) Летописец 1305 г. — В кн.: Века. Пг., 1924, т. 1, с. 30—35; 3) История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий. — Учен. зап. ЛГПИ, 1939, т. 19, с. 175—197; 4) История летописания, с. 60—113; Комарович В. Л. 1) Лаврентьевская летопись. — В кн.: ИРЛ I. М.; Л., 1946, т. 2, ч. 1, с. 90—96; 2) Из наблюдений над Лаврентьевской летописью. — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 30, с. 27—57; Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963, с. 41—123; Насонов А. Н. 1) Лаврентьевская летопись и владимирское великокняжеское летописание первой

половины XIII в. — ПИ, М., 1963, т. 11, с. 429—480; 2) История летописания, с. 80—225; Прохоров Г. М. 1) Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи. — ВИД, Л., 1972, т. 4, с. 83—104; 2) Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 77—98; Лурье Я. С. 1) Лаврентьевская летопись — свод начала XIV в. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 29, с. 50—67; 2) Общерусские летописи, с. 17—36; Fennell J. L. I. 1) The Tale of Baty's Invasion of North-East Rus' and its Reflexion in the Chronicles of the XIII-th—XV-th Centuries. — Russia Mediaevalis, München, 1977, t. 3, p. 41—60; 2) The Tale of the Death of Vasilko Konstantinovič: A Study of the Sources. — In: Osteuropa in Geschichte und Gegenwart: Festschrift für G. Stökl zum 60. Geburtstag. Köln; Wien, 1977, p. 34—46.

Я. С. Лурье

Летопись Львовская — летопись XVI в. Л. Л. была издана уже в конце XVIII в. Н. А. Львовым (откуда ее название) с рядом пропусков (не включено было, в частности, содержащееся в Л. Л. «Хождение за три моря» *Афанасия Никитина*). Оригинал издания Н. А. Львова был утерян; но в начале XX в. А. Е. Пресняков обнаружил Эттеров список Л. Л. (ГПБ, F.IV.144), который был положен в основу издания 1910—1914 гг. в ПСРЛ. А. А. Шахматов обнаружил идентичность Л. Л. и *летописи Софийской II* с конца XIV в. по 1518 г. и пришел к выводу, что в основе обеих летописей лежал свод 1518 г.; источником свода 1518 г. (согласно наблюдениям А. Н. Насонова) можно считать оппозиционный по отношению к *Ивану III* свод 80-х гг. XV в.

Особенную близость Л. Л. обнаруживает и к Архивскому списку Софийской II, не имеющему начала; она повторяет даже дефекты этого списка. Однако в ряде мест Л. Л. содержит более первичные чтения, чем Софийская II; в частности, здесь сохранились известия, восходящие, очевидно, к оппозиционному своду 80-х гг. XV в. и не сохраненные в Софийской II (известие об убийстве Дмитрия Шемяки, организованном по прямому распоряжению Василия II; полный текст рассказа о завоевании Новгорода в 1471 г., см. *Повести о присоединении Новгорода* и др.). По-видимому, источником Л. Л. был непосредственный оригинал Архивского списка Софийской II — свод 1518 г. Первая часть Л. Л. не имеет прямого соответствия с Софийской II (в Архивском списке Софийской II текст до 1397 г. вообще отсутствует, а в Воскресенском списке той же летописи здесь помещен текст *летописи Софийской I*). Первая часть Л. Л. в значительной степени сходна с текстом *летописи Ермолинской*, совпадая с ней во всех отличиях, которые Ермолинская обнаруживает здесь по отношению к своему источнику — особой обработке свода 1448 г., отразившейся и в *летописном своде Московском великокняжеском 1479 г.* Текст Л. Л. не заканчивается 1518 г., а продолжается до 1533 г., после чего в ряде списков Л. Л. помещен «*Летописец начала царства*», которым продолжена также одна из редакций *летописи Никоновской*.

Изд.: Летописец русской от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича / Издано Н. Л[ьвовым]. СПб., 1792, ч. 1—5; ПСРЛ, СПб., 1910—1914, т. 20.

Лит.: Шахматов А. А. 1) Разбор сочинения Тихомирова, с. 21, 41—48; 2) Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904, с. 26—48; Извлечение из протоколов заседания Археологической комиссии. — ЛЗАК, СПб., 1914, вып. 26, с. 54—55; Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества. — Известия АН СССР. VII серия. Л., 1930, № 9, с. 714—721; Лихачев В. Русские летописи, с. 474—475; Лурье Я. С. 1) Холмогорская летопись. — ТОДРЛ, М.; Л., 1970, т. 25, с. 140—141; 2) Общерусские летописи, с. 210—213, 223—240.

Я. С. Лурье

Летопись Никаноровская — летопись второй половины XV в., сохранившаяся в списке XVII в. (БАН, 16.17.1) и его копии. Открыта А. А. Шахматовым, назвавшим эту летопись по имени одного из владельцев ее рукописи — игумена Воскресенского Новоиерусалимского монастыря Никанора. А. А. Шахматов обратил внимание на почти полную

идентичность Л. Н. с летописью *Вологодско-Пермской* вплоть до 1471 г., на котором текст Л. Н. кончается, между тем как текст Вологодско-Пермской продолжен известиями, связанными с Вологодой и севернорусскими землями. Шахматов предполагал, что в основе Л. Н. и Вологодско-Пермской лежал летописный свод 1472 г., но не давал точного определения этому своду, полагая, что лишь его заключительная часть (излагающая события XV в.) связана с великокняжеским летописанием. М. Д. Приселков считал, что весь текст Л. Н. представляет собой великокняжеский свод 1472 г., созданный после победы над Новгородом в 1471 г.

В настоящее время известны два фрагментарных летописных текста, близких к Л. Н. и Вологодско-Пермской. Это — Музейный летописец, сохранившийся в двух списках (Музейный сборник — ГБЛ, Музейное собр., № 3271 и Воронцовский сборник — БАН, 34.2.31), и летописный текст, обрывающийся на 1469 г. и дошедший в «Летописи русской», принадлежавшей западноукраинскому историку И. Лавровскому. Характерной особенностью всех этих текстов, включая Л. Н. и Вологодско-Пермскую, является то, что положив в основу текст, близкий к летописи *Софийской I* старшей редакции, они подвергли его существенному сокращению, опустив множество новгородских известий, а также религиозных сентенций и цитат. Наиболее последовательно обработаны во всех этих летописях известия «свода 1448 г.» (*Софийская I*) об изгнаниях князей из Новгорода (слова «изгнаша», «выгнаша», «выведоша (князя)», «показаша путь (князю)» последовательно заменены на «(князь) изыде», «выеха» и т. д.); все перемены власти в Новгороде последовательно изображаются как следствие инициативы владимирско-московских великих князей. Все эти особенности дают основание видеть в протографе Л. Н., Вологодско-Пермской и упомянутых выше фрагментарных текстов московскую великокняжескую летопись 50—70-х гг. XV в. Особая тщательность при исключении всех упоминаний об изгнании новгородских князей была связана, по-видимому, с тем, что Яжелбицкий мир 1456 г. и Коростынский мир 1471 г. формально не отменяли новгородской конституции и обязывали московских великих князей держать Новгород «в старине»; поэтому нежелательно было упоминать, что такая «старина» давала прежде новгородцам право выгонять неугодных князей. Тому же великокняжескому своду 50—70-х гг. принадлежал, очевидно, и ряд развернутых рассказов о феодальной войне в Московском княжестве в 30—40-х гг., проникнутых сочувствием к *Василию II*, включая летописную повесть об ослеплении Василия II; эти рассказы были заимствованы затем летописным сводом *Московским великокняжеским 1479 г.* и всем последующим официальным летописанием. В отличие от Музейного летописца и летописи Лавровского общий протограф Л. Н. и Вологодско-Пермской включал еще известие о трех браках московского князя XIV в. Семена Гордого (включение этой справки, возможно, связано с женитьбой *Ивана III* на Софье Палеолог в 1472 г.) и развернутый рассказ о нападении Едигея на Москву (из *Троицкой летописи*), нападении Талыча на Владимир и других событиях 6916 (1408) г. (см. *Повесть о нашествии Едигея*). Последние рассказы также были усвоены более поздним летописанием.

Вопрос о взаимоотношениях Л. Н. с Вологодско-Пермской летописью спорен. Высказывалось предположение о Л. Н. как о дефектном списке Вологодско-Пермской летописи, обрывающемся на 1471 г. Более вероятным, однако, пока представляется восхождение этих летописей к общему протографу.

Изд.: ПСРЛ, М.; Л., 1962, т. 27, с. 17—161.

Лит.: Шахматов А. А. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, сентябрь, отд. 2, с. 141—144, 154—157; 2) Обзорение, с. 346—360; Приселков. История летописания, с. 177—178, 182—183; Лихачев. Русские летописи, с. 471—472; Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — ПИ, М., 1955, вып. 4, с. 250—251; Кудрявцев И. М.

Сборник последней четверти XV—начала XVI в. из Музейного собрания. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, М., 1962, вып. 25, с. 225—233; Лурье. Общерусские летописи, с. 122—147; К л о с с, Л у р ь е. Русские летописи, с. 122—138.

Я. С. Лурье

Летопись Никоновская — крупнейший памятник русского летописания XVI в., получивший свое название по одному из списков, принадлежавшему патриарху *Никону*. В научный оборот введена В. Н. Татищевым, ошибочно предположившим, что летопись и создана при участии патриарха Никона. Первоначальная редакция Л. Н. доводила изложение до 1520 г. и была составлена при московской митрополичьей кафедре в конце 20-х гг. XVI в. Ее оригинал сохранился в рукописи М. А. Оболенского (ЦГАДА, ф. 201, № 163).

Л. Н. представляет собой обширную компиляцию, в которой использованы различные местные летописцы, повести, сказания, жития святых, записи народного эпоса, архивные документы. Основными источниками Л. Н. были летописи *Симеоновская*, *Иоасафовская*, *Новгородская Хронографическая*, а также сборник церковного содержания ГБЛ, ф. 173, № 82. Целый ряд известий Л. Н. носит уникальный характер и дошел до нашего времени только в составе этой летописи. Исторический материал подвергся в Л. Н. существенной литературной и идеологической обработке. При этом составитель Л. Н. последовательно проводил идеи защиты имущественных интересов церкви, союза светской и духовной власти, полной поддержки внутренней и внешней политики правительства великого князя *Василия III*. Кроме того, на страницах Л. Н. нашли историческое обоснование вопросы, которые явились предметом обсуждения церковного собора 1531 г.: о праве монастырей на владение селами, о законности поставления русского митрополита собором епископов без санкции константинопольского патриарха, о борьбе с ересью. Изучение стилистических особенностей редакторских вставок в тексте Л. Н. убеждает в том, что редактором-составителем летописного свода являлся митрополит *Даниил* (1522—1539 гг.) — крупный писатель, церковный и политический деятель средневековой Руси.

Во второй половине 50-х гг. XVI в. летописный свод митрополита Даниила (каковым является Л. Н.) был соединен с материалами официальной историографии. С митрополичьего летописца была снята копия и дополнена по летописи *Воскресенской* и «*Летописцу начала царства*» редакции 1556 г. — так образовался Патриарший список (БАН, 32.17.8). Эта рукопись с самого начала обращалась в церковных кругах: в начале 60-х гг. XVI в. она использовалась при составлении «*Степенной книги*» (в митрополичьем Чудовом монастыре, см. *Афанасий*, митрополит); в XVII в. она хранилась в патриаршей ризнице, а в 70-х гг. этого же столетия список был положен в основу обширного патриаршего свода, известного по двум беловым копиям (ЦГАДА, ф. 181, № 351/800 и ГБЛ, ф. 556, № 34). Оригиналом же летописного свода митрополита Даниила остался в Казенном приказе и был дополнен по тем же источникам, которые были использованы в Патриаршем списке: по *Воскресенской* летописи (но в другом объеме) и «*Летописцу начала царства*». Несколько позже к нему была присоединена еще одна часть с изложением событий 1556—1558 гг. — так образовался список Оболенского. Существует предположение, что именно над этой рукописью работал в 1560 г., во время пребывания в Ливонии, известный государственный деятель периода «избранной рады» А. Ф. Адашев.

В 1568—1576 гг., когда в Александровской слободе по царскому заказу создавался грандиозный летописный свод *Лицевой*, список Оболенского использовался в качестве главного источника при изложении событий русской истории. По-видимому, в конце правления *Ивана IV Грозного* список был передан в Троице-Сергиев монастырь, где находился

до 1637 г. В 1637 г. в связи с затребованием рукописи в московский Приказ Большого дворца в монастыре с нее была снята копия, которая положила начало новой редакции Л. Н.; текст летописи был дополнен некоторыми повестями и продолжен по летописцу Новому (памятнику официальной историографии XVII в.). Троицкая редакция Л. Н. известна по нескольким спискам, один из которых (Никоновский — БАН, 17.2.5) был выполнен специально для патриарха Никона и дал название всей летописи.

Изд.: Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1767—1792, ч. 1—8; ПСРЛ. СПб., 1862—1910, т. 9—14 (фототипическое воспроизведение: М., 1965).

Лит.: Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899, ч. 1, с. CLIV—CLXXI; Шахматов А. А. 1) Разбор сочинения Тихомирова, с. 166—177; 2) Иоасафовская летопись. — ЖМНП, 1904, № 5, с. 69—79; 3) Обзорение, с. 370—371; Платонов С. Ф. К вопросу о Никоновском своде. — ИОРЯС, 1902, т. 7, кн. 3, с. 24—33; Лавров Н. Ф. Заметки о Никоновской летописи. — ЛЗАК, 1927, вып. 1 (34), с. 55—90; Розанов С. П. «Никоновский» летописный свод и Иоасаф как один из его составителей. — ИпоРЯС, 1930, т. 3, кн. 1, с. 269—287; Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. М., 1965, с. 20—32, 272—281; К л о с с. Никоновский свод.

Б. М. Клосс

Летопись Новгородская I (далее: НIЛ) — древнейшая летопись Новгородской феодальной республики. Хотя в основе НIЛ лежала местная летопись, ведшаяся при дворе епископа, новгородское летописание неоднократно входило в соприкосновение с летописанием других древнерусских центров. Таким образом, новгородский читатель получал представление о наиболее важных исторических событиях, происходивших во всей Русской земле.

НIЛ известна в двух изводах (редакциях). Старший извод представлен пергаменным Синодальным списком XIII—XIV вв. (ГИМ, Синодальное собр., № 786). Список дефектный: утрачены первые 16 тетрадей (с начала летописи до 1016 г.) и одна тетрадь с изложением событий 1273—1298 гг. Часть летописи до 1234 г. писана двумя почерками конца XIII в., в одном из которых признается рука Тимофея, пономаря церкви св. Якова из Людина конца, переписавшего в 1282 г. *Пролог* для церкви св. Образа (ГИМ, собр. Хлудова, № 187). В данной части Синодального списка вообще обнаруживается интерес к церковному строительству в пределах Людина конца и в близлежащем Аркадиевском монастыре и содержатся известия, которые отсутствуют в других новгородских летописях. Можно полагать, что при создании рукописи были использованы владычная летопись и записи, ведшиеся при церкви св. Якова. Другая часть Синодального списка датируется второй четвертью XIV в.: она доводит изложение до 1330-х гг. и имеет приписки, сделанные разными почерками и доходящие до середины XIV в. Вероятно, первоначальное окончание летописи XIII в. по политическим соображениям было изъято и заменено новым (в тексте заметны следы нескольких пластов редакторской работы во времена острого московско-тверского соперничества за обладание великокняжеским столом и новгородским княжением).

Младший извод НIЛ близок к Синодальному списку, но продолжает его до 40-х гг. XV в. Известны два основных списка НIЛ младшего извода: Академический (БАН, 17.8.36) и Комиссионный (ЛОИИ, собр. Археограф. комиссии, № 240). Академический список утратил часть листов, но, судя по снятым с него в XVIII в. копиям, кончался 1443 г. По палеографическим данным список относится к 40-м гг. XV в., а согласно свидетельству В. Н. Татищева (приобретшего рукопись у раскольников), имел точную дату написания — 1444 г. Комиссионный список относится к середине XV в., в основной своей части доведен до 1439 г., другой рукой (и на другой бумаге) написаны известия 1440—1446 гг. Хотя протограф списков НIЛ младшего извода доходил до 1432 г., окон-

чательно летопись сформировалась в конце 30-х гг. XV в., поскольку в нее включены материалы, использованные в общерусском своде, отражившемся в *Новгородской IV* и *Софийской I летописях* (Новгородско-Софийском своде, по терминологии А. А. Шахматова; возможно, что свод этот составлялся в Новгороде).

Значение НИЛ младшего извода в истории русского летописания вскрыто трудами А. А. Шахматова. Он показал, что в ранних известиях летописи отразился так называемый Начальный свод конца XI в., предшествующий *Повести временных лет*. Шахматов, правда, считал, что в утраченной части Синодального списка читался иной текст, но в современных работах эта точка зрения отвергается: во-первых, в сопоставимой части оба извода действительно очень близки; во-вторых, объем текста утраченных 16 тетрадей Синодального списка ненамного превосходит объем соответствующей части младшего извода. Кроме того, можно указать в самом Синодальном списке фрагменты (под 1198, 1238, 1268 гг.), выписанные из того же Начального свода, который представлен в НИЛ младшего извода. Ясно, таким образом, что в XIII в. Начальный свод уже использовался в новгородском летописании. В литературе высказывалось мнение о привлечении Начального свода в Новгороде еще ранее — в XII в., однако этот вывод пока не подкреплён текстологическими аргументами. Напротив, в тексте Предисловия к Начальному своду имеется след редактуры, связывающей его с *Повестью о взятии Царьграда фрягами* в 1204 г. (Повесть читается в обоих изводах НИЛ). По-видимому, Начальный свод появился в Новгороде лишь в XIII в.

Изд.: Летописец новгородский, начинающийся от 6525/1017 году и кончающийся 6860/1352 годом. М., 1781; 2-е изд. М., 1781; Новгородский летописец, начинающийся от 946 и продолжающийся до 1441 года. — Продолжение ДРВ, СПб., 1786, ч. 2, с. 1—IV, 257—742; Новгородские летописи. СПб., 1841, с. V—IX, 1—114 (ПСРЛ, т. 3); Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1875; Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950; Новгородская харатейная летопись: (Текст) / Изд. под наблюд. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1964.

Лит.: Прозоровский Д. Кто был первым писателем первой Новгородской летописи? — ЖМНП, 1852, ч. 75, июль, отд. 2, с. 1—28; Срезневский И. И. Исследования о летописях Новгородских. — В кн.: Срезневский И. И. Статьи о древних русских летописях (1853—1866). СПб., 1903, с. 1—25; Погodin М. П. Новгородские летописи. — ИпоРЯС, 1857, т. 6, вып. 3, л. 13—16, отд. Исторические чтения о языке и словесности, стб. 209—233; Янищ Н. Н. Новгородская летопись и ее московские переделки. М., 1874 (отд. отт. из ЧОИДР, 1874, кн. 2, отд. 1, с. 1—96); Сеяигов И. П. О древнейшем летописном своде Великого Новгорода. Исследование. СПб., 1885 (отд. отт. из ЛЗАК, СПб., 1888, вып. 8); Тихомиров И. А. Несколько заметок о новгородских летописях. — ЖМНП, 1892, ч. 283, сентябрь, отд. 2, с. 144—152; Шахматов А. А. 1) Разыскания, с. 182—257, 378—398, 491—527, 611—629; 2) Обзорение, с. 128—132; 3) Киевский начальный свод 1095 года. — В кн.: Шахматов А. А. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947, с. 117—160; Троицкий И. М. Опыт анализа первой Новгородской летописи. — Известия АН СССР. VII серия. Отд-ние обществ. наук. Л., 1933, № 5, с. 337—362; Лихачев Д. С. 1) Новгородские летописные своды XII в. (Автореф. канд. дис.). — Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка. М., 1944, т. 3, вып. 2—3, с. 98—106; 2) Русские летописи, с. 197—215; 3) «Софийский временник» и новгородский политический перевод 1136 г. — ИЗ, М., 1948, т. 25, с. 240—265; Зимин А., Насонов А. О так называемом Троицком списке Новгородской первой летописи. — ВИ, 1951, № 2, с. 89—91; Подвигина Н. Л. К вопросу о месте составления Синодального списка Новгородской первой летописи. — Вестник МГУ, сер. 9 (История), 1966, № 1, с. 67—75; Кloss, Лурье. Русские летописи XI—XV вв., с. 80—83.

Б. М. Кloss

Летопись Новгородская IV (далее: НIVЛ) — летопись XV в., дошедшая в двух редакциях — старшей, доведенной до 1437 г. (Новороссийский и Голицынский списки), и младшей, в основной части доходящей до 1447 г. и далее продолженной по-разному в разных списках; текст старшей и младшей редакции сходен до 1428 г. НIVЛ была издана в ПСРЛ в 1848 г. и переиздана в 1915—1925 гг.

Совпадение НІVЛ с *летописью Софійской I* с начала и до 6926 (1418) г. дает основание считать ее новгородской версией их общего протографа. Софійская I включает ряд больших статей, опущенных в НІVЛ, но в ряде случаев НІVЛ сохраняет более первоначальные чтения. В *летописи Новгородской Карамзинской*, передающей, по-видимому, наиболее раннюю редакцию НІVЛ, и в еще большей степени в НІVЛ первоначальный текст «свода 1448 г.» был пополнен дополнительными новгородскими и частично ростовскими известиями. Среди этих дополнительных известий НІVЛ — летописчик новгородских посадников и семейный летописец новгородца *Матфея Михайлова* (известия о его рождении, смерти отца и матери, женьитбе и т. д.) и ряд статей церковно-учительного характера: поучение архиепископа Луки, рассказ дьякона *Александра* о святынях Царьграда, плач о смерти митрополита *Киприана* и тверского владыки *Арсения* и др. На основе НІVЛ был составлен краткий летописец, помещенный в начальной части *летописца Рогожского*, *Летописи Авраамки* и некоторых других памятников. НІVЛ легла также в основу новгородских летописей последующего времени — *летописи Новгородской Хронографической* (Новгородской V), *Новгородской Уваровской* и Новгородского свода 1539 г. (Новгородская летопись по списку Дубровского и др.).

В нескольких списках НІVЛ младшей редакции (Строевский и Синадальный списки) до нас дошло летописание последних лет Новгородской республики (до 1477 г.), в частности чрезвычайно яркий рассказ о победе *Ивана III* над Новгородом в 1471 г. (см. *Повести о присоединении Новгорода*). В отличие от московских летописей, излагавших это событие в традиционном этикетном стиле, с упоминанием о вмешательстве «божественной рати» на стороне Москвы, НІVЛ конкретно описывает вполне земные обстоятельства поражения новгородцев, внутренние раздоры между «меньшими» и «большими» людьми, прямую измену в городе и т. д.

Изд.: ПСРЛ, СПб., 1848, т. 4; 2-е изд. Пг.; Л., 1915—1925.

Лит.: Шахматов А. А. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, сентябрь, отд. 2, с. 90—176; 2) Обзорение, с. 182—188; Приселков. История летописания, с. 150—151; Лихачев. Русские летописи, с. 445—450; Лурье. Общерусские летописи, с. 72—83.

Я. С. Лурье

Летопись Новгородская Карамзинская — летопись середины XV в., дошедшая в единственном списке, принадлежавшем Н. М. Карамзину (ГПБ, Ф.IV.603). А. А. Шахматов, впервые исследовавший эту летопись, колебался в ее определении, считая, что Л. Н. К. была либо первоначальной редакцией *летописи Новгородской IV*, либо отражением общего источника летописи Новгородской IV и *летописи Софійской I* — «свода 1448 г.». Первое из этих предположений представляется более вероятным, так как в некоторых случаях Л. Н. К., как и Новгородская IV, обнаруживает явно вторичные по отношению к Софійской I чтения (сокращение больших летописных повестей Софійской I, дублировка ряда известий и т. д.) и не могла поэтому отражать общий протограф Софійской I и Новгородской IV. Но по отношению к Новгородской IV текст Л. Н. К. явно первоначален: текст здесь в ряде случаев ближе к Софійской I; кроме того, в Л. Н. К. содержится ряд памятников, которых нет в Софійской I и от которых в Новгородской IV сохранились лишь фрагменты.

Характерной особенностью Л. Н. К. является необычное расположение ее текста в единственном дошедшем до нас списке. До рассказа о крещении Руси текст почти совпадает с Новгородской IV, но далее он разделяется на две выборки. В первой, доведенной до 6919 (1411) г., читаются известия, соответствующие первым половинам годовых статей Новгородской IV и преимущественно связанные с Новгородом; во второй,

с 6496 (988) по 6936 (1428) г., — тексты, соответствующие вторым половинам годовых статей Новгородской IV (сюда попали все большие летописные повести). Но рассматривать эти выборки как самостоятельные памятники невозможно, так как текст их фрагментарен и часто обретает смысл только при воссоединении годовых статей обеих выборок. А. А. Шахматов полагал, что такое разделение — результат неудачной попытки писца, создавшего рукопись F.IV.603, сделать из «обыкновенного летописного свода» (близкого к Новгородской IV) выборку новгородских известий; убедившись в неудачности получившейся «механической» выборки, писец дополнил по оригиналу все пропущенное прежде. Возможно, однако, что разделение оригинала («свода 1448 г.») было произведено создателем Л. Н. К. сознательно — подобное разделение текста на две части (более важную, по мнению редактора, и менее важную) встречается и в других летописях, например в *летописи Вологодско-Пермской* первой редакции. Но Новгородская IV, во всяком случае, не сохранила такого разделения текста на две выборки, расположив весь свой материал в едином хронологическом порядке.

Научная ценность Л. Н. К. определяется, помимо ее первичности по отношению к Новгородской IV летописи, также наличием ряда уникальных статей, например грамот константинопольского патриарха Антония в Новгород 6898 (1390) и 6902 (1394) гг., не сохранившихся, кроме Л. Н. К., ни в других летописных текстах, ни в отдельных списках. Издания текста Л. Н. К. нет (в настоящее время готовится к печати).

Лит.: Шахматов А. А. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, сентябрь, отд. 1, с. 96—98; 2) Обзорение, с. 190—195; Лурье Я. С. 1) Новгородская Карамзинская летопись. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 29, с. 207—213; 2) Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи. — ТОДРЛ, Л., 1977, т. 32, с. 199—218; Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема общерусского сводного летописания. — Там же, с. 165—198.

Я. С. Лурье

Летопись Новгородская Хронографическая (или **Хронографический список летописи Новгородской IV**) — летопись конца XV в., дошедшая в единственном полном списке (ГИМ, Синодальное собр., № 280; существует еще неполный список — ГИМ, Синодальное собр., № 154), содержащем также *Хронограф Руский*. Первая часть Л. Н. Х., до 1446 г., дошедшая также в ряде сокращенных списков новгородских летописей (ГПБ, собр. Погодина, № 1404а, 1402 и др.), была определена А. А. Шахматовым как Новгородская V летопись. Она представляет собой особую редакцию летописи Новгородской IV, в которой значительно расширен (на основе *летописи Новгородской I*) материал новгородских известий. Начиная с середины XV в. в Л. Н. Х. обнаруживаются совпадения с летописным сводом Сокращенным; в заключительной части (после 1472 г.) Л. Н. Х. содержит текст великокняжеского свода, близкий к тому, который читается в Мазуринском виде Сокращенного свода. Характерной особенностью этой части Л. Н. Х. является рассказ 6999 (1491) г. о соборе на еретиков, более подробный, чем в Сокращенных сводах, *летописном своде великокняжеском Московском конца XV в.* и других летописях. Этот рассказ и помещенные вместе с ним известия обнаруживают явную связь летописца с главным «обличителем» ереси — новгородским архиепископом *Геннадием*. Можно предполагать поэтому, что источником Л. Н. Х. была версия Сокращенного свода Мазуринского вида, проредактированная в Новгороде. Текст Л. Н. Х. в списке Синодального собр., № 280 прерывается на 6999 г., после чего в этом списке следует текст за 6999—7004 гг., заимствованный из *летописи Иоасафовской XVI в.*

Изд.: ПСРЛ, СПб., 1848, т. 4, с. 146—165.

Лит.: Шахматов А. А. 1) О так называемой Ростовской летописи. М., 1904,

с. 53—54; 2) Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904, с. 9—21, 78—79; 3) Обзорение, с. 196—207; К л о с с Б. М. Новгородская V летопись и вопрос об источниках Никоновского свода. — В кн.: Летописи и хроники. Сб. статей. 1973 г. М., 1974, с. 257—264; Л у р ь е. Общерусские летописи, с. 241—251; К л о с с Б. М., Л у р ь е Я. С. Русские летописи XI—XV вв., с. 91.

Я. С. Лурье

Летописи псковские — летописи XV—XVII в., связанные единством происхождения, но представляющие собой несколько самостоятельных памятников. Уже издатели Л. П. в ПСРЛ в 1848—1851 гг. выделили две летописи под этим наименованием — Псковскую первую летопись (Архивский 1-й, Архивский 2-й, Строевский и другие списки) и Псковскую вторую (Синодальный список). А. Н. Насонов в издании 1941—1955 гг. привлек неизвестный прежде Тихановский список Л. П., близкий к Архивскому 1-му, и обнаружил важные различия между этими списками и Строевским, Архивским 2-м и другими. Он выделил на этом основании три Л. П.: Псковскую I (Тихановский, Архивский 1-й и другие списки), Псковскую II (Синодальный список) и Псковскую III (Строевский и Архивский 2-й списки).

Л. П. содержат богатый материал по истории псковской земли, Новгорода, Прибалтики и Москвы. Летописное дело в Пскове зарождается в XIII в., в XIV в. оно принимает регулярный характер, что связано с экономическим подъемом и ростом города, борьбой за политическую независимость от Новгорода. Центром летописного дела в Пскове на протяжении XIV в. был Троицкий собор, руководили псковским летописанием выборные вечевые власти, в частности посадники. Псковская летопись XIII—XIV вв. носит по преимуществу деловой, местный характер. Центральное место в текстах XIII—XIV вв. занимают рассказы о сражениях с Ливонским орденом, описание «розратий» и ссор с Новгородом и Литвой, записи о строительстве церквей и городских стен, о поставлении князей и посадников, о неурожаях, голоде, болезнях, небесных знамениях и т. д. Сообщения об общерусских событиях в Л. П. немногочисленны и лаконичны. Трудно судить о том, сложились ли летописные записи XIV в. в свод. Г.-Ю. Грабмюллер считает, что первый псковский свод был составлен в 1368 г. Я. С. Лурье в рецензии на книгу Грабмюллера справедливо замечает, что существование свода середины XIV в. возможно, но текстологически не доказано.

Летописная работа при Троицком соборе продолжалась и в XV в. Летописные записи становились все более подробными и охватывали весь круг событий военной, гражданской и церковной жизни Пскова. По-прежнему летописцы уделяли большое внимание напряженным отношениям Пскова с Новгородом, Литвой, Москвой, военным столкновениям с Ливонским орденом, вечевой борьбе и т. д. Однако в XV в. псковские летописи приобретают постепенно общерусский характер, тематика их расширяется, интерес начинают вызывать события, которые не имеют прямого отношения к Пскову: борьба в Орде, удельные смуты, события в Литве и Новгороде. К концу XIV—первой половине XV в. можно отнести составление одного из первых псковских летописных сводов, его следы обнаруживаются в общерусском летописании: псковский свод (его состав не изучен) был одним из источников общерусского свода 40-х годов XV в., протографа *летописей Софийской I* и *Новгородской IV*. Г.-Ю. Грабмюллер выделяет несколько псковских летописных сводов первой половины XV в. — своды 1410, 1426, 1436, 1447 гг., но и их существование не получает точных текстологических доказательств. Второй половиной XV в. датируются первые дошедшие до нас псковские своды; в это же время выделяются три ветви псковского летописания, очень различные по своим идейно-политическим тенденциям — Псковские I, II и III летописи (ПШЛ, ПШЛ, ПШЛ).

ПІІ на протяжении XV—XVII вв. дает несколько редакций. Самая ранняя редакция — свод 1469 г. — представлена Тихановским списком. ПІІ по Тихановскому списку открывается *Повестью о Довмонте*, затем следует краткое хронографическое введение, после чего начинается изложение русской и псковской истории. Заканчивается свод 1469 г. рассказом о событиях 1464—1469 гг., связанных с борьбой Пскова за самостоятельную епископию. Свод 1469 г., как считает А. Н. Насонов (Из истории псковского летописания, с. 271—272), восходит к своду 1464 г., общему протографу Л. П., он был продолжен дальше. Сравнение остальных списков Л. П. показывает, что значительная близость между тремя Л. П. наблюдается до 1482 г. Впервые предположение о существовании свода 1481 г. было выдвинуто А. А. Шахматовым, оно разработано затем в трудах современных ученых. Именно этим годом заканчивается Архивский 1-й список ПІІ. По композиции и тексту Архивский 1-й список подобен Тихановскому списку, но конец его дефектен, статья 1464 г. обрывается на середине фразы, затем следует небольшой фрагмент текста из статьи 1481 г., который также обрывается на полуслове. Отсутствие статей 1464—1481 гг. в Архивском 1-м списке можно объяснить механическим дефектом его оригинала, пропуск текста восстанавливается по редакциям ПІІ, продолжавшим свод 1481 г. Итак, можно предположить, что свод 1481 г. по композиции и содержанию был подобен своду 1464 г. и дополнил его описанием событий последних лет; особое внимание составитель свода 1481 г. уделял борьбе с Новгородом в 1478 г. и отношениям Пскова с великим князем московским.

Новая редакция ПІІ представлена сводом 1547 г. (списки Погодинский и Оболенского, оригинал этого свода представлен Варшавским списком, который датируется 1548 г.). Свод 1547 г. интересен по составу: по 1446 г. в нем читается *летопись Новгородская V*, а начиная с 1447 г. следует текст, близкий Архивскому 1-му списку. Составление свода 1547 г. ученые связывают с псковским Елеазаровым монастырем и именем старца *Филофея*. Еще А. А. Шахматов заметил, что ПІІ по спискам Погодинскому и Оболенского близка по своим политическим тенденциям посланиям Филофея. Это предположение поддержал А. Н. Насонов; некоторые текстологические доказательства тому были приведены Н. Н. Масленниковой, обнаружившей сходство небольших фрагментов в летописи и Послании Филофея к великому князю Ивану Васильевичу. В своде 1547 г., как и в посланиях Филофея, сочетаются уважение к великому князю московскому и безусловное приятие его власти с обличением московских наместников и тех порядков, которые они установили в Пскове. Особенно отчетливо эти настроения проявляются в описании событий 1510 г. (см.: *Повесть о псковском взятии*), а также в статьях 1528 и 1541 гг. В XVII в. свод 1547 г. был переработан на основе общерусского и новгородского материала при Новгородском Софийском соборе, при этом сокращению подвергались тексты как Новгородской V летописи, так и ПІІ.

ПІІІ представляет собою свод 1567 г., продолженный затем до середины XVII в. ПІІІ по 1481 г. включительно восходит к общему с ПІІ протографу, содержание которого обе летописи передают с разной полнотой. Взаимоотношения ПІІ и ПІІІ за конец XV—XVI в. еще не выяснены. Близость между ними в отдельных текстах наблюдается и после 1481 г., что предполагает существование еще одного свода, служившего их общим источником. В ПІІІ текст этого источника передан в более сокращенном виде, чем в ПІІ. Расходятся летописи и в оценке многих событий, свод 1567 г. резко враждебен власти великого князя московского. В антимосковской редакции читаются в своде 1567 г. статьи 1443, 1462 гг., часто опускаются известия о наместниках великого князя, умалчивается о тех событиях, которые свидетельствовали бы о подчиненности Пскова Москве, в частности об их совместной борьбе против нем-

цев и Литвы (статьи 1490, 1500, 1501, 1511, 1517 гг. и др.). Описывая события 1510 г., составитель свода 1567 г. обвиняет великого князя в том, что он «старину порушил, забыв отца его и дедов его слова и жалованья до пскович и кресного целования». Установление нового порядка рассматривается в своде как начало антихристового царства; используя цитату из Апокалипсиса, гл. 54, летописец предрекает: «пять бо царей минуло, а шестый есть, но не у бе пришел; шестое бо царство именует в Руси Скивскаго острова; си бо именует шестый, а седьмы по том еще, а осмый антихрист». Автор свода 1567 г. открыто выражает неодобрение *Василию III Ивановичу*, постригнутому свою жену Соломонию и женившемуся на Елене (статья 1523 г.). Негативно отношение свода 1567 г. и к *Ивану IV*. В связи с женитьбой Ивана IV и венчанием его на царство летописец вновь вспоминает Апокалипсис: «пять бо царев минуло, а шестой есть, но не убо бе пришло, но се абие уже настало и приде».

Свод 1567 г. дошел до нас в оригинале — Строевском списке 60-х гг. XVII в. Основной летописный текст в Строевском списке кончается на 1556 г., дальнейший текст до 1567 г. носит характер приписок, сделанных разными почерками. Содержание приписок разнообразно, некоторые из них связаны с интересами и историей Псково-Печерского монастыря. Еще в 1848 г. редакторы IV тома ПСРЛ предполагали, что Строевский список принадлежал Псково-Печерскому монастырю. Более тщательное изучение Строевского списка, содержания свода 1567 г. в целом и соотношения Строевского списка с другими списками ПИЛ привели А. Н. Насонова к выводу (вызывавшему, однако, возражения Н. Е. Андреева), что свод 1567 г. создавался в Псково-Печерском монастыре и был составлен если не самим игуменом *Корнилием* (игуменствовал с 1529 по 1570 г.), то под его непосредственным руководством. Политические настроения свода 1567 г. действительно близки Псково-Печерскому монастырю, находящемуся в оппозиции к власти великого князя московского. Об этом свидетельствует, в частности, тесная связь монастыря с *Андреем Михайловичем Курбским*, которая продолжалась и после его бегства в Литву. Строевский список ПИЛ хранился в Псково-Печерском монастыре, здесь он был продолжен до середины XVII в. В Псково-Печерском своде середины XVII в. был полностью переписан свод 1567 г., затем составитель обратился к иным источникам и вновь рассказал о событиях 1493—1645 гг. Состав этих новых источников не изучен, среди них возможны, как считает А. Н. Насонов (Псковские летописи, вып. 2, с. XXXIII), *летописи Воскресенская* или *Львовская*, Новгородская V летопись и сложная компиляция из кратких общерусских и псковских известий. Псково-Печерский свод середины XVII в. попал в руки коллекционеру рукописей В. Н. Собакину, сыну псковского воеводы, и по его приказу был переписан с небольшими добавлениями из разрядных книг; кроме того, были добавлены записи о Н. С. Собакине. Так появился Архивский 2-й список ПИЛ.

Особое место в псковском летописании занимает ПИЛ — свод 1486 г.; она дошла до нас в единственном списке конца XV в. (Синодальный, № 154). ПИЛ восходит к общему с ПИЛ и ПИЛ протографу. Г.-Ю. Грабмюллер полагает, что ПИЛ как самостоятельная ветвь летописания выделилась после 1410 г.; правда, он предполагает дополнительное использование в ней свода 1481 г., так как сходство между всеми тремя Л. П. наблюдается по этот год включительно. Вероятнее всего, именно свод 1481 г. был непосредственным протографом ПИЛ, как и других псковских летописей. Однако содержание общего протографа в ПИЛ подверглось большой переработке. На всем протяжении летописи составитель свода 1486 г. сокращал текст общего протографа, причем в сокращениях прослеживаются определенные тенденции: исключаются упоминания о псковском вече, усиливаются резкие оценки политики Новгорода по отношению к Пскову. Зато очень подробно составитель ПИЛ описывает

волнения 1483—1486 гг. в Пскове. Они были вызваны недовольством городских низов, веча псковскими посадниками, которые обвинялись вместе с князем Ярославом в составлении новой смердьеи грамоты. ППЛ, рассказывая о перипетиях брани о смердах, с большим уважением и благожелательностью относится к посадникам, к великому князю московскому и его наместнику в Пскове. Политические тенденции свода 1486 г. Г.-Ю. Грабмюллер определяет как промосковские, его составление он связывает с группой посадников — Леонтия Тимофеевича, Василия Логиновича, Степана Максимовича, которые выступали совместно с князем Ярославом и пользовались поддержкой великого князя *Ивана III*. Среди них он выделяет Степана Максимовича Дойниковича (псковский посадник в 1476—1484, 1486—1499 гг.) и считает, что именно ему принадлежит инициатива составления летописи, которая должна была служить оправданием действий группы посадников в событиях 1483—1486 гг. Степан Максимович известен как заказчик еще и другого сборника конца XV в. — Псково-Печерского, содержащего «Слово о погибели Русской земли» с *Житием Александра Невского* (Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965, с. 195—204).

Изд.: Псковская летопись. М., 1837; ПСРЛ, СПб., 1848. т. 4; ПСРЛ, СПб., 1851, т. 5; Псковские летописи / Приготовил к печати А. Насонов. М.; Л., 1941, вып. 1; М., 1955, вып. 2.

Лит.: Тихомиров И. А. О первой псковской летописи. — ЖМНП, 1883, октябрь, с. 208—236; Шахматов А. А.: 1) К вопросу о происхождении хронографа. — СОРЯС, 1899, т. 66, № 8, с. 108—113; 2) Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV вв. — ЖМНП, 1909, июнь, с. 105—177; 3) Обзорные, с. 369; Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1908, т. 2, кн. 1, с. 783—848; Насонов А. Н. 1) Летописные памятники Пскова. — Историк-марксист, 1937, с. 271—272; 2) Из истории псковского летописания. — ИЗ, 1946, т. 18, с. 255—294; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 34, 127, 329, 385—391, 460—465; Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955, с. 159—162; Рогов А. И. Кириллические рукописи в книгохранилищах Польши. — Studia Źródloznawcze, 1969, t. 14, s. 153—154; Андреев Н. Е. О характере 3-й Псковской летописи. — The Religious World of Russian Culture. The Hague; Paris, 1975, vol. 2, p. 117—158; Grabmüller H.-J. Die Pskover Chroniken: Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.—15. Jahrhundert. Wiesbaden, 1975; Лурье. 1) Общерусские летописи, с. 77—78, 100; 2) [Рец. на книгу Грабмюллера]. — Russia Mediaevalis, München, t. 3, 1977, S. 83—92.

В. И. Охотникова

Летопись Радзивилловская — летопись XIII в., основной список которой представляет лицевую (иллюстрированную) рукопись XV в. (БАН, 34.5.30). Рукопись эта принадлежала в XVII в. польско-литовским магнатам Радзивиллам (откуда и ее название); затем попала в Восточную Пруссию (Кенигсберг), где с нее по приказу Петра I была снята копия; в 1758 г. она была захвачена как военный трофей в Семилетней войне и отвезена в Петербург; в конце XVIII в. была впервые опубликована.

Чрезвычайно близка к Радзивилловскому списку летопись *Московско-Академическая* (или Московско-Академический список Суздальской летописи — ГБЛ, ф. 173, № 236); они совпадают с начала вплоть до 6714 (1206) г. (далее в Московско-Академической вплоть до 6927 (1419) г. следует текст иного происхождения). Текст Л. Р. доведен до 6714 г., но внутри него, с нарушением хронологии, помещены известия 6711 (1203) — 6713 (1205) гг. Поскольку ни Радзивилловский список не может быть возведен к Московско-Академическому списку, ни Московско-Академический список — к Радзивилловскому, то А. А. Шахматов возводил их к общему источнику, который он определял как Л. Р. (именуя рукопись БАН 34.5.30 Радзивилловским списком этой летописи).

Начиная с известия 1138 г. может рассматриваться как третий список Л. Р. еще один памятник — *Летописец Переяславля Суздальского* или «Летописец русских царей» (рукопись ЦГАДА, ф. 181, № 279/658). Сходный с Л. Р. текст начинается в этом памятнике с 6646 (1138) г. и продолжается после 6714 г., завершаясь 6722 (1214) г. А. А. Шахматов пришел к заключению, что в основе всех списков Л. Р. лежал Переяславский свод 1214 г., окончание которого утрачено в Радзивилловском и Московско-Академическом списках Л. Р.

Сравнение Л. Р. (в трех списках) с *летописью Лаврентьевской* обнаруживает существенные расхождения между ними. Рассказывая под 6665 (1157) г. о построении Андреем Боголюбским церкви в память своего отца, Л. Р. прибавляет: «в Переяславли Новем»; в Лаврентьевской этих слов нет. В рассказе об убийстве Андрея Боголюбского в 6683 (1175) г. Л. Р. называет, в отличие от Лаврентьевской, в числе его убийц Ефрема Моизича; далее здесь говорится, что «володимерцы» не хотели покориться «ростовцем и суждальцем и муромцем», в Лаврентьевской же — только «ростовцем». Под 6684 (1176) г. в Лаврентьевской подробно описывается, как брат Андрея Боголюбского «Михалко» (Михаил Юрьевич) по призыву владимирцев пришел во Владимир, вступил в борьбу с ростовцами, со своим племянником Ярополком Ростиславичем и его братьями, захватившими владимирский престол, и победил их; в Л. Р. читается тот же рассказ, но к упоминаниям о подвигах «Михалки» всюду и неизменно добавляется «с братом своим Всеволодом»; на протяжении одной годовой статьи содержится не менее 13 таких добавлений. Под 6685 (1177) г. в Лаврентьевской описывается, как владимирцы потребовали от Всеволода выдачи их пленных врагов — Ростиславичей; летописец не указывает, какова была участь этих пленников (*летописи Ипатьевская* и *Новгородская I* сообщают об их ослеплении), но признает, что Всеволод не мог «удержати людей, множества ради их клича»; в Л. Р. вместо этого совсем иная версия судьбы пленных — «и пустиша ею из земли». Можно отметить еще ряд подобных отличий.

А. А. Шахматов и М. Д. Приселков пришли на основании этих различий к выводу, что в основе Лаврентьевской летописи (свода 1305 г.) лежал владимирский свод конца XII в., где текст летописания предшествующего времени не подвергся еще особенно значительным и тенденциозным переделкам, а в основе Л. Р. (Переяславского свода 1214—1216 гг.) — владимирский свод начала XIII в., прославлявший Всеволода Большое Гнездо (составленный при его сыновьях Юрии и Ярославле).

Свод начала XIII в., отразившийся в Л. Р., обнаруживает тенденцию составителя к обновлению языка своего источника: он систематически, хотя и не всегда точно, заменяет архаичные выражения раннего летописания (сохранившиеся в Лаврентьевской) более современными и более понятными для него (вместо «ложница» — «постельница», вместо «вира» — «вина», и т. д.).

Следует отметить, что текст Летописца Переяславля Суздальского в ряде случаев отличается от текста двух остальных списков Л. Р. Так, под 6683 (1175) г. в Л. Р., как и в Лаврентьевской, рассказ об убийстве Андрея Боголюбского завершается молитвой о помиловании «князя нашего и господина Всеволода»; в Летописце Переяславля вместо этого: «князя нашего и господина Ярослава» (княжившего с 1201 г. в Переяславле). Сообщая о вокняжении Ярополка Ростиславича после убийства Андрея Летописец Переяславля трижды указывает, что «переяславцы» этого не хотели; в остальных списках Л. Р. (как и в Лаврентьевской) этих слов нет. Под 6684 (1176) г. в Летописце Переяславля за победу над Ростиславичами прославляются не только «володимерцы» (как в остальных летописях), но троекратно также и «переяславцы», и т. д. С другой стороны, в ряде случаев оба основных списка Л. Р. отличаются от Лаврентьевской, а Летописец Переяславля с ней сходится. Так,

в основных списках Л. Р. при перечислении имен убийц Андрея в 1175 г. нет имен Аньбала, Ясина и Якыма Кучковича, а в Летописце Переяславля они названы; в Летописце Переяславля упоминается, что сразу после убийства Андрея «володимерци с радостью» посадили Ярополка (в остальных списках нет); под 6694 (1186) г. Летописец Переяславля, в отличие от остальных списков Л. Р., сообщает о рождении у Всеволода сына Константина, и т. д.

Чем объясняются эти различия? Следует ли видеть в Летописце Переяславля переяславскую версию владимирского свода, а в остальных списках Л. Р. — владимирскую? Или же общий протограф Летописца Переяславля и Л. Р. был переяславским сводом, а оба списка Л. Р. — его владимирской обработкой? Все эти вопросы еще нельзя считать разрешенными, но бесспорным остается вывод о двух основных редакциях владимирского летописания — своде конца XII в., отразившемся в Лаврентьевской летописи, и своде начала XIII в., представленном Л. Р.

Важнейшей особенностью текста Л. Р. являются многочисленные иллюстрации — свыше 600 миниатюр. В Радзивилловском списке XV в. эти миниатюры, очевидно, восходят к его оригиналу — Переяславскому своду 1214—1216 гг. (хотя в Московско-Академическом списке иллюстраций нет, но один из пропусков этого текста свидетельствует о том, что в его оригинале они были), а возможно и к владимирскому своду начала XIII в. Иллюстрации к Л. Р. являются ценным художественным памятником и вместе с тем источником, существенно дополняющим данные письменности.

Полноценное издание Л. Р. до сих пор не осуществлено. Издание XVIII в. содержало множество пропусков, произвольных дополнений, поновлений текста и т. д. В дальнейшем текст Л. Р. (Радзивилловского и Московско-Академического списков) использовался для разночтений и дополнений при издании Лаврентьевской летописи (окончание Московско-Академического списка было издано в приложении к ней). Отдельно был издан (в 1851 г.) Летописец Переяславля Суздальского. Рукопись Л. Р. была воспроизведена в 1902 г. фотомеханическим путем. Уже в 1936—1941 гг. М. Д. Приселков подготовил текст Л. Р. с разночтениями по Московско-Академическому списку и Летописцу Переяславля Суздальского; это издание будет выпущено в составе ПСРЛ.

Изд.: Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи..., ч. 1. Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 г. СПб., 1767; Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902, т. 1 (Фотомеханическое воспроизведение рукописи) (ОЛДП, № 118).

Лит.: Шахматов А. А. 1) Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи. — В кн.: Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902, т. 2, с. 18—114 (ОЛДП, № 118); 2) Заметка о месте составления Радзивилловского (Кенигсбергского) списка летописи. — В кн.: Сборник в честь семидесятилетия Д. И. Анучина. М., 1913, с. 69—75; 3) Обзорение, с. 44—68, 123—124, 228—230, 365; Кондаков Н. П. Заметка о миниатюрах Кенигсбергского списка начальной летописи. — В кн.: Радзивилловская или Кенигсбергская летопись, т. 2, с. 115—127; Приселков М. Д. История летописания, с. 57—65, 82—87; Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944; Лихачев В. Русские летописи, с. 279, 436—437; Подобедова О. И. Миниатюры исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1964, с. 49—101.

Я. С. Лурье

Летопись Симеоновская — летопись конца XV в., сохранившаяся в единственном полном списке XVI в. (БАН, 16.8.25; фрагмент той же летописи дошел также в сборнике ЦГАДА, собр. Мазурина, № 289). Открыта А. А. Шахматовым, назвавшим летопись по имени одного из владельцев ее рукописи — книжного справщика XVII в. *Никифора Симеонова*. В единственном списке Л. С. нет начальной части и текст начинается с 6685 (1177) г. Первая часть Л. С., до 6900 (1391—1392) г.,

близка к летописи *Троицкой* и вместе с летописцем *Рогожским* восходит к редакции 1412 г. общерусского свода конца XIV или начала XV в. — протографа летописи *Троицкой*. Вторая часть Л. С. близка к летописным сводам *Московским великокняжеским 1479 г.* и *конца XV в.*; эта часть начинается с 6918 (1410) г., и возникающая таким образом дублировка 6918—6920 гг. свидетельствует о соединении в Л. С. двух разных источников. Влияние Московского свода обнаруживается и в первой части Л. С. — из этого свода заимствованы летописные фрагменты 6743—6745 (1235—1237), 6747—6757 (1239—1249), 6869—6872 (1361—1364) и 6909—6916 (1401—1408) гг.

Вторая часть Л. С. обрывается на 7002 (конец 1493) г., но по характеру своих известий Л. С. ближе к Московскому своду второй половины 90-х гг. XV в., отразившемуся в Мазуринском виде *«Летописца от 72-х язык»* и в летописи *Новгородской Хронографической*, чем к Московскому своду конца XV в., сохранившемуся в Уваровском списке. Как и в других летописях второй половины 90-х гг., в Л. С. не упоминается о «крестном целовании» *Ивана III* братьям Андрею и Борису, данному во время «стояния на Угре» (см. *Повесть о стоянии на Угре*) — очевидно, в связи с тем, что «крестное целование» к тому времени было нарушено, а оба брата погибли. Перечень князей и владык в начале Л. С. доведен до конца XV в.; имена великих князей, занимавших престол, последовательно написаны здесь киноварью, последним из них назван внук *Ивана III «Дмитрей от Елены Волошанкы»*. Составление Л. С. с наибольшей вероятностью может быть поэтому отнесено к 1498—1502 гг., когда *Дмитрий-внук* был объявлен соправителем *Ивана III* и торжественно коронован шапкой *Мономаха*. Однако список рязанских епископов продлен в этом перечне до начала XVI в.; особый интерес составителя Л. С. к Рязани обнаруживается во включении нескольких специально рязанских известий и выделении их киноварными заголовками. Дошедший до нас список Л. С. принадлежал Волоколамскому монастырю, и такой специальный интерес к Рязани может быть поэтому объяснен рязанским происхождением волоколамского игумена начала XVI в. (впоследствии митрополита) *Даншила*.

Изд.: ПСРЛ, СПб., 1913, т. 18.

Лит.: Шахматов А. А. 1) Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая летопись начала XV в. СПб., 1910 (отд. отд. из ИОРЯС, 1900, т. 5, кн. 2); 2) Статья «Летописи» из «Нового энциклопедического словаря Брокгауза—Ефрона». — В кн.: Обзорение, с. 367; Лихачев. Русские летописи, с. 439—440; Лурье Я. С. 1) Из истории русского летописания XV в. — ТОДРЛ, М., 1955, т. 11, с. 165—172; 2) Общерусские летописи, с. 26—27, 54—55, 241—251; 3) О московском летописании конца XIV в. — ВИД, Л., 1979, т. 11, с. 3—49; Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963, с. 26—27, 349—352; Клосс Б. М. 1) О времени составления русского Хронографа. — ТОДРЛ, Л., 1971, т. 25, с. 255; 2) Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20—30-х годах XVI в. и происхождение Никоновской летописи. — В кн.: Древнерусское искусство. М., 1972, с. 324; 3) Никоновский свод и русские летописи XI—XVII вв. М., 1980, с. 25—29; Клосс, Лурье. Русские летописи XI—XV вв., с. 112—113.

Я. С. Лурье

Летопись Софийская I (далее: СІЛ) — летопись XV в., сохранившаяся во множестве списков и лежащая в основе всех общерусских летописей второй половины XV—XVI вв. Дошла в двух редакциях: старшей (списки Карамзина — ГПБ, F.IV.298 и Оболенского — ЦГАДА, ф. 135, рубр. 2, № 3), доведенной до 6926 (1418) г., и младшей, в которой текст продолжен до второй половины XV в.; один из списков младшей редакции СІЛ — список Царского — доведен до 1508 г. и отражает влияние летописного свода *Сокращенного* и великокняжеского летописания начала XVI в.

В науку СІЛ была введена уже с начала XIX в.; в 1821 г. издана П. Строевым (вместе с летописью *Софийской II*), в 1851 г. — в ПСРЛ

(с пропусками текста); в 1926 г. СЛ была вновь переиздана в ПСРЛ, но издание не завершено. Название СЛ, данное ей в науке, связано с вступительной частью СЛ, имеющей наименование «Софийский временник» (и восходящей, очевидно, к Начальному своду XI в.).

Первоначально СЛ рассматривалась исследователями как новгородская по своему происхождению летопись. А. А. Шахматов обратил внимание, что текст СЛ на всем протяжении до 1418 г. (окончание старшей редакции СЛ) совпадает с текстом *летописи Новгородской IV*; он сделал из этого вывод, что в основе СЛ и Новгородской IV лежит общий протограф — свод 1448 г., или Новгородско-Софийский свод. Свод этот в свою очередь представлял собою, по мнению А. А. Шахматова, соединение двух источников — Новгородской летописи 20-х гг. XV в. («Софийского временника») и общерусского «Владимирского полихрона» 1421 г. Соединение этих двух источников и создание Новгородско-Софийского свода было, по Шахматову, осуществлено в Новгороде в 30-х или 40-х гг. М. Д. Приселков принял основную текстологическую схему А. А. Шахматова, но предполагал, что общий протограф СЛ и Новгородской IV летописей был не новгородским, а общерусским (митрополичьим) сводом. Исследования последнего времени поставили под сомнение существование у Новгородско-Софийского свода особого общерусского источника — «Владимирского полихрона» 1418—1421 гг.: прямым отражением этого Полихрона А. А. Шахматов считал *Хронограф Русский и летопись Ермолинскую*, но исследование обоих этих памятников дает основание сделать вывод, что в их основе лежит не общерусское летописание начала XV в. (Полихрон), а более поздние летописи (конца XV в.). Полное сопоставление СЛ и Новгородской IV обнаруживает, что текст общего протографа передан в СЛ лучше — без каких-либо заметных добавлений; в Новгородской IV текст сокращен и значительно пополнен новгородскими известиями. Можно предполагать поэтому, что общий протограф СЛ и Новгородской IV не опирался на общерусский Полихрон, а сам был общерусским (митрополичьим) сводом, соединившим общерусское летописание (близкое к *летописи Троицкой*), новгородское, суздальско-ростовское, южнорусское (частью совпадающее с *летописью Ипатьевской*), псковское и тверское.

Наиболее вероятной датой составления этого протографа СЛ и Новгородской IV можно считать 1448 г.; «свод 1448 г.» был летописью, составленной в период значительного ослабления московских великих князей в результате феодальной войны 30—40-х гг. и занимавшей относительно нейтральную позицию в междукняжеских спорах, которые сводчик решительно осуждал, призывая к национальному объединению и борьбе с «погаными»; составитель свода считал законным право Новгорода, подчиненного великокняжеской власти, изгонять и вновь приглашать к себе князей-военачальников.

К «своду 1448 г.» восходит, по-видимому, в СЛ ряд больших летописных повестей и отдельных памятников, сокращенных или совсем не сохранившихся в Новгородской IV. Это *Повести об убиении князя Андрея Боголюбского* в 6683 (1175) г., *битве на Калке* в 6732 (1224) г. и *нашествии Батые* в 6745—6746 (1237—1238) гг., основанные на *летописях Лаврентьевской, Новгородской I* и Ипатьевской, житийный рассказ об Александре Невском (см. *Житие Александра Невского*), Довмонте (см. *Повесть о Довмонте*), Михаиле Черниговском (см. *Житие Михаила Черниговского*), Михаиле Ярославиче Тверском (см. *Житие Михаила Тверского*), *Повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г.*, *Послание новгородского владыки Василия о земном рае* под 6855 (1347) г., текст «Русской Правды» и т. д. Через СЛ вошли в русское летописание и подробные *Повести о Куликовской битве, нашествии Тохтамыша* и *Слово о житии Дмитрия Донского* (см. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русскаго»), сохранившиеся и

в Новгородской IV летописи и восходящие, очевидно, к общему протографу обеих летописей — «своду 1448 г.». СИЛ, включающая (вслед за «сводом 1448 г.») все эти повести, представляет собой один из значительнейших памятников древнерусской литературы.

В СИЛ младшей редакции текст после 1418 г. продолжается; однако сама эта редакция содержит не «свод 1448 г.», а его частично сокращенную, а частично дополненную версию. Наиболее ясное представление об этой редакции дает ее Бальзеровский список (ЛОИИ, колл. 11, № 23), где текст доведен до 6964 (1456) г. с дополнительными известиями и завершающей летопись повестью о походе на Новгород в 6979 (1471) г. — «Словеса избранна от святых писаний... о гордости величавых мужей новгородских». Редакция 1456 г. присуща некоторая двойственность: рассказ о борьбе за престол между Василием II и галицкими князьями лаконичен и беспристрастен по тону; составитель именует великим князем не только Василия II, но в двух случаях и его соперников — галицких князей. Часть известий из «свода 1448 г.» редактор 1456 г. не считал возможным воспроизвести; этим, видимо, объясняются пропуски ряда годов в известиях после 1419 г. С другой стороны, редактор СИЛ младшей редакции переделывал, хотя и непосредственно, известия старшей редакции о новгородских вольностях, резко осуждая эти вольности.

Изд.: Софийский временник, или Русская летопись с 362 г. по 1534 г. / Издал П. Строев. М., 1820, ч. 1; ПСРЛ, СПб., 1853, т. 5—6; 2-е изд. Л., 1926, т. 5.

Лит.: Тихомиров И. А. Обзорение состава московских летописных сводов. — ЛЗАК, СПб., 1895, вып. 10, с. 78; Шахматов А. А. 1) Разбор сочинения Тихомирова, с. 40—53; 2) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, сентябрь, отд. 2, с. 90—176; 3) Обзорение, с. 208—221; Приселков. История летописания, с. 142—164; Лихачев. Русские летописи, с. 451—453; Лурье. 1) Общерусские летописи, с. 67—121; 2) Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. — ТОДРЛ, Л., 1985, т. 39, с. 299—304.

А. С. Лурье

Летопись Софийская II (далее: СИЛ) — летопись начала XVI в., сохранившаяся в двух списках — Архивском (ЦГАДА, ф. 181, № 371) первой четверти XVI в. и Воскресенском (ГИМ, собр. Воскресенское, бумажное, № 154) середины XVI в. СИЛ была издана уже в начале XIX в., а в 1851 г. — в составе ПСРЛ.

Историки XIX в. обращали внимание на наличие в СИЛ записей, составленных «в лагере, враждебном правительству». А. А. Шахматов обратил внимание на то, что текст СИЛ с конца XIV в. по 1518 г. совпадает с текстом *летописи Львовской*; он предположил поэтому, что в основе обеих летописей лежит свод 1518 г. А. Н. Насонов отметил, что вплоть до конца 80-х гг. XV в. общий протограф СИЛ и Львовской резко отличается от великокняжеского летописания, обнаруживая сочувствие к оппозиционному митрополиту *Геронтию*, а далее становится с ним сходным; А. Н. Насонов считал, что в основе свода 1518 г. лежал митрополичий свод 1489 г. Однако, несмотря на то что в споре Геронтия с *Иваном III* СИЛ стоит на стороне митрополита, в этом своде встречаются критические замечания и по адресу Геронтия (обвинение в «неверии» в чудеса от гроба *Феогоста* и «небрежение» к его мощам). Очевидно, свод, лежащий в основе свода 1518 г., не официально-митрополичий, а неофициальный (монастырский).

Состав СИЛ и ее источников может быть определен лишь частично. Поздний Воскресенский список содержит до конца XIV в. *летопись Софийскую I* (поэтому и сама СИЛ была названа Софийской); текст Архивского списка начинается только с 1397 г., но, поскольку в начале этой рукописи недостает всего 25 листов, ясно, что Софийская I здесь помещена быть не могла. Свод 1518 г., лежащий в основе СИЛ и Львовской, восходил к различным источникам. При его составлении были ис-

пользованы официальные документы, связанные с Флорентийским собором 1439 г.; отразились в нем летописный свод *Московский великокняжеский конца XV в.* с дополнением до начала XVI в., ростовский свод, отразившийся в летописи *Типографской*, и свод-протограф *летописного свода Сокращенного* и летописи *Ермолинской*. Но наиболее оригинальными являются разделы свода 1518 г., восходящие к неофициальному своду 80-х гг. К их числу принадлежат житийные повести, написанные митрополитичьим дьяком *Родионом Кожухом*, который, возможно, имел отношение к составлению свода 80-х гг., а также пространный рассказ о строительстве Успенского собора, отличающийся от помещенного в великокняжеской летописи, и о деятельности его строителя — Аристотеля Фиорованти, рассказ о трусливом поведении Ивана III во время стояния на Угре (см. *Повесть о стоянии на Угре*), дополняющий помещенный здесь же рассказ из летописи *Типографской*, ряд известий о событиях, не упомянутых в других летописях, — об отравлении первой жены Ивана III Марии, о несправедливых поступках великого князя по отношению к братьям, о соучастии Ивана III в нападении Менгли-Гирея на Киев в 6990 (1482) г., о жестокой казни врача Антона и т. д. К числу памятников, заимствованных сводом 1518 г. из свода 80-х гг., принадлежало, очевидно, и помещенное в СИЛ и Львовской «Хождение за три моря» *Афанасия Никитина*.

Окончание текста в Архивском списке СИЛ совпадает с окончанием свода 1518 г.; заключительная часть того же свода за 1483—1518 гг. отразилась также в Уваровском виде «*Летописца от 72-х язык*». В Воскресенском списке текст СИЛ продолжен до 1534 г. и завершается *Повестью о болезни и смерти Василия III*, помещенной также в Новгородской летописи Дубровского. До 1526 г. текст в Воскресенском списке СИЛ обнаруживает черты сходства с текстом *летописей Воскресенской* и *Вологодско-Пермской* (2-я редакция); все они, возможно, восходят к общему протографу.

Изд.: Софийский временник, или Русская летопись с 362 по 1534 г. / Издал П. Строев. М., 1821, ч. 2; ПСРЛ, СПб., 1853, т. 6, с. 115—358.

Лит.: Тихомиров И. А. Обзорение состава московских летописных сводов. М., 1896, с. 74; Шахматов А. А. 1) Разбор сочинения Тихомирова, с. 21, 41—48; 2) Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904, с. 13—17, 22—24, 80—83; Лавров Н. Ф. Заметки о Никоновской летописи. — ЛЗАК, Л., 1927, т. 1 (34), с. 64—71; Насонов А. Н. 1) Летописные памятники Тверского княжества. — Известия АН СССР. VII серия, Л., 1930, № 9, с. 714—721; 2) История летописания, с. 305—307, 369—376, 460; Лихачев. Русские летописи, с. 453—454; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972, с. 39—40; Лурье Я. С. 1) Независимый летописный свод конца XV в. — источник Софийской II и Львовской летописей. — ТОДРЛ, Л., 1973, т. 27, с. 164—165; 2) Общерусские летописи, с. 210—213, 223—240.

Я. С. Лурье

Летопись Тверская (или **Тверской сборник**) — летопись XVI в., содержащая значительные фрагменты тверского летописания с конца XIII по конец XV в. Л. Т. дошла в трех списках XVII в. западнорусского происхождения — Погодинском (ГПБ, собр. Погодина, № 1414; по этому списку Л. Т. издана в ПСРЛ), Забелинском (ГИМ, Музейское собр., № 2886) и Толстовском (ГПБ, F.IV.214).

Первая часть Л. Т., до 6793 (1285) г., представляет собой ростовский летописный свод, близкий к летописям *Ермолинской* и *Львовской*; в Л. Т. обнаруживаются также значительные заимствования из летописи *Новгородской I*. Судя по заметкам, помещенным в Л. Т. под 6496 и 6527 гг., составитель всего Тверского сборника был ростовцем, писавшим в 1534 г.; очевидно, он включил в свою компиляцию тверскую летопись конца XV в., оказавшуюся в его руках. На протяжении 6793—6883 гг. текст

Л. Т. (за исключением раздела за 6849—6871 гг. ростовского происхождения) совпадает (до 6836 г. — полностью, далее — частично) с текстом летописца Рогожского; текст за 6822—6848 гг. сходен также с тверским летописным фрагментом 6822—6852 гг., найденным А. Н. Насоновым. Уже А. Н. Насонов высказал предположение, что источником Л. Т. и Рогожского летописца был тверской летописный свод 1375 г., прекращенный в связи с неудачей тверского князя Михаила Александровича в борьбе за престол великого князя владимирского. Но общим протографом Л. Т. и Рогожского летописца был, по мнению А. Н. Насонова, не самый свод 1375 г., а его редакция 1455 г., составленная в Твери под влиянием «свода 1448 г.» — общего протографа летописей *Софийской I* и *Новгородской IV*. Однако никаких черт влияния общего протографа Софийской I и Новгородской IV в совпадающем тексте Л. Т. и Рогожского летописца не обнаруживается. Их сходный текст отражает влияние другого общерусского памятника — свода 1408 г., читавшегося в летописи *Троицкой* или в предшествовавшем ей общерусском своде конца XIV в. Из этого источника попали, очевидно, в протограф Рогожского летописца и Л. Т. известия о «тишине великой» при Иване Калите, о благополучном возвращении из Орды на Русь московских князей, пожалованных «богом и царем», и т. д. Любопытно, что всех этих известий нет в тверском летописном фрагменте 6822—6852 гг. — этот фрагмент, очевидно, отражал первоначальный текст тверского свода 1375 г., а Рогожский летописец и Л. Т. — его редакцию начала XV в., испытавшую влияние московского летописания.

Текст Л. Т. дает основания для предположения о вероятном наименовании тверского свода 1375 г. В разделе, читающемся в Погодинском и Забелинском списках (в Толстовском его нет) после 1402 г. и озаглавленном «Предисловие летописца княжения Тферскаго благоверных князей Тферских», говорится, что, прославляя тверского великого князя Михаила Александровича, автор опирается на более ранний летописец — «якоже Володимирский полихрон... яве указывает и пречестнейша сего в князех являет, словеще имя Михаила Александровича». Очевидно, тверской свод 1375 г., составленный в подкрепление прав Михаила Александровича на владимирский престол, и назывался «Владимирским полихроном». В Л. Т. текст летописного свода 1375 г. был продолжен тверскими известиями вплоть до 1486 г. — времени присоединения Твери к Русскому государству. Однако характер тверского свода, использованного в этой части Л. Т., не вполне ясен. В двух случаях текст Л. Т. оказывается сходным с текстом тверской редакции 1412 г. общерусского свода начала XV в., отразившейся в Рогожском летописце и *Симеоновской летописи*: совпадают известие 1392 г. о присоединении Нижнего Новгорода и фрагмент рассказа о событиях, предшествовавших нашему Едигею. В основном тверские известия за XV в. в Л. Т. фрагментарны и не выражают позиции тверских князей. Отрывок из тверской великокняжеской летописи сохранился, по-видимому, в составе внелетописного памятника — «Похвального слова великому князю Борису Александровичу» тверского инокa *Фомы*, но отрывок этот не имеет ничего общего с текстом Л. Т. Возможно, что в Л. Т. до нас дошел текст иной тверской летописи, не связанной с великокняжеской властью.

Изд.: ПСРЛ, СПб., 1863, т. 15 (фототипическое воспроизведение: М., 1965).

Лит.: Тихомиров И. А. О сборнике, именуемом Тверской летописью. — ЖМНП, 1876, № 12, отд. 2, с. 262—308; Шахматов А. А. 1) Разбор сочинения Тихомирова, с. 93—109; 2) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 9, с. 148; 3) Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1914, с. 26—38 (отд. отт. из ИОРЯС, 1903—1904, т. 8, кн. 3; т. 9, кн. 1); 4) Обзорные, с. 372; Насонов А. Н. 1) Летописные памятники Тверского княжества. — Известия АН СССР. VII серия, Л., 1930, № 9, с. 709—772; 2) О тверском летописном материале в рукописях XVII в. — АЕ за 1957 г., М., 1958, с. 26—40; Лурье Я. С. 1) Роль Твери в создании Русского национального государства. — Учен. зап. ЛГУ,

№ 36, 1939, с. 97—101; 2) Общерусские летописи, с. 49—55; 3) Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. — ТОДРЛ, Л., 1985, т. 39, с. 294—298; Дубенцов Б. И. К вопросу о так называемом «Летописце княжения Тферского». — ТОДРЛ, М.; Л., 1957, т. 13, с. 118—157; Кучкин В. А. 1) Повести о Михаиле Тверском. М., 1974, с. 119—134; 2) Арсений Николаевич Насонов: Биография и творческий путь. — В кн.: Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г. М., 1974, с. 12.

Я. С. Лурье

Летопись Типографская — летопись конца XV—начала XVI в. Дошла в двух редакциях — Синодальной и Академической. Впервые Синодальный список Л. Т. (ГИМ, Синодальное собр., № 789), принадлежавший Синодальной типографии, был опубликован еще в конце XVIII в.; в 1921 г. Л. Т. была издана в ПСРЛ А. А. Шахматовым по двум спискам — Синодальному и Толстовскому (ГПБ, Ф. IV. 218). Установив, что текст обоих списков сходен до 1484 г., А. А. Шахматов пришел к выводу, что в основе Л. Т. лежит свод 1484 г.; судя по содержанию, свод этот мог быть определен как ростовский владычный (архиепископский). А. Н. Насонов обнаружил ряд списков Л. Т., близких к Толстовскому (списки Академический, Оболенского и др.), и определил их как особую Академическую редакцию Л. Т. (по-видимому, возможно выделение еще нескольких редакций). Сопоставляя обе редакции Л. Т. (Синодальная редакция известна по единственному Синодальному списку), можно установить, что первичным является текст Академической редакции, последовательно доведенный до 6998 (1488/89) г. (далее следуют приписки, расходящиеся в отдельных списках). Известия Академической редакции за 1484 и 1485 гг. логически связаны между собой (рассказ о попытке отставки митрополита *Геронтия*); отсутствие этого текста, начиная с 1485 г., в Синодальной редакции было, очевидно, следствием сокращения. Таким образом, основой Л. Т. можно считать летописный свод 1489 г.

Свод этот состоит из двух частей. Первая его часть, доходящая до 6931 (1423) г., представляет собой сокращенное изложение *летописного свода Московского великокняжеского 1479 г.* Небольшие дополнения к этому тексту в Л. Т. связаны с Ростово-Суздальской землей и ростовской епархией; упоминается, что древняя княгиня Ольга была дочерью князя Олега, и др. Текст второй части Л. Т. также довольно краток (особенно за 20—60-е гг.), но оригинален и включает целую серию известий, связанных с Ростовом и ростовской епархией. С исчерпывающей полнотой сообщается здесь о сменах ростовских владык (архиепископов). Рассказывая о столкновении ростовского архиепископа *Вассиана Рыло* с митрополитом Геронтием, Л. Т. проявляет явное сочувствие ростовскому владыке. Наиболее ярким рассказом Л. Т. является *Повесть о стоянии на Угре* в 1480 г. (о последнем столкновении с ордой, знаменовавшем собой конец власти хана); повесть эта в нескольких местах близка к публицистическому Посланию на Угру архиепископа Вассиана. Как в этой повести, так и в ряде других известий обнаруживается независимая позиция летописца по отношению к великокняжеской власти. Так, рассматривая процесс объединения Руси с московской точки зрения (в рассказе о присоединении Новгорода москвичи именуются «нашими»), летописец тем не менее излагает с нейтральных позиций борьбу *Василия II* с Шемьякой, осуждает нападение Менгли-Гирея на Киев в 6991 (1483) г. (в Московском своде поход этот рассматривается как справедливое возмездие польско-литовскому королю) и репрессии Ивана III в присоединенных землях — Новгороде и Твери. Составленный после смерти ростовского владыки Вассиана Рыло в 1481 г. свод, лежащий в основе Л. Т., был, очевидно, летописью, связанной с ростовской епархией, но имевшей неофициальный характер. В Синодальной редакции текст этого свода продолжен до 1497 г. — это окончание сходно с Прилуцким видом «*Ле-*

тописца от 72-х язык». Протограф Л. Т. оказал влияние на другой неофициальный летописный свод, отразившийся в *летописях Львовской и Софийской II*.

Изд.: Летописец, содержащий Российскую историю от 6714 (1206) до 7024 (1534) лета... М., 1784; 2-е изд. М., 1853; ПСРЛ, Пг., 1921, т. 24.

Лит.: Шахматов А. А. 1) Ермолинская летопись и ростовский владычный свод. СПб., 1904, с. 24—25, 82—83; 2) Обзорение, с. 284—301; Лихачев. Русские летописи, с. 457—458; Насонов. История летописания, с. 118—120, 376—378, 389—394, 402—409; Лурье. Общерусские летописи, с. 210—223; Клосс, Лурье. Русские летописи XI—XV вв., с. 113—122.

Я. С. Лурье

Летопись Троицкая — летопись начала XV в., доведенная до 1408 г., известная историкам XVIII—начала XIX в. в единственном «харатейном» (пергаменном) списке и сгоревшая в 1812 г. Л. Т. была широко привлечена Н. М. Карамзиным для его «Истории государства Российского»; текст Л. Т. сохранился в цитатах Н. М. Карамзина и в разночтениях к начальной части (до 907 г.) первого незавершенного издания *летописи Лаврентьевской* 1804 г. А. А. Шахматов, открыв *летопись Симеоновскую*, установил ее сходство с Л. Т. (судя по цитатам Карамзина); сходный текст, начиная частично с 1328 г. и полностью с 1375 г., имеет и *летописец Рогожский*. М. Н. Тихомиров обнаружил также многочисленные совпадения с Л. Т. в *летописце Владимирском* XVI в. На основании перечисленных источников (кроме Владимирского летописца) М. Д. Приселков предпринял реконструкцию Л. Т., опубликованную в 1950 г. (посмертно).

Текст отдельных частей Л. Т. может быть восстановлен с разной степенью достоверности. Наиболее достоверны тексты из разночтений к первому изданию Лаврентьевской летописи и из аннотированных цитат Карамзина. Наряду с такими цитатами М. Д. Приселков привлекал также ряд цитат, не имевших прямой ссылки на Л. Т., — в тех случаях, когда Н. М. Карамзин не ссылался на иные летописи и соответствующие цитаты не обнаруживались в других известных нам летописях. При реконструкции М. Д. Приселков опирался на Лаврентьевскую летопись (до ее окончания под 1305 г., поскольку остальные источники свидетельствуют о почти полной идентичности обеих летописей) и Симеоновскую (с 1177 г., поскольку с этого года начинается единственный дефектный список данной летописи). Однако в нескольких местах (1235—1237, 1239—1249, 1361—1364, 1401—1408 гг.) Симеоновская отходит от Л. Т., заменяя ее текст вставками из *летописного свода Московского великокняжеского 1479 г.* Для реконструкции Л. Т. за 1361—1364 гг. Приселков обращался еще к Рогожскому летописцу, и правильность этого выбора была подтверждена Владимирским летописцем, текст которого оказался в соответствующих местах сходным с Рогожским. Наибольшие трудности представляет реконструкция Л. Т. в ее конечной части — после 6899—6900 (1391—1392) гг.: здесь текст Симеоновской летописи и Рогожского летописца существенно отличается от текста Л. Т., насколько мы можем судить о нем по цитатам Н. М. Карамзина; при реконструкции этой части М. Д. Приселков обращался к *летописному своду Московскому великокняжескому конца XV в.* (в передаче *летописи Воскресенской*), но текст его отражает Л. Т. (или ее протограф — свод 1408 г.) лишь как один из источников. При дальнейших попытках реконструкции Л. Т. следовало бы использовать *летопись Белорусскую I*, или *Западнорусскую* (но тоже лишь до 6893 (1385) г.), ряд своеобразных известий которой совпадает с Рогожским летописцем и, вероятно, восходит к Л. Т. (или к лежащему в ее основе своду).

Несмотря на неизбежные пробелы в реконструкции, текст Л. Т. на его основном протяжении может быть определен с достаточной степенью

полноты; мы можем представить себе источники и основной характер Л. Т. Основным источником Л. Т. был свод начала XIV в., дошедший до нас в составе Лаврентьевской летописи. Сопоставление с Лаврентьевской обнаруживает, что, несмотря на ряд совпадений (даже дефектных мест), Л. Т. не восходила к Лаврентьевской; ряд индивидуальных ошибок и пропусков списка Лаврентия не отразился в Л. Т., и текст ее в этих местах более первичен. Следовательно, Л. Т. восходила не к Лаврентьевской, а к ее протографу — своду 1305 г. Начиная с XIV в. свод 1408 г., сохранившийся в Л. Т., пополнял текст своего протографа — свода 1305 г. по какой-то довольно бедной материалом московской княжеско-митрополичьей летописи, новгородскому летописанию (отразившемуся в *летописи Новгородской I*), суздальской, ростовской, тверской и иным летописям. Однако определение источников свода 1408 г. затрудняется тем обстоятельством, что кроме Новгородской I до нас не дошли параллельные летописи XIV в. и сравнительно-историческое исследование здесь крайне затруднительно. Сама Л. Т. содержала (судя по цитате Карамзина) в своей конечной части ссылку на какую-то предшествующую ей по времени летопись — «Летописец великий русский», доведенный до «князя нынешнего» (*Василия I*, вступившего на престол в 1389 г.), но что представлял собой этот «Летописец» — неясно. Если это был московский летописец, то, очевидно, его известия были полностью использованы сводом 1408 г. — во всяком случае в более позднем летописании фонд московских известий XIV в. не выходит за пределы соответствующего фонда в Л. Т.

По своему характеру Л. Т. (свод 1408 г.) представляла собой летопись, составленную при митрополичьем дворе вскоре после смерти митрополита *Киприана* в 1406 г. Примирение Киприана в конце его жизни с великим князем московским *Василием I* предопределило общие просмосковские традиции свода 1408 г.: победа *Ивана Калиты* над Тверью в 1327 г. рассматривалась как начало «тишины великой» для Руси, получение суздальским князем великокняжеского (владимирского) престола осуждалось как пожелание «не по отчине, не по дедине». Однако к *Дмитрию Донскому*, изгнанному в 1382 г. Киприана, Л. Т. относится с явной недоброжелательностью, положительно оценивает его противников — великих князей *Ольгерда Литовского* и *Михаила Александровича Тверского*. Еще решительнее, чем *Дмитрия Донского*, Л. Т. осуждает новгородцев, не признавших власти Киприана. Очень осторожна позиция свода 1408 г. в вопросе об отношениях с Ордой — к тверским выступлениям против хана сводчик относится явно отрицательно; рассказ Л. Т. о «великой победе» на Дону в 1380 г. краток и маловыразителен. Это объясняется, очевидно, тем, что свод был составлен после похода *Тохтамыша* в 1382 г. и *Едигея* в 1408 г. Литературные вкусы Киприана сказались в ряде рассказов, включающих игру слов («за Пьяною пьяни», «подав плещи, Плещеев побеже») и «плетение словес».

На основе свода 1408 г. или предшествующего ему свода конца XIV в. возникла тверская редакция общерусского свода, доведенная до 1412 г. и отразившаяся в *Симеоновской летописи*, *Рогожском летописце* и *летописи Никоновской*.

Изд.: (реконструкция): *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

Лит.: *Шахматов А. А.* 1) *Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XVI в.* СПб., 1910 (отд. отд. из ИОРЯС, 1900, т. 5, кн. 2); 2) *Обозрение*, с. 38—43; *Приселков М. Д.* О реконструкции текста Троицкой летописи 1408 г., створенной в Москве в 1812 г. — Учен. зап. ЛГПИ, Л., 1939, т. 19, с. 5—42; *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, с. 14—19; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963, с. 39—40; *Муравьева Л. Л.* 1) *Новгородские известия Владимирского летописца.* — АЕ за 1966 г., М., 1968, с. 37—40; 2) *Об общерусском*

источнике Владимирского летописца. — В кн.: Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г. М., 1974, с. 146—148; Лурье Я. С. 1) Троицкая летопись и московское летописание XIV в. — ВИД, Л., 1974, вып. 6, с. 79—106; 2) Общерусские летописи, с. 23—30, 36—66; 3) О московском летописании конца XIV в. — ВИД, Л., 1979, вып. 11, с. 3—19.

Я. С. Лурье

Летопись Устюжская (иначе: Устюжский летописец, Устюжский летописный свод, Архангелогородский летописец) — летопись, составленная в начале XVI в. на севере Русского государства, но имеющая общерусский характер. Начальная часть Л. У. весьма своеобразна и не находит близких аналогов в других летописях; однако едва ли можно видеть здесь следы древнейшего летописания, не отразившегося в *Повести временных лет* и Начальном своде, — скорее это следы литературного творчества XV—XVI вв. С 6694 (1186) по 6981 (1473) г. Л. У. сходна с летописным сводом *Сокращенным*; можно предполагать, что в основе всех этих памятников (и нескольких других, в частности *летописи Ермолинской*) лежал общий источник — севернорусский (Кирилло-Белозерский) свод 70-х гг. XV в., в ряде случаев переданный в Л. У. ближе к оригиналу, чем в других летописях. Севернорусский свод 70-х гг. восходил, по-видимому, к общему протографу с ростовским сводом начала XV в., отразившемуся в Московско-Академической летописи, чем и объясняются совпадения этой летописи с Л. У. Наряду с общерусскими известиями в Л. У. уже начиная с XII в. (рассказ 6770 г. о крестившемся татарском «ясащике» Буге-богатыре, известия 6901, 6906, 6944, 6958, 6976 гг.) читаются местные устюжские известия; с 70-х гг. XV в. эти известия становятся особенно обильными. В известии 6985 (1477) г. отразилось, возможно, окончание последней новгородской летописи времени независимости, не сохранившееся в других летописях (в частности, и в *летописи Новгородской IV*).

Общий текст различных списков Л. У. доходит до устюжского известия 7024 (1516) г.; далее читаются дополнительные известия, расходящиеся в разных списках. Списки Л. У. могут быть разделены на два извода или редакции; один из них представлен списком Мацевича конца XVII в. (ныне в ИРЛИ, Отдельные поступления, оп. 23, № 134), а другой — тремя списками XVII—XVIII вв. (ЛОИИ, колл. 115, № 148 (806); ГИМ, Синодальное собр., № 965; ГПБ, собр. Погодина, № 1422). В списке Мацевича текст продолжен до 7128 (1620) г.; в остальных списках — до конца XVI в.

Кроме Л. У. в XVI в. существовал еще другой летописец, составленный в Устюге в конце XVIII в. Л. Я. Вологдиным.

Изд.: Летописец, содержащий в себе российскую историю от 6360/852 до 7406/1598 года, то есть по кончину царя и великого князя Федора Иоанновича. М., 1781; 2-е изд. М., 1819; Устюжский летописный свод (Архангелогородской летописец) / Подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950; ПСРЛ, Л., 1982, т. 37, с. 17—103.

Лит.: Шахматов А. А. 1) О Начальном киевском летописном своде. М., 1897, с. 52—58 (отд. отт. из ЧОИДР, 1897, кн. 3, с. 52—56); 2) Разыскания, с. 237—238, 291; 3) Летописи. — В кн.: Шахматов. Обзорение, с. 372; Мацевич Л. Рукописный сборник 17 века со списком Архангелогородского летописца. — В кн.: Древности. М., 1898, т. 1, вып. 1, стб. 31—40; Флоровский А. В. Из материалов для истории русского летописания: (Мацевичев список Архангелогородской летописи). — Науч. труды Русского народн. ун-та в Праге, 1931, т. 4, с. 83—95; Сербина К. Н. 1) Устюжский летописный свод. — ИЗ, М., 1947, т. 20, с. 239—270; 2) Устюжское летописание XVI—XIX вв.: (Краткий обзор списков). — ВИД, Л., 1979, вып. 11, с. 42—48; Тихомиров М. Н. Начало русской историографии. — ВИ, 1960, № 5, с. 45—51; Насонов А. Н. История летописания, с. 21, 346—351; Салмина М. А. Вновь обнаруженный список Устюжской летописи. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972, с. 267—271; Лурье Я. Общерусские летописи, с. 185—186, 190—201.

Я. С. Лурье

Палея историческая — переводной памятник, излагающий библейскую историю от сотворения мира до времени царя Давида. В отличие от *Палеи толковой* П. И. не содержит толкований и полемических отступлений. В списках носит наименование «Книга бытия небеси и земли». Источниками П. И. помимо собственно библейского текста явились апокрифы, Великий канон Андрея Критского, слова Иоанна Златоуста и Григория Богослова. Русский текст ее восходит, как это установлено М. Н. Сперанским и Т. А. Сумниковой, к среднеболгарскому переводу с греческого, осуществленному в первой половине XIII в. Сходный греческий текст (который не может быть, однако, признан непосредственным оригиналом перевода) опубликован А. Васильевым (Васильев А. *Anecdota graeco-byzantina*. М., 1893).

Влияние П. И. обнаруживается в сочинении Ермолая-Еразма о Троице, в *Хронографе Русском* распространенной редакции 1617 г., а также в особой переработке П. И., изданной А. Поповым под названием Сокращенная палея русской редакции по списку ГПБ, Софийское собр., № 1448 (описание списка см.: ЛЗАК за 1864 г., СПб., 1865, вып. 3, разд. 3, с. 17—20). Перечень известных в настоящее время списков П. И. см. в работе Т. А. Сумниковой.

Изд.: Попов А. Книга бытия небеси и земли: (Палея историческая с приложением Сокращенной палеи русской редакции). — ЧОИДР, 1881, кн. 1.

Лит.: Жданов И. Н. Палея. — Киевские унив. известия, 1881, октябрь, с. 309—322 (перепечатано в кн.: Сочинения И. Н. Жданова. СПб., 1904, т. 1, с. 470—483); Вереvский Ф. Русская историческая палея. — Филологические записки, Воронеж, 1888, т. 2, с. 1—18; Сперанский М. Н. 1) Историјска Палеја, њени преводи и редакције у старој словенској књижевности. — Споменик, Београд, 1892, XVI, с. 1—15; 2) Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, с. 77—85, 104—147; Сумникова Т. А. К проблеме перевода Исторической палеи. — В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969, с. 27—39. См. также литературу в статье «Палея толковая».

О. В. Творогов

Палея толковая — памятник, в котором пересказываются с полемическими, антииудейскими толкованиями, а также с многочисленными дополнениями библейские книги: пятикнижие Моисея, книги Иисуса Навина, Судей, Руфь, первая книга Царств. Первые наблюдения над памятником были сделаны еще в работах П. М. Строева, М. А. Оболенского, А. С. Лазаревского, А. Х. Востокова, М. А. Сухомлинова, А. Н. Попова в связи с исследованиями летописей и хронографов, но изучение П. Т. как памятника началось с трудов Н. С. Тихонравова. О происхождении П. Т. существуют различные мнения. И. И. Срезневский, Н. С. Тихонравов, И. Я. Порфирьев, В. М. Успенский считали ее переводом с греческого, хотя греческий оригинал ее неизвестен; другие (А. В. Михайлов, В. М. Истрин, И. Н. Жданов, В. П. Адрианова-Перетц) видят в ней труд, составленный древнерусскими книжниками. В процессе изучения П. Т. были выделены ее разновидности, которые сейчас принято рассматривать как отдельные памятники: П. Т., *Палея хронографическая* и *Палея историческая*.

П. Т. (в некоторых работах она именовалась первой редакцией палеи) представляет собой сложную компиляцию, в которой библейский текст обильно дополнен апокрифическим материалом (свод их см. в работах В. М. Успенского и И. Н. Жданова), — извлечениями из Откровения Авраама (см. *Апокрифы об Аврааме*), слова Афанасия Александрийского о Мельхиседеке (см. *Апокрифы о Мельхиседеке*), «Лествицы» Иоанна Синайского, *Заветов двенадцати патриархов*, апокрифов о Моисее и более мелкими извлечениями из различных апокрифических преданий. Составитель П. Т. обращался также к сочинениям Ефрема Сирина, к «Откровению» Мефодия Патарского, к «Христианской топографии» Космы Индикоплова, к сочинениям Севериана Гевальского, Епифания

Кипрского, Иоанна Экзарха Болгарского и другим источникам. Среди них оказался и неизвестный пока памятник, в котором библейская история излагалась с существенным привнесением апокрифических элементов. Именно этот источник был использован как составителем П. Т., так и составителем «Речи философа», входящей в состав *Повести временных лет*. Текстуальная близость П. Т. и летописи была замечена давно, но ей давались различные объяснения: видели в П. Т. источник летописи, а А. А. Шахматов, напротив, считал возможным, что П. Т. сама восходит к летописи. Более вероятно, однако, точка зрения, согласно которой близость П. Т. и летописи объясняется их обращением к общему источнику. Время составления П. Т., во всяком случае той ее разновидности, которая известна нам по Коломенскому и сходным спискам, не установлено. В. М. Истрин высказал мысль о создании П. Т. в XIII в., но приведенная им аргументация недостаточна.

В настоящее время известно более 15 списков П. Т. Старшие из них: ГПБ, собр. СПб. ДА, А.1.119 (XIV в.; фрагмент из него находится в ЦГАДА, ф. Синодальной типографии, № 53); ГИМ, собр. Барсова, № 619 (конец XIV в.); ГБЛ, ф. Костромской библиотеки, № 320 (конец XIV—начало XV в.); ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 38 (1406 г.).

Изд.: Палея толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г./Труд ученых Н. С. Тихонравова. М., 1892—1896, вып. 1—2. Публикации отдельных апокрифических сказаний из Палеи см.: Тихонравов. Памятники. СПб., 1863, т. 1, с. 91—232, 259—272.

Лит.: Сухомлинов М. А. О древней русской летописи как памятнике литературном. СПб., 1856, с. 54—64; Успенский В. М. Толковая палея. Казань, 1876; Павлов А. [Рец. на кн.: Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875]. — В кн.: Отчет о девятинадцатом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1878, с. 191—212; Веселовский А. Н. 1) Талмудический источник одной Соломоновской легенды в Русской Палее. — ЖМНП, 1880, апрель, с. 298—300; 2) Заметки по литературе и народной словесности: 1. Эпизод о южской царице в Палее. — СОРЯС, СПб., 1883, т. 32, № 7, с. 1—8; Жданов И. Н. Палея. — Киевские унив. известия, 1881, сентябрь, с. 235—258 (перепечатано в кн.: Сочинения И. Н. Жданова. СПб., 1904, т. 1, с. 445—470); Родосский А. С. К материалам для истории славяно-русской библиографии: Единственный древнейший список Толковой палеи, принадлежавший библиотеке Александро-Невской лавры, и ныне составляющий собственность библиотеки СПб. духовной академии. — Христианское чтение, 1882, ч. 2, с. 590—609; Соколов М. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. — Известия Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине, 1887—1889, т. 11, с. 143—159; Михайлов А. В. 1) Общий обзор состава, редакций и литературных источников Толковой палеи. — Варшав. унив. известия, 1895, № 7, с. 1—21; 2) К вопросу о тексте книги Бытия пророка Моисея в Толковой палее. — Там же, № 9, с. 1—35; 1896, № 1, с. 1—23; 3) К вопросу о происхождении и литературных источниках Толковой палеи. — ИОРЯС, Л., 1928, т. 1, кн. 1, с. 49—80; Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. — ПДП, СПб., 1895, т. 108, с. 258—262, 371—378; Франко. Апокрифы. Львов, 1896, т. 1, с. XV—XXIII; Истрин В. М. 1) Замечания о составе Толковой палеи. — ИОРЯС, СПб., 1897, т. 2, кн. 1, с. 175—209; кн. 4, с. 845—905; 1898, т. 3, кн. 2, с. 472—531 (то же: СОРЯС, СПб., 1899, т. 65, № 6); 2) Новый сборник ветхозаветных апокрифов. — ЖМНП, 1898, январь, с. 112—133; 3) Из области древнерусской литературы. — ЖМНП, 1903, август, с. 411—414; октябрь, с. 201—218; 1904, февраль, с. 257—294; октябрь, с. 321—354; 1906, февраль, с. 185—246 (то же см. в кн.: Истрин В. М. Исследования в области древнерусской литературы. СПб., 1906, с. 31—51, 70—198); 4) Редакции Толковой палеи. — ИОРЯС, СПб., 1905, т. 10, кн. 4, с. 135—203; 1906, т. 11, кн. 1, с. 1—43; кн. 2, с. 20—61; кн. 3, с. 418—450 (текст, опубликованный в т. 10, в другом варианте печатался в ЖМНП в 1903—1904 гг.; отд. отт.: СПб., 1907); 5) Толковая палея и Хроника Георгия Амартола. — ИОРЯС, Л., 1925, т. 29, с. 369—379; Тихонравов Н. С. Сочинения. Т. 1. Древняя русская литература. М., 1898, с. 156—170. Дополнения, с. 110—122; Евсеев Ив. Заметки по древнеславянскому переводу св. писания. — ИОРЯС, СПб., 1900, т. 5, кн. 3, с. 788—823; Карнеев А. К вопросу о взаимных отношениях Толковой палеи и Златой матрицы. — ЖМНП, 1900, февраль, с. 335—366; Заболотский Н. К вопросу об иноземных источниках «Начальной летописи». — РФВ, Варшава, 1901, т. 45, № 1—2, с. 4—19; Редин Е. К. Толковая лицевая палея XVI в. собрания гр. А. С. Уварова. — ПДПИ, 1901, № 141. Отчеты 1899—1900, Прил., с. 1—9; Шахматов А. А. 1) Толковая палея и рус-

ская летопись. — В кн.: Статьи по славяноведению. СПб., 1904, вып. 1, с. 199—272 (отд. отт.: СПб., 1904); 2) «Повесть временных лет» и ее источники. — ТОДРЛ, М., Л., 1940, т. 4, с. 75—80, 131—139; Истомин К. К. 1) К вопросу о редакциях Толковой палеи. — ИОРЯС, СПб., 1905, т. 10, кн. 1, с. 174—184; 1906, т. 11, кн. 1, с. 337—374; 1909, т. 13, кн. 4, с. 290—343; 1914, т. 18, кн. 1, с. 87—172; 2) Ответ г. Истрину. — ЖМНП, 1906, ноябрь, с. 204—233; Рыстенко А. В. Материалы для литературной истории Толковой палеи. — ИОРЯС, СПб., 1908, т. 13, кн. 2, с. 324—350; Адрианова В. П. К литературной истории Толковой палеи. Киев, 1910.

О. В. Творогов

Палея хронографическая — памятник, по своему характеру и составу сочетающий черты палеи и хронографа. Как установлено В. М. Истриным, П. Х. представляет собой переработку *Палеи толковой*. Различаются две разновидности П. Х. — Полная и Краткая.

Полная П. Х. в первой своей части (до описания событий времен царя Соломона) текстуально близка к Палее толковой, но текст последней дополнен новыми материалами: извлечениями из Библии (их сводный перечень, к сожалению с пропусками, см. в табл. III, приложенной к тексту статьи В. М. Истрина «Редакции Толковой палеи» в отдельном оттиске: СПб., 1907), апокрифическими легендами о Ламехе (см. *Апокрифы о Ламехе*), Мельхиседеке (см. *Апокрифы о Мельхиседеке*), Исаве и Иакове, Моисее (см. *Апокрифы о Моисее*), Соломоне (см. *Апокрифы о Соломоне*) (включены апокрифические Суды Соломона, апокриф о Соломоне и Китоврасе), фрагментами из *Хроники Георгия Амартола* и, в меньшей степени, из *Хроники Иоанна Малалы*, из *Александрии хронографической* второй редакции, из Толкований Ипполита на Книгу Даниила и др. Начиная с повествования об израильских и иудейских царях Полная П. Х. восходит, видимо, к «Хронографу по великому изложению» и использует также памятники из его «конвоя» (см.: Творогов. Древнерусские хронографы, с. 66—67), сближаясь во многих фрагментах с Краткой П. Х., *Хронографом Троицким* и второй редакцией *летописца Еллинского и Римского*. Описание состава хронографической части Полной П. Х. см. в книге «Древнерусские хронографы» (с. 239—262).

Исчерпывающие археографические разыскания о списках Полной П. Х. не произведены. В настоящее время известны ее списки: ГИМ, Синодальное собр., № 210 и 211; ГИМ, Чудовское собр., № 348/46; ГБЛ, собр. Румянцев, № 453 (первые листы входят в сборник № 361 того же собрания); ГБЛ, собр. Ундольского, № 719; ГПБ, собр. Погодина, № 1435. Список Синодального собр., № 211 (изданный под неточным определением «Толковая палея») украшен миниатюрами. Существует предположение, что Полная П. Х. создана в XV в. во Пскове.

Краткая П. Х., почти тождественная с Полной П. Х. в своей второй, хронографической части, существенно отличается от нее в первой части, совпадающей с Толковой палеей: в Краткой палее текст значительно короче, опущены толкования и полемические рассуждения, входившие в состав Толковой палеи и сохраненные в Полной П. Х. Поэтому этот вид палеи по своему типу приближается к хронографу. Краткая П. Х. известна в списках: БАН, 24.5.8 (так называемый «список Срезневского»); ГПБ, собр. Погодина, № 1434; ГПБ, F.IV.603. Списки ГПБ, собр. Погодина, № 1436 и ГПБ, Соловецкое собр., № 866/976 близки друг к другу, но существенно отличаются по составу от перечисленных выше. В. М. Истрин отмечал возможное влияние на их текст *Палеи исторической*.

Изд.: Толковая палея 1477 года: Воспроизведение Синодальной рукописи № 210. СПб., 1892, вып. 1 (издана только половина текста); Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1922, т. 2, с. 109—113 (издан фрагмент Полной П. Х.) Публикацию отдельных апокрифических текстов см. в кн.: Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. — ПЛ, СПб., 1862, вып. 3, с. 9—10, 20—21, 24—49, 51—58; Тихонравов.

Памятники. СПб., 1863, т. 1, с. 17—18, 24—25, 254—258; Порфирьев. Апокрифы ветхозаветные, с. 204—208, 221—241.

Лит.: Истрин В. М. Редакции Толковой палеи. — ИОРЯС, СПб., 1905, т. 10, кн. 4, с. 135—203; СПб., 1906, т. 11, кн. 1, с. 1—43; кн. 2, с. 20—61; кн. 3, с. 418—450 (отд. отт.: СПб., 1907); Каринский Н. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909, с. 1—62; Рыбаков Б. А. «Окна в исчезнувший мир». — В кн.: Доклады и сообщения исторического фак-та МГУ, 1946, вып. 4, с. 50—51; Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955, с. 164—165; Клосс В. М. К вопросу о происхождении Еллинского летописца второго вида. — ТОДРЛ, Л., 1972, т. 27, с. 370—379; Творогов О. В. 1) Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 99—113; 2) Древнерусские хронографы. Л., 1975, гл. 2, 3, 5.

О. В. Творогов

Повесть временных лет (далее: ПВЛ) — принятое в науке название летописного свода, созданного в начале XII в. и сохранившегося в двух редакциях — второй и третьей. Старшие списки второй редакции — Лаврентьевский 1377 г. (в составе *летописи Лаврентьевской*, рукопись ГПБ, Ф.п. IV, № 2), Радзивилловский (в составе *летописи Радзивилловской*, рукопись БАН, 34.5.30) и Московско-Академический (в составе одноименной летописи, список ГБЛ, собр. МДА, № 236). Оба последних списка XV в. Третья редакция ПВЛ дошла до нас в составе *летописи Ипатьевской* (списки Ипатьевский — БАН, 16.4.4, XV в., Хлебниковский — ГПБ, Ф. IV, № 230, XVI в., и др.).

Большинство исследователей считают составителем первой редакции ПВЛ монаха Киево-Печерского монастыря *Нестора*. В Лаврентьевском списке ПВЛ озаглавлена: «Се повести времяных лет, откуда есть пошла Руская зем(л)я, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Руская земля стала есть»; в Ипатьевском списке после слова «лет» добавлено: «черноризца Федосьева манастыря Печерьскаго», а в Хлебниковском — «Нестера черноризца Феодосьева манастыря Печерского». Исследования А. А. Шахматова позволили отказаться от господствовавших в науке первой половины XIX в. представлений о ПВЛ как летописи, составленной (по крайней мере в пределах описания событий второй половины XI—начала XII в.) единолично Нестором: А. А. Шахматов доказал, что ПВЛ предшествовала другая летопись, так называемый Начальный свод, но Нестор существенно переработал его и дополнил изложением событий конца XI—начала XII в. Начальный свод, по гипотезе А. А. Шахматова, был составлен в 1093—1095 гг. игуменом Киево-Печерского монастыря *Иоанном*. Начальный свод до нас не дошел, но отразился в новгородском летописании, в частности сохранился в составе *летописи Новгородской I* младшего извода, в начальной ее части (до 1016 г.) и в статьях 1053—1074 гг. Следы его могут быть обнаружены также в *летописи Новгородской IV* и *летописи Софийской I*, протограф которых использовал новгородское летописание.

В основу Начального свода, по гипотезе А. А. Шахматова, лег летописный свод *Никона* 70-х гг. XI в., дополненный описанием событий до 1093 г. включительно. Начальный свод составлялся под впечатлением половецкого нашествия 1093 г. и в обстановке размолвки Киево-Печерского монастыря с князем Святополком Изяславичем, поэтому для свода характерна публицистическая заостренность, особенно ярко выраженная в его вводной части: современным князьям, разорившим Русскую землю своими поборами, противопоставляются «древние князи и мужи их», которые «не собираху многа имения», заботились о своей земле, подчиняли Руси окрестные страны, были щедры к дружине. В своде подчеркивалось, что нынешние князья стали пренебрегать «старшей дружиной», «любить смысл юных». Полагают, что эти упреки были подсказаны летописцу *Яном Вышатичем*, выразителем интересов старшей дружины, считавшей основным источником обогащения успешные завоевательные походы, а не феодальные поборы. Однако с этим мотивом связан и патристический

призыв прекратить междоусобные распри и совместно выступить против половецкой опасности. Антикняжеская направленность Начального свода и явилась, по мнению А. А. Шахматова, причиной того, что новгородские летописцы XV в. (а по мнению Д. С. Лихачева — после 1136 г.) заменили текст ПВЛ в начале новгородской летописи («Софийского временника») именно текстом Начального свода.

Эта гипотеза А. А. Шахматова разделяется в основных своих чертах многими его последователями (М. Д. Приселковым, Л. В. Черепниним, А. Н. Насоновым, Д. С. Лихачевым, Я. С. Лурье и др.). Иное объяснение отличий летописного текста в новгородских летописях от ПВЛ предложено В. М. Истриным, который считал, что новгородские летописцы сократили текст ПВЛ, и, таким образом, мы находим здесь не текст, предшествовавший ПВЛ, а восходящий к ней. Сомнения в существовании Начального свода высказывались также А. Г. Кузьминым.

Согласно гипотезе А. А. Шахматова, Нестор, перерабатывая Начальный свод, углубил и расширил историографическую основу русского летописания: история славян и Руси стала рассматриваться на фоне всемирной истории, было определено место славян среди других народов, возводивших своих прародителей к потомкам легендарного Ноя. Таким образом, русская история вводилась в рамки традиционной христианской историографии.

Именно этой историографической концепции была подчинена композиция ПВЛ. Рассказу Начального свода об основании Киева Нестор предпослал обширное историко-географическое введение, повествуя о происхождении и древнейшей истории славянских племен, определяя границы исконно славянских земель и территорий, ими освоенных. Нестор внес в летопись извлечения из Сказания о начале славянской письменности, чтобы лишний раз подчеркнуть древность и авторитетность славянской культуры. Описывая обычаи различных племен, обитающих на Руси, или народов дальних стран, сведения о которых Нестор приводит по переводу византийской *Хроники Георгия Амартола*, летописец подчеркивает мудрость и высокую нравственность полян, на земле которых находится Киев. Нестор укрепляет предложенную еще Никоном историографическую концепцию, согласно которой великие князья киевские ведут свой род от «призванного» новгородцами варяжского князя Рюрика. Переходя к изложению событий X—XI вв., Нестор в основном следует тексту Начального свода, но дополняет его новыми материалами: он вводит в ПВЛ тексты договоров Руси с Византией, пополняет рассказы о первых русских князьях новыми подробностями, почерпнутыми из народных исторических преданий: например, повествованием о том, как Ольга хитростью овладела столицей древлян Искоростенем, как юноша-кожемяка одолел печенежского богатыря, а старец спас осажденный печенегами Белгород от неминуемой капитуляции. Нестору принадлежит и заключительная часть ПВЛ (после окончания текста Начального свода), однако, как полагают, эта часть могла быть переработана в последующих редакциях ПВЛ. Именно под пером Нестора ПВЛ становится выдающимся памятником древнерусской историографии и литературы. По словам Д. С. Лихачева, «никогда ни прежде, ни позднее, вплоть до XVI в., русская историческая мысль не поднималась на такую высоту ученой пытливости и литературного умения» (Лихачев. Русские летописи, с. 169).

О редакциях ПВЛ и их соотношениях существуют различные суждения. По гипотезе А. А. Шахматова, первая редакция ПВЛ (Нестора) была создана в Киево-Печерском монастыре в 1110—1112 гг. После смерти покровительствовавшего монастырю князя Святополка составление летописи было передано в Выдубицкий Михайловский монастырь, где в 1116 г. игумен *Сильвестр* перерабатывает заключительные статьи ПВЛ, положительно оценивая деятельность *Владимира Мономаха*, став-

шего в 1113 г. великим князем киевским. В 1118 г. по поручению новгородского князя Мстислава Владимировича составляется третья редакция ПВЛ.

Однако не все детали этой гипотезы в равной мере убедительны. Во-первых, существуют различные суждения о дате составления первой редакции ПВЛ и о ее объеме. Сам А. А. Шахматов то относил ее создание к 1110 г., то допускал, что труд Нестора был продолжен до 1112 г., то полагал, что сам Нестор довел его до 1112 г. (Шахматов. Повесть временных лет, т. 1, с. XV, XVIII, XXI и XLI). М. Д. Приселков указывает на 1113 г. как на время составления первой редакции, основываясь, в частности, на расчете лет в статье 852 г., доведенной до смерти Святополка в 1113 г., но Шахматов считал упоминание смерти Святополка в этом перечне вставкой, сделанной Сильвестром (там же, т. 1, с. XXVII). Во-вторых, допущение Приселкова, развивавшего гипотезу Шахматова, что «главное внимание Сильвестра было направлено на переделку Несторова изложения за 1093—1113 гг., т. е. за время княжения Святополка», основано лишь на предпосылке, что «летопись князя Святополка» (т. е. первая редакция ПВЛ) «оказалась враждебной . . . новому киевскому князю Мономаху, давнему политическому врагу Святополка» (Приселков. История летописания, с. 42). Но доказать этот тезис невозможно, поскольку первая редакция не сохранилась. Объем и характер редакторской работы Сильвестра не ясны. А. А. Шахматов то указывал, что «основная редакция Повести вр. лет при переделке ее Сильвестром исчезла совсем» (Шахматов. Повесть временных лет, т. 1, с. XVII), то наряду с этим допускал, что Сильвестр, «можно думать, ограничил свою работу редакционными поправками» (там же, с. XXVII). Допущение Шахматова, что ПВЛ первой редакции была использована одним из составителей *патерики Киево-Печерского — Поликарпом* (там же, с. XIV—XV), развито М. Д. Приселковым в предположение, что Сильвестр «главным образом просто опускал весьма любопытные рассказы Нестора в пределах этих годов, касавшиеся в большинстве случаев отношения Святополка к Печерскому монастырю» (Приселков. История летописания, с. 42). Однако приводимые Шахматовым примеры известий, возможно отразившихся в Киево-Печерском патерике, содержат негативную характеристику Святополка. Их присутствие в летописи, составленной под его покровительством, и последующее устранение из летописи, ему враждебной (как считал Приселков), весьма странно. В-третьих, наличие во второй редакции фрагментов текста, относимых Шахматовым к третьей редакции, заставляет его допускать вторичное влияние третьей редакции на вторую (Шахматов. Повесть временных лет, т. 1, с. V—VI), что существенно ослабляет его гипотезу. Поэтому предпринимались попытки иначе объяснить взаимоотношения древнейших списков ПВЛ. Так, Л. Мюллер предложил гипотезу, согласно которой вторая редакция ПВЛ (1116 г.), составленная Сильвестром, дошла до нас в составе Ипатьевской летописи, а в Лаврентьевской и подобных ей мы находим отражение той же редакции, но с утраченным концом (статьи 1110—1115 гг.). Существование третьей редакции ПВЛ (1118 г.) Мюллер считает вообще недоказанным. М. Х. Алешковский также видел в Лаврентьевском списке копию редакции, представленной Ипатьевским списком, а Нестору приписывал летописный свод, отразившийся в летописи Новгородской I. Таким образом, взаимоотношения древнейших списков ПВЛ еще требуют дальнейшего изучения.

Изд.: Летопись Несторова, по списку инок Лаврентия /Издавали профессора Харитон Чеботарев и Н. Черепанов с 1804 по 1811 год. М. [издание не завершено]; Летопись Несторова по древнейшему списку мниха Лаврентия /Изд. профессора Тимковского, прерывающееся 1019 годом. Напечатано при ОЛДП. М., 1824; Ипатьевская летопись. СПб., 1843, с. 1—8 (ПСРЛ, т. 2) (текст ПВЛ 3-й редакции, с 1111 по 1117 г.); Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846, с. 1—23 (ПСРЛ, т. 13) (ПВЛ 2-й редакции); Летопись по Лаврентьевскому списку /Изд. Археогра-

фической комиссии. СПб., 1872, с. 1—274; Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку/Изд. Археографической комиссии. СПб., 1872 (фототипическое воспроизведение рукописи); Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908, стб. 1—285 (ПСРЛ, т. 2) (фототипическое воспроизведение издания: М., 1962); Лаврентьевская летопись: Повесть временных лет. 2-е изд. Л., 1926 (ПСРЛ, т. 1, вып. 1) (фототипическое воспроизведение издания: М., 1962); Повесть временных лет: Ч. 1. Текст и перевод/Подгот. текста Д. С. Лихачева, пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Ч. 2. Приложения/Статьи и коммент. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1950 (сер. «Литературные памятники»); Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков/Сост., пер. и примеч. И. П. Еремина и Д. С. Лихачева. Вступит. статья Д. С. Лихачева. М., 1957, с. 1—146 (перевод ПВЛ), 279—317 (статья и примечания); Повесть временных лет. — ПЛДР: XI—первая половина XII века. М., 1978, с. 22—277 (текст, перевод), 418—451 (примечания); Повесть временных лет. — В кн.: Повести Древней Руси XI—XIII века. Л., 1983, с. 24—227 (текст, перевод), 524—548 (примечания).

Лит.: Сухомлинов М. И. О древней русской летописи как памятнике литературном. — Учен. зап. Второго отд-ния имп. Акад. наук, СПб., 1856, кн. 3, отд. 2, т. 1—230; Бестужев-Рюмин К. О составе русских летописей до конца XIV века. — ЛЗАК, СПб., 1868, вып. 4, отд. 1, с. I—IV, 1—157, 1—138 (приложения); Некрасов Н. П. Заметки о языке Повести временных лет по Лаврентьевскому списку летописи. — ИОРЯС, СПб., 1896, т. 1, с. 832—927; 1897, т. 2, кн. 1, с. 104—174; Шахматов А. А. 1) Древнейшие редакции Повести временных лет. — ЖМНП, 1897, октябрь, отд. 2, с. 209—259; 2) О Начальном киевском летописном своде. — ЧОИДР, 1897, кн. 3, отд. 3, с. 1—58; 3) Начальный киевский летописный свод и его источники. — В кн.: Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. М., 1900, с. 1—9; 4) Разыскания; 5) Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова летопись. — ИОРЯС, СПб., 1909, т. 13, кн. 1, с. 213—270; 6) Повесть временных лет: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916 (то же: ЛЗАК, Пг., 1917, вып. 29); 7) «Повесть временных лет» и ее источники. — ТОДРЛ, М.; Л., 1940, т. 4, с. 11—150; 8) Киевский Начальный свод 1095 г. — В кн.: А. А. Шахматов. 1864—1920: Сб. статей и материалов под ред. акад. С. П. Обнорского. М.; Л., 1947, с. 117—160; Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания: По поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи. — ИОРЯС, Пг., 1923, т. 26, с. 45—102; Л., 1924, т. 24, с. 207—251; Никольский Н. К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры: К вопросу о древнейшем русском летописании. Л., 1930, вып. 1 (Сб. по русскому языку и словесности, т. 2, вып. 1); Приселков В. История летописания, с. 16—44; Бугославский С. «Повесть временных лет»: (Списки, редакции, первоначальный текст). — В кн.: Старинная русская повесть: Статьи и исслед. под ред. Н. К. Гудзия. М.; Л., 1941, с. 7—37; Еремин И. П. «Повесть временных лет»: Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1946 (на обложке — 1947) (переиздано в кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966, с. 42—97; Лихачев Д. С. 1) Русские летописи, с. 35—172; 2) «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. — ИЗ, М., 1948, т. 25, с. 240—265; 3) Повесть временных лет. — В кн.: Лихачев Д. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. 2-е изд. М., 1979, с. 46—140; Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. — ИЗ, М., 1948, т. 25, с. 293—333; Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). — Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, Л., 1949, т. 80; Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 215—300; Алешковский М. Х. 1) «Повість временних літ» та її редакції. — Український історичний журнал, 1967, № 3, с. 37—47; 2) Первая редакция Повести временных лет. — АЕ за 1967 г., М., 1969, с. 13—40; 3) К датировке первой редакции Повести временных лет. — АЕ за 1968 г., М., 1970, с. 71—72; 4) Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971; Müller L. Die «Dritte Redaktion» der sogenannten Nestorchronik. — In: Festschrift für Margarete Woltner zum Geburtstag. Heidelberg, 1967, S. 171—186; Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969, с. 72, 255—257 (библиография работ о языке ПВЛ); Кузьмин А. Г. 1) Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969; 2) Древнерусские исторические традиции и идейные течения XI в. (по материалам летописания XI—XII вв.). — ВИ, 1971, № 10, с. 55—76; 3) Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977; Насонов В. История летописания, с. 12—79; Творогов О. В. Сюжетное повествование в летописях XI—XIII вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970, с. 31—66; 2) Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 99—113; 3) Повесть временных лет и Начальный свод: (Текстологический комментарий). — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 30, с. 3—26; Дущечкина Е. В. Художественная функция чужой речи в русском летописании. — Учен. зап. Тартусского ун-та, 1973, вып. 306. Тр. по рус-

ской и славянской филологии, т. 24, с. 65—104; Поппэ А. В. К вопросу об ультрамартовском стиле в Повести временных лет. — История СССР, 1974, № 4, с. 175—178; Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания: Обзор советской литературы. М., 1975, с. 15—20, 49—65, 130—132, 229—247; Громов М. Н. 1) Древнерусская философия истории в «Повести временных лет». — В кн.: Актуальные проблемы истории философии народов СССР. М., 1975, вып. 2, с. 3—13; 2) «Речь философа» из древнерусской летописи «Повесть временных лет». — Филологические науки, 1976, № 3, с. 97—107; Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975; Кизилов Ю. А. Историческое мировоззрение авторов Повести временных лет. — ВИ, 1978, № 10, с. 61—78; Харбугаев Г. А. Этнонимика «Повести временных лет». М., 1979; Лурье Я. С. О возможности и необходимости при исследовании летописей. — ТОДРЛ, Л., 1981, т. 38, с. 18—21.

О. В. Творогов

Хроника Александра Гваньини — произведение польского историка эпохи Возрождения Александра Гваньини (1538—1614), посвященное географии и истории стран Центральной и Восточной Европы — Польши, Литвы, России и др. («Sarmatiae Europaeae descriptio»). Первое издание этого компилятивного труда (и едва ли не плагиата с не дошедшего до нас сочинения М. Стрыйковского) вышло в 1578 г., изложение событий доведено в нем до середины 1570-х гг.; второе издание (1581 г.) излагает историю до сентября 1580 г. и включает главу об *Иване Грозном*. В июле 1581 г. во время похода на Псков Гваньини поднес это издание польскому королю Стефану Баторию, который переслал его Ивану Грозному (см.: Коялович М. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени. СПб., 1867, с. 36, 742). Позднее латинский текст издавался неоднократно, в 1611 г. вышел польский перевод М. Пашковского («Kronika Sarmaciej europiejskiej»), изложение было значительно дополнено и охватывало события начала XVII в. В 1653 г. кн. Б. А. Репнин-Оболенский привез в Посольский приказ из Польши издание Х. Гваньини (неизвестно, на каком языке) для дипломатических нужд русского правительства. Возможно, что возникновение последующих русских переводов связано с переводческой деятельностью Посольского приказа, причастного в XVII в. к официальной историографии.

В 1655—1680-х гг. Х. Гваньини трижды переводилась на русский язык: один раз с латинского («Описание Сарматии Европской» — ГПБ, F.IV.106) и два раза с польского языка («Хроника земли Европской» — ГПБ, F.IV.180; «История Сарматии Европской» — ГПБ, F.IV.130; обе рукописи XVII в. из библиотеки известного мецената петровского времени кн. Д. М. Голицына). Списки этих переводов немногочисленны.

Переводы отдельных отрывков из Х. Гваньини появились раньше полных ее переводов. Уже в первой трети XVII в. глава «О великого князя московского Ивана Васильевича тиранстве, то есть о крутости или о жестокости» встречается в рукописях с произведениями кн. А. М. Курбского. Имеющиеся в литературе высказывания о причастности Курбского к переводу этого отрывка из Х. Гваньини ошибочны. Во второй половине XVII в. в состав так называемых «сборников Курбского» входят два перевода из Х. Гваньини: «О обычаях царя и великого князя Иоанна Васильевича» и «Описание царства Московского» (второй отрывок издан В. Пассеком). Д. К. Уо установил, что входящая в состав этих сборников повесть Андрея Тарановского «О приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань» в 1569 г. также переведена из Х. Гваньини, а не из *Хроники Мартина Бельского*, как считалось ранее (см.: Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951, с. 550). Во второй половине XVII в. появились и другие извлечения из Х. (без указания источника). Это — сочинение по древнейшей чешской истории «*История вкратце о Богеме*» (издана А. М. Панченко), а также произведения, отразившие турецкую тематику в русской литературе XVII в., — «Повесть о турках» (ГПБ,

Q. IV. 126; ГБЛ, собр. Румянцева, № 457, л. 496—505) и «О турках» (ГБЛ, Рогожское собр., № 384, л. 1—19).

В XVII в. X. Гваньини широко использовали А. И. Лызлов в «Скифской истории», *Иннокентий Гизель* в «Синописе» (1680 г.), составитель 76-главной Космографии (1655—1667 гг.) и др. Позднее ее использовали в своих трудах по истории России В. Н. Татищев, Ф. А. Эмин, Н. М. Карамзин. Полные переводы X. Гваньини на русский язык не изданы.

Изд.: Описание царства Московского / Публ. В. Пассека. — Прибавление к Московским губ. ведомостям, 1841, № 7—15, с. 55—57, 69—72, 83—87, 101—105, 117—120, 130—133, 148—149, 158—159, 174—180.

Лит.: Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, с. 32—34; Соболевский И. Переводная литература, с. 76—78, 88; Чистякова Е. В. «Скифская история» А. И. Лызлова и труды польских историков XVI—XVII вв. — ТОДРЛ, М.; Л., 1963, т. 19, с. 348—357; Панченко А. М. 1) «История вкратце о Бохеме». — ТОДРЛ, М.; Л., 1965, т. 21, с. 240—251; 2) Чешско-русские литературные связи XVII в. Л., 1969, с. 41—63; Козлова Г. Г. Об «Описании Московии» Александра Гваньини. — В кн.: Античность и современность. М., 1972, с. 434—444; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Л., 1979, с. 263, 277—289; Sielicki F. Kronikarze polscy w latopisarstwie i dawnej historiografii ruskiej. — Slavia Orientalis, 1965, N 2, s. 170—172; Waugh D. C. 1) Notes on Seventeenth-Century Translations from the Polish «Kronika» of Alexander Guagnini. — In: Keenan E. L. The Kurbskii-Groznyi Apocrypha. Cambridge (Mass.), 1971, p. 149—151; 2) Seventeenth Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes: Toward a Study of Muscovite Literary Culture in its European Setting. (A thesis). Cambridge (Mass.), 1972, p. 150—192, 530—579.

С. И. Николаев

Хроника Георгия Амартола — хроника, излагающая всемирную историю от сотворения мира до 842 г., составленная в IX в. византийским монахом Георгием. В греческом заголовке памятник именуется «Грешником» (греч. ἀμαρτωλός), поэтому произведение обычно называют X. Георгия Амартола или X. Георгия Мниха. В X в. X. Амартола была продолжена описанием событий византийской истории еще за одно столетие и доведена до 948 г. Это продолжение приписывается византийскому хронисту Симеону Логофету (см. *Хроника Симеона Логофета*). Источниками труда Амартола являлись библейские книги, а также различные хроники: *Хроника Иоанна Малалы*, хроники Юлия Африкана, Диона Кассия, Евтропия, Евсевия, Феофана, Феодорита и др. (см. об источниках X. Амартола в статьях: Шестаков С. 1) О происхождении и составе Хроники Георгия Амартола. Казань, 1891 (на обложке: 1892); 2) По вопросу об источниках Хроники Георгия Монаха (Амартола): (IV книга Хроники). СПб., 1892). Греческий текст X. Амартола, наиболее близкий к славянскому переводу, издан Де Боором (Georgii Monachi chronikon/Ed. C. de Boor, vol. I—II. Lipsae, 1904) и В. М. Истриным (во втором томе его монографии о Хронике).

Текст X. Амартола, продолженный до 948 г., был переведен на славянский язык. О времени и месте перевода существуют различные точки зрения. В. М. Истрин считал, что перевод был осуществлен в Киевской Руси в XI в. М. Вейнгарт, Н. Н. Дурново, П. А. Лавров, В. А. Розов в рецензиях на труд В. М. Истрина высказывали мнение, что перевод был сделан в Болгарии в X в. и в XI в. привезен на Русь или что в переводе участвовал наряду с русским переводчиком болгарин. Н. А. Мещерский допускает, что перевод был сделан в Болгарии в X в., а в Киеве, в XI в., лишь основательно отредактирован.

X. Амартола состоит из небольшого вступления и четырех книг. В первой книге кратко изложены основные этапы всемирной истории от сотворения мира до времени Александра Македонского. Во второй книге повествуется о библейской истории, и лишь в конце ее говорится о восточных царях и о Юлии Цезаре. В третьей книге, озаглавленной «Начало Ромейских царствий», рассказывается о римской и византий-

ской истории вплоть до 30-х гг. IV в. — до крещения императора Константина. Краткие исторические справки о римских императорах перемежаются здесь с христианскими легендами и с обширными богословскими рассуждениями. Четвертой книге, именуемой «Временник о христьянских царях», присуще то же сочетание собственно исторических сведений (особенно обстоятельных и детальных в конце книги, где текст восходит к Хронике Симеона Логофета) с обширными отступлениями богословского и церковно-догматического характера, например при изложении споров, разгоравшихся на церковных соборах или в годы борьбы иконоборцев с иконопочитателями. X. Амартола написана тяжелым языком, в ней относительно мало сюжетного повествования, но тем не менее она сыграла огромную роль в развитии русской хронографии и летописания. Славянский перевод существовал в двух незначительно различавшихся разновидностях. Одна из них отразилась в различных хронографических компиляциях: в *Хронографе по великому изложению*, где текст X. Амартола был передан в значительном сокращении, в архетипной редакции *летописца Еллинского и Римского*, в *Хронографе XIII в.* — протографе *хронографов Архивского и Виленского*, а также в *Хронографе Софийском*. Через посредство Хронографа по великому изложению текст X. Амартола вошел в состав Начального свода, *Хронографа Троицкого*, Полной и Краткой редакций *Палеи Хронографической*. Через посредство Архетипной редакции летописца Еллинского и Римского — в первую и вторую его редакции, а через посредство последней — в *Хронограф Русский*.

При этом заметим, что древнерусских хронистов X. Амартола привлекала прежде всего как ценнейший исторический источник, и поэтому, например, во второй редакции летописца Еллинского и Римского богословские рассуждения Амартола частично были опущены, а в ряде случаев текст этой хроники был заменен более доступным по изложению текстом Хроники Малалы. Впоследствии, при включении текста Еллинского летописца в *Хронограф Русский*, произошли новые замены: сухой и трудный для понимания текст Амартола вытеснялся более эмоциональным и «сюжетным» текстом *Хроники Манассии*.

Другая разновидность перевода сохранилась в составе отдельных списков. Эта разновидность представлена двумя редакциями — первой и восходящей к ней второй. Первая редакция известна в трех списках. Троицкий список (ГБЛ, собр. МДА, № 100), иллюстрированный миниатюрами, переписан по заказу тверского князя Михаила Ярославича (1272—1318 гг.), либо в промежутке между 1292—1312 гг., как думает О. И. Подобедова, либо вскоре после смерти князя Михаила, как полагает Г. И. Вздорнов. Список дефектен — утрачен конец рукописи (около пятой части всего текста). С ним сходен пергаменный список X. Амартола, обнаруженный недавно в собрании рукописей Библиотеки Гос. Эрмитажа (в Ленинграде). Текст той же редакции, но полный и с некоторыми лучшими, сравнительно с Троицким списком, чтениями обнаружен в рукописи XVI в., разделенной на два тома (ГИМ, Синодальное собр., № 1008 — первая половина текста, № 732 — вторая). Вторая редакция X. Амартола известна сейчас в списках XV—XVII вв. и трех фрагментах (перечень их см.: Творогов О. В. Древнерусские хронографы, с. 12). В XVII в. X. Амартола намеревались издать; Симеоном Полоцким было написано для этого издания стихотворное предисловие.

X. Амартола была использована также в русском летописании: ряд фрагментов из нее вошел в состав *Повести временных лет*.

Помимо русского (или болгарского) перевода X. Амартола известен также сербский ее перевод, изданный по рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 148 фотолитографическим способом (*Летовникъ съкращень от различных летописць же и поведатели и избранъ и съставлень отъ*

Георгия грешнаа инока. СПб., 1878—1880 (ОЛДП, № 26 и 56)). Исследование этого перевода содержится в монографии М. Вейнгарта.

Изд.: Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь. Пг., 1920, т. 1 (Текст); Пг., 1922, т. 2 (а. Греческий текст «Продолжения Амартола»; б. Исследование); Л., 1930, т. 3 (Греческо-славянский и славянско-греческий словарь).

Лит.: Строев П. О византийском источнике Нестора. — Труды и летописи ОИДР, 1828, ч. 4, кн. 1, с. 167—183; Снегирев И. Замечания о Георгии Амартоле. — Там же, 1830, ч. 5, кн. 1, с. 255—264; Оболенский М. О греческом кодексе Георгия Амартола, хранящемся в Московской Синодальной библиотеке, и о сербском и болгарском переводах его Хроники. — ЧОИДР, 1846, № 4, отд. 4, с. 73—102 (отд. изд.: М., 1847); Куник А. А. Разбор рукописного сочинения г. Ундольского под заглавием: Исследования о церковно-славянских хронографах. Т. 1. О временнике Георгия Амартола в отношении к Несторовой летописи. — В кн.: Двадцать пятое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1856, с. 71—84; Сухомлинов М. И. О древней русской летописи как памятнике литературном. СПб., 1856, с. 85—106; Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866, вып. 1; Мансветов И. Д. Художественные и бытовые данные в славянском списке летописи Георгия Амартола из библиотеки Московской духовной академии. — Труды 5-го Археологического съезда в Тифлисе (1881). М., 1887, с. 161—169; Васильевский В. Хроника Логофета на славянском и греческом. — ВВ, СПб., 1895, т. 2, вып. 1—2, с. 78—151; Шахматов А. А. 1) Древнеболгарская энциклопедия X века. — ВВ, СПб., 1900, т. 7, вып. 1—2, с. 1—35; 2) «Повесть временных лет» и ее источники. — ТОДРЛ, М.; Л., 1940, т. 4, с. 41—61; Истрин В. М. 1) Греческий оригинал так называемого болгарского перевода Хроники Георгия Амартола. — ВВ, СПб., 1906, т. 13, вып. 1, отд. 1, с. 36—57; 2) К изданию так называемого болгарского перевода Хроники Георгия Амартола. — ИОРЯС, СПб., 1910, т. 15, кн. 2, с. 222—240; 3) Хроника Георгия Амартола в славянском переводе и связанные с нею памятники. — ЖМНП, 1917, май, с. 1—25; 4) Толковая папая и Хроника Георгия Амартола. — ИОРЯС, Л., 1924, т. 29, с. 369—379; Weingart M. Byzantské kroniky v literatuře cirkevňeslovanské. Bratislava, 1923, č. 2; Айналов Д. В. 1) Миниатюры древнейших рукописей в Музее Троице-Сергиевой лавры и на ее выставке. — В кн.: Краткий отчет о деятельности Общества древней письменности и искусства за 1917—1923 годы. С приложением статей проф. Д. В. Айналова и А. И. Лященко. Л., 1925, с. 12—33 (ПДПИ, вып. 190); 2) К истории древнерусской литературы: II. Иллюстрации к Хронике Георгия Амартола. — ТОДРЛ, М.; Л., 1936, т. 3, с. 13—21; Дурново Н. К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола. — Slavia, Praha, 1925, гоф. 4, ses. 3, s. 801—815; Лавров П. А. Георгий Амартол в издании В. М. Истрина. — Slavia, Praha, 1925, гоф. 4, ses. 3, s. 461—484; 1926, гоф. 5, ses. 4, s. 657—683; Украинские письменники, с. 662—665; Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1963, с. 41—48; Вздорнов Г. И. Иллюстрации к Хронике Георгия Амартола. — ВВ, М., 1969, т. 30, с. 205—225; Творогов О. В. 1) Беллетристические элементы в переводном историческом повествовании XI—XIII вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 108—117; 2) Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 99—113; 3) Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 9—13, 98—110; 4) Византийские хроники в Древней Руси. — В кн.: Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979, с. 86—92; 5) Материалы для истории русских хронографов: 2. Софийский хронограф и «Хроника Иоанна Малалы». — ТОДРЛ, Л., 1983, т. 37, с. 188—221; Мещерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV веков. Л., 1978, с. 70—79.

О. В. Творогов

Хроника Иоанна Зонары — византийская хроника, содержащая описание всемирной истории от сотворения мира до восшествия на престол императора Иоанна II Комнина. Создана она, как полагают, около 1117 г. Греческий текст издавался неоднократно (см. например: Ioanis Zonarae epitome historiarum / Ed. L. Dindorfius. Lipiae, 1871).

Славянский перевод Х. Зонары был осуществлен в Болгарии — по предположению П. О. Потапова, около 1170 г. Известно несколько списков полного перевода: 1) список XV в., находящийся в Патриаршей библиотеке в Белграде; прежде он принадлежал библиотеке в Карловаце (о нем см. в публикации: Письма Шафарика к Бодянскому. — ЧОИДР, М., 1896, кн. 2, с. 82); 2) список XV—XVI вв., хранящийся в Венской

библиотеке (cod. slav., N 126); список подробно описан в работе Вейнгарта (с. 89—103; см. также: Яцимирский А. И. Описание южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек. Пг., 1921, т. 1, с. 174—176); 3) список XVI в. БАН 24.4.34; частично (л. 354 об.—442 об.) издан А. Якобс; 4) список библиотеки Хиландарского монастыря, № 332 (по Богдановичу — № 433), 1520—1530 гг. (см.: Богданович Дмитрий. Каталог ирильских рукописи монастыря Хиландара. Београд, 1978, с. 166); 5) список XVII в. ГБЛ, собр. Ундольского, 1191; 6) список XV или XVI в. Музея сербской православной церкви в Белграде, № 42; прежде он находился в монастыре Крушедол (см. о нем: Петковић С. Опис рукописа манастира Крушедола. Сремски Карловица, 1914, № 81; Mosin V. Izvještaj o naučnom putovanju u Srijemsku Mitrovicu—Beograd—Peč—Dečane—Cavtat—Dubrovnik 1953 godine. — Ljetopis Jugoslavenske Akademije, Zagreb, 1955, kn. 60, s. 221); 7) сокращенная переделка X. Зонары из Зографского монастыря, описанная в статье П. Лаврова и книге М. Вейнгарта (с. 139—148). Неизвестна судьба списка XV в., описанного и частично изданного В. Качановским.

Славянский перевод далеко не адекватен оригиналу. Без существенных сокращений сохранено повествование о библейской истории и истории восточных монархий (в списке БАН эта часть занимает л. 1—161 об.), об Александре Македонском (л. 161 об.—177), о его преемниках и истории Иудеи вплоть до разрушения Иерусалима Титом (л. 171—268), об истории Рима от прибытия Енея в Италию и до убийства Юлия Цезаря (л. 268—314 об.). В дальнейшем в тексте опущен ряд фрагментов. После описания гибели Цезаря непосредственно следует рассказ об императорах от Веспасиана до Максимиана (л. 330—354 об.), затем воспроизводятся статьи об императоре Константине Великом (354 об.—363), о византийских императорах от Феодосия I до Маркиана (л. 363—379), об Анастасии (л. 379—383), Маврикии (л. 383—388 об.), Ирине и Константине VI (л. 388 об.—395), об императорах от Феофила до Льва VI (л. 395—436), о Василии II и Константине VIII (л. 436—447). Затем, в нарушение хронологии, во всех списках следует повествование об императоре Льве V Армянине.

П. О. Потапов, рассмотрев взаимоотношения известных ему списков (Венского, Хиландарского, списка из собр. Ундольского и списка, опубликованного В. Качановским), пришел к выводу, что все они восходят к общему архетипу. По нашим наблюдениям, список БАН — один из лучших, в нем, в частности, нет тех пропусков слов и фраз, которые П. О. Потапов отмечает во всех остальных списках.

Все полные списки X. Зонары сербские. Сербским же был оригинал ее сокращенной редакции — Паралипомена, который сыграл значительную роль в развитии древнерусской хронографии. Паралипомен известен пока в единственном списке — в составе сборника ГБЛ, Волоколамское собр., № 655 (бывший № 415). В составе сборника находятся также Житие деспота Стефана Лазаревича, написанное Константином Костенчским, Житие Стефана Дечанского, составленное Григорием Цамблаком, Житие Илариона Мегленского. Сборник, как установлено недавно А. А. Туриловым, написан в Иосифо-Волоколамском монастыре, частично — книгописцем Ферапонтом Обуховым (см.: Турилов А. А. Болгарские и сербские источники по средневековой истории Балкан в русской книжности конца XIV—первой четверти XVI в. Автореф. канд. дис. М., 1980, с. 16).

Название Паралипомен восходит к заголовку предисловия («Сие начало Паралипомену Занарину, царских книг»). П. О. Потапов предложил следующую гипотезу происхождения Паралипомена. Когда списки болгарского перевода X. Зонары попали в Сербию, инок Афонского Хиландарского монастыря Григорий переписал ее текст с неисправного оригинала 1344 г. для сербского деспота Стефана Душана (а не Стефана Лазаревича, как полагал А. Н. Попов). Позднее, в 1383 г., текст, переписанный

санный Григорием, был сильно сокращен. Переписчик, работавший в XV в., приписал эту сокращенную переработку Григорию и указал, на основании неверно истолкованного им текста приписки в рукописи 1383 г., что Григорий работал в 1408 г.

Паралипомен представляет собой выборки и пересказы полного текста X. Зонары, при этом имевшего уже те пропуски и перестановку статьи о Льве Армянине, о которых шла речь выше. В Паралипомен вошли рассказы о Давиде, Кире, Ксерксе, Александре Македонском и его преемниках, об основании Рима и первых римских царях, о некоторых римских императорах и императорах византийских: Константине, Феодосии Великом, Анастасии, Маврикий, Ирине и Константине VI, Феофиле, Михаиле III, Василии I, Льве VI, Василии II, Константине VIII, Льве V Армянине.

Паралипомен был использован при составлении *Хронографа Русского*. Из него в Хронограф были включены статьи «О училищех, иже в Персех» (в гл. 87 Хронографа), «Паки о Кире и о цедролюбии его и о Крисе» (в гл. 89), «Царство Дариа Истапсова, иже царствова в Вавилоне лет 20» и начало статьи «Царство Ксерксово» (в гл. 91—92), статьи «Царство I Египетское» и «Царство второе Птолемеово», кончая словами: «и приидоша во Иерусалим» (в гл. 104), фрагмент в статье «О Ении» (в гл. 107), два фрагмента в статье «Царство 21 Севирово» (в гл. 116), фрагмент в статье «Царство 30 Дикиево и Валерианово» (в гл. 116), статья «О Онории цари» до слов «царствова лет 30» (в гл. 128), статья «О турках и о началнице их Аламундаре» (в гл. 135), фрагмент в статье «О коркодиле» и статья «О туркох» (в гл. 141), статья «О князи рузтем» (в гл. 169), а также ряд мелких выписок.

Составитель Западнорусской редакции, обратившись к Паралипомену, сделал из него ряд новых выписок (см.: Русский хронограф: Хронограф Западнорусской редакции. — ПСРЛ, Пг., 1914, т. 22, ч. 2, с. 7, 10, 20, 115). Фрагменты из Паралипомена включены также в текст русского списка перевода *Хроники Константина Манассии* (ГПБ, Софийское собр., № 1497, л. 9, 390—392).

Изд.: Бодянский О. Паралипомен Зонарин. — ЧОИДР, 1847, № 1; Kačanolovskij VI. Iz srbsko-slovenskoga prievoda bizantinskoga ljetopisa Joanna Zonare. — Starine, Zagreb, 1882, kn. 14, s. 125—172; Jacobs Angelica. ZONAPAZ — Зонара: Die byzantinische Geschichte bei Joannes Zonaras in slavischer Übersetzung. München, 1970 (Slavische Propyläen, Bd 98).

Лит.: Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866, вып. 1, с. 111—116, 122, 140—142, 146, 151—152, 162—163, 165—166, 169—171, 221, 224—225; М., 1869, вып. 2, с. 9—15; Истрин В. М. Александрия русских хронографов. М., 1893, с. 281—282; Лавров П. Югославянская переделка Зонары. — ВВ, СПб., 1897, т. 4, вып. 3—4, с. 452—460; Шахматов А. А. К вопросу о происхождении хронографа. — СОРЯС, СПб., 1899, т. 66, № 8, с. 15; Розанов С. П. 1) Заметки по вопросу о русских хронографах. — ЖМНП, 1904, январь, отд. 2, с. 104—106; 2) Хронограф Западнорусской редакции: К вопросу о его издании. — ЛЗАК за 1912 г., СПб., 1913, вып. 25, с. 10, 16; Потапов П. О. Судьба хроники Зонары в славяно-русской литературе. — ИОРЯС, Пг., 1918, т. 22, кн. 2, с. 141—186; Weingart M. Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské. — V Bratislavě, 1922, č. 1, s. 84—159; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 44, 181—183, 197—198, 201.

О. В. Творогов

Хроника Иоанна Малалы — хроника, составленная Иоанном Малалой («ритором»), антиохийским клириком (около 491—578 гг.). Как полагает Э. В. Удальцова, около 532 г. Малала переехал в Константинополь. Полный греческий текст X. Малалы (отсутствует лишь начало 1-й книги) дошел до нас в единственном списке, хранящемся в Оксфорде; он был издан трижды — в 1691, 1733 и 1831 гг., последний раз в составе Боннского корпуса сочинений византийских авторов (Ioannis Malalae chronographia / Ex rec. L. Dindorfii. Bonnæ, 1831). Сохранились также незначи-

тельные фрагменты греческого текста первой книги Х. Малалы (см. о них в статье Э. М. Шусторович: ВВ, 1969, т. 30, с. 138).

Х. Малалы состоит из 18 книг. В книгах 1-й, 2-й и 4-й излагается древнейшая история, в основном это пересказы греческих мифов (о борьбе богов с гигантами, о Зевсе и Кроне, о Семеле, об Ио, о Персее, Эдипе и др.). В 3-й книге излагается библейская история, в 5-й — история Троянской войны, в которой Малала следует средневековой версии Диктиса Критского (автора I—II вв., произведение которого «Описание Троянской войны» в средневековье считалось дневником участника осады Трои). Далее в Х. Малалы повествуется о персидских царях, лидийском царе Крезе, о македонских царях и начале Рима (кн. 6), о Ромуле и Реме и первых римских царях вплоть до Тарквиния (кн. 7), о преемниках Александра Македонского — Птоломеях и Селевкидах (кн. 8); последующие книги (кн. 9—12) излагают историю Юлия Цезаря и римских императоров от Октавиана Августа до Констанция Хлора, а затем — римских и византийских императоров от Константина Великого до Юстиниана (кн. 13—18). Малала писал свой труд «не для узкого круга знати и образованных людей, а для широких масс, прежде всего для многочисленного в Византийской империи монашества... Он задался целью дать нравоучительное, в духе христианского благочестия, назидательное и в то же время занимательное чтение для широкой аудитории читателей и слушателей» (Удальцова З. В. Мирозрание византийского хрониста Иоанна Малалы. — ВВ, 1971, с. 32, с. 21).

Х. Малалы была переведена на славянский язык (по предположению И. И. Срезневского — в Болгарии), вероятно, еще в X в. Полного текста перевода до нас не дошло. Х. Малалы известна лишь по извлечениям в составе различных русских хронографических компиляций. В вводную часть первой и некоторых списков второй редакции *летописца Еллинского и Римского* вошел ряд фрагментов и пересказов сюжетов из первых четырех книг хроники. Она сохранилась в наиболее полном виде в Синодальном, Погодинском и Уваровском списках первой редакции летописца, частично — в составе списков Архангельского, Чудовского и ОЛДП второй редакции, а также в составе Хронографа особого состава в рукописи ГБЛ, собр. Румянцева, № 456. Во всех рукописях второй редакции утрачено начало текста, полнее всего он сохранился в Архангельском списке.

В основную часть *Хронографа по великому изложению*, которая может быть реконструирована на основе *Палеи Хронографической* и *Хронографа Троцкого*, вошел фрагмент из 7-й книги Х. Малалы — рассказ о создании Рима Ромулом и Ремом, а затем рассказ о Юлии Цезаре и Октавиане Августе из 9-й книги. В значительном объеме текст Х. Малалы вошел в состав хронографического свода середины XIII в. Свод этот не сохранился, но до нас дошли два хронографа, к нему восходящих, — *Хронограф Архивский* и *Хронограф Виленский*. В составе их читается почти полный текст 1-й, 2-й, 4—10-й книг Х. Малалы. В основном тексте летописца Еллинского и Римского обеих редакций читается с незначительными сокращениями текст 6—10-й и 13—17-й книг Х. Малалы, из 18-й книги в летописец вошел лишь фрагмент — около одной десятой текста. Фрагменты из хроники вошли в состав так называемого *Хронографа Софийского*, при этом особенно важно отметить, что в этом хронографе читаются извлечения из Х. Малалы, отсутствующие в других русских компиляциях, и, следовательно, его составитель, непосредственно или опосредованно, мог использовать или полный текст хроники, или же какую-то неизвестную нам компиляцию, в которую текст ее входил в достаточно полном виде. Небольшие отрывки из первых книг Х. Малалы отразились в статье 1114 г. *Повести временных лет* третьей редакции (в составе *летописи Ипатьевской*).

Таким образом, в русских хронографических компиляциях почти полностью читается текст 1-й, 2-й, 4—10-й, 13—17-й книг, большей части 18-й и во фрагментах 3-й, 11—13-й книг Малалы. Наличие славянского перевода исключительно ценно, во-первых, потому, что в Оксфордском списке не сохранилось начало X. Малалы (частично восполняемое греческими фрагментами в других рукописях), а, во-вторых, потому, что славянские списки имеют некоторые отличия от греческого текста или дополняют его; это дает возможность предположить, что в основе славянского перевода лежит греческий текст иной редакции, чем дошедший до нас в Оксфордском списке. Последнее обстоятельство особенно существенно, если учесть, что славянский перевод был несомненно сделан с более ранней рукописи X. Малалы, чем Оксфордский список XII в.

Изд.: Калайдович К. Иоанн, ексарх болгарский. М., 1824, с. 178—188; Истрин В. М. 1) Первая книга Хроники Иоанна Малалы. — Записки имп. Акад. наук. Сер. VIII. Историко-филолог. отд-ние, 1897, т. 1, № 3, с. 1—29; 2) Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книга вторая. — Летопись Историко-филологического общества при имп. Новороссийском ун-те, т. 10: Византийско-славянский отдел, т. 7. Одесса, 1902, с. 437—486; 3) Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книга четвертая. — Там же, т. 13: Византийско-славянский отдел, т. 8. Одесса, 1905, с. 342—367; 4) Пятая книга Хроники Иоанна Малалы. — Там же, т. 16: Византийско-славянское отд-ние, т. 9. Одесса, 1910, ч. 2, с. 1—51; 5) Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книга шестая и седьмая. СПб., 1912 (СОРЯС, т. 89, № 3); 6) Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книга восьмая и девятая. СПб., 1912 (СОРЯС, т. 89, № 7); Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книги одиннадцатая—четырнадцатая. СПб., 1914 (СОРЯС, т. 90, № 2); 9) Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книги пятнадцатая и восемнадцатая и приложения. Пг., 1915 (СОРЯС, т. 91, № 2).

Лит.: Оболенский М. А. Летописец Переяславля Суздальского. — В ОИДР. М., 1951, т. 9, с. VI—С; Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866, вып. 1, с. 1—95; Шестаков С. 1) Иоанн Ритор. — Учен. зап. имп. Казанского ун-та, 1890, кн. 5, с. 97—132; 2) О значении славянского перевода Хроники Малалы для восстановления и исправления ее греческого текста. — ВВ, СПб., 1894, т. 1, вып. 3—4, с. 503—552; 3) Прибавления к статье «О значении славянского перевода Малалы». — ВВ, СПб., 1895, т. 2, вып. 3, с. 372—377; Истрин В. М. Хронограф Ипатского списка летописи под 1114 годом. — ЖМНП, 1897, ноябрь, отд. 2, с. 83—91; Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи. — ИОРЯС, Л., 1926, т. 31, с. 97—115; Абрамович Д. И. Отрывок Хроники Иоанна Малалы в Златоуструе XII в. — В кн.: Сборник статей в честь акад. А. М. Соболевского: Статьи по славянской филологии и русской словесности. Л., 1928, с. 19—24; Сперанский М. Н. Забелинский список Хронографа с Малалой. — В кн.: Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, с. 75—81; Мещерский Н. А. Два неизданных отрывка древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы. — ВВ, М., 1956, т. 11, с. 279—284; Удальцова З. В. Хроника Иоанна Малалы в Киевской Руси. — АЕ за 1965 г., М., 1966, с. 47—58; Шусторович Э. М. 1) Хроника Иоанна Малалы и античная традиция в древнерусской литературе. — ТОДРЛ, М.; Л., 1968, т. 23, с. 62—70; 2) Древнеславянский перевод Хроники Иоанна Малалы: (История изучения). — ВВ, М., 1969, т. 30, с. 136—152; 3) Об одном отрывке из древнеславянского перевода Хроники Иоанна Малалы. — Науч. докл. высшей школы. Филолог. науки, 1970, с. 105—110; Творогов О. В. 1) Беллетристические элементы в переводном историческом повествовании XI—XIII вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970, с. 117—124; 2) Древнерусские хронографы. Л., 1975; 3) Античные мифы в древнерусской литературе XI—XVI вв. — ТОДРЛ, Л., 1978, т. 33, с. 3—31; 4) Материалы к истории русских хронографов: 2. Софийский хронограф и «Хроника Иоанна Малалы». — ТОДРЛ, Л., 1983, т. 37, с. 188—221; Держюгин А. А. Вергилий в древнем славянском переводе Хроники Иоанна Малалы. — В кн.: Античность и Византия. М., 1975, с. 351—362; Чернышева М. И. 1) О соотношении славянского перевода «Хроники Иоанна Малалы» и ее греческого текста: (На материале портретной лексики). — ТОДРЛ, Л., 1983, т. 37, с. 222—228; 2) К характеристике славянского перевода «Хроники Иоанна Малалы»: (Роль иноязычных вкраплений). — ВВ, М., 1983, т. 44, с. 221—226.

О. В. Творогов

Хроника Константина Манассии — стихотворная хроника византийского писателя XII в. Константина Манассии, переведенная в XIV в. в Болгарии для царя Ивана Александра. Сохранились три списка средне-

болгарского перевода (Синодальный список — ГИМ, Синодальное собр., № 38, XIV в.; Ватиканский список — Cod. Vaticanus, slav. II, XIV в.; Тульчанский список — Библиотека Румынской Академии наук (Бухарест), slav. № 649, XVI в.) и один список XVI в. сербского письма, хранящийся в Хилендарском монастыре на Афоне (№ 434). Текст X. Манассии по Синодальному списку (с разночтениями по Ватиканскому и Тульчанскому спискам) был издан И. Богданом (Cronica lui Constantin Manasses / Traducere mediobulgară făcută pe la 1350. Text și glosar de Ioan Bogdan. Cu prefață de prof. I. Bianu. București, 1922; переиздание: Bogdan I. Die slavische Manasses-Chronik / Mit einer Einleitung von I. Schröpfer. München, 1966 (Slavische Propyläen, Bd 12). Перевод X. Манассии по Ватиканскому списку был издан проф. Ив. Дуйчевым (Летописца на Константин Манаси. София, 1963). Им же подготовлено исследование и издание миниатюр Ватиканского списка (см.: Дуйчев Ив. Миниатюрите на Манасиевата летопис. София, 1962); в этой последней книге содержатся также историографический обзор и библиография основной литературы о X. Манассии.

X. Манассии в списке, текстуально сходном с Ватиканским, попала на Русь не позднее начала XVI в. Этот список до нашего времени не сохранился, и мы располагаем лишь тремя поздними (XVII в.) списками русского извода: Софийским списком (ГПБ, Софийское собр., № 1497) и двумя списками из собрания ЛОИИ (собр. Лихачева, № 21 и собр. Археографической комиссии, № 140). Оба последних списка содержат лишь начало текста X. Манассии.

В истории древнерусской литературы X. Манассии сыграла значительную роль. В ней излагается всемирная история, при этом основное внимание уделено истории Рима и особенно Византии; поэтому хроника была широко использована при составлении *Хронографа Русского*, как основной источник для изложения истории Византии. Кроме того, в X. Манассии содержится история Троянской войны, как в ее основном тексте, так и во входящей в состав Ватиканского и Софийского списков (а также списка — источника Русского хронографа) южнославянской переводной повести о Троянской войне («Троянской притче», «*Притче о кралех*»). На основе этой повести и основного текста X. Манассии древнерусским книжником была составлена «*Повесть о создании и поплении Тройском*», входящая в состав Русского хронографа. Большое влияние оказали на древнерусское историческое повествование система образов и стиль X. Манассии. Помимо того, что ее текст в несущественной стилистической переработке вошел в состав Русского хронографа, стилистические приемы X. Манассии использовались автором «*Казанской истории*», авторами повестей о Смуте, входящих в состав Русского хронографа редакции 1617 г. Фрагменты из X. Манассии вошли в состав *Повести о зачале Москвы*.

Известность X. Манассии определялась тем, что почти три четверти ее текста вошло в состав всех редакций Русского хронографа, а через его посредство также в состав летописи Никоновской, второго и третьего томов *летописного свода Лицевого*. Текст русских списков X. Манассии пока не издан. А. Н. Веселовский опубликовал лишь текст «Троянской притчи» по Софийскому списку.

Изд.: Веселовский А. Н. Из истории романа и повести: Вып. II. Славяно-романский отдел. СПб., 1888, с. 101—118 (СОРЯС, т. 44, № 3); Из «Хроники Константина Манассии» / Подгот. текста М. А. Салминой. Пер. и коммент. О. В. Творогова. — В кн.: ПЛДР: Первая половина XVI в. М., 1984, с. 268—317, 693—700.

Лит.: Чертков А. Д. О переводе Манассиной летописи на словенский язык. — РИС, М., 1843, т. 6, кн. 1—2, с. 1—183; Лазаревский А. М. 1) Записка о Русском хронографе. — ИПОРЯС, СПб., 1860, т. 8, вып. 5. Приложения к протоколам, стб. 384—390; 2) К записке о Русском хронографе. — Там же, т. 9, вып. 2. Приложения к протоколам, стб. 115—127; Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866, вып. 1, с. 99—186; М., 1869, вып. 2, с. 4—7, 18—19; Ва-

сенко П. Г. Заметки к статьям о Смуте, включенным в хронограф редакции 1617 года. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922, с. 248—269; Орлов А. С. Хронограф и «Повесть о Казанском царстве». — В кн.: Сборник статей в честь акад. А. М. Соболевского. Л., 1928, с. 188—193 (СОРАС, т. 101, № 3); Шамбинаго С. К. Повести о начале Москвы. — ТОДРЛ, М.; Л., 1936, т. 3, с. 73—75; Лихачев. Русские летописи, с. 337—346 (то же см. в кн.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1956, с. 92—99); Салмина М. А. 1) «Ентинарый» в «Повести о зачале Москвы». — ТОДРЛ, М.; Л., 1958, т. 15, с. 362—363; 2) Источники «Повести о зачале Москвы». — Там же, 1960, т. 16, с. 245—247; 3) Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964, с. 44—46, 65—68; 4) Новонайденные тексты Хроники Константина Манассии. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М.; Л., 1976, с. 355—359; 5) Хроника Константина Манассии как источник Русского хронографа. — ТОДРЛ, Л., 1979, т. 33, с. 279—287; 6) Хроника Константина Манассии и литературный стиль XVI в. на Руси. — В кн.: Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979, с. 99—104; 7) Хроника Константина Манассии и стиль «второго монументализма» на Руси. — В кн.: Българско Средновековие: Българско-съветски сборник в чест на 70-годишнината на проф. Иван Дуйчев. София, 1980, с. 260—262; Дуйчев И. С. Одна цитата из Манассиевой хроники в среднеболгарском переводе. — ТОДРЛ, М.; Л., 1960, т. 16, с. 647—649; Творогов О. В. 1) К истории жанра Хронографа. — ТОДРЛ, Л., 1972, т. 27, с. 206—220; 2) Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII вв. Л., 1972, с. 151—152, 162—166 (сер. «Литературные памятники»); 3) Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 180—181, 196—200; 4) Англичные мифы в древнерусской литературе XI—XVI вв. — ТОДРЛ, Л., 1979, т. 33, с. 16—22; Буюклиев И. Манассиевата Хроника и средновековното езиково и литературно съзнание. — Старобългарска литература, София, 1981, кн. 10, с. 52—58; Mihailă Gh. О некоторых произведениях византийской литературы в славяно-румынских сборниках. — Cyrillo-methodianum. Thessalonique, 1981, t. 5, с. 90—112.

М. А. Салмина

Хроника Мартина Бельского — хроника польского историографа и писателя XVI в. Мартина Бельского (ок. 1495—1575), сыгравшая значительную роль в истории древнерусской литературы XVI и XVII вв. Обширный труд Бельского по всемирной истории несколько раз переиздавался (Bielski M. 1) *Kronika wszytkiego świata*. Krakow, 1551; 2-е изд.—1554; 2) *Kronika, to jest historia świata*. Krakow, 1564). Существует предположение о существовании также изданий 1562 и 1582 гг. (см.: Finkel L. *Bibliografia historii polskiej*. Warszawa, 1955, vol. 1, N 7152, s. 412). Первое издание (1551 г.), посвященное польскому королю Сигизмунду II Августу, открывалось «Космографией», вслед за которой излагались библейская история, древняя история и христианская (но преимущественно западноевропейская) до 1550 г., после чего следовали несколько статей об Италии, Германии, Испании, Турции, венгерская и чешская хроника, а затем и польская, доведенная до смерти Сигизмунда I в 1548 г. Второе издание Х. Бельского (1554 г.) состоит из четырех частей. В первых двух излагается всемирная история до 1550 г., в третьей — «Космография», а в четвертой сведения географического характера, в частности рассказ о плавании Христофора Колумба и Америго Веспуччи. В издании 1564 г. Бельский добавил сведения о Реформации и включил раздел о Московской Руси, основанный на книге С. Герберштейна.

Известно несколько переводов Х. Бельского на русский и украинский языки. Русский перевод сохранился в списках: ГИМ, Синодальное собр., № 113 (середина XVII в.); ГПБ, F.IV.162 (1670 г.); БАН, Архангельское собр., № 135 (1698 г.). Последняя рукопись состоит из двух томов и является копией с рукописи БАН, Архангельское собр., № 422 последней четверти XVII в., также состоявшей из двух томов, второй из которых утрачен. Все эти списки восходят к переводу 1584 г., осуществленному с издания 1564 г. Известны также списки белорусского перевода Х. Бельского (ГПБ, F.IV.688) и украинского (Рукопись библиотеки им. Чарторийских в Кракове, № 1273, 1), в составе хронографической компиляции.

Первое издание Х. Бельского (1551) было использовано в 1551—1555/56 гг. для составления Хронографа Западнорусской редакции (см. *Хронограф Русский*), в котором на основании Х. Бельского изложена история императоров и пап от времени Карла Великого до 1550 г. (см.: ПСРЛ, Пг., 1914, т. 22, ч. 2, с. 207—228), затем (с. 228—236) следуют переведенные из той же хроники статьи: «О Влосских землях», «О немецком народе и украине», «О Гишпании», «О татарех», «О амазонских женах татарских», «О царех гурацких», «О волосех» и далее (с. 235—266) краткие хроники Венгрии и Чехии (последняя доведена до 1527 г.). Однако неизвестно, существовал ли полный перевод Х. Бельского или же были переведены лишь главы, вошедшие в Хронограф. Кроме того, указывалось, что в Описи царского архива упоминается «перевод с летописца польского и перевод с космографии» (см.: ААЭ, СПб., 1836, т. 1, с. 353), что дало основание А. И. Соболевскому отождествить этот перевод с переводом, использованным при составлении Хронографа Западнорусской редакции.

Другой перевод (1584 г.) был осуществлен с издания 1564 г. шляхтичем Великого княжества Литовского Амброжием Брежевским, как это явствует из записи на списке ГПБ, F.IV.162. Исследователи понимают эту запись так: во времена Сигизмунда II Августа (ум. в 1572 г.) Брежевским был осуществлен перевод Х. Бельского, видимо, на белорусский язык, а позднее, в 1584 г. — на русский. Именно этот перевод дошел до нас в упомянутых выше русских списках Х. Бельского и был широко использован в составе Русского хронографа редакции 1617 г. (и соответственно в восходящих к ней редакциях). В Хронограф вошли в пересказе многочисленные статьи исторического и географического содержания (они перечислены в книге А. Попова «Обзор хронографов русской редакции») — о странах Востока, о Греции, Риме, странах Западной Европы, Польше, Чехии, сведения о римских папах, статьи об открытии Америки и о населяющих ее народах. Особенно примечательно включение в состав Хронографа статей мифологического содержания (мифы о Зевсе, Вулкане, Орфее и др.). На основании главы Х. Бельского «О златом руне и о войне Троянской с греки» была создана повесть «*О златом руне волшебного овна*», входящая как отдельная глава в состав Хронографа 1617 г. и последующих редакций, а также как отдельная статья в сборники (текст повести издан в кн.: Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков / Подгот. текста и статьи О. В. Творогова. Комментар. М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова. Л., 1972, с. 139—147).

Х. Бельского являлась также источником для «Синописа» *Иннокентия Гизеля* (1674 г.) и «Скифской истории» А. И. Лызлова (закончена в 1692 г.), повести о *Скандербеге*, герое албанского народа (см.: Повесть о Скандербеге / Изд. подгот. Н. Н. Розов, Н. А. Чистякова. М.; Л., 1957) и повести «О Владиславке девке», исследованной и изданной А. М. Панченко (Чешско-русские литературные связи, с. 63—76).

Изд.: Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, с. 131—135, 175—180 (публикация фрагментов из русского перевода); А. П. «Кроника, или Описание света, и жителей, и их селений». — Архангельские губ. ведомости, 1877, № 74—79 (с № 75 — «Кроника Мартина Бельского» — публикация фрагментов по списку 1698 г. (ныне — БАН, Архангельское собр., С135)); Амфилохий. Летописец, списанный св. Димитрием в Украйне с готового 2-й редакции до 1617 года с его примечаниями по полям. . . М., 1892, с. 24—27, 30, 35—37, 40—43, 71, 74—75, 88—89, 104, 106—114, 117, 119—120, 147—152, 165, 168—176, 178—180, 187—188, 213—217, 224—228, 303—305, 312, 335, 340—342, 346, 357—358, 365—366, 372, 379—380, 436—438, 456—461; Русский хронограф: Хронограф западнорусской редакции. — ПСРЛ, СПб., 1914, т. 22, ч. 2, с. 207—266.

Лит.: Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869, вып. 2, с. 87—111; Соболевский. Переводная литература, с. 53—56, 219—222; Пташицкий С. Л. Западнорусские переводы хроник Бельского и Стрыйковского: (Библио-

графические занятия). — В кн.: Новый сборник по славяноведению, изданный учениками В. И. Ламанского. СПб., 1905, с. 372—377; Розанов С. П. Хронограф Западнорусской редакции: К вопросу о его издании. — ЛЗАК за 1912 г., СПб., 1913, вып. 25; Лев В. Украинський переклад Хроніки Мартина Бельського. — Праці Українського наукового інституту, Варшава, 1935, т. 29, кн. 4; Sielicki Fr. Kronikarze polscy w latopisarstwie i dawnej historiografii ruskiej. — Slavia orientalis, Warszawa, 1965, roc. 14, № 2, s. 157—162; Панченко А. М. Чешско-русские литературные связи XVII века. Л., 1969, с. 35—76; Шапов Я. Н., Лимонов Ю. А. История Руси в западноукраинской хронографической компиляции XVI в. — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1975. М., 1976, с. 196—202; Казакова Н. А. 1) Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков. Л., 1980, с. 227—256; 2) Полные списки русского перевода «Хроники всего света» Мартина Бельского. — АЕ за 1980 г., М., 1981, с. 92—96.

О. В. Творогов

Хроника Мацея Стрыйковского — сочинение видного польского историка эпохи Возрождения Мацея Стрыйковского (1547—после 1582), представляющее собой изложение истории польского, литовского и русского народов в их неразрывной связи, начиная с древнейшего периода по 1581 г. Главное внимание в Х. Стрыйковского уделено воссозданию истории Литвы; события русской истории киевского периода выделены Стрыйковским в особый раздел. Для написания хроники Стрыйковский привлек данные археологии, использовал большое количество устных и письменных источников польского, литовского, византийского, западноевропейского происхождения, дополнив их собственными наблюдениями. Среди этих источников находились и русские летописцы («русские хроники»).

Х. Стрыйковского впервые была издана в 1582 г. на польском языке в Кенигсберге (Strujkowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Królewiec, 1582; об изданиях см.: Bibliografia literatury Polskiej: «Nowy Korbut». Warszawa, 1965, t. 3, s. 296—299) и состояла из 25 книг, разделявшихся на главы. В число вводных статей к Х. Стрыйковского входили три посвящения на латинском языке (королю Стефану Баторию, виленскому епископу Радзивилу и сыновьям Юрия Олельковича, князя Слуцкого), автобиография в стихах Стрыйковского, предисловие с обращением к «ясновельможным князьям, панам, сенаторам и всему вечно славному рыцарству», в котором идет речь о пользе изучения истории.

Вопрос о бытовании Х. Стрыйковского на Руси подробно рассмотрен в книге ее новейшего исследователя А. И. Рогова «Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения». Как указывает А. И. Рогов, Х. Стрыйковского в виде фрагментов и полностью переводилась на русский язык в 1668—1688 гг. четыре раза. В 1668—1670 гг. были переведены лишь 1—3-я главы IV книги (дошедшие в составе полного перевода 1688 г.), в которых излагалась история происхождения славян и Руси. Перевод носил характер самостоятельного произведения («Хроника, или Летописания царств, княжеств и славных мест земли московской, российской, киевской и прочих к ним прилежащих земель... от старых летописцев еллинских, греческих, латинских, полских и российских и немецких историков избрано...»), была создана видимость его русского происхождения (имя Стрыйковского в заглавии не упоминалось), текст глав был поновлен. В 1673—1679 гг. Х. Стрыйковского была переведена целиком. Списки XVII—XVIII вв. этого перевода (ГИМ, Музейное собр., № 1391; ГБЛ, Егоровское собр., ф. 98, № 243; ГПБ, F.IV.172, и др.) начинаются словами: «О создании мира необходимого, земли, неба и начал вещей...»; в них отсутствуют посвящения и предисловие к Х. Стрыйковского, первоначальный титульный лист. В 1682 г. русский историк А. И. Лызлов перевел 1—3-ю главы IV книги заново (списки этого перевода сохранились в сборниках XVII—XIX вв.). Лызлов несколько переработал текст, снабдил его комментариями и присоединил

к нему перевод 2-й главы I книги. В целом перевод имел заглавие: «История о начале нашествия народу, обитающему на земли». В отличие от перевода 1668—1670 гг. авторство в нем было отмечено. В 1688 г. был сделан второй перевод всей X. Стрыйковского с включением перевода 1—3-й глав IV книги 1668—1670 гг. Списки этого перевода XVII—XVIII вв. (ГИМ, собр. Уварова, № 4; ГБЛ, Музейное собр., № 606; БАН, Архангельское собр., № 136; ГПБ, Эрмитажное собр., № 5516 (12), и др.) имели титульный лист с датировкой перевода, со стихами на обороте титула и начинались словами: «О сотворении света необходимого, земли, небесе и начатков дел...». Посвящения и предисловие, как и в переводе 1673—1679 гг., в нем отсутствовали. Один из списков этого перевода XVII в. (Ульяновский Дворец книги им. В. И. Ленина, Отдел редких и рукописных книг, № 8 (4654—III $\frac{VIII}{155}$)) представляет особую его редакцию. Перевод 1688 г. не был сделан заново с оригинала, а осуществлялся с учетом перевода 1673—1679 гг. Последний был более точным, в XVIII в. он имел хождение в официальных кругах.

В X. Стрыйковского встречаются значительные по объему стихотворные фрагменты (посвящения, описания сражений и т. д.), принадлежащие перу Стрыйковского, а также стихотворные цитаты из античных авторов — Овидия, Гомера, Вергилия. Их поэтические переводы есть во всех русских версиях, наиболее удачные сделаны А. И. Лызловым.

X. Стрыйковского в России XVII—XVIII вв. ценили более всех других произведений польской историографии; из переводов всех иностранных хроник она дошла в наибольшем количестве списков. Текст русских переводов хроники не издан. Интерес в России к этой хронике диктовался главным образом тем, что в ней была представлена схема происхождения славянских народов (от Мосоха), притом русскому народу отводилась первенствующая роль. Кроме того, в ней излагалась безусловно представлявшая интерес для России второй половины XVII в. история Украины и Белоруссии, в ней содержались неизвестные дотоле сведения по истории Литвы, затрагивался также злободневный для России XVII в. вопрос о борьбе славянских народов с Турцией. О популярности X. Стрыйковского в России свидетельствует не только наличие ее переводов. Русские летописцы XVII в., а впоследствии историки XVIII в. обращаются к ней как к историческому источнику, заимствуя из нее и целые отрывки, и отдельные известия. Выписки из нее содержатся в ряде летописцев конца XVII в. (например, ГИМ, собр. Барсова, № 1795; собр. Уварова, № 670, и др.). Следы влияния X. Стрыйковского носят, например, такие повествующие о древнем периоде русской истории памятники, как «Историческое древнее описание» *Тимофея Каменевича-Рвовского*, «О истории, еже о начале Руския земли и создании Новгорода и откуда влечашеся род словенских князей» и др. Сведения X. Стрыйковского не без критики ее отдельных положений используют А. И. Лызлов в «Скифской истории», дважды изданной в XVIII в. Н. И. Новиковым, А. А. Манкиев в «Ядре Российской истории», В. Н. Татищев в «Истории России». X. Стрыйковского явилась источником исторических сведений для М. В. Ломоносова при работе его над «Древней Российской историей», и для М. М. Щербатова, автора «Истории Российской»; ее использовали также В. К. Тредиаковский, И. Н. Болтин и Н. М. Карамзин, которому был известен и русский перевод XVII в.

На протяжении веков отношение к X. Стрыйковского менялось: в XVII—XVIII вв. ее высоко ценили как исторический источник, в XIX в. она вызывала в ученой среде подчас сомнения в достоверности приводимых в ней сведений. В настоящее время и в польской и в советской исторической науке она высоко оценивается как памятник исторической мысли польского Возрождения, отразивший идеи славянского единства. X. Стрыйковского как исторический источник самым широким образом

использовалась и в украинской историографии XVII в. (в «Палинодии» Захария Копыстенского, в «Патериконе» Сильвестра Коссова, в «Кройнике славяно-русской», в Хронике *Феодосия Сафоновича*, и, наконец, в «Синописе» Иннокентия Гизеля).

Лит.: Тихомиров И. А. О составе западнорусских, так называемых литовских летописей. — ЖМНП, 1901, май, с. 86—119; Соболевский. Переводная литература, с. 79—80; Пташицкий С. Западнорусские переводы хроник Бельского и Стрыйковского. — В кн.: Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского. СПб., 1905, с. 380—381; Пештич С. А. «Синопися» как историческое произведение. — ТОДРЛ, М., Л., 1958, т. 15, с. 287—289; Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по истории России. — В кн.: Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962, т. 1, с. 16, 18; Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской». — Там же, с. 44; Рогов А. И. 1) Древнерусские переводы «Хроники» Стрыйковского. — АЕ за 1962 г., М., 1963, с. 206—214; 2) Известия по истории Киевской Руси в Хронике Мацея Стрыйковского и их источники. — Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР, М., 1964, вып. 42 (Из истории революционного движения польского народа), с. 52—64; 3) Maciej Strykowski i historiografia ukraińska XVII wieku. — Slavia Orientalis, Warszawa, 1965, roc. XIV, N 3, s. 311—329; 4) Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966; 5) Stosunki kulturalne rosyjsko-polskie w epoce Odrodzenia. — Sprawozdania z Posiedzeń Komisji PAN, Kraków, 1966, styczeń-czerwiec, s. 127—130; 6) Стрыйковский и русская историография первой половины XVIII в. — В кн.: Источники и историография славянского средневековья. М., 1967, с. 145—157; 7) Польша в русских исторических и географических сочинениях XVII в. — В кн.: Славяне и Запад: Сборник статей к 70-летию И. Ф. Белзы. М., 1975, с. 229—230; Моисеева Г. Н. 1) Ломоносов и польские историки. — В кн.: Русская литература XVIII века и славянские литературы: Исследования и материалы. М.; Л., 1963, с. 140—157; 2) Русская историческая проза первой половины XVIII в. и польские историки. — В кн.: Польско-русские литературные связи. М., 1970, с. 83—98; Чистякова Е. В. «Скифская история» А. И. Лылова и труды польских историков XVI—XVII вв. — ТОДРЛ, М.; Л., 1963, т. 19, с. 348—357; Sielicki F. Kronikarze polscy w latopisarstwie i dawnej historiografii ruskiej. — Slavia Orientalis, Warszawa, 1965, roc. XIV, № 2, s. 145—153; Bardach J. Kronika Macieja Strykowskiego i jej rozpowszechnienie w Rosji. — Przegląd historyczny, Warszawa, 1967, t. 58, zes. 2, s. 326—336.

С. И. Николаев, М. А. Салмина

Хроника Павла Пясецкого — произведение польского историка Павла Пясецкого, епископа перемышльского (1579—1649), излагающее историю взаимоотношений европейских государств с Польшей в период с 1571 по 1637 г. Х. Пясецкого написана на латинском языке («Chronica gestorum in Europa singularium», 1-е издание — 1645 г.) и выдержала несколько изданий (см. о них: Bibliografia literatury Polskiej: «Nowy Korbut». Warszawa, 1965, t. 3, s. 102—104). В 1653 г. ее приобрел русский посланник в Польше кн. Б. А. Репнин-Оболенский. Х. Пясецкого, включавшая в себя множество сведений из истории русско-польских отношений первых двух десятилетий XVII в., была переведена на русский язык в последней четверти XVII в. Перевод хроники известен в единственном списке из библиотеки известного мецената петровской эпохи Д. М. Голицына. Язык перевода позволяет предполагать, что текст переводился уроженцем Западной Руси. В настоящее время список хранится в ГПБ под шифром F.IV.163. Список писан полууставом XVII в. на 496 листах, не имеет заглавного листа; утрачен конец списка, изложение заканчивается событиями 1619 г. Текст открывается посвящением Иакову Пясецкому, племяннику автора, и кратким предисловием, в котором хронист выражает свои исторические взгляды и сообщает о предмете и принципах своего труда (нач.: «Начну убо от короля польского Стефана...»).

К Х. Пясецкого обращались деятели русской культуры. Так, большую цитату из нее приводит *Юрий Крижанич* в своем сочинении «Политика». Известна она была также В. К. Тредиаковскому, Н. М. Карамзину. Отрывок из Х. Пясецкого, касающийся русско-польских отношений с 1604 по 1619 г., и фрагмент, повествующий о запорожских казаках, сарматах, готах, изданы архимандритом Леонидом.

Изд.: Леонид, арх. Смутное время и московско-польская война от появления первого Самозванца из Польши в 1604 году до Деулинского перемирия 1618 года: Из славянского перевода хроника перемышльского бискупа Павла Пясецкого. СПб., 1887 (ПДПИ, № 68).

Лит.: К а л а й д о в и ч К., Строев П. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей... Ф. А. Толстова. М., 1825, отд. 1, с. 9—10 (№ 17); Соловьев С. Книги, приобретение которых считалось нужным в Москве в XVII веке. — В кн.: Летописи Тихонравова. М., 1861, т. 3, с. 34 (раздел III); Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVII столетии. М., 1898, с. 33—34, 66; Соболевский И. Переводная литература, с. 81—82; Крижанич Ю. Политика. М., 1965, с. 510, 630, 717, 725; Sielicki F. Kronikarze polscy w latopisarstwie i dawnej historiografii ruskiej. — Slavia orientalis, Warszawa, 1965, roc. XIV, N 2, s. 172; Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966, с. 260, 264.

С. И. Николаев, М. А. Салмина

Хронограф Академический — хронографическая компиляция, открытая и исследованная В. М. Истриным в рукописи БАН, 45.13. 4 последней четверти XVI в. Подробное описание рукописи см.: Срезневский В. И. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки имп. Акад. наук в 1902 г. Приложение. СПб., 1905, с. 18—31. С данным списком сходны список ГИМ, собр. Уварова, № 3/18, XV в., являющийся, как доказал В. И. Срезневский, оригиналом для списка БАН, и список ГБЛ, собр. МДА, № 12. В Х. А. входят библейские книги (Пятикнижие, книги Иисуса Наввина, Судей, Руфь, четыре книги Царств, Есфирь), компилятивное сочинение «Плѣны Иерусалимли», «Рыдание» дьякона Евгеника, статья «О втором пленении Иерусалима», *Александрия хронографическая* второй редакции, фрагмент из *Повести временных лет* особой редакции (статьи 986—996 гг.) и «Книга тайн Еноховых» (отсутствует в списке МДА).

Библейские книги, как показал Н. А. Мещерский, читаются в Х. А. в особой своей редакции, восходящей к болгарскому переводу X в. Сходный текст читается, например, в списке ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 1/6, перед текстом летописца Еллинского и Римского. Текст книги Есфирь восходит к древнерусскому переводу с еврейского, осуществленному не позднее конца XI—начала XII в. «Плѣны Иерусалимли» — компилятивное сочинение, включающее рассказы о взятии Иерусалима Навуходоносором, затем Антиохом Эпифаном и, наконец, Титом. В числе его источников особая редакция «*Истории Иудейской войны*» Иосифа Флавия, фрагменты из 4-й книги Царств, книг пророка Даниила и Иереми, апокрифическая повесть о пленении Иерусалима, фрагменты из *Хроники Георгия Амартола* и из средневековой еврейской хронографической компиляции «Иоссипон», также переведенной в Киевской Руси. Александрия в составе Х. А., как предполагал В. М. Истрин, «не имеет прямого отношения к Хронографу и является позднейшим наслоением». По мнению Н. А. Мещерского, Х. А. мог быть составлен в промежутке от 70-х гг. XV в. до конца столетия.

Лит.: Срезневский В. И. Отчет о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии. — ИОРЯС, СПб., 1903, т. 8, кн. 4, с. 109—123; Истрин В. М. 1) «Хронограф» Академии наук 45.13.4. — Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском ун-те, т. 13. Византийско-славянский отдел, т. 8, Одесса, 1905, с. 313—341; 2) Книги временныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1922, т. 2, с. 404—408; Мещерский Н. А. 1) «Рыдание» Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод. — ВВ, М., 1953, т. 7, с. 78—79; 2) К вопросу об изучении переводной письменности киевского периода. — Учен. зап. Карело-Финского пед. ин-та, Петрозаводск, 1956, т. 2, вып. 1, с. 204—206; 3) «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958, с. 16, 141—142; 4) К истории текста славянской книги Еноха. — ВВ, М., 1964, т. 24, с. 91—108; 5) К вопросу о составе и источниках Академического хронографа. — В кн.: Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974, с. 212—219;

Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, с. 69, 161—174; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 75—76.

О. В. Творогов

Хронограф Архивский — хронографическая компиляция, известная в сборнике конца XV в. (ЦГАДА, собр. Гос. архива МИД, № 279/658). Сборник представляет собой копию с более древней рукописи, при этом собственно Х. А. вместе с близким к нему по составу *Хронографом Виленским* восходит к хронографическому своду 1262 г. В сборник помимо хронографа входит *летописец Переяславля Суздальского*. Х. А. представляет собой компиляцию из библейских книг (полностью вошли книги Бытия, Исход, Левит, Числа, Второзакония, Иисуса Наввина, Судей, Руфь, 1—4 книги Царств, а также фрагменты из книги Исаии и Евангелий), текста «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, *Хроники Иоанна Малалы* (книги 1, 2, 4—10). Кроме того, в компиляцию вошли фрагменты из *Хроники Георгия Амартола*, «Шестоднева» Иоанна Экзарха (см. *Шестодневы*), *Бесед Иоанна Златоуста*, *Палеи исторической*, апокрифические тексты.

Ценность Х. А. прежде всего в том, что в его составе читается текст первых книг *Хроники Иоанна Малалы* и полный текст хронографической редакции «Истории» Флавия. Х. А. и *Виленский* позволяют реконструировать свод XIII в. и судить об уровне знаний о всемирной истории на Руси, а также об источниках, которыми располагали древнерусские книжники этого времени. Текст Х. А. частично опубликован: по нему В. М. Истрин издал первые книги *Хроники Малалы*, *Александрию хронографическую*, «Историю Иудейской войны» (о изданиях см. в статьях об этих памятниках). Отдельные фрагменты из текста Х. А. изданы В. М. Истриным в книге «Александрия русских хронографов» и К. Ф. Калайдовичем в книге «Иоанн экзарх болгарский» (М., 1824, с. 99—100 и 178—188).

Лит.: Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219 гг.) / Издан М. Оболенским. М., 1851; Срезневский И. И. Русский исторический сборник XV века Московского главного архива министерства иностранных дел. — В кн.: Сведения и заметки. СОРЯС, 1879, т. 20, № 4 с. 111—138; Истрин В. М. 1) Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893, с. 124—138, 317—361; 2) К вопросу о взаимоотношениях Еллинских летописцев и Архивского (Иудейского) хронографа. — ИОРЯС, СПб., 1912, т. 16, кн. 4, с. 125—142; 3) Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе Пг., 1922, т. 2, с. 75—96, 393—404; Шахматов А. А. Древнеболгарская энциклопедия X века. — ВВ, СПб., 1900, т. 7, вып. 1—2, с. 15—18, 21, 30—35; Орлов А. С. 1) К вопросу об Ипатьевской летописи. — ИОРЯС, Л., 1926, т. 31, с. 93—126; 2) О Галицко-Волынском летописании. — ТОДРЛ, М.; Л., 1947, т. 5, с. 24—35.

О. В. Творогов

Хронограф Виленский — хронографическая компиляция по всемирной истории, охватывающая период от сотворения мира до начала I в. н. э. Сохранился в единственном списке начала XVI в. в БАН Литовской ССР, № 109/147. Х. В., так же как и хронографическая часть *Хронографа Архивского*, восходит к архетипу — хронографическому своду середины XIII в. (или своду 1262 г., хотя эта точная дата выведена условно). В целом совпадая с Архивским хронографом, Х. В. восполняет ряд лакун последнего и в то же время лишен включенных в текст Архивского хронографа поздних добавлений. Поэтому, по мнению В. М. Истрина, он лучше отразил исходный текст хронографа XIII в. Архетип Х. В. и Архивского был компиляцией ряда источников: «Шестоднева» Иоанна, экзарха болгарского (см. «Шестодневы»), бесед на книгу Бытия Иоанна Златоуста, библейских книг (в него почти полностью вошли книги Бытия, Исход, Левит, Числа, Второзаконие, Иисуса Нав-

вина, Судей, Руфь, 1—4-я книги Царств, а также фрагменты из ряда пророческих книг и евангелий), *Хроники Иоанна Малалы* (книг 1, 2, 4—10), фрагментов из *Хроники Георгия Амартола* и других источников. В X. В. вошли также полный текст *Александрии хронографической* и хронографической редакции *«Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия*. Таким образом, X. В. позволяет нам представить круг источников, которыми располагали древнерусские книжники в XIII в. и познакомиться с этими источниками текстуально, так как, корректируя взаимно текст X. В. и Архивского, можно с достаточной надежностью реконструировать текст хронографа XIII в.

X. В. полностью не опубликован, но был использован В. М. Истриным в вариантах к издаваемому им по Архивскому хронографу тексту *Хроники Иоанна Малалы* и Н. А. Мещерским, который опубликовал по X. В. *«Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия*.

Лит.: Добрянский Ф. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковнославянских и русских. Вильно, 1882, с. 246—255; Истрин В. М. *Александрия русских хронографов*. М., 1893, с. 124—138, 317—347; Мещерский Н. А. 1) К вопросу о датировке Виленского хронографа. — ТОДРЛ, М.: Л., 1953, т. 11, с. 380—386; 2) *«История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе*. М.; Л., 1958, с. 21—30, 167—467; Творогов О. В. Античные мифы в древнерусской литературе XI—XVI вв. — ТОДРЛ, Л., 1979, т. 33, с. 26—29.

О. В. Творогов

Хронограф по великому изложению — древнерусский хронографический свод, составленный не позднее 90-х гг. XI в. Название X. по ВИ принято в науке на основании ссылки, обнаруженной в тексте *Палеи хронографической*, где говорится: «Тако бо бе писано в книгах, еже предъръжить хронограф по великому изложению». В. М. Истрин предположил, что под «великим изложением» имелась в виду *Хроника Георгия Амартола*. X. по ВИ до нас не дошел, но большая часть его (начиная с истории Иероваома, сына Соломона) может быть сравнительно надежно реконструирована на основе памятников, к нему восходящих: Полной редакции *Хронографической палеи*, Краткой редакции того же памятника, *Хронографа Троицкого* и второй редакции *летописца Еллинского и Римского*. О предшествующем тексте X. по ВИ судить трудно. Возможно, однако, что начало его отразилось в так называемой Вводной части *Еллинского летописца*. В X. по ВИ кратко излагается всемирная история: библейская история, история восточных монархий, государств, возникших после падения державы Александра Македонского, история Рима и Византии вплоть до времени императора Романа Лакапина (X в.). Основными источниками X. по ВИ явились *Хроника Георгия Амартола*, в меньшей мере — *Хроника Иоанна Малалы* (откуда в него вошли рассказы о Ромуле и Реме, Юлии Цезаре и Октавиане Августе); был использован также некий, пока неустановленный источник, повествующий о событиях в Иудее при первых римских императорах. Можно предположить существование нескольких разновидностей X. по ВИ: древнейший вид отразился в Начальном своде, второй вид — в *Троицком хронографе* и, наконец, третий вид был использован при составлении второй редакции *летописца Еллинского и Римского* и явился основным источником хронографической части Полной и Краткой редакции *Хронографической палеи*.

В списках основной текст X. по ВИ, вероятно, сопровождался своеобразным «конвоем» — памятниками, переписывавшимися вместе с ним и поэтому использованными при составлении различных хронографических компиляций, основанных на X. по ВИ. В этот конвой предположительно входили книги пророка Даниила с толкованиями Ипполита, книга пророка Иеремии, *Житие Константина* и Елены, *«Сказание о построении Софии Цареградской»*, *Александрия хронографическая* второй редакции,

сказание об императоре-иконоборце Феофиле и, возможно, рассказ об Иудейской войне из средневековой хронографической компиляции — «Иосиппона».

Х. по ВИ был известен в русской книжности по крайней мере до начала XV в., когда к нему обращался составитель второй редакции летописца Еллинского и Римского.

Лит.: Истрин В. М. 1) Редакции Толковой палеи. СПб., 1907, с. 36, 111—175; 2) Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Л., 1922, т. 2, с. 380—392; Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники. — ТОДРЛ, М.; Л., 1940, т. 4, с. 72—80; Творогов О. В. 1) Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 99—113; 2) Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 20—24, 46—73, 107—109, 141—144.

О. В. Творогов

Хронограф Русский — хронографический свод, излагающий события всемирной и русской истории и известный в нескольких редакциях и видах, создававшихся на протяжении XVI—XVII вв. Автор первого фундаментального исследования Х. Р. А. Н. Попов считал, что первая (древнейшая) редакция его является переводом с южнославянского оригинала, дополненным русскими книжниками в начале XVI в. М. Н. Сперанский и А. А. Шахматов доказали, что Х. Р. был составлен на Руси, а южнославянские списки его, напротив, восходят к русскому оригиналу. На основании наблюдений над взаимоотношениями редакций Х. Р. и анализа языка памятника А. А. Шахматов пришел к выводу, что первая редакция Х. Р. была составлена в 1442 г., а создателем ее был известный агиограф Пахомий Логофет. Впоследствии гипотеза А. А. Шахматова была пересмотрена, и в настоящее время история памятника представляется в следующем виде. Древнейшей из дошедших до нас редакций Х. Р. является редакция 1512 г. («Прилог, сиречь собрание от многих летописец, от Бытия о сотворении мира, и от прочих книг Моисеевых, и от Иисуса Наввина, и Судей иудейских и от четырех Царств, и от асирийских царей, и от Александриа, и от римских царей, еллин же и благочестивых, и от русских летописец, и серпских и болгарских»), разделенная на 208 глав. В Х. Р. излагается всемирная история от сотворения мира до 1453 г., до времени завоевания Константинополя турками. Источниками этой редакции были библейские книги, *летописец Еллинский и Римский* второй редакции, болгарский перевод византийской *Хроники Константина Манассии*, *Александрия хронографическая* второй редакции, переработанная и дополненная на основе *Александрии сербской*, «Паралипомен» Иоанна Зонары, *История Иудейской войны* Иосифа Флавия, жития сербских святых (Саввы, Стефана Лазаревича, Стефана Дечанского, Илариона Мегленского), *Житие Иоанна Предтечи*, а также источники по русской истории — *летопись Симеоновская* и летопись, близкая к *летописному своду Сокращенному* 1495 г.

Это был первый русский хронографический свод, в котором русская история рассматривалась как важная часть истории всемирной, а русское государство выступало как наследник великих держав прошлого, как «Третий Рим», единственный оплот православия перед лицом турецкой военной экспансии и идеологической экспансии католического Рима. Эта мысль отчетливо выражена в заключительных словах Х. Р.: турки «поплениша» другие «благочестивые царствия», а Русское государство, напротив, «растет, и младает, и възвышается». Историкографическая концепция Х. Р. соответствовала взглядам государственных и церковных деятелей начала XVI в. (не случайно А. А. Шахматов считал автором одной из редакций Х. Р. старца Филофея, создателя теории «Москва — третий Рим»), и в частности воззрениям старцев Волоколамского монастыря, в стенах которого, по предположению Б. М. Кюсса, и был создан Х. Р.

Х. Р. — выдающийся литературный памятник. Хронист умело связал извлечения из многочисленных источников в единое повествование, с четкой композицией, в основе которой хронологически последовательное изложение всемирной и русской истории. Свои источники Х. Р. (исключая лишь летописные тексты), как правило, не цитирует, а пересказывает, благодаря чему памятник обладает в значительной мере единым стилем. В той части Х. Р., где повествуется о римской и византийской истории, преобладает стилистическая манера одного из важнейших источников Х. Р. — Хроники Константина Манассии. Несколько упростив витиеватый слог этой хроники, составитель Х. Р. тем не менее сохранил образность ее языка, присущие ее автору яркие сравнения и метафоры, эмоциональность и экспрессию описаний (этот хронографический стиль рассмотрен в книге Д. С. Лихачева «Русские летописи»).

Вопрос об авторе Х. Р. окончательно не решен. После разысканий Б. М. Клосса и О. В. Творогова стало очевидно, что дошедшая до нас редакция 1512 г. отражает первоначальный вид Х. Р. и что создавалась она позднее, чем это указано в приведенном в 161-й главе расчете лет, согласно которому редакция и именуется «редакцией 1512 г.». Б. М. Клосс полагает, что фраза, на основании которой этот расчет производится, осталась недописанной: «а до сих времен за семьсот...». Опираясь на расчет лет, содержащийся в одной из вводных статей к Х. Р. — «Изложении о вере» — и корректируя приведенные там данные (согласно которым памятник был создан в X в.!), Б. М. Клосс датирует Х. Р. 1516—1522 гг. Приводя новые данные о составлении Х. Р. в кругах, близких к Волоколамскому монастырю, Б. М. Клосс примыкает к гипотезе А. Д. Седельникова о *Досифее Топоркове* как авторе первоначальной редакции памятника. Следует, однако, уточнить, что список, переписанный по заказу Досифея Топоркова («замышлением и повелением... старца Досифея») в 1538 г., не может быть признан тождественным авторскому (или архетипному) списку редакции. Тем не менее этот список как древнейший положен в основу издания Х. Р. в ПСРЛ. В настоящее время этот список расчленен: начало его хранится в составе сборника ГИМ, собр. Уварова, № 356, а продолжение в рукописях ГПБ — F.IV.178 и собр. ОЛДП, F.XCVII. Кроме того, к 20-м гг. XVI в. относится список ГБЛ, собр. Волоколамское, № 650, содержащий первые 105 глав Х. Р.; существовавший, видимо, второй том рукописи не обнаружен.

Известные нам списки Х. Р. редакции 1512 г. (целесообразно сохранить это определение, несмотря на коррективы в вопросе создания памятника) многочисленны. С. П. Розанов предложил делить списки этой редакции на пять видов: Основной, Воскресенский (не уступающий Основному в точности передачи архетипа редакции), Сокращенный, Погодинский и Промежуточный. Особенно распространены списки Сокращенного вида, в котором в сокращении передан текст глав 201, 203, 204 и 205. На основе редакции 1512 г. создано несколько поздних редакций Х. Р. Западнорусская редакция Х. Р. была составлена, как полагал С. П. Розанов, в Западной Руси не ранее 50-х гг. XVI в. По мнению Б. М. Клосса, первоначальный вид этой редакции, основанной на списке Погодинского вида Х. Р. редакции 1512 г. (т. е. близком к списку ГПБ, собр. Погодина, № 1443), был создан в 30-х гг. XVI в. в кругах, близких к митрополичьей канцелярии; возможно, что составителем этой редакции и Никоновской летописи было одно и то же лицо, чем объясняется взаимная переключка обоих памятников. Существовавшее мнение, что эта редакция вместе с редакцией 1512 г. восходит к общему протографу и что в данной редакции лучше сохранились черты древнейшей редакции Х. Р., полностью опровергнуто. Главы в этой редакции не нумерованы, и поэтому она именовалась в научной литературе XIX в. «редакцией, не деленной на главы». Основные отличия Западнорусской редакции

(в том виде, в каком она дошла до нас) следующие: она начинается с текста Александрии, в ней почти полностью отсутствуют сведения по русской истории (последняя статья посвящена походу Святослава в 971 г.), после рассказа о взятии Константинополя турками следует большая выписка из *Хроники Мартина Бельского* — сведения по истории западноевропейских по преимуществу государств, начиная со времени Карла Великого и до 1531 г. В настоящее время известно 15 списков этой редакции (помимо привлеченных к изданию в ПСРЛ еще списки: БАН, 4.7.25 и 19.2.8; ГБЛ, собр. Долгова, № 5867; ГБЛ, Музейное собр., № 4559; ГБЛ, собр. А. Попова, № 3; ГИМ, собр. Барсова, № 1698; ГИМ, собр. Забелина, № 678; ИРЛИ, собр. Перетца, № 16).

Х. Р. Пространной редакции составлен во второй половине XVI в. на основе списка Сокращенного вида редакции 1512 г. Текст этой редакции был существенно переработан: дополнен по библейским книгам и Еллинскому летописцу второй редакции, причем кроме мелких добавлений в редакцию введены новые главы и статьи («Шестодневце вкратце», «Сказание о Мелхиседеке», «Избрание от книги Иова Праведного», Повесть о белом клубке, «О Люторе Мартине», Житие Кирилла Философа и ряд других).

Первоначальный вид Пространного Х. Р. до нас не дошел, мы предполагаем лишь списками восходящих к нему редакции Х. Р. 1599 г. (списки: БАН, 31.6.27 и ГИМ, собр. Уварова, № 23/1362 — копия списка БАН) и редакции 1601 г. (списки: ГБЛ, собр. Большакова, № 21; ГИМ, собр. Уварова, № 16/1363; ГПБ, собр. Погодина, № 1441; ГБЛ, Музейное собр. № 4440; кроме того, поздний и дефектный список — ГПБ, собр. Титова, № 143). Х. Р. Пространной редакции был использован в различных хронографических компиляциях, а также положен в основу Распространенного вида Х. Р. 1617 г. и второго разряда Х. Р. 1620 г.

Значительной переработке редакция 1512 г. подверглась в XVII в. Не ранее 1617 г. (как следует из имеющегося в тексте расчета лет) была составлена Основная редакция Х. Р. 1617 г. в 169 главах («Книга, глаголемая Гранограф, рекше начало писменом царских родов, от многих летописец, преже от Бытия от сотворения мира...», далее заголовок сходен с заголовком редакции 1512 г.). В редакции значительно сокращено изложение библейской истории, а изложение русской истории, напротив, расширено. Если в редакции 1512 г. повествование завершается событиями 1452 г., то теперь оно продолжено до начала XVII в., до воцарения Михаила Федоровича Романова. Особое внимание уделено в Х. Р. событиям Смутного времени. В Основную редакцию вошли также «Сказание Ивана Пересветова о царе турецком Магомете» (см. *Иван Пересветов*), фрагмент из «Хождения» *Трифона Коробейникова* и ряд извлечений из перевода польской *Хроники Мартина Бельского*: сведения об истории древней Греции, о возникновении польского и чешского государств, рассказ об открытии Америки; внесено несколько статей, содержащих пересказ античных мифов, в частности содержавшаяся в редакции 1512 г. «Повесть о создании и поплении Тройском» заменена повестью «О златом руне волшебного овна» — переработкой одной из глав *Хроники Мартина Бельского*. Редакция делится на несколько видов (сведения о некоторых списках Древнейшего вида редакции см.: ТОДРЛ, М.; Л., 1970, т. 25, с. 177).

Основная редакция 1617 г. подвергалась переработке на основе списка Х. Р. Пространной редакции (или редакции 1601 г.). Эту переработку именуют Распространенной редакцией 1617 г. В ней содержатся, в частности, дополнительные статьи «Избрание от книги Иова Праведного», «Избрание от книги, глаголемая Июдифь», «Отвержение звездочетия и о проименовании дней всея неделя», Житие Константина Философа и др. Текст глав, повествующих о *Иване IV Грозном*, его преемниках и со-

бытиях Смутного времени, остался без изменений. Распространенная редакция делится на 179 глав.

Следующим этапом в истории Х. Р. явилась редакция, называемая «третьей» или редакцией 1620 г. Последнее наименование условно, так как известно лишь, что редакция была создана не ранее этой даты. А. Н. Попов выделил в составе редакции 1620 г. три разряда, основываясь на различиях в составе и структуре статей, повествующих о времени от воцарения Бориса Годунова до Михаила Федоровича. Однако предшествующий текст Х. Р. существенно варьируется, и списки, относящиеся к одному разряду, значительно разнятся между собой. В списках второго разряда текст Основной редакции 1617 г. переработан и дополнен по Х. Р. редакции 1601 г. (в частности, отсюда в него вошли дополнительные статьи «Избрание от книги Иова Праведного», «От книги глаголемья Руфь», «Отвержение звездочетия и о проименовании дней всея недели», Житие Константина Философа и др.). В списках первого и третьего разрядов обычно сохраняется текст Основной редакции 1617 г., но отдельные списки обнаруживают индивидуальное сходство то с редакцией 1601 г., то с Распространенной редакцией 1617 г. Особенно существенно различаются тексты Х. Р. разных разрядов в своей заключительной части, начиная с описания царствования Бориса Годунова. В текст, восходящий к Основной редакции, включены обширные фрагменты из «Иного сказания», «Сказания» Авраамия Палицына и других источников.

Все редакции Х. Р. получили широкое распространение, до настоящего времени сохранилось несколько сотен списков памятника. Х. Р. входил в различные хронографические и летописные компиляции. Редакции 1512 г. (извлечения из главы 6 и глав 110—173) вошла в состав первых трех томов *летописного свода Лицевого*; извлечения из глав 167—194, 197—199 и 203—205 той же редакции вошли в *летопись Никоновскую*; Пространная редакция Х. Р. (или редакция 1601 г.) в своей общесоциальной части вошла в состав обширного хронографического свода (свода 1533 г. в переработке XVII в., по определению Н. А. Насонова, см.: История русского летописания XI—начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969, с. 418—450), извлечения из которого издавались в 1790 и 1820 гг. под названием «Русский временник». Х. Р. Западнорусской редакции был положен в основу сербского хронографа.

Изд.: Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869; Летописец, списанный св. Дмитрием в Украине с готового 2-й редакции до 1617 г. . . / Издание Амфилохия епископа Угличского. М., 1892; Статьи о Смуте, извлеченные из Хронографа 1617 года, и отповедь в защиту патриарха Гермогена. — В кн.: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Изд. 2-е. СПб., 1909, стб. 1273—1322 (РИБ, т. 13); Русский хронограф: Хронограф редакции 1512 года. — ПСРЛ, СПб., 1911, т. 22, ч. 1; Русский хронограф: Хронограф Западнорусской редакции. — ПСРЛ, Пг., 1914, т. 22, ч. 2.

Лит.: Лазаревский А. М. 1) Записка о Русском хронографе. — ИОРЯС, СПб., 1860, т. 8, вып. 5, стб. 384—390; 2) К записке о Русском хронографе. — Там же, т. 9, вып. 2, стб. 115—137; Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866, вып. 1, с. 95—215; М., 1869, вып. 2; Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым. . . Хронографы Московского Чудова монастыря. — ЧОИДР, 1889, кн. 3; Истрин В. М. Александра русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893, с. 252—316; Прил., с. 245—343; Сперанский М. Н. Сербские хронографы и русский Первой редакции. — РФВ, 1896, т. 35, № 1, с. 1—18; Шахматов А. А. 1) Пахомий Логофет и Хронограф. — ЖМНП, 1899, январь, отд. 2, с. 200—207; 2) Путешествие Г. М. Мисюря Мунехина на Восток и Хронограф редакции 1512 г. — ИОРЯС, СПб., 1899, т. 4, кн. 1, с. 200—222; 3) К вопросу о происхождении Хронографа. — СОРЯС, СПб., т. 66, № 8; 4) Обозрение, с. 133—145; Розанов С. П. 1) Заметки по вопросу о русских хронографах. — ЖМНП, 1904, январь, отд. 2, с. 92—136; 2) Житие сербского деспота Стефана Лазаревича и Русский хронограф. — ИОРЯС, СПб., 1906, т. 11, кн. 2, с. 62—97; 3) Хронограф редакции 1512 г.: К вопросу об издании Хронографа. — ЛЗАК, СПб., 1907, вып. 18, с. 1—16; 4) Хронограф западнорусской редакции: К вопросу об его издании. — Там же, 1913, вып. 25, с. 1—20; 5) Время составления первоначальной редакции русского Хронографа. —

ИОРЯС, Л., 1926, т. 30, с. 311—322; Платонов. Древнерусские сказания. 2-е изд. СПб., 1913, с. 80—103, 418—420; Васенко П. Г. Замечки к статьям о Смуте, включенным в Хронограф редакции 1617 года. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922, с. 248—269; Орлов А. Хронограф и «Повесть о Казанском царстве». — В кн.: Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского: Статьи по славянской филологии и русской словесности. Л., 1928, с. 188—193; Седельников А. Д. Досифей Топорков и Хронограф. — Известия АН СССР. VII серия. Отд-ние гуманитарных наук, Л., 1929, № 9, с. 755—773; Лихачев Д. С. 1) Русские летописи, с. 331—350; 2) Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958, с. 13—24, 90—99; 2-е изд. М., 1970, с. 11—22, 81—89; Творогов О. В. 1) О Хронографе редакции 1617 г. — ТОДРЛ, М.; Л., 1970, т. 25, с. 162—177; 2) Русский хронограф и задачи его изучения. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, с. 48—55; 3) К изучению древнерусских хронографических сводов (I. Редакции Еллинского летописца. II. О происхождении Хронографа западнорусской редакции). — ТОДРЛ, Л., 1972, т. 27, с. 393—404; 4) К истории жанра хронографа. — Там же, с. 203—226; 5) Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 32—45, 160—234; Клосс Б. М. 1) О времени создания Русского хронографа. — ТОДРЛ, Л., 1971, т. 26, с. 244—255; 2) Иосифо-Волоколамский монастырь и летописание конца XV—первой половины XVI в. — ВИД, Л., 1974, т. 6, с. 115—126; 3) [Реп. на кн.: Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975]. — История СССР, 1977, № 3, с. 181—184; 4) Никоновский свод, с. 157—177; Рыбин В. А., Творогов О. В. Материалы к классификации списков Русского хронографа. — В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, ч. 1, с. 140—156; Салмина М. А. 1) Хроника Константина Манассии как источник Русского хронографа. — ТОДРЛ, Л., 1978, т. 32, с. 279—287; 2) Античные мифы в хронографе 1617 г. — ТОДРЛ, Л., 1983, т. 37, с. 311—317; Зиборов В. К. О выкладке лет в Русском хронографе. — Там же, с. 411—412.

О. В. Творогов

Хронограф Софийский — хронографическая компиляция, известная в настоящее время в единственном списке (ГПБ, Софийское собр., № 1454, л. 334—376), обнаруженном В. М. Истриным. Х. С. содержит изложение всемирной истории от сотворения мира до византийского императора Константина VII Багрянородного (913—959 гг.) и составлен из ряда источников: Шестоднева (см. *Шестодневы*), беседы Иоанна Златоуста о сотворении мира, *Хроники Георгия Амартола* и *Хроники Иоанна Малалы*. Извлечения из *Хроники Малалы* в составе Х. С. представляют особую ценность, поскольку в Х. С. сохранились фрагменты этой хроники, не вошедшие в какой-либо другой древнерусский хронографический свод. Х. С. обнаруживает текстуальную близость также с хронографом — протографом *хронографов Архивского* и *Виленского*, с «Прибавлением к палее» (см. о нем: Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 127—129) и *летописцем Еллинским* и *Римским*. Софийский список относится к XVI в., однако восходит, без сомнения, к более древнему оригиналу.

Изд.: Творогов О. В. Материалы к истории русских хронографов: 2. Софийский хронограф и «Хроника Иоанна Малалы». — ТОДРЛ, Л., 1982, т. 36, с. 188—221.

Лит.: Истрин В. М. Краткий хронограф с Хроникой Иоанна Малалы. — ЖМНП, 1903, ноябрь, с. 167—185 (то же см. в кн.: Истрин В. М. Исследования в области древнерусской литературы. I—V. СПб., 1906, с. 52—70).

О. В. Творогов

Хронограф Столяров (иначе: Столяровский, Карамзинский) — памятник русской историографии XVII в., названный Н. М. Карамзиным по роду занятий владельца рукописи, у которого он ее приобрел. И. И. Смирнов предлагал называть Х. С. «Карамзинским» (Смирнов И. И. Восстание Болотникова: 1606—1607. М., 1951, с. 16). Х. С. — большой по объему исторический сборник, содержащий разные произведения; составлен он не ранее 70-х гг. XVII в. и дошел до нас в единственном списке XVII в. (ГПБ, F.IV.595). По листам рукописи читается запись игумена Корнилия (1646—1661 гг.): «Сия книга глаголемая Хронограф Спаскаго игумена Корнилия что в Арзамасе, а подписал я, игумен, своею рукою».

Х. С. включает: 1) *Хронограф Русский* редакции 1512 г.; 2) статьи *Хронографа* редакции 1617 г.; 3) «Сказание о родословии великих русских государей и великих князей и царей...»; 4) оригинальное произведение, охватывающее события 1604—1644 гг., автором которого считается *Б. Ф. Болгин*; 5) выписки из «*Степенной книги*» (см. *Афанасий, митрополит*); 6) выписки из *летописца Нового* (одна из поздних редакций); 7) отрывочные заметки о событиях времени царствования *Алексея Михайловича*; 8) статью «О ведомости о Китайской земли», составленную *П. И. Голицыным* с товарищами в 1669 г. Текст Х. С. привлекал внимание многих исследователей, начиная с *Н. М. Карамзина*, своей оригинальной частью — описанием событий 1604—1644 гг. Отмечалось, что эта часть Х. С. сходна с не дошедшим до нас *Лобковским хронографом*, материалом которого пользовался *П. И. Мельников (Печерский)* в своих изысканиях по истории Нижнего Новгорода в Смутное время.

Изд.: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собрал и издал *А. Попов*. М., 1869, с. 321—379 (опубликована оригинальная часть Х. С. — известия 1604—1644 гг.).

Лит.: *Мельников П. И.* Несколько новых сведений о Смутном времени, о Козьме Минине, князе Пожарском и патриархе Ермогене. — *Москвитянин*, 1850, ч. 6, № 21, отд. 3, с. 1—12; *Попов А.* Обзор хронографов русской редакции. М., 1869, вып. 2, с. 252—256; *Платонов С. Ф.* 1) *Древнерусские сказания*. 2-е изд. СПб., 1913, с. 340—344; 2) *Столяров хронограф* и его автор. — В кн.: *Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому*. М., 1909, ч. 1, с. 18—28; *Иконников*. Опыт историографии, т. 2, кн. 2, с. 1382—1384.

В. К. Зиборов

Хронограф Тихонравовский — хронографическая компиляция, названная так *В. М. Истриным* и известная в одном списке XVI в.: ГБЛ, собр. Тихонравова, № 704. Она содержит изложение всемирной истории от сотворения мира до царствования *Констанция Хлора*. Среди источников *Х. Т.* — *Палая толковая*, библейские книги, *Хроника Иоанна Малалы* (при этом некоторые фрагменты, вошедшие в *Х. Т.*, отсутствуют в других известных нам славянских рукописях), «*Христианская топография*» *Космы Индикоплова*. Вторая часть *Х. Т.* восходит не к Полной хронографической палее (см. *Палая хронографическая*), как полагал *В. М. Истрин*, а к *Хронографу Троицкому* или сходному с ним тексту. В этой части читаются, в частности, апокрифы о *Пилате* и о прении *Петра* и *Павла* с *Симоном волхвом*, а также особый рассказ о взятии *Иерусалима* *Титом*, сходный с находящимся в составе *летописца Еллинского и Римского* второй редакции.

Х. Т. не опубликован, за исключением фрагментов из *Хроники Иоанна Малалы*, входящих в его состав.

Изд.: *Истрин В. М.* *Хроника Иоанна Малалы* в славянском переводе. Книги пятнадцатая—восемнадцатая и приложения. Пг., 1915, с. 49—52 (СОРЯС, т. 91, № 2).

Лит.: *Истрин В. М.* Особый вид Еллинского летописца из собрания Тихонравова. — *ИОРЯС*, СПб., 1912, т. 17, кн. 3, с. 1—30; *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 65—67, 72—73, 82—85, 91—94.

О. В. Творогов

Хронограф Троицкий — древнерусский хронографический свод, созданный не позднее начала XV в. (скорее всего в XIII—XIV вв.). В *Х. Т.* излагается всемирная история от времени *Навуходоносора* до середины X в. Основными источниками для *Х. Т.* послужили библейские книги (IV книга Царств, книга пророка *Иеремии*, книга пророка *Даниила*), *Хроника Георгия Амартола*, *Хроника Иоанна Малалы* (фрагменты из этих хроник вошли в *Х. Т.* через посредство *Хронографа по великому изложению*), *Александрия хронографическая* особой редакции, апокрифическое «*Прение Петра и Павла с Симоном волхвом*» (см. *Петра и Павла деяния*), *Житие Константина* и *Елены*, *Сказание о построении*

Софии Цареградской и другие памятники. Х. Т. сходен по своим источникам с хронографической частью *Палеи хронографической и летописицею Еллинским и Римским* второй редакции.

В настоящее время известны три списка Х. Т.: ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 728; ГБЛ, собр. Ундольского, № 1 (оба начала XV в.); ГПБ, Новое собр. рукописных книг, 1918, F.27, рубежа XV—XVI вв. Во всех списках обнаруживается пропуск текста — отсутствует изложение событий от времени римского императора Веспасиана до времени Констанция Хлора. Опущенный текст может быть реконструирован с помощью текста *Хронографа Тихонравовского*, который, вероятно, восходит к более исправному, чем известные нам, тексту Х. Т. Х. Т. был известен монаху Кириллу-Белозерского монастыря *Ефросину*, который использовал его при составлении своей хронографической компиляции.

Лит.: Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899, т. 1, с. 293; Шахматов А. А. 1) Древнеболгарская энциклопедия X века. — ВВ, СПб., 1900, т. 7, с. 11—15; 2) Начальный Киевский летописный свод и его источники. — В кн.: Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. М., 1900, с. 3—4; Клосс Б. М. Книги, редактированные и писанные Иваном Черным. — Зап. Отдела рукописей ГБЛ, М., 1971, вып. 32, с. 60—72; Творогов О. В. 1) Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 46—97; 2) Материалы к истории русских хронографов: 1. Ефросиновский хронограф. — ТОДРЛ, Л., 1977, т. 32, с. 256—274.

О. В. Творогов

«Царственная книга» — одна из частей *летописного свода Лицевого XVI в.*, составленного по заказу *Ивана IV Грозного*. Свое название Ц. к. получила согласно помете, читающейся на полях рукописи (ГИМ, Синодальное собр., № 149). Замысел и начало исполнения Лицевого свода приходится на бурное время oprичнины. Поэтому изложение обширного исторического материала в своде подчинено идее прославления царской династии, утверждения самодержавной власти царя. Работы по иллюстрированию наиболее злободневной последней части Лицевого свода с изложением событий 1533—1568 гг. (время правления *Ивана Грозного*) были приостановлены около 1575 г., в момент обострения внутриаполитической борьбы.

По указанию *Грозного* текст этой части свода подвергся значительным исправлениям со стороны неизвестного редактора, на полях появились знаменитые приписки, обличающие боярские заговоры и измены. Копирование отредактированного текста сопровождалось его исправлением по «Летописцу начала царства». Так образовались «повторные» листы Лицевого свода. Они написаны на совершенно новой бумаге, взятой из запасов Печатного двора в Александровской слободе, потому что остатки бумаги Лицевого свода были переданы для нужд того же Печатного двора. Такое же сочетание двух сортов бумаги — основной части Лицевого свода и «повторных» листов — обнаруживается в печатной Псалтири 1576 г., что и позволяет датировать последний этап работы над Лицевым сводом 1576 г. Но оформление этой части свода по каким-то причинам не было завершено: миниатюры так и остались нераскрашенными, ряд рисунков выполнен лишь в карандашном наброске, а в некоторых случаях для миниатюр и вовсе оставлены только чистые места.

До середины XVII в. последняя часть Лицевого свода хранилась в виде переплетенных и перепутанных листов, и лишь в третьей четверти XVII в. произошло ее разделение на два тома — Синодальную летопись и Ц. к. В Синодальную летопись включены тексты первоначального варианта статей 1535—1542, 1553—1560, 1563—1564, 1566—1567 гг. (не сохранились начало и окончание летописи и ряд известий за 1560-е гг., статьи же 1542—1553 гг. оказались в составе Ц. к.). Ц. к. содержит «повторные» варианты статей 1533—1542 гг. и первоначальные тексты за 1542—1553 гг., продублированные отдельными листами «повторного варианта».

Рукопись Ц. к. была обнаружена историком М. М. Щербатовым, который привел ее в некоторый порядок и опубликовал в 1769 г. В исторической литературе длительное время господствовало ошибочное мнение, что Ц. к. является копией Синодальной летописи, подвергнувшейся новой редакционной правке. Это привело к искаженному представлению о ходе работ над Лицевым сводом и к неверной его датировке.

Изд.: ПСРЛ, СПб., 1906, т. 13, 2-я половина.

Лит.: Пресняков А. Е. Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893; Альшиц Д. Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени. — ИЗ, М., 1947, т. 23, с. 251—289; Андреев Н. Е. Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного. — ТОДРЛ, М.; Л., 1962, т. 18, с. 117—148; Шмидт С. О. Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного. — Советские архивы, 1966, № 1, с. 31—36; № 2, с. 46—51; Зимин А. А. О методике изучения повествовательных источников XVI в. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973, с. 187—211; Протасьева Т. Н. К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи. — В кн.: Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г. М., 1974, с. 271—285; Скрынников Р. Г. Загадка древнего автографа. — ВИ, 1977, № 9, с. 98—112; Клосс. Никоновский свод, с. 224—226; Амосов А. А. Датировка и кодикологическая структура «Истории Грозного» в Лицевом летописном своде: (Заметки о бумаге так называемой Царственной книги). — ВИД, Л., 1982, т. 13, с. 155—193.

Б. М. Клосс

Оригинальные и переводные жития Древней Руси

Алексия митрополита житие. Существует пять редакций Жития, из которых первоначальная — рассказ «О Алексее митрополите» — содержится в *Рогожском летописце* XV в., *Симеоновской летописи* XVI в. и содержалась в погибшей *Троицкой летописи* 1408 г. Судя по тесной связи, тематическому (митрополичий престол), композиционному, стилистическому и лексическому родству этого рассказа с примыкающей к нему в летописи *Повестью о Митяе*, они были написаны одновременно, стало быть между 1379 и 1382 гг. Вставленный в летопись вслед за сообщением о кончине митрополита А., под 6885 (1377/78) г., рассказ «О Алексее митрополите» представляет собой весьма суммарное и неточное описание жизни митрополита от рождения до смерти и похорон, причем акцент сделан на постепенности прохождения А. всех иерархических ступеней; тем самым — по контрасту — в невыгодном свете выставляется фигура Митяя, по воле великого князя ставшего наместником митрополичьего престола после смерти митрополита А. По внешности беспристрастный и фактографичный рассказ этот, предвещающий *Повесть о Митяе*, и в литературном отношении являет собой как бы посредствующую ступень между погодным летописным повествованием и повестью с ее интригой и сюжетом (преступление и наказание Митяя).

После того как 20 мая 1431 г., при митрополите *Фогии*, были обреты мощи митрополита А., архимандрит, а затем епископ пермский *Питирим* написал службу (стихиры и канон) митрополиту А., используя для нее в качестве жития первоначальный летописный рассказ «О Алексее митрополите» (Ключевский склонен был считать Питирима автором первоначального рассказа). Около 1450 г. митрополитом *Ионой* было установлено всецерковное празднование памяти митрополита А.; в связи с этим примерно в то же время Пахомий Серб написал повесть об обретении мощей А., а затем и Житие А., пополнив сведения первоначального рассказа, но данными столь же неточными и хронологически спутанными. Около 1486 г., полагает Ключевский, Житие А. вторично было пересмотрено и дополнено. В *Никоновской летописи* XVI в. находится 3-я редакция, представляющая собой компиляцию нескольких источников, главными из которых служили первоначальный рассказ и Пахомиева редакция; почти дословные выписки из них здесь чередуются. В том же веке по распоряжению митрополита *Макария* при составлении *Степенной книги* была создана новая, 4-я редакция Жития — опять-таки как компиляция разных источников: предшествующих редакций (в том числе 3-й), *Жития Сергия Радонежского*, летописных записей. В последние десятилетия XVII в., при патриархе *Адриане*, монахом Чудова монастыря, по всей видимости — известным справщиком книг и сотрудником *Епифания Славинецкого Евфимием*, была написана 5-я, самая полная редакция Жития. Кроме предшествующих редакций и летописи автор воспользовался доступными ему грамотами, ярлыками, своим знанием рукописей XIV в. и истории Московского княжества. Хотя и этот редактор не смог, отмечает Ключевский, устранить все неточности и внутренние противоречия своих предшественников, его труд он считает одним из

лучших в древнерусской литературе среди житийных памятников по мастерству и грамотности изложения и сравнительной свободе от условных форм и общих мест жития. Оканчивается это Житие известием о перенесении мощей митрополита А. в 1686 г. К нему приложены акты, которые упоминает в тексте автор, ханские ярлыки и копия найденной в казне Рязанской митрополии подлинной грамоты митрополита А. на Черленый Яр с его собственноручной подписью по-гречески. Эта, пятая редакция находится в рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 596, сборник XVII—XVIII вв.

Изд.: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: (Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы). Л., 1979, с. 216—218; Шляков Н. Житие св. Алексия митрополита московского в Пахомьевской редакции. — ИОРЯС, СПб., 1914, № 3, с. 85—152.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 120, 132—140, 168—169, 243—245, 319, 355—356; Барсуков. Источники агрографии, стб. 27—31.

Г. М. Прохоров

Андрея Юродивого житие. Византийское Житие А. Ю. повествует о любимом слуге византийского вельможи, скифе по происхождению. Он получил возможность многое прочесть и многому обучиться. Но потом А. Ю. «обуял» — стал юродствовать, и хозяин выгнал его из дома. В центре сюжета Жития — рассказ о поступках и эсхатологических пророчествах А. Ю., тематически зависящих от пророчеств Даниила. В свою очередь Житие А. Ю. оказало влияние на апокрифическое «Откровение» Мефодия Патарского.

Славянский перевод Жития А. Ю. получил широкое распространение в древнерусской литературе. Старшие из известных нам списков относятся к XV в. (ГИМ, Синодальное собр., № 924/152, 925/153; ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 780; собр. МДА, № 684; ГПБ, Q. I, № 1143; ГПБ, Соловецкое собр., № 500/216, 501/214, 502/215, и др.), однако в прологе (см. *Пролог*) начиная с XIII в. выписки из Жития читаются под 1, 2, 3, 4, 5, 6, 12, 16 и 25 октября. В сборниках читаются фрагменты из Жития — сказания о видении А. и Епифания, «како видеста на въздусе святыю Богородицу» (нач.: «Страшно и чудно видение честною святыю Андрея и Епифания...»), «о святем Андрее, како ся ему створи Христа ради похабство» (нач.: «При Лве цари велицем бе мужь в Коньстянтинеграде...»), «Слово о святем Андрее Уродивем» (нач.: «По явлении же первом в другую ночь блаженный Андрей...»), «Слово святаго Андрея о тате гробнем» (нач.: «В Коньстянтинеграде преставися дщи некоего боярина...»), «Слово о святем Андрее, како виде богатаго умерша» (нач.: «Святому Андрее ходящу на духовное свое де дело...»).

Изд.: Срезневский И. П. 1) Разбор сочинения К. Невоструева «Слово св. Ипполита об антихристе...». — В кн.: Отчет о пятнадцатом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1874, с. 359—360; 2) Сведения и заметки. LXXXVI. СПб., 1879, с. 149—184; ВМЧ, октябрь, дни 1—3. СПб., 1870, с. 42—45, 80—237, 239—240, 792; октябрь, дни 4—18. СПб., 1874, с. 796, 1047; октябрь, дни 19—31. СПб., 1880, с. 1885—1886.

Лит.: Сахаров В. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879, с. 87—96, 104—105, 135—140; Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русских литературах: Исследования и тексты. М., 1897, с. 175, 186—188, 190, 194, 196—204; Яцимирский А. И. Из истории апокрифов и легенд в южнославянской письменности. — ИОРЯС, СПб., 1909, т. 14, кн. 3, с. 140—143; Панченко А. М. Смех как зрелище. — В кн.: Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976, с. 104—183.

О. В. Творозов

Анны Кашиной житие. А. К. — дочь ростовского князя Дмитрия Борисовича, а с 1295 г. жена князя Михаила Тверского (ум. 1368). Житие А. К. представляет комплекс из четырех литературных памятников — собственно жития и статей о чудесах: о явлении княгини пономарю Гера-

симу, об обретении мощей и о перенесении мощей А. К. из деревянной Успенской церкви в кашинский Воскресенский собор (см. список ГИМ, Синодальное собр., № 622). Этот подбор сочинений об А. К. возник, как убедительно доказано В. А. Кучкиным, в 1675—1676 гг., составление же собственно жития, возможно, относится и к более раннему времени (к 1650 г. по В. О. Ключевскому, к 1652 г. по Е. Е. Голубинскому) и связано с местным культом, возникшим в XVII в.: в 1649 г. были обретыены её мощи в Твери и перенесены в Кашин; в 1650 г. А. К. была официально канонизирована. Службу А. К. на перенесение мощей написал *Епифаний Славинецкий* по указу царя *Алексея Михайловича* (он и привез ее, вместе со стихирами и канонами из Москвы); тропарь и канон на обретение мощей А. К. писали в Кашине протопоп Иван Наумов и посадский человек Семен Осипов сын Сухоруков «при попе Василии, ео брате Никифоре и при их отце» (старце Варлааме). В научной литературе происхождение Жития А. К. толкуется на основании разноречивых документальных свидетельств 1677—1678 гг. то как «сложение кашинского попа с причетники и з своими сродники» (т. е. Василия, Никифора и Варлаама), то как сочинение, составленное в Соловецком монастыре, которое «писал старец Игнатей по велению того ж монастыря уставщика старца Никодима по ево Никифорову челобитью»; «житие де ее слагали. . . и писали по своему разуму и Степенной книги и по ево Никифоровым словам».

В литературном отношении Житие А. К. не представляет особого интереса: это многословное подражательное сочинение, отмеченное традиционными для житийного жанра «общими местами» и длинными диалогами (В. О. Ключевский назвал его «реторическим упражнением в биографии»). Среди его источников — *Житие Михаила Тверского* (вторая редакция, возникшая не ранее 1657—1658 гг., по В. А. Кучкину), летописные сведения.

Текст Жития А. К. во всем его комплексе подвергся суровой критике — досмотру следственной комиссии, назначенной патриархом *Иоакимом* в 1677—1678 гг. К этому времени не было в живых царя Алексея Михайловича, при котором А. К. канонизирована, не было уже и составителей богослужебных текстов, посвященных А. К.: пономаря Герасима, протопопа Ивана Наумова и посадского человека Семена Сухорукова, старца Варлаама, не было и многих из исцеленных лиц, названных в чудесах. К допросу был привлечен дьячок Никифор, изложивший соловецкую версию создания Жития, возможно тут же им придуманную в защиту составленного им сочинения, вызвавшего нареkania и осуждения. Во всяком случае в материалах досмотра читается: «. . . а его Никифоровым басням верить нечему». В результате работы комиссии была осуществлена своеобразная «критика текста» Жития путем сопоставления его с летописными данными; так были установлены «несогласия и неприличия» в датах, местах действия, в лицах (А. К. в Житии не ростовская княжна, а дочь кашинских бояр, муж ее Михаил Ярославич был убит ножом, а не мечом, дата ее смерти не 1368 г., а 1338 г., и т. п.). Наиболее важное «неприличие» Жития А. К. заключено в десятом (из 13) пункте разночтений, по которому правая рука святой была будто бы «согбена, яко благословящая» (т. е. имела двуперстное сложение, нетерпимое после церковного собора 1666—1667 гг.), в то время как по досмотру у нее «персты прямо». Принятое определение церковного собора 1677 г. фактически аннулировало канонизацию А. К., объявило ее почитание и в частности ее Житие ложным, обязало кашинские и тверские духовные власти прекратить церковные службы (допускалось только петь панихиды), а питый покров и иконы с изображением А. К. взять в Москву «для рассмотрения»; церковь во имя А. К. переименована была в церковь всех святых и было принято решение исключить А. К. из святцев.

Изд.: Житие Анны Кашинской. Единоверческая типография, 1909; Житие благоверной княгини Анны Кашинской по Синодальной рукописи XVII века / (С предисловием Ан. Титова). Б. м., б. г.; Город Кашин: Материалы для его истории, собранные И. Я. Кункиным, вып. 2. — ЧОИДР, 1905, кн. 3, с. 53—67 («Досмотр патриаршей следственной комиссии 7185 года в Кашине касательно жития бл. в. кн. Анны...», «Определение собора 7185 года о мощех благоверныя кн. Анны Кашинской»).

Лит.: Исторические сведения о св. Анне Кашинской / Сост. Прудников. СПб., 1859; Костомаров Н. И. Церковно-историческая критика в XVII-м веке. — ВЕ, 1870, кн. 4, с. 479—506 (ср. рецензии: ЧОИДР, 1871, кн. 4, с. 39—62; Странник, 1872, май, с. 57—71); Ключевский Д. Древнерусские жития, с. 340—341; Колтыпин П. Сведения о жизни благоверной великой княгини Анны Кашинской, супруги в. к. Михаила Тверского. — Странник, 1872, ноябрь, с. 109—118; Барсуков В. Источники агиографии, с. 41—43; Баженов Н. Благоверная княгиня Анна Кашинская. — Странник, 1900, июнь, с. 233—254; июль, с. 385—406; Голубинский. История канонизации, с. 159—169; Никольский Н. К. Сочинения соловецкого инока Герасима Фирсова по неизвестным текстам (к истории севернорусской литературы XVII века). СПб., 1916, с. XXVIII—XXX (ПДПИ, вып. 188); Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974, с. 188—192, 269—271.

О. А. Белоброва

Антония Печерского житие. Написано, вероятно, не позднее 90-х гг. XI в. и, как полагает С. П. Розанов, не в Киеве, а в Чернигове или Тмутаракани: изложенная в Житии история возникновения Киево-Печерского монастыря существенно отличается от традиционной версии, отразившейся в памятниках киевской литературы.

А. П. (мирское имя его неизвестно) происходил из г. Любеча. Он совершил поездку на Афон, где и был пострижен. Вернувшись на Русь, А. П. поселился в пещере на берегу Днепра. Позднее в той же пещере вместе с А. П. поселились *Никон Великий* и *Феодосий Печерский*. Тем самым было положено основание Киево-Печерскому монастырю. Из-за конфликта с князем Изяславом А. П. дважды покидал Киев: князь был разгневан пострижением в монахи своих приближенных, а в 1068 г. поддержкой, оказанной А. П. Всеславу, захватившему киевский великокняжеский стол. Умер А. в 1072—1073 гг. Упоминание в заголовках некоторых поучений имени «Антоний» дало повод атрибуции их А. П. Приписывали ему и перевод Жития Григория Омиритского. Неосновательность атрибуций показана Н. К. Никольским (см.: Повременной список, с. 149—157).

Житие А. П. было использовано при составлении Начального свода, особенно в сказании «чего ради прозвася Печерский монастырь» (см. *Повесть временных лет* под 1051 г.). Именно правкой по Житию первоначального текста сказания и объясняется, видимо, ряд существенных разночечий между сказанием и Житием Феодосия Печерского (см. *Нестор*) в изложении истории возникновения монастыря. Житие А. П. было использовано при составлении *Киево-Печерского патерика*: в Патерик оттуда вошли сведения о том, как А. П. постриг *Илариона*, будущего русского митрополита, сказание о Евстратии постнике, о Моисее Угрине, о чуде при закладке каменной монастырской церкви, сведения о «варяжской пещере». В Патерике есть и прямые ссылки на Житие (см., например, издание Патерика в кн.: ПЛДР: XII век. М., 1980, с. 422, 482, 498, 530, 552, 582). Однако Житие А. П., вероятно, было редким памятником, возможно из-за отмеченных выше расхождений с традиционной версией истории Киево-Печерского монастыря. Согласно указанию дьякона *Исайи* (см.: Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882, с. 143), в 70-х гг. XVI в. в Киево-Печерском монастыре уже не было его списков. Житие А. П., входящее в старопечатный патерик 1661 г., не имеет ничего общего с древним житием: оно составлено на основе Киево-Печерского патерика, Жития Феодосия Печерского и других источников. Упоминание Жития А. П. в числе книг «во дворе» *Бориса Годунова* (см.: Бе-

докуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, с. 322), по мнению Д. И. Абрамовича (см.: Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. — ИОРЯС, 1902, т. 7, кн. 2, с. 75, примеч. 114), — это ссылка на текст «Сказания о начале Печерского монастыря».

Лит.: Кубарев А. О патерике Печерском. — ЧОИДР, 1847, № 9, с. 18—20; Шахматов А. А. 1) Житие Антония и Печерская летопись. — ЖМНП, 1898, март, отд. 2, с. 105—149; 2) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 257—276; Приселков М. Д. 1) Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913; 2) Нестор-летописец: Опыт историко-литературной характеристики. Пб., 1923, с. 74—77; Розанов С. П. К вопросу о Житии преподобного Антония Печерского. — ИОРЯС, Пг., 1915, т. 19, кн. 1, с. 34—46.

О. В. Творогов

Антония Римлянина житие («Сказание о житии преподобного и богоносного отца нашего Антония Римлянина и о приходе от града Рима в Великий Новгород»). Как повествует Житие, А. Р., итальянский отшельник, приплыл в Новгород по морю прямо из Рима, стоя на огромном камне. Вслед за ним плыла бочка с сокровищами. В Новгороде епископ Никита оказывает А. Р. подобающий прием и советует ему заложить монастырь на том месте, куда пристал камень. Впоследствии Нифонт, архиепископ новгородский, делает А. Р. игуменом созданного им монастыря. «Сказание» относит прибытие А. Р. к 1105 г. Антоний, основатель новгородского Антониева монастыря, — реальная историческая личность: его монастырь впервые упоминается в летописях под 1117 г.; под 1131 г. говорится о поставлении Антония в игумены, под 1147 г. — о его смерти. Иноземное происхождение Антония, однако, ничем не подтверждается. Именование Антония Римлянином начинается лишь в XVI в. По всей вероятности, легенда о чудесном перенесении А. Р. из Рима относится к тому кругу компенсирующих сказаний о наследовании западных святынь, которые появились после утраты Новгородом независимости (конец XV—начало XVI в.).

«Сказание о житии А. Р.» сохранилось в рукописях конца XVI—XVIII в., текст его идентичен во всех списках. Точное время составления «Сказания» неизвестно. Авторство «Сказания» приписано игумену Андрею, ученику и преемнику А. Р., от лица которого ведется повествование. Тем самым «Сказание» претендует на древность (XII в.). Однако язык и анахронизмы «Сказания» свидетельствуют о том, что оно принадлежит значительно более поздней эпохе (судя по упоминанию некоторых реалий, оно не могло быть написано ранее 30-х гг. XVI в.). Атрибуция «Сказания» игумену Андрею заставляет поэтому предполагать либо намеренную подделку, либо существование какого-то древнего источника, связанного с именем Андрея.

«Сказание» в его настоящем виде относится к XVI в. и составление его объясняется общим для этого века стремлением к канонизации местных святых. Мысль о прославлении А. Р. могла возникнуть после канонизации в 1558 г. епископа Никиты (отсюда его роль в «Сказании»). Из статей, приложенных к Житию А. Р., явствует, что автором «Сказания» с наибольшей вероятностью можно считать монаха Антониева монастыря *Нифонта*, известного своей деятельностью и сочинениями по поводу канонизации А. Р. в 1597 г. Кроме того, в сочиненном Нифонтом около 1591 г. «Похвальном слове» есть указание, что к этому времени Житие А. Р. уже существовало. Таким образом, «Сказание» датируется приблизительно 70—80-ми гг. XVI в. Текст «Сказания» неоднороден: его составитель соединил легендарную часть с реальной, допустив некоторые несоответствия между ними, включил в текст отрывки из духовной и купчей грамот А. Р. и заполнил недостающее общими местами. По установившемуся мнению, Нифонт пользовался при сочинении «Ска-

зания» не дошедшим до нас кратким древним Житием А. Р., которое действительно могло принадлежать игумену Андрею, и по обычаю древнерусских книжников присвоил имя Андрея своей переделке. Этого древнего Жития могло, однако, не быть: фактические сведения «Сказания» не выходят за пределы данных летописи *Новгородской I*; отсюда же могло быть взято и имя Андрея. Сознательная подделка, произведенная в таком случае Нифонтом, имеет свое объяснение. В 70-х гг. XVI в. Антониев монастырь вел длительную земельную тяжбу с посадскими людьми; в текст Жития не случайно вставлены цитаты из грамот А. Р. и рассуждения о монастырских землях, купленных якобы самим святым на собственные деньги. Мнимая древность Жития должна была придать вес монастырским претензиям.

«Сказание» обычно встречается в рукописях в составе большой компиляции, озаглавленной «Житие и подвизи преподобного и богоносного отца нашего Антония Римлянина игумена бывшаго в Великом Новгороде...»; кроме «Сказания», в нее входят предисловие, «Похвальное слово Антонию» и, довольно часто, статья «О преложении тела...». Автором всех этих статей является Нифонт. Предисловие к «Сказанию» и «Похвальное слово Антонию» написаны им около 1591 г., когда по инициативе игумена Кирилла Завидова монастырь начал добиваться открытия мощей и канонизации А. Р. После канонизации, в марте 1598 г., Нифонт прикладывает к прежним статьям пространную записку о прошедшей церемонии и бывших при ней чудесах святого («О преложении честного и многочудесного тела преподобного и богоносного отца нашего Антония чудотворца Римлянина иже в Великом Новгороде»). В послесловии к этой статье Нифонт перечисляет свои заслуги.

Житие А. Р. со всеми дополнительными статьями вошло в Чудовскую минею 1600 г. и в другие четьи миеи XVII в. (под 17 января и 3 августа). Во второй половине XVII в. для печатного *Пролога* была сделана краткая и небрежная переделка «Сказания». В конце XVII в. к Житию А. Р. было прибавлено описание 18 новых чудес. В полном или сокращенном виде Житие часто переписывалось в сборниках XVII—XVIII вв. Подробное оглавление всех статей Жития см. в «Описании» А. Попова (Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 435—438). Перечень списков «Сказания» у Барсукова (Барсуков. Источники агиографии, стб. 48—51) весьма неполон.

Изд.: ПС, 1858, № 5—6, с. 157—171, 310—324; ПЛ, СПб., 1860, вып. 1, с. 263—270.

Лит.: Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности. СПб., 1861, т. 2, с. 110—115; Ключевский. Древнерусские жития, с. 306—314; Голубинский. История церкви. М., 1904, т. 1, 2-я половина, с. 590—595; Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937, с. 285—318; Тихомиров М. Н. О частных актах в Древней Руси. — ИЗ, М., 1945, т. 17, с. 233—241; Янин В. Л. Новгородские грамоты Антония Римлянина и их дата. — Вестник МГУ. История, 1966, № 3, с. 69—80 (то же см.: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977, с. 40—59); Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980, с. 23—25.

Е. А. Фет

Артемия Веркольского житие. Это Житие относится к категории таких севернорусских житий, в основе которых лежит верование местного сельского населения в мощи своих местных святых, которым приписывался дар чудотворения. А. В., сын крестьянина из села Верколы (село с этим названием на реке Пинеге сохранилось до наших дней) в 12 лет был убит грозой, когда вместе с отцом бороновал пашню. Сначала его останки погребли в лесу, но потом перенесли их (через 33 года) в село Верколу к местной церкви, так как в том месте, где он лежал в лесу, люди будто бы видели сияние. У перенесенных останков мальчика начались исцеления и другие чудеса. Рассказ о гибели А. В. (собственно

житие) очень краток, и основное содержание Жития — рассказы о чудесах. В этих рассказах нашли яркое отражение жизнь и быт севернорусского села XVII столетия.

До нас дошло несколько редакций Жития. Первая редакция, составленная по повелению новгородского митрополита *Макария*, была написана в близкое к 1618 г. время (этим годом датируется последнее чудо), она включает в свой состав 53 чуда. В основе редакции лежал первоначальный вид рассказа об А. В., возникновение которого можно связывать с перенесением останков А. В. из леса в Верколу в 1577 г. Этот первоначальный вид представлял собой краткую справку о нем и описание первых 19 чудес. Редакции Жития, следующие после первой редакции, повторяли ее текст, дополняя его новыми чудесами. Вторая редакция, составление которой следует относить к 1649 г., состоит из 72 чудес. Третья, созданная в самом начале XVIII в. (последнее чудо в ней датировано 1700 г.), содержит рассказы о 85 чудесах. К этим трем основным редакциям восходят четвертая и пятая (проложная) редакции. Первая редакция представлена тремя вариантами, четвертая — двумя. Заглавие Основного варианта первой редакции: «Житие святаго праведнаго богомудраго отрока новоявленнаго Артемия Верколскаго чудотворца. Списано по благословию Макария, митрополита новгородскаго. Благослови отче». Научного издания текста Жития нет.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 323—324; Яхонтов И. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881, с. 183—187; Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973, с. 249—261.

Л. А. Дмитриев

Василия Мангазейского житие. Житие В. М. сложилось во второй половине XVII в. из отдельных рассказов о чудесах и видениях от явившейся в Старой Мангазее гробницы, на основе которых постепенно составила биография юного сидельца, безвинно погибшего под пыткой по несправедливому обвинению своего хозяина. Даже имя святого, неизвестное в первых чудесах (1649—1650 гг.), установилось лишь в «явлениях» 1660—1670 гг. и на первых порах варьируется (праведник иногда называется Моисеем). Житие В. М. — «патрона русских промышленных людей в Сибири» (Бахрушин С. В. Легенда о Василии Мангазейском, с. 331) — отражает как суровый быт Мангазеи, этой «укрепленной фактории» (там же, с. 334), так и реальную обстановку соболинного промысла, походов за ясаком, скудного существования в тайге и тундре, вдали от людей.

По содержанию Житие В. М. четко разделяется на две части: 1) ранние чудеса и явления, относящиеся к Старой Мангазее (1649—1669 гг.); 2) рассказ о совершенном попом Тихоном вскрытии и перенесении мощей В. М. в Туруханск и связанных с ними чудесах. Первые записи чудес относятся к 1653 г., когда мангазейский воевода И. С. Корсаков послал их тобольскому архиепископу Симеону; отправленные последним в Сибирский приказ, эти записи после доклада государю были сданы «в столп», т. е. в архив (Бахрушин С. В. Легенда о Василии Мангазейском, с. 336—337). Ни эта отписка, ни продолжавшиеся на месте записи чудес на первых порах не распространялись в списках, оставаясь лишь официальными документами. Литературной обработке раньше других (между 1670—1676 гг.) были подвергнуты «сказки» о «дерзновенном» открытии мощей туруханским попом Тихоном (1670 г.), положенные в основу первоначальной редакции Жития (дошла в составе Сборника Едомского, 1676 г.); она была создана в стенах Туруханского Троицкого монастыря при участии самого попа Тихона или его ближайшего окружения. После того как Туруханский монастырь получил список ранних чудес, не позднее конца XVII в. была создана новая

(двухчастная) редакция (ЦГАДА, ф. 196, собр. Мазурина, № 763). На основе ее обработок появились позднейшие редакции (1717 и 1719 гг.), характеризующиеся постепенным переходом от первоначального бесхитростного рассказа к абстрагированному повествованию и дополненные службой святому, риторическим введением, стихотворным обращением к читателю.

Житие В. М. теснейшим образом связано с демократической традицией севернорусской агиографии, перенесенной в Сибирь выходцами из уездов Русского Севера. Особое значение имеют параллели с более поздним устюжским Житием Петра Черевковского (ГПБ, собр. ОЛДП, Q. 36, л. 63—74), где также на погорелом месте является гробница, от которой начинаются чудеса, а имя подвижника также выясняется далеко не сразу. Особая роль устюжан в создании Жития В. М. (как попа Тихона, так и Стефана Ширяева, с именем которого связано первое чудо святого) и бытование всех известных в настоящее время списков Жития в Устюжском уезде, несомненно, свидетельствуют о взаимовлиянии двух региональных литератур — севернорусской и сибирской. Житие В. М. в настоящее время известно в трех списках; два не дошедших до нас списка были изданы П. Е. Островских.

Изд.: Сборник Едомского / Сообщ. Н. Барсуков. СПб., 1889, с. IV—VII, 13—21 (ПДПИ, № 79); Житие Василия Мангазейского и повествование о начале Туруханского Троицкого монастыря / Под ред. П. Е. Островских. СПб., 1910.

Лит.: Оглоблин Н. Мангазейский чудотворец Василий: (К русской агиографии). — ЧОИДР, 1890, кн. 1, отд. 2, с. 1—8; Бахрушин С. В. Легенда о Василии Мангазейском. — В кн.: Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955, т. 3, ч. 1, с. 331—354; Ромодановская Е. К. Легенда о Василии Мангазейском и туруханская литературная традиция. — В кн.: Бахрушинские чтения. 1973 г.: Вып. II. Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973, с. 62—71; Русская литература Сибири. XVII в.—1970 г.: Библиографический указатель. Новосибирск, 1976, ч. 1, № 315, 321—329; Очерки русской литературы в Сибири. Новосибирск, 1982, т. 1, с. 91—93.

Е. К. Ромодановская

Василия Нового житие. Житие В. Н. — памятник византийской агиографии X в. Согласно исследованию С. Г. Вилинского, русский перевод Жития известен в двух основных редакциях, восходящих к двум самостоятельным переводам. Первая русская редакция восходит к первой греческой редакции. Полные списки перевода этой редакции восходят ко времени не ранее начала XVI в. (она вошла также в *Великие Минеи Четии* под 26 марта), но отражение ее в Прологе и особенно в летописной статье 941 г. в *Повести временных лет* позволяет относить перевод ко времени не позднее XII в. Вторая редакция восходит через южнославянское посредство ко второй греческой редакции. На Руси она стала известна, видимо, в XIV в.

Для истории Жития В. Н. на русской почве особое значение имело присутствие в нем пространного рассказа о Феодоре — старице, прислуживавшей святому Василию. Ученик Василия Григорий (от имени которого и написано Житие) спрашивает его о судьбе умершей Феодоры. Святой дает возможность Григорию увидеть старицу во сне: она рассказывает ему о своей смерти, о борьбе за ее душу ангелов и демонов, о прохождении ею мытарств (испытаний в греховности), об увиденном ею рае и адских муках. В другом видении Григорий видит Страшный суд. Именно эта эсхатологическая часть Жития (дающая основание рассматривать и само Житие как апокрифическое) привлекла особое внимание древнерусских книжников: она отразилась в составленном на основе Жития (в XII—XIII в.?) «Слове о силах небесных»; темы расставания души с телом, мытарств, адских мук легли в основу духовных стихов и школьной драмы.

Изд.: Новаковић Б. Ст. Живот св. Василија Новог: Апокрифна легенда о животу с оне стране гроба по више српско-словенских рукописа. — Споменик,

Београд, 1895, т. 29, с. 33—113; Вилинский. С. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Одесса, 1913, ч. 1. Исследование; Одесса, 1911, ч. 2. Тексты.

Лит.: Сахаров В. Эсхатологические сказания и сочинения в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879, с. 166—192; Веселовский А. Н. 1) Раыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1889, с. 117—145 (СОРЯС, т. 16); СПб., 1891, с. 185—243 (СОРЯС, т. 53); 2) Видения Василия Нового о походе русских на Византию в 941 году. — ЖМНП, 1889, январь, с. 80—92; Батюшков Ф. Спор души с телом в памятниках средневековой литературы: Опыт историко-сравнительного исследования. СПб., 1891, с. 77—84; Вилинский С. Г. К литературной истории Жития Василия Нового. Одесса, 1907; Петров Н. Киевская искусственная литература XVII и XVIII вв., преимущественно драматическая. — Труды КДА, 1909, № 9, с. 54—57; Истрин В. М. 1) Новые исследования в области славяно-русской литературы: [Рец. на кн.: Вилинский С. Житие Василия Нового в русской литературе]. — ЖМНП, 1914, июнь, с. 365—369; сентябрь, с. 179—208; 2) Летописные повествования о походах русских князей на Царьград. — ИОРЯС, Пг., 1916, т. 21, кн. 2, с. 215—236; 3) Замечания о начале русского летописания. — ИОРЯС, Пг., 1923, т. 26, с. 70—75; Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники. — ТОДРЛ, М.; Л., 1940, т. 4, с. 69—72; Половой Н. Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии: (Сравнительный анализ русских и византийских источников). — ВВ, М., 1961, т. 18, с. 85—95, 100—104; Творогов О. В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 108—113.

О. В. Творогов

Георгия Победоносца житие. Византийские агиографические легенды о Г. получили широкое распространение в славянских литературах. А. И. Кирпичников выделил три основных редакции Жития-мartyрия Г., но история текста и взаимоотношение этих памятников еще требует изучения. В одной версии Жития рассказывается, как воин-каппадокиец Г. объявляет себя христианином в присутствии императора Диоклетиана. Император пытается переубедить Г., подвергает его изощренным пыткам, но мученик остается невредимым, а императорские военачальники, жена Диоклетиана, маг Афанасий, видя силу божественного заступничества, сами становятся христианами. Тогда император приказывает отрубить Г. голову. Это Житие читается в прологах (см. *Пролог*) под 23 апреля (начиная с XIII в.) и в сборниках. Другой (по А. И. Кирпичникову — апокрифический) вариант легенды сходен сюжетно с описанным выше, но здесь мучителем Г. выступает персидский царь Дадриан. Именно этот апокриф вносится в индексы запрещенных книг («Георгиево мучение от Дадьяна», «Георгиево мучение, како от Дадьяна царя мучен»). Вариант известен по сербскому списку XIV в. (ГИМ, собр. Хлудова, № 162) и списку, изданному Ст. Новаковичем. Особая его редакция представлена в сербском списке XIV в. ГИМ, собр. Хлудова, № 189. Третий вариант близок сюжетно второму, но в нем упоминаются родители Г.: отец (Геронт, Геронтий) и мать (Полифрона, Полихрония). Г. здесь не творит чудес, местом его мучений назван г. Диосполис. В некоторых списках царь-мучитель носит имя Диоклетиана, но при этом говорится, что он «родом от Персиды». Вариант начинается обычно словами: «Незавидий исперва человека злый советник дьявол. . .».

Еще большее распространение в древнерусской книжности имело «Чудо Георгия о змие и о девице». А. В. Рыстенко выделяет пять основных редакций «Чуда». Заголовки их сходны и формулировки широко варьируются. В первой редакции (нач.: «Придете, богоизбранныи людие стада Христова и услышите. . .») или: «Придете, чада, послушайте мене. . .») рассказывается следующее. В г. Лаосии правит царь-язычник Сельвий. Чтобы обратить жителей в христианство, бог насылает на город дракона, которому горожане вынуждены отдавать на съедение своих детей. Доходит очередь и до царской дочери. Воин Г., проезжавший мимо озера, у которого жертва дракона дожидалась своего смертного часа, призывает девушку уверовать в Христа, молитвой укрощает явившегося дракона, и тот покорно следует за царевной в город. Горожане соглашаются креститься, и Г. отрубает змию голову. Вторая редакция чаще

всего начинается словами: «Како изреку страшную сию и преславную тайну? Что возглаголю или что помышлю?». Город здесь именуется Гевал (Нагава, Агава), имя царя не называется. Сообщается, что после крещения горожан Г. дарует построенной в городе церкви свой щит, который висит под ее сводами ничем не поддерживаемый. Вторая редакция представляет сокращение первой. Третья редакция — распространение первой (сюжет излагается подробнее, речи персонажей длиннее и т. д.). Она начинается словами: «Чудо святого и великомученика Георгия скажу вам, о христоробии...». Начало четвертой редакции сходно с началом второй. Пятая редакция известна А. В. Рыстенко по одному списку (ГПБ, Q. XVII. 189); ее составителем он считал Дмитрия Антонова. На первой редакции основана и редакция, входящая в состав *Толковой палеи*. Наиболее близка к греческому оригиналу первая редакция, появление которой на Руси А. В. Рыстенко относит к XI в.; вторую он датирует XI—XII вв., третью — серединой XIV в., четвертую — XVI—XVII вв., пятую — XVIII в. Перечень списков «Чуда» см. в монографии А. В. Рыстенко «Легенда о св. Георгии и драконе...» (с. 5—7).

Известны многочисленные духовные стихи о Г., его мучениях, реже — о битве с драконом; перечень их публикаций см. у Рыстенко (там же, с. 256—257). Предполагают связь легенд о Г. с сюжетами русских былин о богатырях-змееборцах (Добрыне Никитиче, Илье Муромце, Алеше Поповиче). Культ Г., видимо, получил распространение на Руси еще в киевскую эпоху, о чем говорит популярность имени святого среди княжеских имен, а также строительство храмов в его честь. Известен обширный иконографический материал — фрески и иконы, изображающие по преимуществу эпизод сражения Г. со змеем.

Изд.: Тихонравов Н. Памятники. СПб., 1863, т. 2, с. 100—112; Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. М. Хлудова. М., 1872, с. 331—339; Novaković St. 1) Apokrifi jednoga srpskog ćirilovskog zbornika XIV vieka. — Starine, U Zagrebu, 1876, kn. 8, s. 36—39, 74—92; 2) Legenda o sv. Gjurgju u staroj srpsko-slovenskoj i u narodnoj usmenoј literaturi. — Ibid., U Zagrebu, 1880, kn. 12, s. 129—163; Веселовский А. Н. Разыскания в области русских духовных стихов: Св. Георгий в легенде, песне и обряде. — Записки имп. Акад. наук, СПб., 1880, т. 37, Прил.; Jagić V. Ein Textbeitrag zur Georgius-Legende. — Archiv für slavische Philologie, Berlin, 1886, Bd 9, S. 586—592; Попов А. Н. Библиографические материалы: Сборник белорусский Чудова монастыря. — ЧОИДР, 1889, кн. 3, с. 49—55; Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. М., 1892, стб. 705—718; Рыстенко А. В. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русских литературах. Одесса, 1909 (Записки Новороссийского ун-та, т. 112); Франко. Апокрифы. Львов, 1910, т. 5, с. 79—119; Чудо Георгия о змие. — В кн.: ПЛДР: XIII век. М., 1981, с. 520—527.

Лит.: Кирпичников А. И. Св. Георгий и Егорий Храбрый. СПб., 1879; Сумцов Н. Ф. Очерки истории южнорусских апокрифических сказаний и песен. — Киевская старина, 1887, № 11, с. 405—408; Рыстенко А. В. Новогреческая обработка легенды о св. Георгии и драконе. — Записки Новороссийского ун-та, Одесса, 1909, т. 112; Лазарев В. Н. Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. — ВВ, М., 1953, т. 6, с. 186—222; Алпатов М. В. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси. — ТОДРЛ, М.; Л., 1956, т. 12, с. 292—310; Пропп В. Я. Змееборство Георгия в свете фольклора. — В кн.: Фольклор и этнография русского севера. Л., 1973, с. 190—208.

О. В. Творогов

Герасима Вологодского житие. Г. В. считается одним из древнейших святых Вологодского края, хотя никаких ранних сведений о нем до нас не дошло. По-видимому, существовало какое-то раннее Житие Г. В., которое погибло при захвате и разорении Вологды польско-шведскими отрядами в Смутное время, в 1612 г., когда был разгромлен основанный Г. В. Троицкий на Кайсаровом ручье монастырь. Об этом сообщается в Сказании XVII в. о чудесах Г. В. Само это Сказание носит традиционный характер перечисления чудес, якобы совершенных святым. Одни из них — краткие, в несколько строк: записи о выздоровлении больных

при посещении монастыря или гробницы святого либо при чудесном явлении его болящим; другие — более распространенные сюжетные повествования, в которых нашли отражение бытовые стороны жизни той эпохи, исторические события. Все записанные чудеса относятся к первой половине—середине XVII в., т. е. к тому периоду, когда Троицкий монастырь возродился после разгрома 1612 г. Наибольший интерес этого позднего традиционного Сказания о чудесах святого представляет предпосланное рассказу о чудесах небольшое вступление, в котором составитель чудес пишет, что, согласно старым вологодским летописцам, Г. В. пришел в 1147 г. из Киева на реку Вологду и основал здесь монастырь, и хотя в то время города Вологды еще не существовало, какие-то поселения в этом месте уже были. В этой же записи сообщается о существовании более древнего Жития святого и говорится, что он умер в 1178 г. Списки Сказания о чудесах Г. В. очень редки. Один из них находится в ГИМ, в собр. Уварова, № 1247 (107) (134), в сборнике севернорусских житий начала XVIII в., на л. 69—81 об.: «Месяца августа в 19 день, память преподобнаго отца нашего Герасима, Вологодского чудотворца» (25 чудес, с 1649 г.). Второй список указан Н. Коноплевым в сборнике из библиотеки Спасо-Прилуцкого монастыря № 37/36: «Чудеса и деяния и преславная новоявленная творения преподобнаго и приснопамятнаго отца нашего Герасима, иже у пресвятыя Троицы, вверх посаду с поля от Прилука, что у Кайсарова ручья» (время сборника не указано). Памятник не исследован.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 332; Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии. Вологда, 1880, с. 25—43; Барсуков. Источники агиографии, стб. 126—127; Коноплев Н. Святые Вологодского края. М., 1895, с. 12—14.

Л. А. Дмитриев

Дмитрия Прилуцкого житие. Это Житие — наиболее ранний памятник вологодской агиографии. Д. П., происходивший из богатой купеческой семьи в Переяславле Залесском, с юных лет стал монахом Переяславльского Горицкого монастыря. Основал свой монастырь в Переяславле. Был в близких отношениях с Сергием Радонежским, пользовался покровительством великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского. Из Переяславля вместе со своим учеником Пахомием Д. П. ушел в пределы вологодских земель. Сначала пытался основать монастырь на реке Леже в Авнеге, но, изгнанный оттуда местными жителями, ушел в Вологду и основал монастырь под Вологдой в Прилуках (Спасо-Прилуцкий монастырь). Умер Д. П. в 1391 г.

Житие Д. П. дошло до нас в трех редакциях, представленных большим числом списков. Одна из редакций включена в *Великие Минеи Четьи*. Эта редакция состоит из двух текстов. Один из них, первый, — цельное законченное Житие Д. П., в заглавии которого сказано, что это — «творение Макария», игумена Прилуцкого монастыря. Текст этот отвечает всем требованиям агиографического жанра: начинается риторическим предисловием, после рассказа о жизненном пути святого идет раздел чудес, завершается Житие похвалой. За этим текстом идет второй, озаглавленный «Похвала чудесам Дмитрия Прилуцкого». Это также законченный цельный житийный текст, пересказывающий содержание первого текста. Первый текст существует и отдельно; в таком самостоятельном виде он представляет собой, по определению В. О. Ключевского, первоначальную редакцию Жития. Самый ранний из дошедших до нас списков первой редакции датируется 1494 г. — ГПБ, собр. Соловецкое, № 518/537. Третья редакция связана с первой составом и развитием сюжета повествования и текстурально. Текст третьей редакции значительно короче текста первой, менее риторичен, раздел чудес здесь повторяет восемь первых чудес из общего числа 13 чудес первой редакции.

Как уже отметил В. О. Ключевский, автор Жития Д. П. использовал во вступлении к Житию текст вступлений из Жития Стефана Пермского и Жития *Сергия Радонежского*, написанных *Елифанием Премудрым*. Еще одним из литературных источников Жития Д. П., в разделе чудес, послужило Житие Стефана Сурожского. Житие Д. П. близко к Елифаниевскому Житию Стефана Пермского не только текстуальными совпадениями во вступлении, но и общим характером произведения — своей отвлеченностью и обобщенностью.

Однако, несмотря на риторичность и отвлеченность, несмотря на относительную краткость Жития Д. П., в нем нашли отражение важные для истории Руси события конца XIV—первой половины XV в. В основной части Жития сообщается о победе Дмитрия Донского на Куликовом поле. В разделе чудес рассказывается о нападении вятчан на Вологду и об осаде Вологды Дмитрием Шемякой в 1450 г. Последний рассказ дал основание В. О. Ключевскому датировать написание Жития Д. П. второй половиной XV в. Н. Барсуков, не указывая источников, отмечает, что Житие было написано *Макарием* не позже 1440 г. Возможно, раздел чудес составлен позже времени написания самого Жития. О более раннем времени возникновения Жития, чем вторая половина XV в., в какой-то степени свидетельствуют слова автора о том, что о многом он узнал со слов Пахомия, ученика Д. П. К сожалению, хронологическими данными о времени жизни Пахомия мы не располагаем. Об авторе Жития, кроме того что его звали Макарием и что он был игуменом Спасо-Прилуцкого монастыря, нам ничего неизвестно. Неизвестны даже годы его игуменства. Научного издания текстов Жития нет.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 188—189, 270—271; Барсуков. Источники агиографии, стб. 156—160; Коноплев Ник. Святые Вологодского края. М., 1895, с. 34—38; Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, с. 189—194; Будовниц. Монастыри на Руси, с. 137—141.

Л. А. Дмитриев

Евстафия Плакиды житие. Житие Е. П. принадлежит к числу византийских житий-мартириев, в сюжете которых угадываются сюжетные приемы византийского романа приключений: на героя обрушиваются разные несчастья, он насильственно разлучен с женой, теряет детей (и считает их погибшими), а затем благодаря стечению различных обстоятельств вся семья вновь воссоединяется. Собственно агиографические мотивы — чудесное видение, побудившее Е. П. креститься (после крещения он получает имя Евстафия), и мученическая смерть за веру Е. П., его жены и детей — лишь обрамляют повествование (о чертах византийского жития см.: Безобразов П. Византийские сказания: Ч. 1. Рассказы о мучениках. Юрьев, 1917, с. 251—254).

Время перевода Жития Е. П. («Писание жития и муки святого Еустафия и жены его Феопестеа и чаду ею Агапия и Феописта») на Русь точно не установлено, но служба Е. П. входит уже в Служебные минеи XI в. (см.: Ягич И. В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. СПб., 1886, с. 0162). В *Великих Минеях Четых* Житие Е. П. читается под 20 сентября. Житие входит в состав *Великого зерцала*. Сюжет Жития был использован в лубочных картинках.

Изд.: ВМЧ, сентябрь, дни 14—24. СПб., 1869, стб. 1286—1298; Сказание об Евстафии Плакиде. — В кн.: ПЛДР: XII век. М., 1980, с. 226—245, 654—656.

Лит.: Ровинский Д. Русские народные картинки: Кн. III. Притчи и листы духовные. СПб., 1881, с. 600—602 (СОРЯС, т. 25); Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965, с. 50, 62, 158—159; Андрианова-Перетц В. П. Сюжетное повествование в житийных памятниках XI—XIII вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 71—76.

М. А. Салмина

Евфросина житие. Е. — основатель Псковского Елеазаровского монастыря, защитник сугубой аллилуйи. Первое Житие Е. было составлено вскоре после его кончины (1481 г.), не позже 1510 г., так как Псков в тексте Жития назван свободной землей.

Житие Е. не традиционно по своей форме и содержанию. В предисловии к Житию автор ясно говорит о целях своего произведения — открыть тайну сугубой аллилуйи и доказать ее превосходство над трегубой. Полемические цели Жития определили его необычную форму — автор не соблюдает канонов жития, не дает биографии Е., подробно излагая лишь историю его споров об аллилуйе с распоном Иовом. Это не столько житие, сколько повесть о сугубой аллилуйе. В Житии Е. можно выделить следующие части: 1) предисловие, состоящее из рассуждений автора о догматическом смысле сугубой аллилуйи и современных спорах о ней; 2) повесть о спорах между Е. и Иовом; 3) описание двух явлений автору: Е. и его сподвижника Серапиона, понуждающих автора завершить Житие, и Богородицы, раскрывшей ему смысл сугубой аллилуйи; 4) описание двух чудес, происшедших с дяконом Захеем; 5) неоконченный список послания Е. к духовенству Псковского Троицкого собора; 6) историко-биографические рассказы — об игумене Игнатии, его братьях и отце, о Серапионе, о приходе братии в пустынь к Е., о трудах Е., строительстве церкви и др. Историко-биографические рассказы представляют не обработанные в литературном отношении записи, разбросанные во 2-й и 3-й частях Жития; чаще всего они являются отступлением от основной темы.

Житие Е. примечательно как полемическое произведение, свидетельствующее о неухающих спорах в новгородско-псковской земле в конце XV—начале XVI в., и как памятник литературы, дающий интересный материал для наблюдений в области истории жанра жития и изображения человеческого характера. Центральная тема Жития Е. — правильность сугубой аллилуйи — раскрывается автором не только в отвлеченных рассуждениях, но и в живых примерах: «светоносном» житии и «дивной» кончине Е. и неблагочестивой жизни и «злой» смерти гордого умом «до-строчного» философа распопа Иова. Характеристика двух противников более всего интересна в литературном отношении.

Биографических сведений об авторе древней редакции не сохранилось. Исследователи высказывают разные мнения о времени составления Жития, личности автора и целях его произведения. И. Некрасов называет автора учеником и последователем Е.; монахом Елеазаровского монастыря его считают В. О. Ключевский и Макарий. В. Малинин полагает, что после распоряжения архиепископа *Геннадия* «житие списати» игумен Елеазаровского монастыря Памфил специально для этой цели пригласил в монастырь писателя, который был послушным исполнителем воли игумена и братии; работа была окончена до 1504 г., когда архиепископ Геннадий оставил новгородскую кафедру. Е. Е. Голубинский считает Житие Е. фальсификацией: его автор воспользовался посланиями неизвестного псковича к монаху Афанасию и другими документами о споре Афанасия с псковичами по поводу сугубой аллилуйи и приписал его взгляды и историю Е., чтобы авторитетом имени этого подвижника доказать правильность сугубой аллилуйи. Н. И. Серебрянский соглашается с исследователями, которые считают, что автор не был монахом Елеазаровского монастыря, ибо он плохо знаком с историей пустыни, не знает ближайших сподвижников Е. После явления ему Е. и Серапиона автор идет к игумену Памфилу и расспрашивает его о том, кто такой Серапион, действительно ли он одним из первых пришел в обитель к Е. Только после этого явления автор внимательно рассмотрел иконописное изображение Е., чтобы убедиться в сходстве. В Житии нет указания, что оно было составлено по чьей-то официальной инициативе. В нем много неясных рассуждений, собственных толкований, расходящихся со взглядами Е., нет ни

одной даты и стройно изложенной биографии святого. Этого не должен был допустить игумен Памфил, заинтересованный в составлении подробного жития и правильном изложении взглядов Е. и самой сути споров о сугубой аллилуйе. Житие носило неофициальный характер, считает Н. И. Серебрянский, этот памятник сохранил следы личных взглядов автора и его интереса к вопросу об аллилуйе, который и привел его в Елеазаровский монастырь. Здесь автором были начерно записаны рассказы Памфила и других монахов. Завершено Житие уже вне стен обители, возможно, где-нибудь в новгородском монастыре. Из письменных источников автор предполагал перепиской Е. с архиепископом *Евфимием* и посланием Е. к духовенству Троицкого собора.

Автор древней редакции не создал канонического Жития Е., эту задачу выполнил в 1547 г. псковский агиограф *Василий*. Он хронологически выстроил биографические сведения о Е., разбросанные в тексте древней редакции, по словам Василия, «ово зде, ово инде», и дополнил их общими местами житийной литературы. Текст древней редакции Жития в рукописных сборниках встречается редко: ГБЛ, собр. Ундольского, № 306, XVI в. (по этому списку текст опубликован); ГИМ, собр. Хлудова, № 207.

Изд.: Серебрянский Н. И. Житие преподобного Евфросина Псковского (Первоначальная редакция). СПб., 1909 (ПДПИ, т. 173).

Лит.: Некрасов И. Зарождение национальной литературы в северной Руси. Одесса, 1870, с. 39—41; Ключевский В. О. 1) Древнерусские жития, с. 252—257; 2) «Псковские споры». — В кн.: Ключевский В. О. Соч. М., 1959, т. 7, с. 76—101; Макарий. История русской церкви. СПб., 1891, т. 7, с. 427—429; СПб., 1898, т. 8, с. 129—142; Нильский И. К истории споров об аллилуйе. — ХЧ, 1884, май—июнь, с. 690—729; Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: Историко-литературное исследование. Киев, 1901, с. 1—32; Голубинский Е. Е. К нашей полемике со старообрядцами. — ЧОИДР, 1905, кн. 214, с. 196—218; Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в псковской земле. М., 1908, с. 78—146; Лихачев Д. С. Литература Пскова второй половины XV—первой половины XVI в. — В кн.: ИРЛ I. М.; Л., 1946, т. 2, ч. 1, с. 406—409 (гл. VII).

В. И. Охотникова

Игнатия Ростовского житие. В летописях сохранилось довольно много биографических сведений о епископе И. Р., который занимал епископскую кафедру в Ростове с 1262 г. до своей смерти в 1288 г. Житие епископа И. Р., принадлежащее неизвестному автору, лишено биографических подробностей. Оно написано с соблюдением агиографического канона: начинается кратким предисловием, деятельность И. Р. характеризуется обобщенно, без упоминания каких-либо конкретных фактов. Однако дата и даже время смерти отмечены в Житии со всеми подробностями. Наиболее распространенной частью Жития оказалось описание чудес святого, случившихся при погребении. Именно эта часть Жития содержит фактические подробности, например названы имена лиц, участвовавших в погребении, а об одном из них даже сообщены биографические данные. В. О. Ключевский высказал предположение, что источником для Жития послужила записка, составленная очевидцем события.

В. О. Ключевский полагал, что Житие И. Р. и *Повесть о Петре, царевиче ордынском* были написаны одним автором «не позже половины XIV в.». Основанием для этих выводов послужило ошибочное истолкование смысла предложения «О сих же чудесех святителя инде скажем», добавленного в тексте Повести о Петре, царевиче ордынском по спискам *Великих Миней Четьих*. Это предложение помещено в Повести после сообщения о смерти И. Р., и В. О. Ключевский воспринял его как замечание самого автора. На самом деле оно было включено в текст составителями ВМЧ, как отсылка к Житию И. Р., которое тоже было переписано в составе ВМЧ (ГПБ, собр. Софийское, № 1321, л. 539а—539в, под 28 мая). Филарет считал, что Житие И. Р. было написано при митрополите *Максиме* (1283—1305), т. е. вскоре после смерти епископа. Н. П. Бар-

суков отметил, что местное почитание святого началось сразу после его смерти. По мнению Макария, уже в XIV—XV вв. почитание И. Р. стало общерусским и имя его было включено в церковные книги. Утверждение об общерусском почитании И. Р. основано на существовании пергаменного церковного устава, в который включен месяцеслов с упоминанием русских святых — Феодосия Печерского, Бориса и Глеба, Владимира I Святославича, Игнатия (ГИМ, собр. Синодальное, № 328, л. 152, 162, 170 об., 172 об.). В. Васильев создание Жития И. Р. относит к концу XIV—началу XV в. Е. Е. Голубинский не говорит определенно о датировке, отмечая, однако, что Житие И. Р. было написано «более или менее много спустя времени после кончины епископа». Свое мнение исследователь обосновывает тем, что повествование об И. Р. почти лишено фактических данных. Таким образом, вопрос датировки этого древнейшего памятника ростовской письменности остается открытым.

Столь же неясной и неизученной остается история текста Жития, дошедшего в достаточно большом количестве списков. Утверждение В. О. Ключевского, что Житие И. Р. представлено единственной редакцией, требует уточнений. В двух древнейших его списках имеются общие чтения, не повторяющиеся во всех остальных списках. Наиболее ранний из них относится к концу XIV—началу XV в. (ГБЛ, собр. Троице-Сергиева монастыря, № 745, л. 208 об.—210 об.; см.: Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1879, ч. 3, с. 138). Второй список написан в 1458 или 1459 г. (ГИМ, собр. Синодальное, № 637, л. 116—119 об.; см.: Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания, не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева. М., 1973, ч. 2, с. 59). Одним из наиболее древнейших списков другого вида (может быть, редакции) Жития И. Р. является список в сборнике ГБЛ, собр. Егорова, № 637, относящийся к 60—80-м гг. XV в. Кроме того, надо иметь в виду, что это Житие включено в Пролог под 28 мая.

Изд.: Пролог. СПб., Синод. тип., 1896, с. 196.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 38—39, 42—43; Барсуков. Источники агиографии, стб. 207—211; Филарет. Обзор, с. 66; Макарий. История русской церкви, т. 2, с. 75—78; т. 8, с. 34—35; Васильев В. История канонизации святых русской церкви. М., 1893, с. 103—105; Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, с. 80—81.

Р. П. Дмитриева, Г. В. Семенченко

Иоанна Предтечи (Крестителя) житие. И. П., согласно евангельскому рассказу (см. Матфей, I; Лука, III, и др.), предуготовлял иудейский народ к крещению, крестил многих, в том числе самого Иисуса Христа, почитив его и провозгласив сыном божьим. За обличение связи тетрарха Иудеи Ирода Антипы с женой его брата Иродиадой Иоанн был заточен. Дочь Иродиады угодила Ироду своей пляской и попросила в награду голову пророка; Иоанн был обезглавлен.

С церковным празднованием зачатия, рождения, усекновения главы и троекратного обречения главы И. П. связан ряд широко распространенных на Руси памятников:

а) слова на зачатие И. П. (см. *Великие Минеи Четии* под 23 сентября): Слово на зачатие И. П. (нач.: «Понеже убо преблагий бог и человеколюбец...»); Слово похвально на зачатие И. П. (нач.: «Любовници, доброгоден день, строин праздник, соборная радость...»);

б) слова и поучения на рождество И. П. (см. ВМЧ под 24 июня): Поучение на рождество И. П. (нач.: «Подобно есть, братие, со испытанием всяку правду творяще...»); Поучение на рождество И. П. (нач.: «В праздники святых и соборех божественных...»); Слово на рождество И. П. *Григория Цамблака* (нач.: «Креститель нам днесь раждается...»); Слово на рождество И. П. Григория папы римского (нач.: «В оно время

слышав Иоанн во узилищи дела Христова...); Похвальное слово на рождество И. П. (нач.: «Присно текыи источник божества...»); Слово Афанасия Александрийского на рождество И. П. (нач.: «Ниву убо изсохшую и зверем в поправление быти оставленную...»); Слово похвальное святому славному пророку И. П. (нач.: «Начало мирскыя радости, яже и Захарии...»); Слово Иоанна Златоуста на рождество И. П. (нач.: «Солнцу сему хотяшу видимому изити...»); Слово похвально на рождество И. П. (нач.: «Славию некоему велегласну подобяся...»); Слово Иоанна Златоуста на рождество И. П. (нач.: «Благовременен день праздника...»);

в) слова на усекновение главы И. П. (см. ВМЧ под 29 августа): Слово Григория Цамблака на усекновение главы И. П. (нач.: «Паки Иудея жадает пророческыя крове...»); Слово Иоанна Златоуста на усекновение главы И. П. (нач.: «Паки Иродия бесится, паки метется, паки пляшет...»); Слово Иоанна Златоуста на усекновение главы И. П. (нач.: «Якоже се муж етер любяи пустыню...»); Поучение на усекновение И. П. (нач.: «Лют убо, братие, воистину блудный грех...»); «Житие и усекновение честнаго пророка ... списано от ученика его Иоанна, сиречь Марка» (нач.: «Исполнившимся летом пять тысяч и пятии стом...»); Слово на усекновение И. П. (нач.: «Родившуся Иисусу в Вифлиоме...»);

г) слова на обретение главы Иоанна Предтечи (см. ВМЧ под 24 февраля и 25 мая): Память (?) (нач.: «Явися требогатый вселенский апостол...»); Сказание, како обретена бысть честная и всехвалная глава И. П. (нач.: «Инока два от востока устремишася...»); Слово на обретение главы И. П. (нач.: «Праведный аще постигнет скончатися...»); Слово похвальное Федора Студийского на обретение главы И. П. (нач.: «Третье явление предтечевы памяти...»); Похвала обретению главы (нач.: «Бысть во дни Ирода царя глас...»).

Памяти и слова на зачатие, рождество, усекновение главы и обретение главы и руки И. П. читаются в *Прологе* под 23 сентября, 24 июня, 29 августа, 24 февраля, 25 мая и 7 января.

Помимо указанных выше памятников назовем также «Слово Евсевия (в разных рукописях оно приписывается то Евсевию Александрийскому, то Евсевию Самосатскому) о сошествии Иоанна Предтечи в ад» (нач.: «Возлюбленные, добро есть нам нарещи, каково благовещение Иоанна Предтечи во аде»), читающиеся в ВМЧ под 5 сентября «Слово похвальное Климента Охридского на память пророка Захарии и о рождестве Иоанна Крестителя» (нач.: «Свет восия праведнику и правым сердцем веселие...») и «Слово о рождестве Иоанна Предтечи и о умертвии отца его Захарии» (нач.: «В лето четверодесятное Ироду царствующу, взискание сотвори...»), «Похвальное слово Иоанну Крестителю Климента Охридского» (нач.: «Приде Иус от Галилея на Иордан къ Иоану крестити ся от него...»), а также Похвалу обретению главе И. П. («Бысть в дни Ирода царя гласъ к Иоанну...») и Поучение (Похвалу) в неделю по рождестве И. П. (нач.: «Братье, присно жадаая спасения господь бог наш...»); два последних памятника, как и некоторые из вышеназванных, уверенно или предположительно атрибутируются Клименту Охридскому.

Небольшая статья (источник ее пока не установлен) «Сии Антипа Ирод поя Иродьяду ... главу Предтечеву усекнути» входит в состав *Хронографа по великому изложению* и через его посредство в *летописецу Еллинский и Римский* второй редакции и в *Палее хронографическую* (см.: Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 246, 291).

Три фрагмента из памятника «Житие и усекновение... Крестителя Иоанна» вошли в состав 111-й главы *Русского хронографа* редакции 1512 г., где образуют статьи: «О крещении господни и о Иоанне Предтечи от жития его», «Сие от жития Предтечева» и «От жития Предте-

чева». Читающиеся в той же главе статьи «От списания Иосипа Евреина» и «Разрешает сон господень Предотеца Иоанн Ироду Филиппу», также повествующие об И. П., не имеют отношения к рассматриваемому циклу, а являются выдержками из славянского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (ср.: Мещерский и Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958, с. 250—251 и 257).

Из старших славянских сборников, содержащих слова и поучения об И. П., упомянем так называемый Златоуст Ягича (ГПБ, Q. п. I. 56), где на л. 66—72 читаются «Слово святого Иоанна Златоустаго. Похвала Иоанну Крестителю» (нач.: «Прииде Иисус от Галилеи на Иордан...»), «Слово святого Иоанна Златоустаго на усекновение Иоанна Крестителя» (нач.: «Паки Иродья бесится, паки метется, паки мутится...»), «Слово святого Иоанна Златоуста на усекновение главы Иоанна Крестителя» (нач.: «Яко се муж един любия пустыню на месте лесне...»), «Слово святого Иоанна Златоустаго на обретение главы Иоанна Предтечи» (нач.: «Бысть в дни Ирода царе усекновение святого Иоана...»), «Слово святого Иоана Златоустаго на рождество святого Иоана Крестителя» (нач.: «Елисавети же рече уангелист...»), а на л. 245—249 об. — «Слово святого Иоанна Златоустаго на рождество крестителя Иоана» (нач.: «Понеже убо преблагы богъ и человеколюбець не презре рода человеческаго»). «Слово Евсевия Александрийского о сошествии Иоанна Предтечи в ад» читается в сборнике XII—XIII вв. ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 12 и в сборнике № 11 того же собрания, относящегося к XIV в., а также в Успенском сборнике (XII—XIII в.) — ГИМ, Синодальное собр., № 1063/4. Слово Климента Охридского на рождество И. П. входит в состав Торжественника XII в. (ГПБ, F. п. I, № 46).

На русской почве слагались чудеса от церкви И. П. Они изданы в «Памятниках старинной русской литературы, издаваемых графом Г. Кушелевым-Безбородко» (СПб., 1860, вып. 1, с. 251—252) и А. И. Никольским (Сказания о двух новгородских чудесах из Жития святого Иоанна Предтечи и крестителя господня. — ИОРЯС, СПб., 1907, т. 12, кн. 3, с. 98—116).

Изд.: Порфирьев. Апокрифы новозаветные, с. 41—43, 204—214; Антоний. Памятники древнеболгарской проповеднической письменности. — ПС, 1881, декабрь, с. 350—358; Ундольский В. М. Климент, епископ словенский. М., 1895, с. 23—33; ВМЧ, сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868, стб. 271—281; сентябрь, дни 14—24. СПб., 1869, стб. 1356—1370; Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971, с. 358—368; Климент Охридски. Събрани съчинения. София, 1970, т. 1, с. 158—185, 378—396; София, 1977, т. 2, с. 35—51, 259—268, 370—415, 807—813.

Лит.: Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. VII. — ЧОИДР, 1880, кн. 3, с. 311—316; Петухов Е. В. Болгарские литературные деятели древнейшей поры на русской почве. — ЖМНП, 1893, апрель, с. 296—322.

О. В. Творогов

Ионы житие. Памятник агиографии, рассказывающий о первом русском митрополите, поставленном без санкции Константинополя, сложился довольно поздно. При жизни этот иерарх далеко не всегда и не везде пользовался почетом. Двусмысленная роль И. в борьбе между Дмитрием Шемякой и Василием II, сомнительность его прав на митрополичий престол — все это объясняет скудость известий о нем. Только в *летописном своде Московском великокняжеском 1479 г.* в рассказе о перенесении останков митрополитов при строительстве Успенского собора появилось упоминание о том, что умерший в 1461 г. И. был найден сохранившимся «в теле» — это уже предвещало будущую канонизацию.

Наиболее ранняя редакция Жития И., содержащаяся в *Великих Минеях Четких* (31 марта) и названная «Словом похвальным» святому, составлена в 1547 г. по поручению *Ивана IV* и митрополита *Макария*. Она риторична, открывается обращением к слушателям («Приидите, воз-

любленнии добрии послушники...») и содержит весьма мало фактических сведений об И. Начинается она с упоминания о пророчестве митрополита Фотия, увидевшего И., заснувшего в поварне Симонова монастыря, где он был монахом и трудился: Фотий предрек, что молодой инок станет великим святителем. Далее рассказывается о возведении И. на рязанскую епископию, а потом о смерти Фотия и о поездке И. за благословением в Царьград, где был, однако, уже поставлен «некий Исидор» «от Рима»; И. была обещана митрополия в случае смерти *Исидора*, «или паче что онем случится»; далее упоминается об отступничестве Исидора и о соборе, осудившем этого митрополита и поставившем на его место И. Затем агиограф непосредственно переходит к чудесам святого («О дочери великого князи, о отроковице, именем Анна»; «О скорой татарщине» и т. д.). Среди этих рассказов о чудесах особо заслуживает внимания рассказ «О преподобном Пафнотии чудотворце иже в Боровске». Речь здесь идет об одном из самых деликатных моментов биографии И.: как рассказывал *Иосиф Волоцкий*, его учитель игумен Пафнутий Боровский, несмотря на свои тесные связи с великокняжеским домом, не велел «звати митрополитом» И. В «Слове похвальном» суть конфликта затемнена: «неции клеветници» сказали И., что Пафнутий творит «в монастыри своем» нечто «съпротивно завещанию» И.; явившись к митрополиту, Пафнутий отвечал ему «не гладостно и не попадателне»; митрополит же бий его железом своим и после его в темницу; пробыв там в «южах железных» «время доволно», Пафнутий «съвръшено покаание с смирением положи» и «Иона покаание это приат». После рассказа о первых восьми чудесах следует краткое описание смерти и последующего перенесения мощей И., а затем рассказы о четырех чудесах, произошедших после его смерти («О Иване иж бысть нем...» и т. д.).

Следующей по времени редакцией Жития И. можно считать редакцию Степенной книги (1560—1563 гг.) — «Сказание отчасти жития, иже во святых... Ионы митрополита». Здесь сокращены риторические формулы минейной редакции и расширены биографические сведения. В начале содержатся сведения о происхождении И. «от мест града Галича близ предел Казанские земли», о его отце, о пострижении будущего митрополита в 12 лет в монастыре «Галичской земли»; далее упоминается, со ссылкой на «духовное завещание» (пространную редакцию Устава) *Иосифа Волоцкого*, о борьбе юного И. за «благочиние» в Симоновом монастыре. О назначении И. рязанским епископом сказано, что оно совершилось «по пророчеству преже его бывшего великаго святителя Фотия»; создается впечатление, что И. стал епископом уже после смерти Фотия в 1430 г. Поездка И. в Царьград не связывается столь непосредственно со смертью Фотия, как в минейной редакции; поездка эта отнесена к «шестому лету» после его смерти, т. е., очевидно, к 1436/37 г. Разделил редактор Степенной книги и два других события, соединенных в Минеях, — отречение Исидора и поставление И. Суждение Исидора и бегство его из Москвы описаны подробно; далее указывается только, что «тогда хотяще поставлен быти в митрополиты всей Рустей земли... Иона», но этому помешал «враг человеческому роду вселукавый дьявол». После этого редактор переходит к наиболее трудному для агиографа сюжету — к выступлению Шемяки против Василия II и роли И. в этих событиях. Вопреки ранней летописной традиции составитель Степенной книги прямо связывает Шемяку с ханом: «братоненавистный же князь Дмитрий Шемяка Юрьевич... посылает поганым много дарования о убении великаго князя». Упомянув захват власти Шемякой и роль И. в отправлении детей великого князя к отцу в ссылку (что объясняется «лукавством» и «лестью» Шемяки), редактор деликатно поясняет, что Дмитрий повелел И. «жити на митрополиче дворе, понеже преже наречен бысть и благословен на рускую митрополию». Но далее И. приписывается роль обличителя Шемяки: «Почьто неправду деши и клятву престуша-

еши и тем богу досаждаеши? Господина великого князя и чада его оскорбляеши. . .». В соответствии с этим и примирение Дмитрия Шемяки со сыльным Василием Темным (отправление его в Вологду) изображается как полная капитуляция: «И Шемяка срама и страха исполнися. . . и умирися с великим князем, каеся и прощения прося, и себе повинна творяше». При таком изложении поставление «сего дивного» И. описывается как бесспорное и естественное завершение победы над внутренней смутой и зарубежным «латынством». После рассказа о поставлении И. на митрополию в Степенной книге, как и в минейной редакции, следуют рассказы о чудесах, но с характерными изменениями: рассказ о столкновении между И. и Пафнутием опущен и вставлен рассказ о пророчестве двух святителей — митрополита Ионы и архиепископа Ионы Новгородского, предрекших «великой Орде разорение и Росийскому царству распространение», заимствованный из жития новгородского владыки. Заканчивается «Сказание» в Степенной книге «Похвалой святому Ионе».

Третья редакция Жития И. — «Повесть имат сказание собрано от части жития и чудотворения. . .» — наиболее пространна. За вступлением, заимствованным из «Слова похвального» («Прииде, возлюблени. . .»), следуют здесь две статьи «О новых чудотворцах» («О первых новых чудотворцах») и «О последних новых чудотворцах») с перечнем русских святых — от Ольги, Владимира, Бориса и Глеба до И. и «прославленных» вместе с ним чудотворцев, канонизованных в 1547 г. (включая Пафнутия Боровского). В изложении биографии И. автор следует в основном Степенной книге, но вставляет обширные рассказы о «Сидоре безумном» (митрополите Исидоре), Флорентийском соборе, о Шемяке, о посланиях митрополита И. в Литву, перенесении его мощей и т. д.

Таким образом, все дошедшие до нас редакции Жития И. являются памятниками агиографической литературы, написанными не ранее середины XVI в. В XVII в. Похвальное слово И. по поручению патриарха Иова написал князь Семен Шаховской.

Единственная опубликованная редакция Жития И., «Сказание отчасти жития», содержится в составе Степенной книги. Минейная редакция («Слово похвальное») содержится в неопубликованном томе Успенских ВМЧ за март (ср.: Иосиф, архимандрит. Подробное оглавление Великих Четвех Миней всероссийского митрополита Макария. . . М., 1892, стб. 59—62; рукопись ГИМ, Синодальное собр., № 992, л. 951—955 об.; в Софийских и Царских списках ВМЧ мартовский том не сохранился). Та же минейная редакция — в минейном сборнике за январь—апрель (ГПБ, Софийское собр., № 1356, л. 455—462). Третья редакция, «Повесть имат сказание отчасти жития. . .», — в минейном сборнике за март (ГПБ, Соловецкое собр., № 510/529, л. 275 об.—319 об.); по-видимому, тот же текст содержится в рукописи XVI—XVII вв., принадлежавшей В. О. Ключевскому. Кроме трех названных сохранились еще особые виды и версии Жития И., не исследованные в научной литературе (ср., например: ГПБ, Соловецкое собр., № 511—530, л. 203; ГПБ, I. 603, и др.).

Изд.: Степенная книга. — ПСРЛ, СПб., 1913, т. 21, ч. 2, с. 505—526.

Лит.: Карпов Г. Очерки из истории Росийской иерархии: Церковная смута. Св. Иона, последний митрополит киевский и всея Руси. — ЧОИДР, 1864, кн. 4, с. 143—144; Ключевский В. Древнерусские жития, с. 240—242, 319; Барсуков В. Источники агиографии, стб. 266—272.

Я. С. Лурье

Иосифа Волоцкого житие. Сохранилось три биографических рассказа, посвященных известному церковному деятелю конца XV—начала XVI в., игумену Волоколамского монастыря *Иосифу Волоцкому*: Житие И. В., написанное епископом крутицким *Саввой Черным* в 1546 г. и включенное в *Великие Минеи Четвех*, Надгробное слово И. В., составленное его

племянником *Досифеем Топорковым* «по мнозе времени» после смерти его дяди и учителя (Иосиф умер в 1515 г.), наконец, Житие И. В., автором которого в нескольких списках назван некий «Филогон». Автором последнего Жития И. В., нередко обозначаемого в литературе как «Житие, составленное неизвестным», был, по-видимому, южнославянский (сербский) публицист *Лев-Аникита-Филолог* (в русских рукописях прозвище его передавалось как «Филогон»), другие сочинения которого помещены в одном списке (Овчинниковском) с Житием И. В.; между Житием И. В. и другими сочинениями Филолога наблюдаются текстуральные совпадения. Возможно, что Житие И. В., как и другие сочинения Филолога, писавшего на недостаточно понятном для русского читателя языке, было переведено или переделано известным публицистом XVI в. *Зиновием Отенским*.

Между Житием И. В., составленным Саввой (дошло в двух редакциях), Надгробным словом и Житием, составленным Львом Филологом, обнаруживается сходство в изложении; возможно, что сербский агиограф пользовался житием, составленным Саввой, а может быть, и Надгробным словом. Во всех этих памятниках замалчиваются и искажаются факты биографии И. В., известные из его собственных сочинений и других современных источников. Так, сам И. В. сообщал, что его пребывание в Боровском монастыре, где он стал после смерти *Пафнутия* игуменом, окончилось уходом из-за столкновения с *Иваном III*. Совершенно иначе описаны эти события в обоих Житиях И. В. и Надгробном слове: здесь говорится, что И. В. стал игуменом по завещанию Пафнутия и решению «самодержца всея Руси великого князя Ивана Васильевича»; отношения И. В. с Иваном III изображены как вполне дружественные и единственной причиной его ухода из Пафнутиева монастыря объявляется несогласие с братией монастыря из-за строгих правил общежития. Но Записка *Иннокентия* о последних днях Пафнутия ничего не упоминает о назначении им И. В. преемником. Отношения же И. В. с князем великим были в конце 70-х годов, когда умер Пафнутий, весьма напряженными: из великокняжеского Боровска он перешел к брату Ивана III Борису Волоцкому, выступившему как раз в это время (1479 г.) против великого князя; враждебную позицию по отношению к великому князю, кровителевавшему еретикам, И. В. занимал вплоть до 1503—1504 гг. (когда Иван III порвал с еретиками).

Совершенно искаженно изображена во всех трех памятниках история церковных соборов конца XV—начала XVI в. Собор 1491 г., осудивший лишь новгородских еретиков и никак не удовлетворивший «обличителей» ереси, слит в обоих Житиях И. В. с собором 1504 г., покончившим с ересью, в некий единый собор на еретиков, происходивший при участии Ивана III, *Василия III* и И. В. (в действительности Василий III и И. В. могли участвовать только в соборе 1504 г.). В Надгробном слове Досифей сперва рассказывает о «книге», написанной И. В. против «богоборного веления» еретиков (т. е. о «Просветителе», составленном, по-видимому, лишь в начале XVI в.), затем о расправе над еретиками, устроенной новгородским архиепископом *Геннадием* (без упоминания о предшествующем соборе 1490 г.), а затем об осуждении еретиков на соборе, возглавляемом «благочестивым великим князем Иваном Васильевичем всеа Русии и сыном его князем великим Василием Ивановичем всеа Русии» (т. е. о соборе 1504 г.). В Житии И. В., составленном Львом Филологом, собор на еретиков предшествует «стечению» епископов, обсуждавших вопросы о «второбрачии» священников и монастырском владении «селами»; между тем, по более достоверным данным, собор о вдовых полах происходил в 1503 г., до второго собора на еретиков. Приписывая постановку вопроса о допустимости монастырского владения «селами и нивами» великому князю, Филолог упоминает, что о «стяжании сел монастырем» «поболеша» и некие «отцы, иже безмолвное и уединенное жи-

тие проходящие и любящие», но И. В. (виднейшему защитнику монастырского землевладения) он приписывает сдержанную и как бы нейтральную позицию в этом споре: «И в сих же съвопрошаниях Иосиф разумне и добре различия, лучшая к лучшим смотря, обоюду ползущая».

Наконец, в явно идеализированном виде изображают оба Жития И. В. судьбу Волоколамского монастыря после смерти И. В. — они утверждают, что И. В. перед смертью назначил своим преемником *Даниила*. Но ни в своем предсмертном послании Василию III, ни в Духовной грамоте И. В., перечисляя возможных преемников, даже не упоминает среди них Даниила — очевидно, этот ближайший сподвижник великого князя и будущий митрополит стал игуменом помимо воли своего предшественника.

Оба Жития И. В., как и Надгробное слово, вполне соответствуют агиографическому канону, утвердившемуся в конце XV—начале XVI в. Им свойственны традиционные этикетные ситуации житийной литературы: расставание житийного героя с родными и их «плач», уход святого из своего монастыря и «скорбь» по нему, его странствование под видом «невегласа», склонность к ручному труду даже после достижения им высокого сана (в Надгробном слове рассказывалось, что рядовой инок, вручную молотивший жито вместе с И. В., признавал: «не премолоти ми... сего игумена»), милостивое освобождение святым пойманных в монастыре воров и т. д.

Изд.: Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому ученика и сродника его инока Досифея Топоркова. М., 1865; Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою, епископом Крутицким. М., 1865; Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным. М., 1865 (все три публикации, подготовленные К. Невоструевым, — оттиски из ЧОИДП за 1865 г.); Житие Иосифа, составленное Саввой. — ВМЧ, сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868, стб. 453—492; Житие Иосифа, составленное неизвестным. — ЧОИДР, 1903, кн. 3, отд. 2, с. 22—43; Библиографическая летопись, СПб., 1914, вып. 50, с. 60—71 (публ. Н. Попова).

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 292—295; Кадлубовский А. П. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых, 1—5. Варшава, 1902; Иванов С. Кто был автором анонимного жития преподобного Иосифа Волоцкого? — БВ, 1915, т. 3, сентябрь, с. 173—190; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960, с. 235—236, 410—414, 437—439; Будовниц. Монастыри на Руси, с. 229—258.

Я. С. Лурье

Ипатия Гангрского мучение. В апокрифе рассказывается, как во времена византийского (!) царя Феклиана (Феклитяна) распространилось «иудейское идолослужение». Архиепископ г. Гангра И. Г. проповедует христианство, за что местный властитель (игемон) приказывает схватить его, намереваясь предать казни. Христос в видении обещает И. Г. помощь. Во время прения И. Г. с игемоном к язычникам с прославлением Христа обращается конь, которому дан дар вещать по-человечески. Тем не менее И. Г. и коня предают мучительной казни, однако оба по воле Христа воскресают. Далее в апокрифе рассказывается о чудесах, творимых И. Г. (он убивает, например, гигантского дракона, проникшего во дворец царя), и о новых казнях, которым подвергают его преемник Феклиана царь Лукиан, игемон, царь халдейский и т. д. Всего И. Г. погибает и воскресает семь раз — именно это, как видно по формулировкам в индексах отреченных книг, и послужило причиной запрещения данного памятника (см., например, в индексах: «Еупатиево мучение: что седмижды умирал», «Епатево мучение: что седмию умирал и седмию ожил» (Яцимирский А. И. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности. Пг, 1924, вып. 1, с. 52—53)).

Апокриф издан по сербской рукописи XV в., принадлежащей В. Н. Григоровичу (без указания шифра) (нач.: «В време оно царствующу Феклиану и Византии...»). Кроме того, один из сюжетов апокрифа — борьба И. Г. со змеем — разработан в Притче «о змию, отънекуде прильзевшу

к царьскимъ клетемь...», сохранившейся в рукописи XIII—XIV вв. в Рылъском монастыре в Болгарии (нач.: «Въ тѣжде день память сего священомученика Ипатиа, епископа Гангръскаго...»).

Изд.: Ипатиево мучение. — В кн.: Тихоново. Памятники, т. 2, с. 121—145; Kačanovskij V. Apokrifne molitve, gatanja i priče. — In: Starine, U Zagrebu, 1881, kn. 13, s. 161—163 (притча «О змию»).

М. А. Салмина

Кассиана житие. Это единственный источник, сообщающий о Константине, морейском князе, греке, ставшем на Руси крупным церковно-политическим деятелем. В 1472 г. он приехал в Москву в свите царевны Зои (Софьи) Палеолог, дочери морейского деспота Фомы. Титул князя Константина — Мавнукский, Мавнусийский, Манкупский — дал повод исследователям говорить о его крымском происхождении, ибо в Морее княжества Манкуп нет. Е. Голубинский на этом основании считал, что Константин не мог появиться в Москве ранее 1475 г., так как только в этом году Манкуп Крымский был взят турками. Однако Житие повествует об участии Константина в посольском поезде царевны. Греки, сопровождавшие ее, скорее всего ехали из Рима, ибо Константинополь в 1453 г., а Морее в 1460 г. уже были захвачены турками (см.: Барбаро и Контарини о России / Вступит. статья, подгот. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971, с. 73, 244, примеч. 107). Константин остался в Москве, вероятно не желая возвращаться в Рим. О горькой судьбе и скитаниях эмигрантов говорилось уже в *летописи Софийской II*.

О жизни Константина в последующие десять лет ничего неизвестно. Не ранее 1481 г. он поступает на службу к Иоасафу (бывшему князю Стригину-Оболенскому), ставшему в этом году архиепископом ростовским. В 1489 г. вместе с Иоасафом, попавшим в опалу, Константин оказывается в Ферапонтовом монастыре, где живет под надзором некоего инока Филарета и вскоре постригается, по-видимому насильно, под именем Кассиана. Незадолго перед тем, в 1486 г., Белозерская земля из владения удельного князя перешла к *Ивану III*. Возможно, это обстоятельство послужило причиной ухода К. из Ферапонтова монастыря и переселения его к одному из последних удельных князей — Андрею Васильевичу Большому Угличскому, брату Ивана III, на земле которого, в 15 верстах от Углича на реке Учме, он основывает сначала пустынь, а затем иждивением князя Кассианово-Учемский монастырь, в котором живет в чине строителя до своей смерти. Выбор именно Угличского княжества скорее всего был не случайным — брат Иоасафа Василий Оболенский служил боярином у князя Андрея и, возможно, Иоасаф специально отправлял К. в Углич, надеясь с его помощью продолжить борьбу с Иваном III. К. повторил путь, проделанный до него *Иосифом Волоцким*, который покинул в 1479 г. Пафнутьев-Боровский монастырь, находившийся в ведении великого князя, и перешел на службу к его брату — удельному князю Борису Волоцкому, на земле которого основал Иосифо-Волоколамский монастырь. Оба удельных князя в своей борьбе с Иваном III стремились опереться на поддержку и авторитет крупных иерархов, каковыми становились с их помощью игумены и строители местных монастырей. В 90-х гг. Иван III избавляется от братьев. Андрей Большой схвачен им и уморен в тюрьме после двух лет заточения, а Углич переходит в руки сына Ивана, тогда еще ребенка Дмитрия (ПСРЛ, т. 7, с. 238); через шесть месяцев после гибели Андрея, в мае 1494 г., умер Борис Волоцкий.

По свидетельству одной из редакций Жития, К. умирает в 1509 г., 2 или 4 октября (у некоторых исследователей — Филарета, Леонида — указан 1504 г.). Память К. отмечается 21 мая. Житие К. написано гораздо позднее его жизни и смерти. Ссылки автора на «самовидцев» и учеников К., которых он застал в Учемском монастыре, и на некоего отца Силуяна из Ферапонтова монастыря скорее всего так же традиционны,

как и сведения его о себе в послесловии — «аз бо есмь невеиглас и посе-лянин, аще во учимых пребываю», — и не могут служить основанием для установления времени написания Жития. Если связать его с канонизацией К., то она состоялась, по-видимому, не ранее 1629 г. после явления чудес от его гроба царю *Михаилу Федоровичу* и патриарху *Филарету* ростовским митрополитом Варлаамом (Записка о канонизации К. вместе с текстом Жития опубликована по рукописи Московского Румянцевского музея № 934, см.: Ярославские епархиальные ведомости, 1894, № 13, стб. 195). Подобной датировке не противоречит и наличие старших списков Жития первой половины XVII в.

Житие известно в нескольких редакциях. Первая, краткая, написана по образцу богослужебно-гомилитических житий *Пахомия Серба*, предназначенных для чтений в церкви или монастырской трапезной, на что указывает и обычное заключение краткого вступления: «Господи благослови, отче» (ср.: Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, с. 231). Эта редакция крайне бедна бытовыми биографическими подробностями. Автор вкратце излагает историю основания Ферапонтова монастыря, композиционно заменяющую повествование о детстве святого, так как сведениями о нем не располагает вовсе. Затем он, по-видимому, воспользовался устной легендой о пострижении К., скорее всего бывавшей в Ферапонтовом монастыре — постричься К. заставил уже умерший игумен *Мартириан*, явившись К. во сне и угрожая ему жезлом, после чего князь, несколько раз отвечавший «не постригуся!», соглашается стать монахом. Из рассказов, а может быть и из каких-то документов Учемского монастыря познакомился автор с историей его переноса с берега, затопляемого разливами Волги на новое место. Филарет Гумилевский назвал автором Жития К. инока угличского монастыря *Сергия*, жившего в конце XVI—первой половине XVII в. и принимавшего участие в написании ряда угличских житий в 1610 г. после польско-литовского нашествия (Филарет. Обзор. Харьков, 1859, № 202, с. 312—313). Однако авторство Сергия не подтверждается списками Жития, и в другой своей работе (Филарет. Русские святые, чтимые всею церковью или местно) Филарет автора не называет. Тем не менее вслед за Филаретом о Сергии как об авторе пишут А. Ф. Бычков (Описание церковно-славянских и русских сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882, ч. 1—2, с. 102) и А. И. Яцимирский (Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина. М., 1897, вып. 2, с. 190). В связи с вопросом об авторе необходимо обратить внимание на послесловие Жития в списке ГПБ, собр. Погодина, № 1563, опубликованное Бычковым: «Аще ли хочещи уведати имя писавша сеи, то напишю ти: обрящещи писмян шесть, от них же суть согласно три, а трое сложно есть, последная и средняя тя по три писма имат каяждо, прочая же вишшая ни свех (всех? — М. К.) счет обрящещи шесть сот четыре десят три». Предстоит выяснить, соответствует ли эта криптограмма имени «Сергий». На основании текста краткой редакции, которую можно считать и первой, возникли две сокращенные редакции. Одна из них, проложная, попала в печатный *Пролог* 1662 г. под 21 мая. Она лишена риторических украшений и повествовательных подробностей, в ней нет предисловия и послесловия, исключена история основания Ферапонтова монастыря. Другая сокращенная редакция Жития, читающаяся в рукописи ГПБ, собр. Титова, № 1642 (охр. кат., № 2642), начала XIX в., хотя и сохранила некоторые черты украшенного стиля, но еще больше сократила текст по содержанию, не упомянув даже о затоплении Учемского монастыря и переносе его на новое место. Определить время возникновения этого сокращенного текста пока не представляется возможным.

Наиболее интересный текст Жития читается в пространной редакции. В основе ее также лежит текст краткой редакции, но по объему новая редакция превосходит ее более чем в три раза. Она известна по довольно позднему списку ГПБ, собр. Вяземского, Q.XXXVII, конца XVIII—на-

чала XIX в. Увеличение текста произошло не только за счет риторических приемов, характерных для украшенного житийного стиля, но и благодаря введению новых эпизодов. Если краткая редакция, казалось бы, намеренно умалчивает о борьбе угличского удельного князя с Иваном III и о сочувствии К. Андрею Большому, то пространная редакция недвусмысленно направлена против великого князя: «Князь Иван Московский, самодержец, брат родной бывый сему благоверному князю Андрею, воста враждою властолюбия ради на своего брата и ополчается воинскою силою на него, яко же Святополк на Бориса и Глеба». К. целиком на стороне князя Андрея, он видит его вместе с детьми — Иоанном и Дмитрием — в мученических венцах, предрекает им «скорбь и тесноту». После ареста князя Андрея и его сыновей К. навещает узников и пытается облегчить их участь. Он же усмиряет поднявшееся в городе народное восстание. Эти, на первый взгляд, исторические сведения крайне неточны и не подтверждаются никакими летописными материалами. Напротив, известно, что князь Андрей был схвачен и посажен в тюрьму в Москве, где и умер через два года (см.: Насонов. История летописания, с. 349—350, 373, 379—380; Лурье. Общерусские летописи, с. 249—250). По рассказу Жития расправой над княжеской семьей в Угличе руководил посланный Иваном III его сын Дмитрий, в то время как Дмитрию, родившемуся в 1482 г., было в 1491 г. всего девять лет. Однако имя его появилось в Житии не случайно: именно Дмитрий получил Углич после смерти Андрея Большого в заточении в 1493 г. Пространная редакция снабжена датами, также сильно расходящимися с историческими. Так, переселение К. в Учемскую пустынь отнесено к 1477 г., что дало повод Филарету утверждать, что К. посещал Углич и был связан с князем Андреем еще до пострижения. Маловероятно и то, что К. провел в Учемском монастыре более 30 лет, как сказано в Житии.

Автор пространной редакции называет среди своих источников «летописания» («неже изысках от летописаний древнейших словеса и деяния душеполезна преподобнаго отца»). Неизвестно, понимал ли он под «летописаниями» именно летописи, однако к ним автор обращался. Именно из какой-то летописи — Софийской II, Львовской или Сокращенного свода — заимствован в пространную редакцию рассказ о путешествии Софьи по России в сопровождении папского легата Антония (Антонио Бонумбре), впереди которого, к большому смущению народа, а затем и возмущению митрополита Филиппа, везли католический крест, «крыж лядский» (ПСРЛ, т. 6, с. 197; т. 20, с. 299—300; т. 25, с. 298—300; см. также: Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в. М., 1980, с. 181—182). Возможно, в основе угличских известий лежал какой-то угличский летописец. О существовании его упоминается в Житии Паисия, современника К., угличского церковного деятеля, игумена Покровского монастыря. Однако вопрос об этом источнике остается открытым — текст его до нас не дошел; спорным является и отражение его в какой-либо общерусской летописи, содержащей угличские известия. Угличский летописец, читающийся в списках XVIII в. (ИРЛИ, Древлекохранилище, собр. ИМЛИ, № 8; ГПБ, собр. Титова, № 4855), сочувственно относящийся к князю Андрею и так же неточно излагающий историю его низложения, составлен после польско-литовского нашествия, и неизвестно, лежит ли в его основе более ранний угличский протограф.

Другими источниками пространной редакции могли быть жития сыновей князя Андрея — Иоанна, в иночестве Игнатия, и Дмитрия, составленные в Спасо-Прилуцком монастыре иноком Логгином (Житие Игнатия опубликовано, см.: Ярославские епархиальные ведомости, 1873, № 28, стб. 223—228). Именно в этих памятниках нет точного указания места ареста князя и детального описания угличских событий. Пространная редакция очень подробно излагает историю перенесения монастыря на новое место. Поскольку выбор места вызвал разногласия между братьями

во главе с игуменом и К., то решение К. подкреплено чудесами: церковь и келья К. оказываются перенесенными чудесной силой за одну ночь, а само место показано К. летающими ласточками, очертившими в воздухе круг. Мотивы этих чудес близки к аналогичным в Житии Паисия, которое встречается в рукописях рядом с Житием К., образуя своеобразный диптих. Возможно, Житие Паисия послужило еще одним источником пространной редакции. Сам Паисий является персонажем Жития К.; в текстах совпадают как отдельные выражения, так и стилистические приемы и житийные ситуации.

Поздний список пространной редакции Жития К. не позволяет судить о времени ее создания. Но так как Кассианово-Учешский монастырь, упраздненный в 1764 г., называется в ней как действующий с применением обычной формулы «до сего дня», а краткая редакция, лежащая в основе пространной, относится скорее всего к первой половине XVII в., то пространную редакцию предположительно можно датировать не ранее второй половины XVII и не позже первой половины XVIII в. Открытое осуждение великокняжеского «самодержавия» и то обстоятельство, что эта редакция дошла до нас в старообрядческом сборнике, содержащем сочинения *Авакума*, *Авраамия* и *Историю об отцах и страдальцах Соловецких* (см.: Описание рукописей князя П. П. Вяземского. СПб., 1902, с. 198—200 (ОЛДП, № 119)), возможно, говорят о ее сочинении в старообрядческой среде.

Пятый вид Жития К., опубликованный в «Ярославских епархиальных ведомостях» со ссылкой на рукопись Московского Румянцевского музея № 934, является скорее всего сокращением и переработкой пространной редакции, так как имеет те же даты и примечания на полях, что и пространная редакция; в ней так же фигурирует Паисий Угличский, а датой смерти К. назван 1509 г.

Житие К. сопровождается похвальным словом, молитвой и посмертными чудесами, в количестве от 16 до 27 и 32. В них упоминается время польско-литовской интервенции, а чудо 11-е отнесено ко времени царя *Алексея Михайловича*. Пространная редакция Жития К. не издана.

Изд.: Пролог. М., 1662, л. 466—468 об., 21 мая (проложная редакция); Ярославские епархиальные ведомости, 1873, № 14, 42, 43, часть неофиц. (краткая редакция, издана по рукописи XVII в., принадлежащей Угличскому Спасо-Преображенскому собору, со сверкой по рукописи XVII в., 1686 г., из церкви Успенья Богородицы на реке Учме); там же, 1894, № 11, 12, 13, часть неофиц. (обработка пространной редакции).

Лит.: Киссель Ф. История города Углича. Ярославль, 1844; Сергий И. Полный месяцеслов Востока. М., 1876, т. 2, ч. 1, с. 134; Барсуков. Источники агнографии, стб. 285—287; Филарет. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. 3-е изд. СПб., 1882, т. 3, с. 184—189; Леонид. Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и местно чтимых. СПб., 1891, № 726, с. 186—187; Голубинский И. История канонизации, № 36, с. 126; Угличский летописец. Углич, 1911; Лурье Я. С. Послание вельможе Иоанну о смерти князя. — *Slavia, Praha*, 1958, год. 27, № 2, с. 221—222.

М. Д. Каган

Константина Муромского и его сыновей Михаила и Федора житие. Житие известно по четырем редакциям: Средней, Сокращенной, Пространной, Похвальному слову. По мнению последнего исследователя этого Жития Н. Серебрянского, «первым опытом церковной биографии муромских князей» следует признать текст Средней редакции, которая была написана во второй половине XVI в. В XVII в. была создана Сокращенная редакция, видимо, для Четий Минеи *Иоанна Милютина*. На материале Средней редакции скорее всего в начале XVII в. было составлено Похвальное слово. Пространная редакция представляет собой сводку текстов Средней редакции и Похвального слова.

Есть основания полагать, что составление Жития К. было предпринято уже после собора 1547 г., на котором муромский князь был признан

местночтимым святым, но не позднее 50—60-х гг. Это произведение представляет интерес по преимуществу возможностью проследить методы работы писателей круга митрополита Макария, усиленно трудившихся над агиографическими произведениями в середине—второй половине XVI в. Центральной темой Жития является описание установления христианства в Муромской земле и миссионерской деятельности князя К. Хотя начало событий, связанных с князем К., приурочено к определенной дате (1223 г.), произведение не имеет под собой ни реальной исторической основы, ни какого-либо сложившегося религиозно-легендарного предания. Толчком к почитанию этих муромских князей и составлению Жития, скорее всего, послужило обнаружение большой каменной плиты с перечислением их имен. Так думать позволяет краткая заметка, дошедшая до нас в сборнике XVII в. ГБЛ, собр. Долгова, № 53 (л. 355—356 об.). В ней без каких-либо подробностей сообщается о том, что князь К. с «чады своими», прибыв в Муром из Киева, «неверные люди в веру привел» и воздвиг храм Благовещения, а затем тоже кратко сказано о посещении храма Благовещения *Иваном Грозным* (перед походом на Казань). В этой же рукописи на л. 353—355 переписан именно тот вариант текста *Повести о рязанском епископе Василии Первой* редакции, который был использован во Второй редакции этой Повести, написанной специально для Жития князя К. (см.: Дмитриева Р. П. *Повесть о рязанском епископе Василии*: (История текста первоначальной редакции). — ТОДРЛ, Л., 1977, т. 33, с. 48—49). Таким образом, упомянутая заметка и Повесть о епископе Василии, помещенные рядом в рукописи собр. Долгова, № 53, представляют собой материал, отражающий самый ранний этап работы по составлению Жития князя К.

Скудость сведений о князе К. заставила автора Жития обратиться к существующим образцам агиографии на соответствующую тему. При составлении Средней редакции были использованы летописный рассказ о крещении Руси, Память мниха *Иакова*, проложные (см. *Пролог*) жития Владимира и Ольги, проложное сказание о Леонтии Ростовском (см. *Житие Леонтия Ростовского*), *Сказание о Борисе и Глебе*. Автор Жития использовал не только отдельные обороты и выражения для передачи соответствующей ситуации, но по большей части в рассказ включал целые отрывки из перечисленных произведений. В результате проделанной работы, во многом носящей компилятивный характер, было создано пышное произведение с чертами эмоционально-экспрессивного стиля, к которому стремились агиографы макарьевского круга. Включенная в состав Жития Повесть о епископе Василии тоже подвергалась переработке, стилистически приблизившись к основному повествованию. Как характерную особенность этого произведения следует отметить почти полное отсутствие в нем исторически-достоверных фактов и местных муромских реалий: так, рязанско-муромская епископия на самом деле всегда находилась в Рязани и наименование ее Борисоглебской связано с развитым культом Бориса и Глеба в Рязани, начало которого было положено строительством Олегом Святославичем в Старой Рязани собора Бориса и Глеба (Михайловский Е., Ильенко И. Рязань, Касимов. М., 1969, с. 33—35). В Житии же излагается легенда о том, что якобы сначала епископия находилась в Муроме. Упоминаемая в этом произведении муромская церковь Бориса и Глеба по другим источникам неизвестна. Это результат творческих домыслов автора Жития К.; в Первой редакции Повести о епископе Василии, откуда заимствуется в Житие повествование о муромо-рязанской епископии, название церкви не сообщается. Отсутствие в Житии местных муромских реалий свидетельствует не только о том, что оно было написано не в муромской среде, но и о том, что автор произведения прежде всего стремился соблюсти правила агиографического канона, а отнюдь не донести до читателя исторически достоверный рассказ. Исследователи заблуждаются, когда пытаются найти в этом произведении исторические факты и муромские реалии (см., например: М а с-

леницын С. Муром. М., 1971). Однако, видимо, надо признать достоверным историческим фактом то, что Иван Грозный проявил интерес и к этим муромским святым, помимо Петра и Февронии. В краткой заметке (рукопись собр. Долгова, № 53) сказано, что при посещении храма Благовещения (во время подготовки похода на Казань 1552 г.) Ивану Грозному была показана «цка каменная велика самородная» с высеченными на ней именами князя К. и его сыновей. В последующих редакциях описаны дальнейшие знаки внимания царя этим святым: по его повелению был отстроен каменный собор и устроена рака святым. Подтверждением того, что Иван Грозный видел в «сроднике своем» князе К. одного из защитников самодержавного государства, является включение изображения его в росписи Архангельского собора Московского кремля, которая была осуществлена в 60-е гг. XVI в. (Сизов Е. С. Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятники письменности XVI в. — ТОДРЛ, М.; Л., 1966, т. 22, с. 275—276).

Вопрос об авторе Жития князя К. и его сыновей М. и Ф. остается открытым. Краткая запись о князе К. (в рукописи собр. Долгова, № 53), скорее всего, была составлена в 50-е гг. XVI в. лицом, связанным с Муромом и его церковными событиями: автор ее, сообщая о расположении храма Благовещения в Муроме, использует местную топонимику («в верхнем конце, в старом городище») и указывает конкретное местоположение в церкви гробницы, покрытой каменной плитой. Само Житие написано лицом, хорошо знакомым с русской агиографией и усвоившим приемы литературного творчества, широко применяемые в литературном круге митрополита *Макария*. В. О. Ключевским было высказано предположение, поддержанное архимандритом Мисаилом, о том, что автором Жития мог быть писатель, упоминаемый в рукописях второй половины XVI в. как «господин Михаил мних» (см. *Михаил*). Ему же принадлежит служба, посвященная князю К. и его сыновьям, а также часть канонов Петру и Февронии Муромским. В последующих исследованиях это предположение не было оспорено, однако чтобы оно стало признанным фактом, требуются дополнительные аргументы. Пространная редакция и Похвальное слово до сих пор не опубликованы.

Изд.: Средняя редакция: ПЛ, 1860, вып. 1, с. 229—237. Сокращенная редакция: Серебрянский И. Княжеские жития. Прил., № 27.

Лит.: Ключевский И. Древнерусские жития, с. 286—288; Мисаил, архим. Святой благоверный князь Константин Муромский и Благовещенский монастырь, где почитают его мощи. — Труды Владимирской ученой архивной комиссии, Владимир, 1909, вып. 8, с. 1—130.

Р. П. Дмитриева

Леонтия Ростовского житие. Житие епископа-исповедника, насаждавшего в 60-х гг. XI в. христианство в отдаленной от Киева Ростовской земле и убитого местными язычниками около 1076 г., относится к числу наиболее ранних памятников древнерусской оригинальной агиографической литературы. Краткая редакция Жития, «Сказание о Леонтии Ростовском», была создана в 60-х гг. XII в. на северо-востоке Руси и опиралась на традицию и тексты раннекиевских житийных произведений о Борисе и Глебе (см. *Сказание о Борисе и Глебе, Нестор*), *Феодосии Печерском*, а также «Слова о законе и благодати» митрополита *Илариона*. Составитель Жития использовал ростовский соборный синодик, откуда взяты имена епископов ростовских XI в. Феодора, Илариона, Л. Р. и Исаяи, а также местные летописные материалы и легенду. Два основных эпизода Жития непосредственно связаны с историей Ростова и его кафедрального собора в XI—XII вв. Отмеченное летописанием под 1071 г. выступление ростовских противников христианизации трактовано в Житии как «победа» Л. Р. над местными язычниками. Строительство нового каменного Успенского собора в Ростове в 1160-х гг. дало повод для рассказа об «обретении мощей» епископа Л. Р. уже как духовного покрови-

теля Владимирской Руси во времена *Андрея Боголюбского*. Образ этого князя находится в центре Жития рядом с образом Л. Р., что способствовало включению в одну из поздних редакций памятника фрагмента «*Повести об убиении князя Андрея Боголюбского*». Художественно-документальной природой ранних редакций Жития объясняется введение в более поздние редакции памятника отрывков из сказания о крещении Руси Владимиром Святославичем, а также из Ростовской летописи.

Житие Л. Р. было одним из наиболее популярных, «читаемых» произведений древнерусской литературы. Оно получило широкое распространение в рукописной традиции — существует более 200 его списков, в том числе 34 в рукописях до XVI в. По составу сборников с текстом Жития ранее XVI в. 15 списков в прологах (см. *Пролог*), 3 — в торжественниках (см. *Торжественник*), 3 — в минеях. Наиболее ранние списки Жития, XIII—XIV вв., обнаружены в рукописях Пролога: ГИМ, Синодальное собр., № 246; ГПБ, собр. СПб. дух. акад., А. 1—264, т. 2, ГБЛ, Троице-Сергиевское собр., № 745. Первые два списка в пергаменных кодексах содержат древнейшие из 12 существующих редакций Жития. Заглавие краткой редакции — «Сказания о Леонтии Ростовском» вида I (Синодальный Пролог, № 246): «Обретение честного тела преподобного отца нашего Левонтия, епископа Ростовьскаго», вида II (Спасо-Прилуцкий Пролог ГПБ): «Обретенъе честнаго телеси святаго отца нашего Леонтыя, епископа Ростовьскаго». Текст 3-й редакции (под заглавием «Обретенъе честнаго телесе святаго святителя Леонтея, епископа Ростовьскаго чудотворца» — похожее заглавие нередко использовалось переписчиками 1-й редакции), опубликованный в «Православном собеседнике», отличается от текста «Сказания» вида I и II дополнениями о древней дубовой церкви Ростова, о свитке в руке Л. Р. и особым текстом с подзаголовком: «Слово о внесении телесе святаго отца нашего Леонтыя, великаго епископа Ростовьскаго, в новую церковь и о мужи, исцелевшемъ у гроба великаго Леонтыя». Первые части 1-й и 3-й редакции близки (нач.: «Съ бе блаженны Левонтии Костянтина града рожай и въспитание и за премногую добродетель епископомъ поставленъ бысть Ростову»). Аналогичное 3-й редакции заглавие имеет редакция 4-я, опубликованная А. А. Титовым в 1892 г., причем в этом заглавии открытие мощей Л. Р. помечено 1164 г. (в списке Пролога XV в. ГБЛ, собр. Егорова, № 637 датирована в заглавии 1230 г.). Первая часть текста 4-й редакции близка ко 2-й (нач.: «Съ бе блаженны Царя града рожьныя и воспитанья. Русьскыи же и мерьскыи языкъ добре умеаше. Книгамъ русьскимъ и гречьскимъ велми хитрьсловесенъ сказатель»). Редакция 5-я (нач.: «Сеи бе блаженныи иже въ святыхъ отецъ нашъ великыи Леонтие рождъся в Костянтине граде от благоверну родителю. От юны версты оставивъ миръ и яже в мире») непосредственно связана с 3-й, причем последняя иногда (например, в рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 866, л. 184 об.—190) даже принимает ее заглавие: «Обретеніе честнаго телеси иже во святыхъ отца нашего Леонтия, епископа Ростовьскаго чудотворца». Редакция 6-я (нач.: «Съ убо иже во святыхъ отецъ нашъ великыи Леонтий рождейся в Констянтине граде от благоверну родителю, воспитанъ же бывъ в научении и в наказании господни, и грамотикия въскоре извыкшу ему») имеет заглавие «Иже во...» — далее как в редакции 5-й. В сборнике XV—XVI вв. ГБЛ, собр. Егорова, № 263 добавлено к заглавию характерное для многих текстов: «Делы равно апостоломъ, въ обретеніи телеси его». Заглавие 6-й редакции переходит иногда и в 3-ю. Редакция 7-я (нач.: «Иже въ святыхъ отецъ нашъ великыи Леонтие рождейся в Констянтине граде от благоверну родителю. Егда доиде возраста седьмаго лета, вданъ бысть родителми на учение грамоте») производна от 5-й, имеет заглавие «Житие иже въ...» (далее как в 5-й). В списке XV—XVI вв. ГИМ, Чудовское собр., № 98/151 особое заглавие «Житие и жизнь и малое поведание иже въ святыхъ отца нашего Леонтия архиепископа Ростовьскаго». Развитием 7-й является редакция 9-я (например, список 1497 г., ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой

лавры, № 712). Заглавие сходно с 5-й, начало — с 7-й редакцией. Содержит поздние чудеса. Редакция 8-я является производной от 6-й; в заглавии — «Слово память...» (далее как в 6-й). Содержит дополнительно поздние чудеса и поучение на память Л. Р. Редакция 10-я (начало и заглавие как в редакциях 7-й и 9-й) опубликована А. А. Титовым в 1893 г. Она наиболее пространна: включает пересказ «Повести об убиении князя Андрея Боголюбского», отрывки из Ростовской летописи с многими датами, поздние чудеса. Особая редакция 11-я соответствует, по Ключевскому, 5-й редакции. Текст редакции 12-й, близкой к редакции 2-й, напечатан в Прологе под 23 мая.

С. А. Бугославский отмечал влияние Жития Л. Р. на ранние памятники ростовской агиографии — *Жития Исая, Игнатия и Авраамия ростовских*, а также на *Житие князя Феодора Ярославского* редакции *Андрея Юрьева*. Житие Л. Р. явилось первым в обширной литературе самобытных областных и великорусских, московских владычных житий XIII—XV вв.

Изд.: Житие св. Леонтия, епископа ростовского. — ПС, 1858, февраль, с. 301—317; Титов А. А. Житие св. Леонтия, епископа ростовского. Ярославль, 1892; Житие св. Леонтия, епископа ростовского / Предисл. А. А. Титова. — ЧОИДР, 1893, кн. 4, с. I—IV, 1—35; «Сказание о Леонтии Ростовском» / Подгот. текста и пер. Г. Ю. Филипповского. — В кн.: Древнерусские предания. М., 1982, с. 125—129.

Лит.: Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности. М., 1861, т. 2, с. 170—171; Макарий. История русской церкви. СПб., 1868, т. 2, с. 329—332; Ключевский И. Древнерусские жития, с. 3—22; Барсуков В. Источники агиографии, стб. 323—329; Голубинский. История церкви. М., 1901, т. 1, ч. 1, с. 757—758; Бугославский С. А. Литературная традиция в северо-восточной агиографии: — СОРЯС, Л., 1928, т. 101, № 3, с. 332—336; ИРЛ I. М.; Л., 1946, т. 2, ч. 1, с. 61—66; Воронин Н. Н. «Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения второй половины XII в. — ВВ, М., 1963, т. 23, с. 23—46; Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967, с. 27; Перверзев В. Ф. Литература Древней Руси. М., 1974, с. 39—43; Филипповский Г. Ю. 1) Художественно-документальные жанры владимирской литературы 60-х гг. XII в. — Вестник МГУ. Филология, 1979, № 4, с. 37—44; 2) Жанры историко-легендарного повествования владимирской литературы второй половины XII в. Автореф. канд. дис. М., 1979.

Г. Ю. Филипповский

Людмилы и Вячеслава Чешских жития. Древнерусской письменности известны два пространных жития В., князя Чешского, минейная служба святому В., а также краткие проложные жития В. и Л. Полное славянское Житие Л. не сохранилось.

Оба пространных жития В., так называемые «1-е и 2-е старославянские жития», — древние чешские памятники, дошедшие большей частью в русских, и притом относительно поздних, списках. «1-е старославянское Житие» («Востоковское Житие») — наиболее раннее, оригинальное Житие В. Его составление относят к 30-м гг. X в. История В. изложена в этом Житии довольно сжато, однако подробно описывается сцена убийства князя его братом Болеславом. «1-е старославянское Житие» имеет редакции: одну южнославянскую (глаголическая редакция хорватских бревиариев) и две русские (Востоковская и Минейная). Востоковская (или южнорусская) редакция появилась в киевской литературе в XI в. Единственный известный до последнего времени список этой редакции, озаглавленный «Убьение святого Вячеслава, князя чесьска», был обнаружен в 1827 г. А. Х. Востоковым в составе *Торжественника* начала XVI в. (ГБЛ, собр. Румянцева, № 436). Недавно были найдены новые списки Востоковской редакции; их публикация готовится А. А. Туриловым (Археографическая комиссия АН СССР, Москва). Минейная (или севернорусская) редакция Жития представляет собой расширенную переработку Востоковской. Она была внесена в исходный текст *Великих Миней Четых* под 28 сентября с заглавием: «Житие блаженнаго князя Вячеслава бывшего».

«2-е старославянское Житие» (так называемое «Житие Никольского») было опубликовано Н. К. Никольским в 1904 г. по двум известным спискам. Текст начинается с пролога («Починается пролог о святом Вячеславе, мученице Христове»), за которым следует само Житие: «Починаются книги о роде и о страсти святого князя Вячеслава». «2-е Житие» значительно обширнее «1-го Жития», агиографическая схема здесь полностью соблюдена, включено описание чудес В. Язык местами темен и неясен. «2-е Житие» представляет собой перевод на славянский язык латинской «Легенды о святом Вячеславе», принадлежащей епископу Гумпольду (около 980 г.), с дополнениями из других латинских источников и, возможно, «1-го Жития». По мнению О. Кралика, эта славянская редакция «Легенды» Гумпольда была составлена в Сазавском монастыре после 1060 г.

Оба жития В. были перенесены в Киев, по-видимому, еще до конца XI в. Следы влияния «2-го Жития» усматривают у *Нестора* — в «Чтении о Борисе и Глебе» и в «Житии Феодосия». Знакомство с историей святого В. обнаруживает автор анонимного «Сказания о Борисе и Глебе»: согласно «Сказанию», Борис «помышляеть же мучение и страсть святого Никиты и святого Вячеслава, подобно же сему бывшю убиению». Полагают, что среди источников анонимного «Сказания» были пространное Житие В. и утраченное Житие Л. Митрополит *Иларион* в «Слове о законе и благодати» воспользовался одной из латинских легенд о В. Раннее распространение вацлавского культа на Руси не вызывает сомнений. Так, в Киеве в половине XI в. был составлен и внесен в служебную минею «Канон святому Вячеславу» (читается уже в Новгородской минее 1095—1096 гг.).

В русских прологах находятся еще три статьи о чешских святых: проложное Житие Л. (16 сентября), проложное Житие В. (28 сентября) и «Память перенесения мощей святого В.» (4 марта). Все три статьи были составлены русскими книжниками во 2-й половине XII в. и вошли в так называемую 2-ю редакцию Пролога (см. *Пролог*). Проложные жития Л. и В. принадлежат, как полагают, одному автору. Источником первого было несохранившееся славянское Житие Л., при составлении второго были использованы «1-е Житие В.», Житие Л. и «Сказание о Борисе и Глебе» (либо проложные жития этих святых). Статья о перенесении мощей В. буквально следует «1-му Житию В.». Начиная с XIII в. эти статьи сотни раз переписываются в составе Пролога с небольшими различиями. В рукописных сборниках они встречаются редко.

Общее научное издание всех произведений вацлавского цикла осуществлено в пражском сборнике 1929 г.

Изд.: Востоков А. X. Филологические наблюдения. СПб., 1865, с. 91—97 (гл. IV); Никольский Н. К. Легенда мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе Чешском в славяно-русском переложении. СПб., 1909 (ПДПИ. № 174); *Sborník staroslovanských literárních památek o sv. Václavu a sv. Ludmile*. V Praze, 1929; Рогов А. И. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970.

Лит.: Срезневский И. И. Известие о древнем каноне в честь св. Вячеслава Чешского. — ИпоРЯС, СПб., 1856, т. 5, вып. 3, с. 191—192; Pečák J. Die Wenzels- und Ludmila-Legenden und die Echtheit Kristians. Prag, 1906; Weingart M. První česko-církevněslovanská legenda o sv. Václavu. — Svatováclavský sborník, 1, V Praze, 1934, s. 863—1088; Chaloupecký V. Prameny X století legendy Kristiánovy o sv. Václavu a sv. Ludmile. — Svatováclavský sborník, 11, 2, Praha, 1939; Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 г. и ее источник. М., 1957, с. 45—67; Кралик О. 1) K historii textu I staroslověnské legendy václavské. — Slavia, 1960, t. 29, seš. 3, s. 434—452; 2) Prameny II staroslověnské legendy václavské. — Slavia, 1962, t. 31, seš. 4, s. 578—598; 3) Возникновение 1-го старославянского «Жития Вячеслава». — Byzantinoslavica, 1966, № 1, с. 131—163; Якобсон Р. О. Русские отголоски древнечешских памятников о Людмиле. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 46—50.

Макария Римского житие. В древнерусском апокрифе о М. Р., восходящем к греческому оригиналу, рассказывается, как три инока отправляются в странствие в поисках места, где небо «прилежит к земле». Они попадают в неведомые земли, населенные диковинными людьми и зверями, где видят различные чудеса: столп, возведенный Александром Македонским, прикованных к горам двух гигантских мужчин и женщин, терзаемых вечными муками, и т. п. В конце концов они попадают в пещеру, где обитает святой старец М. Р., которому прислуживают два льва. М. Р. поведал им историю своей жизни и убеждает оставить попытки приблизиться к райской земле. Путники возвращаются. Исследователи полагают, что еще на греческой почве произошло объединение двух сюжетов — жития М. Р. и рассказа о путешествии иноков в поисках земного рая. А. Н. Веселовский считал, что «хождение» их основано на христианизированном пересказе послания Александра к Олимпиаде из Александрии Псевдокаллифена, где также описываются фантастические земли на краю вселенной.

На русской почве сказание о М. Р. относилось к числу апокрифических — оно упоминалось в индексах запрещенных книг (см. *Списки отреченных книг*) начиная с XIV в. Сам сюжет поисков земного рая разрабатывался в ряде памятников: см. *Хождение Зосимы к разманам*, *Хождение Агапия в рай*, Послание архиепископа новгородского Василия ко владыке тверскому Федору о рае (см. *Василий*), где имеется ссылка на текст апокрифа (см.: ПСРЛ, СПб., 1853, т. 6, Прибавления, с. 87) и др. (см. перечень их: Никифоров А. И. *Минейные и проложные тексты. . .*, с. 167—169). Апокриф (или его источник) оказал влияние на вторую редакцию *Александрии Хронографической* и на *Александрию Сербскую*. Согласно разысканиям А. И. Никифорова, славянские (а также латинские) версии апокрифа восходят к различным греческим редакциям — двум полным, сокращенной и проложной. Древнейшим славянским переводом исследователь считает болгарский, известный ему в нескольких списках: сербском XIV в. (ГИМ, собр. Хлудова, № 195) и русских (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 4/1081, XIV в. — так называемый «Паисиевский сборник»; ГПБ, собр. ОЛДП, Q.234, XVII в.; ГПБ, О.1.64, XVII в.; ГПБ, Соловецкое собр., № 639/805, XVI в.). Второй перевод сделан не ранее XVII в. и известен по списку XVIII в. — ГПБ, Q.XVII, № 213. Третий и четвертый переводы представлены южнославянскими списками, изданными П. А. Лавровым («Апокрифические тексты»). С греческой минейной редакции сделан перевод, известный по молдавскому списку (ГБЛ, собр. ОИДР, № 336), и перевод, сохранившийся в русских списках (издан А. И. Никифоровым). Многочисленные русские списки, восходящие к краткой греческой проложной редакции, встречаются в русских списках *Пролога* начиная с XIII в. Сведения о списках апокрифа содержатся в «Отчете. . .» В. Н. Перетца (с. 93—95) и статье А. И. Никифорова. В рукописях памятник имеет заглавия: «Слово о трех мнисех, како находили святого Макарья», «Житие святого преподобнаго отца нашего Макария, иже есть близ рая обретен за 20 поприщ», «Житие святого отца нашего Макария, жившаго близи рая. . .» и др. (нач.: «Умилмся убо и мы убозии и недостоянии иноци Сергей, Феофил, Угин. . .» с вариантами). Первая минейная редакция озаглавлена «Память преподобнаго отца нашего Макария Римлянина» (нач.: «Трие некотории освящении старцы Сергие и Ригнинь и Феофиль. . .»). Вторая минейная редакция — «О великом Макарии Римском» («О отци Макарии»; нач.: «Поведаша как неции три старци от обители суще святого Асклипия»). Проложные памяти начинаются так: «Святый (преподобный) отец наш Макарий, великий бяше римлянин. . .». В минейной и проложной редакции повествуется только о Житии М. Р.; о путешествии иноков в минейной редакции есть лишь краткое упоминание, в проложной об иноках вообще нет речи.

Изд Сказания о рае — ПЛ, СПб, 1862, вып 3 с 135—142, О Макарии Римском — В кн Тихонравов Памятники СПб, 1863, т 2, с 59—77, Попов А Описание рукописей и каталог старопечатных книг библиотеки А И Хлудова М 1872, с 396—404, Лавров П А Апокрифические тексты СПб 1899, с 82—106 (СОРЯС, т 67), Яцимирский А И Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв СПб, 1906, с 122—133, Перетц В Н Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Киев 30 мая—10 июня 1915 г Киев, 1916, с 90—124, Никифоров А И Минеиные и проложные тексты апокрifa о Макарии Римском в славяно русской письменности — Известия Общества истории, археологии и этнографии при Казанском ун те 1923, т 32, вып 2, с 129—186

Лит Петров Н О влиянии западноевропейской литературы на древнерусскую — Труды КДА, 1872, № 4, с 43—51, Сахаров В Эсхатологические сказания и сочинения в древнерусской письменности Тула, 1879, с 228—234, Веселовский А Н 1) К вопросу об источниках Сербской Александрии — ЖМНП, 1884, июнь, с 182—197, 2) Из истории романа и повести Материалы и исследования СПб, 1886 вып 1 (Греко византийский период), с 305—329 (СОРЯС, т 11, № 2), Истрин В М Александрия русских хронографов М, 1893, с 193—201, Сочинения Н С Тихонравова Т 1 Древняя русская литература М, 1898, с 200, Дополнения, с 122—125, Ржигла В Ф Новая версия легенды о земном рае — *Vyzantinslavica*, Praha, 1930 roč 2 s 374—385

М А Салмина

Михаила Александровича житие. Биографическое повествование, посвященное великому князю тверскому (1368—1399 гг) Михаилу Александровичу Тверской князь не был официально канонизован православной церковью, и Житие М А занимало своеобразное место между светской и церковной биографией (напоминая в этом отношении *Житие Александра Невского*)

Житие М А дошло до нас в виде фрагментов, сохранившихся в разных летописных сводах

Неизвестно, читался ли какой-либо рассказ о М А и его смерти в *Троицкой летописи* (Н М Карамзин, рассказывая о смерти Михаила, ссылается не на Троицкую, а на летописи XVI в), но в *Рогожском летописце* и *Симеоновской летописи*, отражающих тверскую редакцию 1412 г общерусского свода 1408 г или его предшественника, свода 90-х гг XIV в, содержится (под 6907 г.) подробный рассказ о преставлении М А, написанный в торжественно-агиографическом стиле. Рассказ этот, однако, не имеет никаких текстуальных совпадений со сказанием «от жития», сохранившимся в летописании XV в.

Повествование о болезни, пострижении и смерти М А., с предшествующим ему предисловием к писанию «от жития», читается в *Новгородской Карамзинской* и *Новгородской IV летописях* под 6907 (1399) г, в нем автор обращается к заказчику Жития «отче отцем Кирилл г с р ч е е г, иже повелел ми еси писати » В *Новгородской IV летописи* в слове, следующем за именем Кирилла, все буквы, кроме «е е», даны под титлами, что дает основание видеть в них цифровую тайнопись, которую, может быть, следует расшифровывать как слово «Ва еева» или «Ав еева» Кирилл, упоминаемый в предисловии, возможно, идентичен тому Кириллу, к которому обращался *Епифаний* в своем послании о Теофане Греке, упоминая, что Кирилл предоставил ему убежище в Твери во время нашествия Едигея в 1408 г (когда троицкие монахи, включая, очевидно, Епифания Премудрого, покинули свой монастырь) В *Софийской I летописи* предисловие к Житию М А отсутствует, но следующий далее рассказ о болезни, пострижении и его смерти там читается, и это позволяет предполагать, что в общем протографе Софийской I и Новгородской IV («своде 1448 г») Житие М А содержалось В московском великокняжеском летописании XV в сохранился (с некоторыми изменениями) рассказ о смерти Михаила из Софийской I летописи

Более обширные фрагменты из Жития М А читаются в составе Тверского сборника (см *летопись Тверская*) Предисловие к Житию М А помещено здесь (в Забелинском и Погодинском списках, в Толстовском его нет) после 1402 г, озаглавлено «Предисловие летописца княжения

Тфферскаго благоверных великих князей тфферских» и начинается с обращения не к Кириллу, а к другому лицу — «благочестия дръжателю православных и христоролюбивых князя Бориса, иже повелелъ написати мне от слова честь премудраго Михаила. . .». Далее следуют описание могущества Твери при отце Михаила — Александре, рассказ о восстании против Шевкала (отличный от основного рассказа Тверской летописи) и о нашествии ордынских и московских войск, вынудившем Александра бежать во Псков, где и родился М. А., затем идет типично житийное описание его детства, рассказ о борьбе героя за тверской престол и его вокняжении. Рассказ о пострижении и о смерти М. А. читается в Тверском сборнике до предисловия — под 6907 (1399) г. Этот текст Тверского сборника в нескольких местах совпадает с рассказом о пострижении и смерти М. А. в Новгородской IV—Софийской I: в обеих версиях рассказывается, как после прибытия иконы из Царьграда М. А. «обновися яко орел уностью», устроил пир, на который позвал «архимандриты, и игумены, и попы, . . . слепыя и хромыя», потом пошел в церковь Спаса «кляннися гробам» своего деда и отца на правой стороне церкви, «иде же бе написаны Авраам, Исаак, Иаков», и повелел тем устроить ему гроб. Но рассказ Новгородской IV—Софийской I имеет существенные отличия от тверского. Здесь сообщается о распределении М. А. своих земель между наследниками. Однако оба эти рассказа резко отличаются от более этикетного повествования Рогожского летописца и Симеоновской летописи.

В научной литературе высказывались различные мнения относительно того, какая из двух версий предисловия (в Новгородской IV—Софийской I или в Тверской летописи) лучше отражает первоначальный текст и для какого памятника были написаны предисловие и рассказ о вокняжении М. А.: для Жития или «Летописца княжения Тфферскаго»? В пользу вторичности текста в Тверском сборнике говорит грамматическая несогласованность в обращении к заказчику («благочестия дръжателю. . . князя Бориса»), а также хронологическая непоследовательность: рассказ о смерти М. А. предшествует предисловию и рассказу о его вокняжении, которые помещены явно не на месте — после 1402 г.; текст о событиях княжения сына М. А. — Ивана Михайловича за 6907—6908 (1399—1400) гг. излагается (в Забелинском и Погодинском списках, в Толстовском же этой дублировки нет) дважды: и до и после предисловия и начала жизнеописания М. А. Но даже если имя Бориса Александровича было вставлено в предисловие вместо имени первоначального заказчика жития Кирилла, то все же вставка эта едва ли могла быть сделана при составлении Тверского сборника в 1534 г. или даже в 1499 г., до которого доведен текст памятника — после уничтожения тверской независимости в 1485 г. такая вставка явно становилась не актуальной. Скорее всего, какой-то летописный памятник, предшествующий дошедшему до нас тексту в Тверском сборнике, действительно составлялся в Твери в середине XV в. при великом князе Борисе Александровиче (в честь которого было написано, например, особое «Похвальное слово» инока *Фомы*); в памятник этот было, очевидно, включено — с соответствующими переделками — Житие М. А.

Содержащаяся в *Никоновской летописи* «Повесть древня списана о житии великаго князя Михаила Александровича. . .» в основном восходит к рассказу Симеоновской летописи — только в начале к этому рассказу добавлены краткие сведения о гибели его отца Александра в Орде и о крещении и обучении М. А. новгородским архиепископом Василием (сведения о Василии могли быть заимствованы из Новгородской V летописи, также служившей источником Никоновской). В Летописном лицевом своде второй половины XVI в. рассказ Никоновской дополнен вставкой (восходящей, очевидно, через *Воскресенскую летопись* к великокняжескому летописанию XV в. и Софийской I летописи) о разделении умирающим М. А. земель между своими наследниками. Степенная книга,

несмотря на свой интерес к житийным рассказам, не включала никаких фрагментов рассказа о смерти М. А.

Изд.: Фрагменты жития в Новгородской IV и Софийской I: ПСРЛ, Л., 1925, т. 4, с. 386—389; СПб., 1851, т. 5, с. 251—252. Фрагменты жития из Тверского сборника: ПСРЛ, СПб., 1865 (фотографическое воспроизведение: М., 1965), т. 15, стб. 463—470, 458—461 (ср. также предисловие А. Ф. Бычкова к Тверскому сборнику, с. V). Рассказ о смерти Михаила в Рогожском летописце, Симеоновской и Никоновской летописях: ПСРЛ, Пг., 1922 (фотографическое воспроизведение: М., 1965), т. 15, вып. 1, стб. 167—176; СПб., 1913, т. 18, с. 144—148; СПб., 1897 (фотографическое воспроизведение: М., 1965), т. 11, с. 175—183.

Лит.: Карамзин. ИГР. СПб., 1892, т. 5, с. 106—107, примеч. 183; Ключевский И. Древерусские жития, с. 177—180; Гиломиров И. А. О сборнике, именуемом Тверской летописью. — ЖМНП, 1876, декабрь, с. 279—282; Шахматов А. А. 1) Разбор сочинения Тихомирова, с. 217—221, 236; 2) Общерусские летописные своды XIV и XV веков. — ЖМНП, 1900, сентябрь, с. 144—145, 163, 174—175; Седельников А. Д. Из области литературного общения в начале XV века: (Кирилл Тверской и Епифаний «московский»). — ИОРЯС, Л., 1926, т. 31, с. 159—162; Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества: Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в. — Известия АН СССР. VII серия. Отд-ние гуманитарных наук, Л., 1930, № 10, с. 742—751; ИРЛ I. М.; Л., 1946, т. 2, ч. 1, с. 244—246 (С. К. Шамбинаго); Ильин М. А. Тверская литература XV в. как исторический источник. — Труды Историко-архивного ин-та, М., 1947, т. 3, с. 22—30; Дубенцов Б. И. К вопросу о так называемом «Летописце княжения Тферскаго». — ТОДРЛ, М.; Л., 1957, т. 13, с. 118—157; Антонова М. Ф. «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского»: (Вопросы атрибуции и жанра). — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 148—149.

Я. С. Лурье

Михаила Клопского житие. С 10-х по конец 50-х гг. XV в. в Клопском Троицком монастыре, расположенном недалеко от Новгорода на реке Веряже, подвизался юродивый М. К. В летописях и актовых материалах сведений о происхождении М. К. нет. Судя по Житию и устным преданиям, М. К. был пришельцем в Новгороде и как-то связан с родом московских князей: сын Дмитрия Донского Константин Дмитриевич, согласно Житию, называет М. К., встретив его в монастыре, «своитином». Интересные и убедительные соображения о происхождении М. К. высказал В. Л. Янин. Он пришел к заключению, что М. К. был сыном Дмитрия Михайловича Волынского-Боброка (героя Куликовской битвы) и Анны Ивановны, дочери великого князя Ивана Красного, сестры Дмитрия Донского (см.: Янин В. Л. К вопросу о происхождении Михаила Клопского. — АЕ за 1978 г., М., 1979, с. 52—61).

Клопский Троицкий монастырь занимал особое место среди новгородских монастырей. Возник он поздно (вероятнее всего, в конце XIV—самом начале XV в.) и в начале своего существования земельных владений не имел, из-за чего происходили постоянные столкновения монастыря с новгородскими боярами — землевладельцами в Шелонской пятине, на территории которой монастырь был расположен. Это определяло антибоярскую позицию монастыря, его связь с демократическими слоями новгородского населения. Характерно, что игумен монастыря Феодосий был избран в 1421 г. архиепископом Новгорода, во время выступления народных масс Новгорода против боярства (через два года после этого он уже был устранен боярами от архиепископства). Большую роль в жизни монастыря играл юродивый М. К. Рассказы и предания о его необычных поступках, о его дерзких выступлениях против новгородских бояр и послужили основой Жития М. К.

Житие М. К., как литературный памятник, объединивший в единое повествование возникшие в разное время устные рассказы о юродивом монастыре, было создано в 1478—1479 гг., т. е. в период самой острой борьбы за подчинение Новгородской боярской республики Москве. Житие это представлено тремя редакциями: первой, второй и Тучковской. В настоящее время известно 68 списков Жития: 9 — первой редакции, 6 — второй, 52 — Тучковской редакции и 1 — поздняя переработка Туч-

ковской редакции. Первая редакция дошла в двух вариантах: А («Прихождение Михайла уродиваго Христа ради ко святей Троицы на Клопско») и Б («О житий святого Михайла Христа ради уродиваго»; «Месяца генваря 11 день преставление преподобнаго Михайла Клопского в Великом Новеграде»; «Месяца генваря в 11 день пророчество и приход Михайла святыя Троица, зовомо Клопско, новгородцкаго чудотворца»). Оба варианта восходят к общему протографу, который в каждом из этих вариантов отразился не в полном составе. Во второй редакции («Месяца генваря в 11 день прихождение преподобнаго Михайла уродиваго Христа ради ко святей живоначальной Троицы, иже есть монастырь зовомый Клопско. Повесть от жития его и како пророчества в лета бывшая») имеются все эпизоды обоих вариантов первой редакции. Вторая редакция восходит к общему с вариантами А и Б первой редакции протографу — первоначальному тексту произведения.

Таким образом, чтобы составить представление о первоначальном тексте произведения, необходимо сопоставлять текст двух вариантов первой редакции со второй. В. О. Ключевский называл первую редакцию редакцией «Чудес», а вторую — редакцией «Пророчеств» и считал первоначальной редакцию «Пророчеств», а вторичной редакцию «Чудес». Из Жития новгородского архиепископа *Ионы* известно, что Иона просил *Пахомия Логофета* написать Житие М. К., но Пахомий отказался. Видимо, это объясняется слишком далеким от житийных канонов характером рассказов о М. К., которые уже бытовали в устной традиции в то время, когда Иона просил Пахомия написать житие этого новгородского святого. Этот не житийный характер первоначальных рассказов о юродивом Клопском монастыре полностью отразился в обоих вариантах первой редакции произведения.

Первоначальное Житие М. К. от обычного вида житий прежде всего отличается построением сюжета. В этом Житии нет ни вступления, ни заключения, нет никаких сведений о биографии святого. Житие состоит из отдельных кратких повестушек, рассказываются различные случаи из жизни монастыря, как правило, бытового, реалистического характера. Неканоничность первоначального текста Жития М. К. очень заметно проявляется и в языке произведения, для которого характерно употребление просторечных, разговорных оборотов, диалектных слов, выражений пословичного характера, рифмованных фраз. Не случайно А. С. Орлов назвал Житие М. К. «Художественным памятником живого языка» (Орлов А. С. Древнерусская литература XI—XVII веков. М.; Л., 1945, с. 194). Житие М. К. было написано в стенах Клопского монастыря кем-то из монахов, человеком, происходившим скорее всего из слоев либо среднего купечества (посмертное чудо святого совершается с купцом), либо ремесленников. В идейном отношении Житие отличают резко выраженные антибоярские тенденции, оно носит промосковскую ориентацию: в памятнике оправдываются все действия московского князя, направленные против новгородского боярства, осуждаются действия крамольников, восставших против великого князя московского. В этом отношении Житие М. К. следует расценивать как одно из заметных проявлений идеологической борьбы конца 70-х гг. XV в. Популярный среди новгородских демократических слоев населения юродивый М. К. выступал поборником подчинения Новгорода Москве, страстным и бескомпромиссным обличителем тех, кто поддерживал сепаратистские устремления новгородской боярской верхушки. Не случайно после присоединения Новгорода к Москве, когда многие земли новгородских монастырей были конфискованы московским великим князем, Клопскому монастырю были пожалованы земельные наделы.

Вторая редакция Жития, в которой автор стремился придать произведению более отвечающий житийному канону вид, была создана в 90-х гг. XV в. И. С. Некрасов высказывал предположение, что автором этой ре-

дакции был составитель *Новгородской III летописи*. Однако это предположение ошибочно, так как время составления НПЛ относится к XVII в. Во второй редакции промосковская тенденция Жития усилилась еще больше. Есть основание предполагать, что эта редакция создавалась по поручению новгородского архиепископа *Геннадия*. Автор второй редакции широко воспользовался в своем произведении заимствованиями из пахомиевского Жития архиепископа Евфимия II, использовал он также и пахомиевское Житие Кирилла Белозерского. Во второй редакции появляются цитаты из книг Священного писания, приводятся молитвы святого, чего в первой редакции не было. Значительные изменения претерпел во второй редакции и язык произведения: здесь уже широко употребляются сложные синтаксические обороты, церковно-славянская фразеология, речь украшается многочисленными эпитетами и метафорами, «подчищается» язык и тех мест второй редакции, которые представляют собой повторение текста первой редакции. Однако во многих случаях во второй редакции сохраняется живая разговорная и диалектная лексика первоначального текста произведения.

В 1537 г. боярским сыном *Василием Михайловичем Тучковым* по поручению новгородского архиепископа, будущего митрополита всея Руси *Макария* была создана третья редакция Жития М. К. — Тучковская. Эта редакция представлена двумя вариантами. Один вариант отличается от другого вставкой рассказа о пророчестве М. К. новгородскому архиепископу Ионе. Рассказ этот заимствован из *Жития Ионы*. Непосредственной причиной создания Тучковской редакции Жития М. К. явились литературно-идеологические мероприятия Макария, который в это время вел работу по составлению *Великой Миней Четых*. В то время, когда Тучков, находясь в Новгороде, писал свою редакцию Жития М. К., происходил мятеж Андрея Старицкого. Эти важные в политической жизни страны события нашли отражение в сочинении Тучкова. Василий Михайлович Тучков, перерабатывая Житие М. К. в обстановке мятежа Андрея Старицкого, придал своему произведению общерусское звучание, усилил направленность Жития против «межусобных браней» русских князей с великим князем московским. Тучков придал тексту Жития более пышный, торжественный характер, и оно приобрело под его пером значение не местного, а общерусского произведения. Это был текст, отвечавший уже всем канонам агиографического жанра: рассказу о святом предпослано обширное риторическое вступление, после рассказа о смерти М. К. читается многоречивое похвальное слово святому, к единственному посмертному чуду первоначальной и второй редакции Тучков добавляет еще четыре новых чуда. Своеобразный новгородский колорит, сохранявшийся еще и во второй редакции Жития, под пером Тучкова пропадает совсем. От первоначальной основы Жития в Тучковской редакции сохраняется только фабула.

Житие М. К. — интереснейшее произведение древнерусской книжности, литературная история которого отражает и социальные стороны жизни Древней Руси, причем отражает их разносторонне и живо, и политическую борьбу 70-х гг. XV в.—первой половины XVI столетия, и литературное движение текста от «неукрашенного», почти просторечного повествования к изысканно риторичному, написанному с высоким мастерством сочинению.

Изд.: Некрасов И. С. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса, 1870, Прил.; ПЛ, СПб., 1862, вып. 4, с. 36—51; ВМЧ, январь, тетрадь 2, дни 6—11. М., 1914, стб. 730—740 (опубликовано только самое начало Тучковской редакции Жития); Повести о житии Михаила Клопского / Подгот. текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958, с. 89—167; «Изборник»: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969, с. 414—431.

Лит.: Краткое описание новгородского третьеклассного мужского Клопского Троицкого монастыря, составленное тщанием настоятеля обители сей, игумена Герасима Гойдукова. М., 1815; Муравьев А. Жития святых российской церкви. Также иверских и славянских. Месяц январь. СПб., 1857, с. 174—187; Ключев-

ский. Древнерусские жития, с. 209—217, 232—235; Краснянский Гавриил. Месяцеслов (святцы) новгородских святых угодников божиих. Новгород, 1876, с. 1—7; Помяловский М. И. По вопросу о московско-новгородских отношениях XV—XVI веков. — ЖМНП, 1898, январь, с. 40—60; Васенко П. Г. Житие св. Михаила Клопского в редакции 1537-го года и печатное издание. — ИОРЯС, СПб., 1903, т. 13, кн. 3, с. 44—58; Смирнов И. И. Мятеж Андрея Старичего 1537 года. — ИЗ, М., 1955, № 50, с. 291—296; Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973, с. 185—198.

Л. А. Дмитриев

Никиты мучение. Мучение Н. относится к апокрифическим житиям, или, вернее, мартириям первых христианских мучеников, погибших за веру. Память его отмечается церковью 15 (28) сентября. В русских списках это произведение носит название «Никитино мучение, нарицающее его сына Максимьянова царева, иже бе сам мучил». Упоминание о Мучении Н. встречается в индексе отреченных книг XI в. (см. *Списки отреченных книг*), оно вошло в «Правило 59 Лаодикийского собора» наряду с «Обиходами апостольскими», «Георгиевым мучением» и другими так называемыми богомилскими апокрифами. В русской «Статье о ложных книгах» это упоминание («Никитино мучение, именующе его яко царев сын») дополнено словами: «и беса мучил». Поскольку центральным мотивом Мучения Н. явилась борьба главного персонажа с дьяволом и победа над ним, то, возможно, слова в названии славянских списков «иже бе сам мучил» есть вариант «иже беса мучил».

Издавший греческие и русские списки Мучения В. М. Истрин считал, что и в византийской, и в славянской письменности было два разных произведения, оба приуроченные к 15 сентября. Это приурочение есть уже в греческих списках. Греческие индексы запрещенных книг не упоминают Мучения Н. Наряду с каноническим *Житием Никиты Готского* Мучение читается и в Прологах (см. *Пролог*), и в Четьих Минеях. Уже на греческой почве, полагал В. М. Истрин, началось смешение обоих мучений разных лиц с именем Никита: «При переходе византийской агнографической и мартироложной письменности к южным славянам явилось два описания мученической кончины Никиты, оба приуроченные к одному и тому же дню и, следовательно, в глазах славянина относящиеся к одному лицу». В Прологах и Четьих Минеях чаще, однако, встречается *Житие Никиты Готского*. В апокрифическом Мучении Н. отмечается, что Н. был сыном царя Максимилиана, в этом особенность Мучения. В нем больше, чем в каноническом Житии, элементов чуда, благодаря чему, вероятно, оно и стало впоследствии книгой отреченной. Текст оказал влияние на изображение, в частности на иконопись, где Н. предстает, как правило, попирающим беса и бьющим его цепью.

По мнению В. М. Истрина, греческие и славянские списки Мучения Н. во многом сходны между собой, различия заключаются в порядке изложения основного содержания произведения. Основные части Мучения, такие, как например история уверования Н. в истинного бога, перечисление мучений Н., эпизод с дьяволом в темнице, сказание о смерти Н., сохраняются и в оригинале, и в переводе. В. М. Истрин отметил наличие в Мучении многих «общих мест», в частности в рассказе об уничтожении Н. идолов и обличении нечестия царя. Ни один список, по мнению исследователя, не сохранил первоначального текста полностью, но все списки представляют собой независимые друг от друга переделки. Все русские списки, известные В. М. Истрину, он отнес к одной редакции, за исключением списка в Минее 1489 г. На начало текста в нем повлияло каноническое *Житие Никиты Готского*. Дошедший в этом списке текст перевода был, по мнению Н. С. Тихонравова (его разделяет и В. М. Истрин), сделан в конце XII в. в Южной Руси (В. М. Истрин указывает на многочисленные списки Мучения западнорусского происхождения, переведенные с латинских текстов).

С именем Н. связаны две закликательные молитвы, одна из них читается перед сном, другая приписывается самому Н. перед смертью. В этих молитвах проявилось отношение древнерусского человека к мученику Н. как к главному защитнику от демонов.

Изд.: ПЛ, т. 1, с. 146—147; Тихонравов. Памятники, т. 2, с. 112—120; Истрин В. М. Апокрифическое мучение Никиты. Одесса, 1899 (там же греческие тексты и исследование памятника); Франко. Апокрифы, т. 5, с. 119—137.

М. В. Рождественская

Николая Мирликийского житие. Н. М. (Н. Чудотворец, Н. Угодник) — один из наиболее почитаемых на Руси православных святых. В древнерусской книжности встречается около сорока различных произведений, соотнесенных с его культом, в том числе несколько его житий.

1. «Житие и жизнь и от части чудес сказание преподобного отца нашего чудотворца Николы, архиепископа Мир Ликийских» (нач.: «Мудра (убо) некая вещь живописец рука, имущи уподобитися истине. . .»). Житие Н. М., бывшего, по преданию, в IV в. епископом г. Мира в Ликии (область на юго-западе полуострова Малая Азия), написанное известным византийским агиографом Симеоном Метафрастом (X в.), в русском переводе широко распространено; оно известно в списках начиная с XV в. В сборниках оно часто соседствует с другим житием Н. М. (так называемым «иным житием», см. о нем ниже). Житие, созданное Метафрастом, вошло в *Великие Минеи Четы*, а в XVII в. в состав старопечатной книги, включавшей различные памятники, посвященные Н. М., — «Служба и житие Николая Чудотворца» (М., 1643). Житие написано в обычной для Метафраста риторической манере. В Житии повествуется и о некоторых чудесах святого — чуде «о трех девицах» (нач.: «Отселе убо лепо есть еже и почести сказати. . .»), «о трех мужах» («Некогда убо мятеж воста в велицей Фригии») и «како избави корабль от потопа» («Некогда убо корабленицы от Египта шествие сотворяюще»): эти жития иногда переписывались отдельно или присоединялись к чудесам «инога жития». Житие Метафраста было переработано болгарским книжником Дамаскиным Студитом (XVI в.) и в составе комплекса его произведений попало на Русь. В списке ГИМ, собр. Хлудова, № 69 (XVIII в.) это Житие озаглавлено: «Житие и жизнь преподобного отца нашего Николая архиепископа Мирликийского чудотворца, реченное от малейшего в монасех Дамаскина иподиакона и Студита» (нач.: «Приятно есть благословении христиане рука живописцев. . .»).

2. «Житие и деяние иже во святых отца нашего Николы архиепископа Мирликийского чудотворца и заступника роду христианского» (нач.: «Водни прежняя благоволи бог взыскати писания. . .»). Это Житие, в литературе именуемое «иным житием», представляет собой перевод греческого Жития Николая, епископа Пинарского, жившего, согласно преданию, в VI в. Еще на греческой почве Николая Пинарского отождествили с Н. М. (оба подвизались в одной области — Ликии), и Житие первого стало надписываться как Житие Н. М. Так возникла особая, отличная от Метафрастовской, редакция Жития. Русский перевод «инога жития» осуществлен, вероятно, еще в XI в. Существуют две редакции Жития — Сокращенная (издана в серии ПДПИ, № 34 архимандритом Леонидом) и Пространная (ОЛДП, № 28), в текст которой внесен ряд дополнений из Жития, составленного Метафрастом, в том числе и некоторые чудеса («о трех мужах», «о избавлении корабля от потопа», «о трех девицах»). Перечень дополнений отмечен в работе П. О. Потапова (К литературной истории. . ., с. 126—127). С этим Житием оказывается тесно связанным сказание о посмертных чудесах Н. М.: «Чудеса и деяния иже во святых отца нашего Николы» (нач.: «Добро бо есть нам божие писание к вам проповедати. . .»). Число посмертных чудес доходит до 15: это чудеса «о Дмитрии», «како избави корабль от потопа», «о Агрике и сыне его

Басилии», «о юноше», «о Христофоре попе», «о Петре», «о ковре», «о трех иконах», «о обнищавшем монастыре», «о человеце, его же избави от желез» или «о Епифании», «о трех друзех» (нач.: «В дни и в лета, егда царствоваста Пров царь и Флорьян...») и вариант его — чудо «о трех мужах» (нач.: «И еще некая от чудес святого и великаго отца Николы...»), «о трех девицах» (нач.: «В един же от дний бысть некто боярин в граде богат...»); это чудо отличается от одноименного чуда в Житии Метафраста), «о некоем срацынине», «о детище» и «о половчине». Чудеса переписывались в сборниках как вслед за текстом «инога жития» (в составе которого более 20 прижизненных чудес Н. М.), так и отдельно; при этом в сборниках число чудес и их последовательность постоянно варьируются. Существовало мнение, что «инога житие» или по крайней мере сказание о посмертных чудесах Н. М. — русские сочинения. Это мнение было опровергнуто обнаружением греческого источника «инога жития», а также источников рассказов о посмертных чудесах. Однако допустимо, что на Руси были составлены некоторые из этих чудес: чудо «о ковре», «о человеце, егоже избави от желез» (или «о Епифании»), «о некоем детище», «о половчине» и, быть может, «о трех иконах». Житие и сказание о чудесах широко встречаются в списках с XV в., но отдельные чудеса входят в состав сборников и более раннего времени: в Торжественнике XII в. (ГПБ, Ф.п.1, № 46) находится 8 чудес Н. М.

3. «Житие и чудеса святого отца Николы, архиепископа Мирского града» (нач.: «Во дни они бысть муж правдив и благочестив (боготец) в стране града Голасия...»). У Никольского (Повременной список, с. 368, 382) этот памятник ошибочно рассматривается дважды. Житие это — сокращенная переработка «инога жития», оно встречается в свою очередь в более пространным и более кратком вариантах.

4. «Житие и жизнь и от части чудес и о преставлении и о погребении иже во святых отца нашего Николы, великаго архиерея Мирликийского чудотворца изложено вкратце» («Слово иже во святых отца нашего Николы, о житии его и о хождении его и о погребении») (нач.: «Благословен еси, господи Иисусе Христе... Мы же, братия, прославим ту землю, где жил святой Николае...»). Это житие В. О. Ключевский считал особой переработкой («некнижной редакцией») южнославянского сказания о Н. М.; П. О. Потапов отмечает, что Житие это «не имеет ничего общего ни с житием Метафраста, ни с «пным житием», и указывает его греческий источник. Болгарский перевод этого греческого сказания был переведен на Руси и широко распространялся в списках начиная с XV в.

5. В списках, по преимуществу западнорусских, встречается также Житие, называемое «Живот иже во святых отца нашего Николая Мирликийского» (нач.: «Парата есть место в земли Ликийи, в котором ся уродил святой Николае...»). Это Житие встречается в письменности реже, чем предыдущие.

Существует три варианта кратких, проложных житий (см. *Пролог*). При сходстве заголовков (например: «Память преподобного отца нашего Николы, архиепископа Мюрьския Лукия», «Память иже во святых отца нашего Николы, великаго чудотворца, архиепископа Мюрьска», «Память иже во святых отца нашего великаго Николы чудотворца, архиепископа Мир Ликия») эти памяти различаются текстуально. Начало первого вида памяти: «В царство великаго Константина бысть той великы архиерей и чудотворец...», второго вида: «Той святой отец наш Никола бе от Мирского града...», третьего вида: «Сий великий беаше в лета Диоклициана...». Проложная память третьей разновидности вошла в печатный Пролог XVII в. Существует отдельная проложная память на день перенесения мощей Н. М. (нач.: «Понеже за умножение грехов наших попущающу богу на крестьяны зело многы казни...»).

Цикл памятников связан со смертью и погребением Н. М.: 1) «Слово на преставление иже во святых отца нашего Николы, архиепископа Мир-

ликийского чудотворца» (нач.: «Еще скажу, вам, братья, о том о смерти святого великаго чудотворца Николы...»); памятник известен в списках начиная с XVI в.; название его и начальные слова в списках варьируются; 2) «Слово о смерти святого Николы» (нач.: «Изжив на свете Николае лета богоугодно, честно...»); «Слово» известно в списках начиная с рубежа XV—XVI вв.; название и начальные слова его варьируются; 3) Слово «О погребении святого отца Николы» (нач.: «Соберитесь, отцы, просветите церковь, притецйте священницы...»).

Помимо рассмотренных выше памятников широко распространены похвальные слова на перенесение мощей Н. М. (см. *Ефрем, епископ Переяславский*), службы Н. М. (см. *Григорий, киево-печерский монах*), посмертные чудеса Н. М. при Стефане Сербском и другие памятники.

Цикл произведений, связанных с Н. М., неоднократно издавался в XVII в.: «Службы и житие Николая Чудотворца» (М., 1640; переиздания — 1641 и 1643 гг.), «Службы, житие и чудеса Николая Чудотворца» (М., 1662; переиздания — 1679, 1688, 1694 и 1699 гг.). В состав их входили службы Н. М., Житие его, написанное Симеоном Метафрастом, похвальные слова Н. М. и на день перенесения его мощей, посмертные чудеса Н. М. Во втором издании (1662 г. и след.) приводится иная редакция чудес Н. М. о Стефане, что дало повод Н. К. Никольскому рассматривать их как различные произведения.

Помимо книжных памятников Н. М. посвящались духовные стихи, религиозные предания и легенды. К циклу сказаний о Н. М. примыкает также цикл об иконе Н. М., перенесенной Евстафием из Корсуня в Зарайск (см. *Повесть о Николе Зарайском*).

Изд.: Ключевский И. И. Древнерусские жития, с. 217—220, 453—459; Житие Николая Чудотворца: Литографированный текст по рукописи XVI в. в Московском публичном Румянцевском музее F № 15. СПб., 1878, 1882 (ОЛДП, № 28 (примечания см.: ПДП, 1879, вып. 2, с. 105—109), № 40); Леонид. 1) Житие и чудеса св. Николая Мирликийского и похвала ему: Исследование двух памятников древней русской письменности XI века. СПб., 1881 (на обложке — 1882) (ПДПИ, № 34); 2) Посмертные чудеса святителя Николая, архиепископа Мир-Ликийского чудотворца: Памятник древней русской письменности XI века. Труд Ефрема, епископа Переяславского (по пергаментной рукописи исхода XIV в. библиотеки Троице-Сергиевой лавры № 9). СПб., 1888 (ПДПИ, № 72); Житие и чудеса святителя и чудотворца Николая: По рукописи Макариевских Четвх Миней / Изд. Археограф. комиссии. М., 1904; ВМЧ, декабрь, дни 6—17. М., 1904, стб. 551—728.

Лит.: Срезневский И. И. Сказание о святителе Николае, сравнительно с духовными стихами. — Сведения и заметки, 1867, т. 1, вып. 4, № 32, с. 19—29 (то же: СОРЯС, т. 1, № 9); А. А. [Антоний]. 1) Св. Николай, епископ пинарский и архимандрит сионский. — Труды КДА, 1869. июнь, с. 445—497; 2) Еще о святителе Николае Мирликийском. — Там же, 1873, декабрь, с. 241—288; Вознесенский А., Гусев Ф. Житие и чудеса св. Николая чудотворца и слава его в России. СПб., 1889; Никольский. Повременный список, с. 302—395; Орлов А. Русское «некнижное» житие Николая Чудотворца. — В кн.: Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909, с. 347—358; Потапов П. О. К литературной истории рукописных сказаний о св. Николае чудотворце. — Учен. зап. Высшей школы г. Одессы. Отдел гуманитарно-общественных наук, Одесса, 1922, т. 2, с. 124—129; Сперанский М. Н. 1) К истории взаимоотношений русской и южславянских литератур. — ИОРЯС, Пг., 1923, т. 26 (за 1921 г.), с. 196—200; 2) Международный странствующий сюжет в сказании о чуде св. Николая. — Там же, с. 124—142.

О. В. Творогов

Нифонта Константинского житие. Переводное с греческого Житие Н. К. было широко известно в древнерусских списках. В Житии повествуется, как Н. К. в юности, следуя наущению бесов, вел разгульную и распутную жизнь. Когда же будущий святой раскаялся и обратился к благочестию, бесы еще долгое время, являясь ему в видениях, угрожали, искушали его и вызывали на догматические споры, внушая еретические мысли. Став праведником-аскетом, Н. К. получил особую способность видеть бесовские «козни», поэтому в Житии много эпизодов, когда Н. К. уличает бесов, толкающих людей на греховные поступки, влекущих

их к мирским развлечениям, и т. д. В Житии Н. К. много вещей снов, видений (в которых рассказывается о рае, загробных муках, «мытарствах»). В тексте находится ряд вставных новелл: о милостивом Созомене, о праведнике-«мурине», о наказанном божественной карой морском разбойнике Феогносте и др.

Исследователи выделяют три редакции памятника: две пространные, представленные списком 1219 г. (ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 35) и рядом других, в числе которых и список ГПБ, собр. ОЛДП, Q.XVII (45), изданный ОЛДП, и список ГПБ, Соловецкое собр., № 525/212 и подобными ему, а также краткую редакцию, известную по списку конца XII в. (ГБЛ, Музейное собр., № 62; так называемый Выголексинский сборник) и по четырем спискам XVI—XVII вв.: ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 793; ГБЛ, Волоколамское собр., № 521; ГБЛ, собр. Румянцева, № 362; ГПБ, Соловецкое собр., № 984 (1093).

Кроме того, в древнерусской книжности получили широкое распространение извлечения из Жития Н. К., вошедшие, в частности, в сборники постоянного состава — *Златоуст* и *Измарагд*:

1. «Слово св. Нифонта, како подобает всякому христианину обедати на трапезе с тихостю и молчанием» (нач.: «Некогда преходя праведный Нифонт виде человека сидяща и обедающа...») читается в Златоусте в субботу 4-й недели поста. Тот же текст с иным заголовком («Слово св. Нифонта о ядении») и иным началом («Паки преходя святыи Нифонт и обрете человека обедающа...») читается там же в неделю 10-ю после недели всех святых. Варианты этого же слова читаются также в прологах и входят в *Великие Минеи Четьи* под 9 августа. Эта статья восходит к 62-й главе Жития Н. К. пространной редакции (главы указаны по изданию А. В. Рыстенко; там они соответствуют делению на главы греческого текста).

2. «Слово св. Нифонта о русалиях» (нач.: «Рече святыи Нифонт: якоже труба гласящи, собирает вои, тако и молитва...») читается в Измарагде первой редакции — глава 23; во второй редакции Измарагда это слово составляет 33-ю главу, но начинается иначе («Иногда бысть идущу блаженному Нифонту...»). В Златоусте это слово читается в отдельных списках на 12-ю неделю после недели всех святых. Слово это по Измарагду первой редакции опубликовано (ПЛ, СПб., 1860, вып. 1, с. 207—208). Этот текст восходит к 127—128-й главам Жития, но существенно сокращен.

3. Слово Н. К. «како подобает в церкви стояти и о смирении» или «Слово св. отца Нифонта к верным» (нач.: «Тайну убо цареву подобает (достой) хранить, дела же божи проповедати...»), имеющее текстуальные соответствия в главах 1, 39 и 52 Жития Н. К., входит в качестве 50-й главы в первую редакцию и как 23-я глава во вторую редакцию Измарагда. По Измарагду статья издана И. И. Срезневским (Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1863, с. 227—229).

4. «Слово св. Нифонта о искушении божи» (нач.: «Сего дела, братие, попускает бог укору примати и скорби...») составляет 32-ю главу Измарагда второй редакции. Эта статья — извлечение из 64-й главы Жития Н. К.

5. «Слово св. Нифонта о богатом и скупом (о богатом скупе)» — пересказ 74-й главы Жития (нач.: «Иногда святыи Нифонт ходя видя человека, емуже множество молящих нищих...»); статья входит в Измарагд второй редакции (108-я глава) и читается в ВМЧ под 10 августа.

6. «Слово св. Нифонта, како в последнем издыхании покаянием и слезами и милостынею угодити богу» (нач.: «Виде преподобный Нифонт два ангела, возносяща душу на небо...») читается в прологе второй редакции под 29 декабря и под тем же числом в ВМЧ (опубликовано: ВМЧ, декабрь, дни 25—31. М., 1912, стб. 2441—2443). Эта статья — пересказ 101-й и 102-й глав Жития Н. К.

Кроме того, в сборниках встречаются статьи: «От книг св. Нифонта о мыслях» (нач.: «Вопросы некто святого Нифонта, глагола, яко бог в тебе живет. . .») и «О святом Нифонте, к немуже бог глагола о смиренности» (нач.: «Молящуся некогда блаженному Нифонту. . .»).

Изд.: Житие преподобного Нифонта. СПб., 1879—1895, вып. 1—3 (Изд. ОЛДП, № 39, 62, 70). См. также: ПДП, 1880, вып. 2, с. 33—51; ВМЧ, декабрь, дни 18—23. М., 1907, стб. 1783—1837; Материали з исторії візантійсько-слов'янської літератури та мови/Підг. А. В. Ристенко. Одеса, 1928; Выголексинский сборник/Изд. подг. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голыщенко. М., 1977.

Лит.: Поленов Д. В. Житие св. Нифонта Константиноградского по рукописи XII—XIII века. — ИпоРЯС, СПб., 1862, т. 10, вып. 4, с. 374—387; Соболевский А. И. Два древних памятника галицко-вольнского наречия. — РФВ, 1884, т. 12, вып. 3, с. 94—99; Житие св. Нифонта, лицевое XVI в. М., 1903 (имп. Российский исторический музей. Описание памятников. Вып. 2); Ляпунов Б. М. Профессор А. В. Ристенко и напечатанные им тексты Жития Нифонта. — Известия Одесского библиографического о-ва при Новороссийском ун-те, Одесса, 1917, т. 5, вып. 3—4, с. 85—103; Ходова К. И. Из наблюдений над лексикой древнерусского списка «Жития Нифонта» 1219 г. — Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР, М., 1954, т. 9, с. 182—204; Тихомиров Н. Б. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII веков, хранящихся в Отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. — Записки ОР ГБЛ, М., 1965, вып. 27, с. 103—105, 136—142.

О. В. Творогов

Паисия Угличского житие. Относится к типу житий-биографий, посвященных церковно-политическим деятелям, основателям монастырей. Тип подобного жития известен и в византийской агиографии, например *жития Саввы Освященного, Федора Студита, Пахомия Великого*. П. У., в миру Павел, принадлежал к роду Гавреневых. Отец его Иоанн и мать Ксения жили в Нерехотском стану, на меже Кашинской в селе Богородском под властью удельного князя Андрея Васильевича Большого Угличского, брата *Ивана III*. П. У. рано осиротел и воспитывался в Калязинском монастыре у своего дяди Макария. Там же он был пострижен в 10 лет. С детства П. У. отличался святостью, днем молился, ночью переписывал книги. В одну из ночей ему явился ангел и предсказал настоятельную деятельность. Вскоре по просьбе князя П. У. переезжает в Углич и основывает Покровский монастырь. Всю жизнь он, будучи игуменом, проводит в тяжких трудах и молитвах и умирает в 1504 г. в возрасте 107 лет. Этот возраст противоречит другим сведениям Жития, так как из него следует, что П. У. родился в 1397 г. и был на три года старше своего дяди Макария, скончавшегося в 1483 г. на 83-м году жизни.

Время составления Жития П. У. неизвестно; предположительно можно связать его со временем канонизации. Е. Голубинский предполагал, что она произошла в конце XVI—начале XVII в. В «Ярославских епархиальных ведомостях» (1893, № 42, стб. 657—666) с ссылкой на рукопись Московского Румянцевского музея № 934 напечатана записка, пересказывающая Житие П. У. и сообщающая о чудесах и исцелениях у его гроба, после чего по представлению ростовского архиепископа (без имени) «по соборному правилу и всероссийского священноначалия совету и благословению повелено священнослужителям вписать в синодик преподобнаго церковию и вкупе со святыми почитати. . . июня месяца в 6 день непреложно, яко жь свидетельствует написанная книга Жития и достоверных чудес его во обители преподобнаго Паисия, достолепно хранящая ученики его». Упоминание в записке ростовского архиепископа может указывать на время до 1589 г., когда была учреждена ростовская митрополия. Филарет Гумилевский назвал автором Жития и чудес П. У. угличского инок *Сергия*, жившего в конце XVI—начале XVII в. и написавшего в 1610 г. ряд угличских житий (Филарет. Обзор, № 202, с. 312—313). В. О. Ключевский поставил под сомнение авторство Сергия, не подтверждаемое рукописями, и обратил внимание на то, что в более поздней работе («Русские святые, чтимые всею церковью или местно») Филарет не повторил атрибуции Жития Сергию.

Ключевский упоминает две редакции Жития П. У. — краткую и пространную, с позднейшими прибавлениями и хронологическими указаниями, однако не берется судить о первоначальности одной из них. О двух редакциях говорит и Леонид, датируя краткую XVII в., а пространную 1776 г. Последняя датировка скорее всего появилась из-за упоминания Ключевским списка 1776 г. Краткая редакция известна по дефектному списку ГПБ, Q. XVII. 69, XVII в. и по иллюстрированному сборнику ростовских житий ГПБ, собр. Титова, № 1084 (охран. кат. 43), XVIII в. (1751 г.). Пространная редакция известна по спискам ГПБ, собр. Титова, № 1642 (охран. кат. 2642), XVIII в. и ГПБ, собр. Вяземского, Q. XXXVII, конца XVIII—начала XIX в. Третий тип текста Жития, по видимому, испытал на себе влияние летописных источников; он читается в рукописи Московского Румянцевского музея № 934 при записке о канонизации П. У. (см.: Ярославские епархиальные ведомости, 1893, № 42).

Краткая редакция написана по образцу житий *Пахомия Серба*. Она предваряется предисловием, последние слова которого — «о нем же нам ныне слово предлежит» — указывают на богослужебно-гомилитические цели написания Жития: оно должно было читаться в церкви или в монастырской трапезной. В заключение приводятся Слово похвальное и чудеса. Как и гомилитические жития Пахомия, ставшего с середины XVI в. «образцом и учителем почти всех русских книжников, писавших жития, слова, сказания и службы святых» (Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, с. 219), Житие П. У. краткой редакции бедно фактическими сведениями. В начале пространная редакция Жития П. У. почти дословно совпадает с краткой. Расхождение начинается с переселения П. У. в Углич. С этого момента текст Жития насыщается фактическим материалом и всевозможными легендами. Большое место уделено описанию строительной деятельности П. У. При основании монастыря деревянная церковь чудесным образом переносится на новое место. Перед постройкой соборной каменной церкви П. У., молящемуся всю ночь, является Богородица на облаке, а место для постройки обозначается лучами божественного света. При строительстве церкви в Угличе были обретены мощи князя Романа Угличского, а под берегом найдена икона Покрова Богородицы, поставленная потом в соборной церкви. Далее рассказывается о большом пожаре в Угличе и о наводнении от разлива Волги. В Житии пространной редакции появляются новые персонажи — ростовский архиепископ Тихон, основатель Учемского монастыря Кассиан (см. *Кассиана житие*), ученик П. У. — Адриан; поименно перечислены съехавшиеся на освящение соборной церкви игумены окрестных монастырей. Пространная редакция составлена после польско-литовского разорения. В основу ее легла краткая редакция, дополненная по другим источникам, одним из которых был Угличский летописец. На него указывает сам автор пространной редакции — после польского нашествия «летописец града Углича тогда изгибе и сие едва в ризнице преподобнаго отца обрести возмогах, да и то вся истлевша и подрана весма и едва мощно разобрати». Возможно, именно из этого ветхого летописца и попали в пространную редакцию даты: 6974 (1466) — переселение П. У. в Углич; 6987 (1479) — постройка церкви и крещение детей князя Андрея. На этот же летописец ссылается автор, излагая историю ареста Иваном III угличского князя и его детей: «В летописце и от тоя же истории предреченных повестей, яже о изгнании благовернаго князя Андрея с Углича братом его Московским Иваном. В мале убо времени по воздвижении соборныя церкви преподобнаго во граде Угличе, точию егда соорудив соборную церковь каменную благоверный князь и дворец каменный построи, в той год вознепщева на него некако и воста брат его родный князь Иван Московский и согнав брата своего благовернаго и великаго князя Андрея с престола и с Углича, да и с чады его благоверными князи Иоанном и Дмитрием и в темницу и с чады его заточи. И потом в мале

времени и умре благоверный князь Андрей и погребен бысть благолепне в царствующем тогда богоспасаемом граде Москве». Версия об аресте князя Андрея вместе с детьми в Угличе не совпадает с другими летописными источниками, и это было известно писцу списка Вяземского, Q.XXXVII, приписавшему на полях: «Зри, что благоверный князь Андрей в Москву взят бысть с Углича и ту в приказе уморен. Зри. И Московский древний летописец сказует, что увезен благоверный князь Андрей к Москве и там в темнице уморен бысть голодом, а погребен тамо же в Архангеле соборе, что там гробница его и до ныне и образ его о сем ясно зрится». Другим источником, неточно рассказывающим об аресте князя Андрея, могли быть жития его сыновей Иоанна, в иночестве Игнатия, и Дмитрия, кончивших свои дни в Вологде (см. *Логгин*). Обращает на себя внимание сочувствие автора Жития П. У. удельному князю и его детям и неодобрительный тон по отношению к Ивану III, названному просто князем московским, в то время как Андрей величается не только благоверным, но и великим князем.

В краткой редакции Жития помещено 27 посмертных чудес, из которых 2-е относится к 1574 г., а 21-е — ко времени царя Василия Шуйского. В пространную редакцию добавлено еще 4 чуда, одно из которых датировано 1654 г.

Изд.: Ярославские епархиальные ведомости, 1873, № 16—21, часть неофиц. (пространная редакция, издана по рукописи Угличского Покровского монастыря, в разночтениях приведен текст краткой редакции).

Лит.: Киссель Ф. История города Углича. Ярославль, 1844, с. 183—199; Ключевский И. Древнерусские жития, с. 317, примеч. 1, с. 318; Филарет. Русские святые, чтимые всюю церковью или местно, 6 июня. 3-е изд. СПб., 1882, т. 2, с. 196—201; Барсуков. Источники агиографии, стб. 420; Леонид. Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века), обще и местно чтимых. СПб., 1891, № 727, с. 186—187; Голубинский. История канонизации, с. 152; Угличский летописец. Углич, 1914; Будовниц. Монастыри на Руси, с. 206—209.

М. Д. Казан

Петра и Павла деяния (апокрифические). Апокрифические легенды о Петре и Павле возникли в ранней христианской литературе: на «Апокалипсис Павла» ссылается еще Августин (ум. 430), на «Хождение Павла» — Епифаний Кипрский (ум. 403). В этот же апокрифический цикл входят неизвестное древнерусской письменности «Евангелие Петра» и «Деяния Петра и Павла», отличающиеся от одноименной новозаветной книги, связанный с «Деяниями» рассказ о «прении» Петра и Павла с волхвом Симоном, легенда о видении Павла и, наконец, апокрифическое Житие Петра.

Деяния апостолов Петра и Павла (или «Деяние и мучение святых славных и верховных апостол Петра и Павла») повествуют о миссионерской деятельности апостолов, о «прении» с волхвом Симоном и последовавшей за тем казни Петра и Павла. Деяния вошли в *Великие Минеи Четьи* под 29 июня (нач.: «Бысть по отшествии святаго апостола Павла от Гавдомелитскаго острова...»). Текст этот издан М. Н. Сперанским по материалам А. Н. Попова.

С Деяниями сюжетно связано «Прение Петра апостола с Симоном Волхвом». В нем повествуется о пребывании апостола в Риме, споре Петра с Симоном перед лицом императора Нерона, о творимых апостолом и волхвом чудесах. Памятник этот встречается в разных редакциях и под различными наименованиями («Слово прения Петрова с Симоном», «Мучение святого апостола Петра, мучену в Риме Нероном» и др.). Краткий текст (нач.: «Пришедшу убо святому апостолу Петру от Антиохия в Рим, и обиташе близ торгу...») читается в сборниках и прологах (см. *Пролог*) под 29 июня; вошел он и в состав ВМЧ под тем же числом. Более пространный текст (нач.: «По Клавдии же царства Нерон, сын

его, лет 14. При сем Симон волхв пришед в Рим. . .») представляет собой компиляцию из рассказа *Хроники Георгия Амартола* (см.: Истрин В. М. *Хроника Георгия Амартола* в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920, т. 1, с. 252) и текста апокрифа. Эта редакция читается также в ВМЧ, а кроме того в составе *хронографа Троицкого*, *хронографа Тихонравовского* и в сборниках.

К греческому тексту «Апокалипсиса Павла» восходит апокрифический памятник «Видение апостола Павла» («Епистолия апостола Павла», «Хождение апостола Павла по мукам»). В пространной редакции апокрифа, изданной Н. С. Тихонравовым, рассказывается, как апостолу довелось увидеть грозных ангелов, «посылаемых на души неверных», добрых ангелов, охраняющих праведников, и сам ад. Описываются мучения, которым подвергаются там грешники. В этой своей части «Видение» перекликается с апокрифическим «*Хождением Богородицы по мукам*». Известны также сокращенные переработки апокрифа: «Слово о епистолии святого Павла» и «Слово о видении Павла апостола». В *Златоусте* в четверг 5-й недели поста читается статья «Слово от епистолии святого апостола Павла» (нач.: «Сынове человечести, благословите беспрестани бога на всяк час. . .»), а во вторник 2-й недели поста статья «Слово о видении апостола Павла» (нач.: «Тако глаголеть господь пророком: Доколе согрешаеи и прилагаете грехы на грехы. . .»). Эта же статья входит в *Измаград* второй редакции, где составляет главу 118.

Знакомство с апокрифическими легендами о Петре и Павле произошло на Руси, видимо, еще в XI в. А. Н. Попов обнаружил отзвук их в «Слове о немецком прельщении, како научи их Гугнивый Петр ереси» и в статье, сюжетно перекликающейся с обличением «латинян» в *Повести временных лет* (в статье 988 г.). Митрополит *Никифор* (ум. 1121) упоминает апокриф в своем послании к *Владимиру Мономаху*. С Деяниями связаны еще два текста, отмеченные М. Н. Сперанским в рукописи ГБЛ, Петру Ундольского, № 1296: «Мучение святого апостола Петра» (нач.: «Петру апостолу господа нашего Иисуса Христа в Риме радующуся. . .») и «Мучение святого апостола Петра» (нач.: «В лета Нерона цесаря бе в Риме живый Павел Луки от Галатия. . .»). Менее распространены были, видимо, в древнерусской письменности (если вообще ей известны) апокрифические «Житие апостола Петра» и «Житие апостола Павла», встречающиеся в южнославянских списках.

Изд.: Два слова о деннонощной молитве. — ПС, 1858, ч. 2, с. 599—604; Лавровский П. А. Описание семи рукописей имп. Публичной библиотеки. — ЧОИДР, 1858, кн. 4, отд. 3, с. 14—16; Павлово видение. — ПЛ, СПб., 1862, вып. 3, с. 129—133; Хождение апостола Павла по мукам. — В кн.: Тихонравов. Памятники. М., 1863, т. 2, с. 40—58; Уваров А. С. Образ ангела-хранителя с похождениями: (Отрывок из русской символики). — Русский архив, 1864, вып. 1, с. 13—25; Деяния апостола Петра и Павла / (Библиографические материалы А. Н. Попова. Подгот. к печати М. Н. Сперанским). — ЧОИДР, 1889, кн. 3; Шепелевич Л. Этюды о Данте. 1. Апокрифическое видение св. Павла. Харьков, 1891, ч. 1; Яворский Ю. А. Карпато-русское житие апостола Павла. — ИОРЯС, Пг., 1915, т. 19, кн. 4, с. 75—93; Франко. Апокрифы. Львов, 1902, т. 3, с. 12—48; Мочульский В. Н. Апокрифическое житие ап. Петра. — Труды X Археологического съезда в Риге. М., 1899, т. 1, с. 298—305.

Лит.: Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских сочинений против латинян (XI—XV в.). М., 1875, с. 24—27; Сахаров В. Эсхатологические сказания и сочинения в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879, с. 200—219; Батюшков Ф. Сказания о споре души с телом в средневековой литературе. — ЖМНП, 1890, сентябрь, с. 184—204; Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе. — ИОРЯС, СПб., 1899, т. 4, кн. 2, с. 457—462; Архангельский А. С. К истории южнославянской и древнерусской апокрифической литературы. — ИОРЯС, СПб., 1899, т. 4, кн. 1, с. 112—118; Радченко К. Ф. Заметки о пергаменном сборнике XIV века Венской придворной библиотеки. — ИОРЯС, СПб., 1903, т. 8, кн. 4, с. 175—211.

Прокопия Устюжского житие. Сочинение неизвестного автора, составленное в XVI в. на основе местного почитания П. У. Это произведение принадлежит к традиции агиографических сочинений о юродивых. В духе этой традиции происхождение П. У. ведется от «Немецкия земли»; П. У. достигает Новгорода на корабле с дружиною «купецким обычаем». В Новгороде П. У. отказывается от своего богатства и звания, избирает повую, православную веру и духовного наставника — св. Варлаама Хутынского и становится юродивым. Из Новгорода П. У. держит путь через «многие грады и веси и станы», «леса и дрязги и блата», терпит «биение и пхание» и, только прийдя в Устюг, остается возле Успенского собора. Здесь П. У. и совершает свое «папертное житие»; он молится за город Устюг, обращаясь к особо чтимым иконам — Богоматери Одигитрии и Благовещения (отчего последняя стала источать миро). «Подвиги» П. У. представлены в Житии его терпением во время жестоких морозов, когда он был едва одет и обитал все на той же холодной паперти. П. У. был присущ и дар предсказания (он предсказал судьбу будущей матери св. Стефана Пермского, когда она была младенцем трех лет); помогал он и в ратных подвигах. В главе о пророчестве П. У. читается описание его внешнего облика, положенное в основу иконописного типа: «... хождаше по граду во единой раздранной ветхой ризе, и тое с плеча спустя... иного же ничто же имевше у себе, токмо три кочерги в левой своей руке ношаше». Истолкование атрибутов П. У., как это отмечено А. М. Панченко, связано с русским фольклором, с образами плодородия.

Особенность Жития П. У. заключается в отрывочности первых его глав и в их хронологической непоследовательности. Автор Жития стремился местно чтимому святому придать черты общерусского заступника, когда описывал его явление ратным людям в Нижнем Новгороде, когда показывал в числе исцелившихся у гроба П. У. москвичей, в том числе протосафария, боярина Владимира, астраханцев, некой «ярославки», жителя Сольвычегодска и др. К Житию присоединены 28 чудес, приуроченных к событиям XVII в. (прозрения у гроба, исцеления расслабленных, изгнание бесов и др.), причем они также расположены вне хронологического ряда: чудо 26-е под 1671 г., а чудо 28-е относится к Смутному времени («Избавление Устюга от полских и литовских людей»). После чудес П. У. следуют две Похвалы на память св. П. У., главы о храме и образе его (написанном в Устюге на одной доске с св. Варлаамом Хутынским) и чудеса от иконы П. У. Завершается Житие «Похвалой общей преп. Варлаама Хутынского Новгородскому и блаженному праведному Прокопию Устюжскому, новым чудотворцем».

Вместе с Житием Иоанна Устюжского Житие П. У. образует особый цикл.

Изд.: Житие преподобного Прокопия Устюжского. СПб., 1893 (Изд. ОЛДН. вып. 103).

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 277—278, 387—388; Барсуков. Источники агиографии, стб. 462—464; Голубинский. История канонизации, с. 78—79; Шляпин В. Житие праведного Прокопия, устюжского чудотворца и историческое описание Устюжского Прокопьевского собора. СПб., 1903, с. 101—116; Смирнов Я. И. Устюжское извание св. Георгия Московского большого Успенского собора. — Древности. Труды имп. Моск. археолог. о-ва, М., 1916, т. 25, с. 172—175, 204, 246—248; Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976, 94, 104, 105, 108, 112, 121, 126, 127, 133—135, 138, 144, 153, 154.

О. А. Белоброва

Федора Тирона мучение. Переводной агиографический памятник Мучение Ф. Т. («Мучение святого Феодора Тирона, емуже память творим в первую субботу поста», нач.: «Максимиан царь посла по всему своему царству...» или «Максимиан и Диоклитиан царя посласта...») читается в Четьхх минеях под 17 февраля. В нем повествуется, как тирон (воин, новобранец) Ф. Т. отказывается выполнить повеление импера-

тора Максимиана и препосита (воинский чин в римской империи) Вринки и принести жертву языческим богам. Ф. Т. отстаивает свою христианскую веру перед Вринкой и дукинарием (воинский чин) Посидоном, а когда они отпускают Ф. Т., давая ему время одуматься, тот сжигает языческий храм. Ф. Т. хватают и ведут на суд к князю Поплию. Его заточают в темницу, обрекая на голодную смерть, но с божественной помощью святой остается жив и в темнице, окруженный ангелами, славит бога. Ф. Т. подвергают жестоким мукам и сжигают. Однако тело его остается целым, и христианка Евсевия хоронит его и воздвигает над местом погребения церковь.

В прологах (см. *Пролог*) под тем же числом (начиная с древнейшего списка пролога — ГНБ, Софийское собр., № 1324, XII—XIII вв.) читается статья «Страсть святого и великого мученика Федора Тирона» (нач.: «Святой Федор Тирон бе в царстве Максимиане и Максимине горькою гонителю...»), восходящая к греческому менологию. В ней повествуется, как Ф. Т., видя самоотверженную борьбу христиан с притесняющими их язычниками, сам решается исповедывать новую веру. Он сжигает языческий храм, за что мученика «ввергают на огонь». В проложной статье также упоминаются Вринка и «место» Амасия и Еухант — селения, где погиб и погребен Ф. Т. Здесь же появляется и новый мотив: Ф. Т. одолевает дракона, решая, что, победив его, он одолеет и дьявола. Этот мотив, кратко намеченный в проложной статье, ложится в основу апокрифической легенды о Ф. Т. В некоторых индексах ложных книг есть указание: «Федора Тирона еже о змий» (см.: Пыпин А. Для объяснения статьи о ложных книгах. — ЛЗАК на 1861 г. СПб., 1862, вып. 1, с. 40). В апокрифе («Чудо бывшее святого Федора Тирона, како выведе мать от змеа» (нач.: «Во времена Уалента царя, царствующу в Афимстем граде...»), «Слово святого мученика Феодора Тирона (нач.: «В время Уалента царя, царствующе в Афунестем граде...»)) рассказывается, как «первый боярин» Ф. Т. одолел дракона, которому жители города приносили дань — в противном случае дракон, обитающий в подземелье близ некоего кладязя, «удерживает» воду и жители страдают от жажды. Дракон похищает мать Ф. Т. Воин проникает в змеиное царство, с помощью бога одолевает дракона и его змеиное воинство. Мотивы «мучения Федора» оттеснены здесь на второй план, и в конце апокрифа глухо упоминается о том, что преемник царя, которому служил Ф. Т., казнит героя. После смерти Ф. Т. творит чудеса.

В сборник *Златоуст* входит статья «Сказание Нектария патриарха, что ради празднуем в субботу 1 недели поста святого великомученика Феодора Тирона» (нач.: «Приидите, слышите, вернии, како благий Христос наш не остави нас...»). В ней повествуется, как император Юлиан, желая оскорбить религиозные чувства христиан, приказывает разрешить продажу в канун поста лишь оскверненной языческими «требами» пищи. Патриарху Нектарию является в видении великомученик Ф. Т. и советует сварить пшеницу и раздать ее бедноте, иначе, не имея запасов продовольствия, бедняки вынуждены будут покупать оскверненную «ядь» на торжище. С той поры, заканчивает Сказание, первая неделя поста и стала именоваться Федоровой. Статья с тем же заглавием, но иным началом («Яко много множество благостия твоя, господи...») встречается в русских триодных четках сборниках начиная с XIV в. (ГИМ, Чудовское собр., № 20; ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 9). Текст ее более пространный и отличается от текста статьи, входящей в *Златоуст*.

Изд.: Житие св. Федора Тирона. — ПЛ, СПб., 1862. вып. 3, с. 143—145; Гихоравов. Памятники. М., 1863, т. 2, с. 93—99; Франко. Апокрифы. У Львові, 1910, т. 5, с. 144—159.

Лит.: Латышев В. В. К житиям святых Феодора Стратилата и Феодора Тирона. — Изв. Акад. наук, 1911, т. 5, с. 495—500.

Феодора Ярославского житие. Князь Федор Ростиславич Черный, сын Ростислава Мстиславича, князя смоленского, стал ярославским князем, женившись на дочери ярославского князя Василия Всеволодовича (1229—1249) Марии (у Василия Всеволодовича Ярославского не было сыновей). Умер Ф. Я. в 1299 г.

Как полагает Н. И. Серебрянский, либо в год смерти князя, либо в первые годы XIV в. был составлен рассказ летописного характера о последних днях, смерти и погребении Ф. Я. (списком XVI в. этого рассказа Серебрянский считает текст в Прологе — ГПБ, Софийское собр., № 1329). Вероятнее всего, рассказ этот составлен монахом ярославского Спасского монастыря, где был пострижен и погребен князь. Этот рассказ и послужил основой для проложного Жития Ф. Я., самые ранние списки которого датируются XV в.: «Месяца сентября в 19 день преставление благовернаго и христоролюбиваго князя Феодора смоленскаго и ярославскаго». По мнению Серебрянского, проложное Житие было составлено в XIV в. в том же Спасском монастыре. Проложное Житие состоит из двух частей: первая, краткая — биографическая характеристика князя, «измлада» отличавшегося добродетельным житием, заметка о нашествии на Русь Батыя и сообщение о том, как Федор Ростиславич занял ярославский княжеский стол; вторая, пространная часть — сравнительно подробно повествование о смерти и погребении князя (с незначительными разночтениями это повторение того текста, который Серебрянский определяет как летописный рассказ о смерти князя).

Проложное Житие послужило основой для целого ряда последующих редакций произведения. В конце XV в. были составлены две новых редакции Жития — минейная (анонимная) и редакция иеромонаха Спасского монастыря *Антония*. Минейная редакция сохранилась в списках конца XV в., редакция Антония — только в списках XVI в. Обе эти редакции вошли в *Великие Минеи Четьи*. Редакция Антония является распространением анонимной (минейной) редакции. Анонимная же редакция — распространение проложной редакции. Составитель анонимной редакции воспроизвел текст проложной (с незначительными стилистическими вариациями и некоторыми добавлениями), прибавив новые статьи: об открытии мощей князя и его сыновей и о посмертных чудесах. Дополнительные статьи написаны простым языком и указывают на близость автора к описываемым событиям. Анонимное житие появилось вскоре после открытия мощей в 1463 г. Этим событием и было обусловлено появление анонимной редакции Жития. Вероятнее всего, это памятник ярославской письменности. Вскоре после открытия мощей святых, во всяком случае не позже начала XVI в., была составлена своя редакция Жития *Андреем Юрьевым*, которая является риторической переработкой и распространением проложной редакции Жития.

Редакция Антония озаглавлена так: «Месяца сентября в 19 день преставление благовернаго и христоролюбиваго великаго князя Феодора смоленскаго и ярославскаго, и сынов его князя Давида и Коньстянтина. Съставлено же бысть сие житие и чюдеса ермонахом иноком Антонием того же манастыря святаго Спаса, благолепнаго его преображения, по благословению господина пресвященнаго митрополита Филиппа, волею же боголюбиваго и вседържавнаго государя великаго князя Иоанна Васильевича всеа Русии, и при благородном и благочестивем его сыне Иоанне Ивановиче». Таким образом, Антоний написал свою редакцию Жития до 1473 г. (год смерти митрополита Филиппа). В. О. Ключевский считает, что Антоний мог написать свою редакцию Жития только после 1471 г., так как о современном открытию мощей ярославском князе Александре Федоровиче агиограф говорит как если бы его «уже не было на свете» (умер в 1471 г.). Но Серебрянский считает, что делать такое точное заключение на основании этой даты и на упоминании имени Филиппа в заглавии о времени написания Жития в период между 1471—1473 гг.

пельзя. Антоний (на это указал уже Ключевский) использовал для своей работы сочинения *Пахомия Логофета* — *Житие митрополита Алексея* и статью о смерти Батыя. И Серебрянский полагает, что заглавие *Жития* было скопировано Антонием с заглавия пахомиевского *Жития* митрополита Алексея. Серебрянский обращает внимание на то, что списки антониевской редакции *Жития* не раньше второй половины XVI в. Его вывод: «Не правильнее ли будет предположить, что Антониево *Житие* появилось не при митрополите Филиппе I, а позднее, например в самом конце XV в., лет через 30 после составления анонимного жития, и что составлено оно по инициативе лишь местного монастырского начальства, без какого-либо участия высшей власти?» (Древнерусские княжеские жития, с. 231). Антониевская редакция *Жития* интересна включением в нее подробностей биографии князя. Здесь рассказывается о его длительном пребывании в Орде, об особой благосклонности к нему ордынского хана и его жены, о женитьбе князя (после смерти первой жены) на дочери хана, о рождении у него еще во время пребывания в Орде двух сыновей, о возвращении на ярославский стол после смерти сына от первой жены.

В XVI в. была составлена новая редакция *Жития* — для *Степенной книги*. В первой части эта редакция представляет собой распространение-переделку анонимной редакции *Жития*. Описание жизни Ф. Я. в Орде сходно с тем, что рассказывает и редакция Антония. Серебрянский считает, что в данном случае составитель *Степенной книги* пользовался не редакцией Антония, а единым с Антонием источником — рассказом о пребывании князя в Орде не дошедшей до нас ярославской летописи. В XVII в., по случаю пожара в Ярославле в 1658 г. и перенесения мощей святых, в Спасском монастыре была составлена еще одна редакция *Жития* Ф. Я. Автор этой редакции *Жития* использовал *Степенную книгу*, редакцию Антония и ряд других агиографических сочинений (*Похвальное слово Ольге*, *Житие Владимира I*, *Сказание о Борисе и Глебе*, *Житие Александра Певского*). Автор вводит плач княгини по скончавшемся муже, описывает пожар в Ярославле. Эта редакция была, видимо, составлена по поручению архимандрита Спасского монастыря Савватия.

Изд.: ВМЧ, сентябрь, дни 14—24. СПб., 1869, стб. 1255—1261, 1261—1282; Книга Степенная царского родословия. СПб., 1913, ч. 1, с. 306—314 (ПСРЛ, т. 21, 1-я половина); Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, Прил., с. 90—99.

Лит.: Ключевский И. Древнерусские жития, с. 171—174, 354; Строев. Словарь, с. 21; Филарет. Обзор, с. 116.

Л. А. Дмитриев

Филиппа апостола мучение. В древнерусской литературе существует несколько памятников, в которых отражены апокрифические предания об апостоле Ф. В апокрифе «Мучение святого апостола Филиппа» (нач.: «Бысть по восшествии господни на небеса видюша апостола в дом Стасия. . .») рассказывается, как Ф. исцелял недужных и проповедовал христианское вероучение; к новой вере обратилась и Никанора — жена городского игемона (властителя) Антипата. Разгневанный Антипат приказал повесить Ф. вниз головой, однако разверзшаяся земля поглотила мучителя и его единомышленников. Ф. тем не менее не разрешил себя освободить и скончался. Горожане после этого приняли христианство. Этот же апокриф встречается и под названием «Деяние святого всехвального апостола Филиппа». Апокриф входит в состав *Великих Миней Четких* под 14 ноября, читается в сборниках. В некоторых списках *Пролога* под той же датой читается краткая память Ф. (нач.: «Филипп апостол бе един от 12 апостолу. . .»). Это лаконичный пересказ сюжета «Мучения». В другой, более пространной памяти (нач.: «Той беаше от Вифсаиды града, согражданин Андрея апостола и Петра. . .») помимо рассказа

о смерти Ф. повествуется о его миссионерской деятельности. Перечень известных славянских списков апокрифа см. в книге Аурелио де Сантоса Отеро.

Изд.: ВМЧ, ноябрь, дни 13—15. СПб., 1899, стб. 1991, 1996—2002, 2016—2022; Лавров П. Апокрифические тексты. СПб., 1901, с. 129—135 (СОРЯС, т. 67, № 4). Греческий текст апокрифа опубликован в кн.: Tischendorf C. Acta apostolorum apocrypha. Lipsiae, 1851, p. 75—104.

Лит.: Santos Otero A., de, Die Handschriftliche Überlieferung der altslavischen Apokryphen. Berlin; New York, 1978, Bd 1, S. 124—129.

М. А. Салмина

Филиппа Ирапского житие. Ф. И. (ум. 1537) — основатель пустыни между реками Большим и Малым Ирапом (в дельте реки Андоги, в 50 км от Череповца). Позже на этом месте был основан Филиппов Красноборский монастырь. Житие Ф. И. дошло до нас в двух редакциях, списки Жития очень редки. Первоначальное Житие было составлено монахом Спасо-Каменного монастыря *Германом* в середине XVI в. Дошедший до нас текст первой редакции Жития представляет собой уже переработку первоначального произведения: «Месяца ноемвриа в 14 день. Житие и подвизи преподобнаго отца нашего Филиппа, еже есть во обласи Белаезера, иже есть в веси Андожеской, вьскрай реки Андоги, в Краснобору. Ирапскаго чудотворца. Списано бысть благоискусным монахом Германом монастыря святаго всемилостиваго Спаса, еже есть на Кубенском озере. Благослови отче». Текст этой редакции по единственному списку, принадлежавшему В. О. Ключевскому, был издан им в серии изданий ОЛДП. Вторая редакция Жития составлена на основе первой не ранее 1673 г. — этим годом датировано последнее чудо в этой редакции памятника (Ключевский указывает два списка этой редакции — ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 24 и собр. Ундольского, № 1234).

Герман написал Житие Ф. И., пользуясь собственным рассказом его о своей жизни (Герман пришел к Ф. И. в пустынь незадолго до его смерти). В целом Житие Ф. И. представляет типичный рассказ об основателе монастыря в севернорусских землях. Оригинальной особенностью Жития является обилие в нем назидательных размышлений и поучений Ф. И., разбросанных по всему тексту памятника (во второй редакции эти поучения были объединены в одно, сокращены и помещены в конце Жития). Интересен рассказ Жития о детских годах Ф. И. (Ф. И., крестьянский сын, рано осиротел и нищенствовал в детстве, мальчиком он попал в Корнилийев монастырь и уже в 15 лет был пострижен в монахи); представляет исторический и сюжетный интерес эпизод Жития, повествующий об отношениях Ф. И. с князьями Шелешпанскими, на землях которых он основывает свою пустынь.

В Беломорье бытовала легенда, согласно которой Ф. И. подвизался на реке Выге. Текст этой легенды (скорее духовного стиха) опубликован В. О. Ключевским в его монографии «Древнерусские жития святых» по рукописи конца XVII в. — собр. Троице-Сергиевой лавры, № 654 (в подстрочном примечании на с. 274—275 монографии).

Изд.: Житие преподобного Филиппа Ирапского. СПб., 1879, с. V—XLIV / Публ. В. О. Ключевского со вступит. статьей. (Изд. ОЛДП, вып. 46).

Лит.: Некрасов И. Зарождение национальной литературы в северной Руси. Одесса, 1870, ч. 1; Ключевский И. Древнерусские жития, с. 274—275, 433; Будовиц. Монастыри на Руси, с. 304—307.

Л. А. Дмитриев

Фомы апостола деяния. С именем апостола Ф. в древнерусской литературе связаны два памятника: апокрифическое «Евангелие Фомы» и цикл апокрифических легенд о деяниях и смерти апостола.

Апокрифическое «Евангелие Фомы», славянский перевод которого относится ко времени не позднее XIV в., постоянно входило в индексы

запрещенных книг (см. *Списки отреченных книг*), как в западной, так и в византийской письменности. В славянских индексах запрещенных книг оно именуется «Евангелие от Фомы» (иногда с добавлением слов «еретици списали») или «Детство Христово». Отрицательное отношение церкви к апокрифу вызвано, возможно, тем, что мальчик Иисус изображен в нем, с одной стороны, обладающим даром творить чудеса (исцелять, оживлять слепленных из глины птиц), а с другой — властным и жестоким, сурово наказывающим своих обидчиков. «Евангелие Фомы» встречается в рукописях редко: древнейший известный список его — болгарский (БАН, 13.3.17); кроме того, известны сербские списки (ГИМ, собр. Хлудова, № 162 и текст, изданный Ст. Новаковичем), болгарский, опубликованный П. А. Лавровым, русские списки (ГБЛ, собр. Ундольского, № 1253 и поздний, в том же собрании, № 1244), а также украинские списки, перечисленные в статье В. Адриановой. По наблюдениям М. Н. Сперанского, Хлудовский список и список Ундольского № 1253 восходят к одному оригиналу — более полному греческому тексту, чем ныне известные.

Сказания о деяниях и смерти апостола известны в нескольких видах. «Деяние святого апостола Фомы» (нач.: «В то время, в не же беша вси апостоли в Иерусалиме. . .») повествует о его проповеди в Индии и о том, как Ф., взявшись построить дворец для индийского царя, созидает его в царстве небесном. Этот текст читается в *Великих Миняях Четвых* под 5 октября, он издан Лавровым по болгарскому списку XVII в. Сходны по сюжету и две проложные памяти: одна краткая (нач.: «Святой апостол Фома послан бысть во Индию учити слову божию. . .») и пространная (нач.: «Сей парфеном и миденом, персином и индеаном слово божие проповедава. . .»). Известно также «Мучение святого апостола Фомы» (нач.: «Жена Муздея царя слышавши о божественном Фоме. . .»).

Изд: Попов А. Н. Описание рукописей и книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 320—326; Jagić V. Novi prilozi za literaturu biblijskih apocripha. 5. Djela svetoga apostola Tome. — Starine, Zagrebu, 1873, kn. 5, s. 95—108; Novacović St. Apokrifi jednoga srpskog ćirilovskog zbornika XIV vieka. — Ibid., U Zagrebu, 1876, kn. 8, s. 48—55, 69, 74. Греческие тексты апокрифов изданы: Thilo I. C. Codex apocryphus novi testamenti. Lipsiae, 1832, p. 275—315; Tischendorf C. 1) Acta apostolorum apocrypha. Lipsiae, 1851, p. 190—242; 2) Evangelia apocrypha. Lipsiae, 1876, p. 140—163.

Лит: Сперанский М. Н. 1) Славянские апокрифические евангелия (общий обзор). М., 1895, с. 10, 36—55, 99—105, 127—134; 2) Южнорусские тексты апокрифического евангелия Фомы. — ЧИОНЛ, 1899, т. 13, с. 169—190; Яцимирский А. И. Апокрифическое евангелие ап. Фомы в славянских списках. — В кн.: Яцимирский А. Н. Из славянских рукописей: Тексты и заметки. М., 1898, с. 93—154; Архангельский А. С. Из истории южнославянской и древнерусской апокрифической литературы: Два любопытных сборника Софийской народной библиотеки в Болгарии. — ИОРЯС, СПб., 1899, т. 4, кн. 1, с. 102—110; Лавров П. А. Апокрифические тексты. СПб., 1899, с. XVII—XXI, 111—118; Франко. Апокрифы, у Львові, 1902, т. 3, с. XXXVII—XLI, 95—125; Адрианова В. Евангелие Фомы в старинной украинской литературе. — ИОРЯС, СПб., 1909, т. 14, кн. 2, с. 1—47; Santos Otero A., de. Das Kirchnslavische Evangelium des Thomas. Berlin, 1967 (Patristische Texte und Studien, Bd 6); Grabar B. Glagoliski oldomace Pseudo-Tomika jevangeljja. — Slovo, Zagreb, 1969, t. 18—19, s. 213—232.

М. А. Салмина

Четыре сборники Древней Руси

Уставные чтения — сборники правоучительно-повествовательного характера, состоящие в основном из произведений дидактического и торжественного красноречия, агиографических сочинений, а также полемических слов, толкований, кратких правоучительных сентенций. У. ч. — четыре сборники, возникшие и распространившиеся согласно требованиям церковного устава (ПБЭ, т. 5, стб. 807) в дополнение и обоснование служебных книг и устной проповеди, — служили просветительским целям христианской церкви. У. ч. предназначались как для коллективного, так и для индивидуального чтения в положенное уставом время и по определенному уставом порядку.

Содержание и состав У. ч. не были строго регламентированы, что дало толчок к эволюции этих сборников в славянских странах и обусловило многообразие их типов. В книге «Стоглав» упоминаются следующие сборники У. ч.: «Евангелие толковое и Златоуст, и жития святых и Пролог...» (Царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинех (Стоглав). М., 1890, с. 81). Научной классификации сборников У. ч. до сих пор нет. В. П. Виноградов называет 4 типа сборников У. ч.: Толковое Евангелие, *Торжественник*, *Златоуст*, Минеи четыри (Виноградов В. П. Уставные чтения, вып. 3, с. 6). В ПБЭ четыре сборники подразделяются на две группы: сборники подвижного, изменяющегося состава, содержащие произведения разных авторов (Четыри минеи, *Пролог*, *Торжественник*, *Златоуст*, *Сборник*, *Пятидесятница*, *Учительное Евангелие*, а также *Пчела*, *Измарагд*, *Златая цепь*, *Златая Матица*), и сборники более или менее неподвижного состава, в которые включаются произведения одного автора (*Златоуструй*, *Андритис*, *Мargarit* Иоанна Златоуста, «*Лествица*» Иоанна Лествичника, «*Паренесис*» Ефрема Сирипа, сборники слов Григория Богослова, Василия Великого и других христианских писателей). Ко второй группе сборников примыкают *Патерики*. Добавим к этим спискам еще *Рай* — литературно-учительный сборник с относительно устойчивым составом статей разных авторов (см. *Рай I*). Вероятно, в XVI—XVII вв. как У. ч. начинают использоваться и *Великие Минеи Четыри* митрополита Макария.

Сборники У. ч. могли быть календарными и некалендарными. Выделяются две разновидности календарных сборников соответственно делению года в церковной практике на две части: минейную и триодную. Сборники минейные примыкают к месяцеслову, литературный материал в них расположен по дням памятей святых и праздников в порядке чисел месяца (с 1 сентября по 31 августа), например Минеи четыри, Пролог минейный Торжественник. Сборники триодные содержат статьи на дни Триоди постной и цветной (с недели мытаря и фарисея до недели всех святых) и на дни после пятидесятницы, например *Златоуст*, *Сборник*, *Рай*. Некоторые сборники могли включать в свой состав сочинения минейной и триодной календарной приуроченности. В некалендарных сборниках материал организован в тематической последовательности.

Перечисленные выше типы книг в древнерусской письменности существовали не изначально и появились в разное время. Начало формирова-

ния древнерусских сборников У. ч. относится к XI—XIV вв. и вызвано культовыми потребностями. По данным Н. К. Никольского, в христианской церкви еще с древнейших времен установился обычай после собственно богослужения предлагать слушателям чтения из творений известных церковных писателей. «Во многих христианских странах, и в том числе и в Древней Руси, — пишет Н. К. Никольский, — указанная практика вызвала ряд попыток группировать наличные чтения в систематические сборники» (Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, сост. в конце XV в. СПб., 1897, с. XVI—XIX (Изд. ОЛДП, № 113)). Значение требования уставных предписаний для развития древнерусской письменности было отмечено А. Горским и К. Невоструевым: «Требованиями устава возбуждалось в предстоятелях церкви русской . . . заботливость вскоре приобрести . . . жития и слова, назначенные уставом, в славянском переводе. И таким образом полагалось основание своим Четьям минеям, Торжественникам и др. собраниям слов» (Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1869, отд. 3, ч. 1, с. 256).

Сборниками У. ч. определялся репертуар книг в первую очередь монастырских библиотек; в церквях потребность в У. ч. была значительно ниже, о чем позволяет судить предписание митрополита *Киприана*: «Еуангелие же толковое въ церкви чести, а на трапезе чтуть Потерикъ и святого Ефрема и святого Дорофея, а николе останется на праздникъ чтение праздничное и не поспеють на заутрени прочести и ти прочтуть на трапезе, такоже и Шестоденьникъ святого Василья и святого отца Иоана Златоустаго» (РИБ, СПб., 1880, т. 6, стб. 259—260). Ранних четых древнерусских сборников по сравнению с книгами служебными дошло до нас немного (см.: Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР. — АЕ за 1965 г., М., 1966, с. 177—272), причем определенные типы сборников У. ч., за редким исключением, в Древней Руси XI—XIV вв. не выделяются (на основе анализа календарных сборников У. ч. эта мысль гипотетически высказана в статье Т. В. Черторицкой «О начальных этапах формирования древнерусских литературных сборников Златоуст и Торжественник» (в кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 97—114)). Судя по содержанию ранних четых сборников, значение их заключалось в том, чтобы объяснить «новопросвещенному» народу догматический смысл христианского вероучения, воспеть, опоэтизировать события церковной истории, дать образцы христианского подвижничества и наглядные примеры для подражания.

Время наиболее широкого распространения сборников У. ч. в древнерусской письменности — конец XIV—XVI в. В этот же период в связи с членением и распространением древнейших четых книг происходит типовое оформление многих древнерусских сборников У. ч., например таких как Торжественник, Златоуст, Рай и др. Литературной основой сборников У. ч. явились сочинения византийских и южнославянских писателей: Иоанна Златоуста, Епифания Кипрского, Василия Великого, Григория Назианзина, Симеона Метафраста, Климента Охридского, Феофилакта Болгарского, Иоанна, экзарха Болгарского, безымянных византийских и славянских агиографов. Высокие художественные достоинства переводных сочинений, взятых за основу при составлении древнерусских сборников У. ч., в известной степени определили то большое влияние, которое оказали У. ч. на расширение литературного и культурного кругозора древнерусских читателей, на развитие оригинальной русской литературы. Впоследствии состав У. ч. был пополнен сочинениями русских авторов, среди которых такие известные, как митрополит *Иларион*, *Кирилл Туровский*, *Сератион Владимирский* и др.

Возникновение сборников У. ч. — чрезвычайно важный факт в исторической, культурной жизни Древней Руси: «Уставным чтениям выпало

на долю быть главным источником русских духовных идеалов... типичные чтения заправляли духовным воспитанием народа», — пишет Н. К. Никольский (Исторические особенности..., с. 225—226). Составление сборников У. ч. активизировало переводческую деятельность, способствовало созданию библиотек. С судьбой У. ч. тесно связана судьба многих произведений оригинальной древнерусской литературы. «Древнерусские Измарагды и Златоусты вызваны были накоплением в древнерусской письменности собственно русских поучений», — пишет П. В. Владимиров (Из истории древнерусской письменности. — ЧИОНЛ, 1895, кн. 9, отд. 4, с. 33). Подобные замечания были сделаны также В. М. Истриным, А. С. Архангельским, Е. В. Петуховым, В. П. Виноградовым. Формирование сборников У. ч. и появление новых переводных и оригинальных сочинений в литературе Древней Руси — взаимообусловленный процесс. Состав древнерусских сборников У. ч. чутко реагирует на новые общественно-политические, церковные, культурные события Древней Руси, на новые читательские запросы. У. ч. определили некоторые литературные особенности оригинальных произведений — южнославянских и русских, так как между сборником и сочинениями, включенными в его состав, существует не только идейное, но сюжетно-композиционное, художественно-образное единство.

История развития некоторых типов У. ч. на русской почве свидетельствует о постепенном изменении их функции в жизни древнерусского общества: в конце XVI—XVII в. некоторые сборники У. ч. используются не только в культовых целях, но распространяются в «миру» и становятся чисто литературными и в известной степени беллетристическими сборниками (см. Торжественник, Четыи минеи). Сборники У. ч., возникшие под влиянием насущных потребностей древнерусского быта и вошедшие в себя массу переводного и оригинального историко-литературного материала, служат важным источником для изучения культурной жизни средневековья, бытования памятников древнерусской литературы.

Лит.: ПБЭ, Пг., 1904, т. 5 (статья «Изборники»), стб. 804—813; Виноградов В. П. 1) Уставные чтения (проповедь книги): Историко-гомилетическое исследование. Вып. 1. Уставная регламентация чтений в греческой церкви. Сергиев Посад, 1914, с. 3—32; вып. 3. Очерки по истории греко-славянской церковно-учительской литературы. Сергиев Посад, 1915; 2) К вопросу о литературных источниках, составе и происхождении древнеславянской группы поучений на Четырдесятницу: (Из истории сборников «Уставных чтений»). — В кн.: Библиографическая летопись. СПб., 1914, вып. 1, с. 83—100; Никольский Н. К. 1) Исторические особенности в постановке церковно-учительского дела в Московской Руси. — ХЧ, 1901, ч. 1, с. 220—236; 2) Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. СПб., 1902, с. 1—32 (ПДПИ, № 148).

Т. В. Черторицкая

Великие Минеи Четыи (далее: ВМЧ) — свод древнерусских оригинальных и переводных памятников (главным образом житийных и риторических) церковно-учительного и исторического характера, предназначенных иосифлянской церковью для «душеполезного чтения» как идеологическое средство утверждения Русского самодержавного государства XVI в. А. С. Орлов (Книга русского средневековья..., с. 37, 48) относит ВМЧ к числу книг русского средневековья «энциклопедического вида». ВМЧ были задуманы митрополитом *Макарием* как своего рода свод всех книг, «чтомых» на Руси, — свод, регламентирующий официально подобранный и утвержденный церковью и государством годичный «круг чтения» из 12 миней (книг на каждый месяц). Известны три «чистовых», полностью заверенных списка ВМЧ (фактически представляющих три самостоятельные редакции или, точнее, три книжных свода (цикла) по 12 книг в каждом): Софийский, Успенский и Царский. Названия спискам даны по месту их первоначального хранения и принадлежности. К настоящему времени из 12 книг Софийского (Новгородского) списка ВМЧ сохранилось 8 фолиантов (утрачены экземпляры за

декабрь, январь, март и апрель месяцы): 7 в составе Софийского собрания ГПБ, постатейно описанные Д. И. Абрамовичем, а Минея за август хранится в ЦГАДА (см.: Центральный гос. архив древних актов. Путеводитель, ч. 1). Успенский список ВМЧ, единственный из всех трех сохранившийся в полном составе, находится в Синодальном собрании ГИМ (см.: Протасьева Т. Н. Описание... , ч. 1, № 784—795 (986—997), с. 174—190). От Царского списка уцелели 10 томов (отсутствуют книги за март и апрель), также хранящиеся в Синодальном собрании ГИМ (см.: там же, № 796—805 (174—183), с. 191—207).

Общее представление о последовательности формирования трех беловых списков ВМЧ, дивящегося около 25 лет, можно составить на основании вкладных записей и предисловий митрополита Макария («Летописцев»), предпосланных томам ВМЧ. Создание Софийского списка ВМЧ было начато в Новгороде в 1529/30 г. и длилось в течение 12 лет. Как свидетельствуют вкладные записи, 12 книг Софийского списка были вложены Макарием в Новгородский Софийский собор «на помин» души его родителей в 1541 г. 12 книг Успенских ВМЧ Макарий внес как вклад «на память своей души и по своих родителей в вечный поминок» в Успенский Кремлевский собор в 1552 г., где этот комплект миныей хранился до 1886 г., после чего был передан в Синодальную (Патриаршую) библиотеку. Работа над Царским списком, предназначенным для царя *Ивана IV*, продолжалась еще в 1554 г. (в XVII в. Царский список ВМЧ хранился в царских палатах: на его декабрьской книге осталась помета дьяка Ивана Арбенева о принадлежности ее царю *Федору Алексеевичу* и Приказу книг Печатного двора). Создание Софийского списка происходило при новгородском архиепископском доме Макария трудами «многих различных писарей» и книжников, не только переписывавших произведения, но и переделывавших их и предпринимавших новые переводы и «исправления» их по греческим оригиналам, «от иностранных и древних пословиц, перевода на русскую речь», — как писал об этом в предисловии к ВМЧ сам Макарий. Для формирования первоначального состава ВМЧ были привлечены материалы всех, подвластных архиепископу Макарию новгородских и псковских библиотек (Софийской, Вяжицкой, Огеньской и др.). Работа над Успенским и Царским списками ВМЧ частично также продолжалась и в Новгороде (здесь, например, происходило копирование текстов Софийского списка), но митрополит «всая Руси» мог уже привлекать к работе над Успенским и Царским списками ВМЧ писцов и книжников различных городов и монастырей всех концов России, а окончательное оформление этих списков, очевидно, происходило под его наблюдением в Москве, в его митрополичьем скриптории.

Литературная история ВМЧ полностью не исследована. Предварительные наблюдения В. А. Кучкина над ноябрьской книгой ВМЧ раскрыли весьма сложные и неоднократные текстологические связи Софийского, Успенского и Царского списков. В копию, снятую около 1542 г. с Софийского списка ноябрьской миныей, в течение 5 лет (с 1542 по 1547 г.) вносились дополнительные тексты (например, Толковое евангелие), а окончательно Успенский список миныей за ноябрь был сформирован около 1550 г. Работа над самым поздним Царским списком ВМЧ за ноябрь велась новгородскими и московскими мастерами магарьевской «школы» в два приема, с привлечением материалов и Софийского и Успенского списков (Кучкин В. А. О формировании Великих Миныей Четий... , 1974, с. 25). Е. В. Барсов в предисловии к «Описанию ВМЧ», составленному А. В. Горским и К. И. Невоструевым (1884, с. X), отмечает существенные отличия Софийского списка (почти в два раза меньшего по объему) от состава обоих московских списков ВМЧ (в том числе и в оформлении их миныейной части), которые пополнились житиями русских святых (*Житие Иосифа Волоцкого* и др.), созданными в 1547—1549 гг., началь-

ными «Летописцами», излагавшими содержание и историю создания ВМЧ, собранием слов *Григория Цамблака*, книгами Мефодия Патарского (см. «Откровение» Мефодия Патарского), *Златой цепью*, *Пчелой* и др. Кроме трех основных списков ВМЧ, Софийского, Успенского и Царского, исследователями также зафиксировано наличие сокращенной редакции майской книги ВМЧ 1569 г. (см. работу С. А. Бугославского) и существование черновых списков ВМЧ (например, декабрьской ВМЧ — см. работу Н. Ф. Дробленковой). Для воссоздания полной картины развития и связей между собой текстов всех трех 12-томных книжных сводов ВМЧ необходимо дальнейшее разыскание и привлечение к изучению всех списков ВМЧ, включая их черновые и поздние копии и редакции XVII—XVIII вв.

Изучение ВМЧ началось еще в конце XVII в. с описания их состава, когда справщик Печатного двора, монах *Евфимий*, составил краткое «Оглавление» ВМЧ по Успенскому списку (оно известно в двух списках — ГИМ, Синодальное собр., № 587 и 694, а также в черновом автографе из собрания М. П. Погодина, коллекция П. М. Строева). «Оглавление» было опубликовано В. Ундольским в 1847 г. (следует отметить, что Т. Н. Протасьева в «Описании...», ч. 1, трижды — на с. 172, 173 и 208, примеч. 2 — делает ошибочное примечание, со ссылкой на Н. С. Гринбаума, что составленное Евфимием «Оглавление» ВМЧ не было издано). Последующие описания состава ВМЧ принадлежат Савве (1858 г.), Иосифу (1892 г., — полное оглавление Успенского списка ВМЧ), А. В. Горскому и К. И. Невоструеву (научное построчное описание ВМЧ с 1 сентября по 26 мая; подготовлено к изданию в 1884 и 1886 гг. Е. В. Барсовым) и Т. Н. Протасьевой, дополнившей это описание не вошедшими материалами и указаниями русских оригинальных статей в Успенском и Царском списках ВМЧ (см.: Протасьева Т. Н. Описание... ч. 1).

В основу ВМЧ были положены материалы миней домакарьевского состава (см. статьи М. Н. Сперанского — 1896 и 1901 гг.) и *Пролога* (Синаксаря) — Стишного и 2-й (Славянской) редакции, а также *Торжественников*. Кроме того, они были пополнены агиографическими сочинениями, житиями и мучениями святых, русскими и переводными, полными текстами патериков (*патерикив Азбучного, Иерусалимского, Египетского, Синайского, Скитского, Сводного и Киево-Печерского*), библейскими книгами (Евангелиями, Апокалипсисом, Толковыми Псалтирями и проч.), риторическими произведениями, праздничными и похвальными словами, поучениями, посланиями, толкованиями, сочинениями «отцов церкви» — Василия Великого, Григория Богослова, целыми сборниками (*Златоустом, Златоуструем, Маргаритом* и др.), Тактиконом Никона Черногорца, а также разнообразными историческими и публицистическими произведениями, сказаниями и «хождениями», документальными материалами (уставами, актами, грамотами и проч.), Кормчей книгой и даже апокрифами. При сборе материала, который часто копировался с поздних, испорченных списков, производилось исправление «древних пословиц»: на основе древнейших писались новые редакции и делались новые переводы или производились сверка и исправление переводных библейских, житийных и других произведений по их греческим оригиналам (В. Латышевым, например, установлена редакция греческой рукописи *Жития Федора Студита*, с которой сделан был перевод этого Жития для ВМЧ, а В. П. Адриановой-Перетц выявлены исправления по греческому оригиналу в тексте *Жития Алексея, человека божия*, включенного в ВМЧ под 10 ноября). Состав ВМЧ велик, разнообразен и представлен различными жанрами. Однако, безусловно, далеко не все книги, читавшиеся на Руси в первой половине XVI в., как задумывал Макарий, были включены в ВМЧ: не вошли летописи, хронографы и целый ряд историко-литературных сочинений, притом не только светских

по содержанию, а произведения некоторых авторов были включены не полностью (лишь несколько из известных посланий *Киприана*, слов *Кирилла Туровского* и др.).

Созданию ВМЧ предшествовала огромная составительская и редакторская работа, связанная не только с отбором материала и распределением его по томам и внутри каждого тома, но и состоявшая в сплошной и в очень существенной идейно-стилистической переработке всего пестрого состава ВМЧ и в «исправлении» «ложных» и «отреченных слов», чтобы в соответствии с замыслом Макария приспособить их к проповеди идей иосифлянской церкви, сделать «душеполезным чтением»; при этом строго прослеживалось, чтобы изложение было выдержано в едином торжественном и велеречивом стиле, который Д. С. Лихачев определяет как стиль «второго монументализма». Как правило, включение памятника в ВМЧ приводило к созданию его новой редакции. Этот процесс особенно нагляден на примере житий. Митрополиту Макарию в создании ВМЧ, по всей видимости, принадлежит их замысел, участие в окончательном редактировании и решении вопросов о составе. Случаи его личного участия в этом книжном своде как писателя еще предстоит выявить. К созданию ВМЧ были привлечены широкие круги русских писателей, переводчиков, книжников и переписчиков, начиная от известных публицистов и агиографов, таких, например, как *Зиновий Отенский*, *Василий Михайлович Тучков*, *Ермолай Еразм*, дьяк *Дмитрий Герасимов* (Толмач), пресвитер *Илья*, псковский священник-агиограф *Василий-Варлаам* и др. до неопытных авторов какого-нибудь единственного сочинения, написать которое для ВМЧ им было поручено Макарием. «Во спасение души» предпринимали книгописные труды для ВМЧ и высшие церковные иерархи XVI в., такие как новгородский архиепископ *Феодосий*, епископ крутицкий *Савва Черный*, епископ вологодский и владимирский *Иоасаф*. Писцы работали над ВМЧ не только в книгописных мастерских митрополита в Новгороде и Москве, но по велению царя переписывали книги также и в других городах России. о чем, например, свидетельствует запись писца Мокия (см.: Савва. Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. М., 1858, с. 210). Имена писцов, на долю которых легло копирование текстов ВМЧ, наиболее полно сохранились на полях Царского списка (в Успенском списке большинство этих записей было срезано при реставрации рукописи в XVII в. — см. «Описание...» Т. Н. Протасьевой, ч. 1 (М., 1970)).

Внешнему оформлению ВМЧ и соблюдению их композиции, расположению материала по годичному кругу церковного календаря придавалось особое значение. В каждой из 12 книг ВМЧ (по типу домакарьевских миней и прологов) произведения подобраны и расположены в порядке дней, на которые приходится «память» святого (день его имени). Та часть материала, которая не поддавалась тематическому распределению по порядку дней календаря, так как не имела связи с именем святого, помещалась в конец книги, в последних числах месяца, как своеобразное дополнение к Минее. Составители стремились выдержать и пропорциональное единство объема всех 12 книг ВМЧ. Внешнее оформление ВМЧ также выдержано в стиле «второго монументализма». Размеры 12-томного книжного свода огромны и вполне соответствуют названию «Великие» миней, в отличие от миней домакарьевского состава. Каждая из 12 книг насчитывает от 1500 до 2000 листов, форматом в развернутый александрийский лист, заполненных полууставом разных почерков в две колонки и изукрашенных изящными заставками нововизантийского стиля (по золотому фону с преобладанием синей краски). Заглавия выполнены четкой киноварной вязью. Кроме того, иллюминированы отдельные сюжеты внутри книг (см., например, лицевые книги Софийского и Успенского списков за август и др.). У части книг сохранились переплеты XVI в. (с обрезом досок по размеру листов), обтяну-

тые кожей, украшенной богатым тиснением; на средниках зеленой меди вязью вырезано название месяца.

Создание ВМЧ зафиксировало состав книг, особенно ценившихся и имевших наибольшее обращение в определенных кругах грамотных людей рубежа XV—XVI вв., и способствовало сохранению от гибели многих литературных памятников. Сбор книг по городам и монастырям Руси способствовал также формированию в Москве будущей Патриаршей (Синодальной) библиотеки. В XVII в. ВМЧ были положены в основу Миней *Германа Тулунова* и *И. И. Милютина*, а в конце XVII в. — в основу Миней четьих *Димитрия Ростовского*, завершившего замысел митрополита Макария о заполнении произведениями всех дней годового круга чтения. Особой популярностью ВМЧ Макария пользовались у старообрядцев (выписки из ВМЧ встречаются в составе старообрядческих сборников — «Цветников»). В подражание ВМЧ *Андрей Денисов* составил свои Миней четьи для Выговской пустыни.

Научное издание текстов ВМЧ Макария (по трем спискам) было частично осуществлено Археографической комиссией в 1868—1916 гг. Неизданными остались книги за январь (с 11-го числа), февраль, март, май, июнь, июль и август. При пользовании этим изданием следует помнить, что в нем Успенскому списку ошибочно дано наименование Царского; это внесло путаницу в последующие работы исследователей (издание, предпринятое Московской старообрядческой книгопечатней при журнале «Златоструй», носит выборочный характер и также не завершено).

Изд.: Буслаяв. Историческая хрестоматия, стб. 771—784 (отрывки); Великие Миней Четги, собранные митрополитом Макарием, сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868; сентябрь, дни 14—24. СПб., 1869; сентябрь, дни 25—30. СПб., 1883; октябрь, дни 1—3. СПб., 1870; октябрь, дни 4—18. СПб., 1874; октябрь, дни 19—31. СПб., 1880; ноябрь, дни 1—12. СПб., 1897; ноябрь, дни 13—15. СПб., 1899; ноябрь, день 16. М., 1910; ноябрь, дни 16—17. М., 1911; ноябрь, дни 16—22. М., 1914; ноябрь, дни 23—25. М., 1916; декабрь, дни 1—5. М., 1901; декабрь, дни 6—17. М., 1904; декабрь, дни 18—23. М., 1907; декабрь, день 24. М., 1910; декабрь, дни 25—31. М., 1912; декабрь, день 31. М., 1914; январь, дни 1—6. М., 1910; январь, дни 6—11. М., 1914; апрель, дни 1—8. М., 1910; апрель, дни 8—21. М., 1912; апрель, дни 22—30. М., 1916; «Книга глаголемая Козмы Индикоплова» из рукописи Московского главного архива Министерства иностранных дел: Миней Четьх митрополита Макария (новгородский список) XVI в. Месяц август, дни 23—31. СПб., 1886 (Изд. ОЛДП, № 86); Жития и поучения святых из Великих Четых Миней, собранных всероссийским митрополитом Макарием. (Приложение к журн. «Златоструй»). М.: Московская старообрядческая книгопечатня. Вып. 12. Октябрь, день 2. М., 1912; вып. 13. Октябрь, дни 2—6. М., 1912; вып. 16. Октябрь, дни 14—17. М., 1913; вып. 17. Октябрь, дни 17—19. М., 1913; вып. 18. Октябрь, дни 19—20. М., 1913.

Лит.: Ундольский В. 1) Библиографические разыскания по случаю выхода «Описания Библиотеки имп. Московского общества истории и древностей российских», составленного П. М. Строевым. М., 1845. — Москвитянин, 1846, № 11—12. с. 209—210; 2) Оглавление Четых Миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в московском Успенском соборе, составленное справщиком, монахом Евфимием. — ЧОИДР, 1847, кн. 4, отд. 4, с. III—VIII, 1—78; Савва, архимандрит. Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. М., 1858, с. 209—211; Макарий, епископ. О новгородских Макарьевских Четых Минейх. — В кн.: Летописи Тихонравова. М., 1859, т. 1, с. 68—73; Ключевский В. О. 1) Великие Четги Миней, собранные всероссийским митрополитом Макарием. (Изд. Археограф. комиссип, т. 1. Сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868) (перездание рецензии, опубликованной в газете «Москва», 1868, № 90 от 20 июня). — В кн.: Ключевский В. О. Отзывы и ответы: III сборник статей. М., 1914, с. 1—20 (2-е изд.: Пг., 1918); 2) Древнерусские жития, с. 221—297; Петров Н. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога: (Иноземные источники). (Продолжение). — Труды КДА, 1875, № 5, с. 348—351; Сергий, архимандрит. Полный месяцеслов Востока. М., 1875, т. 1, с. 203—215; Прил., № 9, с. 74—130 (2-е изд.: Владимир, 1901, с. 264—265, 273); О Четых Минейх. — ПДП, 1879, № 4, вып. 3, с. 39—56; Веселовский А. Заметки по литературе и народной словесности: III. К Сказанию о прении жидов с христианами. СПб., 1883, с. 26—28 (СОРЯС, т. 32, № 7); Владимиров П. В. Великое Зерцало: (Из истории русской переводной литературы XVII века). — ЧОИДР, 1883, кн. 2, отд. 4, с. 68—75; Горский И. Невоструев. Описание ВМЧ. — ЧОИДР. 1884, кн. 1, отд. 2, с. I—XIX, 1—64;

1886, кн. 1, отд. 2, с. 65—184; Лебедев В. К истории кирилло-мефодиевского славянского перевода Библии на Руси. (Продолжение). — Странник, СПб., 1885, № 3, с. 407—411; Иосиф, архимандрит. Подробное оглавление Великих Четых Миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской патриаршей, ныне Синодальной библиотеке. М., 1892. IV с. 502 стб.: Пономарев А. И. Жизнь и подвижнические труды преподобного Сергия Радонежского по древнему славяно-русскому Прологу и по Четым Минеям митрополита Макария. — Странник, СПб., 1892, № 9, с. 3—19; Сперанский М. Н. 1) Протокол 14 заседания Славянской комиссии Московского археологического общества: (Реферат доклада о южнославянских Четых Минеях и реформе Макария в Минеях). — В кн.: Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1895, т. 1, с. 34—35; 2) Сентябрьская Миней Четья домакарьевского состава. СПб., 1896, с. 1—23 (СОРЯС, т. 64, № 4); 3) Октябрьская Миней Четья домакарьевского состава. — ЮРЯС, СПб., 1901, т. 6, кн. 1, с. 57—87; 4) Славянская метафрастовская Миней Четья. — ИОРЯС, СПб., 1904, т. 9, кн. 4, с. 176—189; Гребенетский А. Слова и поучения в Великих Четых Минеях митрополита Макария. — Труды КДА, 1901, № 5, Прил., с. 367—369; Сироткин С. М. [Письмо по поводу издания и состава ВМЧ за декабрь месяц]. — ЛЗАК, СПб., 1901, вып. 12. Извлечения из протоколов, с. 126—130; Абрамович Д. И. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии: Софийская библиотека, вып. 2. Четы Миней. Прологи. Патерики. СПб., 1907, с. 1—154; Бугославский С. А. Сокращенная редакция Великой Четых Миней за май месяц в рукописи Казанской духовной академии № 514 (533) (631). — ИОРЯС, СПб., 1913, т. 18, кн. 4, с. 347—351; Мансикка В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. СПб., 1913, с. 107—142, Прил., с. 15—31, 33—48 (ПДПИ, т. 180); Попов Н. П. 1) Автографы митрополита Макария, собирателя Великих Миней. — ЛЗАК, СПб., 1913, вып. 25, с. 5, примеч. 2; 2) Иосифово Сказание о ереси жидовствующих по спискам Великих Миней. — ИОРЯС, СПб., 1913, т. 18, кн. 1, с. 173—197; 3) О возникновении Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. — В кн.: Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. М., 1934, с. 31, 33—36; Шестаков Д. Заметки о греческих текстах житий в Макарьевских Минеях Четях. — БВ, 1914, февраль, с. 369—382; Матышев В. Житие преп. Федора Студита в мюнхенской рукописи № 467. — ВВ, М., 1915, т. 21, вып. 3—4, с. 222—257; Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития: (Обзор редакций и текстов). — ЧОИДР, 1915, кн. 3 (254), с. 123—139, 215—217, 257—260; Прил. (№ 31), с. 124—137; Адрианова В. П. Житие Алексея, человека божия, в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917, с. 99—107; Яцмирский А. И. Медные тексты и заметки по старинной южнославянской и русской литературам. LXXXIII—LXXXIV. — ИОРЯС, СПб., 1917, т. 22, кн. 1, с. 27—44; Щеглова С. А. Богогласник: Историко-литературное исследование. Киев, 1918, с. 208, 231—232, 292—294; Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков: IX. К изучению Четых 1489 г. — В кн.: Сборник по русскому языку и словесности. Л., 1928, т. 1, вып. 1, с. 9—12, 19—21; Орлов А. С. Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды. — Доклады АН СССР. Сер. «В», 1931, № 3, с. 37—51; Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель. М., 1946, ч. 1, с. 142 (Рукописное собр. кн. М. А. Оболенского, ф. 201. Славяно-русские рукописи); Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания, не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева / Под ред. М. В. Шенкиной. М., 1970, ч. 1, с. 170—208 (№ 784—807); Рогов А. И. Миней (справка). — В кн.: Методические рекомендации. М., 1973, вып. 1, с. 297—305; Кучкин В. А. 1) О формировании Великих Миней Четых митрополита Макария. — В кн.: Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела: Тезисы докладов Второй всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения. Секция рукописной книги. М., 1974, с. 22—26; 2) О формировании Великих Миней Четых митрополита Макария. — В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 86—101; Дробленкова Н. Ф. Ранний вариант декабрьской Великой Миней Четых. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции. М., 1976, с. 386—390; Алексеев В. Н. Троицкий книгописец Герман Тулулов. — В кн.: Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии: Сб. научных трудов. Новосибирск, 1981, с. 126—137.

Н. Ф. Дробленкова

Златоструй — широко распространенный в древнерусской книжности XII—XVII вв. сборник постоянного состава, содержащий слова, по преимуществу надписанные именем Иоанна Златоуста и в незначительной части принадлежащие другим авторам. В русской рукописной традиции известны две редакции З.: Краткая, в составе которой, видимо, не 81 слово, как было принято считать, а 106 (с включением слов, надписанных именами других авторов: Василия Великого, Анастасия Синаита, Кирилла Александрийского, Ефрема Сирина и др.), и Полная, содержа-

щая 137 слов. В списках Полной редакции тексту З. предшествует предисловие («прилог»), где говорится, что З. был составлен болгарским царем Симеоном (893—927), который, «божественного писания испытав и всех учитель нравы, и обычаи, и мудрость разумев», выбрал «слова от всех книг» Иоанна Златоуста и составил из них книгу, именуемую «Златоструй», так как «сладкие речи» ее словно «златые струи» омывают душу людей. Однако большинство ученых сомневается, что Симеон принимал участие в составлении З. Сомнительно также, чтобы славянский книжник производил выборку непосредственно из сочинений Златоуста. В. Н. Малинин, рассмотрев соотношение обеих редакций З. с греческими источниками, полагал, что составители памятника обращались к византийским сборникам, содержащим уже извлечения из сочинений Иоанна Златоуста или их переработки.

Слова и поучения, входящие в Краткую редакцию З., имеют по большей части дидактический характер. В них говорится о необходимости посещать церковь и благоговейно внимать службе, о соблюдении поста, об искреннем покаянии, о почтении к родителям, «учителям» и «старейшинам». Верующих призывают быть щедрыми на милостыню, терпимыми к окружающим, не желать зла недругам, не прельщаться мирскими соблазнами и заботиться о чистоте поступков и помыслов, не предаваться скорби в бедах, не оплакивать чрезмерно умерших (ибо им — если они жили праведно — суждено вечное блаженство), помнить о грядущем Страшном суде. По наблюдениям Малинина, основным источником этой редакции З. были компилятивные статьи, составленные из нравоучительных частей Бесед Златоуста на новозаветные книги (Деяния апостолов, послания апостола Павла к римлянам, коринфянам, филиппийцам, к Тимофею, к Титу, к евреям и др.).

Полная редакция тематически сходна с Краткой. Слова, читающиеся только в Полной редакции, посвящены тем же вопросам, что и общие для обеих редакций статьи (см., например: «Слово о милостыне...», «Слово о будущем суде...», слова о «лихоимстве», «объядении и пьянстве», «о молчании и неудержании языка», наставления «како достоит чаedom чтити родителя своя», «о вскармлении детей» и т. д.). В настоящее время Краткая редакция известна в семи списках. Это списки: ГПБ, Ф.п.1.46 (XII в.); БАН, 33.16.15 (1407 г.); ГПБ, Ф.1.241 (XVI в.); ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 145 (начало XV в.); ГБЛ, собр. Егорова, № 283 (середина XV в.); ГБЛ, собр. Тихонравова, № 621 (XVI в.); ГИМ, Музейское собр., № 3455/1 (2-я половина XV в.). Список ГПБ, Ф.п.1.46 дефектный: в нем нарушен порядок листов, есть несколько лакун. На л. 66—114 читается текст другой подборки статей, которую традиционно именуют «Торжественником», ошибочно отождествляя с памятником, сложившимся позднее. В рассматриваемом списке в тексте одного из слов обнаруживаются чтения, указывающие на русского редактора или переписчика: там упоминаются Русь, кривичи и вятичи (л. 177) и «русская церковь» (л. 179) (Срезневский. Сведения и заметки, с. 26). Существует предположение, что рукопись была в числе других книг в библиотеке ростовского епископа Кирилла I (см.: Соболевский А. И. Остаток библиотеки XIII века. — В кн.: Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, с. 205—207). Ростовское происхождение рукописи было подтверждено и лингвистическими наблюдениями Ф. В. Карауловой.

Полный текст Краткой редакции читается под 13 ноября в *Великих Минеях Четых.* Два фрагмента З. Краткой редакции находятся в коллекции «Финляндских отрывков» БАН: БАН, 4.9.40 и 4.9.42 — оба XIII в. Полная редакция сохранилась во фрагментах ГПБ, Q.п.1.74, XI в. (так называемый «Златоструй Бычкова») и БАН, 4.9.41, XIII в. (из числа «Финляндских отрывков»), а также в ряде полных списков: БАН, 33.2.12 (XV в.); ГБЛ, Музейное собр., № 8190 (XVI в.) и 9116

(XVII в.); собр. Рогожского кладбища, № 191 (XVI в.) и 185 (XVII—XVIII вв.); собр. Овчинникова, № 283 (XVII в.); собр. Егорова, № 240, 227, 865 (XVI в.) и 1393 (XVIII в.); собр. МДА, № 14/44 (XVI в.) и 15/43 (1474 г.); ГИМ, собр. Уварова, № 188 (XVI в.); Чудовское собр., № 214 (XV в.); собр. Успенского собора, № 14/1079 (1505 г.) и 15/1080 (XVI в.); собр. Барсова, № 345 (XVII в.); ГПБ, Основное собр., F.I.218 и F.I.503; собр. Погодина, № 1008 (XVI в.) и 1009 (XVII—XIX вв.); Соловецкое собр., № 259/182 и 260/183 (XVI в.); Кирилло-Белозерское собр., № 115/240 (XVI в.); Библиот. АН Литовской ССР, № 238 (XVI в.), 239 (XVII в.) и др. Два фрагмента БАН, 13.7.1 и Дмитр. 1 являются частями рукописи Хиландарского монастыря № 382 (XIV в.), как это установила Кл. Иванова (Иванова Кл. За Хиландарския препис на пръвия Симеонов сборник. — Старобългарска литература. София, 1979, кн. 5, с. 69—76).

3. использовался в древнерусской письменности при составлении других сборников устойчивого состава — *Златоуста* и *Торжественника*. В *Златоусте* читаются следующие слова из 3.: 1) в среду 1-й недели поста — «Слово Иоанна Златоуста о среде и о пятце», нач.: «Братие, приспе время доброго исповедания...» (в 3. Краткой редакции — слово 39 (здесь и далее нумерация слов по списку в составе ВМЧ)); 2) в пятницу 5-й недели поста — «Поучение Иоанна Златоуста о суетном сем житии и о пользе душевной», нач.: «Возлюблении, оставивше суетнии дела...» (в Кратком 3. — слово 70, в Полном 3. — слово 77); 3) в неделю 15-ю после недели всех святых — «Притча о дворе п змии», нач.: «Вся убо, возлюблении, яже во времена архиереи...» (в Полном 3. — слово 52); 4) в неделю 21-ю — «Слово Иоанна Златоуста об алкании», нач.: «Днесь, возлюблении, врачу душевному поклонимся...» (в Кратком 3. — слово 46); 5) в неделю 34-ю — «Слово Иоанна Златоуста о втором пришествии Христове», нач.: «По вознесении господа бога и спаса нашего...» (в Кратком 3. — слово 80); 6) в неделю 34-ю — «Слово Иоанна Златоуста о твари божии», нач.: «Бог премудростию своею всю тварь...» (в Кратком 3. — слово 43, в Полном 3. — слово 80); 7) в неделю 36-ю — «Поучение Иоанна Златоуста о казнях божиих и о страстях», нач.: «Братие, тяготу греховную отрясше...» (в Кратком 3. — слово 40, в Полном — слово 86). Кроме того, два слова из 3. входят в постоянный состав триодного Торжественника: «Слово о кресте и отвержении Петра апостола» (нач.: «Потребно есть в се время и долг Иову воздати...») и «Слово о покаянии и о блудном сыну» (нач.: «Присно убо боже человеколюбие проповедати...»). В отдельные списки триодного Торжественника входят и другие слова 3. Так, в список Торжественника ГПБ, собр. Погодина, № 199 входит, помимо указанных, еще три слова из 3.; в сходном по составу с Торжественником сборнике БАН, 33.12.11 в общей сложности читается 14 слов 3. Как показал А. С. Архангельский в 4-м выпуске своей книги «Творения отцов церкви...», 3. был использован также составителем *Измарагда*.

Изд.: ВМЧ, ноябрь, дни 13—15. М., 1899, стб. 1180—1579 (и добавочные статьи до стб. 1920); Малинин В. Н. Десять слов Златоустра XII в. СПб., 1910.

Лит.: Калайдович К. Иоани екзарх Болгарский. М., 1824, с. 15, 100 (примеч. 43); Шафарик П. И. Расцвет славянской письменности в Булгарии. — ЧОИДР, 1848, № 7, отд. 3, с. 54; Строев П. Рукописи славянские и российские, принадлежащие... Ивану Никитичу Царскому. М., 1848, с. 109—122; Палаузов С. Н. Век Симеона Болгарского. СПб., 1852, с. 84; Срезневский И. И. 1) Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков). СПб., 1863, с. 192—199; 2) Сведения и заметки: (XXI. Златоустру; XXIV. Источник поучения, внесенного в Повесть временных лет и приписанного преподобному Феодосию Печерскому). СПб., 1867, т. 1; Малинин В. Исследование Златоустра по рукописи XII века имп. Публичной библиотеки. Киев, 1878; Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань, 1890, вып. 4, с. 103—110, 112—117, 120—153, 157—172, 205—207, 211—214, 225—228; Чаговец В. А. Преподобный Феодосий Печерский, его жизнь и сочинения: Историко-литературный очерк. Киев, 1910, с. 84—126; Изергин В. Материалы для литературной истории

древнерусских сборников: 1. Греческий источник одного слова в «Златоусте». СПб., 1905, с. 1—15 (СОРЯС, т. 80, № 1); Соболевский А. И. Из области древней церковно-славянской проповеди. — ИОРЯС, СПб., 1906, т. 11, ч. 1, с. 45, 50—52; Малоземов А. Слово Иоанна Златоустаго на воскресение. СПб., 1908 (ПДПИ, № 169); Иванова Кл. Неизвестна редакция на Златоустуя в сръбски извод от XIII в. — Сборник исторје књижевности, кн. 10. Стара српска књижевност. Београд, 1976, с. 89—107; Караулова Ф. В. Палеографическое и фонетическое описание рукописи «Златоустуя» XII века. Автореф. канд. дис. Л., 1977; Thomson Fr. J. *Chrysostomica palaeoslavica: A preliminary Study of the sources of the Chrysostomica (Zlatostruy) Collection.* — *Cyrillomethodianum, Thessaloniques*, 1982, t. 6, p. 1—65.

М. С. Фомина

Златоуст — древнерусский учительный сборник устойчивого состава, один из сборников Уставных чтений, состоящий из дидактических и эпидейктических сочинений, приуроченных к определенным дням триодного цикла. З. — популярный памятник древнерусской литературы XVI—XVII вв. Известны три основных разновидности З.: З. постный, содержащий статьи, посвященные только подготовительным к великому посту неделям и периоду великого поста; З. пятидесятный, в основе которого лежит постный З., продолженный статьями на воскресные и некоторые будние дни от антипасхи до недели всех святых; З. годовой, содержащий статьи от недели мытаря и фарисея до 36-й недели после недели всех святых.

Свое название сборник получил, вероятно, оттого, что большинство слов, вошедших в его состав, надписывалось именем Иоанна Златоуста. В рукописной традиции типовое определение сборника встречается не ранее XVI в. (например: «Книга, глаголемая Златоуст, в настоящей сей книзе от мытаря и от фарисея, в пост в великий по все дни чтение да неделе в весь год. . .» — список БАН, 32.5.5; «Книга, глаголемая учительной Златоуст» — список ГИМ, собр. Уварова, № 316 (111) и др.). В З. ряд статей идентичен статьям других сборников: триодного *Торжественника*, книги *Рай*, *Сборника*, *Златоустуя*, *Измарагда*, а также *Златой магицы* (см.: Истрин В. М. Замечания о составе Толковой палеи. — ИОРЯС, 1898, т. 3, кн. 2, с. 491—511) и *Златой цепи* (см.: Петухов Е. В. Материалы и заметки из истории древнерусской письменности: К вопросу о Златых цепях. Киев, 1894).

Относительно происхождения прототипа З. и времени окончательного оформления этого сборника как самостоятельного типа древнерусской книги нет единого мнения. А. С. Орлов, опираясь на работы А. В. Горского и Е. В. Петухова, предлагал считать литературным ядром, из которого образовался З., собрание южнославянских дидактических слов на «четырдесятницу» (с недели мытаря и фарисея до пятой недели поста включительно). Шесть редакций З., которые выделяет А. С. Орлов, отражают, по его мнению, процесс постепенного складывания сборника на протяжении XIV—XVII вв., расширения его календаря, усложнения жанровой структуры. В работе Т. В. Черторицкой (*Торжественник — памятник русской литературы XIV—XVI вв.: Литературная история сборника.* Автореф. канд. дис. М., 1979, с. 22—23) высказана мысль, что древнерусские З. формируются только в конце XV—начале XVI в. на основе триодного четверго сборника за счет увеличения в его составе количества дидактических сочинений, приуроченных к будним дням триодного круга, постепенного вытеснения ими эпидейктических гомилий, расширения календаря сборника до 36-й недели после недели всех святых. Примером такого триодного сборника может послужить сборник ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 9. В основе общего прототипа З. и триодных Торжественников, как доказывается в статье Т. В. Черторицкой «О начальных этапах. . .», лежит группа переводных византийских эпидейктических гомилий, дополненная оригинальными славяно-русскими сочинениями — словами Климента Охридского, *Серапиона Владимир-*

ского, а также других безымянных славянских авторов. Сводку таких предположительно или определенно славянских сочинений, надписываемых именем Иоанна Златоуста, содержит статья Е. Э. Гранстрем «Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности» (ТОДРЛ, Л., 1980, т. 35), где из упомянутых ею сочинений № 1, 2, 11—13, 16, 18, 26, 30, 37, 42, 43, 46, 47, 59, 64, 70, 73, 83—85, 95, 102, 105 и 106 входят в число постоянных статей различных редакций З. Типологически З. в XIV—середине XV в. еще не выделились, что подтверждается данными картотеки Н. К. Никольского (хранящейся в БАН СССР): там числятся 7 списков З. рубежа XV—XVI вв. и 131 список XVI—XVII вв.

Тематика большинства статей З. до недели всех святых связана с Евангелием — это различные вариации на темы евангельских сюжетов, поясняющие, распространяющие, украшающие и толкующие их. По своей жанровой природе это слова дидактические и эпидейктические, посвященные празднику пасхи и пасхальному циклу.

Другая группа сочинений в составе З. посвящена теме христианской этики, вопросу общественной и личной морали: это поучения «как лепо христианину жити», «о почитании книжном», «о смирении», «о зависти», «о пьянстве», «о чистоте душевной» (против «грабления», злодеяния, душегубства), «о пользе душевной». Слова З. могли быть направлены против остатков языческих верований и обрядов: «о лечащихся от болезней волхвованием», «о христианском житии» (осуждение «срамословия», «глумления», «плясания», «сатанинских песен» и т. д.). Содержались в З. статьи о поведении в церкви во время службы и после нее, статьи «естественно-научные» («о твари небесной», «Сказание о небесных силах и чего ради создан человек на земли»), а также сведения о вселенских соборах и т. д. Эти дидактические сочинения встречаются среди статей на евангельские темы, но в основном они составили вторую часть З. — от «пятидесятницы» до 36-й недели после недели всех святых. По свидетельству А. Архангельского (Творения отцов церкви..., с. 213—214), многие из них явились поздними добавлениями к прототипу и были извлечены из другого древнерусского сборника — Измарагда. Несмотря на то что в З. вошли переводные слова и поучения византийских и болгарских авторов, ученые, исследовавшие этот сборник, единодушны во мнении, что З. в своей традиционной на Руси форме был составлен древнерусским книжником и включает также произведения русских авторов с несомненными признаками русской современности и народного быта (Горский А. В. О древних словах..., с. 35—36, 44; Петухов Е. Древние поучения, с. XI; Архангельский А. С. Творения отцов церкви..., с. 213—214; Изергин В. Дополнения..., с. 20—21; см. также названную выше работу Е. Э. Гранстрем).

Первоначально функции З. в древнерусском обществе определялись требованиями устава, который назначал для чтения за богослужением специальные статьи собственно правоучительного характера или связанные с событиями церковного календаря. Факт создания и функционирования З. и других четых сборников постоянного состава ставится А. И. Соболевским в зависимость от замены устава по редакции патриарха Алексея тишком Иерусалимским (см.: Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV вв. СПб., 1894, с. LIV). В *Стоглаве* З. упоминается среди «божественных книг», которые «во вся дни заутрени, и воскресны и праздничныя, и дневныя, пели бы по уставу... на поучение и на просвещение, и на истинное покаяние, и на добрые дела». Из церковной практики З. переходит в домашний обиход и становится одной из самых читаемых книг древнерусского общества XVI—XVIII вв. Популярность З. определяется прежде всего учительным характером этой книги. Слова З. просты, обычно лишены риторической украшенности, невелики по объему: задача нравственного назидания, стремление к доступности сочинений подчиняют

себе манеру изложения. Переводные и оригинальные слова, входившие в З., оказывали большое влияние на религиозно-этическое и эстетическое образование средневекового читателя. В З. с его подчеркнутым разграничением добродетелей и пороков формулировался моральный кодекс благочестивого христианина. «Воинствующий дидактизм» делает З. своеобразным публицистическим памятником русского средневековья.

Как указано выше, З. имеет три основных разновидности: З. постный, З. пятидесятный и З. годовой. Основной состав статей каждой из разновидностей З. в целом достаточно устойчив, большинство слов на предпасхальные недели одинаково в З. всех разновидностей. Однако почти в каждом списке памятника можно встретить индивидуальные отклонения от канонического типа, выражающиеся чаще всего в добавлении новых и реже в пропуске традиционных статей. Поэтому следует различать списки, которые, несмотря на такие индивидуальные особенности, могут быть надежно отнесены к определенному виду памятника, и списки, которые следует считать З. особого состава, восходящими к той или иной разновидности.

Реже всего встречаются списки З. постного. Традиционный вид содержит около 65 слов: на неделю о мытаре и фарисее, на неделю о блудном сыне, на субботу и воскресенье недели мясопустной, на среду, пятницу, субботу и воскресенье недели сыропустной, а затем на все дни семи недель поста, причем на некоторые дни (четверг 1-й недели поста, вторник 2-й недели, понедельник и вторник 3-й недели, четверг и субботу 4-й недели, вторник 5-й недели, четверг цветной недели) читается по два слова. Из описанных списков этой разновидности З. укажем списки БАН 16.18.5; ГИМ, собр. Уварова, № 43/317 и 595/313; ГПБ, собр. Титова, № 762.

З. пятидесятный в основном соответствует З. постному, однако в добавление к нему содержит слова на пасху, антипасху, на неделю новую (вторую) после пасхи, неделю 3-ю, среду и воскресенье 4-й недели, неделю 5-ю, 6-ю (иногда и на четверг 6-й недели), на субботу и воскресенье 7-й недели, на пятидесятницу, понедельник после пятидесятницы и неделю всех святых. Из описанных рукописей этой разновидности назовем списки: ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 142; ГПБ, собр. Титова, № 752 и 755; ГИМ, собр. Уварова, № 158/314 и 782/315.

Наиболее распространены списки З. годового. Он встречается в двух основных разновидностях: Краткой и Пространной. Краткий вид З. годового содержит слова на неделю о мытаре и фарисее, на неделю о блудном сыне, субботу и воскресенье мясопустной недели, субботу и воскресенье недели сыропустной, субботу и воскресенье 1-й недели поста, на воскресные дни 2-й и 3-й недель, на среду и воскресенье 4-й недели, на субботу и воскресенье цветной недели, четверг и субботу страстной недели, на пасхальное воскресенье, а затем на воскресные и некоторые будние дни 2—7-й недель после пасхи, на пятидесятницу, на понедельник после пятидесятницы, на неделю всех святых и на последующие 36 недель, причем на недели 7-ю, 8-ю и 10-ю читается по два слова. Этот вид представлен, например, списками: БАН, 33.13.15 и 16.18.1; ГБЛ, собр. Большакова, № 215. Пространный вид З. годового содержит слова не только на воскресные, но и на будние дни недель поста, совпадая в этой своей части с З. постным и пятидесятным. В статьях после недели всех святых Краткий и Пространный виды идентичны. Из описанных списков Пространного вида укажем списки: ГБЛ, собр. Большакова, № 215; ГИМ, собр. Уварова, № 111/316; ГПБ, собр. Титова, № 751 и 753. Отметим, что ряд слов, читающихся в Пространном виде З. годового после недели всех святых, повторяет слова, читающиеся в будние дни недель поста: так, слова на субботу мясопустную, на вторник—пятницу 1-й недели поста, на субботу 2-й недели поста, на среду и четверг 3-й недели поста повторены соответственно в 14-ю, 5-ю, 6-ю, 8-ю, 3-ю (в составе

слова о богатом и Лазаре), 18-ю, 11-ю, 9-ю и 12-ю недели после недели всех святых. Поэтому в некоторых списках Пространного вида на месте этих слов в постные недели помещаются отсылки к тем же словам в дни после недели всех святых. В некоторых списках 3. годового имеются слова на 37—44-ю недели после недели всех святых, что фактически выходит за рамки годичного круга (см., например, списки БАН, 33.10.1, 33.12.5 и др.). Редкая разновидность 3. годового представлена списком ГИМ, Синодальное собр., № 231. Этот список, подробно описанный А. Горским и К. Невоструевым (Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1862, отд. 2, ч. 3, с. 83—111), часто привлекался исследователями 3. и служил основанием для суждений о его составе. В то же время в данном списке много индивидуальных, лишь ему принадлежащих статей; так, только в нем, например, встретились слова на все дни пасхальной (светлой) недели. В списках 3. годового XVI—XVII вв. среди дополнительных, не входящих в традиционный состав памятника статей встречаются и слова *Кирилла Туровского*: слово в неделю цветоносную и слово в новую неделю «о Фомине испытании ребр господне»; что же касается других слов Кирилла, то они входят либо в 3. особого состава, либо в сборники, близкие по составу к 3.

Первые издания 3. относятся к концу XVIII в. Это — почаевское издание 1795 г., супрасльское, также 1795 г., и ряд виленских, первое из которых вышло, видимо, в 1798 г. Текст в почаевском издании в основном сходен с традиционным составом 3. годового лишь до недели всех святых, затем состав печатного 3. существенно расходится с рукописным. В словах на 26—34-ю недели после недели всех святых почаевское издание сходно с виленским, но отличается от супрасльского. В последующих печатных изданиях 3., вышедших вплоть до начала XX в., были заменены, сравнительно с изданием 1795 г., только отдельные слова.

Изд.: Книга глаголемая Златоуст, в ней же всяко ухищрение божественного писания истолковано святым великим Иоанном Златоустом и святыми отцы. Почаев, 1795.

Лит.: Горский А. В. О древних словах на святую четыредесятницу. — Прибавления к ТСО, М., 1858, ч. 17, с. 34—64; Забелин И. Е. Из книги Златоуста. — В кн.: Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872, ч. 1, с. 179—188; Петухов Е. Древние поучения на воскресные дни великого поста. СПб., 1886, с. 1—XIX, 1—30 (СОРИС, т. 11, № 3); Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. — ЖМНП, 1888, август, с. 213—214; Изюргин В. М. [Дополнения к докладу А. С. Орлова]. — Отчеты о заседаниях имп. ОЛДП в 1903—1904 гг. СПб., 1904, с. 20—22 (ПДПИ, № 156); Орлов А. С. Сборники Златоуста и Торжественник. СПб., 1905, с. 3—91 (ПДПИ, № 158); Черторицкая Т. В. О начальных этапах формирования древнерусских литературных сборников Златоуст и Торжественник (триодного типа). — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 96—114; Творогов О. В. Описание и классификация списков сборника «Златоуст». — ТОДРЛ, Л., 1985, т. 39, с. 278—284.

О. В. Творогов, Т. В. Черторицкая

Измарagd — древнерусский сборник устойчивого состава, сложившийся не позднее XIV в. Основную массу статей И. составляют слова и поучения на темы христианской морали. В отличие от сборников уставных чтений — *Златоуста* и *Торжественника* — И. предназначался для домашнего или монастырского келейного чтения. Филарет без каких-либо на то оснований считал составителем И. *Дионисия*, епископа суздальского и нижегородского, и выделял 42 слова, которые, по его мнению, «могут быть признаны за несомненно русские сочинения» (Филарет. Обзор, с. 80). А. Д. Седельников и вслед за ним Н. П. Попов связывали возникновение И. с еретическим движением стригольников. А. И. Клибанов, возражая им, тем не менее ставил создание И. в связь с антицерковным движением начала XIV в., указывая на важную для памятника идею противопоставления «учения книжного» церковному, т. е. отражение борьбы за право мирян самостоятельно обращаться к Священному писа-

нию. В И. это «учение книжное» изложено исключительно просто, доступно для широкого читателя.

В И. выделяются достаточно четко две основные редакции: первая, состоящая из 88 глав, и вторая, содержащая 165 глав. И. первой редакции открывается «*Стословцем*» Геннадия, в котором излагаются основные догматы христианского вероучения. Непосредственно за ним следуют слова «о почитании книжном» (гл. 2—5); той же теме посвящена и глава 40, предостерегающая от «величания» «книжной мудростью». Высказывания о пользе чтения имеются и в других главах. И. наставляет читателя в христианском благочестии. Он напоминает о неизбежной каре за грехи на страшном суде (гл. 9, 10, 28, 37, 59), о сущности поста и необходимости его соблюдения (гл. 31, 32, 78), о значении церковных таинств (гл. 35) и молитвы (гл. 43, 45), о правилах поведения в церкви (гл. 7, 50, 51). В главах 72—79 содержатся наставления священникам. Утверждается, что не обязательно «спасаться» в монастыре, достаточно соблюдать правила благочестия и в мирской жизни (гл. 46). Догматические и духовно-нравственные вопросы раскрываются в главе 67, содержащей апокрифические ответы Афанасия Александрийского Антиоху. Большое внимание уделяет И. проповеди христианских добродетелей. Ей посвящены, например, две аллегорические притчи — «О богатых» (аполлог из «*Повести о Варлааме и Иоасафе*») и «Притча о дворе и змии» (гл. 10 и 68). И. осуждает различные пороки: гордость (гл. 14), гнев и нетерпимость (гл. 15, 47, 48), скупость и сребролюбие (гл. 38, 39, 44), пьянство (гл. 60, 64; высказывания против пьянства содержатся также в гл. 24, 27, 29, 34, 36 и др.). Резко осуждает И. пороки и обычаи, которые он связывает с остатками язычества: «срамословие», игры, пляски, пение, волхование, оплакивание умерших (гл. 13, 23—26, 56). Группа слов И. посвящена обличению «злых жен» (гл. 52—54), содержатся в нем наставления отца к сыну, регламентируются отношения главы семьи к домочадцам и челяди (гл. 22, 55, 58). Заключает И. первой редакции группа слов эпидейктического характера, приуроченных к воскресным дням поста, а также к четвергу страстной недели, пасхе и антипасхе (гл. 69, 80—88).

Как можно видеть, идеологическая роль И. в древнерусской книжности сложна и противоречива. С одной стороны, опираясь на евангельские заповеди, И. учит добру, трудолюбию, щедрости, осуждает корыстолюбие, злобу, пьянство. Но с другой стороны, «используя требование безусловной покорности своей судьбе, безграничного терпения к нищете, полного повиновения всем властям — светским и духовным... поучения тем самым поддерживали тех, кто утверждал непоколебимость существующего общественного строя, кто подавлял любые формы социального протеста, даже выражаемого в религиозной форме» (Адрианова-Петец В. П. К вопросу о круге чтения... с. 24).

Вторая редакция И. весьма существенно отличается от первой по составу: в нее не вошло 38 глав, читавшихся в первой, а добавлено 115 новых глав. Совпадающие статьи обеих редакций сильно отличаются текстуально. По мнению В. А. Яковлева, наиболее обстоятельно исследовавшего памятник, вторая редакция представляет собой «совершенно свободную и сильно пополненную переделку первой. Причем изменения касаются не только расположения и пополнения составляющего сборник материала новыми главами, но и переделки текста самих слов, его составляющих; иногда эта переделка была сделана на основании источников слов, причем автор ее считал необходимым ближе держаться их текста» (Яковлев В. А. К литературной истории... с. 202). В основном содержание и идейная направленность обеих редакций И. сходны, по некоторым темам получили во второй редакции большее развитие. Так, расширено количество поучений о необходимости милостыни и нищелюбия (добавлены главы 40, 64, 69, 108, не имеющие соответствия в первой ре-

дакции), поучений с осуждением несправедливого богатства (гл. 30, 77, 78, 122, 136, 163), с призывом соблюдать пост (гл. 107, 120, 124, 125), с напоминаниями о Страшном суде (гл. 11, 30, 96, 142, 162). Внимание к этой теме исследователи связывают с актуальностью размышлений о грядущем «конце света» в XV в., когда истекла седьмая тысяча лет от «сотворения мира». Во второй редакции И. появились главы, в которых даются наставления о нормах семейного быта и брачных отношений (гл. 26, 48, 49, 51, 55, 56), осуждается взгляд на погибших «нечаянной смертью» как на грешников (гл. 31, 82, 118); в главах 73—75 настойчиво разъясняется, почему праведный человек нередко бывает несчастен в жизни, — вопрос, который, вероятно, задавали себе верующие, исходя из утверждений того же И. о неизбежности кары грешникам и награды праведникам. Вторая редакция расширила круг повествовательных статей — притч, патериковых рассказов (см. гл. 38 — «Слово от патерика, яко не достоин от церкви итти егда поют»; гл. 47 — «Притча Варлаама о трех друзех»; гл. 60 — «Слово о некоем блуднице, иже милостыню творя, а блуда не остави»; гл. 102 — «Слово о старце, иже молитвою с небесе сведе дождь», и др.).

Помимо этих двух редакций В. А. Яковлев выделил редакции И., которые появились, по его мнению, в результате приспособления И. для нужд определенной группы читателей, например монастырской братии. Однако классификация списков И. далеко не завершена и суждения об истории его текста и взаимоотношениях редакций и видов еще требуют исследования и подтверждения. Не решен вопрос об источниках И.: не ясно, вошли ли статьи, принадлежащие византийским, южнославянским и русским авторам, в И. уже в переработанном виде или же их редакция осуществлялась составителем И. Имеющиеся в научной литературе суждения о взаимоотношениях И. с другими сборниками устойчивого состава требуют проверки и могут быть подтверждены лишь после обстоятельного текстологического исследования всей совокупности связанных друг с другом памятников: И., *Пролога*, Златоуста, *Златоустрия* и др. Однако уже сейчас можно отвести предположение В. А. Яковлева, что «одним из более близких источников» И. является Златоуст (Яковлев В. А. К литературной истории... с. 39). Соответствия с И. обнаруживаются либо в статьях Златоуста, появившихся лишь в поздних списках памятника, либо в статьях, общих для Златоуста и различного рода триодных четых сборников, откуда они и могли быть заимствованы составителем И. Так, читающееся в 82-й главе И. первой редакции «Поучение в 3-ю неделю поста» и «Поучение о пречистых тайнах», читающееся в 86-й главе той же редакции, встречается лишь в редких списках постного и пятидесятного Златоустов (в списке ГИМ, Синодальное собр., № 232 и списке БАН, 13.2.6); «Притча Иоанна Златоуста о блудном сыне» (гл. 8 первой редакции И.) соответствует тексту, читающемуся не в Златоусте, а в некоторых сборниках (например: ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 9 и 11). Таким образом, не Златоуст в его традиционном составе явился источником И., а, напротив, И. был использован как источник для некоторых дополнений в списках Златоуста, относящихся к XVII в. Н. Петров, анализируя печатный Пролог (по его позднему изданию 1817 г.), отмечал, что И. «был одним из самых богатых источников, доставлявших материал для проложных поучений» (Петров Н. О происхождении и составе... с. 298—299). Это наблюдение справедливо лишь по отношению к печатному Прологу, действительно широко использовавшему И. как один из источников. Вопрос же об отношениях И. к Прологам старших редакций не исследован, как на это указывал еще А. И. Соболевский в рецензии на книгу В. А. Яковлева. Тем не менее в работах А. С. Архангельского и В. А. Яковлева, в рецензии П. В. Владимирова на книгу А. С. Архангельского, а также в отдельных статьях и обстоятельных описаниях И. (например: Горский А., Невоструев К. Описание

славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. М., 1862, отд. 2, ч. 3, с. 53—83; Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881, ч. 1, с. 562—591) содержатся указания на некоторые источники И. Так, А. С. Архангельский отмечал, что значительная часть «слов», «наказаний», «поучений», входящих в состав *Изборника 1076 г.*, «читается нередко с буквальной точностью и в древнерусских Измарагдах. К числу таких статей принадлежат, напр., Стоглав Геннадия, извлечения из Книги премудрости Иисуса сына Сирахова, различные слова, напр. Слово Иоанна Златоуста, како поа честити, извлечение из Афанасиевых ответов, Сказание о милостивом Созомене и, может быть, некоторые другие» (Архангельский А. С. Творения отцов церкви. . ., с. 70—71). Статьи И. обнаруживают близость к отдельным словам из Златоусту и *Маргарита*, они основаны на сочинениях Иоанна Златоуста, Василия Великого, Ефрема Сирина (см. «*Паренесис*»), Евсевия Александрийского. В статьях И. использованы «*Пандекты*» Никона Черногорца, «Вопросы Антиоха и ответы Епифания» псевдо-Афанасия Александрийского, «Диалоги» Григория Двоеслова, сочинения *Серапиона Владимирского* и др.

И. сохранился в большом числе списков. Подобно Златоусту каждая из двух основных редакций И. имеет традиционный состав, который может быть реконструирован путем сопоставления ряда списков, но в чистом виде, без индивидуальных черт — добавлений, пропусков, перестановок глав, — этот состав встречается в конкретных рукописях весьма редко. Первая редакция известна пока в трех списках. Старший список (ГБЛ, собр. Румянцева, № 186, вторая половина XIV в.) дефектен: в нем читаются главы 6—9, 12—24, 26—40, 44. Выдвигалось предположение, что дефектность списка — результат цензурного вмешательства (Попов Н. П. Памятники литературы строгольников, с. 41—42). С пропуском нескольких глав и другой список первой редакции — ГПБ, F.I, № 233 (XVI в.). Лучшим считается список ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 204 (также XVI в.).

Наиболее полными и традиционными по составу являются следующие списки второй редакции И.: БАН, 13.2.7 и 34.7.21 (без конца); ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 91, 202, 203; собр. Ундольского, № 1279; собр. МДА, № 22/46; ГИМ, Синодальное собр., № 230; ГПБ, Основное собр., F.I.225 и F.I.533; Соловецкое собр., № 359/270; Кирилло-Белозерское собр., № 39/1116; собр. Погодина, № 1019, 1022, 1023. Текст И. второй редакции вошел в *Великие Минеи Четьи* под 31 июля, он содержит 159 глав: главы 20, 26, 89, 131 и 160 пропущены, две главы носят один и тот же номер — 56 (описание см.: Иосиф. Подробное оглавление Великих Четых Минеи всероссийского митрополита Макария, хранящихся в московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеке. М., 1892, стб. 348—361).

А. С. Архангельский и Н. А. Яковлев указывают и на другие редакции И. Однако этот вопрос требует исследования: скорее всего мы имеем дело с многочисленными индивидуальными переработками текста памятника. Пространный сборник статей, в числе которых и несколько глав из И. второй редакции, а также апокрифические статьи, статьи из Златоуста и т. д., находится в ГБЛ, собр. Ундольского, № 542 и 543 (два тома). Этот сборник, однако, был почти полностью издан в 1912 г. в московской старообрядческой книгопечатне под заглавием: «Измарагд, иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого и прочих святых». Научного издания И. не существует, хотя отдельные главы публиковались исследователями. Помимо названных ниже работ см. также: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1897, вып. 3.

Лит.: Лукьянов П. Отчет о занятиях в столичных библиотеках. — Протоколы заседаний совета имп. Харьковского университета и приложения к ним. Харьков, 1867, № 6, с. 557—595; № 7, с. 628—643; Некрасов И. С. Опыт историко-литера-

турного исследования о происхождении древнерусского Домостроя. М., 1873, с. 107—116, 121—123; Петров Н. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога (иноземные источники). Киев, 1875, с. 297—300; Филарет. Обзор, с. 76—82; Петухов Е. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888, с. 202—205; Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань, 1889, вып. 1—2, с. 46—47, 61—74; Казань, 1890, вып. 3, с. 88—116; Казань, 1890, вып. 4; Карнеев А. Вероятный источник «Слова о среде и пятке». — ЖМНП, 1891, сентябрь, с. 160—175; Яковлев В. А. К литературной истории древнерусских сборников: Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893; Соболевский А. И. [Рец. на кн. В. А. Яковлева]. — ЖМНП, 1894, январь, с. 233—238; Владимиров П. В. Из истории древнерусской письменности: (Переводные творения отцов церкви. Вопросы и ответы. Измарагда). — ЧИОНЛ, 1895, кн. 9, отд. 4, с. 28—44; Изергин В. Материалы для литературной истории древнерусских сборников. СПб., 1905, с. 16—78 (СОРЯС, т. 81, № 1); Петретц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. Л., 1929, т. 3, с. 1—19; Седелъников А. Д. Следы стригольнической книжности. — ТОДРЛ, Л., 1934, т. 1, с. 128—130; Попов Н. П. Памятники литературы строгильников. — ИЗ, М., 1940, № 7, с. 34—45; ИРЛ I. М.; Л., 1946, т. 2, ч. 1, с. 155—162; Клибанов А. П. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, с. 385—388; Адрианова-Петретц В. П. К вопросу о круге чтения древнерусского писателя. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 3—29.

О. В. Творогов

«Лествица» Иоанна Синайского, или Лествичника, — распространенная в Древней Руси с XIV в., но известная и ранее книга, состоящая из ряда произведений: собственно Л. обычно предваряется в этом сборнике кратким житием автора, написанным вскоре после его смерти монахом Раифского монастыря Даниилом, письмом к автору книги игумена Раифского монастыря Иоанна, ответным посланием автора, небольшими предисловиями и рисунком ведущей на небо лестницы, ступеньки которой помечены названиями добродетелей; сопровождается Л. «Посланием к игумену» того же автора. Кроме указанных сочинений, сведения об Иоанне Лествичнике извлекаются из *патериков Синайского* и *Азбучного*.

Время жизни автора Л. ранее определялось как 483—563 гг. (Филарет), затем как 525—606 гг. (распространенная в литературе датировка), как десятилетия до 649 г. (Ф. Но) и как период, начало которого около 579 г., а конец после 654 г., но не позже 680 г. (Дм. Богданович). С Иоанном Лествичником и его братом Георгием традиционно связывалась история сыновей константинопольского сенатора VI в. Ксенофонта и его жены Марии — Иоанна и Аркадия (в монастыре Георгия), учившихся философии в Вирите (Бейрут), потерпевших кораблекрушение при возвращении туда из дома, порознь спасшихся и постригшихся в Палестине в монахи; не имея от них вестей, отец отправился их искать, нашел в Иерусалиме, после чего и сам оставил свет и поселился с женой поблизости от сыновей; но достаточно надежных оснований для такого отождествления нет, за исключением того, что Иоанн Синайский был греко-культурным человеком и славился ученостью, по какой причине и был называем Схоластиком. Известно, что в шестнадцать лет он пришел в Синайский монастырь и стал послушником тамошнего аввы Мартирия, в двадцать лет был им пострижен в монахи, причем другой авва, Стратегий, глядя на юношу, предсказывал, что тот будет «великой звездой вселенной», а Анастасий Синайский и Иоанн Савваит провидели в нем будущего синайского игумена.

После девятнадцати лет жизни в полном повиновении у аввы Мартирия, когда тот умер, Иоанн выбрал себе в долине при подошве Синая, в двух часах ходьбы от Синайского храма (вероятно, храма в честь Богородицы, построенного в 557 г. императором Юстинианом), углубленное и уединенное место Фола и пещеру и стал там «безмолвствовать», днем молясь и возделывая свой огород, а по вечерам читая, переписывая и сочиняя книги. Жизнь он вел строгую, но аскетических крайностей избегал. Совершил путешествие в египетскую Скитскую пустыню и в мо-

настырь Тавенны, каковые и описал в Л. У него появился ученик Моисей (в частности, он носил ему плодородную землю для огорода); к нему приходили за помощью и советом другие монахи, так что кто-то назвал его «многоглаголивым и празднословным», вследствие чего Иоанн в течение года совершенно молчал. В игумены Синайского монастыря он был избран после сорока лет отшельнической жизни — значит, в возрасте 75 лет, пробыл несколько лет игуменом, затем поставил на свое место брата Георгия, а сам вернулся к уединению в прежнем месте Фола и вскоре скончался (брат его вскоре тоже умер). С Иоанном Лествичником связывали сохранившееся письмо от 1 сентября 600 г. папы Григория Великого (540—604), написанное в ответ на посланное ему с Палладием письмо синайского игумена Иоанна (папа просит в этом письме авву Иоанна молиться за него, желает ему успеха в привлечении благословения небес на его стадо и в побуждении стада — словами и собственным примером — к добродетелям; кроме того, он сообщает, что выслал мебель для госпиталя, построенного на Синае каким-то иностранцем); однако расчеты В. Бенешевича показали, что это должен был быть другой синайский игумен Иоанн.

Из предшествующих Л. посланий ясно, что Иоанн писал, отвечая на просьбу игумена Раифского монастыря Иоанна, и что наименование книги «Лествицей», а глав ее «степенями», т. е. ступенями, было внушено заказчиком. Образ лестницы морального восхождения был к тому времени известен в учительной литературе (встречается у Иоанна Златоуста, Феодорита Кирского, Макария Великого; в форме лестницы добродетелей из 17 ступеней написаны наставления аввы Пинуфия — см.: PL, t. 73, p. 833). Видимо, под влиянием этого образа заказчик и просил у Иоанна Синайского слов, возводящих читателя «наподобие... лестницы даже до врат небесных». Автор как бы побоялся ослушаться этой просьбы; адресовал он свою книгу, однако же, не к заказчику, а к руководимой тем братии соседствующего (расположенного в 30 км от Синая на берегу Суэцкого залива) Раифского монастыря.

В этой книге Иоанн Лествичник собрал, вероятно, издавна ведшиеся им записки о духовной жизни. На него оказали то или иное влияние Григорий Назианзин (ум. ок. 390), Евагрий Понтик (346—399), Макарий Великий (ум. ок. 400), Нил Синайский (ум. ок. 430), Иоанн Кассиан (360—435), Диадок Фотикийский (400—480), Авва Исая (ум. 488), традиции египетского Скита, как они отразились в «Изречениях отцов» (V в.), южнопалестинский авва Варсануфий (первая половина V в.), папа Григорий I Великий (540—604), Иоанн Мосх (540—619), Антиох Пандект (VII в.).

Свое сочинение Иоанн Лествичник разделил на тридцать «степеней» — по числу лет жизни Иисуса Христа до крещения и начала проповеди, как сказано в одном из предисловий. В общей композиции книги принцип духовного восхождения выдержан: первые двадцать три «степени» посвящены грехам, остальные семь — добродетелям. Книга начинается темой отречения и уклонения от мирской жизни как естественной ради монашеской, называемой вышеестественной. Автор различает причины, по которым люди идут в монахи («или ради будущего царствия, или ради множества грехов, или по любви к богу»), указывает три вида иноческой жизни — наедине, с одним или с двумя и в общежитии, причем о среднем из этих состояний говорит как о «царском пути», приличествующем многим. Далее он объясняет связанные с отречением от мира монашеские обыты и дает наставления новичкам — часто с помощью небольших, патерикового типа рассказов о виденных им подвижниках. Эти рассказы роднят Л. с Синайским патериком, или Лугом духовным, Иоанна Мосха. Много внимания автор уделяет требованию безусловного послушания ученика наставнику, необходимости покаяния для очищения совести, постоянной памяти о неизбежности смерти и неустанного вни-

мания к собственным мыслям и голосу совести — не перестала ли она «томить» и жечь, вызывая сокрушенный плач. От монаха Иоанн требует быть кротким, не злопамятным, скупым на слова, правдивым, не унывающим, не ленивым, воздержанным в пище, целомудренным и чистым как внешне, так и внутренне. При этом — со ссылкой на «рассудительных отцов» — он дает (использованный затем в русской литературе *Нилом Сорским*) анализ пути развития в душе человека страсти: от первоначального возникновения в уме какого-либо образа до полного подчинения воли (различаются «прилог», «сочетание», «сосложение», «пленение», «борьба» и, наконец, «страсть»); отмечает «еще и иной... тончайший помысл, называемый набегом мысли, который так быстро проходит в душе, что без слова и образа и времени мгновенно представляет человеку потаенную его страсть».

Из страстей, или помыслов, главными он считает славолубие, сластолюбие, сребролюбие, которые порождают остальные — гнев, злопамятство, уныние, тщеславие, гордость. Но он говорит также о семи страстях (в 14-й «степени»), поясняя, что тщеславие является просто начальной стадией гордости. Пятнадцатая «степень» заканчивается несколько риторической речью души к собственной плоти и ответом ей плоти (в XI в. это место было использовано Филиппом Пустынником при написании «Диоптры», построенной как диалог души и плоти). Далее в книге с осуждением говорится о сребролюбии, даже возбуждаемом как бы благим намерением собирать деньги для бедных, и с похвалой — о нестяжании; сообщается также о смерти души и ума, «нечувствии» тех, кто, говоря одно, делает другое; о сне и бодрствовании (отмечается, в частности, что от многого сна происходит забывчивость, бдением же очищается память); о малодушии, тщеславии и гордости (она называется признаком душевного бесплодия); о приобретаемых путем самовоспитания кротости, простоте и беззлобности («Простосердечный инок есть как бы разумом одаренный скот»).

Говоря о смиренномудрии, Лествичник, между прочим, высказывает убеждение (в XIV в. в Византии оно стало предметом споров), что недоступное существо может быть постигнуто «от действий его и свойств». Постоянным руководителем человека в подобающем рассуждении о помыслах, страстях и добродетелях Иоанн называет совесть. В завершающих книгу «степенях» говорится о «священном тела и души безмолвии», о душевном и телесном предстоянии на молитве, «матери всех добродетелей», о бесстрастии как о «земном небе» и о союзе веры, надежды и любви как о высших ступенях «лествицы». В целом автору свойственна обращенность внимания вовнутрь, в душу человека. Он — наблюдательный, умный и проницательный психолог, знающий типы людей, их внутренние состояния, склонности, пристрастия, ошибки, уловки самообмана, трудности самообуздания и т. п.

Главной целью земной жизни человека он считает достижение жизни вечной, воскресение души прежде общего воскресения, а главными причинами гибели людей во времени — страсти сластолюбия, сребролюбия и тщеславия. Мельком, в первой «степени», говоря о мирянах, Иоанн замечает, что если они удерживают свой язык от лжи и злословия, руки от воровства, ум от превозношения, а сердца от ненависти, не отрываются от церкви, сострадаютельны к нуждающимся, никого не соблазняют и к чужому не прикасаются, то они недалеко от царствия небесного.

С Л. Иоанна Синайского начинается то, что в науке называется «синайской школой», для которой характерны методическая постепенность и осторожность в аскезе, жизнь в киновии при полном послушании духовному отцу, исихия (безмолвие) с концентрацией на Иисусовой молитве как метод и обожение путем восприятия божественных «энергий» как идеал. Язык Л. легок, в целом прост, афористичен, по большей части чужд витиеватости, хотя автор и прибегает к олицетворениям и

аллегориям и иногда ритмизует свой текст; естественным образом в него входят народные пословицы и поговорки (их насчитывают 66). Каждая «степень» Л. завершается стихотворным резюме.

«Послание к игумену», или «Слово к пастырю», следующее обычно за Л., состоит из пятнадцати глав, обращенных уже прямо к самому игумену Иоанну Раифскому. Здесь речь идет о качествах, необходимых для руководителя. Во множестве используются параллели из мирской жизни. Между прочим говорится, что «неприлично учителям от писаний других преподавать свою науку и живописцам только с чужих рисунков свои изображать»; перечисляются необходимые для врача «пластыри, разные приемы, глазные примочки, питья, губки, также негнущаемость, капли, жилосечива, прижигательные орудия, мази, усыпительные зелия, нож и обвязки»; упоминаются «малодушные корабельщики, кои во время крайнего зноя оставляют корабль свой и бросаются из корабля в воду для прохладения»; отмечается, что «дети бывают одни собственные и родные, другие от двубрачия, иные же подкинутые, и иные побочные, рожденные от рабынь». Труд духовного пастыря сравнивается, таким образом, с делом капитана, врача, художника и учителя; в частности, высказывается соображение, что если духовный врач изобилует «безмолвием духовным», то он имеет меньшую нужду в безмолвии «телесном». Оканчивается послание «соплетением венца» из похвал Иоанну Раифскому, получателю; среди прочего говорится, что тот, «яко премудрый некий архитектор», положил основание лестнице добродетелей, возвел ее, побудив говорить своей пастве «нечистые уста» автора, и сам взшел по ней на самый верх.

Заказчик Л., Иоанн Раифский, архиепископ критский Илья (VIII, IX или X в.), патриарх Фотий (IX в.), Михаил Пселл (XI в.), Никифор Каллист (1350—1362) и другие писали на нее толкования (см.: *Patrologia Graeca*, т. 88). Вскоре после создания Л. ее использовали в своих сочинениях ученик Иоанна Филофей Синайский (конец VII в.) и Анастасий Синайский (ум. после 700 г.). В послеиконоборческое время, с IX в., Иоанн Лествичник начал почитаться византийской церковью как преподобный, а популярность его книги стала расти. Церковным уставом было определено читать Л. в Великий пост с понедельника по четверг на утрени и на 3-м, 6-м и 9-м часах, по пятницам на 3-м и 9-м часах, в четвертое воскресенье Великого поста совершать память Иоанна Лествичника — помимо дня его смерти, 30 марта.

Судя по сохранившимся греческим спискам (их не менее 73), больше всего читателей у Л. в Византии было в XI в.; затем, в XII—XIII вв., интерес к ней снижался, в XIV в., в период исихастских споров, повысился вновь, а далее опять стал падать и к XVII в. сошел на нет. Л. была использована в произведениях Феодора Студита (759—826), Симеона Нового Богослова (971—1022), Никиты Стифата (XI в.), Никона Черногорца (XI в.), Никифора Святогорца (конец XIII в.), Григория Синаита (ок. 1280—1346), Григория Паламы (1286—1359), патриарха Каллиста II Ксанфопола (ок. 1397) и др. В византийской гимнографии существует канон, написанный (не позднее XI в.) под сильным влиянием Л. с использованием ее текста, в частности в виде акростиха. Л. была переведена на сирийский, армянский, грузинский, арабский, эфиопский, славянский (неоднократно), латинский (неоднократно), новогреческий, украинский, итальянский, французский и английский языки.

Первый славянский перевод Л. был выполнен, как предполагают, в Болгарии в X—XI вв.; его древнейшие сохранившиеся списки датируются XII в. (ГБЛ, Музейское собр., № 198). По характеристике А. Горского и К. Невоструева, он темен, маловразумителен, а во многих местах и совсем неверен. Им пользовались Савва Сербский (ок. 1174—1225), Стефан Первовенчанный (1196—1228), Феодосий Хиландарский (XIII—XIV в.), Даниил Печский (1323—1337) и др. Не позднее XIII в.

выписки из Л. попали в *Пролог* (см.: ГИМ, собр. Хлудова, Пролог, 1262 г., 5 января — о Мине Синайском). В XIII в. на Л. сослался *Симон* в послании *Поликарпу* (в составе *патерика Киево-Печерского*). Около 1370 г. в Сербии создали новый славянский перевод Л., более точный и понятный, чем первый. Его инициатором был князь Георгий Бранкович, руководителем — браничевский митрополит Савватий; работали над ним афонские старцы, вызванные из Хиландарского монастыря, по найденным в Константинополе греческим и собранным в Хиландаре и Смедереве славянским спискам. В 1387 г. в Константинополе, в Студийском монастыре, митрополит всея Руси *Киприан*, в то время изгнанный из Москвы, сделал список этого нового славянского перевода Л. (рукопись ГБЛ, МДА, фонд., № 152). Видимо, сам митрополит доставил этот список на Русь. В Москве его неоднократно копировали. Судя по списку БАН, собр. Н. В. Тимофеева, № 9, некий иеромонах Прохор привозил Киприанову рукопись в Тверь к епископу Евфимию и там она была переписана в 1402 г. (странно только, что писец сообщает в приписке, что умолил Евфимия выдать ему автограф митрополита: тверской епископ Евфимий Висленъ умер в Москве в 1392 г.). От 1402 г. дошел и список старого, болгарского перевода Л. (ГИМ, Синодальное собр., № 141). Новый перевод быстро вытеснил старый. На Русь он попадал, видимо, неоднократно и разными путями. Например, в 1420—1421 гг. некто Евсевий-Ефрем в константинопольском монастыре Богородицы Иперивлепто сделал список (ГБЛ, Волоколамское собр., № 462), который потом неоднократно переписывали на Руси (известны три его копии XV в.). Тот же Евсевий-Ефрем в 1423—1424 гг., начав в Константинополе, закончил с помощью другого писца на Афоне, в Ватопеде, еще один список Л. (ГИМ, Успенское собр., № 18-бум.).

Часто в конце славянских списков Л. помещается словарик, поясняющий отдельные слова перевода. Этот словарик появился в Сербии в XIV в., а на Руси в XV в. был развит как словарь общего значения. Списки Л. различаются также наличием или отсутствием толкований (старейший список толковой Л. — ГБЛ, МДА, фонд., № 3, XIV—XV вв.).

Всего славянских списков Л. сохранилось более ста. Распределение их по времени показывает, что интерес к Л. резко возрос в XIV в. — одновременно с интересом к родственным ей аскетическим сочинениям Исаака Сирина, Аввы Дорофея, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита и т. п. По сборникам в большом числе распространились выписки из Л. (как с указанием источника, так и без него) и проникли даже в текст других произведений, например в книгу *«Стефанит и Измилат»*. На Руси во второй четверти XV в. популярность Л. пошла на убыль, но в конце XV—начале XVI в. вновь возросла, причем в Заволжье, в Кирилло-Белозерском монастыре, значительно больше, чем в центральной Руси, в Троице-Сергиевой лавре. Это объясняется происшедшим тогда оживлением, особенно в Заволжье, скитского образа монашеской жизни, старчества, а также творчеством Нила Сорского (1433—1508), в большой мере опиравшегося на Л. Хотя Л. пользовалась высоким авторитетом также у *Иосифа Волоцкого* (1440—1515), однако же «иосифлянам» она была более чужда, чем «нестяжателям», — хотя бы в силу порицания ее автором всяческого любостяжания, каким бы общественно полезным оно ни казалось. Л. была включена в *Великие Минеи Четыи*. Но спад интереса к Л., как и вообще к психологической литературе, в XVI—XVII вв. на Руси повсеместно продолжился.

В 1647 г. в Москве Л. была напечатана по сербскому переводу с толкованиями, перемежающимися с ее текстом, причем количество толкований здесь значительно расширено выписками из других книг, в том числе из сочинений Нила Сорского и *Максима Грека*. В 1785 г. это издание было перепечатано в Варшаве старообрядцами. В печатном Прологе, начиная с издания 1659 г., выписки из Л. обнаруживаются под

24 сентября, 3 октября, 20 декабря, 12 марта, 19 апреля, 7 мая и 25 июня. В XVIII в. Паисий Величковский (1722—1794) сделал новый перевод Л. В этом же веке митрополит Филофей Лощинский, переработав Л., создал свой «Сибирский лествичник». С конца XVIII по конец XIX в Л в новом славянском переводе Д М Ульянинского неоднократно печаталась в Петербурге, Киеве и Москве «Слово к пастырю» было издано Московской духовной академией в 1851 г. и неоднократно переиздавалось (4-е изд — 1894 г.).

Изд Греческий текст S Ioannis Scholastici, abbas Montis Sinae, qui vulgo Climacus appellatur, opera omnia / Interprete Matthaeo Radero Lutetiae-Parisiorum, 1633, PG, t 88, col 583—1248, 'Εν Κωνσταντινουπόλει: 1883, 'Εν Αθήναις, 1959, P Trevisan, S Giovanni Climaco Scala Paradisi (Corona Patrum Salesiana, 8) Torino, 1941 Сербский перевод с толкованиями М, 1647, Варшава, 1785 Перевод Д М Ульянинского М, 1785, СПб, 1812, 1817, Киев, 1823, 1836, 1862, 1869, М (издание Козельской Оптиной пустыни), 1862, 1869, 1892.

Лит Шафарик П И Обзорение примечательнейших памятников древнего времени у сербов и у других южных славян — Jahrbucher der Litteratur, Wien, 1831, T 53, Архангельский А С 1) Нил Сорский и Вассиан Патрикеев Их литературные труды и идеи в Древней Руси Ч 1 Преподобный Нил Сорский СПб, 1881, с 160—163 (ПДП, № 25) (об использовании Л Нилом Сорским), 2) Творения отцов церкви в древнерусской письменности — ЖМНП 1888, август, отд 2, 5) К изучению древнерусской литературы Творения отцов церкви в древнерусской письменности СПб, 1888, с 88—92, Соколов И Преподобный Иоанн Лествичник и его «Лествица» — Душеполезное чтение, 1889, март, с 277—320, Пападопуло Карамевс Φω-του πατρ αρλου Σχολια εις την Κλίμακα ΠΠС, 1892, т 2, с 21—24, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона СПб, 1894, т XIIIa (26), с 671—672, Krumbacher K Geschichte der byzantinischen Litteratur Munchen, 1897, S 143—144, Яцимирский А Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе XX — ИОРЯС СПб, 1899, т 4, кн 2, с 471—475, Nau F Note sur la date de la mort de S Jean Climaque — Byzantinische Zeitschrift, 1900, t 11, S 35 sqq, ПБЭ, СПб, 1905, т 6, стб 1005—1007, Cluget L Saint John Climacus — The Catholic Encyclopedia, 1913, vol 8, p 457, Petit L Jean Climaque — In Dictionnaire de Theologie Catholique Paris, 1924, vol 8, 1, p 690, Beneševic V Sur la date de la mosaïque de la Transfiguration au Mont Sinaï — Byzantion, 1924, N 1, p 156—172, Перетц В Н Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв Л, 1926, с 73—77 (СОРЯС, т 101, № 2) (об украинском переводе Л), Корнеева-Петрулан М Лествица 1479 г как памятник письменного языка Псковской области XV в — Slavia, Praha, 1931, roč 10, seš 1, с 1—6, seš 2, с 226—241, Bontschew A Die Asketik und Mystik des Johannes Klimacus (diss) Marburg, 1945, Martin J R The Illustration of the Heavenly Ladder of John Climacus Princeton, 1954, Душанић С Браничевски превод Лествице Јована Синаита Браничево, 1956, Herpel M 1) Some Slavonic Manuscripts of the «Scala paradisi» («Lestvica») — Byzantinoslavica, 1957, t 18 (2), p 233—270, 2) The Rila Manuscripts of the «Lestvica» (Scala Paradisi) — Byzantinoslavica, 1971, t 32, p 276—283, Ковтун Л С Русская лексикография эпохи средневековья М, Л, 1963, с 217—260, Цицадзе М. Язык «Лествицы» Иоанна Синаита в грузинском переводе Евфимия Афонского (текст с исследованием и словарем) Автореф канд дис Тбилиси, 1966, Богдановић Дм Јован Лествичник у византијској и старој српској књижевности Београд, 1968, Вздорнов Г И Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв — ТОДРЛ, Л, 1968, т 23, с 174—195; Volker W Scala Paradisi Eine Studie zu Johannes Climacus und zugleich eine Vorstudie zu Symeon dem Neuen Theologen Wiesbaden, 1968, Couilleau G Jean Climaque — In Dictionnaire de spiritualite ascetique et mystique Doctrine et histoire / Ed M Viller Paris, 1974, т 8, col 369—389 (обширная библиография), Прохоров Г М Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник Авва Дорофей, Исаак Сириянин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Троице-Сергиевой лавры с XIV по XVII в — ТОДРЛ, Л, 1974, т 28, с 317—324, Драгунский Д В «Лествицы» Пушкинского Дома — ТОДРЛ, Л, 1976, т 30, с 345—347, Geerard M Clavis Patrum Graecorum, vol 3 A Cyrillo Alexandrino ad Johannem Damascenum Вреполс—Turnhout, 1979, p 476—478, Трифуновић Ћ Речник уз српске преписе Лествице Прилог познавању српске средњовековне лексикографије — Јужнословенскиј филолог, Београд, 1982, т 32, с 79—87

Г. М Прохоров

Маргарит — переводной сборник уставных чтений, состоящий из избранных слов, бесед и поучений Иоанна Златоуста и получивший боль-

шое распространение на Руси в XV—XVIII вв. В древнерусскую литературу этот сборник пришел из Византии и сохранил греческое название — *Margaritha*, что в переводе означает «жемчужина»: «Маргарит, сиречь бисер или жемчуг именуется... Словеса убо, яже суть в книзе сей, якоже в златом перстени драгии камень блистающа, веселит некако, взирающаго на нь. Сице и разум словес тех... воссия паче злата, благодати, луча независтная, озаряющи благочестивых сердца...». М. — сборник морально-учительного характера, сближающийся с другими четырьмя сборниками: *Измарагдом*, *Златой цепью*, *Златой матицей* и др.

Византийские М. не имели строго определенного содержания, в разных списках помещались разные сочинения Иоанна Златоуста и количество их колебалось от 20 до 70—80 (см.: Архангельский А. Творения отцов церкви... с. 212). Древнерусский М. — сборник, обладающий устойчивым составом статей. Его прототипом, вероятно, послужил один из многочисленных вариантов греческого М., переведенный на церковно-славянский язык. Литературную основу древнерусского М. составили 30 сочинений Иоанна Златоуста, среди которых произведения экзегетические, догматико-полемические, а также слова общеморального и аскетического содержания, а именно: шесть слов «о непостижимом», шесть слов против иудеев, шесть — о серафимах, пять — о «богатом и Лазаре», три — о Давиде и Сауле, четыре беседы об Иове (последние из подложных или сомнительных сочинений Златоуста, см.: Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей... с. 119—124). Такое содержание имеют М. 1499 г. и XVI в. в собрании ГИМ (см.: там же, № 126, 127), М. 1494 и 1567 гг. в собрании ГПБ (Ф.1, № 196, 213), М. XV—XVII вв. в собрании ГВЛ (см.: Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицко-Сергиевой лавры. М., 1878, ч. 1, № 147—150) и др.

Постоянный состав статей М. был закреплен печатными изданиями (из них первое вышло в Остроге в 1596 г.). В некоторых рукописях и печатных М. после основного текста под заглавием «От книг, глаголемых Маргарите» помещается группа из пяти сочинений Иоанна Златоуста: 1 — «О создании Адамова...», 2 — «О Адаме, яко прежде снести ему от древа разумнаго...», 3 — «Чего ради древо разумно добро и зло наречеся...», 4 — «Слово о покаянии и умиления и яко скор бог в спасении...», 5 — «Оглашение к хотящим креститься и о притчи винограда». Наличие или отсутствие этой группы слов послужило для В. М. Истрина основанием для разделения списков М. на полные и краткие. Объясняя заголовок пятичленной группы, В. М. Истрин предлагает считать ее остатком южнославянского М., более полного и более древнего, чем древнерусский, возникшего путем перевода другого греческого варианта М. Эта группа была занесена к нам, а так как и она называлась Маргаритом, то и была механически присоединена к уже существующему в древнерусской письменности М. В качестве дополнений к М. встречаются слова, посвященные праздникам солнечного и лунного календаря (неподвижным и подвижным), — сочинения Кирилла Александрийского, Елифания Кипрского, Григория Никомидийского и др., а также поучения, жития святых; среди последних чаще других «Житие и жизнь Иоанна Златоустаго», написанное Георгием, архиепископом александрийским. Эти сочинения древнерусскими книжниками не связывались с содержанием книги М., воспринимались ими именно как дополнения к данному типу книги, о чем свидетельствует тот факт, что во многих рукописных и печатных М. после 30 перечисленных выше слов Иоанна Златоуста, иногда после пяти слов «от книг, глаголемых Маргарите», следует приписка: «До zde скончашася книга слов блаженнаго Иоанна Златоуста, глаголемая Маргарите», или: «Се же приписи в книзе сей и се кроме Маргарита».

Время и место перевода М. на церковно-славянский язык точно не известны. Некоторые сочинения М., вошедшие также в состав *Златоустрия* болгарского царя Симеона, были переведены еще в X в., но в древнерус-

ских М. эти переводы не использованы. А. Горский и К. Невоструев считали, что перевод слов М. «не принадлежал к числу древних переводов» (Описание славянских рукописей. . ., с. 126); но, как считал Архангельский, он все же был выполнен не позднее XIII—XIV вв. (Архангельский А. С. Творения отцов церкви. . ., с. 212). А. И. Соболевский упоминает о южнославянском переводчике Дионисии, ученике болгарского патриарха Феодосия, который в XIII в. перевел М. (ПБЭ, стб. 943; см. также: Соболевский. Переводная литература, с. 8). Списки М. не встречаются в древнерусской письменности ранее XV в. Перевод и распространение на Руси М. были обусловлены предписаниями уставов, древнерусские списки которых называют М. среди других сборников уставных чтений уже в XIV в. (Истрин В. М. Замечания. . ., с. 478). Это, впрочем, не может служить доказательством существования древнерусских М. в данный период. Церковные уставы переводятся с греческого языка, и, следовательно, упоминание в них М. указывает на использование М. в православном культе, на наличие этого типа сборника в византийской литературе; вероятно, именно это и могло послужить побудительной причиной перевода М. на церковно-славянский язык. Время и порядок чтения сочинений, составивших древнерусские М., определены в предисловиях к печатным изданиям М.

В древнерусской литературе название М. иногда соотносилось не только с определенным типом книги, но вообще со сборником учительного содержания: Так, в XVI в. известный публицист Андрей Курбский составляет сборник из сочинений Иоанна Златоуста и других христианских писателей и называет его «Новый Маргарит». В этот сборник Курбский включил разнообразные в жанровом и тематическом отношении произведения: торжественные слова, посвященные церковным праздникам, беседы, толкования, жития. . . С древнерусским традиционным М. по происхождению и содержанию «Новый Маргарит» Андрея Курбского не имеет общих черт (о «Новом Маргарите» см.: Архангельский А. С. 1) Очерки из истории западнорусской литературы XVI—XVII вв. Приложения. — ЧОИДР, 1888, кн. 1, с. 3—87; 2) Творения отцов церкви. . ., с. 217—229). Кроме религиозно-нравственной дидактической направленности не имеет ничего общего с древнерусским М. и памятник нового времени — «Маргарит, или Избранныя душеспасительныя изречения, руководящая к вечному блаженству с присовокуплением некоторых бесед, относящихся исключительно к женским обителям» (М., 1893, 1905).

Древнерусский М. как четкий учительный сборник занимает видное место в культурно-бытовом обиходе человека средневековья; он сыграл заметную роль в истории древнерусской литературы. Сочинения Иоанна Златоуста, вошедшие в состав М., привлекали внимание совершенством формы, христианско-демократической направленностью идей и, вызывая многочисленные подражания, служили излюбленным чтением в Древней Руси на протяжении нескольких веков. Древнерусский М. дает нам представление об истоках и особенностях средневекового миропонимания, системе эстетических и этических ценностей средневекового общества.

Изд.: Маргарит. Острог. 1596; Маргарит. М., 1641, 1698, 1764, 1773, 1890, 1901; Маргарит. Варшава, 1788; Памятники славяно-русской письменности, издаваемые Археологической комиссией. Сентябрь, вып. 2. СПб., 1868, стб. 773—1193.

Лит.: Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1859, отл. 2, ч. 2, с. 119—131; Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. — ЖМНП, 1888, август, с. 212; Истрин В. М. Замечания о составе Толковой палеи. — ИОРЯС, СПб., 1898, т. 3, кн. 2, с. 478—491, 509—511; Соболевский А. И. Иоанн Златоуст в русской письменности. — ПБЭ, СПб., 1905, т. 6, стб. 943.

Т. В. Черторицкая

«Паренесис» Ефрема Сирина — популярный в Древней Руси сборник слов, преимущественно назидательного характера, восходящий к грече-

скому переводу произведений сирийского богослова, писателя и поэта Ефрема Сирина (Мар Афрем, ум. в 373 г. в Эдессе).

Хотя в основе сборника лежат «увещательные слова» (λόγοι παραυετικοί — отсюда заглавие книги) Ефрема Сирина к египетским монахам, а к большей части других глав также подобраны греческие оригиналы (полное издание сочинений Ефрема Сирина см.: Sancti... Ephraem opera omnia qua exstant, Graece, Syriace, Latine, in sex tomos distributa... / Ed. J. S. Assemanus, P. Benedictus, S. E. Assemanus. Romae, 1732—1746), в полном виде подобный сборник греческой рукописной традицией не засвидетельствован. А. С. Архангельский высказал предположение, что П. возник на славянской почве. Перевод П. по языку относится к древнейшему периоду славянской письменности; по-видимому, он был осуществлен в Болгарии еще в X в. Хотя древнейший полный список памятника датируется XIII в. (ГБЛ, ф. 304, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 7), сохранились его фрагменты значительно более раннего времени — Македонский глаголический листок (который, правда, датируют по-разному; по наблюдениям И. И. Срезневского и других исследователей, перевод здесь и в полных списках П. один и тот же) и др. Есть и иные свидетельства распространения П. в XI—XIII вв.: по уставу патриарха Алексея (древнейший полный список XII в. — ГИМ, Синаодальное собр., № 330) в течение седмиц четыредесятницы «чтеться святый Ефрем до вторника цветнаго» (Виноградов В. П. Уставные чтения. Сергиев Посад, 1914, вып. 1, с. 43); в описи XII в. русских книг монастыря Богородицы Ксилургу на Афоне отмечена книга «Св. Ефрем» (Срезневский. Памятники, стб. 57); слова Ефрема Сирина имеются в сборнике XII в. ГБЛ, ф. 310.1, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 12 (Тихомиров Н. Б. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII веков, хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, М., 1968, вып. 30, с. 93—98, 125—137); слово 48 П. (об Авраамии Затворнике, по нумерации слов в рукописи Троице-Сергиевой лавры № 7) вошло в Успенский сборник (Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971, с. 474—490); ссылку на Ефрема Сирина встречаем в *патерике Киево-Печерском* (ПЛДР: XII век. М., 1980, с. 514); в *Житии Авраамия Смоленского* сказано, что святой «любя часто прочитати учение преподобнаго Ефрема» (ПЛДР: XIII век. М., 1981, с. 72); наконец, П. был переписан по повелению волынского князя Владимира Васильковича (список ГПБ, собр. Погодина, № 71а, см.: Срезневский. Памятники, стб. 149).

П. был одной из самых читаемых книг в Древней Руси и других славянских землях (влияние его И. Гопшев отмечает в «Завете» Иоанна Рильского, «Прогласе к Евангелию» и других древнеболгарских памятниках). Многие слова П. в полном или переработанном виде вошли в состав *Измарагда*, а также *Пролога*; памятник отразился и в *Палее Толковой* (см.: Успенский В. М. Толковая Палея. — ПС, 1876, июль, с. 75 и сл.; Франко. Апокрифы, ч. 1, с. 124—144). Особенно популярны были слова Ефрема Сирина эсхатологического содержания, отразившиеся в древнерусских сочинениях и духовных стихах (см.: Сахаров В. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879); часто переписывалось 85-е слово П., в переделанном виде вошедшее в Пролог под 30 сентября («о проскуре рекше о комкании», см.: Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, с. 150—152; Туницкий Н. Древние сказания о чудесных явлениях младенца Христа в евхаристии. — БВ, 1907, май, с. 206; Яцимирский А. И. К истории апокрифов и легенд в южнославянской письменности. — ИОРЯС, 1910, т. 15, кн. 1, с. 7—17); 48-е слово (об Авраамии Затворнике) оказало влияние на *Житие Авраамия Ростовского*, *Житие Нила Столбенского* (см.: Кадлубовский А. Очерки по истории древнерус-

ской литературы житий святых, с. 12—43), его знал и *Ефрем*, автор Жития Авраамия Смоленского; одно из слов П. (Архангельский А. С. Творения отцов церкви. . . , т. 3, с. 34) использовал в своем послании старец Елеазарова монастыря *Филофей* (см.: Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, с. 189—192). Влияние слов Ефрема Сирина усматривают в сочинениях Климента Охридского, митрополита *Илариона*, *Кирилла Туровского*, *Серапиона Владимирского*, *Нила Сорского*. П. был включен в *Великие Минеи Четьи* под 28 января.

По мнению А. С. Архангельского, древнейшая редакция П. ограничивалась 101—104 словами. Об этом, по его мнению, свидетельствует тот факт, что различия между списками касаются в первую очередь последующих, «прибавочных» слов. Этот вывод был оспорен П. В. Владимировым, который указал, что в Уставе (список ГИМ, Синодального собр., № 330) в неделю мясопустную положено чтение «слова святого Ефрема о втором пришествии» (Виноградов В. П. Уставные чтения. Сергиев Посад, 1914, вып. 1, с. 44), идущее в полных списках П. под номером 105. Впрочем, рукописная традиция славянских переводов Ефрема Сирина остается почти не изученной. Первое издание П. вышло в Москве в 1647 г. (по данным В. С. Сопкива, было издание 1643 г., см.: Сопков В. С. Опыт российской библиографии. СПб., 1904, ч. 1, с. 27) и затем многократно перепечатывалось (иногда вместе с поучениями аввы Дороефа, впервые: М., 1652). В издании 1701 г. к первоначальному составу сборника были добавлены переведенные Федором Поликарповым «ина словеса новопреведенныя тогожде святого Ефрема» (числом 28, а также «Завет святого Ефрема Сирина» и «Слово похвальное преподобному отцу Ефрему Сирину»).

Лит.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862, т. 2, с. 49—51; Срезневский И. И. 1) Сведения и заметки. СПб., 1867, т. 1, вып. 1, с. 27—81 (№ V—IX); 2) Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868, с. 146—148, 398—405; Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань, 1890, т. 3; Владимиров П. В. [Рец. на книгу А. С. Архангельского «Творения отцов церкви в древнерусской письменности», т. 3]. Отд. отт. из «Киевских университетских известий» за 1891 г. (то же в сокращении: ЧИОНЛ, 1895, кн. 9, с. 23—28); Погорелов В. К вопросу о Македонском глаголическом листке. — РФВ, 1903, т. 49, № 1—2, с. 24—31; Цонев Б. Из Софийской национальной библиотеки. — В кн.: Сборник статей, посвященных почитателями академику и засл. проф. В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности. СПб., 1908, ч. 2, с. 914—924; Ильинский Г. А. Македонский глаголический листок: Отрывок глаголического текста Ефрема Сирина XI века. СПб., 1909 (Памятники старославянского языка, т. 1, вып. 6); Гординский Я. Слова св. Ефрема Сирина в перемиських пергамино-вых листках поч. XIV в. — ЗНТШ, Львів, 1918, т. 126—127, с. 171—209; ИРЛ I. М.; Л., 1941, т. 1, с. 189—190; Гошев И. Рилски глаголически листове. София, 1956; Vaillant A. Le saint Ephrem slave. — Byzantinoslavica, 1958, t. XIX, N 2, p. 279—286; Українські письменники, с. 735—737; Hemmerdinger-Iliadou D. 1) L'Ephrem grec et la littérature slave. — In: Actes du XII-e Congrès international des études byzantines. Beograd, 1964, t. 2, p. 343—346; 2) L'Ephrem slave et sa tradition manuscrite. — In: Geschichte der Ost- und Westkirche in ihren wechselseitigen Beziehungen. Wiesbaden, 1967, p. 87—97.

Д. М. Буланін

Пролог — древнерусский житийный сборник, ведущий свое происхождение от византийских месяцесловов, или синаксарей. П. имеет календарный характер: жития святых расположены в нем в соответствии с днями их церковной памяти; на каждый день года обыкновенно приходится несколько житий и памяти святых. Проложные жития отличаются исключительной краткостью и сухостью изложения (ср. Минеи четьи). П. был переведен в Киевской Руси как необходимое пособие при богослужении, но уже в домонгольское время пополнился множеством помещенных в него с назидательной целью рассказов и поучений, благодаря чему превратился в своеобразную православную энциклопедию. В Древней Руси П. пользовался широкой популярностью и сделался со-

временем любимой книгой для чтения. Сохранилось около трех тысяч рукописных П. различного вида. Наименование «Пролог» употреблялось только на Руси: по-видимому, заголовок предисловия (греч. *πρόλογος*) был по ошибке принят за название самой книги. Имеется три основных разновидности обыкновенного (нестишного) П.: славянский Синаксарь, 1-я русская редакция и 2-я русская редакция. Все три вида относятся к киевскому периоду. Существование двух редакций П. (Синаксарь и 1-я редакция не разграничивались) было установлено архимандритом Сергием (см.: Сергий. Полный месяцеслов Востока, М., 1875, т. 1, с. 216—289).

Славянский (переводной) Синаксарь сохранился в единственном русском списке (ГПБ, Софийское собр., № 1324, 1-я часть, конец XII в.), а также в нескольких сербских и болгарских списках XIII—XIV вв. Синаксарь, как и его византийский источник, представляет собой календарный свод житий и памятей с тропарями важнейшим святым. Непосредственным греческим оригиналом Синаксаря явился Менологий Василия II (около 985 г.) с дополнениями, сделанными в XI в. вначале студийским монахом Ильей, а затем Константином, митрополитом мокисийским. Обилие местных константинопольских праздников указывает на происхождение этого оригинала. Точное время и место перевода Менология на славянский язык неизвестны, однако ряд словарных данных доказывает участие в этом предприятии русских переводчиков. Были выдвинуты две гипотезы: согласно первой (архимандрит Сергий, А. И. Соболевский, В. А. Мошин), Синаксарь был переведен на Руси, причем не позднее начала XII в.; по другой версии (М. Н. Сперанский), этот перевод есть результат совместной работы русских и южнославянских книжников в Константинополе или на Афоне. Данные текстов позволяют отдать предпочтение первой гипотезе. Во всяком случае не вызывает сомнений тот факт, что перевод Синаксаря, даже если он был выполнен в Константинополе, предназначался для надобностей именно русской церкви; возможно, он был сделан для Киево-Печерского монастыря, студийский устав которого предписывал чтение Синаксаря. Вскоре после перевода в текст Синаксаря были внесены памяти русских святых: Бориса и Глеба (см. *Нестор, Сказание о Борисе и Глебе*), *Феодосия Печерского*. Этот русский Синаксарь в XIII в. был перенесен к южным славянам, где претерпел некоторые изменения (в том числе был дополнен новыми русскими статьями), но не получил большого распространения (о южнославянских П. см. у А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, А. И. Яцимирского и В. А. Мошина).

1-я редакция П. известна только в русских списках; к ней относится большинство (около 50) пергаменных П., в том числе древнейший датированный список П. (ГИМ, собр. Хлудова, № 187, 1262 г.) и ряд списков XIII—XIV вв. (например, ЦГАДА, Типографское собр., № 154—160, 163, 168—179; ГИМ, собр. Уварова, № 96, 325, 326; Синодальное собр., № 239, 240, 839). В бумажных списках 1-я редакция П. встречается сравнительно редко. Так как 1-я редакция своим объемом значительно превосходит Синаксарь, годовой текст разделен в ней (как и во 2-й редакции П.) на две половины — сентябрьскую и мартовскую. 1-я редакция имеет вид, отличный от синаксарного: под каждым числом вслед за житиями вписана назидательная статья (небольшое поучение или патериковый рассказ). Несмотря на видимую новизну состава, 1-я редакция не является оригинальной переработкой Синаксаря: житийная часть 1-й редакции в точности соответствует переводному Синаксарю, а правоучительные статьи почти все взяты из пространной 2-й редакции П. (которая, таким образом, по нашему мнению, хронологически предшествует первой). Первоначально эти выписанные из 2-й редакции статьи были собраны в конце Синаксаря в качестве приложения к нему (такой порядок сохранен списками ГПБ, Софийское собр., № 1324, 2-я часть; ЦГАДА, Типографское собр.,

№ 171; ГИМ, собр. Уварова, № 83), но вскоре были разнесены по числам. Составление подобной компилятивной редакции объясняется, по-видимому, желанием сохранить древний канонический состав житий (измененный во 2-й редакции) и воспользоваться в то же время новым литературным материалом. Кроме того, такая компиляция по своему объему была более удобна для частой переписки на пергамене, нежели громоздкая 2-я редакция. Составление 1-й редакции датируется началом XIII в.; о месте ее возникновения нельзя сказать ничего определенного. Во всех списках 1-й редакции читается одинаковый набор русских праздников — памяти Бориса и Глеба, Феодосия Печерского, освящения церкви Георгия, Десятиной и Софии Киевской. Статьи на эти праздники в 1-й редакции составлены главным образом по *Повести временных лет* и не особенно удачны. Этот комплекс русских статей был внесен в Синаксарь в Киеве еще во второй половине XII в. и в составе Синаксаря перешел в текст 1-й редакции. Статьи о Владимире Святом и о перенесении мощей Николая (см. *Житие Николая Мирликийского*), также читающиеся в 1-й редакции, взяты из 2-й редакции П. Некоторые списки 1-й редакции (в том числе ГПБ, Ф.п.147, XIII в. и ГПБ, Софийское собр., № 1325, XIV в.) сохранили архаическую черту переводного Синаксаря — тропари и указания служб.

2-я редакция П. по своему объему вдвое превышает первую; пергаменные ее списки редки (см.: ЦГАДА, Типографское собр., № 164 и 166, конец XIII—начало XIV в.; № 153, конец XIV в.; ГИМ, Синодальное собр., № 244—248, XIV в.; Успенское собр., № 3, 1406 г.; ГПБ, СПб. ДА., А 1/264₁₋₂, конец XIV в., и др.), бумажные считаются сотнями. 2-я редакция (в отличие от первой) есть подлинная русская редакция Синаксаря, результат последовательной и полной переработки синаксарного текста. Весь житийный материал подвергся решительным изменениям: многие памяти выброшены или перенесены на другие числа, введены новые святые, прежние краткие жития расширены вставками или заменены новыми, более подробными. В этих изменениях составители 2-й редакции руководствовались преимущественно древнеславянскими Четвыми минеями. Во 2-й редакции имеется также некоторое число статей апокрифического характера (жития Константина и Елены, Мелхиседека, апостола Нафанаила и др.). Отдел русских праздников во 2-й редакции замечателен своей полнотой: в него входят статьи о Борисе и Глебе, Феодосии Печерской (иные, чем в 1-й редакции), жития Ольги, Владимира, Антония и Исаакия Печерских, Леонтия Ростовского, сказания о постройке церкви Георгия, о пришествии апостола Андрея на Русь, о перенесении мощей Николая Мирликийского, слово на праздник Покрова. Кроме того, во 2-ю редакцию вошли краткие жития славянских святых — *Жития Кирилла и Мефодия, Людмилы и Вячеслава Чешских*. Наконец, важным нововведением было внесение в житийный текст Синаксаря массы назидательных статей (подобный нравоучительный материал никогда не встречался в греческих месяцесловах). Подобная фундаментальная переработка Синаксаря несомненно могла быть предпринята лишь компетентными деятелями, имевшими в своем распоряжении большую библиотеку оригинальной и переводной литературы. Исследование текстов 2-й редакции и ее русских житий позволяет предполагать, что местом ее составления был Туров, а временем — конец XII в. Можно предположить также, что инициатором переработки Синаксаря был древнерусский писатель и церковный деятель *Кирилл Туровский* (ум. ок. 1180). Заметим, что именно в ранних списках 2-й редакции сохранилось единственное известное *Житие Кирилла Туровского*. Назидательный отдел П. необычайно богат: его составляют многочисленные рассказы из патериков, отрывки из больших житий *Андрея Юродивого*, Варлаама и Иоасафа (см. *Повесть о Варлааме и Иоасафе*), Иоанна Милостивого, притчи, поучения Иоанна Златоустого, Ефрема Сирина (см. *Паренесис*) и т. п. (об источниках П. см.: Пет-

ров Н. И. О происхождении и составе...). Это собрание коротких, доступных и часто занимательных отрывков положило основу всей древнерусской литературе поучений и обеспечило П. постоянный успех. Общее направление проложных поучений альтруистическое, идеи милосердия и любви к ближнему преобладают. Литературное влияние П. неоспоримо: проложными рассказами изобилуют сборники, их цитируют позднейшие жития и «Домострой» (см. *Сильвестр*), на их сюжеты сочиняются духовные стихи. В новое время сюжеты П. обрабатывали Н. С. Лесков и Л. Н. Толстой; К. Н. Батюшков в своих сатирах сделал П. символом славянофильства.

Ипой, независимый вид П. представляет собой так называемый «стишной» П., сравнительно мало распространенный на Руси. Этот П. нового перусалимского устава был переведен с греческого в Сербии в XIV в.; «стишным» он именовался потому, что его жития предварялись краткими стихами в честь святых. Наиболее ранний русский список «стишного» П. (ГИМ, Чудовское собр., № 17) датируется концом XIV в. Есть основания полагать, что «стишной» П. был привезен и введен в обращение на Руси митрополитом *Киприаном*, пропагандировавшим иерусалимский устав (см. статью А. А. Турилова). Впоследствии «стишной» П. трансформировался, в частности дополнялся различными статьями из 1-й и 2-й редакций нестишного П. В XVI в. «стишной» П. вместе со 2-й редакцией обычного П. вошел в *Великие Минеи Четьи*.

Первое издание П. состоялось в Москве в 1641—1643 гг. и отличалось крайней компилятивностью: для него были смешаны тексты 1-й, 2-й и «стишной» редакций. За ним последовали новые издания П. (в том числе семь изданий XVII в.), уже не связанные с рукописной традицией и подчинявшиеся в своих изменениях политической конъюнктуре (см. «Литературный сборник XVII века: Пролог»). Полного научного издания П. не существует. Единственная заслуживающая внимания публикация выполнена по болгарской рукописи переводного Синаксаря (1339 г.) и не доведена до конца (см.: Пролог по рукописи Публичной библиотеки...). Достаточно подробные описания отдельных списков П. см. в кн.: Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 374—384; Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. 2. Казань, 1885, с. 207—226; Абрамович Д. И. 1) О Спасо-Прилуцком Прологе Санкт-Петербургской духовной академии. — В кн.: Новый сборник статей по славяноведению. СПб., 1905, с. 282—288; 2) Описание рукописей Санкт-Петербургской духовной академии: Софийская библиотека. СПб., 1907, вып. 2, с. 154—270; Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. М., 1976, с. 49—62, 124—162, 197—203. Оглавление житийного отдела П. см. у Сергия (Сергий, архимандрит. Полный месяцеслов Востока, т. 4, Прил. 10). Отдельные русские жития, вошедшие в состав П., рассматриваются в кн.: Никольский. Повременной список; Шахматов. Разыскания; Серебрянский. Княжеские жития; Абрамович Д. И. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916, с. XV—XVIII, 104—108.

Изд.: Пролог. СПб., 1895, кн. 1; СПб., 1896, кн. 2; Славяно-русский Пролог. — В кн.: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1896, вып. 2; СПб., 1898, вып. 4; Пролог по рукописи Публичной библиотеки Погодинского древлехранилища № 58. СПб., 1916, вып. 1. (Изд. ОЛДП, № 135); СПб., 1917, вып. 2. (Изд. ОЛДП, № 136); Литературный сборник XVII века: Пролог. М., 1978.

Лит.: Калайдович К. 1) Известия о древностях славяно-русских и об Игнатии Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных. М., 1811, с. 9—10, 14; 2) Иоанн Ексарх Болгарский. М., 1824, с. 90—91; Востоков А. X. 1) Описание рукописных и печатных книг словенских, принадлежащих г-ну Норову. — ЖМНП, ч. 11, 1836, сентябрь, отд. 2, с. 538—541; 2) Описание, с. 447—462; Снегирев И. Новгородский древний Пролог. — В кн.: РИС, М., 1839, т. 3, кн. 3, с. 293—296; Бодянский О. Об одном Прологе библиотеки Московской духовной

типографии и тождестве славянских божеств Хорса и Дажьдбога. — ЧОИДР, 1846. № 2, с. 5—23; Куприянов И. Обзорение пергаменных рукописей Новгородской Софийской библиотеки. СПб., 1857, с. 25—26; Срезневский И. 1) Памятники, с. 90 и сл.; 2) Сведения и заметки: III. Мифологий Константина митрополита Мокийского. СПб., 1867, с. 11—19 (СОРЯС, т. 1, № 6); 3) Сведения и заметки: ХLI. Финляндские отрывки из памятников древнего русского письма XI—XV вв. СПб., 1874, с. 2—14 (СОРЯС, т. 12, № 1); Владимирский Н. Несколько слов о Прологе, памятнике древнерусской письменности, и несколько вопросов из древнейшей эпохи нашего просвещения. — Учен. зап. Казанского ун-та, Казань, 1875, ч. 42, с. 851—883; Петров Н. И. 1) О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога: (Иноземные источники). Киев, 1875; 2) Новые сочинения по агниологии в 1875 г. — Труды КДА, 1876, т. 1, с. 583—603; Сергий, архимандрит. 1) Полный месяцеслов Востока. Т. 1. Восточная агниология. М., 1875, с. 216—289; 2-е изд. Владимир, 1901, с. 278—351; 2) Ответ по агниологии. — ЧОЛДП, 1876, кн. 5, с. 334—370; 3) Святой Андрей Христа ради юродивый и праздник Покрова Пресвятыя Богородицы. СПб., 1889, с. 57—84; Петухов Е. В. Материалы и заметки из истории древнерусской письменности. 1. К истории древнерусского Пролога. Киев, 1894, с. 1—31; Сырку П. А. К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке. СПб., 1896, т. 1, с. 457—467; Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910 (VII. Особенности русских переводов домонгольского периода); Сперанский М. Н. 1) Сентябрьская Минея Четырех домакарьевского состава. СПб., 1899, с. 1—9 (СОРЯС, т. 64, № 4); 2) История древнерусской литературы. 2-е изд. М., 1914, с. 201—209; 3) К истории взаимоотношений русской и югославянской литератур. — ИОРЯС, Пг., 1926 (за 1921), с. 143—206; Перетц В. Н. К истории славяно-русского Пролога. — Зап. Неофилологического общества, 1914, вып. 8 (отд. отг.: Пг., 1914); Шляпкин И. А. Лекции по истории русской литературы. 3-е изд. Пг., 1915, ч. 1, вып. 2, с. 63—66; Серебрянский И. Княжеские жития, с. 2—25 и сл., Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной югославянской и русской литературам. — ИОРЯС, Пг., 1916, т. 21, кн. 1, с. 79—85; Смирнов И. М. Синайский патерик. Сергиев Посад, 1917, с. 260—272; Дурново Н. Введение в историю русского языка. Брно, 1927, с. 41—76; Mosin V. Slavenska redakcija Prologa Konstantina Mokisijskog u svjetlosti visantijsko-slavenskih odnosa XII—XIII vijeka. — Zbornik Historijskog Instituta Jugoslavenskih Akademije, Zagreb, 1959, vol. 2, p. 17—68; Widnäs M. Les synaxaires slavo-russes des «Fragments Finlandais». — Commentationes Humanorum Litterarum, Helsinki, 1967, vol. 38, № 1, p. 1—214; Вздорнов Г. И. Лобковский Пролог и другие памятники письменности и живописи Великого Новгорода. — В кн.: Древнерусское искусство. М., 1972, с. 225—269; Бегунов Ю. К. Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973, с. 41—50, 58—74; Бубнов Н. Ю. Славяно-русские Прологи. — В кн.: Методические рекомендации. М., 1973, вып. 1, с. 274—296; Кучкин В. А. Первые издания русских Прологов и рукописные источники издания 1661—1662 гг. — В кн.: Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 138—156; Турилов А. А. Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV—XVI вв. — В кн.: Теория и практика источниковедения и археологии отечественной истории. М., 1978, с. 39—44; Фет Е. А. 1) О Софийском Прологе конца XII—начала XIII в. — В кн.: Источниковедение и археология Сибири. Новосибирск, 1977, с. 78—92; 2) Прологи в собрании Пушкинского Дома. — ТОДРЛ, Л., 1979, т. 34, с. 357—364; 3) Новые факты к истории древнерусского Пролога. — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 53—70.

Е. А. Фет

Рай — под этим названием в Древней Руси было известно несколько литературных памятников, по происхождению и содержанию зачастую никак не связанных друг с другом.

Рай I. Древнерусский календарный сборник *Уставных чтений*. Календарь Р. охватывает часть триодного цикла: от недели мытаря и фарисея до страстной недели включительно — Пространная редакция Р.: с 3—4-й недели поста до страстной недели включительно — Сокращенная редакция Р. Примером пространной редакции может служить сборник 1512 г. Древлехранилища ИРЛИ АН СССР, собр. Величко, № 1; сокращенной редакции — сборники второй половины XVI в.: ГПБ, Софийское собр., № 1273; ГИМ, собр. Уварова, № 539, собр. Единоверческого монастыря, № 28. Тематику сборника Р. определили евангельские и ветхозаветные сюжеты, использованные Иоанном Златоустом и другими византийскими и славянскими писателями в дидактических и торжественных словах. Кроме статей, непосредственно связанных с библейскими текстами, в Р. вошли и другие сочинения, наставляющие, как надо го-

говиться к посту и пасхе, декларирующие христианские добродетели, а также сочинения, в которых с назидательными целями вспоминаются события церковной истории («о избииении в болгарех христиан», *Федора Тирона мучение* и др.). Слова и поучения, составившие древнерусские Р., принадлежат широко известным византийским, южнославянским, древнерусским авторам, таким как Андрей Критский, Афанасий Александрийский, Григорий Антиохийский, Ефрем Сирий (см. «*Paranesis*»), Епифаний Кипрский, Иоанн Дамаскин, Иоанн Златоуст, Никифор Каллист, Федор Студит, Климент Охридский, *Кирилл Туровский*, *Григорий Цамблак* и др. Уже сам перечень авторских имен дает представление о большом литературно-художественном значении Р.

По календарной приуроченности, тематике и дидактической направленности сочинений Р. сближается с триодными Торжественниками (см. *Торжественник*) и постными Златоустами (см. *Златоуст*). С первым гипом сборника Р. роднит еще и жанровая природа большинства статей — произведений эпидейктического рода красноречия. Отличительной особенностью Р., кроме собственно календарных признаков, может служить и необыкновенно большая насыщенность сборника словами на страстную неделю: так, например, в упомянутых выше списках Р. соответственно 35 слов (из общего числа статей в сборнике 85), 40 (из 47), 19 (из 28) и 39 (из 46) слов посвящены событиям «страстной седмицы». Среди этих произведений есть и древнерусские редакции общеизвестных переводных гомилий, и оригинальные сочинения, свидетельствующие о том, что книга Р. несомненно возникла на русской почве. Характерной особенностью списков Р. является также наличие в них предисловия, объясняющего название сборника, раскрывающего его тематику: «Рай бо сад овощны нарицается. Къ дверемъ бо рая земнаго, аще пришед видиши, много различни сади тамо узриши, от двоих или трих вкусившу ти насытишися. Сия же книги, аще усердием отверзаеши, плоды небесныя обрящеши, и аще съ разумом ясти начнеши, николи же насытишися. Самого бога Христа трапезу предложену обрящеши, служителя трапезе Луку и Матфея евангелисты имуща, врата же трапезе отворяющи и вводящи, приходящая питатися, Иоанна Златоустаго имуща; отсюду же исходящу ти, въ другаа врата видиши, и тамо Давида пророка и царя грапезу обрящеши, духовною пищею изобилно исполнену, и тамо златословеснаго служителя имуща; в третия же врата входящу ти, апостольския плоды сладки обрящеши, их же изначала веровавшим изъобилно предложима. По сих же рай святых отецъ обрящеши, многоразличныя и благоуханныя цветы имуща; сего ради рай книга сия наречется».

Списки Р. до начала XVI в. не известны. И в XVI—XVII вв. этот тип сборника не был широко распространен в древнерусской письменности. Об этом, в частности, свидетельствует и тот факт, что только в 60-е гг. XVI в. с этой книгой впервые ознакомился *Андрей Курбский*, человек для своего времени высокообразованный (Седельников А. Книга «Рай»..., с. 96). Систематического исследования древнерусских Р. до сих пор проведено не было, поэтому относительно литературного прототипа и происхождения Р. можно высказать пока только предварительные суждения. На наш взгляд, наиболее вероятным источником для формирования Р. послужил триодный Торжественник 1-й редакции. В процессе эволюции, накопления нового литературного материала триодный Т. разрушается, отдельные его части получают самостоятельное развитие, тематическую и жанровую специализацию. Так произошло со Златоустом, продолжившим дидактическую линию, с пятидесятым Торжественником, развившим тематику пасхального и послепасхального циклов. Подобным образом при переработке Торжественника составители Р. за основу своего сборника взяли наиболее драматический период христианской истории — события «страстной седмицы». В составе нового сборника происходит сокращение календаря, увеличивается количество

эпидейктических слов, посвященных одному празднику (в данном случае — «страстям господним»). Это давало возможность древнерусским авторам и составителям показать и свою творческую индивидуальность и умение пользоваться традиционным литературным материалом для выражения собственных мыслей и чувств. В развитии одной темы древнерусские книжники раскрыли перед нами многообразие средств выражения, подвижность жанровых форм литературы XVI в. Сборник не издавался.

Лит.: Седелъников А. Книга «Рай» — особый вид Златоустника. — В кн.: Сборник статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 95—99 (СОРЯС, т. 101, № 3).

Рай II. См. *Сборник*.

Рай III. Мысленный. Сборник преданий об афонских монастырях и святых Иверского Богородичного монастыря Новгородской епархии, основанного патриархом *Никоном* в 1653 г. на острове озера Валдайского. Составлен при участии патриарха Никона в целях прославления Иверского монастыря, пропаганды и «исторического» обоснования политических идей Никона. Напечатан в том же монастыре в 1659 г. под заглавием: «Книга глаголемая Рай мысленный, въ ней же различные цветы. Преподобным Стефаном Святогорцем собраны...». Начинается сборник с предисловия к читателю от имени иверского архимандрита *Филофея* «съ братиею». В предисловии особо выделена роль Никона при строительстве монастыря и кратко обозначено содержание книги. После «Сказания о горе Афонской, како бысть жребий пресвятой владычицы нашей богородицы, и како наречется святая гора и сад ея, иже и повесть о божественных иконах...», принадлежащего перу Стефана Святогорца, после сказания об Иверском Афонском монастыре и Портaitской иконе следуют русские сочинения, тенденциозно подчеркивающие преемственность славы и святости Афона новосозданным русским монастырем. Первое слово «о создании монастыря пресвятой Богородицы Иверския», в память *Филиппа* митрополита Московского и на перенесение мощей Иакова Боровского, «списано смиренным Никоном патриархом, в той же обители будучи». Два других русских сочинения, включенных в состав Р. Мысленного, безымянны: слово похвальное богородице и о чудесах при водворении Иверской иконы в монастыре русском и слово о явлении мощей Иакова Боровского чудотворца, о перенесении мощей из Боровиц в Иверский монастырь на Святом Озере.

Издание 1659 г. было единственным. В конце XVII и в XVIII вв. сборник распространяется в рукописных списках, причем к основному тексту делаются всевозможные добавления (см.: ГПБ, Соловецкое собр., № 990/1099; ГБЛ, ф. 304.11, отд. I, № 51).

Изд.: Рай Мысленный. Иверский монастырь, 1659. Отд. тексты см.: Буслаяв Историческая хрестоматия, стб. 1121—1124; Шмидт С. О. Сказания об афонских монастырях в повгородской рукописи XVI в. — В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, с. 358—363.

Рай IV, или Едем. Сочинение *Кариона Истомина*, учительный, религиозно-нравственный сборник, известный под заглавием: «Едем, си есть сладость прохлаждающая и вразумляющая человека зрениемъ духовным и известно сотворение и спасение людемъ въ иконахъ знание въ стихописании творить». Сочинение написано в 1693 г. и поднесено в дар царевичу Алексею Петровичу.

Лит.: Браиловский С. И. Один из «пестрых» XVII-го столетия. — Записки имп. Акад. наук. VIII серия. Ист.-филолог. отд.-ние, СПб., 1902, т. 5, с. 273—275 (выдержки из сборника см. с. 419—422).

Рай V. Сборник, состоящий из 99 дидактических четверостиший, в общедоступной форме утверждающих нормы христианской морали и

преимущества монашеского образа жизни. Напечатан в Анфологионе 1660 г. в переводе *Арсения Грека* под заглавием: «Главы, преведенныя от книги нарицаемыя Рай о деянии и житии преподобных отецъ, Нилом иноком, нецыи же глаголют Ионою Геометром списаны быти проелеиацки». Метафорическое название сборника в известной мере раскрывается в 1-й главе «Яко безсмертна есть чптающимъ польза»:

Цветущий рай святыхъ ликъ есть,
 яже благоуханья сладка концы земныя исполняет
 тем же всякъ яже страстьми уязвися
 любовною душею зде да приметъ нетленныя цветы жнйи.

Каждая из 99 глав имеет свою тему, которая четко сформулирована в названии: «яко прощение есть удобно» (гл. 2), «яко самимъ страхомъ божиимъ заграждается языкъ» (гл. 3), «яко прилежнейша в ноци есть молитва» (гл. 5), «яко полезно есть в келии пребывати» (гл. 6), «яко от великихъ ничтоже бываетъ кроме дерзновенна» (гл. 7), «яко недужному исцеляти иныхъ несть лепо» (гл. 11), «яко должно есть щедроты к нищымъ имети» (гл. 12), «яко несть лепо богу работать и мамоне» (гл. 15), «яко тщетно есть чревообъядатися» (гл. 19), «яко умъ нежели плоть блюсти достоинъ» (гл. 20), «яко подобаетъ от ближнихъ познавати себе» (гл. 21), «яко падаетъ и сила от нерадения» (гл. 22), «яко деломъ нежели словомъ поучатися» (гл. 23), «яко многообразенъ есть злобы наветъ» (гл. 27), «равна суть морю пастоящаго жития волны» (гл. 29), «яко вся къ созиданию ближняго творити» (гл. 32), «яко не велемудрствовати лепо» (гл. 40), «яко послушание паче всего» (гл. 44), «яко клястися зло есть» (гл. 52), «яко постничество богомъ учимо есть» (гл. 57), «яко праздность есть греху любовна» (гл. 79), «яко молитвы памятозлыхъ не приятны» (гл. 93) и т. д.

Изд.: Анфологион. М., 1660, л. 1—18 (особый счет листов).

Лит.: Соболевский. Переводная литература, с. 311.

Рай VI. Сборникъ поучений и правилъ для монастырскаго духовенства, составленный Каллистомъ Ксанфопуломъ, патриархомъ константинопольскимъ, и Игнатиемъ Ксанфопуломъ в XIV в. Полное название сборника таково: «Художество и правило... о изволяющихъ безмолвно пожити и иночески и о пребывающихъ и жителстве и пици ихъ и о еже еликихъ благовинно безмолвие бываетъ проходящимъ е. Разделися же настоящее слова сего списания на сто главъ. Глаголется же наименование книги сей Рай, яко мало не от всего божественнаго писания обдержитъ въ себе свидетелство». Сочинение Каллиста и Игнатия Ксанфопуловъ читается в составе книги «Добротолубие, или Слова и главизны священнаго трезвения, собранныя от писанийъ святыхъ и богодуховенныхъ отецъ», издававшейся в XVIII—XX вв. в России несколько разъ (1-е изд. — в 1793 г., в Москве, в переводе Паисия Величковскаго (см.: Добротолубие, ч. 2, л. 48 об.—113 об.), издание повторено в Москве в 1822, 1840, 1851, 1857 г.; в переводе епископа Феофана «иждевениемъ русскаго на Афоне Пантелеймонова монастыря» в Москве издано в 1883—1890, 1895—1900, 1901—1905 и 1913 гг.). В России и в другихъ славянскихъ странахъ создавались и рукописныя списки книги Р. Ксанфопуловъ, такъ, например, А. И. Яцимирский называетъ 8 списковъ Р. XVIII в. (см.: Яцимирский А. Славянскыя и русскыя рукописи румынскихъ библиотек. СПб., 1905, с. 573).

Рай VII. Этимъ Р. иногда называли *Патерикъ азбучный и иерусалимскый* или выписки изъ него (см.: Леонид, архимандрит. Сведения о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища Св.-Троицкой духовной семинарии в 1747 году. М., 1887, вып. 1, с. 100, 105; ПБЭ. Пг., 1904, т. 5, стб. 813).

Т. В. Черторицкая

Соборник — распространенное название различных древнерусских сборников вообще. В узком, специальном значении термин этот закрепляется за определенным типом древнерусской печатной книги XVII—начала XVIII в. С. был назван первый русский печатный календарный сборник *Уставных чтений*, изданный в Москве в 1647 г. Редакторы дают С. метафорическое пояснение: «Книгу, глаголемую соборник, юже азъ воистину нарицаю рай, от нея же обымающе плоды духовныя... , цветник же паки или рай сию книгу глаголю, зане якоже в чувственномъ раю содержатся различныя и многыя плоды, тако же и сей имать святыхъ и преподобныхъ богоносныхъ мужей учительная словеса...» (Из послесловия к Соборнику издания 1647 г., л. 880, 880 об.—881). Таким образом, за С. закрепляется и второе название — Рай (см. *Рай II*). Статьи С. следуют в порядке недель триодного цикла и посвящены воскресным и будним дням 18 недель года: от недели мытаря и фарисея до недели всех святых. В составе С. 70 сочинений нравственно-учительного, полемического и панегирического содержания, значительная часть которых является толкованием и риторическим распространением евангельских сюжетов.

Литературный материал С. в тематическом и жанровом отношении распределен относительно равномерно: на каждую неделю в С. включается по 2—4 статьи, развивающих традиционную тематику недель четьридесятницы и пятидесятницы; соблюдается равновесие между эпидейктическими и дидактическими жанровыми формами. В этом заключается главное отличие С. от других триодных сборников *Уставных чтений* — от древнерусской книги Рай (см. *Рай I*), в которой особо развивается тематика «страстной седмицы»; от древнерусских Златоустов (см. *Златоуст*), где наиболее полно отражены недели и дни подготовительные к посту и период великого поста. По структуре и жанровой характеристике статей С. сближается с триодным *Торжественником*, что дало основание А. С. Орлову идентифицировать эти два сборника (Орлов А. С. Сборники... , с. 20). Тем не менее Торжественник и С. — различные древнерусские сборники. Сохраняя форму и частично содержание триодного Торжественника XVI в., С. в то же время включает в свой состав значительное число сочинений из рукописных Златоустов XVI—начала XVII в. По составу С. занимает промежуточное положение между рукописными триодными Торжественниками и печатным Златоустом, первое издание которого вышло в 1795 г. За исключением двух слов (Иоанна Златоуста в понедельник пятой седмицы великого поста «Что есть житие настоящее» и Епифания Кипрского «Слово на погребение Иисуса Христа») печатный Златоуст не помещает тех произведений из рукописных триодных Торжественников и Златоустов, которые уже вошли в состав С. Но характерно, что печатные Соборник и Златоуст, разнясь и практически не пересекаясь друг с другом, не включают в свои составы ни одного слова сверх тех, что уже известны по рукописям триодных Торжественников и Златоустов XV—начала XVII в. Следовательно, разница между печатными триодными сборниками заключается только в несколько иной компоновке старого литературного материала.

Литературной основой С., как и других триодных четьих сборников, являются переводные византийские, а также южнославянские и русские сочинения (в том числе *Кирилла Туровского*, *Григория Дамблага*). Редакция С. 1647 г. в XVIII в. была повторена изданиями Почаевской и Львовской типографий. В издании 1700 г. текст С. 1647 г. был исправлен в московской типографии по греческим и славянским книгам, состав С. при этом пополнился словом Григория, папы Римского, в неделю о блудном сыне. С. 1700 г. вышел с пространством названием: «Книга сия Соборник, сие есть собрание слов правоучительных и торжественных, собранное от учителей святых восточныхъ церкви, святых отцевъ, исполнено

богомудрых учений и толкований, богословских, гражданских же и нравных разумений».

Изд.: Сборник. М., 1647; М., 1700; Сборник, Почаев, 1787; Сборник. Львов, 1793. Существует также несколько изданий XIX—XX вв.

Лит.: Амфи́театров Я. Чтения о церковной словесности или гомилетика. Киев, 1846, ч. 1, с. 259—260; Орлов А. С. Сборники Златоуст и Торжественник. СПб., 1905, с. 20—22 (ПДПИ, вып. 158).

Т. В. Чергорицкая

Торжественник — древнерусский календарный сборник *Уставных чтений*, популярный памятник русской литературы конца XIV—XVII в. Содержание Т. составляют переводные и оригинальные сочинения: эпидейктические слова, поучения, сказания о церковных праздниках и жития наиболее чтимых святых, расположенные в определенном порядке. В рукописной традиции термин «Торжественник», появившийся, вероятно, не ранее XV в., используется нерегулярно. Названия, данные Т. древнерусскими переписчиками, различны: «Събрание святых словес на праздники Спасовы, Бгородичны и иных святых многих...», «Сборник, иже наречеться сказания жития святых пророк и апостол и святых мученик и святых преподобных отец...», «Книга, глаголемая Сборник, сиречь Тържественник четей...», «Пангирик, сиречь Тържественник...», «Торжественник от мытара и фарисея, четыредесятница и пятидесятница...». Т. существует в двух разновидностях, в основу выделения которых положен календарный принцип: сочинения, посвященные христианским праздникам солнечного календаря, составили минейный Т., лунного календаря — триодный Т. История формирования и развития, литературное содержание и жанровый состав минейного и триодного Т. различны.

Гомилии минейных Т. посвящаются многим так называемым двенадцатым праздникам (Рождество Богородицы, Воздвижение креста, Введение во храм, Рождество Христово, Богоявление (Крещение), Сретение, Благовещение, Преображение, Успение) и другим праздникам православной церкви (Собор трех святителей, память апостолов Петра и Павла, Положение ризы богоматери... и др.), а также собственно исконно русским праздникам (Покров, Владимирская икона Богоматери, Тихвинская, Казанская иконы и др.). В минейный Т. входят жития святых. Все сочинения обычно располагаются в порядке следования месяцеслова: с 1 сентября, начала индикта, «сиречь нового лета», до 29—30 августа. Минейный Т. может содержать чтения на год, полугодие или на несколько месяцев.

В триодный Т. вошли памятники торжественного и дидактического красноречия. Статьи триодного Т. расположены по порядку недель лунного календаря, или так называемого триодного цикла: с недели мытара и фарисея и до недели всех святых, т. е. приурочивались к дням подготовительным к посту, великого поста, пасхи, дням и неделям пятидесятницы. Разновидностью триодного Т. является Т. пятидесятный или Пятидесятница, заключающий в себе чтения от недели вербой до недели всех святых. Литературная история триодного Т. тесно связана с судьбой другого древнерусского триодного сборника — *Златоуста*. Состав этих сборников близок. Но если в триодном Т. наблюдается явное преобладание сочинений эпидейктического красноречия, посвященных только праздничным дням триодного цикла, то в составе Златоуста значительное место занимают дидактические гомилии, приуроченные к будним дням триодного круга. По составу триодный Т. сближается также с триодными сборниками Уставных чтений — Рай (см. *Рай I*) и *Сборник*.

Минейный и триодный Т. в своей основе являются переводными памятниками, пришедшими в славянские страны в первые же века после принятия ими христианства.

Прототип минейного Т. — греческий сборник, переведенный в Болгарию и позднее перенесенный на Русь. Древнейший список славяно-русского минейного Т. дошел до нас в составе *Златоустуя* XII в. (ГПБ, Ф. I. п. 46). Прототип триодного Т. и Златоуста (как доказывается в статье Т. В. Черторицкой «О начальных этапах...») сложился на славянской почве, но в его основе лежит группа византийских эпидейктических гомилий, дополненная оригинальными сочинениями (словами Климента Охридского, Иоанна экзарха Болгарского, *Кирилла Туровского* и др.). Формирование прототипа завершилось к XIV в., его образцом может служить рукопись середины XIV в., хранящаяся в ГБЛ, ф. 304, № 9 (Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой-Сергиевской лавры. М., 1878, ч. 1, с. 11—15). Развитие прототипов в конкретно-исторических, культурных условиях Древней Руси XV в. приводит к возникновению трех редакций минейного Т., две первые из которых восходят к разным редакциям византийских Панегириков (см.: Черторицкая Т. В. К вопросу...) и двух редакций триодного Т.

В минейном Т. 1-й редакции (описание устойчивого состава статей см.: Черторицкая Т. В. «Торжественник из собрания ИИФиФ...», с. 168—183) наблюдается значительное преобладание гомилий над житиями, почти полное отсутствие русских сочинений, за исключением тех, которые стали достоянием южнославянской литературы еще в XI—XIII вв. Все сочинения минейного Т. 1-й редакции сохраняют особенности византийской стилистики торжественного красноречия, в том числе и жития, которые приобретают особую жанровую форму — жития-энкомия. Первая редакция триодного Т. возникла за счет расширения состава прототипа эпидейктическими сочинениями византийских и южнославянских авторов (описание устойчивого состава статей см.: там же, с. 184—197). Минейный и триодный Т. 1-й редакции являются образцами «высокого рода литературы». В гомилиях и житиях-энкомиях этих памятников возродились риторико-панегирический стиль и художественная образность эпидейктического красноречия Киевской Руси, усиленные стремлением к «витийству», отличающем писательскую манеру книжников периода «второго южнославянского влияния». В XVI—XVII вв. минейные и триодные Т. 1-й редакции не получают дальнейшего развития, списки Т. 1-й редакции очень малочисленны и в большинстве своем являются копиями списков XV в.

В основе 2-й редакции минейного Т. лежит греческий сборник, 3-я редакция смешанная, составленная путем тенденциозного, целенаправленного подбора произведений, включенных в две первые редакции (устойчивый состав статей см.: Черторицкая Т. В. К вопросу...). Списки 2-й и 3-й редакций минейного Т. XV в. характеризуются преобладанием агиографических сочинений над гомилетическими, использованием в житиях фольклорных мотивов, беллетристической разработкой заданных тем, вариативностью состава, расширенного оригинальными славяно-русскими сочинениями. Среди агиографических произведений значительное место занимают древнерусские жития, в подборе и содержании которых отчетливо прослеживаются абсолютистские устремления московских князей: жития Бориса и Глеба (см. *Сказание о Борисе и Глебе, Нестор*), Владимира Святославича, *Леонтия Ростовского, Алексея и Петра митрополитов, Сергия Радонежского* и др. (см. Черторицкая Т. В. Агиография древнерусских минейных Торжественников XV в. — В кн.: Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1980, с. 5—18).

В XVI—XVII вв. минейные Т. 2-й и 3-й редакций получают особенно широкое распространение. Их развитие свидетельствует о тенденции к сближению, даже слиянию этих редакций; еще больше расширяется и варьируется календарь, и прежде всего в направлении увеличения дней памяти святых. Т. XVI—XVII вв., способствуя укреплению авторитета светской и церковной власти и отражая результаты канонизации

русских святых, включают в свой состав многочисленные новые переводные и оригинальные жития: *Варлаама Хутынского*, Исидора Твердислова, «новых чудотворцев». Резкое увеличение агиографического материала в составе минейного Т. приводит к изменению жанровой и композиционной структуры Т. Гомилетическая часть сокращается до минимума. По содержанию и по построению минейный Т. приближается к Минее Четый.

2-я редакция триодного Т. возникла в результате эволюции прототипа в сторону накопления дидактических статей. В списках XV в. наблюдается относительное равновесие между группами сочинений эпидейктического и дидактического красноречия. Списки триодного Т. 2-й редакции XVI—XVII вв. лишь условно можно назвать Т.: генетическая близость к рукописям XV в. подобного содержания, завершенность представленного в торжественных гомилиях праздничного триодного цикла — позволяют по традиции считать их триодными Т., а включение в их состав сочинений не только на праздничные, но и на будние дни триодного цикла, нравственно-логическая смысловая доминанта — сближают эти сборники со Златоустами. В работе Т. В. Черторицкой («О начальных этапах...») высказана мысль, что именно на основе триодного Т. 2-й редакции формируются древнерусские Златоусты.

Минейный и триодный Т. существуют также и в соединении друг с другом — это так называемый общий Т. Изменения, которые произошли в составе Т. на протяжении XV—XVII вв., привели к исчезновению типовых признаков Т. во многих рукописных четых сборниках к XVI—XVII вв., близких по составу минейному и триодному Т., — сборниках, составленных на основе Т. (минейного, триодного, общего). Особое развитие получил Т. в старообрядческой среде. Минейный и триодный Т. 1-й редакции часто переписываются старообрядцами со списков XV в. практически без изменений, но наиболее широкое распространение получает Поморский Т.: «Торжественник, или Слова на праздники, составленные настоятельными безпоповцами Выгорецкой обители...». *Семен Денисов*, устроитель Выговской пустыни, вносит свои сочинения в состав Т., и в дальнейшем, в течение XVIII в., слова и поучения поморских старцев полностью заменили собой традиционные в Т. сочинения византийских, южнославянских и древнерусских авторов. От древнерусского Т. в старообрядческих Т. сохранены структура, календарь (о старообрядческом Т. см.: Дружинин В. Г. Поморский Торжественник. — В кн.: Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911, с. 34—55).

История развития Т. свидетельствует об изменении функции этого сборника в культурной жизни Древней Руси. Т. уже к концу XVI в. перестает быть только сборником Уставных чтений, становится исключительно литературным сборником. Сочинения, вошедшие в состав Т., полно отразили духовные интересы средневековья, оказали несомненное влияние на развитие оригинальной русской письменности.

Лит.: Орлов А. С. Сборники Златоуст и Торжественник. СПб., 1905, с. 9—49 (ПДПИ, вып. 158); Черторицкая Т. В. 1) Торжественник из собрания ИИФиФ (опыт описания сборника постоянного состава). — В кн.: Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977, с. 162—198; 2) О составе минейных Торжественников XV—XVI вв. — В кн.: Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979, с. 13—27; 3) О начальных этапах формирования древнерусских литературных сборников «Златоуст и Торжественник» (триодного типа). — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 96—114; 4) К вопросу о литературной истории древнерусского минейного Торжественника. — В кн.: Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982, с. 5—27.

Т. В. Черторицкая

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ДЛЯ «СЛОВАРЯ КНИЖНИКОВ
И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ»

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. СПб., 1836. Т. 1—4.
- АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846—1853. Т. 1—5.
- АЕ — Археографический ежегодник.
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841—1842. Т. 1—5.
- Барсков. Памятники — Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.
- Барсуков. Источники агиографии — Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882.
- БВ — Богословский вестник, издаваемый Московской духовной академией. Сергиев Посад, 1892—1918.
- Будовниц. Монастыри на Руси — Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках (по житиям святых). М., 1966.
- Будовниц. Словарь — Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962.
- Буслаев. Историческая хрестоматия. — Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861.
- ВАИ — Вестник археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом.
- ВВ — Византийский временник.
- ВЕ — Вестник Европы.
- Венгеров. Словарь — Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1889—1904. Т. 1—6.
- ВИ — Вопросы истории.
- ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины.
- ВИРА — Вопросы истории религии и атеизма.
- ВМЧ — Великие Минеи Четии.
- ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских. М., 1849—1857. Т. 1—25.
- Востоков. Описание — Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842.
- Голубинский. История церкви — Голубинский Е. История русской церкви. М., 1900—1917. Т. 1—2.
- Голубинский. История канонизации — Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.
- Горский, Невоструев. Описание ВМЧ — Описание Великих Четых Минеи Макария, митрополита всероссийского А. В. Горского и К. И. Невоструева. — ЧОИДР, 1884, кн. 1, отд. 2; 1886, кн. 1, отд. 2.
- ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
- ГПНТБ СО АН СССР — Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения АН СССР (Новосибирск).
- ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).
- ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846—1875. Т. 1—12.
- ДРВ — Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. Н. И. Новикова. М., 1788—1791. Ч. 1—20.
- Дружинин. Писания старообрядцев — Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. Перечень списков, составленный по печатным описям рукописей. СПб., 1912.

- Евгений. Словарь** — Евгений, митрополит. Словарь русских светских писателей, соотечественников и иностранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 1—2.
- Евгений. Словарь исторический** — Евгений, митрополит. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина. СПб., 1827. Т. 1—2.
- ЭНТШ** — Записки Научного товариства ім. Шевченко (Львов).
- Зернова. Каталог** — Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв. М., 1958.
- ИА** — Исторический архив. Сборник (с 1936 по 1954 г.); журнал (с 1954 по 1962 г.).
- ИВ** — Исторический вестник.
- ИЗ** — Исторические записки. Сборник.
- Иконников.** — Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1892—1908. Т. 1—2.
- Опыт историографии**
- ИИФиФ** — Институт истории, филологии и философии СО АН СССР.
- ИМЛИ** — Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (Москва).
- ИОЛЯ** — Известия Отделения литературы и языка АН СССР.
- ИОРЯС** — Известия Отделения русского языка и словесности.
- ИпоРЯС** — Известия по русскому языку и словесности Академии наук.
- ИРЛ I** — История русской литературы: В 10-ти т. М.; Л., Изд. АН СССР, 1941—1956. Т. 1—10.
- ИРЛ II** — История русской литературы: В 3-х т. М.; Л., Изд. АН СССР, 1958—1964.
- ИРЛ III** — История русской литературы: В 4-х т. М.; Л., Изд. АН СССР, 1980—1984.
- Карамзин. ИГР** — Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1816—1829. Т. 1—12.
- КДА** — Киевская духовная академия.
- Клосс.** — Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980.
- Никоновский свод**
- Ключевский.** — Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
- Древнерусские жития**
- ЛГПИ** — Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена.
- Летописи**
- Тихонова.** — Летописи русской литературы и древностей, издаваемые Николаем Тихоновым. М., 1859—1863. Т. 1—5.
- ЛЗАК** — Летопись занятий Археографической комиссии. СПб.; Пг.; Л., 1862—1929. Т. 1—35.
- Лихачев.** — Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
- Русские летописи.**
- ЛЮИИ** — Ленинградское отделение Института истории АН СССР.
- Лурье.** — Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.
- Общерусские летописи**
- Макарий. История русской церкви** — Макарий, митрополит. История русской церкви. 2-е изд. СПб., 1868—1898.
- МДА** — Московская духовная академия.
- МГАМИД** — Московский государственный архив иностранных дел.
- МГПИ** — Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина.
- МГПИ** — Московский городской педагогический институт им. В. П. Потемкина.
- им. В. П. Потемкина**
- МГУ** — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
- Методические рекомендации,** — 1) Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973, вып. 1; 2) Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2 (ч. 1—2).
- вып. 1, 2 (ч. 1, 2)**
- МОИДР** — Московское общество истории и древностей российских.
- Насонов.** — Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII в.: Очерки и исследования. М., 1969.
- История летописания**
- Никольский.** — Никольский Николай. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906.
- Повременной список**
- Никольский.** — Никольский Н. К. Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв.): Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей. Вып. 1: А—Б. СПб., б. г., (Изд. ОЛДП, № 132).
- Рукописная книжность**

- НІЛ, НІІЛ, НІІІЛ, — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
 НІУЛ, НІУІ — Общество истории и древностей российских.
 ОИДР — Общество любителей древней письменности.
 ОЛДП — Отдел рукописей.
 ОР — Православная богословская энциклопедия. СПб., 1900—1911. Т. 1—42.
 ПБЭ — Повесть временных лет.
 ПВЛ — Памятники древней письменности и искусства.
 ПДПИ — Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1851—1871. Т. 1—10.
 ПДС — Псковские первая, вторая и третья летописи.
 ПІЛ, ПІІЛ, — Проблемы источниковедения.
 ПІІІЛ — Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Куселевым-Безбородко. СПб., 1860—1862, вып. 1—4.
 ПИ — Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII в. как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913.
 ПІЛ — Памятники литературы Древней Руси. М., 1970. Т. 1—6.
 ПІІ — Православное обозрение.
 ПІІІ — Порфирьев И. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872.
 Платонов. — Порфирьев И. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб., 1890.
 Древнерусские сказания — Палестинский православный сборник.
 ПІДР — Прибавления к творениям св. отцов в русском переводе.
 ПО — Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.
 Порфирьев. — Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. Казань, 1855—1884.
 Апокрифы ветхозаветные — Полное собрание русских летописей.
 Порфирьев. — Русский биографический словарь. СПб., 1896—1913. Т. 1—25.
 Апокрифы новозаветные — Русские достопамятности, издаваемые обществом истории и древностей российских. М., 1815—1844. Ч. 1—3.
 ППС — Русский вестник.
 Прибавления к ТСО — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею.
 Приселков. — Русский исторический сборник, издаваемый ОИДР.
 История летописания — Русская литература.
 ПС — Рукописный отдел.
 ПСРЛ — Русская старина.
 РС — Русский филологический вестник (Варшава).
 РБС — Сборник Русского исторического общества.
 Русские достопамятности — Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813—1894. Ч. 1—5.
 РВ — Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.
 РИБ — Сибирское отделение АН СССР.
 РИС — Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903.
 РЛ — Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15-ти книгах. М., 1959—1966.
 РО — Сборник Отделения Русского языка и словесности Академии наук.
 РС — Санкт-Петербургская духовная академия.
 РФВ — Софийские первая и вторая летописи.
 Сб. РИО — Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. 2-е изд. СПб., 1882.
 СГГД — Срезневский И. Сведения и заметки о малоизвестных памятниках. СПб., 1867—1875, кн. 1—2.
 Серебрянский. — Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. Приведен в порядок и издан под ред. Быкова А. Ф. СПб., 1882.
 Княжеские жития — Памятники отеченной русской литературы. Собраны и изданы Н. Тихонравовым. М., 1863 — СПб., 1894, Т. 1—3.
 СО АН СССР — Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. 2-е изд. СПб., 1882.
 Соболевский. — Срезневский И. Сведения и заметки о малоизвестных памятниках. СПб., 1867—1875, кн. 1—2.
 Переводная литература — Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. Приведен в порядок и издан под ред. Быкова А. Ф. СПб., 1882.
 Соловьев. — Памятники отеченной русской литературы. Собраны и изданы Н. Тихонравовым. М., 1863 — СПб., 1894, Т. 1—3.
 История России — Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. 2-е изд. СПб., 1882.
 СОРЯС — Сборник Отделения Русского языка и словесности Академии наук.
 СПб ДА — Санкт-Петербургская духовная академия.
 СІЛ, СІІЛ — Софийские первая и вторая летописи.
 Срезневский. — Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. 2-е изд. СПб., 1882.
 Памятники. — Срезневский И. Сведения и заметки о малоизвестных памятниках. СПб., 1867—1875, кн. 1—2.
 Срезневский. — Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. Приведен в порядок и издан под ред. Быкова А. Ф. СПб., 1882.
 Сведения и заметки — Памятники отеченной русской литературы. Собраны и изданы Н. Тихонравовым. М., 1863 — СПб., 1894, Т. 1—3.
 Строев. Словарь — Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. Приведен в порядок и издан под ред. Быкова А. Ф. СПб., 1882.
 Тихонравов. — Памятники отеченной русской литературы. Собраны и изданы Н. Тихонравовым. М., 1863 — СПб., 1894, Т. 1—3.
 Памятники

- Українські письменники — Українські письменники. Біо-бібліографічний словник, т. 1. Давня українська література (XI—XVIII ст.). Уклад Л. Махновець. Від. ред. О. І. Білецький. Київ, 1960.
- Ундольский. — Очерк славяно-русской библиографии В. М. Ундольского с дополнениями А. Ф. Бычкова и А. Викторова. М., 1871.
- Библиография Филарет. Обзор — Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. 3-е изд. СПб., 1884.
- Франко. Апокрифы — Апокрифи і легенди з українських рукописів, збирав, упорядкував и пояснив Ів. Франко. Львів, 1896—1910. Т. 1—5.
- ХЧ — Християнское чтение.
- ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции.
- ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде
- ЧИОНЛ — Чтения в Историческом обществе Нестора летописца.
- Шахматов. — Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938.
- Обозрение — Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной». СПб., 1899 (отд. отт. из Записок имп. Академии наук по историко-филологическому отделению, т. 4, 1899, № 2).
- Шахматов. — Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
- Разбор сочинения Тихомирова
- Шахматов. Разыскания

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

О. В. ТВОРОГОВ

Описание и классификация списков сборника «Златоуст»

Описание многостатейных сборников устойчивого состава представляет немало трудностей, так как, совпадая в подавляющем большинстве статей, списки таких сборников имеют, как правило, индивидуальные отличия, которые необходимо отразить в описаниях. Археографы изыскивали различные способы соотнесения со списком, расписанным постатейно, других списков того же памятника. Эта проблема особенно отчетливо встает перед археографом, описывающим рукописи «Златоуста», тем более что устойчивость его состава подвергалась сомнению. Так, Е. В. Петухов, характеризуя списки годового «Златоуста», отмечал, что они «далеко не все сходятся между собою: не только в различных списках не одинаковый порядок дней, на которые положены поучения, но и в определенные дни назначены не одни и те же поучения и даже не одинаковое их число (на один день бывает иногда более одного поучения)».¹

Как же описывались «Златоусты» археографами? Самый недопустимый прием — глухая отсылка к другой рукописи, особенно если такая отсылка дезинформирует читателя. А. А. Титов, например, характеризует «Златоуст», находящийся под № 755 в его коллекции, следующим образом: «Список по составу статей почти совершенно сходен с № 90 в I т. Оп. рук. Вахрамеева».² Дело не только в том, что крайне неудобно для определения состава рукописи обращаться к описанию рукописей другого собрания. При сравнении названных рукописей выясняется, что Вахрамеевский список³ не только не «почти совершенно сходен» с Титовским, а напротив, существенно отличается от него по составу: в Вахрамеевском списке пропущен ряд традиционных для «Златоуста» статей, некоторые статьи заменены другими, ряд статей добавлен. Это «Златоуст» особого состава, тогда как список № 755 собрания Титова — традиционный и добротный.

В классическом описании рукописей Синодальной библиотеки представлен другой, широко распространенный в археографической практике прием: к расписанному постатейно списку постатейно же «подводятся» остальные списки памятника. Например:

«Л. 28 об. В пяток сырной недели. Там же,⁴ л. 24 об.

Л. 31. В субботу сыропустных недели. Там же, л. 26 об.»⁵

¹ Петухов Е. Древние поучения на воскресные дни великого поста. — СОРЯС, СПб., 1886, т. 40, № 3, с. VI.

² Описание славяно-русских рукописей, находящихся в собрании... А. А. Титова / Описано собирателем А. Титовым. М., 1900, т. 2, с. 50.

³ См.: Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. М., 1888, вып. 1, с. 57—66.

⁴ Имеется в виду список Синодального собр. № 231.

⁵ Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки: Отд. 2. Писания св. отцов. 3. Разные богословские сочинения. М., 1862, с. 112.

Так же поступают В. И. Срезневский и Ф. И. Покровский, описывая многочисленные «Златоусты» собрания БАН. Например, в описании № 33.13.15 мы читаем:

«Л. 6. Слово Иоанна Златоустаго в неделю о мытаре и фарисее. Начало утеряно. Слово 1-е в Златоусте 17.11.6 (Толст. 37). Сл. 1-е.

Л. 9. Слово Иоанна Златоустаго в нед. о блудном сыне. Сл. 2-е. Там же, сл. 2-е».⁶

Этот способ, однако, также имеет свои неудобства: достаточно пропуска или добавления одного лишь слова в одном из сопоставляемых списков, как нумерация сбивается и сравнение списков становится чрезвычайно затруднительным. Но существование другое обстоятельство. В обоих случаях — и в описании Синодального собрания и в описании рукописей БАН — постатейно оказались расписанными списки нетрадиционного состава (это особенно относится к списку Синодального собр. № 231, которому пока не отыскано аналога). В результате получилась превратная картина: то, что в подводимых списках отмечено как отличие от основного, по сути дела в большинстве случаев говорит о том, что в подводимых списках мы имеем традиционное чтение, а в основном — индивидуальное.

Поэтому описанию сборников устойчивого состава должна, видимо, предшествовать текстологическая работа по установлению основных разновидностей текста и «канонического» состава каждой из таких разновидностей. Для описания «Златоустов» была проделана следующая предварительная работа: составлена картотека статей, входящих в списки «Златоуста»,⁷ установлено, какие из этих статей традиционно приурочены к определенным дням триодного цикла и какие встречаются лишь в группе списков или даже в отдельных рукописях. Был выяснен, следовательно, устойчивый состав статей, читающихся в каждой разновидности «Златоуста»: постном, пятидесятидневном, годовом Краткого и Пространного вида.⁸ В результате стало возможным отбирать из подлежащих расписке списков тот, который наиболее близок к традиционному по составу списку, и именно к нему подводить остальные списки. Кроме того, зная традиционный состав «Златоуста», мы имеем возможность оговорить индивидуальные особенности списка, принятого за основной, если таковые в нем обнаружатся, например указать на пропуск статьи, которая должна читаться на данный день, или, напротив, на индивидуальное добавление. Это позволяет не только объективно оценить индивидуальные отличия подводимых списков, но и сделать их описание лаконичным и в то же время наглядным для исследователя.

Так, описание списка Погодинского собрания ГПБ, № 1000, подводимого к основному списку «Златоуста», примет такой вид:

«Златоуст годовой Краткого вида. Имеет следующие отличия от списка Пог. № 201 (списка того же вида, принятого за основной, — *О. Т.*): отсутствует статья в субботу мясопустную, читающаяся в Пог. № 201 в неделю мясопустную; имеются статьи в неделю мясопустную — „Слово о втором пришествии Христовом“ (л. 11 об) и субботу сыропустную — Поучение Иоанна Златоуста о покаянии, нач.: „Аще рече господь: Оставьте...“ (л. 15), отсутствующие в списке Пог. № 201; на день пасхи добавлена статья „Поучение Иоанна Златоуста“, нач.: „Радуйтесь о госпде всегда, возлюбленная братия...“ (л. 64 об.); в неделю новую добавлено Слово Кирилла Туровского „о Фомине испытании ребр господень“ (л. 75); опущено слово в неделю пянтикостную».

⁶ Описание Рукописного отделения Библиотеки имп. Академии наук / Сост. В. И. Срезневский и Ф. И. Покровский. Пг., 1915, т. 2, с. 189.

⁷ Эта картотека являлась не картотекой названий (среди них много идентичных), а картотекой инципитов, с учетом возможных вариантов.

⁸ Подробнее см. в настоящем томе, с. 246—249.

В заключение приведем перечень слов, традиционно входящих в состав «Златоуста», с указанием на отличия, характерные для его разновидностей. В перечне приняты сокращения названий дней недели (н. — неделя, пон. — понедельник, вт. — вторник и т. д.), самих недель: мыт. и фар. — мытаря и фарисея, Цв. — Цветная, Стр. — Страстная и т. д. Приняты также следующие сокращения: п. — пост, Поуч. — поучение, Сл. — слово, И. З. — Иоанн Златоуст. Названия статей и начальные слова приводятся в унифицированной форме. Наиболее распространенные варианты отдельных слов и словосочетаний в инципитах приводятся в угловых скобках.

Состав «Златоуста»⁹

- н. о мыт. и фар. — Поуч. И. З. в н. о мыт. и фар. (Придете убо, братие, да послушавше...).
- н. о блуд. — Поуч. И. З. в н. о блуд. (Се приспевают, возлюбленные, дни...).
- суб. мясопуст. — Сл. И. З. «еже не плакати о умирающих» (Присно имейте, братие, в памяти...)¹⁰
- н. мясопуст. — Сл. о втором пришествии Христовом (Время, братие, приближися спасения...).
- * ср. сыропуст. — Поуч. отца духовного к детям духовным (Желаю, любимици, спасения вашего...).
- * пят. сыропуст. — Поуч. И. З. о чистоте душевной (Навыкнем убо, что есть...).
- суб. сыропуст. — Поуч. И. З. о покаянии (Аще рече господь: Оставьте... или Господь рече: Аще оставите...).
- н. сыропуст. — Поуч. И. З. (Разумно и смыслено послушайте...).
- * пон. 1 н. п. — Поуч. И. З. (Добро есть, братие, доброго и полезного поста... или Доброго и полезного поста...).
- * вт. 1 н. п. — Поуч. Серапиона Владимирского «Да престанем от грех наших» (Многу печаль в сердци своем вижу...).
- * ср. 1 н. п. — Сл. И. З. о среде и о пятнице (Братие, приспе время покаяния доброго исповедания...).
- * четв. 1 н. п. — «Слово глаголаю пророком Аггеем» (Глаголаю есть и написано...).
- * в тот же день — «Ин вопрос: Какая есть польза приносить именование церквам» (Господь хвалит одесную себе...)¹¹
- * лят. 1 н. п. — Слово от евангельских указаний (Послушайте, братие, колико ти есть... или Послушай, колико есть различных указаний...).
- суб. 1 н. п. — Сказание Нектария патриарха, «что ради празднуем память Федора Тирона» (Приидете и услышите, вернии, како...).
- 1 н. п. — Поуч. И. З. о посте (От самех вещей навькнете видесте, возлюблени...).
- * пон. 2 н. п. — Сл. И. З. о богатых и немилостивых (Не <Се> глаголю убо на богатыя <о богатых>...).
- * в тот же день — Сл. Кирилла о страхе божьем (Всегда, любимая моя братия, и сестры, имейте...).
- * вт. 2 н. п. — Сл. от епископии апостола Павла (Тако глаголет господь пророком: Доколе...).

⁹ Звездочкой обозначены слова, которые не входят в Краткий вид годового «Златоуста».

¹⁰ В Кратком виде «Златоуста» годового читается другое слово под тем же названием. Начало: «Лепо с разумом рассматривая...».

¹¹ Иногда выделяется как отдельная статья, иногда входит в состав предыдущей.

- * в тот же день — Сл. И. З. о лечащихся от болезни волхвованием (Жития сего наводимая нам... или Се бо есть в житии нашем наводит нам бог...).
- * ср. 2 н. п. — Слово св. отец «како подобает жити христианом» (Братие и сестры, услышите учение...).
- * четв. 2 н. п. — Поуч. некоего христолюбца «к духовныма братома» (Великий апостол Петр рече, яко всякое...).
- * пят. 2 н. п. — Поуч. того же христолюбца «к духовныма братома» (Се же, братие моя, слышите от всех...).
- * суб. 2 н. п. — Поуч. И. З. о святом комкании (Благословен господь бог Израилев, яко посети...).
- 2 н. п. — Поуч. И. З. (Приидете, любимии и вернии, стадо Христово...).
- * пон. 3 н. п. — Поуч. И. З. о уставе жития человеческого (Иже кто милостыню творит...).
- * вт. 3 н. п. — Поуч. некоего старца детям (Глаголаше старец: Аще едино...).
- * в тот же день — Сл. И. З. о глаголящих в церкви (Се же глаголю христианом стоящим...).
- * ср. 3 н. п. — Поуч. Ефрема Сирина о суде и о покаянии (Приидите вси братия малыя и великия...).
- * четв. 3 н. п. — Поуч. Ефрема Сирина о покаянии (Слышим, братие, блаженнаго Давида...).
- * пят. 3 н. п. — Поуч. И. З. о суетном сем житии и о пользе душевной (Возлюбленные, оставивше суетные дела...).
- * суб. 3 н. п. — Сл. Григория Богослова о божественной литургии (Иже бысть во дни первые...).
- 3 н. п. — Поуч. И. З. о богатых и о убогих (Братие, многажды вам глаголах...).
- * пон. 4 н. п. — Сл. от шестодневца о небесных силах (Бог убо беяше прежде всех век...).
- * вт. 4 н. п. — Поуч. И. З. о молитве (Да послушайте всех сих... или Да послушают сих всех...).
- ср. 4 н. поста — Поуч. И. З. на поклонение честного креста (Уныние отверзем от себя, братие...).
- * четв. 4 н. п. — Сл. обретоно в разумех Василия Великого, заповеди св. отец о смирении (Послушайте, братие и любимици...).
- * в тот же день — Сл. И. З. (Егда видиши кого в злобе живуца...).
- * пят. 4 н. поста — Поуч. избрано от св. писаний како подобает жити христианом (Послушайте, братие «моя», прежде всего имейте...).
- * суб. 4 н. п. — «Ангелова повесть» Василия Великого (Ангел господень напишет слово... или Ангел господень глаголет слово...).
- * в тот же день — Сл. Нифонта «како подобает с тихостью и молчанием обедати христианом» (Некогда убо ходяци праведный Нифонт...).
- 4 н. п. — Поуч. И. З. (Приидите ныне, церковныя чада...).
- * пон. 5 н. п. — Притча о дворе и змии (Вся убо, возлюбленная, яже...).
- * вт. 5 н. п. — Сл. о богатом и Лазаре (О богатом и о Лазаре притча... или Се бо есть о богатом Лазорева притча...).
- * в тот же день — Сл. И. З. о христианстве (Слышите убо мнози суть именем христиане...).
- * ср. 5 н. п. — Сл. о молчании некоего черноризца к духовному брату (Ельма же требуеши, брате... или Егда же требуеши...)¹²
- * четв. 5 н. п. — Сл. от епистолии св. Павла (Сынове человеческие благодарите... или Сынове человеческие благодарите...).
- * пят. 5 н. п. — Сл. Иакова о вере и любви (Искони сотвори бог небо...).

¹² В некоторых списках добавлено Житие Марии Египетской (Тайну цареву дробо есть тайти...).

- * суб. 5 н. п. — Сл. И. З. на похвалу Богородице (Днесь нам, братие, свет восия... или Восия нам, братие, свет...)¹³
- 5 н. п. — Поуч. И. З. (Любимии, по мале пост сий ... или Понеже убо, любимии, по мале...).
- * пов. Цв. н. — Сл. Ефрема Сирина о втором пришествии Христове (Егда житие человеческое и лета...).
- * вт. Цв. н. — Сл. истолковано от Евангелия (Рече господь к Нафанаилу...).
- * ср. Цв. н. — Сл. истолковано от Евангелия (Посла Иовас царь ко Амесию...).
- * четв. Цв. н. — Сл. И. З. «о сем стисе еже есть Отче наш» (Отче наш иже еси на небеси. Отца нарицаеши...).
- * в тот же день — Сл. И. З. «о поставляющих вторую трапезу роду и рожаницам» (Тако же глаголет господь: Аще обрящется...).
- * пят. Цв. н. — Сл. от пророческих словес истолковано (Премудрость созда себе храм...).
- суб. Цв. н. — Сл. И. З. на воскресение друга Христова Лазаря (Христова воскресения сей предотече...).
- н. Цв. — Поуч. И. З. на вход в Иерусалим Иисуса Христа (Якоже пучину моря постное время...).
- * пон. Стр. н. — Сл. Ефрема Сирина о прекрасном Иосифе (Бог <Боже> Аврамов, боже Исааков...).
- * вт. Стр. н. — Сл. Ефрема Сирина о том же Иосифе (Братия же Иосифова...).
- * ср. Стр. н. — Сл. Ефрема Сирина о том же Иосифе (Видев же Петефрий господин Иосифов...).
- четв. Стр. н. — Поуч. И. З. о св. компании (Царь который или князь ... или Аще царь или князь...).
- * пят. Стр. н. — Сл. Евсевия о сошествии Иоанна Предтечи в ад (Добро есть, возлюбленные, изрещи ... или Возлюбленные, добро есть рещи...)¹⁴
- суб. Стр. н. — Сл. Григория Антиохийского в великую субботу (Что се ныне безмолвие много на земле...)¹⁵
- пасха — Поуч. И. З. на воскресение Христово (Воста господь наш Иисус Христос в третий день...)¹⁶
- н. новая — Сл. на антипасху (Господа бога и спаса нашего Иисуса Христа воскресение...)¹⁷
- н. 2 по пасхе — Поуч. И. З. о Иосифе, Никодиме и св. мироносицах (Возлюбленные, под облаком солнце красуется ... или Возлюбленные, солнце красуется...).
- н. 3 по пасхе — Сл. И. З. о расслабленном (Человеколюбец, преблагий бог...).
- ср. 4 н. по пасхе — Сл. И. З. на преполовение праздника господня (Три суть велиции праздники...).
- н. 4 по пасхе — Сл. о самаряныне (Не токмо господь чудесы .. или Не чудесы токмо господь...).

¹³ Часто добавлено Слово И. З. на благовещении (Царских тайн празднество празднуем днесь...).

¹⁴ Часто добавлено Слово на погребение Христово и о плаче св. Богородицы (Возлюбленные, кто возглаголет силы...).

¹⁵ Этим словом заканчивается «Златоуст» постный.

¹⁶ Часто добавлено Поуч. И. З. (Радуйтесь о господе всегда, возлюбленная братия...).

¹⁷ Часто добавлено Слово Кирилла Туровского «о Фомине испытании ребр господень». Эта неделя в некоторых списках именуется неделей антипасхи. Последующие статьи до недели всех святых, сохраняя в основном ту же последовательность, часто приурочены к другим дням: неделя 2-я именуется «новой», неделя 3-я — «второй» и т. д. Иногда переставляются статьи на среду 4-й недели и на неделю 4-ю и т. д.

- н. 5 по пасхе — Сл. о слепце (Христос бог наш от евангельских словес...).
- четв. 6 н. по пасхе — Сл. И. З. на вознесение господне (Трие преславная чудеса господня...).
- н. 6 по пасхе — Сл. на собор св. отец (Днесь память св. отец чтется...).
- суб. пянтикостная — Поуч. И. З. «еже не плакати о умирающих» (Братие, лепо нам с разумом рассматривая... или Лепо с разумом...).
- н. пянтикостная — Поуч. И. З. на сошествие св. духа (Любящим бога се празднованию время...).
- пон. по пянтикостии — Поуч. И. З. на сошествие св. духа на апостолы (Велици нам, любимые, от бога...).
- н. всех святых — Сл. в н. всех святых (Отнележе пятидесятницу праздновахом...)¹⁸
- н. 1 по всех святых — Сл. Кирилла¹⁹ «какo жити христианом» (Аз убо, друзи и братие, надеяхся...).
- н. 2 — Сл. И. З. о христианстве (Слышите убо мнози суть слытием...).
- н. 3 — Сл. о богатом и Лазаре (О богатом и о Лазаре притча...).
- н. 4 — Сл. св. евангелиста Матфея (Рече господь: Блажени нищие духом...).
- н. 5 — Поуч. Серапиона Владимирского «да престанем от грех своих» (Многу печаль в сердце своем...).
- н. 6 — Сл. И. З. о среде и о пятнице (Братие, приспе ныне время доброго...).
- н. 6 — «Аггелова повесть» Василия Великого (Слово от господа ангел поведает...).
- в тот же день — Сл. Григория Богослова (Первого закона обычай имейте...).
- н. 8 — «Слово глаголано пророком Аггеем» (Глаголано есть и написано...).
- в тот же день — Сл. Ефрема Сирина о покаянии (Блажен человек имея воину пред очима...).
- н. 9 — Поуч. Ефрема Сирина о суде и о покаянии (Приидите вси братия, малыя и великия...).
- н. 10 — Сл. Нифонта о ядении (Паки преходя святыи Нифонт...).
- в тот же день — «Вопрос, что есть глаголемое: Аще издаю именование» (Суть неции человеци молятся, милостыню...).
- н. 11 — Поуч. И. З. о святом комкании (Благословен «господь» бог Израилев, яко посети...).
- н. 12 — Поуч. Ефрема Сирина о покаянии (Слышим, братие, блаженнаго Давида...).
- н. 13 — Поуч. И. З. о молитве (Да послушают сих всех приходящие...).
- н. 14 — Сл. И. З. «еже не плакати о умерших» (Присно имейте, братие, в памяти...).
- н. 15 — Притча о дворе и змии (Вся убо, возлюбленные, яже во времена...).
- н. 16 — Сл. Ефрема Сирина о спасении души и о покаянии (Отречение убо еще при святом крещении...).
- н. 17 — Сл. Ефрема Сирина о спасении души и о покаянии (Святыи апостолы и пророци реша...).
- н. 18 — Сл. от евангельских указаний (Послушайте, колико ти есть различных...).
- н. 19 — Сл. Кирилла о небесных силах (Понеже убо тайна сия не всем...).
- н. 20 — Сл. И. З. (Подвигнемся ныне, братие, в малое...).

¹⁸ Этим словом кончается «Златоуст» пятидесятный.

¹⁹ Это слово иногда приписывают Кириллу Туровскому.

- н. 21 — Сл. И. З. об алкании (Днесь, возлюбленные, врачу душевному...).
- н. 22 — Сл. святых отец (Горе человеку тому, иже всякому злотворение...).
- н. 23 — Сл. о милостыне (Братие, внимайте милостыни ваша...).
- н. 24 — Пророчество Исаино, сына Амосова, о последних днях (Тако глаголет господь: Послушайте...).
- н. 25 — Сл. И. З. о умилении души (Горе тебе, душа моя, желаеши <жадаеши> спасения...).
- в тот же день — Сл. Иакова, брата господня, о св. неделе (И почи в день седьмой...)²⁰
- н. 26 — Сл. И. З. о покаянии (О исповедании грехов, в нем еже есть...).
- н. 27 — Сл. И. З. о воздержании (Иже который человек молится Христу ... или Иже молится Христу день и ночь...).
- н. 28 — Сл. Кирилла о небесных силах (Понеже <убо> тайна сия...).
- н. 29 — Поуч. некоего отца духовного (Сыну мой и чадо мое, приклони ухо...).
- н. 30 — Сл. св. отец о посте велицем, Петрове и Филиппове (Послушайте, братие и чада и сестры...).
- н. 31 — Сл. И. З. о умилении души (Горе тебе, душе моя, увы мне' ... или Ох, душе, увы мне, ужика...).
- н. 32 — Сл. И. З. о втором пришествии Христове (По вознесении господа бога и спаса нашего...).
- н. 33 — Поуч. избрано от всех книг, «еже имети всякому христианину страх божий» (Первые имейте, братие, страх...).
- н. 34. — Сл. И. З. о твари божьей (Бог премудростию своею всю тварь...).
- н. 35 — Сл. И. З. о помыслах (Егда, брате, лукавый ти помысел ... или Егда, братие, лукавыи имут помыслы...).
- н. 36 — Поуч. И. З. о казнях божиих и о страстях (Братие, тяготу греховную отряспе...)²¹

²⁰ Эта статья встречается нерегулярно.

²¹ В отдельных списках имеются статьи на 37—44-ю недели по неделе «всех святых».

Я. С. ЛУРЬЕ

Из наблюдений над летописанием первой половины XV в.

При написании «Словаря книжников и книжности Древней Руси», подготавливаемого в настоящее время Сектором древнерусской литературы, составителям постоянно приходится обращаться к памятникам летописания. Прежде всего, сами летописи и входящие в их состав отдельные повести являются литературными памятниками, иногда очень ценными. Кроме того, летописи служат и важнейшим источником, откуда могут быть извлечены сведения о многих писателях и деятелях книжной культуры Древней Руси.

В ряде случаев написание статей требовало специальной исследовательской работы. С двумя из этих исследований нам и хотелось бы ознакомить читателя.

1. Повесть о Едигее в Троицкой летописи и в своде 1412 г. (Рогожский летописец и Симеоновская летопись)

Повесть о нашествии Едигея на Москву в конце 1408 г. занимает особое место в летописании XV в. Повесть читалась уже в Троицкой летописи 1408 г., в конце ее текста; однако последняя часть этой летописи (сгоревшей в 1812 г.) может быть восстановлена лишь далеко не полностью.

Как известно, текст Троицкой летописи был реконструирован М. Д. Приселковым на основе цитат из Троицкой, приведенных Н. М. Карамзиным в «Истории государства Российского», и по двум летописям, введенным в науку А. А. Шахматовым, — Симеоновской летописи (далее: Сим.) и Рогожскому летописцу (далее: Рог.). Однако сопоставление Сим. и Рог. с цитатами из Троицкой летописи у Н. М. Карамзина обнаруживает близость их текста только до 1390 г.; далее можно наблюдать лишь несколько совпадений, и то не дословных.¹ Чем объясняется расхождение между Троицкой летописью и текстом Рог. и Сим. за 1390—1408 гг.? В основе Рог. и Сим., как установили А. А. Шахматов и М. Д. Приселков, лежала особая (по-видимому, тверская) редакция общерусского свода, доведенная до 1412 г. Возможны две гипотезы: либо эта редакция опиралась не на Троицкую летопись, а на предшествовавший ей общерусский свод конца XIV в. (так думал А. А. Шахматов),² либо она

¹ Кроме цитат, приведенных Карамзиным, и текста Рог. и Сим. М. Д. Приселков привлек для реконструкции еще фрагменты Троицкой до 907 г., указанные в разночтениях к первому незавершенному изданию Лаврентьевской летописи 1804 г.; могут быть привлечены также еще две летописи, не использованные М. Д. Приселковым, — Белорусская I (Западнорусская) и Владимирский летописец. Ср.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 23—29, 36—42. Однако сходство Троицкой летописи с Белорусской I (судя по Карамзину) тоже прекращается на 1390 г., а с Владимирским летописцем — еще раньше.

² Шахматов А. А. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 11, с. 151 (когда писалась эта статья, А. А. Шахматову еще не был известен Рогожский летописец); 2) Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938, с. 312, 367.

использовала Троицкую, резко сократив ее (и дополнив по другому источнику) после 1390 г. (так предполагал М. Д. Приселков).³ Считая источником Рог. и Сим. свод 1390 г., А. А. Шахматов склонен был отождествлять этот свод с «Летописцем великим русьским», на который ссылалась под 1392 г. Троицкая летопись (судя по цитате у Карамзина), осуждая исконную непокорность новгородцев. Верно это предположение или нет, сказать трудно (никаких других сведений о «Летописце великом русьском», кроме тех, которые содержались в упомянутом тексте из Троицкой, у нас нет), но во всяком случае, говоря об общерусском летописании конца XIV—начала XV в., мы вплоть до 1390 г. имеем дело, в сущности, с одной летописной традицией, связанной с митрополитом Киприаном (текст Троицкой летописи, совпадающий в этих пределах с текстом Рог. и Сим.), а после этого года обнаруживаем две версии летописания — версию свода 1408 г., весьма фрагментарно сохранившуюся в выписках Карамзина (связанную, очевидно, по-прежнему с окружением Киприана), и тверскую версию 1412 г., расходящуюся в последней части с официальной московской.⁴

Следующий этап общерусского летописания представлен Софийской I и Новгородской IV летописями (в свою очередь отразившимися на многих летописях XV—XVI вв.). Очень своеобразный текст обеих летописей совпадает до 1418 г., из чего А. А. Шахматов сделал естественный вывод, что в основе их лежал общий протограф, доведенный до этого года. В свою очередь «свод 1448 г.», или «Новгородско-Софийский свод 30-х годов XV в.» (по определению А. А. Шахматова), опирался, очевидно, на две летописные традиции — общерусскую (типа Лаврентьевской—Троицкой) и новгородскую. Общерусский «свод 1448 г.», использовавший новгородское летописание начала XV в., был, очевидно, составлен в середине столетия.⁵

Летописный свод конца XIV—начала XV в., дошедший в тверской редакции 1412 г. (Рог. и Сим.) и в Троицкой летописи (цитаты

³ Приселков М. Д. 1) Летописание XIV в. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пб., 1922, с. 30—32; 2) История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 114—115, 121—122; 3) Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950, с. 44—46.

⁴ Ср.: Лурье Я. С. О московском летописании конца XIV в. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979, т. 11, с. 3—19. Вопрос о заключительной части Троицкой летописи привлек недавно внимание И. Б. Грекова, однако наблюдения автора в значительной степени обесцениваются невнимательностью и неточностью, с которой он подходит к предшествующей научной литературе. Так, И. Б. Греков решительно приписывает М. Д. Приселкову мнение об участии митрополита Киприана в составлении «Летописца великого русского» (Греков И. Б. 1) Заключительная часть Троицкой летописи и проблемы авторства летописного свода 1409 г. — Советское славяноведение, 1982, № 2, с. 44—45; 2) Варианты «Повести о нашествии Едигея» и проблема авторства Троицкой летописи. — В кн.: Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения акад. Б. Д. Грекова. М., 1982, с. 221), хотя М. Д. Приселков держался прямо противоположного взгляда на «Летописец великий русский», считая его великокняжеским сводом, отличающимся по характеру от свода 1408 (1409) г., связанного с Киприаном (Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв., с. 121, 130, 135). Автору настоящей статьи И. Б. Греков приписывает «тезис о том, что летописный свод 1409 г. представлял собой труд самого митрополита Киприана» (умершего, как известно, в 1406 г.), и «объявление» «Летописца великого русского» «скромным „справочником“ по новгородской истории XII—XIII вв., не имевшим якобы никакого отношения ни к общерусскому летописанию XIV—XV вв., ни к общерусскому историческому процессу» (Греков И. Б. Заключительная часть... с. 44—45; ср.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 45, 61—65). Никто никогда не «объявлял» не дошедший до нас «Летописец» «справочником», но нам, к сожалению, известно о нем только одно свидетельство — ссылка в Троицкой летописи, с которой прежде всего приходится считаться исследователю. Вот эту-то необходимость строить доказательство на конкретном фактическом материале постоянно игнорирует И. Б. Греков.

⁵ См.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 67—121.

у Н. М. Карамзина), общерусский «свод 1448 г.», лежащий в основе Софийской I и Новгородской IV летописей, — таковы наиболее достоверные этапы общерусского летописания первой половины XV столетия. Более поздние летописи черпали общерусский летописный материал в основном из этих источников (привлекая, кроме того, еще местное, немосковское летописание). Сколько-нибудь заметных следов других московских сводов XIV в., которые не отразились бы либо в Троицкой и близкой к ней летописях, либо в Софийской I и Новгородской IV, мы не обнаруживаем.⁶

Теснейшая связь общерусского свода 1408 г., отразившегося в Троицкой и сходных с нею летописях, с митрополитом Киприаном не вызывает сомнений. Эта связь обнаруживается и в тексте до 1390 г., где Троицкая почти идентична с Рог. и Сим., и после этого года (ср. известие Троицкой 1405 г. о возвращении Киприана и смерти «доброе нашего старца» Дорофея и известие о смерти Киприана в 1406 г., завершающееся его духовной грамотой; наличие всех подобных известий в Троицкой засвидетельствовано Карамзиным).

Каковы же главные идеи летописания, связанного с Киприаном? Защищая интересы митрополии, летописание это сочувствует также великим князьям (поскольку они не вступают в конфликт с митрополиями) и осуждает всех, кто выступает против духовной и политической власти Москвы. Определенно враждебно относилась летопись Киприана к Новгороду. В отличие от более позднего свода, отразившегося в Софийской I и Новгородской IV летописях, Троицкая, очевидно, не упоминала о победе новгородцев над суздальцами в 1169 г. и в 1214 г. (битва при Липице). Ее отношение к Новгороду и новгородским вольностям ясно выражено в рассуждении, помещенном под 1169 г. (оно заимствовано из великокняжеского свода 1305 г. — Лаврентьевской летописи): «Не глаголем же: прави суть новгородци, яко издавна суть свобождены новгородци прадеды князь наших... Не велели им предние князи крест преступати... То доколе же богови терпеть и. ?». С этим рассуждением перекликается уже упомянутое нами обличение вероломного «обычая новгородцев» в конце свода 1408 г., под 1392 г., со ссылкой на «Летописец великий русский». В вопросе о русско-ордынских отношениях летопись Киприана проявляла крайнюю сдержанность. Ничего не упоминают Троицкая и близкие к ней летописи о тверском восстании против Шевкала (Щелкана, Чол-хана) в 1327 г. Чрезвычайно кратко помещены здесь рассказы о борьбе Дмитрия Донского с Ордой (повести о Пьяне, о Воже, о Куликовской битве, о нашествии Тохтамыша); во-

⁶ Вопрос о немосковских летописных источниках, освещающих события XIV—начала XV в., далеко еще не решен. Кроме новгородского, псковского и тверского существовало еще ростовское летописание, непосредственно отразившееся в своде 1419 г., завершающем Московско-Академическую летопись (Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, с. 465—512; ПСРЛ, Л., 1923, т. 1, вып. 3, с. 541—579), и оказавшее влияние и на Троицкую, и на Софийскую I—Новгородскую IV летописи, и на Устюжскую летопись, и на Сокращенные своды конца XV в. (см.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 56, примеч. 120; с. 97, примеч. 93; с. 196—197, примеч. 77—79). К тому же ростовскому своду или к нескольким источникам, связанным с княжествами, расположенными к востоку от Москвы и входившими во Владимирскую Русь, восходят, очевидно, и немосковские известия за этот период, сохранившиеся в некоторых летописях XV в., но не отразившиеся в Московско-Академической летописи (ср.: там же, с. 97—99, примеч. 97; с. 188—192). Более конкретное определение этого источника (или источников) представляется затруднительным (ср.: В. А. Кучкин. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. — В кн.: Куликовская битва. М., 1980, с. 67—68, примеч. 196), но немосковское его происхождение очевидно. Неясно происхождение развернутого рассказа о нападении Талыча на Владимир в 1410 (6918) г., появляющегося в Никаноровской, Вологодско-Пермской и близких к ним летописях (а затем и в Московском своде) и отсутствующего в Троицкой и Софийской I—Новгородской IV летописях, но едва ли он московский (ср. сходное место в более коротком рассказе Московско-Академической летописи).

обще Дмитрий Иванович, дважды изгонявший Киприана из Москвы, явно не пользовался расположением летописца.⁷

После 1390 г. можно наблюдать существенные расхождения между сводом 1408 г. (Троицкой) и тверской редакцией 1412 г. общерусского свода (Рог. и Сим.). Так, под 6907 (1399) г. в Троицкой (судя по аннотированной цитате Карамзина) читался неблагоприятный по отношению к литовскому великому князю Витовту рассказ о егоговоре со свергнутым ханом Тохтамышем против ордынского хана Темир-Кутлук и Москвы: «Аз тя посажу в Орде на царстве, а ты мя посадишь на княженьи на великом на Москве». Рассказ об этом соглашении, закончившемся сокрушительным поражением Витовта и Тохтамыша на Ворскле (подробно оно описано в Софийской I и Новгородской IV летописях), возможно, попал в митрополичий свод в связи с некоторым осложнением отношений между Киприаном и литовским великим князем, из-за чего митрополиту в 1404—1405 гг. пришлось поехать в Западную Русь и сменить тамошних православных иерархов (в одном случае в тексте прямо указано: «по повелению Витовтову»). В редакции 1412 г. (Рог. и Сим.) никаких упоминаний о честолюбивых замыслах и хвастовстве Витовта перед битвой на Ворскле нет.⁸

Глубокие различия между сводом 1408 г. (Троицкой) и редакцией 1412 г. (Рог. и Сим.) наблюдаются в текстах повестей о нашествии Едигея. В Рог. и Сим. под 6917 г. здесь помещена очень своеобразная повесть, в которой автор, осуждая политику Василия Дмитриевича, проводимую по внушению «юных бояр», оправдывает свое «неговейное» (непочтительное) описание этих событий примером «Селивестра Выдобожьского» (Сильвестра Выдубицкого, редактора Повести временных лет), который также описывал «вся добрая и не добрая», «не украша» написанного.⁹ А. А. Шахматов и первоначально М. Д. Приселков считали, что этот текст читался и в заключении Троицкой летописи.¹⁰ которая, по сообщению Карамзина, заканчивалась как раз «описанием Эдигеева нашествия». Однако в дальнейшем, работая над реконструкцией

⁷ Более широкий вопрос о мировоззрении Киприана выходит, естественно, за рамки настоящего исследования. Отметим только, что взгляд на Киприана как на одного из вдохновителей Дмитрия в борьбе с Мамаем не подтверждается источниками. Г. М. Прохоров причисляет его к группе монахов-«всероссиян» (приверженцев единой митрополии «всей Руси»), сторонников борьбы с ханом, представителями которой он считает также Дионисия Суздальского, Сергия Радонежского и Феодора Симоновского (Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978, с. 78—82, 103—107). Но существовала ли реально эта партия «всероссиян»? Киприан находился в 1380 г. в Литве и ничем не выразил своего сочувствия Дмитрию в его войне с Мамаем. Предположение И. Мейендорфа, что Киприан, «если Ягайло спросил его совета вступать ли в коалицию с Мамаем», убедил его не делать этого (Meiendorff J. Byzantium and the Rise of Russia. Cambridge, 1981, p. 224—225), — такая же догадка, как и отвергаемое им предположение И. Б. Грекова о враждебности Мамаю митрополиту Митяю и его сочувствии Дионисию (Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975, с. 117—119). Связь Сергия и Феодора с Киприаном выводится Г. М. Прохоровым из того, что в 1378 г. он написал им письмо, реакция на которое неизвестна; во всяком случае, когда Киприан после этого письма попытался самовольно поехать на Русь, его арестовали и выслали; никакой поддержки от Сергия и Феодора он не получил; Дионисий в 1383 г. сам добился сана митрополита вместо Киприана, а Федор Симоновский поддержал двух соперников Киприана — Дионисия и Пимена (Прохоров Г. М. Повесть о Митяе, с. 54—58, 174—180).

⁸ См.: Приселков М. Д. Троицкая летопись, с. 450—451. Ср.: ПСРЛ, Пг., 1922, т. 15, ч. 1, стб. 165; СПб., 1913, т. 18, с. 143. О поездке Киприана в Западную Русь см.: Приселков М. Д. Троицкая летопись, с. 458—460; ПСРЛ, СПб., 1896, т. 11, с. 192—193.

⁹ ПСРЛ, т. 15, ч. 1, стб. 177—186; т. 18, с. 155—159. Даты в этой части Сим. (и Рог.) даны уже по сентябрьскому стилю (см.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963, с. 27), так что 6917 г. может означать и конец 1408 г. (как и в других летописях).

¹⁰ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 9, с. 168—173; Приселков М. Д. Летописание XIV в., с. 34—35.

Троицкой, М. Д. Приселков пришел к убедительному заключению, что рассказ о Едигее в своде 1408 г. не совпадал с Рог. и Сим.¹¹ Он опирался при этом на указания Н. М. Карамзина, не только упомянувшего о том, что Троицкая заканчивалась описанием нашествия Едигея, но и приведенного развернутые цитаты (со ссылкой на Троицкую) из этого описания. Таких цитат у Н. М. Карамзина пять: 1) поименное перечисление татарских «царевичей» и князей, сопровождавших Едигея; 2) дата прихода Едигея к Москве — «в Филипово говенье... декабря в 1 день в субботу до обеда»; 3) упоминание о посылке «царевича Тегрибердея» и других князей с 30 000 «рати» в погоню за Василием I; 4) оценка поведения тверского князя Ивана Михайловича, направившегося было по приказу Едигея на помощь ему, но вернувшегося с дороги: «... и таковым коварством премудрова: ни Едигея разгнева, ни князю великому погроби, обоим обоего избежа. Се же створи уменски, паче же истински»; 5) подробный рассказ о «некоем царевиче», нападшем на Орду в отсутствие Едигея — «за малым бо и самого царя не захвати и мног мятеж в Орде створив, отыде». Кроме того, в тексте «Истории» Н. М. Карамзин привел в переводе на современный русский язык известие о том, что татары вели за собой пленных русских по сорок человек, связав их друг с другом. Ни одной из перечисленных цитат нет в Повести, помещенной в Рог. и Сим., а слова о «премудрости» Ивана Михайловича явно противоречат всем тенденциям этой Повести. Зато все они (как и известие о пленниках, пересказанное Карамзиным) отыскиваются (с незначительными изменениями) в московских великокняжеских сводах последней трети XV в.¹² Очевидно, в своде 1408 г. читалась Повесть о Едигее, воспроизведенная впоследствии великокняжескими сводами, — повесть, не содержащая какой-либо оценки самого нападения Едигея и обнаруживавшая характерную для Троицкой осторожную позицию в ордынском вопросе (ср. в той же летописи умолчание о выступлениях против Орды в первой половине XIV в., иронический рассказ о неудачной битве на Пьяне, сдержанное и бледное описание Куликовской битвы, замечание о том, что Дмитрий «не поднял руки противу царя Тохтамыша» в 1382 г.).

Для рассказа Рог. и Сим. характерны совсем иные настроения, чем для Троицкой. Автор Повести о Едигее в этих летописях прямо и решительно высказывался против двойной игры и союзов с «иноплемениками», которые «лестно и злоковарно честию окладають князей наших, и дары украшают, и тем злохитрство свое потаають и мир глубок обещають имети с князьми нашими, и таковым пронырством ближняя от любве разлучают, и усобную рагь межки нас съставляють». Летописец описывает, как Василий I, враждуя с Витовтом, воевал против него в союзе с Едигеем, который, ведя переговоры с Москвой и с Литвой, «болми на гнев поостри их». «Заблужение» Василия I «от правды»,

¹¹ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв., с. 115.

¹² См.: Приселков М. Д. Троицкая летопись, с. 468—471 (тексты из Карамзина — крупным шрифтом). См. так же: Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 5, примеч. 205—217. Перечисление московских сводов см. ниже (примеч. 18 и 19). Новая точка зрения М. Д. Приселкова на повесть о Едигее в Рог. и Сим., кратко выраженная в «Истории русского летописания» (Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв., с. 115), показала неуверительной Д. С. Лихачеву, который сослался на указание Н. М. Карамзина, что «описанием Едигеева нашествия заканчивается хараейный Троицкий летописец» (Лихачев Д. М. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 297—298). Однако, обратившись к приселковской реконструкции Троицкой летописи, опубликованной в 1950 г., мы можем убедиться, что М. Д. Приселков завершил ее текст как раз рассказом о Едигее и, таким образом, учитывал указание Н. М. Карамзина. Но это была не та Повесть о Едигее, которая помещена в Рог. и Сим., а повесть, переданная московскими великокняжескими сводами, идентичность которой с Повестью в Троицкой доказывается, как мы уже отметили, совпадением с приведенными Карамзиным цитатами.

виновниками которого автор считал неких «юных бояр», выражалось, по его мнению, не только в союзе с Едигеем, сумевшим благодаря этому высмотреть «наряд русский», но и в огромных уступках сопернику Витовта — католику («лях бе верою») Свидригайло, которому был дан в удел «многославный Володимер, иже есть стол земля Русския»: «... и такового града не помиловавшие москвичи, вдаша в одержание ляхов!». Воспользовавшись доверчивостью русских, Едигей заявил им, будто идет на Витовта, а в действительности пошел на Москву и осадил ее. Тут же обнаружилась и бессмысленность передачи владимирского «стола» Свидригайло: «... храбрии наши ляхове, иже величаве дръжаще град пречистыя богоматере, мужественныя их лысты токмо на бег силу показаша». Далее автор повествует о страшном разорении Русской земли, о пленении городов, но обходится без конкретных и цифровых данных, он отмечает только длительность осады Москвы — «20 дней».

Научная литература, посвященная Повести о Едигее, не богата. Больше всего сделал для изучения этой Повести М. Д. Приселков, который, как мы уже знаем, реконструировал текст Повести о Едигее, читавшийся в Троицкой летописи, установив его чрезвычайную близость (почти идентичность) тексту московского великокняжеского летописания. Повесть о Едигее, читающаяся в Рог. и Сим., М. Д. Приселков определил, в отличие от Повести в Троицкой, как рассказ, «который, как можно думать, был составлен в Твери едва ли не со слов отъехавшего в Тверь какого-то московского политического деятеля».¹³

Авторы, писавшие о Повести о Едигее в последние десятилетия, текстологическим исследованием Повести не занимались. Именно этим, очевидно, объясняется обычное определение различных летописных рассказов о нашествии Едигея как «вариантов», «редакционных обработок» — термины, которые предполагают наличие общего протографа и хотя бы частичное единство происхождения этих памятников.¹⁴ Между тем никаких текстуальных совпадений между Повестью о Едигее в Троицкой (и близких к ней) и аналогичной Повестью в Рог. и Сим. никто из этих авторов не приводит.

Л. В. Черепнин, посвятивший Повести о Едигее особый параграф монографии об образовании Русского централизованного государства, совсем не ставил вопрос о том, какой текст Повести читался в Троицкой летописи и как он соотносился с текстом в Рог. и Сим. «Наиболее ранним вариантом» Повести он считал текст Ермолинской, Львовской и других летописей, содержащих рассказ, близкий московскому великокняжескому летописанию (следовательно, и Троицкой летописи), но более короткий. Пересказывая и разбирая Повесть о Едигее в Рог. и Сим., Л. В. Черепнин относит этот «вариант» «примерно к середине XV в.» и указывает, что он возник «вряд ли в Москве», приводя тексты из Повести, побудившие, очевидно, и М. Д. Приселкова связать ее с Тверью: упоминание о том, что татары «Тферского настолавания дому святого Спаса взяша волость Клинскую», и указание, что «москвичи» отдали Владимир «в одержание ляхом».¹⁵ В недавно опубликованной статье И. Б. Греков также говорит о двух «вариантах» (или группах «вариантов») Повести о Едигее — «промосковском» и «протверском». В отличие от Л. В. Черепнина он полагает, что наиболее ранним «вариантом»

¹³ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв., с. 116.

¹⁴ См.: Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, с. 715—716; Греков И. Б. Варианты «Повести о нашествии Едигея»..., с. 222—223 («все летописные рассказы об указанном событии представляют собой различные варианты произведения, которое вошло в историю русской литературы под условным названием „Повесть о нашествии Едигея“»). См. также: Памятники литературы Древней Руси: XIV—середина XV в. М., 1981, с. 567—568; ср. с. 20—21.

¹⁵ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства..., с. 728—729.

Повести о Едигее, послужившим «отправным пунктом» для создания остальных рассказов, был «рассказ Троицкой летописи», который он объявляет без особой аргументации «кратким», а «протверской вариант» Рог. и Сим., по его словам, возник не в середине XV в., а «через несколько лет после событий 1408 г.»¹⁶

Признав вслед за М. Д. Приселковым Повесть в Рог. и Сим. связанной с Тверью, Л. В. Черепнин, естественно, обратил внимание на рассказ о Едигее, содержащийся в летописи, бесспорно отражающей в этой части своего текста тверское летописание, — в Тверском сборнике. Упоминает рассказ Тверского сборника и И. Б. Греков. Но текстологического анализа этого памятника (как и других рассказов о Едигее) ни Л. В. Черепнин, ни И. Б. Греков не производили; текстуальных совпадений между повестью в Рог. и Сим. и в Тверском сборнике они не обнаружили. Л. В. Черепнин даже подчеркнул существенное различие между рассказами о Едигее в обоих источниках: автор рассказа в Рог. и Сим. «по своему кругозору значительно шире автора повести на ту же тему, включенной в Тверской сборник. Он чужд настроений областнической изолированности, присущих последнему».¹⁷

Исследование Повести о Едигее следует, естественно, начать с сопоставления всех основных ее текстов. Благодаря реконструкции, осуществленной М. Д. Приселковым, мы можем с достаточной полнотой представить себе текст Повести в Троицкой летописи. Нет никаких оснований считать его «кратким»: «наложенный» на пять бесспорных цитат из Троицкой, приведенных Н. М. Карамзиным (и одну цитату, пересказанную Карамзиным, но чрезвычайно близкую к соответствующему древнерусскому тексту), реконструируемый текст не обнаруживает ни одного сокращения по сравнению с Повестью в московских великокняжеских сводах XV—XVI вв. Нет поэтому основания думать, что остальной текст Повести в Троицкой, не процитированный Карамзиным, был более кратким.

Московские великокняжеские своды, содержащие Повесть о Едигее, могут быть разбиты на две группы. Первая из них, отражающая великокняжеский свод в редакции 50-х—начала 70-х годов XV в., представлена Музейным летописцем, доведенным до 1452 г., Летописью Лавровского (оба эти памятника не изданы), Никаноровской и Вологодско-Пермской летописями.¹⁸ Вторая группа представлена Московским сводом 1479 г., его редакцией конца XV в. и близкой к нему Воскресенской летописью XVI в.¹⁹ Характеристику поведения тверского князя Ивана Михайловича, данную в Троицкой, — «и таким бо коварством Едигея премудро... сие же створи уменски, паче же истински» — великокняжеские своды изменили на «премудре бо сия сотвори». В чем смысл этих слов Троицкой и их измененной версии в великокняжеских сводах? Нет ли в словах Троицкой летописи об Иване Михайловиче элементов иронии? Такое понимание возможно, но ирония эта звучала скорее дружески-нисходительно, чем осудительно. «Уменски» значило «разумно», «пре-

¹⁶ Греков И. Б. Варианты «Повести о нашествии Едигея...», с. 223—226. И. Б. Греков ссылается на текст примечания Н. М. Карамзина (История государства Российского. СПб., 1842, т. 5, с. 114, примеч. 207), но у историографа говорится не о краткости Повести о Едигее в Троицкой, а о том, что со времени окончания Троицкой летописи (1408 г.) «до самой кончины Василия Дмитриевича все известия кратки в других летописях».

¹⁷ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства... с. 720—722, 729.

¹⁸ ГБЛ, ф. 178 (Музейное собр.), № 3274, л. 236—240 (ср. л. 195); Львовский филиал БАН УССР, ф. Ossolineum, № 2126, с. 521—528 (ср. с. 376); ПСРЛ, М.; Л., 1962, т. 27, с. 95—97; М.; Л., 1959, т. 26, с. 175—177. Ср. Холмогорскую летопись: ПСРЛ, Л., 1977, т. 33, с. 95.

¹⁹ ГПБ, Эрмитажное собр., № 4166, л. 300 об.—302; ПСРЛ, М.; Л., 1949, т. 25, с. 237—239; СПб., 1859, т. 8, с. 82—84.

мудровать» — «перехитрить», а слово «коварство» чаще всего не имело отрицательного смысла, означая «ум, тонкость, замысловатость».²⁰ Именно поэтому великокняжеские своды (которым совсем не нужно было защищать тверского князя, особенно в конце XV в., когда независимость Твери была ликвидирована), подновив язык Троицкой летописи, передали эти слова более просто, но с сохранением положительной оценки: «премудре бо сия сотвори». Лишь одно известие из Повести о Едигее, приведенное Н. М. Карамзиным со ссылкой на Троицкую, — слова о том, что «богатые обещали богу наградить бедных... — и солгали перед богом»²¹ — не находит себе соответствия в перечисленных летописях, но это, видимо, объясняется тем, что великокняжеское летописание не решилось в данном случае воспроизвести текст свода 1408 г.

Займствуя Повесть о Едигее из свода 1408 г., московское великокняжеское летописание отходило при этом от своего основного источника — «свода 1448 г.» в редакции Софийской I летописи. В отличие от Троицкой и Сим. и Рог. «свод 1448 г.» не содержал подробного рассказа о нашествии Едигея. Здесь читалось, как мы можем полагать, только краткое известие о нашествии Едигея с датой прихода к Москве — «месяца ноября в 23 день в пятницу» (так в старшей редакции Софийской I; в младшей редакции — «в 30 день»), с указанием на пребывание под Москвой «месяц» и цифрой «окупа» — «3000 рублей»; вместе с этими краткими сведениями свод, очевидно, приводил «грамоту» («ярлык»), посланную Едигеем Василию Дмитриевичу. Летописи, непосредственно отражающие «свод 1448 г.», передали этот текст по-разному. Так, Софийская I сохранила известие о нашествии, закончив его словами: «присла Едигей грамоту свою к великому князю на Москву», но не приводя самой грамоты; Новгородская Карамзинская летопись, отражающая наиболее первоначальный текст Новгородской IV, дав упомянутые краткие сведения о походе Едигея, привела текст «грамоты» («ярлыка»); в Новгородской IV помещен только «ярлык» без какого-либо вступления или пояснения.²² Музейный летописец, Летопись Лавровского, Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи воспроизвели краткое сообщение Софийской I о нашествии Едигея (с характерной общей ошибкой: вместо «присла... грамоту» бессмысленное «присла... братию ту»; текста грамоты, как и в Софийской I, здесь нет). После окончания основного летописного текста в Музейном летописце и Летописи Лавровского в особом приложении помещена Повесть о Едигее из Троицкой; в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях Повесть введена в текст и тем самым дублирует краткое известие из Софийской I. В Московском своде 1479 г. краткое известие Софийской I опущено, оставлена только Повесть из Троицкой и дублировка устранена.

Повесть о Едигее в Ермолинской летописи, как уже было отмечено, содержит текст, близкий к Московскому своду, но более краткий. Здесь в отличие от Московского свода нет пространного рассуждения о «скорби», которой были охвачены москвичи, и о посланном богом избавлении от «измаилтян», выразившемся в том, что «некий царевич» напал на Орду. Ермолинская содержит только упоминание о нападении «царевича», но оно помещено ниже, чем в Московском своде, — после упоминания о присылке Едигее «скоросельников» из Орды (в Московском своде, как и в Троицкой летописи, о «скоросельниках» говорилось после

²⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903, т. 3, стб. 1223 (слово «умение»; ср. также в 1-м томе (СПб., 1893, стб. 1241) и 2-м томе (СПб., 1895, стб. 1667) «Материалов»); Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1980, вып. 7, с. 212.

²¹ Приселков М. Д. Троицкая летопись, с. 469, примеч. 2.

²² См. Софийскую I летопись: ПСРЛ, СПб., 1851, т. 5, с. 257, примеч. «б»; Новгородскую Карамзинскую летопись: ГПБ, F.IV.603, л. 416 об.—418; Новгородскую IV летопись: ПСРЛ, Л., 1925, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 406—407.

рассказа о «царевиче»). Слов, которыми завершается известие о нападении «царевича» в Московском своде («...по премногу и смуги всю Орду»), в Ермолинской нет, а между тем аналогичные слова, судя по цитате Н. М. Карамзина, читались в Троицкой летописи. Отсутствуют в Ермолинской дополнение даты прихода Едигея — «в Филипово говение», какая бы то ни было оценка поступка тверского князя Ивана Михайловича, а также фраза из Московского свода, наличие которой в Троицкой засвидетельствовано Карамзиным, — о том, что «един татарин до четырьдесяти крестьян ведяше с нужею повязавши». Большая близость Московского свода к первоисточнику — Троицкой летописи — дает основание видеть в Ермолинской и сходных с нею летописях не наиболее ранний вариант Повести о Едигее, как предлагал Л. В. Черепнин, а, напротив, сокращение того рассказа, который читается в Московском своде. Такое сокращение общего с Московским сводом протографа, отразившегося в первой части Ермолинской (до 1418 г.), наблюдается на всем протяжении этой части.²³

Сходен с Ермолинской и обнаруживает те же отличия от Московского свода и рассказ о Едигее в Софийской II и Львовской летописях: здесь также нет пространного рассуждения о «скорби» в Москве, переставлены сообщения о «скоросельниках» и «царевиче» и т. д. Единственное отличие Софийской II и Львовской от Ермолинской и Московского свода заключается только в указании двух дат, относящихся к началу осады Москвы Едигеем: «ста в Коломянском ноября 26, декабря же 1 распусти... вой».²⁴

В Типографской летописи, основанной в части до 1423 г. на Московском своде, Повесть о Едигее тоже сокращена по сравнению с этим сводом, но никаких специфических совпадений с Ермолинской здесь не обнаруживается (в Типографской, как и в Ермолинской, нет оценки поступка тверского князя Ивана Михайловича, но фраза из Московского свода сокращена иначе). Известия о «царевиче» и «посольниках» в Типографской следуют в том же порядке, что и в Московском своде, но здесь нет, в отличие от этого свода и других летописей, упоминания о святом Петре-митрополите, спасшем Москву.²⁵

Сравнение Повести о Едигее из свода 1408 г. в ее многочисленных отражениях с Повестью на ту же тему в Рог. и Сим. позволяет сделать один несомненный вывод: между этими двумя памятниками нет текстуальных совпадений.²⁶ Третий ранний рассказ о Едигее — в «своде

²³ ПСРЛ, СПб., 1910, т. 23, с. 142—143. В конце рассказа Ермолинской (уже после сообщения об уходе Едигея и разорении земель) добавлен текст, явно восходящий к какой-то версии «свода 1448 г.»: «Того же месяца присла Едигей на Москву грамоту великому князю». Наличие общего протографа Ермолинской до 1418 г. и Московского свода доказано в работе: Насонов А. И. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969, с. 260—274. Текст повести о Едигее заимствован из Ермолинской летописи «Летописцем от 72-х язык»: ПСРЛ, М.; Л., 1963, т. 28, с. 92, 257—258.

²⁴ ПСРЛ, СПб., 1853, т. 6, с. 136; СПб., 1910, т. 20, ч. 1, с. 225—226. В Софийской II в конце рассказа имеется приписка, дублирующая известие, содержащееся в его середине: «А в осаде тогда седали на Москве князь Володимер Андреевич, князь Андрей Дмитриевич, князь Иван Юрьевич». В старейшем Архивском списке Софийской II летописи приписка эта сделана скорописью на левом поле листа (ЦГАДА, ф. 181, № 371, л. 23 об.), в более позднем Воскресенском списке она включена в текст; в Львовской летописи ее нет.

²⁵ ПСРЛ, Пг., 1921, т. 24, с. 174—175. Ср.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 285—293.

²⁶ Единственное совпадение рассказа Симеоновской с рассказом Троицкой и московских сводов обнаруживается в начале Повести о Едигее в Симеоновской летописи, где перечисляются татарские цари и царевичи (ПСРЛ, т. 18, с. 155; ср.: Памятники литературы Древней Руси: XIV—середина XV в., с. 244), но это перечисление царей и царевичей заимствовано Сим. вместе со всеми известиями 6909—начала 6917 г. из ее второго источника — Московского свода (см.: Клосс Б. М., Лурье Я. С. Русские летописи XI—XV вв. — В кн.: Методические

1448 г.» (Софийской I, Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописях) — также по существу самостоятелен, хотя цифра «окупа», данного Едигею, «3000», могла быть здесь заимствована из Троицкой (возможно, однако, как мы увидим, и иное объяснение). Но обе повести о Едигее во всяком случае совершенно независимы друг от друга: перед нами не «варианты» и не «редакционные обработки» одной повести, а два различных сочинения, посвященных одному и тому же событию — нашествию Едигея.²⁷ Объединение этих различных памятников, создание компиляции, включающей элементы всех трех ранних рассказов, было осуществлено лишь в 20-х годах XVI в. — в Никоновской летописи. Положив в основу рассказ Сим., Никоновская летопись дополнила его сокращенным фрагментом рассказа Троицкой—Московского свода с упоминанием татарских «царевичей», участвовавших в походе, несостоявшегося похода Ивана Михайловича (без оценки), прибытия «скоросельников» с известием о нападении «царевича» на Орду и «окупа 3000 рублей», данного Едигею, а затем поместила текст «ярлыка» Едигея из «свода 1448 г.» (Новгородской IV летописи), взяв оттуда же, очевидно, указание на то, что Едигей стоял «месяць у Москвы», и завершила компиляцию ссылкой на «Селивестра Выдобожьскаго» из Сим.²⁸

Кроме трех упомянутых рассказов мы обнаруживаем еще несколько кратких известий о походе Едигея в местном летописании. Новгородская I летопись младшего извода сообщает о приходе Едигея «ноября в 23 день», утверждает, что стоял «под Москвою сам цесарь» (т. е. хан), приводит цифру «окупа» — «3 тысяце». Дата прихода совпадает с Софийской I и Новгородской Карамзинской; возможно, что «свод 1448 г.» заимствовал ее из новгородского летописания, оттуда же (а не из Троицкой) взял и размер «окупа» в 3000, о котором новгородские летописцы могли знать и помимо свода 1408 г.²⁹ В Московско-Академической летописи, содержащей ростовский свод 1419 г., приход датирован «5 декабря», время пребывания Едигея у Москвы определено в «3 недели, цифры «окупа» нет.³⁰ В Сокращенных сводах конца XV в. и Устюжской летописи дата прихода — «ноября 26», время пребывания у Москвы — «месяць», размер «окупа» — «3000» (текст явно восходит к Софийской I — с искажением даты прихода).³¹

Л. В. Черепнин, а вслед за ним И. Б. Греков, как мы уже отметили, привлекли к исследованию Повести о Едигее Тверской сборник, но ни-

рекомендации по описанию славяно-русских летописей для сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, ч. 1, с. 113); в Рог. этого перечисления нет (ПСРЛ, т. 15, ч. 2, стб. 177).

²⁷ Даже обстоятельство, которое явно обратило на себя внимание современников, — уход Едигея в день памяти канонизованного при Киприане московского святого митрополита Петра (20 декабря) — изложено в обеих повестях совершенно по-разному: Троицкая летопись, составленная в кругах, близких к Киприану, отметила это совпадение и выразила мнение, что молитва «Петра митрополита, нового чудотворца рускаго... избави люди и град от толика нужды и беды»; по весте в Рог. и Сим., не приводя никакой даты отхода, глухо упомянула, что Москва была избавлена «и Петра архиепископа ради» — с совершенно неожиданным и неподобающим титулом святителя.

²⁸ ПСРЛ, СПб., 1897 (фототипическое воспроизведение: М., 1965), т. 11, с. 205—211. Какой именно версией «свода 1448 г.» пользовалась в данном случае Никоновская летопись, сказать трудно; непосредственным источником Никоновской была особая редакция Новгородской IV, именуемая Новгородской V (Хронографической) летописью, но встречаются примеры и прямого обращения к Софийской I (ср.: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. с. 32—43 и 148).

²⁹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л., 1950. с. 400—401.

³⁰ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, с. 510—511.

³¹ ПСРЛ, т. 25, с. 265 и 341; Л., 1982, т. 37, с. 82 (в списке Мациевича, выделенном в издании в особую редакцию, этого известия нет — ср. с. 39). В позднем Владимирском летописце время пребывания — «месяць», окуп — «3000», но дата «прихождения Гидигеева» — 4 декабря (ПСРЛ, М., 1965, т. 30, с. 130).

каких текстуальных совпадений с другими рассказами на ту же тему в нем не обнаружили. Если рассматривать краткий текст, посвященный в Тверском сборнике непосредственно походу Едигея, то установить зависимость рассказа в этом сборнике от какого-либо конкретного текста действительно едва ли возможно. Тверской сборник датирует приход Едигея 30 ноября, упоминает о стоянии его у Москвы «3 недели» и называет дату отхода — «декабря в 20 день», но цифры эти встречаются в разных текстах (дата прихода 30 ноября — в Софийской I младшей редакции, стояние у Москвы «3 недели» и дата отхода 20 декабря — в Троицкой, Московском своде и всех зависящих от них летописях).³²

Однако Повесть о Едигее, помещенная в Рог. и Сим., состоит не из одного только описания похода Едигея — фактическими данными о походе эта повесть, как мы уже отметили, как раз довольно бедна. Отвлекаясь от прямого описания событий осени 1408 (6917) г., автор говорит о политике Василия I в предшествующее походу время и упоминает в связи с этим московско-ордынские, московско-литовские и московско-тверские отношения. При этом автор осуждает Василия I за то, что, воюя с Витовтом, он принимал помощь Едигея, в частности во время столкновения с литовцами на Плаве (в 1407—1408 гг.); он ссылается на мудрых «старцев», не одобрявших союза с Ордой. Тверской сборник также помещает под единой годовой датой (6916 г.) не только рассказ о Едигее, но и описание предшествующих событий, в частности столкновения на Плаве и московско-тверских споров в связи с этим столкновением. Если же мы сопоставим тексты Тверского сборника и Рог. и Сим. в этой части, то обнаружим текстуальное совпадение, на которое не обратили внимания исследователи Повести о Едигее.³³

Приведем примеры:

Рог. и Сим.

Тогда же и татарове приидоша к Плаве на помощь Руси. Старци же сего не похвалиша, глаголюще: «Добра ли си будет дума юных наших бояр, иже приведоша половец на помощь? Не сих ли ради прежде Кневу и Чернигову беды прилучишася, иже имеюще брань между собою, подымающе половец на помощь, навожаху брат на брата да и пръвое напуюче их, сребро издааша из земля своея, а половец изъсмотривше русский наряд, посем самим съдолеша? Да не будет ли си пакость земли нашей на прочая дни, егда измайльте усмотривше наряд нашей земля, на ны приидуть?». Яко же и събытсья.³⁴

Тверской сборник

Тогда же татарове приидоша к Плаве в помощь Руси на Литву. Старцы же, сие видевше, не възлюбиха зело: «Добра ли се будет дума юных наших бояр, иже приведоша татар на помощь? Не сих ли ради Кневу и Чернигову беды приключишася, иже когда имущи брань со собою, и подымаючи половец навожаху на ся, да пръвое бо напуючи их, сребро пздаша из земля своея, и инии же смотриша наряди руския и самим издолеша? Да не буде(т) той пакости и нашей земпл на прочая дни, да не како татарове съсмотрят наряда земля наша, и всъхотят сами приити на ны?». Яко же бысть ся.³⁵

Как видим, текст здесь, за исключением незначительных стилистических отличий («половцы-измайльте» в Рог. и Сим. вместо преобладающего «татары» в Тверском сборнике), идентичен. В других текстах Повести о Плаве таких буквальных совпадений нет, но связь этой Повести с Повестью о Едигее в Рог. и Сим. обнаруживается еще и в том, что в обеих повестях читается довольно редкое известие о передаче «стольного града

³² ПСРЛ, СПб., 1863, т. 15, стб. 483—484.

³³ Единственное беглое указание на то, что под 1409 г. «в Симеоновской летописи есть места, буквально повторенные в Тверском сборнике под 1408 г. (в сообщении о мудрых речах старцев по поводу союза русских князей с татарами)», находим в ранней статье А. А. Шахматова, в которой он еще не использовал Рог. и не предполагал существования общего источника Рог. и Сим., доведенного до 1412 г. (Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 9, с. 148).

³⁴ ПСРЛ, т. 15, ч. 1, стб. 180; т. 18, с. 156.

³⁵ ПСРЛ, т. 15, с. 475.

Владимера» Свидригайло Ольгердовичу, отсутствовавшее и в Троицкой летописи³⁶ и в «своде 1448 г.» и появившееся (в ином изложении, чем в Рог. и Сим. и Тверском сборнике) только в Московском своде 1479 г. и Ермолинской летописи, опирающихся в этой части на общий протограф.³⁷

Совпадения между Повестью о Едигее в Рог. и Сим. и Повестью о Плаве в Тверском сборнике заслуживают внимания. В конечной части Рог. и Сим. (после 1390 г.) читается ряд тверских известий, но они не имеют ничего общего с известиями Тверского сборника — даже известие о смерти тверского епископа Арсения в 6918 (1410) г. читается в Рог. и Сим. совершенно в ином изложении, чем в Тверском сборнике (под 6917—1409 г.).³⁸ Совпадение Рог. и Сим. с Тверским сборником в тексте, осуждающем политику Василия I накануне нашествия Едигея, подтверждает, что, несмотря на общерусский характер своего основного текста, редакция 1412 г. действительно составлялась в Твери.

С какими же кругами она была связана? Некоторые данные по этому вопросу могут быть извлечены из читающихся в Рог. и Сим. и Тверском сборнике предостережений «старцев» против «юных бояр», занявших видное место при Василии I. О ком могла идти речь? Мы уже знаем, что в «своде 1448 г.», отразившемся в Новгородской IV и Софийской I, после краткого известия о нашествии Едигея был помещен «ярлык», посланный Едигеем Василию I; текст его сохранился в Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописях. Вопрос о подлинности этого «ярлыка», к сожалению, не подвергался специальному рассмотрению в науке.³⁹ Нас он в данном случае интересует как публицистический памятник, вошедший в русское летописание не позднее середины XV в. Любопытно, что в этом «ярлыке» обсуждается та же тема, что и в рассмотренных рассказах: «И ты ся с старцы не спрашиваешь, что добро было переже сего. . . — заявляет Едигей, — . . . Добраа дума к Орде была от Феодора от Кошки, добрый был человек: которые добрыя дела ордынские, тот тебе поминал. И то ся минуло, и нынеча пак у тебе сын его Иван назначей, любовник и старейшина, и ты ныне ис того слова и думы не выступаешь. . . , и старцев земских думы ни слова не слушаешь. . .».⁴⁰ Речь идет о двух представителях известного московского рода Кобылы, предках Романовых. Оценка политики «старцев» и их преемников в «ярлыке» Едигея, как видим, прямо противоположна той, которая высказывалась в повестях о Плаве и походе Едигея; объясняться это может тем, что Федора Кошки во время нашествия Едигея уже не было в живых и политику его могли трактовать как «добрую» самые различные политические силы. Но имена, названные в «ярлыке», заслуживают внима-

³⁶ Отсутствие в Троицкой летописи известий о землях, отданных Свидригайло в 1408 г., было специально отмечено Н. М. Карамзиным (История государства Российского, т. 5, примеч. 200; ср.: При с е л к о в М. Д. Троицкая летопись, с. 467, примеч. 3); это указание, кстати, еще раз подтверждает, что Повесть о Едигее из Рог. и Сим. в Троицкой не читалась.

³⁷ Об общем протографе Ермолинской летописи и Московского свода см. выпис, примеч. 22. Ср.: Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 157, примеч. 98.

³⁸ См.: ПСРЛ, 1922, т. 15, ч. 1, стб. 186; т. 18, с. 159. См. Тверской сборник: ПСРЛ, 1863, т. 15, стб. 485.

³⁹ Текст «ярлыка» Едигея совершенно не похож на тексты ярлыков XIII—XIV вв., данных ханами русским митрополитам (При с е л к о в М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916, с. 91—114), — это памятники совершенно различного характера: «ярлык» Едигея — послание, а ярлыки ханов — грамоты, подтверждающие иммунитетные права митрополитов. Л. В. Черепнин именовал «ярлык» Едигея, читающийся в Новгородской IV летописи, «литературно обработанным», но никак не раскрывал этого определения; он полагал, что Повесть в Рог. и Сим. была «ответом» на «ярлык» Едигея (Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства, с. 730—731). Мы не ставим здесь вопрос о взаимоотношениях «ярлыка» и Повести о Едигее в Рог. и Сим.

⁴⁰ ПСРЛ, Л., 1925, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 406—407. Ср.: ГПБ, F.IV.603, л. 416 об.—418.

ния: Федор Андреевич Кошка был тесно связан с тверским великокняжеским домом (его дочь была замужем за сыном великого князя Михаила Александровича),⁴¹ и внешнеполитические споры в роду Кобылиных-Кошкиных могли получить отражение в тверской публицистике. Во время нашествия Едигея жители московских земель, занятых неприятелем, искали убежища в Твери (так поступали, по-видимому, троицкие монахи).⁴² Тверская редакция общерусского летописного свода и содержащийся в ней рассказ о нашествии Едигея были, по-видимому, связаны с кругами этих московских беглецов, нашедших приют при дворе тверского великого князя. Памятником литературной школы, сложившейся в это время в Твери, было и Житие великого князя Михаила Александровича, отрывки из которого помещены в Тверском сборнике (а частью также в Новгородской IV летописи), — оно имеет ряд текстуальных совпадений с Повестью о Плаве.⁴³

К тому же общерусскому своду 1412 г., составленному в Твери, следует отнести и второй текст, бесспорно совпадающий в Тверском сборнике с текстом Рог. и Сим. за 1390—1412 гг., — рассказ 1392 (6900) г. о завоевании Нижнего Новгорода Василием I, столь же независимый и критический по отношению к московскому князю, как и повести о нашествии Едигея и о Плаве. Здесь говорится, что Василий Дмитриевич просил у Тохтамыша Новгород Нижний, владения великого князя Бориса Константиновича, «на кровопролитие» (в Рог. и Сим. читается еще: «на погыбель христианскую»), а нижегородский боярин Василий Румянец, предавший князя Бориса, сравнивается с «древним Блудом» (в Рог. и Сим.: «Бут») из Повести временных лет. «О злая лесьть человеческаа! Яко же рече Давид: мужа крови лстыва гнушается господь. . .», — пишет автор. Заканчивается рассказ сообщением о том что Василий I «князя великаго Бориса повеле по градом развести с княгиней и с детьми» (в Рог. и Сим. читается еще: «безбожных же татар, чтив и дарив, отпусти в Орду»)⁴⁴

Рассмотрение Повести о Едигее и близких к ней памятников дает возможность понять глубокие идейные различия между двумя летописными сводами этого времени — Троицкой летописью, созданной при дворе Киприана вскоре после его смерти, и окончанием общерусского свода

⁴¹ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 160; т. 18, с. 141.

⁴² Седельников А. Д. Из области литературного общения в начале XV в.: (Кирилл тверской и Елифаний «московский»). — ИОРЯС, Л., 1926, т. 31, с. 168—169. Ср.: Древние жития преподобного Сергия Радонежского / Собраны и изд. Н. Тихоновым. М., 1898, Приложение, с. 176—177, примеч. 2.

⁴³ Ср.: Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной»; Отчет о 40-м присуждении наград графа Уварова. — Записки Акад. наук по историко-филологическому отделению, 1899, т. 4, № 2, с. 228; Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества. — Известия АН СССР. VII серия, отд-ние гуманитарных наук, Л., 1930, № 9, с. 745. См. в настоящем томе статью «Житие Михаила Александровича» («Исследовательские материалы для „Словаря...“», с. 216—218).

⁴⁴ ПСРЛ, т. 15, ч. 1, стб. 162—163; т. 18, с. 142; т. 15, стб. 446. Из числа более поздних летописей этот рассказ заимствовала (из Сим.) только Никоновская, опустив многочисленные упреки Василию I (ПСРЛ, т. 11, с. 147—148). Совпадение этого текста Тверского сборника с Сим. отмечено А. А. Шахматовым (Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 9, с. 148; известия 1392, 1410 и 1411 гг., которые Шахматов также считал сходными в Тверском сборнике и Сим., текстуально не совпадают). М. Д. Приселков ввел этот рассказ в реконструкцию Троицкой летописи (М. Д. Приселков. Троицкая летопись, с. 439—440), но это предположение представляется сомнительным, так как в этом случае Н. М. Карамзин не ссылается на Троицкую, а пересказывает рассказ Никоновской (с прямой ссылкой). Л. Л. Муравьева, зная это известие только по Рог. и Сим. и Никоновской летописи, в соответствии со своим обычным представлением, что известия о том или ином княжестве должны быть отнесены к летописанию этого княжества, включает рассказ о завоевании Нижнего Новгорода в известия «Нижегородско-Суздальского летописания» (Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси XIII—XV веков. М., 1983, с. 180—181).

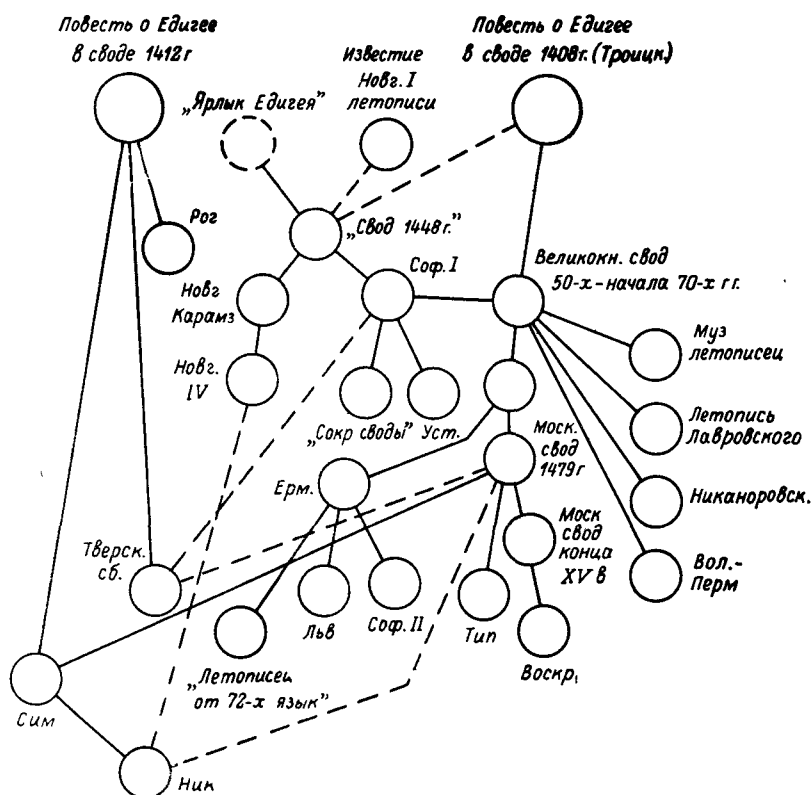

Схема происхождения летописной повести о Едигее.

в редакции 1412 г. Если московская митрополичья летопись и после 1390 г. по-прежнему считала наилучшей политикой в отношении Орды осторожное маневрирование, то составитель редакции 1412 г. думал уже об иной, более смелой и достойной политике. Повесть о Едигее, созданная в Твери, оказалась связанной с тверской Повестью о Плавле и через нее — с тверским Житием Михаила Александровича. Но в тверскую летопись XV в., отразившуюся в Тверском сборнике, текст Повести о Едигее, описывающий его нашествие, включен не был. Составитель Тверского сборника ограничился только той частью, где говорилось об ошибочной политике Василия I. В целом Повесть о Едигее (как и рассказ о завоевании Нижнего Новгорода в 1392 г.) в Рог. и Сим. представляет собой своеобразнейший памятник — не тверской и не московский. Судьба этого памятника предопределялась тем, что он (как и весь свод 1412 г.) был создан в необычных обстоятельствах — во время неприятельского нашествия, когда московские книжники, покинувшие родную землю, стали работать вместе с тверскими книжниками и естественно должны были встать на новую, общерусскую точку зрения. Несмотря на то что свод 1412 г. не представлял собой самостоятельный литературный памятник и его основной текст до 1390 г. был идентичен тексту свода 1408 г. (включая рассказы о Куликовской битве, о Тохтамыше), в последней части составитель позволил себе занять более смелую позицию в вопросе об отношениях с Ордой и с другими государствами, чем та, которой держался его предшественник. Именно поэтому составитель редакции 1412 г. позволил себе сравнить свой труд с прославленным памятником русского летописания — Повестью временных лет «оного великого Селивестра Выдобажьскаго».

2. Русская митрополия середины XV в. и летописание

Основой русского летописания второй половины XV в. (и последующего времени) был, несомненно, протограф Новгородской IV и Софийской I летописей — «свод 1448 г.». Свод этот, общерусский по своему характеру, был, по всей видимости, митрополичьим сводом, созданным в трудные времена феодальной войны, когда в Москве не только сменялись претенденты на великокняжеский престол, но не было и митрополита. Это положение длилось почти 18 лет, со времени смерти в 1430 г. митрополита Фотия. В 1433 г. патриарх назначил митрополитом смоленского епископа Герасима, не поехавшего в Москву, где шла междоусобная война. Герасим управлял митрополией из Смоленска до 1435 г., когда его казнил литовский князь. В 1437 г. митрополитом стал грек Исидор, заключивший вместе с другими православными иерархами в 1439 г. унию с католиками и изгнанный за это в 1441 г. из России.

Из двух летописей, отразивших «свод 1448 г.», особенно важную роль сыграла в истории летописания Софийская I летопись — в той или иной степени на ней основывается все общерусское летописание последующего времени. Но первоначальный текст «свода 1448 г.», составленного еще до конца феодальной войны, в своей последней части устарел почти сразу же. Старшая редакция, по-видимому, опустила весь конец протографа, начиная с известия 1419 г. (когда, согласно приписке к одному из списков старшей редакции Софийской I и известиям более поздних летописных сводов, начался спор между Василием I и его братьями о будущем наследнике).⁴⁵ В нескольких списках младшей редакции Софийской I летописи статьи после 1419 г. читаются, но с рядом пропусков; очевидно, в этих списках до нас дошел не текст 1448 г., а его более поздняя, частью сокращенная, а частью дополненная версия. В Бальзеровском списке, дающем наиболее полное представление о младшей редакции Софийской I летописи, текст до 1448 г. дошел с рядом пропусков — нет известий под 1419—1421 гг. («пустые годы»), совсем пропущены даты и годовые статьи за 1424, 1428—1430, 1435, 1436, 1438, 1440, 1442—1444 гг.; далее следуют известия за 1445—1456 гг., потом, после нового перерыва, известия за 1460—1462 гг., и завершает летопись рассказ о походе Ивана III на Новгород в 1471 г. — «Словеса избранны...».⁴⁶ Текст младшей редакции Софийской I отличается некоторой двойственностью. О раннем происхождении этого памятника свидетельствует его своеобразная «нейтральность» при изложении истории феодальной войны 1430—1448 гг.: автор именует «великим князем» не только Василия II, но в двух известиях (1434 и 1446 гг.) его соперников — Юрия Дмитриевича и Дмитрия Юрьевича Галицких. Титулование галицких князей — очевидно, остаток первоначального текста; в других случаях редактор (или редакторы), работавший в 1456—1471 гг., оказался внимательнее — этим, по-видимому, объясняется пропуск важнейших известий 1419—1448 гг. Рука редактора 1456—1471 гг. обнаруживается не только в пропусках, но и в довольно грубых переделках в разных местах текста. Так, рассказ о победе новгородцев над суздальцами в 1169 г. (чудо Знамения), содержащийся в старшей редакции Софийской I летописи, заменен в младшей редакции уже упомянутой нами антиновгородской декларацией Лаврентьевской—Троицкой: «Не глаголи же: прави сугь новгородци...». К сообщению старшей редакции Софийской I об изгнании новгородцев в 1171 г. князя Романа сделано характернейшее добавление: «таков бе их обычай блядиным детям». Такие же антиновго-

⁴⁵ ПСРЛ, СПб., 1851, т. 5, с. 261, примеч. «б»; М.; Л., 1949, т. 25, с. 244.

⁴⁶ ПСРЛ, т. 5, с. 262—274; т. 6, с. 1—15. Ср. Бальзеровский список младшей редакции Софийской I: ЛОИИ, колл. № 11 (Археогр. ком.), № 23, л. 302 об.—303 об.

родские тенденции обнаруживаются и в заключительных годовых статьях после 1460 г. и в «Словесах избранных».

На основе Софийской I летописи, но в последовательно переработанном виде возникли уже упомянутые нами московские великокняжеские своды: свод 50-х—начала 70-х годов и свод 1479 г. Характерной чертой свода конца 50-х—начала 70-х годов является последовательное удаление всех упоминаний о новгородских вольностях XII—XV вв., читавшихся в «своде 1448 г.» и Софийской I (вместо «новгородцы выгнаша», «изгнаша», «выведоша» князя, «показапа путь» князю и т. д. — князь «изыде», «выеха», «выеде» и т. д.). Московский свод 1479 г. отошел от Софийской I значительно дальше, чем его предшественники. Весь текст с начала до 1418 г. подвергнут здесь последовательной переработке на основе компиляции, отразившейся также в Ермолинской летописи («особой обработке свода 1448 г.», в которой этот свод последовательно сближен с Троицкой).⁴⁷ Упоминания о новгородских вольностях XII—XV вв. из Софийской I здесь также подверглись последовательной переработке, но иначе, чем в своде конца 50-х—начала 70-х годов; в одних случаях известия об изгнаниях князей были исключены, а в других сохранены, но с резко враждебным комментарием. Под 1170 г. здесь, вслед за младшей редакцией Софийской I, осуждаются новгородцы за изгнание князя Романа, но в более литературных выражениях, чем в Софийской I: «такой бо бе обычай ока[я]нных смердов изменников»; под 1255 г., вслед за той же младшей редакцией Софийской I, летописец характеризует замыслы «вящших» людей против «меньших» не как «совет зол» (так в старшей редакции Софийской I), а как «совет благ» (под 1168—1169 г. Московский свод 1479 г., следуя той же младшей редакции Софийской I, заменил проновгородский рассказ о чуде Знамения противоположной владими́ро-суздальской версией); под 1393 г. добавлены слова о «винах и грубостях новгородских», и т. д.⁴⁸

Особенно тщательной переработке подверглись в летописании второй половины XV в. известия о русской митрополии. В 1448 г. в Москве после длительного перерыва появился, наконец, митрополит — бывший рязанский епископ Иона. Но поставление этого митрополита, как впоследствии и его преемников, было совершено без санкции константинопольского патриарха. Как это произошло? Как отразилось фактическое установление автокефалии русской церкви в летописях XV в.? Традиционные историографические представления об Ионе и его преемниках, как и вообще о судьбе русской церкви в середине XV в., основывается на великокняжеских сводах 70-х годов. Уже в своде конца 50-х—начала 70-х годов говорилось, хотя и кратко, о том, что «митрополит Сидор», пришедший в 1437 г. из Царьграда на Русь, сразу же захотел «итти в Рим на осмой собор», хотя великий князь Василий II уговаривал его «остатися таковаго хожения на осмой собор, его же не достоит творити»; «не послушав великаго князя», Исидор пошел в Рим, а вернувшись в 1440 г. захотел «соединити православие с латинством» и стал поминать в церковной службе папу римского. Великий князь заточил его в Чудовом монастыре, а в 1441 г. Исидор «убежал с Москвы ко Тфири, а оттоле к Литви, да и к Риму. . .». В 1448 г. (в декабре 6957 г.) «епископы русскими» был поставлен на митрополию владыка рязанский Иона, и с этого начинается поставление «владыками русскими нашея земли Московския» своих митрополитов. Великокняжеский свод 1479 г. и более поздние летописи излагают ту же концепцию, но в развернутой форме.

⁴⁷ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV в., с. 129, 131, 133, 137—138, 150—161. Ср.: Насонов А. Н. История русского летописания XI—нач. XVIII в. М., 1969, с. 201—210, 255—302.

⁴⁸ Московский свод конца XV в. см.: ПСРЛ, т. 25, с. 77—82, 142, 221. Ср. Софийскую I летопись: ПСРЛ, т. 5, с. 164, примеч. «б»; с. 188, примеч. «г»; ср. также 2-е издание: Л., 1925, вып. 1, с. 171—172.

Под 1437 г. здесь помещен обширный рассказ «О Сидоре митрополите, как прииде из Царяграда на Москву», подробно описывающий «суетный» и «отреченный» Флорентийский собор и оканчивающийся разоблачением Исидора на Руси и его бегством. Вставной характер этого рассказа доказывается тем, что далее в своде 1479 г. вновь кратко сообщается (под 1440—1441 гг. — сходно с Никаноровской, Вологодско-Пермской и близкими к ним летописями) о приезде на Русь и бегстве Исидора.⁴⁹

Летописи, не связанные с официальной великокняжеской традицией, рассказывают об этих событиях по-иному. Всего интереснее было бы, конечно, узнать, что сообщал о них близкий по времени «свод 1448 г.», но в Софийской I младшего извода, где можно было бы искать его окончание, под 1437, 1439 и 1441 гг. нет ни слова об Исидоре, а годы 1438 и 1440 оказываются пропущенными, и отсутствие в этом изводе каких-либо известий, связанных с Исидором и унией, само по себе заслуживает внимания.

В Новгородской I летописи младшего извода, доведенной до 1447 г., под 1437 г. сообщается о приезде «Сидора гречина» на митрополию, о поездке к нему новгородского владыки Евфимия и о приезде семьи Исидора в октябре того же года в Новгород: «... и почестиша его владыка и посадники и бояре и купчи и весь великий Новъград, и на зиме поиха в Псков и к Царюграду». Так же уважительно сообщают о приезде Исидора в Псков и его пребывании там в течение 7 недель три Псковские летописи. И Новгородская и Псковские летописи знали уже и кратко сообщали о возвращении Исидора с собора и его изгнании в 1440—1441 гг., но это не мешало им с полным уважением сообщать о святительской деятельности митрополита.⁵⁰ Так же, по-видимому, относился к Исидору и севернорусский (вероятно, Кирилло-Белозерский) свод 1472 г., лежащий в основе Ермолинской летописи и Сокращенных сводов конца XV в. Правда, Ермолинская летопись, составленная около 1481 г., испытала, как мы уже знаем, влияние великокняжеского летописания, отразившегося в Московском своде (это влияние особенно значительно в тексте между Повестью временных лет и 1418 г., но сказывается и в дальнейшей части летописи).⁵¹ Именно поэтому, очевидно, в Ермолинской летописи наряду с указанием под 1437 г., что Исидор по приезде в Москву «прият бысть честне», описывается также «обличение» его «безумия» в 1441 г. русскими книжниками. Эти тексты представляют собой, по-видимому, добавление, сделанное при составлении самой Ермолинской; общий текст Ермолинской и Сокращенных сводов содержит только кратчайшие сведения об Исидоре, а кирилло-белозерский «Летописец русский», отражающий тот же протограф, сообщает об исполнении Исидором в Москве (в сентябре 1437 г.) его святительских функций на похоронах княгини Евпраксии, вдовы Владимира Андреевича Серпуховского.⁵²

Еще более интересно отношение летописей XV в. к Ионе — первому автокефальному митрополиту всея Руси. При изложении его биографии исследователи опирались обычно на позднюю традицию, и прежде всего на Жития Ионы, содержащиеся в Великих Минеях Четиих и Степенной

⁴⁹ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 139.

⁵⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 419, 424; Псковские летописи. М.; Л., 1941, вып. 1, с. 44—46; М., 1955, вып. 2, с. 46—47, 133—135.

⁵¹ Об отношении текста Ермолинской летописи до 1418 г. к тексту Московского свода см. выше, примеч. 23. Ср.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 150—161, 172—177.

⁵² ПСРЛ, СПб., 1910, т. 23, с. 149—150; т. 27, с. 271—272, 346; Летописный свод XV в. (Летописец Русский). — В кн.: Материалы по истории СССР. М., 1955, вып. 2 (Документы по истории XV—XVII вв.), с. 309—310; ср.: ПСРЛ, СПб., 1853, т. 6, с. 152.

книге XVI в. Эта традиция объявляла Иону естественным и законным преемником митрополита Фотия, претендовавшим на митрополичий престол уже в 1430 г., и последовательным сторонником Василия II в его борьбе за московский престол с галицкими князьями.

Летописи XV в. оказываются в резком противоречии с такой версией. Отметим прежде всего примечательный факт: ни Новгородская I летопись младшего извода, ни три Псковских летописи не сообщают об Ионе ни единого слова. Эти летописи упоминают митрополита Герасима,⁵³ упоминают, как мы знаем, и Исидора, но Иона для них как бы не существует. Тверской сборник вспоминает об Ионе лишь однажды — в связи с его участием в назначении тверского епископа в 1461 г.⁵⁴ В Софийской I летописи младшей редакции Иона упоминается впервые под 6954 (1446) г. как «владыка Рязанский», помогший Шемяке забрать детей Василия Темного, и лишь под 6957 (1449) г. — как новый митрополит. Трудно сказать, принадлежала ли последняя запись к числу известных протографа («свода 1448 г.») или к числу дополнений — во всяком случае она весьма лаконична: «Князь великий Василей Васильевич постави себе митрополита на Москве Иону владыку Рязаньского, собрав владыки». Следующая запись — о смерти Ионы в 1461 г., как бы предвещающая его будущую канонизацию, — принадлежит уже к числу явных приписок к своду.⁵⁵

Упоминание об Ионе до его избрания на престол в 1448—1449 гг. в великокняжеском своде конца 50-х—начала 70-х годов мало соответствует будущему житийному образу. В подробном рассказе о пленении и ослеплении Василия II его соперником Дмитрием Шемякой в 1446 г. упоминается о том, что Дмитрий, не успевший захватить вместе с Василием его сыновей Ивана и Юрия, попросил рязанского епископа Иону помочь в этом деле, «обеща ему митрополию». Когда же Иона выполнил это поручение, Шемяка «повеле ему итти к Москве и сести на дворе митрополиче, Иона же сотвори тако». Если учесть, что текст этот содержится в рассказе, обнаруживающем явные черты близости к Василию II и написанном, возможно, при участии слепого князя, и что наиболее ранний текст рассказа читается уже в предшествующем Никаноровской и Вологодско-Пермской летописям памятнике, доведенном до 1452 г. и составленном, возможно, в 50-х годах XV в. (Музейный летописец),⁵⁶ то историческая ценность известия об Ионе в рассказе об ослеплении Василия II становится еще более очевидной. Следующее известие об Ионе читается в той же ранней редакции великокняжеского летописания XV в. под 1448 (декабрь 6957) г. Здесь рассказывается, как Иона (уже после перехода на сторону Василия Темного) «поставлен бысть на митрополию всея Руси епископы рускими», и в связи с этим впервые упоминается (ранее об этом не говорилось ни слова!), что «преже того, коли в Царьграде был о исправлении митрополи, и он от святейшаго патриарха и от всего еже о нем собора благовернаго после Сидара на митрополию». Легко заметить, что текст здесь дефектен — нет сказуемого к слову «он», но дефект этот присущ и Музейному летописцу и летописи Лавровского и Никаноровской и наиболее ранней редакции Вологодско-Пермской летописи (Лондонский список) и отражает какую-то непоследовательность в протографе всех этих летописей.⁵⁷ В московском своде 1479 г. и после-

⁵³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, с. 417; Псковские летописи, вып. 1, с. 40—43; вып. 2, с. 43—45.

⁵⁴ ПСРЛ, т. 15, стб. 496.

⁵⁵ ПСРЛ, т. 5, с. 269—273.

⁵⁶ ГБЛ, ф. 178, № 3271, л. 224—231 об.; рассказ опубликован по этому списку в книге: Памятники литературы Древней Руси: XIV—середина XV в. М., 1981, с. 504—521; ср.: ПСРЛ, т. 27, с. 112; т. 25, с. 203.

⁵⁷ ГБЛ, ф. 178, № 3271, л. 229 об.; Львовский филиал БАН УССР, ф. Ossolineum, № 2126, с. 472; ПСРЛ, т. 27, с. 115; т. 26, с. 208.

дующем великокняжеском летописании соответствующая фраза приобретает более осмысленный характер: «прежде того... он от святейшаго патриарха... благословен последи Сидора на митрополию», но перед нами, вероятнее всего, вторичное исправление текста, тем более что о самой поездке Ионы «прежде того» в Царьград и здесь ничего не сообщается.⁵⁸

Судя по наиболее достоверным документальным источникам, острая полемика по поводу назначения Ионы митрополитом без санкции Константинополя началась в 50—60-х годах — в связи с появлением в Литовской Руси отдельного митрополита Григория, получившего, в отличие от Ионы, благословение патриарха;⁵⁹ борьба эта продолжалась и при преемниках Ионы — Феодосии и Филиппе. С этого времени и появляются в московском великокняжеском летописании упоминания о том, что Иона уже ранее предназначался в Константинополе «после Сидора на митрополию», и все более развернутые обличительные рассказы о самом «воляхоищном Сидоре».

Тенденциозность летописания XV в. заслуживает внимания исследователей не только потому, что она требует особой осторожности при установлении конкретных фактов истории. Явно тенденциозные известия летописных сводов XV в. и переработки предшествующих текстов и даже пропуски сами по себе являются важным явлением, ибо они отражают идеологию составителей сводов и их редакторов.

Для того чтобы понять характер «свода 1448 г.», лежащего в основе Софийской I, Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописей, нам нужно вновь вернуться к упомянутым выше переделкам в известиях о новгородско-княжеских отношениях, отличающим «свод 1448 г.» от его преемников — великокняжеских сводов конца 50-х—начала 70-х годов XV в. и 1479 г. Свод, оразившийся в Никаноровской, Вологодско-Пермской и сходных с ними летописях, при изложении событий с XII по начало XV в. тщательно удалял все упоминания об изгнании новгородцами их князей; свод 1479 г., составленный после окончательного присоединения Новгорода к Москве, тоже переделывал такие известия Софийской I, но не скрывая прежние права новгородцев, а подчеркивая их; в ряде случаев здесь были сделаны специальные антиновгородские добавления (частью заимствованные из младшей редакции Софийской I).

Смысл изменений и добавлений, сделанных великокняжескими летописцами при переделке первоначального текста, достаточно понятен: эти изменения отражали складывающуюся идеологию самодержавия, несовместимую с городскими вольностями. Но чем объясняется настоячивость, с которой «свод 1448 г.» сообщал о новгородских вольностях? Важно отметить, что известия такого характера не только были с большой тщательностью извлечены составителем «свода 1448 г.» из новгородского летописания, но в ряде случаев добавлены из других источников (например, известие 1160 г. — из Лаврентьевско-Троицкой, рассказ 1169 г. о чуде Знамения с иконой Богородицы, ослепившей враждебные владими́ро-суздальские войска, — из неизвестного источника; в известии 1177 г. об изгнании Ростислава Мстиславича и в повести о битве на Липице в 1216 г. новгородские рассказы были значительно пополнены по другим источникам). Настоячивые и последовательные упоминания о новгородских вольностях соединяются в своде со столь же последовательно проведенной идеей единства князей, с осуждением междоусобий, с включением больших повестей о восстаниях против ханов и о князьях-мучениках, погибших в Орде, о Куликовской битве, нашествии Тохтамыша и т. д. Чему посвящены наиболее яркие рассказы «свода 1448 г.» —

⁵⁸ ПСРЛ, т. 25, с. 270.

⁵⁹ Ср.: Белякова Е. В. К истории учреждения автокефалии русской церкви. — В кн.: Россия на путях централизации. М., 1982, с. 152—156.

защите новгородских вольностей или теме общерусского единства? Иногда ответить на этот вопрос просто невозможно — настолько неразрывно сочетаются две эти темы (например, в Повести о битве на Липице). Составитель «свода 1448 г.» защищал общерусскую власть великих князей и митрополитов (в частности, и в рассказах об их столкновениях с Новгородом в конце XIV в.), но в свою концепцию общерусского единства он, очевидно, включал и идею неотъемлемых прав отдельных княжеств, и особенно Новгорода.⁶⁰

Местная автономия в системе единого феодального государства — явление, знакомое некоторым европейским странам (Англия, Франция). «Свод 1448 г.» может служить свидетельством того, что и на Руси возникли планы подобной системы. Как и при каких обстоятельствах? Мы уже знаем, что с начала феодальной войны митрополичья кафедра, опустевшая с 1430 г., не была так тесно связана с Москвой, как прежде. В 1433 г. митрополитом стал смоленский епископ Герасим (особенно тесно он был связан с Новгородом и Псковом); в 1437 г. в Москву приехал Исидор, пробывший там недолго, а затем в течение полугода пребывавший в Новгороде и Пскове. Именно к этому периоду можно с большой вероятностью отнести подготовку «свода 1448 г.». Как и составитель тверской редакции 1412 г. общерусского свода, отразившейся в конечной части Рогожского летописца и Симеоновской летописи, составитель «свода 1448 г.» работал в очень трудные времена; но, как и его предшественник, он мог позволить себе занимать гораздо более смелую и независимую («неговейную») позицию по отношению к великим князьям, чем большинство московских летописцев.

⁶⁰ Подробнее см.: Лурье Я. С. О политических идеях общерусского свода 1448 г. — *Festschrift für Fairy von Lilienfeld zum 65. Geburtstag*, Erlangen, 1982, S. 135—152.

С. И. НИКОЛАЕВ

Новый список перевода «Разговора магистра Поликарпа со Смертью»

В цикл произведений XVI в. о споре жизни и смерти кроме «Прения Живота и Смерти» и «Сказания о некоем человеке богобоязливом» входит «Сказание о смерти некоего мистра великого философа», — перевод польского стихотворения XV в. «Разговор магистра Поликарпа со Смертью». Этот памятник, неоднократно привлекавший внимание исследователей,¹ был переведен, по убедительному предположению Р. П. Дмитриевой,² в первой половине XVI в. в Волоколамском монастыре.

Русский перевод ценен не только для историка русской, но и польской литературы, так как несохранившаяся концовка оригинала восстановлена по древнерусскому переводу.³ Кроме того, этот памятник исключительно важен для историка польско-русских литературных связей, потому что на сегодняшний день его следует считать первым произведением польской литературы, переведенным на русский язык.

В отличие от других произведений цикла повестей о споре жизни и смерти, имеющих богатую рукописную традицию, «Сказание о смерти некоего мистра» сохранилось всего в трех списках XVI, XVII и XVIII вв., а также в небольшом отрывке 1782 г.⁴ В августе 1981 г. во время археографической экспедиции Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР,⁵ нам удалось обнаружить еще один список «Сказания о смерти некоего мистра», первой трети XIX в., принадлежащий П. Т. Стрелкову (г. Даугавпилс Латвийской ССР). К сожалению, приобрести рукопись для Древлехранилища им. В. И. Малышева не удалось, и мы сняли копию «Сказания».⁶

Новый список свидетельствует, с одной стороны, о том, что «Сказание о смерти некоего мистра» и в XIX в. было живо в рукописной тради-

¹ В 1907 г. вышла отдельная монография, посвященная этому переводу, см.: Croiset van der Kop A. C. Altrussische Übersetzungen aus dem Polnischen: De morte prologus. Berlin, 1907. 74 S.

² Дмитриева Р. П. Русский перевод XVI в. польского сочинения XV в. «Разговор магистра Поликарпа со Смертью». — ТОДРЛ, М.; Л., 1963, т. 19, с. 303—317 (здесь же обзор литературы). Издание текста см. в кн.: Повести о споре жизни и смерти / Исследование и подготовка текстов Р. П. Дмитриевой. М.; Л., 1964, с. 197—201; ср. 163.

³ Польский текст с реконструкцией Я. Лося издавался неоднократно, последнее издание см. в антологии: Poeci polscy od Sredniowiecza do Baroku. Warszawa, 1977. s. 21—36, 661—664.

⁴ Описание рукописей и текстологическое исследование см. в указанной выше статье Р. П. Дмитриевой «Русский перевод XVI в. польского сочинения XV в. „Разговор магистра Поликарпа со Смертью“».

⁵ Отчет Г. В. Маркелова об экспедиции см. в настоящем томе, с. 426—443.

⁶ ИРЛИ, Древлехранилище, Латгальское собр., № 298. «Сказание» читается в старообрядческом сборнике первой трети XIX в. (водяные знаки с датами 1820—1830-х гг.), в 8-ку, 364 л. Содержание: выписки из «Шестоднева», «Великого зеркала», Пролога, патериков, слов Иоанна Злагоуста, Ефрема Сирина, Афанасия Александрийского, пророчеств Сивиллы, Повесть о снах Мамера царя и т. д. «Сказание» на л. 311—315 об.

ции. Но, с другой стороны, список Стрелкова говорит и о том, что интерес к этому памятнику не был оживленным и текст на протяжении трех столетий не претерпел значительных изменений. Полный текст перевода читается только в списке *B*,⁷ список Стрелкова оканчивается раньше, на том же месте, что *A* и *B*. Индивидуальные чтения нового списка сводятся к незначительным морфологическим изменениям (нарицаем *BA*, нарицаемый *C*; приимеши *BA*, приимеш *C*, и др.), двум перестановкам слов (хощеши всех людий *BA*, всех хощеши людей *C*) и двум пропускам союза «и».

Наибольшее число общих с *C* чтений даёт список XVII в. *A*. Однако есть несколько случаев, в которых список Стрелкова сохраняет первоначальные чтения *B*, например: пригодит *BC*, приходит *A*; оставил *BC*, ставил *A*; шкаредна *BC*, скаредна *A*; ему *BC*, му *A*; жолта лица *B*, жолта лицом *A*, желта лица *C*; видиш ли иже *B*, видиш ли *A*, видиши ли иже *C*. Это сличение позволяет предположить, что список Стрелкова не восходит к *A*, а оба они восходят к одному списку, текст которого в некоторых случаях лучше сохранился в списке Стрелкова.

Новый список «Сказания о смерти некоего мистра», еще не попавший в государственное хранилище, говорит об устойчивости текста перевода на протяжении XVII—XIX вв. Хотя «Сказание» и не создало богатой рукописной традиции, тем не менее оно переписывалось в сборниках на протяжении трех с половиной веков.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

СКАЗАНИЕ О СМЕРТИ НЕКОЕГО МИСТРА ВЕЛИКОГО ФИЛОСОФА

Милостивый боже, помози ми, да бых могл изложити достоверне к твоей хвале и человеком на ползу. Все людие послушайте, лютость познайте, яко же старые, тако и юнии. Всякому ся смерть пригодит, егда коликого смерть закусит, каждый в ея власти имать || быти. Дивно ся в своем законе ставит — когождо живота избавляет. Приклад хощу вам о том поведати, послушайте его, аще хощете уведати.

Поликарп некто, нарицаемый мудрец и мистр избранный, молил о том бога много и собрал многих людей в церковь, дабы видел смерть в ея поставе. И молился богу о том добре, и егда ся много богу молил, оставил всех людей в церкви, узрел человека нага, || образом велми нелепа, шкаредна, худа, бледа, желта лица, лщитя аки медница, конец носа ей отпало, из очию пловет кровава роса; тело ся на ней сморщило, привязала главу рубищем, кривауста, мещет очима закалающе грозно, косу в руде имея, выпяла свои кости. Мистр, видев образ шкаредный, скоро ся ужаснул, пал взнак и разразился. Егда же лежа взнак, || смерть к нему промолвила: «Чему ся тако скоро ужасаеш, а весь еси здрав. Господь бог его же еси молил, да бых ти ся указала, и се аз пред тобою стою. Высмотри постав мой, всякому бо ся тако указати имам, егда кого живота избавлю. Не устрашайся мене ты ныне, уже мя видиши пред собою. Коли приидут любими к тебе, тогда скоро отчаеши себе и очи свои па сторону испромечеш, даже ис тела || пот выскочит. Отхочется и с медом гарнок, коли принесу меду гарнок, имаша пити неволею — приимеш великия муки и возопиеш в великой нужи и забудеши своя любовники. Хощеши ли слышати новья весте, глаголи со мною, имам бо дело, где ся со мною молвить хотело. Видиши ли иже убожницы, о чем ти ся взяла по мне тощница? Взовеш, уже бо моя коса сечет, пред нею || никто же может убежати. Востани, мистре, устрашился еси, небоже. Знание

⁷ Классификация Р. П. Дмитриевой. Вслед за исследовательницей список ГБЛ, Волоколамское собр., № 573 (XVI в.) обозначаем буквой *B*; список ГПБ, Q.1.1007 (XVII в.) — *A*; список ГПБ O.1.426 (XVIII в.) — *B*; список П. Т. Стрелкова — *C*.

тебе хитрости твоя не поможет. Уже отдохни себе и глаголи со мною. Не бойся мене, не дам ти чести епистолии».

Мистр промолвил глаголя: «Вельми ужасно устранился есмь, даже ничто же не помню. И тако ми ныне не мила еси, аще бы что промолвила, изорвалася бы во мне кажная жила, и напрасно бы мя уморила. Молю ти ся, || поотступи мало, понеже не вем, что ми ся доспело и весь ослабех есмь. Погубило ми ся здравие, надежа. Поотвратися мало, отложи от себя косу, и аз ти свою косу поднесу».

Смерть рекла: «Всуе, мистре, твои глаголи, того аз учинити не готова. Держю косу наострену, секу дохторы и мистры, и всегда готова держю. Востани ко мне, можеши ли верити, не хочу ся ныне изверити».

Мистр. Востал мистр || едва жив, держася за ногу, преклонился, и рече: «Милая моя смерть, откуда ся еси взяла? Давно ли ся еси народила, да бых ведал^а достоверно, где твои отец или мати?»

Смерть рекла: «Коли бог сотворил человека в раю безсмертна, и сотворил бог Евву жену от кости Адамовы в радость. И дал ему власть на всех зверех и скотех, дабы царствовал над ними, яко святой, подал ему и рыбы в мори, поручил ему райский сад, и дал || ему власть от всех вкушати. Но едино ему древо заповедал, еже не прикоснутися, не вкусити. Рече ему: аще ли вкусиши, смертию имаши умрети. Но злый дух Евву прельстил. Когда овощ укусиша той, Евва ся устремила, противу бога смелость взяла. В том часе аз зачалася, коли Евва яблоко съела и Адамови дала. А аз в том часе в яблоке была и Адам меня в яблоке укусил, про то и смерти вкусил || и о том бога вскоре разгневал и весь род свой погубил».

Мистр рекл: «Милая смерть, изъяви ми, почто всех хочещи людей живота лишити».

Смерть рекла: «Блюда себе, раздражниш мя. Всех в животе преклоняю. Хочещи ли видети достоверно, повем ти. Творец всея твари, бог, Адамово племя предал ми и в такой власти, да бых морила во дни и в нощи. И аз уморяю и на восходе и на полудни. А то дело умею добре».

(Сборник П. Т. Стрелкова (г. Даугавпилс), л. 311—315 об.).

^а В ркп. испр из первоначального ведав.

Т. Ф. ВОЛКОВА

Работа автора «Казанской истории» над сюжетом повествования об осаде и взятии Казани

Одним из наименее изученных аспектов в исследовании «Казанской истории» является выявление приемов беллетризации повествования в этом историко-публицистическом по своему содержанию произведении. Уже первые исследователи «Казанской истории» (далее: КИ) обратили внимание на две важные особенности ее художественной структуры: А. С. Орлов, характеризуя стиль КИ, подчеркнул несомненное преимущество, которое автор КИ отдает мотивам светской беллетристики,¹ а Г. З. Кущевич первым поставил вопрос о наличии в КИ единого сюжета, указав на стремление автора связывать отдельные фрагменты своего повествования внутренними мотивировками.² Однако по-настоящему приблизиться к проблеме своеобразия сюжетной организации КИ стало возможно только после разработки целого ряда вопросов, связанных с зарождением и эволюцией элементов художественного повествования в древнерусской литературе. В коллективном исследовании ленинградских медиевистов «Истоки русской беллетристики», явившемся итогом этой работы, Я. С. Лурье высказывает ряд интересных наблюдений об особенностях беллетристики XVI в. в целом и об использовании ее приемов в КИ в частности. Так, например, он отмечает факт широкого проникновения в историческое повествование XVI в. сознательного вымысла, имевшего не только публицистическое, но и чисто художественное значение, указывает на законченность сюжетной формы во многих летописных рассказах и постоянное использование в них выразительных художественных деталей, «оживляющих» повествование. При этом развитие беллетристического начала в литературе XVI в. справедливо связывается с кризисом традиционных форм повествования.³ Однако, определяя значение достижений беллетристики XVI в. для дальнейшего развития русской литературы, Я. С. Лурье приходит к выводу о том, что авторы XVI в., в том числе и автор КИ, не внесли ничего нового в развитие сюжетного повествования. Присущая историческим произведениям XVI в. «занимательность», по его мнению, проявлялась лишь на уровне фабулы и не затрагивала сюжет. В результате сюжетные сцены в КИ являются, по выражению Я. С. Лурье, «чужеродным явлением», не вытекают из авторской «концепции действительности» и не являются необходимыми с точки зрения общей структуры этого памятника. Чрезвычайно мало, по мнению Я. С. Лурье, зависело от логики сюжета и поведение героев КИ.⁴ Этот вывод исследователя представляется нам спор-

¹ Орлов А. С. «Казанский летописец». — В кн.: История русской литературы: В 10-ти т. М.; Л., 1946, т. 2, ч. 1, с. 467.

² Кущевич Г. З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905, с. 515.

³ Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970, с. 387—449.

⁴ Там же, с. 435.

ным и противоречащим художественному материалу КИ. Задача данной статьи — показать с помощью конкретного анализа текста памятника, как автор КИ путем сложной работы над своими источниками — «Летописцем начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» (далее: ЛНЦ)⁵ и Троицким сочинением о взятии Казани (далее: ТС)⁶ — создает в своем произведении продуманный сюжет, помогающий ему в полной мере раскрыть идейно-художественный замысел историко-публицистической повести, выразить через систему образов и событий свою концепцию Казанской войны и победы, одержанной в ней Иваном Грозным и его доблестным воинством.⁷

Особенности сюжетной организации⁸ повествования КИ рассматриваются нами на материале рассказа об осаде и взятии Казани, охватывающего 58—85-ю главы,⁹ так как эта часть повести содержит локальный, имеющий свою внутреннюю композицию сюжет, в котором с наибольшей отчетливостью проявились черты отличия КИ от других рассказов современников о казанских событиях 1552 г.¹⁰

В повествовании КИ об осаде и взятии Казани мы выделяем композиционно шесть частей. Первая часть представляет собой своеобразный «пролог», предвещающий рассказ о непосредственных событиях осады (глава 58, с. 125—126). В «прологе» рассказывается об обстоятельствах переправы войск Грозного через Волгу на казанский берег и о первом военном столкновении с казанцами, происшедшем еще до прибытия русских войск под Казань. Шестая, завершающая часть — «эпилог» повествования — рассказывает о событиях, произошедших в Казани после взятия ее русскими войсками (главы 86—91, с. 159—165).

В основном повествовании, кульминационным центром которого является описание последнего победоносного штурма Казани, выделяются четыре части (вторая—пятая). В них освещаются четыре последовательных этапа в ходе осады, завершившейся взятием города. Границы между этими частями «маркированы» эпизодами мирных переговоров Ивана Грозного с казанцами, предвещающими описание каждого нового этапа осады, но не всегда проходят между двумя отдельными главами, а зачастую делят текст в пределах одной главы.

Вторая часть охватывает события от первого дня пребывания русского войска у стен Казани до разгрома воеводами Грозного лесной черемисы

⁵ Издан: ПСРЛ, М., 1965, т. 29, с. 9—116 (далее при ссылках на это издание страницы указываются в тексте в скобках).

⁶ См. издание текста: Насонов А. Н. Новые источники по истории Казанского «взятия». — В кн.: Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962, с. 8—26.

⁷ Вопрос о текстуальной зависимости КИ от ЛНЦ и ТС был рассмотрен в наших статьях, см.: Волкова Т. Ф. 1) «Казанская история» и троичские литературные памятники о взятии Казани: (К вопросу о художественном своеобразии «Казанской истории»). — ТОДРЛ, Л., 1982, т. 37, с. 104—117; 2) «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» и троичское сочинение о взятии Казани как источники текста «Казанской истории». — В кн.: Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984, с. 172—187.

⁸ Под сюжетом мы понимаем построенную под определенным «фокусом повествования» событийную структуру произведения, служащую последовательному воплощению авторского замысла. В таком понимании категории сюжета мы опираемся на следующие работы: Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940, с. 71—72; Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.; Л., 1930, с. 136—137; Добин Е. С. Жизненный материал и художественный сюжет. Л., 1958, с. 138—224; Истоки русской беллетристики, с. 12—24; Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. М., 1976, с. 235—236.

⁹ Текст КИ цитируется по изданию: Казанская история / Подготовка текста, вступит. статья и примеч. Г. Н. Моисеевой. Под ред. член-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954 (далее страницы указываются в тексте в скобках).

¹⁰ Развернутый анализ «сюжета повествования КИ об осаде и взятии Казани был проделан нами в кандидатской диссертации «„Казанская история“ и историко-публицистическое повествование Московской Руси второй половины XVI в.». Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Н. С. Демкову, которая привлекла мое внимание к проблемам художественного своеобразия КИ.

и взятия казанских острогов (главы 59—63, с. 126—133). Третья часть начинается с рассказа о втором этапе переговоров Грозного с казанцами (при посредничестве черемисских «полоянников») и завершается описанием подготовки русских к решающему штурму Казани и попытки казанских женщин склонить своих мужей и сыновей сдать город московскому самодержцу (главы 63—начало 74, с. 133—145). Четвертая часть открывается рассказом о третьем этапе переговоров Ивана Грозного и заканчивается описанием расправы казанцев с князем Чапкуном (конец главы 74—81, с. 145—153). Последняя, пятая часть основного повествования рассказывает об окончании победоносного штурма Казани. Так же как и предшествующие части, она начинается с рассказа о посольстве, но на этот раз — казанцев к Ивану Грозному с просьбой о помиловании, и оканчивается эпизодом захвата в плен царя Едигера и сообщением о казни изменника Юрия Булгакова, указавшего казанцам места подкопов, сооружаемых русскими под стенами Казани (главы 82—85, с. 153—159).

Проделанный нами анализ текста КИ в той ее части, которая содержит «пролог» и рассказ об осаде и взятии Казани (главы 58—85), показал, что все описанные на данном отрезке повествования события включаются в три сюжетных линии, которые можно условно обозначить как «мир», «война», «божественный промысел».

Первая сюжетная линия — «мир» — включает в себя историю неудачных попыток Ивана Грозного, милосердного и христолюбивого в изображении автора КИ царя, предотвратить кровопролитие и мирным путем возвратить казанские земли — исконно русские, по концепции автора КИ, — Московскому государству.

Второй сюжетный ряд — «война» — содержит историю военных столкновений русских с казанцами, причем в изображении автора КИ инициатива в этих столкновениях на всем протяжении повествования исходит не от русской стороны, а от казанской. Все военные действия, предпринимаемые Иваном Грозным против казанцев, изображаются как вынужденная мера, как ответ русской стороны на те или иные военные предприятія казанцев.

Третья сюжетная линия — «божественный промысел» — помогает читателю «подняться» над изображаемыми событиями, понять их внутренний «истинный» смысл, оценить их в категориях средневековой религиозной историософии. Эта сюжетная линия прослеживается в описаниях «чудес», сопровождавших военные события осады и взятия Казани, в авторских отступлениях от фабульного изложения событий, в которых описываемые события прямо или опосредованно, через художественный образ, связываются с божественным промыслом, и, кроме того, усиливается с помощью символики, пронизывающей описательные, изобразительные фрагменты КИ.

Указанные сюжетные линии находятся в тексте КИ в сложном переплетении, образуя единый сюжет, имеющий своеобразное построение. Рассмотрим последовательно развитие этого сюжета от «пролога» повествования КИ об осаде и взятии Казани до его завершения, выявляя, с одной стороны, общий для всех частей композиции принцип сюжетного построения, с другой — своеобразие сюжетного решения каждой части повествования. При этом, привлекая сопоставительный материал ЛНЦ и ТС, постараемся показать, как средствами сюжета автор КИ создает свою концепцию казанской победы.

«П р о л о г».

Авторская трактовка исторических причин казанского кровопролития, его концепция исторической и религиозно-правственной оправданности свершенного Грозным «насилия» над казанцами, опирающаяся на сюжетный материал всех предшествующих глав повествования, в рассказе КИ об осаде и взятии Казани актуализируется и наполняется конкрет-

ным содержанием. Уже в «прологе», описывающем переправу полков Грозного через Волгу и первую встречу с казанцами, обнаруживается творческая работа автора КИ по композиционной перестройке материала источников, меняющей восприятие читателем действий как русской, так и казанской стороны по сравнению с рассказом ЛНЦ и ТС.¹¹

По ЛНЦ, войска Грозного благополучно переправляются через Волгу, достигают верховьев Булака и останавливаются у озера Кабан, т. е. в сравнительной близости от города. Поэтому появление перед русскими казанского отряда, вышедшего им навстречу из города, о чем сообщает далее ЛНЦ, воспринимается как непосредственная реакция казанцев на приближение вражеского войска.

Автор КИ усиливает момент «активности» казанцев, хронологически смещая время первого столкновения между русскими и казанцами: татары появляются перед войсками Грозного не у казанских стен, а еще во время переправы русских полков через Волгу. Одновременно автор КИ подчеркивает героизм русских, ставя сражающиеся стороны в неравные условия: казанцы нападают на воинов Грозного, когда те еще не успели взобраться на берег («Овем же неудобно на воде, и скорбно, и тесне всюду», с. 126). Усиливается автором КИ и художественное напряжение в описании перипетий сражения: вводятся детали, подчеркивающие, с каким трудом далась русским эта первая победа («... преже впускают казанцы артоулнаго полка и прочь отбивают от брега...», «... и возопиша царевичи и воеводы преднему полку своему... укрепляющи... их, яко да не слабеют...»). Для усиления экспрессии и драматизма используются формулы боя, характерные для стиля исторического и воинского повествования XVI в.: «... и паки бывает брань, не худа и мрачна, вооружаются ярости, и велик шум на высоту взимается, и мнози ото обою страну падоша,¹² аки цветы прекрасны...» (с. 126).

В ЛНЦ внимание читателя заостряется на мудрости стратегических распоряжений Грозного-полководца, правильно «урядившего» полки перед началом сражения («... и вси зряще дивляхуся царскому урядству и повелѣнию», с. 96). Автор КИ, стремясь к большей драматизации повествования, подробно освещает и военные действия противника Грозного — казанского царя: указываются состав и численность его войска, расположение им своих полков относительно полков противника, сообщается стратегический замысел казанцев — «пострашити русских... и брега не дати превозящимся». В конце фрагмента подчеркивается, что только храбрость русских воинов, поддержанных богом, нарушила военные планы казанского царя.

Таким образом, благодаря целенаправленной переработке материала источников уже в «прологе» намечена сюжетная схема, прослеживающаяся далее в основной части повествования, где военные предприятия Грозного предстают как «вынужденные», спровоцированные казанской стороной.

Вторая часть композиции.

В главе, с которой начинается рассказ о ходе осады Казани — «О приходе царя и великаго князя к Казани... Глава 59», — ощутимо стремление автора четко расставить акценты, правильно сориентировать читателя в событиях, которые далее будут излагаться, объяснить их истинный «вневременной» смысл. Это стремление обнаруживает себя в сложной работе автора по сюжетной организации материала, выразившейся прежде всего в «раздвижении» основного фабульного ряда повествования и включении в сюжет главы нескольких фрагментов, являющихся ключом к авторской концепции казанских событий. Обратимся к тексту.

¹¹ ТС в данном случае, по нашим наблюдениям, вторично по отношению к ЛНЦ: его рассказ об этих событиях представляет собой краткую «выжимку» из пространного изложения «Летописца» (ср. тексты: ЛНЦ, с. 96; ТС, с. 17).

¹² Ср. в ЛНЦ: «Государевы же всё сохранныены богом быша, немногие ранены от них» (с. 96).

Основной фабульный ряд 59-й главы — прибытие русского войска к Казани, устройство царского стана, распределение полков вокруг крепости и личный осмотр ее Грозным — был подсказан автору КИ текстом ЛНЦ, он лишь переработал и развил материал «Летописца». Не касаясь характера этой переработки, обратим внимание на то, что автор КИ считал необходимым «раздвинуть» звенья единой фабульной цепи событий и включить в состав рассматриваемой главы четыре фрагмента, выпадающие из фабульного времени. Фрагменты эти тесно связаны друг с другом по содержанию и составляют как бы отдельный рассказ внутри главы, имеющий свою собственную композицию. Этот рассказ вставляется автором между сообщением об окружении Казани русскими войсками и рассказом о личном осмотре крепости Грозным. «Чужеродность» его данному фабульному ряду подтверждается тем, что при «изъятии» этого материала из повествования «разомкнутые» им звенья фабульной цепи легко и органично соединяются: «И облегоша воя руская град Казань. . . Царь же князь великий, облегли Казань и объехав около города, и смотряше стенныя высоты» (с. 127).

Что же представляет собой по содержанию этот «внефабульный» материал 59-й главы? Перечислим выделенные нами «вставные» фрагменты в их сюжетной последовательности: 1 — описание русского войска, подошедшего к Казани; 2 — уподобление войска Ивана Грозного войску царя Антиоха, пришедшего под стены Иерусалима; 3 — картина разорения Казанской земли русскими воинами; 4 — чудо с пересыханием болот и рек в Казанской земле.

Смысловым центром этого комплекса является обобщенная картина, рисующая разорение Казанской земли прибывшими сюда воинами Грозного: «И наполни всю Казанскую землю воями своими. . . И быша убиения человеческая велика, и кровми поляся варварская земля; блата и дебри, и езера и реки намостишася черемискими костми» (с. 127).

События, лежащие в основе этого художественного обобщения, не имеют конкретной временной прикреплённости. Они имеют лишь одну точку отсчета — сам факт прихода на территорию Казанского царства московского самодержца со своим воинством, и описание их представляет собой хорошо известную, но переработанную формулу устного народного творчества, с помощью которой автор КИ определил трагические для казанцев последствия прихода русских на их землю.

Обратим внимание на то, что в данном фрагменте впервые в этой части КИ начинает звучать тема «казанского кровопролития» («и кровми поляся варварская земля»). Чтобы вскрыть авторскую концепцию событий Казанской войны, обратимся к тому художественному контексту, в который помещено это первое упоминание о пролитой русскими «варварской» крови.

Описанию «пленения» русской «ратью» Казанской земли, как было уже отмечено, предшествуют два фрагмента, неразрывно связанные друг с другом общей художественной и публицистической функцией — представить появление многочисленных русских полков у стен Казани как акт «божественного возмездия» казанцам за их вину перед богом и русскими людьми. Первый фрагмент представляет собой красочное описание огромного русского войска, каким оно, по изложению КИ, предстало глазам казанцев (о «включении» в данном фрагменте повествования точки зрения казанцев свидетельствует фраза, завершающая это описание: «И сущии во граде казанцы возмущахуся от страха»). Доминанту этого описания составляет образ ослепительного света, исходящего от шлемов и оружия русских воинов. Этот свет так велик, что он, подобно солнцу, ослепляет, «зраки человеком изо очию изымаючи». Как показывают исследования, символика света в древнерусских памятниках прежде всего связывается с божественным покровительством. В древнерусских текстах часто встречается изображение бога как света («свето-

посный», «светозарный»), а верных ему людей — как отражающих этот свет («златозарных»).¹³ Так же как и в «Сказании о Мамаевом побоище», золотой блеск на шлемах и оружии русских воинов под Казанью — это отблеск небесного света: ослепительно сияющее русское войско предстает как орудие божьей кары за «беззаконие» «поганных» казанцев, постоянно разорявших христианскую землю.

В следующем, втором «вставном» фрагменте эта мысль обосновывается с помощью исторического сопоставления, завершающегося прямой авторской трактовкой причин казанского похода Грозного. Московский самодержец в этом фрагменте одновременно уподобляется и противопоставляется знаменитому завоевателю Иерусалима сирийскому царю Антиоху, рассказ о котором, заимствованный из Хроники Малалы, вошел в состав Русского хронографа и был использован в КИ (с. 127). Огромное войско Ивана Грозного в КИ подобно утрашавшему жителей Иерусалима войску «явленнаго» Антиоха, как он именуется в Хронографе, а вслед за ним и автором КИ. Но в отличие от «неверного и поганого» Антиоха, пришедшего к Иерусалиму «церков божию осквернити и разорити», на казанцев пришел «верный» царь, и причина, по которой он хочет погубить «неверных» казанцев, — их «беззаконие к нему» и «злодеяние».

Понимание основной мысли данного фрагмента как санкционированного богом возмездия казанцам поддерживается следующим далее (4-м) «вставным» фрагментом, также развивающим идею «божественного покровительства» русскому войску. Автор описывает «чудо», которое произошло накануне прихода русских к Казани, — длительное отсутствие дождей — и дает этому факту свое толкование: «непроходные» казанские земли, «наводненные» «реками и езера, и блаты», стали доступны в то лето для свободного перемещения по ним русских «за согрешение... к богу казанских людей».

Совершенно иную картину погодных условий, в которых протекала осада Казани войсками Грозного, рисует ЛНЦ: «бѣ тогда время дождиво и воды в реках велики» (с. 94). Автор КИ оставляет без внимания эти сведения ЛНЦ, подтверждаемые и другими летописями.¹⁴ Необходимый ему материал он извлекает из другого летописного источника — Новгородской IV летописи, причем из фрагмента, относящегося к событиям времен прадеда Грозного — Ивана III. Сравним тексты:

Новгородская IV летопись

«Земля же ихъ бѣяше Новгородцкая озеры и болоты велми наводнена... А вышѣ, по божьи благодати... исше земля ихъ: ни капля дождя с небеси на землю ихъ не бывало во всемъ лѣте отъ мѣсяца мая до мѣсяца септеврия, и земля ихъ вся исше, и блага непроходима отъ солнечнаго зноя престоша; всюда бо везде у нихъ ратнии полцы князя великого ничимъ же неужержимо гоняху по всей земли и воеваху невозбранно, а скоти гнаху отвсюду непроходимыми мѣсты и блаты все по суху...»¹⁵

«Казанская история»

«Земля бо бе Казанская реками и езера, и блаты велми наводнена. За согрешение же к богу казанскихъ людей лета того ни едина капля дождя с небеси на землю не паде: от солнечнаго бо жара непроходныя гыя места, дебри, и блата, и речица вся преизшоша, и полны русти по всей земли, непроходными пути, безужно ядяху, кои либо камо хотяше, и стадо скотия предугоняху» (с. 127).

Причиной обращения автора КИ к событиям давнего прошлого было, по-видимому, то, что в данном фрагменте Новгородской IV летописи сюжетно оформлена та идея, которая, по замыслу автора КИ, должна была прозвучать в начале его повествования об осаде Казани. Состави-

¹³ См.: Колесов В. В. Стилистическая функция лексических вариантов в Сказании о Мамаевом побоище. — ТОДРЛ, Л., 1979, т. 34, с. 33—48.

¹⁴ См.: Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве... с. 433.

¹⁵ ПСРЛ, Л., 1925, т. 4, ч. 1, кн. 2, с. 507.

теля рассказа Новгородской IV летописи, так же как и автора КИ, волновала религиозно-этическая проблема правомерности «пролития крови» царем-христианином. Описывая приготовления Ивана III к походу на новгородцев, он включает в повествование монолог великого князя, представляющий как мысленный разговор Ивана III с богом («рече в себе»): «Веси, господи... яко не своимъ хотѣниемъ, ниже своею волею на се дръзая, еже бы пролятися мнози крови христианстѣи на земли, по стою о... истинномъ православии Руския земля, а о их (новгородцев, — Т. В.) своей отине отступления к латынству».¹⁶ Таким образом, поход царя на Новгород в Новгородской IV изображался как наказание новгородцев за их отступление от «истинныя вѣры». Чтобы показать, что «оправдание» Ивана III было «принято» богом, летописец и вводит в дальнейшее повествование рассказ о чудесном «изсохновении» «по божии благодати» новгородских озер и болот, который и был использован автором КИ.

Приведенная параллель к тексту КИ из Новгородской IV летописи свидетельствует о том, что автор КИ сознательно опустил фактические указания своего основного источника — ЛНЦ — о дождливости лета 1552 г. в Казани и ввел в то место рассказа, где им художественно обосновывалась религиозно-политическая идея «божественного возмездия» врагам Руси — казанцам, материал другого источника, относящийся к иному историческому моменту, но представляющий художественную реализацию той же идеи «божественного наказания».¹⁷

Рассмотренный материал 59-й главы (рассказ об окружении Казани войсками Грозного и «внефабульные» авторские отступления) служит в КИ своеобразной экспозицией, предвещающей основной рассказ о ходе осады Казани. Функцию «завязки» действия выполняет рассказ о послании Грозным первой грамоты казанцам, помещенный в следующей, 60-й главе КИ («О послании с любовью царя и великаго князя ко царю казанскому»). Изображение Грозного в первый период осады миротворцем противоречит тому образу московского самодержца, который создан в соответствующей части ЛНЦ.

Материал «Летописца» на рассматриваемом отрезке повествования представляет собой подробное описание активной деятельности Ивана Грозного, но не как дипломата, а как организатора и руководителя осадных работ: по его приказу по берегу Булака возводятся осадные туры, посланные им стрельцы закапываются во рвы возле туров и своей стрельбой не дают казанцам выходить из города; казаки привозят к городским стенам пушки, и т. д. В этом контексте описанная далее в ЛНЦ вылазка из города отряда казанцев воспринимается как их ответ на военные маневры русской стороны. Дальнейший рассказ «Летописца» столь же подробно освещает последующие этапы подготовки русского войска к штурму Казани, при этом новые вылазки осажденных из крепости, так же как и первая, ставятся составителем ЛНЦ в прямую зависимость от действий русской стороны. Известие о грамотах Грозного казанцам отнесено в ЛНЦ ко времени более раннему — к моменту пребывания русских войск в Свияжске, еще до переправы их через Волгу. Материал о посольстве к казанцам представлен в ЛНЦ в виде трех со-

¹⁶ Там же, с. 506.

¹⁷ В качестве параллели к указанному приему замены в КИ «правды факта» «правдой художественной» можно привести намеренную гиперболизацию и «мифологизацию» рассматриваемых исторических обстоятельств казанского похода 1552 г. А. М. Курбским в его «Истории о великом князе Московском». На этот прием Курбского в свое время обратил внимание Г. З. Кунцевич. Рассказывая о том, как протекали первые недели осады Казани, Курбский объясняет трудности, с которыми столкнулось русское войско при осаде города, «поганскими чарами» казанцев, вследствие которых вскоре «по obleжанию града» внезапно пошли дожди, которые проливались «только над [русским] войском, а по сторонамъ нѣсть» (см.: Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве..., с. 432—433).

общений (с. 94). Первое касается совещания, проходившего «на лузѣх под Свяжжским городомъ» между царем, его братом Владимиром Андреевичем и Шигалеем, на котором, помимо решения «итти к городу х Казани, не мешкая», Грозный и «приговорил» «послати» к казанцам «грамоты», общее содержание которых формулируется в одной фразе: «Похотят бес крови государю бити челом, и государь их пожялуеть». Из второго сообщения мы узнаем о том, что грамоту, обращенную непосредственно к казанскому царю, Грозный поручает составить и отослать «от себя» Шигалею, «понеже бо его роду есть». Содержание этой грамоты передается столь же лаконично: в ней ставится условие, чтобы казанский царь «от государя нашего не бжолся, поѣхал из города к государю нашему, государь его пожялуеть». Третий фрагмент сообщает об отправлении самим Грозным в Казань другой грамоты, обращенной к казанскому сеиту — «Кулшерив-молне» и «ко всей землѣ Казанской». Содержание царской грамоты сводится к трем моментам: к предложению сдаться («чтобы государю били челом»), требованию не поддерживать бунтовщиков, «хто лихое дѣло почял и землю возмутил», и обещанию награды («и государь пожялуеть»). Между первым и вторым сообщениями в «Летописце» помещена небольшая ремарка составителя, комментирующая принятое Грозным на совете решение послать грамоты казанцам: «Государю же нашему смирение показующу, вѣдыи бо, яко господь гордым противитса, а смиренным благодать даетъ». Кроме того, в тексте ЛНЦ есть короткое сообщение о времени отсылки грамоты Грозного — 15 августа — с «тезиком казанским».

В какой степени приведенный материал ЛНЦ был использован автором КИ и каков был характер этого использования? Следы работы автора КИ над указанным документальным свидетельством ЛНЦ обнаруживаются, во-первых, в указании на факт посольства к казанцам до начала военных действий под Казанью; во-вторых, в том, что основное содержание послания Грозного в КИ (с. 128) соответствует указаниям ЛНЦ; использует автор КИ и комментарий составителя ЛНЦ о «смирении» Грозного. Влияние летописного материала ощущается и в том, что в тексте послания в КИ Грозный отдельно обращается к казанскому царю и ко «всем людям казанцам».

Однако фактический материал ЛНЦ послужил для автора КИ лишь самой общей схемой, которую он наполнил своим собственным содержанием. Во-первых, автор КИ изменяет время первого посольства Грозного к казанцам, приурочивая его к событиям, происходящим не в Свяжске, а уже непосредственно у стен Казани. Во-вторых, он устраняет из данного сюжета упоминание о Шигалее как составителе первой грамоты, обращенной к казанскому царю, и сосредоточивает внимание читателя на фигуре Грозного, который один выступает в КИ и как инициатор посольства, и как составитель грамоты к казанскому царю и казанцам. Кроме того, творческий подход автора КИ к источнику проявился в художественном развитии самого содержания русских грамот к казанцам. В ЛНЦ обращение к «Едигерю-Магметю» ограничивается предложением выехать из города к московскому государю. В КИ эта мысль развита и оформлена в ряд призывов, варьирующих ее в разных аспектах: «помилуй себе», «убойся мене», «предай ми ся доброволно», «служи ми верно». Раскрыто в КИ и лаконичное обещание Грозного, читающееся в «Летописце», наградить казанского царя — «государь пожялуеть»; в КИ Грозный предлагает Едигеру: «буди ми яко брат . . . а не яко раб и слуга»; он обещает: «будеши на Казани. . . и до смерти своя».

Но особенно потрудился автор КИ над составлением той части речи Грозного, которая обращена ко всему казанскому народу. Формула-предложение «Летописца» «бити челом» заменена здесь тройным синонимическим рядом: «предайте ми град», «приложитесь к нашему царьству», «присягайте нам», который осложнен апелляцией к разуму казанцев:

«помыслите в себе... пощадите живот свой». Вместо краткой дипломатической формулы «государь пожалуеть» в КИ подробно перечисляются царские благодеяния, которые ждут казанцев в случае добровольной сдачи города («милость и честь... приемлете», «будете любимии друзи», «дам вам лготу велику»), а также излагается система мер, которыми будет обеспечена будущая безопасность казанцев. Грозный предлагает несколько вариантов решения вопроса, предусматривает все возможные возражения казанцев, предлагает им свободу выбора. Открывается эта «позитивная программа» Грозного в КИ мотивом, позаимствованным из триоцкой «Повести»: «прощу вы всея прежняя... злобы... еже сотвористе отцу моему и мне по нем» (ср. в ТС: «аще град здадите ми... не поминаю ваших многих измѣн», с. 18). Изложив свои обещания и условия, Грозный переходит в своей речи к «объяснениям». Во-первых, он раскрывает мирный характер своих намерений: «не кровопийца бо есмь аз... и не рад кровопролитию вашему» (см. 129), затем указывает казанцам на их изначальную вину перед русскими людьми и открывает им истинную, связанную с божественной волей причину своего похода на Казань: «... за великую неправду вашу послан богом прииде со оружием показнито вы» (с. 129); наконец, предупреждает их о своем решении не уходить из Казанской земли до тех пор, пока город не будет взят: «не имам бо отступити от вас ни до десяти лет, не вземше града» (с. 129).

Приведя полностью речь царя к казанцам, автор счел необходимым в собственном комментарии дополнительно подчеркнуть те ее мотивы, которые представлялись ему, по-видимому, особенно важными — нежелание Грозного проливать понапрасну кровь казанцев и его смирение: «Не хотяше бо царь князь великий, да пролиется кровь их без ума и безо опасения его к ним от него, но хотяше сам прежде собою исправы и смирения явити им» (с. 129).

Как видно из анализа, оттолкнувшись от лапидарных сообщений ЛНЦ, автор КИ связывает извлеченные из разных статей «Летописца» мотивы, добавляет к ним заинтересовавший его материал триоцкой «Повести», все это художественно перерабатывает и превращает в самостоятельный эпизод, имеющий весьма важную сюжетную функцию. Переместив хронологически факт первого посольства Грозного к казанцам с момента пребывания царя в Свияжске на самое начало «стояния» Грозного под Казанью, автор КИ тем самым извлек его из общего исторического течения событий, сосредоточил на нем внимание, сделав узловым моментом собственного сюжета: факт первого посольства к казанцам предстает в КИ как первый поступок московского самодержца, вступившего в контакт с вражеским лагерем. При этом пространная речь царя и сопровождающий ее небольшой авторский комментарий построены так, чтобы, с одной стороны, изобразить миротворческий шаг царя как акт христианского милосердия и смирения, с другой стороны, подчеркнуть осознание Грозным своей роли как исполнителя божественной воли и, наконец, представить своего героя во всей решительности его намерений покончить с «бусурманским» злом, с которым не смогли справиться его предки. Таким образом, послание Грозного к казанцам в КИ предстает не только как акт воинского этикета (как в ЛНЦ), но превращается автором прежде всего в самохарактеристику Ивана Грозного.

Эпизод мирного посольства к казанцам вводит в повествование анализируемой части КИ сюжетную линию «мира». Эта сюжетная линия продолжает развиваться в следующей, 61-й главе КИ, повествующей о том, как отреагировали казанцы на посольство Грозного. В этой главе сначала рисуется раскол в казанском лагере после получения мирного предложения от московского самодержца (конфликт между казанским царем, желающим сдаться на милость Грозного, и решившими сидеть в осаде мурзами), затем сообщается, как казанцы прогнали «з бесчестием» послов Грозного от города, и передается полный текст их ответа москов-

скому царю. Сравним описание реакции казанцев на мирные предложения Грозного с соответствующим материалом ЛНЦ.

Ответ на грамоту, посланную по повелению Грозного казанскому царю, русская сторона в ЛНЦ получает в то время, когда русские полки, переправившись через Волгу и реку Казанку, двигаются в сторону Казани. Прислана она была с «полоняником» и обращена не к Грозному, а к Шигалею, как составителю послания, на которое отвечал казанский царь: «И туто прислал царь Едигер-Магметъ к царю Шагилъю з грамотою положняника» (с. 94). Содержание грамоты Едигера в ЛНЦ дано в самой общей форме, как и содержание русских грамот, посланных в Казань: «... а пишет гордые и скверные словеса, вѣру православную и царя благочестиваго поносить и укоряет, такоже и Шигалѣя похуляет» (с. 94).

Автор КИ целенаправленно переработал фактические сведения ЛНЦ:

1) ответ казанской стороны в КИ в соответствии с перестройкой предшествующего рассказа о первом посольстве русских обращен непосредственно к Грозному, а не к Шигалею (благодаря этому устраняется промежуточное звено между Грозным и казанцами, их сюжетное противостояние в повести «очищается» от второстепенного фабульного материала);

2) по версии КИ Грозному отвечает не казанский царь, а обуреваемые «гордостью» казанские вельможи; введение сюжетного мотива «раскола» в казанском лагере, отсутствующего в ЛНЦ,¹⁸ дало возможность автору КИ, с одной стороны, продолжить сюжетную линию «мира», поставив казанцев перед новой возможностью выбрать бескровный путь, подчинившись решению своего правителя, казанского царя, сдать город; с другой стороны, включение в повествование этого фабульного материала, так же как и исключение из него линии Шигалея, способствует прояснению для читателя антитезы «Грозный — казанцы»: подбором фабульных моментов и их сюжетной организацией автор КИ «подсказывает» читателю уже в начале повествования об осаде Казани, кто истинные виновники будущего кровопролития;

3) иначе изображаются автором КИ и обстоятельства отправки казанцами ответа московскому самодержцу: вместо безымянного «положняника» ответ Грозному доставляют его же послы, отвозившие осажденным первое мирное послание царя; это дало возможность ввести в текст главы сюжетный мотив позорного изгнания послов казанцами и параллельно охарактеризовать последних до того, как они сами себя аттестуют в глазах читателя своей ответной речью Ивану Грозному.

Речь казанцев к московскому царю в КИ, как и речь Ивана Грозного к казанцам, — плод литературного творчества автора КИ. Как можно видеть из приведенной выше цитаты, составитель ЛНЦ указал лишь на общий тон казанской грамоты («гордые и скверные словеса») и лаконично сформулировал ее основное содержание: Едигер «поносит» православную веру, «укоряет» «благочестивого царя» и сообщает о своей боевой готовности.

Отталкиваясь от этого фактического материала, автор КИ как бы «восстанавливает», «реконструирует» отсутствующий в ЛНЦ полный текст казанской грамоты (с. 130). Эту «реконструкцию» он осуществляет, опираясь на материал книжной традиции. При этом, подыскивая литературные образцы, он исходит лишь из общей аналогии данной сюжетной ситуации (реакция горожан на угрозу быть осажденными вражеским войском) со сходным материалом летописного и воинского повествования, не считаясь с устойчивой закрепленностью литературных

¹⁸ По мнению Г. З. Кунцевича, указания автора КИ на разногласия Едигера с уланами имеют под собой историческую почву (см.: Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве..., с. 436). Однако в тексте ЛНЦ никак не подчеркнуто разъединение казанского царя и его вельмож, а тон царской грамоты недвусмысленно указывает на воинственные намерения Едигера.

выражений типа «да помрем вкупе вси... (за) законы и веру и обычаи отец своих» в русском историческом повествовании за положительными персонажами. Однако эти традиционные мотивы не механически помещаются автором в чужеродный для них контекст, они сопровождаются развернутыми мотивировками, делающими художественно убедительными в глазах читателя «гордые словеса» казанцев: «Тебе же, — говорят казанцы московскому самодержцу, — и так богату сузцу и много имущу градов и земель, у нас же един столный град Казань, и той хоцещи взяти у нас». «Готовность на брань» казанцев автором КИ также передается вполне традиционно: «и не имамы тебе никако же волею града нашего предати и до смерти всех нас», но при этом снова вводится конкретная мотивировка такого решения казанцев. С одной стороны, оно объясняется неверием казанцев обещаниям Грозного, основанным на предшествующем опыте политических отношений с Москвой: «И не мысли, ни надейся лестию и грозя царства нашего взяти, уже бо познахом лукавствие ваше»; с другой стороны — боязнью казанцев «лишиться» древних своих «законов», страхом перед введением «новых обычаев русских». «И не видети бы нам того... что рускими твоими людьми... населен и обладаем столный град наш, Казань, и древняя наша законы добрыя вашими ногами попираемы и посмехаемы». Указание ЛНЦ на «скверные словеса» автор КИ реализует в презрительной аттестации казанцами воинов Грозного как «поганых свиноядцев».

Таким образом, автор КИ, сохраняя верность фактической основе «Летописца», художественно распространяет его, при этом традиционные формулы используются для передачи «гордых словес» казанской грамоты, при «реконструкции» же «укаров» и «скверных словес» казанцев в адрес благочестивого царя и православной веры автор КИ оригинален и исходит из своих представлений о том, как должны были бы воспринимать появление большого русского войска у стен своего города казанцы.

Преобразование в КИ лаконичного сообщения ЛНЦ о получении Грозным ответной грамоты казанского царя в развернутый фрагмент было обусловлено стремлением автора мотивировать последующие изменения в миролюбивом настроении Грозного. Об этом свидетельствует предваряющая текст ответной речи казанцев авторская ремарка, вскрывающая «провокационную» направленность поведения казанцев: своими «жестокими словесы» казанцы, по концепции автора, восстанавливали против себя милосердного самодержца, «врежающи и раздражающи сердце его».

Однако не столько «раздражающие сердце» речи казанцев, сколько их военные действия, по сюжету КИ, толкали Ивана Грозного к пролитию «варварской» крови. В отличие от ЛНЦ, подробно рассказывающего о ходе осадных работ, которые под руководством Грозного начали вестись с момента прихода русского войска под стены Казани, автор КИ ни о каких осадных предпрятиях русских до начала боев с казанцами не упоминает. Напротив, все описанные в КИ до военных эпизодов события, казалось бы, должны были привести казанцев к миру с московским самодержцем: и его «милостивая» речь к казанцам, и решение казанского царя сдать город русским, и, наконец, предостережения волхвов, объяснивших казанцам смысл пророческих снов казанского царя и сеита, увиденных ими в ночь по прибытии к Казани русского войска (глава 62, с. 130—131).¹⁹ Однако казанцы, хотя и «метахуся мыслию», но вместо

¹⁹ Этот эпизод, помещенный в КИ после рассказа об ответе казанцев Грозному, продолжает во второй части повествования сюжетную линию «мира». Как и эпизод о конфликте между казанским царем и мурзами, эпизод «толкования снов» выполняет функцию «испытания» казанцев: им снова предоставляется возможность выбрать между «войной» и «миром», так как волхвы, как и казанский царь, призывают казанцев сдаться на милость Грозного. То, что казанцы не вняли пророчествам волхвов, трактуется автором КИ как еще одно свидетельство их «слепоты»

того чтобы послушаться добрых советов и предостережений, начинают совершать вылазки из города и нападать на русские полки.

Таким образом, сюжетная линия «войны», начатая в первой части — своеобразным «прологом» рассказа об осаде Казани, во второй части композиции продолжается описанием боев, происходивших у стен Казани в течение первой недели осады (с. 131). Активной, наступающей стороной и в этом случае изображаются казанцы: они «бияхуся с русью», в то время как русские лишь «прогоняху» казанцев назад в город. Та же тенденция прослеживается и в следующем «военном» фрагменте второй части — рассказе о победе воевод Грозного над «лесной черемисой» (глава 63, с. 133—134). В этом фрагменте автор КИ художественно разрабатывает заимствованный из ТС мотив «скорби» русских воинов из-за частых нападений черемисских отрядов. Если троицкий автор лишь констатирует факт («И не мала бысть скорбь православным от них», с. 17), то автор КИ создает обобщенное описание, в котором русская сторона снова выступает в качестве обороняющейся, а казанская — наступающей: «Но злее предних градцких. . . стужаше полком руским черемиса, наезжая на станы, возмущающ(и) в нощи и в день, убиваючи от вои, и хватаючи живых, и стада конская отгоняючи. И напущающим на них воем руским» (с. 131).²⁰

Это описание бед, которые причиняли набеги черемисов русскому войску, служит в КИ сюжетной мотивировкой описываемых далее походов московских воевод на черемисские крепости. Характерно, что автор КИ соединяет в рассматриваемой главе «О побеждении черемисы» и совмещает во времени события, в ЛНЦ и троицкой «Повести» разделенные определенной временной дистанцией и целым рядом промежуточных событий осады. В источниках КИ выделены как самостоятельные два военных предприятия Грозного — разгром «лесной черемисы» и взятие казанских острогов. Автор КИ объединяет эти одновременные события в одном эпизоде, создав тем самым новое сюжетное единство, служащее для реализации его художественно-публицистического замысла — поставить все военные мероприятия Ивана Грозного в прямую зависимость от тактики осажденных.

Таким образом, переработка автором КИ материала ЛНЦ и ТС привела к тому, что в КИ существенно смещаются акценты в освещении событий первого этапа осады Казани по сравнению с ее источниками. Иван Грозный из организатора осады превращается в миротворца, призывающего неразумных казанцев «пожалеть себя». Он полон христианского смирения и готов идти на любые уступки, лишь бы избежать пролития русской и «варварской» крови «без ума». Его полководческие действия до первых военных столкновений с казанцами сводятся лишь к расположению полков вокруг Казани и осмотру крепости, все же дальнейшие его военные предприятия изображаются лишь как ответ на военную активность казанцев, которые в самом начале повествования четко излагают свою позицию в пространной речи, прямо обращенной к Грозному, и первыми начинают нападать на русские полки, выезжая из города и нападая на них с тыла — из лесных острогов.

и «безумия» наряду с отказом принять великодушные мирные предложения сильного противника и внять доводам собственного царя. Так уже в самом начале повествования КИ об осаде одна из сквозных тем КИ — тема ослепленности казанцев собственной злобой, их неразумности («безумия») — получает сюжетное, а не «публицистическое», как в ЛНЦ, выражение.

²⁰ В ЛНЦ три самостоятельных эпизода, рассказывающих о столкновениях с «лесной черемисой», помещены в особый контекст: они являются как бы вкраплениями в развернутый рассказ о возведении под руководством Ивана Грозного вокруг Казани осадных сооружений. Поэтому вылазки «лесных казанцев» предстают в ЛНЦ как попытки казанцев с помощью оставшихся вне города воинов помешать Грозному в его активной деятельности по подготовке штурма.

Суммируя наши наблюдения, охарактеризуем внутренние закономерности построения сюжета в рассмотренной части КИ. Анализ показывает, что рассказ о первом этапе осады Казани строится в КИ по следующей схеме: в функции завязки выступает эпизод первого неудачного «диалога» между Грозным и казанцами, открывающий сюжетную линию «мира» в повествовании (активным началом здесь является Иван Грозный — инициатор заключения мира «без крови»); тема переговоров о мире развивается дальше в рассказе об увещании казанцев их царем и волхвами; далее «мирные» эпизоды сменяются рассказом о военных событиях — в повествование включается сюжетная линия «войны» (активность переходит к казанцам); военные предприятия казанцев побуждают русскую сторону к ответным действиям.

Если обратиться к дальнейшему тексту КИ, можно увидеть, что та же самая сюжетная схема положена в основу и других частей повествования. Однако автор КИ не механически повторяет удачно найденную схему, но творчески трансформирует ее в соответствии со своим художественным замыслом. Не имея возможности в данной статье привести полностью анализ сюжетного повествования третьей—пятой частей композиции, укажем лишь на то новое в развитии основного сюжета повествования, что вносит каждая из этих частей.

В третьей части композиции сюжетная схема, выявленная при анализе второй части, усложняется введением еще одной сюжетной линии — линии «божественного промысла», которая включается в повествование тогда, когда Иван Грозный вопреки настояниям воевод принимает решение продолжать осаду Казани, несмотря на неудачу первых штурмов города. Эту сюжетную линию составляют эпизоды «чудес», сюжетно мотивирующих активные военные приготовления русских к решающему штурму Казани. Все действия Грозного благодаря введению этой сюжетной линии предстают как непосредственное исполнение божественной воли. При этом изменяется роль царя в событиях последнего этапа осады: из организатора ее Грозный превращается в пассивного наблюдателя, активная же роль отводится автором чудесным посланцам бога — фрягам, которые полностью берут на себя, по сюжету КИ, подготовку решающего штурма.

В четвертой части композиции, начинающейся так же, как и все предшествующие, описанием очередного этапа переговоров Грозного с казанцами, автор КИ, приведя полностью послание Грозного к казанцам и вслед за этим полный текст ответа ему осажденных, на новом витке событий как бы повторяет исходную ситуацию, с которой он начал свой рассказ об осаде Казани, одновременно подчеркивая то новое в соотношении сил противников, что существенно меняло смысл дипломатических переговоров на этом этапе войны по сравнению с переговорами начала осады. Текст речей московского самодержца и казанцев и в этом случае представляет собой существенную переработку текста источника — ЛНЦ, обусловленную единым замыслом: противопоставить последовательно нарастающему «жестокосердию» и «гордости» казанцев столь же последовательно возрастающее «милосердие» и «смирение» московского самодержца. Только дерзкие слова казанцев («Твори, почто пришел еси!») и их насмешки над излишней посольской активностью московского царя, по концепции автора КИ, заставляют Ивана Грозного приступить к штурму Казани. При этом «разумным» действиям Грозного-полководца противопоставляется «безумное» поведение казанцев, принявших временное отступление русских полков от городских стен (связанное с готовящимся взрывом подкопов) за снятие осады (описание праздника в Казани, глава 78, с. 149).

В пятой части повествования, излагающей ход последнего штурма, устойчивый структурный элемент композиции — эпизод мирных переговоров между Грозным и казанцами — принципиально отличается от всех

предшествующих аналогичных эпизодов. Инициатива на сей раз исходит не от московского самодержца, а от казанцев, на краю гибели наконец осознавших свою неправоту и с мольбой просящих у своего врага, Ивана Грозного, милосердия и прощения, от которых они трижды отказывались, ослепленные гордостью. Автор приводит казанцев к признанию всепобеждающей силы христианского смирения, которое одержало победу над их высокоумием («...многое терпение твое и великое смирение, еже к нам, ...преможи и погуби нас», с. 154), что позволило ему в данной части повествования изобразить врагов Грозного в героических тонах, пробуждая в читателе сочувствие к «храбрым» казанцам, «похвально» сложившим голову за свое отечество.

Введение в повествование эпизода, рисующего смирение казанцев, ставило перед автором КИ своеобразную «сюжетную» дилемму: историческая правда призывала его рассказать об уничтожении войсками Ивана Грозного всего казанского гарнизона, в то время как «художественная правда» диктовала сохранить в образе московского государя черты милосердного христианина, противника кровопролития. Автор КИ нашел выход из этого противоречия, противопоставив позицию Ивана Грозного, отдавшего приказ пощадить раскаявшихся врагов, стихийным действиям его воинства, ослепленного ненавистью к казанцам и отказавшегося исполнить повеление царя. Таким образом, в силу художественной логики развития единого сюжета в КИ в конце решающего сражения за Казань с героями повествования происходит своеобразная метаморфоза: казанцы перед лицом смерти «прозревают», сменив «гордость» на «смирение»; напротив, русские воины становятся слепы и глухи и своей жестокостью уподобляются казанцам. Противопоставив таким образом милосердию Грозного беспощадность его воинов, автор КИ «снимает» со своего героя ответственность за ту кровь, которая была пролита после раскаяния казанцев.

* *
*

Итак, анализ повествования КИ об осаде и взятии Казани показал, что автор КИ положил в основу своего сюжета идею христианского смирения и милосердия московского самодержца, его фактической невинности в казанском кровопролитии. Чем объясняется такая ретроспективная характеристика царя в этом официальном по своим политическим идеям памятнике? Напомним, что КИ создавалась в середине 60-х годов XVI в., когда опричный террор привел к гибели многих героев казанской и ливонской войн и пролитию «христианской крови». Поэтому характеристика Грозного как милосердного и смиренного христианина, невинного в казанском кровопролитии, данная ему автором КИ, вставшим на сторону царя в его борьбе с феодальной знатью, преследовала, по-видимому, цель нейтрализовать впечатление современников от последующих деяний Ивана Грозного.²¹

С помощью сюжета раскрываются и другие центральные идеи КИ. Идея исторической справедливости завоевания русскими Казани, которая, по концепции автора КИ, изначально входила в состав исконно русских владений, нашла свое выражение в сюжетной линии «божественного промысла»: в составляющих ее эпизодах замысел московского

²¹ То, что в 60-е годы XVI в. деятели официальной культуры ощущали потребность в подобной ретроспективной идеализации образа Грозного, подтверждается тем, что в другом, сугубо официальном памятнике, созданном незадолго до КИ (в 1560—1563 гг.), — в «Степенной книге царского родословия» — при изложении событий казанского похода на первое место выдвинута та же идея «невинности» Ивана IV в пролитии христианской и «варварской» крови во время «казанского взятия». Но в отличие от автора КИ сооставитель Степенной книги преподносит читателю эту религиозно-политическую идею не с помощью сложно организованного сюжета, а в виде прямых авторских рассуждений, не вводя ее в художественное повествование.

самодержца покорить «бусурманский» город отождествляется с божественным промыслом; тем самым историческая концепция автора, облекаясь в традиционные формы средневековой историософии, получает еще большую убедительность в глазах читателей — его современников.

Задача восхваления личных заслуг Ивана IV в казанской победе реализуется на сюжетном уровне введением в повествование целого ряда эпизодов (не имеющих аналогий в источниках), в которых, с одной стороны, подчеркиваются полководческая мудрость Ивана Грозного, его личное участие в подготовке штурма, с другой — компрометируются действия царских воевод во время казанской кампании. Герою своего повествования — Ивану Грозному — автор сюжетно противопоставляет руководителя антимосковской партии в казанском правительстве — князя Чапкуна. Именно на него автор КИ переносит большую часть вины за кровавый исход осады Казани.

Определяя тип созданного автором КИ сюжета, можно с полным правом отнести его к «телеологическим», целенаправленным сюжетам по классификации, предложенной в книге «Истоки русской беллетристики».²² Для таких сюжетов характерно последовательное и детерминированное повествование с отчетливо выраженной основной сюжетной линией, развязка которого имеет оценочное значение, выражает отношение автора к героям повествования и рассказанным событиям.

Выстраивая сюжет своего повествования, автор КИ, как мы постарались показать, обнаруживает большое художественное мастерство, донося до читателя свои идеи через разработанную по хорошо продуманной схеме систему событий. Только детальное сопоставление текста КИ с ЛНЦ и ТС помогает выявить эту сложную и одновременно четкую конструкцию, положенную автором КИ в основу своего повествования, понять внутреннюю логику его рассказа, художественную необходимость в нем всех эпизодов и сцен, в совокупности выражающих авторскую концепцию Казанской войны.

²² Истоки русской беллетристики, с. 22—24. В основу классификации положен характер выражения в сюжете авторской идеи и ее «подсказывания» читателю. Исследователями выделяется три типа сюжета: «эпический» (слабо детерминированное повествование, имеющее многосюжетное построение, когда «новые истории из жизни героя... могут свободно присоединяться к предшествующим»), «амбивалентный» (последовательный, детерминированный сюжет, не обладающий при этом отчетливой целенаправленностью, развязка которого не имеет оценочного значения, отчего смысл сюжета приобретает многозначность) и «телеологический».

А. В. ЛАВРЕНТЬЕВ

Ранний список Холмогорской летописи из собрания А. И. Мусина-Пушкина

Холмогорская летопись — важный и чрезвычайно интересный источник по истории нашей Родины — вошла в научный оборот со времени издания ее в «Полном собрании русских летописей»,¹ а ее состав и источники подробно исследованы в трудах Я. С. Лурье.² Исследователям и издателям до сих пор был известен единственный список летописи, датированный второй половиной XVII в. и не очень исправный, — ГПБ, собр. М. П. Погодина, № 1405. В отделе письменных источников Государственного Исторического музея обнаружен еще один список — ГИМ, ф. 445 (Чертковых), № 173.

Обнаруженная рукопись относится к концу XVI в., «в четверку», переплет картонный, с бумажной наклейкой в виде сердца. На корешке рукописные ярлычки: «Летописец архимандрита Иакова» и «Графа Пушкина Собор во Флоренции» — оба почерком XVIII в. (рис. 1), а также наклейка с номером рукописи по собранию А. Д. Черткова в ГИМ — «Ч. 358». С внутренней стороны переплета надпись той же рукой, что и второй ярлычок: «Летопись Симона Попа, бывшего на Флорентинском соборе с митрополитом Исидором. Смотри 227 лист на обороте». Другим почерком выше надписи поставлен № 15, а ниже ее синим карандашом — номер рукописи в библиотеке А. Д. Черткова — Г 14/2. На внутренней стороне задней крышки переплета почерком XVIII в. сделана надпись «Из Костромы».

В рукописи 341 лист. Самая ранняя нумерация — по тетрадам — сделана кириллицей на нижнем поле оборотного листа тетради предыдущей, начинается с л. 205 об. и охватывает только последнюю часть рукописи. Сделана она с пропусками; последним пронумерован л. 305 об. — тетрадь 13. Эта потетрадная нумерация современна рукописи. В XVIII в. была проведена вторичная нумерация тетрадей, дополненная полистной: с л. 1 через каждые 8 листов на нижнем поле первого листа тетради (последней пронумерована тетрадь 42 — л. 331) и в верхнем правом углу листа, начиная с первого листа текста до л. 341. При этом пропущен один номер — 258. Форзац не пронумерован. При переплете седьмой лист от начала текста был вшит между л. 207 и 209 и получил порядковый номер 208.

Основной водяной знак бумаги — одноручный кувшинчик с литерами NL (?) на л. 62—337 (кувшинчик близкого типа, но с другими инициалами см. у Брике, № 12774 — 1592 г.); л. 1—61 — герб с литерами LB (Брике, № 1075—1587 г.); л. 338—341 — башня (Брике, № 15925—1582 г., № 15926 — 1549—1579 гг.).

¹ Холмогорская летопись. — ПСРЛ, Л., 1977, т. 33, с. 3—5, 10—147.

² Лурье Я. С. 1) О неизданной Холмогорской летописи. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964, с. 449—455; 2) Холмогорская летопись. — ТОДРЛ, М.; Л., 1970, т. 25, с. 135—149.

Рис. 1. Рукописные ярлыки собрания А. И. Мусина-Пушкина на корешке Холмогорской летописи. (ГИМ, ф. 445 (собр. А. Д. Черткова), № 173).

Рис. 2. Владельческий знак архимандрита Иакова на Холмогорской летописи (ГИМ, ф. 445 (собр. А. Д. Черткова), № 173).

Рукопись написана несколькими полууставными почерками последней четверти XVI в., сменяющимися на л. 1—19 (тем же почерком текст на л. 208), 19—47 об., 48—197 об., 198—199 об., 200—280, 280—337 об., 338—342.

Записи на книге дают возможность проследить ее судьбу на протяжении всех трехсот лет. На форзаце изображен владельческий знак — вписанный в два concentрических киноарных круга квадрат с современной рукописи надписью вязью «Архимарита Иякова» (рис. 2). Первым хозяином рукописи и, очевидно, ее заказчиком был Иаков — игумен Соловецкого монастыря в 1581—1597 гг. и архимандрит Костромского Ипатьевского монастыря в 1597—1606 гг.³ Иаков был, очевидно, владельцем хорошей библиотеки: знаком с его именем помечены две рукописи ГБЛ конца XVI в.; наш тождествен знаку сборника Рогожского собрания, № 618, считающемуся более ранним, чем второй — из собрания Егорова, № 605.⁴ Два из трех водяных знаков последней рукописи совпадают со знаками на л. 1—61 и 338—341 Холмогорской летописи.

Иаков был весьма заметной фигурой в политической жизни своего времени, став за год до избрания Бориса Годунова на царство архимандритом родового монастыря Годуновых, находившегося под особым покровительством всеильного временщика. В 1598 г., уже будучи архимандритом, Иаков поставил свою подпись под соборным определением об избрании нового царя.⁵ Ранее, находясь на Соловках, игумен Иаков неоднократно отправлялся с визитами в Москву и удостоивался чести быть принятым лично Иваном Грозным;⁶ по его инициативе состоялось такое важное с политической точки зрения мероприятие, как перенесение мощей митрополита Филиппа из Калязина монастыря в Соловецкий в 1584 г.⁷ Имя Иакова неоднократно встречается в хозяйственных документах Соловецкого и Ипатьевского монастырей.⁸ Неудивительно, что Иаков, человек безусловно просвещенный, интересовался историей, особенно недалекого прошлого: сведения Холмогорской летописи за конец XV—середины XVI в. оцениваются как уникальные.⁹ Понятен также и интерес Иакова к событиям истории Севера России. Летопись, очевидно, была переписана во время пребывания Иакова в Соловках и получила владельческий знак уже после переезда хозяина книги в Кострому.

До конца XVIII в. рукопись находилась в Костроме, скорее всего в том же Ипатьевском монастыре, о чем свидетельствует вышеприведенная запись на обложке — «Из Костромы». Эта же запись указывает на один из источников пополнения библиотеки известного русского историка и археографа А. И. Мусина-Пушкина — рукописи Костромского архиерейского дома, в который монастырь был обращен в 1744 г. после учреждения Костромской епархии.¹⁰ Дальнейшая судьба летописи свя-

³ Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1847, с. 816.

⁴ См.: Щапов Я. Н. К истории русского книжного знака конца XV—XVII в. — В кн.: Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 86—87.

⁵ ААЭ, СПб., 1836, т. 2, с. 46. В этом издании архимандрит Ипатьевского монастыря ошибочно именуется Иоакимом.

⁶ См.: Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. — В кн.: Летописи и хроники. 1980. М., 1981, с. 240.

⁷ См. Житие Филиппа: ГБЛ, Троицкое собр., № 694, л. 127—129 об. Соловецкий летописец называет Иакова «учеником Филипповым» (см.: Летописец Соловецкого монастыря. М., 1790, с. 31).

⁸ См.: ААЭ, т. 1, с. 362, 383, 418, 425, 427, 429, 439; Калачов Н. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1857, т. 1, стб. 131—133; Досифей, архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание Ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836, ч. 3, с. 36—64.

⁹ См.: Лурье Я. С. Холмогорская летопись, с. 149.

¹⁰ См.: Баженов И. Костромской Ипатьевский монастырь: Историко-археологический очерк. Кострома, 1909, с. 41.

зана с этим богатейшим собранием страны. Как известно, бесценная библиотека А. И. Мусина-Пушкина сгорела во время московского пожара 1812 г. в его доме на Разгулье, но, как отмечал сам хозяин, а с его слов и К. Д. Калайдович, не вся: уцелели рукописи, переданные для работы Н. М. Карамзину, а также находившиеся в это время в деревне.¹¹ Рукописи А. И. Мусина-Пушкина поступили в составе собрания Н. М. Карамзина в Публичную библиотеку в 1879 г.¹² Ныне в составе этого собрания выделено 17 рукописей из московского собрания А. И. Мусина-Пушкина.¹³ Часть рукописей А. И. Мусина-Пушкина, находившихся в собрании Н. М. Карамзина, попала в Карамзинскую библиотеку г. Симбирска и ныне хранится в г. Ульяновске.¹⁴

В 1866 г. в Чертковскую библиотеку в Москве, основанную известным коллекционером и библиофилом А. Д. Чертковым (1789—1858) вскоре после окончания Отечественной войны 1812—1814 гг.,¹⁵ поступила вторая часть сохранившихся рукописей из собрания А. И. Мусина-Пушкина: «от графа А. В. Мусина-Пушкина 16 старинных рукописей, принадлежавших деду его, известному археологу А. И. Мусину-Пушкину».¹⁶ Среди них под № 3 числится «Летопись Симона-попа, бывшего на Флорентинском соборе» — дословное повторение записи на обложке списка Холмогорской летописи. В отделе рукописей ГИМ, где ныне хранится собрание А. Д. Чертова, числятся 8 рукописей А. И. Мусина-Пушкина.¹⁷ На корешках некоторых из них сохранились печатные ярлыки двух видов с нумерацией шрифтом XVIII—начала XIX в., отражающие постепенный рост собрания (Черт. № 360, 120, 119 и др.). К этому же времени относятся и рукописные ярлыки, аналогичные нашему, например: Черт. № 119 — «Графа Пушкина»; Черт. № 360 — «Графа Пушкина Александр Невский»; Черт. № 361 — «Графа Пушкина Мамаев бой». По мнению М. В. Щепкиной, они сделаны рукой самого владельца рукописей.¹⁸ Родовое имение Мусиных-Пушкиных, в котором сохранилась часть библиотеки, находилось в Ярославской губернии, в селе Иловна. На л. 303 рукописи Черт. № 114, одной из переданных в Чертковскую библиотеку и ныне хранящейся в ГИМ, есть запись почерком XVIII в.: «Сия книга в село Иловны...».¹⁹ Здесь книги были еще раз пронумерованы от руки (Черт. № 120 — № 3, Черт. № 129 — № 8, Черт. № 365 — № 11, Черт. № 369 — № 13, Черт. № 360 — № 16); наша летопись носит по этой нумерации № 15. Нумерация производилась сыном А. И. Мусина-Пушкина Владимиром Алексеевичем — теми же чернилами на л. 1 рукописи Черт.

¹¹ См.: Записки для биографии графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. — Вестник Европы, 1813, ч. 22, с. 85; Калайдович К. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа А. И. Мусина-Пушкина. — Записки и труды ОИДР, М., 1824, ч. 2, с. 20—21.

¹² Отчет имп. Публичной библиотеки за 1879 г. СПб., 1881, с. 9—19.

¹³ См.: Дмитриев Л. А. История открытия рукописи «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М., 1962, с. 406.

¹⁴ См.: Чернышев Е. И. Рукописи Ульяновского книгохранилища. — В кн.: Край Ильича. Казань, 1926, сб. 1, с. 42; Рогов А. И. Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР. М., 1962, с. 19—20.

¹⁵ Бартечев П. Несколько слов о Чертковской библиотеке. — Русский архив. 1864, вып. 1, стб. 2.

¹⁶ О Чертковской библиотеке в 1866 г. — Русский архив, 1867, № 2, стб. 318.

¹⁷ Щепкина М. В., Протасьева Т. Н. Сокровища древней письменности и старой печати: Обзор рукописей русских, славянских, греческих, а также книг старой печати Государственного Исторического музея. М., 1958, с. 64 (Черт. № 114, 119, 120, 359—361, 363, 365).

¹⁸ Эти сведения получены автором в личной беседе с М. В. Щепкиной.

¹⁹ При А. И. Мусине-Пушкине в Иловне проводило лето все семейство, см.: Воспоминания княгини Софьи Васильевны Мещерской. Тверь, 1902, с. 6. Вплоть до Октябрьской революции в имении хранилась библиотека в 10 000 томов; судьба ее неизвестна, см.: Друганов И. А. Библиотеки ведомственные, общественные и частные и судьба их в советскую эпоху. — В кн.: Советская библиография. М., 1934, т. 2, с. 78.

№ 120 помечено: «Графа Влад. Мусина-Пушкина».²⁰ Сыном последнего, Алексеем Владимировичем, рукописи из села Иловна и были переданы в Чертковскую библиотеку.

В 1883 г. библиотека с входящим в нее собранием рукописей и другие коллекции, собранные А. Д. Чертковым, были переданы в Исторический музей;²¹ ярлычок «Ч. 358» летопись получила именно тогда. В 1912 г. рукописные материалы были разделены между Отделом рукописей и Отделом письменных источников;²² в ОПИ летопись получила новый номер, под которым хранится до настоящего времени.

Состав статей Чертковского списка Холмогорской летописи (далее: *Ч*) в основном совпадает с текстом опубликованного в ПСРЛ списка летописи из собрания Погодина (далее: *П*). Заканчивается летопись в списке *Ч* той же статьей за 1559 г., что и в *П*, но список *Ч* продолжен: на л. 337 повторяется статья под 7014 г. «О Петре царевичи», повествующая о крещении татарского царевича Кудакла, которая уже имеется на л. 315 (в *П* соответственно на с. 134). Далее на л. 337—341 приписана Повесть о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г. — «О Цареграде в лето 6712», совпадающая с аналогичным текстом источника Холмогорской летописи за этот период — Вологодско-Пермской летописи (далее: *В*).²³ Конечная фраза статьи в списке *Ч* выглядит иначе, чем в *В*: «А прочее потом писано напереди после царств. А сице бысть зачало месяца апреля 12 на память святого Василия Исповедника. И пом (?) выпреди на другой сране (так! — А. Л.) Одегитрей».

Подробное текстологическое сопоставление обоих списков Холмогорской летописи — задача отдельного исследования, но сразу необходимо отметить, что во вновь найденном тексте *Ч* есть как потери относительно *П*, так и дополнения, по объему гораздо более существенные. Самая большая лакуна в *Ч* — отсутствие листа со сведениями за 6884—6885 гг. (в *П* это статьи о смерти митрополита Алексия, литовского великого князя Ольгерда, короновании Ягайла королем польским и др.). В XVIII в. этот лист уже отсутствовал и при нумерации не был отмечен; его место — между л. 195 и 196. Встречаются и мелкие пропуски — от одного слова (например, в *П*, с. 11 — «Новьград Великий», в *Ч*, л. 5 — «Новьград»; в *П*, с. 55 — «Всеволодич Святослав Чермнаго», в *Ч*, л. 121 об. — «Всеволодич Святослав», и т. п.) до одной-двух строк. К последним относятся пропуски некоторых летописных статей. Так, в *Ч* отсутствуют статьи под 6881 г. о бегстве в Тверь из Москвы Некомата Сурожанина и сына тысяцкого Ивана (*П*, с. 86), о вокняжении Витовта в Киеве (*П*, с. 91); под 6920 г. — «хождение в Орду» князя Василия Дмитриевича (*П*, с. 96) и некоторые другие статьи, число которых невелико. В то же время имеющиеся в тексте *Ч* дополнения относительно *П* дают часто смысловые уточнения летописного текста: например, в *Ч*, л. 25 — «призва Игорьь послы: „Придите. . .“», в *П*, с. 18 — «призва Игорьь: „Придите. . .“»; в *Ч*, л. 108 — «придоша половцы мнози к Выреви ко Изяславу Давыдовичу», в *П*, с. 49—50 — «придоша половцы мнози ко Изяславу Давыдовичу». Встречаются и дополнения более существенные: на л. 67 об. в *Ч* к статье о Владимире Святославиче приписано: «По сем начя вера христианская простирается во Руской земли. Того же лета прииде Антоней из Царяграда в Печеру и с ним три певцы». В Типографской летописи (далее: *Т*), служившей источником сведений Холмогорской за данный период, такого

²⁰ Не из собрания ли А. И. Мусина-Пушкина, частично сохранившегося в Иловне, происходят грамоты, переданные В. А. Мусиным-Пушкиным в Археографическую комиссию в 1838 г.? См.: Курдюмов в М. Г. Описание актов, хранящихся в Археографической комиссии. — ЛЗАК, Пг., 1923, вып. 31, с. 18—19, 206.

²¹ См.: Отчет Российского Исторического музея за XXV лет (1883—1908 гг.). М., 1916, с. 150—154.

²² См.: Щепкина М. В., Протасьева Т. Н. Сокровища древней письменности и старой печати, с. 83.

²³ ПСРЛ, М.; Л., 1959, т. 29, с. 57—59.

текста нет. *Ч* уточняет и иначе датирует сведения *Т* о рождении у Юрия Долгорукого сына Дмитрия («бе тогда на реце на Яхроме и со княги-нею»), помещая их под 6665 г.²⁴ В *П* эта статья отсутствует. На л. 215 в *Ч*, где помещена статья о золотом поясе — наследстве Дмитрия Донского, из-за которого «князь великий (Василий Васильевич, — *А. Л.*) и Шемяка разлюбихася», имеется примечание: «Зри вперед 941», указывающее на хронологическое место текста в ряду других событий.²⁵ Аналогичная ссылка: «Отселе приступи глав 941 наперед» — сопровождает на том же листе летописи статью «О тверских» — рассказ о походе Ивана Михайловича Тверского «ратию к Кашину на братанича» князя Ивана Борисовича, также отсутствующую в *П*. Наиболее существенные дополнительные чтения списка *Ч* — сведения за 7019—7031 гг. (л. 317—322) и 7065—7066 г. (л. 336—337). Протографом *П* был дефектный список летописи, не имевший нескольких листов, и переписчик *П* вслед за первой строчкой статьи о попытке богства брата московского князя Василия Ивановича — Семена Ивановича в Литву сразу записал фрагмент «Послания» Филофея Мисюрю Мунехину «на звездочетцев». Список *Ч* восстанавливает утраченный летописный текст и начало «Послания», относящегося, по классификации *А. Л. Гольдберга*, к первой ветви списков.²⁶ По этому же списку восстанавливается текст одного листа списка *П*, в рукописи отсутствующего.²⁷ Оба фрагмента могут служить дополнением к печатному изданию Холмогорской летописи и публикуются в Приложении.

Хронологическая последовательность статей списка *Ч* в нескольких местах нарушена. Так, статьи за 6881 г. — о походе Ольгерда против московского великого князя и за 6883 г. — о походе объединенных войск русских князей на Тверские земли стоят не в хронологическом порядке, как в *П*, а в обратном. Между л. 214—221 известия перекомпонованы с нарушением хронологии, более или менее строго соблюдаемой в *П*: л. 214—215 статьи за 6917—6920 гг. «Побойще королю Ягайлу... с немцы», взятие Дмитрием Борисовичем Нижегородским Владимира и др.), затем повторение статьи «О знамени на Похре», после чего следуют известия за 6930—6031 гг. (л. 215 об.—218) о голоде в Москве и смерти Ивана Михайловича Тверского; затем помещены статьи за 6916—6925 г. (л. 219—220 об). С л. 221 порядок статей в обоих списках опять совпадает. Перестановка известий в статье 6949 г. о приходе митрополита Исидора в Москву «изо Фряжской земли со збора от папы» (л. 237—237 об.) отмечена комментарием тем же почерком на полях — «зри назад», как и в вышеприведенных случаях.

Находка нового списка Холмогорской летописи позволяет восстановить датировку части известий и названия статей — в печатном издании начиная со с. 109 даты реконструируются по другим летописным источникам. В легшем в основу издания списке *П* для дат и заглавий в этой части текста были оставлены пропуски, писцом так и не заполненные. Список *Ч* и даты и заглавия сохранил полностью; датировка летописных известий в основном совпадает с соответствующими известиями Вологодско-Пермской, Львовской и Типографской летописей (далее: *В*, *Л* и *Т*), но есть и отличия. Например, статья о мощах ярославских чудотворцев в *В* датируется 6971 г., в *Ч* — 6974 г.; переезд Ивана III в новый московский двор в *Л* и *Т* — 7002 г., в *Ч* — 7001 г.; заключение мира между Василием III и Магомед-Амином в *В* и *Л* — 7016 г., в *Ч* — 7015 г. В датировку некоторых известий *Ч* вкратились ошибки: поход на Новгород

²⁴ Там же, с. 94.

²⁵ Там же, с. 95.

²⁶ Гольдберг *А. Л.* Три «Послания Филофея»: (Опыт текстологического анализа). — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 29, с. 69—72.

²⁷ ПСРЛ, т. 33, с. 138, примеч. 8.

Ивана III датируется 6972 г. вместо 6079 г., тверской поход — 6994 г. вместо 6993 г., и т. д. В *Ч* есть данные, отсутствующие в *П*, *В* и др.: — поход князя Федора Пестрого «воевати Пермь за неисправление» (л. 288) под 6980 г.; из «Сказания о новоявившейся ереси...» Иосифа Волоцкого взята дата смерти «стаинников диаволовых» Истома и Алексея — 6997 г.²⁸ В той части *П*, которая сохранила даты перед летописными известиями, отмечаются случаи несовпадения их с *Ч*. Например, поход Владимира «на родимичи» в *П* помечен 6491 г., в *Ч* — 6492 г.; поход Святослава Всеволодовича Черниговского на Ростислава Тмутороканского в *П* датируется 6575 г., в *Ч* — 6573 г. В обоих случаях дата *Ч* совпадает с *Т* — источником ранних известий летописи. Отмечен один случай несовпадения даты *Ч* ни с *П*, ни с ее источниками: бегство Ярослава Святополчича в Венгрию в *П* датируется 6620 г., в *Т* — 6626 г., в *Ч* — 6625 г. Что касается восстанавливаемых по *Ч* заглавий летописных статей, то примеры их см. в Приложении.

Для издания в ПСРЛ список *П* — единственный известный ранее и достаточно поздний — был использован с исправлениями и дополнениями, вносимыми по *В*, *Л*, *Т* и другим источникам летописи. Однако при сопоставлении *П* и *Ч* выяснилось, что около половины выправленных ошибок были присущи не только позднему списку *П*, но и более раннему *Ч* и, следовательно, первоначальному тексту летописи. Прежде всего это относится к именам собственным и топонимам. Например, в издании текст *П* исправлен по *Т* — «Милофей» на «Амфилохий» (с. 40), «поиде х Турску» на «поиде х Курску» (с. 42) и др. ..., по *Л* — «приступи к Лучску» на «приступи к Шумену» (с. 46), «и бежащим им через Сотур» на «... через Рут» и т. д. Между тем эти и многие другие чтения *П* подтверждаются сопоставлением с *Ч*. Разумеется, в тексте *Ч* и *П* есть откровенные ошибки (например, в *Ч*, л. 75 об. и в *П* — «конец песку при улице», в печатном издании исправлено по *Т* — «конец Пескупли улицы» — с. 35; в *Ч*, л. 89 и в *П* — «Ниневжатин», исправлено в печатном издании по *Т* — «на Ниве Нежатине» — с. 39), но их присутствие в двух одновременных списках, восходящих к разным протографам, говорит об общей устойчивости летописного текста даже для списков достаточно поздних.

Оба известных ныне списка Холмогорской летописи оканчиваются известиями за 1559 г. — приездом из Москвы «писать Двину» Василия Михайловича Гагина,²⁹ и, поскольку находка списка *Ч* подтверждает, что это не случайный обрыв известий, а действительно конечная статья летописи, появляется возможность уточнить ее датировку и предположительно объяснить сам факт появления летописания на Двине.

Общерусский характер летописи и обилие использованных, в большинстве своем не местных материалов необходимо связать с деятельностью в Холмогорах приезжих лиц. О таковых говорится в двух последних статьях летописи — под 1559 г. на Двине сменились два московских писца. Первый, Василий Иванович Молчанов, в тот же год подвергся «опале», был «сведен к Москве» и вместо него был прислан Василий Михайлович Гагин. Составитель летописи печальная судьба Молчанова в Москве была хорошо известна («и живот его пограбиша») — принести эти сведения, да еще в тот же год, в Холмогоры мог только сам Гагин или кто-нибудь из сопровождавших его лиц. В то же время в Холмогорах не было известно, что пробыл Молчанов в опале недолго: уже в следующем, 1560 г. он числится по-прежнему на службе, на этот раз «головой

²⁸ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.; Л., 1955, с. 481.

²⁹ Писцовая книга по Двине В. М. Гагина не сохранилась. Известна составленная на ее основе «Платежная книга посопного хлеба, данных и оброчных денег с посадов Холмогор, Неноксы, Уны и Луды» (Книги Московских приказов в фондах ЦГАДА: Описание. 1495—1718 гг. / Отв. сост. В. Н. Шумилов. М., 1972, с. 74, № 598).

в полках».³⁰ Надолго ли его преемник Гагин задержался на Двине — неизвестно: в Двинском летописце, частично восполняющем пробел в сведениях Холмогорской летописи и продолженном до XVIII в., сведений о Гагине нет.³¹ Однако если предположительно связать появление Холмогорской летописи с деятельностью московской администрации на Двине, получит удовлетворительное объяснение как факт информированности летописца о судьбе Молчанова, так и то, что в качестве источников летописи использованы своды, тяготевшие к Москве (Львовская, Типографская летописи). Сравнительно поздно появляются в Холмогорской летописи и собственно двинские известия — первое только под 1417 г.; ее составитель не использовал материалы новгородского летописания, имеющего ранние сведения по Двине, да и двинскими известиями как таковыми интересовался только за первую половину XVI в. Такое равнодушие к местным источникам мог проявить только приезжий.

Холмогоры — центр Двинских земель — были в середине XVI в. достаточно скромным городом средних размеров.³² С. Б. Веселовский объясняет появление писца на Двине необходимостью повторной переписи из-за «запустения».³³ Возможно, однако, что эта перепись проводилась в связи с отменой в 1557 г. на Двине наместнического правления (а наместники, как отмечал историк XVIII в., «завсегда жили в Холмогорах»³⁴ и введением земского самоуправления. Так или иначе, но в Холмогоры в 1559 г. вместе с писцом прибыл целый штат московских приказных — дьяков и подьячих, несших на себе основную часть работы,³⁵ и власти обязаны были предоставить писцам и прочим административным лицам не только справки из местных архивов, но и чернила, бумагу, свечи.³⁶ В этой среде, очевидно, и подвизался составитель летописного свода, москвич или житель центральной России, имевший доступ к московским летописям и постаравшийся вставить в текст двинские известия, использовав местные материалы воеводской избы. Окончательное отделение от Новгорода произошло в 1565 г. в связи со «взятием» Двинских земель в опричнину; Холмогоры становятся торговым и административным центром огромного северного региона. Лидирующее положение, однако, Холмогоры сохраняли сравнительно недолго: в 80-х годах XVI в. с развитием международной торговли на Белом море эта роль все более и более переходит к Архангельску. В этот короткий отрезок времени, очевидно, и была составлена летопись.

Характерно, что в списке Ч, близком по времени протографу, совершенно отсутствуют лексические особенности северного говора, но встречается характерное для центра страны «аканье»: например, на л. 78 — «смаляху» (в II, с. 37 — «смотряху»), л. 299 — «укарати» (в II, с. 128 — «укоряти»), и т. п., а также написания «навгородцы», «навгородский» (л. 220 об., 287) и «манастырь», «манастырский» (л. 241 об., 243, 247 и др.).

Текст публикуется по правилам издания, принятым в ТОДРЛ.

³⁰ См.: Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963, с. 213.

³¹ В начале 1562 г. Гагин уже был снова в столице — его подпись стоит под поручной записью по боярам, поручившимся по князе И. Д. Бельском (СГГД, М., 1913, ч. 1, с. 483).

³² См.: Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962, с. 250.

³³ Веселовский С. Б. Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и поспонного обложения Московского государства. М., 1916, т. 2, с. 590.

³⁴ Крестинин Василий. Начертание истории города Холмогор. СПб., 1790, с. 22.

³⁵ См.: Иванов П. Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М., 1846, с. 39; Лаппо-Данилевский А. А. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890, с. 194; Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. М., 1937, с. 9.

³⁶ Лаппо-Данилевский А. А. Организация прямого обложения... с. 199.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

1 (л. 318—323)

... младых и безумных советников напрасно устремися и хоте бежати к Литве от своего государя и брата великого князя Василия Ивановича. Слышав же князь великий и посла за ним и велел его воротить к себе. Он же воротися пришед и припаде яко блудный сын о своем согрешении. Князь же великий пожаловал его.

О Смоленсте в лето 7022. Князь великий Василей Иванович со своими воеводами и со мною силою поиде ко Смоленску граду. И пришед приступи ко граду Смоленску и взя град Смоленск, и оттоле послал князь великий воевод своих в Литовскую землю — Василья Андреевича, князя Михайла Голицу и иных воевод и детей боярских со многими людьми. И пришедше в Литовские украины, и стапа под Оршею у реки. И множество войска литовского перевезеся за реку за Оршу против воевод великого князя. В то же время Литовский гетман болшей князь Константин Острожский, литовский воевода, объеде воевод великого князя лесы об ону страну Орши реки со многими воеводы ляцкими. И вне града^а ступитися войску, и бысть бой великий лют зело. В то же время князь Константин Острожский заеха от лесу Смоленска и наеха со зади на воевод великого князя и повеле в трубы трубити многи и во накры бити, изрядив многи полки и ударися со зади на воевод великого князя. И грех ради наших побеждени быша воеводы великого князя. И много войска в плен ведоша, кои были туто на поли. И приде весть к великому князю во Смоленск. Князь же великий, слышав сие, убоися и стави во Смоленце воевод своих князя Данила Щеня и иных воевод блюсти град. А сам князь великий поиде к Москве. Того же лета послал князь великий воевод своих на Литовскую землю. Воеводы же шед в Литовскую землю и воеваша и поплениша многие места, грады и волости по самую Вилню и посторонь Вилни и за Вилню. И возвратишася со многим пленом поздорову ||

О Литовском бою в лето 7026. Король полский Жидимонт умыслив своим помыслом лукавым, да и к великому князю Василью по опасным грамотам послал своих послов — своего наместника моршалка. А сам король пошел в Полтеск со всеми своими людьми ляцкими и литовскими. И оттоле послал воевод своих болшого гетмана князя Константина Острошского и всех своих гетманов и воевод ляцких и литовских и людей всех своих, да и наемных людей издобыв многих, и послал с великим нарядом с пушками и с пищальми на великого князя украину ко псковскому пригородку к Опочке. И послышав, воеводы государя великого князя князь Александр Владимерич Ростовский и иные воеводы многие, которые были на Луках на Великих в заставе, послаша весть ко государю великому князю, а против королевых воевод послали лехких воевод наперед себя, — князя Федора Васильевича Оболенского Лопату да Ивана Васильевича Ляцкого и иных воевод и детей боярских не со многими людьми, а || вели помогати пригородку Опочке и ото всех сторон войску литовскому мешати. А сами воеводы пошли против королевых воевод со многими людьми. А князю Василью Васильевичу Шуйскому велел князь великий потти из Вязмы со многими воеводы противу королевых воевод. Королево же войско обступиша город Опочку со многими людьми и начаша бити пушками и пищальми болшими и приступы чинити со всех стран. А воевода и наместник Опочкой Василей Михайлович Салтыков со всеми людьми градцки, богу помогающе, боряхуся против королева войска крепко. И на присупе ис пушек и ис пищалей и катки болшии и слоны с города побиха многое множество людей королева войска, яко

^а Испр.; в ркп. гра

Великую реку от всех стран запрудилша трупы люцкими, и кровью река яко быстрыми струями протече. И воеводу же болшего ляцкого полку Сокола поубиша и знамя его взяша. А передние воеводы великого князя князь Федор Лопата и Иван Васильевич Ляцкой || и иные воеводы великого князя, пришедше под литовское войско, удариша на них с трех сторон крепко и Литовскаго войска многих людей побиша, а иных многих поимаша и к болшим воеводам послаша. В то же время прииде весть Ивану Васильевичю Ляцкому, что многие люди ляхове идут на пособь х королеву воиску. И боярин же Иван Васильевич Ляцкой со своими товарищи шед противу их и с биея с ними крепко. И божиею помощиею воевод ляцких 4000 войска побиша, а иные воевод поимаша, черкаса Брехтова и брата Мисюря да Ивана Сельпугина, и многих людей живых поимаша и пушки их и пищали взяша и ко болшим воеводам отослаша. Божий же враг и государев изменник королев болшей воевода гетман Костяньтин Острожский со всеми гетманы и воеводы королевскими, видев своего войска падение и победу и послыших великого князя болших воевод, оставиша все свое войско и устроение, еже бе направлено на разорение граду Опочке, и с великим срамом отойдоша. Прежни же || воеводы великого князя гониша за ними и многих людей из литовского войска побиша и всех направлено взяша. Сию же неправду умысли король Жидимонт своим злокозньством, послав к великому князю Василью Ивановичю послов своих, а за ними рать пусти воевати великого государя украины, еже преж рекох, и упоая на множество войска своего. И великий же государь Василей Иванович Жихдимантовых послов королевых не вреди их ничим, а себе им на посолство не велел быти, веле их поставити на Дорогомилове и корм им велел давати. Великий же государь Василей королевым послом велел им быти у себе на посолство и, выслушав у них речи, отпусти их х королю ни с чим же.

Шемятич. Тоя же осени прислал к великому князю Василию Ивановичю слуга его князь Василей Иванович Шемятич своего человека Михаила Янова с тем, что приходили татарове крымские на украину на их вотчину на Путимльские места. И князь Василей Шемятич ходил за ним и божиею милостью дошел их за Сулою и многих татар побил, а иных живых переимал языки, к великому князю прислал. || Тоя же осени Абыльгифа царя Казаньского в животе не стало в нужды в тюрьмы. Того же лета преставися брат великого князя благоверный князь Семен Иванович. Тогда же приидоша из Царяграда от Святыя горы Афонския старцы к великому князю о милостыни.

В лето 7041. Магмедина царя Казаньского в животе не стало в нужды в тюрьмы. Князь же великий посадил в Казани на царство Шигалея. Того ж лета пришел к великому князю посол от Крымского царя Магмедгирея о дружбе и о любви.

В лето 7029. Преставися благоверный князь Дмитрий Иванович брат великого князя. Преставися на своей вотчине на Угличи, а привезоша его на Москву. Тоя ж весны казанцы сеитуланы и князи казанские все великому князю Василию Ивановичю своя клятвы правду изменили по смерти казанского царя Магмедамина, взяли к себе ис Крыму царевича Саишгирея царем в Казань. А Шигалия царя со царичею выслали из Казани. А великого князя гостей и послов пограбили. Того же лета крымской || царь приходил на Коломну и под Москвою был во Острове и с сыном своим воевал Коломенския места. Тогда же поставлен бысть Данил митрополит.

В лето 7031. Приидоша послы литовские к великому князю Василию Ивановичю Петр Станиславов и взяша перемирие с великим князем на пять лет. Тоя^б же весны князь великий Василей Иванович поимал князя Василия Шемятича. Того же лета был князь великий в Новеграде

^б Испр.; в ркп. оя

Нижном. Того же лета князь великий отпустил по Волзе судов рать Шигалия царя, а с ним воевод своих со многими людьми, а полемь конную рать отпустил и велел воевати и пленити казанские места, на усть Суры реки велел град ставити, и поставиша скоро. Уведав же Саипгирей, царь Казаньский, крепкое и грозное воинство великого князя, страхом одержим бе и с великим срамом побеже ис Казани. Казанци же взяша в Казань царем Сафакирея, Крымского царевича. Царь же Шигалей и воеводы великого князя достигоша Казань, божиею помощиею многих татар побиша, и по граду начаша бити, и во граде многих людей || побиша. Казанцы же не мога терпети нужды тоя и добиша челом воеводам государским и роту на том даша и на всей воли государьской великого князя, служити им прямо государю и неотступным быти и до своего живота.

О написании Николаеве дяку великого князя Мисюрю Мунехину. Написана ж аще о лете 32-м, что будет в то лето вселенныя и странам и царствам и областем и обычаем и градом и достоинством и скотом и белугам морьским, вкупе всем земнородным несумненной премеменение и приначение и потемнение. В то лето не узрится солнцу и луне, и по русинскому счету лет 7032 от начала миру, а по латыньскому от рожества Христова лет 1524 пишут латыньстии астрономы. В то лето солнцу и луне потемнение не узрится, но в то лето преходных звезд действия удивлением предостойнейшим случатся. Месяца бо февраля 20 их не средним, но величии случатся, их же 16 знамен||ние в оное наследят, кое несумненное применение и преиначение знаменуют, таково убо, яково же от многих веков от летописателей и от древних родов едва слышахом. Государя великого^в князя дяку государю Михаилу Григорьевичу Елизарова монастыря твои нищии боголец старец Филофей бога молит и челом бьет. Прислал ты, государь мой, ко мне свою грамоту, а в ней писано, штобы мне внутренней твой список в ней истолковати. И тебе, моему государю, ведомо, што аз сельской человек учился бы к вам, а елниньских борзостей не текох, а ристорских астроном не читал, ни с мудрыми философы в беседе не бывал. Учюся книгам благодатнаго закона, аще бы мочно моя грешная душа очистити от грех. О сем молю милостиваго бога нашего Иисуса Христа и пречистую его богоматерь и всех святых, богу угодивших, избавити мя вечного мучения. А еже писал ты, государь, о числах летних, еже бы те, ис ких книгах, Моисеем написанных, от Шестодневник о миротворении, гранографы, пять дней мимотекше, начахом от || первого Адама и доньше вся мимотекше преждебывшая лета начинают от рожества Христова чтут лета. Да в том не есть разнествия никоего же, глаголет бо апостол: «Бысть первый человек от земля перстень, вторый человек господь с небесе». И паки рече: «Бысть человек Адам в душу живу, вторый же Адам в дух животворящ». Но о сем дцатца философи. Год есть сугуб солнечный и лунный. Солнечный содержит 365 дней, лунный — 354. Отселе является, яко год солнечный болши луннаго 11 дней. Потому же в то лето солнцу и луне потемнение не узрится. И хто прилежнейши подщится по. . .

2 (л. 336—337)

. . . скоро послал^г воевод своих со многими силами на Немецкую землю на Свейскую под Выбор город^д воевод своих царя Шигалея со многими татары и князя Петра Михайловича Щенятева и иных многих воевод. Они же дошед, и много плениша земли немецкие до Выбора и около Выбора и за Выбор, и много полону взяли и возвратишася. Того же лета литовский король взял мир со царем великим князем на пять лет.

^в В ркп. написано дважды.

^{г-д} В ркп. написано дважды.

В лето 7064. Того же лета царь князь великий послал посла своего Осипа Непею, а с ним гостей послал Фофана Макарова да Михаила Григорьева в Немецкую || землю Аглинскую на кораблех морем. А итти з Двины на немецких кораблех с товары. Они же з Двины поидоша июля 23. Тое же зимы великого поста явися звезда хвостатая и была 2 недели. И того лета хлеб не пришел на осень, купили четверть по 22 алтына на Двине.

В лето 7065. Пошед царь князь великий на Коломну, а с ним были гребцы двиняне. И веле князь великий бороды брити^е у всех.

В лето 7065 февраля. Прииде от немец от ливонских посол к царю и к великому князю Ивану Васильевичю на Москву со многими речьми месяца февраля. Да в то же время прииде посол от свицкого посла, чтив и отпусти с Москвы. А послу ливоньскому велико бесчести и повелел ему воды ведро купити по алтыну, держав^ж и отпусти его в Ливоньскую землю.

В лето 7066. Царь князь великий на осень отпустил воевод своих на Ливоньскую зем||лю немец воевати царя Шигалия и князя...

^е Испр.; в ркп. брети ^ж Испр.; в ркп. дрежав

Е. П. СЕМЕНОВА

Об источниках «Повести преславной» С. И. Шаховского

С. И. Шаховской — писатель первой половины XVII в., один из наиболее плодовитых авторов того времени, занимавшийся литературным трудом на протяжении всей своей жизни. Историки России XIX в. давали весьма невысокую оценку произведениям С. И. Шаховского в литературном и историческом плане. Так, С. М. Соловьев писал о нем: «Шаховской был начетчик, грамотей, владел книжным языком, писал и виршами, но внутренних достоинств сочинения его не представляют никаких».¹ Такая оценка вряд ли может быть признана справедливой. В настоящее время некоторые исследователи приписывают Шаховскому целый ряд очень интересных и в литературном и в историческом отношении памятников, начиная от переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским и кончая так называемой Повестью Катырева-Ростовского и Строгановской летописью.² Попытка американского ученого Э. Кинана атрибутировать Шаховскому переписку Грозного с Курбским³ была убедительно опровергнута советскими историками.⁴ Вопрос об авторе так называемой Повести Катырева-Ростовского и Строгановской летописи гораздо более сложен и до сих пор остается в значительной мере открытым.⁵

Поэтому представляется необходимым изучение стиля и авторской манеры С. И. Шаховского. Возможность такого изучения налицо, поскольку имеется сборник произведений Шаховского, составленный им самим, а также его краткая автобиография.

В сборник, составленный самим Шаховским, входят 27 его различных произведений (повести, послания и проч.) и 26 молитв.⁶ Когда был составлен этот сборник? Ответ содержится в его конце, в одной из молитв Шаховского. В ее первой части упомянуто имя царя Алексея Михайловича,⁷ т. е. Шаховской составляет эту молитву не ранее 1645 г. (даты вступления Алексея Михайловича на престол). Ниже, в молитве за патриарха, вместо имени патриарха оставлен пропуск.⁸ Когда же Шаховской

¹ Соловьев С. М. История России. М., 1961, т. 9, с. 335.

² Кукушкина М. В. Семен Шаховской — автор Повести о Смуте. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1974 г. М., 1975, с. 75—78.

³ Keenan Ed. L. The Kurbskii — Groznyi Aposrypha. Harvard University Press. Cambridge, Mass., 1971.

⁴ См.: Лихачев Д. С. Курбский и Грозный — были ли они писателями? — РЛ, 1972, № 4, с. 202—209; Скрынников Р. Г. 1) Переписка Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973; 2) Мифы и действительность Московии XVI—XVII вв. — РЛ, 1974, № 3, с. 114—129.

⁵ См.: Зиборов В. К. Об авторе так называемой Повести Катырева-Ростовского. — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 244—250.

⁶ ГБЛ, ф. 173, № 213 и 214 (обе рукописи тождественны; описание рукописей сделал С. Ф. Платонов и он же издал повесть о царевиче Дмитрии из этого сборника, см.: РИБ, 2-е изд., СПб., 1909, т. 13.

⁷ ГБЛ, ф. 173, № 214, л. 418.

⁸ Там же, л. 419.

мог составлять молитву, не зная имени патриарха? Действительно, в середине XVII в. такой момент в истории России был. В начале 1652 г. внезапно умер патриарх Иосиф. Патриарший престол остался незанятым. Царь Алексей Михайлович уже сделал свой выбор. Он хотел видеть на патриаршем престоле новгородского митрополита Никона. Но Никон как раз в то время был на Соловках, куда был послан за мощами св. Филиппа. На Соловки ему и пишет Алексей Михайлович, сообщая о внезапной кончине Иосифа. Никон возвращается в Москву, и 25 июля 1652 г. его посвящают в патриархи. Следовательно, почти всю первую половину 1652 г. патриарший престол оставался незанятым и, очевидно, в этом полугодии и был составлен наш сборник.

Одна из повестей, входящих в сборник, носит следующее заглавие: «Повесть преславна сказуемая о пренесении многочюдесныя ризы Спаса Христа от персид в царствующий град Москву».⁹ Она типична для всего творчества Шаховского и не обладает особыми литературными достоинствами.

В этой повести Шаховской, как это вообще характерно для него, рассказывает о конкретном историческом факте, свидетелем которого он, очевидно, был: о том, как персидский шах Аббас в числе прочих подарков прислал в Москву в 1625 г. со своим посольством якобы подлинную сорочку Иисуса Христа. В повести подробно описывается это событие, о котором, кстати, есть целый ряд различных произведений древнерусской литературы XVII в.¹⁰

Шаховской обильно цитирует в этой повести и послания апостола Павла, и Иоанна Златоуста, и Афанасия Великого, и Кирилла Александрийского, и Ефрема Сирина, и Григория Нисского, и многих других.

Для надлежащей оценки истинного характера творчества Шаховского, для более верного понимания соотношения в его мировоззрении и его творчестве элементов новых и традиционно богословских, свойственных предшествующему периоду, любопытным представляется проанализировать один отрывок из Повести о принесении ризы. Анализ именно этого отрывка дает возможность пролить свет и на некоторые другие моменты: сопоставление «отрывка о весне» с соответствующими текстами из так называемой Повести Катырева-Ростовского, очевидно, может помочь разобраться в сложном вопросе об авторстве этого произведения.

Говоря о пасхе, Шаховской начинает описывать весну. Хотя этот праздник и не первый в году, однако по своему значению все равно как первый, витийствует Шаховской (на полях рукописи здесь приписка красными чернилами: «Бого в неделю новую»). Далее следует описание прихода весны. Почти в конце повести Шаховской снова обращается к сравнению праздника с весной. Он говорит о том, как в Москве празднуют принесение христовой ризы: «... днесь преименитый и велелепый град наш Москва и всяк град и страна наша всесветлое се празднует мирное торжество, днесь царие и священный собор и всяк род человек бла-

⁹ ГБЛ, ф. 173, № 213, л. 161—212 об.; № 214, л. 213 об.—286 об.

¹⁰ В числе их «Иное сказание», «Проложное сказание о даре шаха Аббаса России», «Документальное» сказание о даре шаха Аббаса России и ряд других. См.: Белокуров С. А. Дело о присылке шахом Аббасом ризы господней из Персии в Москву в 1625 г. М., 1894; Гухман С. Н. «Документальное» сказание о даре шаха Аббаса России. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 255—270. Произведения о ризе Христа перечисляются также в приложении IV к книге Э. Кинана «Апокриф о Курбском и Грозном», сделанном Д. Уо. В «Документальном» сказании очень много фактического материала, привлечены выдержки из подлинных документов, отписок посланников, показаний свидетелей, документов о встрече персидских послов в Москве, роспись чудес исцеления от ризы и проч. Это произведение — как бы свод всех документальных известий о принесении ризы Христа в 1625 г. В «Ином сказании» рассказ «о принесении Христовы срачицы» краток и содержит только факты. У Шаховского же повествование украшено многочисленными длинными цитатами из богословских сочинений и еще более длинными описаниями. «Плетение словес» в этой повести Шаховского представлено наиболее ярко.

годатию нынешняго праздника освещаются. . . днесь яко от зимы студеныя теплая и многоцветная весна восия нам и светозарное солнца краснейша озали нас, днесь исполнися Давыдово пророчество, глаголюще: да веселятся небеса и радуется земля. . .».¹¹

Подобное описание весны встречается и в другом произведении Шаховского — «Тогожде разсужение о том, чего ради постигается листвие на праздник троичен»: ¹² «. . . яко божественный трисиятельный праздник сей празнуется в начаток ликования весны во время новолитвия, понеже убо тогда всяка тварь обновляется, обращающеса на первое и прилично убо сему негде от писании повествуется: весны, убо, рече, егда время начинается, тогда воздух веселится, светлостию блистаяся, понеже царска есть времен, царствует убо во временах весня, в нея же небо светлейше, и солнце высочайше, и златовиднейше, в нея же луне круг проразнейше, и звездам лик чистейший, растаявшу, рече, снегу и тиху веющую ветру, и тогда источники в пространнии потоки протекают, сеются жатвы, и зеленеются поля, и новолитвием облачаются дресеа, и мразскыи украшается плоды земля, отрешившеса велебурныя зимы и мразныя лютости и прочая».¹³

Все эти три отрывка о весне представляют собой вариации «Слова в новую неделю» Григория Богослова, а первый отрывок, о котором мы говорили, — почти дословную цитату из этого произведения.¹⁴

«Повесть преславна сказуема. . . о пренесении ризы. . .» С. И. Шаховского

. . . понеже царства есть времен красных ради, еже в ней царствует бо во временах весна и дароносит, яко царице раба все еже от своих, что добрейше и краснейше, в нея же небо светлейше и златовиднейше, в нея же луна прозрачнейше и звездам лик чистейший, в нея же морем волнения тихостию изливаются, облак не стусевается, воздух же и ветры мируют. Земля же былие прозябает, садове же сладкую воню посылает и цвет благоухает, и агнец играют у зеленых нив, и источники прозрачнейше истекают, и реки земных уз и мразныя жестости отрешившеса, силне наводняются, и корабль от пристанища с вядры возводится, сиречь с ветрылы, и сим яко небопарен воскриляется, играет дельфин, сладце воздувая, от глубины к верху водам возпущается и отсылает пловца со благодушьем тишины, убо имеют знамения сего играния, тогда же ратой рало погружает и сладку бразду прочертает и плододателя на помощь призывает и надеждами веселится, и пастырь и говядам свирели сожждает и пастырский глас испущает и под садовыми камени, рекше, сениотворными, сядяще веснует и смотряюще весну веселится, тогда же саодатель сад напоает и птичелов трости прием ковчесца сотворяет, и взирает прутье ко угождению ловитвы и

*«Слово в неделю новую о весне. . .»
Григория Богослова с толкованиями
Никиты Ираклийского*

. . . царствует убо весна во временах красных ради, еже в ней царствует же и в днех недели, поеже воскреसे в ню Христос. Прочее царица временем весны и года посылает, что светло дань царицы се и днем дароносит, яко царицы раба . . . Виждь бо, какова видима царица временем, царица днем, посылает и дароносит от своих, все еже, что добрейше и краснейше, ныне бо светлейше, ныне солнце высочайше и златовиднейше, ныне луна круг прозрачный и звездам лик чистейший, ныне убо морем волнения изливаются, солнцу же облак, воздуху же ветры, земля же сады, садове же видению. Ныне убо источники прозрачнейше истекают, ныне же реки силнее земных уз отрешившеса, и цвет благоухает и сад точит, и жнется трава, и агныцы играют у зеленых нив . . . ныне волны, облак, ветры, земля и садове мируют . . . ныне . . . цветнаи овошницы сладку воню посылают . . . ныне убо корабль от пристанищ возводится с вядры и сим яко многолюботечным . . . воскриляется и играет дельфин, воздувая яко сладце, и воспущаем, и отсылает пловца с благодушьем. Ныне же ратаи рало погружает горе зря и плододателя призывает и под ярем ведет вола орачь и прочертает сладкую бразду и надеждами веселится . . . ныне же пастырь и говядарь

¹¹ ГБЛ, ф. 173, № 213, л. 208; № 214, л. 280 об.—281.

¹² Там же, № 213, л. 58 об.—59; № 214, л. 77—77 об.

¹³ Следует обратить внимание на слова «причину убо сему от писании повествуется», «рече», «и прочая» (в конце отрывка), показывающие, что здесь идет цитата из творений отцов церкви.

¹⁴ ГПБ, Ф. 1.237, л. 193—197 об. (16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского).

прелетание птиц соблюдает, аще к тростем летят или инамо несутся, и рыбаць глубин созирает и мрежу очищает и на камнях сидя ловит; тогда же любодетелная пчела крыло овлекши и от воцин воставши, свою премудрость показывает и цветом прикасается, и крадет их, ова соты от них собирает, ова же мед полагает в шестоугольных кровех и в сопротивоположных, ныне же гнездо птица творит, ова исходит, ова же вселяется, ова же окрест летает и луг, и сады оглашает и увещевает человека. Вся бога поют и славят гласы неглагольными, о всех бо благодарится мною бог и тако о нех пение мое бывает, от них же аз еже пети приемлю...» (*ГБЛ*, ф. 173, № 213, л. 182 об.; № 214, л. 244 об.).

сгаждает свирели и пастырский воздыхают глас и садовыи каменнем веснуют... и под садовыми камени сеннотворными сидяще веснуют, реще весну сматряюще веселятся. Ныне и садоделатель... напояет сад, ни мелник трости прием ковчежьца творит птицам и имелныя пруты согладует... и прелетание птиц соблюдают, аще к имелным тростем летят или инамо несутся, и рыбаць глубины созирает и очищает мрежу и горе на камени седа ловит...

...ныне убо любодетелная пчела, крыло отвлекши, от воцин воставши, свою премудрость показывает и цветом прикасается и ова убо дела есть соты шестоугольные и с противоположныя соты истакающе.

...ныне же гнездо птица възят, ова исходит, ова же веселятся, ова же окрест летает и оглашает луг и увещевает человека. Вся бога поют и славят гласы неглагольными, о всех бо благодарится мною бог и тако о нех пение мое бывает, от них же аз еже пети приемлю...» (*ГПБ*. F. I. 237).

У древнерусского читателя не возникало сомнений в источнике вдохновения Шаховского, о чем говорит и приписка на полях рукописи: «Бого в неделю новую».

При прочтении первого отрывка Шаховского сразу же возникают ассоциации и со «Словом в новую неделю по пасхе» Кирилла Туровского.¹⁵ В приписке на полях рукописи Шаховского упоминается также псалтырь (песнь степенная) как источник автора повести. Тут следует заметить, что, цитируя, по его мнению, псалтырь, древнерусский книжник брал цитаты не непосредственно из самой псалтыри, а часто из гимнологических текстов.

В XVII в. наблюдается тенденция обильно использовать в древнерусской литературе гимнологические тексты, иногда даже не соотнося их с общим смыслом произведения. Так, во второй половине XVII в. протопоп Аввакум неоднократно включал цитаты из гимнологических текстов в свои произведения и послания (смотри, например, его письмо к боярыне Морозовой). С таким же явлением мы сталкиваемся и в произведениях С. И. Шаховского. Развернутое описание весны, подчерпнутое из творений авторитетных отцов церкви, Шаховской использует для создания символического образа: весна — воскрешение. Недаром он говорит про праздник пасхи. Здесь явно чувствуются реминисценции с богослужебным пасхальным циклом. Этой же цели — лучшему раскрытию символического образа — служит и обращение к «Слову в новую неделю» Григория Богослова.

Следует в этой связи упомянуть и хорошо известное описание весны в так называемой Повести Катырева-Ростовского. Приведем два отрывка из этой повести:

1) «... князь же Михайло, видев воинство собранно, и зимняя година проиде, — уже время бысть весны, студень уже совлечеса своих иньев, и мразу от своей жестости ослабевшу, и растаявшу снегу, и солнцу уже на концы зодей Рыбы текущы, — егда последние дни февраля месяца

¹⁵ Об использовании «Слова в новую неделю» Григория Богослова древнерусскими авторами, и в частности Кириллом Туровским, существует ряд исследований. Например: Сухомлинов М. И. Исследования по древней русской литературе. — СОРЯС, СПб., 1908, т. 85, с. 303—308; Никольская А. К вопросу о пейзаже в древнерусской литературе: (Несколько описаний весны). — В кн.: Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 433—439; и др.

преходят и наставаху месяц он март, в то же время подвижеса воевода Московского воинства и поиде до великого царствующаго града Москвы». ¹⁶

2) «Юже зиме прошедши, время же бе приходит, яко солнце творяше под кругом зодейным течение свое, в зодеею же входит Овен, в ней же пощ со днем уравниется и весна празнуется, время начинается веселити смертных, на воздухе светлостью блистаяся. Растаявшу снегу и тиху веющую ветру, и во пространные потоки источницы протекают, тогда ратай ралом погружает и сладкую броду прочертает и плододателя бога на помощь призывает; растут желды, и зеленеются поля, и новым листовием облачаются деревья, и отовсюду украшаются плоды земля, поют птицы сладким воспеванием, по смотрению божию и по ево человеколюбю всякое упокоение человеком спешит на услаждение. В сие же время красовидные години пререженый хищный волк собрася со множеством воин Полсково народу. . .». ¹⁷

Здесь можно найти много общего с описанием весны в повести С. Шаховского о ризе Христа, хотя это общее бесспорно идет от одного первоисточника — Слова Григория Богослова. Следует обратить внимание на другое: в каком смысле, для чего даются описания весны у Шаховского и у автора так называемой Повести Катырева-Ростовского?

У Шаховского, как уже говорилось выше, описание весны — это символическое, традиционное богословское описание, дающееся для показа духовного воскрешения, описание-символ, такое же, как и в знаменитом «Слове на пасху» Кирилла Туровского, только без его толкований.

У автора же так называемой Повести Катырева-Ростовского описание весны дано именно как описание природы. Тут в мироощущении автора уже явно присутствуют элементы нового, гуманистического восприятия. И это не случайно. Ведь описание это имеет ряд параллелей с описаниями природы в «Троянской истории» Гвидо де Колумна, откуда автор так называемой Повести Катырева-Ростовского заимствовал ряд мест. ¹⁸ Любопытно, что это описание весны аналогично знаменитому началу чосеровских «Кентерберийских рассказов» и имеет, очевидно, с ним опять-таки общий первоисточник.

Кроме того, следует отметить, что именно в так называемой Повести Катырева-Ростовского в уже приведенных выше описаниях весны упоминаются и знаки зодиака, также заимствованные из «Троянской истории». Учение же о знаках зодиака причислялось в Древней Руси к ереси. Можно привести целый ряд примеров. В Стоглаве, например, читаем: «Злыя ереси, кто знает их и держится: рафли . . . острономий, зодей, алманах, звездочетьи . . . и в те прелести веруючи . . . и погибают». ¹⁹ «Моисейское и Илиино и Иоанново житие . . . деянием господских заповедей . . . совокупляет богу и друзей поставляет ему рачителей его, а не зрением дивных обхожений солнца и луны . . . и отстоянми планитчскими и зодейскими», — так писал Максим Грек. ²⁰

А С. И. Шаховский нигде в своих сочинениях, тем более в том отрывке о весне, который цитировался выше, знаков зодиака не упоминает. Это совершенно естественно, ведь Шаховской — писатель-богослов, он активно борется в своих сочинениях с ересью и «еллинством», работая явно под непосредственным руководством патриарха Филарета и иногда даже по прямому его поручению (см. его послание к персидскому шаху).

¹⁶ РИБ, т. 13, с. 593 (I редакция), 673 (II редакция).

¹⁷ РИБ, т. 13, с. 538—589 (I редакция), 666—667 (II редакция).

¹⁸ Орлов А. С. Повесть кн. Катырева-Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна. — В кн.: Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917, с. 73—98.

¹⁹ Стоглав. 2-е изд. Казань, 1887, с. 89.

²⁰ Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Казань, 1859, ч. 1, с. 282.

Подведем итог сказанному. Описания весны, опирающиеся на общий первоисточник — «Слово в новую неделю» Григория Богослова, служат у различных авторов различным целям: у Шаховского описание весны использовано в традиционно-богословском стиле, у автора же так называемой Повести Катырева-Ростовского оно служит уже новой цели — воссозданию картины природы.²¹

²¹ Об источниках автора так называемой Повести Катырева-Ростовского см.: Гудзий Н. К. Заметки о Повести кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовского. — В кн.: Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 306—308.

Я. Г. СОЛОДКИН

Об адресате «Послания дворянина к дворянину»

Небольшое произведение, названное в рукописи «Посланием дворянина к дворянину», является своеобразнейшим памятником ранней публицистики Смутного времени.¹ Языком раешника его автор, тульский помещик Иван Фуников, повествует о собственных «бедах и разорениях», которые представляются ему частью общерусской трагедии. Образно рассказывая о своей горестной судьбе, он взывает к сочувствию влиятельного покровителя. От личной, автобиографической темы, раскрытой в прибауточно-скоморошьем стиле, Фуников переходит к описанию «великой смуты» всей страны.² Это описание, в котором уже нет места комизму, выдержано в консервативно-охранительном духе, что сближает «Послание» с агитационными грамотами и историческими повестями начала XVII в. Сосуществование народного юмора с книжной традицией и яркое раскрытие социальной природы переживаемых событий определяют важное место «писанейца» Фуникова в литературе Смутного времени.

И. И. Смирнов справедливо отождествил автора «Послания» со среднепоместным дворянином И. В. Фуниковым, упоминаемым в тульской писцовой книге 1588/89 г. Однако вопрос о личности его адресата до сих пор не ставился. С. К. Шамбинаго и В. П. Адрианова-Перетц считали, правда, что «Послание» и не имело реального адресата. А. А. Назаревский убедительно оспаривает этот взгляд.³ Вдобавок к его аргументам отметим, что Фуников постоянно называет своего адресата государем, а однажды — отцом, говорит о его «величестве», «благородии» и «многopриятном милосердии», о своем желании видеть его, бьет ему челом и молит за него бога. Автор спрашивает у своего «господина», как избавиться от недуга, ссылаётся на его мудрое «рукописание» и пишет, что земля, которую тот видел «благу и населенну», запустела и пропиталась кровью, а имущество и его самого Фуникова «вся взята быша без останка».⁴

¹ См.: Назаревский А. А. Несколько замечаний о «Послании дворянина к дворянину». — ТОДРЛ, М.; Л., 1958, т. 14, с. 289. Вероятно, «Послание» получило свое заглавие при включении в рукописный сборник, где помещено как образец соответствующей эпистолии (см.: История русской литературы. М.; Л., 1958, т. 1, с. 262).

² В документах начала XVII в. часто говорится о «смуте». Однако Фуников — единственный из современных ему писателей, кто именует так лихолетье (сходным образом выражается автор повести «О рождении» М. В. Скопина-Шуйского; он рассказывает о том, «яко смутися Русская земля»).

³ Назаревский А. А. 1) Несколько замечаний..., с. 287; 2) Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Киев, 1958, с. 18.

⁴ См.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606—1607. М., 1951, с. 541—543 (Приложение III). Фуников извещает своего «господина» о пережитом в обеих частях произведения. Поэтому трудно согласиться с мнением В. П. Адриановой-Перетц, будто концовка «Послания» возникла не сразу после написания прибауточного письма, а «со временем» (История русской литературы. М.; Л., 1958, т. 1, с. 263). Маловероятной представляется и ее мысль о том, что образцом и даже прямым источником «Послания» в описании «всероссийского разорения» послужил

Судя по «Посланию», его автор обращался к крупному тульскому феодалу, который в то время (апрель 1609 г.)⁵ находился в осажденной тушинцами Москве Само «писанейце» Фуникова явилось ответом на запрос его сюзерена, смутно догадывавшегося о судьбе своих владений. По свидетельству публициста, он прослезился при виде «рукописания» господина и его милосердием «у князя Ивана рыбою насладихся». Очевидно, если Фуников и не показал «князю Ивану» письма своего «присносущего питателя», то сообщил ему о нем. Недаром следом читаем, что «всяк то говорит добро-де он («государь» Фуникова, — Я С) так творит». Князьями среди тульских землевладельцев начала XVII в. были Волконские и Г. В. Тюфякин. Но в период тушинской осады Москвы поместье Г. В. Тюфякина, «отца ево выслуга», было отдано Лжедмитрием II С Болотникову⁶ Сам Г. В. Тюфякин, который в боярском списке 1606/07 г значится стольником, в следующем известном нам списке (за 1610/11 г) не фигурирует, а в разрядах упоминается только с 1613 г.⁷ Так что вряд ли он был тем влиятельным человеком, которому писал Фуников в расчете на сочувствие и помощь К тому же князя Ивана Тюфякина источники начала XVII в. не знают. Зато в писцовой книге Тульского уезда 1588/89 г фигурирует Иван Петрович Волконский, обладавший большим поместьем Он упоминается и в боярском списке того же года, а также в перечне дворян, назначенных в шведский поход (1589—1590 гг.).⁸ Правда, в отличие от своего отца и брата Михаила II Волконский не значится в разрядных книгах, в названном боярском списке имеется помета о его отсутствии По-видимому, в 1609 г он, как и прежде, жил «в деревне» Менее вероятно, что князь, называемый в «Послании», — Иван Федорович Волконский, известный по платежной и писцовой книгам Тульского уезда 1620 и 1628 гг В последнем документе он выступает владельцем имения совместно с братом Львом,⁹ которого другие источники не знают

За первую четверть XVII в известно более сорока князей Волконских.¹⁰ Пятеро из них — Григорий Константинович Кривой, Иван Федо-

жили исторические повести начала XVII в В известных публицистических сочинениях первых лет Смуты не встретим рассказа о бедствиях страны, напоминающего пессимистическое заключение этого «писанейца» Видимо, оно сложилось не без влияния официальных грамот Так, концовка «Послания» подчас перекликается с известной грамотой патриарха Гермогена от 30 ноября 1606 г (ААЭ, СПб, 1836, т 2 № 58)

⁵ Большинство исследователей, начиная с И И Смирнова, датируют «Послание» весной 1608 г, а Ю К Бегунов — даже 1607 г (Бегунов Ю К Американская антология древнерусской литературы — РЛ, 1975, № 3, с 234) Однако исторические реалии произведения ведут к более позднему времени, см Солодкин Я Г О «Послании дворянина к дворянину» — РЛ, 1977, № 1, с 172

⁶ См Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611—1613 гг / Собрать и редактировал С Б Веселовский М, 1911, с 123

⁷ См Белокуров С А Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг) М, 1907, с 24, 67, 209, Разрядная книга 1550—1636 гг М, 1976, т 2, вып 2, с 267, Боярские списки последней четверти XVI—начала XVII в и роспись русского войска 1604 г М, 1979, ч 1 с 252 См также ПСРЛ, М, 1965, т 14, с 416

⁸ См Белоцерковский Г М Тула и Тульский уезд в XVI и XVII веках Киев, 1915, Приложение, с 82, Боярские списки, ч 1, с 157, 292 Этого Ивана Петровича следует отличать от Ивана Петровича Волконского упоминающегося в 1627/28—1656 гг и тоже имевшего земли в Тульском уезде (см Род князей Волконских Материалы, собранные и обработанные княгиней Е Г Волконской СПб, 1900 с 630—631)

⁹ См Белоцерковский Г М Тула и Тульский уезд, Приложение, с 100, Щепкина Е Н Тульский уезд в XVII в веке М, 1892, с 99 Время их появления среди тульских землевладельцев неизвестно Впрочем, в писцовой книге 1588/89 г названы помещик Ф Ю Волконский и вдова вотчинника князя Федора Какой-то Иван Волконский значится в тульской писцовой книге 1625 г (Тула Материалы для истории города XVI—XVIII столетий М, 1884, с 2)

¹⁰ Е Г Волконская указывает 34 (Род князей Волконских, с 25—26, 29—36, 42—72, 75—90, 94—111, 113, 115—134 и др), не учитывая уже названного Ивана Петровича, а также Бориса и Льва Федоровичей, Семена Романовича, Андрея и

рович Лось, Михаил Константинович Хромой, Федор Иванович Мерин, Федор Федорович Мерин (Меринок) — участвовали в обороне Москвы от тушинцев; видимо, в столице тогда был и Михаил Петрович Потулов Волконский, весной 1610 г. посланный в Боровск.¹¹ По платежной книге 1620 г., Григорий Константинович и Иван Федорович Волконские имели земли в Тульском уезде. При обращении к писцовой книге уезда 1628 г., однако, выясняется, что этот И. Ф. Волконский — не «Лось», а представитель другой ветви многочисленного рода — Веригиных, к тому же владевший имением совместно с братом Львом.¹² Поэтому можно допустить, что Фуников обращался с «Посланием» к Г. К. Волконскому.

Григорий Константинович Кривой Волконский упоминается в источниках с 1591 г., когда отличился во время «каянского» похода против шведов.¹³ «Государев разряд» 1598 г. содержит сведения о его воеводских назначениях в Мценск и Белев. Вскоре после воцарения Бориса Годунова Г. К. Волконский стал воеводой в Белгороде.¹⁴ За успешное посольство в Крым (1601—1602 гг.) он получил в Тульском уезде «старинную вотчину на реке Волконе», ранее конфискованную Грозным.¹⁵ В боярском списке 1602/03 г. он числится выборным дворянином по Перемышлю, имевшим там самое крупное поместье (500 четей). В период вторжения Ижедмитрия I Г. К. Волконский был направлен правительством с подкреплениями в Брянск, в царствование Самозванца он являлся приставом при польских послахах.¹⁶ Василий Шуйский вскоре после вступления на престол поручил ему трудную дипломатическую миссию в Речь Посполитую, распорядившись «написать наместником Елатомским» и выдать «на подмогу для Литовские посылки» 300 рублей «для бедности», что не должно было являться примером для других. За это посольство (1606—1607 гг.) Г. К. Волконский к прежнему четвертному жалованью (150 рублей) получил тридцатирублевую прибавку, а его поместный оклад был увеличен до 700 четей (ранее он составлял 600). Кстати, другой наиболее заметный тогда из Волконских, князь Иван Федорович (очевидно, «Лось»), в 1608/09 г. имел 550 четвертей поместной земли, а его денежный оклад три года спустя равнялся 20 рублям.¹⁷ Г. К. Волконский в январе 1608 г. посылался в большом полку

Тимофея Михайловичей, монаха Романа Волконских. О них см.: Кормленая книга Костромской чепч. 1613—1627 / Сообщил А. Н. Зерцалов. СПб., 1894, с. 111, 116; Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства. М., 1908, т. 2, с. 91; Белоцерковский Г. М. Тула и Тульский уезд..., Приложение, с. 100, 119; Акты времени междоусобия (1610 г. 17 июля—1613 г.) / Под ред. С. К. Богоявленского и И. С. Рябинина. М., 1915, с. 73. См. также: Боярские списки... М., 1979, ч. 2, с. 49.

¹¹ Разрядная книга 1550—1636 гг., т. 2, вып. 2, с. 254. И. С. Шепелев пишет о посылке против «воровского» гетмана Лисовского в 1608 г. Ф. М. Волконского (Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Питигорск, 1957, с. 89). Но в разрядных книгах в данной связи говорится о Ф. И. Мерине Волконском.

¹² См.: Белоцерковский Г. М. Тула и Тульский уезд..., Приложение, с. 100; Шепкина Е. Тульский уезд..., с. 99.

¹³ ПСРЛ, М., 1965, т. 14, с. 44; Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973, с. 29, и др. Прозвище «Кривой», которое имел и его брат Михаил, видимо, свидетельствует о физическом недостатке их отца Константина Романовича. Ср.: Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1978, с. 5—6.

¹⁴ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, с. 482, 483, 533; см. также с. 525, 526; Разрядная книга 1550—1636 гг., т. 2, вып. 2, с. 164, 179; см. также с. 107, 156.

¹⁵ ПСРЛ, т. 14, с. 56; Белоцерковский Г. М. Тула и Тульский уезд..., с. 217. Попутно отметим, что сестры Г. К. Волконского были комнатными боярынями царицы Ирины Годуновой (Род князей Волконских, с. 45, 50 и др.).

¹⁶ Боярские списки..., ч. 1, с. 229; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время..., с. 195 и др.; Разрядная книга 1550—1636 гг., т. 2, вып. 2, с. 230.

¹⁷ Сборник Русского исторического общества. М., 1912, т. 137, с. 198, 237—238; Акты времени правления царя Василия Шуйского / Собрал и редактировал А. М. Гневушев. М., 1914, с. 18, 377.

против Лжедмитрия II к Брянску, а затем в Болхов, в июне того же года участвовал в передовом полку в успешном походе против Лисовского, а с весны 1609 г. вместе с братом царя Д. И. Шуйским охранял Калужские ворота столицы (вплоть до снятия осады).¹⁸ Поэтому И. С. Шепелев относит Г. К. Волконского к ближайшему окружению Василия Шуйского в период противостояния Москвы и Тушина.¹⁹ Учтем и то, что именно Г. К. Волконского Шуйский сразу после воцарения послал в Речь Посполитую обличать низвергнутого Самозванца и наградил его за это посольство, хотя, по словам летописца, оно закончилось безрезультатно.²⁰ О высоком положении Г. К. Волконского при царе Василии свидетельствует и отправка его летом 1610 г. под Псков вместе с боярином В. Т. Долгоруким, который был фаворитом Шуйского.²¹ В 1608 г. Волконские выиграли местнический спор у Г. Г. Пушкина. Через два года, накануне падения Шуйского, Г. К. Волконский был послан «за дары и с речью» к крымским царевичам, пришедшим к Москве под предлогом оказания помощи против «воров» и «литвы». Волконскому предписывалось объявить им о скором прибытии русских военачальников, в том числе окольного А. В. Измайлова. Г. К. Волконский бил челом «в отечестве о местех», отказываясь объявлять об Измайлове. Царь пожаловал его, а окольный не решился затеять с Григорием Константиновичем тяжбы о «бесчестье».²²

Сопоставив эти сведения о Г. К. Волконском с характеристикой адресата, вытекающей из содержания «Послания», можно заключить, что Фуников писал именно ему.

Григорий Константинович, получивший в сентябре 1615 г. чин окольного, до своей смерти (1634 г.) оставался самой заметной фигурой среди Волконских.²³ В 1614 г. он вместе с дьяком П. Евдокимовым был с дипломатической миссией направлен в Крым. Сохранилось описание этого посольства, выходящее за рамки статейных списков. Так, в нем сказано о явлениях природы, удививших русских наблюдателей.²⁴ Возможно, это описание возникло не без участия Г. К. Волконского. В та-

¹⁸ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время..., с. 13—14, 16, 47, 48, 50, 90, 93, 98 и др.; Разрядная книга 1550—1636 гг., т. 2, вып. 2, с. 245, 246, 250. В указателе к последнему изданию Г. К. Волконского не раз путают с Г. А. Волконским (см. с. 250, 254, 291, 313, 327, 363, 373, 430).

¹⁹ Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба..., с. 124.

²⁰ ПСРЛ, т. 14, с. 70.

²¹ Любомиров П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939, с. 279.

²² Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время..., с. 93, 98—99, 120, 161, 186, 188. При Михаиле Федоровиче положение захудалого рода Волконских стало иным. Когда в 1616 г. Г. К. и Ф. И. Волконские били челом на П. Головина «о местех», бояре решили посадить их в тюрьму, а по царскому указу думный дьяк С. Васильев заявил Волконским, что они «князи неродословные». Спустя два года дворянин М. Челюсткин писал в местнической челобитной, что Волконские — «не прямые князи, пошпи от Ывашка Толстой головы» (Разрядная книга 1550—1636 гг., т. 2, вып. 2, с. 291, 307). По родословцу конца XVII вв., в 1513/14 г. «Митя да Потул Волконские были не князи и где бывали у государевых дел, писали их не князьями» (Татищев Ю. В. Местнический справочник XVII века. Вильна, 1910, с. 21). Так что Р. Г. Скрынников ошибается, считая, что в 1618 г. Г. К. Волконский был «родословным» думным человеком (Скрынников Р. Г. Минин и Пожарский: Хроника Смутного времени. М., 1981, с. 334).

²³ См.: ГБЛ, ф. 303, № 532, л. 243 об., 244 об.; № 970; ПСРЛ, т. 14, с. 144—145, 148; Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1. 1526—1658. М., 1848, с. 315—318; Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1884, ч. 1, стб. 983; Татищев Ю. В. Местнический справочник XVII века, с. 19, 51, и др. Известно, что в 1618 г. ему принадлежала вотчина в Одоевском уезде (Станиславский А. Л. Казачье движение 1615—1618 годов. — ВИ, 1980, № 1, с. 111).

²⁴ БАН, 21.10.17, л. 63—66 об. О списке см.: Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР/Сост. А. П. Конусов и В. Ф. Покровская. М.; Л., 1951, т. 4, вып. 1, с. 223—224.

ком случае он оказывается человеком, не чуждым литературных интересов.

В платежной книге Тульского уезда 1620 г. значится вотчинник Семен Иванов сын Фуников — сын автора «Послания». Это свидетельство осталось неизвестным исследователям памятника, как и указание тульской разборной десятины 1622 г. на то, что новик С. И. Фуников владеет отцовской вотчиной (87,5 четей), полученной «за царя Васильево московское осадное сиденье».²⁵ Вспомним, что И. В. Фуников по писцовой книге 1588/89 г. имел поместье того же размера. За оборону Москвы от тушинцев ему пожаловали поместье в вотчину, т. е. из условного держания оно превратилось в наследственную собственность. По указу Шуйского (1610 г.) участники московского «осадного сиденья» могли получить из своих поместий в вотчину пятую часть земли.²⁶ И. В. Фуников же стал владеть всем бывшим поместьем на вотчинном праве. Может быть, это произошло при содействии влиятельного покровителя, которому адресовано «Послание». Не позже 1620 г. И. В. Фуников умер, и его вотчина перешла к сыну.

Надо думать, что после 23 апреля 1609 г. (вероятный момент завершения «Послания») Фуников прибыл в Москву и стал нести «осадиую службу». Это случилось, по-видимому, не позже конца января следующего года, когда осада столицы была фактически снята. Возможно, автор «Послания» оказался в «царствующем граде» после разгрома тушинцев на Ходынке (25 июня 1609 г.). С тех пор они не осмеливались подойти к Москве.²⁷ Можно полагать, что Фуников явился в столицу по вызову «господина». Таким образом, его «малое писанейце» имело практические результаты.

Маловероятно, чтобы Фуников принимал участие в защите Москвы в 1608 г., а затем попал в плен к тушинцам и очутился в руках «тульских воров», подозревавших его в сокрытии хлеба.

Обычно считается, что Фуникова после пыток «вкинули» в тюрьму в Туле во время восстания Болотникова и он там «седел 19 недель» — до падения города в октябре 1607 г.²⁸ Подобная трактовка представляется нам сомнительной. Ведь в «Послании» нашли отражение и события движения Лжедмитрия II.²⁹ Известно, что при нем многие помещики испытали участь автора «Послания». Так, сын боярский И. Квашнин в 1608 г. был пленен «литовскими людьми» и посажен «во Ржеве в тюрьму», где провел 30 недель.³⁰ Жилец Т. Владычкин в Калуге при «Воре» сидел «за

²⁵ Белоцерковский Г. М. Тула и Тульский уезд..., Приложение, с. 112, 152. С. И. Фуников отмечен и в писцовой книге 1628 г., а также в одном документе 1646 г. (Щепкина Е. Н. Тульский уезд..., с. 47, примеч. 30; с. 112; ср. с. 138, 175; Новомбергский Н. Я. Слово и дело государевы: (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года), т. 1. — Зап. Московского археологического ин-та, 1911, т. 14, с. 167).

²⁶ Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947, т. 1, с. 88. См. также: Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба..., с. 123—124.

²⁷ Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба..., с. 429—433.

²⁸ Смирнов И. И. 1) Восстание Болотникова..., с. 463; 2) Краткий очерк истории восстания Болотникова. М., 1953, с. 123—124; Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959, с. 365, примеч. 127, 128; с. 402, примеч. 298; История русской литературы. Л., 1980, т. 1, с. 313. Ср.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966, т. 2, с. 380. Лишь В. П. Адрианова-Перетц думала, что Фуникова пытали и бросили в тюрьму в его поместье (История русской литературы. М.; Л., 1958, т. 1, с. 262).

²⁹ Солодкин Я. Г. О «Послании дворянина к дворянину», с. 172. Еще открывший «Послание» Н. К. Никольский отмечал его ценность «для обрисовки результатов литовско-польско-казацкого разорения» (Никольский Н. К. Рифмованное «послание дворянина к дворянину» XVII-го века. — Библиографические записки, М., 1892, № 4, с. 279).

³⁰ Станиславский А. Л. Документы о восстании 1614—1615 гг. — Археологический ежегодник за 1980 г. М., 1981, с. 288.

приставами» и в тюрьме 25 недель. Мценский помещик Д. Д. Сухотин провел в заточении 4 года во время «смуты» «в украинских городех». ³¹ Сошлемся и на то, что присланный из Калуги в Тулу Лжедмитрием II Ю. Беззубцев пытал и бросил в тюрьму посадского старосту Т. Зюсю. ³² При астраханском «воре» «царевиче» Августе А. Ф. Акинфов после убийства отца, царицынского воеводы (1607 г.), «живот свой мучил в тюрьме в Астрахани полтора года» (об этом самозванце Лжедмитрий II писал смольнянам в апреле 1608 г.). ³³ Учтем и то, что Тула являлась одним из центров движения «Тушинского вора». По наблюдению И. С. Шепелева, с 1608 г. в ней не упоминаются воеводы Шуйского. ³⁴ Думается, что Фуников был брошен в тюрьму «тульскими ворами» при Лжедмитрии II, а после того как допросы кончились безрезультатно, отпущен в свое поместье, которое тем временем сильно запустело. Такой же, как уверяет автор «Послания», оказалась судьба владений его «господина». Очевидно, Г. К. Волконский не появлялся в своей тульской вотчине по крайней мере с момента отъезда в Речь Посполитую (май 1606 г.). Поэтому эпистолия Фуникова должна была представлять для него интерес.

Почему же адресат «Послания» скрыт под неопределенным «имярек»? Дело в том, что в период его создания исход борьбы московского правительства с «вором» был неясен; даже выше котировались шансы Самозванца. Если бы тушинцы перехватили «Послание» с прямым обозначением адресата, ³⁵ то в случае взятия Москвы либо пленения Г. К. Волконского они имели бы лишнее основание для расправы с ним. Фуников же, которого «дважды приводили к плахе», который «дни пребывал» в бедах и скорби, перед лицом своего благодетеля и в расчете на его милость считал ненужным скрываться.

Итак, «Послание дворянина к дворянину» адресовано князю Г. К. Волконскому, а его результатом, вероятно, явился вызов Ивана Фуникова из «погребца» разоренного имения на «осадную службу» в Москву.

Как известно, «Послание» сохранилось в единственном списке. ³⁶ Непопулярность сочинения Фуникова, в частности в севернорусских монастырских библиотеках, М. В. Кукушкина объясняет тем, что подобно «Новой повести», ³⁷ оно «по тематике и идейному направлению» было запретным «для широкого чтения». ³⁸ Однако в книгохранилищах монастырей Русского Севера имелось немало произведений, посвященных разорению страны в Смутное время. ³⁹ Как неоднократно подчеркивалось

³¹ Сухотин Л. М. 1) Четвертки Смутного времени (1604—1617). М., 1912, с. 205; 2) Первые месяцы царствования Михаила Федоровича: (Столбцы Печатного приказа). М., 1915, с. 112. Очевидно, Д. Д. Сухотин находился в заключении и «во время Лжедмитрия II» (Корецкий В. И. Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России. М., 1975, с. 268).

³² Корецкий В. И. Актовые и летописные материалы о восстании И. И. Болотникова. — Советские архивы, 1976, № 5, с. 46—47, 55.

³³ Восстание И. Болотникова. . . , с. 229—230, 319, 420, примеч. 421. Ср.: Черепнин Л. В. Обзор фонда новгородских документов, хранящихся в Государственном архиве Швеции, в Стокгольме. — Проблемы источниковедения, М., 1961, т. 9, с. 233—234.

³⁴ Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба. . . с. 190, примеч. 3.

³⁵ Известны случаи перехвата тушинцами грамот, посланных в Москву и от туда. См.: Выписка из дневника московского похода Яна Петра Сапеги с 1608 по 1611 год. — Сын отчества и северный архив, СПб., 1838, т. 1, отд. 3, с. 43; Сборник князя Хилкова. Пб., 1879, с. 117.

³⁶ См. о нем: Абрамович Д. И. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии: Софийская библиотека, вып. III. Сборники. СПб., 1910, с. 335.

³⁷ Исследователей постоянно затруднял вопрос о том, почему в рукописи «Новая повесть» сопутствует произведениям троичских «списателей». В этой связи отметим, что в числе москвичей, бежавших после «разорения» столицы в Троице-Сергиев монастырь, мог быть автор либо читатель «повести», который принес с собой ее список или даже оригинал.

³⁸ Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977, с. 148.

³⁹ Там же, с. 43, 104, 107, 109, 138—139, 146—147.

в литературе, «Послание» проникнуто охранительными, крепостническими идеями. Наконец, в одном списке (или, в лучшем случае, в двух) известны и другие памятники эпистолярного жанра начала XVII в.,⁴⁰ что связано с их назначением.

⁴⁰ ААЭ, т. 2, № 219; АИ, СПб., 1841, т. 2, № 182, 242; ДАИ, СПб., 1846, т. 2, № 31; Сборник князя Хилкова, с. 12—14, 49—50, 82—84, 110—114, 117; Кедров С. И. Авраамий Палицын. М., 1880, Прилож. Б, с. 195—202; Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882, ч. 1, с. 151 (указано послание некоего чернеца Феоктиста князю И. Ф. Волконскому — ответ на вопрос о том, в какой части тела находится ум; опубликовано Е. Г. Волконской, см.: Род князей Волконских, с. 234—238), 402—403; Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890, с. 273 (отмечено неучтенное исследователями послание Дионисия Зобниновского); Лихачев Н. П. Письмо смутного времени. — Русский исторический журнал, Пг., 1921, кн. 7, с. 121—137, и др.

Н. А. КАЗАКОВА

А. А. Виниус и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию в 1672 — 1674 гг.

В Русском государстве XVII в. Посольский приказ являлся не только учреждением, ведавшим сношениями с иностранными державами, но и своего рода культурным центром. В его стенах велась значительная работа по переводу и переписке книг. В 1637 г., например, переводчик Посольского приказа Богдан Лыков с товарищами перевел на русский язык «Космографию» знаменитого фламандского географа и картографа Герарда Меркатора (Кремера); в 1672 г. здесь был изготовлен роскошно оформленный «Титулярник», содержащий описание титулов, а также родословные русских и иностранных государей, в 1674 г. — «Василологион», собрание биографий древних и некоторых русских монархов: «строились» в Посольском приказе и другие весьма разнообразные по содержанию книги.¹ Но в первую очередь роль Посольского приказа в культурной жизни страны определялась тем, что он являлся средоточием информации о зарубежных странах. Эта информация содержалась в поступавшей в Посольский приказ документации как иностранных посольств, посещавших Москву, так и русских посольств, побывавших при иностранных дворах.

Особую ценность в качестве источника сведений о зарубежных странах имели статейные списки русских послов. Статейные списки — отчеты послов о выполнении порученных им миссий — носили дневниковый характер и помимо изложения официальных дипломатических переговоров, которые вели послы, включали описание их пути, а также запись впечатлений о виденном за рубежом. Статейные списки сочетали, таким образом, черты дипломатической документации и памятников литературы путешествий. Последнее побудило исследователей рассматривать статейные списки (во всяком случае те из них, которые включали значительный описательный элемент) не только как источники по внешней политике России, но и как особый литературный жанр, жанр «посольских повестей».² Своеобразие статейных списков позволяет включать их в круг памятников культуры, запечатлевшиеся же в статейных списках особенности восприятия русскими дипломатами зарубежной действительности являются немаловажными показателями культурного уровня русского общества.

Содержание неофициальных известий статейных списков (так мы будем условно называть сведения, не касающиеся официальных миссий послов) определялось в значительной степени индивидуальными вку-

¹ См.: Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века). — Книга. Исследования и материалы. М., 1963, сб. 8, с. 179—244.

² См.: Лихачев Д. С. Повести русских послов как памятники литературы. — В кн.: Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954, с. 319—346.

сами, наблюдательностью и образованностью послов, иными словами говоря, характер статейных списков и их ценность как источника информации о зарубежных странах зависели во многом от личности их составителя.

Одним из интереснейших статейных списков XVII в. является статейный список посольства Андрея Андреевича Винюса в Англию, Францию и Испанию в 1672—1674 гг.

А. А. Винюс был сыном амстердамского купца Андрея Денисовича Винюса, в 1627 г. выехавшего из Голландии и обосновавшегося в России. Здесь А. Д. Винюс стал основателем и владельцем тульских железоделательных заводов, вел торговлю и выполнял поручения правительства, касавшиеся преимущественно внешней торговли Русского государства. Занимая видное положение и располагая значительными средствами, А. Д. Винюс дал своему сыну А. А. Винюсу (род. в 1644 г.) хорошее образование, которое в немалой степени способствовало его будущей активной и разносторонней деятельности. В 1655 г. А. А. Винюс был крещен по православному обряду, что облегчало возможность его поступления на русскую службу.

В 1664 г. А. А. Винюс был взят в Посольский приказ переводчиком с голландского языка, в 1672—1674 гг. в качестве посланника посетил Англию, Францию и Испанию, в 1675 г. был назначен заведующим почтовым ведомством (состоял в этой должности до 1701 г.), а с 1677 г. — и дьяком Аптекарского приказа (ведал им до 1689 г.); в 1689—1695 гг. был дьяком Посольского приказа. За успешное выполнение правительственных заданий Винюс в 1674 г. получил дворянство, а позже — чин думного дьяка. В начале 90-х годов Петр I, взявший бразды правления в свои руки, приближает к себе уже немолодого Винюса, и тот становится одним из сподвижников преобразователя. При нем Винюс возглавляет также Сибирский и Артиллерийский приказы, участвует в создании школ для подготовки специалистов. О близости между царем и его помощником свидетельствует их обширная переписка. Но медлительность в доставке артиллерийских припасов в первые годы Северной войны и обнаружившиеся хищения повлекли в 1703 г. опалу Винюса, и он бежал за границу. Прощенный Петром, Винюс в 1708 г. вернулся в Россию, где ему было поручено наблюдение за деятельностью украинского гетмана Скоропадского (1710—1711 гг.). В последние годы жизни (ум. в 1717 г.) он выполнял поручения Петра, касающиеся переводов книг и некоторые другие.³

Винюс был не только государственным деятелем, но и деятелем культуры. В качестве главного почтмейстера и переводчика, а потом дьяка Посольского приказа он должен был принимать самое деятельное участие в создании курантов — выборки из иностранных газет и вестовых писем, составлявшихся в Посольском приказе для ознакомления царской семьи и правительства с новостями международной жизни. В бытность Винюса в Сибирском приказе по его личному распоряжению Семен Ремезов составляет свой знаменитый «Чертеж Сибирской земли».⁴ Автором географических трудов был и сам Винюс. В 1667 г. он создает справочник «Описание расстоянию столиц, нарочитых градов славных государств и земель, тако ж и знатных островов и проливов, водным и сухим путем, по розмеру книги, именуемая „Водный мир“, и иных принадлежащих к тому описанию, Росийскаго государства от первопрестолнаго его царского величества града Москвы, сколько до которого города

³ Подробнее см.: Козловский И. П. Андрей Винюс, сотрудник Петра Великого. СПб., 1911. См. также: Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906, с. 127—128; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946, с. 16, 131, 162.

⁴ Козловский И. П. Андрей Винюс, сотрудник Петра Великого, с. 16—17, 52.

и проливы верст, по алфавиту, яко предналежащий лист ниже сего представляет».⁵ По-видимому, при составлении справочника было использовано предисловие к голландскому морскому атласу «De Zee-Atlas, ofte Water-Wereld...».⁶ Позже Виниус составляет карту Сибири и европейской части Русского государства; по мнению А. И. Андреева, нашедшего карту Виниуса, она «как по технике исполнения, так и по расположению гидрографии стоит несравненно выше всех известных до настоящего времени русских карт-чертежей».⁷

Переводы, выполненные Виниусом в последние годы его жизни, знакомили русских читателей с достижениями западной военной и технической мысли: в 1710 г. был напечатан перевод «Описания артиллерии» Т. Н. Бринка, а в 1714 г. — перевод «Книги ордера или во флоте морских прав», представляющей собой узаконения голландского флота. Переводы трактата о механике и книги о фейерверках, также осуществленные Виниусом, напечатаны не были.⁸

Виниусу принадлежало и несколько чисто литературных трудов. 1667 г. датируется его сочинение «Избрание от святых, божественных и царственных книг», в котором рассматриваются религиозные и этические проблемы. К 1674 г. относится перевод Виниусом с немецкого сборника басен Эзопа, вывезенного, возможно, из заграничного путешествия переводчика. В сентябре 1696 г., во время триумфального входа войск в Москву после взятия Азова, Виниус «говорил в трубу» победителям вирши собственного сочинения.⁹

Внес Виниус вклад и в развитие в России библиотечного дела и собирательства. Он собрал большую библиотеку, насчитывающую около 400 книг преимущественно на голландском, а также немецком, французском, латинском и польском языках. О ценности библиотеки Виниуса можно судить по тому факту, что после его смерти по распоряжению Петра I в 1718 г. она была передана в Библиотеку Академии наук.¹⁰

Виниусу принадлежала так называемая «Книга Виниуса» — альбом рисунков и гравюр, включавших изображения военных действий, виды заморских стран, портреты, картины на мифологические и религиозно-нравственные сюжеты и т. д. А. А. Доброклонскому, специально занимавшемуся «Книгой Виниуса», удалось произвести атрибуцию ряда произведений и установить наличие среди них довольно большого числа рисунков, принадлежавших известному голландскому художнику XVII в. Яну Ливену. «„Книге Виниуса“ выпала роль, — писал А. А. Доброклонский, заключая свою работу, — быть одним из первых проявлений той коллекционерской деятельности, которою было создано на берегах Невы

⁵ Справочник опубликован: Петров В. А. Географические справочники XVII в. «Поверстная книга» и «Описание расстоянию столиц нарочитых градов славных государств и земель... от града Москвы». — Исторический архив, М.; Л., 1950, т. 5, с. 149—158. В. А. Петровым учтено 18 списков справочника, мы приводим его название по не учтенному им списку рукописи ГИМ, Музейское собр., № 1150, л. 553. В. А. Петровым показана ошибочность точки зрения И. П. Козловского, приписывавшего Виниусу составление и другого справочника — «Поверстной книги».

⁶ См.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903, с. 65—67.

⁷ См.: Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1960, вып. 1, с. 54. Карта Виниуса опубликована в первом издании названного труда А. И. Андреева (Л., 1939) на вклейке между с. 24 и 25.

⁸ См.: Быкова Т. А. Заметки о редких русских изданиях в собраниях ГПБ. — В кн.: XVIII век. М.; Л., 1959, сб. 4, с. 396.

⁹ См.: Козловский И. П. Андрей Виниус, сотрудник Петра Великого, с. 45, 48—49, 51; История русской литературы. М.; Л., 1948, т. 2, ч. 2, с. 145, 412; Дробленкова Н. Ф., Шепелева Л. С. Вирши о взятии Азова в 1696 г. — ТОДРЛ, М.; Л., 1958, т. 14.

¹⁰ См.: Лупцов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1970, с. 236—237.

наиболее богатое собрание произведений Голландской школы».¹¹ Н. Левинсон, вторично исследовавший альбом Винюса, обратил внимание на то, что содержащиеся в нем этюды и наброски характеризуют его владельца главным образом как любителя графики, «ищущего в художественном произведении не только сюжета, но и . . . заглядывающего в самую „кухню“ живописного мастерства». Н. Левинсон отметил также, что целый ряд рисунков из альбома Винюса связан с русской действительностью (например, зарисовки русских людей различного социального положения) и отражает многостороннюю деятельность его составителя.¹²

Посольство Винюса 1672—1674 гг. было обусловлено турецким наступлением на Восточную Европу. Во второй половине XVII в. разнациональная военно-феодалная Османская империя переживала период разложения. Но во время правления визирей Кедрелю (1656—1676) благодаря известному упорядочению военной системы и основ государственного аппарата, достигнутому путем невероятного террора, Турция получила возможность возобновить свою агрессию в Европе. Объектом турецкой агрессии стала и Украина, по Андрусовскому перемирию 1667 г. частично воссоединенная с Русским государством, частично оставшаяся под властью Польши. В 1672 г. Турция начала войну с целью захвата Украины. Русские войска при поддержке украинского гетмана Самойловича сумели дать отпор турецкому наступлению, поляки же на правобережной Украине терпели поражение, и турки овладели важной крепостью Каменцем Подольским.

Обострение отношений с Турцией побудило русское правительство предпринять шаги для создания антитурецкой коалиции. Еще в 1667—1668 гг. Испанию и Францию посетило с этой целью посольство стольника П. И. Потемкина и дьяка С. Румянцева.¹³ В 1672 г. русские посольства были направлены ко всем наиболее влиятельным европейским дворам: к императору Священной Римской империи, папе, венецианскому дожу, бранденбургскому и саксонскому курфюрстам — И. Мезениус, в Англию, Францию, Испанию — А. А. Винюс, в Швецию, Данию и Голландию — Е. И. Украинцев. Послы должны были известить европейских монархов о событиях на Украине и взятии Каменца Подольского, просить о помощи польскому королю и предложить план создания антитурецкого союза.

Посольство Винюса к английскому, французскому и испанскому королям с кратким изложением его задач упоминается Н. Н. Бантыш-Каменским и С. М. Соловьевым.¹⁴ С. М. Соловьев, а вслед за ним в одной из своих работ М. П. Алексеев замечают также, что Винюс в статейном списке дал первое в русской письменности описание образа правления в Англии.¹⁵ Наиболее подробно на миссии А. А. Винюса останавлива-

¹¹ Доброклонский М. В. «Книга Винюса», памятник русского собирательства XVII—XVIII вв. — Известия АН СССР. Серия 7, 1929, № 3, с. 227.

¹² Левинсон Н. Альбом «Книга Винюса» — памятник художественного собирательства в Москве XVII века. — В кн.: Ежегодник Государственного Исторического музея за 1961 г. М., 1962, с. 71—98.

¹³ Статейный список посольства стольника и наместника Боровского Петра Ивановича Потемкина в Испанию в 1715 (1667) году. — Древняя Российская Вивлиофика. 2-е изд. М., 1788, ч. 4, с. 360—457 (на с. 457—564 опубликована вторая часть статейного списка И. Потемкина (посольство во Францию); эта часть издана также в кн.: Путешествия русских послов XVI—XVII вв., с. 227—315).

¹⁴ Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1894, ч. 1, с. 120—121, 163; М., 1902, ч. 4, с. 82; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1966, кн. 6 (тома 11—12), с. 539, 541. Упоминания посольства Винюса содержатся также в работах: Лодыженский А. Посольство в Англию князя Прозоровского, дворянина Желябужского и дьяка Давыдова в 1662 г. СПб., 1880, с. 11; Безобразов П. В. О сношениях России с Францией. М., 1892, с. 21—23.

¹⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 6, с. 539; Алексеев М. П. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI—XVII вв. — Уч. зап. ЛГУ. Серия исторических наук, Л., 1947, вып. 15, с. 50.

ются И. П. Козловский и М. А. Алпатов, рассмотревшие опубликованные материалы этого посольства. Некоторые документы (грамоты царя Алексея Михайловича английскому, французскому и испанскому королям, наказ Виниусу, его донесения с пути) попали в Посольском приказе в состав фонда сношений с Империей и поэтому напечатаны в четвертом томе «Памятников дипломатических сношений Древней России с державами иностранными», включающего материалы названного фонда. Именно эти документы рассмотрели И. П. Козловский и М. А. Алпатов.¹⁶ Но сам статейный список посольства Виниуса остается до сих пор неизданным и неизученным. Анализ его — в первую очередь как памятника, запечатлевшего восприятие русским послом заграничной действительности, — является целью настоящей статьи.

Во времени посольства Виниуса в Западной Европе было неспокойно. Вторая половина XVII в. (после завершения Тридцатилетней войны) была ознаменована установлением гегемонии Франции на европейском континенте. Французский король Людовик XIV стремился к упрочению и расширению территории Франции за счет Испании на юге, испанских Нидерландов (Фландрии и Брабанта), Западной Германии и Голландии (Республики Соединенных провинций) на севере. В 1672 г. огромная французская армия, возглавляемая первоклассными полководцами Тюреном и Конде, напала на испанские Нидерланды и Голландию. В войну против Голландии вступила и Англия, король которой Карл II Стюарт был связан тайными обязательствами с Людовиком XIV.

Отправляя Виниуса к английскому, французскому и испанскому королям с предложением создать антитурецкую коалицию и оказать польскому королю помощь против турок, правительство Алексея Михайловича прекрасно понимало, что необходимым условием осуществления этого плана являлось установление мира в Западной Европе и, в первую очередь, прекращение войны Франции и Англии с Голландией. Поэтому грамоты Алексея Михайловича, которые Виниус вез английскому и французскому королям, наряду с названным предложением содержали просьбу прекратить войну с Голландией.¹⁷

Помимо специального дипломатического поручения посольство Виниуса, как и другие русские посольства в Западную Европу, должно было собрать информацию о международных отношениях и положении дел в западноевропейских странах. Соответствующий раздел наказа Виниусу гласил: «Да будучи ему, Андрею, в Аглинской и во Французской и в Гишпанской землях проведывать себе тайно: с иными окрестными государи и с папою и с цесарем римским и с Галанскими стату и с виницеяны ссылки у них есть ли или война, и буде есть, и о чем и с которыми государи или владетели в миру или не в миру? и нынешняя ево, Андреева, от великого государя к ним присылка надобна ль? и у французжского и аглинского королей с Галанскими стату миру чаять ли, и на чем, и кто ныне в той войне меж их силен? и про иные про всякие вести, которые великому государю его царскому величеству и всему Московскому государству надобны; а проведав, записывать себе имянно и подлинно в статейной список, и тот статейной список и всяким вестям записку, приехав к Москве, подать в Посолском приказе околничему Артемону Сергеевичю Матвееву, да дьяком, думному, Григорью Богданову, да Якову Поздышеву, да Ивану Евстафьеву».¹⁸ К получен-

¹⁶ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее: ПДСДР). СПб., 1856, т. 4, стб. 803—827, 880—890, 919—932; Козловский И. П. Андрей Виниус..., с. 9—14; Алпатов М. К. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973, с. 348, 357, 360—362.

¹⁷ ПДСДР, т. 4, стб. 803—809.

¹⁸ Там же, стб. 827.

ному наказу Винюс отнесся с внимательностью и постарался выполнить его как можно лучше.

Отправиться в Англию из Риги по морю, как это предполагалось. Винюс не смог из-за того, что море замерзло, и он проехал по суше через северные немецкие княжества в Голландию, где посетил Амстердам, Гаагу, Бриль. Из Бриля 23 февраля 1673 г. на английской почтовой шхуне он выехал в Англию и 26 февраля прибыл в порт Гарвич. Здесь Винюс некоторое время ожидал разрешения короля на проезд к его двору и по получении соответствующей королевской грамоты направился в Лондон. В Лондоне Винюс пробыл с 5 марта по 15 апреля и за это время имел две аудиенции у Карла II Стюарта.

Будучи в Лондоне, Винюс просил французского посла известить о своем предстоящем приезде французского короля. Поэтому, когда Винюс прибыл во французский порт Кале («Калис»), то «пристав» (королевский чиновник, которому было поручено курировать русского посланника) передал ему распоряжение Людовика XIV ехать во Фландрию, куда вместе с войсками отправился король вместе со своим двором. Здесь под городом Куртре Людовик XIV принял Винюса, который затем был приглашен присутствовать на смотре французских войск. Из Куртре, не получив прощальной аудиенции у короля, так как тот с войском двинулся дальше, Винюс направился к Амьену и через Сен-Дени прибыл в конце мая в Париж. Отсюда, получив грамоту Людовика XIV к Алексею Михайловичу, Винюс 4 июня выехал в Испанию. 23 июня он был в испанском пограничном городе Ируне («Айрон»), 6 июля — в Мадриде. После аудиенций у короля Карла II Габсбурга и королевы-матери Мариины Австрийской Винюс тронулся в обратный путь. В конце августа 1673 г. он был в Бильбао, затем на английском корабле достиг Англии и оттуда направился на родину; в Москву он возвратился в январе 1674 г.¹⁹

Миссия Винюса — если иметь в виду ее главную цель — закончилась неудачей: склонить Англию, Францию и Испанию к созданию антитурецкой лиги русскому посланнику не удалось. Карл II Стюарт в грамоте Алексею Михайловичу писал, что он готов назначить послов для переговоров с Голландскими штатами о мире. Что касается польского короля, то оказать ему помощь сухопутными войсками за дальностью расстояния он не может, а посылка против турок английского флота вряд ли принесет пользу войне, «в Польше содеянной»; кроме того, английский король имеет давний мир с султаном, а подданные короля ведут выгодную торговлю в землях султана. В заключение Карл II просил царя восстановить прежние привилегии и вольности английских купцов в России, которые были отняты в связи с «бунтом», происшедшим в Англии (революцией и казнью короля Карла I Стюарта).²⁰ Таким образом, проявив готовность (или видимость готовности) согласиться на просьбу русского царя о прекращении войны с Голландией, на главное его предложение — выступить против Турции — английский король ответил отказом. Реакция французского двора была также отрицательной: ответ Людовика XIV на предложение Алексея Михайловича заключить мир с Голландией и послать войска против турок составлен в высшей степени неопределенных тонах.²¹ Винюс же в бытность свою во Франции со слов своих французских собеседников записал, что хотя французскому королю присылка русского посланника «годна» и король помог бы Польше против турок, но он в союзе с Англией начал войну с Голландией и не прекратит ее, так как «ничто не может к расширению госу-

¹⁹ Статейный список посольства А. А. Винюса. — ЦГАДА, ф. 35, оп. 1, № 16.

²⁰ ПДСДР, т. 4, стб. 922—924.

²¹ Отправление А. А. Винюса к английскому, французскому и испанскому королям. — ЦГАДА, ф. 35, оп. 1, № 229, л. 132—138.

дарства его вящше послужить как случай нынешней».²² Думается, что информация, собранная Виниусом, в большей мере отражала истинную позицию Людовика XIV, нежели его официальный ответ Алексею Михайловичу. Ответная грамота испанского короля Карл II Габсбурга в делах Посольского приказа не сохранилась. В статейном же списке среди известий, о которых Виниус «проведовал» в Мадриде, записано, что королеве-матери Мариане Австрийской, правившей во время малолетства своего сына, миссия русского посланника «приятна», в частности, потому, что ее сестра была женой польского короля; последнему правительство Испании окажет денежную помощь, но послать свои войска не сможет из-за дальности расстояния и «малолюдствия» Испании, так как испанскому королю приходится постоянно отправлять войска в свои отдаленные владения (л. 121—121 об.).

Англия и Франция, поглощенные европейскими делами и издавна связанные добрыми отношениями с Турцией (в первую очередь в силу своих торговых интересов) не желали менять относительно ее своей позиции. Испания же, хотя и находилась в постоянной вражде с Турцией, от вступления в войну с ней уклонилась, так как не имела для этого сил. Но если, повторяем, посольство Виниуса и не достигло поставленной перед ним цели, тем не менее дипломатическая активность Русского государства способствовала возрастанию его престижа в Западной Европе. Для русского же правительства посольство Виниуса оказалось весьма полезным, так как оно привезло в Москву добротную информацию, которая несомненно должна была способствовать правильной ориентации в европейских делах.

Каждая из частей статейного списка Виниуса, содержащая описание его пребывания в Англии, затем Франции и наконец Испании, делится на три тематических раздела: 1) дневниковый, включающий запись в хронологическом порядке сведений о путешествии посланника и ведшихся им переговорах, впечатлений о стране; 2) раздел о международном положении страны, в которой находился посланник; 3) раздел о ее государственном устройстве.

Отметим наиболее интересные известия дневниковых разделов статейного списка Виниуса. В английской части статейного списка такими были, несомненно, записи, отразившие некоторые характерные черты внутриполитического положения Англии времени реставрации Стюартов, и прежде всего конфликт короля с парламентом. Виниус рассказывает, что когда он прибыл в Лондон, то «пристав» объяснил промедление с предоставлением русскому посланнику аудиенции у короля тем, что «во вся-де дни королевское величество сидит в парламенте, и у него ныне с парламентом великой спор». В последующей беседе «пристав» сообщил, что парламент согласился предоставлять королю на ведение войны с Голландией ежемесячно, в течение 8 месяцев, по 7 тысяч фунтов, и что если бы соглашение об этом не было достигнуто, «то бы без кровопролития не было, и те споры-де до того дошли, что учали в парламенте за шпиги приниматься» (л. 12 об.—13 об.). Конфликт короля с парламентом был вызван стремлением Стюартов править страной помимо парламента, опираясь на поддержку внешних сил и прежде всего французского абсолютистского правительства Людовика XIV. Особое недовольство широких общественных кругов Англии вызывало вступление ее в войну с Голландией, явившееся следствием тайного соглашения Карла II с Людовиком XIV, заключенного в Дувре в 1670 г. Собеседники Виниуса во Франции, куда он прибыл из Англии, говорили ему, что английский король оказывает большую помощь французам и желает вести войну, но «народ англинской посполитой» той войне не рад, потому

²² ЦГАДА, ф. 35, оп. 1, № 16, л. 78 об.—79 об. (далее листы статейного списка Виниуса даются в тексте в скобках).

что она требует много денег, а «прибытков» не дает никаких (л. 82—83). Напряженные отношения короля с парламентом по вопросу финансирования войны с Голландией и зафиксировал московский дипломат в своем статейном списке.

В дневник своего пребывания в Лондоне Виниус занес сведения и о большом влиянии, которым пользовался брат Карла II и его наследник — герцог Йоркский Яков: «пристав» спросил Виниуса, есть ли у него царская грамота к брату короля «дук де-Ярку», и пояснил, что послы всех государей брату короля, «который есть по короле король и его ближней наследник», «правят» поклон и поздравление. У Виниуса такой грамоты не было, и из щекотливого положения он вышел, дипломатично ответив, что царь имеет сношения только с венчанными государями, «а дук де-Ярк, хотя королевскому величеству по родству и брат, однако же по чину, которой он имеет, есть ему слуга» (л. 13 об.—14 об.).

Описал Виниус, и как выглядела «палата», в которой король с саванниками и придворными принимал русского посланника: «А как посланной у короля на приезде был, и в той полате было многолюдно гораздо, и вся полата была полна, только перед королем мало пораздались, как сряду двум человеком пройти, а король сидел с королевою в креслах, обиты червчетым бархатом, травы по ним шиты золотные, над ними сделано такова же бархату небо, а около короля стояли брат его дук де-Ярк в шляпе да ближние люди, гораздо утесняясь, а около королевы боярыни, а под ними послан был ковер большой. А королевское величество и королева были в черном обычном платье». Закончил свой рассказ Виниус зарисовкой облика королевской четы: «А королевское величество собою ростом высок, в лице смугл, а королева ростом певелика и суха» (л. 17 об.—18). Подробно описал Виниус и устройство и богатыю отделку яхты королевы, которая была предоставлена ему для переезда через Ла-Манш из Англии во Францию (л. 26 об.).²³

В дневниковом разделе французской части статейного списка Виниус рассказал о приеме у французского короля. Людовик XIV в сопровождении двора находился в это время в городе Куртре во Фландрии, частично занятой французскими войсками. Русскому посланнику велено было быть в «королевских таборах на поле». Король принял Виниуса в шатре, по правую руку короля стоял его брат «дук де-Орлеан» (герцог Орлеанский) и «иные многие ближние люди», королева «с боярынями» стояла в стороне. Королевские шатры были обыкновенные, полотняные, посредине проложены тафтою; лучшие шатры не ставили, так как было ненастье (л. 34—47).

Виниус сообщил и о смотре королевских войск, на котором он присутствовал: по словам французов, при короле тогда находилось рейтар и драгун и всякой конницы приблизительно 12 тысяч человек, сверх того английской конницы — 2 тысячи человек, пехоты, состоявшей из французов, швейцарцев и немцев, вооруженных мушкетами и пиками, — 16 тысяч человек. Конница была лучше пехоты, заметил Виниус, «кони добрые и люди крупные», и оружие у них лучше, а в пехоте «люди худ и мелок». Описал Виниус костюм «надворных» гвардейцев: «на них епанчи лазоревые, на спинах вышиты кресты серебряные» (л. 48—48 об.). Рассказ Виниуса рисует походный быт короля и состав королевских войск.

Из королевского лагеря во Фландрии Виниус направился в Париж, где провел около двух недель в ожидании ответной грамоты короля русскому царю. В заметках о своем путешествии по Франции Виниус особо

²³ Во время своего посольства к трем европейским дворам наиболее любезный прием Виниус встретил в Англии, что объясняется, вероятно, стремлением английского правительства получить согласие русского царя на восстановление прежних привилегий английского купечества в России, отмененных в связи с казнью Карла I Стюарта.

останавливается на достопримечательностях Амьена и Сен-Дени. В Амьене он обращает внимание на «костел зело велик», о котором говорят, что во Французской земле «подобна мало»: речь идет о самом большом храме Франции — соборе Нотр-Дам (построен в XIII в.), украшенном нарядным скульптурным декором. В Амьене же Виниус записал и слышанную им легенду о происхождении мощей Иоанна Крестителя, хранившихся в амьенском соборе в ковчеге с греческими надписями: эти мощи «греческий царь Алексей» (византийский император Алексей Комнин) подарил «французскому князю Годфриду Бовилиону», который затем «учинился царем» в Иерусалиме (Готфрид Бульонский, один из участников первого крестового похода, стал первым королем основанного крестоносцами Иерусалимского королевства), и от него уже мощи достались французским королям (л. 55 об.—56 об.). Так в связи с описанием достопримечательностей Амьена в статейный список московского дипломата проникли сведения и об участии французских рыцарей в крестовых походах и создании крестоносцами на Востоке своих государств.

О Сен-Дени («Сант-Денис») Виниус записал, что здесь в «костеле» погребают французских королей (церковь аббатства Сен-Дени с XIII в. служила их усыпальницей), «а на гробницах их възделаны подобия их из бела мрамора» (л. 56 об.—57).

В своих впечатлениях о Париже Виниус подчеркивает размеры города («Париж велик»), его притягательную силу как центра просвещения для иностранцев и распространившуюся уже в XVII в. моду на французский язык («много людей и иноземцев всяких в Париже — немец, англичан, датчан, поляков, шведов, галанцев множество, которые приезжают в Париж для учения французского языка»), густую заселенность столицы Франции («и всякого люду в Париже, сказывают, мужскаго и женскаго и младенцов 16 сот тысяч душ») (л. 57 об.).

Направляясь из Франции в Испанию и пересекая франко-испанскую границу, Виниус отметил, что та граница идет «от океяна моря... через Пиринейские высокие горы до Средиземнаго моря. И пути, которые из Французской земли в Гишпанскую, во всех местех зело трудны чрез высокие горы» (л. 77 об.).

Дневниковый раздел испанской части статейного списка Виниуса менее интересен, чем двух предыдущих его частей: в нем меньше наблюдений о стране и особенностях ее жизни.

Во время пребывания в Мадриде Виниус внес в свой статейный список обязательное описание аудиенции у короля: русскому посланнику бросилось в глаза, что «ближние люди» короля оставались в его присутствии в шляпах (привилегия грандов — высшего слоя испанской знати). Виниус подчеркнул также, что правительницей при несовершеннолетнем короле Карле II является его мать, вдовствующая королева, которой послы и посланники «листы писали ... для того, что она принимает и ответ чинит и всякие дела управляет во время несовершеннолетних лет сына своего» (л. 97, 106).

За дневниковыми разделами всех трех частей статейного списка Виниуса следуют, как мы уже указывали, разделы о международных отношениях. В соответствии со сложившимся формуляром статейных списков эти разделы начинались с характеристики взаимоотношений английского, или французского, или испанского королей с папой римским, затем с императором Священной Римской империи и далее с другими европейскими монархами и правительствами, перечисленными в соответствии с существовавшими представлениями об их удельном весе в международной жизни; завершался каждый раздел указанием на взаимоотношения с турецким султаном. В результате статейный список Виниуса давал следующую картину.

С римским папой английский король не поддерживал сношений «разности ради веры»: английский король и духовенство, а также большая

часть народа были протестантами. Напротив, французский король поддерживал с папой постоянные сношения, и французское духовенство было подчинено папе: епископы, после назначения королем, ездили для поставления в Рим; но, будучи католиком и соблюдая верность папе, французский король не допускал вместе с тем его влияния на государственные дела: как писал Винюс, «король в делах государственных, кроме духовных, папы мало слушает». Альянс испанской короны с римским престолом был более тесным, и папа получал большие доходы с Испании и испанских владений в Италии (л. 27 об. — 28, 81, 121 об. — 122).

С императором у английского короля, по словам Винюса, «ссылка бывает не по часту» из-за отдаленности от Англии «Цесарской земли»; в силу этого же обстоятельства между императором и английским королем не бывает ни союза, ни войны. Что касается французского короля, то у него с императором нет ни союза, ни «дружбы великой» по двум причинам: 1) французский король считает себя «правдивым наследником цесарей римских по линии Кароля великом первом» (имеются в виду претензии Людовика XIV на императорскую корону, которые он обосновывал происхождением французских королей от императора Карла I Великого); 2) императоры, будучи «из одного австрийского дома с испанскими королями», объединяются с последними в войне против французов. Испанский король, напротив, находится с императором в дружественных отношениях благодаря родству; эти отношения настолько тесные, что испанская королева, являвшаяся правительницей при своем малолетнем сыне, без совета своего брата, императора, «ничто не совершает» (л. 28, 81—81 об., 122).

Касаясь взаимоотношений между английским и французским королями, Винюс отмечает существовавший между ними тесный союз, направленный против Голландии. Но отношения обоих королей к Испании были, по словам Винюса, различными: у французского короля с испанским «миру бывает мало, а когда и мир, и тогда любви и дружбы не бывает» (несмотря на то что французский король женат на сестре испанского короля), французский король всегда помогает противникам испанцев; что касается английского короля, то он по отношению к испанскому держался нейтрально, не имея с ним ни союза, ни войны (л. 28—28 об., 81 об.—82, 122 об.—123).

Много места в статейном списке Винюса уделяется англо-франко-голландским отношениям, в частности вопросу о причинах возникновения войны Англии и Франции против Голландии. Стремясь как можно полнее осветить этот вопрос (напомним, что Винюс был послан с проектом прекращения войны как необходимого условия создания антитурецкой коалиции), Винюс излагал версии, слышанные им в Голландии (где он находился проездом), Англии, Франции.

Голландцы считали, что французский король начал против них войну из зависти к их могуществу, а также потому, что они своими «промыслами» (имеется в виду торговля) «езде овладели»; кроме того, начиная войну, французский король стремился к «разширению своей славы». Что касается английского короля, то он, по мнению голландцев, напал на их страну вместе с французским королем потому, что оба короля договорились о разделе между собою Голландии (л. 8 об.—9). Согласно английской версии, вступление Англии в войну против Голландии было вызвано неблагодарностью голландцев: когда голландцы вели борьбу с Испанией с целью освобождения из-под ее владычества, то королева Елизавета и ее преемники всячески им помогали; но когда голландцы добились свободы, то они «почали всякими мерами агличан от торгов их повсюду отеснивать. . . и во всю учили агличаном быть противны». Сходна с английской и французская версия: французские короли людьми и деньгами помогали голландцам в борьбе против Испании, но когда голландцы стали свободными, а освободившись — богатыми и сильными, то они забыли благодарения французских королей, начали заключать против них союзы

и «учали быть горды». Чтобы смирить голландцев, английский и французский короли вступили против них в войну (л. 29—30, 84—85).

Хотя Виниус добросовестно передал официальные, почерпнутые им в придворных кругах Англии и Франции точки зрения о «неблагодарности» голландцев как причине возникновения войны, тем не менее в его информации четко прослеживаются ее истинные причины: недовольство французского и английского правительств экономическим соперничеством Голландии, а также стремление французского абсолютизма к упрощению своей гегемонии в Западной Европе и к территориальному расширению Франции. Изложение Виниусом голландской версии проливало в какой-то мере истинный свет и на обстоятельства вступления Англии в войну с Голландией: по словам голландских информаторов Виниуса, оно явилось, как мы уже упоминали, следствием договора между английским и французским королями о разделе Голландии; очевидно, здесь имелся в виду дуврский договор 1670 г. (см. выше).

По-иному в статейном списке Виниуса рисуется позиция Испании в отношении Голландии: испанцы, опасавшиеся, что в случае захвата Францией Голландии французский король так же поступит с испанскими Нидерландами, оказывали Голландии «некое вспоможение», но это «вспоможение» было ограниченным, так как испанцы боялись гнева французского короля и возникновения в силу этого войны между Францией и Испанией (л. 122 об., 123 об.—124).

Касаясь взаимоотношений монархов, к которым был послан Виниус, со скандинавскими, он отмечает, что у английского и испанского королей «ссылки» с ними «бывают не по часту», у французского же короля со шведским — более частые, так как шведы, имеющие свои войска в Померании (последняя отошла к Швеции в результате Тридцатилетней войны), тем самым преграждают оказание помощи голландцам со стороны датского короля, бранденбургского курфюрста и люнебургских князей и «угождают» таким образом французскому королю (л. 28 об., 83, 123 об.).

Взаимоотношениям английского, французского и испанского королей с правительствами итальянских государств Виниус почти не уделяет внимания (л. 28 об.—29, 83 об.—84, 123 об.), очевидно потому, что Италия находилась в стороне от того узла острых противоречий, который завязался в Западной Европе и который специально интересовал русского дипломата.

Останавливается Виниус и на взаимоотношениях французского и испанского королей с польским. У французского короля с польским после избрания королем Михаила (Михаил Вишневецкий занимал польский престол в 1669—1673 гг.) «ссылки» не бывает, так как поляки не захотели взять себе в короли князя «Кондеуша» (речь идет о неудачной попытке Людовика XIV добиться избрания в польские короли принца Конде, точнее его сына, герцога Энгиенского) и, кроме того, король Михаил женился на сестре императора. У испанского короля с польским раньше «ссылка» бывала не часто, а теперь она бывает ради «свойства с королем польским» (король Михаил был женат на сестре императора Леопольда I и вдовствующей испанской королевы Марианы Австрийской), и испанский король помогает польскому деньгами против турок (л. 83—83 об., 123).

Говоря о Португалии, Виниус сообщает о ее освобождении из-под власти Испании и о том, что во время борьбы португальцев за независимость (1640—1668 гг.) им оказывали помощь французы, «не хотя гишпанцов видеть в силе» (л. 83 об.).

Касаясь взаимоотношений с Турцией, Виниус отмечает, что у французского короля с турецким султаном — «ссылка» и французские купцы имеют в Турецкой земле «великие промыслы». Напротив, у испанского короля с султаном «ссылки и миру никогда не бывает», и турки с испанцами на море всегда бьются. По этой причине греки из Мореи просили

у испанского короля помощи против турок, а король поддерживает рыцарей Мальтийского ордена в их постоянной борьбе с турками и дает им из подвластного испанцам Сицилийского королевства «всякой запас» (л. 85, 124).

Рассмотренные нами сейчас разделы статейного списка Винюса, содержащие характеристику международных отношений, дают достаточно правильную и полную их картину. Одним из главных факторов, от которого в значительной степени зависел политический климат Европы, являлось, согласно информации Винюса, стремление французского абсолютизма к успрочению своей гегемонии на европейском континенте. Оно находило выражение, как показывает Винюс, в войне Франции против Голландии, одновременном нападении французских войск на испанские Нидерланды, претензиях Людовика XIV на императорскую корону, попытке посадить на польский престол герцога Энгиенского. Винюс четко указывает, что одной из причин англо-франко-голландского конфликта являлось экономическое соперничество между Голландией, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой; он отмечает следование английскому королю Карлу II французскому политическому курсу в голландском вопросе. Русский дипломат рисует также тесный альянс, существовавший между испанскими и австрийскими Габсбургами, определявшийся, конечно, не только родственными связями, как он думал, но и политикой обоих правительств, имевшей целью укрепление реакционных феодальных режимов. В статейном списке Винюса подмечено и то обстоятельство, что, несмотря на различие общественно-политического строя Голландии, «образцовой капиталистической страны XVII столетия»,²⁴ и являвшихся средоточием феодально-католической реакции Испании и монархии австрийских Габсбургов, между первой и вторыми установились, под влиянием экспансионистских планов французского абсолютизма, некоторые контакты: Испания оказывала известную помощь Голландии, последняя искала опоры у императора. Касается Винюс и позиции других европейских государств: отмечает, в частности, следование Швеции в фарватере французской политики. Правильно Винюс характеризует большую роль турецкого вопроса в международной жизни Европы и различное отношение к нему со стороны европейских держав.

Заключительные разделы всех трех частей статейного списка Винюса посвящены, как мы уже указывали, характеристике государственного строя Англии, Франции и Испании.

В соответствующем разделе английской части статейного списка, имеющем заголовок «О чине правления королевства Аглинского», Винюс следующим образом рисует государственный строй Англии: «Правление Аглинского королевства, или, как общим именем именуют, Великой Британии, есть отчасти монархияльно,²⁵ отчасти аристократно,²⁶ отчасти же демократно.²⁷ Монархияльно есть, потому что имеют агличаня короля, которой имеет отчасти в правлении силу и повеление, только не самовластно. Аристократно и демократно есть, потому [что] во время великих принадлежщих каких дел, вчятия войны или учинения миру или поборов каких денежных, и тогда король съзывает парламент.²⁸ А тот парламент делится в два дома: единого именуют вышним, другаго нижним домом. В вышнем собираются сенаторы и шляхта лутчия всей земли, в другом собираются старосты мирских людей всех городов и мест. И хотя что в вышнем доме и приговорят, однако же без позволения нижнего дома совершити то дело невозможно, потому что всякие поборы денежные принадлежат к меньшему дому. И потому вышней дом может нарещися

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 761.

²⁵ На поле листа пояснение: «единовластно».

²⁶ На поле листа пояснение: «правление первых людей».

²⁷ На поле листа пояснение: «народоправительно».

²⁸ На поле листа пояснение: «или сейм».

аристократия, а нижней — демократия. А без позволения тех двух домов король не может в великих делах никакого совершенства учинить. И те два дома имянуют они парламент» (л. 30 об.—34). В приведенном отрывке Виниус описывает устройство разделенного на две палаты английского парламента, подчеркивает аристократический состав палаты лордов («сенаторы и шляхта лутчия») и более демократический состав палаты общин («старосты мирских людей всех городов и мест»), показывает ограниченный характер власти короля, обязанного при решении важнейших вопросов, особенно финансовых, испрашивать согласия парламента. Англию Виниус рисует как страну, в которой существовала ограниченная монархия. Отметим, что к описанию государственного строя Англии русский дипломат пытался подойти в известной мере с теоретических позиций: показать сочетание в нем монархического, аристократического и демократического элементов.

Далее Виниус называет высших сановников Англии («чиновных людей по короле») и характеризует их функции. Первый чин после короля — «адмирал над воинскими кораблями» (имелся в виду лорд адмиралтейства); этот чин у англичан «велик», потому что вся их «вящшая сила . . . состоится на море», ныне адмиралом является брат короля герцог Йоркский. «Великий чин» также — государственный канцлер, которому подчиняются два государственных секретаря («секретаря-штета») или «думных дьяка», ведающие посольскими и воинскими делами: один ведает делами, касающимися южных и западных стран, другой — восточных и северных стран (л. 31 об.—32).

В заключение Виниус останавливается на военных силах Англии. Он еще раз подчеркивает, что ее главная сила заключается в кораблях, которых насчитывается, кроме «мелких и запасных», 880. Сухопутные же войска англичан немногочисленны, так как Английское государство «от иных земель морем отделилось» (л. 32).

Раздел французской части статейного списка, имеющий заголовок «О Французском королевстве и о правлении его и о государственных чинах и о могутстве короля французского на суще и на море», Виниус начинает с географического описания Франции. Указывает ее границы: на востоке — с Империей и Швейцарией, на западе, где находятся лучшие французские порты, — с «морем-океаном», на севере — с испанскими Нидерландами и частично Голландией, на юге — с Испанией, а также Средиземным морем и Савойским герцогством. «Длина всей Французской земли, — пишет Виниус, — прямою строкою от рубежа Цесарские земли до западнаго океана будет с 108 миль,²⁹ а ширина от Калиса (Кале, — *Н. К.*) до Марселия (Марсея, — *Н. К.*) считают с 120 миль французских». Заканчивает Виниус географические сведения о Франции указанием на наличие в ней многих городов, «которые все многолюдны зело и хлебом, винами и солью изобильна» (л. 85 об.—86).

Государственный строй Франции Виниус характеризует лаконично, но вместе с тем выразительно: «Правление Французскаго государства монархально или единовластно, потому что король самовластен и своим изволом во всяких государственных великих делах творит начало или окончание по своей воле» (л. 86). Если рассуждения Виниуса перевести на современный язык, то мы должны будем сказать, что государственный строй Франции он определяет как абсолютистскую монархию.

Останавливаясь далее на системе правления и высших государственных чинах Франции, русский дипломат указывает, что раньше все военные дела находились в ведении коннетабля, а гражданские — в ведении «государственного канцлера». Но при нынешнем короле этих чинов не стало. Теперь военные силы подчинены «маршалкам», которых «во всей Французской земли с 12 или с 14 человек» и над которыми «король фран-

²⁹ На поле листа добавлено: «немецких».

цузской совершенную власть имеет». После смерти прежнего канцлера король правит при помощи четырех государственных секретарей, один из которых ведаёт всеми делами, касающимися войны, другой — доходами и расходами государственными, третий — сношениями с другими государствами, четвертый — делами, связанными с духовенством (л. 86 об.—87). Виниус правильно передает происходивший в так называемый век Людовика XIV (1661—1715) процесс сосредоточения всей центральной власти в руках короля: должность коннетабля была упразднена еще при Людовике XIII; что же касается должности канцлера, то хотя она не упразднилась, но во время пребывания Виниуса во Франции (весна 1673 г.) канцлера действительно не было (прежний канцлер Сегье умер в 1672 г., новый, Этьен д'Амир, был назначен в 1674 г.). В центральном аппарате власти большое значение приобрели, как это правильно отмечает Виниус, государственные секретари, регулярно представлявшие личные доклады королю. Интересно, что, говоря о государственном секретаре по финансовым вопросам, Виниус замечает, что этот секретарь — «вместо государственного казначея, которого ныне нет же и сослан в ссылку» (очевидно, Виниус имел в виду последовавшую в 1661 г. опалу и ссылку сюринтенданта финансов Фуке). Продолжая описание системы центральной власти Франции, Виниус указывает, что король «взявшие свои думы» имеет с теми «думными дьяками» (государственными секретарями), приглашая иногда «в тое думу . . . брата своего (герцога Орлеанского, — *Н. К.*), или князя Кондеуша (принца Конде, — *Н. К.*), или коего маршала, и, их приговор и мысли выведав», затем решает дело «с одним или двумя», при этом решение короля остается тайной до тех пор, пока не будет приступлено к его осуществлению (л. 87—87 об.). Здесь Виниус опять подчеркивает абсолютистский характер власти французского короля, самолично принимавшего решения по всем важнейшим вопросам.

Говоря о провинциальных органах власти, Виниус называет парламенты, замечая при этом, что «до государственных дел они не надлежат, а токмо судят всякие главные судебные и гражданские дела» (л. 87 об.). В этой записи отражен упадок значения парламентов, превратившихся при Людовике XIV в чисто судебные инстанции, в которых царила страшная судебная волокита (это, кстати сказать, в статейном списке Виниуса также подмечено).

Подметил русский дипломат и такую поражающую иностранцев особенность жизни Франции, как продажу государственных должностей: «. . . чины вящие, которыми король кого пожалует, — пишет Виниус, — кроме самых ближних высоких, кожды может иному продать с позволения королевского, и некоторые чины они продают друг другу по 20 и по 40 и по 50 тысяч и болши золотых червонных» (л. 87 об.—88).

Довольно подробно Виниус останавливается на состоянии французских финансов. Он называет три источника пополнения государственной казны: пошлину с соли (она составляет в год до 14 миллионов гульденов), налог с крестьян, поступления от таможенных сборов, отданных на откуп. Говоря об уплате крестьянами «дани» королю «с земли», Виниус указывает, что «иную часть» они платят «вотчинникам за землю, а иную часть духовенству от плодов своих» (л. 88—88 об.); в первом случае Виниус имел в виду государственные налоги с крестьян, во втором — сеньориальную ренту, в третьем — церковную десятину. В связи с указанием на пошлину с соли как на источник дохода королевской казны Виниус сообщает любопытные сведения о способах соледобычи во Франции: «А соль во Французской земли все садится от морской воды, которую пускают ларями с моря, и солнечною жаростию в лете та соль садится дважды и болши на день. А к гиппанскому рубежу копают из гор, только та соль гораздо хуже» (л. 88). Общую сумму государственных доходов Франции Виниус определяет в 14 миллионов золотых червонцев,

добавляя, что из-за больших расходов на строительство порубежных крепостей и «иные многие дела» от этой суммы мало что остается.

Заканчивая раздел, посвященный государственному строю Франции, Виниус характеризует ее военные силы, подчеркивая при этом, что «сила французского короля вкратце состоит в воинских людях на суше, нежели на море» (88 об.—89).

Заключительный раздел испанской части статейного списка Виниуса, снабженный заголовком «О правлении Гишпанского государства» (л. 124 об.—125 об.), можно разделить на три пункта. Текст первого пункта гласит: «Гишпанское королевство и прочие земли, присовокупленные к тому, правятся правлением единовластным, и короли гишпанские [как сами испанцы сказывают]³⁰ во управление всяких государственных делех самовластны, что хотят, так и творят, також королева нынешняя во время малолетствия сына своего; однако ж она без совету семи человек, первых своих сенаторей [коих король ей совета ради в делех великих приставил], ничто в государственных делех не совершает». Виниус правильно передает абсолютистский характер власти испанских королей, не ограниченный никакими другими государственными институтами (кортесы, обладавшие правом втирывать налоги, находились в упадке и в царствование Карла II ни разу не собирались), а также сосредоточение реальной власти во время малолетства Карла II в руках его матери Марианы Австрийской, обязанной считаться, согласно политическому завещанию Филиппа IV, лишь с персонально назначенным им советом из высших сановников; совет был задуман как временное учреждение до совершеннолетия короля.³¹

Во втором пункте указывается, что «каждое королевство [коих в Гишпании принадлежат много] и каждое дело имеет свой разряд и приказ, и потому в Мадриде большаи традици приказов, к которым принадлежат думных и ратманов, секретарей и писарей множество, которым дается из доходов королевских жалованье великое». Пользуясь привычной на родине терминологией, Виниус отмечает в соответствии с действительностью разветвленность бюрократического государственного аппарата Испании и наличие огромной армии чиновников, поглощавшей львиную долю средств государственной казны.

В третьем пункте, специально посвященном вопросу о доходах и расходах государственных, указывается, что доходы Испанского королевства «зело велики», но и расходы также, так как испанский король во всех отдаленных владениях своих — Неаполе, Сицилии, Милане, Фландрии, Бургундии, островах Средиземного моря, «Индии» (Америке) и многих других — должен держать, «опасности ради от своих неприятелей», большие военные силы, на которые тратятся огромные средства. И поэтому в самой Испании «малоллюдно» и там едва можно собрать 40 или 50 тысяч войска, а на Средиземном море — 23 военных корабля, а в Кадисе и других океанских портах — 20 или 30 военных кораблей, которые сопровождают королевские корабли, груженные золотом и серебром из Америки. Виниус, определяя численность войск, которые могли быть собраны в самой Испании, и кораблей, базировавшихся в испанских портах, возможно, ошибался. Но он очень точно подметил, что Испания могла подерживать власть во всех своих многочисленных европейских и заокеанских владениях ценою огромного напряжения людских и материальных ресурсов, напряжения, приводившего к их истощению — обезлюдению страны и оскудению государственной казны.

³⁰ Здесь и далее сохранены прямые скобки, имеющиеся в рукописи статейного списка А. Виниуса.

³¹ Во время своего кратковременного пребывания в Испании Виниус не сумел подметить, что, несмотря на абсолютистский характер власти испанских королей, в XVII в. она переживала период ослабления, чему способствовали, в частности, незначительность личностей последних Габсбургов на испанском троне и процветание системы фаворитизма.

Дневниковые разделы с отчетами послов о выполнении порученных им миссий и записями путевых впечатлений составляли неотъемлемую часть всех статейных списков. Среди записей путевых впечатлений обязательными по традиции являлись описания маршрутов послов, церемониала их встреч, аудиенций у европейских монархов. Сведения же иного порядка варьировались. По сравнению с некоторыми другими статейными списками второй половины XVII в. дневниковые разделы статейного списка Винюса беднее сведениями о природе, достопримечательностях, быте населения и т. д., но зато они включают очень интересные наблюдения над общественно-политической жизнью стран, в которых побывал русский посланник (например, о конфликте короля с парламентом, составлявшем одну из наиболее характерных особенностей политического климата Англии начала 70-х годов XVII в.). В этой связи приведем дополнительно из дневниковых разделов статейного списка Винюса известия, характеризующие политическую обстановку в Голландии, в которой Винюс побывал, как мы уже упоминали, проездом. В Гааге он слышал от голландцев, что «статы не так владеют, как прежде»; без ведома «князя» Оранского «статы ничего делать не смеют, а он-де ныне делает, что хочет, войска набирает и посылает и платит и чинами жалует своею волю, и что он похочет, и тому они во всем согласуют (л. 8 об.). В этой записи четко отражен упадок значения генеральных штатов — высшего, выборного органа власти Республики соединенных провинций (Голландии) и возрастание влияния штатгальтера Вильгельма Оранского, добившегося в начале 70-х годов почти неограниченной монархической власти.

Разделы с характеристикой международных отношений также являлись, как мы уже указывали, традиционными для всех статейных списков. Эти разделы, как правило, верно отражали основные черты международного положения в Европе, и статейный список Винюса не составлял в этом отношении исключения. Но названным разделам статейного списка Винюса присущи бóльшая обстоятельность и четкость, большее понимание сложных перипетий международной жизни Европы.

Заключительные разделы всех трех частей статейного списка Винюса, посвященные характеристике государственного строя Англии, Франции, Испании, составляют оригинальную принадлежность названного списка. В других статейных списках подобные разделы, насколько нам известно, отсутствуют. Появление их в статейном списке Винюса — результат стремления автора не просто фиксировать свои наблюдения, а подвергнуть их обобщению, воссоздать на их основе — впервые в памятке русской оригинальной (а не переводной) письменности — основные контуры государственного строя стран, в которые он был послан. И в этом заключается особая ценность статейного списка Винюса.

Статьейному списку Винюса в целом присуще, таким образом, особое внимание к событиям и формам политической жизни. Это внимание являлось, как надо думать, одной из характерных черт мировоззрения Винюса, о чем свидетельствует, в частности, состав его библиотеки.

О библиотеке Винюса писали несколько авторов. И каждый из них отмечал в ней наличие тех книг, которые соответствовали направлению его исследования. П. П. Пекарский, например, поставивший своей целью изучение науки и литературы при Петре I, остановил свое внимание в первую очередь на имевшихся в библиотеке Винюса книгах общекультурного значения: различных словарях (французско-фламандский, латинско-немецко-польский, немецко-английский), грамматиках (в их числе находилась латинская грамматика Меланхтона), описаниях путешествий, преимущественно по Азии и Африке, а также иностранцев по России (Герберштейна, Олеария, Петрея и др.).³²

³² Пекарский П. П. Наука и литература при Петре I. СПб., 1862, т. 1, с. 208—209.

Для нас особенно интересны наблюдения А. С. Лаппо-Данилевского. В статье «Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен Смуты до эпохи преобразований» Лаппо-Данилевский выделяет из библиотеки Виниуса книги, касающиеся юриспруденции и политических учений. Он отмечает, в частности, наличие в ней знаменитого трактата «De jure belli ac pacis» Гуго Гроция (1583—1645), основоположника учения о естественном праве,³³ программы курса по юриспруденции, читанного в 1699 г. в Галле Томазием (1655—1728), тоже сторонником естественного права, а также сочинений некоторых других голландских и немецких теоретиков права и государства. По мнению Лаппо-Данилевского, «наличность вышеуказанных сочинений в библиотеке московского дьяка . . . может служить признаком тех интересов, которые начали зарождаться: в то время светская идея государства стала проникать в Москву».³⁴

К наблюдениям Лаппо-Данилевского можно добавить, на наш взгляд, что если состав библиотеки Виниуса свидетельствует о проникновении в русское общество XVII в. светской идеи государства, то его статейный список знакомил с различными формами государственного строя и привлекал внимание к вопросам теории и практики государства. И этим определялась, в частности, культурно-просветительная ценность статейного списка Виниуса.³⁵

³³ Согласно учению о естественном праве, государство возникает не в результате божественной воли, а как следствие договора свободных людей (История политических учений. М., 1955, с. 194).

³⁴ Голос минувшего, 1914, № 12, с. 23. Когда в 1712 г. Петр I повелел сенату сделать распоряжение о переводе на русский язык законов европейских государств, то надзор за этим предприятием он поручил Виниусу (Пекарский П. П. Наука и литература при Петре I, т. 1, с. 228). Очевидно, к этому побудила царя хорошая подготовка Виниуса в области европейской юриспруденции.

³⁵ Яркая личность Виниуса и его способности произвели впечатление при европейских дворах. Английский король Карл II Стюарт писал в грамоте Алексею Михайловичу, что не может отпустить Виниуса «без достойной славы и ходатайства, занеже его благоумие и прилежание то заслужило...» (ПДСДР, т. 4, стб. 924).

А. И. МАЗУНИН

О времени пострига боярыни Ф. П. Морозовой

В 1865 г. Н. С. Тихонравов впервые высказал мнение о том, что принятие монашества боярыней Ф. П. Морозовой произошло в декабре 1671 г.,¹ хотя это утверждение ссылками на источники не сопровождалось. Заметим, что Ф. П. Морозова в это время уже находилась в заключении. Указанная Н. С. Тихонравовым дата пострига Ф. П. Морозовой повторяется в исследовательской литературе до настоящего времени.²

Однако никто из дореволюционных и советских исследователей начального периода старообрядчества не отрицал того факта, что постриг боярыни Ф. П. Морозовой совершен не только на свободе, до взятия боярыни под стражу в ночь на 16 ноября 1671 г.,³ но даже ранее второго брака царя Алексея Михайловича с Н. К. Нарышкиной, состоявшегося, как известно, 22 января 1671 г.⁴ В списках как старшей, Пространной, так и более поздней, Сокращенной редакций Повести о Морозовой сведения о постриге предшествуют известию о царской свадьбе, на которой Ф. П. Морозова отказалась присутствовать уже будучи монахиней.⁵

Зная эти обстоятельства, известный знаток начальной истории староверия П. С. Смирнов, знакомый лишь с несколькими списками Пространной и Сокращенной редакций Повести о Морозовой, не решился включить сомнительную дату пострига, предложенную Н. С. Тихонравовым в «Указателе годов» в 39-м томе «Русской исторической библиотеки»⁶ — она там вовсе отсутствует.

В большинстве списков Пространной редакции Повести о Морозовой, наиболее близкой к протографу, сохранилось три эпизода «чудес». В одном из них рассказано о том, что Ф. П. Морозову, «купно со спутницами ея», причащал «отец Досифей в дому блаженныя Феодоры во Иванове горенке».⁷ Во время причастия Феодора и «спутницы ея» (Е. П. Урусова и М. Г. Данилова) «просветишася внезапно лицом и быша чюдни видением», что дало Досифею основание предсказать: «... несть сие просто, но мно, яко сего лета имут сии страдати о Христе, еже и бысть».⁸

¹ Тихонравов Н. С. Боярыня Морозова: (Эпизод из истории русского раскола). — Русский вестник, 1865, т. 59, № 9, с. 20.

² См.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения [М.]: «Academia», 1934, с. 443; Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М.: ГИХЛ, 1960, с. 402; Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. — В кн.: Литературные памятники Сибири. Иркутск, 1979, с. 306.

³ Смирнов П. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898, с. XXIV.

⁴ Дворцовые разряды. СПб., 1852, т. 3, стб. 872.

⁵ Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исслед. А. И. Мазунина. Л., 1979, с. 100.

⁶ Памятники истории старообрядчества. Л., 1927, вып. 1, кн. 1, с. XIII—XVII (РИБ, т. 39).

⁷ Повесть о боярыне Морозовой, с. 153—154.

⁸ Там же, с. 154.

Можно с уверенностью говорить о том, что данный эпизод относится к 1670 г., когда скрывавшийся от преследований властей «авва» Досифей тайно посетил Москву,⁹ постриг и причастил Ф. П. Морозову в ее доме. Причашавшаяся у Досифея в 1670 г. Ф. П. Морозова уже была монахиней: в указанном эпизоде «чудес» она названа монашеским именем «Феодора», тогда как до известия о постриге автор Повести о Морозовой¹⁰ постоянно и неизменно называл боярыню ее мирским именем — «Феодосия».¹¹

Выдвинутое нами ранее предположение о том, что постриг Ф. П. Морозовой произошел не в декабре 1671 г., а в 1670 г.,¹² получило теперь и документальное подтверждение. В публикации Н. Ю. Бубнова и Н. С. Демковой «Вновь найденное послание из Москвы в Пустозерск» речь идет о написанном в середине 1676 г. послании «пустозерским страдальцам» за веру.¹³ Здесь, в частности, приведен рассказ о видении царю Федору Алексеевичу в первой половине 1676 г. — перед царем предстали «доброродна жена, одянные иноческое на себя носящи» и «две жены святолепны грядущи», т. е. Морозова, Урусова, Данилова, умершие за полгода до описанного видения голодной смертью в Боровске в конце 1675 г. Одна из жен говорит царю: «Аз есмь Феодора, иже в мире бех Феодосия Морозова, и преже смерти за пять лет приях сей аггельский образ еще в дому своем»¹⁴ (разрядка моя, — А. М.).

Скончалась Ф. П. Морозова в земляной тюрьме боровского острога в ночь с 1 на 2 ноября 1675 г., и принятие ею иночества «преже смерти за пять лет» приходится на 1670 г. Современники Ф. П. Морозовой подтвердили и время и факт пострига боярыни «в дому своем».

Принимая во внимание сказанное выше, мы считаем, что послания и письма протопопа Аввакума и других лиц к Ф. П. Морозовой, где она названа инокиней («иноке Феодоре, а по-мирски боярыне, с сестрами»), следует относить ко времени после 1670 г.

⁹ Досифей — бывший игумен Никольского Беседного монастыря близ г. Тихвина. После собора 1667 г. Досифей бежал на Дон, где пробыл три года. Около 1670 г. он приехал в Москву и там оставался некоторое время. См.: Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII в. СПб., 1889, с. 74—75.

¹⁰ «Чудеса» Пространной редакции написаны тем же автором и одновременно с Повестью о Морозовой, см.: Повесть о Морозовой, с. 28.

¹¹ Там же, с. 132, 165.

¹² См.: Мазунин А. И. Морозова Ф. П. — БСЭ. 3-е изд. М., 1974, т. 16, с. 580; Повесть о боярыне Морозовой, с. 99—100.

¹³ Бубнов Н. Ю., Демкова Н. С. Вновь найденное послание из Москвы в Пустозерск «Возвещение от сына духовнаго ко отцу духовному» и ответ протопопа Аввакума (1676 г.). — ТОДРЛ, Л., 1981, т. 36, с. 127—150.

¹⁴ Там же, с. 146.

В. К. БЫЛИНИН

О дате рождения Симеона Полоцкого

За последние десятилетия советские ученые много сделали для изучения жизненного пути и литературной деятельности Симеона Полоцкого (см. работы И. П. Еремина, А. Н. Робинсона, А. М. Панченко, А. С. Елеонской и др.). Однако остается неуточненной дата рождения писателя. Основной источник, по которому выводилась эта дата, представляла публикация мемориальных надписей московского Заиконоспасского монастыря в «Древней Российской Вивлиофике». Ее составитель, Н. И. Новиков, указывал:

«В ... трапезе у средних дверей по левую сторону —
Лета 7188 (1680) Августа в 25
день преставися Иеромонах честный
Симеон Петровский Ситианович Полоц-
кий жития своего 51 лета в 9 месяц».¹

Ссылаясь на это известие «Вавлиофики», в начале XIX столетия митрополит Евгений (Болховитинов) пришел к заключению, что Полоцкий прожил неполных 52 года и, значит, родился в 1628 г.² Долгое время соображения Болховитинова не вызывали сомнений у историков литературы. Однако в конце XIX в. появились другие точки зрения. И. К. Татарский утверждает, что Симеон Полоцкий «родился в декабре 1629 года». Он далее пишет: «Митрополит Евгений (Слов. истор., т. II, с. 210), а за ним и все курсы русской литературы таким годом считают 1628-й, основываясь, вероятно, на том, что в „Рифмологие“, собрании стихотворений, начатом в 1678 г., сам Полоцкий, в стихотворном предисловии к нему, говорит: „Днесь бо точию лето свершаю, еже письменем наш (50) право считаю“. Но по некоторым признакам предисловие это, как и многие другие стихотворения (Рифм., л. 628, 641, 651 и др.), внесено в „Рифмологион“ позднее, вероятно, в 1679 году; поэтому оно и не может стоять в противоречии с обстоятельным показанием Медведева, исчисляющего не только лета, но и месяцы, прожитые Полоцким (рукопись Синодальной библиотеки № 130-й, л. 144-й)».³

¹ Древняя Российская Вивлиофика. 2-е изд. М., 1791, ч. 18, с. 198—199.

² Евгений, митрополит (Болховитинов). Словарь русских писателей духовного чина бывших в России. СПб., 1827, т. 2, с. 210.

³ Татарский И. Симеон Полоцкий. (Его жизнь и деятельность): Опыт исследования по истории просвещения и внутренней церковной жизни во второй половине XVII века. М., 1886, с. 28—29. Имеется в виду беловой автограф Сильвестра Медведева мемориальной надписи к надгробию Полоцкого, каковая и была выбита на рассматриваемой нами надгробной доске. В том же сборнике (ГИМ, Синодальное собр., № 130), ниже, на л. 243 об., имеется запись следующего содержания: «Надписание на камени: великого бога раб вечный Симеон Петровский Ситианович Полоцкий, иеромонах честный, богослов известный и слова божия проповедник, преставился в лето от создания мира 7188, месяца августа в 25 день, от рожества же Спасителя 1680, в 51 лето возраста своего в 9 месяц». Вероятно, это первоначальный вариант надписи, отличающийся от окончательной редакции

С другой стороны, П. Полевой,⁴ Л. Н. Майков,⁵ А. Н. Пыпин⁶ и другие исследователи полагали, что Полоцкий родился в апреле 1629 г. Действительно, если к 25 августа прибавить последующие месяцы, то девятым по счету как раз будет апрель. Но такой ход мысли, по крайней мере, удивителен: как можно было учитывать время, которое Полоцкий прожить уже не мог... Вероятно, у Полевого (кстати, намекнувшего на содействие сотрудника Румянцевского музея А. П. Бушера и Ф. К. Эльгольца) и Майкова имелись какие-то дополнительные данные, хотя ни тот, ни другой об этом не обмолвились.

В современной литературе, а также во всех справочных изданиях последних лет рождение Симеона Полоцкого принято датировать 1629 г., без упоминания месяца. «Эта дата, — констатирует Л. Н. Пушкирев, — ...основывается на стихах самого Полоцкого, писавшего, что, когда он принял монашество в 1656 году,

Бых же аз инок в четвертой седмице
Лет моих, токмо кроме единицы,

то есть ему было $7 \times 4 - 1 = 27$ лет; следовательно, сам он считал годом своего рождения 1629 г.»⁷

В настоящее время помещения Спасского собора, где был погребен Полоцкий, подверглись перестройке, однако хорошо сохранилась вмурованная в стену трапезной надгробная плита, содержащая интересующие нас хронологические указания (рис. 1). Как видим, ее текст был верно передан Н. И. Новиковым, за исключением совсем незначительных погрешностей (так, на плите читается «51-го», а не «51», «Ситнянович», а не «Ситианович»). Простой расчет позволяет определить приблизительную дату рождения писателя. Это будет примерно конец ноября — первая половина декабря 1629 г. Более точных данных нам не удалось установить с абсолютной достоверностью, хотя не исключено, что такое свидетельство все же было оставлено Симеоном. Например, в его раннем стихотворном цикле (на польском языке), озаглавленном «Miesiący 12 następują» («Наступают 12 месяцев»), под рубрикой «December» помещена следующая календарная эпиграмма:

Listopad tuchy, a december biie,
Przez Kozorożca gospodarz utyie.⁸

По начальным буквам или предлогам каждого слова в этой эпиграмме определенно прочитывается мезостих:

Litua december B̄i,
Przez koguty

(«Литва, декабрь 12, До петухов», т. е. рано утром). В рукописи данная строфа выделена более ровным написанием; буквенное обозначение цифры «12» в составе слова biie выделено заглавными литерами. Заслуживают внимания также первые буквы последних четырех слов стихотворения — P. K. G. U. Они очень напоминают криптограмму, которую (впрочем, лишь гипотетически) можно было бы раскрыть фразой: «Poloockij Kaluger Grzeszny Utworzon» — «Полоцкий Калугер Грешный Со-

ее текста лишь несколько более подробным и «изящным» изложением. Однако хронологические данные, как видим, в этом варианте полностью совпадают с теми, что на каменной плите.

⁴ Полевой П. История русской литературы в очерках и биографиях. 5-е изд. СПб., 1883, ч. 1, с. 207.

⁵ Майков Л. Н. Очерки истории русской литературы XVII—XVIII столетий. СПб., 1889, с. 1 (гл. «Симеон Полоцкий»).

⁶ Пыпин А. Н. История русской литературы. 2-е изд. СПб., 1902, т. 2, с. 325.

⁷ Пушкирев Л. Н. Симеон Полоцкий. — В кн.: Русские писатели XVII века. М., 1972, с. 201.

⁸ ЦГАДА, собр. Библиотеки Синодальной типографии, № 1800, л. 110 («Ноябрь ммурится, а декабрь бьет, || Пред Козерогом хозяин встает»; перевод мой, — В. Б.).

Собор Заиконоспасского монастыря в Москве, где похоронен Симеон Полоцкий.

Надгробная плита на могиле Симеона Полоцкого.

творен». Криптограммы с подобным содержанием — обычное явление в новолатинской и польской литературе XVII в.⁹ Условное принятие 12 декабря 1629 г. за дату рождения Симеона Полоцкого вполне допустимо и потому, что она не противоречит всем позднейшим «расчетам» самого поэта.¹⁰ Правда, она не совпадает с днем памяти пророка Самуила — патрона Полоцкого по его мирскому имени. По православному и католическому календарю этот церковный праздник приходится на 20 августа (2 сентября). В чем же тут дело? Видимо, либо родители Ситняновича называли его, не ориентируясь на святцы (что весьма сомнительно, так как отец писателя имел скорее всего духовное звание — ср. «двойное» отчество Полоцкого: Емельянович и Гаврилович), либо же он получил другое имя.¹¹ Во всяком случае, этот вопрос еще требует дополнительных изысканий.

Говоря об «открытии ценности человеческой личности», о «росте индивидуального авторского начала в русской литературе XVII века», Д. С. Лихачев подчеркивает, что авторы в этот период «стали стремиться к самовыявлению... У них были чисто личные причины для составления своих произведений. В их сочинения проникает элемент автобиографизма».¹² В таком аспекте уточнение даты рождения Симеона Полоцкого приобретает не только значение частного историко-культурного фактора, но и позволяет лучше понять роль личностных мотивов, которыми руководствовался писатель, создавая свои важнейшие произведения. Так, удовлетворительное объяснение получает причина датировки «Рифмологиона» и «Ветрограда многоцветного» концом 1678 г. (по старому, сентябрьскому летосчислению). Стихотворный материал этих сборников формировался Полоцким до конца жизни. В допущенной же поэтом хронологической погрешности со всей очевидностью проявляется преднамеренность, его желание внушительным трудом ознаменовать свое пятидесятилетие. Думается, что с пятидесятилетним «юбилеем» Полоцкого следует связывать и основание им в конце 1678 г. Верхней Типографии в московском Кремле, а также прекрасный поэтический перевод «Псалмов Давида» Яна Кохановского (см.: Псалтирь рифмотворная. М., 1680).

Наконец, дата рождения Полоцкого может оказаться своеобразным кодовым ключом к различным «тайным письмам», столь характерным для писателя, приверженного принципам курьезной поэтики барокко.

⁹ См., к примеру, в кн.: Trembecki I. T. Wirydarz poetycki / Wydał A. Brückner. We Lwowie, 1910, t. 1. См. также: Былинин В. К. Незученная школьная пьеса Симеона Полоцкого. — В кн.: Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982, с. 314.

¹⁰ См.: ГИМ, Синодальное собр., № 287, л. 5 («Рифмологион», предисловие).

¹¹ См.: Голубев С. Отзыв о сочинении В. О. Эйнгорна «Очерк из истории Малороссии в XVII в.». — Записки имп. Акад. наук по историко-филологическому отделению, СПб., 1902, т. VI, № 2, с. 113.

¹² Лихачев Д. С. 1) Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958, с. 151—161; 2) Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973, с. 138—139, 145 и сл.

С. И. НИКОЛАЕВ

Два стихотворца XVII века

История русской поэзии XVII в. не богата именами. Самый снисходительный подсчет, учитывающий авторов одного-двух стихотворений, даст не более трех десятков имен, известных нам иногда лишь по акростихам. Целый ряд новых поэтов стал известен в последние годы благодаря обнаружению «приказной школы» в русской поэзии 30—40-х годов XVII в., члены которой служили в московских приказах дьяками и подьячими: Михаил Злобин, Алексей Романчуков, Стефан Горчак, справщик Савватий и др.¹

Открытие «приказной школы» значительно расширило наши представления о поэзии XVII в. и позволило проследить традиции этой школы в середине и во второй половине данного столетия. Это очень существенно, так как отзвуки «приказной школы», слышные и в конце XVII в., свидетельствуют о том, что в канун петровской эпохи изосиллабическая поэзия школы Симеона Полоцкого была главенствующей, но не единственной системой в силлабической поэзии.² Разные течения не просто сменяли друг друга, а сосуществовали.

А. М. Панченко, открывший «приказную школу», указал и двух ее последователей — самозванца Тимофея Акундинова и инока Авраамия.³ К ним можно отнести и Прохора Шопина, крестового дьяка царицы Марии Ильиничны, который в 1660 г. написал стихотворное предисловие с акростихом к сборнику сочинений Максима Грека.⁴ В настоящей заметке мы публикуем стихотворные сочинения еще двух авторов, писавших в традиции «приказной школы», — подьячего Алексея Онуфриева и монаха Венедикта Буторина.

1. Алексей Онуфриев

А. З. Онуфриеву принадлежат три стихотворения, помещенные в сборной рукописи середины XVII в.⁵ Они невелики по объему, всего около 120 строк, в последнем имеется акростих, сохранивший имя автора: «Слози приказу Болшого дворца подиачего Алексия Захариева сина

¹ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973, с. 34—77. См. написанный А. М. Панченко раздел «Литература первой половины XVII столетия» в кн.: История русской литературы. Л., 1980, т. 1, с. 322—325.

² Еще об одной системе в поэзии XVII в. см.: Панченко А. М. Протопоп Аввакум как поэт. — Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1979, т. 38, № 4, с. 486—488.

³ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в., с. 78—102.

⁴ Отрывки напечатаны в кн.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной семинарии. Казань, 1881, ч. 1, с. 486—487.

⁵ ГПБ, Q.XVII.227, л. 23—27. Рукопись подробно описана в кн.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1897 год. СПб., 1900, с. 150—154. Филигрань этой части рукописи (шут с семью бубенцами) идентифицировать с известными не удалось, однако подбор знаков во всей рукописи (лилия на кресте, два вида кувшинчика) не противоречит такой датировке.

Аноффриева первое написана в славу кресту». Другими сведениями об авторе мы не располагаем, можно только достаточно основательно считать его выходцем из приказной среды: в 1647 г. Захарий Онуфриев был пожалован из торговых людей в дьяки Казенного приказа, где и служил до 1654 г.⁶ Очевидно, это отец нашего стихотворца.

Связь стихотворений Онуфриева с традицией «приказной школы» вполне очевидна, на нее указывают неравносложность стиха (от 8 до 19 слогов в строке), наличие акrostиха, а также жанр — стихотворное предисловие («Стихи двоестрочни о книзе сей»). Поэты «приказной школы» писали подробные предисловия в стихах и пытались, как известно, воспользоваться печатным станком, впрочем почти безуспешно. В знакомстве Онуфриева с творчеством «любовного союза» приказных поэтов ничего удивительного нет: их центром была книжная справа. Печатный же двор подчинялся приказу Большого двorca, в котором служил Онуфриев. Хотя в конце 1653 г. Печатный двор был отдан в полное распоряжение патриарха Никона, связи, особенно творческие, между двумя ведомствами не прервались.

В цикле стихотворений Онуфриева идет речь о «животворящем кресте господне», что видно и из заглавий: «Стихи кресту господню похвални», «Ини стихи всечастному и животворящему кресту господню». Поскольку рукопись относится к 50—60-м годам XVII в., то ближайшим поводом для написания этого цикла могло быть только основание патриархом Никоном в 1656 г. Крестного монастыря на о. Кие на Белом море в память о своем спасении от бури на этом острове еще в 30-е годы. И действительно, сопоставление цикла с «Грамотой о Крестном монастыре» патриарха Никона, изданной в Москве около 1656 г., показало полную идейную зависимость стихотворений от «Грамоты». Особенно это видно по отразившемуся в цикле панправославному экспансионизму патриарха Никона. Онуфриев прямо прочит царевича Алексея (1654—1670) на византийский престол: «Алексия царя семени Алексею и содержати. Сила бо твоя божественная явится, Яко Византия в руце его утвердится». Когда в 1658 г. Никон оставил патриарший престол, идея о том, что русский царь будет вершителем судеб всего православного мира и «Цареградом будет владети», отошла на второй план политики Алексея Михайловича. Исходя из этой приметы времени, мы полагаем, что цикл Онуфриева был написан в 1656—1658 гг. и он явился непосредственным откликом на идеи, изложенные в «Грамоте» патриарха Никона, а также на некоторые события внешней политики России, в частности победы русского оружия. Последнее обстоятельство очень примечательно, так как русская окказиональная политическая поэзия появляется лишь в петровскую эпоху. В силлабической поэзии второй половины XVII в. других откликов на современные политические события мы не встретим.

Для какой книги предназначалось это стихотворное предисловие, состоящее из инвокации, прославления креста господня и изложения основных положений панправославной политики Никона? Очевидно, не для «Грамоты о Крестном монастыре», так как это было официальное и программное сочинение, документ. Поскольку круг произведений о новооткрытом монастыре невелик, то можно с большой долей вероятности назвать другое произведение, имеющее интересные параллели со стихотворениями Онуфриева. Речь идет о «Сказании о святем и животворящем кресте господни, что в Крестном монастыри, сказает же ся греческим языком ставрос». ⁷ «Сказание» написано вполне в духе «Грамоты»,

⁶ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 388.

⁷ ГПБ, Погодинское собр., № 1583, л. 4—31 (список XVII в.); Научная библиотека им. Н. И. Лобачевского Казанского гос. ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина, Отдел рукописей, № 4644, л. 29—33 об. (список 1733 г.).

в нем имеется и ссылка на нее («яко же речеся в печатной тетрате, еже о строении монастыря на листе седьмом»⁸). «Сказание» представляет собой историю создания монастыря, изложенную по «Грамоте» Никона, а также его описание.

В «Сказании» имеются и силлабические стихи, написанные частично в манере «приказной школы», приводим их текст:

МОЛИТВА ЧЕСТНОМУ И ЖИВОТВОРЯЩЕМУ КРЕСТУ

Радуйся, кресте всечестный,
Кровию Христа бога окропленный.
Радуйся, древо треблаженное,
На краниеве || месте насажденное.
Радуйся, всего мира обновителю,
Адова же царствия потребителю.
Тебе, яко одушевленну, о кресте! песнь
припеваю,
Колени со главою души и тела преклоняю.
Спаси мя, кресте святыи, тебе припадающа,
Верую и любовью тя обლობающа. ||
Сохрани, кресте, силою твоею,
Молю тя, тело со душею моею.
Сокруши, пресвяте, демонския стрелы⁹
И вся противныя победы силы.
Во дни и в ноци поюща соблюди
И от враг видимых и невидимых свободы.
Жизнь мою устрой мирну,
И кончину получитьи сподоби безгрешну. ||
Во исходе души от тела силою си огради
И ко вратом небесным безмятежно проводи.
Сподоби же мя ясно тя зрети,
Егда на тебе распныйся придет всем судити.
Христос бог ныне и присно и во веки веков,
аминь.¹⁰

Не только общая тема и наличие виршей позволяют сблизить цикл Онуфриева со «Сказанием». В описании монастыря, «сколько святых вещей в нем есть», имеется фрагмент, едва ли не являющийся прообразом второго стихотворения Онуфриева:

ПОД СЕНИЮ КОВЧЕЖНОЮ НАД ЖИВОТВОРЯЩИМ КРЕСТОМ НАПИСАНИЕ СИЕ:

Крест хранитель всей вселенней,
Крест красота церкви,
Крест царем держава,
Крест во бранех победа,
Крест верным утверждение,
Крест аггелом слава,
Крест христианом || упование,
Крест заблудшим наставник,
Крест труждающимся тишина,
Крест недужным врач,
Крест мертвым воскресение,
Крест бесом язва.¹¹

Текст этой надписи со стихотворением Онуфриева не совпадает, но анафорический повтор слова «крест» указывает на связь виршей с надписью.

⁸ ГПБ, Погодинское собр., № 1583, л. 7.

⁹ В рукописи исправлено по первоначальному «силы».

¹⁰ ГПБ, Погодинское собр., № 1583, л. 21—22. Текст в рукописи записан в строку, деление на стихи сделано нами в соответствии с «поэтической пунктуацией» подлинника: запятая в конце первого стиха и точка в конце двуступиши. Характерно наличие рифм, сохраняющих украинское произношение буквы «ять» («стрѣлы — силы», «мирну — безгрѣшну», «зрѣти — судити»).

¹¹ ГПБ, Погодинское собр., № 1583, л. 19—19 об. В этой надписи заметно несомненное влияние Канона кресту.

Высказанные нами соображения о том, что три стихотворения Онуфриева предназначались в виде предисловия для «Сказания о святем и животворящем кресте», остаются, конечно, всего лишь догадкой. Однако их связь с произведениями о Крестном монастыре 50-х годов XVII в. для нас не подлежит сомнению. Очень вероятно и то, что это стихотворное предисловие предназначалось для какого-либо издания, которое не было осуществлено, и Онуфриева, как и приказных поэтов,¹² постигла неудача в овладении печатным станком.

Приводим текст стихотворений по рукописи Государственной Публичной библиотеки.¹³

СТИХИ ДВОЕСТРОЧНИ О КНИЗЕ СЕЙ, ОБРАЗУ СПАСОВУ БЛАГОДАРНИ И БОГОРОДИЦЕ МОЛЕБНИ, ОТ ЧЕРЛЕННЫХ СЛОВ ИМУЩИ РАЗУМ НЕКАКОВ¹⁴

Иисус руце имеет возвышени,
Сим бо врази мои низложени.
Христос имеет руце распростерти,
Сего бо ради злыя ми мысли стерти.
Спас мой матере своея прошения внят
И крестителя своего моление прият.
Владыко мой милость свою на мне излия,
Благодать бо в мя пресвятаго духа вляя.
Господь мой человеколюбием си мя возвесели,
Мысли бо благи в сердце мое всели.
Бог мой благих своих мя преисполни, ||
Смысл бо мой буй добрых наполни.
Вседержитель рукама си благословляет,
Начати ми дело сие повелевает.
Рождшая его и креститель руце молебне
простирают

И тако мя сим к делу сему вооружают.
Владычица премудрости, вразуми мя,
И ты, единородный сыне, просвети мя.
Богородице, подаждь ми разум начати,
И ты, Христе боже, смысл скончати.
Присно богомати, к тебе прибегаю
И помощь твою призываю.
Дево пресвятая, способствуй ми, грешному,
И сотвори мя коснутися делу внешнему.
Марие, Христа бога мати, о тебе хочу начати
И сие повеление царево написати,
Вразуми мя, госпоже царице, скончати.
Аминь. ||

СТИХИ КРЕСТУ ГОСПОДНЮ¹⁵ ПОХВАЛНИ ДВОЕСТРОЧНИ

Крест упование благое благочестивым,
Крест победа велия злочестивым.
Крест царю нашему на враги его победа велия,
Крест святому его семени исполнения веселия.
Крест православному их царствию утверждение,
Крест благочестивей полате и воем их ограждение.
Крест на ляхов и мусулман победитель,
Крест всем еретиком прогонитель,
Креста силою и действием дело сие начася,
Креста божественным дарованием скончася.
Аминь. ||

¹² См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в., с. 55—63.

¹³ ГПБ, Q. XVII. 227, л. 23—27.

¹⁴ «Черленых слов» в рукописи нет. Очевидно, это должен был быть акростих, как и в третьем стихотворении. «Разум некаков» можно получить, прочитав первые слова нечетных стихов: «Иисус Христос, спас, владыко, господь бог, вседержитель, рождшая его владычица, богородице присно дево Марие, вразуми мя». Этот акростих редкой формы вполне соответствует всему характеру стихотворения.

¹⁵ *Испр., а рѣк. господину.*

ИНИ СТИХИ ВСЕЧЕСТНОМУ И ЖИВОТВОРЯЩЕМУ КРЕСТУ ГОСПОДНЮ ИЗЪЯСНИТЕЛИ,
БЛАГОДАРНИ, МОЛЕБНИ, ДВОЕСТРОЧНИ ЖЕ ПО АКРАСТИХИ, ЕЖЕ ЕСТЬ ПО КРАЕ-
ГРАНЕСИ

Словословлю тя, кресте пресвятый,
Лобызаю тя, кресте пречестный.
О тебе бо православнии царие царствуют,
Земнии владетели властвуют,
И архиереи слово истинныи исправляют,
Патриарси и епископи престолы украшают.
Радуется чин монашеский,
Иерейский и церковный всяческий.
Князей лица сликовствуют,
А множество народа торжествуют.
Земленороднии вси радуются, ||
Ужасно же в преисподних плачуются,
Божественною ти силою попраши,
Одержими в тартаре связаны.
Ликуют ти безплотных множество,
Шестокрылнии приносят торжество.
Апостолы с праотцы играют,
Господеви своему сице взывают:
О царю боже, Иисусе Христе!
Дивно соделал еси на твоём кресте,
Велия раба¹⁶ гордаго сим связав,
О всех праведницех того истязав.
Радуют же ся и пророчестии лики,
Цари со ерархи и мученики велики.
Адам и Ева ото уз разрешат та ся,
Первыя бо клятвы свободил та ся.
О твоём таинстве, кресте пречестный, ||
Давыд во царех дивный и честный
Иногда убо в гусли бия взываше,
А гласом си пророчески вопияше.
Чюдну же песню¹⁷ научи пети тебе,
Егда провидев велие таинство о тебе.
Господа бога нашего, рече, возносите,
О великой его таинстве хвалу принесите,
А подножию ногу его покланяйтесь,
Любовию и страхом прикасайтесь.
Есть бо сие таинство свято и велико,
К сему бо притекающии приемлют толико.
Иногда Константин пред полки ношаше,
Яковы победы вои его показаше.
Зде убо вторицею сотворися,
Алексий царь того ж сподобися,
Херугови бо его сим изображени, ||
А и враги его такожде низложени.
Ревность Михайловичь яви благочестиву
и сим одоле господарю злочестиву,
Еже не срамляясь носити распятого на кресте,
В херуговех же изобразити его везде.
Аще бо в ветсем врагов сим победили,
С Мойсеом Аарон люди божия свободили,
Из Египта бо сих извели,
Но и Чермное море превели.
Аще образом сим Аммалика победы,
Аще горкия воды в сладость претвори.
Но се все бысть действо креста,
О сем вемы, чюдодействова бо той всегда.
Фараонову и Аммаликову силу той победы,
Российское царствие от поганов той свободи
И всеа Русии царя возвесели силою твоею, ||
Еже покори враги его мощию своею.
Верному правителю благочестия,
Алексию, искоренителю злочестия.
Православия скипетры содержати устрой,
Елико Константин обдержа в руде его присвой.
Радость превелику сотвориши Константинуполю

¹⁶ Испр., в ркп. рабо.

¹⁷ Испр., в ркп. песно.

Внегда, честный кресте, совершиши твою волю,
 О сем, православнии вси тамо рыдают,
 Еже от тебе великой милости ожидают.
 Но свободиши сих от мусулманских рук,
 Агарянских насилующих ими вяук.
 Престол христианский в первую лепоту возведи
 И сих, не познавших пропятого, на тебе низведи,
 Седмихолмага скипетры повели удержати,
 Алексия царя семени Алексию ж содержати.
 Сила бо твоя божественная явится, ||
 Яко Византия в руде его утвердится.
 Возвыси рог христиан православных,
 Силою твоею низложи злославных.
 Людие, сядяще во тме, узрят свет велий,
 Аще свободятся таковы радости и веселии.
 Восхвалят тя выну во вся дни своя,
 Удивят бо ся зряще благодеяния твоя.
 Кресте, божественная сило неведомая,
 Разреши моих грехов пленица несведомая,
 Елико бо хочещи, вся сотвориши,
 Силою твоею царское сие веление совершиши.
 Ты еси похвала моя и утвержение.
 Устами моима даждь твое поучение.
 Аминь.

2. Венедикт Буторин

Относительный силлабизм продержался в русской поэзии до конца XVII в., занимая со временем второстепенные, но довольно прочные позиции в поэтической практике и в читательском сознании. Доказывается это. между прочим, тем, что наследие приказных поэтов 30—40-х годов XVII в. известно нам по большей части в списках последней трети столетия. Кроме того, почти до конца века в переводной поэзии царил неравносложный стих. К началу XVIII в. он практически исчезает из оригинальной и переводной поэзии.

Но есть исключение. На первый взгляд оно парадоксально: на рубеже веков неравносложной силлабикой пользуются такие первоклассные версификаторы, как Карион Истомина, Димитрий Ростовский и другие профессиональные поэты. Однако в данном случае неравносложность не связана с традицией «приказной школы», а имеет определенный жанровый характер. Она стала, по нашему мнению, отличительным признаком «непоэтических» произведений. Дело в том, что с ней мы сталкиваемся в переписке поэтов. Письма в стихах были довольно обычным явлением в ту пору. Писались они в традициях относительного силлабизма. Таковы послания Тимофея Каменевича-Рвовского Кариону Истомину, Кариона Истомина Димитрию Ростовскому, Димитрия Ростовского Стефану Яворскому, Ф. П. Поликарпова И. А. Мусину-Пушкину и проч. Особенно показательны два письма Петру I, написанные от лица царевича Алексея Карионом Истоминим неравносложными стихами.¹⁸

Эпистолярное наследие поэтов русского барокко еще не обследовано, поэтому считать неравносложный стих чертой эпистолярного стиля было бы сейчас и преждевременно и рискованно. Однако совершенно очевидно, что старшие силлабики оставили неравносложному стиху область «непоэтической поэзии», тогда как настоящее стихотворство, по их убеждению, может жить только «мерею». Эту маргинальную область литературной культуры XVII—XVIII вв. еще предстоит исследовать. Здесь же мы сообщаем некоторые дополнительные материалы, небеспольные для дальнейшего изучения литературного быта.

В научной литературе уже давно известен монах Венедикт Буторин.¹⁹

¹⁸ См. образцы таких посланий: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970, с. 212—213, 251—252; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в., с. 125, 138—139, 155, 164—165.

¹⁹ См.: Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. 862—1720. СПб., 1857, с. 249.

Определенно можно говорить о двух его сочинениях²⁰ — о послании патриарху Иоакиму²¹ и о «Слове на умиление души своей».²² Из приписки, сопровождающей «Слово», извлекаются следующие данные об авторе: «Слог монаха Венедикта Буторина. Сие слово на умиление души своей сочинил на Москве у пресвятой Богородицы в Новодевичьем монастыре, препровождая житием (так! — С. Н.) во иночество ту пострижен 32 лета, а слог сочинися 196 (1688) году марта в 14 день».²³ Послание патриарху Иоакиму было написано не позднее марта 1690 г., года смерти адресата. Других сведений об авторе найти не удалось.

Послание (автограф) представляет собой превосходно оформленное поздравительное письмо. Какого-либо позитивного материала из пышных риторических украшений извлечь нельзя. Можно только предполагать, что поздравительным письмом автор, «последний богомолец, многогрешный чернец Венедикт Буторин», хотел напомнить патриарху о своем существовании и, очевидно, предложить ему свои литературные услуги, например просить место секретаря, каким позднее Карион Истомирин будет при патриархе Адриане. После обращения в послании идет следующее стихотворное вступление:²⁴

О! велико божие к нам, человеком, милосердие,
 Явим и мы к нему, творцу, благое усердие.
 Ибо в последняя веков лета
 Сподобил нас божественнаго света,
 Даровал нам душевнаго архипастыря пречестнаго,
 Земнаго аггела и преизящнаго гражданина небеснаго,
 Оздобленна благообразием и святолепна Иоакима,
 Великаго господина по существу, а по священнодействию
 серафима,

Поистинне преизяществом духовенству в красоту монарха,
 достоин по лепоте всеа России и всех северных стран
 патриарха. ||

Духовною мудростию паче чювственна солнца сияюща
 И душеполезным учением умная нам очеса просвещающа.
 Души наши духовною благодатию освящающа
 И теши путем, ведущим в царство небесное, наставляюща.
 Сия от бога милость к нам не по нашей годности,
 Что сподобил нас неизреченной сей радости.
 Даровал нам преизящнаго архипастыря Иоакима,
 Пречестнаго архиерея и великаго господина.
 О сем нам подобает радоватися духовно и веселитися,
 А благодарствие молитву приносите творцу не ленитися.
 Сице к нему, богу свету, непрестанно вопити:
 «Боже и господи! Даровал еси нам архипастыря, изволь
 его хранити,

Яко вернаго своего слугу, а нашего света
 Во здравии добром и во благоденствии на многа лета, ||
 Чтобы нам по твоей милости тем утешатися и иметь отрада,
 А с ним, архипастырем своим, по многолетии наследити
 небеснаго града.

Подай же, господи, нам, недостойным, разума и помощи,
 К дарованному тобою нам архипастырю како притещи.
 По твоей бо святой воли поклонятися,
 А милости и благословения архипастырскаго сподобятися.
 Ныне и впрядь благоволя,
 Сице к нему, архипастырю, с верой глаголя».

²⁰ Филарет предположительно атрибутировал ему также составление в 1685 г. «Подвой науки пасхалии» (Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы, с. 249), однако в рукописи (ГПБ, Ф. I. 320) данных для такой атрибуции нет.

²¹ БАН, 16.14.24, л. 196—202. Рукопись подробно описана в кн.: Описание Рукописного отдела БАН СССР, т. 3, вып. 2. Исторические сборники XV—XVII вв. / Сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. М.; Л., 1965, с. 263—269.

²² ГБЛ, собр. Ундольского, № 464, л. 29 об.—30 об.

²³ Там же, л. 29 об.

²⁴ БАН, 16.14.24, л. 197—198.

Сервизизм автора чрезмерен, назвать Иоакима при жизни серафимом было слишком даже для эстетики той эпохи. Далее следует прозаический текст послания.

Второе сочинение Венедикта Буторина, как видно из приведенной выше приписки, относится к красноречию, это поучение в стихах. Возможно, что «Слово» является частью большого произведения (типа увещательного послания «Божий град» Тимофея Каменевича-Рвовского), но отсутствие материала принуждает нас закончить наши заметки публикацией «Слова на умиление души своей»: ²⁵

Горе тебе, человеце, яко вечная благая желаеши,
А во всяком небрежении пребываеши.

Горе тебе, человеце убогий, яко святых жития ^{словом,} блажиши

А по стопам их шествовати не понуждаеши себе делом.
Горе тебе, человеце, яко веси царствие небесное уготованно
праведным,

А не грешным в делех злых, тебе подобным.
Горе тебе, человеце, яко своего жития веси минутие и конец,
А не подражаеш праведным, им же Христос подаст ^{венец.} нетленный

Горе тебе, человеце, яко хоцещи богу угодити словесы,
Но не ²⁶ тицшиися хранить заповеди божия делесы.

Ведаеш, что благо или что зло, а согрешаешь,
А житию своему всегда конец чаеш.

Бога глаголеши любити,

А по воли божией себя не хоцещи понудити.

Не всяк глаголяй «Господи, господи!» ^{небесное,} внидет во царствие

Но иже пребываяй в воздержании от злых, а проходяй житие
тесное.

Велия теснота плоти окаянной,

Еже быти ей от злых дел удаленной.

Ибо плотцкое мудрствование души смерть,

А ты, убогая душа, не хоцещи плоть постом стерть.

Ныне дано ти время на размышление, ||

Потщися имети благая дела и помышление.

Помни сие: яко что ищет человек, то и обрящет,

Аще человек временная ищет, гнев божий его срящет.

Хотяй временных благ насладитися,

Имать таковой вечных добр лишитися.

Богатство аще течет, рече пророк, не прилагай сердца,

Да сподобишся благодати от своего творца.

Блажит убогия свет Христос бог,

Ибо сам образ нам даде во щедротах мног.

На сие бо свет Христос ничетным образом на земли восия,

Да ты убо, человеце, разумеши сия.

Яко богатый кто, а не милостив, той во веки погибает,

А творяй волю божью, милосердием сей во веки пребывает.

Горе тебе, о убогий человеце, любииши временная и тленная
света сего

Паче наследия вечных благ и царства небеснаго.

В злых делах пребывая и страшнаго суда не боияшися,

И имея еще zde время покаяться правдою, не спешнися.

А веси, яко zde по милости божии дано ти есть время

Потщатися на истинное покаяние и отложить греховное бремя.

Аще ли, человеце, прежде конца покаешися отстатием злых дел,

То по кончине введет тя Христос бог небеснаго чертога
в предел,

Идеже вси праведнии радостно пребывают

И ты с собою вкупе жити желають. ||

Но ты со слезами творца своего бога прилежно моли,

Да открыет ти свет разума и научит своей божественной воли.

Понудися во святых божиих заповедех пребывати,

Славу и хвалу ему непрестанно возсылати.

Отцу и сыну и святому духу ныне и присно и во веки веков
аминь.

²⁵ ГБЛ, собр. Ундольского, № 464, л. 29 об.—30 об.

²⁶ В ркп. вписано над строкой.

НОВЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА АВВАКУМА

Н. В. ПОНЫРКО

Житие протопопа Аввакума как духовное завещание

Киновиарх Выговского общежития Семен Денисов в своем знаменитом «Винограде российском» оставил загадочную фразу о том, что протопоп Аввакум написал свое Житие перед смертью. В конце 4-й, посвященной Аввакуму, главы «Винограда» Семен, защищая память протопопа от обвинений в неправом догматическом умствования, написал, что свою правоту «свидетельствует и сам предоблий — своеручным писанием, еже о своей жизни при скончании своем, свое православие изъявив, написа...».¹ Между тем нам известно (это точно установлено Н. С. Демковой), что Аввакум создавал свое Житие в промежутке между 1672 и 1675 гг.,² т. е. за 7—10 лет до смерти.

Может показаться, что Семен Денисов допустил обыкновенную ошибку, проистекавшую от того, что в его задачу не входило изучать с точки зрения датировки сочинения протопопа Аввакума. Может показаться, что это — естественное заблуждение автора, писавшего свое сочинение через пятьдесят лет после смерти Аввакума («Виноград российский» создавался в 30-е годы XVIII в.³). Но, как мы хорошо знаем, очень часто за так называемыми ошибками произведений древнерусской литературы стоят загадки. Ошибка является маркирующим признаком загадки, отгадав которую, мы устанавливаем логику появления ошибки, после чего, очень часто, ошибка перестает быть ошибкой, а находит себе или конкретное историческое, или филологическое объяснение.

Утверждение Семена Денисова о времени написания Жития протопопа Аввакума как раз и является такой загадкой. В нашу задачу входит ее разгадать.

Мы никогда не обращали внимания на то, что та вступительная часть Аввакумова Жития (всех редакций), которая начинается толкованием божественных имен по Дионисию Ареопагиту и кончается исповеданием веры в св. троицу по Афанасию Александрийскому и которая предшествует собственно Житию, суть традиционный раздел, свойственный одному определенному жанру древнерусской литературы, а именно духовным завещаниям. Не понимая этого, мы чувствовали здесь некоторую несвязность текста, почему-то предварявшего связанное автобиографическое повествование. Н. С. Демкова, правда, объяснила смысловую оправданность этого фрагмента в составе сочинения Аввакума (подчеркнув, что «вступление к Житию является не просто сводом выписок по основным вероисповедным вопросам, объем которых мог быть больше или меньше», а своеобразным «полемическим сгедо Аввакума, сразу же обращающим читателя к основным проблемам религиозной борьбы

¹ Виноград российский. М., 1906, л. 21 об.

² 1672—1673 гг. — время создания редакций А и Б; 1673—1675 гг. — редакции В; см.: Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума: (Творческая история произведения). Л., 1974, с. 83—86.

³ Ю х и м е н к о Е. М. «Виноград российский» Семена Денисова. — В кн.: Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984, с. 249—266.

эпохи»⁴). Но сам факт объяснения был результатом осознания необходимости толкования темного места, производившего впечатление простого «свода выписок».

Все станет еще более ясным, если в названной вступительной части к Житию увидеть не произвольный текст, а традиционную композиционную единицу — исповедание веры, свойственную такому виду литературы, как духовные завещания.

Сразу следует оговориться. Духовные завещания как жанр совсем не изучены. Кроме статьи Ф. фон Лилиенфельд, посвященной уставу Нила Сорского,⁵ где сделана по ходу дела попытка классификации духовных завещаний и дана их общая характеристика (в связи с темой игуменского завещания как монастырского устава), нет никакой литературы по этому вопросу. Ф. фон Лилиенфельд выделила среди духовных грамот четыре группы: I — духовные грамоты частных лиц, II — духовные грамоты царей, III — духовные грамоты митрополитов, IV — духовные грамоты игуменов и основателей монастырей.⁶ Эта классификация вполне отражает суть вещей, с той только небольшой поправкой, что третью группу следует назвать не «духовные грамоты митрополитов», а «духовные грамоты церковных иерархов», так как к этому же типу принадлежат и известные духовные завещания русских патриархов, и завещания церковных наставников старообрядчества.

Духовные грамоты светских частных лиц и духовные грамоты церковных иерархов составляют как бы противоположные полюсы классификации, между которыми располагаются две другие группы, имеющие черты сходства как с завещаниями частных лиц, так и с духовными грамотами церковных иерархов. Духовные грамоты светских частных лиц⁷ — это завещания в собственном, так сказать «гражданском», смысле слова. Их содержание исчерпывается традиционной формулой «кому мне что дати и на ком что взяти», за которой следуют указания к распределению наследства. Эти грамоты в подавляющем большинстве не включают в свое самоназвание слово «завещание», только «духовная», «духовная грамота».

Духовные завещания церковных иерархов — гораздо более сложный жанр (говоря «духовное завещание», мы употребляем здесь описательное, контаминированное определение этого типа грамот, в самоназвании их — либо «завещание» и «заветное писание», либо «духовная грамота прощальная и разрешальная»). Известны следующие духовные завещания русских духовных иерархов: митрополита Киприана⁸ (под влиянием этого завещания развивалась вся дальнейшая традиция этого жанра; именно Киприаном, который за четыре дня до своей кончины «написа грамоту незнаему и странноплепну, яко прощальную» и заповедал прочесть ее «велегласно» при своем погребении, был введен обычай читать завещания при погребении; как говорит летописец, «по отше-

⁴ Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума... с. 127—128, 142—143.

⁵ Лилиенфельд Ф., фон. О литературном жанре сочинений Нила Сорского. — ТОДРЛ, М.; Л., 1962, т. 18, с. 80—98.

⁶ Там же, с. 95.

⁷ См.: Срезневский И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867, № 35, с. 38—42 (духовная грамота новгородца Климента, XIII в.); Акты, относящиеся до юридического быта Древней России: Изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1857, т. 1, стб. 547—552, 555—568 (духовные грамоты разных лиц, XV—XVII вв.); Акты Холмогорской и Устюжской епархий. СПб., 1894, кн. 2, стб. 190—195, 197—201, 230—233, 248—250 (РИБ, т. 14) (духовные грамоты разных лиц, первой четверти XVII в.); Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895, с. 3—103 (духовные грамоты разных лиц, XVI—XVIII вв.).

⁸ Опубликовано: Акты, относящиеся до юридического быта древней России! Изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1857, т. 1, стб. 544—547; ПСРЛ, СПб., 1851, т. 5, с. 254—256 (Софийская I летопись); СПб., 1859, т. 8, с. 78—80 (Воскресенская летопись); СПб., 1913, т. 21, ч. 2, с. 441—444 (Степенная книга).

ствии же сего митрополита и прочие митрополиты русии и до ныне преписывающе сию грамоту, повелевают в преставление свое, в гроб въскладающеся, тако же прочитати в услышание всем»⁹⁾, митрополита Фотия,¹⁰ митрополита Макария,¹¹ патриарха Иова,¹² патриарха Иоасафа II,¹³ митрополита новгородского, будущего патриарха Питирима,¹⁴ митрополита рязанского и муромского Илариона,¹⁵ патриарха Иоакима,¹⁶ патриарха Адриана.¹⁷

При наличии индивидуальных черт в каждом отдельном духовном завещании в нем обязательно присутствуют традиционные элементы: 1) исповедание веры — в начале и 2) просьба о прощении собственных согрешений с одновременным разрешением и прощением грехов своей паствы (от царя и царской семьи до духовенства и всех прочих людей) — в конце.¹⁸

Что представляет собой интересующее нас исповедание веры? Оно составляет неизменную преамбулу к духовному завещанию. Это элемент как бы чина духовного завещания. Известно, что в чин поставления на степени духовной иерархии как обязательный компонент входит исповедание веры, основанное на полном тексте символа веры;¹⁹ «чин» духовного завещания также включил в себя такое исповедание, только в особом, сокращенном, свойственном именно этому жанру варианте. Архидьякон перед смертью, в конце своего поприща, так же как и при его начале, приносил заверения в своей православности. Без этого по «чину» духовного завещания нельзя было переходить к основной части духовной; нас убеждает в том неизменность текстов. «Первое убо, исповедаю святую богопреданую апостольскую веру и православия истинное благочестие в святую троицу и прочая священная апостольская повеления святых божиа церкве предания цела и неподвижима того благодатю соблюдать», — написал митрополит Киприан, прежде чем перейти к основной части своей духовной.²⁰ Митрополит Фотий повторил эту формулу так: «Первие убо сам исповедаю, и вас молю содержати, богом преданную апостольскую и отъческую веру, православие истиннаго благочестия во святую троицу; и елико святая церкве и священная Писания прият от бога и от святых апостол, и от святых божественных отец и святых соборов вселенских, и поместных, и особь сущих святых любезно из глубины сердца и многию верою приемлю и почитаю».²¹ Близки

⁹ ПСРЛ, т. 8, с. 80 (ср.: т. 21, ч. 2, с. 443—444).

¹⁰ Опубликовано: СГГД, М., 1819, т. 2, № 17, с. 18—22; ПСРЛ, СПб., 1853, т. 6, с. 144—148 (Софийская II летопись); СПб., 1913, т. 21, ч. 2, с. 483—488 (Степенная книга).

¹¹ Опубликовано, см.: АИ, СПб., 1841, т. 1, № 172, с. 328—331.

¹² Опубликовано, см.: Древняя российская вивлиофика / Изд. Н. Новикова. 2-е изд. М., 1788, ч. 6, с. 107—125; СГГД, М., 1819, т. 2, № 82, с. 179—186.

¹³ Опубликовано, см.: Древняя российская вивлиофика, ч. 6, с. 337—352.

¹⁴ Опубликовано, см.: ПСРЛ, СПб., 1841, т. 3, с. 193—197 (Роспись, или Краткий летописец новгородских владык).

¹⁵ Опубликовано, см.: Историческое обозрение Рязанской епархии. М., 1820. с. 135—140.

¹⁶ Опубликовано, см.: Древняя российская вивлиофика, 1-е изд. СПб., 1774, ч. 4, с. 111—139; Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858, т. 2, с. 467—477; Житие и завещание святейшего патриарха московского Иоакима. СПб., 1879, с. 102—139. (Изд. ОЛДЦ, № 47).

¹⁷ Не опубликовано, см.: ГПБ, Соловецкое собр., № 871/981, конец XVII—начало XVIII в., л. 490—498 об.

¹⁸ Вводная часть начинается с обязательной формулы «Во имя отца, и сына, и святого духа...»; традиционно также упоминание о том, что автор пишет свое завещание «целым умом»; к этому часто прибавляется описание страданий вследствие старости.

¹⁹ См.: Павлов А. С. Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1880, ч. 1, с. 101—110. (РИБ, т. 6).

²⁰ ПСРЛ, т. 5, с. 255 (ср.: т. 8, с. 79; т. 21, ч. 2, с. 441).

²¹ ПСРЛ, т. 21, ч. 2, с. 484.

к тексту Киприана и Фотия исповедания в завещаниях митрополита всея Руси Макария, патриархов Иова, Иоасафа II, Иоакима.

Прочитую из них только Иоакима, как наиболее удаленного от Киприана и Фотия. Духовное завещание патриарха Иоакима было прочитано при его гробе его преемником, митрополитом казанским Адрианом.²² Вступительная часть этого завещания гласила: «В-первых, убо известую сим писанием веру мою, яко верую в бога в троице святей единого, по научению самаго спасителя нашего бога, по проповеданию святых апостол и богоносных отец святыя восточныя церкви. И еже святыи отцы на седми вселенских соборех, духом святым собрании, предаша и научиша, в том до последняго моего издыхания пребываю, яко истинный сын святыя восточныя соборныя апостольския церкви».²³

Питирим, до восшествия на патриарший стол, будучи новгородским митрополитом и чувствуя приближение смерти (он скончался спустя десять месяцев после этого, уже патриархом), написал в своем завещании несколько отличный вариант исповедания: «Аз бо о вере, еже есть дар божий, надежно похвалитися дерзаю: ибо ту, божиею благодатию... неизменно, непреложно и неотъятно до кончины живота моего соблюдаю. Не тоию тыя 12 составы веры святыя кафолические, иже святым символом содержими суть, но и вся узаконения, от святых апостол и святых отец нам поданная, седмию святыми соборы вселенскими и поместными ухваленная. К тому и вся предания от церкви, матере нашея, верно хранящая, лобзаю, держу и до последняго моего издыхания соблюдаю».²⁴

В завещании Илариона, митрополита рязанского и муромского (знакомца Аввакума по Макарьевскому монастырю, ставшего впоследствии объектом его страстных обличений), исповедание звучит так: «...веру православную кафолическую божиею благодатию соблюдох донныне неврежденну и яко же в рождении моем духовном, имже отцу небесному усыновихся, чрез восприемника моего исповедах у, потом же яко во время поставления моего во архиерейство предах, писанием моим изъявленну, тако и до кончины жития моего желаю соблюсти целу».²⁵ Патриарх Адриан начинал свое духовное завещание следующим исповеданием: «Тем же аз, недостойный раб всетворца господа бога, смиренный Адриан, архиепископ московский и всеа России и всех северных стран патриарх, верую в бога, вся видимая и невидимая сотворившаго, и присно творящаго недомысленно дела и чюдеса преславная. И в сего божественней благодати спасения надежду мою полагаю по благоверию православныя соборныя церкви».²⁶

Таким образом, мы убеждаемся в том, что исповедание веры составляет неотъемлемую часть духовного завещания и служит своего рода его приметой. В литературе византийской традиции это была примета не только духовного завещания церковного иерарха, но еще и духовных завещаний «великих» игуменов.²⁷ Из русских игуменских завещаний²⁸ эта черта отразилась только в Предании Нила Сорского. Одно то, что это Предание начинается с исповедания веры его автора, заставило

²² Житие и завещание святейшего патриарха московского Иоакима..., с. XVIII.

²³ Там же, с. 103—104.

²⁴ ПСРЛ, СПб., 1841, т. 3, с. 194.

²⁵ Историческое обозрение Рязанской епархии..., с. 136.

²⁶ ГПБ, Соловецкое собр., № 871/981, л. 490.

²⁷ См.: Л и л и е н ф е л ь д Ф., фон. О литературном жанре сочинений Нила Сорского..., с. 86, 88, 94.

²⁸ См. завещания Антония Римлянина (А м в р о с и й. История российской иерархии. М., 1811, т. 3, с. 123—126; К а р а м з и н Н. М. История государства Российского. СПб., 1892, т. 2, примеч. 210), Кирилла Белозерского (АИ, СПб., 1841, т. 1, № 32, с. 61—62), Ефросина Псковского (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией имп. Академии наук, СПб., 1836, т. 1, № 108, с. 83), Иосифа Волоцкого (АИ, СПб., 1841, т. 1, № 288, с. 524), Нила Сорского (Б о р о в к о в а - М а й к о в а М. С. Нила Сорского Предание и Устав. СПб., 1912, с. 1—10. (ПДП, т. 179)).

Ф. фон Лилиенфельд смотреть на него как на сочинение «завещательного» характера (Ф. фон Лилиенфельд в противовес А. С. Архангельскому считает, что Предание Нил написал незадолго до своей кончины).²⁹

Выговские писатели были продолжателями древнерусских литературных традиций. Они их не просто знали, но были живыми носителями этих традиций в XVIII в. Чтобы почувствовать «завещательный» характер Жития протопопа Аввакума, выговцам не обязательно было знать содержание духовных завещаний митрополитов Киприана и Фотия (хотя, принимая во внимание их начитанность, можно не сомневаться в том, что они их знали), им достаточно было знать свои собственные духовные завещания.

В 1740 г. умер Семен Денисов. Он оставил духовное завещание, которое в рукописной традиции получило название «Надписания извеща- тельного, вкупе и прощательного». В нем мы читаем: «В-первых, испове- даю себе православна христианина, сына древлеправославныя святая церкви, яже во всеславней России до Никоновых новшеств светозарно и пресвято сияше. Исповедую веру мою в пресвятую единосущную троицу, единого триипостаснаго, несозданного, всетворительнаго бога... Исповедую того всенепостижимаго безсмертнаго бога в наше спасение откровенная нам таинства два — едино превечное и другое подлетное, едино общее и всесвятей троице посполитое, другое собственное единому от святыя троицы слову божию едиnorodному: си есть таинство святыя троицы и смотрения. В таинстве святыя троицы исповедую с богонос- ными отцы и святыми богословцы три ипостаси, свойства и начертания: отца, и сына, и святаго духа. Но едино существо божества, едино есте- ство, едино царство и господство, едину волю и хотение всех триех богоносных собств. Исповедую отца безначальна и безлетна, ни от кого же бывша или прившедша, но превечно и присно сущна суща. Исповедую сына божия от отца превечно возсиавша, яко бога от бога и свет от света, собезначальна и сопревечна, и сприсносущна, и соцарь- ственна своему родителю. Исповедую всепресвятаго утешителя, духа истиннаго и господа животворящаго, от самого безначальнаго отца исходящаго превечно и сприсносущно, единаго от единаго... и в сей святей троической тайне говейно с церковию и верую, и исповедаю, и надежду мою полагаю. Исповедую в таинстве смотрения моего Христа и господа за мене и о мне тайну воплощения в мое спасение содеяти усмотрив- шаго. В ней же два естества и существы исповедаю, едино — божества и едино — человечества. Едино несозданное и другое созданное, едипо превечно и всетворительное и другое подлеты и сотворенное. И яко два естества, тако два хотения, действия и две воли коимждо естеством Христос богоподобно и самовластно деяше: и божественная и человече- ская... Сия оба таинства, святыя троицы и воплощения божия слова. в крестных знаменовании сложением перст исповедателно изъясляю...».³⁰

²⁹ Лилиенфельд Ф., фон. О литературном жанре сочинений Нила Сорского... с. 94.

³⁰ БАН, собр. Дружинина, № 455 (старый — 483), л. 39 об.—41 об. Духовное завещание Семена Денисова имеет два варианта. Мы цитировали первый, начинающийся словами: «Во имя единого в трех ипостасех и во едином существе всепоклонно славимаго бога ... последний аз и непотребный, бога моего раб грешный Семен, последнее сие письмо начертаваю...» Второй вариант имеет начало: «Премилостиваго премилостивыми щедротами всемогущаго в троице славимаго бога ... им же вси человецы создашася, раждаются, живут и умирают. От оных человеков последний аз и грешный Симеон ... письмо сие известительное, вкупе же и молительное, всем отцем и братии предлагаю...». В рукописной традиции оба варианта существуют как раздельно, так и вместе (см.: БАН, собр. Дружинина, № 25 (старый — 43), вторая половина XIX в., л. 201 об.—209 об. — оба варианта вместе; ИРЛИ, Древлехранилище, собр. Успенского, № 6, л. 7—14 — оба варианта вместе; БАН, собр. Дружинина, № 455 (старый — 483), конец XVIII в., л. 38 об.—41 об. — первый вариант; БАН, собр. Дружинина, № 8 (старый — 20), последняя четверть XVIII в., л. 215 об.—218 об. — второй вариант). Покамест трудно сказать — две ли это части одного сочинения или это разные по времени тексты.

Обратим внимание на сходство основных пунктов в исповеданиях Семена и Аввакума. Как мы только что убедились, у Семена это, в сущности, исповедание двух главнейших учений христианской веры: учения о троице и учения о воплощении, «смотрении». Вспомним теперь Аввакума, у него исповедание сводится тоже к двум этим пунктам: «Афанасий Великий рече: иже хочет спастися, прежде всех подобает ему держати кафолическая вера, ея же аще кто целы и непорочны не соблюдают, кроме всякаго недоумения, во веки погибнет. Вера же кафолическая сия есть, да единого бога в троице и троицу во единце почитаем, ниже сливающе составы, ниже разделяюще существо; ин бо есть состав отец, ин — сыновень, ин — святого духа; но отчее и сыновнее, и святого духа едино божество, равна слава, соприсносущно величество; яков отец, таков сын, таков и дух святой; вечен отец, вечен сын, вечен и дух святой... И в сей святей троице ничтоже первое или последнее, ничтоже более или менее, но целы три составы и соприсносущны суть себе и равны. Особно бо есть отцу нерождение, сыну же рождение, а духу святому исхождение: обще же им божество и царство.

Нужно бо есть побеседовати и о вочеловечении бога слова к вашему спасению. За благодать щедрот излия себе от отеческих недр сын — слово божие в деву чисту богоотроковицу... И сие смотрение в бозе бысть прежде, даже не создатися Адаму, прежде, даже не вообразитися... Аще хочещи пространно разумети, чти Маргарит, Слово о вочеловечении, тамо обрящещи. Аз кратко помянул, смотрение показуя. Сиче всяк веруяй в онь не постыдится, а неверуя осужден будет и во веки погибнет, по вышереченному Афонасию. Сиче аз, протопоп Аввакум, верую, сиче исповедую, с сим живу и умираю».³¹

Семен Денисов благодаря наличию в Житии протопопа Аввакума вступительного исповедания веры уловил его «завещательный» характер. Вот где причина ошибки, заставившей его считать Житие предсмертным сочинением протопопа.

Но это не было ошибкой: Аввакум действительно писал свое Житие незадолго до смерти.

Как известно (это доказала Н. С. Демкова), самая ранняя редакция Жития отражена в Прянишниковском списке.³² И в этом списке есть примета, указывающая на то, что Аввакум начал писать Житие в 1669 г. «Отселе начну сказывать верхи своим бедам... колико случилось в 22 лета от буих человек», — написал он в начале Прянишниковского варианта, приступая к описанию своего плавания по морю житейскому. Из контекста же явствует, что «отселе» — это 1647 г.; прибавляя же 22 года, получаем 1669 г.³³

Итак, в 1669 г. Аввакум стал писать свое сочинение, которое он начал исповеданием веры. А ведь в 1669 г. Аввакумом владела мысль о близкой смерти. В 1668 г. (точная дата не установлена) умер симбирский протопоп Никифор, посланный в Пустозерск вместе с Аввакумом, Феодором, Лазарем и Епифанием.³⁴ Вскоре после этого (между концом 1668 и серединой 1669 г.)³⁵ Аввакум написал четвертую челобитную царю Алексею Михайловичу; из нее видно, что он в то время находился под впечатлением смерти Никифора: «Прости ж, государь, уже рыдаю и сотерзаюся страхом, и недоумением содержим есмь. Помышляю моя деяния и будущего судища ужас. Брат наш, синбирской протопоп

³¹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под ред. Н. К. Гудзия. М., 1960, с. 309—310.

³² Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума..., с. 107—140.

³³ Там же, с. 116.

³⁴ Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, с. 293—295; Житие протопопа Аввакума, им самим написанное..., с. 414.

³⁵ Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927, с. XLIX (РИБ, т. 39); Житие протопопа Аввакума, им самим написанное..., с. 413.

Никифор, сего суетнаго света отыде. Посем та же чаша и меня ждет».³⁶ Челобитная наполнена «прощальными» формулами (с просьбой простить и с дарованием прощения), характерными для произведения, проникнутого предсмертными настроениями. Это настроение не покидало Аввакума и в момент написания пятой челобитной царю (1669 г.³⁷): «Того ради хочу тебе сказать, яко мнит ми ся: не коснит господь о кончине моей, и помышляет ми ся: будет скоро отложение телеси моему».³⁸ Близкие Аввакуму люди знали о таком его предчувствии: именно в 1669 г. боярыня Морозова прислала ему прощенные погребальные одежды, о чем мы знаем из письма протопопа своей семье.³⁹

Стало быть, когда в 1669 г. Аввакум принялся за свое сочинение, он ждал смерти. Приметы этого видны и в самом Житии, в начале которого написано: «Сие аз, протопоп Аввакум, верую, сие исповедую, с сим живу и умираю», а в конце: «А мы того ради возвещаем о себе правоверным, за что нас отступники проклиjali и осудили на смерть» (цитирую по Прянишниковскому списку).⁴⁰

Что же начал писать Аввакум в том памятном году? Духовное завещание. Предположить это позволяет не только наличие в Житии традиционного для духовных завещаний исповедания веры, но и другие наблюдения.

Много написано о роли, которую играл в создании Жития Аввакума старец Епифаний. Но ведь это традиционная роль духовного отца в «чине» духовного завещания. Духовное завещание без духовного отца немислимо. Как показано в исследовании С. Смирнова «Древнерусский духовник», духовный отец почти всегда находился при составлении духовного завещания своего сына и очень часто утверждал его своей рукой или печатью.⁴¹ Одной из обязательных вводных формул духовного завещания (это отметила и Ф. фон Лилиенфельд⁴²) была формула о том, кем автор духовной уполномочен на ее составление. Как правило, духовным отцом. Сохранилась одна грамота, текст которой особенно наглядно демонстрирует обязательную связь духовника и духовного сына в духовном завещании. «Духовный мой брате Досифею, пишу тебе сию духовную памятку» — с такого обращения к духовному отцу Досифею начал свое завещание-исповедь Мартирий Зеленецкий.⁴³

То, что Житие Аввакума начинается с указания на «понуждение» (редакции А и Б; в Прянишниковском списке — «принуждением») или «благословение» (редакция В)⁴⁴ инока Епифания, как и то, что оно обращено к Епифанию — духовному отцу, в свете указанных данных оказывается вполне традиционным.

Принято ссылаться на Мартирия Зеленецкого и Лазаря Муромского как на предшественников Аввакума по части автобиографического повествования.⁴⁵ Но ведь сочинения Мартирия и Лазаря — это духовные заве-

³⁶ Памятники истории старообрядчества XVII в. ..., стб. 756.

³⁷ Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, с. 68, 70; Памятники истории старообрядчества, с. Л.

³⁸ Памятники истории старообрядчества, стб. 763.

³⁹ «Мне боярню глатотяжец да саван прислала против первых писем» (Памятники истории старообрядчества, стб. 913—914). Толковые комментарии к слову «глатотяжец» см.: Церковный словарь. СПб., 1794; с. 167.

⁴⁰ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное..., с. 310, 342.

⁴¹ Смирнов С. Древнерусский духовник. М., 1914, с. 100.

⁴² Лилиенфельд Ф., фон. О литературном жанре сочинений Нила Сорского..., с. 95.

⁴³ Бычков И. А. Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева. СПб., 1897, с. 345.

⁴⁴ Памятники истории старообрядчества, стб. 1, 83, 151; Житие протопопа Аввакума, им самим написанное..., с. 305.

⁴⁵ См.: Der Mönch Epifanij und die Entstehung der altrussischen Autobiographie. — Die Welt der Slaven, Wiesbaden, 1956, Jrg. 1, H. 3, S. 286—289; Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума..., с. 161—162; Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974, с. 369.

щания.⁴⁶ Одной из основополагающих особенностей таких памятников письменности, как духовные завещания, является их исповедальный характер, а вместе с ним и автобиографичность. Если посмотреть с этой точки зрения на духовные завещания, то в каждом из них можно обнаружить элементы автобиографического повествования, присутствующие в меньшей или большей степени. У митрополита Киприана они ограничиваются короткой фразой («А понеже сочтох лета своя, отнеле же поставлен бых в митрополиты, и обретошася числом, яко 30-е лето течеть к приходящему месяцу декамврию в 2 день») да упоминанием «трудных хожений» в прощальной формуле: «... и елицы иже възлюбиха нас и помиловаша... в нужах наших, и в трудных хожениях наших, и в путех, в различных землях христоименитии людии... да будут и ти процени, и благословени, и помиловани от бога».⁴⁷ Зато у митрополита Фотия это пространный рассказ о собственной иноческой жизни в Амморейской земле в послушании у знаменитого старца Акакия, о приходе затем в Константинополь к патриарху Матфею и царю Мануилу, о принятии там священнического сана, о поставлении митрополитом на Киевскую и всея Руси митрополию, о «плачевном» шествовании на Русь, о первых трудностях по управлению русскою паствою, «от агарян плененной и озлобленной», о «частых, паче же рещи непрестанных» морах, гладах и междоусобных бранях в ней, с упоминанием смерти великого князя Василия и обрушившейся на него, митрополита, в связи с этим какой-то клевете.⁴⁸ Автобиографический элемент в духовном завещании может ограничиться только упоминанием краткого послужного списка, как у патриарха Иова: «... избран и поставлен бых рукоположением пресвященного Дионисия, митрополита всеа Русии... на престол на Коломенскую епископию к пречистой Богородице честнаго и славнаго ея Успения в лето 7089 апреля в 16 день. И тако бывшу ми на престоле четыре лета и осмь месяц и двадесят пять дней... поставлен и возведен на Ростовскую архиепископию... в лета 7094 генваря в 9 день. И бывшу ми на престоле ростовския архиепископия год без единого месяца, и потом неизреченным промыслом... избран и понужен бых от него, государя (Феодора Иоанновича, — Н. П.), аз, смиренный, на великую митрополию царствующаго града Москвы и всеа Русии... И правящу ми престол русского митрополия два лета и месяц един и четьредесят дней... аз, смиренный Иев, избран и поставлен на патриаршество в преименитом и царствующем граде Москве... в лето 7097 генваря в 26 день».⁴⁹ А может простирается на описание рождения и родителей, как у патриархов Иоакима и Адриана: «Аз, раб грешный господа бога, Иоаким, патриарх московский и всеа России... родителми благочестивыми родихся в мир сей. И во благочестии непорущном... в православной вере воспитан...»; «Родихся убо в православной кафолической вере, мудрований и содержания святягы восточныя церкве, в благочестивом всероссийском царствии, в преименитом граде Москве, от благочестивых родителей моих (и доселе жизнью влекутся), от рождения моего 58 лет» (Адриан).⁵⁰

Пишущий духовное завещание — о себе «творил известие» (такова формула духовных завещаний патриархов Иоакима и Адриана: «... завещаю, прошу, и молю, и о мне творю известие»⁵¹). Этого от него требо-

⁴⁶ Они опубликованы, см.: Бычков И. А. Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева. СПб., 1897, с. 342—351 (завещание Мартирия Зеленецкого); Амвросий. История русской иерархии. М., 1813, ч. 5, с. 115—129 (завещание Лазаря Муромского).

⁴⁷ ПСРЛ, т. 5, с. 255—256.

⁴⁸ ПСРЛ, т. 21, ч. 2, с. 483—485.

⁴⁹ СГГД, М., 1819, т. 2, № 82, с. 179—180.

⁵⁰ Житие и завещание святейшего патриарха московского Иоакима..., с. 102; ГПБ, Соловецкое собр., № 871/981, л. 493.

⁵¹ Житие и завещание святейшего патриарха московского Иоакима..., с. 103; ГПБ, Соловецкое собр., № 871/981, л. 492 об.

вал «чин» духовного завещания, дух исповеди. Не случайно духовное завещание митрополита Фотия, дошедшее до нас в составе летописи, названо здесь «Словом о житии» («...написа Слово воспоминательно о житии своем, и прощая всех, и благословляя, и сам прося прощения у всех»).⁵² Духовная память Мартирия Зеленецкого получила название «Повести о житии» («Повесть о житии преподобнаго отца Мартириа, жившаго во области Великаго Нова Града, в Обонежской пятине, в Зеленой пустыни, тако нарицаемей, яже сам о себе исповеда отцу своему духовному»).⁵³

Духовные завещания благодаря своим исходным принципам таят в себе возможности автобиографического жанра. В зависимости от индивидуальных особенностей автора эти возможности раскрываются с большей или меньшей полнотой. На примере завещаний митрополита Фотия и Мартирия Зеленецкого можно видеть, как духовные завещания подготавливали рождение нового жанра литературы — жанра автобиографического повествования.

В 1669 г. в предчувствии близкой смерти, перед лицом духовного отца старца Епифания, Аввакум начал писать свое духовное завещание. Но смерть тогда не пришла к нему. Он не умер и в апреле 1670 г., когда смерти особенно опасались в связи с появлением в Пустозерске стрелецкого полуголовы Ивана Елагина, приехавшего сюда после свежих смертных казней на Мезени. «Казнь» 1670 г. в Пустозерске оказалась не смертной. Стало ясно, что предстоит еще жить. На казни 1670 г. писание Аввакума окончилось. И потом, когда в 1672—1675 гг. он не раз переписывал его своею рукою, он уже не продолжал его хронологически. Зато дальнейшая работа усилила житийный элемент сочинения. Родилось произведение словесности, гораздо более широкое и литературно несравненно более сложное, чем духовное завещание. Родился особый, неповторимый памятник русской литературы, творческая история которого после 1669—1670 гг. окончательно завуалировала его происхождение из духовного завещания.

Говоря о Житии протопопа Аввакума, мы часто уподобляли его исповеди.⁵⁴ Оказывается, такое уподобление имеет не только метафорический, но и реальный смысл.

⁵² ПСРЛ, т. 21, ч. 2, с. 483.

⁵³ Бычков И. А. Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева..., с. 342.

⁵⁴ Ср.: Робинсон А. Н. Исповедь — проповедь (о художественности «Жития» Аввакума). — В кн.: Историко-филологические исследования: Сборник статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада. М., 1967, с. 358—370.

Г. К. ВАГНЕР

Рублевская традиция во взглядах на искусство Аввакума *

«Через все наше художественное развитие красной нитью проходят рублевские темы». Эти проникновенные слова М. В. Алпатова¹ можно было бы взять в качестве эпиграфа к моему сообщению.

Понятие «рублевские темы» употреблено М. В. Алпатовым, конечно, не в сюжетном смысле «Рублевская тема» — это тема этики и эстетики, психологии и гносеологии Рублева. Поскольку в средние века все эти аспекты не расчленились, довольно трудно вычленить собственно эстетический момент. Поэтому если речь будет идти об «эстетике Андрея Рублева», то только в том широком смысле, который вложил в понятие средневековой эстетики С. С. Аверинцев, т. е. в смысле эстетической окрашенности всего мировоззрения.² В равной степени, конечно, это относится и к Аввакуму, который, как известно, принимал горячее участие в «эстетических спорах» XVII в., опираясь на заветы «добрых изюграфов».³ Кто же были эти «добрые изюграфы»? Поиски ответа на этот вопрос и привели меня к теме настоящей заметки. Надо сразу сказать, что разработки литературоведов оказали мне гораздо большую помощь, нежели работы искусствоведов, но, полагаю, настоящему искусствоведу сказанное не будет обидным, так как тема имеет принципиальное значение для судеб русского искусства.

Прежде чем перейти к «бунташному» XVII веку, необходимо вкратце напомнить о судьбах рублевского наследия в предшествующее время

Как бы ни было сложно развитие русского искусства в XV в., но «у современных Рублеву живописцев и у его ближайшего потомства, вплоть до Дионисия, память о нем не ослабевала», — пишет лучший знаток и ценитель творчества художника М. В. Алпатов.⁴ Правда, после Дионисия наступило время, когда великого мастера «все меньше и меньше понимали»,⁵ но «к середине XVI века интерес к творчеству Андрея Рублева возрастает вместе с признанием его огромного авторитета Царская власть и церковь, опираясь на имя великого художника, пытаются противопоставить его напору новых веяний»⁶

Приведенные слова могут вызвать сомнение: если «напор новых веяний» сдерживался при помощи авторитета Рублева, то не являлись ли творчество, стиль и вся эстетика великого русского предвозрожденца не-

* Доклад, прочитанный на научной конференции, посвященной 600 летию Куликовской победы (Москва, Музей им. Андрея Рублева, 25 сентября 1980 г.)

¹ Алпатов М. В. Андрей Рублев и русская культура — В кн. Андрей Рублев и его эпоха М., 1971, с. 14—15

² Аверинцев С. С. Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики — В кн. Древнерусское искусство. Зарубежные связи М., 1975, с. 373

³ См. Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927, кн. 1, вып. 1, стб. 291 (РИБ, т. 39)

⁴ Алпатов М. В. Андрей Рублев и русская культура, с. 14

⁵ Там же

⁶ Кузьмина В. Д. Древнерусские письменные источники об Андрее Рублеве — В кн. Андрей Рублев и его эпоха М., 1971, с. 119

ким консервирующим фактором? Чтобы разобраться в этом ответственном вопросе, надо, конечно, досконально знать, какие именно стороны творчества Андрея Рублева и каким именно «новым веянием» противопоставлялись. Не были ли консервирующим фактором сами эти «новые веяния»?

Относительно искусства XVI в., особенно второй его половины, решение вопроса, казалось бы, могло помочь так называемое «дело дьяка Висковатого» (ум. в 1570 г.). Известно, что Иван Висковатый выступал против «новшеств», вводимых в основном псковскими живописцами при возобновлении после пожара внутреннего убранства храмов Московского Кремля. Но, во-первых, характер этих новшеств (в основном иконографических) очень противоречив,⁷ чтобы считать их целиком «передовыми». Во-вторых, очень смутным представляется, если можно так выразиться, эстетическое кредо самого Висковатого. Его апелляция к традициям еще мало о чем говорит. Во всяком случае она касалась больше иконографии; относительно же стиля мы можем только гадать.

Гораздо больше материала для ответа на интересующий нас вопрос мы можем получить, обратившись к высказываниям другого ревнителя старины — протопопа Аввакума (1621—1682). Выступая против «новшеств» «царских изуграфов», Аввакум не в пример Висковатому довольно развернуто излагал свои взгляды на изобразительное искусство. В литературе его взгляды рассматриваются чаще всего в негативном аспекте, т. е. с точки зрения отрицательного отношения Аввакума к новым тенденциям в русской живописи второй половины XVII в., безоговорочно признаваемым прогрессивными. В академической «Истории русского искусства», например, эти новые тенденции противопоставляются «отсталому» направлению,⁸ в число защитников которого попадает и Аввакум. Та же точка зрения нашла отражение в «Истории русского искусства», изданной Институтом теории и истории искусств при Академии художеств СССР.⁹ В энциклопедическом словаре мы также читаем: «... в целом взгляды Аввакума были консервативны».¹⁰

С суждением об Аввакуме как ретрограде в эстетических воззрениях трудно примириться. Правда, известно немало примеров несовпадения у крупных деятелей их общественных и эстетических идеалов (особенно в области изобразительного искусства), но в основном они относятся к XIX в., когда дифференциация мировоззрения зашла довольно далеко. Для XVII в., хотя это было уже начало новой истории, еще характерна цельность психологической, по крайней мере в личностном плане.

Можно было бы привести несколько примеров, когда, столкнувшись с указанной дилеммой, исследователи пытались найти какой-то компромиссный выход из создавшегося положения, но всякий раз это делалось «за счет» Аввакума, т. е. за счет якобы несовпадения его субъективного восприятия с объективным ходом истории. Между тем углубленное исследование эстетических взглядов Аввакума показывает, что этот сложный вопрос может быть решен совершенно бескомпромиссно.

Подойдя к анализу высказываний Аввакума об изобразительном искусстве со стороны не столько негативных, сколько позитивных положений, А. Н. Робинсон выявил и четко обобщил лежащие в их основе принципы, которые можно свести к следующему: 1) божественное по своей высоте — по существу «не человекообразно»;¹¹ поскольку, однако, Христос воочеловечился, то его «сугубой» природе свойственна особая «гос-

⁷ См. подробно: Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972, с. 9 и сл.

⁸ История русского искусства. М., 1959, т. 4, с. 464.

⁹ См.: История русского искусства. М., 1957, т. 1, с. 144—145. (Академия художеств СССР. Научно-исследовательский институт теории и истории искусств).

¹⁰ Советская историческая энциклопедия. М., 1961, т. 1, с. 64.

¹¹ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1, вып. 1, стб. 612.

подня красота»;¹² 2) человек («истинный христианин») как по житию и естеству, так и по духовному облику должен быть «богоподражателем»,¹³ т. е. иметь «лице, и руже, и нозе, и все чувства тончава и измождала от поста, и труда, и всякая им находящая скорби».¹⁴

Можно подумать, что идеалом Аввакума был образ анахорета-аскета. Но это не так. Аввакум, и это тонко подметил А. Н. Робинсон, никогда не выступал сторонником «темнообразных» икон. Наоборот! Он ратовал за естественное «румянство», а не за искусственную «белость»; допускал «красивые ризы», должные быть у отцов церкви.¹⁵ Требование изображать святых такими, какими они были «в жизни»,¹⁶ основывалось у Аввакума не на одностороннем принципе «плотскости», против чего он боролся, а на высочайшем принципе полной духовной красоты. Хорошо известно, что таких же взглядов придерживались и единомышленники Аввакума.

Все сказанное рисует нам Аввакума как апологета той красоты, которую, по его словам, хорошо передавали «добрые изуграфы».¹⁷ Каких же «добрых изуграфов», повторяю, имел в виду Аввакум?

Если бы Аввакум назвал хотя бы одно имя, то мы имели бы возможность воссоздать круг его любимых художников. Но Аввакум здесь был скуп на имена. Он ни разу не упомянул даже Андрея Рублева или Дионисия. Тем не менее есть некоторые основания считать, что именно на их произведениях и сложилась аввакумовская эстетика «тонкостных чувств», «плоти и души обожженного человека».¹⁸

Напомню, что Аввакум впервые побывал в Москве в 1647 г., а переехал в нее из Юрьевца-Поволжского в 1652 г. Это произошло не без содействия царского духовника протопопа Стефана Вонифатьева, в «братию» которого молодой Аввакум тут же и вошел.¹⁹ Стефан Вонифатьев жил в Кремле и в те годы играл видную роль в нравственном очищении русского духовенства и возвышении церковных обрядов. По-видимому, Стефана и Аввакума связывало более чем простое знакомство. Аввакум часто ходил к своему доброхоту в Кремль.²⁰ Позднее, по возвращении из сибирской ссылки (1664 г.), Аввакум и сам жил в Кремле, пользуясь на короткое время милостями царя Алексея. Я заостряю внимание в первую очередь на этих биографических фактах (а не на выступлениях Аввакума против Никона), чтобы иметь возможность очертить тот круг московской живописи, который мог воздействовать на формирование художественного вкуса и убеждений Аввакума. Особенно, конечно, интересны в этом отношении встречи Аввакума с Вонифатьевым, падающие на 1647—1648 и 1652—1653 гг. В 1653 г. Аввакум был сослан в Сибирь.

Несмотря на то что в первой половине XVII в. появились новые иконостасы в церкви Ризположения (1627 г.) и в соборе Чудова монастыря (1626 г.), а также роспись Успенского собора (1643 г.), во фресках и иконах кремлевских соборов еще господствовал «дух XVI века», в свою очередь сохраняющий художественную образность эпохи Андрея

¹² Там же, стб. 244.

¹³ Там же, стб. 514, 909.

¹⁴ Там же, стб. 291. Свое исследование А. Н. Робинсон изложил в нескольких работах, см.: Робинсон А. Н. 1) Идеология и внешность: (Взгляды Аввакума на изобразительное искусство). — ТОДРЛ, М.; Л., 1966, т. 22; 2) Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974; 3) Творчество Аввакума в историко-функциональном освещении. — В кн.: Русская литература в историко-функциональном освещении. М., 1979.

¹⁵ Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века, с. 298—299, 303.

¹⁶ Робинсон А. Н. Идеология и внешность, с. 373.

¹⁷ См.: Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1, вып. 1, стб. 291.

¹⁸ Там же, стб. 645.

¹⁹ Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века, с. 28—29.

²⁰ Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1874, т. 1, с. 14.

Рублева и Дионисия.²¹ Мнение, что Аввакум не мог видеть самих работ этих художников,²² ничем не подтверждается. Особенно хорошо знакомы и близки Аввакуму должны были быть иконы и фрески Благовещенского собора, поскольку Стефан Вонифатьев был связан прежде всего с этим семейно-дворцовым храмом. О царящей в нем, в его иконах и фресках кисти Феофана Грека, Прохора с Городца, Андрея Рублева и Феодосия (сына Дионисия), эстетике «тонкости чувств» говорить не приходится. С искусством самого Дионисия Аввакум был непосредственно знаком по росписям Успенского собора. Что же касается росписи Архангельского собора, законченной в 1666 г., то Аввакум увидел ее лишь по возвращении из сибирской ссылки. Не исключая других источников формирования художественных взглядов Аввакума, я думаю, что именно кремлевские впечатления здесь играли решающую роль. Они по силе своего воздействия более чем что-либо другое воспитали у него преклонение перед «господней красотой» человеческого образа и неприятие «плотского» стиля царских живописцев XVII в. Проявился ли в этом консерватизм Аввакума? Нет! Аввакум, как хорошо сказал А. Н. Робинсон, выступал защитником «непреходящей красоты».²³ Я считаю возможным сказать больше: сложившийся в эпоху Андрея Рублева гармоничский идеал красоты духа и тела «обожженного человека» нашел во взглядах Аввакума более ясно выраженное, нежели в московской живописи XVII в., предвозрожденческое начало. Может быть, даже правильнее говорить не о предвозрожденческом, а ренессансном начале. Поясню суть этого несколько странного на первый взгляд заключения.

Ренессансно-барочные тенденции в русском искусстве XVII в. давно не вызывают сомнения, так что об этом нет нужды говорить. Сейчас важнее детализировать проблему.

Д. С. Лихачев высказал и убедительно аргументировал мысль о том, что русское барокко XVII в., в сущности, выполняло ренессансную функцию.²⁴ Сказанное о художественных взглядах Аввакума позволяет думать, что ренессансная функция русского искусства XVII в. проявлялась по меньшей мере двояко: в развитии великих традиций эпохи Рублева—Дионисия и в так называемой модифицированной форме, т. е. в барочном обличье. Аввакум не был ни консерватором, ни архаистом во взглядах на изобразительное искусство. Подобно своему великому предшественнику и в некотором отношении даже прообразу — знаменитому Джироламо Савонароле (1452—1498), Аввакум выступал страстным защитником истинного величия и чистоты Человека в единстве его духовных и плотских качеств. Как и Савонарола, Аввакум был противником не нового, а только гипертрофии этого «нового», выразившейся в превознесении художниками плотского начала над духовным, что Аввакум характеризовал как «опровергоша долу горняя».²⁵ Ведь именно такой «перегиб» в сторону чувственности имел место и в итальянском Возрождении.²⁶

Не следует забывать, что Аввакум отрицательно относился не ко всей современной ему московской живописи, а прежде всего к «плотскому» стилю «царских изуграфов»,²⁷ в творчестве которых откровеннее сказались барочные тенденции. Но ведь от внимательного взгляда историка искусства не может укрыться такой факт, как достаточный эклектизм

²¹ Данилова И. Е., Мнева Н. Е. Живопись XVII века. — В кн.: История русского искусства. М., 1959, т. 4, с. 347, 357.

²² Такое мнение было высказано И. Л. Бусевой-Давыдовой на конференции музеев Московского кремля в октябре 1983 г.

²³ Робинсон А. И. Идеология и внешность, с. 381.

²⁴ Лихачев Д. С. Барокко и его русский вариант XVII века. — РЛ, 1969, № 2, с. 18—45.

²⁵ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1, вып. 1, стб. 283.

²⁶ См. подробно: Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978, с. 571.

²⁷ Этот вопрос хорошо освещен А. Н. Робинсоном.

этих тенденций. Может быть, правильнее говорить не об эклектизме, а о своеобразной «сплюснутости» художественного процесса, когда вследствие ускоренного развития новое усваивалось довольно поверхностно. Как уже сказано, в московской живописи XVII в. было и другое направление, кажущееся на первый взгляд более традиционным, даже архаизирующим, но, как мне представляется, являющееся более последовательным и органичным. Я имею в виду творчество таких художников, как Никита Павловец и Федор Зубов. Они не подпали под влияние «плотского стиля». Первому принадлежит прекрасная икона «Троицы» (1671 г.), хотя и выполненная с применением новой светотеневой моделировки, но сохраняющая многое от рублевской традиции, причем не только в круговой композиции, но и в поэтичности образов.²⁸ Федор Зубов предстает как художник, весьма искусный в многофигурных сценах, но вместе с тем тонко чувствующий единоличный образ, о чем говорит его икона «Богоматерь Одигитрия» (1776 г.). Конечно, было бы неверным сопоставлять это направление с тем возрождением эпического имперсонализма, которое имело место в итальянском искусстве XV в. в лице Пьеро делла Франческа,²⁹ но все же показательно, что в эпоху интенсивных реалистических исканий, неизбежно сопряженных с индивидуалистическими тенденциями, происходит этот возврат к искусству великого обобщения, в котором индивидуальное не растворяется, а поднимается до всеобъемлющего значения. Никита Павловец и Федор Зубов не были одиночками в своем творчестве. Изучение этой линии развития русской живописи XVII в. представляет исключительный интерес.³⁰ Не огрубляя натуралистически образ (против чего и восставал Аввакум), это направление сохраняло немало черт живописи XV—XVI вв. и вместе с тем не было чуждо новой «световидной» манере. По применению этой манеры не привело к тому, что Аввакум называл «опровергоша долу горняя». «Горнее» сохранялось, но выступало в более материально-эстетизированной форме.

Сказанное относится и к иконе-портрету Аввакума, выполненному на рубеже XVII и XVIII вв. где-то на Керженце, в старообрядческой среде. По мнению такого знатока всего, что касается Аввакума, как В. И. Малышев, портрет этот наделен «индивидуальными чертами».³¹ Перед нами высокий мужественный человек, про которого никак не подумаешь, что он в течение многих лет выдерживал заключение в земляной тюрьме. Лицо Аввакума, обрамленное длинными седыми волосами и длинной седой бородой, «имеет строгое, самоуверенное выражение, полное затаенной жизни, с нервным напряжением».³² Аввакум изображен стоящим на сферически изогнутом поземе, как бы на сегменте земного шара, что невольно вызывает космологические ассоциации.

Как бы ни был фрагментарен приводимый мною материал, но он позволяет думать, что художественная образность («эстетика») эпохи Андрея Рублева—Дионисия не только сохраняла свое значение во взглядах Аввакума, но в известной мере жила и в живописи XVII в. Развитие этой линии русского искусства, которую можно было бы назвать лирико-классической, шло медленнее, но, я сказал бы, гораздо органичнее. И если бы живопись второй половины XVII в. не была захлестнута чисто внешне подхваченным барокко, то русское Предвозрождение смогло бы сделать существенный шаг вперед, к русскому Возрождению.

²⁸ Данилова И. Е., Мневая Н. Е. Живопись XVII века, с. 396.

²⁹ Лазарев В. Н. Пьеро делла Франческа. М., 1965, с. 5 и сл.

³⁰ Когда настоящая статья была уже написана и сдана в издательство, вышла интересная книга В. Г. Брюсовой «Гурий Никитин» (М., 1982), в которой рассматривается этот вопрос.

³¹ Малышев В. И. История «иконного» изображения протопopa Аввакума. — ТОДРЛ, М.; Л., 1966, т. 22, с. 389.

³² Там же.

Конечно, о полном усвоении Аввакумом эстетики эпохи Андрея Рублева—Дионисия не могло быть и речи. Андрей Рублев в своей «Троице» утверждал идею единства, что было в духе того времени. Аввакум же мыслил Троицу как изображение «трех царей небесных», равных «по власти». ³³ Но это не помешало проявлению общего у обоих: именно через творчество Аввакума в русской культуре XVII в. удерживалось могучее чувство вечного, ³⁴ столь глубоко выраженное в свое время в искусстве Андрея Рублева. Более того, через творчество Аввакума это чувство вечного было усвоено и более поздним русским искусством. ³⁵ Какой же механизм лежал в основе этой этико-эстетической преемственности? Ответ на этот вопрос был бы лучшим оправданием настоящей заметки.

Решая аналогичный вопрос относительно литературы, А. Н. Робинсон подметил закономерность, состоящую в том, что «вечность» шедевров вырисовывается тем явственнее, чем равноправнее символика постоянных тем (и образов) объединяется с их эпохальной реализацией. ³⁶ Или иначе: вечность шедевров тем фундаментальнее, чем универсальнее заложенная в них (чаще всего интуитивно) эмоционально-эстетическая, национально-психологическая функция. ³⁷ Именно на этом высоком нравственно-эстетическом уровне яснее всего вскрывается общность между эстетикой Андрея Рублева и эстетикой Аввакума, та общность, которая и была причиной неприятия Аввакумом ограниченного «плотского» стиля русской живописи второй половины XVII в.

Раскольники XVII в. говорили о посланиях Аввакума: «... те письма светлея солнца, и все добры». ³⁸ Таковы же были главные качества творений Андрея Рублева. Несомненно, что только в условиях сугубо обостренного переживания Добра, Любви, Правды, Справедливости и т. п. «вечных тем» ³⁹ и адекватного воплощения их в живописные образы Андрей Рублев смог сообщить им «непреходящую красоту». Аввакум был не менее, если не более, чуток к этим «вечным темам», почему и эстетика «тонкостных» чувств была ему ближе эстетики «плотского». В сущности, эта эстетическая альтернатива постоянно стояла и перед всеми последующими русскими художниками-правдоискателями, и, мне думается, что здесь можно было бы построить художественный ряд, уходящий корнями в рублевско-аввакумовское, а не в ушаковско-владимировское наследие.

³³ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1, вып. 1, стб. 588, 595.

³⁴ См. подробно: Робинсон А. Н. Творчество Аввакума в историко-функциональном освещении, с. 170—172.

³⁵ Этой теме, по существу, посвящена вся работа А. Н. Робинсона «Творчество Аввакума в историко-функциональном освещении».

³⁶ Робинсон А. Н. Творчество Аввакума в историко-функциональном освещении, с. 175.

³⁷ Там же, с. 178.

³⁸ Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1886, т. 8, с. 213, 389.

³⁹ Робинсон А. Н. Творчество Аввакума в историко-функциональном освещении, с. 180.

В. А. ЧЕРНОВ

Несколько неточностей в изданиях сочинений Аввакума и Епифания

В различных изданиях текстов Аввакума и Епифания кроме опечаток обнаружилось несколько порожденных разными причинами неточностей, которые, иногда переходя из книги в книгу, уже имеют традицию, насчитывающую несколько десятилетий. Между тем такие неточности препятствуют правильному пониманию отдельных частей в сочинениях названных авторов.

Неверное толкование значения слова

ВАР. Епифаний, рассказывая в Житии о нашествии на его келию муравьев, пишет: «Аз же, многогрешный, варом их стал варить».¹ Комментируя это место, издатель памятника А. Н. Робинсон утверждает: «Вар, приготовлявшийся из сосновой смолы и служивший для осмоления судов, был необходим в хозяйстве Епифания, так как у него был „карбас“».² Действительно, для придания деревянным судам водонепроницаемости использовался корабельный вар — «составная смола для заливки палуб и т. п. из белой смолы, серы и сала».³

Однако применение вара в качестве средства борьбы с домашними насекомыми (в данном случае с муравьями) неизвестно в народной практике. Для этой цели обычно используется кипяток, а сложная по составу смола, приобретение или изготовление которой требовало известных усилий, в таких случаях, конечно, не употреблялась.

Комментатор стал жертвой ложной ассоциации. Он учел лишь одно значение слова «вар» — «смола» — и не обратил внимания на второе, в настоящее время широко распространенное только в диалектной речи и известное в просторечии значение — «кипяток». Ср.: «Вар ... кипяток, кипящая вода»;⁴ «Вар ... 1. Вареная смола (*спец.*) 2. Кипяток (*обл.*)»;⁵ «Вар ... 1. Вареная смола ... 2. *Обл. и прот.* Кипяток»;⁶ «Вар ... 1. Смола, сгущенная варкой ... 2. В просторечии и *обл.* Крутой кипяток».⁷ В древнерусском языке слово «вар» тоже обладало среди других значений и этими двумя.⁸

Нет ни малейшего сомнения в том, что Епифаний поливал муравьев варом — кипятком, а не смолой.

¹ Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М., 1963, с. 186.

² Там же, с. 302.

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1882, т. 1, с. 165 (далее: Даль).

⁴ Даль, т. 1, с. 165.

⁵ Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1934, т. 1, стб. 225 (далее: Словарь Ушакова).

⁶ Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1957, т. 1, с. 169 (далее: Словарь в 4-х т.).

⁷ Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. М.; Л., 1950, т. 2, стб. 49 (далее: Словарь в 17-ти т.).

⁸ Срезневский. Материалы, т. 1, стб. 230.

МЕДВЕДЬ. В рассказе о закончившейся благополучно встрече с немирными «иноземцами» на берегу Иртыша Аввакум пишет: «Спрятали мужики луки и стрелы своя, торъговать со мною стали, — медведенья у нихъ накупи(л)».⁹ Это место начиная с 1934 г. комментируется всеми издателями редакции А Жития следующим образом: «Медведь — у купцов — залежавшийся товар»;¹⁰ «Медведь — залежалый товар»;¹¹ «„Медведем“ называли залежавшийся товар (Даль, 2, 311)».¹² Причем в издании «Academia» Н. К. Гудзий даже исправил: «медведев у них накупил».¹³ Надо полагать, сделал он это на том основании, что вместо «медведенья» стоит «медведев»¹⁴ и в некоторых списках Жития — в составе сборника из собрания Е. В. Барсова № 970, датированного 1837 г., и сборника из собрания В. Г. Дружинина № 526 (старый № 557), относящегося ко второй половине XIX в.¹⁵

Комментаторы со ссылкой на источник или без нее, вне сомнения, опирались на «Словарь» Даля («Медведь, у купцов, залежавшийся товар, не идущий с рук»¹⁶). Однако трудно понять, почему именно это толкование привлекло их. Ведь на следующей странице В. И. Даль приводит и слова «Медведина или сиб. медведна, медвежья шкура, сиб. постеля».¹⁷ Конечно, эта часть статьи «Медведь» у Даля сформулирована недостаточно четко: не ясно, относится ли значение 'медвежья шкура' и к форме «медведна» (но даже если в XIX в. и не относилось, то в старину, безусловно, оно у этого слова существовало, а значение 'постель' появилось в результате переноса по функции). Тем не менее, однако, издателям надо было бы, более доверяя автору Жития, толковать слово «медведна» (или «медведня»), употребленное им, а не «медведь», идущее от переписчиков.

Слова «медведна» и «медведня» существовали и в XVII в., причем не только в Сибири. Они встречаются в документах, происходящих из Казанского и Нижегородского края, исследованных А. Соколовым.¹⁸ Правда, А. Соколов в списке слов, извлеченных из этих документов, не дает толкований, но из примеров видно, что «медведна» и «медведня» обозначают медвежью шкуру: «половая медведня», «две медведны черные».¹⁹

Если так, то Аввакум «накупил» медвежьих шкур, а не «залежалого товару».

Проблематичное прочтение слова

ШПЫНЯТЬ. В современном русском языке существует глагол «шпынять», среди значений которого есть и переносное 'донимать попреками, колкостями, правоучениями и т. п.';²⁰ 'укорять, попрекать, донимать чем-н., подтрунивая, издеваясь';²¹ 'донимать, попрекая, выговаривая, по-

⁹ БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 746 (старый № 790), л. 238. Далее при цитировании этого списка (Д) листы указываются в тексте в скобках (цитируется с упрощением орфографии).

¹⁰ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. [М.]: Academia, [1934], с. 484 (далее: Житие, Academia).

¹¹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М.: ГИХЛ, 1960, с. 461. Такое же объяснение приводится и в Житии, изданном в 1979 г. в Иркутске (повторяет издание ГИХЛ 1960 г.).

¹² Робинсон А. Н. Жизнеописания... с. 259.

¹³ Житие, Academia, с. 113.

¹⁴ Робинсон А. Н. Жизнеописания... с. 160 и 204.

¹⁵ Там же, с. 110—111.

¹⁶ Даль, т. 2, с. 312.

¹⁷ Там же, с. 313.

¹⁸ Соколов А. Об языке и правописании в документах XVII в. — В кн.: Русский филологический вестник / Изд. под ред. проф. А. И. Смирнова. Варшава, 1891. № 3, с. 123—137.

¹⁹ Там же, с. 131.

²⁰ Словарь в 17-ти т., т. 17, стб. 1541.

²¹ Словарь Ушакова, т. 4, стб. 1365.

учая',²² причем в 17-томном и 4-томном словарях русского языка это слово рассматривается как просторечное, а в словаре Ушакова как «разговорное, фамильярное». Кроме того, в 17-томном словаре приведено еще и оцениваемое в качестве устарелого значение «издеваться, вышучивать».

Поэтому ничего удивительного нет в том, что слово «шпыня(т)», написанное Аввакумом с выносным «т» в следующем отрывке из редакции В: «Туть прие(з)жа(л) ко мнѣ шпыня(т)²³ от тайных дѣл Демен-те(й) Башмако(в)»,²⁴ было прочтено как «шпынять» и во всех изданиях так печатается.²⁵ Поскольку у Аввакума при письме с выносом части слова над строкой от суффикса инфинитива, как правило, остается лишь буква «т»,²⁶ такое прочтение вполне возможно. Именно так это слово прочитали и записали «шпынять» и некоторые кописты, ср. списки Жития в сборнике из собрания В. Г. Дружинина, № 245 (старый № 291), л. 47 об., и в сборнике из собрания А. Е. Бурцева, № 10, л. 57 об., хранящихся в БАН. Вероятно, так же оно было написано и в не дошедшей до нас рукописи Казанской духовной академии, по которой и была впервые опубликована редакция В Жития Аввакума в книге А. К. Бороздина. На восприятие формы «шпыня(т)» как глагола указывает и факт замены ее словом «чтунять» автором копии Жития в сборнике из собрания Е. В. Барсова (ф. 17), № 200, принадлежащем ГБЛ. Правда, в областных словарях и у Даля глагола «чтунять» нет. Но можно предположить, что он представляет собой гиперкорректное написание глагола, который в словарях фиксируется в форме «щунять», а по семантике близок к глаголу «шпынять», ср. «журить, усовещевать, увещевать; унимать, бранить, претить что»;²⁷ «стыдить, упрекать, делать выговор»;²⁸ «стыдить, упрекать»;²⁹ «выговаривать, попрекать».³⁰ Имея в виду, что звуку [ш'] литературного языка в некоторых местных говорах соответствует сочетание [шт] (ср. штука 'щука', шты 'щи', записанные в Вологодской области³¹), допускаем, что и переписчик произносил [штун'ат']. Но он, конечно, знал, что звучание [што] на письме передается как «что», и поэтому по аналогии мог передать написанием «чтунять» и звучание [штун'ат']. Отметим, наконец, и написание этого глагола с выносом «т» — «чтуня(т)» — в рукописи из собрания ОЛДП, Q.730 (8716), хранящейся в ГПБ (л. 52 об.).

Однако это слово можно интерпретировать и по-иному — как имя существительное в соединении с постпозитивным членом, который Аввакум нередко употребляет, ср. «около купели против со(л)нца лукаво-еть и(х) води(т)» Д (л. 266),³² «ка(к) муравьи-те тебя за тайно-еть удъ ели» З (л. 115),³³ «какъ муравьи-те тебя ели за тайно-еть удъ» Д (л. 284

²² Словарь в 4-х т., т. 4, с. 996.

²³ В списке Жития по рукописи из собрания А. А. Титова № 4218, хранящейся в ГПБ (л. 36 об.), написано тоже с выносом «т».

²⁴ Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Под ред. В. И. Малышева, Н. С. Демковой, Л. А. Дмитриева. Л., 1975, с. 54. Далее при цитировании опубликованного в данном издании списка И. Н. Заволоко (З) листы указываются в тексте в скобках.

²⁵ Ср.: Бороздин А. К. Протопоп Аввакум. СПб., 1900, с. 101; Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927, кн. 1, вып. 1, стб. 208 (РИБ, т. 39); Пустозерский сборник: Автографы... с. 54.

²⁶ Ср.: ходи(т) [ь] З (л. 60 об.), покида(т) [ь] З (л. 66 об.).

²⁷ Даль, т. 4, с. 658 (статья «Щувать»).

²⁸ Куликовский Г. Словарь областного олонцкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898, с. 140.

²⁹ Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885, с. 195.

³⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1973, т. 4, с. 509 (статья «Щувать»).

³¹ См. картотеку Севернорусской топонимической экспедиции при кафедре русского языка и общего языковедения Уральского университета (Свердловск).

³² См. также: Робинсон А. Н. Жизнеописание... с. 171.

³³ Пустозерский сборник: Автографы... с. 80.

об.).³⁴ Иными словами, форму «шпыня(т)» можно прочесть и как «шпын-ят» (т. е. «шпынь-ат»). Но если в конструкциях «лукаво-ет», «тайно-ет» заударное [о] после мягкого согласного [j], нечетко артикулируемое Аввакумом как [ʔ], передается буквой «е», то в «шпын-ят» оно изображено буквой «я», что не выходит за пределы правописных навыков Аввакума.³⁵ Ср. сходное начертание в списке XVIII в. с челобитной Аввакума «Яким-ат»,³⁶ а также в комедии А. П. Сумарокова «Рогоносец по воображению»: «гром-ат гремит не всегда из небесной тучи», «А хорош граф-ат?».³⁷

Но возникает вопрос, пишется ли в Житии постпозитивный член с выносным «т»? С таким «т» в обоих автографах находим слова разных частей речи, в том числе два раза (из десяти случаев) встретились и формы имен существительных с постпозитивным членом с «т» над строкой: «бес-о(т)» Д (л. 284 об.), «протопоп-о(т)» З (л. 73).

Слово «шпынь», как и глагол «шпынять», также существует в современном русском языке: «Шпень, Шпынь, юж. строптивый человек, всем поперек, впомеху; придирчивый, досадный; трунила, злой насмешник»;³⁸ «Шпынь ... юж. зап. ... колкий насмешник, резкий и дерзкий остряк; балагур, шут ... Шут не шут, а хороший шпынь. Ходят по церквам шпыни с бесстрашием, человек по десятку и больше, и от них в церквах велика смута и мятеж. Акд»;³⁹ «Шпынь ... 2. Насмешник, балагур, шут»;⁴⁰ «Шпынь ... Устар. Балагур, шут, насмешник».⁴¹

Общепризнанной является этимология слова «шпынь», приведенная в «Словаре» Фасмера, согласно которой оно в результате фонетического переоформления восходит к слову «шпиль»,⁴² представляющему собой результат сокращения слова «шпильман».⁴³ И «шпильман», и «шпиль» были известны древнерусскому языку не позднее XII—XIII вв.⁴⁴ Однако Фасмер все же считает, что эта этимология затруднительна «в фонетическом и семантическом отношении».⁴⁵ Затруднительна она действительно в отношении фонетики, что же касается семантики, то переносы такого типа достаточно распространены. К тому же слова «шпиль», «шпильман», имея значение 'лицедей, актер', вполне могли обозначать и шута.

Но дело в том, что у Аввакума слово «шпынь» употреблено не в значении 'лицедей, актер, шут'; у него на передний план оказалась выдвинутой пейоративная коннотация — оно выступает в роли бранного слова, аналогично употреблению в современном русском языке слова «шут» в сочетании «шут гороховый», или в таких бранных выражениях, как «шут его знает», «шут с ним», «на кой шут» и т. п., где оно заменяет собой слово «черт».⁴⁶

Немаловажным доводом в пользу того, что форма «шпыня(т)» является именем существительным с постпозитивным членом, служит то, что она, по-видимому, выступает в Житии в качестве синонима к слову

³⁴ См. также: Робинсон А. Н. Жизнеописания... с. 178.

³⁵ Буквы «е» («ѣ») и «я» в аналогичных позициях используются писателем факультативно: насеел Д (л. 243), сеен Д (л. 243), сеено Д (л. 243), деветь Д (л. 193 об.), девет З (л. 9), десеть, десет Д (л. 231, 244, 247), З (л. 52, 59, 62) (но и десять, десят Д, л. 193 об., З, л. 103), стерледи Д (л. 235 об.), посійнял З (л. 38), увидял З (л. 21 об.) (но и увидел Д, л. 203).

³⁶ Житие, Academia, с. 203.

³⁷ Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. 2-е изд. М., 1787, ч. 6, с. 17, 9.

³⁸ Даль, т. 4, с. 643—644.

³⁹ Там же, с. 644.

⁴⁰ Словарь Ушакова, т. 4, стб. 1365.

⁴¹ Словарь в 17-ти т., т. 17, стб. 1541.

⁴² Фасмер М. Этимологический словарь, т. 4, с. 476.

⁴³ Там же, с. 473.

⁴⁴ См.: Срезневский. Материалы, т. 3, стб. 1598.

⁴⁵ Фасмер М. Этимологический словарь, т. 4, с. 476.

⁴⁶ Словарь в 4-х т., т. 4, с. 1008.

«шиш»: «Ано о(т) тайны(х) дель, шишь анътихр[и](с)т[о]въ стоять, Деме(н)тей Башмаковъ дожидается меня» *З* (л. 62 об.),⁴⁷ — к слову, которое, по данным словарей современного русского языка (в «Материалах» Срезневского оно отсутствует), в «старинном» языке имело значение 'лазутчик, соглядатай и переносчик' («И был у него в шишах, и подслушивал, кто что про него говорит. Акд.»);⁴⁸ 'соглядатай, доносчик'.⁴⁹ В силу специфического характера основного значения слово «шиш» тоже несет на себе негативную коннотацию, подобно тому как в современном языке слово «шпион» может употребляться бранно.

Имя существительное «шпынь», без сомнения, было известно Аввакуму. Об этом можно догадаться по тому, что в Житии встретилось производное от него имя прилагательное «шпынской» («и под каме(н) [ь] емъ лежу, не токмо под шпы(н)скою воровскою никонияньскою клятвою и(х)» *Д*, л. 234).⁵⁰

Против того, чтобы лексему «шпыня(т)» рассматривать как глагол, свидетельствует и грамматический фактор: глагол «шпынять» управляет винительным падежом,⁵¹ в контексте же, в котором находится эта лексема в Житии, нет слова, которое могло бы выполнять функцию прямого дополнения.

Судя по всему сказанному, не исключено, что Аввакум, выказывая свою ненависть к одному из высших чинов Приказа тайных дел, участнику гонения на «старую веру» и на него лично, называет Дементия Башмакова в одном месте Жития «шпынем», в другом — «шишом». А это значит, что Аввакум в рассматриваемой выше цитате лишь отмечает приезд «шпыня» Дементия Башмакова к нему на Андреевское подворье с неназванной целью.

Называя так Дементия Башмакова, Аввакум употребил имя существительное с постпозитивным членом [шпын'ът] (в современном написании «шпынь-от»), а не глагол «шпынять», значение которого не вполне соответствует описываемой ситуации (на что обратил внимание один из копиистов Жития и употребил глагол «чтунять» = «щунять», более уместный по семантике).

⁴⁷ Пустозерский сборник: Автографы... с. 47.

⁴⁸ Даль, т. 4, с. 636.

⁴⁹ Словарь в 17-ти т., т. 17, стб. 1431.

⁵⁰ См. также: Робинсон А. Н. Жизнеописания... с. 159.

⁵¹ «Шпынять ... кого-что» (Словарь Ушакова, т. 4, стб. 1365); «Шпынять ... перех.» (Словарь в 4-х т., т. 4, с. 996); но и «Шпынять ... перех. и неперех.» (Словарь в 17-ти т., т. 17, стб. 1541).

Б. И. ОСИПОВ

К вопросу об орфографии и пунктуации протопопа Аввакума

(На материале Пустозерского сборника)

Одним из плодов жесткой регламентированности нашей теперешней орфографии и пунктуации является то, что современные исследователи, наталкиваясь на частые отклонения, скажем, от морфологического принципа правописания в памятниках XVI—XVIII вв., подчас придают этому факту слишком большое значение. Режущие глаза современному читателю, даже и ученому, фонетические написания иногда дают повод для поспешных выводов о ведущей роли фонетического принципа в орфографии того или иного писца либо об отсутствии у него определенных норм письма вообще.

Очень интересно в этом плане письмо протопопа Аввакума.

Начнем рассмотрение с его орфографии. В последние годы она стала предметом внимания В. А. Чернова и В. В. Колесова.¹ Выводы авторов относительно отражения в орфографии фонетических черт языка существенно расходятся. В. А. Чернов в весьма категорической форме говорит об акающем характере говора Аввакума, хотя приводимые в доказательство примеры в большинстве своем очень и очень спорны. Это прежде всего относится к написанию *a* в глагольных формах *коратать, покаряться, укарять*, где могли быть рефлексы количественного чередования $\acute{o} : \bar{o} \rightarrow o : a$. Но как примеры орфографической передачи аканья спорны и заимствования: *гараздо, таварищ, казакамъ, в манастырь*, имевшие в языках-источниках <a> и проявлявшие в русском неустойчивость огласовки, и ряд других случаев, например *тараканы, дамашникъ* и т. п., где имеются условия для межслоговой ассимиляции. Еще менее доказательны примеры на иканье: так, утверждение, будто в словах *здышней, конюшей, писанейце* буква *e* пишется «на месте этимологического [и]»,² — просто ошибка. Более убедительна аргументация в пользу еканья, хотя и она не безупречна: например, *я* в *боаря* — рефлекс морфологического, а не фонетического явления.

В. В. Колесов, справедливо указывая на поспешность ряда выводов В. А. Чернова, проявляет, наоборот, крайнюю осторожность и настаивает на том, что написания Аввакума не могут нести прямой информации о его диалектной фонетике, так как «орфографические условности (с допустимыми колебаниями и вариантами) основаны здесь на русском произношении, но уже настолько обобщены как явления письма, что интер-

¹ Чернов В. А. «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» как памятник живого русского языка XVII века: (Опыт реконструкции фонетической системы индивида по письменному памятнику). Л., 1974; Колесов В. В. Лингвостилистическая характеристика автографов Аввакума и Епифания. — В кн.: Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975, с. 210—266.

² Чернов В. А. «Житие протопопа Аввакума...» ..., с. 17.

претация фонетического их субстрата фактически невозможна». Исследователь высказывает мнение, что «из произношения в написание допускаются только фонетически непроверяемые написания».³ Правда, не совсем ясно, почему к таким написаниям отнесены случаи типа *книге, на лавке* (ср. написание *по щоке* и т. п., где окончание ударное). Можно спорить и о некоторых других примерах, приводимых на этот счет, но в общем вывод В. В. Колесова заслуживает серьезного внимания: если в практике писцов XVII в. фонетически писались, видимо, все же не только непроверяемые орфограммы, то утвердился в норме и дошли до нашего времени действительно почти одни непроверяемые. Особенно же важной является мысль о наличии в письме XVII в. устойчивых орфографических условностей. На это обстоятельство указывает в др. связи Г. А. Хабургаев.⁴ Мы неоднократно отмечали факты, когда в памятниках XVI—XVII вв. смешение *a* и *o* наблюдается в каких-то определенных словах, не затрагивая других. Это тоже подтверждение чисто орфографической природы подобного «аканья».

Однако полемика В. В. Колесова с В. А. Черновым касается гласных. Обращая к орфографии согласных, как она представлена в Житии Аввакума по Пустозерскому списку (л. 4—60 Пустозерского сборника).⁵ Здесь приходится отметить, во-первых, гораздо меньшую устойчивость орфографии: той закрепленности фонетических написаний за определенными словами или морфемами, которой характеризуются «акающие» написания гласных, здесь нет или, во всяком случае, она хуже выражена. Правда, непроверяемые написания вроде *изба, гдѣ, трижды* последовательно фонетичны, но их закрепление в орфографии относится к более ранней эпохе. Колебания же между морфологическим и фонетическим написанием согласных охватывают практически неопределенный круг лексических и морфемных единиц. Примеры передачи оглушения: <z> → <s> — *исписто(ли)* (= из пистоли, л. 16 об.); <ž> → <š> — *ташко* (л. 15), *лошку* (л. 25); → <r> — *чре(з)хрелты* (л. 38), <d> → <t> — *бритобра(т)ца* (= бритобрадца, т. е. бреющего бороду; л. 18 об.), *вло(т)ку* (л. 36), *неумывальсвѣть* (л. 36 об.). Последний пример интересен как довольно редкий случай передачи оглушения не перед глухой фонемой, а на конце слова. Примеры передачи озвончения: <s> → <z> — *здѣла(л)* (л. 48 об.), *згод(м)* (л. 14); перехода свистящих в шипящие: *жжечь* (л. 43), *дощенико(в)* (л. 49 об.); последний пример также относится к древним и издавна закрепившимся в орфографии случаям ассимиляции); перехода <k> в <x>: *жкорѣте* (л. 60); перехода <č> в <š>: *што* (6 раз); перехода <d>, <t> в <s>: *внижегоро(ц)кихъ* (л. 13), *вбра(ц)жои* (л. 36); перехода <s> в <c> на конце возвратных глаголов: *вида(т)ца* (л. 56 об.), *крѣсти(т)ца* (л. 30 об.); диэрезы в консонантных группах: *бе(з)ны* (л. 33), *упразни(т)ся* (л. 31 об.), *се(р)ца* (л. 46 об., — при обычных написаниях с *д*). Относительно диэрезы надо указать на особенность, которую мы отмечали в целом ряде памятников XIV—XVI вв., но которая для XVII в. является уже исчезающей: диэреза передается в группе <zdn>, но не передается в <stn>; ср. *преле(с)тно* (л. 57 об.) и другие случаи с *т*.

С другой стороны, имеется масса написаний, не отражающих позиционных мен. Ср. морфологические написания согласных в позиции оглушения, включая безъеревые предлоги и приставки: *во(з)ста(в)ше* (л. 58 об.) *ра(з)сыпалиса* (л. 60 об.), *бе(з)нрестанно* (л. 43 об.), *и(з)ступи(л)* (л. 40):

³ Колесов В. В. Лингво-стилистическая характеристика автографов Аввакума и Епифания, с. 226.

⁴ Хабургаев Г. А. Локальная письменность XVI—XVII вв. и историческая диалектология. — В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969, с. 119.

⁵ Далее при цитировании этого списка по изданию «Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания» листы указываются в тексте в скобках.

бе(з)правила (л. 55), подъяерьса (л. 50 об.), неадише (л. 52), ума(з)чи(л) (л. 46 об.; ср. на л. 29 *лехче*), чтобъ (л. 44 об.), иовсеца (л. 41 об.), общеже (л. 11 об.), мужъ (л. 20), кб(о)гу (л. 13 об.) и др.; в позиции ассимиляции свистящих шипящими: во(з)желала (л. 59 об.), ра(з)жежение (= разожжение, л. 15), не(с)чанаа (л. 40), исчезаетъ (л. 53) и др.; в позиции аффрицирования <t>: и(з)бога(т)ство(м) (л. 48 об.); в позиции аффрицирования <s>: упрзни(т)са (л. 31 об.).

В таблице даем количественное соотношение между морфологическим и фонетическим написанием согласных в Житии.

Фонетический процесс	Число случаев его в тексте	Процент фонетических написаний	Фонетический процесс	Число случаев его в тексте	Процент фонетических написаний
Оглушение <b, b'>	21	9.5	Переход <g> → <x>	29	5.9
Оглушение <v, v'>	360	—	Переход <k> → <x>	2	100.0
Оглушение <d, d'>	103	22.3	Переход <d, t> → <с>	9	33.3
Озвончение <t, t'>	42	—	Переход <s> → <с> в возвратных глаголах	50	30.0
Оглушение <z, z'>	136	61.0	Переход <s> → <s'> в возвратных глаголах	5	40.0
Озвончение <s, s'>	52	95.1	Переход свистящих в шипящие	45	54.3
Оглушение <ž>	18	54.6	Диарежа в группах согласных	32	34.4
Озвончение <š>	4	100.0	Переход <č'> → <š> в <što>	20	30.0
Оглушение <g>	29	—			
Озвончение <k>	42	66.7			

Итого в тексте 999 случаев возможных изменений согласных фонем, связанных с позицией, но на письме передано лишь 26.7 % таких изменений. Для сравнения: в Коншинском списке Домостроя (XVI в.) эта величина равна 19.4 %, т. е. налицо заметный рост фонетических написаний. Вместе с тем неотраженность оглушения <v>, <v'> и, напротив, последовательное отражение озвончения <s>, <s'> там и там составляют норму. Причины этого достаточно прозрачны. Отсутствие написаний вида *офсеца* связано не только с более поздним и неповсеместным оглушением <v>, <v'>, но и с малой частотностью буквы *ѳ*, осложненной к тому же дублетностью *ѳ*. Здесь мы имеем как раз случай, когда по орфографии невозможно судить, было ли оглушение данной пары фонем в говоре писца. Наличие озвончения <s>, <s'> сомнения вызвать не может, однако его последовательная орфографическая отраженность отнюдь не значит, что оно осуществляется последовательней, чем, допустим, озвончение <t> или <š>: передача на письме позиционных изменений фонем <z—s>, их чередования в конце безъерых приставок и предлогов, а также в таких словах, например, как *отверстие*, имела давнюю традицию и была перенесена на новые консонантные группы. Менее последовательная отраженность оглушения <z>, <z'> связана, видимо, с более поздним протеканием этого процесса.

Так обстоит дело с передачей позиционных изменений фонем в рукописи Аввакума. Рассмотрим отражение исторических изменений. Аввакум смеивает *ѣ* и *ѣ'*, хотя и старается выдержать здесь традиционную орфографию и ошибается не очень часто. Конвергенция <ê> — <е> происходит в случаях, когда лабиализация <е> уже потеряла свой позиционный характер. Следовательно, морфологическому принципу теперь соответствовала бы передача этого изменения. Но лишь в двух случаях мы видим написания *жорновъ* (л. 31 об.), *нашоль* (л. 47). Сюда можно добавить еще написания *о* в безударном слоге: *поцокѣ* (л. 33 об.) и *мнѣжо* (л. 59 об.). Конечно, после парных по мягкости-твердости согласных передача <о> без букв *ѣ* затруднительна, но и после шипящих и <с> она передается Ав-

вакумом обычно через *е*: *ижжеть* (л. 31 об.), *шель* (л. 34), *пришелъ* (л. 47 об.), *крь(л)це* (винительный падеж, л. 60). Менее традиционны написания флексий местоименного склонения в родительном падеже: преобладают написания *лежачева* (л. 33 об.), *другова* (л. 18 об.), *некрещенова* (л. 17), *ево* (л. 16 об.), *всеево* (л. 17), *одново* (л. 18 об.); написаний же вида *нашего* (л. 42 об.), *живаго* (л. 42 об.) только 55 на 154 случая (35,7%).

Итак, Житие Аввакума принадлежит к той группе памятников XVII в., которые развивают тенденцию к внедрению фонетических написаний. Но назвать его орфографией фонетической все-таки никак нельзя. Фонетизм и здесь лишь тенденция, но не норма. За исключением отдельных фонетических написаний, которые действительно претендуют на нормативность (случаи передачи <с>→<з>), нормативны в общем и целом написания, соответствующие морфологическому принципу орфографии, т. е. такие, при которых позиционно изменившиеся фонемы после своего изменения передаются так же, как передавались до него. Заметную роль продолжают играть традиционные и символические написания, но об определяющем их значении тоже говорить нельзя.

Вкратце остановимся на пунктуационных особенностях автографов Аввакума.

История древней и средневековой русской пунктуации еще очень плохо изучена, и это затрудняет детальный анализ пунктуационных приемов наших старинных писцов. В общих же чертах пунктуация Аввакума может быть охарактеризована следующим образом.

Для XVII в., когда арсенал знаков препинания уже заметно обогащается, она довольно архаична: хотя Аввакум наряду с точками употребляет и запятые (принимающие подчас вид зигзагов), функционально у него один знак, точка и запятая — лишь его графические варианты.

Какова функция этого знака? Судя по всему, она остается той же, какой была функция точки во множестве русских памятников XI—XVII вв.: обозначение границ актуального членения текста.⁶ Рассмотрим пример: *«А се по мале времени по писа(н)ном(у). ѡбъѡша ма болѣзни сме(р)тныа. Бѣды адовы обыдоша ма. Ско(р)би ѿ болѣзнь ѡбрѣто(х)»* (л. 16). Здесь особенно показательна точка после слова *по писа(н)ном(у)*, где заканчивается обстоятельство времени, составляющее тему данного высказывания (типичная функция препозитивных обстоятельств в разрезе коммуникативного синтаксиса).⁷ Остальные точки приходится на случаи совпадения границ коммуникативных и конструктивных компонентов и поэтому менее показательны для специфики старинной пунктуации, хотя именно в этих случаях знаки препинания ставятся, быть может, наиболее последовательно. Ср. еще один образец пунктуации Аввакума: *«Не почиѡа а(з) грѣшнѣи во црква(х) ѿ в домъхъ ѿ на распѣтиахъ. По градо(м) ѿ села(м). Еше же ѿ во цр(с)тѡющеѣмъ градѣ. И во странѣ сибирской. Проповѣдѡа ѿ уча словѣ бжю. Годовѣ бѣде(т) томѣ с по(л)третьа(т)цет* (л. 14—14 об.).

⁶ См. об этом: Осипов Б. И. Как ставили знаки препинания в Древней Руси. — Русская речь, 1978, № 2.

⁷ Эта функция и привела к ошибкам теории «детерминантов», в которой обстоятельство такого рода были объявлены особым компонентом предложения, относящимся не к сказуемому, а «к предложению в целом». К предложению в целом (точнее, ко всей остальной части предложения) они относятся лишь с коммуникативно-синтаксической точки зрения (но с этой точки зрения и сказуемое, являющееся темой, тоже относится не к одному только подлежащему, а к реме в целом и является «детерминантом»). В системе же конструктивного синтаксиса эти конструкции на уровне членов предложения являются, несомненно, обстоятельствами, зависимыми от сказуемого, а на уровне словосочетаний — релятивными компонентами, зависимыми от глаголов. Заметным шагом к выходу из теоретической путаницы в этом вопросе является статья О. А. Крылова «Детерминанты в аспекте коммуникативного синтаксиса» (Вопросы языкознания, 1976, № 2, с. 43—52). Автор ее, не отказываясь от упомянутой теории, показывает, что в ней произошло смешение коммуникативного и конструктивного аспектов.

Кроме того, нельзя не отметить, что пунктуация Аввакума заметно отличается от пунктуации другого писца Пустозерского сборника — старца Епифания. Пунктуация Епифания богаче: у него встречаются четко различаемые не только графически, но и функционально запятая, точка и точка с запятой. Впрочем, точка встречается sporadически, в роли основного межфразового знака выступает точка с запятой, а запятая делит фразу на актуальные компоненты.

Такое различие пунктуационных приемов у современников, даже сподвижников (при значительном сходстве их у писцов, подчас разделенных большим хронологическим промежутком) — также одна из специфических черт старинной системы постановки знаков препинания. При все том есть основания говорить о ней как о единой в своих существенных качествах системе. Во всех проявлениях старинная пунктуация, во-первых, связана с коммуникативным, а не с конструктивным синтаксисом; во-вторых, пунктуационная норма носит «однонаправленный» характер, т. е. конец предикативной единицы, темы или ремы внутри ее, синтагмы внутри темы или ремы — все это достаточные, но не необходимые условия для постановки знака препинания. Знак препинания по этой норме не может стоять внутри минимальной синтагмы, но на границе этой синтагмы или более крупной единицы актуального членения, вплоть до самостоятельного предложения, постановка его является лишь возможной, а не обязательной. Эта особенность старинной нормы тоже часто не учитывается современными исследователями, которые в разной пунктуационной обозначенности одинаковых как будто конструкций подчас видят безграмотность, непоследовательность или небрежность писца.

В. В. СЕМАКОВ

О стилистической маркированности аориста и имперфекта в языке Жития протопопа Аввакума

Одним из основных итогов многочисленных работ по изучению языка Жития протопопа Аввакума явился вывод о народно-разговорной основе языка этого памятника с вкраплениями церковнославянских элементов. Так, еще в 1923 г. В. В. Виноградов писал о Житии: «I. Основу его составляет „вьяканье“, сказ, т. е. разговорно-речевая стихия с яркой, эмоциональной окраской и обусловленным ею частым перебоем интонаций. II. В частях повествования она органически сплетается с элементами церковно-книжного, главным образом библейского стиля. III. В замыкающих сказ поучениях этот торжественно-риторический слой стиля обнаруживается в наиболее чистом виде».¹ Контаминация двух языковых систем (церковнославянской и народно-разговорной) является одной из характерологических особенностей языка Жития. Показательна в этом отношении система глагольных форм прошедшего времени, так как именно здесь формальные различия между церковнославянским и народно-разговорным языком проявляются в наибольшей степени.

В исследованиях, посвященных анализу глагольной системы Жития Аввакума, факты употребления архаичных временных форм глагола (аориста и имперфекта) при абсолютном преобладании перфектных форм на -л интерпретируются двояко. Во-первых, указывается на традиционность функционирования таких форм в контекстах с ярко выраженной сакральной ориентацией, а также в описаниях событий большой важности;² во-вторых, делается предположение о том, что Аввакум вначале имел намерение написать свое повествование на церковнославянском языке, но не сумел выполнить свой первоначальный замысел, поэтому архаичные временные формы встречаются чаще на первых страницах Жития; в дальнейшем, когда Аввакум переходил к описанию современных ему событий или случаев из своей жизни, в его языке начинают преобладать русские формы.³ В обоих случаях роль ситуации, т. е. контекстуальная обусловленность употребления архаичных элементов в Житии, является решающей в анализе интересующих нас явлений. Однако контекстуальный этикет далеко не полностью квалифицирует глагольную архаику Жития (в морфолого-синтаксическом аспекте). В тексте памятника отмечены многочисленные случаи употребления аориста и имперфекта в бытовых фрагментах, например:

¹ Виноградов В. В. О задачах стилистики: Наблюдения над стилем «Жития» протопопа Аввакума. — В кн.: Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980, с. 11.

² См.: Прокопович Е. Н. Об употреблении прошедших времен глагола в русской письменности второй половины XVII века. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960, с. 293—297.

³ См.: Чернов В. А. Система глагольных форм в «Житии» Аввакума — В кн.: Лингвистический сборник. Свердловск, 1963, вып. 1, с. 45—70.

«И я, покиня вечерню со Антономъ, посадя ево на полу, и за мятеж церковной постегалъ ременемъ нарочито-таки; а прочии, человекъ з дватцеть, вси *побегоша*, гоними духомъ» (л. 28 об.).⁴

«Егда же *привезоша* мя на двор, выбежала жена ево Неонила, ухватила меня под руку, а сама говоритъ: „Поди-тко, государь наш батюшко, поди-тко, свет наш кормилецъ“» (л. 19 об.).

Стилистическая ориентация автора в данном случае направлена на совмещение разнородных языковых единиц в рамках одного контекста. Как считает В. В. Колесов, принцип организации художественной речи в Житии Аввакума отличается от древнерусской традиции с ее безразличием к стилистической цельности текста, но с чрезвычайным вниманием к каждому отдельному фрагменту. Житие — «это явная попытка создать новый литературный язык с присущим жанру стилем».⁵

В нашей статье при анализе глагольной архаики временных форм в Житии Аввакума мы попытаемся применить принцип индивидуального языкового восприятия автора, так как «этот памятник — не только одно из проявлений коллективного языкового творчества, но и отражение индивидуального отбора и творческого преобразования языковых средств своего времени в целях эстетически действенного выражения замкнутого круга представлений».⁶

Анализируя систему прошедших времен в языковой структуре Жития протопопа Аввакума (редакция В),⁷ обнаруживаем следующее:

1) в тексте произведения отмечено 179 примеров употребления глаголов в форме аориста и 17 — в форме имперфекта; от общего количества форм прошедшего времени (1775) это составляет около 11 %;

2) наблюдаются случаи неверного употребления автором архаичных глагольных форм в отношении лица, например:

«... а я осиротель молод и от своих соплеменник во изгнании *быломъ*» (л. 13 об.);

«А я сам во дни *отлучашеся* дому своего, токмо в нощи действовал над ним» (л. 90 об.);

«И падох на землю на лица своем, *рыдаше* горце, и забыхся лежа» (л. 15), и т. д.;

3) кроме грамматических ошибок в употреблении аориста и имперфекта Аввакум допускает и ошибки семантические; автор порой не ощущает семантической разницы между различными прошедшими временами, так как формы аориста и имперфекта часто употребляются в одном темпоральном контексте с формами перфекта на -л, например:

«... старец же, ища себе смерти, поперегъ костей *велель отсеци*, и *отсекоша* четыре перьста» (л. 81);

«Затрещаль лед, яко громъ, предо мною, на высоту *стало кидать*, и, яко река, *разступилъся* сюду и сюду, и паки *снидеся* вместо, и *бысть* гора льду велика» (л. 58 об.);

«Аз же, окаянный, *поплакал*, глядя на него, и *возрадовахся* о величии бога моего. . .» (л. 93).

Таким образом, можно констатировать морфолого-семантическое различие временных форм прошедшего времени. Каковы же в таком случае принципы употребления глагольной архаики?

Рассмотрим связь «субъект — действие» в стилистическом аспекте. Важной особенностью рассматриваемой языковой системы является то,

⁴ Ссылки на листы рукописи даются по изданию: Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975.

⁵ Колесов В. В. Лексическое варьирование в литературном языке XVII века. — В кн.: Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974, с. 137.

⁶ Виноградов В. В. О задачах стилистики. . ., с. 3.

⁷ При анализе мы будем опираться на так называемую редакцию В как последнюю и самую пространную из всех редакций Жития.

что среди глаголов в форме аориста и имперфекта, квалифицирующих действия персонажей Жития, большую часть составляет группа глаголов при субъекте «аз» (Аввакум) и «люди божие» (соратники протопопа).⁸ Мы имеем в виду субъекты действия, не только выраженные синтаксически (в двусоставном предложении), но и выраженные только морфологически глагольной формой (в односоставных конструкциях). При субъекте действия «Аввакум» количество архаичных глагольных форм составляет 35, при субъекте «люди божие» — 21, при «никониана» — 13, при «бесы» — 17.

Каковы причины такой дифференциации глагольных форм?

Житие Аввакума — яркий пример совмещения идеологических, художественных и языковых принципов автора. Основная идея произведения — обличение «злокозненной никонианы», а также обращение к житийному жанру оказали влияние на главный художественный принцип произведения. По мнению Н. С. Демковой, сюжет Жития основан почти полностью на принципе контраста. Этот принцип является не только композиционным приемом, но и отражает мировосприятие Аввакума.⁹ В. В. Виноградов называл эту черту Жития контрастным параллелизмом: «... все „Житие“ Аввакума построено на принципе противопоставления „диавола“ и „Бога“, детей сатаны и детей Аввакума, словесные обозначения того и другого ряда действий, организованные в синтаксические группы, располагаются по схеме параллельно идущих линий с семантическим контрастом или всех своих частей или концовок».¹⁰

На языковом уровне принцип контраста находит свое выражение в синтаксических конструкциях противопоставления как на уровне предложений, например: «У вдовы начальник отнял дочь. И аз молих его, да же сиротину возвратит к матери. И онъ, презревъ моление наше, воздвиг на меня бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили. И аз лежал в забыти пол часа и больши, паки оживе божим мановением. Он же усташася отступился мне девицы» (л. 16—16 об.), так и внутри предложения: «Онъ меня лаеть, а я ему говорю: „Благодать во устнехъ твоих, Иванъ Родионович, да будет“» (л. 17).

На наш взгляд, этот принцип охватывает и другие уровни языковой структуры Жития. Рассмотрим принцип контраста на морфологическом уровне. Для выявления его функционирования необходимо привлечь сопоставимые между собой, но отличные по определенным параметрам элементы. В нашем случае они есть — это формы глаголов прошедшего времени (перфект — аорист — имперфект). Как мы уже отмечали, формы аориста и имперфекта в предложениях с субъектом действия «Аввакум», «люди божие» употребляются намного чаще, чем с субъектом «Никон», «никониана». В произведении существует определенная закономерность в изображении действий субъектов, противопоставленных по принципу «Я» — «Не-Я», морфологически по-разному оформленными глаголами. Основными дистрибутивными признаками таких морфологических пар были, на наш взгляд, не темпоральные или морфолого-синтаксические особенности временных форм, а их стилистическая маркированность. Глагольные формы аориста и имперфекта являлись в XVII в. языковыми средствами церковнославянского языка, поэтому качественно-стилистически они были определены однозначно: это были средства «высокого» стиля. Полемически противопоставляя себя и своих соратников «нико-

⁸ На подобную закономерность для «Повести о страдавших в России за древлецерковная благочестная предания» Аввакума впервые обратила внимание С. Матхаузерова, см.: Матхаузерова С. 1) Функция времени в древнерусских жанрах. — ТОДРЛ, Л., 1972, т. 27, с. 228—229; 2) Древнерусские теории искусства слова. — Acta Universitatis Carolinae Philologica: Monographia, LXIII, 1976, с. 123—130.

⁹ См.: Демкова Н. С. Изучение художественной структуры «Жития» Аввакума: Принцип контрастности изображения. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, с. 100—108.

¹⁰ Виноградов В. В. О задачах стилистики. . . , с. 35.

ниансе», Аввакум сознательно выделяет стилистически маркированные глагольные формы (аорист и имперфект), создавая житийную перспективу деяний «людей божиих» (в стилистическом аспекте).

С этой точки зрения характерен анализ языка литературных цитат в тексте Жития.

Реальные факты своей жизни Аввакум постоянно проецирует на событийную ось Священного писания, поэтому «в церковно-книжной символике Аввакума многочисленны традиционные символы-предложения: буквальное перенесение изречений из Священного писания и из церковных книг, обычно без указания источника и с приурочением содержания их к описываемым событиям».¹¹ Литературные цитаты вкладываются в уста говорящего, реального персонажа Жития. Являясь элементами прямой речи героя произведения, заимствованные «речения» выражали, с одной стороны, мысли и чувства субъекта повествования, а с другой — отношение автора к этому субъекту. Передача канонического текста в Житии весьма бережная. Это было проявлением «субстанционального», «абсолютного» подхода раскольников к Священному писанию.¹² Споры о церковных догматах в середине XVII в. часто переходили в споры о лингвистической интерпретации религиозно-дидактических текстов, поэтому язык Священного писания был для раскольников не просто формой выражения и кодификации религиозных постулатов, но сам по себе являлся неприкосновенной, значимой частью «строения церковного, веры и закона».¹³ На этом фоне грамматическая переработка (мена аористой формы на перфектную) в тех случаях, когда цитата вкладывается в уста врага Аввакума, — характерное явление.

Так, Евфимей Стефанович, один из гонителей протопопа, говорит словами блудного сына из Евангелия от Луки, XV, 18: «Прости, государь, *согрѣшил* пред богом и пред тобою» (л. 20). Приведем соответствующий текст Острожской библии:¹⁴ «Рече же емѹ снѣ оче, *сѣгрѣшихъ* на нбо и пред тобою».

Эта же цитата из библии используется еще один раз: Никодим-келарь («... в другой привоз ожесточаль, горюнь, задушил было меня») «разболелся» и покаялся протопопу: «Прости, господа ради, прости! *Согрѣшил* пред богом и пред тобою, оскорбилъ тебя, и за сие наказал меня богъ» (л. 66).

Следующий пример — в уста воеводы Папкова («суровъ и безчеловечен человек») Аввакум вкладывает слова Иуды: «*Согрѣшил*, окаянной, пролилъ неповинную кровь!» (л. 50 об.).¹⁵

Сравним этот отрывок с Евангелием от Матфея, XXVII, 4 (покаянная речь Иуды): «... *сѣгрѣшихъ*, предавъ кровь неповинну».¹⁶

В то же время, если канонический текст цитируется «людьми божиими», то глагольная архаика сохраняется: «И я (Аввакум, — В. С.) толмачю архимариту Денису стал говорить: „Говори, Денис, патриархам, — апостоль Павелъ пишетъ: Таковъ нам *подобаше* архиерей: преподобень, незлобивъ“ и прочая» (л. 72 об.—л. 73).

¹¹ Виноградов В. В. О задачах стилистики. . . , с. 12.

¹² См.: Матхаузорова С. Две теории текста в русской литературе XVII века. — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 31, с. 271—284.

¹³ См.: Сиромача В. Г. Языковые представления книжников московской Руси 2-й половины XVII века и «Грамматика М. Смотрицкого». — Вестник МГУ. Серия 9. Филология, № 1, 1979, с. 3—4.

¹⁴ Цитаты из библейских книг приводятся по тексту Острожской библии (Острог, 1581), так как последующие печатные издания библии были «никоннскими». См.: Пустозерский сборник, с. 297.

¹⁵ Далее в Житии следует: «Напрасно протопопа билъ, за то меня наказует богъ!» (л. 50 об.).

¹⁶ Аористная форма от глагола «согрешити» встретила в Житии в следующем контексте: «Аще един, и ты ко образу, пад на землю, глаголи: „Прости мя, владыко, Христе-боже, елико согрѣшихъ“, — весь до конца говори» (л. 101 об.).

По тексту Острожской библии: «Таков оубо нам *подобаше* архіереи, прѣдбѣнь, незлобивъ, безсквернень, и ѡтлѣченъ ѡ грешникъ» (Послание к евреям, VII, 26).

Стилистическая дифференциация на морфологическом уровне отмечается в некоторых случаях и в других произведениях Аввакума. Так, скопления аористных и перфектных форм в ряде эпизодов «Пятой челобитной царю Алексею Михайловичу» строго дифференцированы по субъектам действия оппозиции «круг Аввакума: круг Никона»:

«Егда мне темныя твоя власти волосы и бороду *остригли* и, проклявше, за твоим караулом на Угреше в темнице *держали*, — о, горе мне, не хочется говорить, да нужда влечет, — тогда *нападе* на мя печаль, и зело *отяготихся* от кручины и *размышлях* в себе, что се бысть, яко древле и еретиков так не *ругали*, якож меня ныне: волосы и бороду *остригли*, и *прокляли*, и в темнице *затворили* никонияня, пуци отца своего Никона надо мною, бедным, *сотворили*».¹⁷ («Аз — «отяготихся», «размышлях»; «никонияня» — «остригли», «держали», «ругали», «затворили», «сотворили»).

Употребление архаичных форм глагола с субъектом, соотносимым со вторым членом оппозиции — «никонианой», во многом обусловлено синтаксическим контекстом. Так, например, в односоставных конструкциях («Егда же *привезоша* мя на двор, выбежала жена ево Неонила...» (л. 19 об.); «И много говоря, *предаде* его в темницу, потом с Москвы указали удавить» (л. 70 об.)) в условиях отсутствия синтаксически выраженного подлежащего основное внимание акцентируется уже не на субъекте действия (так как он выражен лишь морфологически глагольной формой), а на его объекте. Поскольку объект, на который направлено действие, — сам Аввакум или «люди божие», то употребление стилистически маркированных форм вполне закономерно («привезоша мя», «предаде его»). В двусоставных конструкциях обратим внимание на явную семантическую неопределенность субъекта действия при подлежащем местоимении:

«Помале *инии* паки изгнаша мя от места того» (л. 20 об.);

«...а прочий, человек з дватцеть, вси побегоша, гоними духом» (л. 28 об.).¹⁸

Завершая анализ системы употребления архаичных глагольных форм в языке Жития с точки зрения субъекта действия, рассмотрим группу глаголов с деятелем — «бес», «бесы». Персонажи ирреального мира как будто примыкают ко второму члену оппозиции «Аввакум: никониана». Однако при анализе функции образа беса в Житии выясняется, что отношение Аввакума к бесам совершенно иное, нежели к «диаволу в одежде никониановской». Как писал В. В. Виноградов, «свою борьбу с бесами Аввакум рисует в тех же реалистических тонах, что и отношение к никонианам («... бился я з бесами, что с собаками»). Но трагический колорит здесь совсем ослаблен... Слово „бес“ у Аввакума выступает обычно как синоним скормороха, как обозначение драчуна, вора и беспоконного скандалиста».¹⁹

Бесы в Житии изображаются скорее по традиции, чем для выражения основного кредо протопопа — вечной борьбы с «зимью еретической»,

¹⁷ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960, с. 201.

¹⁸ В рамках статьи мы не имеем возможности рассмотреть все случаи так называемого «незакономерного» использования Аввакумом маркированных в стилистическом отношении глагольных форм. Здесь, несомненно, имеют место и лексикализация грамматических форм аориста в языке XVII в. (глаголы с корнем *-ид-*) и языковая связь с каноническими источниками цитат. Основное внимание мы обращаем на тенденцию стилистического использования морфологических пар глагола.

¹⁹ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, с. 39.

«никонианой». Новеллы о борьбе Аввакума с бесом — повести о «бесноватых» — выполняют функцию традиционной части всякого жития: они заменяют собой рассказы о чудесах святого.²⁰ Все это позволяет говорить о традиции и в языковой характеристике данных персонажей (в употреблении церковнославянских форм глагола).

В заключение подведем некоторые итоги.

1. В Житии Аввакума прослеживается тенденция изображать действия бинарно противопоставленных персонажей (круг Аввакума и круг Никона) морфологически по-разному оформленными глаголами (аорист — имперфект/перфект).

2. Дистрибутивными признаками в данном случае являются не темпоральные или морфолого-синтаксические особенности различных форм прошедшего времени, а их стилистическая маркированность.

3. Описываемый языковой принцип является проявлением контрастных отношений в Житии (художественно-композиционных и языковых).

²⁰ См.: Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума: Творческая история произведения. Л., 1974, с. 156.

З. К. ТАРЛАНОВ

Текстообразующая роль синтаксических конструкций в Житии Аввакума

Общепризнанно, что Житие протопопа Аввакума, как и все его творчество, занимает особое место в истории жанров и жанровых традиций русской литературы и русского литературного языка второй половины XVII в. Оно представляло собою, по выражению Д. С. Лихачева, «настоящий бунт»¹ против литературного этикета, разрушение которого «началось еще в XVI в.»² Как «явление уникальное, не нашедшее последователей», характеризует стиль Жития И. П. Еремин.³

Обильно внедряя в литературное произведение традиционно строгих жанровых канонов устно-разговорную речь, Аввакум подрывает фундаментальный структурно-языковой принцип агиографии — принцип строгого соответствия языка жанру произведения, сознательно защищая идею языковой свободы и отстаивая литературные права и возможности русской разговорной речи.

Разрушая старые традиции литературно-языковой практики, Аввакум вместе с тем стоит у истоков новых традиций, вызванных к жизни развитием русского литературного языка по пути выработки новых норм выражения в соответствии с потребностями времени. «Смещение, чередование, взаимопроникновение и соотношение книжно-славянской и народно-русской речевых стихий, так разнообразно и выразительно представленные в различных жанрах сочинений Аввакума, — пишет В. В. Виноградов, — процесс, важный и типичный для развития русского литературного языка в целом в его движении к национальной норме словесного выражения».⁴ Вместе с тем очевидно, что составляющие этого процесса не равнозначны: в целенаправленном соединении двух языковых стихий Аввакумом господствующая роль отводится народно-русской стихии, на что имеется указание самого автора («... и аще что речено просто, и вы, господа ради, чтущии и слышашии, не позарите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык...»⁵), — указание, которое кладет начало высказываниям русских писателей о русском языке.

Тот факт, что Житие Аввакума лишено жанрового единства в традиционном смысле, дал основание некоторым исследователям утверждать

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., дополн. М., 1979, с. 101.

² Там же.

³ Еремин И. П. Русская литература и ее язык на рубеже XVII—XVIII вв. — В кн.: Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961, с. 18.

⁴ Виноградов В. В. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления. — ТОДРЛ, М.; Л., 1958, т. 14, с. 371.

⁵ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Редакция, вступит. статья и коммент. Н. К. Гудзия. М.; Л.: Academia, 1934, с. 63. (Далее при ссылках на это издание страницы указываются в тексте в скобках).

даже, что оно «в сущности не является единым по жанру произведением, а представляет собою сборник разнородных, хотя и более или менее связанных друг с другом произведений, состав и композиция которого в различных редакциях и списках менялись».⁶ Для уяснения вопроса о степени целостности Жития важным является сюжетно-композиционный анализ составляющих его эпизодов. Такой анализ и был проведен Н. С. Демковой,⁷ в результате которого автор в противовес получившим широкое распространение в специальной литературе представлениям о свободе расположения эпизодов в Житии выдвигает мнение о его сюжетной организованности и, следовательно, о его композиционно-художественном единстве. Не вдаваясь в оценку приведенных мнений, обратимся предварительно к некоторым аспектам синтаксиса этого действительно уникального произведения.

Начало изучению синтаксиса Жития Аввакума было положено исследованием В. В. Виноградова «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума» (1923). Отметив, что одним из двух разделов стилистики выступает композиция, изучающая «принципы расположения слов: их организацию в те или иные синтаксические ряды, а также приемы сцепления и сопоставления синтаксических целых»,⁸ В. В. Виноградов, в частности, обращает внимание на ряд типов предложений, определяющих синтаксическое своеобразие Жития и обусловленных, с одной стороны, «соответствием их той примитивно-народной форме его сказа, которая покоится на быстрой передаче движений».⁹ а с другой — «стремлением к более сложным синтаксическим построениям и к закономерному расположению их параллельными рядами с сопоставлением или противопоставлением этих рядов».¹⁰ В работах других авторов, также посвященных синтаксису Жития Аввакума, почти исключительно рассматриваются вопросы, связанные со строем разных типов предложений безотносительно к тому целому, в составе которого они функционируют. Так, анализируются обращения,¹¹ атрибутивные словосочетания,¹² конструкции с дательным беспредложным, бессоюзные сложные предложения,¹³ языковые средства выражения противопоставления¹⁴ и другие аналогичные явления в Житии Аввакума. При всей важности и плодотворности таких исследований они недостаточно ориентированы на синтаксическую стилистику, прослеживая на конкретном материале один из этапов в эволюции синтаксического строя русского языка в целом. Конечно же, стилистическое изучение художественного произведения непременно предполагает подробную инвентаризацию и составление реестра всех синтаксических характеристик единиц текста

⁶ Гусев В. Е. Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века. — В кн.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960, с. 33.

⁷ Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума: (Творческая история произведения). Л., 1974, с. 142—160.

⁸ Виноградов В. В. О задачах стилистики: Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума. — В кн.: Виноградов В. В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М., 1980, с. 7.

⁹ Там же, с. 31.

¹⁰ Там же, с. 35.

¹¹ Коротаяева Э. И. Обращение в языке произведений Аввакума. — В кн.: Исследования по славянской филологии: Сборник, посвященный памяти акад. В. В. Виноградова. М., 1974, с. 164—172.

¹² Черняк Л. М. Атрибутивные словосочетания в «Житии протопопа Аввакума». — Вестник Харьковского гос. ун-та, 1965, № 12. Серия филолог., вып. 2, с. 82—92.

¹³ Иванова В. М. Бессоюзные сложные предложения с пояснением во второй части: (На материале сочинений протопопа Аввакума). — В кн.: Проблемы общего и русского языкознания. М., 1972, с. 229—242.

¹⁴ Холодилова Л. Е. Языковые средства выражения противопоставления в «Житии» протопопа Аввакума. — В кн.: Эволюция и предыстория русского языкового строя. Горький, с. 49—54.

для выявления соответствующей стилистической доминанты в ряду функционально однотипных языковых явлений. Но это лишь одна сторона дела. Существенно и то, как и в какой мере те или иные синтаксические единицы организуют то целое, «кирпичиками» которого они являются. Стилистический анализ текста на уровне предложения предполагает рассмотрение последнего, по крайней мере, с трех точек зрения: 1) с точки зрения внутренней структуры — интрапредложенческий аспект; 2) с точки зрения его типологической соотношенности с функционально аналогичными единицами — интерпредложенческий аспект; 3) с точки зрения его «включенности» в текст в целом — экстрапредложенческий аспект, с которым связано выявление функций отдельных фраз или групп их в сюжетообразовании, структуре повествования, в замедлении или ускорении его, в создании подтекста и т. д. Остановимся на этих вопросах подробнее.

Одна из языковых особенностей Жития Аввакума состоит, как известно, в том, что в нем широко и в значительном количестве встречаются короткие реплики различного содержания и назначения. В этом В. В. Виноградов справедливо усматривал примету «бесхитростной импровизации — „беседы“, „вяканья“». ¹⁵ Но роль их по отношению к тексту в целом не одинакова: некоторые из них относятся ко всему тексту, организуя его, связывая отдельные эпизоды в целое, другие прикреплены к соответствующим частям, реализуя обширный диапазон модально-субъективных, обобщающих, объективизирующих, побудительно-призывных значений.

Среди реплик первой группы особо выделяется оборот «паки на первое возвратимся» (л. 69, 124) и его вариант «на первое возвратимся» (л. 76, 95, 105, 110, 119). В редакции А реплика повторяется 7 раз, выполняя строго определенную конструктивную роль. Первый раз она употребляется во вступлении. После обращения к «всесвятой троице» следует рассуждение о «божественных именах истинных и похвальных», прерываемое вставкой «мы же речем: потеряли новолубцы существо божие испадением от истиннаго господа, святаго и животворящаго духа» (л. 64—65) и описанием «знамений» в жизни Дионисия Ареопагита и России, когда «Никон отступник веру казил и законы церковныя, и сего ради бог излил фял гнева ярости своея на русскую землю» (л. 67). Далее идет рассуждение о «тройцах». Пояснение смысла второй «тройцы» завершается комментарием: «У святых согласно, у Дионисия и у Василия; трижды воспевающе, со ангелы славим бога, а не четыре, по римской бляди; мерзко богу четвертичное воспевание сицевое: аллилуия, аллилуия, аллилуия, слава тебе, боже! Да будет проклят сице поюще» (л. 68—69). И далее — реплика «Паки на первое возвратимся» (л. 69), за которой следует рассуждение о смысле третьей «тройцы» (л. 69). Завершается вступление формулированием авторского кредо: «Сице аз, протопоп Аввакум, верую, сице исповедаю, с сим живу и умираю» (л. 71). И тут же начинается повествование о жизни Аввакума, в котором ролью начального сюжетообразующего звена наделяется опять-таки прерывающийся рассказ о «начальнике», отнявшем у вдовы дочь (л. 74). Повторяясь второй раз, реплика служит для соединения частей этого рассказа (л. 76). Последний раз она встречается перед рассказом о жизни в «монастыре Пафнутьевом» (л. 124).

Рассмотрение всех эпизодов, на стыке которых отмечается указанная реплика, убеждает в том, что она служит для связи воедино частей Жития, составляющих основную сюжетную линию, прерываемую спонтанно возникающими воспоминаниями: это кредо Аввакума — столкновение с начальником — арест — ссылка — путешествие по Сибири — «московское бытие» — заключение в Пафнутьев монастырь. Дальше сюжетная

¹⁵ Виноградов В. В. О задачах стилистики. . . , с. 8.

линия как бы обрывается, и «беседы о своей волоките», «про невежество свое», повести о «бешаных» и т. п. не охватываются сюжетно изоморфной синтаксической конструкцией. Сказанное позволяет в основном поддержать мнение Н. С. Демковой о том, что Житие Аввакума — это произведение с «единым, осознанным автором художественным сюжетом».¹⁶

Иную роль в Житии играет реплика «Говорить о том полно» (л. 67), выступающая также в вариантах: «полно тово плачевнова дела говорить» (л. 86), «полно тово» (л. 95, 108, 110, 124), «полно про то говорить» (л. 98), «полно о том беседовать» (л. 119), «да полно тово говорить» (л. 155). В той же редакции А она встречается 10 раз, причем во вступлении — однажды, в собственно жизнеописании до заключения в Пафнутьев монастырь — 8 раз и в самом конце Жития, в финале рассказа о борьбе с бесом, — один раз. Реплика образует то самостоятельную смысловую единицу, то первую часть более сложной структуры с комментирующей второй частью. Примеры конструкций с продолжением-комментарием: «Говорить о том полно; в день века познано будет всеми; потерпим до тех мест» (л. 67); «Полно тово, — и так далеко забрел» (л. 110); «Да полно тово говорить. Чего крестная сила и священное масло над бешаными и больными не творит божиею благодатию!» (л. 155).

Конструктивное назначение этой реплики заключается в том, что она завершает эпизоды, вставные «новеллы», сопутствующие основной сюжетной линии повествования. Не случайно повторение ее локализовано в центральной части Жития, насыщенной многочисленными отклонениями от сюжетного стержня, служащими для углубления и расширения содержания произведения в целом. Сюжетное повествование кончается — и отпадает необходимость в употреблении концовочных формул. Дальше следуют «повести», лишённые сквозной текстовой связи, к которым вполне применимо название «сборника разнородных произведений», предложенное В. Е. Гусевым для всего Жития.

Обозначение внутритекстовых границ не единственная функция концовочных формул. Одновременно с этим они указывают на неисчерпанность событийного ряда, который мог бы быть продолжен, но автор ограничивает себя, ибо напор ассоциаций настолько велик, что он, будучи не в силах противиться этому напору, прерывает одно повествование, чтобы тут же начать другое. Особенно отчетливо недосказанность актуализируется репликой, соотносительной с рассмотренной выше, — «Много о том говорить!» (л. 87), «О том много говорить» (л. 123), «Много про то говорить!» (л. 113), за которой нередко следует комментарий, содержащий эмоциональное разрешение, например: «О том много говорить. Бог их простит! Я своево мучения на них не спрашиваю, ни в будущий век» (л. 123).

Очень разнообразны в Житии концовочные формулы, в которых даются определенная авторская оценка, трактовка изложенного, авторское отношение к изложенному; это и конкретно адресованные проклятия и пожелания-молитвы: «Да будет проклят сие поюще» (л. 69), «Вечная ему память и с Лукою Лаврентьевичем!» (л. 127), «Спаси ево, господи! и тогда мне делал добро» (л. 83); и формулы, прославляющие бога: «Слава о них богу!» (л. 98), «Слава богу, вся строившему благая!» (л. 99); и реплики, сопряженные с жестом, смысл которых поясняется следующей, подытоживающей фразой: «Да пускай их! Как жили, так и скончались о Христе Иусе, господе нашем» (л. 129); и прямые обращения, полные иронии и осуждения: «Потужить надобно о них, бедных. Увы, бедные никонияня! погибаете от своего злаго и непокориваго права» (л. 132); и формулы, реализующие покорность предначертан-

¹⁶ Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума..., с. 142.

ному, неотвратимому: «Да уж добро; быть тому так! Силен Христос всех нас спасти и помиловати» (л. 134), и т. д.

«В „Житии“ протопопа Аввакума, — писал В. В. Виноградов, — разговорно-бытовой сказ переплетается с книжной церковно-славянской риторикой проповеди, самозащиты и обвинения. „Житие“ то облекается в форму агиографической повести о „тесном и скорбном пути истинного христианина“, то превращается в страстную защитительно-обвинительную речь по делу никониан и правверных, дьявола и Христа, то переходит в народно-драматический сказ о приключениях несчастного горемыки». ¹⁷ Какими бы ни были переходы в повествовании Аввакума, о чем бы он ни рассказывал, во всем и всегда присутствуют неистовый темперамент автора, богатейший мир его эмоций, объединяющий и по-особому централизующий все без исключения эпизоды и «повести» Жития. Эта беспрецедентная в доаввакумовской литературе субъективность, авторская индивидуализированность повествования составляют основу его эмоциональной красочности и неповторимости. Для выражения эмоционального мира автора в Житии используются языковые средства разных уровней (лексического, синтаксического, суперсегментного, — например эмфаза), но особую роль в нем играют все те же реплики, начиная от коротких восклицаний типа «Увы мне!» (л. 89), «Ох, времени тому!» (л. 93), «Чудо-таки!» (л. 118), «Увы!» (л. 126) и кончая мнимо-вопросительными предложениями, риторическими вопросами, импровизированными вопросо-ответными формами, косвенным и прямым цитированием, рассеянными по всему произведению.

Однако эмоциональное самовыражение — это не единственная и не главная задача автора. Скорбя, возмущаясь, протестуя, оправдываясь, раскаиваясь, Аввакум не упускает из виду воображаемого собеседника, как бы ждет его реакции. Поэтому эмоциональные обороты речи или клише, как правило, не завершают соответствующие эпизоды и сцены. После них следует пауза, как бы побуждающая собеседника включиться в разговор, и первая после паузы фраза приобретает функциональный статус ответной реплики диалога, например: «А что много говорить? Плюнуть на действо то и службу ту их, да и на книги те их новоизданные, — так и ладно будет!» (л. 109); «Что же будет за преступление заповеди господня? Ох, да только огонь да мука» (л. 144); «Да кто о том рассудити может? Бог бо то есть: новое творит и старое поновляет» (л. 136). Этим приемом создается художественный эффект сопричастности собеседника эмоциональному настрою героя. Той же направляюще-проповеднической цели служат и комментарии, которыми снабжаются почти все восклицания и возгласы центрального персонажа: «Ох, горе! везде от дьявола житья нет!» (л. 78); «Да что петь делать, коли Христос и пречистая Богородица изволили так?» (л. 92); «Да што же делать? пускай горькие мучатся все ради Христа! Быть тому так за божиею помощью» (л. 94); «Чему быть? волки то есть, не жалеют овец!» (л. 122). Нередко функцией комментария, от автора идущего назидания, обобщения наделяется цитата из Священного писания: «Увы! коли оставлю суетный век сей? Писано: „горе, ему же рекут добре вси человецы“» (л. 126).

Реплики-возгласы и комментарии к ним, объединяясь между собой, образуют своеобразные, эмоционально двучленные художественные микроструктуры с вполне конкретными функциями и установкой на локализацию: завершая тот или иной эпизод, они сосредоточиваются в конце его и содержат проецированные на религиозно-этический и нравственный кодекс жизни «истинного христианина» назидание, вывод, обобщение, мотивирующий комментарий, формулу покорности «вся благая стро-

¹⁷ Виноградов В. В. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления, с. 371.

ившему богу» и т. д. Примечательно, что по такой же композиционной схеме в Житии составлены и отдельные фразы, например: «Бес-то ведь не мужик: батога не боится...» (л. 96); «А дети малыньки были, едоков много, а работать некому: один горемыка-протопоп нарту сделал и зиму всю волочил за волок» (л. 92); «Сами видят, что дуруют, а отстать не хотят: омрачил дьявол, — что на них и пенять!» (л. 123). Таким образом, принцип этот оказывается изоморфным для разнообъемных текстов Жития и продолжает одну из стилистических традиций русской литературы предшествующей поры.¹⁸

Обусловленная быстрыми, подчас неожиданными переходами и перепадами неровность повествования, в корне противоположная плавному, паратаксическому строю ортодоксальной агиографии, мозаичность текста и его интонационного оформления, определяя своеобразие Жития как целостного произведения, пронизывают и внутреннюю семантическую структуру предложения. Предложения у Аввакума в зависимости от контекстуальной соотношенности то энергичны и неотразимо стремительны: «...яков отец, таков сын, таков и дух святой; вечен отец, вечен сын, вечен и дух святой; не создан отец, не создан сын, не создан и дух святой...» (л. 70); то торжественно риторичны: «Сиче аз, протопоп Аввакум, верую, сиче исповедаю, с сим живу и умираю» (л. 71); то императивно-призывны: «Виждь, слышателю, покаяние матерне колику силу сотвори: душу свою изврачевала и сына исцелила» (л. 101); то загадочно-таинственны: «Двери не отворялись, а ево не стало!» (л. 82); то подчеркнута поучительны: «...не глад хлеба, ни жажда воды погубляет человека; но глад велий человеку — бога не моля, жити» (л. 117); то по-деловому скрупулезны и монотонны: «Пожаловал (государь, — З. Т.), ко мне прислал десеть рублей денег, царица десеть рублей же денег, Лукьян духовник десеть рублей же, Родион Стрешнев десеть рублей же, а дружнице наше старое Феодор Ртищев, тот и шестьдесят рублей казначею своему велел в шапку мне сунуть; а про иных и нечева и сказывать: всяк тащит да несет всячиною!» (л. 119); то по-ораторски амплификативны: «Июда чюдотворец был, да сребролюбия ради ко дьяволу попал. И сам дьявол на небе был, да высокомерия ради свержен бысть. Адам был в раю, да сластолюбия ради изгнан бысть и пять тысяч пять сот лет во аде был осужден» (л. 156); то удивительно живописны: «А человек, суете которой уподобится, дние его, яко сень, преходят; скачет, яко козел; раздувается, яко пузырь; гневается, яко рысь; съестъ хочет, яко змия; ржет зря на чужую красоту, яко жребя; лукавует, яко бес; насыщаяся довольно; без правила спит; бога не молит; отлагает покаяние на старость и потом исчезает и не вем, камо отходит: или во свет ли, или во тьму, — день судный коегождо явит» (л. 111); то открыто ориентированы на пословичные формулы: «Любил, протопоп, со славными знатца, люби же и терпеть, горемыка, до конца» (л. 95); то по-разговорному эмфатичны, то спокойны и безмятежны, то подчеркнута сентиментальны, — словом, стилистический рисунок фразы Аввакума почти безграничен. И достигается это за счет прежде всего возрастающе-градационного расположения однотипных синтаксических форм, тонкого угадывания фразоорганизующих возможностей служебных слов, соединения между собой традиционно разделенных структур, широкого применения принципа бинарности в фразообразовании, сочетания грамматически контрастных предложений и частей их для получения неожиданных эффектов, активного внедрения в письменную речь устно-разговорных интонаций. В этом синтезе богатств русского синтаксиса, подчиненного

¹⁸ Д. С. Лихачев считает бинарность с кадансовым разрешением одной из важнейших примет «плетения словес», см.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы, с. 129. Кстати, этот принцип достаточно широко используется и в поговорах XVII в.

задачам авторского замысла, Аввакум — бунтарь и разрушитель традиции неотделим от Аввакума-новатора.

Таким образом, наблюдения над текстом Жития в соответствии с вопросом, поставленным в названии настоящего сообщения, убеждают в том, что в его сюжетно-композиционной структуре важную роль играет текстовой изоморфизм ряда синтаксических структур, благодаря чему, во-первых, обеспечиваются единство и целостность интонационного рисунка произведения, создаваемого повторением на всем его протяжении реплик-возгласов, вопросительных интонаций, эмфатических конструкций и т. д.; во-вторых, поддерживается непрерывность сюжетной линии (направляюще-отсылочные реплики); в-третьих, оформляются побочные эпизоды, спонтанно возникающие по ходу сюжетной линии (концовочные формулы).

В. П. БУДАРАГИН

О новых списках сочинений Аввакума в Древлехранилище Пушкинского Дома

Описанию сочинений протопопа Аввакума в Древлехранилище Пушкинского Дома были посвящены четыре обзора В. И. Малышева, напечатанные в «Трудах Отдела древнерусской литературы». Последний такой обзор вышел в 1974 г. и учитывал поступления по 1972 г. включительно.¹ Всего В. И. Малышевым было выявлено и изучено 40 рукописей Древлехранилища с сочинениями Аввакума. В последующие годы собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома пополнилось еще 8 сборниками с писаниями «неистового протопопа».

В своем последнем обзоре, говоря о постоянстве состава и сходстве оформления сборников поморского письма с сочинениями Аввакума, В. И. Малышев с удовлетворением констатировал: «Ныне в Древлехранилище таких сборников пять». И тут же уточнял: «Известны также еще две рукописи с точно таким же содержанием — в коллекциях А. И. Маркушевича (Москва) и К. А. Павлова (Рига)».² Вскоре, еще при жизни В. И. Малышева, оба указанных сборника поступили в Древлехранилище.

Сборники действительно привлекают внимание сходством формата, оформления переплета, характера письма и заставок. Это типичные поморские рукописи, т. е. рукописи, вышедшие из книгописных мастерских Выголексинского общежития. Однако по содержанию они несколько разнятся. Так, если в сборнике К. А. Павлова представлены только Житие Корнилия Выговского и 5-я челобитная Аввакума, то сборник, подаренный А. И. Маркушевичем, включает дополнительно исповедание повседневное, отрывки из письма инока Авраамия боярыне Морозовой и из Слова Мефодия Патарского о последнем времени, вступление и 1-ю главу Книги бесед протопопа Аввакума, статьи о необходимости крещения (с отсылкой на Аввакума) и Слово Ефрема Сирина о втором пришествии Христовом.

Иной традиции принадлежит сборник 10-х гг. XIX в. из описи 24 Отдельных поступлений Древлехранилища (№ 115). По составу сочинений Аввакума совпадает с ним сборник из колл. Ф. А. Каликина, № 38, хотя внешне рукописи отличаются одна от другой. Различается и «конвой» аввакумовских сочинений в этих сборниках.³ В состав поступившего в 1977 г. сборника (оп. 24, № 115) наряду с Житием Корнилия Выговского и посланиями Семена Денисова входят вступление и 1—4-я главы Книги бесед. Текст Книги бесед несколько сокращен, однако его отличают устойчивость чтений и даже уникальность некоторых из них.

¹ См.: ТОДРЛ, М.; Л., 1957, т. 13, с. 581—589; Л., 1968, т. 23, с. 321—326; Л., 1971, т. 26, с. 312—315; Л., 1974, т. 29, с. 331—338.

² Малышев В. И. Сочинения протопопа Аввакума в Древлехранилище Пушкинского Дома АН СССР. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 29, с. 332—333.

³ Описание сборника из колл. Ф. А. Каликина, № 38 см. в статье: Малышев В. И. Сочинения протопопа Аввакума в Древлехранилище Пушкинского Дома АН СССР, с. 334—337.

Известное по изданиям перечисление замученных никонианами ревнителей старой веры включает фразу: «На Москве старца Авраамия, духовного сына моего, Исаяю Салтыкова в костре (или «в Костроме», — В. Б.) сожгли».⁴ Наша рукопись дает иное чтение: «На Москве старца Авраамия, сына моего духовного, у Исаяи Салтыкова в срубе сожгли». Далее переписаны послание Аввакума «всей тысячи рабов Христовых», выделенное лишь киноварной буквицей его письмо Маремьяне Федоровне, отрывок из заключительной части Книги толкований и правоучений и 5-я челобитная Аввакума царю Алексею Михайловичу.

От потомков охтинских старообрядцев поступил в Древлехранилище сборник «в лист», переписанный уже в XX в. Это давало основание предполагать, что он восходит к печатным изданиям. Однако установить «печатную» основу списка Жития Аввакума в этом сборнике не удалось, хотя в тексте при пересказе тобольских эпизодов о пьяном монахе и блудивших в церкви есть отсылка к изданию 1893 г.⁵ Вероятно, текст переписывался все-таки с рукописи и дополнялся комментариями самого переписчика.

Четыре сборника с сочинениями Аввакума поступили за эти годы в Северодвинское собрание. Все они были найдены археографическими экспедициями Пушкинского Дома и филологического факультета ЛГУ в среднем течении Северной Двины. Гектографированное издание слов Спиридона Потемкина с посланием Андрея Плещеева (в издании «Плещеева») к Аввакуму и ответным посланием Аввакума было подарено археографам в Нижней Тойме А. Г. Третьяковой. Остальные три сборника происходят из с. Кургомень. В одном из них, в списке второй четверти XVIII в., после Челобитной инока Авраамия и перед его посланием к боярыне Морозовой помещены сочинения Аввакума «О пресвятой Богородице» и «Записка о второй пустозерской казни». Списки исправные. Так, например, если в печатном издании «Записки» читается «Соломон, во свет зря, на мать свою Вирсавию»,⁶ то северодвинская рукопись сохранила несомненно более точное чтение — «Соломон воспет, зря на мать свою Вирсавию». Далее состав сборника пестрый.

Две другие рукописи, хотя и происходят из Кургомени, заставляя вспомнить круг борецких книжников и библиотеку В. М. Амосова — А. Ф. Богдановой.⁷ Часть текстов одного и преимущественная часть другого сборника переписаны в 50—60-х гг. XIX в. почерком, часто встречающимся на полях рукописных и печатных книг библиотеки Амосова. Это пока безымянный, но несомненно авторитетный старообрядческий книжник и полемист. Чистые листы рукописей он использовал для записей типа: «Сказал мне москвитин Ан[тоний] Сергеевич, ароновской учитель. Я спросил его, могу ли я спастись в фёдосиевом согласии или не могу. Он мне ответил: можешь спастись, как дела иметь будешь добрыя. Я ему сказал: спаси и тябя, господи, и приведи в разум истинны. Тем кончили».⁸ Переписанные им тексты Аввакума он комментирует на полях: «Горите все — Аввакум велел» или «Гвоздарев! Зри, чем побеждают злобу».⁹

Если в одном из сборников Аввакум представлен только текстом приписки к посланию братии «на всем лице земном», то другой сборник пополнил перечень сочинений прототопа Аввакума в Древлехранилище имени В. И. Малышева. Так, после стихов 5, 6 и 11 с пометой «ис книги

⁴ См.: РИБ, Л., 1927, т. 39, стб. 248—249.

⁵ Мякотин В. А. Протопоп Аввакум: Его жизнь и деятельность. СПб., 1893. (Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова).

⁶ См.: РИБ, т. 39, стб. 720.

⁷ См.: Сазонова Л. И. Северодвинская крестьянская библиотека. — В кн.: Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1974. М., 1975, с. 162—167.

⁸ ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 586, л. 2 об.

⁹ Там же, л. 39 об.—40.

поморского Сборника», слов Ефрема Сирина и Иоанна Златоуста, рифмованной повести о страннике и Богородице в образе плачущей старицы, от черного змия в пустыне потопляемой, здесь оказался полный текст послания братии «на всем лице земном». Без каких-либо палеографических примет послание непосредственно продолжено письмом Аввакума к иноку Авраамиию. И невольно вспоминаются предания, бытовавшие на Северной Двине, что у В. М. Амосова хранились рукописи «Аввакумовой руки». Не с этих ли рукописей переписывал кургоминский книжник? Ведь был же найден в доме Амосовых автограф инокa Епифания...

В публикуемом ниже обзоре сочинений протопопа Аввакума, поступивших в Древлехранилище после 1972 г., сохранены принципы описания, выработанные В. И. Малышевым в его прежних обзорах.

Житие

Заглавие: «Аввакум протопоп понужден бысть Житие свое написать иноком Епифанием (понеже отец ему духовный инок) да не забвению предано будет дело божие; и сего ради понужден бысть отцем духовным на славу Христу богу нашему. Аминь». Начало: «Всвятая Троице, боже и содетелью всего мира! Поспеши и направи сердце мое начати с разумом и кончати дела благими». Редакция А по классификации Я. Л. Барскова. Ср.: РИБ, Л., 1927, т. 39, стб. 1—82. По характеру разночтений текст ближе к изданному Н. С. Тихонравовым в 1861 г. и позднее перепечатававшемуся. Сборник, XX в. (нач.), в лист, 232 л., полуустав, переплет картонный в синем коленкоре. Содержит «Виноград российский» Семена Денисова, «Увещательное предложение Амвросию, митрополиту босанскому, сделанное белокрыницкими иноками Павлом и Алимием в 1846 году», «Возражение» Антона Егорова Павлу Прусскому.

Отдельные поступления, оп. 24, № 132, л. 155 об.—186 об.

Книга бесед

1. Заглавие: «Послание протопопа Аввакума. Беседа человека грешна, человека не имуща видения, ни доброты ниже подобия». Начало: «По истине рещи, яко не есть человек, но гад есть или свиния». Конец: «А иде же заповедь Христова соблюдается, ту благодать духа святаго преизбилует, а диавола сила отгоняется». Введение и беседа 1-я. Ср.: РИБ, т. 39, стб. 241—258. Текст сокращен, есть разночтения. Сборник, XIX в. (1-я четв.), в 8-ку, 183 л., поморский полуустав, переплет — доски в тисненой коже с двумя медными застежками. Содержит Житие Корнилия Выговского с добавлением четырех рассказов о патриархе Никоне, исповедание повседневное, отрывок из письма инокa Авраамия боярыне Морозовой, выписку из Слова Мефодия Патарского о последнем времени, Челобитную (пятую) протопопа Аввакума царю Алексею Михайловичу, статью о необходимости крещения (с отсылкой на протопопа Аввакума), Слово Ефрема Сирина о втором пришествии Христовом. Дар А. И. Маркушевича.

Колл. Ф. А. Каликина, № 94, л. 118 об.—130 об.

2. Заглавие: «Послание священнопротопопа Аввакума». Начало: «Беседа человека грешна, человека безобразна, человека не имуща видения, ни доброты же». Конец: «Я, грешный протопоп Аввакум, со отцы и братиею о Христе Иусе вам, светам моим и всякому верному попремногу челом бием». Вступление, беседы 1—4. Ср.: РИБ, т. 39, стб. 241—288. Сборник, XIX в. (10-е гг.), в 4-ку, 99 л., полуустав, переплет картонный с кожаными уголками и корешком. Содержит Житие Корнилия Выговского со сказаниями о патриархе Никоне, уставные поморские статьи, послания Семена Денисова новгородскому митрополиту Иову, сочинения протопопа Аввакума.

Отдельные поступления, оп. 24, № 115, л. 69 об.—82 об.

Книга толкований и правоучений

Без заглавия. Начало: «Слышал ли еси милосердие божие, о друже? Вонмите евангелским словесем». Конец: «Я за тем не хожу, право, и не знаю. Богу слава. Аминь». Отрывок из поучения, как нужно жить в вере. Ср.: РИБ, т. 39, стб. 559—561. Текст сокращен, разночтения незначительные. Сборник, XIX в. (10-е гг.), в 4-ку, 99 л., полууустав, переплет картонный с кожаными уголками и корешком.

Отдельные поступления, оп. 24, № 115, л. 87 об.—88 об.

Сочинение о Богородице

Заглавие: «О пресвятей пречистой и преблагословенней славней владычице нашей Богородице и приснодеви Марии, еже есть песнь духовная». Начало: «Во время царя Феодосия юнаго бысть патриарх во Цареграде, враг святыя Троицы». Ср.: РИБ, т. 39, стб. 685—688. Без разночтений. Сборная рукопись, XVIII в. (2-я четв.—посл. четв.), в 8-ку, 79 л., полууустав, переплет картонный. Содержит Челобитную инока Авраамия, его сочинение об антихристовой прелести и послание к боярыне Морозовой, «Записку о второй пустозерской казни», выписки из Кормчей, Пролога, Великого Зерцала, Хождения игумена Даниила, Житие Киприана и Устины, «Копию в печатной ведомости 1744 года», список «с Санкт-Петербургскаго печатного куранта» 1747 г.

Северодвинское собр., № 410, л. 32—34 об.

«Записка о второй пустозерской казни»

Без заглавия. Начало: «В Пустозери взяли у нас скаску, сице речено: год и месяц». Ср.: РИБ, т. 39, стб. 717—720. Имеются более исправные чтения. Сборная рукопись, XVIII в. (2-я четв.—посл. четв.), в 8-ку, 79 л., полууустав, переплет картонный.

Северодвинское собр., № 410, л. 35—36.

Челобитная (пятая) царю Алексею Михайловичу

1. Заглавие: «Послание послано к царю от протопопа Аввакума с сотником 178 году из пустозерския темницы». Начало: «Царь государь и великий князь Алексей Михайлович! Многажды писахом тебе прежде и молихом тя». Ср.: РИБ, т. 39, стб. 757—766. Разночтения незначительные. Сборник, XIX в. (нач.), в 8-ку, 118 л., поморский полууустав, переплет — доски в тисненой коже с одной сохранившейся медной застежкой. Содержит Житие Корнилия Выговского с повестью о Никоне. Поступила от К. А. Павлова.

Колл. И. Н. Заволоко, № 245, л. 97—117.

2. Заглавие: «Сицево послание послано к царю от протопопа Аввакума с сотником 178 году из пустозерския темницы». Начало: «Царь государь и великий князь Алексей Михайлович! Многажды писахом тебе прежде и молихом тя». Ср.: РИБ, т. 39, стб. 757—766. Разночтения незначительные. Сборник, XIX в., (1-я четв.), в 8-ку, 183 л., поморский полууустав, переплет — доски в тисненой коже с двумя медными застежками.

Колл. Ф. А. Каликина, № 94, л. 132—152.

3. Заглавие: «Послание ко царю и великому государю Алексею Михайловичю священнопротопопа Аввакума». Начало: «Царь государь и великий князь Алексей Михайлович! Многажды писахом к тебе и молихом тя». Ср.: РИБ, т. 39, стб. 757—766. Разночтения незначительные. Сборник, XIX в. (10-е гг.), в 4-ку, 99 л., полууустав, переплет картонный с кожаными уголками и корешком.

Отдельные поступления, оп. 24, № 115, л. 88 об.—96 об.

Послание братии «на всем лице земном»

1. Заглавие: «Послание протопopa A[ввакума] к братии». Начало: «Братия моя возлюбленная и вожделенная, яже о Христе Иисусе на всем лице земном! Стойте твердо в вере и незыблемо». Конец: «Потом и антихрист во свое ему время, а тайна давно уже деется беззакония». Первая редакция с припиской в конце текста. Ср.: РИБ, т. 39, стб. 771—785. Есть разночтения, приписка без последней фразы. Сборник, XIX в. (50—60-е гг.), в 8-ку, 116 л., полуустав двух почерков, переплет картонный, оклееный бумагой, с кожаными уголками и корешком. Почерком первого писца (л. 1—56) сделаны многочисленные пометы, комментирующие переписанные им тексты. Содержит выписки из поморского Соборника, слова Ефрема Сирина и Иоанна Златоуста, Повесть о страннике и старце, от черного змия в пустыне потопляемой, письмо протопopa Аввакума иноку Авраамиию, поучение Андрея Денисова о наказании нечестивцев.

Северодвинское собр., № 586, л. 39—46 об.

2. Без заглавия. Начало: «Стойте, господа ради, в вере твердо и не предавайте благоверия святых отец наших». Конец: «Потом и антихрист во все ему время, а тайна давно уже деется беззакония». Только текст приписки к посланию. Ср.: РИБ, т. 39, стб. 784—785. Текст переписан почерком первого писца предыдущей рукописи. Сборная рукопись, XIX в. (2-я половина), в 8-ку, 105 л., полуустав и скоропись, переплет картонный с кожаным корешком. Содержит старообрядческие сочинения о новоженах, «О благочинии пустынном», о христианском житии, «Страдание» Саввы Готфского, вопросы-ответы Севваста Арменула о исповедании, о грехах и спасении, выписки о тайне покаяния и др.

Северодвинское собр., № 580, л. 80.

Послание «всей тысящи рабов Христовых»

Заглавие: «Послание Аввакума протопopa православным христианом». Начало: «Благодать господа бога и спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами». Ср.: РИБ, т. 39, стб. 841—846. Разночтения незначительные. Сборник, XIX в. (10-е гг.), в 4-ку, 99 л., полуустав, переплет картонный с кожаными уголками и корешком.

Отдельные поступления, оп. 24, № 115, л. 83—85 об.

Послание боярину Андрею Плещеву

Заглавие: «Против же сего многокозненного и прелестнаго послания Аввакум протопop восписует, лести и хулы исполненныя уста заграждает и посрамляет и яко острием меча посекает вселукаваго языка глаголы. Списатель же сему авва Спиридон Потемкин». Начало: «Правду рекл еси, вспомняв дружество, еже по Христе яко полезно есть». Конец: «Того бо ради положи господь во святом евангелии притчу о блудном сыне до...». Последний лист утрачен. Ср.: РИБ, т. 39, стб. 879—885. Сборник слов Спиридона Потемкина с добавлением послания боярина Андрея Плещеева к Аввакуму и ответом Аввакума (гектограф), XIX в. (конец), в 4-ку, 182 л., в картонном переплете с кожаным корешком.

Северодвинское собр., № 350, л. 177 об.—182 об. (181 об.—186 об. по пагинации гектографа).

Письмо Маремьяне Федоровне

Без заглавия. Начало: «Маремьяна Федоровна, свет моя! Еще ли ты жива, голупка?». Ср.: РИБ, т. 39, стб. 937—938. Разночтения незначительные. Сборник, XIX в. (10-е гг.), в 4-ку, 99 л., полуустав, переплет картонный с кожаными уголками и корешком.

Отдельные поступления, оп. 24, № 115, л. 85 об.—87.

Письмо инокѹ Авраамію

Без заглавія. Начало: «Рече господь: не бойся, малое мое стадо, яко благоизволи отец мой дати вам царство». Ср.: Малышев В. И. Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и новые документы о нем. — Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ, 1951, вып. 3, с. 263. Разночтения незначительные. Ниже, после ромбовидной концовки, в рукописи есть приписка, отсутствующая в издании текста: «Поминайте мя всегда, братіе, и держите преданія, яже приясте от святых муж, от пророк, и апостол, и владыки всех». Сборник, XIX в. (50—60-е гг.), в 8-ку, 116 л., полуустав двух почерков, переплет картонный.

Северодвинское собр., № 586, л. 46 об.—47 об.

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

В. П. БУДАРАГИН

Две экспедиции в Псковскую область

В г. Невеле были сделаны последние находки экспедиции 1979 г.¹ Именно с этого района начали мы обследование Псковской области в 1981 г., когда экспедиция в составе В. П. Бударagina, Д. М. Буланина и Б. Г. Хованова посетила соответственно Невельский, Великолуцкий, Локнянский и Бежаницкий районы. Летом следующего года В. П. Бударagin и А. А. Цеханович продолжили знакомство с местной книжно-рукописной традицией на территории Бежаницкого, Дедовичского, Дновского и Новоржевского районов. После двух лет археографических поисков уже можно сделать некоторые выводы о характере сохраняющейся здесь книжности, о перспективах дальнейшей работы. Необходимо отметить, что наши наблюдения в основном подтверждают археографическую оценку района, высказанную А. М. Панченко еще в 1959 г. на более ограниченном территориальном материале.²

Нет необходимости подробно излагать маршрут экспедиций, назову лишь основные центры сохранения древнерусской книжности в этих районах. Речь идет прежде всего о Михалкино, Сущево, Сорокино и деревнях вдоль железной дороги от Чихачево до Сосонки. В археографическом отношении все эти центры очень похожи. Значительная часть книжников живет в деревне только летом, а на зиму перебирается в Ленинград. Книги поделены, таким образом, на два дома и составить цельное представление о том или ином книжном собрании решительно невозможно.

Сколько-нибудь значительных книжных собраний нам почти не встретилось. О некоторых сказать все-таки необходимо. Так, много лет сохранялись у Т. В. Борковского в дер. Пяшково книги и рукописи Сафоновской общины старопоморского согласия. Попавшие после его смерти в случайные руки, теперь они частично приобретены Псковским музеем-заповедником. В дер. Рогаткино близ Михайлова Погоста до полутора десятка изданий «преображенской» типографии сберегается Т. Е. Ильиной. В пос. Чихачево у В. В. Тихонова представлены книги московской, супрасльской, гродненской печати. Полистная запись XVII в. на Евангелии учительном гласит: «Сие Евангелие рязанского архиерея стряпчего Тимофея Маркова для научения детей куплена своею рукою». Несколько неожиданным по составу оказалось собрание Е. М. Никитиной в дер. Пищино: три издания 1-й половины XVII в. и две рукописные книги XIX в.

Печатные издания XVII в. здесь не редкость, рукописей же мы почти не видели. Говорить о местной рукописной традиции вряд ли возможно. Нам встретилось лишь три сборника одного почерка середины XIX в.,

¹ См.: Бударagin В. П. Экспедиция в Витебскую область. — ТОДРЛ, Л., 1981, т. 36, с. 384.

² Панченко А. М. Рукописные книги Локнянского и Чихачевского районов Псковской области. — ТОДРЛ, М.; Л., 1961, т. 17, с. 558—560.

происходящие из с. Михалкино, и две рукописи жителя дер. Баткова Артемия Степанова. Дедушку «Артюшу» местные жители еще помнят, а деревня была сожжена в войну полностью. Но печатные книги заслуживают внимания. Так в дер. Корьхово в церкви белокрыницкого согласия сохраняются служебные Миней XVII в., подаренные когда-то Василием Евсиковым из Ленинграда. В доме М. И. Платонова на престольное Евангелие начала XVII в. имеет полистную запись 1683 г.: «191-го января в 4 день по указу преосвященного Павла митрополита Рязанского и Муромского подписано сие святое Евангелие в церковь Воскресения Христова в село Великой Двор».

Всего, таким образом, в Псковской области нами была найдена 21 рукопись XVII—XX вв., краткое описание которых публикуется ниже. Отдельные и даже неожиданные находки в этих районах безусловно возможны, но процент рукописной книжности в них будет относительно невелик.³

1 (40). Канон кресту, XVIII в. (80-е гг.), в 8-ку, 15 л., полуустав, без обложки.

2 (41). Тропарь и канон Богородице Тихвинской, XIX в. (70-е гг.), в 8-ку, 15 л., полуустав, в бумажной обложке. На л. 1 заставка, а на л. 15 об. концовка, выполнены пером и чернилами.

3 (42). Канон за единоумершего и по усопшим, XIX в. (70-е гг.), в 8-ку, 20 л., полуустав, без обложки. Начало не сохранилось.

4 (43). Служба пасхальная, XIX в. (90-е гг.), в 4-ку, 133 л., полуустав, в картонном переплете с матерчатым корешком. Заставки выполнены пером и чернилами.

5 (44). Канон за единоумершего и по усопшим, XIX в. (кон.), в 8-ку, 29 л., полуустав, переплет картонный. На л. 1 заставка чернилами, на л. 29 пометы 1917 г.

6 (45). Канон Богородице и Николе Чудотворцу, XIX в. (кон.), в 8-ку, 23 л., полуустав, без обложки. На л. 1 заставка чернилами.

7 (46). Полунощница вседневная, XIX в. (кон.), в 8-ку, 27 л., полуустав, в картонном переплете. Есть утраты текста.

8 (47). Канон ангелу-грознаму воеводе, XX в. (нач.), в 8-ку, 9 л., полуустав, в картонном переплете.

9 (48). Чин погребения, XX в. (нач.), в 8-ку, 47 л., полуустав, в картонном переплете.

10 (49). Сборник духовных стихов П. И. Ильинского, XX в. (20—30-е гг.), в 8-ку, 89 л., полуустав, в картонном переплете от другой книги. Имеются заставки и рисунки в тексте. На л. 50 об. изображено здание моленной Деминской общины в дер. Скапиха. Содержание: 26 стихов, часть которых сочинена самим П. И. Ильинским. Содержание: стихи о сотворении человека, о памяти смертного часа, об узнике-невольнике, о Варлааме и Иоасафе, о потопе, о блудном сыне, о прекрасном Иосифе, о похоронах бедняка, об основании Деминского храма, о пожаре Соснивецкого храма, стих плачевный над могилой гроба отца своего и др.

11 (50). Канон Николе Чудотворцу, XX в. (30-е гг.), в 4-ку, 12 л., полуустав, без обложки.

12 (56). Праздники с дополнениями, на крюках, XVII в. (3-я четв.), в 8-ку, 264 л., полуустав, переплет — доски в тисненой коже с двумя застежками. На л. 2 киноварная вязь и инициал. На л. 238 писцовая запись: «Сия тетрадь Остафея Гарасимова сына Масленика Большой Конюшенной слободы». Она же повторена на л. 240 об.: «Сия тетрадька Остафея Гарасимова сына Масленика, а подписал свою ру-

³ Цифра в скобках — шифр рукописи Новгородско-Псковского собрания Древле-хранилища имени В. И. Малышева. № 40—50 привезены экспедицией 1981 г., № 56—65 — в 1982 г.

кою». На л. 86—101 частично срезанная при переплете скрепа 1676 г.: «185 году октября в 30 день продал сию книгу болших праждников Алексей *нрзб.* потписал своею рукою». К основному тексту на л. 236—242 об. добавлены стихирьы, задостойник, причастные стихи и стихи покаянные («Приими мя, пустыня...» и «Душе моя, душе моя...»). Столповое знамя с киноварными пометами. Текст раздельноречный. Имеется указание на путевой роспев. На полях выписаны названия «фит».

13 (57). Сборник, XVIII в. (середина), в 8-ку, 101 л., полуулав и скоропись, в картонном переплете, покрытом тисненой кожей. Содержание: Слово Ефрема Сирина об антихристе, выписки (типа Пчелы) о ложной мудрости и празднословии, выписки из слов Иоанна Златоуста и Иоанна Дамаскина о почитании святых, Житие и повесть о мощах великомученицы Варвары (с отсылкой на повесть 1670 г. игумена Киевского Михайловского монастыря иеромонаха Феодосия).

14 (58). Святцы, XIX в. (10—20-е гг.), в 8-ку, 47 л., полуулав, без переплета. Пасхалия с 1736 по 1783 г. Двухцветные заставки в начале каждого месяца выполнены писцом.

15 (59). «Каталог» свидетельство о соборной церкви, антихристе и последнем времени, XIX в. (посл. четв.) — 1900 г., в 4-ку, 465 л., полуулав двух видов, переплет — доски в тисненой коже со следами двух застежек. На л. 1 об. в печатной заставке-рамке запись: «Сию книгу писал многогрешной инок Киприан от сотворения мира 7408-го лета месеца *нрзб.* со многих книг божественнаго писания для душевнаго спасения». На л. 1, 2 штемпели Петра К. Сазнова из пос. Сольцы с указанием 1881 и 1885 гг. На л. 2 и 14 заставки в красках. Первые пронумерованные 56 глав «Каталога» (л. 14—141 об.) имеют свою пагинацию, отличаются почерком и, вероятно, представляют собой самостоятельное произведение, продолженное в рукописи другими тематическими выписками.

16 (60). Сборник, XIX в. (кон.), в 8-ку, 31 л., полуулав, без обложки. На л. 19 об. запись скорописью: «Сия книга Соборник пренадлежит деревни Боткова Артемия Степанова. И писал дере[вни] Боткова Артемий Степанов». На л. 7 об. помета: «Иван Васильев 40 листов вси причитал». Содержание: Слово Иоанна Златоуста о ленивых, Сказание о происхождении галстук (с отсылкой на латинскую хронику 6083 г.), выписки из слов Ефрема Сирина, Ипполита папы римского, Иоанна Златоуста, Григория Богослова об антихристе и о конце мира, «Поучение о еже повесть троесложное умиление отсекает всякое превозношение» (17-я глава из Цветника священноинока Дорофея).

17 (61). Каноны Богородице «умягчению злых сердец» и ангелу-хранителю, XX в. (нач.), в 8-ку, 34 л., полуулав, переплет картонный с матерчатым корешком. Две карандашные заставки. На л. 33 помета: «Писал Петро Иванов сей канон и Иван Дементьев». На л. 1, 33, 34 карандашные выписки по русской истории и черновики писем.

18 (62). Повесть о преподобном Ксенефонте и его сыновьях (из Азбучного патерика), XX в. (нач.), в 8-ку, 2 л., полуулав, без обложки. Заставка и инициал выполнены чернилами.

19 (63). Задостойник Богородице (настенный лист, крюковой), XX в. (нач.), 35.3×44.4. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

20 (64). Стихира Богородице (настенный лист, крюковой), XX в. (нач.), 35.4×44.1. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

21 (65). Сон Богородицы, 1940 г., в 16-ю долю, 10 л., полуулав, без обложки. На л. 7 запись: «Етот Сон писан 4 апреля 1940 года на память Андрею Петровичу и Марфы Афонасьевны. [Писал] Егоров Федор Семенович». Листы 7 об.—10 об. без текста. Начало не сохранилось.

Латгальские рукописные находки 1981 и 1982 гг.

В 1981 и 1982 гг. состоялись очередные археографические экспедиции в Прибалтику. В них принимали участие, кроме автора этих строк, стажер-исследователь ИРЛИ С. И. Николаев (в 1981 г.) и аспирант ИРЛИ А. А. Цеханович (в 1982 г.). Маршруты экспедиционных поисков пролегли в основном через деревенские старообрядческие общины Даугавпилсского и Резекненского районов (Латгалии) Латвийской ССР — места регулярных археографических изысканий Пушкинского Дома. Кроме того, участники летней поездки 1981 г. побывали в г. Вильнюсе по приглашению местного знатока книжной старины И. И. Егорова.

Находки обеих экспедиций оказались весьма обнадеживающими — нам удалось доставить в Древлехранилище Пушкинского Дома более 120 рукописей XVI—XX вв. В целом новонайденные материалы достаточно ясно отражают местную рукописно-книжную традицию, охарактеризованную в наших предыдущих статьях в ТОДРЛ за 1973—1982 гг. Однако следует добавить вывод, основанный на реальных данных археографических обследований последних лет, о том, что в этих районах рукописно-книжная традиция по существу не прерывалась. Можно было бы назвать имена по крайней мере десятка стариков-книжников, и поныне занимающихся перепиской славянских текстов, переплетом и реставрацией ветхих книг, сочинением (компиляцией) различных поучений-проповедей и т. д. Накопленный материал обрабатывается для специальной работы и в этой статье привлекаться не будет.

Большой объем публикуемых описаний археографических находок не позволяет подробно остановиться на описании самой полевой работы археографов. Скажу только, что мы прежде всего опирались в своих розысканиях на рекомендации местных старожил-книжников, с которыми установлены многолетние дружественные связи. За время экспедиций значительно расширился круг наших знакомств, и почти повсеместно мы встречали доброжелательное отношение к себе и понимание в основном целей и задач наших изысканий. Большинство рукописей, виденных нами в домах латгальских староверов, были подарены владельцами Пушкинскому Дому, однако осталось еще немало адресов держателей рукописной старины, в домашних собраниях которых еще возможны интересные книжные находки.

Публикуемое ниже описание рукописей мы предваряем кратким обзором латгальских экспедиционных материалов. Старейшая рукопись — Триодь постная, XVI в. (207)¹ — содержит вкладную запись от 1675 г. жены А. Л. Ордина-Нащокина Пелагеи Васильевны в один из псковских монастырей. В двух рукописных певческих сборниках XVII в. содержатся в числе других материалов «многолетие» и «здравная чаша» Федору Алексеевичу (209), Иоанну и Петру Алексеевичам (210), ирмосы «пещ-

¹ Цифра в скобках обозначает шифр рукописи Латгальского собрания Древлехранилища Пушкинского Дома.

ного действия» и княгине Ольге, много вариантов распевов на один текст и указаний их авторов. Певческий сборник (210) содержит 11 гравированных заставок-рамок барочного стиля с сюжетными изображениями двенадцатых праздников в картушах. Стиль и характер гравюр послужили одним из несомненных источников в создании изоциренного выговско-поморского книжного орнамента. Значение этих новонайденных русских гравюр XVII в. трудно переоценить.

Большая часть остальных рукописей относится к местной латгальской рукописно-книжной традиции (XVIII—XX вв.). В сборниках литературно-исторического содержания представлено значительное количество особенно популярных у местных переписчиков всевозможных повестей, житий, слов, сказаний и поучений древнерусских и переводных авторов из Великого Зеркала, патериков, Пролога, Златоуста, Измарагда, Пчелы и других книг (212, 216, 222, 226—228, 231, 238, 239, 244, 256, 257, 265, 302, 305, 307—309, 313—316, 321, 323). Из произведений древнерусской литературной традиции отметим следующие памятники: Прение Живота и Смерти (228, 313); повести о царе Агее (255), об Иоанне Новгородском (256), об Антонии Римляине (313), об Иверской иконе Богородицы (228), о крестном сыне Иисуса Христа (228), о 12 снах царя Мамера (313), о Николе, бывшем болгарском воине (226), о патриархе Никоне (227); поучения Кирилла философа (212), Кирилла Туровского (226), Климента Словенского (231); «Разговор магистра Поликарпа со смертью» (298); сочинения Стефана Яворского (299); жития Евстратия Печерского (222), Корнилия Выговского (227); Риторику 1749 г. (299); стихиры русским святым и подвижникам (211), и др.

В ряде сборников находятся старообрядческие сочинения полемического и исторического содержания, в том числе местных авторов (215, 221, 223, 224, 234, 238, 242, 244, 248, 265, 270—272, 296, 305, 312, 313, 326); большое количество духовных и старообрядческих стихов, некоторые также в обработке местных сочинителей (213, 231, 236, 240, 245, 261, 269, 279, 284, 312); апокрифические сочинения (226, 255, 257, 272, 284, 302, 305), и др. Как всегда, много особенно популярных в Латгалии певческих книг, нередко тщательно украшенных (217, 225, 229, 230, 235, 237, 241, 252, 258, 263, 275, 282, 283, 327); часть находок падает на рукописи богослужебного содержания, некоторые из них интересны своими владельческими записями (208—210). Нередки украшения в книгах, различные по своим манерам и стилю. Наконец отметим Сборник молитв (219), интересный тем, что его переписчиком был писец (автор?) уникальной Дегуцкой летописи (Хронографа Курляндско-Литовского). Это уже четвертый известный автограф сельского летописца.

Новонайденные в экспедициях 1981 и 1982 гг. материалы свидетельствуют, что рукописно-книжная традиция у русских старожилов в Латгалии была сложным и длительным культурным явлением. В процессе ее развития формировался не только книжный фонд в сельских старообрядческих общинах, но и облик латгальского книжника-писца-библиофила, часто анонимному труду которого мы обязаны сегодняшними археографическими находками.

Ниже публикуется описание рукописей.

1. Рукописи, найденные летом 1981 г.

1(207). Триодъ постная, XVI в. (30—40-е гг.), в лист, 500 л, полуустав нескольких почерков в два столбца, имеются киноварные заголовки и инициалы; переплет — доски, покрытые кожей с двумя бронзовыми застежками и «жуками». Начальные листы не сохранились. На л. 499 об. вкладная запись скорописью 1675 г.: «Книга треод постная Логозевицкого (?) монастыря, а дала сию книгу по себе в поминок и по родителям псковского помещика Афанас'я Лаврентевича Ардина-

Нащокина жена Пелагея Васильевна лета 7183 г. февраля в день». Ниже на том же листе новейший книжный знак-надпечатка: буквы «МФ» под короной. Все синоксарные чтения объединены в конце рукописи в отдельную главу и содержат: Сказание о триоди в неделю о мытаре и фарисее; Сказание в неделю о блудном сыне; Память по всем умершим; Память второго пришествия Христова; Память по всем святым; Сказание об изгнании Адама из рая; Сказание о Чуде Федора Тирона «о кутях»; Сказание в неделю православия, «сиречь востелесе святых икон»; Сказание о поклонении честному кресту; Сказание о сложении Андреем Критским Великого канона; Житие Марии Египетской; Повесть «о неседальном».

От Н. А. Прусакова (г. Вильнюс).

2(208). Сборник богослужебный, XVII в. (20-е гг.), в 16-ю долю листа, 322 л., мелкий полуустав, в картонном переплете, покрытом кожей. На л. 303 об. помета от 1682 г. западнорусской скорописью. На л. 121 владельческая запись «року 1838» Павла Савича и Фомы Плицкевича (?). На л. 177 об. упомянуто молитвословие за «великого краля нашего». Содержание: Литургия проскомидии (без начала); Литургия Иоанна Златоуста; Литургия Василия Великого; Литургия Григория Двоеслова; Чин благословения вина; Последование великой вечерни; Служба по троичнем каноне; Последование утрени; Последование повседневному вечерни, утрени, отпуста; Отпусты праздникам; Молитвы над коливом и вечерние; Молитвы утренние; Молитвы перед причащением и по причащении; Последование причащению св. воды и мирра.

3(209). Сборник певческий, на крюках, XVII в. (70-е гг.), в 8-ку, 454 л., полуустав нескольких почерков, переплет — доски, покрытые тисненой кожей со следами двух застежек. На внутренней стороне нижней крышки переплета помета XVII в.: «Твер — Харламов — Филимонов». Содержание: Всенощное бдение; Литургия Иоанна Златоуста; Многолетие и заздравная чаша царю Федору Алексеевичу; Чин панихиды; Постные литургии; Канон Пасхе; Чин обручения (не полностью); Ирмологий с розниками; Ирмосы «пещного действия»; Ирмосы княгини Ольги; Октоих; Стихиры богородичны на 8 гласов; Праздники (со своей полной пагинацией и нумерацией тетрадей римскими цифрами).

Столповое знамя с киноварными пометами и признаками, истинноречие. Встречаются «путь» и «демество» столповым знаменем, «большее» знамя, «херувик болший» (л. 53 об.). Имеются варианты распевов с названиями «тихфинский», «ин» и др. На л. 14 указание на пение «во святой горе Афонстей». На л. 370—370 об. начертаны знаки пятилинейной нотации поверх стертой знаменной. Встречаются указания на авторов текста: Стефана Святоградца (л. 372), Сергия патриарха (л. 374 об.), Георгия (л. 389), Леонтия «маистра» (л. 390).

4(210). Сборник певческий, на крюках, с гравированными заставками-рамками, XVII в. (80-е гг.), в 4-ку, 359 л., полуустав, переплет — доски, покрытые тисненой кожей с остатками двух застежек. На л. 44 запись о дарении книги священником Василием Нименским Клименту Фомичу Букину от 23 января 1896 г. (г. Вильна). На л. 192 запись: «Все крюкописное пение в сей книге по Азбуце старца Александра Мезенца с прочими, жившими в 1668 лета» («Заметка 1898 г.»). На л. 254 об. помета скорописью XVIII в.: «Книга Ивана Дьяконова домашняя». На обороте верхней крышки переплета трудноразличимые пометы XVII—XIX вв. Имеется 11 гравированных на меди разных заставок-рамочек, орнаментированных в стиле московского барокко с сюжетными изображениями праздников в картушах: л. 195 — Благовещение, л. 202 — Воздвижение, л. 210 — Введение во храм, л. 222 — Рождество Христово, л. 236 — Благовещение, л. 248 — Сретение, л. 256 — Воскресение Христово, л. 263 — Вход во Иерусалим, л. 269 — Вознесение, л. 274 — Троица, л. 288 — Успение. Сюжеты картушей за исключением двух случаев соот-

ветствуют темам стихир праздника. Содержание: Всенощное бдение; Литургия Иоанна Златоуста; Чин «за приливом» — заздравная чаша царям Иоанну и Петру Алексеевичам; Чин погребения; «Преждеосвященная» литургия; Литургия Василия Великого; Канон Пасхе; Ирмологий с розниками; Октоих со стихирами евангельскими; Стихирарь праздничный; Стихирарь постный и цветной.

Столповое знамя с киноварными пометами, истинноречие. На некоторые тексты имеется по несколько (до 4) вариантов распевов с названиями «преводне», «большой», «монастырский», «меньшой», «ин» и др. Содержатся «путь» и «демество». На полях (с л. 183) имеются «тайнозамкненные» начертания фит, разведенных в тексте.

№ 208—210 получены в дар от М. Т. Петровой (дер. Московская).

5(211). Стихирарь месячный (за сентябрь—февраль), на крюках, XVIII в. (3-я четв.), в 4-ку, 230 л., поморский полуустав, на л. 6 заставка-рамка в красках и золоте поморского орнамента, на л. 6 об. так же изукрашенный инициал «Б». На л. 229 пометы Ольги Скрыгиной (XIX в.) и владельческая запись жителя Островенской волости «гражданина» Карелина Ерофея Ефремовича, купившего сию книгу «Трефолой» у петроградского купца Скрыгина в 1919 г. за 1500 рублей. Столповое знамя с киноварными пометами и признаками, раздельноречие. Имеются варианты распевов, на полях разводы фит и их названия. Рукопись выголексинского происхождения.

От Х. Т. Данилова (г. Резекне).

6(212). Сборник, XVIII в. (посл. четв.), в 4-ку, 418 л., полуустав, имеются простенькие чернильные заставки, переплет — доски, покрытые кожей, сохранилась одна из двух медных застежек, на нижней крышке медные жуки. Имеются владельческие записи: Фаддеева, А. Емельянова (1886 г.), И. Новинова, Лариона Карпова (Буцева?). Содержание: Каноны; Паремийные чтения Николе и Илье Пророку; Кирилл философ поучение о исходе души от тела и о мытарствах (из Златоуста); Сказание о последних днях и казнях божиих (оттуда же); Иоанна Златоуста поучение о втором пришествии Христовом (оттуда же); «Слово выписано из книги „Пчелы“ о злых женах и добрых»; Правила келейные; Месяцеслов с пасхалией от 1833 г.; Деяния апостольские (с указателями великопостных чтений).

От Х. Т. Данилова (г. Резекне).

7(213). Стих о пустыне, XVIII в. (80-е гг.), 1 л. Скоропись. Нач.: «О, прекрасная пустыня! И сам господь пустыню похваляет...». Оригинальный текст. На обороте отрывок из устава о трапезах.

От Н. А. Прусакова (наставника в г. Вильнюсе).

8(214). Канон усопшим и за единоумершего, XVIII в. (80-е гг.), в 16-ю долю листа, 20 л., полуустав, без обложки. Имеется одна орнаментированная заставка.

От П. Е. Орлова (г. Резекне).

9(215). Послание увещательное Гавриила Иларионова Скачкова (?) Иоанну Андреевичу, 1800 г., в 4-ку, 6 л., полуустав, без обложки. Содержит увещевания «яко волк мысленный овцу от стада Христа бога нашего исторже», призыв обличать «со всяким долготерпением и учением» врагов, «да не развирепеют». В конце приписано: «Писано 1763-го года июня 8-го дня», что, кажется, является ошибкой писца. На л. 6 об. еще одна приписка тем же почерком: «Написана в богоспасаемом граде Коломне 1800 года окт. 6».

От Д. А. Суворова (дер. Бесовка).

10(216). Отрывок сборника, XIX в. (1-я треть), в 8-ку, 8 л., подражание печатному, без обложки. Содержание: Слово на Рождество Христово против языческих обрядов; Поучение о необходимости поминать усопших; Сивиллино пророчество о судном дне.

От М. И. Пастухова (дер. Тискады).

11(217). Обиходник, на крюках, XIX в. (30-е гг.), в 4-ку, 35 л., полуустав, без переплета. Содержит подборки обиходных стихир на 8 глав, начало всенощного бдения, фрагменты постного обихода и 17-й кафизмы. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

От П. Е. Орлова (г. Резекне).

12(218). Служба в страстной четверг, XIX в. (30-е гг.), в 4-ку, 55 л., полуустав (близкий к поморскому), в картонном переплете с матерчатым корешком. На л. 1 наклеена заставка старопечатного стиля. Имеется дарственная запись Пушкинскому Дому наставника г. Субате Ф. Н. Арефьева.

13(219). Сборник молитвословий (типа потребника), XIX в. (40-е гг.), в 8-ку, 98 л., полуустав (тот же почерк см.: Латгальское собрание, № 51 — «Хронограф сиречь летописец Курляндско-литовский»), в картонном переплете новейшего изготовления. Имеется одна орнаментированная заставка. Содержит: Молитвы «по рождении младенцем»; Чин крещения «оглашенных» и младенцев; молитвословия на Рождество Христово, в пост великий, на Воскресение, на Петров день; молитвы на создание храма, на копание кладезя и обретение воды, над осквернившимися сосудами, над ситом, на учение грамоте детям и др.; молитвы запрещающие, от грома и молнии, в путь идущим, на рать идущим, на спуск корабля, от бурь морских, над солью, «начати вино и мед», над «приносимым плодом овощей» и др.

От П. Е. Орлова (г. Резекне).

14(220). Скитское покаяние, XIX в. (2-я четв.), в 8-ку, 18 л., подражание печатному, без обложки. Имеется орнаментированная заставка. На л. 17, 18 другим почерком переписана Похвала Богородице.

От П. Е. Орлова (г. Резекне).

15(221). Павел Любопытный. «Апология против неправильно утверждающих буквально, что священство в Христовой церкви пребудет до скончания века или вечно». XIX в. (60-е гг.), в 4-ку, 22 л., полуустав, без обложки, с предисловием.

От И. И. Карасева (дер. Войтишки).

16(222). Сборник, 1869 г., в 8-ку, 37 л., подражание печатному, без обложки. На л. 15 об. помета писца: «1869». Содержит: Слово о втором пришествии Христовом (без начала); Память Матроны Фессалоникийской; Житие Евстратия Печерского; Повесть о Таксите воине; Молитва Богородице и выписки из книги «Зонар»; Сказание о воскрешении Лазаря.

От П. Т. Стрелкова (г. Даугавпилс).

17(223). «Святое писание нас научает, яко в многом совете спасение бывает» — полемическое федосеевское сочинение против новых обрядов — стрижения волос, ношения немецкого платья, сладостей, а также «о детях новоженских», XIX в. (3-я четв.), в 4-ку, 16 л., скоропись, без обложки, конечные листы отсутствуют. В тексте имеются ссылки на решения петербургского (1813 г.) и московского (1810 г.) старообрядческих соборов.

От И. И. Карасева (дер. Войтишки).

18(224). «Разсуждение с праворечного пения о хомовом пении», XIX в. (3-я четв.), в 4-ку, 5 л., полуустав, без обложки. Содержит аргументы в пользу истинноречного пения со ссылками на прене троицкого архимандрита Дионисия с головощиком Логином и уставщиком Филаретом об истинном пении. «Разсуждение» это взято, вероятно, из предисловия к рукописному Ирмологию 1828 г. (см. приписку на л. 5 об.).

От И. И. Карасева (дер. Войтишки).

19(225). Обиходник, на крюках, XIX в. (3-я четв.), в 4-ку, 26 л., полуустав, без переплета. Содержит всенощное бдение и Литургию Иоанна Златоуста. Столповое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие. Имеется указание на «древний распев».

От М. Т. Петровой (дер. Московская).

20(226). Сборная рукопись, XIX в. (3-я четв.), в лист, 283 л., полуустан и подражание печатному, переплет — доски, покрытые крашеной тканью, по обрезу рукопись сильно обгорела. Имеются орнаментированные заставки (л. 84, 154, 186). Л. 92—100 форматом в 4-ку. На л. 280 об. почерком писца большей части рукописи написано: «Сия книга Сборник деревни Лапотинки Григория Иванова Титова». На л. 40 карандашная помета Григорьева. Л. 70 без текста. Содержание: сказания, повести, слова и поучения из Пролога, патериков, Старчества, Златоуста и других книг; выписки из Пчелы; стихи покаянные; жития Андрея Критского, великомученицы Варвары, преподобного Нифонта; повести о Николe, бывшем болгарском воине, о скоморохе Вавиле, о бесе в непокровенных сосудах; притчи Варлаама, и др.

От Х. Н. Михайловой (дер. Данишевка).

21(227). Сборник, XIX в. (3-я четв.), в 4-ку, 100 л., полуустан трех почерков, в картонном переплете с кожаным корешком и наугольниками. На л. 3 оригинальная орнаментированная заставка в красках. Л. 62—64, 100 без текста. На л. 16 изображения перстосложения и крестов. На л. 1 запись дарителя книги И. И. Карасева (по его словам, сборник переписан его отцом И. И. Карасевым). Содержание: Житие Корнилия Выговского (Пахомиевской редакции, с незначительными отличиями от известных списков), «О ловите рыбы сказание», «И поведаша отец Корнилий о Никоне, яко слыша от соловецких старцев» и др. (дополнительные статьи к Житию Корнилия); Иоанна Дамаскина на Благовещение Богородицы слово по буквам (25 марта); Повесть о чуде Богородицы о некоей убогой пастуховой дочери (из «Звезды пресветлой»); Повесть о бесе в непокровенных сосудах; выписки из Кормчей новейшего письма.

От И. И. Карасева (дер. Войтишки).

22(228). Сборник, XIX в. (3-я четв.), в 4-ку, 468 л., полуустан и подражание печатному (см. л. 393—403), от переплета сохранились только нижняя доска, покрытая тисненой кожей с остатками двух застеек, и кожаный корешок. Имеются простенькие орнаментированные буквицы и заставка чернилами (л. 393). Содержание: повести, слова, поучения и сказания из патериков, Великого Зеркала, Пролога, Златоуста, Прение Живота и Смерти (третьей редакции, третьей группы), апокрифы, жития Иоанна Богослова, Евстафия Плакиды, чудеса Георгия и Николы, Повесть об Иверской иконе Богородицы, Повесть о крестном сыне Иисуса Христа, Исаино пророчество и др.

От А. П. Арламовой (дер. Криваны).

23(229). Ирмологий с розниками, на крюках, XIX в. (посл. треть), в 4-ку, 169 л., полуустан, переплет, начальные и конечные листы не сохранились. Киноварные инициалы украшены грубым орнаментом. Имеется владельческий штамп И. Казакова 1910 г. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

От М. Л. Васильева (дер. Люлюшки).

24(230). Октоих, на крюках, XIX в. (посл. треть), в 4-ку, 217 л., подражание печатному; переплет, а также начальные и конечные листы не сохранились. Имеются грубо орнаментированные буквицы, раскрашенные цветными карандашами, записи и пометы поминального и хозяйственного содержания с упоминанием фамилии Белова и дер. Заболотье. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

Из общины дер. Кампишки.

25(231). Сборная рукопись (записная книжка), XIX в. (посл. треть)—XX в. (начало), в 8-ку, 85 л., полуустан и скоропись разных почерков, в картонном переплете. Имеются орнаментированные заставки. Записи принадлежат крестьянам Витебской губернии, Двинского уезда, Ликсенской волости, Ницгальского общества, деревни Новой — Федору Харитонову Евдокимову и Евсею Емельянову. С л. 39 следуют хозяй-

ственно-бытовые записи и пометы о севе льна, о пастьбе скота, о найме работников, домашних расходах и т. п. за 1878—1906 гг., а также черновики бытовых и любовных писем, пробы пера, отрывки песен и сказаний, памятные пометы и т. п. Кроме того, содержатся: Стих об Адаме и Еве; Стих о воспоминании смерти «Взираи с прилежанием...»; Стих об Иосифе прекрасном; Отрывок о возложении на Иисуса Христа тернового венца; Слово «о ядущих мнисех на трапезе» из Патерика; Память Преображения господня; Клементя Словенского поучение на Преображение господне, и др.

От Ф. И. Лисицына (дер. Криваны).

26(232). Синодик общий вселенский патриарха московского Иова, XIX в. (посл. треть), в 8-ку, 40 л., полуустав, в картонном переплете.

От Ф. Н. Арефьева (г. Субате).

27(233). Стихиры Рождеству Христову, XIX в. (посл. треть), в 4-ку, 6 л., полуустав и подражание печатному, без обложки. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие. Имеется указание на демество псковского перевода.

Из общины дер. Кампишки.

28(234). Сборник, XIX в. (посл. треть), в 8-ку, 34 л., новейшая скоропись, в картонном переплете. Содержание: Присяга священническая Иоакима патриарха, 1679 г.; «Правила учтивости и благосклонности» — о поведении в быту; «Тетрадь, разъясняющая перемену церковных догматов при патриархе Никоне и краткие ответы против миссионера Павла Прусского» — противоединоверческое сочинение; девять кратких вопросов из священных книг; «Христианское духовное завещание от отца к детям» — вероятно, образец; Молитва Богородице «во время беременности».

От А. Г. Волкова (Нидеркуны, г. Даугавпиле).

29(235). Окожих на крюках и фрагмент певческой азбуки, XIX в. (посл. треть), в 4-ку, 40 л., полуустав, многих листов недостает, без переплета. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

Из общины дер. Кампишки.

30(236). Отрывок сборника сатирических раешных старообрядческих стихов, XIX в. (посл. треть), в 4-ку, 11 л., полуустав, начальных, конечных и некоторых листов из середины недостает, без обложки. Содержание: стих-сатира о Никоне, никоновских изменениях, о Павле Прусском, единоверии и т. п., без начала (первые слова: «...узаконили телесныя озлобления...»); стих-сатира против брадобрития, без начала (первые слова: «Кто желает много знать, то потрудись книгу Кириллову прочитать...»); «История про чай» (нач.: «Жалоба чужестранца, китайского уроженца чая» — стих-раешник о чае), только начало, несколько отличающееся от опубликованного Ю. К. Бегуновым.

От М. Е. Пастухова (дер. Тискады).

31(237). Обиходник, на крюках, XIX в. (посл. четв.), в 4-ку, 63 л., подражание печатному, части листов недостает, переплет не сохранился. Имеются орнаментированные киноварные инициалы. Содержит всеобщее бдение, светильны, тропари и кондаки двенадцатым праздникам и нарочитым святым, обиходник постный, чин погребения. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

От П. Е. Орлова (г. Резекне).

32(238). Сборник, XIX в. (посл. четв.), в большой лист, 40 л., скоропись, без переплета. Содержит: «Список из различных книг божественных, выписано из Цветника рукописменного» — краткие выписки и статьи о вере, о еретиках, о священном писании, о последних временах, об антихристе, о «белорусцах», о браке, об иконах, о чудесах в Царьграде

и Новгороде, об Арсени Суханове, об обрядах и т. п.; из Потребника Иосифа патриарха учение об исповедании духовнику; Слово Иоанна Златоуста о толковании о последних днях и о казнях божиих.

Из общины дер. Кампишки.

33(239). Сборная рукопись, XIX в. (посл. четв.), в 4-ку, 198 л., подражание печатному двух почерков, переплет не сохранился, утрачен первый лист. Содержание: Указ отпущам на разные праздники года; слово Иоанна Златоуста «како подобает чтити попа»; «Зонарь» (список с печатной книги); «Катихизис» (список с печатного издания 1785 г., скопированного с изд. М., 1648 г.); Геннадия патриарха Константинопольского главы о вере (числом 100).

От М. П. и Д. Н. Алексеевых (дер. Шеляховка).

34(240). Сборник духовных стихов и песнопений на крюках, XIX в. (посл. четв.), в 4-ку малую, 146 л., полуустав, в картонном переплете, покрытом тканью. Имеются пометы Мокея Осиповича Трошкова (ранняя — от 1891 г.). На л. 1 об.—2 славянская азбука (алфавит, распетый на крюках). На л. 146 — заговор на кровь. Столповое знамя с киноварными пометами и признаками. Текст чаще всего раздельно-норечный. Встречаются варианты распевов, «демество» и «путь». Содержание: Стих-плач пресвятой Богородицы; Стих о блудном сыне; «Стих руфьмы» (нач.: «Воплю к богу в беде моей, да мя он услышит...»); Стих Иоасафа царевича; Стих «Сам я не знаю, как на свете жити...»; Стих покаянный «Егда родихося не вем...»; Стих преблезненного воспоминания о озлоблении кафоликов; Стих «Безсмертных тварей обладатель...»; Стих-плач Адама; Стих плачевный «Плачуся и ужасаю, егда он час помышляю...»; Стих покаянный «Доколе, душа моя, в лености пребываеши...»; Стих о Каине; Стих о последнем времени «Уже пророчество совершися пророка Исаии...»; Стих на Введение Богородицы «Патриарси, триумфуйте...»; Стих о расслабленном «Взыде Исус во Иерусалим...»; Стих об Адаме «Расплакался Адам перед раем...»; Стих покаянный «Оле, окаянная душе, кий ответ имаши...»; «Стих об изгнании Гучкове» (так в ркп!) (нач.: «Поздно, поздно вечерами...»), и др.

От И. О. Иванова (дер. Застенки).

35(241). Азбука крюковая, XIX в. (посл. четв.), в 4-ку, 49 л., полуустав, в картонном переплете с кожаным корешком. К переплету подклеены листы хозяйственных документов 1888 г. Имеются владельческие записи: двух певчих дер. Вайново — Ф. П. Васильева и Г. И. Горшакова, жителя дер. Тимошишки А. Г. Соколова, неких Добрецова и Дроздова. Содержит горовосходный холм, имена знаменам и поступки, кокизник, фитник, азбуку деместву, «Краткое сказание о церковном пении в России» (извлечение из трудов Д. Разумовского и В. Ундольского). Столповое и демественное знамя с киноварными пометами.

От М. Т. Петровой (дер. Московская).

36(242). Сборник старообрядческий, полемический, XIX в. (посл. четв.), в 4-ку, 64 л., полуустав, без переплета. Содержание: «Обновление ныне в России латынских люторских и прочих многих ересей, их же прежде не бе» (нач.: «Первое. Российстии архиереи ныне слагают пять перстов на благословение...») — обличительное антиниконианское сочинение в 50 статьях, написанное около 1724 г.; «Вопрос. Скажите ми... чесо ради с восточною и великороссийскою церковью вы ныне согласия и соединения не имееете...» — «Ответ. Сего ради ныне с восточною и российскою церковью несогласие имеем...» — ответ полемически-обличительный в 45 пунктах, соч. XVIII в.; «Книги обливательны изданы в лета...» (список 9 изданий с 1608 по 1724 г.); «Во всех сих сице написано...» — о равнозаконности обливания и погружения при крещении.

От И. И. Карасева (дер. Войтишки).

37(243). Похвала Покрову Богородицы с видением его из Жития Андрея Юродивого, XIX в. (посл. четв.), в 4-ку, 12 л., полуустав, без обложки, начала и конца недостает.

Из общины дер. Кампишки.

38(244). Сборная рукопись, XIX в. (посл. четв.), в 4-ку, 42 л., подражание печатному, без обложки. Содержание: Слово Андрея Денисова «откуда и како познати подобает посреде раздоров истинную Христову церковь» (нач.: «Блажен град от благочестивых царей царствующий...»); в рукописи название «Слово о вере»; «Сказание о князе, како он спасся во едину ночь, и о иереи, како его направи»; выписки из поучений Григория Амиритского, Номоканона, Потребников, Катихизиса, Патериков и др.; выписки из Мефодия Патарского, Симеона Богослова, Василия Великого, Свитака многословного, Кирилловой книги, из Жития Максима Исповедника, «от книги Даниила архиепископа русского, глава 8» и др.; Сказание о муках, претерпевших Христом «нашего ради спасения»; Поучение о ленивых («еже нехотящим делати своима руками») с сильными фольклорными элементами; выписки из Кормчей, Зонара, Дионисия Ареопагита, Исаака Сирина, Захария Копыстенского и др.

От А. Г. Волкова (Нидеркуны, г. Даугавпилс).

39(245). Отрывок сборника духовных стихов, XIX в. (посл. четв.), в 8-ку, 16 л., подражание печатному, без обложки, начальных и конечных листов недостает. Содержание: Стих об Иосифе прекрасном (без начала); Стих о смертной памяти (нач.: «Взыде ты, человеце, на Сионскую гору...»); Стих о разлучении души от тела (нач.: «Всяк человек из земли живет...»); Стих о плаче Адама; «Стих о смерти» (нач.: «Взираи с прилежанием, тленный человеце...»), и др.

От Д. А. Суворова (дер. Бесовка).

40(246). «Сын церковный», XIX в. (посл. четв.), в 8-ку, 30 л., подражание печатному, без обложки. Отсутствуют начальные и конечные листы.

От Д. А. Суворова (дер. Бесовка).

41(247). Фрагмент из всеобщего бдения, на крюках, XIX в. (посл. четв.), в 8-ку, 20 л., полуустав, части листов недостает, без обложки. Содержит кафизмы, тропари и кондаки. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие. Имеется демество столповым знаменем.

От М. Л. Васильевой (дер. Люлюшки).

42(248). Сборная рукопись, XIX в. (посл. четв.), в 4-ку, 54 л., полуустав и подражание печатному разных почерков, без перешлета. Имеется одна орнаментированная заставка на л. 20. Содержит: «О крузе церковном» — старообрядческое сочинение, свод выписок из разных книг о поведении христианина (в том числе против пьянства, общения с еретиками, об одежде и играх и т. п.); выписки из «Бесед апостольских» Иоанна Златоуста; Иоанна Златоуста слово о гордыни, и др.

От И. И. Карасева (дер. Войтишки).

43(249). «Чин и Устав чтения псалтыря надгробного и во гроб положения и вынос из дома умершаго», XIX в. (конец), в 4-ку, 11 л., подражание печатному, без обложки. В заглавии написано: «Выписано с Москвы, с Преображенского кладбища».

От И. И. Карасева (дер. Войтишки).

44(250). Канон мученикам Кирику и Улите, XIX в. (конец), в 4-ку, 6 л., полуустав, без обложки.

От П. Е. Орлова (г. Резекне).

45(251). Канон российским чудотворцам, XIX в. (конец), в 4-ку, 11 л., подражание печатному, без обложки.

От Ф. Н. Арефьева (г. Субата).

46(252). Ирмологий с розниками на крюках и Азбука певческая, XIX в. (посл. четв.), в лист, 155 л., полуустав, имеются

орнаментированные инициалы, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, сохранилась одна из двух медных застежек. По некоторым листам следуют фенологические пометы от 1888 г. Азбука содержит изображение горюсходного холма, проучки, имена знамени и поступки. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие. По словам односельчан, рукопись изготовлена И. Добрецовым (см. его роспись на первых и последних лл.).

Из общины дер. Кампишки.

47(253). Отрывок сборника канонов, XIX в. (конец), в 4-ку, 22 л., подражание печатному, без обложки. Имеются орнаментированные заставки. Содержатся каноны Николе чудотворцу, Кресту животворящему, Богородице Одигитрии.

От П. Е. Орлова (г. Резекне).

48(254). Октоих на крюках (только начало), XIX в. (конец), в 8-ку, 19 л., подражание печатному, без обложки. Владельческие записи крестьянина М. Васильева, Николая Никитина Шутина. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

От Д. Л. Самсонова (дер. Ульяново).

49(255). Повесть о царе Агее и Свиток Иерусалимский, XIX в. (конец), в 4-ку, 11 л., подражание печатному, без обложки. На л. 11 об. помета: «Переписать эту историю».

От Д. А. Суворова (дер. Бесовка).

50(256). Сборник, XIX в. (конец), в 4-ку, 23 л., полуустав, без обложки. Содержит: Чудо св. Симеона о пресвитере; Память Иоанна архиепископа Новгородского; Слово «еже не осуждати согрешающих»; Св. Стефана поучение; Слово о юноше, совлачившем мертвеца; Слово о гневе; Слово о юноше, ковавшем крест; Слово о покаявшемся епископе; Слово о Давыде, бывшем разбойнике; Память преп. отца Евфросина, и др.

От О. Л. Самсонова (дер. Ульяново).

51(257). Сборник, XIX в. (конец), в 4-ку, 101 л., полуустав, переплет не сохранился. Содержание: краткие выписки из Маргарита, Потребника, Златоуста, Григория Амиритского и других книг; выписки из послания Киприяна митрополита во Псков 1449 г., из Устава Соловецкого, Никона Черногорца, Кормчей и других книг; выписки из посланий Федора дьякона, Феоктиста священноинок, попа Лазаря, Авраамия страдальца, патериков, Апокалипсиса; Похвала Богородице (из «Нового неба»); выписки из послания патриарха Филарета, из Григориева видения, из сочинений Анастасия Синайского, Василия Великого; Василия Великого видение о пьянстве и выписки из разных книг о том же (в том числе пословицы и афоризмы): Слово о молитве Исусовой; Сказание о 12-ти пятницах; Беседа трех святителей, и др.

От А. Л. Самсонова (дер. Ульяново).

52(258). Сборник певческий, на крюках, 1898 г., в 4-ку, 206 л., подражание печатному, писец — Корнилий Архипов Сидоров (см. приписку на л. 188 об.), переплет — доски, покрытые тисненой кожей со следами двух застежек. Владельческие записи И. Е. и Н. А. Филимоновых. Имеются орнаментированные инициалы и концовки (л. 188). Содержит всенощное бдение, тропари и кондаки праздничные и триодные, канон Пасхе, Обиходник постный, трезвоны, Чин погребения. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие. Имеются варианты распевов, «Кириллов перевод», большое и малое знамя, демество столповым знаменем.

Из общины дер. Кампишки.

53(259). Память и канон великомученику Федору Стратилату, XIX в. (конец), в 8-ку, 22 л., полуустав двух почерков, в картонном переплете.

От П. Т. Стрелкова (г. Даугавпилс).

54 (260). Чин погребения, XIX в. (конец), в 4-ку, 26 л., подражание печатному, в картонном переплете с кожаным корешком.

От И. И. Карасева (дер. Войтишки).

55(261). Сборная рукопись — конволют духовных стихов. XIX в. (конец)—XX в. (начало), в 4-ку, 163 л., полуустав и подражание печатному, в картонном переплете с кожаным корешком. Владельческая запись мещанки Ф. П. Егупенковой (Вильнюс). На л. 78 помета: «Сей стих сочиня и своеручно написал духовный отец Симен Федорович Егупенок, месяца декабря 1 дня 1899-го года в г. Пскове». Содержание: «Стихословия, поемыя... на свадебных и прочих христианских благочинных вечеринах» — 35 духовных стихов, первые строки которых распеты на крюках, — гектографическое издание; С. Ф. Егупенок. «Стих правоучительный, составленный для того, чтобы помнить всегда о смерти и загробной жизни»; Стих «Соберитесь хором все девицы...»; Стих о потопе (нач.: «От начала было века...»); М. В. Ломоносов. «Стих утреняго ради размышления о божиим величестве» и «Вечернее размышление о божием величестве» (начало 1-го стиха распето на крюках); Стих о браке в Кане Галилейской; «Стих Цветоносию» (нач.: «Радуйся зело, дщи Сиона...»); «Стих Воскресению» (нач.: «Се ныне радость духовная...»); Стих о втором пришествии (нач.: «Да воскреснет небесный царь...»); Стих об изгнании Адама и Евы из рая, на крюках; Стих преболезненного воспоминания о озлоблении кафоликов; Стих «Введению Богородицы». (нач.: «Патриарси триумфуйте...»), на крюках; Стих о смирении (нач.: «Боже, зри мое смирение...»), на крюках; Стих Пасхе (нач.: «Се ныне радость...»); Стих «Егда придет кончина сего света...»; Стих «Глас 7» (нач.: «Всяк человек на земли живет как трава...»); Стих о пустыне (нач.: «Что за чудную превратность...»); Стих колыбельный Богородицы; Стих покаянный «Доколе, душе моя, в лености...», на крюках; Стих покаянный «Придете, вси человецы, разумеите суету...», на крюках; Стих о Каине, на крюках; Стих «Как уныло занывает...», на крюках (во всех крюковых распевах употреблено столбовое знамя с киноварными пометами и признаками, текст истинноречный); Стих узника «Поздно, поздно вечерами...»; Стих юного отшельника; «Молитвенная песнь души, стремящейся от тленности земной к вечности небесной» (нач.: «Слава, слава в вышних богу...»).

От Н. А. Прусакова (г. Вильнюс).

56(262). Фрагменты из Ирмология и Октоиха на крюках, XX в. (начало), в лист, 8 л., подражание печатному, без обложки. Имеются орнаментированные киноварные инициалы. Столбовое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

Из общины дер. Кампишки.

57 (263). Октоих, на крюках, XX в. (начало), в 4-ку, 51 л., полуустав, в картонном переплете. Имеется полистная запись М. О. Трошкова и «№ 33». Столбовое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

От И. И. Карасева (дер. Войтишки).

58(264). Сборник, XX в. (начало), в 4-ку, 33 л., подражание печатному, без обложки. Содержит: Канон Неопалимой купине; Канон Федоровской иконе Богородицы; Слово на Рождество Христово против языческих обрядов; Чин службы Одигитрии (старообрядческий).

От П. Е. Орлова (г. Резекне).

59(265). Сборная рукопись, XX в. (начало), в 4-ку, 60 л., полуустав без переплета. Содержит: выписки из разных книг о таинстве причащения; Сказание о воздвижении хлеба пречистой Богородицы; Сказание о некоем мучителе своих рабов подручных; выписки из разных книг о церковных правилах; поучение «зело красно» к попам: «Подобает быти священником смысленным и хитрым книгам...»; выписки из Хронографа и Кормчей; Служба апостолам Стахию и Амплию; выписки о молении за здравие верных; федосеевские ответы числом 23 по раз-

личным вопросам христианской жизни; правила федосеевские о принятии исповеди.

От А. Г. Волкова (Нидеркуны, г. Даугавпилс).

60 (266). Стихира празднику Богородицы, на крюках, XX в. (начало), настенный лист, 35×25,5 см, полуустав. Столповое знамя с киноварными пометами и признаками, истинноречие. Текст заключен в рамку.

От М. Т. Петровой (дер. Московская).

61 (267). Сборник канонов, XX в. (начало), в 4-ку, 86 л., полуустав, без обложки. Содержит каноны Симеону Столпнику, Михаилу архистратигу, Варваре великомученице, Екатерине великомученице, Внифантию мученику и др.

От А. Г. Волкова (Нидеркуны, г. Даугавпилс).

62 (268). Житие Кирика и Улиты, XX в. (начало), в 8-ку, 16 л., подражание печатному, без обложки, начальных и конечных листов недостает. По словам дарительницы, переписчиком Жития был Карп Федорович Богданов (ум. 1918 г.).

От Ф. Ф. Агафоновой (дер. Королевщина).

63 (269). Отрывок сборника духовных стихов, XX в. (начало), в 16-ю долю листа, 27 л., подражание печатному, без обложки. На л. 9 помета Захария Афанасьева. Содержание: Стих узника-изгнанника; Стих заветельный умирающей матери; Чин погребения мирянам.

От Л. Е. Калининой (дер. Криваны).

64 (270). Сборная рукопись проповедей на русском языке, сочиненных, вероятно, каким-то старообрядческим наставником, XX в. (начало), в 4-ку, 27 л., полуустав, без обложки. Содержание: Поучение в 1-ю неделю Великого поста; Поучение в начало индикта; Поучение на Покров Богородицы; Поучение о сохранении святоотеческих обычаев.

От А. Г. Волкова (Нидеркуны, г. Даугавпилс).

65 (271). «Безпристрастное изложение, почему старообрядцы сомневаются вседушно приступить к единой из двух ныне существующих в России церквей», XX в. (начало), в 8-ку, 24 л., полуустав, без обложки.

От А. Г. Волкова (Нидеркуны, г. Даугавпилс).

66 (272). Сборник, XX в. (начало), в 8-ку, 63 л., подражание печатному, от переплета сохранилась только нижняя крышка из картона. Начальных и конечных листов недостает. Содержание: эсхатологические толкования на речения о божием суде и о последних временах; Слово «что есть знамение совершенного христианина»; Эпистолия Иисуса Христа в Рим.

От П. Е. Орлова (г. Резекне).

67 (273). Канон усопшим и за единоумершего, сборная рукопись, XX в. (начало), в 8-ку, 23 л., полуустав разных почерков, без обложки, без начала и конца, имеются пометы Антона и Тимофея Григорьевых и некоего Леонтия.

Из общины дер. Кампишки.

68 (274). Стихиры и другие песнопения, избранные из певческого Октоиха, изданного ОЛДП, для единоверческих школ иереем Федором, 1907 г., гектографическое издание Витебской губернской типографии, в 4-ку, 12 л., полуустав, в бумажной обложке, Столповое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие.

От М. Т. Петровой (дер. Московская).

69 (275). Отрывок певческого сборника, на крюках, XX в. (1-я четв.), в 4-ку, 26 л., подражание печатному, без обложки. Содержит стихиры, кондаки и тропари на разные праздники, канон Троице, стихиру «Плач Адама» и др. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие. Имеется демество столповым знаменем.

От Х. Н. Михайловой (дер. Данишевка).

70 (276). Отрывок певческого сборника, на крюках, XX в. (1-я четв.), в 4-ку, 26 л. из школьной тетради в клетку, подражание печатному, без обложки. На обороте последнего листа карандашом записаны чьи-то самодельные стихи с акростихом «Зина». Содержит блаженны на 8 гласов, кондаки избранным святым и праздникам и др. Столбовое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие.

От Х. Н. Михайловой (дер. Данишевка).

71 (277). Сборник поучений и проповедей наставника А. Филимонова, XX в. (1-я четв.), в 4-ку, 20 л., подражание печатному и скоропись, без обложки.

От М. Т. Петровой (дер. Московская).

72 (278). Всенощное бдение, на крюках, XIX в. (конец), в 4-ку, 19 л., подражание печатному, без обложки, начальных и конечных листов недостает. Столбовое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие.

От П. Е. Орлова (г. Резекне).

73 (279). Стих духовный о смерти «Вчера с другом я сидел, ныне смерти жду предел.» — переработка известного текста, сделанная наставником Виленской общины Семеном Федоровичем Егупенком, XX в. (20-е гг.), в лист, 1.5 л., машинопись, без обложки.

От Н. А. Прусакова (г. Вильнюс).

74 (280). Отрывки из Октоиха, на крюках, XX в. (1-я треть), в 4-ку, 25 л. школьной тетради в линейку, подражание печатному, без обложки. Столбовое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие.

От П. Е. Орлова (г. Резекне).

75 (281). Песнопения знаменного распева в пятилинейной нотации, XX в. (1-я треть), 7 л. разного формата. На нотной бумаге. Содержат отрывки из разных певческих книг, выписанные для нужд единоверческого священника.

От М. Т. Петровой (дер. Московская).

76 (282). Литургия Иоанна Златоуста, на крюках, XX в. (1-я треть), в лист, 24 л., подражание печатному, имеются орнаментированные в красках заставки и инициалы, без обложки. Столбовое и демественное знамя с киноварными пометами, новое истинноречие. Имеются греческие тексты, переданные славянской транслитерацией.

От М. Т. Петровой (дер. Московская).

77 (283). Азбука столбового знаменного пения, на крюках, 1931 г., в 4-ку, 130 л., подражание печатному, без переплета, имеются орнаментированные инициалы. На последнем листе выходная запись: «Сию богодухновенную книгу, нарицаемую Азбука солевая, списал головщик Филарет Маркович, взял перевод из ласк (?) у Нила Ивановича, окончил 27 февраля 1931 года, а начел писать 27 января 1931 года». Содержание: проучки, имена знамени и поступки, строки ирмолойные и октайные по гласам, кокизник, фитник, толкование строкам и крюкам, символическое толкование крюков (весьма редкое).

Из общины дер. Кампишки.

78 (284). Отрывок сборника, 1935 г., в 4-ку, 10 л., новейшая скоропись, без обложки. Содержание: Сон Богородицы; Стих о плаче Богородицы при распятии Христовом; Стих о плаче Иосифа прекрасного (без конца).

От И. И. Карасева (дер. Войтишки).

79 (285). Канонник, XX в. (2-я четв.), в 8-ку, 71 л., подражание печатному, в бумажной обложке. Владельческая запись Ф. Н. Арефьева.

От Ф. Н. Арефьева (г. Субате).

80 (286). Псалмы «Хвалите господа с небес» и «Благодарю Господа на всякое время», на крюках, XX в. (2-четв.), в 8-ку, 11 л., полуустав, почерк М. А. Власова, в бумажной обложке.

Столповое знамя с киноварными пометами и признаками, текст истинно-речный.

От Л. Е. Калининой (дер. Криваны).

81 (287). Избранные ирмосы и кафизмы, на крюках, XX в. (2-я четв.), в 8-ку, 133 л., подражание печатному, почерк М. А. Власова, в фанерном переплете, корешок обгорел. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

От Ф. Н. Арефьева (г. Субате).

82 (288). Грамота Иоанна епископа Рижского о благословении и рукоположении дьякона Сергия Леоннова в единоверческие священники Якубинского прихода, 1943 г., в лист, 2 л., полуустав. Имеется красочная заставка плетеного стиля.

От М. Т. Петровой (дер. Московская).

83 (289). Песнопения к службам Николе Чудотворцу, Иоанну Богослову, Петру и Павлу и др., на крюках XX в. (середина), в 4-ку, 48 л., подражание печатному, без обложки. Столповое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие. Имеется демество столповым знаменем.

От Х. Н. Михайловой (дер. Данишевка).

84 (290). Песнопения к встрече архиерея, на крюках, XX в. (середина), в лист, 5 л., подражание печатному, без обложки. Имеются тексты на греческом языке в славянской транслитерации. Упомянуто имя митрополита рижского Вениамина. Столповое знамя с киноварными пометами, истинноречие.

От М. Т. Петровой (дер. Московская).

85 (291). Избранные хвалебные песнопения богу и Богородице, на крюках, XX в. (середина), в лист, 10 л., подражание печатному, без обложки. Столповое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие. Имеется демество.

От В. М. Егорова (дер. Застенки).

86 (292). Пасхальные песнопения и канон Пасхе (печатный: М., 1911), XX в. (1911 г.—середина), в 8-ку, полуустав, почерк М. А. Власова, его же дополнения к печатному канону, в картонном переплете.

От Л. Е. Калининой (дер. Криваны).

87 (293). Стихиры воскресные возвашные, богородичны на 8 гласов и воскресные на возвашных, XX в. (середина), в 8-ку, 68 л., полуустав, почерк М. А. Власова, в картонном переплете.

От Л. Е. Калининой (дер. Криваны).

88 (294). Стихиры триодные, XX в. (середина), в 8-ку, 43 л., полуустав, почерк М. А. Власова, в картонном переплете.

От Л. Е. Калининой (дер. Криваны).

89 (295). Каноны по умершим, XX в. (середина), в 4-ку, 32 л., подражание печатному, в картонном переплете.

От М. Л. Васильева (дер. Люлюшки).

90 (296). Поддельное письмо монахов Киево-Печерской лавры Петру I с просьбой отменить Указ о снятии колоколов в церквях на Руси (очевидно, имеется в виду указ Петра I, данный после поражения под Нарвой в ноябре 1700 г.) за подписями Семена, Парфея, Афанасия, Прасковиды (?). 1970-е гг., 1 л. тетради в клетку, подражание печатному (список шариковой ручкой).

От П. Е. Орлова (г. Резекне).

91 (297). Чин исповеди, 1973 г. (11 февраля), в 8-ку, 31 л., подражание печатному, писец К. Богданов (см. л. 29), в дермантиновой обложке.

От П. К. Ефремова (дер. Бондаришки).

92 (298). «Сказание о смерти некоего мистра великого философа» («Разговор магистра Поликарпа со смертью»), машинописная копия на трех листах, сделанная С. И. Николаевым с рукописи XIX в. (1-я треть). «Сказание» входило в состав сборника (л. 311—315 об.) в 8-ку, на 364 л., писанного полууставом, переплет — доски в коже, принадлежащего П. Т. Стрелкову (г. Даугавпилс).

2. Рукописи, найденные летом 1982 г.

1 (299). Сборник, 1749 г., в 8-ку, 74 л., скоропись, заглавия киноварные, в картонном переплете с кожаным корешком. На л. 2 печать Володинской старообрядческой общины и «№ 31». Содержание: 1) Риторика. «Часть общая риторики, философии и богословии глаголю» (нач.: «О расположении. Есть сия часть полезна уму и памяти, яко же ритор, тако и слушателя. . .»), в 8 главах, текст не изучен; аналогичный список см.: БАН, собр. Дружинина, № 123 (154), л. 345—383 об.; 2) Стефан Яворский. «Ответ на некая истязания богословская» или «Изъявление вопросов богословских» (начало ответа: «Предисловие. В первых ведати предлежит, яко вся сия три истязания богословская, а не философская. . .»), перед заглавием приписка писца: «Сие из саморучной списано 1749 года в Москве» (см.: Українські письменники. Сост. Л. Махновец. Киев, 1960, т. 1, с. 607; 3) «О души, како и откуда в нас. Катехисис большой. Глава 59» (нач.: «Вопрос: Раждается ли душа в нас. . .»), в Катехисисе Лаврентия Зизания этот же текст в главе 71 (см. издание: М., 1627); 4) «О месте пребывания во чреве матере младенца. Из книги Максима Грека, глава 50, от пророчества Иезекилева» (нач.: «Сказание. Вельми хваляхуся жидове девством Авраамовым. . .»), только первая страница.

От И. Ф. Семенова (дер. Володино).

2 (300). Отрывки из приходно-расходной книги новгородского Духова монастыря (при архимандрите Пахомии) за 1758—1759 гг. Скоропись. Часть листов не расклеена, так как использовалась в переплете другой книги.

От П. Т. Стрелкова (г. Даугавпилс).

3 (301). Отрывок сборной рукописи канонов по умершим, XVIII в. (60-е гг.)—XIX в. (середина), в лист, 14 л., полуустав двух почерков, начала и конца недостает, без обложки. Имеется помета Василия Тимофеевича.

От П. Т. Стрелкова (г. Даугавпилс).

4 (302). Отрывок сборника, XIX в. (начало), в лист, 5 л., подражание печатному, без обложки, заглавия киноварью. Содержит: Сказание о Макарии египтянине, нашедшем в пустыне череп идольского жреца; Повесть о Федоре купце (из Пролога, 31 октября); Иоанна Злауста поучение «како востати в ноци молитися» (только начало).

От Г. Т. Зиль (дер. Володино).

5 (303). Месяцеслов-святцы, XIX в. (20-е гг.), в 16-ю долю листа, 133 л., полуустав, на л. 7 орнаментированная заставка в красках, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с одной медной застежкой. На обороте верхней крышки запись: «Сия книга званием Святцы, цена ей руб серебром, наставника Иосифа Мироневича Рыбака и Анисима Федорова». В месяцеслове встречаются архаичные названия месяцев: березозол, кветень, червец, липец. Счет месяцев ведется с марта. Святцы дополнены отпусками на разные праздники.

От И. Ф. Семенова (дер. Володино).

6 (304). Сборник, XIX в. (1-я четв.), в 4-ку, 20 л., полуустав, без обложки, заглавия киноварные. Содержит: Поучение ко всем христианам «еже не упиватися» (см. Пролог, 7 апреля); Слово о милостыни («Повесть выписана из летописца Кесарии Кападокийския при Василии Великом»); Повесть о покаянии некоего князя, «о иереи, иже его

како исправи» (из Великого Зерцала); Житие преподобной Афанасии игуменьи (см. Пролог, 12 апреля). Только начало.

От П. Т. Стрелкова (г. Даугавпилс).

7 (305). Сборная рукопись, XIX в. (30-е гг.), в 8-ку, 118 л., подражание печатному и скоропись разных почерков, имеются пометы Никиты Федуловича и Устина Денисова (1837 года), переплет не сохранился, л. 56—60 и 63 без текста. Содержание: Скитское покаяние; выписки о поминании усопших; наставления о чтении молитв; Чин исповеди; выписки «из книги Федора Васаламона» о табаке, чае, кофее, сахаре и т. п.; «блаженны» воскресные, молитвы Богородице, кондаки и тропари и др.; «Лист» Иисуса Христа; «Слово святых отец о святых преподобных отцах, беседующих о пустынных жителях и о церковном собрании и о причащении тела и крови Христовых в лето от Рождества Христова 1006-е» (нач.: «Яко пустынные жители не требуют жертв видимых. . .») — старообрядческое сочинение о причастии; «О антихристе и о скончании мира и о страшном суде свидетельство от святого писания, глава 30» (нач.: «Господь наш и Спас наш Иисус Христос в святом Евангелии соблюдая правоверных тако глаголет. . .») — старообрядческое сочинение; выписки из толкового Евангелия, Катихизиса и других книг.

От Я. Л. Платкова (дер. Лауцесе).

8 (306). Службы Покрову пресвятой Богородицы и Усекновению главы Иоанна Предтечи, XIX в. (30-е гг.), в лист, 33 л., полуустав, заглавия киноварные, на л. 16 орнаментированная чернильная заставка, без обложки.

От А. Ф. Ковальчукова (дер. Ащуки).

9 (307). Отрывок сборной рукописи, XIX в. (1-я треть—конец), в 4-ку, 12 л., полуустав и подражание печатному, без обложки. Содержит Слово о несохранении языка (без начала и конца) и Слово на Рождество Христово (без начала).

От П. Т. Стрелкова (г. Даугавпилс).

10 (308). Сборник, XIX в. (40-е гг.), в лист, 38 л., полуустав, заглавия киноварью, на л. 1 орнаментированная заставка чернилами и киноварью, имеются киноварные орнаментированные инициалы, в картонном переплете с матерчатым корешком, на внутренней стороне нижней крышки переплета рисунок карандашом, изображающий нахоту (?). Содержит: Слово на Благовещение Богородицы; Иоанна Златоуста слово на Благовещение Богородицы; Житие и чудеса Георгия великомученика.

От И. Ф. Семенова (дер. Володино).

11 (309). Цветник священноинока Дорофея, XIX в. (середина), в лист, 50 л., полуустав, от картонного переплета сохранилась верхняя крышка и кожаный корешок, заглавия киноварью, имеется запись Афанасия Федотова о приобретении книги у Ивана Кузьмича в дер. Гурилишки за 2 рубля. Сохранились только первые 14 глав.

От А. Ф. Ковальчукова (дер. Ащуки).

12 (310). Псалтырь с воследованием, 1868 г., в 4-ку, 388 л., полуустав, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя медными застежками. Имеется довольно грубое изображение царя Давида (л. 27 об.) и в такой же манере заставки чернилами: На л. 1 дарственная надпись Пушкинскому Дому «ревнителю старины» Ф. М. и И. М. Ерофеевых.

От Ф. М. и И. М. Ерофеевых (дер. Ащуки).

13 (311). Поучение Иоанна Златоуста о матерном слове, XIX в. (3-я четв.), в 4-ку, 2 л., подражание печатному, без обложки, имеются грубо орнаментированные чернильные инициалы.

От П. Т. Стрелкова (г. Даугавпилс).

14 (312). Сборник, XIX в. (посл. четв.), в 8-ку, 168 л., подражание печатному (с л. 120 текст карандашом), переплет — доски, покрытые кожей. Содержит краткую летопись бегствующего священства, ска-

зания, слова и поучения из Измарагда, патериков, Пролога, Великого Зеркала, стихи духовные, краткие выписки о Павле Коломенском, протопопе Аввакуме, апокрифы и др.

От И. А. Михайловой (дер. Острова).

15 (313). Сборник, XIX в. (последн. четв.), в 4-ку, 150 л., подражание печатному нескольких почерков, имеются орнаментированные в две краски заставки, концовки и буквы. Переплет картонный с холщевым корешком. Владельческие пометы карандашом Евдокима Семеновича Андреева и Малафея Дегтярева (дер. Застенки Люнишки). Содержит старообрядческие полемические сочинения, Прение Живота и Смерти, повесть о 12 снах царя Мамера, повести, слова и поучения из Великого Зеркала, патериков, Пролога, жития Алексея человека Божия, Кирика и Улиты, преп. Агапия, память Антония Римлянина и др.

От И. Ф. Семенова (дер. Володино).

16 (314). Слово Иоанна Златоуста на Рождество Христово и о испытании волхвов и о избииении младенцев, XIX в. (последн. четв.), в 4-ку, 18 л., подражание печатному, без обложки.

От И. А. Михайловой (дер. Острова).

17 (315). Слово о злых и добрых женах (из книги «Пчелы»), XIX в., (конец), в 4-ку, 6 л., подражание печатному, без обложки.

От Я. Л. Платкова (дер. Лауцесе).

18 (316). Отрывок сборника, XIX в. (конец)—XX в. (начало), в 4-ку, 12 л., подражание печатному, без обложки. Содержит: Чудо великомученика Георгия о змие; Тропарь Рождеству Христову (на крюках); Стихира Покрову Богородицы (на крюках; столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие; путевой распев столповым знаменем); Чин чтения Псалтыря надгробного («Выписано с Москвы с Преображенькова клатбища устав»).

От П. Т. Стрелкова (г. Даугавпилс).

19 (317). Чин крещения и чин исповеди (потребник малый), XX в. (начало), в 8-ку, 112 л., полуустав, переплет картонный с кожаным корешком.

От А. Н. Складова (колхоз «Искра»).

20 (318). Стихиры Рождеству Христову (из Стихиаря праздничного), на крюках, XX в. (1-я четв.), в 8-ку, 12 л., полуустав, в картонном переплете, покрытом тканью. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

От И. А. Михайловой (дер. Острова).

21 (319). Потребник малый с дополнением вопросов старопоморских, XX в. (1-я четв.), в 8-ку, 197 л.; подражание печатному, в картонном переплете с матерчатым корешком. Список с издания Преображенской типографии (М., 1910).

От И. А. Михайловой (дер. Острова).

22 (320). Песнопения канона Рождеству Христову, XX в. (1-я четв.), в 8-ку, 14 л., полуустав, без обложки. На л. 13 об. запись: «Дарю на память для Кати Прокофьевны Кириловой, с подлинным верно, Нил Иванович Добрынин (?) дер. Лоси Узулуйжеской волости Режицкого уезда Кампишской старообрядческой общины». Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

От М. И. Куприяновой (дер. Ащуки).

23 (321). Сборник, XX в. (1-я четв.), в 4-ку, 24 л., подражание печатному, без обложки. Содержит: «Слово о западных сиречь о забывших (душах)» («Из книги камень Измарагд, слово 93»); «Слово о некоем мнихе, впадающем по вся дни в блуд и паки кающемся» (из Патерика); «Слово о жене каившейся и не исповеда греха токмо единого» (из Великого Зеркала); «Слово на украшающих себя прелестными ризами и яко удица дьяволя есть ризное украшение» («Из древлеписьменной книги

властодержкицы Георгиева (так! монастыря); Повесть «иже слушают службу Божию спасаются, а не слушающие погибают» (из Великого Зерцала); Повесть «яко зде лучши скорбети и беды приимати, нежели тамо» (из Великого Зерцала).

От А. Ф. Ковальчукова (дер. Ащуки).

24 (322). Стихира «Творец и избавитель мой...», глас 7, на крюках, XX в. (1-я четв.), настенный лист, 25×39 см, подражание печатному. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

От Я. Л. Платкова (дер. Лауцесе).

25 (323). Сборник, XX в. (1-я четв.), в 4-ку, 12 л., подражание печатному, в школьной тетради с бумажной обложкой. Содержит: Выписки из воскресного Евангелия; Слово о сапожнике, «его же обрете царев писец в полунощи» (28 мая); Выписки о творении памяти по усопшим; Выписки о стрижении бороды.

От И. А. Михайловой (дер. Острова).

26 (324). Канон по умершему, XX в. (1-я половина), в 4-ку, 14 л., подражание печатному, без обложки (листы из школьной тетради).

От А. Н. Складова (колхоз «Искра»).

27 (325). Сборник заговоров и молитв, 1938 г., в 8-ку, 38 л., полуустав, писец Тимофей Савельевич Семенов из дер. Бикерники. Переплет картонный с матерчатым корешком. Имеются пометы с именами Лазаря Яковлева, Якова, Матрены. Содержание: 1) Молитвы «от всякой притчи», «над маслом болящему», больному и над больным, чинопоследование над больным и т. п.; 2) Краткие лечебные рецепты; 3) Заговоры: от глаза (нач.: «Водицы царица, Христова восточница...»), от «уроков» человеку (нач.: «Водица вода, царица совосточница...»), от «уроков» скотины (нач.: «Из буйной головы, с ретивого сердца...»); «Для скота стих» (нач.: «Утверждает господь Бог двор и скот и укреплет...»); «От урек стих» (нач.: «Могла миня матушка зачадить и спорадить...»); заговор от «краснухи» (нач.: «Черная чернява, белая белява, красная красава...»); от того же (нач.: «Красная красавица, белая белявица, денная денница...»); третий заговор от «краснухи» («стих») (нач.: «Синяя синица, желтая желтавица, красная красавица...»); «От лихаратки стих» (нач.: «Ни гори света, при тем дубом стоял столп огненной...»); «От лому в костях стих» (нач.: «От раба божия имярек и рабу божию имярек...»); «Возьми 3 угля в бани и на раны уговаривать на тех углях» (нач.: «Как етому углю на корню не стоять...»); на рану с гноем (нач.: «На море-окияне, на Лутаре камне стоит золотая гробница...»). Далее текст размыт, но можно с трудом разобрать, что записаны заговоры «от жары», «перед смертию», «от радимца», «от укушения гада», «от волка».

От И. А. Михайловой (дер. Острова).

28 (326). Сборник проповедей-поучений на разные случаи, составленный наставником Володинской общины И. Ф. Семеновым, XX в. (середина), в большой лист, 22 л., подражание печатному, без обложки. Содержит поучения на двенадцатые праздники, на погребения и т. д.

От И. Ф. Семенова (дер. Володино).

29 (327). Обиходник на крюках, XX в. (середина), в 4-ку, 151 л., полуустав, без переплета, часть тетрадей в середине и в конце рукописи отсутствует, тетради не сшиты. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

От И. А. Михайловой (дер. Острова).

А. М. ГРАЧЕВА, И. А. ЕВСЕЕВА, Е. Д. ЗАХАРОВА

Археографические экспедиции на Северную Двину 1981 и 1982 гг.

В 1981—1982 гг. совместные экспедиции Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР и филологического факультета Ленинградского гос. университета им. А. А. Жданова продолжили археографическую работу в Виноградовском и Верхнетоемском районах Архангельской области. В 1981 г. в ее составе были сотрудники Пушкинского Дома Е. Д. Захарова и Е. П. Ширмакова и выпускница ЛГУ Е. Э. Терентьева, а в 1982 г. — сотрудник кафедры истории русской литературы ЛГУ И. А. Евсеева, сотрудник Пушкинского Дома А. М. Грачева и студентки филологического факультета ЛГУ Н. В. Шухтина, С. А. Якунина, О. Б. Филановская, О. В. Сомкина.

Члены экспедиций обследовали районы, уже неоднократно посещавшиеся археографами, однако им удалось привезти ряд интересных находок, пополнивших Северодвинское собрание Пушкинского Дома 41 рукописью XVI—XX вв. В Отдел редкой книги Научной библиотеки ЛГУ им. М. Горького поступило 13 книг кирилловской печати XVI—XVIII вв.

Обе экспедиции начинали работу с обследования деревень Топецкого сельсовета, известного археографам с начала 70-х годов.¹ Многие местные хранители старинных книг и рукописей сейчас уже умерли, оставшиеся книги в большинстве случаев увезены родственниками. Однако в 1981 г. в Топсе и в ближайшем к ней с. Кургомень были сделаны неожиданные находки: в Топсе мы нашли лицевое Евангелие-тетр (№ 572) XVI в., в с. Кургомень Н. А. Чуракова передала нам еще 23 рукописи (в дополнение к тем 4 книгам, которые были приобретены экспедицией 1980 г.). Очевидно, все эти книги ранее составляли часть единой библиотеки, прежний владелец которой, к сожалению, неизвестен. Самой древней из них был Сборник святоотеческих и апостольских заповедей (№ 571) 30—40-х гг. XVI в. Среди других находок в с. Кургомень наиболее интересными были список Повести о Варлааме и Иоасафе XVII в. (№ 574) с миниатюрой, изображающей двух главных героев, и Сборник XIX в. (№ 588) с многочисленными пометами писца, комментировавшего переписанные им тексты. Сборник, в частности, содержит два послания протоппа Аввакума: одно — «братии на всем лице земном» (л. 39),² другое — к иноку Авраамию (л. 46 об.). Единственный список послания к иноку Авраамию был обнаружен в собрании ГИМ и опубликован В. И. Малышевым.³ Исследователь предполагал, что оно было написано

¹ См.: Демкова Н. С. Рукописи с Двины и Пинеги. — ТОДРЛ, М.; Л., 1970, т. 25, с. 330—332; Волкова Т. Ф., Литвинова Н. Н., Рождественская М. В. Археографические разыскания на Ваге и Северной Двине. — ТОДРЛ, Л., 1972, т. 27, с. 431—433.

² Ср.: РИБ, Л., 1927, т. 39, стб. 771—785.

³ Малышев В. И. Три неизвестных сочинения протоппа Аввакума и новые документы о нем. — В кн.: Доклады и сообщения Филологического института. Л., 1951, вып. 3, с. 263.

в 1666 г. в Николо-Угрешском монастыре.⁴ Экспедиция 1981 г. привезла еще один список этого редкого послания.

Следующий год показал, что теперь в районе сел Топса и Кургомень возможны лишь отдельные находки. Так, экспедиция 1982 г. получила в дар от Ф. Г. Вакорина старопечатный «Цветник» (Гродно, 1794), принадлежавший его отцу Г. М. Вакорию, известному археографам еще по прежним экспедициям. Были также найдены печатные «Псалтырь с воследованием» (М., Печатный двор, 1634), «Акафисты» (Киев, 2-я половина XVIII в.).

Далее маршрут предусматривал контрольную проверку ряда адресов в с. Борок. И Топса, и Борок за последнее время часто посещались археографическими, фольклорными и этнографическими экспедициями, а также, к сожалению, неоднократно подвергались нашествиям «любителей» старины, поэтому отношение населения к археографам было недоверчивым и настороженным. Все же в 1981 г. удалось приобрести 3 рукописи XIX в. (№ 577, 597, 598) и старопечатную «Псалтырь» В. Ф. Бурцова (М., 1640) с рукописными вставками. В 1982 г. были еще раз обследованы деревни Городок, Заўита, Затеда, Кулига. Члены экспедиции видели несколько старопечатных книг, в основном XVIII в., а в дер. Щепуново А. И. Голикова подарила археографам печатный «Часовник» (Почаев, 1794) и литографированные изображения строений Соловецкого монастыря начала XX в.

После с. Борок экспедиция 1982 г. разделилась. Одна группа выехала в пос. Рочегда, другая переправилась на противоположный берег Северной Двины в с. Тулгас, не посещавшееся археографами с начала 70-х гг. Тулгас — это куст деревень, где чередовались старообрядческие и православные поселения. К сожалению, большинство домов старообрядцев сгорело во время гражданской войны. Сплошное обследование деревень Гугаршино, Бор, Гляденово, Гора, Ланская, Левичи, Травничиха, Буланово, Нижний Конец показало, что книги у некоторых жителей все же сохранились. Так, предположительно книги имеются у В. С. Киткина (дер. Нижний Конец), который, однако, категорически отказался их показать. В дер. Ланской П. Ф. Ракитина передала экспедиции печатное напрестольное Евангелие (М., 1896) в бархатном окладе, украшенном кованными изображениями евангелистов. Члены экспедиции попытались прояснить известные еще с 70-х гг. предания о «Летописи» с. Тулгас, ведшейся с XVIII в. Выяснилось, что какая-то старинная метрическая книга действительно существовала и была взята у последнего псаломщика тулгасской церкви бывшим жителем Тулгаса В. И. Гагариным, предполагавшим написать историю родного края. Однако узнать точно его место жительства не удалось. Сейчас старообрядцев в Тулгасе не осталось, но единичные находки старинных книг здесь еще вполне возможны.

В пос. Рочегда А. Е. Олифина, доброжелательное отношение которой существенно помогло археографам в их поисках, передала в дар Древлехранилищу рукописный сборник 80—90-х гг. XVIII в., содержащий слова и поучения отцов церкви, духовные стихи, Житие Алексея, человека Божьего, а также рукописный служебный сборник конца XIX в. При ее посредничестве еще две рукописи XVIII в. передала Т. Е. Чупракова. От Е. А. Рашовой, с книгами которой археографы были уже знакомы по прежним поездкам, получена рукописная Псалтырь с воследованием конца XIX в. Итоги 1982 г. показали, что экспедиционная работа в пос. Рочегда должна быть продолжена.

В следующем пункте работы экспедиции — в с. Нижняя Тойма — были найдены два рукописных сборника XIX в., принадлежавшие прежде А. П. Пахомовой. Здесь же у А. И. Третьяковой сохранились и

⁴ Там же, с. 260.

были переданы в дар Древлехранилищу Киево-Печерский патерик (Киев, 1651) и Псалтырь с воследованием (М., 1634), бережно реставрированная в конце XIX в. кем-то из местных книжников. Печатный сборник акафистов 2-й половины XVIII в. с обширной рукописной вставкой и рукописную Псалтырь с воследованием конца XIX в. передала экспедиция Е. А. Немытышева. В дер. Слуда А. И. Хлезина принесла с повети печатный «Цветник» конца XVIII в. Данная находка оказалась единственной в этом районе.

В Прилуке удалось найти рукописный Устав о христианском житии последней трети XIX в. — одну из книг когда-то богатого собрания И. П. Гавзовой. Книгу передала археографам ее племянница Е. А. Викторова. По ее словам, большую часть книг этого собрания увез В. Ф. Щепин — книголюб из Верхней Тоймы. Обследование сел Афанасьевское и Фиши оказалось безрезультатным.

Итоги экспедиций 1981—1982 гг. дают основание предполагать, что книжные находки в этих районах Архангельской области еще возможны. Рукописи, пополнившие Северодвинское собрание Древлехранилища, не только являют собой прекрасные образцы местной крестьянской книги, они расширили наши представления о круге произведений, читавшихся и переписывавшихся здесь на протяжении нескольких столетий.

Рукописи, привезенные археографической экспедицией 1981 г.

1 (571).⁵ Сборник святоотеческих и апостольских заповедей, XVI в. (30—40-е гг.), в 4-ку, 52 л., полуустав, переплет картонный. Начало и конец не сохранились. Содержит епитимейники, правила, святоотеческие и апостольские заповеди, толкования св. Василия священническому чину, церкви, божественной литургии и символу веры.

2 (572). Евангелие-тетр, XVI в. (посл. четв.), в 4-ку, 219 л., полуустав, переплет — доски в бархате с двумя застежками.

3 (573). Сборник певческий (крюковой), XVII в. (2-я четв.), в 8-ку, 290 л., полуустав, переплет — доски, покрытые бархатом. На л. 5—92 скрепа: «Сия книга Ирмолой Архангельской округи и губернии. и Верхоякудокурской волости, и деревни Филимоновской крестьянина Стахей Григорьева сына Буланова, подписал своеручно 1794-го года марта 14 числа. Сия святая и боговдохновенная книга Ирмолой Архангельской губернии и округи Верхоякудокурской волости, деревни Филимоновской крестьянина чернососошного Стахей Григорьева сына Буланова, подписал своеручно 1794-го года марта 14 числа». Содержит Ирмологий с розниками, Октоих, Блаженны октайные, Часы царские на Рождество и Богоявление, Стихирарь праздничный от Вознесения до Успения (фрагмент).

4 (574). Повесть о Варлааме и Иоасафе, XVII в. (посл. треть), в 4-ку, 81 л., полуустав, переплет картонный. На л. 1 об. наклеена миниатюра с изображением Варлаама и Иоасафа (на подложке из бересты).

5 (575). Сборная рукопись, XVIII в. (конец) — XIX в. (начало), в 4-ку, 49 л., полуустав (л. 1—40) и скоропись, переплет картонный. Содержит стихи о Борисе и Глебе — «Святый боже...» и «Сказание о страдании и скончании священномученика Павла епископа Коломенского».

6 (576). Сборная богослужебная рукопись, XVIII в. (конец) — XIX в. (60—70-е гг.), в 8-ку, 35 л., полуустав трех почерков, в картонном коленкоровом переплете. Содержит чин отпевания, службу по умершему, канон за единоумершего.

7 (577). Сборная рукопись, XIX в. (10-е гг. — посл. четв.), в 8-ку, 69 л., полуустав, переплет картонный, склеенный из документов 40-х гг.

⁵ Цифра в скобках — шифр рукописи Северодвинского собрания.

XIX в. Содержит стихи о исходе души от тела, о нынешних временах, слова Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Афанасия Александрийского и др.

8 (578). Служба и канон по умершим, XIX в. (30—40-е гг.), в 4-ку, 18 л., полуустан, в бумажной обложке.

9 (579). Сочинение об антихристе, XIX в. (2-я четв.), в 8-ку, 14 л., полуустан, переплет бумажный. На л. 2 запись: «Сия книга брата вашего Акифья Павлова, дарю в знак любви божия».

10 (580). Сборная рукопись, XIX в. (2-я половина), в 4-ку, 105 л., полуустан и скоропись, переплет картонный с кожаным корешком. На л. 97 приписка: «Федору Созонову Алексей Некрасов и Михайло Осокин сказали на поезде ис Питера: мы-де едем домой, в Топсу, хотим наставниками быть. Зриши ли, когда затеяно злое дело у топеских врагов божиих. Увы мне, горе мне, окаянному». Содержит старообрядческое сочинение о новоженгах, выписки об антихристе из Беседы 8-й протопопа Аввакума, о круге церковном и др.

11 (581). Сборник, XIX в. (30—40-е гг.), в 8-ку, 5 л., полуустан, без обложки. Содержит вопрос-ответ о полученных Иудой за Христа сребренниках, стих Иоасафа царевича о пустыне, стих-плач Адама.

12 (582). Чин исповедания и Чин крещения, XIX в. (2-я треть), в 8-ку, 79 л., полуустан двух почерков, переплет — доски в тисненой коже.

13 (583). Канон за единоумершего, XIX в. (30—40-е гг.), в 8-ку, 14 л., полуустан, в матерчатой обложке.

14 (584). Похвала Богородице (из Неба Нового), XIX в. (3-я четв.), в 8-ку, 2 л., полуустан, без обложки.

15 (585). Сборная рукопись, XIX в. (2-я четв.)—XX в. (начало), в 4-ку, 140 л., полуустан нескольких почерков, переплет работы И. С. Точилова — доски в тисненой коже. Содержит каноны, кафизмы, тропари и молитвы, вопрос-ответы типа Беседы трех святителей, епитимейник, Повесть о старце и бесе, пекущемся о ризном украшении, и др.

16 (586). Сборник, XIX в. (50—60-е гг.), в 8-ку, 116 л., полуустан двух почерков, переплет картонный, оклеенный бумагой, с кожаными уголками и корешком. На л. 1—3 об. пометы типа «проба пера» с упоминанием Карпа Григорьевича на Проломной улице, отца Якова Степановича, а на л. 2 об. более пространная запись: «Сказал мне москвитин Ан[тоний?] Сергеевич, ароновской учитель. Я спросил его, могу ли я спастися в федосиевом согласи или не могу. Он мне ответил: „Можеш спастися, как дела иметь будеш добрыя“. Я ему сказал: „Спаси и тябя господи и приведи в разум истинны“. Тем кончили». На л. 57 запись иным почерком о кончине Антония 4 июля 1894 г. Содержит слова Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста; Повесть о страннике и плачущей старице, от черного змия в пустыне потопляемой; послания протопопа Аввакума «братии на всем лице земном» и иноку Авраамию; Поучение Андрея Денисова о наказании нечестивцев, и др.

17 (587). Устав о христианском житии (фрагмент), XIX в. (60—70-е гг.), в 8-ку, 78 л., полуустан, без переплета.

18 (588). Письмо И. Леднева к приемлющим бессвященнословные браки, XIX в. (70—80-е гг.), в 4-ку, 28 л., полуустан, в бумажной обложке. На обложку использован «билет» на страховку от пожара, выданный в 1850 г. крестьянину дер. Никитинской Якову Калинину Худякову за подписью головы Гагарина. Там же читательская помета Евграфа Осокина. Список с печатного издания: Яссы, тип. А. Бергмана, 1865 (см. л. 13).

19 (589). Азбука. XIX в. (посл. четв.), в 8-ку, 16 л., полуустан, в бумажной обложке. На обложку использован фрагмент письма с датой 1829 г.

20 (590). «Отпусты на вся праздники господьския и богородичны», XIX в. (посл. четв.), в 16-ю долю, 10 л., полуустан, без обложки.

21 (591). Сборник, XIX в. (посл. четв.), в 4-ку, 17 л., полуустан, без переплета. Содержит: Слово Епифания Кипрского о христианском житии; Сказание о лестовке; Вопросы-ответы из книги Зиновия Отенского; выписки из Жития Андрея Юродивого, из Видения Григория, ученика Василия Нового; Исчисление прихода антихриста на 1870 г. и обмеры горы Афонской.

22 (592). Молитва Троице, XIX в. (посл. четв.), в 8-ку, 23 л., полуустан, без обложки.

23 (593). Азбука, XIX в. (посл. четв.), в 8-ку, 5 л., полуустан, переплет матерчатый.

24 (594). Слово священноинокa Феоктиста и фрагмент Месяцеслова, XIX в. (посл. четв.), в 4-ку, 21 л., полуустан, без переплета.

25 (595). Канон за единоумершую, XIX в. (конец), в 8-ку, полуустан, в бумажной обложке.

26 (596). Святцы лицевые, XIX в. (конец), в 4-ку, 6 л., полуустан, в бумажной обложке.

27 (597). Поучение против матерной брани и Стих о страстях господних, XIX в. (конец), в 8-ку, 12 л., полуустан, без обложки.

28 (598). Молитва Богородице и на очищение кладязя от скверны, XIX в. (конец), в 8-ку, 4 л., полуустан, без обложки.

29 (599). Полунощница воскресная, XIX в. (конец), в 8-ку, 16 л., полуустан, без обложки.

30 (600). Распоряжение Министерства внутренних дел губернаторам и градоначальникам от 11 марта 1901 г. о прекращении гонений на старообрядцев (копия), XX в. (начало), в 4-ку, 1 л., полуустан.

Рукописи, приведенные археографической экспедицией 1982 г.

1 (601). Часовник, XVIII в. (20-е гг.), в 8-ку, 150 л., полуустан, заставки выполнены черными чернилами; без обложки.

2 (602). Святцы (фрагмент, с июня месяца), XVIII в. (по пасхалии — 1721 г.), в 8-ку, 14 л., мелкий полуустан, без обложки. В оформлении использована киноварь.

3 (603). Цветник, XVIII в. (80—90-е гг.), в 4-ку, 114 л., полуустан, переплет — картон, с кожаным корешком. Содержит поучения, катехизис, сказание о сыне царском, об отречении еретиков от их ересей, похвалу крестившемуся, выписки о молитве всякого человека, о верах и о церкви его, поучение Иоанна Златоуста о молитве, Повесть о Варлааме и Иосафе (краткая редакция), Житие Алексея, человека Божьего, духовные стихи, вирши Симеона Полоцкого.

4 (604). Притча Иоанна Златоуста о дворе и о змие, XIX в. (40-е гг.), в 8-ку, 12 л., полуустан, без обложки.

5 (605). Сборник служебный, XIX в. (50—70-е гг.), в 8-ку, 138 л., полуустан, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя медными застежками. Содержит чин погребения человека, чин погребения младенца, литию, канон за единоумершего.

6 (606). Устав о христианском житии, XIX в. (посл. треть), в 8-ку, 185 л., полуустан, переплет — доски в тисненой коже со следами двух застежек.

7 (607). Псалтырь с воследованием, 1889 (?) г., в 4-ку, 337 л., полуустан, переплет — доски, обтянутые кожей, с двумя застежками. На л. 108 об. — миниатюра с изображением царя Давида.

8 (608). Псалтырь, XIX в. (конец), в 4-ку, 172 л., полуустав, переплет — доски, обтянутые кожей, с остатками одной застежки.

9 (609). Сборник служебный, XIX в. (конец)—XX в. (начало), в 4-ку, 207 л., полуустав, переплет картонный. Содержит избранные службы праздникам и святым, выписки из Великого Зеркала.

10 (610). Сборник, XX в. (10—20-е гг.), в 4-ку, 130 л., полуустав, переплет картонный. Содержит избранные службы праздникам и святым, выписки из Евангелия, а также поэму (нач.: «Орган приемлю мной забвенный, отру лежащу пыль на нем...»).

11 (611). Письмо В. В. Виноградова с Пертозера А. С. Матошину в с. Вознесенское от 23 апреля 1913 г., 2 л.

Н. И. НИКОЛАЕВ, А. А. САВЕЛЬЕВ, С. В. ФЕДОРОВ

Пинежская экспедиция 1981 г.

Археографическая экспедиция Отдела редких книг Научной библиотеки Ленинградского гос. университета работала в Пинежском районе Архангельской области в июле 1981 г. Археографическая деятельность ОРК НБ ЛГУ уже почти два десятилетия прочно связана с работой по разысканию древнеписьменных памятников, проводимой сотрудниками Древлехранилища им. В. И. Малышева Института русской литературы (Пушкинский Дом). Экспедиция 1981 г. была уже третьей поездкой на Пинегу.¹ Во время экспедиции были обследованы селения, входящие в Кеврольский сельсовет, куда в две предыдущие экспедиции выбраться по различным обстоятельствам не удалось. Тем самым участники трех экспедиций — 1979, 1980 и 1981 гг. — обследовали весь этот прежде богатый находками район среднего течения Пинеги, откуда в Древлехранилище с начала 1960-х годов поступало большинство рукописей, составивших Пинежское территориальное собрание Пушкинского Дома.

В первый же день работы в Кевроле сотрудники экспедиции получили две книги, оставшиеся от недавно умершего А. З. Пономарева. Книги принадлежали некогда местной Чухченемской Никольской церкви (ряд книг из этой церкви, в свое время разошедшихся среди местного населения, поступил от пинежан в книгохранилища Ленинграда еще в 1960-е годы). Это рукописный Синодик Чухченемской Никольской церкви, составленный в 60—70-е гг. XVIII в. (№ 563)² и первый том сочинения Куайе «История польского короля Яна Собеского» на французском языке.³

В 1962 г. во время первой археографической экспедиции Пушкинского Дома на Пинегу А. С. Демин и А. М. Панченко обнаружили в дер. Едома Синодик, составленный в 1862 г. священником Чухченемской церкви Прокопием Семеновым (№ 58).⁴ П. Семенов указал и использованные им письменные и печатные источники, среди которых названа «книжка рукописная — последование о усопших 1800 год». Этой «книжкой» и оказался Синодик, полученный в Кевроле. Скрепка на первых листах Синодика гласит: «Сия книга Чухченемской церкви писана священником о. Петром Карлиным около 1800 года».⁵ Текст Синодика 1862 г. в основном переписан из найденной в 1981 г. рукописи.

Помимо обычного своего состава Синодик XVIII в. содержит поминальные списки крестьянских родов прихода. Причем тот же Прокопий

¹ См. отчеты о предыдущих Пинежских экспедициях 1979 и 1980 гг. в «Трудах ОДРЛ», т. 36 и 37.

² Здесь и далее в скобках дается номер рукописи Пинежского собрания Древлехранилища.

³ Coquer G.-F. Histoire de Jean Sobieski, roi de Pologne. T. 1. Varsovie; Paris: Duchesne, 1761.

⁴ Демин А. С., Панченко А. М. Пинежская археографическая экспедиция 1962 г. — ТОДРЛ, М.; Л., 1964, т. 20, с. 401.

⁵ Имя П. Карлина встречается и в других рукописных материалах Пинежского собрания Древлехранилища (см., например, № 251 и 313).

Семенов, записавший в этом Синодике, что служит «в сем приходе с 1851 г. 1 февраля», пополнил в XIX в. эти списки и составил другой список — усопших прихожан с 1851 по 1883 г. Таким образом, благодаря этой находке мы получили интереснейший источник для изучения крестьянских родословных на Пинеге XVIII—XIX вв.

Том сочинения писателя эпохи просвещения аббата Куайе был подарен, как об этом свидетельствует дарственная надпись, отцу Прокопия Семенова — Алексею Афанасьевичу «философии студенту» в 1819 г. А в 1846 г. свой автограф на книге оставил тоже семинарист — «ученик философии Прокопий Семенов». В 1860 г. священник Прокопий Семенов сделал запись для следующего владельца: «Внуку его маленькому и сыну Алексею Прокопьевичу Семенову».

П. Семенов внес в Синодик XVIII в. и поминание своих родных. На первом месте стоит имя Игнатия, архиепископа воронежского и задонского (л. 37 об. и 55). Игнатий (1791—1850) — в миру Матвей Афанасьевич Семенов — родился на Пинеге, в Покшеньге, недалеко от Кевролы, в семье бедного пономаря.⁶ Он рано выдвинулся благодаря своим способностям; был учителем французского и греческого языков в Архангельской семинарии; быстро достиг высокого положения в церковной иерархии. Широко образованный человек, член нескольких ученых обществ, Игнатий оставил ряд исторических сочинений и краеведческих очерков. Писал он и по вопросам раскола.⁷ Просветительское снисхождение к старообрядцам времен Екатерины II сменилось в царствование Николая I резким усилением преследований. Игнатий, по долгу и убеждениям много полемизировавший и боровшийся со старообрядцами, все же в определенной степени противостоял нетерпимости карательной политики царского правительства по отношению к старообрядцам, когда писал о необходимости в первую очередь внимательного изучения их взглядов, их сочинений, призывал к сбору памятников старообрядческой рукописной традиции: «Нельзя, однако же, сказать и того, чтобы не можно было правильно узнавать расколы. Археографическая экспедиция, ученые общества, занимающиеся разысканием древностей, и частные любители — исследователи старины открыли множество неизвестных прежде письменных памятников в этом роде. У самих отделенцев наших есть старинные рукописи, кои берегутся, как особенное сокровище, как душа их, но и с охотою иногда объявляются ими самими, как скоро любопытствуют об них сторонние в духе участия, а не суда или осуждения, как и мы хотели всегда поступать с ними... Между тем весьма нужно и поспешить сбережением таких сведений из книг их и рукописей. Всеподающее время скоро истребит их может».⁸ Сам Игнатий «поспешил» и в бытность свою олонецким епископом собирал такие сведения. В ЦГИА (ф. 834, оп. 2) сохранилось несколько сборников, составленных Игнатием и содержащих разнообразные материалы по истории раскола, в частности копии старообрядческих сочинений.⁹ Можно думать, что такое терпимое, понимающее отношение к старообрядцам зародилось у Игнатия еще в детстве и потом укрепилось во время частых посещений Выгорецкого старообрядческого общежития, которое находилось на территории Олонецкой епархии.

⁶ Русский биографический словарь. Ибак — Ключарев. СПб., 1897, с. 49.

⁷ Артоболовский С. А. Игнатий, архиепископ воронежский и его пастырско-миссионерская деятельность: Историко-биографическое исследование. Уфа, 1904.

⁸ Игнатий (Семенов), архиепископ. История о расколах в церкви российской. 2-е изд. СПб., 1862, ч. 1, с. 8—9. Первое издание вышло в 1849 г.

⁹ См.: Описание рукописей, хранящихся в архиве св. правит. Синода. СПб., 1910, т. II, вып. 2, № 1664, 1666 (принадлежность этих двух сборников Игнатию указана С. А. Артоболовским), а также № 1645, 1658 (содержит копию Пятой челобитной протопопа Аввакума), 1661, 1665, 1668, 1676, 1690. Вероятно, Игнатию принадлежал также старообрядческий сборник XVIII в. (№ 1673), состоящий из сочинений, бытовавших на Выге.

Не забывал Игнатий и своей родины: неоднократно, вероятно, он посылал родственникам свои сочинения. Здесь же, в Кевроле, от Е. К. Пономаревой был получен сборник «Поучений при св. мощах святителя и чудотворца Митрофана Воронежского» Игнатия (СПб., 1848), в котором имеются пометы Прокопия Семенова о начале и окончании чтения книги в великий пост в 1857 г. В дер. Ваймуши А. Е. Нифантьева подарила копию середины XIX в. сказания Игнатия о явлении ему иконы Владимирской Богоматери (№ 567), а также «Пространный катихизис» кирилловской печати (с записью 1865 г. П. Семенова), созданный видным педагогом XVIII в. Ф. Я. Янковичем и изданный Комиссией об учреждении народных училищ в Москве в 1786 г. Если к сказанному добавить, что, например, в 1969 г. уже названный А. З. Пономарев передал археографам три рукописи второй четверти XIX в., происходящие, по-видимому, из Чухченемской церкви и связанные с деятельностью представителей семейства Семеновых (№ 404, 405 — упомянут священник Августин Семенов, 409),¹⁰ то перед нами раскрывается сложная картина циркуляции книг в крестьянской среде XIX в., сосуществования разных книжных пластов. Ведь в Кевроле издавна было крепкое старообрядчество (филипповского согласия). О давней книжной традиции свидетельствуют и два служебных сборника XVII и XVIII вв. (№ 561 и 564), полученных в Кевроле от А. Г. Кормачева, а также редкое гродненское издание 1781 г. «Службы и жития св. Николая Чудотворца», поступившее из близлежащей дер. Ваймуши от А. Т. Нифантьева, и происходящий из Кевролы певческий сборник XVII в. (№ 559), полученный в последний день работ экспедиции от Е. Н. Кыркаловой (дер. Шотова Гора). О строгости кеврольских наставников конца XIX в. рассказывала жительница дер. Еркино А. С. Порохина. Но еще большим авторитетом, по ее словам, из-за строгой жизни в то время пользовалось среди старообрядцев семейство Мельниковых из лежащей напротив Кевролы, на другом берегу Пинеги, дер. Айнова Гора.¹¹

Из Кевролы экспедиция двинулась вверх по течению Пинеги к Суре. В Кушкопале удалось получить в дар от М. Т. Стахеевой зафиксированный еще в 1979 г. сборник XVII в. со службами св. Георгию и св. Параскеве Пятнице (№ 560), а от А. Е. Худяковой Азбуку XIX в. (№ 566). Поход в дер. Еркино, так же как и в 1979 г., оказался безрезультатным.

В с. Веркола М. А. Чуркина передала нам сборник XVIII в. (№ 562), содержащий выписки о животворящем кресте и антихристе из Книги о вере. А. Д. Новикова подарила несколько печатных книжечек, находившихся некогда в библиотеке Веркольского мужского монастыря. Среди них — ряд антистарообрядческих провинциальных изданий начала XX в., отсутствовавших прежде в книжном собрании НБ ЛГУ.

В дер. Явзора А. М. Кунникова передала в дополнение к дару 1980 г. еще одну книгу, прежде принадлежавшую веркольскому наставнику И. А. Бурачкину. Это — Триод цветная (М., 1621), в прекрасном состоянии, с полным числом листов. В середину книги была вплетена рукопись XIX в. — крюковой канон Пасхе (№ 568).

В дер. Лавела у М. А. Богдановой был обнаружен Часослов (№ 565), одна часть которого — фрагмент издания XVIII в., а другая была дописана в 1838 г. пинежанином Василием Родионовым (год и имя писца были вписаны в один из орнаментов, украшающих книгу). От родственников жившей в дер. Касконем Анны Андреевны Родионовой¹² Н. Я. и

¹⁰ Демкова Н. С., Сазонова Л. И. Отчет о пинежской экспедиции 1969 г. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 26, с. 326.

¹¹ О рукописях, принадлежавших семейству Мельниковых, см.: Демин А. С., Панченко А. М. Пинежская археографическая экспедиция 1962 г., с. 400—403.

¹² О рукописях, переданных А. А. Родионовой археографам в 1969 г., см.: Демкова Н. С., Сазонова Л. И. Отчет о пинежской экспедиции 1969 г., с. 325—326.

М. И. Волковых был получен принадлежавший ей Пролог (1-я половина) (М., 1659), бывший некогда во владении Лавельской церкви Ильи-пророка, о чем говорит сделанная в 1834 г. запись.

В с. Суре в отличие от 1980 г. были получены лишь две поздние печатные книги, но обе связаны с местными вероисповедными брожениями начала XX в. Первая из них — единоверческая Минея служебная на май (второй половины XIX в.) — происходит из моленной австрийского согласия, устроенной в начале 1910-х гг. в доме М. Д. Никифорова (книга подарена его родственниками — М. К. и И. И. Никифоровыми, дер. Городецкое). Вероятно, это одна из двенадцати миней, общее число которых указано в описи имущества Городецкой Белокриницкой церкви, проведенной в июне 1921 г. (№ 362). В этой же описи М. Д. Никифоров назван попечителем общины. Вторая книга принадлежала Степану Даниловичу Никифорову, оставшемуся в поморском согласии. Именно от его сына — Василия Степановича — был получен «Щит веры» (М., 1913).

Находки экспедиции 1981 г., как и двух предыдущих, весьма скромные: 10 рукописей, 11 книг кирилловской печати, 4 гражданской и 1 книга XVIII в. на французском языке. Небольшое в количественном отношении число находок за время работы всех трех экспедиций следует объяснять только тем, что основной массив рукописей уже поступил в Древлехранилище к началу 1970-х годов.

Таким образом, теперь имеются уже достаточные основания, чтобы присоединиться к давно высказываемому пожеланию создать научное описание Пинежского территориального собрания Древлехранилища, по образцу блестящего исследования В. И. Малышева, посвященного устюжским рукописным сборникам XVI—XX вв.

Ниже публикуется краткое описание привезенных рукописей, составленное В. П. Бударагиным.

1 (559). Сборник певческий (крюковой), XVII в. (1-я треть), в 8-ку, 315 л., полуустав, переплет — доски в тисненой коже с одной новой застежкой. Скрепка по л. 1—13 скорописью: «Продал сию книгу Троицы Сергиева слуга Пятой Арбенева государеву крестьянину Чухченемские волости Ермоле, Зиновьеву сыну, и подписал своею рукою». Содержание: Ирмологий с Розниками; Обиход в составе Всенощного бдения, величаний, литургии Иоанна Златоуста, Обихода постного, Чина заздравной чаши, Чина обручения и т. п.; Октоих. Столповое знамя без киноварных помет, текст раздельноречный. Имеются указания на «Ии перевод», «Ии путь», «Знаменной» и «Кириллова монастыря» распевы.

2 (560). Сборник, XVII в. (3-я четв.), в 8-ку, 136 л., полуустав, переплет — доски в коже со следами двух застежек (сохранилась только нижняя доска). На л. 42 об. запись скорописью начала XVIII в.: «Сия книга церкви святого великомученика Георгия и святых великомученицы Парасковии, нареченная Пятницы, она книга не продана, не заложена». На л. 66 об.—67 приписки XVII—XVIII вв., на л. 89 обращение XIX в. к некоему благодетелю, у нижней доски переплета пометы типа «проба пера» и почерком писца — «Тимофея». Заставка на л. 67. Содержание: Служба Параскеве Пятнице; Служба Георгию Победоносцу (23 апреля); «Указ о великом мученице Георгии»; Служба на освящение храма св. Георгия (3 ноября); «Страсть» мученицы Парасковии Пятницы (28 октября); «Мучение» св. Георгия (23 апреля); Чудо св. Георгия о змие (23 апреля); Память освящения церкви св. Георгия в Киеве (26 ноября); Чудо св. Георгия о срациине (26 ноября); Чудо св. Георгия о иконе (26 ноября).

3 (561). Сборник богослужебный, XVII в. (конец), в 16-ю долю, 55 л., полуустав, переплет — доски с остатками одной застежки. Содержание: «Указ» в вечер недели пасхи; Тропарь и кондак Артемию Веркольскому; Евангельские чтения; «Указ» на пасху и евангельские чтения; Тропари воскресные; Тропарь Зосиме Соловецкому.

4 (562). Сборник, XVIII в. (2-я четв.), в 4-ку, 36 л., полуустав, переплетен в кожу. Заставка на л. 1 и концовка на л. 36 об. Содержание: «О животворящем кресте и о славе его и о пользе» (из Книги о вере, гл. 9); Фрагмент слова об антихристе; «О антихристе, и о кончине всего мира, и о страшном суде» (из Книги о вере, гл. 30).

5 (563). Синодик Чухченемской Николаевской церкви, XVIII в. (60—70-е гг.). в 8-ку, 96 л., полуустав и скоропись, переплет картонный с кожаными уголками и корешком. На л. 1—23 скрепа: «Сия книга Чухченемской церкви писана священником о. Петром Карлиным около 1800 года». Содержит несколько хронологических слоев записей: л. 1—54 об. — 1760—1770 гг.; л. 55 об.—84 — около 1800 г.; л. 86—91 об. — 1867—1883 гг. Содержит перечисление родов священников Чухченемской Николаевской церкви и крестьян близлежащих деревень, включает «Список усопших рабов божьих», прихожан Николаевской церкви с 1851 по 1883 г., собранный для поминовения переем Прокопием Семеновым в 1867—1883 гг.

6 (564). Сборник служебный, XVIII в. (80—90-е гг.), в 8-ку, 165 л., полуустав, переплет — доски в коже с остатками одной застежки. Содержание: Утренняя служба на всю «седмицу»; Кафизма 17-я; Стихиры Богородице, Богоявлению, кресту, Николе Чудотворцу и др.; Чин отпевания в светлую неделю; Указ патриарха Филарета о крещении униатов (гл. 71); Чин крещения; Слово Григория Нисского о исповедающихся; Поучение к детям духовным «о праведном житии»; Поучение к священникам и дьяконам о праведном житии; «Восследование усопшим в пяток вечер»; Чин погребения священникам и мирянам: выписки из Евангелия.

7 (565). Часослов (конволют), 1838 г., в 4-ку, 234 л., полуустав, переплет — доски в коже со следами двух застежек (верхняя доска не сохранилась). Часть листов представляет собой фрагмент старообрядческого издания конца XVIII в. Писец Василий Родионов. Записи: л. 177 — «1840-го года февраля 5 дня взят паспорт Кузмы Родионову, пошел в дорогу в Петербурх того же месяца 3-й день. Лета ему Софронову 23 лет. И прибыл в дом 1840 в ноября 25 дня, а повезли в салдаты декабря 4-го дня»; л. 182 об. — «1842 года ноября 4 дня выписаны братья Федот и Кузьма Софроновы, сыны Родионовы, на 2-ю опереть, а повезли из дому ноября ве 17 дня, а взят в солдаты Федот 28 ноября 1842-го лета, ему 30-той год»; ниже полустершаяся запись: «А угнан в похот 1844-го года июня 14 дня». Есть записи на л. 187 об., 193 об., 221 об., 234 (с датой 1838 г.).

8 (566). Азбука (фрагмент), XIX в. (70-е гг.), в 8-ку, 12 л., полуустав, без обложки. На л. 2 об., 3 пометы, на л. 7 — «Иван Самойлович Худяков», на л. 9 об. — помета 1879 г. «господина Лобанова».

9 (567). Сказание Игнатия архиепископа Воронежского и Задонского о явлении ему иконы Владимирской Богоматери (копия), XIX в. (середина), в 8-ку, 8 л., скоропись, без обложки. Сочинение 1847 г.

10 (568). Канон Пасхе (крюковой), XIX в. (конец), в лист, 5 л., полуустав, без переплета. Столбовое знамя без киноварных помет, раздельноречие. Была вплетена между л. 235—236 «Триоди цветной» (М., 1621). Из книг И. А. Бурачкина.

ХРОНИКА

Илья Михайлович Кудрявцев

(НЕКРОЛОГ)

Образ Ильи Михайловича Кудрявцева (1907—1982), образ большого, настоящего человека, еще живой стоит перед нами и продолжает учить нас, как надо жить, трудиться, отдавая всего себя любимому делу.¹

Илья Михайлович Кудрявцев был личностью, по которой можно было, как по эталону, проверять себя и других. Необычайная прямота, честность, принципиальность — вот те основные черты, которые он пронес через всю жизнь. Он был прямой и светлый, — таким он навсегда и останется в памяти его друзей, а врагов у него не было...

Родившись в одном из сел Подмосковья, он с детства полюбил родную природу и привык к крестьянскому труду. Большая семья его отца была на редкость талантлива и музыкальна. Илья Михайлович, его братья и сестры любили музыку и пение и сами обладали прекрасными голосами. Надо было слышать, как они пели свои родные русские песни! Любовь к песне Илья Михайлович сохранил до последних дней. Когда у него собирались друзья, они часто пели, и мягкий и сильный бас хозяина вел за собой всех.

Его голос был настолько хорош, что ему следовало бы стать артистом оперы, но судьба сложилась иначе. Болезнь лишила его возможности свободно двигаться. Окончив педагогический институт, он стал учителем. После войны, вернувшись из эвакуации, Илья Михайлович поступил в аспирантуру при Московском городском педагогическом институте им. В. П. Потемкина. Под руководством профессора Н. П. Сидорова, благодарную память о котором он сохранил на всю жизнь, он стал специалистом по древнерусской литературе. Его кандидатская диссертация, посвященная анализу Повести о стоянии на Угре, получила высокий отзыв специалистов и впоследствии была напечатана.

И. М. Кудрявцев всю свою жизнь проработал в Отделе рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина. Здесь он проявил себя как широко эрудированный ученый, мастер своего дела, сотрудник, внесший новую свежую струю в работу Отдела. Всем хорошо известен начатый по его инициативе огромный труд по описанию собраний рукописей Ленинской библиотеки. Ревностное отношение к своему труду награждало исследователя счастливыми находками: Илье Михайловичу удалось обнаружить в собрании Рукописного отдела считавшийся утерянным единственный список «Временника» Ивана Тимофеева; он же нашел в Вологде новый список первой пьесы русского театра XVII в. «Артаксерксово действо». Пьеса была изучена Ильей Михайловичем и издана с его комментариями. Научные работы И. М. Кудрявцева, печатавшиеся в «Трудах Отдела древнерусской литературы» и в других изданиях, отличались ясностью

¹ О значении трудов И. М. Кудрявцева см. статью А. С. Демина «Своеобразие источниковеда: (Размышления литературоведа над работами И. М. Кудрявцева)», напечатанную в «Записках Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина» (М., 1977, вып. 38, с. 5—12). Здесь же, в связи с 70-летием ученого, Ю. Д. Рыжовым и Л. В. Тигановой был опубликован список его работ (с. 12—14).

мыслей, четкостью формулировок, глубиной научно-исследовательского анализа.

Когда, потеряв зрение, И. М. Кудрявцев вынужден был уйти на пенсию, он продолжал помогать советами не только своим сотрудникам по Отделу, но и сотрудникам Сектора древнерусской литературы ИРЛИ, обращавшимся к нему за помощью. Благодаря огромной начитанности и исключительной памяти Илья Михайлович всегда мог подсказать, в какой рукописи встречается тот или иной текст, в каком собрании следует поискать интересующее исследователя произведение. Он неустанно и внимательно следил за научной жизнью и за жизнью родной страны, радовался успехам, огорчался неудачами.

Свое несчастье он переносил с редким мужеством. Он остался все тем же умным, добрым и сильным человеком, готовым при случае и пошутить, и посмеяться, и смело и решительно высказать правду в глаза каждому, кто, по его мнению, вел себя недостойно. Никто никогда не слышал от него жалоб на свое состояние. И в последние годы жизни он оставался таким же прекрасным могучим русским богатырем, настоящим человеком. Общение с ним было всегда радостью, оно вливало в человека новые силы, любовь к жизни, желание работать.

Илье Михайловичу была послана быстрая и легкая смерть, но сознавать, что его уже нет с нами, бесконечно тяжело и горько, и нет слов, чтобы выразить это горе...

О. А. Державина

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные... Археографической экспедицией.
 АИ — Акты исторические.
 АН СССР — Академия наук СССР.
 АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.
 АФЗиХ — Акты феодального землевладения и хозяйства.
 БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
 Брике — Briquet C. M. Les filigranes. Paris, 1907.
 ВИ — Вопросы истории.
 ВЛ — Вопросы литературы.
 ВМЧ — Великие Минеи Четьи, изд. Археографической комиссии.
 ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
 ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
 ГВЛ — Галицко-Волынская летопись.
 Гераклитов — Гераклитов А. А. Филигранны XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.
 ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
 ГЛМ — Государственный Литературный музей (Москва).
 ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
 ГРМ — Государственный Русский музей (Ленинград).
 ДАИ — Дополнения к актам историческим.
 ЖМНО — Журнал Министерства народного образования.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
 ИА — Исторический архив.
 ИЗ — Исторические записки.
 ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР (Москва).
 ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР.
 ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР.
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).
 Клепиков, Филigr. — Клепиков С. А. Филигранны и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959.
 КСИИМК — Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.
 ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
 Лихачев, Бум. мельн. — Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
 Лихачев, Вод. зн. — Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
 МДА — Московская духовная академия.
 НЛ, НЛЛ, НЛЛЛ, НЛЛЛЛ, НЛЛЛ, НЛЛ — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
 ОИДР — Общество истории и древностей российских.
 ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
 ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР.

- ТВЛ** — Повесть временных лет.
ПДП — Памятники древней письменности.
ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.
ППС — Православный Палестинский сборник.
ПНЛ, ПНЛ, ПНЛ — Псковские первая, вторая и третья летописи.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РИБ — Русская историческая библиотека.
РЛ — Русская литература.
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров.
СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
СПб. ДА — Санктпетербургская духовная академия.
СЛ, СЛ — Софийские первая и вторая летописи.
Срезневский, Материалы — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1—3. СПб., 1893—1912.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
Тромовин — Тромовин К. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге... М., 1844.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
ЧОЛДП — Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
<i>Буланин Д. М.</i> Из опыта работы над «Словарем книжников и книжности Древней Руси»	4

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ «СЛОВАРЯ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ»

Летописцы и историки XI—XVII вв.	18
Древнерусские летописи и хроники	100
Оригинальные и переводные жития Древней Руси	185
Четыре сборники Древней Руси	236
Список сокращений для «Словаря книжников и книжности Древней Руси»	274

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Творогов О. В.</i> (Ленинград). Описание и классификация списков сборника «Златоуст»	278
<i>Лурье Я. С.</i> (Ленинград). Из наблюдений над летописанием первой половины XV в.	285
<i>Николаев С. И.</i> (Ленинград). Новый список перевода «Разговора магистра Поликарпа со Смертью»	305
<i>Волкова Т. Ф.</i> (Сыктывкар). Работа автора «Казанской истории» над сюжетом повествования об осаде и взятии Казани	308
<i>Лаврентьев А. В.</i> (Москва). Ранний список Холмогорской летописи из собрания А. И. Мусяна-Пушкина	323
<i>Семенова Е. П.</i> (Ленинград). Об источниках «Повести преславной» С. И. Шаховского	335
<i>Солодкин Я. Г.</i> (Кустанай). Об адресате «Послания дворянина к дворянину»	341
<i>Казакова Н. А.</i> (Ленинград). А. А. Виннус и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию в 1672—1674 гг.	348
<i>Мазунин А. И.</i> (Ленинград). О времени пострига боярыни Ф. П. Морозовой	365
<i>Былинин В. К.</i> (Москва). О дате рождения Симеона Полоцкого	367
<i>Николаев С. И.</i> (Ленинград). Два стихотворца XVII века	371

НОВЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА АВВАКУМА

<i>Поньрко Н. В.</i> (Ленинград). Житие протопопа Аввакума как духовное завещание	379
<i>Вагнер Г. К.</i> (Москва). Рублевская традиция во взглядах на искусство Аввакума	388
<i>Чернов В. А.</i> (Свердловск). Несколько неточностей в изданиях сочинений Аввакума и Епифания	394
<i>Осипов Б. И.</i> (Москва). К вопросу об орфографии и пунктуации протопопа Аввакума (На материале Пустозерского сборника)	399
<i>Семаков В. В.</i> (Петрозаводск). О стилистической маркированности аориста и имперфекта в языке Жития протопопа Аввакума	404
<i>Тарланов З. К.</i> (Петрозаводск). Текстобразующая роль синтаксических конструкций в Житии Аввакума	410
<i>Бударганин В. П.</i> (Ленинград). О новых списках сочинений Аввакума в Древле-хранилище Пушкинского Дома	417

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением В. П. Бударagina)

<i>Бударагин В. П.</i> (Ленинград). Две экспедиции в Псковскую область	423
<i>Маркелов Г. В.</i> (Ленинград). Латгальские рукописные находки 1981 и 1982 гг.	426
<i>Грачева А. М., Есеева И. А., Захарова Е. Д.</i> (Ленинград). Археографические экспедиции на Северную Двину 1981 и 1982 гг.	444
<i>Николаев Н. И., Савельев А. А., Федоров С. В.</i> (Ленинград). Пинежская экспедиция 1981 г.	450

ХРОНИКА

<i>И. М. Кудрявцев</i> (Некролог)	455
К сведению авторов	457
Список сокращений	458